TAYLOR INSTITUTION
DOMI NUS ILLU
MINA TIO MEA

TAYLOR INSTITUTION
DOMI NUS ILLU
MINA TIO MEA

ИСТОРІЯ

СЕРБСКАГО ЯЗЫКА

ПО ПАМЯТНИКАМЪ, ПИСАННЫМЪ КИРИЛЛИЦЕЮ,

ВЪ СВЯЗИ СЪ ИСТОРІЕЮ НАРОДА.

СОЧИНЕНІЕ

А. Майкова.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1857.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, мая 31-го дня, 1857 года.

Ценсоръ, Н. Фонъ-Крузе.

Славянская наука, какъ и всякая другая наука, какъ и все, что растетъ и движется въ мірѣ нравственномъ и вещественномъ, имѣетъ свои возрасты, свои времена, свои переходы. Дѣло ученаго угадать современную пору своей науки и удовлетворить ея потребностямъ. Начавшись еще такъ недавно, всего въ половинѣ прошлаго столѣтія, и пойдя отъ общаго сознанія Славянства, отъ общаго пробужденія чувства народности, Славяновѣдѣніе совершило въ короткое время огромные успѣхи по всѣмъ отраслямъ народной жизни. Теперь оно находится въ порѣ частностей. Первоначальное общее сдѣлало свое дѣло: новая мысль пробуждена, направленіе дано, развитіе пошло въ ходъ; зерно пустило такъ глубоко корни, что исторгнуть ихъ уже невозможно. Славянамъ остается воздѣлывать новооткрытый у самихъ себя міръ, проводить сознаніе самобытности во всѣ его нравственныя явленія и строить цѣльное, размѣрное зданіе Славянства на началахъ, добытыхъ изъ глубины народнаго духа. Пора заключительнаго общаго, такого общаго, что истекало бы непосредственю изъ воспроизведенныхъ и живо сознанныхъ частностей, въ которомъ каждая отдѣльная частность получила бы свое мѣсто, свою мысль и отвѣтила бы согласію единства, еще не настала: она настанетъ тогда, когда все нужное вещество будетъ подготовлено, когда всѣ частности выйдутъ наружу и обработаются. Къ этому-то и клонится теперь Славянская дѣятельность. Замѣтимъ, что все рѣзко выдающееся въ области Славянской учености, все, что есть въ ней самого блестящаго, самого полезнаго и насущнаго для всякого образующагося Славянина, все это относится къ частностямъ, иногда мельчайшимъ, а иногда къ цѣлымъ, извѣстнымъ отдѣламъ ихъ. Напротивъ, всѣ попытки создать что нибудь общее не имѣютъ успѣха, или имѣютъ весьма малый. Отъ чего? Отвѣтъ простъ: отъ того, что общее не можетъ существовать безъ частнаго: надобно сначала приготовить частное, чтобы изъ него вышло общее. Самая продолжительная, самая скучная и утомительная пора есть пора частностей. Но она такъ же необходима для науки, какъ необходимо прочное основаніе для всякого зданія, которому предназначается долгій вѣкъ. Не смотря на постоянно-возрастающее число дѣятелей на поприщѣ Славяновѣдѣнія и быстро умножающіеся труды ихъ, не смотря на возникающія изъ тайниковъ своихъ сокровища древности, всякій, кто только пристально слѣдитъ за развитіемъ Славянской науки, или самъ принадлежитъ къ ея вкладчикамъ, согласится, что въ ней многія отдѣльныя части, особливо мелкія, обработаны довольно тщательно; но части этѣ суть еще membra disjecta, ожидающія творца, долженствующаго притти съ

вѣками, чтобы совокупить ихъ, вдохновить единымъ духомъ и оживить цѣльною, самостоятельною жизнію. Но до того времени главною задачею всякого Славяниста должно быть сколько можно успѣшнѣйшее воспроизведеніе недостающихъ частностей, пополненіе пробѣловъ. По временамъ слышатся у насъ возгласы противъ частностей. хотя бы обработанныхъ добросовѣстно, съ любовью и знаніемъ дѣла. Эти возгласы требуютъ общаго. Но общаго въ мірѣ нѣтъ, а есть единицы, слагающіяся въ общее и получающія свою важность по отношенію къ общему. Нельзя требовать общаго, отвергая частное. По этому подобные возгласы обличаютъ въ глашатаяхъ или полное непониманіе дѣла, противонаучный взглядъ, или умышленную недобросовѣстность.

Вполнѣ убѣжденный въ истинности сейчасъ изложенной мысли и зная, какъ въ многомъ еще нуждается Славянское языковѣдѣніе, и именно въ своемъ собственномъ, я избралъ предметомъ настоящаго изслѣдованія область Древнесербскаго нарѣчія, какъ одну изъ нужнѣйшихъ для современной науки. Опытъ, сдѣланный Шафарикомъ въ Древнечешскомъ нарѣчіи, показалъ всю важность ближайшаго и полнѣйшаго знакомства съ Славянскими нарѣчіями въ ихъ древнемъ состояніи. Для правильнаго и вполнѣ достойнаго развитія Славянскаго, какъ части общесравнительнаго Индоевропейскаго, языковѣдѣнія еще мало одного знанія нарѣчій въ ихъ современномъ состояніи, болѣе разобщенномъ, болѣе самоотдѣльномъ, болѣе несходномъ, чѣмъ въ старину: надобно знать и тотъ путь, который они, видоизмѣняясь, совершали до настоящаго времени. Путь этотъ, восходя въ старину, приближаетъ если не къ единству языка, ибо такъ далеко не можетъ онъ итти, за неимѣніемъ средствъ, то, по крайней мѣрѣ, къ тому состоянію нарѣчій, въ которомъ ихъ общее родство, ихъ семейное единеніе становится яснѣе, открытѣе, понятнѣе. На немъ предстанутъ глазамъ изслѣдователя многія починныя точки, отъ которыхъ продолжается дальнѣйшее движеніе отличительныхъ признаковъ, составляющихъ вмѣстѣ съ доисторическими особенностями самобытное достояніе нарѣчій, ихъ собственность, ихъ обликъ. Другихъ починныхъ точекъ, лежащихъ далѣе въ глубь старины, за предѣлами проложеннаго пути, едва ли когда можно будетъ достичь: но законъ наведенія убѣждаетъ, что въ прадавнихъ вѣкахъ пути нарѣчій сходились всѣ вмѣстѣ къ одной точкѣ, къ одному цѣльному Славянскому языку. Исторія не помнитъ общаго безразличнаго Славянскаго языка, но хорошо знаетъ то состояніе Славянскихъ нарѣчій, въ которомъ они ближе сходились между собою, удерживая нѣкоторыя первичныя свойства праязыка. Кто же станетъ отвергать важность и необходимость изслѣдованія такихъ путей, которые, съ одной стороны, приближая къ образу единаго, цѣльнаго, исконнаго языка, съ другой, указывая тѣ свойства, которыя выставляло и усиливало каждое нарѣчіе для своего высобленія, поясняютъ и современную сущность Славянскихъ нарѣчій?

Въ выборѣ предмета я соображался со средствами, которыми могъ пользоваться, ибо чѣмъ счастливѣе обстановка, тѣмъ удачнѣе предпріятіе. Къ сожалѣнію, не всѣ Славяне ведутъ между собою то взаимное тѣсное общеніе, ту круговую мѣну, которыя давали бы ученымъ возможность равно успѣшно обработывать любой предметъ на разныхъ концахъ Славянскаго міра. Эта возможность тогда настанетъ, когда древнія сокровища, которыми владѣетъ каждое племя, пойдутъ въ огласку и сдѣлаются общедоступными; а теперь пока каждый долженъ

пользоваться тѣмъ, что у него есть подъ рукою и чему наиболѣе способствуютъ мѣстность и время. Я старался окружить себя возможно большимъ числомъ источниковъ; нѣкоторыхъ, конечно, мнѣ недоставало, но недоставало отъ того, что рѣшительно не было возможности пріобрѣсти ихъ. Въ отношеніи таковыхъ я не беру на себя отвѣтственности; я работалъ по тому, что было для меня доступно. По мѣрѣ полученія новыхъ источниковъ, я вводилъ ихъ въ рукопись а къ напечатанному подлиннику, присоединялъ въ видѣ дополненій.

Предѣлы моего изслѣдованія обозначаются сами собою, естественнымъ образомъ. Изстари въ Сербскомъ племени ведется невыгодное внутреннее разложеніе, нарушающее связь единства и подкапывающее народныя силы и народную самостоятельность. Изстари Сербія служила полемъ, на которомъ сталкивались и боролись два начала, Западное и Восточное. Вѣроисповѣдныя и государственныя отношенія раздѣлили Сербію на двѣ половины, изъ коихъ одна склонилась къ Западному началу, другая осталась вѣрною стародавнему Восточному. Несчастная середина этого поля, наиболѣе выносившая на себѣ борьбу двухъ могущественныхъ началъ, Босна, не склонившаяся окончательно ни къ тому, ни къ другому, болѣе всѣхъ утратила силы и до сихъ поръ, подъ гнетомъ чуждаго Европейскому Западу и Востоку Азіятскаго начала, лежитъ какъ трупъ, лишенный духа самобытности, духа жизни. Раздѣленіе отразилось и въ судьбахъ языка, даже въ самой внѣшней его части—азбукѣ. Съ различіемъ азбукъ соединено и различіе коренныхъ началъ. Ограничившись Кириловскимъ письмомъ, я въ то же время ограничился чертою, проникающею гораздо глубже въ народное существо и сходящеюся съ чертою вѣроисповѣднаго, государственнаго и гражданскаго быта. Но въ самой Кириловской письменности есть два главные отдѣла, одинъ духовно-созерцательный и нравственный, другой государственно-гражданскій; въ одномъ преобладаетъ языкъ Церковнославянскій, истекающій изъ того хранилища плодовъ духовной и умственной дѣятельности, изъ котораго почерпали Сербы убѣжденія Вѣры и нравственности и пищу для ума; въ другомъ преобладаетъ языкъ народный, которому проводникомъ служили дѣла житейскія и соображенія правительственныя. Я избралъ послѣдній. Наконецъ судьбы народныя, окончательно измѣнившіяся съ исходомъ XV-го в., повлекшія за собою переворотъ во всемъ народномъ составѣ и наложившія свою печать на все его нравственное существо, полагаютъ временный предѣлъ и моему изслѣдованію: оно оканчивается вмѣстѣ съ паденіемъ Сербіи.

Избранный мною отдѣлъ Сербокириловской письменности замѣтно отличается отъ другаго отдѣла какъ по языку, такъ и по содержанію. Языкъ его преимущественно народный съ необходимою примѣсью Церковнославянскаго: содержаніе его историческое. Съ какими признаками являлось въ старину Сербское нарѣчіе; какъ постепенно все болѣе и болѣе отклонялось оно къ самоличности; и какъ, въ какой мѣрѣ, воспринимало въ свою письменность Церковнославянское начало: вотъ главнѣйшіе вопросы изслѣдованія повременныхъ судебъ Древнесербскаго языка на почвѣ самостоятельнаго развитія. Что новаго вносятъ и что стараго подтверждаютъ, или опровергаютъ избранные памятники въ жизни народа государственной и гражданской, и какъ явленія языка объясняются явленіями историческими: вотъ главнѣйшіе вопросы историческіе. Самостоятельный народъ живетъ

всею совокупностію своихъ жизненныхъ силъ; эта цѣльность бытія отражается и въ его языкѣ: она должна отражаться и въ трудахъ ученыхъ. По этому мой трудъ естественно распадается на два отдѣла: историческій и языкословный. Въ первомъ я излагалъ событія въ связной ихъ послѣдовательности, руководствуясь тѣмъ, что было доселѣ сдѣлано по этой части и распространяясь въ подробностяхъ тамъ, гдѣ нужно было пріурочить встрѣтившійся памятникъ и дополнить, подтвердить, или измѣнить, на основаніи его достовѣрности, то, что доселѣ было сдѣлано по другимъ даннымъ. Здѣсь разрѣшены нѣкоторыя недоразумѣнія и подняты новые вопросы. Во второй главною моею задачею было прослѣдить измѣняющееся по вѣкамъ и областямъ состояніе Древнесербскаго языка, отличить его собственные признаки отъ привносовъ другой, Церковнославянской, стихіи, и по первымъ опредѣлить степень движенія, которое онъ совершалъ вмѣстѣ съ другими Славянскими нарѣчіями, отвѣчая общеславянскому движенію и своимъ собственнымъ личнымъ потребностямъ. Сравнительные пріемы допущены мною лишь тамъ, гдѣ я считалъ ихъ необходимыми не столько для сторонняго противня, сколько для поясненія и опредѣленія тѣхъ уклоненій отъ первоначальника и собратій, какія сдѣлалъ Сербскій языкъ, достигнувъ конца XV-го вѣка и обозначивъ впередъ ту особь, какою онъ явился въ наше время. Какъ повсюдной самостоятельной обработки исторической части, такъ и сравнительнаго, въ полномъ смыслѣ этого слова, изученія Древнесербскаго языка я не принималъ на себя, довольствуясь, въ отсутствіи памятниковъ, одною историческою нитью и ограничиваясь одними явленіями Древнесербскаго языка, когда они были понятны сами по себѣ. Общесравнительные пріемы ставятъ всѣ нарѣчія въ одинъ уровень, въ равномѣрное взаимное отношеніе; каждое изъ нихъ является только долею общаго ученія о звукахъ и слово-движеніи; я же, имѣя въ виду одно разсматриваемое нарѣчіе, опредѣленное сверхъ того извѣстнымъ письмомъ, мѣстомъ и временемъ, долженъ былъ выставлять его передъ другими, какъ главный предметъ изслѣдованія, чтобы подготовить такимъ образомъ лишнюю частицу почвы, на которой должно со временемъ возродиться общеславянское сравнительное языкоученіе. Я держался мысли, высказанной выше.

Но изслѣдованіе Древнесербскаго языка, кромѣ собственной исторической важности этого языка, имѣетъ еще особое значеніе для письменности Славянъ Грековосточнаго исповѣданія. Такъ какъ языкъ Древнебулгарскихъ рукописей, при перепискѣ ихъ въ другихъ православныхъ земляхъ, подчинялся вліянію туземнаго нарѣчія, то, когда возстановлены свойства и признаки Древнесербскаго языка съ ихъ повременнымъ движеніемъ и при томъ въ Кириловскомъ письмѣ, тогда уже легко опредѣлить степень вліянія, оказаннаго этимъ языкомъ на Древнебулгарскую письменность и ярче обозначить въ ней особенности, составляющія такъ называемый Сербскій изводъ.

На сколько удачно исполнена мною предположенная задача, это рѣшитъ судъ знатоковъ, отъ которыхъ, какъ истинныхъ цѣнителей, я желалъ бы услышать правдивый приговоръ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

Народные Сербскіе памятники, писанные Кириллицею и подлежащіе нашему изслѣдованію, не разнообразны, но довольно многочисленны. Это суть надписи на монетахъ и печатяхъ, грамоты и Законникъ Душановъ.

Монеты и печати составляютъ скудный источникъ для исторіи и языка. Онѣ, конечно, могутъ быть сами по себѣ предметомъ любопытныхъ изслѣдованій ученыхъ, но для насъ важны только надписи, на нихъ находящіяся и переданныя или прямо въ снимкахъ, или въ такихъ описаніяхъ и изслѣдованіяхъ, которыя ручаются за достовѣрность передаваемыхъ ими надписей. Такъ какъ печати и преимущественно монеты носятъ не рѣдко Латинскія надписи, то, само собою разумѣется, съ этѣми послѣдними мы не будемъ имѣть дѣла: до насъ касаются лишь надписи, сдѣланныя на Сербскомъ языкѣ.

Еще въ началѣ прошлаго столѣтія *монеты* Сербскія стали обращать на себя вниманіе нумизматовъ. По этому случаю описанія нѣкоторыхъ изъ нихъ вошли въ ученые труды, посвященные этой отрасли человѣческихъ познаній. Но одни ученые, какъ-то: Бандури, Мураторя, Аргелати, Аппель и Іоахимъ, разсматривали только весьма немногія Сербскія монеты, описанія коихъ составляютъ въ ихъ сочиненіяхъ, относящихся къ монетамъ другихъ странъ, самую незначительную частицу. Другіе же ученые, каковы: Занетти и Нани, обращали свои изслѣдованія преимущественно только на Сербскія монеты, что видно уже изъ самого заглавія ихъ сочиненій, ибо первый писалъ «De nummis regum Mysiae seu Rasciae», а второй «De duobus imperatorum Rassiae nummis». Въ концѣ того же вѣка Раичъ въ своей Исторія Славянскихъ народовъ помѣстилъ два снимка съ двухъ монетъ деспота Юрія Бранковича [1]. Какъ прошедшее столѣтіе ознаменовалось трудами однихъ только иностранныхъ ученыхъ по части Сербской нумизматики, такъ нынѣшнее столѣтіе видитъ уже однихъ Славянскихъ ученыхъ, трудящихся на томъ же поприщѣ. Описанія Сербскихъ монетъ, въ большемъ, или меньшемъ количествѣ, и ученыя изслѣдованія о Сербскихъ монетахъ, въ текущемъ вѣкѣ, сдѣланы Давыдовичемъ, Светичемъ, Луценбахеромъ, Стоячковичемъ и Спирою Поповичемъ [2]. Труды всѣхъ этихъ и вышеупомянутыхъ ученыхъ заключились обширною статьею о Сербскихъ монетахъ, съ присовокупленіемъ Булгарскихъ, Яна Шафарика, помѣщенною съ дополненіемъ въ III-й и V-й ч. «Гласника» [3]. Я. Шафарикъ воспользовался трудами почти всѣхъ своихъ предшественниковъ и, сверхъ того, самъ описалъ вновь много Сербскихъ монетъ, ему доступныхъ, хранящихся въ различныхъ собраніяхъ частныхъ и общественныхъ. Къ своей статьѣ онъ приложилъ 128 снимковъ съ монетъ Сербскихъ, Булгарскихъ и Венеціянскихъ, изъ которыхъ

---

[1] Исторія Славянскихъ народовъ, наипаче Болгаръ, Хорватовъ и Сербовъ. Вѣна, 1794. 4 ч. Я всюду слѣдую второму изданію, въ Пештѣ, 1823. 4 ч. См. ч. III, стр. 168.

[2] Гласникъ Дружтва Србске Словесности. Свезка I. У Веограду, 1847.

[3] Гласникъ. Св. III, 1851. Св. V, 1853.

большинство принадлежитъ первымъ. (Ко вторымъ относятся только 12 снимковъ, а къ послѣднимъ всего 2). Въ предисловіи указаны нѣкоторыя замѣчательныя монетохранилища и исчислены всѣ извѣстныя автору сочиненія, относящіяся къ тому же предмету. Вотъ почему, упоминая объ ученыхъ его предшественникахъ, я не приводилъ заглавія ихъ сочиненій, мѣсто и время появленія ихъ: то и другое читатели могутъ найти въ означенной статьѣ Я. Шафарика. Замѣчу только, что у него пропущены извѣстія знаменитаго его дяди, Павла Шафарика, и описаніе С. Поповича, о которомъ я упомянулъ выше. П. Шафарикъ сообщилъ извѣстія о монетахъ короля Владислава, царя Душана, Вукашина и деспота Юрія Бранковича[1]. С. Поповичемъ описаны монеты королей Владислава, Уроша I, Драгутина, Милутина, Стефана Дечанскаго, короля, а потомъ царя, Стефана Душана, деспотовъ Стефана Лазаревича и Юрія Бранковича. Но хотя означенныя два описанія пропущены Я. Шафарикомъ въ его исчисленіи предшествовавшихъ сочиненій, и даже ни разу не упомянуты въ продолженіи всей его статьи; однако, нѣтъ сомнѣнія, что самыя монеты вошли въ его статью и, сверхъ того, большая часть ихъ, если только не всѣ, переданы въ снимкахъ, ибо не только монеты обоихъ были ему извѣстны, но даже второй составлялъ свое описаніе Сербскихъ и Булгарскихъ монетъ по указаніямъ самого же Яна Шафарика. Вотъ почему статью послѣдняго я принимаю за полнѣйшій источникъ Сербскихъ монетныхъ надписей и не привожу монетъ, описанныхъ его предшественниками, какъ такихъ, которыя уже вошли въ его описаніе. За годъ слишкомъ до Я. Шафарика Сербскихъ монетъ коснулся Я. Я. Рейхель, котораго статья, вмѣстѣ съ примѣчаніями П. С. Савельева напечатана въ 1-мъ томѣ Записокъ Археологическо-Нумизматическаго Общества за 1849 годъ. Но Я. Шафарикъ не зналъ объ этой статьѣ и не воспользовался новыми, ему неизвѣстными, екземплярами Сербскихъ монетъ. Наконецъ, послѣдняя по времени статья, касающаяся между прочимъ Сербскихъ монетъ и извѣстная мнѣ по рукописи, принадлежитъ О. М. Бодянскому и написана имъ, въ видѣ письма къ Графу С. Г. Строганову, по случаю появленія предыдущей статьи г. Рейхеля. Она распадается на двѣ части, изъ коихъ въ первой сочинитель повѣряетъ изслѣдованія г. Рейхеля о нѣкоторыхъ Булгарскихъ и Сербскихъ монетахъ и во многомъ исправляетъ его, или не соглашается съ нимъ; во второй онъ излагаетъ свое мнѣніе о *златѣ* и *сребрѣ* Владимировомъ. Въ обѣихъ этѣхъ статьяхъ до насъ относятся, разумѣется, только однѣ монеты Сербскія. Въ статьѣ г. Рейхеля находимъ нѣсколько таковыхъ, но число ихъ гораздо менѣе числа, выставленнаго у Я. Шафарика. Есть нѣкоторые сходные екземпляры у того и другаго; есть и такіе, которыхъ нѣтъ у Я. Шафарика, на пр., монета князя Лазаря съ надписью **кнꙁь лаꙁрь**. Но, сличая екземпляры г. Рейхеля съ подобными у Я. Шафарика, мы замѣчаемъ, что вообще у г. Рейхеля екземпляры не такъ ясны, или же г. Рейхель не вѣрно читаетъ ихъ. Это видно и изъ статьи О. М. Бодянскаго, у котораго, мы знаемъ, находятся превосходные екземпляры старинныхъ Сербскихъ монетъ, на основаніи коихъ онъ во многомъ исправляетъ чтеніе г. Рейхеля. Жаль, что статья г. Бодянскаго, писанная только по поводу другой и, подобно этой, не имѣвшая своимъ главнѣйшимъ предметомъ описанія однѣхъ только Сербскихъ монетъ, не могла представить всего количества этѣхъ монетъ, хранящихся у ея автора, что было бы весьма желательно для всѣхъ, занимающихся Славянскою нумизматикою. Намъ пока остается пользоваться тѣми Сербскими

---

[1] Jahrbücher der Literatur. Wien. 1831, 53. Anzeige-Blatt. N 1.—Serbische Lesekörner. Pesth. 1833. стр. 9, N 5.

надписями, которыя представлены въ трехъ послѣднихъ статьяхъ: Я. Я. Рейхеля, Я. Шафарика и О. М. Бодянскаго.

Печати бѣднѣе монетъ и снимками и описаніями. Извѣстные мнѣ снимки съ печатей, носящихъ Сербскія надписи, и описанія, приводящія таковыя надписи, находятся: въ сочиненіи Авраамовича о Святой Горѣ [1], гдѣ сняты 10 печатей, привѣшенныхъ къ дарственнымъ грамотамъ Сербскихъ Государей; у Шимка, приложившаго къ своей Исторіи Босны и Сербіи [2] печать короля Твртька, 1444 г., и деспота Юрія, 1449 г.; у Ранча, помѣстившаго въ началѣ III-й части своей Исторіи снимокъ съ печати Лазаря, той самой, которая изображена въ «Угорскомъ Магазинѣ» [3]; въ «Сербо-Далматинскомъ Магазинѣ» [4], гдѣ описаны печати Стефана Лазаревича и Уроша V; у Милутиновича, снявшаго печать Ивана Черноевича [5]; въ «Споменикахъ» [6], гдѣ описана печать Вукашина и снята печать Стефана Вукчича Косачи; въ Гласникѣ [7], гдѣ описаны двѣ печати: одна Уроша III и другая Уроша V. Сюда же можно отнести изображеніе печати деспотицы Ангелины, находящееся у Юлинаца [8], Ранча [9], въ «Забавникѣ» Давыдовича [10], и у Яна Шафарика [11].

Обильнѣйшимъ источникомъ *для* исторіи и языка служатъ *грамоты*. До 200 слишкомъ грамотъ уже напечатано; неизвѣстно, какъ велико число не напечатанныхъ; но, судя по нѣкоторымъ извѣстіямъ и предположеніямъ, можно догадываться, что едва ли не бóльшая половина еще остается подъ спудомъ. Я укажу на тѣ изданія, которыми могъ пользоваться. Сдѣсь первое мѣсто занимаютъ Спомeники, которые содержатъ 180 различныхъ грамотъ, начиная съ древнѣйшей, бана Кулина, 1189 года, до грамоты Юрія Бранковича, 1689 года, и, слѣдовательно, обнимаютъ пространство времени въ четыреста лѣтъ. За ними слѣдуетъ Авраамовича «Описаніе Сербскихъ древностей на Аѳонѣ». Кромѣ выписокъ и указанія на значительное число грамотъ, хранящихся въ Аѳонскихъ монастыряхъ, Авраамовичъ напечаталъ 20 грамотъ вполнѣ, между которыми, по старшинству и важности, замѣчательнѣе другихъ грамота великаго жупана Немани. Она же перепечатана безъ всякихъ перемѣнъ (кромѣ исправленной опечатки: тинги, вм. тнинги,) въ другомъ сочиненіи Авраамовича, «Света Гора», вмѣстѣ съ отрывками изъ типика Св. Савы и исчисленіемъ грамотъ, хранящихся въ Хиландарскомъ монастырѣ [12]. Въ «Голубицѣ» [13] на 1839 годъ (часть I) напечатано 7 грамотъ, которыя вошли въ Споменики [14]. Въ Голубицѣ на 1840 годъ (часть II) напечатаны двѣ копіи, одна съ

[1] Описаніе древностій Србски у Светой (Атонской) Гори. У Београду, 1847.
[2] Schimek's politische Geschichte des Königreichs Bosnien und Rama. Wien, 1787.
[3] Ч. IV, стр. 10. Engel, Geschichte von Serbien und Bosnien. Стр. 336.—Wien. Jahrb. der Lit. Anz. Bl. N 35.
[4] Сербско-Далматинскій Магазинъ, 1844, у Задру; 1851, у Загребу. Изд. Николаевичемъ.
[5] Исторія Церне-Горе. У Бѣограду. 1835.
[6] Србскіи Споменицы или старе рисовулѣ, дипломе, повелѣ, и сношенія Босански, Сербски, Херцеговачки, Далматински, и Дубровачки Кралѣва, Царева, Банова, Деспота, Кнезова, Войвода и Властелина. Собраны Павломъ Карано-Твртковичемъ. Часть первая. Въ Бѣлградѣ, 1840. См. стр. 77, N 62 и стр. 207, N 120.
[7] Свезка II. У Београду, 1849.
[8] Краткое введеніе въ исторію происхожденія Славеносербскаго народа, сочинено и изъ разныхъ авторовъ нотами изъяснено Павломъ Юлинцемъ. 1765. Стр. 123.
[9] Часть III, стр. 333.
[10] Забавникъ за годину 1821. Вѣна. N 4.
[11] Гласникъ, св. III, табл. VIII, N 88.
[12] Света Гора са стране вере, художества и повестнице. У Београду, 1848.
[13] Голубица съ цветомъ книжества Србског. Изд. Григор. Возаровичемъ. Въ Бѣлградѣ.
[14] NN 1, 53, 54, 55, 56, 146, 160.

грамоты царя Душана, 1351 года, апрѣля 26, индиктъ 1, другая съ хрисовула султанши Мары, 1479 г., 15 Апрѣля, инд. 5. Тироль напечаталъ грамоту Стефана Уроша отъ 1357 года, 10 апрѣля [1], которая была перепечатана въ «Лѣтописѣ» 1838 года [2] и, наконецъ, вошла въ Споменики подъ № 46. Павелъ Юлинацъ напечаталъ въ своей книгѣ грамоту деспотицы Ангелины съ сыновьями, деспотами Юріемъ и Иваномъ, 1496 года, ноября 3 [3]; она же вошла въ Споменики подъ № 178. У Миклошича, въ его изданіи одного Слова Іоанна Златоустаго, находимъ грамоту Милутина 1305—1307 года. [4] Въ Гласникѣ [5] помѣщены грамоты: Уроша V, 1358 г., іюня 2, царицы Мары, 1479 г., апрѣля 15, напечатанная прежде въ Голубицѣ, Іоанна Бранковича, 1499 г., іюля 23, и др. позднѣйшія. Іоакимъ Вуичъ издалъ въ своемъ «Путешествіи» [6] три грамоты: дарственную грамоту Стефана Первовѣнчаннаго (1222—1228 г.), изсѣченную на стѣнѣ Жичанской церковной башни, князя Лазаря, 1380 г., и патріарха Спиридона, 1385 г., мая 16, инд. 2. Давыдовичъ въ «Сербскихъ Новинахъ» [7] издалъ грамоту Дабыши, 1395 г., апрѣля 26. Магарашевичъ напечаталъ въ Лѣтописѣ [8] Жичанскую грамоту, но, какъ и Вуичъ, съ большими ошибками. Павелъ Соларичъ [9] напечаталъ грамоту Дабыши, вошедшую потомъ въ Споменики подъ № 179. Милутиновичъ, въ своей Исторіи Черногоріи, напечаталъ грамоты: Ивана Черноевича, 1485 года, генваря 4, и 1482 года, и др. позднѣйшія. Въ Сербо-Далматинскомъ Магазинѣ напечатаны грамоты: Милешевская деспота Стефана Лазаревича, по видимому, не совсѣмъ точно, Уроша V, 1357 г., апрѣля 10, та самая, которая была напечатана въ Спомениках подъ № 46, султана Баязида, 1492 г., ноября 15, и др. поздн. [10] Въ «Загребскомъ Архивѣ» изданы латинскими буквами двѣ Боснійскія грамоты королей Остои, 1400 г., декабря 8, и Ѳомы, 1443 г., августа 22, (съ facsimile). [11] Шафарикъ въ своей книгѣ «Serbische Lesekörner» [12] предложилъ отрывки изъ грамотъ: Жичанской Стефана Первовѣнчаннаго (по весьма точному списку), двухъ Стефана Душана отъ 1347 г. (по списку XVI вѣка) и 1348 г. (съ fac simile), изъ коихъ первая вполнѣ напечатана у Авраамо-

---

[1] Въ Бѣлградѣ подъ заглавіемъ: Проба штампаня стары диплома Србски Царева, Кралѣва и Деспота, Босански Кралѣва и Банова и Дубровачки Властелина.

[2] Лѣтописъ, 1838, ч. II, стр. 40.

[3] Краткое введ. въ Исторію и пр., стр. 120.

[4] S. J. Chrysostomi Homilia in ramos palmarum. Ed. Miklosich. Windob. 1845. Фарлати въ Illyricum Sacrum t. VII, p. 57, сдѣлалъ переводъ этой грамоты съ Итальянскаго на Латинскій языкъ, но невѣрно отмѣтилъ 1310 годомъ. Миклошичъ критически назначилъ ей время между 1305 и 1307 годами.

[5] Свез. I. 1847. II, 1849. V, 1853.

[6] Путешествіе по Сербіи. У Будиму. 1828. Стр. 71—76, 141—154.

[7] Новине Сербске изъ града Віене. 1815, 3 Сент, N 195.

[8] Лѣтописъ 1828, ч. II, стр. 9—22.

[9] См. Шафарика въ Wiener Jahrbücher 1831, 53. Anz. Bl. N 38. — Рейца, Политическое устройство и права прибрежныхъ островов и городовъ Далмаціи, въ сборникѣ Валуева, М. 1846. Стр. 125.—Zemljopis i poviestnica Bosne, od slavoljuba Bosnjaka. U Zagrebu, 1851. Стр. 110. Грамота издана Соларичемъ въ Венеціи 1815 г. подъ заглавіемъ: Objasnenije ko snimku diploma Stefana Dabisce.

[10] За лѣто 1844 (IX година), у Задру. За лѣто 1851 (XVI год.), у Загребу.

[11] Arkiv za povēstnicu Jugoslavensku. Uredio Ivan Kukuljević Sakcinski. Knjiga II, razdēl I. U Zagrebu, 1852.

[12] Serbische Lesekörner oder historisch-kritische Beleuchtung der Serbischen Mundart von P. I. Schaffarik. Pesth. 1833.

вича подъ № 11, Вука Бранковича, 1371 г., царя Лазаря, 1381 г., и Стефана Томашевича, 1458 г. (по списку половины XVI вѣка). В. С. Караджичъ, въ предисловіи къ своему Словарю[1], помѣстилъ другой небольшой отрывокъ изъ грамоты царя Лазаря, 1381 года. По списку же Вука, сдѣланному для графа Н. П. Румянцова, А. Х. Востоковъ, въ «Описаніи Румянцовскаго Музея» (№ LXXIX), напечаталъ начало двухъ грамотъ, Хиландарской Душана, 1348 г., и Раваницкой Лазаря, 1381 года. В. И. Григоровичъ въ своемъ «Путешествіи по Европейской Турціи»[2] представилъ образцы Сербскихъ грамотъ, но, къ сожалѣнію, перемѣшалъ ихъ съ Рускимъ языкомъ. Наконецъ, въ 1851 г. Шафарикъ, въ своихъ «Памятникахъ древней письменности южныхъ Славянъ»[3], въ отдѣлѣ: Okázky občanského písemnictwí, напечаталъ 17 Сербскихъ грамотъ, изъ коихъ только одна обнародована имъ въ первый разъ: это отрывокъ изъ неизвѣстной Дубровницкой грамоты (№ II). Прочія грамоты были уже извѣстны прежде: Жичанская (№ VII) изъ Лѣтописа, Вучичева Путешествія и отрывка, помѣщеннаго Шафарикомъ въ Serbische Lesekörner; грамоты: Поповской Общины (№ I), Кулина (№ IV), Нинослава (№ VI), Андрея Хлумскаго (№ VIII), короля Радослава (№ IX), Дубровничанъ (NN№ X, XIV, XV, XVI, XVII), Владислава (NN№ XI, XII, XIII) и Радослава Хлумскаго (№ XVIII) напечатаны въ Спомепикахъ подъ NN№ 11, 1, 5, 4, 2, 3, 8, 12, 16, 19, 7, 6, 9, 20. Грамота Немани (№ V) два раза напечатана Авраамовичемъ (№ 1). И. И. Срезневскій, разбирая изданіе Шафарика въ «Извѣстіяхъ Императорской Академіи Наукъ»[4], напечаталъ грамоту бана Кулина по подлиннику, хранящемуся въ библіотекѣ Академіи Наукъ[5].

Вотъ все, что мнѣ извѣстно изъ грамотъ, гдѣ и когда либо напечатанныхъ[6]. Но прежде, чѣмъ пойду далѣе, считаю нужнымъ остановиться на самихъ изданіяхъ грамотъ и преимущественно на главнѣйшемъ, Споменикахъ. Не имѣя возможности сличить изданія съ подлинниками, я долженъ былъ вѣрить издателямъ, на сколько явленіе какой-либо странной формы не противорѣчитъ законамъ языка и на сколько оно возможно и объяснимо. Не знаю, кому приписать совершенно невозможныя формы, или, лучше сказать, ошибки, противныя здравому смыслу, — подлиннику ли, переписчику ли, или же, наконецъ, справщику; а таковыхъ ошибокъ довольно въ Спомeникахъ, какъ и въ другихъ изданіяхъ. Въ послѣдствіи мы увидимъ, что нѣкоторыя изъ нихъ приходятся на долю подлинниковъ. Что касается до формъ, хотя весьма сомнительныхъ, однако, сколько-нибудь объяснимыхъ, то на таковыхъ я не могъ основывать ни какихъ выводовъ, но мѣстами указываю на нихъ, какъ на явленія, стоящія особнякомъ. Исторія языка требуетъ самыхъ вѣрныхъ изданій, которыя бы равнялись подлиннику; она отметаетъ все то,

---

[1] Српски Рјечник. У Бечу, 1818. Стр. IV.

[2] Очеркъ ученаго путешествія по Европейской Турціи. Ученыя записки, издаваемыя Императорскимъ Казанскимъ Университетомъ. 1848. Кн. III.

[3] Památky dřewního písemstwí Jihoslowanůw. W Praze, 1851.

[4] Извѣстія Императорской Академіи Наукъ по отдѣленію Русскаго языка и словесности. СПБ. 1852. Т. I, л. 22.

[5] Въ одномъ печатномъ отзывѣ объ упомянутомъ изданіи Шафарика гр-ы NN V и VII отнесены къ изданнымъ въ первый разъ: до Шафарика онѣ были уже дважды напечатаны, первая Авраамовичемъ въ 1847 г. (Опис. Древн. Србски) и въ 1848 г. (Света Гора), а вторая Магарашевичемъ и Вучичемъ.

[6] При трудности собиранія всѣхъ источниковъ, я легко могъ не знать объ одной—двухъ изданныхъ грамотахъ; но на это отвѣчаю Чешской пословицей: «Одна ласточка еще не приноситъ весны.» Замѣчу еще, что сдѣсь я исчислялъ только тѣ грамоты, которыя не моложе XV-го вѣка.

въ чемъ есть умышленное искаженіе языка; ей нужно не столько содержаніе памятника, сколько его языкъ. По этому списки, которыми она пользуется, за неимѣніемъ подлинниковъ, должны быть сдѣланы съ дипломатическою точностію. Отсюда видно, какъ важна для хорошаго изданія вѣрность списка. Для примѣра я сличу однѣ и тѣ же грамоты въ разныхъ изданіяхъ: итогъ покажетъ, что издатели пользовались не равно вѣрными списками, или же сами были не равно вѣрны своимъ подлинникамъ. Такъ въ грамотѣ бана Кулина Шафарикъ читаетъ: босаньски, а въ Спомениках, у Срезневскаго и въ Голубицѣ читаемъ: босьньски, что весьма важно для исторіи полугласнаго ь. У Шафарика грађаномь доубровьчаномь, а въ другихъ изданіяхъ: грађамь дубровьчамь; у перваго доколѣ, въ Спом. и Голуб. докола, у Срезн, доколэ; у Шаф. сьмь живь и вьси, у Срезн. сьмь живы вьси, въ Спом. и Голуб. сьмь живь: вьси. Шафарикъ и Срезневскій читаютъ: кирѣ ходе, а въ Спом. и Голуб. и преходе, что не имѣетъ смысла. У Шаф. гьдѣ си кто мине; въ другихъ изданіяхъ годѣ си кто мине; у Шаф. и Срезн. срьдьцемь, въ Спом. и Гол. срьдьцомь; у первыхъ вьсакое, въ другихъ всакое; у первыхъ своемь, въ другихъ всемь; у первыхъ моихь, въ другихъ моихь; у Шаф. могоуке, у прочихъ моге; у Шаф. оу дьвадесеть и деветы дьнь, крьстителѣ, у прочихъ: и дьвадесети: и девети днь, крьстителѣ. Грамоты въ Голубицѣ [1] и тѣ же въ Спомениках не согласны кое въ чемъ между собою. Вотъ разнословія: № 53: въ Спом. дубровьчьникомь, въ Голуб. дубровьчьнимь; С. спа, Г. спса; С. попрѣгк, Г. попреге; гдѣ въ Спомениках ѥ, тамъ въ Голубицѣ е; гдѣ въ С. ѩ, тамъ въ Г. ѧ (кромѣ ѩко). № 54: С. всѣмь, Г. вьсѣмь; С. градцкихь, Г. градскихъ; гдѣ въ С. ѥ, тамъ въ Г. е; гдѣ въ С. ѩ тамъ въ Г. ѧ (кромѣ ѩже и ѩко); въ С. конꙋ, въ Г. кохеꙋ. № 55: С. вьедино, Г. вьседино; С. ѿ, Г. ѿ; С. пократи, Г. пократе, въ С. всюду ѩ, въ Г. ѧ; въ С. ѥ, въ Г. е; С. ѥдиньство, Г. единьство. № 146: С. део, Г. део; С. како, Г. како; С. дубровникꙋ, Г. дубровникꙋ. № 160: С. Ѡлександр, Г. Ѡлександр. Какъ различно могутъ быть сдѣланы списки съ подлинныхъ грамотъ, издаваемые потомъ печатно, можно также видѣть изъ сличенія грамоты царицы Мары, напечатанной въ Голубицѣ [2] и Гласникѣ [3]. Сличеніе всей грамоты заняло бы много мѣста и времени: для образца приведу только одно начало. Въ Гласникѣ: + вьсевидѣць и прѣблгын и чловѣколюбивїи црь славѣ. гь нашь Іс хс снь бжїи. непостижимїи. неисповѣдимїи. неизглаимын. неизьчтеимын. неизрекимын. неизслѣдимїи. влка и творць и сьздатель вьсеи твары. и оумысли оумышлнїемь своимь ѩкоже самь ѥсть. и ниь никтоже можеть исповѣдати. ѿ неисповѣдимыих чюдесь твоих хе бже нашь. ѩже ни агган оубо прѣдьстоѥще прѣстомоу твоѥмоу прѣстолоу влко. бжтва твоѥго никтоже можеть такових исповѣдати и т. д. Въ Голубицѣ: Всевидащїи премилостивый и преблагїи и человѣколюбивый царъ славы Господь нашъ Іисусъ Хртосъ сынъ Бжїи, Непостижимый, Не исповѣдимый, и не изглаголаный, Не исчетный, и Не изслѣдимый, владыка и творецъ всеа твари. хотѣнїемъ восхотѣвшїи, Ѩкоже ѥсть самъ, и нимъ никтоже, возможетъ исповѣдати. ѿ Неисповѣдимыхъ чудесъ твоихъ хрте Бже нашъ. Ниже Аггли иже предстоащїи престому престолу твоему владыко. Бжества твоего никтоже можетъ исповѣдати и т. д. Одного взгляда достаточно, чтобы увидѣть, какимъ невѣрнымъ спискомъ пользовался издатель Голубицы. Въ той же Голубицѣ напечатана грамота Стефана Душана, 1348 года, о которой знаетъ Раичъ [4], но въ

[1] 1839 г., ч. I.
[2] 1840 г., ч. II.
[3] Свез. II. 1849.
[4] Ч. II, стр 764.

подписи пропущенъ конецъ, дополненный Ранчемъ, именно, послѣ Арбанасомъ должно слѣдовать: *и Дисіи, рекше западныя страны.* Въ гр-ѣ Ангелины, напечатанной у Юлинаца, поставлено всюду а тамъ, гдѣ въ Споменикахъ стоитъ ѧ или а; ъ часто тамъ, гдѣ въ Спом. ь; полугласныя замѣнены гласными, напр. Ю. спасеніа, С. спасеніа; Ю. съшедши, С. сьшьдї и пр. Вотъ еще для сличенія мѣсто изъ гр-ы Душана, напечатанной у Авраамовича, вѣроятно, по подлиннику, и у Шафарика, по списку XVI-го ст.: Авр. оумолихже сты сьборь ако да се потроуде и да покажоу мегѥ (межи) и прѣдѣле мѣстоу томоуи. и да сьеднне сь скорпинсномь и згьскомь мегомь (со Скорпійскою и Зигскою межею). еже и сьткориш и пондоше сь цртвоими до выше реченныхь мѣстьь. и сь вьсакымь соудомь и закономь црьскымь изнандоше мегы и синоре. Шаф. Оумолихме светы сьборь, ако да се потроудеть, и да покажоу меге и прѣдѣле мѣстоу томоуи, и да сьедине сь скорпинскомь и згнскомь мегимь. еже и сьткорше, и пондоше сь царстгоими до вышеречениихь мѣстьь, и сь вьсакымь соудомь и закономь царскымь изнандоше меге и синоре. Въ заключеніе приведу отрывокъ Жичанской грамоты по тремъ изданіямъ. У Вуича: и сіе Жупе (округи) что приложихомъ цркви спса нашегѡ съ нимъ да не имаю протопредворскенинре области, а што доходи ѿ Попѡвъ или ѿ Влахиизмласкіи люди, что е Поповска Биръ (дань), что се узимле на людехъ, да се та вса у землю сіей цркви, а нимъ Пископіамъ, ке су дошле Жупе, да узима Протопопа Дворскій половинѹ Бири Поповске, а Іерие верховина по томъ да ѿ тога неузимлѣ Протопопа чести, но все то Пископъ да узимлѣ асие до Жупе Єлшаница, Пиука, ѿ Бамбра ѿ Ірьавѣ оуладилъ Протопопа. У Магарашевича: и сии жупе что приложихомь цркви спса нашего. съ нимь да не имаю протопо пе дворске никоре ѡбласти. а что доходи ѿ попов, или ѿ влахъ или земльски люди. что поповскѣ бирь что се узимле на людехь да-и та вса у землю сѣи цркви. а нимь епископинамь кои су дошле жупе. да узима протопопа дворски половини бири дворске. а иреи врьховии попомь да ѿ тога не узимле протопопа чести. нь все то пископь да узимле а сие: д: жупе. ильшаница.. пиука. ѡбамбра. ѿ странѣ уладиль протопопа. У Шафарика: и сие жоупе, чьто приложихомь црькви спаса нашего, сь нимь да не имаю протопопе дворске никоре ѡбласти. а що доходи ѡть попов или ѡть влахь или земльски люди, что е поповска бирь, что се оузимле на людехь, да се та вса оуземаю сѣи црькви. а нимь пископиимь ке соу дошле жоупе, да оузима протопопа дворски половиноу бири поповьске, а ире и врьховина попомь, да ѡдь того не оуземле протопопа честы, нь вьсе то пископь да оуземле. а сие. д. жоупе: ильшаница, пиоука, ѡба ибра, ѡдь испрька не оуладиль протопопа. Благодаря Споменикамъ, содержащимъ въ себѣ грамоты, напечатанныя въ Голубицѣ 1839 года, у Соларича, Юлинаца, Тироля и въ Лѣтописѣ, Гласнику, вмѣстившему грамоту султанши Мары, и Шафарику, обнародовавшему Жичанскую грамоту, мы, изъ всѣхъ доступныхъ намъ грамотъ, не можемъ, въ исторіи языка, пользоваться только грамотою Душана во II-й ч. Голубицы, деспота Стефана въ Сербо-Далматинскомъ Магазинѣ на 1844 годъ, да двумя грамотами у Вуича, по причинѣ невѣрности ихъ изданія. Грамота же Дабыши остается, на этотъ разъ, вовсе недоступною намъ, за неимѣніемъ № Сербскихъ Новинъ. Сдѣсь кстати замѣчу, что въ наше время переписчику уже никакъ не слѣдуетъ подвергать языкъ подлинника своей выправкѣ; ибо чрезъ это въ филологическомъ отношеніи памятникъ теряетъ вовсе свою цѣну, становясь плохою копіею, вмѣсто того, чтобы быть полною замѣною подлинника. Что понятно и естественно въ списателяхъ древнихъ, то непонятно и осудительно въ списателяхъ новыхъ.

То же должно сказать и о переводахъ. Безъ сомнѣнія, самый трудный для пе-

ревода есть историческій памятникъ: сдѣсь мало одного словаря; сдѣсь потребно знаніе политической и домашней исторіи народа и современнаго памятнику значенія словъ. Изъ Сербскихъ грамотъ только одна, сколько мнѣ извѣстно, переведена на Рускій языкъ: это договоръ Дубровника съ Михаиломъ Асѣномъ (Ш. № XVI, С. № 16). Переводъ сдѣланъ Априловымъ [1]. Въ подлинникѣ есть много мѣстъ трудныхъ для уразумѣнія; есть и очевидныя погрѣшности стариннаго писца. То и другое затрудняло переводчика и, по видимому, заставляло его не столько переводить, сколько разсказывать своими словами содержаніе памятника. На нѣкоторыя явныя ошибки перевода считаю долгомъ указать. Априловъ переводитъ: «Я Марсилій Георгіевъ повелѣніемъ славнаго Дожа Венеціянскаго князь города Дубровника, *совокупно съ великими и малыми судьями и совѣтниками общины* города нашего Дубровника, вѣрные пріятели Твоего святаго царскаго Величества съ давнихъ временъ *желаемъ, милостію* Божіею, святаго Божія Евангелія, пресвятой *Дѣвѣ* матери его, честнаго чудотворнаго креста, святыхъ Апостоловъ Петра и Павла, четырехъ блаженныхъ Евангелистовъ, Марка, Матѳея, Луки и Іоанна, святаго мученика Господня Власа, Лаврентія, Петра и Андрея, нашихъ святителей и всѣхъ святыхъ *имѣть пріязнь къ Твоему царскому Величеству. Угодивъ* (!!) *Господу Богу, кланяемся* (!!) и обѣщаемъ Твоему святому царскому Величеству быть врагами невѣрному королю Урошу его братьямъ, его роду, и всѣмъ жителямъ Державы его и всѣмъ имѣющимъ во владѣніяхъ его *нѣкоторую власть*, и покуда они пребудутъ непріязненными и невѣрными Твоему святому царскому Величеству и намъ, считать ихъ непріятелями и врагами города нашего Дубровника.» А вотъ дословный переводъ того же мѣста: «Я, Марсилій Георгій, повелѣньемъ славнаго Дожа Венеціянскаго, князь города Дубровника, и всѣ судьи, и вѣчники, и вся Община преславнаго города нашего Дубровника, малые и великіе, вѣрные друзья Твоего святаго Царства, издавна желающіе пользоваться любовію Твоего Царства,—Богомъ и св. Евангеліемъ Божіимъ и св. Дѣвою Маріею, Матеріею Его, и Честнымъ Животворящимъ Крестомъ и святыми Апостолами, Петромъ и Павломъ, и блаженными четырьмя Евангелистами, Маркомъ, Матѳіемъ, Лукою и Іоанномъ, и св. мучениками, Господиномъ Власіемъ, Лаврентіемъ, Петромъ и Андреемъ, нашими святителями, и всѣми святыми, угодившими Господу Богу, клянемся и обѣщаемъ Твоему Великому святому Царству быть противъ злаго творенья, невѣрнаго короля Уроша, и противъ братіи его, и рода его и противъ всѣхъ, живущихъ въ землѣ его и тѣхъ, кои въ земляхъ ихъ (Уроша и родичей его) завѣдываютъ какою-либо властію. Если они будутъ измѣнниками и врагами Твоему святому Царству, то и нашему городу Дубровину будутъ также измѣнниками и врагами....» Въ описаніи границъ Дубровницкихъ владѣній переводъ Априлова грѣшитъ вопіющимъ образомъ, особенно въ именахъ собственныхъ. Вотъ онъ: «Земли, селенія и владѣнія со стороны твердой земли и *нынѣ владѣнія, смежныя съ другими селами и владѣніями, желающіе* (!!) Божіею помощію вступить въ подданство къ Твоему Величеству, мы при семъ означаемъ. Земли, села и владѣнія *предковъ нашихъ* начинаются съ церкви Святаго Георгія къ старому городу Епидавру до церкви Св. Петра, а съ церкви Св. Петра до церкви Св. *Гиппократа* (!!), а съ церкви Св. Гиппократа *по дорогѣ* до Бѣлома внизъ мѣльницъ, а съ мѣльницъ *по дорогѣ* къ верху, *идучи* къ Жерновицѣ до *самаго Влащица*, а съ Влащица вверхъ *дороги* къ *Шумету* до самой *Оки* (!!). *Берегомъ же рѣки Оки* (!!) къ верху простирается наше достояніе до *высшей Корилы*, а оттель по дорогѣ

[1] Болгарскія Грамоты, собранныя, переведенныя на Русскій языкъ и объясненныя Василіемъ Априловымъ. Одесса, 1845.

вверхъ *Затова,* Полицы и Орашицы до самой церкви Святой Ѳеклы. Все показанное выше пространство земли, находящееся между сказанными мѣстами, съ селеніями и округами, начиная съ горы до самаго берега моря, принадлежитъ намъ по наслѣдству нашихъ предковъ.» Подлинный переводъ таковъ: «означимъ земли, села и поземельныя владѣнія на сушѣ, съ нашей стороны, равно какъ владѣнія тѣхъ земель и тѣхъ селъ и округовъ, которые вскорѣ, при помощи Господа Бога, будутъ преданы твоему Величеству (т. е., означаются, съ одной стороны, владѣнія Дубровника на сушѣ, а съ другой владѣнія Уроша, долженствующія въ скоромъ времени поступить во власть Михаила Асѣна). А означенная наша дѣдина, земли, села и управленія, начинаются отъ церкви святаго Георгія къ старому граду Епидавру и идутъ до церкви св. Петра, а отъ церкви св. Петра идутъ до церкви св. Панкратія, а отъ церкви св. Панкратія, какъ владѣется изстари, къ Бѣлома и спускаются къ Мѣльницамъ, а отъ Мѣльницъ, какъ владѣемъ изстари, (пограничными землями суть тѣ), кои идутъ на Жерновницу вплоть до Влаштицы, а отъ Влаштицы, какъ было встарину, суть тѣ, кои лежатъ на Шуметь и простираются до Ока, а съ той стороны Ока, какъ ведется изстари, (пограничными землями суть тѣ), кои находятся выше Рѣки и стягиваются до старинныхъ (земель), лежащихъ выше Корила; а отъ Корила, по древнему, суть тѣ, кои лежатъ на Затонъ, Полицу и Орашецъ, и стягиваются къ церкви Св. Ѳеклы. И всѣ межи означенныхъ земель, и селъ, и округовъ, и вышеописанныхъ возвышенностей спускаются къ морю, и всѣ принадлежатъ нашей дѣдинѣ...» Названіе особыхъ чиновниковъ: ѡь вѣча (вѣча) вмолени, то же, что pregati, неправильно передано словомъ *повѣренные вѣча;* равно какъ прьци ѡбьщиньски и прьци градьци то же, что avvocati, ошибочно названы *первенствующими общины* и *первенствующими города.* Неужели сходство между прьци и прьви надоумило къ тому переводчика? Нельзя не пожалѣть также о пріемахъ, не разъ встрѣчающихся въ ученыхъ сочиненіяхъ, коихъ авторы, не имѣя главнѣйшею цѣлью изданіе какого-либо древняго подлиннаго документа, при печатаніи таковаго, позволяютъ себѣ дѣлать въ немъ пропуски по своему усмотрѣнію, а иное выражать своими словами, выкидывать, или измѣнять буквы и т. п. Въ наше просвѣщенное время всякій памятникъ, тѣмъ болѣе старинный, долженъ быть издаваемъ такъ, какъ онъ есть, съ безукоризненною точностію, для того, чтобы имъ могъ пользоваться всякій, кто даже не имѣетъ возможности изучать его въ подлинникѣ. Г. Григоровичъ, посѣщая Аѳонскіе монастыри, знаменитые не своими древнехранилищами, а хранящимися въ нихъ древностями, читалъ многія Сербскія грамоты, дѣлалъ изъ нихъ выписки, а нѣкоторыя а вполнѣ списалъ; но съ сожалѣніемъ должно сказать, что отрывками, сообщенными имъ въ его Путешествіи, мы не можемъ пользоваться при изученіи языка, ибо въ нихъ слова подлинника перемѣшаны съ выраженіями самого издателя; напечатаны гражданскими буквами, между которыми кое-гдѣ проглядываютъ Ц.-Славянскія буквы и сочетанія, въ родѣ, ꙗ и ѥ, и титлы. По этому мы не сличаемъ его грамотъ съ тѣми, которыя изданы Авраамовичемъ. Довольно указать на одну грамоту Стефана Немани, изданную весьма точно два раза Авраамовичемъ и одинъ разъ Шафарикомъ, и переданную Григоровичемъ со множествомъ разнословій противъ трехъ другихъ изданій; но стоитъ лишь прочесть двѣ, или три строки, чтобы убѣдиться, что грѣшатъ не первые двое, а послѣдній.

Сличеніе однѣхъ и тѣхъ же грамотъ, изданныхъ Шафарикомъ и въ Споменикахъ, приведетъ насъ къ довольно любопытнымъ замѣткамъ. При первомъ взглядѣ на изданіе Шафарика, мы уже видимъ, что посторонняя рука коснулась

подлинника: древнѣйшіе знаки препинанія опущены; двоеточіе и точка замѣнены новыми запятою и точкою, которыя, разумѣется, стали на другія мѣста, уже опредѣленныя для нихъ издателемъ по новѣйшимъ правиламъ правописанія. Титлы опущены, на пр., надъ числовыми буквами, или, вмѣстѣ съ словотитлами (разумѣю всякую букву подъ титломъ) переведены въ строку. То и другое уже нарушаетъ подлинный видъ письма, даетъ памятнику несвоевременный образъ, даже посягаетъ на самый языкъ. Величайшее затрудненіе при переводѣ титлъ въ строку представляютъ полугласныя. Мы знаемъ, что древній Сербскій книжный языкъ, вопреки Церковнославянскому вліянію, всюду ставилъ одно ь вмѣсто ь и ъ: тѣмъ не менѣе послѣдняя буква удержалась кое-гдѣ въ Сербскихъ памятникахъ, преимущественно такихъ, кои наиболѣе подвержены были Ц.-Славянскому вліянію. Послѣ этого, можно ли положительно ручаться, что писецъ, скрадывая отъ читающаго, чрезъ сокращеніе, явный способъ произношенія, самъ непремѣнно произносилъ слово съ мягкимъ ь, а не твердымъ ъ? Съ другой стороны, извѣстно, что чѣмъ древнѣе памятникъ, тѣмъ чаще употребляется въ немъ ь для смягченія согласныхъ звуковъ, но что уже въ самыхъ древнѣйшихъ памятникахъ показывается мѣстами отсутствіе б-ы ь: издатель рѣшительно въ недоумѣніи, какъ перевести титловую букву, обыкновенно для краткости словотитлы лишенную б-ы ь, — съ б-ю ли ь, или безъ б-ы ь? Большинство случаевъ ни сколько не служитъ сдѣсь оправданіемъ, ибо въ дѣлѣ книжнаго языка оно нигдѣ никогда не пользуется правомъ исключительнаго господства: сначала являются рѣдкія исключенія, потомъ число ихъ увеличивается, и наконецъ сами они становятся большинствомъ; на этихъ-то видоизмѣненіяхъ и основывается вся исторія движенія или развитія языка. Одинаковымъ образомъ переводить титлы въ грамотахъ различныхъ вѣковъ значитъ налагать однообразную личину на подлинный видъ памятниковъ. Въ третьихъ, извѣстно, что переходъ полугласнаго ь въ полную гласную есть одинъ изъ главнѣйшихъ признаковъ историческаго хода книжнаго Сербскаго языка; но словотитлы, не говорю уже о полномъ сокращеніи подъ титлою, бываютъ лишены какъ ь, такъ и замѣняющей его полной гласной: издатель не можетъ достовѣрно рѣшить, какъ произносилось слово, написанное подъ титлою, или словотитлою,—съ б-ю ли ь, т. е., съ полугласнымъ отзвукомъ, или уже съ полною гласною, и притомъ какою? Въ четвертыхъ, случается иногда, что писцы ставятъ титлы, по пристрастію къ нимъ, надъ полными формами, слѣдовательно, тамъ, гдѣ онѣ не нужны: издатель, не признающій и не допускающій титлъ, какого бы рода онѣ ни были, легко опускаетъ таковыя случайныя титла, не подвергая формы слова никакой перемѣнѣ; но если писецъ, на основаніи современныхъ ему правописныхъ соображеній, принималъ форму безъ смягчающаго, или звукоотбивающаго ь за полную, и только по избытку ставилъ надъ нею титлу, то издатель впадаетъ въ ошибку противъ своевременности памятника, когда, побужденный титлою, вставляетъ въ эту форму ь и, такимъ образомъ, дѣлаетъ ее старше своего времени. Наконецъ, въ пятыхъ, есть слова подъ титлою, которыхъ настоящая форма можетъ быть двояка: такъ цр҇ьство, или позднѣйшее цр҇ство, можетъ быть произносимо и царьство и цесарьство: переводящій титлу недоумѣваетъ, и вѣчно будетъ недоумѣвать, въ какомъ случаѣ поставить первую, полную, форму, и въ какомъ случаѣ вторую? Эти предварительныя замѣтки послужатъ намъ объясненіемъ большей части разночтеній, встрѣчающихся между изданіемъ Шафарика и Споменниками. Кстати замѣчу еще, что Шафарикъ, въ изданіи своемъ, отвергая подлинные знаки препинанія и титлы, и, по этому случаю, снимая титлы съ самыхъ числовыхъ буквъ, что вообще противорѣчитъ правописному обы-

чаю Кириллицы, не смотря на то, все же таки принужденъ былъ удержать древнѣйшій знакъ отдѣла между словомъ и числомъ, точку, для избѣжанія совершеннаго слитія числовыхъ буквъ съ обыкновенными, и происходящей отъ того сбивчивости чтенія; сдѣсь онъ самъ поступилъ противъ своего правила. Впрочемъ, я не виню прямо Шафарика. Кто знаетъ, какъ иногда трудно, и даже невозможно бываетъ при изданіи памятниковъ пользоваться самими подлинниками этихъ памятниковъ, и кто знаетъ, что Шафарикъ печаталъ грамоты по списку, заранѣе приготовленному для него другими, тотъ пойметъ, что, при малѣйшемъ подозрѣніи въ неточности списка, издатель не могъ уже безгранично полагаться на него и, подозрѣвая, или дѣйствительно замѣчая въ немъ какія-либо погрѣшности противъ сохраненія титлъ и знаковъ препинанія, имѣлъ право однажды навсегда сгладить эту тончайшую и, по причинѣ своей мнимой маловажности, болѣе доступную ошибкамъ переписчиковъ особенность Кирилловскаго письма. Мы имѣемъ основаніе догадываться, что списокъ грамотъ, которымъ пользовался Шафарикъ, не всюду былъ вѣренъ своему подлиннику: насъ убѣждаетъ въ этомъ сличеніе Шафарикова изданія съ Спомениками, къ которому сейчасъ и приступимъ. Самое молчаніе издателя о разночтеніяхъ его списка со спискомъ Спомениковъ свидѣтельствуетъ, что издатель не имѣлъ возможности повѣрить свой списокъ съ самими подлинниками, и долженъ былъ молча отдать его на судъ читающему міру. Если же къ уничтоженію титлъ, значковъ и древнихъ знаковъ препинанія издатель побужденъ былъ лишь желаніемъ придать своему изданію типографскую красивость, какъ самъ онъ на это ссылается въ предисловіи, то, признаемся, такую причину въ ученомъ изданіи мы менѣе всего допускаемъ: если уже нельзя помирить вѣрности подлиннику съ красотою изданія, то, ни сколько не колеблясь, можно вторую пожертвовать въ пользу первой. Впрочемъ, и на самую красоту изданія можно смотрѣть двояко, и мы сомнѣваемся, чтобы къ старинному Ц.-Славянскому письму можно было удачно примѣнить новѣйшія понятія о красотѣ новыхъ гражданскихъ шрифтовъ. А самыя буквы? Отъ чего Шафарикъ всюду ставитъ оу вмѣсто ȣ? Отъ чего у него всегда въ началѣ словъ систематически стоитъ ѡ вм. о, въ пользу котораго во всѣхъ памятникахъ есть многочисленныя исключенія? Отъ чего у него нѣтъ вовсе ꙇ, а вмѣсто него всюду є, которое есть то же, что мягкое и? Чѣмъ оу, ѡ, є красивѣе ȣ, о, ꙇ? А между тѣмъ чрезъ таковыя перемѣны подлинный видъ памятника страдаетъ. И такъ, однажды навсегда, запомнимъ, что ȣ Спомениковъ постоянно замѣняется у Шафарика начертаніемъ оу: по видимому, издатель не допускаетъ перваго начертанія, хотя оно есть сокращеніе древнѣйшаго оу, и потому имѣетъ свое историческое значеніе. На титловыхъ ѡ҃, ѿ, ѡ҃ь, ѿь не станемъ нигдѣ останавливаться, ибо они у Шафарика всегда переводятся въ ѡдь, ѡть. Встрѣчающіяся въ грамотахъ формы ѡ҃ца (С. №№ 1, 3, 4, 12, 19), ѿць (С. № 7), ѡ҃ць (С. № 3), ѿца (С. №№ 2, 4) переведены у Шафарика въ ѡтьца, ѡтьць и однажды въ ѡтца (№ X), но почему въ одномъ случаѣ съ ь, а въ другомъ безъ ь? Формы безъ титлы: ѡца, оца (С. №№ 5, 8, 20) изображены то въ видѣ ѡтьца (№ XVIII), то въ видѣ о(тц)а (№ VI), ѡ(ть)ца (№ XIV), но почему однажды отца безъ ь, и почему всюду съ т? А мы знаемъ, что Сербы любятъ опускать д и т предъ ц: поэтому писецъ, можетъ быть, и считалъ сдѣсь титлу лишнею. Отъ того и форму ѡчинѣмь (С. № 7) нельзя передѣлать въ ѡтьчинѣмь (№ XI). Какъ сокращенную сн҃ь, сн҃а, сна перевести въ полную? У Шафарика она всюду дополняется б-ю ы: сынь сына и только однажды б-ю и: сина (№ XVIII), между тѣмъ какъ послѣдняя форма была бы гораздо умѣстнѣе и для всѣхъ прочихъ грамотъ; ибо Сербское правописаніе, по самому свой-

ству языка, избѣгаетъ б-ы ы и почти всюду замѣняетъ ее б-ю и: за сиим ручается большинство случаевъ. Сокращенныя: с͠того, с͠тога, с͠таго, стого, стога, стаго, с͠тыхь, с͠та, с͠то, с͠ты, сты, с͠те, сти, с͠томꙋ, с͠тое, с͠тню, с͠тѣ, стомꙋ, ста, стаѣ, с͠тиимь всюду переданы чрезъ светого, светога, светаго, светыхь, света, свето, светы, свете, свети, светомоу, светое, светню, светоу, светиѣ, светиимь. Замѣчательныя с͠тетихь, с͠те-тѣю, с͠тетимь (С. № 16) переданы черезъ обыкновенныя светихь, светоую, светимь (№ XVI). Д͠ха всюду доуха. Б͠гь, б͠ь, б͠а, б͠е и производныя б͠жи, б͠жиѡвь и пр., также б͠ца, б͠ца и пр. всюду дополнены б-ю о: богь, бога, богоу, божи, божиѡвь, богородица и пр., но почему же не чрезъ б-у ь? Г͠а, г͠нь, г͠на, г͠нѣ, г͠нь, г͠на, госп͠ги переведены въ господа, господинь, господина, господиноу, госпоги; ꙋ͠тьмы кр͠ть г͠нь въ ꙋьстьмы крьсть господьнь; м͠ца, м͠ца въ мѣсеца; ис͠ха, исха, ис͠ха, исха, исха въ исоусхриста и однажды исоусь христа (№ XVIII). Переходимъ къ сличенію отдѣльныхъ грамотъ. (Титлы и нѣкоторыя другія разночтенія, касающіяся полугласныхъ и пр., я опускаю). № I Ш.=№ 11 С. У Ш. станькоу, въ С. станкꙋ. Ш. да се станемо, С. да се састанемо. Ш. тер е беклимѣнникевнхь хранишоу, С. тере реклимѣнике ки кь раницꙋ: въ томъ и другомъ смыслъ не ясенъ. № VI Ш.=№ 5 С. У Ш. инносласвь, въ С. инносавь: б-а л въ окончаніи славь часто опускается. Ш. сиь, но въ С. с͠нь, что значитъ то же, что сынь. Ш. дѣ коудѣ оклада, С. а ѣ кꙋде оклада: послѣднее понятнѣе и подтверждается дальнѣйшимъ повтореніемъ того же а ѣ прияти Ш. и С. У Ш. великога, въ С. веанока. Ш. богь ре ти дан, С. б͠е ре ти даа. № VIII Ш.=№ 4 С. У Ш. даньдолоу, въ С. даньдолѣ. Ш. старѣи (и)мали, С. старѣ имали. Ш. ꙁемлью, С. ꙁемлꙋ. Ш. ни тьиикь коньць, С. ни тьи коньць: въ послѣднемъ тьи не окончено и б-а п прочтена дурно вмѣсто и. № IX Ш.=№ 2 С. У Ш. ꙁемль, въ С. ꙁем͠ль, можетъ быть, вмѣсто ꙁемьль. Ш. тоудрь кроусикь, С. тꙋдрѣ крꙋсикѣ. Ш. ꙁемли, С. ꙁем͠ли, почему же не ꙁемьли? Ш. могорыше, С. могорнше. Ш. прѣиаетьвьствѣ, С. прѣиаетьствѣ. Ш. чьловѣкь, С. чловѣкь. Ш. вѣрьнымь, С. вѣрьнимь. Ш. соудь оу врѣмениѣхь, С. сꙋдь врѣмениѣхь. Ш. ѡдь михонлѣ дьне до гюргева дьне, С. ѿ михолѣ дне до гюргева дне. № X Ш.=№ 3 С. У Ш. доубровьчски, въ С. дꙋбровьчки. Ш. срьдцемь, С. ср͠цемь, быть можетъ, вмѣсто срьцемь, ибо д въ этомъ словѣ часто опускается въ нашихъ грамотахъ. Ш. ѡть дьньшнега дьне, С. ѡд͠ньшнего д͠не, гдѣ, по всему вѣроятію, опущено д, т. е., ѡдд͠ньшнего. Ш. чьто, С. что. Ш. иаснаые, С. иаснане. Ш. и прибѣгнеши, С. и прибѣжеши. Ш. ти, С. ты. Ш. вьсе и опальнено, С. всеиопальнено, что понятнѣе перваго. Ш. царниьник, С. царниикь. Ш. оучинии, С. ꙋчинии. Ш. хранити, С. схранити. № XI. Ш.=№ 7 С. У перваго: градском, во вторыхъ граском, можетъ быть, градьском. Ш. рашьнихъ ꙁемль и поморьскихъ, С. рашкй, ꙁ͠мль, и приморскй. № XII. Ш. = № 6 С. Ш. божиѡвь, С. б͠жиовь. Ш. ѡдь светыхь, С. ѿ с͠ты. № XIII Ш. = № 9 С. У Ш да прнѣмь, С. да прнѣмь. Ш. ѡбекали, С. ѡбекали. У Ш. пропущено такоꙁи. № XIV Ш. = № 8. С. Ш. доубровьчьски, С. дꙋбровьчьки. Ш. и писание кѣ мѣдоу ни есть, С. и списание кѣ мѣдꙋ ни несть. № XV Ш.=№ 12. С. У Ш. велиемоу, С. в͠лиемꙋ. Ш. богорѡдица, С. б͠рѡдица. № XVI Ш.=№ 16 С. У Ш. любовь, отчего же не любьвь, какъ въ С? Ш. повелѣнѣемь, гдѣ ь по ошибкѣ принято за ѣ вмѣсто повеленьемь, какъ въ С. Ш. прѣславьнога, С. прѣславньога. Ш. люкоу, С. лꙋкꙋ. Ш. ловрѣньтѣ, С. ловрѣньтѣ. Ш. кльнемосе, С. кльнемьсе. Ш. невѣрьного, С. невѣрьного. Ш. твоимь царьствомь, С. стконимь цр͠ствомь. Ш. дюубровьчки, С. дюбровьчки. Ш. дюбровьчьнога, С. дюбровьнога. Ш. кто, С. кьто. У Ш. пропущено петра. Ш. сткорѣть, С. с͠тврѣть, быть можетъ, отъ глагола сътврѣти. Ш. беꙁь вьсакои, С. беꙁь вьсакое. Ш. вьда, С. вьда, первое вѣрнѣе. Ш. вь ꙁемлахь, С. вь ꙁемлахь. Ш. сьвиѣ.

ми, С. сыйми, гдѣ, очевидно, ѣ прочтено за ь. Ш. петьнадесеть, С. петьнадесете. Ш. помагаеть, С. помогаеть. У Ш. пропущено до въ выраженіи идоуть црькви светого понрата. Ш. дори, С. дери. Ш. врьхь ржкоу, С. врьхь ржце. Ш. сьтегьноуться, С. сьтетьгьнуться. Ш. метде, С. медӗ. Ш. фионоуѕи ѕаконь, С. фионьѕи ѕаконь: послѣднее вѣроятнѣе. Ш. доубровьчки, С. дюбровьчки. Ш. людьмь, С. лудьмь. Ш. светиѣ црькви, вѣроятно, опечатка вм. светаѣ црква, какъ въ С. Ш. пискоупье—ошибка вм. пискупье, какъ въ С. Ш. венетьского, С. венетѣньского. Ш. да имамо, С. да ймо. Ш. фпькинѣ, С и фпькинѣ. Ш. потврьдение, С. потврьдение. Ш. оумолена, С. умолени. Ш. теѡдрь коудатинь, С. теѡдорь будатинь. Ш. аньдреѣ кольвенинь, С. аньдреѣ кальвенинь. Ш. жоуна богьданина, С. жуна богьданоинь. Ш. ни дрьже, С. ни дрьже, гдѣ по ошибкѣ и принято за и. Ш. унинь. С. уйкь, почему не униькь или униекь? Ш. поборинь, С. побиринь. У Ш. послѣ аньдрѣа гонсалвинь прибавленъ жоунь волеславинь, котораго нѣтъ въ С. Ш. мокрѣшинь, С. мокрѣшкь. Ш. дюбровьчкога, С. дюбровькога. Ш. дюбровьчкихь, С. дюбровь. № XVII Ш.=№ 19 С. Ш. стрѣки васа, С. стрѣки вась—разночтеніе важное для исторіи полугласнаго ь. Ш. о тѣлѣ ихь и добитькѣ ихь, С. отслѣ ихь и добитькь ихь—дурно прочтено. Ш. фтворень, С. ѳворень, можетъ быть, вмѣсто фтьворень. Ш. ере боуде, С. ере воде—дурно прочтено. Ш. мегоу, С. меѣу—разнословіе важное для исторіи б-ы ѣ. Ш. да се не роуши, С. да е не руши. У Ш. послѣ униити пропущено спающе клетки, какъ въ С. Ш. цароу, С. црау, гдѣ буквы переставлены. У Ш. лишняя подпись: тоудрь боугаунь. Отсюда видимъ, что списокъ съ этой грамоты для Спомениковъ сдѣланъ не такъ отчетливо, какъ для Шафарика. Напротивъ, слѣдующая грамота № XVIII Ш.=№ 20 С. напечатана гораздо вѣрнѣе въ Спомеликахъ, чѣмъ у Шафарика. Въ спискѣ послѣдняго есть много мѣстъ противныхъ смыслу, напр., вльнемосе соудьцемь и вьсе опькине доубровькѣ сь моневь добровь хьтение вм. суднѣмь и вьсеи фпькинѣ доубровьчькои: смоинь добримь хтѣниемь; мрокоу мою силоу сь моимь лоуди вм. протива мои силѣ: и смоими лудьми; мгоки людимь вм. егоквмь лудемь; а и сь моимь люди, кои имамь и сь кои имамь имети, боудоу держань оу клетьвоу и оу мирь сь великомь господиномь михаиломь царь боульгарьскимь и сь своимь людимь, вако стои шьнимь градь доубровьчьки, доколе и царь стои оу клетьвоу и оу мирь сь градь доубровьчьки вм. а ѣ смоими лудми, кое имамь: или хуиу имѣти: буду дрьжань у клетку и у мирь: сь великимь гйомь михаиломь цар҃омь бугарьскомь: и сь егоквми лудми: докол҄ѣ хуьне стоѣти сь нимь град҄ь дуброваникь: докол҄ѣ: цар҄ь стои у-клеткѣ и у мирѣ: ѕ град҄мь дубровьникомь. Измѣнены нѣкоторые падежи и буквы (и вм. ѣ, е вм. ь), опущены подписи: богьдань радосавинь, десимирь трьпѣнокинь, годѣнь краимиринь, продань побренокинь, и вообще замѣтно участіе переписчика, желавшаго согласовать и измѣнять слова по своему. Мы нарочно долго останавливались на сличеніи однѣхъ и тѣхъ же грамотъ, напечатанныхъ въ Спомениках и у Шафарика, чтобы показать, какъ осторожно издатели должны пользоваться изготовленными для нихъ списками. Оба изданія сдѣланы, безъ сомнѣнія, по спискамъ, снятымъ съ одного и того же подлинника, и оба заслуживаютъ, по качеству своему, полнаго довѣрія изслѣдователей, не ровняясь въ этомъ отношеніи съ второстепенными изданіями, сдѣланными, на пр., въ Голубинцѣ, Вуичемъ, Юлинцемъ и др.; а между тѣмъ и въ нихъ есть разночтенія, которыя мѣстами весьма важны. Политическая исторія не затруднится этими разночтеніями, лишь бы смыслъ оставался въ сохранности; но исторія языка должна сдѣлать выборъ между тѣмъ и другимъ изданіемъ: ея дѣло смотрѣть, какое изданіе вѣрнѣе подлиннику. Если позволено судить объ изданіяхъ по взаимному ихъ сличенію и тщательности, съ каковою они сдѣланы, то, въ видахъ исторіи языка, мы

не затруднимся отдать преимущество Спомеником, на слѣдующихъ основаніяхъ. Въ Споменикахъ не замѣтно сглаживающей и обобщающей руки: въ нихъ соблюдены титлы и различіе между начертаніями оу и ѹ, є и е. Видно, что переписчикъ обращалъ на все это вниманіе. Вѣдь близко же сходятся между собою оба изданія относительно употребленія начертаній ѡ и о въ срединѣ словъ: значитъ, сдѣсь оба переписчика, безъ всякого взаимнаго соглашенія, были столь внимательны къ подлиннику, что рѣшились соблюдать въ точности различіе въ обоихъ начертаніяхъ. Въ такомъ случаѣ изданіе Шафарика подкрѣпляетъ собою изданіе Спомениковъ. Но относительно оу и ѹ и титлъ Шафариковъ переписчикъ измѣнилъ своей точности, между тѣмъ какъ переписчикъ, трудившійся для Спомениковъ, остался вѣренъ подлиннику: соблюденіе этѣхъ мелочей ручается за тщательность и добросовѣстность переписчика и поселяетъ къ нему довѣріе со стороны изслѣдователя. При сличеніи можно было также замѣтить, что Шафарикъ считая свое є твердымъ, всюду ставитъ его вм. настоящаго твердаго е, даже тамъ, гдѣ въ Споменикахъ стоитъ мягкое є. Но вопросъ о томъ и другомъ начертаніи весьма труденъ: рукописи мало отличаютъ ихъ, или даже вовсе не соблюдаютъ различія между ними; къ тому же древній почеркъ часто давалъ 6-ѣ є такой видъ, что можно было легко принять ее за 6-у є. По этому переписчикамъ и издателямъ предстоялъ большой трудъ въ распознаніи обоихъ начертаній. Можно даже пологать, что въ Споменикахъ, въ сличаемыхъ грамотахъ, смѣлый и кругловатый почеркъ для є заставлялъ иногда это є принимать за е, но нѣтъ сомнѣнія, что это послѣднее начертаніе имѣло мѣсто и огромное употребленіе въ другихъ, и именно, позднѣйшихъ, грамотахъ, гдѣ оно служило замѣною для ѥ. Нѣкоторыя описки и недомолвки, встрѣчающіяся въ обоихъ изданіяхъ на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, свидѣтельствуютъ, что переписчики вѣрно держались подлинника и соблюдали даже его погрѣшности. Такъ, на пр., въ № XIV Ш. = № 8 С. ӡа сию обѣтованиє, гдѣ писецъ подлинника опискою поставилъ ю вм. ѥ; въ № I Ш. = № 11 С. окиня вм. опиния, и особенно въ № XVI Ш. и № 16 С., подлинникъ коего небрежно составленъ или списанъ для двойника, а списки сдѣланы вѣрно для обоихъ изданій. Все это свидѣтельствуетъ, что Спомeники не уступаютъ въ точности изданію Шафарика, и если вспомнимъ, что легче переписчику ошибиться въ пользу нынѣшнихъ знаковъ препинанія, нынѣшнихъ безтитловыхъ формъ, нынѣшняго чтенія, на пр., ӡємлю вм. ӡм̑ю, люди вм. людьє, крьститєля, кралю вм. крьститєла, крала и т. п., чѣмъ впасть въ старину, то мы должны будемъ признать за Спомениками право первенства и ими руководствоваться въ филологическихъ изслѣдованіяхъ, приводя, гдѣ нужно, замѣчательныя разночтенія по изданію Шафарика. Есть еще одна грамота у Шафарика, напечатанная до него дважды Авраамовичемъ: это № V Ш. = № 1 А. Въ ней, также какъ и въ другихъ, титлы переведены въ строку и древніе знаки препинанія замѣнены новыми; ѹ измѣнено въ оу. Изъ разночтеній замѣчательны: Ш. дарова нашимь дѣдомь, А. дарова нашимь прадѣдомь. и нашимь дѣдомь. Ш. сь льпланиємь, А. сь льпланємь. Ш. вьӡьмитє, А. вьӡьмитє, Ш. сьпласканиѣ скоєго, А. и лѣсканиѣ скоєго, кажется, послѣднее чтеніе вѣрнѣе, ибо безъ и трудно обойтись. Ш. по иӡволєнию, А. по иӡьволєнїю. Ш. оу милєѣхь, А. оу милѣахь, что весьма важно для исторіи 6-ы ѫ въ Сербской письменности. Ш. тоуигє—вѣрнѣе тѫигє, какъ и у Авр. въ другомъ изданіи (Света Гора), ибо сдѣсь и есть усиливающая частица весьма обыкновенная въ древней Сербской грамотности. Ш. соудьство—вѣрнѣе, чѣмъ А. судьство, что, безъ сомнѣнія, есть опечатка. Ш. доурьгєво, А. дѫрьгєво—весьма важное различіе въ отношеніи исторіи 6-ы ѫ, столь обык-

новенной въ позднѣйшихъ памятникахъ. Ш. под, А. под. Ш. прѣтвори да, А. прѣтвор. Ш. печать стефана великаго, А. печат великаго. О переводѣ титлъ не мѣшаетъ замѣтить, что въ этомъ случаѣ нѣкоторыя формы не могутъ быть названы непремѣнно таковыми, каковыми воображалъ ихъ себѣ писецъ, на пр., почему бгъ, бжиюь, бжиемь, влдчьствоу,—ѣ, влдчьнемь, влдка,—ы, срдцемь, сна, ѡтьчьства,—ѣ, ѡноудь, крь, милосрдию, симеѡнь должны быть положительно таковыми: богъ, божиюь, божиемь, владичьствоу,—ѣ, владичьнемь, владика,—ы, срьдьцемь, сына, ѡтьчьства,—ѣ, ѡдьноудь, крьсть, милосрьдию, симеѡновь, а не иными, какъ, на пр., бьгь, бьжиюь и т. д., владычьствоу и т. д., срьдцемь, или срдьцемь, сниа, ѡтчьства,—ѣ, ѡдноудь, крсть, милосрьдью, симеѡновь? Эти отличія, за которыя можно столь же твердо стоять, сколь твердо стоитъ Шафарикъ за свои восполненныя формы, ибо въ подлинникѣ нѣтъ ни тѣхъ, ни другихъ, могутъ имѣть огромное вліяніе, по причинѣ древности грамоты, на исторію б–ъ ь, и; но мы не примемъ ни своихъ, ни Шафариковыхъ, такъ какъ единственный рѣшитель ихъ достовѣрности, подлинникъ, употребляетъ ихъ въ сокращенномъ видѣ. У самого Шафарика, по сличеніи дважды изданныхъ имъ однихъ и тѣхъ же мѣстъ Жичанской грамоты, находимъ одну, или двѣ разности: котльника и котлѣника, архиепископовь и архѣпископовь, изъ коихъ послѣдняя весьма важна для опредѣленія природы б–ы ѣ. Подобное сличеніе изданій, которыя, по видимому, ручаются за свою достовѣрность, можетъ быть весьма поучительно для тѣхъ, кто изготовляетъ списки съ подлинниковъ. Сдѣсь малѣйшая неосмотрительность, опущеніе, или перемѣна одной буквы, одного значка приводятъ языкоизслѣдователя въ недоумѣніе: каково же ему, когда цѣлыя слова, цѣлыя выраженія не имѣютъ смысла, или рознятся въ изданіяхъ? Николаевичъ, издатель Сербо-Далматинскаго Магазина, имѣя въ рукахъ списокъ съ грамоты Уроша V, которая уже была напечатана въ Спомѣникахъ (№ 46), и, видя между обоими списками большую разницу, не могъ удержаться, чтобы снова не напечатать грамоты, «нека чататељи виде, како преписницы различно прекопіявају.» И вотъ отрывки изъ обоихъ изданій. Сп. Иже испрьва сицевыя любьвь бжвныя и сладость неизреченны слави твоје. и кто довольнь е изглати таковѫю блгть иже даровалъ јеси влко хе. ибии црю слави своимь рабомь. православнимь цремь. божьственнимь блговѣрнимь и чистотою. прѣшьший вса лѣта живота своего. и въсприемшимь вѣнце почьсти ѿ всемогѫщаго влки. и ѿ рѫкии аггле мьчь побѣди. Ник. Иже испрьва сицева. за любовь бжтвнѫю, и сладо неизреченноую слави твое кто доволанъ е изъглати. таковое благодѣание. иже дарова еси влко хрте ибии црю, рабомъ своимъ. слави православний царемъ блговѣрний и чтотою прешьшимхъ в лѣта живота своего. И въсприемшихъ вѣнце почьтие подавшиемъ вьсемогѫщаго влки ѿ рѫки аггелови, мачь подеду. Это начало; но и самое изложеніе дѣла не менѣе, если только не болѣе, искажено въ обоихъ спискахъ, на пр.: С. и записанъ цркви Ѡтокь (островъ) ѡниге (по ту сторону) дубровника мьсть. сь всеми сели смегами и утеси и сь всеми правинами тога ѡтока. и сь всемь метохѡ. како е ѿ вѣка биль. сѫщь га су имали иии вси ѿ прѣжѣ да имь е у баштину и у ѡборотко имь и нихъ дѣцамь до вѣка. Ник. записа има цртвоми ѡтокъ ѡнѣе дубровникъ мѣстъ Сь всеми периорѡ и правилами ѡтока тогази како е ѿ вѣка било и како кога су ниѣ прѣже имали и дрьжали да има е у баштину и у вротко ниѣ. Въ послѣднемъ гораздо менѣе смысла, чѣмъ въ первомъ. Хотя въ обоихъ есть погрѣшности, однако ихъ гораздо больше въ послѣднемъ, гдѣ также весьма подозрительна замѣна древнѣйшихъ ь, к б–ми а, ѣ: но

всему видно, что Споменики заслуживаютъ большаго довѣрія, хотя и ихъ мѣстами должно исправлять спискомъ Николаевича.

Издатели Спомениковъ спѣшили сообщить ученому міру находившіяся въ ихъ рукахъ грамоты, и сообщили ихъ даже безъ предисловія. Но какія бы ни были обстоятельства, не позволявшія имъ дать предварительнаго извѣстія объ издаваемыхъ ими памятникахъ, изслѣдователю остается жалѣть, что онъ лишенъ всякихъ критико-историческихъ и палеографическихъ замѣчаній. Подобныя указанія необходимы для точнѣйшаго опредѣленія степени возраста и достовѣрности памятника, особенно, если этотъ послѣдній не заключаетъ въ себѣ самомъ достаточныхъ данныхъ: съ ними изслѣдователю какъ-то легче приниматься за дѣло. Зная судьбу и внѣшній видъ памятника, онъ смѣлѣе дѣлаетъ свои заключенія; онъ или вполнѣ довѣряетъ памятнику, или отвергаетъ его. Грамоты въ Спомениках расположены въ хронологическомъ порядкѣ. Это легко было сдѣлать издателямъ, когда грамота помѣчена годомъ, часто индиктомъ, мѣсяцемъ и числомъ; но гораздо труднѣе, когда въ грамотѣ время не означено. Въ такомъ случаѣ остается искать другихъ историческихъ слѣдовъ: и дѣйствительно, тамъ, гдѣ есть извѣстныя имена, издатели старались по этимъ именамъ найти время грамоты. Для исторіи языка достаточно, если при грамотѣ означено разстояніе времени, въ которое жило или дѣйствовало извѣстное лицо; но политическая исторія нуждается иногда въ точнѣйшемъ опредѣленіи времени. Издатели, съ своей стороны, или приблизительно означали возрастъ грамоты, или положительнѣе опредѣляли его, если находили въ памятникѣ достаточныя для того данныя. Но есть въ Спомениках грамоты, подъ которыми поставленъ тотъ, или другой годъ безъ всякого видимаго основанія; есть и такія, подъ которыми года не выставлено, но которыя поставлены въ ряду грамотъ извѣстнаго возраста.[1] При таковыхъ грамотахъ необходимо бы было предпослать нѣсколько словъ, которыя объясняли бы, почему такъ поступили издатели; но если этихъ словъ нѣтъ, то мы не можемъ въ нѣкоторыхъ грамотахъ согласиться съ ихъ отмѣтками. Такъ грамоту № 17, августа 13, я ставлю передъ гр-ою № 16, Ш. № XVI, отъ 1253 года, іюня 15. Въ первой король Урошъ I заключаетъ выгодный договоръ съ Дубровникомъ, а во второй Дубровникъ входитъ въ союзъ съ царемъ Булгарскимъ, Михаиломъ Асѣномъ, противъ Уроша I. Черезъ два мѣсяца не могло совершиться такой перемѣны, тѣмъ болѣе, что въ слѣдующемъ году, мая 22, Дубровничане, заключая договоръ съ Радославомъ Хлумскимъ (№ 19, Ш. № XVII), ссылаются на клятву, данную Михаилу, а отсутствіе имени князя Георгія Марцела показываетъ, что въ то время онъ уже не былъ княземъ. Но такъ какъ въ гр-хъ NN 16 и 17 онъ упоминается, какъ князь Дубровницкій, то очевидно, что 13-е августа должно относиться къ годамъ, предшествующимъ 1253 году, въ которомъ, 15-го іюня, заключенъ былъ договоръ Дубровничанъ съ Михаиломъ: слѣдовательно, гр-а № 17 писана между 1249 годомъ, въ которомъ княземъ былъ Яковъ Дельфинъ, и 1253. Грамоту подъ № 24, писанную, по мнѣнію издателей, около 1254 года, я отношу къ 1276 году—и вотъ мои доказательства. Въ грамотѣ подъ № 31, 1281 года, Стефанъ Милутинъ упоминаетъ объ устроѣ съ Дубровничанами, сдѣланномъ пять лѣтъ тому назадъ, т. е., вскорѣ по вступленіи его на Сербскій престолъ: естественно, Дубровничане спѣшили возобновить съ каждымъ новымъ владѣльцемъ уговоръ, сдѣланный съ его предшественниками. Въ гр-ѣ подъ № 31 изложено, въ чемъ состоялъ этотъ уговоръ или устрой 1276 года: 1) да ѿ сел҄ѣ и напрѣдь кралевствоми ими мать властелоⷨ дуб-

[1] На примѣръ, NN 11, 23, 28, 29, 30, 34, 38, 41, 69, 72, 74, 149, 156.

робьтьскиимь и обьщинѣ и трьжникомь ихь. 2) **да имь е миръ кои е и прьво имь быль докль живу право сь кралевствомь.** 3) **ако ли што погрѣше земли кралевствами и не исправелисе. да имь се да вѣдание трьми мѣсеци яко си могу трьжинци ихь ѿити у градь сь всѣмь своимь.** 4) **а да даю кралевствуми их годищіе. двѣ тисущи перперь.** 5) **и сиизи миру не урече кралевствоми урока докль хоке быти нь ако ми не сьгрѣше и до живота мога да си имаю сизи миръ и сизи двѣ тисуки да даю на димитровь днь.** Подпись: **Стефань по Милости Божіеи Краль Србске Земле и поморсикхь.** Въ грамотѣ подъ № 24 видимъ, что Дубровничане въ первый разъ входятъ въ устрой съ королемъ, ибо тутъ есть ссылка на предшественника: 1) **како имь е биль створиль братьми кра̑ степань** (Драгутинъ) **милость: по томоужѐ образоу и кра̑вьствами створи имь милость.** Въ чемъ состояла эта милость, видно изъ послѣдующихъ словъ, которыя совершенно согласны съ словами гр-ы № 31, именно: 2) **доколѣ правдоу имоуть имѣти кра̑вьтвоуми: коупьци ихь да си ходе по земли кра̑ствами: безбоязни и безабаке: сь всакомь свободомь:** 3) **а они да даю ѿ града: кралевтвоуми: на всако годище: двѣ тисоуки перьперь: на димитровь дн̑ь:** 4) **и яко што сьгрѣше кра̑ктвуми: да се соудомь исправламо: како е по закону: аколи соуда не боуде сьвршение: ихь коупьци кои боудоуть оу земли: кра̑ткамн: да имь есть рокь: за три мѣсеце: да си изидоуть сь всѣмь своимь добитькомь:** 5) **и даю имь милость до живота: мого:** Подпись: **Стефань урошь По милости божиеи Краль и свегомь Самодрьжьць срьбские земли и поморьские.** Объемъ грамоты, тожество условій, сходство изложенія и самыхъ выраженій, и, наконецъ, подпись съ словомъ «самодержецъ», являющаяся въ грамотахъ Милутина, что замѣчаетъ и Шафарикъ[1], заставляютъ меня отнести гр-у № 24 къ 1276 году и признать ее за тотъ уговоръ, о которомъ, спустя пять лѣтъ, упоминается въ гр-ѣ № 31, 1281 года. Пятилѣтнее разстояніе назадъ съ 1281 года приводитъ гр-у № 22 къ 1276 году или ко времени воцаренія Милутина, чѣмъ и объясняется ссылка на предшественника его, или брата, Драгутина. Равномѣрно, гр-у № 25 я отношу къ Милутину, хотя не могу въ точности назначить ей года. Если въ гр-ѣ № 24 Милутинъ повторяетъ устрой съ Дубровничанами своего брата, то въ гр-ѣ № 25 онъ повторяетъ укладъ съ Дубровничанами своего отца, Уроша I. Драгутинъ, царствовавшій весьма не долго, съ 1272 по 1275 годъ, вѣроятно, не могъ подтвердить всѣхъ прежнихъ укладовъ, и нѣкоторые остались на подтвержденіе его брату, Милутину. Въ гр-ѣ № 25 кратко сказано: **да су на законѣ. што имь е даль. ст̑опоучивши. г̑ьми ѿць;** но повторено важнѣйшее условіе договора Уроша I подъ № 22: **и аке се обрѣте кои дьгь межу срьблиномь сь дубровчаниномь. да да имь и су прѣдь судиомь срьбскимь и прѣдь единѣмь дубровчаниномь,** повторено въ слѣдующихъ выраженіяхъ: **да имь нѣ удаве. у коемь годѣ дьгу. лише судомь. да се ищу. да е едн̑ь срьблинь. а други дубровьчаниномь.** Все это мѣсто и рѣдкое слово «удава», встрѣчающееся въ обѣихъ грамотахъ, показываютъ, что писецъ имѣлъ предъ глазами договоръ Уроша I; но самое уже повтореніе одного и того же условія и ссылка на договоръ отца свидѣтельствуютъ, что обѣ грамоты №№ 22 и 25 не могутъ принадлежать одному и тому же королю, и послѣдняя непремѣнно принадлежитъ сыну Уроша I, если не Милутину, какъ думаю, то Драгутину, хотя имя одного и того же Дубровницкаго посла, Грубѣши, встрѣчающееся въ гр-хъ № 25 и № 31, указываетъ скорѣе на Милутина; слѣдовательно, эта грамота можетъ быть отнесена ко времени между 1272

[1] Slovanské starožitnosti, V Praze, 1837. Okres II, článek IV, §. 31, 647. Славянскія Древности, переводъ О. Бодянскаго. Москва, 1848. Томъ II, кн. I, стр. 420. Примѣчаніе.

и 1281 годами. Что касается до гр-ъ №№ 23, 28 и 30, то я не имѣю никакихъ данныхъ для ихъ повѣрки; издатели же, по сходству почерка, подписей и печатей, также по матеріалу, на которомъ онѣ писаны, могли лучше опредѣлить ихъ возрастъ: они назначаютъ первой время около 1254, а послѣднимъ около 1280 года. Впрочемъ, основываясь отчасти на сходствѣ подписей, а преимущественно на повторенія въ гр-хъ № 23 и № 22 одного и того же положенія относительно мѣстечка Брескова, я причисляю грамоту № 23 къ грамотамъ Милутина, т. е. къ №№ 28 и 30. Если въ гр-ѣ № 22 Урошъ I уже уставилъ: **И кvпци що несꙋ кvплю ако растовари ꙋ брьсковꙋ. да плати царинꙋ. ако ли мимо несе да гѣ прода. тꙋ и царинꙋ да плати**, то ему не зачѣмъ было повторять того же самого во второй разъ и единственно для этого писать особую грамоту. Милутину же свойственно было подтвердить уговоръ отца, тѣмъ болѣе, что въ этой грамотѣ положена за ослушаніе одинаковая пѣня, 500 перперовъ, какъ и въ гр-ѣ № 25. Всѣми этѣми грамотами, весьма краткими, Милутинъ какъ бы точнѣе опредѣлялъ прежнія торговыя отношенія къ Дубровнику, при немъ еще не опредѣленныя, а именно: въ гр-ѣ № 23 о томъ, чтобы не брать ничего съ Дубровницкихъ купцовъ, минующихъ Бресково; въ гр-ѣ № 28 не брать у нихъ ничего безъ платы, или насильно; въ гр-ѣ № 20 о правѣ продавать спиртъ и вино въ Бресковѣ. Грамота № 27 не ранѣе 1272 года, въ которомъ умеръ Урошъ I. Въ ней, между прочимъ, Елена, супруга Уроша I, уговаривается съ Дубровничанами извѣщать ихъ о всемъ, что задумаетъ противъ нихъ Король. Грамота писана въ Брьнаткахъ. Такъ не могла она дѣйствовать относительно мужа, ибо лѣтописцы не упоминаютъ ни о какихъ ея несогласіяхъ съ мужемъ; но, естественно, она не должна была довѣрять своему сыну, Драгутину, который лишилъ престола своего отца, а ея мужа. Пребываніе въ Брьнаткахъ указываетъ на слова лѣтописцевъ, которые повѣствуютъ, что, по смéрти своего отца, а ея мужа, Драгутинъ далъ ей для жительства мѣсто въ Дуклѣ близъ Скодра, а Даніилъ именно называетъ Брьнатками дворъ ея, гдѣ она жила монахинею и скончалась въ 1305 — 1306 г. [1] Она могла такъ дѣйствовать и относительно другаго своего сына, Милутина; ибо ей, приверженной къ Римской церкви, не нравилась политика сына, хитрившаго съ Западомъ. Извѣстно, что Милутинъ не доброжелалъ Дубровничанамъ за то, что они ссорились съ Которомъ и потомъ, въ союзѣ съ Венеціянами, овладѣли нѣкоторыми Далматскими городами, принадлежавшими, по его словамъ, къ Хлуму. [2] Впрочемъ, имя Дубровницкаго князя Ивана Сторлата, которому издатели назначаютъ приблизительно 1268 годъ, заставляетъ и самую грамоту № 27 отнести ко времени, ближайшему къ этому году. Гр-у № 29 мы скорѣе припишемъ Душану, чѣмъ кому-либо другому. Грамота № 35 не относится ни къ 1292, ни къ 1372 году, какъ думаютъ издатели. Число ҂ѕѿ. неполное, что доказываетъ и самая недописанная титла надъ ѿ; этой титлы нельзя принимать за букву или цыфру п и объяснять 1372 годомъ: въ такомъ случаѣ численная буква п слѣдовала бы въ строкѣ; точка, поставленная послѣ ѿ ничего не выражаетъ, ибо численныя буквы часто раздѣляются одна отъ другой точками. Индиктъ а не приходится ни на 1292, ни на 1372 годъ. Года съ индиктомъ а҃ суть: 1288, 1303, 1318, 1333, 1348 1363, 1378 и т. д. Я отношу эту грамоту къ 1348 году на слѣдующемъ основаніи: 1) пышное вступленіе, отличающее дарственныя грамоты Душана [3]; 2) ти-

---

[1] Engel, Geschichte von Serbien und Bosnien. Стр. 241. — Раичъ, ч. II, стр. 501.

[2] Appendini, Notizie storico-critice sulla antichità dei Ragusei. T. I. стр. 282 — 287.

[3] Ср. Аврамовича О. Д. С. у С. Г., NN 5, 10, 11, 12. — Восток., N 1.

тулъ: азъ въ ха бга благовѣрни и бгѡ поставлени црь стефань срьблѥ и грькомь и зламьи стран. Въ 1346 году Стефанъ Душанъ наименовалъ себя царемъ Сербскимъ, Греческимъ и Булгарскимъ, а сына, Уроша, королемъ Сербскимъ; 3) титулъ и имена супруги и сына: и сь бгодарованноюми бгоүтнвою и хртолюбивою црцею августиею кѵра еленою и сь възлюбленнимь и благовѣрнимь сиомь наю кралемь урошемь, что одно уже служитъ достаточною причиною для пріуроченія грамоты ко времени Душана. Въ грамотахъ, напечатанныхъ у Авраамовича, въ описаніи Сербскихъ древностей на Аѳонѣ, подъ №№ 10 и 12, и отмѣченныхъ годами, Стефанъ Душанъ точно также именуетъ супругу и сына: прѣвисокїе, и бгодарованныимъ црце августиѡ кѵра Єлене. и сь бгодарованнымь сиомь наю благовѣрнымь кралемь Урошемь (№ 10). сь блгоүтивою и хртолюбивою прѣвисокою августїею благовѣрною црцею кѵра єленою. И сь бгодарованнымь и прѣвъзлюбленнимь сиомь наю кралемь ѹрошемь (№ 12). Въ Споменикахъ, въ гр—ѣ № 46, Урошъ, сынъ Душана, называетъ свою мать благовѣрною црцею кѵра еленою; 4) индиктъ а совпадаетъ съ 1348 годомъ. Грамота № 41 должна стоять между грамотами короля Душана (1336 — 1346), ибо въ ней владѣтель Сербіи называется еще «королемъ». Въ ней Дубровницкіе послы, Живе, Маро и Мартолица, совершаютъ сдѣлку въ Которѣ съ какимъ-то «господиномъ» касательно Которской царины за соль на три года. Въ гр—ѣ № 55, 1362 года, мы видимъ, что Дубровничане за что-то поссорились съ Воиславомъ Которскимъ, а въ гр—ѣ № 56, вѣроятно, того же года, самъ Воиславъ объясняетъ, что онъ уже помирился съ Дубровничанами и повторяетъ, что соляной откупъ продалъ на три года Дубровницкимъ посламъ, и что годъ начинается съ 21 августа (1362 года?). Ясно, что предметомъ ссоры былъ соляной откупъ, и что во всѣхъ трехъ грамотахъ дѣло идетъ объ одномъ и томъ же. Но такъ какъ въ грамотѣ Воислава соляной откупъ и его условія представляются дѣломъ обычнымъ и стародавнимъ, старимь закона како смо и прьво имали, то это выраженіе и показываетъ, что тѣ три года, о которыхъ идетъ рѣчь въ гр—ѣ № 41, не принадлежатъ къ 1360-мъ годамъ, въ продолженіи которыхъ условія солянаго откупа были нарушены и завязалась вражда между Дубровникомъ и Воиславомъ; другими словами, гр—а № 41 не есть тотъ самый договоръ, который въ шестьдесятъ вторыхъ годахъ былъ нарушенъ Воиславомъ: иначе невозможно бы было помирить слово «краль» съ царствованіемъ царя Уроша V. Относительно возраста грамотъ подъ №№ 51 и 52, я согласенъ съ Миклошичемъ[1], что издатели ошибочно означили ихъ 1357 годомъ. Первая принадлежитъ Стефану Первовѣнчанному (1195—1224), что доказывается 1) грамотою подъ № 52, которая непремѣнно должна принадлежать Урошу II Милутину, а не Урошу V, сыну Душанову, о чемъ скажу ниже. Въ ней Милутинъ называетъ Стефана, одарившаго Бенедиктинскій монастырь Богородицы на Млѣтѣ, своимъ дѣдомъ; 2) выраженіемъ: И въ братий мои вниша ме мнинь, которое относится къ брату Стефана Первовѣнчаннаго, Вукану, дѣйствовавшему противъ брата. Это же выраженіе точнѣе опредѣляетъ время грамоты, именно, между 1204 и 1224 годами: въ 1203 г. Вуканъ отказался отъ Сербскаго престола, а въ 1224 умеръ Стефанъ; 3) титуломъ: азъ грѣшьни стефань велий кра. намѣстьный гнь вьсе срьбске земле. и диоклие. и далматие. и тракоүние. и хльмьске земле: такъ титуловался Стефанъ Первовѣнчанный[2]; 4) языкомъ и духомъ всей грамоты; 5) подписью: Стефань по Ми-

[1] Homilia, Praefatio.

[2] Шафарикъ. Slow. Staroż. II, IV, 31, 647. Слав. Древн., т. II, кн. 1, стр. 420. Примѣчаніе

лости Божеи вѣнчанын Краль и самодрьжець вси Срьпске Ꙁемли и поморьски. Предъ Милутиномъ одинъ Стефанъ Первовѣнчанный именовался самодержцемъ, что согласно и съ показаніемъ Шафарика [1]. Слово «вѣнчанный», встрѣчающееся и въ Жичанской грамотѣ (Ш. № VII), указываетъ на того же Стефана и еще точнѣе опредѣляетъ возрастъ грамоты: она не старше 1217 года, въ которомъ Стефанъ былъ вѣнчанъ. Сдѣсь я разумѣю первое его вѣнчаніе папою Григоріемъ, ибо очень естественно, что Стефанъ, имѣя въ виду благоволеніе Папы, дарилъ земли Бенедиктинскому монастырю. Въ 1222 году онъ былъ снова вѣнчанъ своимъ братомъ, Савою, и не могъ уже такъ поступать въ отношеніи католицизма. Слѣдовательно, грамота писана между 1217 и 1222 годами. Послѣднихъ четырехъ доказательствъ достаточно, чтобы утвердить эту грамоту за Стефаномъ Первовѣнчаннымъ: по этому грамота № 52, гдѣ новый король называетъ Стефана своимъ дѣдомъ, относится къ Милутину; но, кромѣ того, она имѣетъ и свое доказательство — подпись: **Стефань оурошь по милости божиеи краль и самодрьжьць вьсе Срьпьске земле и поморске.** Такъ подписывался Урошъ II Милутинъ [2]. Урошъ V, которому издатели приписали эту грамоту, подписывался иначе: **Стефань оурошь вѣрни** (или: **благовѣрни**, или: **вь ха ба благовѣрни**) **царь Србльмь и Грькомь** [3]. Грамота Черноевичей, Радича и Степана, № 60, поставленная издателями между 1367 и 1368 гг., должна быть отнесена ко времени нѣсколько позднѣйшему; ибо въ ту пору Черноевичи не могли еще имѣть такого значенія и такихъ владѣній, каковыя открываются изъ гр-ы, данной ими Дубровничанамъ. Условіе извѣщать другъ друга о врагахъ, свобода торговли въ земляхъ тѣхъ и другихъ и самая возможность договора относятъ гр-у ко временамъ послѣднихъ Балшичей, т. е., къ 1380, или 90-мъ годамъ, если только не ко времени еще позднѣйшему; ибо нѣчто сходное съ именами этихъ Черноевичей встрѣчаемъ въ гр-ѣ Ивана Черноевича, 1485 г. (Мил.), гдѣ въ числѣ родственниковъ послѣдняго упоминаются Остоичи, Ратко съ братомъ и племянниками, которые уступаютъ свои владѣнія Цетинскому монастырю и за нихъ получаютъ отъ Ивана Черноевича новыя владѣнія «землю за землю, лозу за лозу, дубъ за дубъ во вѣки и въ баштину». Въ такомъ случаѣ грамота № 60 сдѣлается еще моложе и будетъ относиться къ концу XV ст. Небольшая грамота № 69 Вука (Бранковича) должна слѣдовать за гр-ю № 73, ибо въ ней Вукъ подтверждаетъ свое первое записаніе, данное Дубровничанамъ подъ № 73 въ 1387 году: слѣдовательно гр-а № 69 должна стоять не между 1382—1385 годами, какъ ставятъ ее издатели, а послѣ 1387 года. Грамоты №№ 74 и 75 должны стоять гораздо ниже. Первая, данная Владиславомъ Стефановичемъ (сыномъ Стефана Косачи) Дубровнику, въ томъ, что онъ отказывается отъ своей доли, 12 тысячь червонцевъ, всего скорѣе относится къ тому времени, когда Владиславъ, обиженный отцомъ, бѣжалъ къ Дубровничанамъ и, при помощи ихъ войска, велъ двѣ войны съ своимъ отцомъ (1441 — 1463). Вторая, данная Дубровнику воеводою Алибегомъ Павловичемъ, также должна относиться или къ 1433 году, подъ которымъ Раичъ [4] говоритъ о пашѣ Алибегѣ, пришедшемъ въ Албанію и разбитомъ въ Герцеговинѣ, или вообще къ половинѣ XV столѣтія, когда Албанія подчинилась Турціи и въ ней началось отуреченіе. Отечественное имя «Павловичъ» указываетъ на отурчившагося Славянина, какъ и вы-

---

[1] Тамъ же.
[2] Шафарикъ, тамъ же.
[3] Ср. NN 50, 53, 54, 55.
[4] Исторія и пр., ч. III, стр. 156.

нѣ таковые Сербы любятъ величать себя христіанскими отечественными именами. Грамоту № 149 должно приписать Юрію Кастріоту Скендербегу, какъ по духу и содержанію, такъ и по тому, что писана въ Лѣшѣ и заключаетъ имя дьяка (канцлера) Ницца, который встрѣчается въ предыдущей гр-ѣ, принадлежащей Скендербегу: слѣдовательно, она писана около 1459 года. Грамота подъ № 156 писана около 1466 года, какъ и грамота № 155, означенная этимъ годомъ: въ обѣихъ родичи Брамла Тезаловича получаютъ наслѣдство по смерти его дочерей. Грамота подъ № 175, отъ 1413 года, 3 октября, дана Стефаномъ Григоріемъ съ матерью и братьями, Стефаномъ Юрьемъ и Лазаремъ. Объ ней упоминаетъ Аврамовичъ [1]. Григоровичъ ошибочно относитъ ее къ 1424 году [2]. Іос. Мюллеръ, въ перечнѣ Аѳонскихъ грамотъ [3], подъ 1414 (3) годомъ, 3 окт., приводя эту самую грамоту, измѣняетъ степени родства и относитъ ее къ деспоту Юрію Бранковичу съ супругою и дѣтьми, Стефаномъ, Юріемъ и Лазаремъ. Ему казалось страннымъ встрѣтить четырехъ братьевъ вмѣсто трехъ; но вся ошибка его состояла въ томъ, что имя Стефана, при имени Юрія, онъ счелъ особымъименемъ и отдѣлилъ одно отъ другаго запятою, между тѣмъ какъ имя Стефана есть такое же придаточное при имени Юрія, какъ и при имени Григорія. Чрезъ это онъ сдѣлалъ три еще бóльшія ошибки: во первыхъ, отца Юрія Бранковича назвалъ Григоріемъ, именемъ старшаго его сына; во вторыхъ, сдѣлалъ его деспотомъ, тогда какъ въ 1413 году Юрій Бранковичъ еще не былъ деспотомъ, и въ третьихъ, сыновей его назвалъ Стефаномъ, Юріемъ и Лазаремъ, а извѣстно, что сыновья его назывались Григоріемъ, Стефаномъ и Лазаремъ. Ясно, что грамоту должно приписывать не дѣтямъ Юрія Вуковича Бранковича, а самому Юрію Вуковичу съ братьями, старшимъ Григоріемъ и младшимъ Лазаремъ Вуковичами. Эти самые князья дали другую грамоту 1405 года, 29 декабря, № 91, въ которой мать свою называютъ Марою, отца Вукомъ: сдѣсь нѣтъ имени Стефана при именахъ Григорія и Юрія, откуда видно, что имя Стефана показываетъ только, что братья считали свой родъ царскимъ и ближайшимъ къ престолонаслѣдію по родству съ царемъ Лазаремъ. Грамота № 176 Стефана Дечанскаго, не отмѣченная годомъ, относится къ 1330 году, ибо въ ней говорятся о побѣдѣ надъ Михаиломъ, царемъ Булгарскимъ, какъ событіи современномъ, и о созданіи, украшеніи и надѣленіи землями Дечанскаго монастыря. Грамота № 179 означена не тѣмъ годомъ, какимъ слѣдуетъ: писецъ ошибся и вмѣсто ҂ѕ҃: ѿ: ҃ч: е (1395) написалъ ҂ѕ҃: ѿ: ҃л: е (1325). Въ этой грамотѣ Дабиша именуется королемъ и говоритъ о смерти Тврьтка, который умеръ, какъ извѣстно, въ 1391 году. Писцы не всегда вѣрно означали годъ, и особенно индиктъ. Ошибки противъ послѣдняго очень часты. Издатели не довѣряютъ писцу въ гр-хъ №№ 170, 171 и 172 и означаютъ года по своему. Въ гр-ѣ № 170 два раза поставленъ ҂зѯд (1466) годъ; но издатели замѣнили его 1496 годомъ. Въ гр-ѣ № 171 поставленъ ҂зѯе годъ, очевидно, неправильно написанный. Въ этой грамотѣ, октября 10, Владиславъ Стефановичъ упоминается умершимъ, а въ гр-ѣ № 162 ҂з. и ѯ. и н. и е. (1487), окт. 27, онъ еще живъ. Слѣдовательно, буква ѯ не можетъ означать 60, какъ бы вмѣсто ѯ, и должна стоять вмѣсто ч҃ (90). Такъ и сдѣлали издатели, переведя число ҂зѯе числомъ 1497. На этомъ основаніи и гр-у № 172, въ которой поставленъ ҂зѯи годъ, они помѣтили 1498 годомъ;

[1] О. Д. С. у С. Г., стр. 76.
[2] Путешествіе, стр. 25, N 4.
[3] Slav. Bibliothek v. Miklosich. 1851. Стр. 171.

но такъ какъ въ этой грамотѣ встрѣчается имя Жарка Хлускаго, и его же мы видимъ въ гр-ѣ № 170, то, вѣроятно, по этой причинѣ они и гр-у № 170 отнесли къ 1496 году. По моему мнѣнію, писецъ не могъ въ одной и той же грамотѣ № 170 ошибиться сряду два раза, написавъ ҂ѕцѯ, и потому вѣрнѣе отмѣтить ее 1466 годомъ, а въ гр-ѣ № 172 принять букву з за сокращенную ѯ и отнести грамоту къ 1468 году. Наконецъ, гр-а № 131 ошибочно означена 1441 годомъ, когда въ ней самой выставленъ 1457 годъ. Судя по устному отзыву Шафарика и по печатному г. Срезневскаго, въ Академическихъ Извѣстіяхъ, я долженъ сказать, что Споменики изданы весьма вѣрно, исключая нѣкоторыя ошибки переписчика и опечатки, о коихъ не можетъ быть и рѣчи.

Перехожу къ грамотамъ, напечатаннымъ у Авраамовича въ его Описаніи Сербскихъ древностей на Аѳонѣ. Издатель хотѣлъ расположить грамоты въ хронологическомъ порядкѣ, но не вездѣ ему удалось это. Я постараюсь опредѣлить годами тѣ изъ нихъ, подъ которыми года не выставлено. Первая принадлежитъ, безъ сомнѣнія, Стефану Неманѣ и относится къ тому времени, когда Неманя, удалившись изъ Студеницы въ Аѳонскую гору, возобновилъ разрушенный монастырь Хиландаръ. Представленіе его было февраля 13, 1200 года, какъ свидѣтельствуютъ Житіе его, писанное сыномъ его, св. Савою [1], и слово, говоренное тѣмъ же святымъ и помѣщенное въ Хиландарскомъ типикѣ [2]. Монастырь Хиландаръ окончательно возобновленъ имъ былъ за 8 мѣсяцевъ до представленія, какъ сказано въ томъ же типикѣ [3]: отсюда заключаемъ, что грамота писана не ранѣе, какъ за 8 мѣсяцевъ до кончины Стефана Немани (въ монашествѣ Симеона), т. е., въ августѣ 1199 года, ибо въ ней говорится уже о возобновленіи и надачѣ монастыря. Двѣ грамоты №№ 3 и 4, принадлежащія Стефану Урошу II Милутину, должны быть писаны вскорѣ послѣ гр-ы № 2, 1302 года; ибо въ нихъ говорится о надачѣ пирга (башни) и отношеніи его къ Хиландару и о средствахъ къ содержанію монаховъ, словомъ, рѣшаются такіе вопросы, которые должны были представиться вскорѣ послѣ основанія пирга. Подписавшійся въ нихъ архіепископъ Сава III скончался въ 1316—1317 году. Грамота № 5 принадлежитъ королю Стефану Душану и писана ранѣе 1346 года, ибо въ ней онъ еще не именуется царемъ. Что она принадлежитъ Душану, то это видно изъ степеней родства: въ ней Стефанъ король называетъ себя сыномъ Уроша III. Грамота № 6 принадлежитъ Милутину, и должна стоять послѣ гр-ы № 2 и прежде гр-ъ №№ 3 и 4, ибо въ ней говорится, съ одной стороны, о пиргѣ, какъ уже созданномъ, а съ другой, объ Еленѣ, матери Милутина, умершей въ 1305 году, и архіепископѣ Евстафіи II, правившемъ отъ 1291 до 1308 г., какъ о находящихся еще въ живыхъ, между тѣмъ, какъ въ гр-хъ №№ 3 и 4 подписывается уже Сава III. Сверхъ того, въ ней упоминается о селѣ Добродолянахъ, какъ раздѣленномъ на двѣ части, изъ коихъ одна принадлежитъ Хиландару, а другая Студеницѣ: но изъ гр-ы № 8, 1327 года, извѣстно, что преемникъ Милутину, Стефанъ Дечанскій, соединилъ обѣ половины и отдалъ все село Хиландару, надѣливъ Студеницу другими селами. По всему этому грамота № 6 никакъ не можетъ принадлежать преемнику Милутина; а что она не принадлежитъ и предшественнику его, то это видно изъ слѣдующихъ обстоятельствъ: 1) дарующій король называетъ королеву Елену своею матерью и подписывается «самодержецъ»;

---

[1] Изданное Шафарикомъ въ Памятникахъ, стр. 14.
[2] Авраамовича О. Д. С. у С. Г., стр. 8.
[3] Тамъ же, стр. 8.

2) приводятся имена епископовъ изъ тѣхъ епархій, которыя, по словамъ Ранча, [1] были основаны Милутиномъ, но не при Никодимѣ архіепископѣ, какъ думаетъ Ранчъ, а еще ранѣе Савы III, при Евстафіи II; 3) на нее намекаетъ самъ Милутинъ въ другой, позднѣйшей, своей гр–ѣ А. № 4, когда говоритъ.... и̓ и̓раа̓ многаа̓ приложенина̓ и̓дѣже ми бы възможно приложи.... села и̓ пашища довол̓но въ срьбьсцѣи̓ и̓ въ грьцѣи̓ земли.... та̓ же вса зде не исписаше. нижже соуть въ црькихъ хрисокоулахъ. и̓ въ пра̓дѣстѣхъ хрисокоула̓. Этотъ хрисовулъ и есть та самая гр–а № 6, ибо въ ней именно говорится о селахъ и земляхъ, дарованныхъ Милутиномъ Хиландару; а такъ какъ въ ней не упоминается уже о какомъ либо другомъ хрисовулѣ того же короля, но только о хрисовулахъ родителей и прародителей, то изъ этого и видно, что гр–а № 6 старше гр–ы № 4. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что грамота писана между 1302 и 1304 годами. Объ ней знаетъ Ранчъ [2] и приписываетъ ее также Милутину. Грамота № 7 относится къ Стефану Дечанскому, ибо заключаетъ въ себѣ обстоятельства его жизни. Въ ней Король обращается съ молитвою къ св. Николаю и возобновляетъ во имя его церковь въ Добруштѣ. Между прочимъ упоминаетъ о гнѣвѣ своего отца, Милутина: ако и раждьжена оустроити оутробоу родителя кравми. и вьврьгши ме хоте вь ровь погыбѣли ако не бити ми. насалдника столоу отьства моего и пр., и называетъ себя внукомъ короля Стефана Уроша (I). Лѣтописецъ Даніилъ и рукописное житіе Стефана Дечанскаго, писанное Григоріемъ игуменомъ [3], свидѣтельствуютъ о чудесахъ, совершенныхъ на немъ св. Николаемъ, и объ особенной вѣрѣ, которую питалъ Стефанъ къ этому святителю и чудотворцу. Извѣстенъ также гнѣвъ Милутина на своего сына, въ слѣдствіе котораго Стефанъ былъ ослѣпленъ. За грамотою № 15 должна слѣдовать гр–а № 18: въ ней мать деспота Стефана Лазаревича еще носитъ имя Милицы, тогда какъ изъ другихъ грамотъ видно, что въ 1395 году она была уже монахинею и называлась Евгеніею [4]. За нею слѣдуетъ гр–а № 19, въ которой упоминается уже монахиня Евгенія съ двумя сыновьями, Стефаномъ и Вукомъ. Евгенія скончалась въ 1406 году [5]: слѣдовательно, и грамота писана ранѣе 1406 года. Далѣе слѣдуетъ грамота № 17 отъ 1411 года, подписанная однимъ Стефаномъ, ибо Вукъ былъ убитъ Мусою въ 1410 году. Наконецъ, гр–а № 16, которую ставлю послѣ всѣхъ вышеупомянутыхъ, потому что въ ней Стефанъ называется уже ктиторомъ Хиландара и говоритъ о благопріятныхъ временахъ, которыя настали только въ концѣ его господствованія: 'Азь ѿ юности малагоми възраста и̓ младіихь ноктеи, боу сьмотрени-

---

[1] Ч. II, стр. 625.

[2] Ч. II, стр. 598.

[3] Житіе и̓ жительство блаженнаго мѹчника въ црѣхъ, Стефана Срьбьскаго, иже вдетѧ. списано григоріемь мнихо̑ и̓ презвитеро̑, игоумено̑ бывши̑ тои же обители.

[4] Мюллеръ у Миклош. Slav. Biblioth., стр. 168.—Успенскій Ж. М. Н. П. 1848, LVIII, стр. 174.

[5] Рукопись подъ заглавіемъ: Житіе и̓ жизнь прпо помнима̑ словоущаго, блгоутнкаго гна деспота стефана. списано покелѣніемь и̓ поможеніемь стѣишаго патріарха. земла тоа срьбьскыа кіръ никона. и̓ волатны̑ началникь. видѣніемь тристы̑ і̓ явленіемь самомь тезоименитомоу. прославлѧющоу сіа быти. Зач. 52: начать оубо здати обитель сію. вла̑. ѕ.ціеі. (1407) а̓ прѣжде сего. лѣта престави блгоутнка̑ гжа бгоми̑. мти сего тезоименитаго. Лѣтописцы Сербскіе кончину ея относятъ къ 11-му ноября 6915, а по другимъ, 6914 года (1406 — 1405). Шаф. Памятн., стр. 75 и сл. Черногорскій.

нимь вьса на пользоу имъ творещоу, вь многыихь злалютныихь и несьтрьпимыихь искоушеныихь, паче же сьмрьтехь попоущеныемь выхь. Ниже свѣдѣтели и слышатели иныимь стихіе и вь малѣ не вьса вьседимнаа. и ѿ вьсѣхь изваби ны гь... Нна же спрѣвнща велинаа бл҃гости бж҃ние ѿврьзошесе намь. и сьмирихомсе и почихомь. и облаци тьмніи разстоупишесе, и вьсиа намь слнце. И рьчемь сь аплмь. Сѐ врѣме бл҃гоприятно. Сѐ нна днь спсеніа. Тоже говоритъ и жизнеописатель его: и ѿтолѣ житедьство же и вещи. вса мирьскаа състоаніа вьсприеше:. Дръжавьный же оубо еднио днь дне. на болшаа подвизаше, и бл҃годара бга ѡ всѣ иже сътвори въ вса дни живота его. и бѣ дѣло его матвна непрестаннаа. . . . Баше же бл҃гоутнвь и матвьзѣло. идеже кого слышаше бгу жительствующа. и вьредвѣ его вса пѫстыннаа. и въ стои горѣ афоньской. ѡбщежителный и мльчателный. всѣ доволнѣ матвою испльняаше[1]. Изданіе Авраамовича, сколько можно судить по немъ самомъ, сдѣлано весьма отчетливо. Въ немъ находимъ такіе оттѣнки въ употребленіи буквъ и надстрочныхъ знаковъ, какіе не вѣрный, наскоро сдѣланный, списокъ не могъ бы удержать: по всему видно, что переписчикъ работалъ съ полнымъ тщаніемъ и знаніемъ дѣла. Сходство изданія гр—ы подъ № 1 съ изданіемъ той же гр—ы Шафарика № V служитъ лучшимъ тому доказательствомъ. Сверхъ того Авраамовичъ сдѣлалъ попытку дать нѣкоторое понятіе о грамотахъ въ палеографическомъ отношеніи.

Для Споменковъ и изданія Авраамовича замѣчу еще, что въ нихъ нѣкоторыя грамоты, по годамъ, выставленнымъ самими издателями, являются однимъ годомъ моложе, чѣмъ какъ онѣ есть на самомъ дѣлѣ, судя по подлиннымъ годамъ, означеннымъ въ нихъ самими писцами. Вся ошибка происходитъ отъ того, что издатели выпустили изъ виду лѣтосчисленіе, которому слѣдовала древняя православная Сербія. Извѣстно, что общепринятое сдѣсь лѣтосчисленіе было сентябрское и начиналось отъ сотворенія міра. По этому мѣсяцы сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь, сравнительно съ генварскимъ лѣтосчисленіемъ, приходились уже къ слѣдующему году по сентябрскому, между тѣмъ какъ по генварскому оставались еще за прошедшимъ годомъ. Если одинъ изъ этихъ четырехъ мѣсяцевъ встрѣчался въ грамотѣ, то слѣдовало изъ означеннаго тутъ же года отъ с. м. вычитать не 5508, а 5509 лѣтъ. Въ доказательство справедливости этого замѣчанія приведу примѣръ изъ самихъ же грамотъ. Такъ еклизіархъ Симонъ, писавшій одну изъ грамотъ царицы Мары (С. № 165), въ концѣ XV-го вѣка, выставилъ ҂ѕѯ҃ѳ (6979) годъ, ноября 4, присовокупивъ, а по како се латинсии разоумѣ ѿ рожьства хва ҂аух҃ ле҃. ноѣ. д (1470). Сдѣсь онъ ноябрь относитъ къ прошлому еще году по счисленію генварскому. Ошибочно означены года въ слѣдующихъ грамотахъ: С. №№ 40, 43, 54, 61, 64, 67, 68, 90, 91, 111, 113, 137, 138, 147; А. №№ 11, 15. Всѣ эти грамоты должны быть означены годомъ старше.

Въ Гласникѣ[2] разсказанъ случай, приведшій въ извѣстность напечатанныя въ немъ грамоты Уроша V и царицы Мары. Игуменъ Хиландарской Лавры, Серапіонъ, собиравшій подаянія для своей обители, возилъ съ собою подлинники этѣхъ грамотъ и употреблялъ ихъ, какъ документы въ подкрѣпленіе своихъ прошеній, дѣлаемыхъ отъ имени Лавры. Это показываетъ, какъ въ Аѳонѣ смотрятъ на грамоты и берегутъ ихъ. Въ Бѣлградѣ былъ сдѣланъ списокъ съ этѣхъ грамотъ и помѣщенъ въ Гласникѣ съ нѣкоторыми палеогра-

[1] Таже рукопись, зач. 78 и 79.
[2] Свез. II, 1849.

фическими замѣтками. Григоровичъ неправильно назначаетъ первой изъ нихъ 1356 г. вмѣсто 1358[1]. Въ другой части Гласника[2] сообщено важное палеографическое извѣстіе о грамотѣ, напечатанной въ Споменикахъ подъ № 176, изъ котораго, между прочимъ, мы узнаемъ, что она состоитъ изъ двухъ грамотъ, какъ и надобно было ожидать, смотря по ея наружному виду. Вторая грамота начиняется словами: І еще приложихъ. Къ нимъ приклеена еще третья (въ Споменикахъ № 177). Въ этой послѣдней издатели Спомениковъ пропустили, среди подписи, печать съ словами: ст҃ Стефанъ. урош г҃ краль. Какимъ образомъ, при имени игумена Аѳанасія съ братіею, очутилась королевская печать — неизвѣстно. Вѣроятно, Дечанскій монастырь постоянно употреблялъ эту печать въ память своего основателя.

Прекрасное критико-историческое изслѣдованіе приложилъ Миклошичъ къ напечатанной имъ въ Homilia Сербской грамотѣ Уроша II Милутина.

Грамоты, изданныя Шафарикомъ въ Памятникахъ, расположены въ хронологическомъ порядкѣ, или, по крайней мѣрѣ, издатель хотѣлъ расположить ихъ такъ. На первомъ мѣстѣ поставлена имъ гр-а общины Попова (С. № 11), но почему — издатель не говоритъ. Отвѣтъ находимъ въ другой его книжкѣ, написанной 14 лѣтъ тому назадъ и составляющей родъ каталога памятникамъ Южнославянскимъ[3]. Сдѣсь онъ относитъ ее къ 1150—1200 г., но опять безъ доказательствъ. По моему мнѣнію, грамота, не отмѣченная годомъ и не имѣющая въ своемъ языкѣ ничего такого, чтобы рѣшительно говорило въ пользу ея старшинства предъ другими древнѣйшими грамотами, носящими на себѣ годъ, не можетъ быть предпочтена гр-ѣ Кулина, имѣющей предъ нею уже то одно преимущество, что эта послѣдняя отмѣчена годомъ; по языку же судить трудно: обѣ писаны весьма древнимъ языкомъ; но и въ этомъ отношеніи гр-а Кулина не уступитъ гр-ѣ Попова. Повторяю, я не нашелъ въ послѣдней ни одного признака, который бы давалъ ей старшинство предъ первою. Я, съ своей стороны, скорѣе отнесъ бы ее ко второй или, по крайней мѣрѣ, къ первой половинѣ XIII-го столѣтія — и вотъ почему: издатель замѣчаетъ, что эта грамота, равно какъ и слѣдующая за нею подъ № II, написаны на одномъ пергаменномъ листѣ и что письмо второй гораздо старше письма первой. Отсюда можно заключить, что обѣ, по крайней мѣрѣ, ровесницы между собою, если только вторая не древнѣе первой. Но вторая, т. е. № II, несомнѣнно относится къ половинѣ XIII-го ст., что сейчасъ будетъ доказано; а потому и первая можетъ легко пріурочиться къ тому же времени. Грамота, напечатанная подъ № II, носитъ, по выраженію издателя, слѣды глубочайшей древности; и потому въ упомянутой книжкѣ (Prospectus) она поставлена издателемъ на первомъ мѣстѣ и пріурочена къ 1050 — 1150 г. Она есть не что иное, какъ отрывокъ, заключающій подписи нѣкоторыхъ Дубровничанъ и

---

[1] Путешествіе, стр. 51, N 27.

[2] Свез. I. 1847.

[3] (Prospectus) Monumenta Illyrica seu Slavorum gentis universas Illyrici sensu latissimo sumti provincias, videlicet hodiernam Hungariam, Dalmatiam, Croatiam, Slavoniam, Serbiam, Bosniam, Ducatum S. Sabbae seu Hercegovinam, Montem Nigrum, Albaniam, Macedoniam, Bulgariam, Ugrovlachiam et Moldaviam incolentis lectissima omnis aevi et generis literaria documenta idiomate patrio et literis cyrillicis consignata. Collegit P. I Schafarik. Pragae, MDCCCXXXIX.

Дубровничанокъ. Вчитываясь въ этѣ подписи, я замѣтилъ, что нѣкоторыя изъ нихъ повторяются въ другой Дубровницкой гр-ѣ, заключающей въ себѣ договоръ Дубровника съ Булгарскимъ царемъ Михаиломъ Асѣномъ и отмѣченной 1253-мъ годомъ (Ш. № XVI. С. № 16). Вотъ этѣ подписи: пальма пикоураревикь, пилипь моиьрѣшикь, марьтинь соунбавикь, филипь пѣтинежикь (Ш. № II); имъ отвѣчаютъ, въ томъ порядкѣ, какъ онѣ сдѣсь представлены, подписи упомянутой грамоты 1253-го г.: пальмь. пикурарекикь.—филипо. моиьрѣшикь.—марьтинь саунбавикь. — филипо пѣтинѣжикь (Ш. № XVI. С. № 16). Сюда же можно отнести и подпись: колѣньда лом(ьп)рьда, неясную въ первой гр-ѣ, и колѣньда. ломьпиновикь, ясную во второй. На послѣднее имя, стертое въ № II указываютъ нѣсколько отечественныхъ именъ въ № XVI: ломьпридикь, ломьпрнкь, ломьприжикь. Не сличаю отдѣльно личныхъ именъ съ личными и отечественныхъ съ отечественными въ обѣихъ грамотахъ: въ такомъ случаѣ набралось бы сходныхъ подписей гораздо больше. Положимъ, что личныя мало бы оказали помощи, но отечественныя, изъ коихъ нѣкоторыя довольно замѣчательны, могли бы служить большимъ пособіемъ при сличеніи подписей; но мы ограничиваемся тожествомъ подписей, заключающихъ въ себѣ сходство и личныхъ и отечественныхъ именъ въ одно и то же время. Таковое сходство не можетъ быть случайнымъ. Если въ двухъ грамотахъ подписались лица съ одними и тѣми же личными и отечественными именами, то это не игра случая: я хочу сказать, что пальма пикоураревикь, подписавшій гр-у № II, есть тотъ же самый пальма пикоурарекикь, который подписалъ и гр-у № XVI; такъ точно и другія сходныя подписи принадлежатъ однимъ и тѣмъ же лицамъ. Нѣсколько сходныхъ отечественныхъ именъ, имѣющихъ при себѣ разныя личныя имена, могутъ относиться къ братьямъ, или родичамъ, близкимъ между собою по времени. А если все это такъ, то нѣтъ сомнѣнія, что обѣ грамоты были подписаны отчасти одними и тѣми же лицами, отчасти родичами, носившими одинаковыя отечественныя имена. Присутствіе въ двухъ грамотахъ четырехъ однихъ и тѣхъ же лицъ и еще многихъ другихъ, близкихъ между собою, съ одинаковыми отечественными именами, сокращаетъ разстояніе между грамотами почти на двѣ трети человѣческой жизни, не включая сюда возраста, еще не созрѣвшаго для общественной дѣятельности. Таковое разстояніе между грамотами можно бы было предположить, если бы только одно лицо участвовало въ подписаніи той и другой; но такъ какъ тутъ участвовали цѣлыхъ четыре лица, которыя, конечно, не могли же всѣ быть между собою ровесниками, т. е., которыя въ молодости подписали бы одну грамоту, а въ старости другую, то изъ этого открывается, что разстояніе между обѣими грамотами должно значительно сократиться, такъ что, по моему мнѣнію, оно не превышаетъ 10, много 20 лѣтъ. И такъ, отрывокъ грамоты подъ № II долженъ относиться къ 1243 — 1263 г. Во всякомъ случаѣ, за отсутствіемъ года, ее слѣдуетъ помѣстить рядомъ съ № XVI; а потому Шафарикъ ошибается, почитая ее древнѣйшею изъ Сербскихъ грамотъ. Гр-а № VI (С. № 5), отмѣченная въ Спомепикахъ 1236-мъ годомъ, отнесена Шафарикомъ къ 1216 — 1231 г., а въ Prospectus при этихъ годахъ выставленъ въ скобкахъ 1233 — 1235 г. Тѣмъ же годомъ отмѣченная въ Споменикахъ гр-а № 4 означена у Шафарика 1233—1235 г. (№ VIII). Гр-ы №№ XI и XII (С. №№ 7 и 6), подъ которыми издатели Спомениковъ не выставили года, означены у Шафарика 1235-мъ годомъ. Равномѣрно другія двѣ грамоты въ Споменикахъ, писанныя, по мнѣнію

издателей, около 1240 г., №№ 9 и 8, отмѣчены у Шафарика 1238-мъ г. №№ XIII и XIV. Въ гр-ѣ № XV (С. № 12) разница состоитъ въ одномъ годѣ: у Шафарика выставленъ 1243-й годъ, а въ Споменикахъ 1244-й.

Остается сличить года нѣкоторыхъ грамотъ, напечатанныхъ въ Споменикахъ и хотя не изданныхъ Шафарикомъ, но упомянутыхъ имъ въ его Prospectus monumentorum Illyricorum. Между Ш. № 19 и С. № 10 разница въ одномъ годѣ. Сдѣсь кстати, замѣчу, что у Шафарика выставленное въ гр-ѣ имя князя значится неправильно Lura: въ подлинникѣ оно есть ѣюра, т. е., Гюргъ, Дюрдій, Юрій. Подъ гр-ю С. № 15 выставленъ приблизительно 1248 г., а у Ш. при № 22 показанъ 1250—1251 г. Гр-у С. № 17 мы почитаемъ ранѣе писанною, чѣмъ С. № 16 (1253 г.): такъ и Шафарикъ отмѣчаетъ ее у себя 1252-мъ годомъ (№ 23). Въ С. гр-а № 18 приблизительно означена 1253-мъ г., а у Ш. она же, № 24, отнесена къ 1252-му г. Гр-а С. № 27 = Ш. № 31 въ первыхъ помѣчена приблизительно 1268-мъ г., а у втораго 1266-мъ. Шафарикъ относитъ гр-у № 33 ко временамъ Драгутина, а въ Споменикахъ (№ 38) она поставлена между грамотами Дечанскаго: рѣшить трудно, нужно видѣть самый подлинникъ. Впрочемъ подпись гль стефань чуть-ли не говоритъ въ пользу ея относительной молодости. Слѣдующія двѣ грамоты №№ 34, 35 Шафарикъ приписываетъ Драгутину, замѣчая, однако, что онѣ, какъ и предыдущая, суть aetatis incertae. Неизвѣстно, какая грамота въ Споменикахъ отвѣчаетъ второй (Ш. № 35): гр-а ли подъ № 22 или подъ № 42? Думаю, что, на основаніи подписи, Шафарикъ не станетъ гр-у С. № 42 приписывать Драгутину, хотя и съ ?. Равномѣрно и гр-у С. № 22 нельзя сопоставить съ № 35; ибо хотя въ той и другой упоминается о Бресковѣ, однако представленное у Шафарика вкратцѣ содержаніе гр-ы № 35 что-то слабо напоминаетъ о замѣчательномъ содержаніи гр-ы № 22. Но если бы и дѣйствительно Шафарикъ разумѣлъ эту самую грамоту, то, по нашему мнѣнію, ее вѣрнѣе можно приписывать Урошу I, чѣмъ Драгутину или, вмѣсто него, скорѣе ужъ Милутину. Подпись сдѣсь не рѣшаетъ ничего, пока нѣтъ предъ глазами подлинника: и Урошъ I, и Милутинъ, и Дечанскій подписывались иногда одинаково, именно, стефань урошь краль. Но Драгутину, кажется, нѣкогда было заниматься столь мелочными торговыми вопросами, какимъ посвящена грамота: для этого надобно царствовать долго и долго. Урошу же приличнѣе всего было заняться опредѣленіемъ торговыхъ правъ Дубровничанъ послѣ размирья, бывшаго въ 1253 г. Тому же предмету посвящена и другая Урошева грамота С. № 21. Одна служитъ какъ бы дополненіемъ другой. Положеніе о Бресковѣ, сдѣланное въ гр-ѣ № 21, примѣнено въ гр-ѣ № 22 и къ Рудницѣ. Грамота Дубровничанъ 1254-го г. (С. № 26) подтверждаетъ положеніе, сдѣланное въ гр-ѣ С. № 22 касательно выдачи виновныхъ. Въ положеніи о Бресковѣ, въ гр-ѣ № 22, нѣтъ ссылки на законъ отца или дѣда, чего всякій преемникъ Уроша I не преминулъ бы сдѣлать, при пособіи Дубровничанъ, не упускавшихъ случая напоминать сыновьямъ и братьямъ о выгодныхъ для себя договорахъ съ ихъ предшественниками: сдѣсь нѣтъ выраженія въ родѣ этого: како є биль сътвориль братьми или ѿцьми, а это было бы очень легко сдѣлать, ибо въ Урошевской гр-ѣ № 21 есть уже постановленіе о Бресковѣ. Гр-а № 25, принадлежащая, по нашему мнѣнію, Милутину, повторяетъ почти слово въ слово положеніе о свидѣтеляхъ въ спорѣ Сербовъ съ Дубровничанами изъ гр-ы № 22 и тутъ же говоритъ, что это дѣлается по закону, постановленному

еще родителемъ короля: да сѹ на ѕаконѣ. ѥже имь ѥ даль. свѧтопочившии. гнь ми ѡць. Ясно, что гр-а № 22 дана отцомъ Милутина, Урошемъ I. Впрочемъ, если бы даже гр-а № 25 принадлежала не Милутину, а Дечанскому, какъ думаетъ Шафарикъ, то все же таки гр-а № 22 будетъ относиться не къ Драгутину, а къ Милутину, отцу Дечанскаго. Но гр-а № 25 скорѣе всего принадлежитъ Милутину. Самъ Шафарикъ замѣчаетъ, что она aetatis incertae, и свое мнѣніе выражаетъ въ скобкахъ и съ вопросительнымъ знакомъ (№ 45). Подпись опять ничего не рѣшаетъ. Но находящееся въ гр-ѣ № 25 имя посла Грубѣши, встрѣчающееся еще въ гр-ѣ С. № 31, 1281 г., при частой смѣнѣ пословъ, намекаетъ на близкое разстояніе обѣихъ грамотъ и принадлежность первой Милутину. Подписи въ обѣихъ грамотахъ весьма сходны. Шафарикъ относитъ гр-у № 34 = С. № 30 къ Драгутину (? aet. inc.), но почему же не отнести ея къ Милутину? Шафарикъ гр-у № 44, съ замѣчаніемъ aetatis incertae и съ ?, приписываетъ Дечанскому; издатели Споменковъ приписываютъ ее Урошу I (№ 23); мы же держимся средины и видимъ въ ней грамоту Милутина. Касательно гр-ы С. № 29 = Ш. № 52 мы согласны съ Шафарикомъ, что она скорѣе относится къ Душану, чѣмъ къ кому-либо другому. Гр-у С. № 35=Ш. № 55 Шафарикъ удачно отмѣчаетъ 1348-мъ годомъ, хотя и ставитъ при этомъ знакъ вопроса. Гр-у С. № 75 = Ш. № 240 Шафарикъ относитъ къ 1470 г. Хотя трудно назначить ей годъ; однако она, по всему вѣроятію, принадлежитъ ко второй половинѣ XV-го ст. Равномѣрно, къ этому же времени должно отнести и гр-у Черноевичей С. № 60, которой Шафарикъ назначаетъ 1460 — 1470 г. (№ 190). Гр-у С. № 76, около 1387 г., Шафарикъ отмѣчаетъ 1389—1398 г. (№ 100). У Шафарика въ гр-ѣ подъ № 129 ошибкою выставленъ 1421 годъ вмѣсто 1427, а въ гр-ѣ № 142, вмѣсто 5, стоитъ 25 октября. Почему при годѣ гр-ы № 196=С. № 154 Шафарикъ поставилъ знакъ вопроса? Въ грамотѣ положительно выставленъ 1461 годъ. Шафарикъ употребляетъ въ грамотахъ правильный способъ переведенія лѣтъ отъ сотворенія міра въ года отъ рождества Христова. Онъ принимаетъ, и справедливо, сентябрскій годъ, начинавшійся четырьмя мѣсяцами ранѣе генварскаго.

Грамота Стефана Лазаревича, напечатанная въ Сербо-Далматинскомъ Магазинѣ, на 1844 годъ, относится, по всему вѣроятію, къ послѣднимъ временамъ деспотства Стефанова. Въ ней уже не помянуто о матери и братѣ Деспота; но, напротивъ, подобно грамотѣ, напечатанной у Авраамовича подъ № 16, уже говорится о миновеніи различныхъ политическихъ бурь: И матвами ихь многажи спсень быхь, къ мори же, и на сѹши. къ ратехь, и къ раѕличныихъ бѣдахъ. и нахожении ѿ иноплеменьныихъ. Даже и ѡкаанную дшѹ мою ѿ вратъ съмрьтныхъ възвратише.

Опредѣливъ приблизительно возрастъ грамотъ, не носящихъ на себѣ года и не означенныхъ имъ вовсе, или означенныхъ ошибочно въ изданіяхъ, я приступаю къ рѣшенію другаго вопроса, не менѣе важнаго, какъ для исторіи народа, такъ и для исторіи языка, именно: въ какой странѣ какая грамота писана? Одною изъ трудныхъ задачь государственной исторіи есть опредѣленіе границъ какъ общихъ, такъ и областныхъ: въ этомъ отношеніи древняя исторія Сербіи далеко не удовлетворяетъ требованіямъ любознательнаго изслѣдователя. Съ одной стороны, неизвѣстность мѣстонахожденія многихъ городовъ, упоминаемыхъ въ источникахъ, а съ другой безпрестанное измѣненіе

границъ въ слѣдствіе войнъ и договоровъ, часто заставляютъ историковъ означать границы только приблизительно одними именами областей, или городовъ. Въ отношеніи языка знать мѣстонаписаніе грамоты нужно по тому, что языкъ имѣетъ свои разнорѣчія, которыя могутъ быть подмѣчены на историческомъ пути не иначе, какъ чрезъ подобное распредѣленіе грамотъ. Къ выгодамъ изслѣдователя скажу, что Сербскій языкъ менѣе разнообразенъ, чѣмъ другія вѣтви того же говора, напр. Хорутано-Словенскія. Исторія языка покажетъ, въ какой мѣрѣ существовали его разнорѣчія въ старину.

Большею частію грамоты сами собою указываютъ на мѣсто своего написанія; но есть въ Споменикахъ и такія, которыя требуютъ историческаго соображенія для опредѣленія своей мѣстности. Между послѣдними грамота № 10, отъ князя Юрія Дубровнику, писана въ Приморьи, какъ видно изъ словъ ея: **кьда на ны подв дрьва** (суда, корабли) **ӡаморьска и вьнетьчьска на нашь градь**; а въ какомъ именно городѣ и отъ какого князя Юрія — это можно бы было узнать изъ того, что князь Юрій называетъ свою жену дочерью короля Владислава; но Исторія не говоритъ намъ ничего о дочеряхъ Владислава. Впрочемъ, по имени упоминаемаго князя Озора, можно заключить, что грамота писана въ Омышѣ. У Люція нѣсколько разъ упоминается Озоръ, графъ Омышскій, изъ рода Кациховъ, въ половинѣ XIII ст. Чикарелли[1] передаетъ любопытный памятникъ отъ 1240 г., писанный на Латинскомъ языкѣ, въ которомъ, между прочимъ, говорится о походѣ Сплитянъ на Озора Омышскаго: Cum D. Garganus potestas cum toto exercitu Spalatensium iret super Almisum ad accipienda pignora de DCCCXIII libris, quae dedit et accomodavit Osor in manus Bogdanici pro comuni Spalati pro emendatione residui bestiarum и т. д. Архидіаконъ Ѳома называетъ Озора filius Malducis de Almisio и графомъ Брача. По его словамъ, отецъ Озора былъ морскимъ разбойникомъ. Въ 1240 г. Сплитяне овладѣли Брачемъ и захватили Озора, который въ послѣдствіи получилъ свободу. Морскіе грабежи были главною причиною постоянной вражды приморскихъ городовъ[2]. Каталиничъ[3] разсказываетъ, изъ архидіакона Ѳомы (гл. XXXVI), о морскихъ грабежахъ графа Омышскаго, Озора, и о взятіи его въ плѣнъ Сплитянами около 1240 года. Изъ того же источника почерпнулъ и Енгель[4], у котораго читаемъ, что около 1230 года Сплитяне, выведенные изъ терпѣнія морскими разбоями Омышанъ, захватили, наконецъ, главнаго предводителя морскихъ разбойниковъ, графа (князя) Озора (Ossor), и заставили городъ выдать имъ свои корабли. Этимъ объясняется, почему князь Юрій говоритъ, что къ Дубровничанамъ посланъ «отрокъ» князя Озора, а не самъ Озоръ: **это ти греде ѿрокь кнеӡа ѡӡора именемь братославь сь потьчникомь кь кнеӡу вашему и что говори ѿрокь кнеӡа ѡӡора имите му вѣру како самому ѡӡору: да му су ѡтети** (далѣе изорвано) **гредуће кь вамь**. Время грамоты позднѣе 1240 года, потому что въ ней уже упоминается король Урошъ. Грамота № 18 писана въ побережьи близъ Дубровника; ибо, по ея словамъ, владѣніе князя Черномира находилось между Цавтатомъ и Молунтомъ, слѣдовательно, въ жупѣ Конавляхъ. Грамота № 41 принадлежитъ Дубровнику.

---

[1] Ciccarelli, Osservazioni sull' isola dellà Brazza. Venez. 1802, стр. 107, 117. — Рейцъ, въ Сборникѣ Валуева, Москва, 1846, стр. 29.
[2] Schwandtneri Script. rer. Hungar., т. III, стр. 596 — 601 и слѣд.
[3] Cattalinich, Storia della Dalmazia. Zara, 1835. T. III, стр. 26.
[4] Geschichte des Ungrichen Reichs und seiner Nebenländer. Halle. 1798. Часть II, стр. 493.

Гр-а № 56 писана въ Которѣ: князь Воиславъ, давшій ее, называется въ предыдущей грамотѣ «братомъ», т. е. любимцемъ, близкимъ, царя Уроша, и имя его стоитъ вмѣстѣ съ именемъ Котора. Гр-а № 58 Твердислава Углешича, племянника Вукашинова, писана, можетъ быть, въ Македоніи, гдѣ отецъ Твердислава былъ намѣстникомъ. Во всякомъ случаѣ она принадлежитъ къ собственно-Сербскимъ грамотамъ. Гр-а № 60 Черноевичей дана въ Зетѣ, гдѣ родъ Черноевичей былъ однимъ изъ самыхъ почетныхъ. Гр-ы №№ 63, 67, 70 и 71, данныя Балшичами, писаны въ ихъ владѣніи, Зетѣ и сѣверной части Албаніи. Всѣ онѣ помѣчены городами: гр-а № 63 дана въ Лѣшѣ, № 67 въ Рътцѣ на Черной горѣ, № 70 въ Тузахъ близъ Плочи, № 71 подъ Скодромъ. Гр-а № 74, вѣроятно, дана въ Дубровникѣ; давшій ее, Владиславъ, былъ сынъ Хлумскаго воеводы Стефана Косачи. Гр-а № 75 Алибега Павловича писана гдѣ нибудь въ Албаніи. Грамоты, данныя Санкомъ и Санковичами №№ 78, 79, 80, 86, Сандаломъ №№ 93, 96, 98, 105, и его родичами №№ 110, 120, 124, 125, 128, 132, 134, 139, 142, 143, 144, 158, 159, 161, 162, 163, 169, 170, 171, 172, Григорьемъ Вукославичемъ № 94, Павломъ Радиновичемъ № 82, сыномъ его, Радославомъ Павловичемъ № 101, 102, 104, 106, 107, 114, 117, 122, 127, 129, и внуками, Иванишемъ № 133, Петромъ и Николаемъ № 145, принадлежатъ всѣ той части Сербіи, которая называлась Хлумомъ и Травуніею, потомъ получила названіе воеводства св. Савы и, наконецъ, подъ Турецкимъ владычествомъ, именуется Герцеговиною. Можно еще нѣсколько ближе опредѣлить мѣстность грамотъ, вспомнивши, гдѣ сидѣли вышеозначенные роды. Санко и дѣти его владѣли Травуніею и Конавлями, какъ видно изъ самихъ грамотъ. Князь Вукославичъ, родомъ Яблановичъ, былъ Травунскій бояринъ, и сынъ его называется графомъ Травунскимъ. Нѣсколько грамотъ Радослава Павловича писаны въ Борчѣ; Иванишева писана подъ Бродаромъ, но главнымъ городомъ оставался, по прежнему, Борчъ, какъ видно изъ гр-ы [1]. Вѣроятно, Яблановичи получили Травунію послѣ Санковичей. Къ Травунскимъ же грамотамъ должно отнести и гр-ы Влатка Поповича № 155, родственника Браила Тезаловича, который часто упоминается въ числѣ бояръ Радослава Павловича, и гр-у С. № 156. Сандалъ былъ воеводою Хлумскимъ. Гр-а № 98 писана «въ Драчевицѣ въ Новомъ» [2], № 105 въ Куканѣ. Племянникъ Сандала, Стефанъ Вукчичъ Косача, воевода св. Савы, пишетъ грамоты: № 120 на Невесинѣ подъ городомъ Вѣнчацемь (Вѣньчецомъ, Вѣньчикомъ), № 128 въ Новомъ въ Драчевицѣ, № 134 въ Ключѣ, №№ 139 и 144 въ Новомъ, №№ 142 и 143 у Пивѣ на планинѣ на Пишчу. Сыновья Стефана Вукчича даютъ грамоту свою № 158 также въ Новомъ. Есть еще грамота Гервои Сплитскаго, № 88, и племянника его, Юрія, воеводы Дольнихъ Краевъ и проч., № 118; первая писана въ Звечанѣ, вторая въ Крешевѣ.

Опредѣливъ приблизительно мѣсто написанія тѣхъ грамотъ, которыя могли бы представить нѣкоторое затрудненіе при изслѣдованіи мѣстныхъ свойствъ Сербскаго нарѣчія и опредѣленія признаковъ пространства Сербскихъ областей, я раздѣлю теперь всѣ вообще грамоты на слѣдующія группы или семьи.

---

[1] Шафарикъ, въ Slow. Starož. II, IV, § 32, 653, Слав. Древн., ч. II, кн. I, стр. 433, не берется объяснить положеніе Борча: во всякомъ случаѣ его должно искать не въ собственной Сербіи, а въ Травуніи.

[2] Оба города лежали близко одинъ отъ другаго.

Но прежде замѣчу, что здѣсь есть своего рода исключенія, которыя составляютъ грамоты, писанныя въ чужихъ земляхъ, а не во владѣніяхъ тѣхъ лицъ, кому принадлежатъ. Такъ Дубровничане писали нѣкоторыя грамоты внѣ Дубровника, и на оборотъ, многія лица писали свои грамоты въ Дубровникѣ; такъ нѣкоторыя грамоты даны на Аѳонѣ, или въ Турецкихъ земляхъ и пр. Въ этомъ случаѣ всего лучше относить грамоты къ лицамъ, которыми онѣ даны. 1) Семья *собственно — Сербскихъ* грамотъ, данныхъ Сербскими королями, царями, деспотами и родичами ихъ. Къ нимъ принадлежатъ Аѳонскія, всѣ тѣ, въ которыхъ говорится о надачахъ, сдѣланныхъ Аѳонскимъ монастырямъ. Онѣ даны или на Аѳонѣ, или въ канцеляріи Сербскихъ владѣтелей. Ихъ обнародовано немного: большая часть хранится въ рукописи на Аѳонѣ. Извѣстія о нихъ сообщили архимандритъ Успенскій[1] и Авраамовичъ[2]. Іосифъ Мюллеръ воспользовался ихъ указаніями и сдѣлалъ каталогъ всѣмъ грамотамъ, упоминаемымъ обоими путешественниками, расположивъ ихъ по годамъ, между тѣмъ какъ у Успенскаго и Авраамовича онѣ расположены по монастырямъ[3]. Но ему осталось неизвѣстнымъ путешествіе г. Григоровича, въ которомъ есть также любопытныя извѣстія о грамотахъ, хранящихся въ различныхъ Аѳонскихъ монастыряхъ. 2) Семья *Боснійскихъ* грамотъ, писанныхъ банами и королями Боснійскими. 3) *Герцеговинскія* или *Хлумскія* и *Травунскія.* Въ исторіи языка мѣстами удобнѣе соединять обѣ послѣднія семьи вмѣстѣ подъ общимъ названіемъ *Боснійскихъ*; но мѣстами слѣдуетъ различать ихъ, даже Хлумскія отъ Травунскихъ. 4) *Турецкія*: четыре (С. № 164), касающіяся дѣтей Стефана Косачи, писаны одна въ Дубровникѣ, другая въ Хочѣ; обѣ означены годами по Христіанскому лѣтосчисленію, но двѣ другія по Магометанскому. Еще четыре Турецкія, данныя Дубровнику (С. № 113, 168, 173; С.-Д.-М. 1851 г.), изъ коихъ двѣ писаны въ Андріанополѣ, одна въ Царѣградѣ, а другая неизвѣстно гдѣ, кажется, тоже въ Царѣградѣ, ибо въ ней говорится о прибытіи Аѳонскихъ монаховъ въ Порту къ Султану. 5) *Зетскія*, къ которымъ относятся также грамоты, данныя въ Албаніи Балшичами, Александромъ Канинскимъ и Авлонскимъ (С. № 61) и Юріемъ Кастріотичемъ Скендербегомъ (С. NN№ 148, 149), а также позднѣйшія Черногорскія (№ 60, Мил.). 6) *Дубровницкія*, писанныя Дубровничанами. 7) *Приморскія*, къ коимъ относятся не многія, писанныя въ побережьи выше и ниже Дубровника (С. NN№ 10, 18, 94).

Другой, не менѣе замѣчательный, памятникъ Сербскаго языка есть *Законникъ* царя Душана. Въ 1349 году, мая 21-го дня, состоялся соборъ, на которомъ присутствовали Царь и патріархъ Іоанникій, всѣ архіереи и церковники, великіе и малые, и всѣ властели царскіе, великіе и малые. На этомъ-то соборѣ сочиненъ былъ Законникъ, дополненный въ послѣдствіи на другомъ подобномъ соборѣ, въ 1354 году. Изъ извѣстій, поданныхъ Шафарикомъ[4],

---

[1] Описаніе монастырей Аѳонскихъ въ 1845 — 6 годахъ по актамъ. Журналъ Мин. Народн. Просвѣщенія, 1848, ч. 58, стр. 55 — 101, 111 — 166.

[2] О. Д. С. у С. Г. — Света Гора.

[3] Slav. Biblioth. v. Miklosich, 1851. Стр. 147 — 199.

[4] Въ Wiener Jahrbücher, 1831, Bd. 53, Anz. Bl., NN 116, 117, 118, и въ предисловіи къ Законнику, изданному имъ въ книгѣ: Památky dřewního písemstwí Jihoslowanůw въ отдѣлѣ: okázky občanského písemnictwí. W Praze. 1851.

открывается, что всѣ доселѣ извѣстные списки Законника дѣлятся на два разряда: къ первому относятся всѣ тѣ, въ коихъ число статей не полно; изъ нихъ одни писаны древнимъ языкомъ, другіе подновленнымъ. Писаны древнимъ языкомъ или сохранившіе таковой, не смотря на позднюю переписку, суть: Ходошскій, писанный около 1390 г., Шишатовацкій, ок. 1541 г., и Хиландарскій. Писанные подновленнымъ языкомъ суть: Текеліевъ, Раваницкій, ок. 1650—1687 г., и Рудницкій, ок. 1700 г. Ко второму разряду принадлежатъ: Раковецкій, писанный въ 1700 г., и два списка, принадлежащіе проф. Григоровичу въ Казани. Сверхъ того, еще два другихъ неизвѣстныхъ списка находятся, одинъ у проф. Надеждина, изъ монастыря Быстрицкаго (въ Валахіи), другой въ Стругѣ близъ Охриды (открытый г. Григоровичемъ). Списки Законника никогда не попадаются отдѣльно, но всегда встрѣчаются вмѣстѣ съ другими статьями Номоканоновъ. Списки втораго разряда, по содержанію своему, столь же древни и достовѣрны, какъ и кратчайшіе списки перваго разряда. Надписи надъ статьями суть плодъ выдумки позднѣйшихъ переписчиковъ, и потому не одинаковы во всѣхъ спискахъ. Шафарикъ, въ 1851 году, подъ общимъ названіемъ Памятниковъ письменности южныхъ Славянъ, въ отдѣлѣ Образцовъ гражданской письменности, издалъ Законникъ по древнѣйшему, Ходошскому, списку 1390-го года, дополнивъ недостающее изъ позднѣйшаго и полнѣйшаго, Раковецкаго, списка. Всѣхъ статей у Шафарика, по Ходошскому списку, оказалось 130. На 115-й оканчивается законникъ 1349 года, а съ 116-й по 130-ю включительно простирается законникъ 1354 года. За тѣмъ идутъ статьи изъ Раковецкаго списка числомъ отъ 131-й по 205-ю, которою и оканчивается весь Законникъ. Всѣхъ прибавочныхъ статей 75. Если изъ числа этѣхъ послѣднихъ мы 21 статью, входящую между статьями древнѣйшаго списка законника 1349-го г., прибавимъ къ 115, то увидимъ, что законникъ этого года оканчивался на 136-й статьѣ; а если еще 3 статьи, входящія въ Законникъ 1354-го г., присовокупимъ къ 136, то увидимъ, что второй законникъ оканчивался 139-ю статьею. Но сдѣсь еще не настоящій конецъ его. Раковецкій списокъ свидѣтельствуетъ, что къ нему должны быть приданы еще 51 статья, именно, тѣ самыя, которыя напечатаны у Шафарика по означенному списку, начиная съ 155-й до 205-й включительно. Такимъ образомъ изъ изданія Шафарика открывается, что, изъ 75-ти лишнихъ статей, 24 должны входить въ самый составъ Законника, по древнѣйшему списку, а 51 должны служить ему продолженіемъ. При семъ не могу не замѣтить, что мои показанія, основанныя на послѣднемъ изданіи Шафарика, рознятся съ показаніями Палацкаго[1], который всѣхъ статей Законника принимаетъ 200: на 135-й оканчивается редакція 1349-го г.; въ Законникѣ по древнѣйшему списку недостаетъ 11-ти статей; со включеніемъ этѣхъ недостающихъ статей, древнѣйшій списокъ оканчивается 151-ю статьею; со 152-й всѣ остальныя статьи должны быть заимствованы изъ позднѣйшаго списка. Всѣхъ недостающихъ статей 70. Въ этихъ показаніяхъ Чешскаго ученаго есть небольшое

[1] Srownánj zákonů cara Stefana Dušana srbského s neystaršjmi řády zemskými w Čechách Въ Časopis Českého Museum, 1846. Русскій переводъ, съ дополнительными примѣчаніями, сдѣланъ проф. Бодянскимъ въ Чтеніяхъ И. О. И. и Д. Р. 1846. N 2. Сербскій, съ особымъ вступленіемъ и примѣчаніями, сдѣланъ Милошемъ Поповичемъ, кажется, уже съ Русскаго перевода, какъ то показываютъ примѣчанія, оттуда заимствованныя; помѣщенъ во II-й части Гласника, 1849.

противорѣчіе: по его счету всѣхъ статей выходитъ 210 вмѣсто 200, имъ же самимъ принимаемыхъ; ибо если къ 151 прибавимъ 59, то получимъ 210: по этому, вмѣсто 11-ти, слѣдуетъ выставить 21-у статью, или, оставивъ это число, сократить 151 на 141. Отрывки изъ Ходошскаго списка предложены были Палацкимъ въ упомянутой статьѣ и Шафарикомъ въ Serbische Lesekörner. Раковецкій списокъ получилъ свое названіе по монастырю Раковцу, гдѣ былъ написанъ. Теперь онъ хранится въ библіотекѣ Новосадской гимназіи, почему и называется иногда Новосадскимъ. Въ припискѣ сказано: саписе нже въ предѣли срѣмской горы въ цркой стой ѡбытели, монастырꙋ раковцꙋ.... ѡни сты прочитающей сіи законикь блвите а не кльнитe грѣшнаго раба бжїа пахоміа еромонаха понеже не писа дхь ни аггль нь рꙋка брѣна и грѣшна. въ лѣто ҂зсѳ. Слѣдовательно, списокъ этотъ сдѣланъ іеромонахомъ Пахоміемъ въ 1701 году. Шафарикъ, Палацкій, Кухарскій, Мацѣёвскій и многіе другіе ученые называютъ его спискомъ 1700 года; но по чему — не знаю. Не имѣя случая свѣрить изданіе съ подлинникомъ, я остаюсь при 1701-мъ годѣ, какъ означенъ онъ въ Лѣтописѣ изданія Магарашевича. Въ этомъ Лѣтописѣ [1], въ III-й и IV-й его частяхъ, за 1828-й годъ, напечатанъ весь Раковецкій списокъ по Новосадской рукописи. Тотъ же списокъ изданъ былъ послѣ того Кухарскимъ [2], которому переслалъ Мацѣёвскій, получившій его, въ свою очередь, отъ Шафарика. Слѣдовательно, можно думать, что списокъ изготовленъ былъ къ печати самимъ Шафарикомъ, который, сверхъ того, приложилъ къ нему Нѣмецкій переводъ, примѣчанія и разнословія со спискомъ 1390 года. Въ такомъ видѣ изданъ онъ Кухарскимъ. Буквы гражданскія. Число статей въ Лѣтописѣ не означено; у Кухарскаго всѣхъ статей 160. Въ Раковецкомъ спискѣ, по изданію Лѣтописа, находится послѣсловіе, отдѣленное отъ предыдущаго чертою и начинающееся такъ: Тѣмже и азь вьнукь, и снь и и ѡрасль благаго корене и сты бгопочтенаго родитель и прѣродитель мой нарецаюсе рабь хꙋ стефань. Но, согласно со смысломъ предыдущихъ словъ, черта должна быть перенесена гораздо выше, и именно туда, гдѣ оканчивается послѣдняя статья, ѡ изакe законь, слѣдующими словами: да е опеть егова а нио иниа да мꙋ не узме. Слѣдующія за тѣмъ непосредственно слова: Аще сьгрешенїа ѡставлати, не ѿмьщенила нежe паче непокоршие мꙋчити должны служить настоящимъ началомъ послѣсловію, откуда понятенъ будетъ и заключительный оборотъ рѣчи тѣмже и азъ. Подобныя вступленія съ заключительнымъ переходомъ къ изложенію самого дѣла весьма обыкновенны въ Сербской письменности. Далѣе въ послѣсловіи разсказывается, какъ Душанъ, вмѣстѣ съ отцомъ, одержалъ побѣду надъ семью царями, какъ пришелъ въ немилость у отца, вступилъ на престолъ, вѣнчался на царство и, наконецъ, издалъ Законникъ. Послѣсловіе оканчивается словами: нь паче да поживемь вь всакой тихости и безмлъвнꙋмь житїю и въ православнѣй вѣри житїи съ всѣми людми цртва нашего малиже и великимь и получимь цртво нбно вь бꙋдꙋще ѡнемь вѣцѣ амин. Отрывки изъ этого списка предложены были также Палацкимъ въ упомянутомъ Сравненіи Законовъ, тамъ, гдѣ недоставало статей по списку 1390 года. Въ III-мъ при-

[1] Лѣтопись за годину 1828. Година IV. Части 14 и 15.

[2] Древнѣйшія Памятники Словянскаго Законодательства. Варшава. 1838. Стр. 100. Нѣмецкій переводъ на стр. 171.

бавленіи къ IV-й части своей Исторіи, Раичъ напечаталъ списокъ Душанова Законника, находящійся въ библіотекѣ Гр. Петра и Савы Текеліевъ, въ Арадѣ, и напечаталъ его «въ самой простотѣ своей отъ слова до слова». Нѣмецкій переводъ съ этого списка сдѣланъ Енгелемъ, въ его Исторіи Сербіи и Босны[1]. Въ одномъ мѣстѣ своей Исторіи[2] Раичъ пишетъ, что есть преданіе, будто Душанъ сочинилъ книгу правъ, и кодексъ этотъ хранится въ Дечанскомъ монастырѣ. Самъ Раичъ не говоритъ утвердительно о послѣднемъ обстоятельствѣ, но предоставляетъ другимъ повѣрить его справедливость[3].

Шафарикъ издалъ Ходошскій списокъ, какъ самъ онъ говоритъ, безъ всякихъ перемѣнъ и дополненій, въ совершенной чистотѣ, ради его древности и исправности. Только уже въ слѣдъ за нимъ, не нарушая состава древнѣйшаго изложенія, приложилъ онъ, для дополненія, недостающія статьи изъ Раковецкаго списка. Изданіе одинаково съ грамотами: какъ тамъ, такъ и сдѣсь всюду опущены древнѣйшіе знаки препинанія и титла. О прочемъ судить не можемъ. Какъ бы то ни было, это изданіе Шафарика мы должны принять въ основаніе при историческомъ и филологическомъ изученіи памятниковъ: ему же будемъ слѣдовать и въ историческомъ изученіи Раковецкаго списка, который, по молодости своей, не входитъ въ кругъ нашихъ филологическихъ изслѣдованій. Надобно отдать справедливость исправности Ходошскаго списка въ сравненіи съ другими. Статьи расположены довольно понятно: по крайней мѣрѣ, въ общемъ ихъ расположеніи можно найти нѣкоторый порядокъ, а именно, сначала идетъ рѣчь о духовенствѣ и дѣлахъ церковныхъ, потомъ о гражданскихъ и уголовныхъ и, наконецъ, о дѣлахъ судебныхъ. Заглавія статей, хотя, быть можетъ, и позднѣйшія, принадлежащія самому писцу, сдѣланы удачно; но не для всѣхъ статей. Всѣхъ заглавій LXXIV. Раковецкій списокъ не слѣдуетъ такому порядку статей, какому Ходошскій; въ сравненіи съ послѣднимъ, статьи его перемѣшаны, но такъ, однако, что общее расположеніе ихъ остается замѣтнымъ. Особенно важно то, что смѣшеніе статей совершается въ тѣхъ только предѣлахъ, до которыхъ доведенъ списокъ 1390 года. Этотъ предѣлъ въ изданіи Кухарскаго означенъ чертою — и очень справедливо: 120-я ст. отвѣчаетъ послѣдней, 130-й, статьѣ Ходошскаго списка, и съ 121-й начинается дальнѣйшій рядъ статей, которыхъ уже нѣтъ въ Ходошскомъ спискѣ. Спрашивается, почему изъ этѣхъ послѣднихъ статей только одна, именно 148-я, отвѣчающая 44-й ст. Ходошскаго списка, вошла въ составъ древнѣйшаго списка, всѣ же прочія, не смотря на существующее смѣшеніе, остались въ сторонѣ служить лишь продолженіемъ конца, но не полненіемъ средины, или начала его? А между тѣмъ всѣ предшествующія статьи до 120-й, по числу своему, перемѣшиваются страннымъ образомъ со статьями Ходошскаго списка, то есть, въ обоихъ спискахъ порядокъ статей чрезвычайно различенъ; но весь Ходошскій списокъ, не смотря на это смѣшеніе статей, равняется только тому объему Раковецкаго, который оканчивается 120-ю статьею, со включеніемъ 148-й, и только съ этѣми первыми 120-ю статьями можетъ быть сравниваемъ. Въ числѣ этѣхъ же 120-ти статей находятся и тѣ, коихъ недостаетъ въ Ходошскомъ спискѣ. Словомъ, Рако-

[1] Geschichte der Servien und Bosnien. Стр. 293 — 310.

[2] Ч. II, стр. 783.

[3] По послѣднимъ разсказамъ путешественниковъ, извѣстіе Раича о Дечанскомъ подлинникѣ подтверждается.

вецкій списокъ только первыми своими 120-ю статьями отвѣчаетъ вполнѣ всему Ходошскому, а изъ послѣдующихъ только одна 148-я вошла въ составъ Ходошскаго. Если бы не было сдѣсь какихъ либо постороннихъ причинъ, то легко могло бы случиться, что изъ послѣднихъ 121 — 160 статей не одна, а многія отвѣчали бы статьямъ Ходошскаго списка; ибо если смѣшеніе статей въ Раковецкомъ спискѣ было допущено и, при томъ, въ такомъ огромномъ размѣрѣ, то по чему бы писцу не помѣстить было какой либо статьи древнѣйшаго списка между статьями 121—160? Нѣтъ, на 120-й статьѣ онъ вдругъ какъ бы остановился. Изъ этого я заключаю, что подлинникъ, служившій іеромонаху Пахомію, самъ по себѣ былъ спискомъ, сдѣланнымъ съ двухъ подлинниковъ, изъ коихъ одинъ былъ кратчайшій, одинаковаго объема съ Ходошскимъ, гдѣ писецъ и дѣлалъ по своему перестановку статей, а другой полнѣйшій, изъ котораго заимствовано было продолженіе первому, и хотя тоже, можетъ быть, подверженное перестановкѣ, однако уже не могшее войти въ составъ предыдущихъ статей. Покончивъ съ однимъ подлинникомъ, писецъ принялся за другой, сплотивъ ихъ вмѣстѣ при концѣ 130-й (по Ход.), или 120-й ст. (по Рак.). Отъ того статьи одного подлинника не смѣшались со статьями другаго. Это обстоятельство указываетъ на древность кратчайшихъ списковъ и заставляетъ думать, что древнѣйшій, кратчайшій, списокъ не былъ извлеченіемъ изъ полнѣйшаго, но только не доконченнымъ, или по чему либо прерваннымъ во время переписки. Удивительно то, что Ходошскій списокъ, сдѣланный только чрезъ 36 лѣтъ по изданіи Законника, является уже краткимъ, и что другіе древнѣйшіе, доселѣ извѣстные, списки всѣ суть краткіе. Несходство Раковецкаго списка съ Ходошскимъ, лишнія статьи въ томъ и другомъ и вставки въ первомъ, относящіяся ко временамъ Уроша и Лазаря, показываютъ, что, помимо Ходошскаго, были другіе краткіе списки, не уступавшіе ему въ древности. Не было ли при самомъ изданіи Законника двухъ редакцій, такъ что недостающее въ Ходошскомъ спискѣ есть уже прибавленіе, сдѣланное либо въ томъ же, 1354-мъ, году, либо въ слѣдующихъ годахъ царствованія Душана? Но присутствіе въ Раковецкомъ спискѣ нѣкоторыхъ, очевидно, позднѣйшихъ вставокъ и поясненій, показываетъ, что у переписчика былъ подъ рукою какой либо позднѣйшій списокъ, если только не самъ переписчикъ дополнялъ и измѣнялъ слова подлинника. Вотъ что говоритъ о немъ Шафарикъ, сличая его съ древнѣйшимъ: Hier endet die alte Hands. v. J. 1390. Alles bis ans Ende folgende steht lediglich in der Hs. 1700, und ist daher zum Theil sehr verdächtig, wenigstens entstellt. Einiges scheint wohl alt zu seyn, etwa aus der Zeit des Tzars Urosch und Lazar (1366 — 1389); mehreres scheint mir entschieden unächt. Die letzten §§ sind gar sinnlos. Mehrere sind nur Wiederholungen der frühern. Es scheint fast, als wenn der Abschreiber selbst sie concipirt hätte. Раковецкій списокъ, какъ изданъ онъ въ Лѣтописѣ, заключаетъ въ себѣ много ошибокъ, рѣже затемняющихъ смыслъ и чаще обнаруживающихъ небрежность писца. Б-ы ъ и ь смѣняются одна съ другою; есть ѕ, но нѣтъ оу, вмѣсто котораго ставится ү; ѧ употребляется иногда вмѣсто ы; ѥ — нѣтъ, но вмѣсто него существуетъ какое-то странное ıє; появляется и ьı вмѣсто ы; надъ краткимъ и становится значокъ ˘; титлы и значки, ʹ ˋ ˋ • • удержаны; знакомъ препинанія служитъ одна точка. Содержаніе № 4, подъ заглавіемъ ѡ ересѣ латинскыихъ, заключающееся въ четырехъ статьяхъ, опущено въ печати, по недозволенію Австрійской цензуры. Сдѣланное по той же рукописи изданіе Кухарскаго отличается отъ Лѣ-

тописнаго исправностію формъ; но печать въ немъ гражданская: отъ того какъ-то странно бросаются въ глаза подобныя буквы *оу*, *іа*, *іе*; б-ы в нѣтъ. Оба изданія согласны въ расположеніи статей. Заглавій въ Лѣтописномъ изданіи 94; у Кухарскаго ихъ 95, ибо послѣдняя статья, *о издаве законь*, отмѣчена 95-мъ числомъ, чего нѣтъ въ Лѣтописѣ. Древность текста Раковецкаго списка и самихъ находящихся въ немъ вставокъ побуждаетъ насъ, въ историческихъ изслѣдованіяхъ, обращать вниманіе на его разнословія съ Ходошскимъ, а, по прекращеніи послѣдняго, исключительно принять его въ основаніе изслѣдованій, по изданію Шафарика. Списокъ Текеліевъ, напечатанный у Ранча гражданскими буквами, есть самый поздній и невѣрный; онъ значительно передѣланъ какъ въ содержаніи, такъ и по языку. Многія статьи перемѣшаны самымъ варварскимъ образомъ. Такъ, на пр., конецъ одной приставленъ къ началу другой; одна статья вставлена въ другую; нѣкоторыя раздроблены; однѣ сокращены, другія распространены, отъ чего мѣстами измѣнился и самый смыслъ; много статей вовсе опущено; въ концѣ и кое-гдѣ въ срединѣ есть значительныя добавки изъ Властарова Правильника. Оба предыдущіе списка не такъ отличаются другъ отъ друга, какъ этотъ отъ нихъ обоихъ. Пользоваться имъ для того времени, которое служитъ мнѣ предметомъ историческаго изслѣдованія, я считаю невозможнымъ: прибавленія и передѣлки въ такой безобразной смѣси законовъ ничего не говорятъ объ этомъ времени; ихъ мѣсто въ позднѣйшихъ вѣкахъ. Они произошли частію въ слѣдствіе новыхъ условій общежитія, частію отъ желанія писца уяснить слова подлинника по своему крайнему разумѣнію. Въ нихъ легко можно подмѣтить наростъ времени и руку самого писца, который сокращалъ или распространялъ, смотря по надобности, подлинныя выраженія Законника. Впрочемъ, въ немъ есть статьи, носящія на себѣ, по содержанію, признакъ глубокой древности и не находящіяся въ обоихъ предыдущихъ спискахъ; такова, на пр., статья 69-я: *Аще ли убегнеть оть кое нужде, или отсужданства оть иніе земль ко нашему Царству, тако да нпсть дати натрагь, аще и много та земля постраждеть*. Таковы еще статьи: 52, 80, 94, 95 и 98.

Языкъ всѣхъ трехъ списковъ имѣетъ свои особенности, которыя отвѣчаютъ возрасту самихъ списковъ. Языкъ перваго, или древнѣйшаго, списка отличается отъ прочихъ наибольшимъ присутствіемъ Ц.-Славянской стихіи и ясностію изложенія. Это объясняется, во первыхъ, древностію списка, не могшаго такъ много, какъ другіе, подвергнуться порчѣ переписчиковъ; а во вторыхъ тѣмъ, что на соборахъ 1349 и 1354 годовъ главное мѣсто занимало духовенство, рецензіи коего Законникъ необходимо долженъ былъ подвергнуться. Очень можетъ быть, что и сочиняло его какое ни будь духовное лицо. Во всякомъ случаѣ, важность содержанія и неминуемое участіе духовенства требовали, по тогдашнему мнѣнію, и пристойнѣйшаго языка, а таковымъ былъ Ц.-Славянскій. Напротивъ того, Раковецкій списокъ обилуетъ звуками и формами народными. Въ статьяхъ, совершенно сходныхъ по содержанію со статьями Ходошскаго списка, рука позднѣйшаго переписчика умѣла сгладить рѣзкіе оттѣнки Ц.-Славянской стихіи и замѣнить ихъ народными; но въ то же время нѣкоторыя ошибки въ смыслѣ словъ, даже вовсе темныя мѣста, упрекаютъ писца въ слишкомъ произвольномъ измѣненіи подлинника. Принимая въ расчетъ то, что Пахомій окончилъ списокъ въ 1701-мъ году, и судя по свѣжести народныхъ признаковъ и чистотѣ преобразованія языка, мы никакъ не можемъ думать, чтобы самъ Пахомій могъ сдѣлать этѣ перемѣны: въ его время нельзя было

міѣть и побужденія къ тому. Все заставляетъ насъ признать за Раковецкимъ спискомъ бóльшую древность, чѣмъ полуторавѣковую; онъ, по языку своему, относится, по крайней мѣрѣ, къ XV-му столѣтію, ко второй его половинѣ, когда народная стихія еще правильнымъ путемъ, безъ перелома и незамѣтно тихо, входила въ древнія права Ц.-Славянской. Не то уже было въ послѣдствіи, когда Сербія пала совершенно, а съ нею палъ и письменный языкъ: съ того времени всякое развитіе его, которое до того времени было такъ разумно, естественно и безыскуственно, прекратилось, а вмѣсто него, въ языкѣ явилось неправильное смѣшеніе Ц.-Славянскихъ формъ и звуковъ съ народными, смѣшеніе, лишенное жизни, чуждое движенія; ибо и самый народъ едва только сохранялъ въ себѣ искру жизни. Закоснѣніе продолжалось нѣсколько вѣковъ, къ которымъ принадлежалъ и вѣкъ Пахомія: языкъ, уже чуждый согласія составныхъ частей, оставался въ одномъ положеніи, какъ груда двухъ разрушенныхъ стихій, куда рукою переписчиковъ и писателей этого времени подброшено было какъ можно болѣе признаковъ Ц.-Славянской стихіи, снова, въ это печальное время, осилившей народную. Порабощенный народъ, отставивая вѣру своихъ предковъ, имѣя нравственною опорою духовенство, далъ и въ языкѣ своемъ, величаемомъ названіемъ книжнаго, ходъ Ц.-Славянской стихіи, большій противъ прежняго. Ежели, въ счастливыя времена самобытности и могущества, народъ Сербскій постоянно стремился къ полному самосознанію, которое такъ вѣрно отражалось въ его книжномъ языкѣ, черезъ торжество народнаго начала, то въ бѣдственныя времена смутъ и разрушенія прежняго порядка вещей, обѣ стихіи стали въ превратное отношеніе, которое не могло произвести ничего живаго, а произвело одну безобразную смѣсь, чуждую всякого преуспѣянія. По этому самому рецензію Раковецкаго списка я не отношу ко временамъ Пахомія, но ставлю его гораздо ближе къ XV-му столѣтію; а самого Пахомія, сдѣлавшаго этотъ списокъ, признаю самымъ вѣрнымъ и добросовѣстнымъ переписчикомъ, неизмѣнно и сохранно передавшимъ языкъ древнѣйшаго списка, служившаго ему подлинникомъ. Въ его время, повторяю, нельзя было совершить такой редакціи. Пахомій, іеромонахъ и, какъ видно, начетчикъ церковныхъ книгъ, самъ не могъ опустить Ц.-Славянскихъ формъ и замѣнить ихъ сербизмами. Вотъ какимъ языкомъ говоритъ онъ о себѣ: А пишꙋщаго сїе сердце светно и лꙋкаво, очи своимъ ѿтекꙋще а пльть земльна дрехла, а рꙋце брьне и грѣшне ꙋмомь къ бг҃ꙋ неизправлание многими грѣхи повиннань быхь ѡкаании азъ ѡци ст҃ы проꙋчитающей сїи законникь блвите а не кльнитє грѣшнаго раба бж҃їа пахомїа еромонаха понеже не писа дх҃ъ ни аггль нь рꙋка брьна и грѣшна. Въ лѣто ҂ꙁсѳ. Подобнымъ языкомъ писано и послѣсловіе. Видно, что писало его какое либо духовное лицо, или, по крайней мѣрѣ, писецъ поддѣлывался подъ духъ Ц.-Славянскаго языка. И списатель Пахомій соблюлъ въ точности это различіе между текстомъ и послѣсловіемъ, что не мало подтверждаетъ его добросовѣстность. Напротивъ, къ позднѣйшему времени, или ко времени смѣшенія обѣихъ стихій и вторичнаго преобладанія Ц.-Славянской, должно отнести составленіе Текеліева или Арадскаго списка, напечатаннаго Ранчемъ. Языкъ этого списка искаженъ писцемъ, желавшимъ въ народную стихію примѣшать поболѣе Ц.-Славянской; онъ носитъ на себѣ всѣ признаки позднѣйшаго времени, когда Сербскій языкъ до того былъ испорченъ въ устахъ книжниковъ, что его нельзя было назвать ни Сербскимъ, ни Ц.-Славянскимъ, а называли его вообще Славяно-

сербскимъ. Во всѣхъ трехъ спискахъ есть свое замѣчательное словоупотребленіе. Списокъ 1701 г. замѣняетъ нѣкоторыя слова списка 1390 г. другими словами. Такъ, вмѣсто употребляемаго въ древнѣйшемъ спискѣ слова **порота**, въ позднѣйшемъ употреблено **судъ**; вм. **поротьци** — **судіе**: это показываетъ, что для составителя Раковецкаго списка слова **порота** и **поротьци** уже утратили свое значеніе и сдѣлались неизвѣстными; списокъ 1390 г. употребляетъ и **соудь** и **порота** — каждое въ своемъ значеніи. Такъ, вмѣсто **имѣніа**, какъ стоитъ въ древнѣйшемъ спискѣ, въ позднѣйшемъ поставлено **коуће**, вѣроятно, **коуки** или **коућѣ**; вм. **кои хотеть бытн строителіе домоу божію** — **кои ге** (т. е., **ки**) **стежати домъ божіи**; вм. **люди црьковне** — **меропхе цркве**; вм. **оу инорїи** — **у нурихи**; къ слову **властелина** древнѣйшаго списка прибавлено въ позднѣйшемъ **сирѣчь кнеза или болѣрина** [1]; выраженіе списка 1390 г. **кто не имать баштине** — въ сп. 1701 г. пояснено словомъ **сирома** [2]; вм. **анкадоу** — **инкѹ**; вм. **поущи** — **домү**; вм. **ѡть светаго крала** — **ѿ цра**; вм. **оу жоупѣ или оу катоүноу** — **у полю или шаторү**; вм. **соужнь** — **тѹцакь**; вм. **станиинноу** — **грађанинѹ**; вм. **жоупа** — **кнаѣть**; вм. **логоѳетоу** — **писарѹ**; вм. **нероньхь** — **слуга**; вм. **үелинци** — **наүелинци**; вм. **оу крагї** (т. е., **краѣи**) — **крадби** (съ благозвучнымъ **б**); вм. **вь ризахь** — **въ одеже**.
Также точно находимъ нѣкоторыя словозамѣненія въ спискахъ Раковецкомъ и Текеліевомъ. Вмѣсто **меропхи** перваго во второмъ употреблено *посадники*; вм. **тѹцакь** — *сужань*, какъ въ сп. 1390 г.; вм. **темнице** — *робства*; вм. **станиникь** — *гостилникь*; вм. **писарь** — *логофетъ*; вм. **пронирь** — *господарь*; слово **отроци** замѣщено или словомъ *люди*, или словомъ *посадники*; вм. **приставь** употребляется слово *посланникь* и пр. Для ближайшаго знакомства съ языкомъ и способомъ изложенія Ходошскаго и Раковецкаго списковъ, я приведу изъ нихъ нѣсколько статей для сличенія. Сп. 1390 г. **И святителіе да поставеть доуховникє по всѣхь норїахь, по градовѡхь и по селѡхь и ты доуховници да соуть, иже соуть прїели благословенїе на доуховничьство вєзати и рѣшити ѡть своихь имь архїереи. и да слоушаеть ихь вьсакь по закону црьковномоу. а ѡныи доуховници коихь не соуть поставили доуховнике, да ижденоуть се, и да ихь кедѣвьса црьква по закону.** Сп. 1701 г. **И стліи да поставе дховнике по всех нѵрнах нхъ и по градовихъ и по селихъ и ти дховници да и слуша всакъ улкъ по закону црквому. а они дховници кои ни сѹ поставлени да се иждениѹтъ по закону црквному. И дховному длъгу непоставлени да не суде кто ли се наге ѿ непоставлени судиѣъ црковному длъгу да плати т перперъ тъкмо црковъ да суди.** Сп. 1390 г. **И на тисоущоу коуке да пїтаеть се вь монастырихь. и. калогирь,** Сп. 1704 г. **И у монастиру да се**

---

[1] Въ Лѣтописномъ изданіи этой прибавки нѣтъ. См. ст. **кг**.

[2] Это выраженіе не мѣшаетъ принять въ соображеніе при толкованіи слова «изгой». Оно доказываетъ, что тотъ, кто не имѣлъ своей баштины, т. е., наслѣдственной или родовой, въ нынѣшнемъ смыслѣ, собственности, хотя бы имѣлъ другаго рода земельную собственность, назывался «сиротою». **Сирота коудѣлница**, читаемъ далѣе въ Законникѣ (ст. 55, изд. Шаф.), **да есть свободна, такожде, ѣко и попь.** Если вспомнимъ, что въ старину ремесла были наслѣдственными въ родѣ, то увидимъ, что смыслъ этого мѣста таковъ: человѣкъ, не получившій, въ наслѣдственную собственность, земли для добыванія глины, какъ и сирота попъ, свободенъ отъ повинностей. Съ этимъ можно сличить другое мѣсто Законника (ст. 31, изд. Шаф.): **а иные попове, кои не имаю баштине, да им се дадоу три њиве законите, и да есть капа поповьска свободна.**

храме и калугеръ. Сп. 1390 г. И калогиріе и калогирице, кои се постризають, та живоуть вь своихь домωхь, да изгонюють се, и да живоуть по монастырѣхь. Сп. 1701 г. И калугери кои се постригаѡ паки иде у свой домъ да се изгоне издома и да иде у монастирь. Сп. 1390 г. Аще кто оужежеть коукю или гоумно или сламоу или сѣно по пизме (мести) комоу, да сьжегоуть его ωгнемь. аще ли се не наиде, да га дасть тоzи село. аще ли не дасть, да плати тоzи село, що би пожегы платиль. Сп. 1701 г. Аще се кто нађе кои пали кућю уію. или гумно, или сламу, или сено. то село изкога е ть уакь кои е упалїо, да га даду. аколи га не даду да плати то село. що би даѡ пожежница. Сп. 1390 г. Кто що наге оу царевѣ земли, да не вьzметь та реуеть: вратити кю. аще кто що поzна, та похвати или вьzме, да плати ико и тать и хоусарь. Сп. 1701 г. Уто наге ко у црвевой земли да не узме да не реу вратити кю. ако не поzна и похвати. или узме да плати що тать, и гусарь. Сп. 1390 г. Повеленіе царьско. ωть ныни да есть порота и zа много и zа мало. zа велико дѣло да соу. кд. поротьци, а zа помьньшы дльгь .ві. поротьць, а zа мало дѣло .ѕ. поротьць. и тиzи поротьци да не соу вольни оумирити ни кога, раzвѣ да ωправе, или да ωкриве. и да есть вьсака порота вь црькви, и попь вь риzахь да ихь zакльнеть. и оу поротѣ камо се векы кльноу, и кога векы ωправе, тиzи да соу вѣровани. Сп. 1701 г. Повеленіе црско ѿ сьбора ѿсуд напрѣ да іесть судіе и zа много и zа мало: zа велико дѣло да су кд судіе и zа маньи дльгь да су ві а zа мало дѣло ѕ. и да нѣ у нихь родина ни пиzматара. и те судіе да нсу волне никого умирити, раzве да ѡправде, или пакь да ѡкриве. и да е вьсакь суд вь цркви и попь да ѡблечется вь одежде и да и zакльне. и судіе кога кльнуть и кога ѿ правде ти да су веровани. Не менѣе любопытно сличить всѣ три списка вмѣстѣ. Вотъ нѣсколько статей на выдержку. Сп. Ходош. И вьси хрисоводи и простагме, що есть комоу сьтворило царьство ми, и уто вьсхощеть комоу сьтворити, и теzи баштинѣ да соу тврьде якоже и прьвіихь православныихь царь. и да соуть волни ними или подь црьковь дати, или zа доушоу ωтдати, или продати комоу любо. Сп. Раков. И вьси хрисовуле и простагме що е кому дато црско повеленіе. и що ге кому дати. и баштине да су тврьде. како и прьви православный цра. да су волни ньма. или цркви дати или zа душу ѿдати. или продати кому либо. да е свобода. Сп. Текел. *И васи русоволіи и записанія, што е кому оставило царство мое и што кому оставихъ бащине и записанія да су тверда, како и прочихъ первыхъ православныхъ царей, вольни нима или подъ церкве дати, или за душу, или продати либо кому*. Сп. Ходош. Кои властелинь имать дѣтьцоу, или не имать и оумреть, и по негове сьрьти баштина поуста ωстанеть, аще се ωбрѣщеть ωть негова рода до третіего братоууеда, ть да имать егокоу баштиноу. Сп. Раков. Кои властелинь не имать дѣцу или имать и умреть и по неговой сьмрти баштина пуста остане. где се нагѐ ѿ неговагѡ рода до третіагѡ братууеда. ть да има узети негову баштину. ако не буде ближнѣйшаго. Сп. Текел. *Кои властелинъ имать дьвицу. а пакъ не имелъ буде чедъ и умреть: и по ньговои самерти бащина пуста, где се обрящеть отъ ньгова рода до третіяго братучеда, тай да има ньгову бащину*. Сп. Ходош. И баштине вьсе да соуть свободне ωть вьсѣхь работь и поданьнь царьства ми, раzвѣ да давають кони, и воинскоу да воюють по zаконоу. Сп. Раков. И баштине все да су свободне ѿ всех работь. раzве да даю десето и войску да воюю по zакону. Сп. Текел. *А властелске бащине да су свободне отъ васехъ данакъ царства нашего, разма да даютъ десетыню,*

и войску да воюютъ са мною по закону. Сп. Ходош. Аще оубіе властелинъ себра оу градоу или оу жоупѣ или оу катоуноу, да плати тысоущоу перьпер. аще ли себрь властелина оубіеть, да моу се обѣ роуцѣ отсѣкоуть, и да плати .т. перперь. Сп. Раков. Аще убіе властелинь себра у граду, или у полю, или шатору. да плати тисущу перперъ. А коли себръ властелина убіе. да му се обѣ руце ѿсеку и да плати т҃ перперь: Сп. Текел. *Аще біетъ властелинъ себра у граду или у жупи, аще на смерть умретъ себаръ, да платитъ властелинъ 1000 перперь, ако ли біетъ себаръ властелина, да му се руке отсекутъ, и да платитъ 300 перперь*. Приведенныхъ статей достаточно для того, чтобы видѣть, что Текеліевъ списокъ такъ же точно относится къ списку Раковецкому, какъ этотъ послѣдній къ списку Ходошскому. По содержанію и языку, всѣ три списка стоятъ въ прямомъ другъ къ другу отношеніи. Раковецкій списокъ значительно рознится отъ Ходошскаго чрезъ измѣненія, вставки, смѣшеніе и избытокъ статей; Текеліевъ еще болѣе рознится съ Раковецкимъ чрезъ неумѣстныя поясненія древнѣйшаго смысла статей, весьма важные пропуски, искаженія и дополненія. Ходошскій списокъ, по языку своему, принадлежитъ къ той семьѣ памятниковъ, въ которой Ц.-Славянская стихія имѣла наибольшее вліяніе и въ то же время согласно и естественно, но не безобразно, дружилась съ народною. Раковецкій представляетъ совершенно противуположное явленіе и указываетъ на ту пору и то направленіе писцовъ, когда народная стихія, осиливъ Ц.-Славянскую количествомъ признаковъ, не переставала благотворно воздѣйствовать на языкъ, не нарушая его правильнаго развитія. А Текеліевъ напоминаетъ собою то время, когда языкъ книжниковъ исказился до безобразія въ слѣдствіе упадка народной жизни; когда смѣшеніе стихій произвело въ языкѣ ломку, безсвязное столкновеніе частей при насильно водворенномъ превосходствѣ Ц.-Славянскихъ признаковъ.

Окинемъ еще разъ бѣглымъ взглядомъ пройденное нами пространство и назовемъ тѣ источники, которыми можемъ пользоваться въ исторіи Сербскаго языка. Исторія государственная не такъ взыскательна: ей нужны только вѣрность содержанія памятника, да правильно выставленный годъ. Но исторія языка требуетъ больше: она можетъ пользоваться такими неопредѣленными, безъ именъ и годовъ, безцвѣтно — историческими памятниками, которыми первой пользоваться не нужно: она должна опредѣлить возрастъ памятника по его языку и сдѣлать его годнымъ для первой: она нуждается не только въ вѣрномъ опредѣленіи возраста и мѣстонаписанія памятника, но требуетъ еще, чтобы и списокъ съ него былъ сдѣланъ вѣрно, добросовѣстно, съ дипломатическою точностію. Она, какъ и первая, имѣетъ дѣло съ историческими событіями и лицами; но, сверхъ того, главнѣйшимъ ея предметомъ есть языкъ памятника: по этому ей, какъ и первой, нужна не только вѣрность содержанія, мѣстности, именъ и года, но, сверхъ того, еще и вѣрность языка, если она пользуется не самымъ подлинникомъ, а только спискомъ съ него. Отъ того кругъ пользованія у государственной исторіи обширнѣе, чѣмъ у исторіи языка. Изъ упомянутыхъ нами изданій грамотъ и Законника, изъ коихъ всѣ полезны для исторіи народа, многія остаются безполезными для исторіи языка. Таковы изданія грамотъ Вуича, Юлинаца, Давыдовича, Магарашевича, Голубицы: ими мы вовсе можемъ не пользоваться, равно какъ и изданіемъ Тарола и Соларича; ибо всѣ они (кромѣ одной грамоты Душана и одной Дабыши) уже вошли въ позднѣйшія и исправнѣйшія изданія. Къ послѣднимъ принадлежатъ Споменики, Сербскія Древности

Авраамовича, Гласникъ, Памятники Шафарика и его же Serbische Lesekörner (для того, что не нашло себѣ мѣста въ Памятникахъ), изданіе Милутиновой грамоты у Миклошича и Черноевичевой у Милутиновича. Другою грамотою Черноевича, у того же Милутиновича, мы не можемъ пользоваться, ибо она напечатана гражданскими буквами и съ измѣненіями въ языкѣ. По той же самой причинѣ остаются для насъ безполезными значительные отрывки изъ Сербскихъ грамотъ, сообщенные г. Григоровичемъ. Небольшой отрывокъ въ Словарѣ В. Караджича съ пользою послужитъ намъ для двухъ, трехъ примѣровъ. Равномѣрно, съ осторожностію должно пользоваться спискомъ Караджича, сдѣланнымъ съ Сербскихъ грамотъ для Гр. Румянцева и изданнымъ въ отрывкахъ г. Востоковымъ. Списокъ этотъ, по сличеніи тутъ же приложенной надписи на покровѣ св. Лазаря съ этою самою надписью, напечатанною въ Памятникахъ Шафарика, оказывается невѣрнымъ во многихъ отношеніяхъ: то же замѣтитъ всякій, кому только знакомы грамоты, и въ двухъ отрывкахъ изъ грамотъ Душановой и Лазаревой: въ нихъ ь часто опускается, или неправильно замѣняется б-ю ъ; множество значковъ опущено; подозрительны буквенныя сочетанія въ словахъ бытиьє, иьєи, мльиїа, которыя пахнуть новизною, и н. др. Изданіе Законника по списку 1390 г. сдѣлано еще въ первый разъ Шафарикомъ: имъ и будемъ мы пользоваться. Но мы уже знаемъ свойства изданій Шафариковыхъ, и потому, во многихъ случаяхъ, напр., въ ученіи о значкахъ, полугласныхъ и начертаніи нѣкоторыхъ буквъ, будемъ пользоваться ими съ осторожностію и ограниченіями.

Припоминая количество и возрастъ изданныхъ и извѣстныхъ уже намъ памятниковъ, мы видимъ, что непрерывный рядъ ихъ тянется съ конца XII вѣка, или грамоты бана Кулина, 1189 года, до исхода XV столѣтія и оканчивается въ одно время съ политическою независимостію Сербіи и Босны. По этой причинѣ, въ своихъ изслѣдованіяхъ объ исторіи и языкѣ Сербскаго народа, я остановлюсь собствено на концѣ XV столѣтія, а о позднѣйшемъ времени скажу только мимоходомъ, по скольку касаются его наши источники. Споменики останавливаются собственно на 1501 годѣ; хотя въ нихъ есть еще 3 грамоты: Хиландарская 1544 г., Дечанская 1613 г. и Юрія Бранковича 1689 года, но, очевидно, онѣ такъ отдалены одна отъ другой и содержаніемъ и временемъ, что по нимъ однѣмъ нельзя вывести никакихъ итоговъ для исторіи языка. Не помогутъ и нѣкоторыя другія грамоты этого времени, не упомянутыя нами въ обзорѣ источниковъ, именно 4 митрополичьи 1622, 1690, 1706 и 1789 годовъ, и письма Арсенія Черноевича 1696 г., относящіяся собственно къ исторіи Сербской церкви и церковнаго языка у Сербовъ. Письмо Еронима Ядарскаго 1533 г., изъ Цариграда, стоитъ особнякомъ, а грамоты у Милутиновича относятся къ одной Черной Горѣ, и ими уже воспользовался самъ издатель въ своей Исторіи Черной Горы; также немногія изъ нихъ послужатъ для исторіи Сербскаго языка, ибо большая ихъ часть писана современнымъ церковнымъ языкомъ. Раковецкій списокъ Законника нуждается въ строгомъ опредѣленіи возраста и редакціи. Такіе скудные и разбитые источники сами по себѣ не могутъ дать понятія о событіяхъ въ Сербіи и состояніи Сербскаго языка въ XVI, XVII и XVIII ст. Они слишкомъ недостаточны для того времени, которое столь извѣстно и богато событіями; ихъ назначеніе — служить дополненіемъ къ другимъ, обильнѣйшимъ источникамъ. Со стороны языка они значительно рознятся отъ тѣхъ явленій, которыя въ XIV и XV ст. обличаютъ

6

сильное развитіе Сербскаго языка и стремленіе его къ самостоятельности въ ущербъ Церковнославянской стихіи; рознятся и отъ преобладающаго языка послѣдующихъ, имъ современныхъ, столѣтій; по этому въ историческій обзоръ Сербскаго языка XVI, XVII и XVIII ст. они войдутъ только для сравненія и противуположенія, а самый обзоръ должно основать совсѣмъ на другихъ источникахъ, которые прямо приведутъ къ Исторіямъ Бранковича и Раича. Кромѣ недостатка въ источникахъ и перемѣны въ ихъ языкѣ, другія, не менѣе важныя, причины заставляютъ меня остановить историческій обзоръ событій и языка на концѣ XV столѣтія, а именно: 1) съ этого времени Сербія и Босна теряютъ совершенно политическую независимость и подчиняются Турецкой власти. Въ слѣдствіе того и государственная ихъ дѣятельность прекращается: дипломатика не существуетъ болѣе. Только въ Австріи, предъ Австрійскимъ правительствомъ, Сербы хлопочутъ о сохраненіи обѣщанныхъ имъ правъ, но уже не на родномъ языкѣ; и только изрѣдка Патріархи Сербскіе дарятъ грамоты и посланія своимъ духовнымъ чадамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ останавливается духовное развитіе Сербскаго народа въ Турціи, а поселенцы Австрійскіе, по своей малочисленности, не могутъ поддержать его послѣ вынесенныхъ ими страшныхъ ударовъ. Сербы грубѣютъ и отуречиваются. Отсюда понятенъ 2) недостатокъ памятниковъ, относящихся къ этой позднѣйшей эпохѣ. Народныя пѣсни останавливаются на борьбѣ Сербіи съ Турціею и прославляютъ подвиги послѣднихъ представителей Сербской независимости, Марка Кралевича, Вука Змієвича и другихъ витязей, которые сходятъ съ поприща побѣдъ безъ успѣшныхъ послѣдствій, пріобрѣтя славу только себѣ, но безъ пользы для народа: ибо народъ, въ смыслѣ государства, уже не существовалъ. За борьбой умолкаютъ и пѣсни; рѣдко слышатся стоны несчастнаго Серба, или Сербіянки, страждущихъ подъ игомъ невѣрныхъ. Духовенство въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, преимущественно защищенныхъ природою отъ напора Азіатскихъ побѣдителей, сберегаетъ то, что еще можно было сберечь отъ древнихъ временъ. Оно хранитъ, или переписываетъ, рукописи, хотя уже давно дѣйствуютъ печатни; но преграда, поставленная Турками, заставляетъ его скорѣе переписывать гдѣ нибудь въ уединенной кельи, чѣмъ отваживаться на покупку печатной книги. Грамотность переходитъ опять къ одному только духовенству, которое снова даетъ перевѣсъ Церковнославянскому языку, такъ что и позднѣйшіе писатели, до самого Обрадовича, подчиняются его вліянію. Турки, не вторгаясь, по видимому, въ домашній бытъ побѣжденнаго народа, умѣли, однакоже, подавить въ немъ всякое развитіе, совершенное въ счастливыя времена славы и могущества Сербіи, и заглушить самый зародышь этого развитія въ будущемъ. Они сумѣли вытѣснить Сербскую народность изъ городовъ, какъ средоточія умственной дѣятельности, и отодвинуть ее въ деревни, гдѣ она прозябала безплодно. 3) Дубровникъ, хотя удерживаетъ свою независимость, однако прекращаетъ государственныя сношенія съ Сербіею и Босною: этотъ богатый источникъ грамотъ изсякаетъ. 4) Сербскій письменный языкъ въ концѣ XV ст. еще представляетъ счастливое движеніе впередъ, при содѣйствіи распространявшейся грамотности: въ немъ уже проявляются тѣ признаки, которые въ послѣдствіи, въ концѣ XVIII и началѣ XIX ст., опредѣлили собою новый Сербскій письменный языкъ, какимъ онъ явился въ нашъ вѣкъ съ правомъ гражданства въ возродившейся письменности Славянъ. Но съ XVI ст. онъ останавливается на пути успѣха и снова подвергается сильному

вліянію Церковнославянскаго, такъ что подъ перомъ писателей, до самого Обрадовича, представляетъ странную смѣсь словъ и формъ, лишенную всякой возможности совершенствованія. 5) Предметъ моихъ изслѣдованій составляютъ *письменные* памятники; но XV-мъ вѣкомъ во всей Европѣ завершается епоха письменныхъ памятниковъ и начинается новая пора образованія, пора печатныхъ книгъ. Сербы уже въ концѣ XV вѣка печатали, но только однѣ церковныя книги. Основаніе въ XVI ст. печатень въ Сербскихъ и сосѣднихъ земляхъ положило конецъ порѣ рукописей, и Кириловскія книги, доселѣ усердно переписывавшіяся духовенствомъ, предаются печати[1]. Охота къ списыванію пропадаетъ по мѣрѣ того, какъ старинныя рукописи являются въ печати: она еще сильна въ XVI и XVII вѣкахъ, но исчезаетъ съ началомъ XVIII. 6) Кириловское письмо потерпѣло уронъ еще и съ другой стороны. Когда пали Сербія и Босна, тогда пало и сильное средоточіе Славянскаго Православія на югѣ: тамъ не стало независимаго государства. Со стороны Далмаціи Римскіе католики удобнѣе могли вводить Латинскую азбуку, ибо уже не было и сильныхъ Боснійскихъ, Хлумскихъ и Травунскихъ бояръ, которые отстаивали Православіе вмѣстѣ съ ересью Патаренскою. Со стороны Славоніи и Срема Австрійскіе католики не менѣе удачно дѣйствовали въ пользу Латинской азбуки, заставляя и Сербскихъ поселенцевъ въ Австріи, огражденныхъ императорскими грамотами, отказываться отъ Кирилицы[2]. Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, составляютъ рѣзкую грань въ исторіи и языкѣ Сербовъ и достаточны для того, чтобы раздѣлить ихъ на два періода: предшествующій, или древній, и послѣдующій, или средній. Новый начинается съ Кара-Георгія и Обрадовича, или съ войнъ Сербовъ съ Даями за независимость и образованія новаго книжнаго языка у Сербовъ[3]. И вотъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, причина, почему я останавливаю свой очеркъ на концѣ XV столѣтія.

Однимъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ чистаго Сербскаго языка могли бы служить народныя пѣсни, если бы записаны были въ то время, къ которому относятся мои изслѣдованія; но только въ наше время В. С. Караджичъ передалъ ихъ письму; до него же онѣ переходили устно изъ вѣка въ вѣкъ, получая отъ времени наростъ въ содержаніи и перемѣны въ языкѣ. По языку онѣ вѣчно юны; но по содержанію многія изъ нихъ носятъ признаки глубочайшей древности. Въ нѣкоторыхъ сохранились воспоминанія объ Индіи и притомъ столь свѣжія, что даже не забыта и исполинская Южноазіатская растительность; другія исполнены миѳическихъ преданій и вѣрованій языческихъ Славянъ; третьи содержатъ въ себѣ множество слѣдовъ историческихъ событій и свидѣтельствуютъ о своей исторической основѣ, хотя извѣстія, ими передаваемыя, уже опоэтизированы народомъ, или искажены полузабвеніемъ. Начало ихъ восходитъ къ древнѣйшимъ временамъ Сербской державы: онѣ помнятъ Симеона Неманю, Св. Саву, братьевъ Милутина и Драгутина, Душана, Лазаря и мн.

[1] См. статью Шафарика: О Древнеславянскихъ, именно Кириловскихъ, типографіяхъ въ Югославянскихъ земляхъ и прилежащихъ имъ краяхъ, въ XV, XVI и XVII ст. Чтенія И. О. И. и Д. Р. 1845 — 46, кн. III. Перев. проф. Бодянскаго.

[2] См. статью д-ра Мушицкаго: Судбине Кирилски писмена у Аустрійской државп. Гласникъ, ч. I, стр. 127.

[3] Краткій очеркъ Сербской письменности въ брошюрѣ Суботича: Einige Grundzüge aus der Geschichte der serbischen Literatur. Wien. 1850, и въ книгѣ Шафарика: Geschichte der Slavischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten. Offen. 1826.

др.; но любимѣйшій ихъ предметъ — славные подвиги народныхъ витязей въ борьбѣ съ Турками. Въ витязяхъ народъ олицетворилъ свой воинственный духъ и заклятую вражду къ бусурманамъ. Въ этой враждѣ народъ, стѣсненный гнетомъ рабства, порываясь къ самобытности, находилъ себѣ единственное утѣшеніе. И не мудрено, что, при такомъ настроеніи духа, онъ украшалъ подвиги своихъ витязей великолѣпными вымыслами, столь чудными и необъятными, что въ пѣсняхъ о нихъ часто уже нельзя доискаться истины; или часто приписываются витязямъ такіе подвиги, которыхъ они и не думали совершать. Счастливые избранники народныхъ думъ, они соединили въ себѣ и подвиги своихъ собратій, у которыхъ народъ часто отнималъ славныя дѣла и переносилъ на своихъ любимцевъ. Можно сказать, что пѣсни сопровождаютъ Сербскій народъ отъ самой его колыбели, когда онъ, живя въ своей прародинѣ, еще не выдѣлился изъ общей Славянской семьи и водилъ тѣсную дружбу съ природою, сопровождаютъ чрезъ всю его послѣдующую жизнь, счастливую, бурную и бѣдственную, пока, наконецъ, подвигъ Чернаго Георгія и его Сербской дружины положилъ начало осуществленію той мысли, которую народъ постоянно воспитывалъ въ своихъ думахъ. Съ этой поры открылся новый обильный источникъ для народной поэзіи: про Чернаго Георгія, Милоша и ихъ сподвижниковъ уже сложены пѣсни и поются народомъ. Черногорцы, съ самаго водворенія Турокъ въ Европѣ, поютъ свое четованье, величаютъ своихъ богатырей и прославляютъ свои битвы съ Турками за независимость. Пѣсни, лучшій цвѣтъ народной поэзіи, постоянно возносился надъ поверхностію народной жизни, то спокойною, то тревожною, и, сдѣлавшись достояніемъ простолюдиновъ, сохранился до насъ столь же свѣжій, какъ свѣжа жизнь всякого народа, который умѣлъ сберечь себя, свое нравственное существованіе, свою народность, вѣру среди жестокихъ политическихъ бурь и крушеній. Современность есть отличительная черта пѣсенъ: онѣ прекрасны сами по себѣ; но историческимъ источникомъ, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, служить не могутъ. Онѣ требуютъ особой предварительной разработки, и потому опредѣленіе ихъ историческаго значенія и изслѣдованіе ихъ языка могутъ служить предметомъ отдѣльнаго труда.

Но пора отвѣчать на вопросъ, который, можетъ статься, кто либо сдѣлаетъ: нѣтъ ли еще другихъ народныхъ Сербскихъ памятниковъ, изъ древняго періода, писанныхъ Кирилицею, и подлежащихъ нашему изслѣдованію? Прежде всего скажу, что въ настоящее время, когда нѣкоторые ученые прилѣжно занимаются Сербскою стариною, трудно ручаться, чтобы не нашлись еще новые, доселѣ неизвѣстные, памятники народнаго слова, прямо относящіеся къ разряду тѣхъ, которымъ я посвятилъ свои изслѣдованія. Во вторыхъ, очень легко можетъ быть, что въ чьихъ либо рукахъ сберегаются памятники уже открытые, но мнѣ неизвѣстные, или недоступные. Въ третьихъ, можно, необинуясь, указать на нѣкоторыя хранилища, заключающія въ себѣ навѣрно, или предположительно, драгоцѣнные памятники, писанные на древнемъ Сербскомъ языкѣ: таковы многіе старинные Сербскіе монастыри, опытъ описанія которыхъ предложенъ былъ В. Караджичемъ въ Даницѣ 1826 г.; таковы преимущественно Аѳонскіе монастыри, содержащіе въ себѣ множество церковно-богослужебныхъ и лѣтописныхъ книгъ Сербской рецензіи, множество Сербскихъ дарственныхъ грамотъ и вообще множество такихъ памятниковъ, о которыхъ, какъ неприступныхъ сокровищахъ, съ восторгомъ и сожалѣніемъ отзываются путеше-

ственники. Эти памятники, извѣстные намъ только по слуху, лишенные всякой возможности къ пользованію и, Богъ вѣсть когда, имѣющіе явиться въ печати, или даже въ спискахъ, все равно какъ бы не существовали теперь для насъ. Недосягаемые для самихъ путешественниковъ, лично посѣщавшихъ Святую Гору, они тѣмъ менѣе доступны для ученыхъ, живущихъ внѣ Аѳона; большая часть ихъ гніетъ безъ употребленія, служа лишь одному времени своимъ тлѣніемъ. Такъ, мы знаемъ, есть у нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ любителей науки замѣчательныя собранія древнихъ Сербскихъ монетъ. Такъ, различныя древлехранилища, преимущественно народное Сербское и Вѣнское, сберегаютъ большой запасъ Сербскихъ письменныхъ памятниковъ и монетъ. Есть много частныхъ лицъ и ученыхъ, владѣющихъ болѣе, или менѣе драгоцѣнными рукописями и рѣдкими монетами: кажется, не ошибусь, если на первое мѣсто между ними поставлю П. І. Шафарика.[1] Съ другой стороны, чтобы отвѣчать на предложенный вопросъ, должно условиться объ языкѣ памятниковъ, избранныхъ мною предметомъ изслѣдованія. Не касаясь въ подробности до свойствъ языка тѣхъ памятниковъ, которые входятъ въ кругъ моихъ историческихъ и филологическихъ изысканій, я скажу сдѣсь только, что буду разсматривать памятники, писанные на Сербскомъ языкѣ. Древній книжный языкъ Сербовъ былъ двоякаго рода. Въ одномъ случаѣ Сербы, переписывая Древнебулгарскія книги, или сами сочиняя что либо, старались писать по-Древнебулгарски; но, при всемъ своемъ желаніи писать таковымъ языкомъ, они никакъ не могли остеречься до такой степени, чтобы не внести въ Ц.-Славянскій языкъ болѣе, или менѣе признаковъ своего народнаго языка: словомъ, они подчиняли Ц.-Славянскій языкъ своей рецензіи. Въ другомъ случаѣ Сербы, наоборотъ, старались писать по-Сербски, то есть, на своемъ народномъ языкѣ; но такъ какъ въ старину писцы или дьяки были въ то же время и начетчики, и такъ какъ первоначальное ихъ образованіе и грамотность состояли въ знакомствѣ съ Д.-Булгарскою письменностію, съ которою вмѣстѣ пришла въ Сербію Православная Вѣра, то пишущему Сербу не оставалось ничего болѣе, какъ народный языкъ свой, еще не обработанный письменно, не возведенный на степень книжнаго и не собравшійся по этому съ силами, подчинить дѣйствію Ц.-Славянскаго, давно уже славившагося своею книжностію, и создать такимъ образомъ свой особый письменный языкъ, въ которомъ народные звуки и формы перемежались съ Ц.-Славянскими. Въ памятникахъ, писанныхъ этимъ народнымъ книжнымъ языкомъ, замѣтно мѣстами желаніе писцовъ поддѣлаться подъ Ц.-Славянскій ладъ, а мѣстами, при всемъ своемъ желаніи писать по-Сербски, писцы не могли удержаться отъ того, чтобы не внести въ свой языкъ нѣкоторыхъ Ц.-Славянскихъ признаковъ, по тому, повторяю, что ихъ отечественный языкъ не былъ еще воздѣланъ книжнымъ образомъ и не могъ

[1] Каталоговъ Сербскимъ грамотамъ, сколько нибудь стоющихъ этого названія, нѣтъ. Но попытки представить ихъ уже сдѣланы: Успенскій, Авраамовичъ, Григоровичъ, Мюллеръ суть начинатели этого дѣла, и должно сознаться, что они добросовѣстно и прилежно, сколько позволяли имъ средства, трудились на этомъ важномъ поприщѣ. Ихъ труды посвящены преимущественно Аѳону. Западное же хранилище, прежде бывшій Дубровницкій архивъ (нынѣ перенесенный въ Вѣну), нашелъ для себя смѣлаго глашатая въ лицѣ П. І. Шафарика, который въ 1839 г. извѣстилъ слишкомъ о 250 хранящихся въ немъ грамотахъ въ своей чрезвычайно рѣдкой книжкѣ: Prospectus Monumentorum Illyricorum.

вполнѣ удовлетворить имъ. Послѣ этого всякій, кто только слѣдилъ за развитіемъ древняго книжнаго, не только Сербскаго, но и всякаго другаго Славянскаго, языка, сложившагося изъ двухъ стихій, пойметъ, что въ письменности этого языка непремѣнно найдутся такіе памятники, которые принадлежатъ по преимуществу той или другой стихіи и къ исторіи ея развитія относятся. Такъ точно и въ древней Сербской письменности одни памятники служатъ основаніемъ для исторіи Ц.-Славянскаго языка въ Сербіи, подъ Сербскою рецензіею; а другіе руководятъ исторіею Сербскаго языка подъ вліяніемъ Ц.-Славянской стихіи. Само собою разумѣется, что движеніе языка совершается въ тѣхъ памятникахъ, которые писаны на этомъ самомъ языкѣ, если не на совершенно чистомъ, то, по крайней мѣрѣ, на такомъ, гдѣ народные признаки преобладаютъ надъ посторонними: у себя дома языкъ развивается быстрѣе и полнѣе, чѣмъ на чужбинѣ, среди преобладающей посторонней стихіи. Въ памятникахъ, писанныхъ на Сербскомъ языкѣ, народные признаки показываются гораздо ранѣе, въ лучшемъ порядкѣ, постепеннѣе и въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ въ памятникахъ Д.-Булгарскаго языка Сербской рецензіи, хотя бы писанныхъ или переписанныхъ природными Сербами. Если къ тому же прибавлю, что въ памятникахъ послѣдняго рода въ Ц.-Славянскій языкъ входятъ, какъ естественно и должно ожидать, одни только главнѣйшіе, постоянные, а потому и не подверженные временному движенію, признаки Сербскаго языка, то ясно будетъ, что по этимъ памятникамъ нельзя исторически изучать Сербскій языкъ; между тѣмъ какъ памятники перваго рода давно уже обогнали эти послѣдніе и ранностію и количествомъ появленія народныхъ признаковъ съ ихъ временными видоизмѣненіями. Тамъ, гдѣ Сербскій языкъ является гостемъ и пришлецомъ и гдѣ онъ всегда можетъ быть скуднымъ и запоздалымъ, тамъ я не буду его изучать. Его исторія должна вращаться въ его собственной средѣ и покоиться на памятникахъ, которые онъ оставилъ по себѣ, такихъ памятникахъ, гдѣ присутствіе его ознаменовано преобладаніемъ надъ постороннею стихіей. Избравъ эти одни памятники основаніемъ для исторической разработки Сербскаго языка, я долженъ былъ коснуться и ихъ отношенія къ судьбамъ самого Сербскаго народа, показать ихъ значеніе въ государственной и гражданской жизни Сербовъ. Но что это за памятники? Они уже названы и исчислены мною. Теперь, для большей ясности, слѣдуетъ только показать отношеніе ихъ по языку и содержанію къ прочимъ памятникамъ древней Сербской письменности. Бѣглый очеркъ этой послѣдней, до XV-го вѣка включительно, яснѣе представитъ различіе ея памятниковъ и оправдаетъ объемъ моего изслѣдованія.

Всю Древнесербскую письменность можно раздѣлить на слѣдующіе виды, представляемые нами въ общихъ чертахъ: 1) богослужебныя, богословскія и вообще духовнаго содержанія книги, писанныя первоначально на Древнебулгарскомъ языкѣ, но, чрезъ переписываніе, подвергнувшіяся Сербской рецензіи и принявшія въ себя много сербизмовъ, или прямо переведенныя на Сербобулгарскій языкъ. Въ послѣдствіи бóльшая часть ихъ, именно богослужебныя книги, была тиснута въ древнѣйшихъ Сербскихъ и сосѣднихъ печатняхъ.[1]

[1] О Кириловскихъ типографіяхъ въ Южнославянскихъ земляхъ и о древнѣйшихъ Сербскихъ печатныхъ книгахъ см. статью Шафарика, переведенную проф. Бодянскимъ въ Чтеніяхъ И. О. И. и Д. Р. за 1845—46, кн. III. Также у Шаф. въ Serbische Lesekörner, стр. 12.

Всѣ этѣ книги, какъ рукописныя, такъ и печатныя, важны для насъ еще и по тому, что имѣютъ надписи, послѣсловія и приписки, языкъ которыхъ, наполненный сербизмами, далеко не таковъ, какъ языкъ текста; ибо сочинители ихъ пользовались сдѣсь бо̀льшими правами относительно языка и, будучи Сербами, вносили сюда свойства народнаго языка въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ въ текстъ. По этому подобныя дополненія лучше отнести къ слѣдующему, второму, отдѣлу памятниковъ.[1] 2) Духовныя сочиненія Сербскихъ писателей и отчасти переводы, типики, номоканоны, житія святыхъ, церковныя извѣстія, лѣтописи, медицинскія сочиненія, надписи на церквахъ, иконахъ, церковныхъ утваряхъ, гробницахъ и т. п. Этотъ отдѣлъ есть самый

[1] Считаю не лишнимъ поименовать сдѣсь нѣкоторыя древнѣйшія, къ этому разряду относящіяся, рукописи Сербской рецензіи, помѣченныя годомъ, или извѣстнаго вѣка. Важнѣйшія изъ нихъ суть: Ѳедоровскій списокъ Шестоднева 1263 г., въ Москвѣ, (отрывокъ у Калайдовича въ Іоаннѣ, Екзархѣ Болгарскомъ); Прологъ XIII-го в., въ С.-Петербургѣ, (Востокова Описаніе Румянцевскаго музея, N CCCXIX); Евангеліе 1316 г., въ Карейской типикарницѣ Св. Савы; Апостолъ Шишатовацкій, писанный Даміяномъ въ 1324 г.; Евангеліе 1329 г. въ мон. Св. Павла на Аѳонѣ; Слова Іоанна Златоустаго 1344 г. въ Хиландарѣ; Патерикъ 1346 г., въ мон. Крькѣ, въ Австріи, (рецензія мнѣ неизвѣстна); Евангеліе 1372 г. въ Вѣнской придворной библіотекѣ; Служебникъ, вѣроятно, въ 1386 г. писанный, (Вост. Оп. Рум. муз. N CCCC); Евангеліе Шишатовацкаго монастыря XIV в.; Евангеліе, хранящееся въ монастырѣ Св. Николая на Моравѣ; Отрывки Евангелія и одного поученія того же вѣка; Іоанна Дамаскина Богословіе, въ Крушедолѣ, того же вѣка; Рукопись, содержащая Пятокнижіе Моисеево, книгу Осіи, книгу Судей и четыре книги Царствъ, въ Крушедолѣ, XV-го в.; другая, содержащая Псалтырь, Апостолъ, Синаксарій и Часословъ, тамъ же и того же вѣка; Толкованіе на Евангеліе, въ Крушедолѣ; Григорія Богослова 16 Словъ (изъ коихъ 13 сохранились еще въ другомъ спискѣ, Вост. Оп. Рум. Муз. NN LXXXV, LXXXVI); Іоанна Лѣствичника Бесѣды (принадлеж. Имп. Публ. Библіотекѣ. См. Вост. Оп. Рум. Муз. N CC, стр. 256); Четвероевангеліе, въ правописаніи коего есть смѣсь Русскаго съ Сербскимъ (Вост. Оп. Рум. Муз. N CXIX); Филиппа пустынника Діоптра, въ Шишатовцѣ; Іоанна Климаха Лѣствица (въ трехъ спискахъ, изъ коихъ два въ Крушедолѣ, одинъ въ Карловцахъ); Іоанна Златоустаго Постныя Слова (въ двухъ спискахъ, въ Карловцахъ и Крушедолѣ); его же Бесѣды (въ двухъ спискахъ, въ Крушедолѣ); Григорія Назіанзина Слова, въ Крушедолѣ; Рукопись, содержащая въ себѣ различныя статьи, какъ-то преданія о Спасителѣ, Святой Дѣвѣ и Апостолахъ, Завѣтъ 12-ти Патріарховъ, Изъясненіе Псалмовъ, Библейскую Исторію, Исторію Римскихъ и Греческихъ императоровъ, Исповѣданіе и Уставъ Константина Великаго, избранныя мѣста изъ Дамаскина и Златоустаго, Родословіе святыхъ ктиторовъ и господъ Сербскихъ и пр. Всѣ XV-го в. и пр. и пр. Григоровичъ видѣлъ въ Аѳонскихъ монастыряхъ множество пергаменныхъ (не говорю уже бумажныхъ) рукописей, Евангелій, Апостоловъ, Псалтырей и др., Сербской рецензіи, возрастъ которыхъ еще не опредѣленъ. Есть много и такихъ рукописей, рецензія которыхъ намъ неизвѣстна, ибо видѣвшіе ихъ не дали о томъ знать. Но сколько еще такихъ, которыя извѣстны только по названію, или даже вовсе не открыты. Сербскіе, Черногорскіе и ближайшіе къ Сербіи Булгарскіе монастыри, Южная Угрія, Аѳонъ, Вѣна, Москва, Петербургъ и многія другія мѣста хранятъ обильный запасъ церковныхъ книгъ Сербской рецензіи. Мы не приводили сдѣсь позднѣйшихъ XVI-го и слѣдующихъ вѣковъ; но и между ними есть весьма важныя, одолженныя своимъ происхожденіемъ древнѣйшимъ подлинникамъ. Укажу, на пр., на Каноны Сербскимъ святымъ въ спискѣ 1714 г., содержащіе при себѣ и прологи вмѣстѣ съ другими біографическими извѣстіями о Сербскихъ короляхъ, царяхъ, деспотахъ, ихъ родичахъ и прочихъ святыхъ. Свѣдѣнія о рукописяхъ этого разряда находятся по разнымъ сочиненіямъ, какъ-то, путешествіямъ, описаніямъ книгохранилищъ и повременнымъ изданіямъ. Полнѣйшія указанія приведены Шафарикомъ въ Wiener Jahrbücher 1831, 53 Anzeige Blatt, въ Serbische Lesekörner и въ Prospectus Monumentorum Illyricorum; Кухарскимъ въ Časopis wlastenského Museum, 1829, IV; Востоковымъ въ Описаніи Румянцевскаго Музеума, 1842; Успенскимъ, Авраамовичемъ, Григоровичемъ въ ихъ Путешествіяхъ; а также въ Лѣтописѣ, Даницѣ, Новинахъ, Гласникѣ, Сербо-Далматинскомъ Альманахѣ и Магазинѣ и мн. др.

обширный. Разумѣется, между нимъ и предыдущимъ нельзя положить точныхъ границъ, особенно въ языкѣ: языкъ того и другаго почти одинаковъ и если мы различаемъ ихъ, то на иномъ основаніи, именно, по способу самого употребленія языка. Мы, кажется, не ошибемся, если замѣтимъ, что къ первому разряду преимущественно относятся такія книги, которыя были только переписаны Сербами, нисколько не желавшими измѣнять ихъ Древнебулгарскій языкъ, но невольно внесшими въ нихъ нѣкоторыя важнѣйшія особенности своего карѣчія, напр., замѣну ѫ, ж, ъ и ꙑ буквами ѹ, оу, ь, ы, и, и н. др. Ко второму же разряду принадлежатъ тѣ книги, въ которыхъ Сербы сами являются сочинителями, или переводчиками, но уже не переписчиками. Хотя сдѣсь языкъ былъ въ полномъ ихъ распоряженіи, однако они, отчасти по навыку и понятіямъ своимъ о книжномъ языкѣ, отчасти изъ уваженія къ предмету своихъ сочиненій и переводовъ, проникнутому религіознымъ настроеніемъ духа, а отчасти и по образцу книгъ перваго разряда, составлявшихъ необходимо первое явленіе Сербской письменности, употребляли тотъ же самый языкъ, какой находили въ книгахъ перваго разряда, т. е., писать старались по-Древнебулгарски съ примѣсью важнѣйшихъ сербизмовъ. Повторяю, если мы различаемъ оба разряда, то не по языку, а способу употребленія языка и содержанію большинства рукописей. Непреложной грани между ними положить нельзя, во первыхъ, по тому, что есть много рукописей, о которыхъ не извѣстно, были ли онѣ только переписаны Сербами съ Древнебулгарскихъ, или прямо переведены на этотъ языкъ Сербами; во вторыхъ, по тому, что есть сборники, которыхъ содержаніе относится къ тому и другому разряду; въ третьихъ, есть не переведенныя, а сочиненныя Сербами рукописи, по содержанію своему относящіяся къ первому разряду, вмѣсто втораго, каковы, напр., службы Сербскимъ святымъ и т. п. Но, не смотря на то, все же таки отличительною чертою въ языкѣ памятниковъ втораго разряда есть присутствіе личности и личнаго произвола писателя, или переводчика. Не будучи невольнымъ переписчикомъ, онъ могъ всегда въ сочиненіи, или переводѣ своемъ, располагать языкомъ по своему произволу, подчиняя его своему собственному воззрѣнію. Писатель есть уже самъ по себѣ личность съ опредѣленнымъ направленіемъ, характеромъ, взглядомъ; онъ непремѣнно образованъ, онъ начетчикъ, книжникъ. А если вспомнить, что древняя грамотность состояла почти исключительно въ знаніи Ц.-Славянскаго языка и его письменности, то очевидно будетъ, что древніе писатели, когда еще не было и помину о введеніи въ книжность народнаго языка, должны были употреблять не иной какой языкъ, какъ тотъ, который они считали единственнымъ книжнымъ языкомъ и съ помощію котораго могли пощеголять своею грамотностію. Чѣмъ грамотнѣе былъ писатель, тѣмъ языкъ Ц.-Славянскій былъ у него чище и правильнѣе. Съ одной стороны самый предметъ духовнаго содержанія требовалъ соотвѣтственнаго ему языка, съ другой религіозно-нравственное воззрѣніе лѣтописцевъ на событія міра и на все мірское открывало и въ лѣтописи путь Ц.-Славянскому языку: ибо всѣ отступленія, весьма частыя и всегда набожнаго содержанія, заимствованныя когда изъ догматическаго, когда изъ практическаго богословія, выписывались и повторялось наизустъ изъ книгъ церковныхъ. Все въ этомъ отдѣлѣ обнаруживаетъ, что писатели, почти одни духовныя лица, сроднились съ Ц.-Славянскимъ языкомъ; что Св. Писаніе и Отцы Церкви были для нихъ постояннымъ предметомъ чтенія, книгою сподручною, настольною. Гдѣ нельзя было заимствовать цѣлыхъ мѣстъ и выраженій изъ

Св. Писанія, такъ, по крайней мѣрѣ, они употребляли языкъ Св. Писанія. Также надписи на церквахъ, крестахъ, иконахъ, гробницахъ, церковныхъ печатяхъ и другихъ утваряхъ уже по тому самому, что относились къ предметамъ священнымъ, писались Ц.-Славянскимъ языкомъ. Вотъ почему этому отдѣлу, какъ и предыдущему, свойственно болѣе названіе Церковнославянскаго, или Древнебулгарскаго, чѣмъ Сербскаго; хотя онъ и заключаетъ въ себѣ народные Сербскіе памятники, но тѣмъ не менѣе языкъ ихъ не народный Сербскій, а Церковнославянскій, преобладающій подъ нѣкоторымъ вліяніемъ Сербскаго. Еще въ половинѣ XIV ст. переводчикъ Властарова Правильника говорилъ, что этотъ послѣдній языкъ есть простъмъскыи ѩзыкъ, но въ то же время самъ произносилъ и писалъ ѩзыкъ, а не ѩзыкъ. По тому-то я отмѣтилъ этотъ отдѣлъ памятниковъ присутствіемъ личности: языкъ памятниковъ зависѣлъ отъ личнаго произвола писателей. Не маловажнымъ доказательствомъ въ пользу булгарства этого отдѣла служитъ то, что, по словамъ Шафарика, письма и разговоры князей въ Родословѣ отличаются бо̀льшимъ количествомъ Сербскихъ признаковъ, нежели остальной разсказъ лѣтописца Даніила, и еще то, что Житія Сербскихъ Святыхъ существуютъ въ двухъ рецензіяхъ: Сербской и Булгарской. Которая изъ нихъ есть первоначальная, подлинная—пока неизвѣстно; но ясно, что вся разница языка памятниковъ состояла въ той, или другой рецензіи, или, иными словами, въ незамѣтномъ и невольномъ вліяніи туземнаго нарѣчія на книжное, церковное, въ такой, однако, мѣрѣ, что отъ этого существенныя свойства первоначальнаго языка не исчезали и перевѣсъ все таки оставался на ея сторонѣ. Древнебулгарскіе памятники останутся все тѣми же, будутъ ли они Сербской, или какой иной, на пр. Русской, рецензіи. Равномѣрно и Шафарикъ называетъ[1] языкъ Древнесербскихъ памятниковъ этихъ двухъ отдѣловъ Церковнославянскимъ или, лучше, Славяносербскимъ, прибавляя, что въ Сербскихъ богослужебныхъ книгахъ чище сохранился Древнебулгарскій языкъ, чѣмъ въ Русскихъ[2]. По этому, говоря о своей книгѣ, Serbische Lesekörner, онъ такъ объясняетъ ея цѣль: Der Zweck ist einzig und allein: aus altserbischen, zum Theil in slawischer Kirchenmundart, zum Theil in slavoserbischem Sprachgemenge geschriebenen Denkmälern, durch systematische Zusammenstellung der daraus excerpierten Serbismen, das Alter des jetzigen serbischen Dialekts, so weit es möglich ist, zu ermitteln (стр. 8). Ясно, что онъ разумѣетъ здѣсь частію чистый Булгарскій языкъ, частію смѣшанный, въ которомъ, подъ преобладаніемъ Булгарскаго, присутствуетъ и Сербскій, но какъ членъ далеко второстепенный. А выше онъ говоритъ: Wir brauchen bloss ein einfaches Zeugenverhör vorzunehmen und die serbischen Denkmäler der Zeitfolge nach über die Beschaffenheit der in ihnen enthaltenen Mundart zu befragen, um zu dem Resultate zu gelangen, dass in Serbien von altersher, und namentlich seit dem IX Iahrh., neben dem mit dem cyrillischen Alphabet aus Bulgarien eingeführten und als gegebene, fertige Schriftsprache willig aufgenommenen Kirchendialekte zugleich ein selbständig ausgebildeter, in allen wesentlichen Puncten mit dem heutigen übereinstimmender serbischer Nationaldialekt be-

---

[1] Serbische Lesekörner, стр. 8.—Geschichte d. Slav. Sprache u. Literatur, стр. 206.—Ср. Давыдовича: Дѣлія къ исторія Србскога народа, Забавникъ на 1821 г., стр. 5 — 7.

[2] О Кирилловскихъ типографіяхъ въ Южнославянскихъ и сосѣднихъ земляхъ. Чтенія И. О. И. и Д. Р. 1845 — 46, кн. III, стр. 19

standen habe (стр. 5). Изъ его книги, писанной преимущественно по источникамъ двухъ означенныхъ отдѣловъ (грамоты, печати, монеты и законникъ Душановъ составляютъ незначительную часть источниковъ, которыми онъ пользовался), съ цѣлью найти въ Церковнославянскомъ языкѣ нѣкоторые признаки Сербскаго, видно, что этотъ послѣдній только отдѣльными звуками и формами входитъ въ составъ словъ и рѣчи Церковнославянскаго языка, господствующаго въ этихъ двухъ отдѣлахъ[1]. 3) Совсѣмъ иное явленіе представляютъ

---

[1] Назову бо́льшую часть древнѣйшихъ памятниковъ, намъ извѣстныхъ и относящихся къ этому разряду. Таковы: Житія св. Симеона Немани, писанныя его сыновьями, Стефаномъ Первовѣнчаннымъ и св.-Савою, около 1210 г., и изданныя Шафарикомъ въ Памятникахъ древней письменности южныхъ Славянъ, первое по рукописи конца XIII, или начала XIV в., второе по списку 1619 года. Два Типика св. Савы: Карейскій 1199 г. (у Шафарика въ позднѣйшемъ спискѣ) и Студеницкій 1210—1215 г. (у Шаф. въ спискѣ 1619 г.): первый данъ св. Савою Карейской кельи близъ Ораховицы (въ области Хиландарскаго монастыря) и напечатанъ по довольно небрежному списку въ Голубицѣ за 1840 годъ (Ч. II), гдѣ сказано, что онъ хранится въ Карейской типикарницѣ. Авторъ «Писемъ Святогорца о Святой горѣ Аѳонской» (С.-Пет., 1850, 2 ч.) читалъ этотъ типикъ въ подлинникѣ въ уединенной кельи Хиландарскаго монастыря, и напечаталъ бо́льшую его часть, но языкомъ Русскимъ, смѣшаннымъ съ Ц.-Славянскимъ; онъ называетъ его грамотою св. Савы, при которой, по его словамъ, находятся подпись и именная печать Святаго (см. ч. II, стр. 174). Шафарикъ тоже представилъ отрывокъ этого типика въ своихъ Serbische Lesekörner. Авраамовичъ видѣлъ въ Хиландарѣ типикъ, сочиненный, по преданію, для этого монастыря св. Савою и написанный однимъ изъ его учениковъ (на кожѣ, въ осьмушку). Изъ этого типика Авраамовичъ выписалъ заглавіе, второе Слово и начало третьяго (о пришествіи Симеона Немани съ сыномъ, Савою, въ Хиландаръ, возобновленіи этого монастыря и преставленіи Симеона) и оглавленіе главъ (Описаніе древностій Србски у Светой Гори. — Светагора); Года Авраамовичъ не приводитъ. I. Мюллеръ отмѣчаетъ его 1198 годомъ, что не вѣрно уже по тому, что въ немъ говорится о кончинѣ св. Симеона (Slavische Bibliothek, von Miklosich, Wien, 1851). О Студеницкомъ типикѣ намъ ничего неизвѣстно: отрывки изъ него напечатаны у Шафарика въ Serb. Lesekörner. Но, судя по тожеству этихъ отрывковъ съ указателемъ главъ Хиландарскаго типика, у Авраамовича, мы можемъ пока, до новыхъ разысканій, предположить, что Хиландарскій типикъ былъ первообразомъ Студеницкаго и перенесенъ или въ подлинникѣ, либо въ спискѣ, самимъ Савою изъ Хиландара въ Студеницу, по случаю прибытія сюда св. Савы и введенія имъ здѣсь новаго устава монашескаго общежитія За симъ слѣдуетъ Житіе свв. Симеона Немани и Савы, писанное Доментіаномъ въ 1264 г., въ Карейской келіи Хиландарскаго монастыря (въ спискѣ 1350 — 1400 г.). Родословъ, заключающій въ себѣ описаніе царствованія Радослава, Владислава, Уроша I, Драгутина, Милутина, Дечанскаго и Душана и жизнь современныхъ имъ архіепископовъ, отъ Савы I до Ефрема, составленный архіепископомъ Даніиломъ (1325—1338) и его продолжателями и идущій съ 1224 по 1375 г. (Подлинникъ въ Хиландарѣ, а три списка съ него, XVIII ст., въ Карловцахъ и Львовской Университетской библіотекѣ). Переводъ Кормчей Книги, приписываемый тому же Даніилу. Жизнь Дечанскаго, написанная Григоріемъ Цамблакомъ, XIV в., въ Дечанахъ. Жизнь Душана, писанная однимъ изъ продолжателей Родослова, ученикомъ Даніила, 1356—1375 г., въ Студеницѣ. Лѣтопись Амартола, переведенная монахомъ Георгіемъ въ 1389 г.; о другомъ ея спискѣ XV в. упоминаетъ г. Востоковъ въ Описаніи Румянцевскаго Музея подъ N XLII. Неполный Типикъ, писанный около 1357 г. Еще три Типика XIV в. Медицинская рукопись, писанная около 1390 г. (отрывки въ Serb. Lesekörner). Властаровъ Правильникъ (въ 8 спискахъ XIV, XV и XVI ст.). Царостявникъ или Троадникъ неизвѣстнаго сочинителя и вѣка, заключающій въ себѣ списокъ Сербскимъ, Греческимъ, Булгарскимъ и Русскимъ государямъ и событіямъ ихъ царствованія (совершенно сходенъ съ Хронографомъ, писаннымъ, въ 1650 г., въ Верхнебрезницѣ близъ Плевы, въ Герцеговинѣ). Краткій Лѣтовникъ, изъ разныхъ лѣтописцевъ избранный и составленный инокомъ Георгіемъ, при царѣ Лазарѣ и патріархѣ Спиридонѣ (въ двухъ спискахъ: одинъ въ Хиландарѣ, другой въ монастырѣ св. Павла). Вѣроятно, этого же самого Лѣтовника третій списокъ помѣщенъ въ рукописи, принадлежащей Кухарскому и просмотрѣнной

собственно народные памятники: грамоты, Законникъ, монеты, печати и др. Ихъ историческое значеніе таково, что они всегда составляютъ современный памятникъ: извѣстіе, ими сообщаемое, всегда вѣрно самому себѣ; ибо они суть то же событіе, но только запечатлѣнное письмомъ. Здѣсь нѣтъ произвола писателя, ни его взгляда на событія, ни его ошибокъ; здѣсь само событіе, само историческое явленіе, какъ оно было и есть на дѣлѣ. Такъ, грамота, если передаетъ какое либо событіе, то этому событію она и слу-

---

профес. Бодянскимъ въ бытность его въ Варшавѣ. Онъ носитъ имя инока Георгія и начинается такъ: По при Костантіна прѣкоѡ Конста сынъ его. Самая рукопись, въ которой онъ помѣщенъ, по словамъ ея владѣльца, подарена ему покойнымъ владыкою Черногорскимъ, Петромъ Петровичемъ I Негушемъ: это огромный сборникъ статей, писанныхъ на Булгарскомъ и на Сербскомъ (вѣрнѣе Сербобулгарскомъ) языкѣ, конхъ числомъ до 51; печатное извѣстіе о ней сообщено Кухарскимъ въ видѣ письма въ редакцію журнала Časopis wlas enského Museum, 1829, ч. IV. Тутъ между прочимъ находятся: Повѣсть кадоміна ѡ срьбскыи госпо, иже поживше въ земли срьбстеи ѡтьчьствія своего коліко кто поживѣ. и ѡнихъ начелство прозвѣ. и кто по нѣи бысть и какъ кьи концемь прѣиде и Житіе деспота Стефана Лазаревича, озаглавленное одинаково съ извѣстною намъ рукописью Булгарской рецензіи, только съ отличіями въ языкѣ, а именно: Житіе и жизнь прѣсно поминаемаго слвжещаго благоурьстиваго гна деспота стефана. сьписанно повелѣніемь и понуждениемь стѣишаго патріарха земли тоі срьбскые кѵрь никонѡмь. и полатны начелникь. видѣніемже трьстыимь... самом тьзоименитом просалвающихся быти. Замѣчательная разность въ заглавіи этой рукописи съ заглавіемъ Булгарской состоитъ въ падежѣ имени Никона: здѣсь оно употреблено въ творительномъ падежѣ, а тамъ въ родительномъ. Рукопись оканчивается Краткою Сербскою Лѣтописью, о которой скажу ниже. Не эту ли рукопись разумѣетъ Шафарикъ подъ именемъ кодекса Черногорскаго, о которомъ упоминаетъ мимоходомъ на 44 стр. своего Prospectus Monumentorum Illyricorum? Отечникъ или Патерикъ (въ спискѣ конца XIV, или начала XV ст.), въ Врдникѣ. Панагирикъ начала XV в., въ Крушедолѣ. Лѣтопись Зонары XV в. Повѣсть о перенесеніи мощей св. евангелиста Луки въ Смедерево при деспотѣ Юріи Бранковичѣ, XV в., въ Врдникѣ. Весьма древняя книга, содержащая въ себѣ Житіе св. Антонія Великаго и св. Савы Сербскаго и Похвальное Слово свв. Симеону и Савѣ (въ монастырѣ Св. Павла). Сербскія лѣтописи въ 12 спискахъ: 1) въ Властаровомъ Правильникѣ, писанномъ, по повелѣнію Зетскаго архіепископа Іосифа, дьякономъ Дамьяномъ, въ Копривнѣ, и хранящемся въ Крушедолѣ: этотъ списокъ оканчивается 1453 годомъ. 2) При Канонѣ св. Николаю въ числѣ приложеній. Рукопись находится въ Карловицкой митрополичьей библіотекѣ; а самый списокъ Лѣтописи останавливается на 1503 годѣ. 3) Въ Сборникѣ XV в., содержащемъ въ себѣ различныя статьи и хранящемся въ Крушедолѣ. Этотъ списокъ озаглавленъ: *Родословие светыхъ ктиторъ и господъ Сербскихъ* и уцѣлѣлъ только на послѣднемъ листѣ въ небольшомъ отрывкѣ. 4) Сеченицкій, въ Сборникѣ начала XVI в., содержащемъ въ себѣ Синаксары. Оканчивается 1501 годомъ. 5) Хиландарскій до 1552 г., списанный Раичемъ, подъ названіемъ Хиландарской Лѣтописи, изъ рукописи 1758 г., въ Хиландарѣ. 6) Давыдовичевъ, въ одной рукописи XVI ст. Доведенъ до 1554 г. 7) Въ Хронографѣ съ различными прибавленіями, писанномъ въ Верхнебрезницѣ близъ Плевы, въ Герцеговинѣ, въ 1650 г. 8) Ковыльскій, около 1672 г., въ прибавленіи къ рукописи того же времени. 9) Рацкій, около 1690 г. 10) Магарашевичевъ, ок. 1699 г. 11) Святоандреевскій, ок. 1700 г. 12) Черногорскій, помѣщенный въ концѣ сборника, подареннаго Кухарскому Черногорскимъ владыкою. Объ немъ упоминаетъ Шафарикъ въ Wien. Jahrb., 1831, Anz. Bl., N 151. Списокъ съ него находится у проф. Бодянскаго. Мы не знаемъ только, въ какомъ отношеніи между собою находятся нѣкоторые списки, упоминаемые Шафарикомъ въ Wien. Jahrb., Prospectus и Památky, именно, какъ относятся такъ названные имъ, въ послѣднемъ изданіи, Рацкій и Святоандревскій списки къ тѣмъ рукописямъ, о которыхъ онъ упоминаетъ въ Prospectus на стр. 44 подъ буквами: *i*) Codex, cui titulus «Cvětodarovanije», cum adnexis, sec. XVI—XVII; *k*) Nomocanon cum adnexis, sec. XVII; *l*) (Wien. Jahrb. N 8) Apographon

житъ законникъ подтвержденіемъ, какъ бы переводитъ его отъ мысли къ осуществленію. Такъ, Законникъ, если онъ представляетъ обычай, или законъ, освященный употребленіемъ, а потомъ письмомъ, то значитъ, что этотъ обычай, или законъ дѣйствительно былъ таковъ; есть ли это неизбѣжное, самообразовавшееся требованіе вѣка и народа, или произвольное уложеніе одного лица: во всякомъ случаѣ оно выражаетъ извѣстный возрастъ народа, степень его образованія, духъ и направленіе вѣка. Вотъ почему этотъ отдѣлъ памятни-

---

annalium a. 1762 ex ignoto codice exscriptum? Почерпнуты ли они изъ этѣхъ самыхъ рукописей, или составляютъ нѣчто иное? А также, вошелъ ли въ послѣднее изданіе списокъ, отмѣченный въ Prospectus 6-ю *d*) и, если вошелъ, то подъ какимъ названіемъ? Два первые списка напечатаны Шафарикомъ особо; другіе восемь, начиная съ 4-го по 11-й, въ сводѣ. Всѣ помѣщены въ Памятникахъ. Изъ нихъ Давыдовичевъ списокъ напечатанъ еще въ 1-й ч. Лѣтописа, за 1828 г., подъ заглавіемъ: лѣтописъ црѣмь срѣбскимъ. Теперь въ Сербскомъ Народномъ Музеѣ хранится совершенно подобный ему списокъ, который, по случаю описанія древностей, принадлежащихъ упомянутому Музею, Иваномъ Сырою Поповичемъ, былъ напечатанъ въ 1-й части Гласника (1847). Онъ отыскалъ въ одномъ пергаменномъ сборникѣ, купленномъ Сербскимъ правительствомъ у вдовы покойнаго Михаила Германа; съ нимъ вмѣстѣ помѣщался и Номоканонъ. По сличеніи обоихъ изданій, между ними не оказывается рѣшительно никакихъ разнословій, кромѣ одной ошибки въ годѣ и одной въ мѣсяцѣ; они рознятся только по языку, что, впрочемъ могло произойти совсѣмъ отъ другой причины, вѣроятно, отъ неправильнаго списыванія. По этому мы думаетъ, что списокъ Гласника одинъ и тотъ же со спискомъ Давыдовича. Въ этомъ убѣждаютъ насъ еще молчаніе Шафарика о спискѣ Музейномъ и одинаковое заглавіе въ обоихъ изданіяхъ; ибо и въ Гласникѣ надписано: лѣтописъ црѣмь срѣбскымъ или (тамъ же) лѣтописъ црѣмь срѣбскымъ. Но почему же въ Гласникѣ ни слова не сказано объ отношеніи напечатаннаго въ немъ списка къ списку Давыдовичеву? Въ Гласникѣ издатель намѣренно опустилъ, начиная съ 6967 года, нѣкоторыя событія, не касающіяся Сербіи. Вѣроятно, по той же причинѣ и самый списокъ оконченъ 7021 (1513) годомъ, между тѣмъ какъ въ Лѣтописѣ онъ идетъ до 7062 (1554) г. Начинается же онъ въ обоихъ изданіяхъ съ раздѣленія Церквей, или съ 6240 г. Въ Лѣтописи, по словамъ Шафарика, есть тоже пропуски. Другой, Магарашевичевъ, списокъ напечатанъ безъ заглавія въ томъ же журналѣ, Лѣтописѣ, въ 1-й его части за 1829 годъ. Онъ начинается съ Потопа и оканчивается 1698-мъ годомъ. Однимъ съ нимъ годомъ начинается и оканчивается списокъ, принадлежащій теперь Сербскому Народному Музею и найденный въ другомъ, бумажномъ, сборникѣ, купленномъ также у вдовы Германа. Онъ изданъ въ той же книжкѣ Гласника въ слѣдъ за первымъ, какъ его дополненіе, съ огромными пропусками. По языку онъ, какъ и предыдущій, разнится отъ Магарашевичева, но по содержанію буквально сходится съ нимъ. Взаимное отношеніе обоихъ опять необъяснено издателемъ, а Шафарикъ тоже молчитъ о спискѣ Германовскомъ. Черногорскій, или списокъ Кухарскаго, занимаетъ 16½ послѣднихъ листовъ Рукописи, изъ коихъ первые 15 писаны полууставомъ, а послѣдніе 1½ скорописью. Онъ именуется: Сказаніе вкратцѣ сложенное ѿ Адама до днѣшнаго времене. И дѣйствительно, начинается онъ съ Адама, но быстро проходитъ чрезъ лѣта царствованія Греческихъ императоровъ и, упомянувъ объ изобрѣтеніи азбуки св. Кирилломъ и крещеніи Руси, приступаетъ къ болѣе подробному описанію событій Сербской исторіи, начиная смертью Душана въ 1356(5) году и оканчивая преставленіемъ архіепископа Антонія въ 1574 г. Недавно, въ 1853 году, въ V-й части Гласника, изданъ еще одинъ списокъ, сдѣланный съ древнѣйшаго іеромонахомъ Іосифомъ въ монастырѣ Троношѣ въ 1791 г. Подлинникъ его оканчивался первой четвертью XVI ст. Онъ отличается отъ предыдущихъ своею полнотою, и въ составителѣ его замѣтно желаніе излагать событія въ связномъ разсказѣ, а не записывать ихъ врознь, коротко и голословно. Переписчикъ же дѣлалъ отъ себя позднѣйшія дополненія и замѣчанія. Этотъ списокъ озаглавленъ: Родословіе сербское. Относительно всѣхъ этихъ списковъ Сербскихъ Лѣтописей должно замѣтить, что хотя они доходятъ до болѣе, или менѣе позднаго времени, однако въ нихъ не трудно замѣтить слои, различающіеся между собою отчасти языкомъ, отчасти спосо-

ихъ отличается отсутствіемъ личности писателя; здѣсь нѣтъ сочинителя: здѣсь сочинитель весь народъ. Дьяки суть только посредники между народомъ и грамотностію, воспринимавшею въ себя еще свѣжія событія, еще живыя понятія и впечатлѣнія народа. Отъ того памятники эти должно по преимуществу назвать народными. Напротивъ, лѣтописи большею частію своего содержанія относятся ко временамъ минувшимъ, сообщаютъ преданія и слухи, часто омраченные невѣжествомъ, или вымыслами воображенія, или, наконецъ, тѣнью полузабвенія. По тому, чѣмъ далѣе лѣтописецъ углубляется въ старину, тѣмъ сомнительнѣе становятся подробности его разсказа, тѣмъ голословнѣе высказывается одно лишь основаніе событій. За то драгоцѣннѣе лѣтопись самовидца, которая передаетъ то, чего нѣтъ въ грамотахъ, или самый поводъ грамоты обстанавливаетъ полнѣе и вразумительнѣе; изъ нея можно видѣть связь событій и значеніе ихъ. Однако, и тутъ нельзя иногда не упрекнуть лѣто-

---

[illegible] изложенія. По этому возрастъ ихъ опредѣлить весьма трудно: по крайней мѣрѣ, ядро ихъ должно относить къ древнѣйшимъ временамъ письменности, а наросты къ позднѣйшимъ. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть о надписяхъ, намъ извѣстныхъ, каковы: на крестахъ королевы Елены и сына ея, Милутина; на лжицѣ королевы Елены, неизвѣстно которой; на церкви свв. Іоакима и Анны, въ Студеницѣ, 1314 г.; на крестѣ царя Душана, 1348 г., въ Дечанахъ (снимокъ приложенъ къ Загребскому Архиву, 1852, кн. II, отд. II.); на покровѣ царя Лазаря 1389 — 1392 г.; на церкви Святостефановскаго монастыря, въ округѣ Алексинацкомъ, временъ деспота Стефана Лазаревича и брата его, Вука, 1399 г.; на завѣсѣ царскихъ вратъ въ церкви Хиландарской, 1399 г. (Гласникъ, ч. V); на столбѣ Косовскаго поля; на гробницахъ: Дабыжива, енохіара царя Уроша, 1387 г.; Стефана Углешича, въ Любостынѣ; царицы Милицы; деспота Стефана Лазаревича, 1427 г.; Катерины Босмійской, 1478 г.; Марка Кралевича и др.; на церкви Святоникольскаго монастыря, 1425 г.; надъ изображеніемъ деспота Юрія съ супругою, Ириною, сыномъ Григоріемъ, и дочерью, Марою, на одной изъ деспотовыхъ грамотъ, въ монастырѣ Свигменѣ; на панагіарѣ екзарха Силивестра, конца XV-го в., въ Крушедолѣ; на омофорѣ, изготовленномъ деспотицею Ангелиною для мощей св. Іоанна Златоустаго въ церкви св. Мартына, въ Пресбургѣ; на двухъ митрахъ, въ Крушедолѣ, и пр. и пр. Есть старинныя надписи на церковныхъ печатяхъ и иконахъ; но время ихъ опредѣлить почти невозможно. О надписяхъ, послѣсловіяхъ и приписахъ на книгахъ не говорю: ихъ весьма много. Нѣкоторыя перешли въ печать вмѣстѣ съ богослужебными книгами, изданными въ древнѣйшихъ Кирилловскихъ печатняхъ. Надпись на Жичанской церковной башнѣ есть не что иное, какъ грамота, и потому отнесена мною къ числу послѣднихъ. Одинъ только Шафарикъ составилъ родъ каталога для большей части надписей въ Wiener Jahrbücher, 1831, 53 Anz. Bl., NN 1—25, и въ своемъ Prospectus Monumentorum Illyricorum. Извѣстія о прочихъ разсѣяны по разнымъ повременнымъ изданіямъ, описаніямъ, путешествіямъ и т. п. Вообще свѣдѣнія о памятникахъ этого разряда я почерпалъ изъ тѣхъ же источниковъ, какъ и для предыдущаго. Укажу еще на Шафариково извѣстное сочиненіе Geschichte der Slavischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten. Offen, 1826; на статью въ Сербо-Далматинскомъ Альманахѣ на 1836 г.: Кньижество Србальи у средньемъ вѣку (стр. 41), и на книжку Субботича: Einige Grundzüge aus der Geschichte der serbischen Literatur. Подъ конецъ этого краткаго обзора двухъ разрядовъ древнѣйшихъ памятниковъ Сербской письменности не нужно бы было и упоминать, что множество рукописей еще остается въ неизвѣстности и недоступнымъ для ученыхъ изслѣдователей; а иныя, хотя и открыты и прочтены, но редакція ихъ не объявлена. Думаю, что Русскія книгохранилища, какъ общественныя, такъ и частныя, вмѣщаютъ въ себѣ не мало рукописей, преимущественно церковно-богослужебнаго содержанія, Сербской рецензіи. Входъ таковымъ рукописямъ въ Россію былъ удобенъ; примѣры у насъ предъ глазами: древнѣйшій въ митрополитѣ Купріанѣ, позднѣйшій въ Сухановѣ. Но составители каталоговъ мало, или вовсе не обращали вниманія на рецензію рукописей (кромѣ Востокова), а для юго-западныхъ ученыхъ онѣ были вовсе недоступны. Въ заключеніе напомню еще разъ, что въ этомъ очеркѣ древней Сербобулгарской письменности я ограничился только тѣми важнѣйшими памятниками, которые не моложе XV-го вѣка.

писца въ какой нибудь задней мысли, въ жертву которой приносится имъ истина, или въ какомъ нибудь неправильномъ и пристрастномъ взглядѣ и т. д., чего нѣтъ, разумѣется, въ грамотахъ. Такъ, лѣтописецъ Даніилъ, при всей высокой занимательности своего Родослова, многое умалчиваетъ о своихъ покровителяхъ, любимцахъ и воспитанникахъ, четырехъ короляхъ Сербскихъ. Дьяки или писцы скрываютъ часто свое имя, а если и выставляютъ его, то вовсе не съ авторскимъ значеніемъ, а по тому, что того требовали форма и подлинность грамоты. Они могли блеснуть своимъ книжнымъ образованіемъ, высказать свою грамотность только въ началѣ и концѣ нѣкоторыхъ грамотъ и въ послѣсловіи Законника; но сущность предмета, спеціальность дѣла заставляла ихъ выражаться простымъ, общепонятнымъ языкомъ, почти такимъ, какимъ говорилъ народъ: отъ того вся средина и, слѣдовательно, несравненно большая часть грамотъ и весь Законникъ писаны народнымъ языкомъ, въ которомъ хотя и замѣтно вліяніе Церковнославянскаго, однако этотъ послѣдній стоитъ къ народному уже въ обратномъ отношеніи сравнительно съ памятниками двухъ первыхъ отдѣловъ. Исторія народнаго языка должна опираться преимущественно на этотъ третій отдѣлъ памятниковъ: въ немъ она увидитъ поступательное движеніе языка впередъ, настоящую пору различныхъ явленій, составляющихъ сущность его исторіи, между тѣмъ какъ въ предыдущихъ онъ нѣсколько опаздываетъ. Здѣсь, въ своей настоящей области, онъ дѣйствуетъ быстрѣе и успѣшнѣе.

Вотъ почему, желая исторически изучить народный языкъ Сербовъ, я избралъ этотъ именно отдѣлъ главнымъ предметомъ своихъ изслѣдованій. Но, быть можетъ, кто нибудь спроситъ, дѣйствительно ли такъ же различаются между собою по языку второй и третій виды Сербскихъ памятниковъ, какъ различаются они по значенію и общимъ свойствамъ своимъ? На это отвѣчаю: есть, конечно, такіе памятники, которые соединяютъ своимъ языкомъ оба вида. Такъ, на пр., царственныя Аѳонскія грамоты, имѣя въ себѣ наибольшое количество признаковъ Ц.-Славянскаго языка, сходятся въ этомъ отношеніи съ надписями, или книжными послѣсловіями и помѣтами; но даже и въ этѣхъ грамотахъ, наиболѣе приближающихся ко второму и первому отдѣламъ, есть такія страницы, гдѣ языкъ народностію своею далеко опережаетъ языкъ надписей, послѣсловій и т. п., и это именно тѣ самыя страницы, для которыхъ писана вся грамота; это тѣ мѣста, въ которыхъ заключается главное содержаніе и цѣль грамоты. Независимо отъ этого довода скажу: если по духу и содержанію своему памятники обоихъ послѣднихъ видовъ такъ рознятся между собою, что въ этомъ отношеніи нельзя не найти предѣловъ тому и другому виду, то и въ отношеніи исторіи языка необходимо признать то же дѣленіе. Съ другой стороны, при подвижности и измѣнчивости книжнаго языка, безъ сомнѣнія, найдутся такіе памятники, которые, связывая собою другіе, болѣе отличные по языку, составляютъ съ послѣдними непрерывную цѣпь, обнимающую всѣ, сколько бы ихъ ни было, памятники древней письменности. Но надо же найти между ними и грани, когда замѣчаешь, что тотъ, или другой отдѣлъ памятниковъ, въ совокупности взятый, довольно рѣзко отличается отъ прочихъ. Прочитавши одну за другою всѣ грамоты и Законникъ и прочитавши потомъ всѣ памятники, отнесенные нами ко второму отдѣлу, не говоря уже о первомъ, сейчасъ замѣчаешь, что впечатлѣніе, производимое языкомъ

тѣхъ и другихъ, вовсе не одинаково: въ первыхъ непремѣнно увидимъ наиболѣе присутствіе народной стихіи, во вторыхъ Ц.-Славянской. Вотъ почему и въ отношеніи языка я принялъ для памятниковъ такое же дѣленіе, какое и въ отношеніи ихъ духа, содержанія. Очевидно, что основаніе дѣленія справедливо во всѣхъ отношеніяхъ. Еще, быть можетъ, нѣкоторые, увлекшись народнымъ языкомъ, положимъ, хоть Русскихъ лѣтописей, спросятъ насъ, почему же мы Сербскія лѣтописи не отнесли къ третьему разряду? Конечно, лѣтописи, уже однимъ названіемъ своимъ, скорѣе всякого другаго памятника, побудятъ къ такому вопросу; но отвѣчаемъ: кто читалъ Сербскихъ лѣтописцевъ, тотъ, съ перваго же разу, увидитъ, что языкъ ихъ вовсе не народный и далеко не таковъ, какъ языкъ грамотъ. Они, безъ сомнѣнія, всѣ были духовныя лица, писали по монастырямъ, окруженные церковными книгами, и часто на самихъ же церковныхъ книгахъ, языкомъ совершенно одинаковымъ съ языкомъ Житій Сербскихъ Святыхъ, слѣдовательно, Булгаросербскимъ. По этому самое приличное имъ мѣсто во второмъ разрядѣ.

Ни одинъ историкъ не пользовался тѣми грамотами, какія мы уже знаемъ, за исключеніемъ немногихъ, и Законникомъ по древнѣйшему списку. Но грамоты часто бываютъ отдѣлены одна отъ другой большимъ разстояніемъ въ пространствѣ и времени: чтобы связать ихъ и дать надлежащее значеніе каждой изъ нихъ, я долженъ вести непрерывную историческую нить, которая, при всей краткости разсказа, укажетъ настоящее мѣсто для того, или другаго памятника, чтобы онъ не представлялся чѣмъ либо отрывочнымъ и не терялъ половины своей цѣны. Пусть другіе излагали Сербскую исторію по другимъ источникамъ: моею задачею будетъ повѣрить и дополнить ихъ тѣмъ, что отыскано мною въ изданныхъ послѣ нихъ народныхъ Сербскихъ памятникахъ. Глазъ ученаго отличитъ общеизвѣстное, то, что я называю историческою нитью, отъ того, что предложено мною новаго. Въ отношеніи же языка, его коснулся пока одинъ только Шафарикъ; но коснулся на столько, на сколько нужно было для исторіи Древнебулгарскаго языка въ Сербіи. Изъ его изслѣдованія, между прочимъ, оказывается, что Сербскій языкъ не есть тотъ, на который совершенъ переводъ Священнаго Писанія. Въ древнѣйшихъ Далматохорватскихъ грамотахъ, писанныхъ на Латинскомъ языкѣ, и Византійскихъ лѣтописцахъ Шафарикъ отыскиваетъ слѣды Сербскаго языка, и тѣмъ доказываетъ, что этотъ языкъ, еще при самомъ разсвѣтѣ Исторіи, уже имѣлъ тѣ особенности, которыя отличаютъ его въ послѣдствіи отъ языка Славянобулгарскаго. Потомъ, сообразно съ своею цѣлью, онъ разсматриваетъ Славянобулгарскую письменность въ Сербіи и указываетъ на тѣ сербизмы, которые мало по малу входили въ эту письменность изъ устнаго народнаго языка. Но, имѣя въ виду преимущественно Славянобулгарскій языкъ по памятникамъ этого языка въ Сербіи, Шафарикъ не могъ не воспользоваться для сравненія памятниками народными, какіе были у него подъ рукою; таковы: 11 грамотъ, 4 печати, нѣсколько монетъ и Законникъ Душановъ по древнѣйшему списку 1390 года. Эти немногіе памятники третьяго отдѣла служили Шафарику представителями Сербскаго языка среди множества рукописныхъ и печатныхъ памятниковъ Славянобулгарской письменности, принадлежащей Сербіи. Но, скажу еще разъ, Шафарикъ вовсе не думалъ строить полнаго зданія Сербскаго языка: ему нужно было только указать на тѣ мелкія зерна, которыя разсѣяны въ памятникахъ Славянобулгарской письменности и рѣзко отличаются отъ коренныхъ свойствъ Славянобул-

гарскаго языка, чѣмъ само собою опровергается и ложное мнѣніе, приписывающее Сербскому языку честь быть богослужебнымъ языкомъ православной Церкви въ Булгаріи, Паноніи, Сербіи и Россіи. Слѣдовательно, ему предстояло разсмотрѣть не столько народные, сколько Славянобулгарскіе памятники, принадлежащіе Сербіи. Такъ онъ и сдѣлалъ. Его книгу, Serbische Lesekörner, можно назвать исторіею Церковнославянскаго языка въ Сербіи. Я предложилъ себѣ задачу противуположную Шафариковой—*очертить исторію Сербскаго языка по народнымъ памятникамъ*, и именно такимъ же, какими пользовался и Шафарикъ, т. е., *писанными Кирилицею*. Но такъ какъ письменный языкъ Сербовъ, какимъ бы онъ ни былъ въ сущности, все же такъ вообще былъ языкомъ искусственнымъ, образовавшимся изъ двухъ стихій, народной и Славянобулгарской, при разномѣрномъ ихъ участіи и взаимодѣйствіи, то цѣлью моею будетъ, на оборотъ, рѣшить, *на сколько Сербскій языкъ подвергся вліянію Церковнославянскаго?* Сдѣсь сами собою представляются два вопроса: какъ Сербскій языкъ постепенно *установлялся* въ своихъ звукахъ и формахъ, и какое отношеніе имѣлъ онъ къ Церковнославянскому? Естественнымъ путемъ къ рѣшенію этихъ вопросовъ *должно* бить изученіе народныхъ памятниковъ Сербской письменности, какъ противуположныхъ Славянобулгарскимъ.

Могутъ сдѣлать мнѣ другой вопросъ: почему я избралъ одни только памятники, писанные Кирилицею? На этотъ вопросъ отвѣчаю словами и примѣромъ Шафарика, который, въ Serbische Lesekörner, уже предвидѣлъ этотъ вопросъ и такъ отвѣчалъ: Es würde folgenreich sein, von dem Gesichtspunkte auszugehen, dass die Sprache der Serben griechischen Ritus in Serbien und der Serben oder Illyrier lateinischen Ritus in Dalmatien nur eine Mundart sei, und dass man demnach alte, mit lateinischen oder glagolitischen Buchstaben geschriebene Sprachdenkmäler der Dalmatiner bei der Lösung der vorliegenden Frage mit ebendemselben Rechte befragen könne und müsse, mit welchem die cyrillischen Handschriften befragt werden.... Da man sich indess durch zu vorschnelle und breite Anwendung dieses Grundsatzes der Gefahr aussetzen möchte, von einem Theile der bei der Frage Betheiligten eines Cirkels in der Beweisführung beschuldigt zu werden, jenem Theile nämlich, der es dafür hält, dass die Sprache der katholischen Illyrier gerade die aus der, nach ihrer Meinung den Serben eigenthümlich angehörigen Altslawischen, durch Abfall entstandene, corrupte, keiner Beachtung werthe Pöbelsprache sei: so muss man vorerst sein Augenmerk auf die cyrillischen Sprachdenkmäler der Serben griechischen Ritus allein richten (стр. 6 — 7). Но Шафарикъ, вполнѣ убѣжденный въ справедливости принятаго имъ раздѣленія, сдѣлалъ только слабое возраженіе, между тѣмъ какъ основаніе, опредѣляющее объемъ его сочиненія, чрезвычайно вѣрно. Справедливо замѣчаетъ онъ тутъ же, что во всей Сербіи существовалъ и существуетъ одинъ языкъ съ нѣкоторыми маловажными измѣненіями, и по тому въ исторіи языка необходимо допустить къ сравненію памятники, писанные какъ Латинскими буквами, такъ и Глаголическими. Но всякій, кто сколько нибудь знакомъ съ исторіею Сербской письменности и Сербскаго народа, оправдаетъ его раздѣленіе. Случайное, по видимому, обстоятельство употребленія той, или другой азбуки тѣсно связано съ важнѣйшими основами жизни Сербскаго народа. Оно не только связано съ вѣроисповѣданіемъ Сербовъ, но и съ политической ихъ судьбою. Сербы католики постоянно упо-

требляли Латинскую, или Глагольскую азбуку, Сербы православные — Кирилицу. Сербскія области, Босна и Герцеговина, всегда стремились къ разъединенію съ Сербіею и успѣли пріобрѣсти себѣ бо̀льшую, или меньшую степень политической независимости. Въ нихъ Католицизмъ встрѣтился съ Православіемъ и сдѣлалъ значительныя завоеванія. Политика и религія произвели то, что этѣ области, вмѣстѣ съ Далмаціей и Приморской Хорваціею, гдѣ исключительно господствовалъ Католицизмъ, клонились болѣе къ Угріи, чѣмъ къ Сербіи. Даже въ нихъ самихъ, когда Герцеговина (воеводство св. Савы) устремилась къ независимости, религіозное начало служило главною основою къ распаденію: воеводы св. Савы, въ противуположность Боснійскимъ королямъ, приняли сторону Православія и восточной ереси Манихейцевъ. Поодаль отъ нихъ стояла Сербія съ своимъ Православіемъ. Все католическое населеніе этѣхъ земель, подъ вліяніемъ Запада, употребляло въ церковныхъ книгахъ Глаголитику, позднѣе Буквицу, въ другихъ Латинскую азбуку; все православное населеніе, напротивъ, употребляло всюду Кирилицу. Въ книжномъ языкѣ православныхъ Сербовъ, составляющемъ предметъ моего изслѣдованія—ибо нѣтъ памятника, который бы былъ писанъ чистымъ народнымъ языкомъ, какъ напр., пѣсни,—замѣтно большее, или меньшее вліяніе и присутствіе Славянобулгарскаго языка: того вовсе нѣтъ въ народныхъ памятникахъ католическихъ Сербовъ; хотя въ глаголитскихъ не-церковныхъ опять замѣтно присутствіе Ц.-Славянской стихіи, оправдываемое совсѣмъ другою причиною. Исторія письменности у Православныхъ и у Католиковъ представляетъ также два совершенно различные предмета, и Шафарикъ имѣлъ полное право, въ своей книгѣ Geschichte der Slavischen Sprache und Literatur, говорить о той и другой въ особыхъ отдѣлахъ. Такимъ образомъ различіе азбуки отвѣчаетъ распаденію Сербскаго народа въ вѣроисповѣдной, государственной и умственной дѣятельности. Принимая въ соображеніе все сказанное и не желая нарушать единства и цѣльности предмета, я ограничился такимъ же объемомъ, какимъ и Шафарикъ, а именно *памятниками, писанными Кирилицею.*

Но памятники, положенные мною въ основу при изученіи судебъ Сербскаго языка, суть *историческіе*: а по сему я долженъ предварительно разсмотрѣть ихъ съ исторической точки зрѣнія, показать ихъ значеніе въ народной жизни и тѣмъ объяснить различныя явленія, совершающіяся въ движеніи языка. Они еще не вошли въ кругъ историческихъ соображеній ученыхъ. Лица и событія, въ нихъ встрѣчающіяся, еще не узнаны и не объяснены, равно какъ сами еще не объяснили собою того, что извѣстно изъ другихъ источниковъ. Писанные подъ исключительнымъ вліяніемъ историческихъ судебъ народа, они должны были и языкъ свой подчинить этому вліянію. Различіе, замѣчаемое въ ихъ языкѣ, объясняется ихъ отношеніемъ къ различнымъ явленіямъ народной жизни. Аѳонскія грамоты исполнены звуковъ и формъ Ц.-Славянскихъ; но грамоты той же семьи, заключающія торговые договоры съ Дубровничанами, даютъ перевѣсъ народнымъ звукамъ и формамъ. Такъ, грамоты Боснійскихъ королей, предъявлявшихъ свои права на православную Сербію и потому поддѣлывавшихся подъ пріемы, языкъ и выраженія грамотъ православной Сербіи, имѣютъ въ себѣ гораздо болѣе Ц.-Славянской стихіи, чѣмъ современныя имъ грамоты Боснійскихъ же бояръ, ведшихъ свои переговоры съ Дубровникомъ. Такъ, Дубровницкія грамоты отличаются ровностію и народностію языка, ибо Дубровничане были католики и имѣли менѣе побужденія и средствъ къ введенію въ свои грамоты Ц.-Славянской стихіи. Самое количество памятниковъ, время ихъ появленія, умноже-

нія и изчезновенія, условливается какъ нельзя лучше государственнымъ бытомъ, временемъ усиленія, процвѣтанія и упадка Сербскихъ областей, къ которымъ они относятся. Такъ, Законникъ появляется въ то время, когда Сербія, усиленная извнѣ, обратилась къ самой себѣ, чтобы повершить дѣло своего возвеличенія чрезъ уясненіе и упроченіе основъ своего внутренняго быта. Время Душана есть время созрѣванія Сербіи, и ему, съ одной стороны, отвѣчаютъ пышныя, исполненныя сознанія народнаго достоинства, грамоты, какъ выраженіе внѣшнихъ отношеній Сербіи; съ другой Законникъ, какъ выраженіе внутренней жизни народа, плодъ развившихся и пришедшихъ къ сознанію общественныхъ началъ народа. Такъ, грамоты православной Сербіи учащаются при Милутинѣ, Дечанскомъ и Душанѣ и послѣ нихъ рѣдѣютъ; ибо время этихъ трехъ государей имѣетъ то же значеніе въ жизни народа, какое цвѣтъ, наливъ и зрѣлость въ произрастаніи плода. Такъ, Зетскія и Боснійскія грамоты появляются именно въ то самое время, когда Зета и Босна вступаютъ на поприще самобытной дѣятельности. Боснійскія грамоты слѣдятъ за развитіемъ Босны и число ихъ еще болѣе увеличивается отъ усиленія Боснійскаго боярства. Такъ, Дубровницкія грамоты постоянно сопутствуютъ самостоятельной жизни Восточной Сербіи и Босны и прекращаются съ ихъ паденіемъ, когда Дубровнику уже не съ кѣмъ было сноситься. Такъ, по мѣрѣ вторженія Турціи въ права завоеванныхъ народовъ, показываются Турецкія грамоты и пр. Даже нравственное значеніе областей и лицъ Сербіи имѣло, съ своей стороны, немаловажное вліяніе на содержаніе грамотъ. Такъ, Дубровникъ, вольно-торговый городъ, нуждавшійся въ хлѣбородныхъ земляхъ, ведетъ переговоры о пріобрѣтеніи земель, дѣлахъ торговыхъ, принятіи къ себѣ изгнанниковъ, о вкладахъ, процентахъ и т. п. Такъ, православные Сербскіе государи и ихъ родичи, оставляютъ въ грамотахъ память о своихъ подвигахъ благочестія. Боснійскіе короли, стремящіеся къ пріобрѣтенію православной Сербія, хлопочутъ о нравственномъ вліяніи на народъ ся и, по смерти Уроша V, не смотря на деспотовъ, спѣшатъ брать съ Дубровника «Сербскій доходъ», какъ выраженіе ихъ правъ на православную Сербію. Такъ, Зетскіе и Боснійскіе бояре стараются объ упроченіи своихъ поземельныхъ владѣній и водвореніи прямыхъ сношеній съ Дубровникомъ; ибо то и другое наиболѣе способствовало ихъ независимости, которой они добивались. Такъ, со времени вторженія Турокъ въ предѣлы Сербіи, Дубровницкія грамоты часто извѣщаютъ о полученіи вкладовъ отъ разныхъ Сербскихъ владѣльцевъ, обезпечивавшихъ себя чрезъ то въ случаѣ нашествія непріятеля. Турецкія грамоты носятъ ясный отпечатокъ могущества и самовластія завоевателей Сербіи. Турки то даютъ отъ себя Дубровничанамъ право свободной торговли, запрещая сосѣдямъ, ближнимъ и дальнимъ, вредить ихъ торговцамъ; то требуютъ отъ Дубровничанъ Сербской дани, надбавляя ее; то разрушаютъ городокъ, построенный безъ ихъ дозволенія, то вмѣшиваются въ частныя дѣла Дубровника съ Сербскими владѣльцами по вкладамъ; то позволяютъ себѣ рѣшать дѣла монастырскія: короче сказать, они являются полными распорядителями въ дѣлахъ Сербія, и воля ихъ есть законная опора для Сербовъ. Такъ, не Зета, не Босна, а православная Сербія, какъ область болѣе другихъ сильная и самостоятельная, издаетъ Законникъ, который дышетъ современною жизнію, исполненъ вопросовъ, наиболѣе затрогивавшихъ тогдашнее правительство и общество. Словомъ, памятники, мною избранные, всѣ проникнуты историческою жизнію народа и не могутъ быть отдѣлены отъ нея. По этому изслѣдованія мои сами собою распадаются на двѣ части: *историческую* и *филологическую*.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

ДУБРОВНИКЪ.

Разсматриваемые мною памятники относятся къ исторіи Дубровника, Босны и Сербіи. Значеніе ихъ въ исторіи этѣхъ трехъ государственныхъ областей постараюсь теперь изложить въ краткомъ очеркѣ. Главнымъ основаніемъ и источникомъ послужатъ мнѣ сказанные памятники; но безъ другихъ источниковъ обойтись нельзя тамъ, гдѣ связь грамотъ прервана, или гдѣ самихъ грамотъ недостаточно для объясненія лицъ и событій, въ нихъ встрѣчающихся.

Начну съ *Дубровника*, ибо къ нему преимущественно относятся грамоты, которыхъ бо́льшая часть найдена въ его же архивѣ [1].

Вотъ какъ Санковичи, уступая Дубровнику, въ 1391 году, Конавле и Виталину, пишутъ въ своей грамотѣ (С. № 78) объ *основаніи* Дубровника: **ꙗ** (я) **жꙋпань бѣльꙗкь и воєвода радичь братьꙗ саньковиѣи поꙁнасмо ва истинꙋ по старѣхь писмѣхь и по старѣхь паметарѣхь** (старожилахъ) **добрѣхь лꙋдехь кои сꙋ чꙋли ѿь єдиога колѣна до дрꙋгога и повѣдꙋщѣхь бѣлѣꙁѣхь** (признакахъ) **и ꙁламєньиєхь на цаптатѣ при мори єсть биль градь стари дꙋбровникь полагь жꙋпє конавальскє коємꙋ градꙋ пристоѣшє жꙋпа конавлоска и бѣшє мꙋ племенито** (потомственное владѣніе) **та жꙋпа и дрꙋгє ꙁємьлє и мѣста и када сє онь стари градь расꙋ и опꙋстѣ тьда господа рашька и хꙋмьска ꙋ тєи дни крикиномь посѣдошє и по сили ꙋꙁєшє конавальскꙋ жꙋпꙋ и дрꙋга мѣста тогаи града и тада граѣнє** (граждане) **поидошє ꙋ тврдо мѣсто и ꙁидашє градь дꙋбровникь кои єсть и данась божьомь милостию поѵтєнь и слободань ѿь коихь лꙋди старога града вєсꙋ сє родили и ихслѣдили властєлє града дꙋбровника.** Упоминаемые въ этой грамотѣ **повѣдꙋщи бѣлѣꙁи**, признаки или живыя урочища, подтверждаются извѣстіемъ ученыхъ, что въ долинѣ Ободѣ, которая принадлежала, какъ видно изъ грамотъ, къ Конавльской жупѣ, находятся развалины Епидавра съ гробницею Долабеллы [2]. Цавтатъ также возникъ на развалинахъ древняго Епидавра и потомъ отошелъ къ Конавлю. Бандури [3] приводитъ свидѣтельство Тубера, который разсказываетъ о великолѣпномъ водопроводѣ, бывшемъ въ его время въ Конавлѣ, olim ager Epidaurius. Слѣдовательно, Епидавръ вмѣщалъ въ своемъ обширномъ кругу и Ободъ, и Цавтатъ. Въ грамотѣ онъ названъ старымъ Дубровникомъ (Ragusa vecchia), и ему принадлежали

---

[1] Теперь онѣ хранятся въ Вѣнскомъ Государственномъ Архивѣ, куда поступили послѣ присоединенія Далмаціи къ Австріи.

[2] Appendini, т. I, стр. 41, 49.

[3] Animadv. in I. Const. Porphyrog., de Adm. Imp. Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae, Const. Porphyrog., v. III, p. 356. Ed. Bonnae. Я всюду слѣдую этому новѣйшему изданію.

Конавле и Виталина. Далѣе грамота говоритъ, что этотъ старый городъ разрушился (расв) и опустѣлъ. Этимъ она намекаетъ на постепенное разрушеніе и опустѣніе города, которое, дѣйствительно, началось съ половины III столѣтія и остановилось на Славянахъ въ половинѣ VII ст. Славянамъ предшествовали Авары[1]; но, по свидѣтельству Константина Багрянороднаго, Славяне, при помощи Сарацынъ, довершили паденіе города, овладѣвъ имъ[2]. То же утверждаетъ и грамота, говоря о завоеваніи Конавля и Виталины владѣтелями Рашскими и Хлумскими. Тогда жители, тѣ, которые успѣли спастись бѣгствомъ, основали при морѣ въ удобномъ мѣстѣ другой, новый Дубровникъ, существующій и доселѣ. Такъ повѣствуютъ всѣ лѣтописцы. Только годъ основанія новаго Дубровника неопредѣленъ достовѣрно. Бандури справедливо замѣчаетъ[3] ошибку въ лѣтосчисленіи Константина Багрянороднаго. Аппендини[4], съ своей стороны, опровергая мнѣнія другихъ, думаетъ, что Дубровникъ былъ основанъ въ 656 году. Енгель соглашается съ нимъ[5]. Самъ Епидавръ былъ когда-то основанъ Греками, потомъ завоеванъ Римлянами, около временъ Юлія Цезаря. Его владѣнія были прежде значительнѣе: ему принадлежали земли по морскому берегу, выше и ниже его лежащія, и нѣсколько укрѣпленныхъ городовъ, въ томъ числѣ Требине и Молунтъ; но Дубровникъ не имѣлъ уже округа: все это было завоевано Славянами. По тому-то Константинъ Багрянородный и говоритъ, что Дубровникъ лежитъ между Травуніею и Хлумомъ, и въ обѣихъ земляхъ имѣетъ своихъ гражданъ и виноградники[6]. Паденіе Салоны въ 692 г. и Дукли въ 980 г. увеличило значеніе Дубровника; многіе граждане и знатное духовенство переселились въ него изъ обоихъ городовъ, и Дубровницкая Церковь получила достоинство архіепископіи[7]. Впрочемъ, вѣроятнѣйшее учрежденіе Дубровницкой архіепископіи относится къ 1076—1121 г.[8] Но свидѣтельство Константина Багрянороднаго, писателя X вѣка, не оставляетъ никакого сомнѣнія относительно малоземельности Дубровницкаго округа. Тѣмъ не менѣе съ теченіемъ времени Дубровничане значительно подвинулись на сѣверъ, будучи стѣснены Травуніею съ юга. При Урошѣ I они, въ договорѣ съ Михаиломъ Асѣномъ Булгарскимъ С. № 16, Ш. № XVI, обозначаютъ границу, которая доходила до Затона; а такъ какъ въ этомъ договорѣ и въ другихъ современныхъ, они вообще упираются на старыя отношенія, бывшія между Дубровникомъ и

---

[1] Appendini, т. I., ч., I., кн. II, гл. VIII и IX.

[2] Οἱ δὲ αὐτοὶ Ῥαυσαῖοι τὸ παλαιὸν ἐκράτουν τὸ κάστρον τὸ ἐπιλεγόμενον Πίταυρα. καὶ ἐπειδή, ἡνίκα τὰ λοιπὰ ἐκρατήθησαν κάστρα παρὰ τῶν Σκλάβων τῶν ὄντων ἐν τῷ θέματι. Corp. Script. Hist. Byzant., Const. Porphyrog., de Adm. Imp., v. III, c. 29, p. 137.—Stritter, II, 17. — Engel, Geschichte des Freistaates Ragusa. Wien, 1807, стр. 45.

[3] Animadv. in libr. Constant. Porphyrog. de Adm. Imp. Corp. Script. Hist. Byz., Const. Porphyrog., v. III, p. 344.

[4] Т. I, стр. 84 и 238.

[5] Geschichte des Freistaates Ragusa, стр. 48.

[6] Τὸ δὲ κάστρον τὸ Ῥαούσιον μέσον τῶν δύω χωρῶν πρόσκειται, τῶν τε Ζαχλούμων καὶ τῆς Τερβουνίας· ἔχουσι δὲ καὶ τοὺς ἀμπελῶνας αὐτῶν εἰς ἀμφοτέρας τὰς χώρας. Corp. Seript. Hist. Byz., Const. Porphyrog., v. III, de Adm. Imp., c. 30, p. 147.—Stritter, II, 407, 409.

[7] Аппендини (т. I, ч. I, кн. III, гл. I — III) относитъ начало Дубровницкой архіепископіи къ паденію Салоны; Бандури, по Рацци, — къ паденію Дукли. Вотъ, что онъ говоритъ: Dioclea autem urbe a Bulgaris eversa, Ioannes archiepiscopus Diocleensis Ragusium archiepiscopalem dignitatem accepit a Benedicto V, Pontifice Maximo, ut scribit Seraphinus Razzius in Historia archiepiscoporum Ragusinorum. Animadv. in l. Const. P. de Adm. Imp., Corp. Script. Hist. Byz., Const. Porphyrog., v. III, p. 357.

[8] Engel, Gesch. d. Freist. Ragusa, стр. 90.

Сербіею при Неманѣ и Стефанѣ Первовѣнчанномъ, то можно заключить, что уже при Неманѣ ихъ округъ доходилъ до Затона (близъ Стонскаго перешейка). Множество жителей и обширная торговля требовали и большаго количества съѣстныхъ припасовъ. Хлѣбъ вообще цѣнился въ Далмаціи. Ограниченность городскихъ округовъ, каменистая и сухая почва не могли доставлять жителямъ надлежащаго количества хлѣба, и вотъ по чему въ статутахъ разныхъ Далматскихъ городовъ хлѣбъ находится подъ запрещеніемъ вывоза. По свидѣтельству Лукари[1] вся страна, которая простирается отъ мыса Куманскаго до залива Рисанскаго и обнимаетъ, вмѣстѣ съ прилежащими островами, около 340 кв. миль, производитъ хлѣба не болѣе, какъ на 4 мѣсяца, и городъ долженъ привозить для себя хлѣбъ извнѣ. Такое свидѣтельство современника второй половины XVI ст. весьма важно. Отъ того постоянною заботою Дубровника было увеличеніе городскаго округа. Онъ двояко пріобрѣталъ себѣ земли: или открыто чрезъ пословъ просилъ себѣ уступки сосѣднихъ земель и платилъ за нихъ деньги, или незамѣтнымъ, тихимъ образомъ засаживалъ ближайшіе виноградники, засѣвалъ ближайшія поля, надѣясь укрѣпить ихъ за собою давностію владѣнія. Частыя напоминанія Сербскихъ владѣтелей, чтобы Дубровничане не переходили черезъ свои межи, и судебныя изслѣдованія о земляхъ и людяхъ, отошедшихъ къ Дубровнику, показываютъ, что этотъ послѣдній способъ пріобрѣтенія земель не былъ пренебрегаемъ Дубровникомъ. Уже Константинъ Багрянородный замѣчаетъ, что въ IX ст. Дубровникъ платилъ дань за землю Хлумскимъ и Травунскимъ владѣтелямъ: *καὶ τελοῦσι πρὸς μὲν τὸν ἄρχοντα τῶν Ζαχλούμων νομίσματα λϛ́, πρὸς δὲ τὸν ἄρχοντα Τερβουνίας νομίσματα λϛ*[2]. Неманя, въ мирномъ договорѣ съ Дубровничанами, избавилъ ихъ отъ дани, платимой за виноградники и пашни, лежавшія на Стонскомъ полуостровѣ (Punta)[3]. Радославъ, стѣсненный обстоятельствами, простилъ городу всѣ дани, которыя платились за Рѣку, за Затонскіе, Полицкіе и Жерновницкіе[4] виноградники и за всѣ земли, засаженныя лозами, но съ тѣмъ, чтобы впредь Дубровничане не занимали болѣе ни одной пяди королевской земли ни лозами, ни житомъ, ни овощами (1234 г., февр. 4. С. № 2. Ш. № IX.). Владиславъ, обязывая ихъ оставаться въ прежнихъ межахъ (С. № 3. Ш. № X), простилъ имъ Жерновницкіе «могорычи» или платежи (С. № 6. Ш. № XII). Такимъ образомъ отреченіе королей отъ дани давало Дубровничанамъ право, опираясь на грамоты, считать вышеупомянутые участки своею собственностію. Любопытно опредѣлить величину Дубровницкаго округа въ половинѣ XIII вѣка и видѣть постепенное возрастаніе городскихъ владѣній. На востокѣ съ нимъ граничила Поповская Община. Вызывая Дубровничанъ на сходку (састанакъ) въ Затонѣ, гдѣ была «властельская потрѣба», и объявляя, что она не перейдетъ на другой берегъ рѣки, Поповская Община какъ бы указывала этимъ, что За-

---

[1] Annali di Rausa, l. 4, p. 153.

[2] Corp. Script. Hist. Byz., Const. Porphyrog., v. III., de Adm. Imp., c. 30, p. 147.—Stritter, II, 407, 409.

[3] Appendini, т. I, ч. II, к. II, стр. 270. — Енгель, Gesch. d. Freist. Ragusa, стр. 86.

[4] Полицъ (отъ поле) много въ Далмаціи: одна на востокѣ за Требиною; другая въ Конавлѣ на югъ отъ Цавтата; третья въ Которскомъ округѣ, въ православной Кривошейской парохіи (см. Сербо-Далм. Маг., 1830, стр. 32); четвертая, составлявшая прежде свободную общину, лежала между Цетиною и Жерновницею (см. Сербо-Далм. Маг., 1847, стр. 57); пятая на Крькѣ и т. д. Сдѣсь разумѣются ближайшія къ Дубровнику Полица и Жерновица; ибо онѣ, какъ сейчасъ увидимъ, стояли, вмѣстѣ съ другими мѣстечками, на одной окружной межѣ Дубровницкихъ владѣній.

тонъ и Рѣка[1] были границами ея и Дубровницкихъ земель (С. № 11. Ш. № I). На югѣ округъ Дубровника доходилъ до Цавтата, какъ видно изъ словъ князя Черномира (С. № 18), что за Цавтатомъ не сидятъ Дубровницкіе люди. Подробное описаніе своихъ границъ предложилъ самъ Дубровникъ въ договорѣ съ царемъ Булгарскимъ Михаиломъ Асѣномъ, 1253 года (С. № 16. Ш. XVI). Въ примѣръ тогдашняго опредѣленія границъ я приведу слова подлинника: а прѣписаніе. дединѣ. наше. ѕемле. и села и дрьжавѣ. начинають. ѿ цр҃кве. ст҃ого. георьгиѣ. врьхь. старн. градь. епитаврь. иже идѹть. до цр҃кве. ст҃ого петра[2]. а ѿ цр҃кве ст҃ого петра. идѹть до цр҃кви. ст҃ого. пократа.[3] а ѿ. цр҃кви. ст҃ого. пократа. како. дрьже. горьре. врьхь. белома. и слеѕѹть. до манинехъ. а ѿ. манинехь. како. дрьжѹть. горьре. кое. гредѹть. врьхь. жьрновьницѣ. дерн. до влащице. а ѿ. влащице. како. дрьжеть. горьре. кое. сѹть. врьхъ. шѹметь[4] и гредѹть. до. ѡка. а ѿ. ѡне стране. ѡка. како. дрьжеть. горьре. кое сѹ. врьхь. рѣке[5]. и сьтетьгьнѹтьсе дерн. до горьре. кое сѹ врьхь. корнла[6]. а ѿ корнла. како дрьже. горьре. кое сѹ. врьхь. ѕатокь[7]. и врьхь. полнце. и врьхь ѡрашьць[8]. и сьтегьнѹтьсе. до. цр҃кви. ст҃е. тькьле. и все. меде. ѿ прѣписанехь. ѕемле и села. и дрьжавѣ. ѿ врьхе. ѿ вьсе. прѣписанѣ. горьре. слеѕѹть. до мора. вьсе сѹ. наше. дединѣ[9]. Отсюда видимъ, что всѣ дани, какія простили имъ Радославъ и Владиславъ, относились къ пограничнымъ землямъ. Такъ распространялъ Дубровникъ свой округъ. Нѣкоторые изъ упомянутыхъ пограничныхъ мѣстностей были не задолго до Немани пріобрѣтены Дубровничанами отъ Сербскихъ владѣтелей. Разсказъ о пріобрѣтеніи этомъ сохраненъ многими Дубровницкими лѣтописцами, какъ-то: Червою (Туберомъ), Ранниою, Рацци, Лукари, Дандуломъ и Рести; но года и имена искажены. Аппендини относитъ это событіе къ 1050 году[10].

---

[1] Что это за рѣка? Требинштица ли, а по другимъ Захлума, протекавшая по Поповской долинѣ, или другая какая подъ Затономъ, опредѣлить не могу. Рѣка, какъ граница, встрѣчается въ гр-ѣ С. N 16. Впрочемъ, судя по словамъ гр-ы Стефана Первовѣнчаннаго (С. N 51), что въ Рѣкѣ и Жерновицѣ находятся церкви, должно заключить, что въ окрестностяхъ Дубровника лежало мѣстечко Рѣка, и за него-то, вѣроятно, Родославъ прощалъ дань Дубровничанамъ. Нынѣ это мѣстечко называется Ombla: тутъ же течетъ и ручей того же имени (Arion, Ombla), соединяющійся подземнымъ путемъ съ Требинштицею.

[2] Мощи св. Петра, замученнаго въ Которѣ, были принесены въ Дубровникъ, въ 1026 г., по свидѣтельству Мелетія, древнѣйшаго Дубровницкаго поэта-историка. См. Engel, Gesch. d. Freist. Regusa. стр. 69.

[3] Мощи св. Панкратія почивали въ Дубровникѣ: *ἐν δὲ τῷ αὐτῷ κάστρῳ κεῖται ὁ ἅγιος Παγκράτιος ἐν τῷ ναῷ τοῦ ἁγίου Στεφάνου*—пишетъ Багрянородный (de Adm. Imp., Corp. Script. Hist. Byz., v. III, p. 137). Объ нихъ же между другими мощами упоминаетъ и Туберъ въ Schwandtneri Script. Rer. Hungar., t. II., p. 191. Ср. Бандури, Animadv. in l. Const. P. de Adm. Imp., Corp. Script. Hist. Byz., Const. P., v. III, p. 345. Обѣ этѣ церкви указываютъ на близкое разстояніе границъ отъ города.

[4] Нынѣ Gionchetta, близъ Рѣки.

[5] Нынѣ Ombla.

[6] Или Курила, нынѣ Рожато, село и приходъ (парохія) въ Рѣкѣ.

[7] Нынѣ Malfi, между Оращцемъ и Рѣкою. Другой Затонъ лежитъ на Стонскомъ перешейкѣ.

[8] Нынѣ Valdinoce. Извѣстія о современныхъ названіяхъ всѣхъ этѣхъ мѣстностей сообщены намъ туземцемъ и знатокомъ края, графомъ Орсатомъ Почичемъ Загорскимъ. Ср. Сербо-Далматинскій Магазинъ, 1839, стр. 121; 1851, стр. 14.—Юкича Zemljopis i povestnica Bosne, стр. 86. Хорошая карта, приложенная при Путешествіи Вилькинсона, (Dalmatien und Montenegro mit einem Ausfluge nach der Herzegowina und einer geschichtlichen Uerbersicht der Schicksale Dalmatiens und Ragusa's, nach Sir J. Gardner Wilkinson bearbeitet, v. Wilh. Ad. Lindau. Leipsig, 1849, 2 B.) содержитъ въ себѣ почти всѣ упомянутыя мѣстности.

[9] Переводъ см. въ Введеніи, стр. 9.

[10] Т. I, ч. II, к. II, стр. 252.

Енгель, принимая это лѣтосчисленіе, уступку земель приписываетъ Воиславу и сыну его, Михаилу (1040—1080). Дубровничане получили отъ перваго Жупу (Брено), Рѣку (Омблу), Гружъ (Гравозу), Затонъ (Мальфи) и весь берегъ до Орашьца (Valdinoce); а отъ втораго острова Колочепъ (Каламоту), Лопудъ (Меццо) и Жупану (Шипанъ)[1]. Основываясь на давности владѣнія и уважая память предшественниковъ, Сербскіе короли оставляли за Дубровникомъ тѣ земли, которыми онъ владѣлъ при ихъ родителяхъ и дѣдахъ. Такъ Урошъ I пишетъ въ грамотѣ (С. № 21): њко земле и виноградє що сте држали. до вирьтия гилми ѡца. да си ю држите; но присовокупляетъ: а потола что се наиде посагено виноградми. или земле прнемьше. да се судомь исьправи. Такъ и Милутинъ укрѣпилъ за Дубровничанами що су држали земле: и виноградь: и ѡралиши: з гилми светопочившега ѡцалин: (С. № 33), что подтвердила и мать Короля, Елена (С. № 32). Въ 1333 году, грамотою отъ 22 генваря (С. № 37), Стефанъ Дечанскій продалъ Дубровничанамъ рать стонски са всеми мегами свой и са заселии и слюдми и да су ѡбластин зидати га на превлаци[2] и на другомь местие где имь буде хтиние и още имь придахь ѿ превлаке вскрай мора до дубровачке меге и селища кое су тинзи била и по среднице како ѡнтеуе неретва до мора. то такое былъ рать Стонскій, называемый въ другой грамотѣ (С. № 39) редь и рть? Миклошичъ[3] такъ объясняетъ: punta di Stagno, apex, collis, и сравниваетъ съ Сербскими *ртань*, *ртеница*, *ртенячa*. Въ изданной имъ грамотѣ Милутина рѣчь идетъ о монастырѣ Богородицы иже исть оу рьтьцѣ, почему онъ и называется монастыремъ бце ретьускые[4]. В. С. Караджичъ въ своемъ Словарѣ переводитъ слова: *ртеница*, *ртенячa*—der Rückgrat, spina dorsi; а *Ртань*, *Ртня*, по его словамъ, есть «grosser kegelförmiger Berg (saltus) in der Црна риjeка». Соображая все сказанное, мы должны заключить, что рьть означаетъ собственно возвышенность, но въ грамотѣ оно употребленно въ переносномъ смыслѣ. Какъ всякая возвышенность составляетъ преграду, такъ и какое нибудь торговое, или политическое учрежденіе можетъ быть такою же преградою. Вѣроятно, Стонскій Рьть былъ не что иное, какъ селеніе, нарочно учрежденное для сбора пошлины. Этимъ только можно объяснить слова грамоты, что Дубровничане могутъ строить рьть на переволокѣ (Стонскомъ перешейкѣ), или въ другомъ какомъ мѣстѣ, и указанія гр-ы С. № 39, гдѣ прямо сказано, что въ Рьтѣ есть церкви и тамъ живутъ Королевскіе люди. Но въ прямомъ значеніи, какъ возвышенность, Рьтомь назывался полуостровъ Пелѣшацъ, соединяющійся съ материкомъ посредствомъ Стонскаго перешейка. Аппендини[5] говоритъ: ora dai Ragusei e Dalmatini dicesi Pelisaz o Peljasaz, Rat e

---

[1] Gesch. d. Freist. Ragusa, стр. 9.

[2] Хотя Превлакъ весьма много въ прибрежной Сербіи, такъ что по одному Которскому заливу находится ихъ нѣсколько, однако сдѣсь разумѣется не другая какая, а именно та, которая лежитъ между Пелѣшцемъ (Sabbioncello) и материкомъ. Это переволока или волокъ, т. е., узкій перешеекъ, чрезъ который волокутъ или тянутъ различныя тяжести.

[3] Homilia, praefatio.

[4] Онъ находился въ Зетѣ и былъ основанъ королевою Еленою, матерью Милутина (Фарлати, Illyricum Sacrum, VII, 43). На картѣ Черной Горы графа Карачая (de Karaczay) означено: S. Maria de Rotaz; а изъ Фарлати (Il. S., VII, 13, 58) видно, что монастырь стоялъ на высокомъ холмѣ близъ Бара. Въ Врьбницкомъ статутѣ 1443 г., на Крькѣ, упоминается рьтъ св. Петра (см. Arkiv za povèstnicu Jugo-Slavensku, кн. II, отд. II, стр. 295).

[5] Т. I, стр. 288. Примѣчаніе.

Art, che significa punta, acume, e dagli Italiani Sabbioncello o Punta di Stagno. Очевидно, что такое названіе очень шло къ песчаной полосѣ, возвышавшейся надъ морскою поверхностію. Причиною этой уступки Пелѣшца Аппендини выставляетъ помощь, оказанную Дечанскому Дубровникомъ черезъ наемниковъ, въ войнѣ перваго съ Михаиломъ Булгарскимъ, и содѣйствіе одного Дубровничанина, находившагося при дворѣ Стефана Котромановича[1]. Вскорѣ между Дубровничанами и Королемъ вышло какое-то несогласіе за Стонъ: вѣроятно, многіе изъ Королевскихъ людей несправедливо приписаны были къ Стону и стали принадлежать Дубровнику. Видя гнѣвъ Короля, Дубровникъ отправилъ пословъ и получилъ отъ Короля грамоту, 1334 года, мая 19 (С. № 39), въ которой было сказано, что они не могутъ присвоивать себѣ Королевскихъ людей, кромѣ тѣхъ, которыхъ застали въ Стонѣ и Рьтѣ; если же найдутся сдѣсь люди, послѣ пришедшіе сюда, то возвращаются Королю. То же самое писалъ и царь Душанъ въ грамотѣ своей отъ 1349 г., 20 сентября, присовокупляя, чтобы возвратили всѣ земли, которыя заняли, или засадили виноградниками за межею, поставленною при его родителѣ и прародителѣ (С. № 43). Видно, Дубровничане продолжали слѣдовать обычаю незамѣтнаго и миролюбиваго присвоенія сосѣднихъ земель; но и Сербскіе короли были осмотрительны. Дубровничанамъ не нравилось, что по близости ихъ города нѣкоторые владѣльцы берутъ съ купцовъ различныя пошлины и тѣмъ оказываютъ не малое препятствіе ихъ торговлѣ: это было другою побудительною причиною къ пріобрѣтенію земель. Уже Стефанъ Душанъ, въ гр-ѣ 1349 г., 20 сент. (С. № 43), писалъ: **И ҁа млѣть. да не имають печали ни ҁа що. тькмо да ѝ црѣмн. яко ѝ и ѿ прѣжѐ било.** Ранчъ[2], по Орбини, свидѣтельствуетъ, что Душанъ подарилъ Дубровнику полуостровъ Ратану, къ которому принадлежали острова: Млѣтъ, Корчула и Хваръ (Лезина). Конечно, это несправедливо относительно Млѣта, ибо въ 1357 г., 10 апрѣля, царь Урошъ V подарилъ Млѣтъ своимъ любимымъ властелямъ, Басету Бариичену Быволичичу и Трипету Михòвичу Букичу, которыхъ называетъ «достовѣрными, угодными, любимыми и укутными (домашними) властелями и князьями своего Царства» (С. №№ 46, 48; С.-Д. М. 1851). А чрезъ двѣ недѣли, Дубровничане жаловались на притѣсненія, оказываемыя имъ, вѣроятно, чрезъ взиманіе пошлинъ при выѣздѣ изъ Млѣта, говоря: **гн҃е црⷭ҇ѣ млѣть ѝ цр҇ѣкати а ми имамо ҁабаве иҁнига**; по чему Царь и постановилъ, что за Млѣтъ никто не имѣетъ дѣла съ Дубровникомъ, ни Царь, ни его властели, кромѣ двухъ вышеупомянутыхъ владѣльцевъ (С. № 48). Не знаю, что заставило Миклошича[3] сказать, что этою грамотою Урошъ подарилъ Млѣтъ Дубровнику. Если въ выраженія, **ѿ дн҃ь на пръде никтѡ да не има посла ҁа властеле и ҁа градь дѹбровникь рекше ҁа млѣть**, послѣднія слова относить къ владѣтелямъ и городу, то не будетъ смысла: Дубровникъ нельзя пояснять Млѣтомъ; но ихъ должно отнести къ выраженію **да не има посла**, да не имѣетъ дѣла съ Дубровникомъ, то есть, за Млѣтъ. И такъ мы знаемъ, что Стефанъ Первовѣнчанный владѣлъ Млѣтомъ (С. № 51), что Урошъ V владѣлъ имъ тоже, хотя оба, оставляя верховную власть свою надъ нимъ, отдавали его въ пользованіе, первый Бенедиктинцамъ, что подтверждено Милутиномъ, (С. № 52), второй двумъ властелямъ: по этому мы не вѣримъ словамъ Аппен-

[1] Т. I, ч. II, к. II, стр. 288, 289, 230. — Ср. Engel, Gesch. d. Freist. Ragusa, стр. 122 и слѣд.
[2] Ч. II, стр. 769.
[3] Homilia, praefatio.

дини, утверждающаго, что будто бы еще Тѣхомилъ, отецъ Немани, отдалъ произведенія (usu—frutto) Млѣта въ пользу Лакромскихъ Бенедиктинцевъ, а самый островъ подчинилъ верховной власти Дубровника [1]. Но спустя 5 лѣтъ, въ 1362 г., 22 августа (С. № 55), Урошъ V вспоминаетъ старые доходы и въ томъ числѣ Млѣтскій: а що сѫ доходци црькамь стари и законити да ихь давају црькамь како и сѫ давали и родителю црькамь. а за млѣть за доходь црькамь.... како је по старом закону такози и напрѣдь да је. а за землю жрьновиницу како имь је дало и записало црьмь такози да имају и дрьже а за ни за тузи землю. да не има посла никто ѿ властель црькамь до вѣки. Вѣроятно, въ это время Млѣтъ уже принадлежалъ Дубровнику. Орбини не понялъ хорошо словъ Тубера у котораго заимствовалъ извѣстіе о Ратанѣ. Вотъ что говоритъ послѣдній: Qui (Stephanus Nemagna) non mediocrem his (Ragusanis) Stali agri partem dono dederit cum tota Chersoneso a Rhataneo castello denominata.... latere septentrioni obiecto Naresium efficit (Rhatana Chersonesus) sinum, cuius os Phariam excipit insulam, seu, ut nunc dicitur, Lesinam; qua austrum spectat, et Melite et Corcyra nigra adiacent [2]. Во первыхъ, изъ этихъ словъ не видно, чтобы Стефанъ Неманичъ уступилъ Ратану непремѣнно съ принадлежащими островами; во вторыхъ, Стефаномъ Неманею можно назвать всякого Сербскаго короля и царя. По Туберу, современникомъ ему былъ Людовикъ Великій, Ludovicus Hungarorum rex, Caroli filius, который «въ это время выгналъ Венеціянъ изъ Далмаціи»; а это случилось въ 1358 году: слѣдовательно, подъ Неманею Туберъ разумѣлъ не Душана, но сына его, Уроша, что и будетъ согласоваться съ нашими грамотами. Енгель, слѣдуя Пеячевичу [3], утверждаетъ, что Ратану подарилъ Дубровнику Душанъ, а не кто другой [4]. Но какъ согласить слова Дубровничанъ, сказанныя Урошу V: гнѣ црю млѣть є црькви, съ нѣкоторыми главами Млѣтскаго статута, несомнѣнно доказывающими, что въ 1345 году, когда писанъ былъ означенный статутъ, Млѣтъ уже принадлежалъ Дубровнику? Вотъ смыслъ этѣхъ статей: право аппеляціи князю Дубровницкому на рѣшеніе судей Млѣтскихъ; назначаемый при продажѣ родовой недвижимой собственности трехмѣсячный срокъ, въ продолженіе коего родственники продавца имѣютъ право перекупить имѣніе у посторонняго покупщика, не касается тѣхъ, кто находится на государственной службѣ въ Дубровникѣ, равно какъ все продолженіе ихъ службы нейдетъ въ счетъ срочныхъ мѣсяцевъ; за утайку найденныхъ вещей въ морѣ, въ окрестностяхъ Млѣтскаго (Бенедиктинскаго?) монастыря, 25 перперовъ пени вносится въ Дубровницкую казну; за продажу сыра внѣ острова Млѣта половина полной пени, состоящей изъ 5 перперовъ, идетъ доносчику, а другая половина поступаетъ въ Дубровникъ [5]. Присоединить сюда должно и постоянное молчаніе статута о какой либо верховной власти на Млѣтѣ, которое объясняется только тѣмъ, что Млѣтъ не имѣлъ своего князя, ни повиновался царямъ Сербскимъ, а признавалъ надъ собою

---

[1] Т. I, ч. II, кн. II, стр. 282. Ср. Engel, Gesch. d. Freist. Ragusa, стр. 80.

[2] Ludov. Tuber., Commentar. de temporib. suis. Schwandtneri Scriptor. rer. Hungaricarum, t. II, p. 196. Ратана то же, что Рьть.

[3] Къ сожалѣнію, мы не могли пользоваться весьма важною книгою Пеячевича: Historia Serviae, за неимѣніемъ ея на этотъ разъ.

[4] Gesch. v. Serv. u. Bosn., стр. 282.

[5] Dubrovnik, cvĕt narodnoga knjižtva, za godinu MDCCCLI. Urednik Matija Ban. U Zagrebu, 1852. Statut oli Zakoni od Universitati Otoka od Mljeta. Гл. 19, 32, 55, 68.

власть князя Дубровницкаго. Все это не оставляетъ никакого сомнѣнія о принадлежности Млѣта къ Дубровнику, но въ то же время противорѣчитъ и всему тому, что сказано нами выше на основаніи не менѣе достовѣрныхъ данныхъ. Какъ же рѣшить такое противорѣчіе? Если предположить ошибку въ годѣ статута, то мы не имѣемъ на то права. Остается прибѣгнуть къ догадкѣ и допустить, что въ настоящее время мы не хорошо понимаемъ прежнія условія и степень зависимости второстепенныхъ Далматскихъ городовъ и острововъ отъ ихъ метрополіи. Отдать землю въ пользованіе кому нибудь не значитъ еще отказаться отъ верховнаго права надъ нею. Стефанъ Первовѣнчанный, уступая Млѣтъ Бенедиктинцамъ, не отказывался отъ верховныхъ правъ на него. Такъ точно Душанъ и Урошъ, безъ сомнѣнія, считали себя верховными владѣтелями этого острова. Но Дубровничане, конечно, пользовались или, лучше, кормились этимъ островомъ, за что, вѣроятно, и платили дань Сербскимъ государямъ. Отъ того въ извѣстіяхъ лѣтописцевъ и историковъ о времени пріобрѣтенія Дубровникомъ Млѣта мы находимъ такую сбивчивость. Млѣтъ былъ необходимъ Дубровничанамъ, какъ островъ, ближайшій къ ихъ городу, доставлявшій имъ хлѣбъ и могшій въ одно и то же время и способствовать и мѣшать ихъ торговлѣ. По этому они и считали весьма важнымъ имѣть его у себя подъ рукою. А такъ какъ онъ имѣлъ населеніе сходное съ Дубровницкимъ и такой же родъ правленія, то, принадлежа Дубровнику, естественно, могъ легко зависѣть въ главныхъ дѣлахъ отъ тамошняго князя и правительства. Повторяю, Дубровничане, до самой кончины Уроша V, не могли владѣть Млѣтомъ исключительно: они только пользовались имъ, какъ съемщики и правители; но верховная власть, хотя бы она была только нарицательною, оставалась всегда за царями Сербскими. Иначе слова Дубровницкихъ пословъ: **г҃не црѹ млѣть е црствати а ми ималю ѕабавѹ изнига** не имѣли бы смысла. Какое мысленное соотношеніе было бы между первою и второю частію рѣчи? Но они становятся вполнѣ понятными, если, на основаніи нашего предположенія, дополнимъ ихъ такъ: «Господине Царю! Млѣтъ есть Твоего Царства, и ты уступилъ его намъ, а мы имѣемъ затрудненіе при выѣздѣ изъ него» (по случаю учрежденія царины). Сверхъ того Урошъ V, въ 1357 г., 25 апр., подарилъ Дубровничанамъ **ѕемлю. како се камн вали. долѹ вѣиноградомь. дѹбровьчкимь и имѡрѹ. ѿ лютѣ.**[1] **до мѹрнла** (С. № 49). Въ 1391 году Санковичи уступили Дубровнику всю жупу Конавле съ Дольною Горою и городомъ Соколомъ и жупу Виталину съ островомъ Молунтомъ. Границы положены слѣдующія: Требине, Врьсине, Драчевица, предградье Дубровника, морской берегъ, на которомъ стоялъ Цавтатъ, и Молунтская[2] при-

---

[1] «Эта рѣка текла подъ Епидавромъ, нѣсколько южнѣе отъ него. Говорили, что соединяется съ Требинею. Она впадала въ море подъ именемъ «Доброй Воды». (Appendini, т. I, стр. 50). Изъ этихъ словъ видно, что Аппендини не хорошо зналъ мѣстность, которую описывалъ. Люта не могла соединяться ни съ Требинею, ни съ Доброю Водою. Онъ смѣшалъ двѣ Люты: одну онъ справедливо относитъ къ окрестностямъ Епидавра, гдѣ и должно искать ее, судя по словамъ грамоты; другую, называемую имъ въ нижнемъ теченіи Доброю Водою, онъ разумѣетъ въ округѣ Доброты (въ Бокѣ Которской), по сѣверной границѣ коего она дѣйствительно протекаетъ нынѣ. Сдѣсь лежитъ и мѣстечко того же имени, принадлежащее къ православной Ораховацкой парохіи (Сербо-Далм. Маг., 1851, стр. 33). Но эта Люта не одно и то же съ Доброю Водою, которая течетъ вдоль Жупы (Грьбля), и слова грамоты къ ней относиться не могутъ.

[2] «Замокъ Молунтъ лежалъ при гавани того же имени и былъ самымъ южнымъ владѣніемъ Епидавра. Это былъ послѣдній Дубровницкій замокъ на югѣ близъ Котора». Такъ говоритъ Аппендини (т. I, стр. 52 53). Слѣдовательно, было два Молунта: одинъ замокъ

станъ (С. № 78). Въ 1399 году Остоя продолжилъ Дубровницкія границы далѣе къ сѣверу. Мы видѣли, что онѣ доходили до Курила[1] (С. №№ 16, 49). Остоя уступилъ Дубровнику все Приморье отъ Курила до Стона, гдѣ находились слѣдующія села: Курило, Осельникъ, Любачъ, Громача, Орѣшецъ, Трьстено, Мичево, Брьсечево, Мравинецъ, Дульпо, два Малькова, Слано, Трьнова, Подгора, Чепикуче, Подымочъ, Котези, Затонъ, Высочане, Точильникъ, Сиоковляне, Ошле и Топола (С. № 84)[2]. Аппендини опредѣляетъ длину этого Приморья, именно отъ Орашьца до Стона и Имотицы, въ 30 Итальян. миль, а ширину въ 6[3]. Стономъ уже владѣли Дубровничане. Съ своей стороны Радичъ Санковичъ, ходатайствовавшій въ этомъ дѣлѣ за Дубровничанъ, подарилъ имъ свое село Лисецъ, лежавшее въ этомъ Приморьи; по его словамъ, Приморье простиралось отъ Курила чрезъ Имотицу до села Дльжи (Долгое? С. № 86)[4]. Въ 1405 году Дубровничане сказали Твртку Тврьтковичу, что въ записи короля Остои дано имъ все Приморье отъ Курила до Стона со всѣми селами и заселками и межами, но въ записи этой пропущены села: Лисецъ, Имотица и Трьновница, по чему и просятъ его утвердить за ними и эти села. Тврьтко, посовѣтовавшись съ герцогомъ Гервоею, воеводою Сандаломъ и другими властелями, укрѣпилъ за Дубровникомъ все Приморье съ треия упомянутыми селами (С. № 89). Какимъ образомъ жупа Конавльская, принадлежавшая Санковичамъ и подаренная ими Дубровнику, отошла къ Сандалу Храничу и Павлу Яблановичу, мы не знаемъ. Въ грамотахъ своихъ (С. №№ 96, 98) Сандалъ ясно говоритъ, что они владѣли и господствовали въ этой жупѣ. Тѣмъ не менѣе Дубровничане успѣли выпросить у Сандала сначала его участокъ, половину Конавльской жупы съ Виталиною и Дольною Горою (С. № 96), потомъ и другой участокъ, доставшійся Сандалу послѣ Петра Павловича, убитаго Турками; половину Сокола (другая уже была уступлена Сандаломъ, но только не упомянута въ грамотѣ), половину Конавльской жупы съ Ободомъ[5] и Цавтатомъ и половину Дольной Горы и Виталины (С. № 98). Первую грамоту подтвердилъ Стефанъ Остоичъ (С. № 97), вторую Тврьтко (С. № 99). Такимъ образомъ съ 1419 по 1420 годъ Дубровничане добыли снова всю жупу Конавле, или, лучше сказать, весь Конавльскій округъ съ Виталиною, Доль-

---

съ пристанью, на твердой землѣ, другой островъ насупротивъ перваго, или того самого мѣста, гдѣ Виталина граничитъ съ Конавлемъ. На одной старинной картѣ Которскаго залива, составленной патеромъ Коронелли въ 1688 г., означенъ на материкѣ punto Molonte picolo. Нынѣ на берегу лежитъ селеніе Molonti.

[1] Аппендини (т. I, стр. 270) увѣряетъ что Курило есть то же, что Петрово Село, которое Неманя, въ договорѣ съ Дубровникомъ, оставилъ за собою. Енгель повторяетъ то же самое, отличая Курило отъ Рожато (Gesch. d. Freist. Rag., стр. 86). Но мы отдаемъ преимущество показанію туземца и считаемъ Курило за нынѣшнее Рожато.

[2] Почти всѣ эти села находимъ и понынѣ въ пограничныхъ Дубровницкомъ и Стонскомъ судахъ. (См. Сербо-Далматинскій Магазинъ, 1851, стр. 14 и 15).

[3] Т. I, ч. II, кн. II, стр. 297. Ср. Engel, Gesch. d. Freist. Ragusa, стр. 150.

[4] Если буквально понимать слова грамоты, то выходитъ, что Имотица лежала южнѣе Стона, т. е., ближе къ Дубровнику; но она лежитъ, какъ извѣстно, сѣвернѣе Стона на берегу материка, между тѣмъ, какъ Стонъ находится на полуостровѣ. Вотъ по чему одну и ту же межу одна грамота доводитъ до Стона, другая до села Дльжи: значитъ, первая вводитъ межу въ полуостровъ Пелѣшацъ, а вторая ведетъ ее по берегу материка, минуя Пелѣшацъ, чрезъ Имотицу до Дльжи.

[5] Замокъ Ободъ лежалъ въ долинѣ того же имени и составлялъ, вмѣстѣ съ Цавтатомъ, часть древняго Епидавра. Тутъ была гробница Долабеллы. Appendini, т. I, стр. 44, 49.

нюю Горою, Соколомъ, Ободомъ, Цавтатомъ и со всѣмъ, что относилось къ этому округу (о Молунтѣ не упоминается нигдѣ, но, вѣроятно, онъ постоянно принадлежалъ Дубровнику)[1]. Радославъ Павловичъ, получивъ право на отцовское и братнино наслѣдство и считая половину Конавля своимъ удѣломъ, подтвердилъ ее и городъ Соколъ за Дубровникомъ, въ 1421 — 1423 г., такъ какъ они уже были уступлены Сандаломъ (С. №№ 101, 104)[2]. Съ 1408 по 1413 г. Дубровничане пріобрѣли отъ Гервои и императора Сигизмунда три прекрасныхъ острова, Корчулу, Хваръ и Брачъ[3]. Они не упускали случая испрашивать у королей и другихъ владѣльцевъ подтвержденія дарственныхъ записей на обладаніе земельною собственностію. Таковыя подтвержденія находимъ въ грамотахъ: Тврьтка, 1421 г. (С. № 103), на Приморье, Радослава Павловича, 1423, 1427 и 1432 гг. (С. №№ 104, 107, 114), на его участокъ половины Конавля, Стефана Вукчича, 1435 г. (С. № 120), на другую половину Конавля. Но тотъ же Стефанъ Вукчичъ Косача, около 1441 года, поссорясь съ Дубровникомъ, захватилъ жупу Конавле, а потому сынъ его, Владиславъ, стоявшій на сторонѣ Дубровника, обѣщалъ употребить всѣ силы къ возвращенію этой жупы (С. № 132). Въ слѣдующемъ году сынъ Радослава, Иванишъ, снова утвердилъ за Дубровникомъ свою половину Конавльской жупы (С. № 133). Помирившись съ Дубровникомъ, Стефанъ Косача возвратилъ ему Конавле. Въ 1444 году Ѳома Кристичъ подтвердилъ записи на Приморье и Конавле (С. № 136), и въ 1451 г. уступилъ еще все Врьсине и всю жупу Драчевицу[4] съ Суториною[5], Мориною[6] и городами Новымъ и Рисномъ[7] до самой Которской межи: —и это, по нашимъ грамотамъ, было уже послѣднимъ пріобрѣтеніемъ Дубровника (С. № 140). Въ 1454 году Петръ и Николай Радославичи дали ему грамоту, въ которой, между прочимъ, укрѣпляли за нимъ Конавле (С. № 145); а въ 1461 году Стефанъ Томашевичъ укрѣпилъ за нимъ Приморье и Конавле (С. № 150). Впрочемъ, Дубровничане не забыли прежней своей привычки и незамѣтно построили на Неретвѣ деревянную крѣпостцу. Султанъ Магомедъ II, быть можетъ, по жалобѣ Влатка, владѣвшаго этою частію Герцеговины, тотчасъ приказалъ Герцеговинскому санджакбегу Гамзѣ, разрушить этотъ городокъ, тутъ, или въ другомъ мѣстѣ построенный (С. № 164, II)[8]. Такимъ образомъ, соображая всѣ свидѣтельства грамотъ, можемъ заключить, что владѣнія Дубровника простирались по морскому берегу отъ Драчевицы, лежавшей при Которскомъ заливѣ на сѣверъ чрезъ Цавтатъ и самый Дубровникъ до Стона включительно, и чрезъ Имотицу до села Дльжи, а въ средоземье онѣ вдавались до границъ Требиня. Сверхъ того, ему принад-

---

[1] По свидѣтельству Люція (кн. V, гл. V), Дубровничане купили, сверхъ того, у Сандала еще, въ 1411 г., замокъ Островицу за 5000 дукатовъ.

[2] Ср. Engel, Gesch. d. Freist. Ragusa, стр. 159.

[3] Engel, Gesch. d. Freist. Ragusa, стр. 154 и слѣд.

[4] До сихъ поръ онѣ составляли границу Дубровницкихъ владѣній.

[5] Узкая полоса земли, лежащая на сѣверъ за Конавлемъ и Виталиною между Дубровницкимъ округомъ и Боккою Которскою: она доходитъ до берега Которскаго залива и, принадлежа нынѣ Турціи, соединяетъ такимъ образомъ Турецкія владѣнія въ Герцеговинѣ съ водами залива. Величина [illegible] кв. м.; имѣетъ 10 селъ съ 558 жит. Сербо-Далмат. Магаз., 1838, стр. 34.

[6] Нынѣ два мѣстечка, верхній и нижній Моринь, лежащія между Новымъ и Рисномъ — православная парохія. Сербо-Далмат. Магазинъ, 1850, стр. 3.

[7] Новый и Рисно лежатъ по Которскому заливу.

[8] Ср. статью: Сербско Общество у Дубровнику, въ Сербо-Далмат. Магазинѣ, 1839, стр. 121 и слѣд.

лежало нѣсколько ближайшихъ островов. Хотя грамоты говорятъ весьма глухо объ условіяхъ уступки земель, и даже просто называютъ это «подаркомъ», однако Дубровничане платили за этѣ земли ежегодную дань, какъ увидимъ ниже.

Земли уступались Дубровнику со всѣми лежащими селами, заселками и людьми (С. № 37). Въ позднѣйшихъ грамотахъ еще подробнѣе обозначались принадлежности уступаемыхъ земель. Обыкновенно уступалось все безъ исключенія, даже люди, жившіе на этой землѣ. Таково постоянно встрѣчаемое въ грамотахъ и почти одинаковое всюду, выраженіе: **са всѣми сели и засельци и слꙋдьми и са всѣми правими медями и всакоими правинами и сводами, нашами, дрьвьми, дꙋбравами, грьмиемь** (кустарникомъ), **планинами** (горами), **странами** (стремнинами), **горами** (лѣсистыми возвышенностями), **лꙋзьми, сѣнокоси, поли, ликадами, хꙋмлами и що е на покрьши и са всакимь инимь достоинимь и са всѣми правими котари** (округами)[1].

Нельзя съ достовѣрностію сказать, оставались ли прежніе владѣльцы, при уступкѣ земель, на своихъ мѣстахъ? Король, какъ верховный владыка всѣхъ Сербскихъ земель, былъ ли то Сербскій, или Боснійскій король, передавалъ часть своихъ земель Дубровнику, который становился въ такое же отношеніе къ этѣмъ землямъ, въ какомъ прежде былъ король; но, не смотря на то, землевладѣльцы, властели, оставались, кажется, по прежнему на своихъ земляхъ, т. е., власть Дубровника не исключала ихъ изъ собственности. Это можно видѣть отчасти изъ грамоты Уроша V (С. № 48), въ которой Царь поручаетъ своихъ властелей, Басета и Трипета, которымъ подарилъ Млѣтъ, блюдѣнію и защитѣ Дубровничанъ; и изъ грамоты С. № 94, которая показываетъ, что подъ Стономъ, со стороны Дубровника, слѣдовательно, на его землѣ, сидѣлъ какой-то властелинъ Григорій Вукославичъ, установившій царину передъ Стономъ по дорогѣ въ Дубровникъ, и потомъ, за право гражданства, снявшій ее и ходившій въ Дубровникъ съ извиненіемъ.

Уступленныя земли составляли баштину Дубровничанъ и переходили къ дѣтямъ и внукамъ (С. № 37). Урошъ V, даря Дубровничанамъ землю (С. № 49), писалъ: **а да имь не имать посьма сего. забавити за тꙋзи землю. ни властелй црквни. ни кепалии. ни инь инитѡ: кто имь бꙋдꙋ ꙋ сꙋсѣдьствꙋ на всако врѣме.** Часто въ грамотахъ встрѣчается выраженіе объ уступкѣ земель «въ державу, и въ область, и въ господство, въ баштину, и въ племенито (наслѣдственное, родовое владѣніе) отцамъ, дѣтямъ, и внукамъ, и всему потомству; да будутъ областны землями во вѣки»[2]. Въ примѣръ приведу выраженія грамоты Санковичей (С. № 78): **ѡбѣщасмосе.... поставити е ꙋ державꙋ и ꙋ ѡбласть и ꙋ господство како е ꙋ ниxь баштиньꙋ племенитꙋ ѡпѣниꙋ и властели града дꙋбровьника и инимь изьдати ꙋ ниxь рꙋке и ꙋ область и стражꙋ града сокола и вьсꙋ више ꙋписанꙋ жꙋпꙋ конавальскꙋ и витаљиньскꙋ да сꙋ вольни властеле и опѣина дꙋбровачька ꙋчинити и створити и господовати градь и жꙋпꙋ и места више писана како свое праве и власте** (собственныя) **баштине како но могꙋ ꙋчинити ѿь свога старога владаньꙗ и државе.**

Важны нѣкоторыя другія условія уступки. Такъ, уступая Стонъ, Стефанъ Дечанскій взялъ съ Дубровничанъ обѣщаніе, что въ Стонѣ и Рьтѣ останется по прежнему и будетъ отправлять богослуженіе Сербскій попъ (православный), и что жители Стона и Рьта, въ случаѣ войны, не пойдутъ на Короля. Король же, съ своей стороны, обѣщалъ, что не станетъ отыскивать въ Стонѣ

[1] Ср. С. NN 37, 46, 84, 86, 96, 97, 98, 99, 107, 140 и пр.
[2] Ср. С. NN 78, 84, 86, 96, 97, 98, 99, 107, 140, 145 и пр.

и Рьтѣ людей, которые ему не подданные; но за то Дубровникъ долженъ возвратить ему всѣхъ тѣхъ людей, которые поселились, или скрылись въ Стонѣ и Рьтѣ послѣ уступки ему этихъ мѣстъ (С. № 39). Заключая въ 1253 г. оборонительный и наступательный договоръ съ Булгарскимъ царемъ Михаиломъ Асѣномъ (С. № 16), Дубровничане подробно обозначаютъ свои границы для того, чтобы Царь, завоевавши Сербію, не вступилъ въ ихъ межу; а они обѣщаютъ отдать ему всѣ приморскіе города и церкви, которыя завоюютъ, съ тѣмъ, однако, чтобы ихъ Церковь, мать всѣмъ ихъ Церквамъ, удержала за собою все, что держала дотолѣ по старымъ книгамъ и преимуществомъ, въ городахъ, на сушѣ: епископства, монастыри, церкви, поповъ и пр. Санковичи, уступая Дубровнику Конавле и Виталину, писали въ своей грамотѣ (С. № 78): 1) поглавитые люди и бояре этѣхъ жупъ присягнутъ на вѣрѣ и душѣ, что будутъ вѣрны Общинѣ и властелямъ Дубровницкимъ; 2) если Конавляне и Виталиняне не захотятъ повиноваться Дубровнику, то Санковичи употребятъ всю силу и власть, чтобы привести ихъ снова, какъ враговъ, въ повиновеніе Дубровнику; 3) Санковичи хранятъ и защищаютъ означенныя жупы отъ всякого насилія и похищенія; 4) люди могутъ свободно переселяться изъ этѣхъ жупъ во владѣнія Санковичей и обратно изъ ихъ владѣній въ упомянутыя жупы подъ власть Общины. Сандалъ, уступая Дубровнику ту и другую половину Конавля, обѣщалъ, что будетъ беречь и защищать этѣ земли отъ всякого зла и насилія, и ни въ какомъ случаѣ не станетъ присвоивать ихъ себѣ (С. №№ 96, 98). То же обѣщалъ и Радославъ Павловичъ, когда подтверждалъ уступку, сдѣланную Сандаломъ (С. № 107), и еще прежде, при подтвержденіи записи на свой удѣлъ въ Конавлѣ, вставилъ условіе, что не приметъ въ свои земли ни одного человѣка изъ Дубровницкаго участка въ Конавлѣ (С. № 104). Ѳома Остоичъ позволялъ Дубровничанамъ строить въ подаренной имъ Драчевицкой жупѣ крѣпости въ настоящее и будущее время; и если вся эта жупа, или часть ея, достанется когда либо ему, или его подданному, то онъ обѣщаетъ возвратить ее Дубровнику не позже трехъ мѣсяцевъ (С. № 140).

Но главнымъ условіемъ уступки была плата за уступленныя земли. Уже объ ней говорилъ король Радославъ (С. № 2), что отцы и дѣды Дубровничанъ давали дары за занятыя земли. По этому кажется не чуждымъ истины свидѣтельство Аппендини, повторенное Енгелемъ[1], что между условіями договора, заключеннаго съ Неманею, Дубровничане помѣстили освобожденіе отъ дани, платимой ими за виноградники и поля, лежавшія въ Сербской землѣ (Стонѣ). Впрочемъ, при молчаніи памятниковъ, трудно опредѣлить, за что именно Дубровникъ платилъ Сербскимъ королямъ столь большія деньги. Объ этой ежегодной дани я скажу послѣ; сдѣсь приведу только тѣ случаи, которыя прямо относятся къ уступкѣ земель. Такъ, Стефанъ Дечанскій продалъ Стонскій Рьтъ за 500 перперовъ ежегодной дани, вносимой на «великій день» (Пасху), съ тѣмъ, что если Дубровничане не внесутъ ея въ назначенный срокъ, то платятъ вдвое (С. № 37). Банъ Тврьтко требовалъ, чтобы Дубровничане прислали ему 500 перперовъ за Стонъ (С. № 59). О Стонскомъ доходѣ упоминаетъ и Остоя, опредѣляя его въ 500 перперовъ, которые уплачивались въ праздникъ св. Власія, 3 февраля (по нашему календарю 11 февраля. С. № 83). Сандалъ получалъ съ Дубровника ежегодно по 500 перперовъ

[1] Gesch. d. Freist. Ragusa, стр. 86.

за каждую половину Конавля; и эта дань, 1000 перп., должна была итти всему его потомству по мужскому колѣну, а послѣ братьямъ его, Вукцу съ сыномъ, и Вуку, и ихъ мужскому потомству, исключая того времени, когда война съ Боснійскимъ, или Угорскимъ королями, или Турецкимъ султаномъ, или же съ самими Храничами, помѣшаетъ имъ владѣть этою жупою (С. №№ 96, 98). Одну половину Конавля добылъ себѣ Радославъ Павловичъ и, видя, что она уже уступлена Дубровнику Сандаломъ, подтвердилъ эту уступку; но выговорилъ себѣ за нее ежегодной дани 600 перперовъ, которые должны были итти послѣ него сыну его, Иванишу, и дальнѣйшему потомству, сначала по мужской линіи, потомъ по женской, и наконецъ къ ближайшимъ родичамъ, како црькь нодас; но въ случаѣ войны съ кѣмъ либо изъ сосѣднихъ государей, или съ самимъ родомъ Яблановичей, дань прекращается впредь до возстановленія мира (№ 107). Дѣйствительно, мирясь съ Дубровничанами, Радославъ Павловичъ, въ своей грамотѣ, прощалъ имъ ту часть дани, которая приходилась на время войны (С. № 114).

Образъ внѣшнихъ дѣйствій Дубровника рѣзко отличалъ его отъ сосѣднихъ государствъ. Дубровникъ велъ обширную торговлю не только съ внутренними землями Ѳракійскаго полуострова, но и съ другими странами, какъ-то: Италіею, Сициліею, Испаніею, Греціею, Александріею, Левантомъ и пр.; сверхъ того онъ имѣлъ постоянные сношенія съ Венеціею, оказывавшею сильное притязаніе на Далмацію. Подобная торговля должна была развить внѣшнюю дѣятельность Дубровника и поставить ее въ уровень съ дѣятельностію Венеціи и другихъ искусныхъ въ этомъ дѣлѣ государствъ. Что касается до отношеній Дубровника къ сосѣднимъ городамъ Далмаціи, то онъ стоялъ выше ихъ и умѣлъ упрочить свою самобытность, между тѣмъ какъ эти переходили попеременно то къ Венеціи, то къ Угріи; онъ стоялъ несравненно выше Сербскихъ и Боснійскихъ владѣтелей, которымъ успѣлъ внушить уваженіе къ себѣ и дать почувствовать свою необходимость для нихъ; Угорскіе и Турецкіе государи, равномѣрно, уважали его и не отваживались посягать на его независимость. Когда переговорами и деньгами, а когда и оружіемъ, Дубровникъ умѣлъ отдѣлаться отъ приходившихъ на него Босийскихъ владѣтелей и, еще болѣе, Турецкихъ пашей. Такимъ образомъ до самыхъ позднѣйшихъ временъ оставался онъ ни отъ кого независимымъ.

Чувствуя свое достоинство, Дубровникъ всегда старался заключать выгодные и сообразные съ своимъ значеніемъ договоры. Старые договоры были для него выгоднѣе новыхъ, ибо въ старину неразвитость внѣшнихъ отношеній и торговли у сосѣднихъ государствъ обращала всѣ выгоды на его сторону. Отъ того съ каждымъ новымъ владѣтелемъ Дубровникъ спѣшилъ возобновить старый договоръ, что приносило ему двоякую пользу: во первыхъ, соблюденіе старыхъ выгодныхъ условій, во вторыхъ, упроченіе миролюбивыхъ отношеній, весьма нужныхъ для его торговли. Въ подобныхъ договорахъ частыя ссылки на «старый законъ» и указанія на договоры «отца и дѣда», или «родителей и прародителей», на постановленія «прежней господы Сербской и Боснійской» и т. д. свидѣтельствуютъ, что Дубровничане повторяли старые, выгодные для нихъ уклады и избѣгали новыхъ. Въ послѣдствіи мы видимъ, что они только переписываютъ старую грамоту и даютъ на утвержденіе новому владѣтелю. Такъ, на пр., грамота Милутина, 1281 года (С. № 31), есть повтореніе договора, заключеннаго съ Дубровникомъ пять лѣтъ назадъ (С. № 24); грамота Уроша V, 1357 г., 25 апр. (С. № 50), есть не что иное, какъ списокъ съ гр-ы Душана 1349 г., 20 сент. (С. № 43). Такъ въ гр-хъ Вука Бранковича,

1387 г., 20 янв. (С. № 73), деспота Стефана Лазаревича, 1405 г., 2 дек. (С. № 90), Григорія, Юрія и Лазаря Вуковичей, 1405 г., 29 дек. (С. № 91), Юрія Бранковича, 1428 г., 13 дек. (С. № 111), и его же, 1445 г., 17 сент. (С. № 137), почти дословно переписаны одни и тѣ же судебныя разбирательства въ сношеніяхъ съ Дубровничанами. Есть цѣлыя грамоты, которыми владѣтели, не упоминая ни о какихъ условіяхъ, иногда повторяя только количество ежегодной дани и названіе уступленныхъ земель, подтверждаютъ вообще прежніе договоры (увѣты), записи, права и преимущества своихъ предшественниковъ. Тогда извѣстно было, въ чемъ состояли основные уклады Сербскихъ владѣтелей съ Дубровникомъ, и по тому въ подобныхъ подтвердительныхъ грамотахъ не считалось нужнымъ повторять ихъ постатейно. Обыкновеннымъ въ такомъ случаѣ выраженіемъ, подъ которымъ знали, чтò разумѣть, было слѣдующее: **како да бисмо ми по обичаю речене господе** (поименованныхъ предшественниковъ) **нимь подтврьдили и установитили кръпко прьвихъ** (предковъ) **нашихъ слободьщине и законе и увѣте и повеляние и писание.** Это выраженіе показываетъ, что таковъ былъ обычай всѣхъ вступавшихъ на престолъ Сербскихъ владѣтелей. Таковы подтвердительныя грамоты великаго князя Хлумскаго Андрея, 1248 года (С. № 15), короля Вукашина, 1370 г., 5 апр. (С. № 62), Вука Бранковича (С. № 69), королей: Дабыши и супруги его, Елены, 1392 г., 17 іюля (С. № 81), Остои Кристича, 1399 г., 5 февр. (С. № 85), его же, 1409 г., 4 дек. (С. № 92), Стефана Остоича, 1419 г., 5 марта (С. № 95), Тврьтка Тврьтковича, 1421 г., 18 авг. (С. № 103), Өомы Остоича, 1444 г., 3 сент. (С. № 136), Стефана Томашевича, 1461 г., 23 ноября (С. № 150). Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ (С. №№ 81, 85, 95, 103) прямо указывается на грамоту перваго Боснійскаго короля Тврьтка, 1378 г., 10 апр. (С. № 66), какъ на основную. Особая политика Боснійскихъ королей, старавшихся привязать себя къ роду собственно-Сербскихъ владѣтелей, чтобы тѣмъ упрочить за собою какъ свой престолъ, такъ и нѣкоторыя Сербскія земли, много способствовала Дубровнику къ поддержанію съ Босною прежнихъ укладовъ, бывшихъ у него съ королями и царями Сербіи. Признавая Боснійскихъ королей законными наслѣдниками Боснійскаго и Сербскаго престоловъ, Дубровникъ тѣмъ самымъ какъ бы обязывалъ ихъ повторять уставы своихъ предшественниковъ, и именно прежнихъ Сербскихъ владѣтелей. По этому въ грамотахъ Боснійскихъ королей мы не находимъ ничего существенно новаго какъ о торговлѣ, такъ и о судебныхъ разбирательствахъ. Въ большей части изъ нихъ встрѣчаемъ выраженія о послахъ: **и принесоше записаніа родитель и прародитель краљевства ими**, или: **успоменуше за законе и увѣте кое су имали** и т. п. Важнѣе многія государственныя условія, о которыхъ скажу послѣ. Но и въ чрезвычайныхъ договорахъ, имѣвшихъ основою какое нибудь государственное событіе и относившихся къ извѣстному времени и случаю, часто попадаются, между прочими условіями, общія выраженія въ родѣ слѣдующаго: **потврьгѹю и подкрѣплѣю све повеле и свободе и законе и обѣте кои су биле сь прѣгномь господомь босьньскомь и срьпьскомь**[1]. До какой степени Дубровничане дорожили старыми выгодными договорами, видно изъ того, что, заключая союзъ съ Михаиломъ Асѣномъ, они выговаривали себѣ право оставаться съ Сербіею въ прежнихъ укладахъ, хотя бы Сербія и была завоевана имъ: **да стоимо. су-**

[1] Ср. С. NN 55, 57, 66, 71, 77, 89, 107, 114, 120, 132, 133, 140, 144, 145 и мн. др.

сеие. ꙁемли. и градь. срьбске. и поморьске. кь онехь. ꙁаконехь. кое. смо. имели сьними (съ ними). прѣжде. годищь. петьнадесете. кои сꙋ и сьмали. досега.... и оновьꙁи. ꙁаконь. кои е. есть. ѿь кꙋмерека (откупъ). сольскии. медꙋ. краль. срьбски и градь. дꙋбровьчки. да. дрьжи. стоти. цр҃ство. (С. № 16). Дошедшая до насъ грамота Боснійскаго бана Кулина, 1189 года, и другая Нинослава, 1236 г., упоминающая о договорѣ съ Кулиномъ, равно какъ встрѣчающіяся въ грамотахъ Владислава и Уроша I извѣстія о договорахъ съ ихъ «отцомъ» и «дѣдомъ» (С. №№ 3, 7, 17, 21, 26) и о «старомъ законѣ» (С. №№ 4, 15, 16, 19, 20) свидѣтельствуютъ, что еще при великомъ жупанѣ Неманѣ Дубровничане входили въ уклады съ разными Сербскими владѣтелями. Впрочемъ, въ грамотахъ Уроша I ссылаются только на его отца, изъ чего можно заключить, что бо̀льшая часть укладовъ и точнѣйшее опредѣленіе торговыхъ и судебныхъ отношеній возникли при Стефанѣ Первовѣнчанномъ. Изъ другихъ источниковъ извѣстно, что еще въ IX ст. Дубровникъ началъ свои договоры съ жупанами Травунскими и Хлумскими. Если вспомнимъ количество дошедшихъ до насъ грамотъ, и по немъ сдѣлаемъ заключеніе о количествѣ грамотъ утраченныхъ, о которыхъ сохранилось только извѣстіе въ грамотахъ уцѣлѣвшихъ, и тѣхъ, которыя пропали безъ вѣсти, то мы поймемъ, съ какимъ стараніемъ Дубровничане поддерживали свои миролюбивыя сношенія съ сосѣдними государями, даже Турецкими султанами, и какъ ревностно учащали свои договоры съ ними, чтобы чрезъ то упрочить свою торговлю и независимость. Рядъ Дубровницкихъ грамотъ тянется отъ древнѣйшихъ временъ чрезъ все поприще самостоятельной жизни Сербіи и Босны до самого конечнаго паденія этѣхъ державъ. Не съ одиѣми вѣнчанными особами договаривались Дубровничане, но и съ знатнѣйшими боярами и сосѣдними землевладѣльцами. Въ этомъ ряду грамотъ есть и Турецкія — задатокъ тѣхъ сношеній, которыя начинались между Дубровникомъ и Турціею; но, къ несчастію, остались намъ неизвѣстными.

Въ сношенія съ Сербскими владѣтелями Дубровничане входятъ, какъ равные въ равными. Они именуются «пріятелями, сродниками и братьями, вѣрными, любимыми, почтенными» и пр. Въ грамотахъ своихъ Сербскіе владѣтели постоянно ссылаются на «пріязнь, любовь, дружбу, вѣрность, послуженіе, почести и дары», бывшіе у Дубровничанъ съ ними и ихъ предшественниками. Съ своей стороны Дубровникъ всегда обязывался оказывать владѣтелю надлежащую «господскую почесть», какую оказывалъ его предшественникамъ.

Какъ городъ торговый, Дубровникъ старался всегда быть въ мирѣ со всѣми и постоянно наблюдать невмѣшательство. Отъ того въ сношеніяхъ съ Сербскими владѣтелями онъ выговариваетъ себѣ право держать у себя ихъ враговъ, но съ тѣмъ, чтобы эти послѣдніе уже не выказывали болѣе своихъ враждебныхъ намѣреній (С. №№ 3, 12. 26). Какъ сильный, богатый и всѣми уважаемый городъ, Дубровникъ былъ открытъ для всѣхъ, договаривался со всѣми; и противники не роптали на него за то: въ случаѣ несчастія, тотъ, или другой находилъ въ немъ убѣжище. Радославъ, супруга короля Владислава и Владиславъ, сынъ Косачи, жили въ немъ (С. №№ 2, 12, 132). Короли Владиславъ и Урошъ I, Боснійскій банъ Стефанъ, Хлумскій жупанъ Радославъ, король Твртко I, Вукъ Бранковичъ и многія другія лица, опасаясь гибельныхъ переворотовъ, заранѣе выговаривали себѣ безопасное убѣжище въ Дубровникѣ (С. №№ 3, 14, 19, 26, 76, 77). Съ своей стороны Дубровничане обѣщаютъ принимать ихъ съ надлежащими почестями и беречь не только ихъ самихъ, но и женъ,

дѣтей, бояръ и все имущество; а въ случаѣ отхода, провожать (С. №№ 3, 76, 77)[1]. Исторія представляетъ много случаевъ того, что знатные изгнанники находили себѣ безопасное убѣжище въ Дубровникѣ: но мы ограничиваемся сдѣсь нашими грамотами[2]. Таково было общее правило Дубровника относительно изгнанниковъ. Но иногда это правило дополнялось нѣкоторыми подробностями. Такъ Урошу I они обѣщали, что если онъ съ людьми своими придетъ въ ихъ городъ, то жито и вино не вздорожаютъ для него, а будутъ продаваться, какъ продаются гражданамъ (С. № 26). Такъ Радославъ Павловичъ требовалъ, что если ему, или сыну его, Иванишу, случится быть въ ихъ городѣ, то, по праву гражданства: **да бꙋде ꙋ миѣ ꙋ воеводи радославꙋ и ꙋ сн҃ꙋ ми кнезꙋ иванишꙋ властелинь и кнезь и вѣкинь и сꙋдьи како ꙋ коемь годѣ властелю дꙋбровачцихь дрꙋгою на десете** (С. № 107). Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ Дубровничане, кажется, нарушали свое невмѣшательство. Такъ, въ договорахъ съ Владиславомъ (С. № 3) и Михаиломъ Асѣномъ (С. № 16) они обязываются имѣть общихъ друзей и враговъ, а послѣднему, сверхъ того, обѣщаютъ не принимать къ себѣ ни Уроша, ни брата его, Владислава, ни ихъ родичей, ни друзей, ни властелей, и не слушать ихъ наущеній. Съ королемъ Тврьткомъ I они заключили довольно странное условіе, которое показываетъ, что не всегда невмѣшательство ихъ могло устоять противъ напора государственныхъ бурь. Въ это время они признавали верховную власть Угріи, и именно, королевы Маріи, противъ которой дѣйствовалъ Тврьтко въ союзѣ съ баномъ Хорватомъ и другими недовольными: по этому, заключая съ Тврьткомъ договоръ, они объявили, что Тврьтко можетъ свободно прійти и безопасно проживать въ ихъ городѣ съ семействомъ, людьми и имуществомъ; но если Марія освободится изъ плѣна и будетъ преслѣдовать его, а онъ на ту пору случится въ Дубровникѣ, то они не будутъ держать и защищать его, а дадутъ ему срокъ къ безпрепятственному оставленію ихъ города, или если онъ случится внѣ города, то они не впустятъ его къ себѣ (С. № 77). Между тѣмъ это не мѣшало имъ называть Тврьтка своимъ «искреннимъ союзникомъ и другомъ» и не покидать дружбы съ нимъ «ни за какія блага міра и ни за какой страхъ, или обѣтъ». Принявъ къ себѣ Вука Бранковича съ семействомъ, Дубровничане позволили ему построить въ ихъ городѣ православную церковь (С. № 76). Вообще для Дубровника было весьма выгодно присутствіе знатныхъ бѣглецовъ, которые обыкновенно приносили съ собою все свое имущество, много денегъ и вещей, и приводили своихъ сторонниковъ: отъ того количество потребленія увеличивалось, а съ нимъ вмѣстѣ росли промышленность и богатство города.

Обычныя государственныя условія договоровъ были слѣдующія. Обѣ стороны хранятъ вѣчный миръ, братство и дружбу, стоятъ взаимно въ искренней сердечной вѣрѣ и правдѣ безъ всякого злаго умысла и ухищренія до конца жизни (С. №№ 1, 9, 14, 27, 60, 64, 69, 77, 82, 89, 104, 107, 132, 166); соблюдаютъ единство мысли и чувства и составляютъ одинъ домъ (С. №№ 3, 57, 58, 61, 79, 104); ни за страхъ, ни за совѣтъ и мольбу, ни за какія блага не покидаютъ взаимной дружбы (С. № 77). Дубровникъ старался болѣе выговаривать условій для себя, чѣмъ давать ихъ: это объясняется его осторожною и миро-

---

[1] Особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи гр-а N 76.

[2] Число лицъ, искавшихъ и находившихъ себѣ убѣжище въ Дубровникѣ, удвоится, или утроится, если къ нашимъ грамотамъ присоединимъ и другіе источники.

любивою политикою. Владѣльцы сосѣднихъ земель не могли столько опасаться его, сколько, на оборотъ, онъ долженъ былъ страшиться различныхъ внутреннихъ потрясеній и войнъ у сосѣдей, которыя часто отзывались невыгодно на его торговлѣ. По этому, заключая договоры съ обоими противниками въ одно и то же время, онъ старался оградить себя такими условіями, которыя ни въ какомъ случаѣ не нарушали бы его мира. Какъ городъ по преимуществу мирный и торговый, онъ не терпѣлъ переворотовъ, и условія были нужны ему, а не другимъ. Въ договорахъ Дубровникъ требовалъ, чтобы союзники помогали и благопріятствовали ему, хранили и защищали городъ, людей и землю (С. №№ 1, 14, 20, 60, 64, 66, 77, 104, 107, 141, 168): особенно обязательнымъ было это условіе для тѣхъ, которые получили въ Дубровникѣ право гражданства. Людямъ и войскамъ не позволять тревожить Дубровника и людей его, ходящихъ по чужимъ владѣніямъ (С. №№ 20, 21); ни за страхъ, ни за благо, ни по наговору злыхъ людей не покидать города и не вредить ему, его людямъ и землямъ (С. №№ 2, 16, 57, 96, 98, 104, 107, 132); дозволять свободное и безопасное хожденіе Дубровницкимъ людямъ съ товарами и безъ товаровъ и для переговоровъ какъ по своимъ землямъ, такъ и чрезъ свои земли, изъ Дубровника и въ Дубровникъ (С. №№ 5, 14, 15, 20, 22, 72, 80, 100, 101, 102, 111, 132, 137); не соединяться со врагомъ и не ходить съ нимъ на Дубровникъ (С. №№ 4, 15, 20, 60); извѣщать объ опасности, грозящей Дубровнику (С. №№ 20, 27, 60); и, въ случаѣ войны, давать знать ему за нѣсколько времени впередъ, для того, чтобы люди его могли съ имуществомъ и семействомъ возвратиться изъ непріятельскихъ земель въ свой городъ (С. №№ 17, 24, 31, 43, 50, 55, 72, 73, 91, 111, 137, 144, 145). Срокъ этотъ былъ различенъ: Милутинъ давалъ 3 мѣсяца (С. №№ 24, 31), Стефанъ Душанъ, Урошъ V и деспоты давали 6 мѣсяцевъ (С. №№ 43, 50, 73, 91, 111, 137), Яблановичи столько же (С. № 145), Стефанъ Вукчичъ Косача назначалъ для того 3 мѣсяца (С. № 144), Юрій Балшичъ Зетскій только недѣлю (С. № 72). Союзники Дубровника не заключаютъ мира съ его врагомъ безъ его вѣдѣнія и согласія, и если уже мирятся, то и городъ должны помирить съ нимъ (С. №№ 16, 132, 140, 141); кровопролитія, обиды и насилія, бывшія во время войны, прощаются и предаются забвенію (С. №№ 89, 100, 101, 102, 114, 144). Рѣдко Дубровничане высказывали какія либо условія съ своей стороны, но многія изъ условій подразумѣвались. Такъ, на пр., они обѣщали, что городъ ихъ будетъ открытъ князю и людямъ Хлума (С. № 19); но таковое обѣщаніе, кромѣ чрезвычайныхъ событій, имѣло силу всегда и для всѣхъ, ибо черезъ это усиливалась ихъ торговля. Равнымъ образомъ права торговли и невмѣшательства, а еще болѣе желаніе пріобрѣсти себѣ общую довѣренность заставляли Дубровничанъ хранить и защищать чужеземцевъ, приходившихъ по торговлѣ, или за чѣмъ либо другимъ, въ ихъ городъ и округъ, хотя только разъ высказано было ими это условіе (С. № 19). Что же касается до условій, нарушавшихъ невмѣшательство города, то Дубровничане никогда не давали ихъ ни одному изъ своихъ союзниковъ, и не вмѣшивались въ чужія распри: въ этомъ отношеніи они были весьма осторожны. Такъ, на пр., заключая союзъ съ Радославомъ Хлумскимъ, они не обѣщаютъ воевать за него, между тѣмъ какъ онъ обязуется воевать за нихъ съ Урошемъ I (С. №№ 19, 20). Исключеніе составляютъ тѣ случаи, когда отъ взаимной распри сосѣдей страдали ихъ собственныя выгоды, или когда ихъ самихъ затрогивали: тогда они склонялись на ту, или другую сторону и объявляли войну, уже какъ обиженные, стоя

на первомъ мѣстѣ и ища себѣ союзниковъ. Тогда заключался оборонительный и наступательный союзъ, и Дубровничане обязывались давать помощь своимъ союзникамъ на морѣ и на сушѣ (С. №№ 3, 16, 88). Разумѣется, что они обязывались защищать и тѣхъ владѣтелей, которые были гражданами ихъ города, какъ, на пр., Яблановичей (С. № 107). Находимъ еще условіе, что они не станутъ подучать и подсылать на своихъ союзниковъ ни враговъ ихъ, ни враждебныхъ имъ грамотъ (С. №№ 8, 12).

Не съ одними Сербскими и Боснійскими владѣтелями были у Дубровника договоры: онъ сносился и съ другими сосѣдними владѣтелями. Наши грамоты указываютъ на близкія его сношенія съ Юріемъ Кастріотомъ Скандербегомъ, который имѣлъ свои денежные вклады въ ихъ городѣ (С. № 148) и давалъ знать имъ о движеніяхъ Турецкаго войска. «Царь идетъ на насъ», писалъ онъ имъ въ грамотѣ своей изъ Лѣша (С. № 149). Также Турецкіе паши имѣли съ Дубровникомъ частыя сношенія. Алибегъ Павловичъ писалъ Дубровничанамъ: ꙗа (я) ѣю (хочу быть) вамь право а ни ка мнѣ како вамь е угодно господство (С. № 75). Особенно частыми сдѣлались эти сношенія, когда Турецкія владѣнія прикоснулись къ Дубровницкимъ. Султанъ посылалъ своихъ пашей разрушить деревянный городокъ, построенный Дубровничанами на Неретвѣ, и вытребовать у нихъ расписки (хужеты) въ возвращеніи Влатку и Стефану Храничамъ вклада, положеннаго ихъ отцомъ, Стефаномъ Косачею (С. № 164). Въ Порту ходили Дубровницкіе послы, какъ видно изъ грамотъ С. №№ 113 114, и султаны посылали въ Дубровникъ по разнымъ дѣламъ свои грамоты. Въ одной изъ таковыхъ (С. № 113) Мурадъ даровалъ Дубровнику защиту отъ сосѣднихъ владѣтелей и его купцамъ право торговли въ Турецкихъ земляхъ, 1430 г., 6 дек.; въ другой (С. № 168) султанъ Магомедъ подтвердилъ грамоту Мурада и опредѣлилъ ежегодную дань, которую долженъ былъ платить Дубровникъ, 1480 г., 7 мая; въ третьей (С.-Д. М. 1851) султанъ Баязидъ проситъ Дубровничанъ дать его послу, отправленному въ Венецію, корабль для переѣзда черезъ море туда и оттуда, 1492 г., 13 дек.; въ четвертой (С. № 173) тотъ же султанъ заставляетъ Дубровникъ вносить по прежнему извѣстную плату въ Сербскіе монастыри на Аѳонѣ, около 1500 г. Царица Мара, дочь Юрія деспота, супруга Мурада II, была въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Дубровникомъ, даже во время царствованія Магомеда II, удалившаго ее въ Ежево (близъ Аѳона). Мы имѣемъ отъ этого времени четыре грамоты Мары. Въ одной изъ нихъ она извѣщаетъ городъ, что его послы были у нея и что она подтвердила городу старинную дружбу своихъ предковъ, а о прочихъ дѣлахъ передала посламъ на словахъ (С. № 166); въ другой сѣтуетъ на Дубровницкихъ пословъ, которые не завернули къ ней по обыкновенію, когда шли въ Порту, «что ей было весьма прискорбно». Эту грамоту, вмѣстѣ съ нѣкоторыми устными порученіями, она передала посламъ, нарочно прибывшимъ къ ней по этому случаю съ особою грамотою и извиненіемъ (С. № 167).

Въ вознагражденіе за земли, полученныя отъ Храничей и Яблановичей, Дубровничане подарили этимъ двумъ родамъ дворцы въ своемъ городѣ. Уже прежде Сандалъ Храничъ имѣлъ въ Дубровникѣ дворецъ, какъ видно изъ его грамоты (С. № 96), но, уступивъ Дубровнику свою половину въ Конавлѣ, получилъ еще другой дворецъ близъ его перваго дворца (С. № 96); наконецъ, когда уступилъ Дубровнику и остальную половину Конавльской жупы, тогда Дубровничане подарили ему и третій дворецъ, бывшій, какъ говоритъ Сандалъ «нашихъ властелей Вукасовичей, а потомъ монахинь св. Маріи отъ

Ангеловъ, редомъ съ этимъ монастыремъ» (С. № 98). Эти слова Сандала свидѣтельствуютъ, между прочимъ, что въ Дубровникѣ находились дворцы Хлумскихъ властелей. Дубровничане обязались отдѣлать великолѣпно всѣ три дворца и утвердить ихъ за родомъ Храничей на вѣчныя времена, такъ что они не отойдутъ отъ этого рода ни черезъ войну, ни черезъ что либо другое на свѣтѣ. Также точно Радичъ Павловичъ Яблановичъ, за уступку своего удѣла въ Конавлѣ, получилъ отъ Дубровничанъ дворецъ, бывшій протовистіара Жареты, на тѣхъ же самыхъ условіяхъ, именно, чтобы дворецъ этотъ былъ отдѣланъ и украшенъ, какъ слѣдуетъ, да есть на видѣнье єрь есть гнѣздо полача, и чтобы постоянно оставался въ родѣ Яблановичей, сначала въ мужской линіи, потомъ въ женской, наконецъ въ ближайшемъ къ нимъ родѣ, како кръвь подае. Ни война, ни что либо иное, не можетъ быть причиною къ отчужденію этого дворца отъ рода Яблановичей, которые владѣютъ имъ вполнѣ и могутъ безпрепятственно, кому хотятъ, продать, заложить, или подарить (С. № 107). Вмѣстѣ съ дворцами какъ Храничи, такъ и Яблановичи получили часть земли во владѣніяхъ Дубровника на тѣхъ же самыхъ условіяхъ, какъ и дворцы. За каждый изъ удѣловъ своихъ, уступленный Дубровнику въ Конавлѣ, Сандалъ съ своимъ родомъ получилъ въ Дубровницкой жупѣ по баштинѣ, кое се купи за три тисуће перперь, т. е., всего двѣ баштины, стоющія 6000 перп. Изъ словъ грамотъ (С. №№ 96, 98), даше и дароваша намь, можно бы было заключить, что Дубровникъ дѣйствительно подарилъ Сандалу вышеозначенныя баштины, стоящія каждая 3000 перп., но, по моему мнѣнію, эти слова должно понимать нѣсколько иначе. Дубровникъ не подарилъ, а только позволилъ Сандалу купить въ городской жупѣ баштины, изъ коихъ каждая не превышала бы цѣнности 3000 перп. Такъ объясняется выраженіе кое се купи; цѣнность подарка не могла бы быть опредѣлена такъ положительно, или не была бы вовсе выставлена подобно цѣнности дворцовъ; но выраженіе кое се купи указываетъ именно на право покупки, и при томъ не болѣе, какъ на сумму 3000 перп. Дубровникъ имѣлъ причину не дозволять въ своей жупѣ значительныхъ покупокъ: столь богатые бояре, каковы были Храничи и Яблановичи, легко бы могли скупить всѣ Дубровницкія владѣнія, чтобы имѣть въ запасѣ убѣжище отъ Турецкаго нашествія, подобно тому, какъ Сербскіе деспоты готовили себѣ такое убѣжище въ Угріи; но тогда чужеземная стихія взяла бы перевѣсъ надъ Дубровницкою, и городское властельство было бы стѣснено въ своихъ владѣніяхъ. Вотъ по чему Дубровникъ, не могши вовсе отказать въ покупкѣ баштины Сандалу, какъ своему гражданину, и при томъ подарившему городу цѣлую Конавльскую жупу, ограничилъ, однако, эту покупку цѣнностію 6000 перперовъ. Также точно и Радославу Павловичу даны были земли, но не въ округѣ Дубровницкомъ, а въ Конавлѣ, дѣловѣ земле и петога дѣла три чести (С. № 107). Радославъ, какъ извѣстно, уступилъ Дубровнику ту самую половину Конавля, которую Сандалъ, получивши по смерти Радославова брата, Петра, уже подарилъ Дубровнику; но Радославъ, оттягавшій ее, какъ родовое наслѣдство, могъ взять и не взять ея обратно у Дубровника. Дубровницкіе послы склонили его на послѣднее и онъ подтвердилъ и «благословилъ» уступку, сдѣланную Сандаломъ. Хотя уже Сандалъ получилъ за эту уступку 500 перп. ежегодной дани, другой дворецъ и другую баштину, однако и Радославъ имѣлъ полное право требовать себѣ за нее вознагражденіе, и получилъ 600 перп. ежегодной дани, дворецъ и часть земли въ Конавлѣ. Послѣднее выраженіе грамоты я понимаю такъ, что Радославъ получилъ не 3/5 всей земли въ Конав-

лѣ, а только 3 доли изъ одной пятой части земли, что составитъ несравненно меньшее количество владѣнія. Какъ Храничи, такъ и Яблановичи получили землю на однихъ правахъ, какъ и дворцы. Ихъ баштины составляли вѣчную и неотъемлемую родовую собственность, которою они могли располагать по произволу, продавать, закладывать, дарить и пр.

Радославъ Павловичъ и Сандалъ владѣли дворцами и землями, какъ Дубровницкіе граждане. Не въ одной Венеціи записаны были гражданами многіе Сербскіе и Боснійскіе государи и вельможи[1]; но также и въ Дубровникѣ искали они права гражданства. Званіе гражданина Венеціянской, или Дубровницкой республики считалось почетнымъ. Царь Душанъ, стоя на верху своего могущества, искалъ себѣ гражданства въ Венеціи. Александръ, господинъ Канинѣ и Авлону, просилъ Дубровницкую Общину, да будетъ однимъ изъ ея гражданъ, и посылалъ за тѣмъ дѣломъ своего властелина. **И би ми хотѣние и любовь и свршише ми мои питание що поискахь. и учинише ми книгу вѣрну и запечатише печатиомь комуньскомь. и даше ю моимь властелину и досла ми ю. и о томь благодарю бога и захвалю. И того ради се зговорихь с моими властели и присегохь на стои и бжъственои евангелии ја и с моими властели. како ме поиска никола кабужикь. Како да буду ја вѣрнь дубровчанинь и приятель и с моими властели и да сьмь дрьжань дубровчанину всакому кудѣ буде мои владании и кудѣ буду ја** (С. № 61). Такова была форма дарованія и принятія права гражданства. Гражданство требовало взаимной защиты и помощи. Такъ Санко (С. № 79) жалуется, что Дубровничане тѣснятъ его въ покупкѣ у него товаровъ. **Тои** (то) **добрѣ вѣсте** (знаете) **да сьмь ја** (я) **ималь вамь вѣће** (болѣе) **е. пути** (разъ) **вамь говоре** (:) **ма дра**(**га**) **братие не вашите мнѣ цѣне учинити како власи кола** (или) **приморанину кола хьмланину јере** (ибо) **сьмь ја једань одь вась а вы сте у моемь владании колико ја** (;) **тога ми нѣсте учиниль**(ан) **нека и мнѣ цѣна бола јере** (нежели) **иному јере сьмь вашь а нека и моимь чловѣку бола цѣна јере иного чловѣка јере су ваши** (;) **тога ми нѣсте учинили да ма драга братие ако ће тои бити да ви не ћете нигдѣ трьжити јерели у моемь владании да и ја тои учиню.** Какъ гражданинъ, Санко имѣлъ право жаловаться, что Дубровничане не возвышаютъ цѣны ни ему, ни людямъ его, противъ другихъ продавцовъ; и ежели они стали покупать не у него одного, то и онъ не станетъ продавать имъ однимъ. Павелъ Радиновичъ Яблановичъ, получивъ гражданство въ Дубровникѣ, обѣщалъ за то вѣрность, дружбу и всякое пособіе городу и его торговцамъ (С. № 82). То же обѣщалъ и сынъ его, Радославъ Павловичъ (С. № 104). Властелинъ Григорій Вукославичъ поставилъ предъ Стономъ царину на дорогѣ въ Дубровникъ; но, получивъ гражданство, снялъ царину и отправился въ Дубровникъ съ благодарностію и извиненіемъ (С. № 94). Влатковичи, противники Стефана Косачи, вступая противъ него въ союзъ съ Дубровничанами и получивъ право граж-

[1] Въ Загребскомъ Архивѣ (Arkiv za povêstnicu Jugoslavensku., Knjiga I) напечатана рукопись на Италіянскомъ языкѣ, заключающая имена иноземныхъ владѣтелей, бывшихъ гражданами Венеціи: Tutte le casate dei Signori e Forestieri aggiunti nel numero del Maggior consiglio doppo il serrarsi di guello, con tempo e coi Dogi, sotto de queli furono creati. Между ними находимъ имена королей Боснійскихъ: Стефана Тврьтка (1386), Дабыши (1391), Тврьтка Тврьтковича (1404), воеводы Сандала Хранича (1410), Вукца и Вука, братьевъ его, и Стефана Вукчича (1422), деспота Юрія (1435), Ѳомы, короля Боснійскаго, и Иванища, сына Радослава Павловича, (1444), Стефана, воеводы св. Савы, и сына его, Владислава (1455), Стефана Томашевича (1461), Ивана Кастріота Скандербега (1463), Ивана Черноевича, владѣтеля верхней Зети, (1470), и пр.

данства, обязуются защищать всею силою Дубровникъ, его князя и владѣнія; если же не придутъ на помощь городу, то будутъ подъ гнѣвомъ его, какъ и другіе властели (С. № 141). Съ своей стороны Дубровникъ обѣщалъ беречь и защищать своихъ гражданъ на сушѣ и на морѣ. Объ этомъ правѣ говоритъ Радославъ Павловичъ въ своей грамотѣ (С. № 107): **и ако би се у кое време згодило тере ꙗ гнь воевода радосавь или мои снь кнезь иваниш нашли се на мори обетоваше ми кнезь властеле и вса опкина гра дубровника узети насъ у нихь дрьвнехь** (судахъ) **где се нимь буде моћи и наше натражье** (потомство) **из нихь траченье и спензу** (траты и издержки) **и привести нас всех у дубровникь и да нас не даду ни мога сна кнеза иваниша ни нашега натрашка ни едному нашему неприятелю ни за страхь ни за благо ни за ни едного чловека колю сьеган света пауе где годе у гна кралевь угрьсцихь или у кмети угрьсцихь да за нас стое собомь и своими поклисари** (послами) **како за когагоде нихь.** Другимъ важнымъ преимуществомъ гражданъ было право имѣть въ Дубровникѣ недвижимую собственность, домы и земли, какъ видно изъ примѣра Храничей и Яблановичей. Наконецъ, основываясь на словѣ «вѣчникъ», сопоставляемомъ грамотами съ словами «властель» и «гражданинъ»[1], мы имѣемъ полное право заключать, что вписанные граждане—а таковыми могли быть только знатные иноземцы—пользовались всѣми правами, какія принадлежали собственно Дубровницкимъ благороднымъ лицамъ или властелямъ, и между прочимъ правомъ подавать голосъ на вѣчѣ. Стефана Косачу Дубровничане называютъ своимъ «найпервымъ и найпоглавитымъ» гражданиномъ (С. № 157). Трудно понять, чего требовалъ Радославъ Павловичъ этими словами: **и ако би ми се по коемь времену згодило доити у дубровникь мени воеводи радосаву или ми сну кнезу иванишу да буде у мне у воеводи радосаву и у сну ми кнезу иванишу властелинь и кнезь и вѣчникь и судьи како у коемь годе властелю дубровачцихь другого на десете** (С. № 107)? Аппендини приводитъ много родовъ, которые получили въ Дубровникѣ право гражданства; всѣ они отличаются знаменитостію. Между прочими мы находимъ: Христича, Яблановича (оба короля), Котромановъ, Павловича (т. е., Радослава), Санковичей, Босиновичей, Хранича (Сандала, графа Благая и Имоты), Косачей, (воеводъ св. Савы), Влатковичей (Хлумскихъ бояръ, см. С. № 141) и Вуковичей.

Вникая въ духъ договорныхъ грамотъ, мы не можемъ не замѣтить особенности, которая обличаетъ общее свойство отношеній Дубровничанъ къ Сербіи и Боснѣ. Сербскія королевскія и царскія грамоты писаны поспѣшнѣе, короче, безъ излишнихъ ласкательныхъ выраженій и даже часто безъ всякого титула, просто: «князю, властелямъ и общинѣ» и. т. п. Это показываетъ, что Сербія была въ то время сильна собственными средствами и смотрѣла на Дубровникъ не болѣе, какъ на союзный и дружелюбный городъ, не давая ему особой важности и не привязывая себя къ его судьбѣ. Не такъ смотрѣла на него Босна. Для Боснійскихъ королей Дубровникъ являлся городомъ, котораго голосъ имѣлъ сильное вліяніе на ихъ участь. Будучи большею частію незаконными государями, и въ то же время величая себя прямыми наслѣдниками престола честныхъ родителей своихъ, государей Боснійскихъ и Сербскихъ, и обнаруживая постоянныя притязанія на владѣніе Сербіею, короли Боснійскіе нуждались въ службѣ и помощи Дубровника, который могъ или признать ихъ

[1] Ср. С. NN 104, 107, 114, 141.

таковыми, или поднять противъ нихъ многихъ честолюбивыхъ и сильныхъ бояръ. Сверхъ того, смежность владѣній, сила и богатство города должны были внушать къ нему уваженіе, а гроза съ востока постоянно указывала на него, какъ на единственное убѣжище: отъ того въ Боснійскихъ грамотахъ Дубровникъ всегда величается «владущимъ, славнымъ, почтеннымъ, узможнымъ» городомъ; съ большою готовностію припоминаются его «сердечная пріязнь, дружба, безмѣрная любовь, почтеніе, послуженіе, дары» и пр., и въ подтвержденіи всѣхъ правъ и договоровъ существуетъ замѣтная предупредительность.

Дубровникъ всегда старался заключать пожизненные договоры. «До конца жизни», «во вѣки» и тому подобныя выраженія и страшные зароки или заклинанія не нарушать мира и условій договора обличаютъ вполнѣ миролюбивое направленіе независимой общины, для которой миръ былъ необходимъ, какъ главное условіе торговыхъ успѣховъ. Миръ съ нею нуженъ былъ и для противной стороны.

Дубровникъ всегда держался той мысли, что худой миръ лучше доброй ссоры. Пока другія Европейскія государства, въ продолженіи вѣковъ, оставались при убѣжденіи, что война усиливаетъ и обогащаетъ ихъ, Дубровникъ дошелъ до высшей и счастливѣйшей мысли, что благосостояніе гражданъ зависитъ отъ спокойствія и согласія съ сосѣдями извнѣ и отъ развитія промышленности и торговли внутри государства. Эта община была по преимуществу миролюбивая. Въ ея грамотахъ видно сильное желаніе мира; всѣ ея договоры и дѣйствія клонились къ выгодамъ торговли и промышленности, составлявшимъ главную основу ея существованія.

Только въ крайнихъ обстоятельствахъ, когда дѣло шло о потери собственныхъ владѣній, и когда всѣ договоры и посредничества оставались тщетными, Дубровникъ брался за оружіе и велъ войну до перваго удобнаго случая къ примиренію. Но судьба какъ бы преслѣдовала его войнами. Самымъ началомъ своимъ онъ обязанъ войнѣ и опустошенію. Въ IX ст. онъ нѣсколько разъ отбивался отъ Сарацынъ; въ X его тревожили Венеціяне и Наречане, Булгарскій царь, Самуилъ, и императоръ Оттонъ; въ XI союзъ съ Гвискаромъ Апулійскимъ и Калабрскимъ вовлекъ его въ войну съ Алексѣемъ Комнинымъ и Венеціянами; смуты въ Хорваціи коснулись и его; въ XII онъ велъ войну съ Борисомъ, баномъ Босны, и великимъ жупаномъ Неманею[1]. Но всѣ войны оканчивались счастливо для Дубровника, и онъ выходилъ изъ нихъ съ честію и выгодными договорами. Отъ войнъ должно отличать нѣкоторыя враждебныя дѣйствія Дубровника, которыя городъ иногда позволялъ себѣ преимущественно съ мелкими владѣльцами и общинами. Причину тому должно искать въ потребностяхъ города; поводомъ же были, вѣроятно, нѣкоторыя взаимныя несогласія. Въ значительныхъ войнахъ Дубровничане всегда искали себѣ союзниковъ. Мы встрѣчаемъ въ памятникахъ XIII, XIV и XV столѣтій нѣкоторые слѣды ихъ непріязненныхъ столкновеній съ сосѣдями. По словамъ приморскаго князя Юрія, ихъ корабли, вмѣстѣ съ Венеціянскими, ходили на его городъ (С. № 10). Другой приморскій князь, Черномиръ, жалуется, что они хватаютъ и продаютъ его людей (С. № 18). Подобныя похищенія чужихъ подданныхъ мы видимъ довольно часто.

[1] См. у Аппендини, т. I, ч. II, кн. II. Я указываю на одного Аппендини, по тому что онъ пользовался всѣми предыдущими историками, и пользовался весьма осторожно. Туберъ, Рацци, Лукари, Орбини, Бандури, Рести, Дольчи, Фарлати (Колети) и мн. др. служили ему источникомъ. Енгель является послѣ него простымъ компиляторомъ.

Община Попова жалуется, что они, вопреки клятвѣ, связали ихъ властелина Радослава (С. № 11); самъ король Владиславъ предаетъ ихъ суду Божію за то, что они не держатъ даннаго слова, пустошатъ его села, хватаютъ и казнятъ его бояръ (С. № 9). Болѣе важныя несогласія видимъ при Урошѣ I. Противъ него Дубровничане входятъ въ союзъ съ Боснійскимъ баномъ, Стефаномъ, въ 1249 году (С. № 14), Булгарскимъ царемъ, Михаиломъ Асѣномъ, въ 1253 г., при князѣ Георгіи Марцелѣ (С. № 16), и Радославомъ, жупаномъ Хлумскимъ, въ 1254 г. (С. № 19). Всѣ трое обязуются защищать ихъ противъ короля Рашскаго. Подобные договоры Дубровничанъ, въ которыхъ выражено предчувствіе войны, вдвойнѣ любопытны, ибо, кромѣ торговыхъ условій, которыхъ никогда не забывалъ Дубровникъ, въ нихъ находятся и другія государственныя условія. Такъ, съ Владиславомъ былъ уговоръ, что Дубровничане, по его требованію, дадутъ ему помощь на морѣ, и за то онъ проститъ имъ всю дань того года, а купцамъ ихъ царину (С. № 3); что ни Владиміръ, ни другой какой врагъ не станетъ съ ихъ совѣта опустошать его земель (С. № 8). Урошу I обѣщали, что жена Владиславова не будетъ съ ихъ совѣта и вѣдѣнія разсылать изъ ихъ города непріязненныя ему грамоты и пословъ ни по морю, ни по суху (С. № 12). Банъ Стефанъ обязывается, въ случаѣ ихъ войны съ Урошемъ I, не дать въ обиду ни ихъ самихъ, ни ихъ имущества (С. № 14). Условія въ договорѣ съ Михаиломъ Асѣномъ суть слѣдующія: 1) имѣть общихъ враговъ и друзей; 2) Дубровникъ не принимаетъ къ себѣ короля Сербскаго, ни его родичей, ни сторонниковъ; 3) Михаилъ, заключивъ миръ съ Урошемъ, не оставляетъ и Дубровника безъ мира съ нимъ; 4) Дубровникъ помогаетъ Михаилу по возможности всѣми своими силами на морѣ, въ поморьи и на сушѣ; 5) изготовляется чрезъ двѣ недѣли съ того времени, какъ послышитъ о его вторженіи въ Сербію; 6) въ городѣ остается только необходимая стража; 7) передаетъ Михаилу всѣ приморскіе города и церкви, которыми завладѣетъ; 8) Михаилъ защищаетъ Дубровникъ въ случаѣ вторженія непріятельскаго (С. № 16). Радославъ обязуется: 1) вести войну съ Урошемъ I, когда откроетъ ее Дубровникъ; 2) всюду, гдѣ можетъ, защищать людей и имущество Дубровника; 3) стоять въ мирѣ и дружбѣ съ Михаиломъ Асѣномъ, пока стоитъ Дубровникъ; 4) нейти на городъ съ его врагами и извѣщать объ опасности, грозящей городу и его купцамъ (С. № 20). Поводомъ къ войнѣ съ Урошемъ I было, по словамъ Аппендини[1], корыстолюбіе послѣдняго и желаніе повредить возрастанію и усиленію Дубровника; а по Енгелю[2], властолюбіе Венеціянскаго архіепископа, Іоанна, хотѣвшаго распространить свою власть не только на Баръ, но и на всѣ католическія церкви въ Сербіи. Но война ограничилась одними плѣнами, ибо въ томъ же 1254 году князь Андрей Златъ заключилъ съ Урошемъ договоръ (С. № 26), въ которомъ, между прочимъ, возвращаетъ ему захваченную въ плѣнъ челядь, а Урошъ, съ своей стороны, обѣщаетъ, что бѣглецы изъ Дубровника, проживающіе въ его земляхъ, не станутъ вредить городу (С. № 21). По Аппендини, Дубровникъ обязался платить Урошу I ежегодно 2000 перперовъ за право торговли и пользованія землею. Въ грамотахъ извѣстіе объ этой дани мы встрѣчаемъ позднѣе, при Милутинѣ. Королева Елена, вдова Уроша I, обязалась извѣщать Дубровникъ о всѣхъ враждебныхъ ему замыслахъ короля Ми-

[1] Т. I, стр. 281. Но Аппендини невѣрно означаетъ 1259 г. вм. 1253.

[2] Gesch. d. Freist. Ragusa, стр. 107. У Енгеля для этой распри опредѣлено время между 1240 и 1252 годами.

лутина (С. № 27). Дѣйствительно, въ 1289 г. Милутинъ, по разнымъ причинамъ, опустошилъ Дубровницкія земли и осаждалъ самый городъ, произвелъ въ немъ голодъ, но не могъ взять его [1]. Изъ грамоты Уроша V (С. № 55), узнаемъ, что около 1362 года Дубровникъ велъ войну съ правителемъ Котора, Воиславомъ (кажется, за соль). Царь помирилъ ихъ и постановилъ: 1) убытки и кровь прощаются; 2) нѣтъ отмщенія тому, кто помогалъ Дубровнику въ этой рати; 3) всѣ плѣнные съ той и другой стороны и Которскія баштины возвращаются; 4) Царю платятся всѣ прежнія дани. Аппендини знаетъ объ этой войнѣ, но Воислава отдѣляетъ отъ Котора и дѣлаетъ его владѣтелемъ Ужицы, вмѣсто брата, Алтомана. По его словамъ, Воиславъ, графъ Ужицы, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Алтоманомъ, велъ несчастную войну съ Дубровникомъ, въ 1359 г., и снова началъ ее, когда Которцы заспорили съ послѣднимъ за соль и торговлю. Балшичи вступились за Дубровникъ, и Воиславъ, лишенный соли, примирился съ Дубровничанами [2]. Но изъ грамоты Уроша V (С. № 55) мы навѣрно знаемъ, что Воиславъ былъ владѣтелемъ Котора: по тому мы должны нѣсколько измѣнить событія и сказать, что Воиславъ, съ своимъ городомъ Которомъ, велъ войну съ Дубровничанами за соль, какъ свидѣтельствуютъ грамоты С. №№ 41 и 56, а братъ его, Алтоманъ, могъ помогать ему изъ Ужицы. Этотъ Воиславъ, дѣятельность котораго совпадаетъ преимущественно съ временемъ царствованія Уроша V, былъ, по свидѣтельству Орбини [3], сыномъ Войхны, возведеннаго въ цезарское достоинство Душаномъ. Подъ 1371 годомъ Аппендини повѣствуетъ, что Венеціяне, завладѣвшіе большею частію Истріи, осаждали Дубровникъ, но были отбиты съ помощію Тврьтка Боснійскаго. Король Остоя жестоко оскорбилъ Дубровничанъ, продавъ имъ Приморье и потомъ снова отнявши его для взятія съ нихъ вторичной платы. Въ 1404 году, 15 янв., они соединились съ Гервоею противъ короля Остоя «на его погибель, и раззореніе, и изгнаніе изъ королевства»; Гервоя обѣщалъ послать свое войско черезъ Неретву въ Хлумскую землю и тутъ объявить королемъ Павла Радишича, а Дубровникъ, съ своей стороны, обязывался сдѣлать, за одно съ Гервоею, все, что только будетъ возможно, на морѣ и на сушѣ, противъ короля Остоя и въ пользу Павла Радишича (С. № 88). Но Остоя бѣжалъ, а Тврьтко утвердилъ за Дубровникомъ Приморье (С. № 89). Когда Остоя, въ 1408 году, воротился съ Турецкимъ войскомъ, тогда Дубровничане, слѣдуя своему обычаю быть въ мирѣ со всѣми и особенно съ непосредственными сосѣдями, вошли въ договоръ съ Остоею и испросили у него новую подтвердительную грамоту (С. № 92). Такія же грамоты далъ и Стефанъ Остоичъ въ 1419 году (С. №№ 95, 97). Радославъ Павловичъ, искавшій подъ Сандаломъ своего законнаго родоваго наслѣдства, половины Конавльской жупы, захваченной Сандаломъ по соизволенію Султана, послѣ смерти Петра Павловича, имѣлъ распрю съ Дубровникомъ, по тому что Сандалъ уже успѣлъ продать эту половину Дубровнику. Въ праздникъ Рождества Христова, 1420 года, настало примиреніе: Дубровничане признали Радослава истиннымъ наслѣдникомъ отца, Павла, и старшаго брата, Петра; а

[1] Engel, Gesch. d. Freist. Ragusa, стр. 115.

[2] Т. I, стр. 294 и 295.

[3] Стр. 233, 234, 241. За неимѣніемъ подлинника, мы слѣдуемъ Русскому переводу, сдѣланному Ѳеофаномъ Прокоповичемъ подъ заглавіемъ: Книга Історіографіа и т. д. Спб., 1722 г. По свидѣтельству того же, Урошъ V имѣлъ супругою дочь Воислава. — Ср. Дюфрена, Familiae Dalmaticae et Slavonicae, гл. III, § LIX.

Радославъ укрѣпилъ за ними всѣ прежнія права и свой удѣлъ въ Конавлѣ и предалъ забвенію всякую обиду и кровопролитіе, бывшія по смерти Петра до первыхъ Святокъ (Божитя) (С. №№ 100, 101, 102). Около 1432 года Дубровникъ снова поссорился съ Радославомъ «по наговору злыхъ людей», какъ сказано въ грамотѣ, а собственно по тому, что Радославъ требовалъ двойной платы за свой участокъ въ Конавлѣ. Хотя Дубровничане и были разбиты при Лютѣ[1]; однако, при посредствѣ Твртка и Султана, примирились весьма выгодно, въ 1432 г., 25 октября. Между прочимъ Радославъ подтвердилъ за ними половину Конавля и обязался: 1) не брать обратно ранѣе двухъ лѣтъ, со дня заключенія мира, своихъ денегъ, положенныхъ въ Дубровникѣ по 5°\₀, между тѣмъ какъ прежде могъ взять ихъ во всякое время, предупредивъ только за два мѣсяца впередъ; 2) изъ дохода съ земель и дворца, подаренныхъ ему Дубровникомъ, равно какъ изъ суммы, вносимой ему ежегодно Дубровникомъ за уступленную половину Конавля, а также изъ роста съ денегъ, положенныхъ въ Дубровникѣ, не требовать той части, какая приходилась на время войны; 3) не присвоивать себѣ людей, перешедшихъ во время войны на сторону Дубровника, но освободить ихъ отъ подданства и позволить имъ ходить по своимъ владѣніямъ; 4) выпустить безъ выкупа всѣхъ плѣнныхъ; 5) выпросить у короля Твртка подтвердительную грамоту на всѣ условія настоящаго договора и извѣстить Султана о мирѣ съ Дубровникомъ. Отсюда можно заключить, что не Дубровникъ, а Радославъ прибѣгнулъ къ посредничеству Порты. Съ своей стороны Дубровникъ далъ Радославу всѣ прежнія права: 1) гражданство и дворецъ, 2) право отдавать деньги въ ростъ ихъ казнѣ, и 3) право пользоваться всѣми доходами, получаемыми отъ ихъ города (С. № 114). Когда Стефанъ Косача поссорился съ сыномъ своимъ, Владиславомъ, то этотъ послѣдній былъ принятъ Дубровникомъ и заключилъ съ нимъ союзъ, 1441 г., 15 авг., изъ котораго видно, что Косача жегъ и грабилъ городское имущество и захватилъ Конавле. Владиславъ обязался: 1) стараться всѣми силами о возвращеніи и защитѣ Конавльской жупы и, когда вступитъ во владѣніе своими землями, подарить изъ нихъ Дубровнику смежную съ нимъ окрайну; 2) не заключать мира съ отцомъ безъ вѣдома и согласія Дубровника; 3) не вступать въ размирье съ городомъ; 4) оставить по прежнему всѣ торговыя и соляныя учрежденія и пр. (С. № 132). Чрезъ десять лѣтъ Косача снова объявилъ войну Дубровнику за сына и жену, бѣжавшихъ въ этотъ городъ. Король Ѳома заключилъ наступательный и оборонительный союзъ съ Дубровникомъ, обязавшись воевать съ Косачею, и не мириться съ нимъ безъ вѣдома и согласія города; если найдетъ себѣ союзниковъ, то принять и городъ въ союзъ и пр. (С. № 140). Сильный Хлумскій родъ Влатковичей сталъ также на сторонѣ Дубровника противъ Косачи съ обѣщаніемъ не заключать съ нимъ мира помимо города (С. № 141). Въ 1454 году, 10 апрѣля, Стефанъ Косача примирился съ городомъ, подтвердилъ всѣ прежнія права и земли, спорныя дѣла подчинилъ рѣшенію суда, а всѣ убійства и взаимныя оскорбленія, бывшія во время войны, предалъ забвенію (С. № 144).

Такимъ образомъ, припомнивъ всѣ событія жизни Дубровника, мы увидимъ, что эта община была чужда той корысти, которая вовлекала Венецію въ постоянныя войны, не столько оборонительныя, сколько наступательныя. До по-

[1] Appendini, т. I, стр. 302 и 303.

слѣдней возможности Дубровникъ хранилъ миръ со всѣми ближними и дальными владѣльцами. Расчитанныя заранѣе выгоды требовали, чтобы особенно твердо держался онъ ближайшихъ своихъ сосѣдей, которыхъ владѣнія граничили съ его округомъ и отъ которыхъ онъ пріобрѣталъ себѣ земельную собственность. Но за эту же собственность онъ принуждаемъ былъ вести войну съ прежними ея владѣльцами, войну всегда оборонительную и справедливую. Далѣе никуда не проникало его оружіе. Онъ умѣлъ всегда найти себѣ союзниковъ и представить свое дѣло правымъ: отъ того войны, во время прекращаемыя его миролюбіемъ и скромными условіями, не могли никогда поколебать его могущества, но еще болѣе снискивали ему уваженія.

Нѣкогда Дубровникъ, вмѣстѣ съ остальною Далмаціею, признавалъ власть Византіи; но въ IX вѣкѣ тотъ и другая отпали отъ Византіи и устремились къ независимости. Константинъ Багрянородный, называя Греко-Далматскіе города и острова, платившіе, по распоряженію Василія Македонянина, годовую дань Хорватскому жупану, не упоминаетъ о Дубровникѣ[1]. Доселѣ Дубровникъ былъ главнымъ городомъ Далмаціи; Константинъ Багрянородный и Кедринъ, повѣствуя о войнѣ съ Сарацынами, называютъ его не иначе, какъ метрополіею. У перваго читаемъ: *ἐπὶ δὲ τῆς βασιλείας Μιχαὴλ τοῦ υἱοῦ Θεοφίλου ἀνῆλθεν ἀπὸ Ἀφρικῆς στόλος λϛ κομπαρίων, ἔχων κεφαλὴν τον τε Σολδανὸν καὶ τόν Σάμαν καὶ τὸν Καλφοῦς, καὶ ἐχειρώσαντο διαφόρους πόλεις τῆς Δαλματίας καὶ τήν τε Βούτοβαν καὶ τὴν Ῥάσαν καὶ τὰ κάτω Δεκάτερα. ἦλθον δὲ καὶ πρὸς τὴν τούτων μητρόπολιν, ἣ Ῥαούσιον λέγεται, καὶ ταύτην ἐπὶ χρόνον ἐπολιόρκουν ἱκανον*[2]. У втораго: *προχωρούντων δὲ κατὰ νοῦν τῶν πραγμάτων τοῖς Ἀγαρηνοῖς ἦλθον καὶ ὑπὸ τοῦ ὅλου ἔθνους μητρόπολιν, ἣ Ῥαούσιον λέγεται*[3]. Но съ этой поры участь Далмаціи и Дубровника разъединяется. Петръ Медвѣдь, Венеціянскій дожъ, завоевалъ Далмацію въ 995 году, но не думалъ завоевывать Дубровника[4]. Между тѣмъ, какъ Далмація проходила различныя ступени государственнаго бытія и испытывала вліяніе то Хорваціи, то Венеціи, то Византіи, пока не поддалась Угріи, Дубровникъ въ это время пріобрѣталъ бóльшую и бóльшую степень независимости. Настойчивыя войны Венеціи и морскіе разбои Наречанъ, отдаленность и нерадѣніе Византіи, а часто соперничество Венеціи съ Византіею, заставляли Дубровникъ обороняться однѣми своими силами и чрезъ то поддерживали его независимость. Въ 1080 г. мы видимъ его уже въ союзѣ съ Гвискаромъ Апулійскимъ противъ Алексѣя Комнина и Венеціянъ; въ 1172 г. тоже въ союзѣ съ Вильгельмомъ Сицилійскимъ и подъ его верховною защитою отъ Венеціянъ и Византіи. Но по смерти Вильгельма, въ 1192 г., онъ отдается подъ покровительство Исаака Ангела[5]. Во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ уже видѣнъ произволъ независимой общины. Только уже въ XIII вѣкѣ встрѣчаемъ нѣкоторыя сомнительныя отношенія къ Венеціи,

---

[1] Corp. Script. Hist. Byz. Const. Porphyrog., de Adm. Imp., c. 30, p. 147, — Stritter, II, 399.

[2] Corp. Script. Hist. Byz. Const. Porphyrog., v. III. De Thematibus, l. II, th. 11.—Stritter, II, 91. Тоже повторено имъ и въ Vita Basilii Macedonis.

[3] Corp. Script. Hist. Byz. Georg. Cedrenus, tomus alter, p. 219. Cp. Bandurii Animadv. in l. Const. Porphyrog. de Adm. Imp. Corp. Script. Hist. Byz. Const. Porphyrog., v. III, p. 344.

[4] Лучичъ (Lucius, De regno Dalm. et Croat., кн. 2, гл. IV) заимствовалъ это извѣстіе изъ Сабеллика и Дандула.

[5] Appendini, т. I, ч. II, кн. II.

которыя если не заставляютъ подозрѣвать какой либо зависимости отъ нея, то все таки набрасываютъ тѣнь на свободу государственныхъ дѣйствій Дубровника, такъ сильно отстаиваемую Аппендини противъ Венеціянскихъ историковъ. По словамъ Аппендини, отъ 1204 до 1230 и отъ 1232 до 1358 года, Дубровникъ управлялся князьями изъ Венеціянскихъ графовъ, поставляемыхъ Венеціею; эти князья присягали въ сохраненіи Дубровницкихъ законовъ, правъ и обычаевъ, а сами брали съ жителей присягу быть вѣрными Венеціи [1]. Наши источники заключаютъ слѣдующія имена князей: Крьвашъ, 1189 г., Петръ Бодеславичъ и Тудръ Крусичъ [2], 1234 г., Жани Даньдолъ (1233 — 1238), Николай Тонисто (1238 — 1240), Жани Михаилъ (de Claudus, 1244), Жани Куринъ (Квиринъ, 1248), Яковъ Дальфинъ, 1249 г., Марсилій Георгій, 1253 г., Андрей Златъ (Daurus), 1254 г., Иванъ Сторлатъ (1266 — 1268), Николай Мавриживъ (Maurocenus, 1281), Маринъ Жоргій (Жоржи, 1289); далѣе именъ не находимъ. Всѣ эти имена, кромѣ перваго и двухъ послѣдующихъ, довольно сомнительныхъ, указываютъ на свое Итальянское происхожденіе. Сверхъ того въ памятникахъ находимъ нѣкоторыя другія указанія, подтверждающія отчасти слова Аппендини. Поморскій князь Юрій пишетъ Дубровничанамъ (С. № 10): **вы вѣсте властеле кьда на ны подѫ дрѫва** (пойдутъ корабли) **ꙁаморьска и бьнеться на нашь градь: тьда ваша дрѫва поль** (подлѣ) **нихь грєдѫ на ны и мы ѹ томь немамо гнѣва на вы.** Отсюда видно, что Дубровникъ, хотя и былъ независимъ, однако, находясь подъ верховною властію Венеціи, долженъ былъ свои корабли посылать вмѣстѣ съ Венеціянскими на своихъ сосѣдей, которые не были съ нимъ въ войнѣ: только по этой причинѣ Поморцы не сердились на него. Сдѣсь Дубровникъ является невольнымъ союзникомъ. Въ договорѣ съ Михаиломъ Асѣномъ Георгій Марцелъ такъ пишется: **повеленьемь. славьнога дѫжа. бенетьчкога. кнеꙁь. града. дюбровьника.** Городъ кляпется и за прочихъ князей: **ки бѫдѫть по врѣменехь. вь дюбровьникь. похьтенію. славьнога. дѫжа. бенетскьога**, кляпеться такъ: **И ми. и дѣтьцѧ. наша.... всє. сиє. приписанье. да имамо. и хоќемо. дрьжати. сьпсающе. властьвѫ. и почеть и слѫжбє. коє смо. држани** (обязаны) **чинити. гнѫ. дѫжѫ. и ѡпькинѫ. бенетьчкои.** (С. № 16). О той же клятвѣ дожу и общинѣ Венеціянской говорятъ судьи Дубровницкіе, заключая договоръ съ Радославомъ Хлумскимъ (С. № 19). Душанъ, давши Дубровнику хрисовулъ, въ 1349 году (С. № 43), велѣлъ изготовить три списка: одинъ оставилъ у себя, другой положилъ въ Венеціи у дожа, третій отдалъ Дубровнику; но ничего этого уже не находимъ въ хрисовулѣ Уроша V, 1357 года (С. № 50), списанномъ съ хрисовула Душанова: видно, такое распоряженіе было не нужно. Дѣйствительно, по однимъ, въ этомъ же году (1357), по другимъ въ 1370 году, Дубровникъ перешелъ подъ верховную власть Угорскихъ королей. Вѣроятнѣе всего, это случилось вскорѣ послѣ 1358 года. Вотъ что говоритъ объ этомъ Туберъ: Etenim Ludovicus rex, ex quibusdam maritimae Dalmatiae urbibus Venetos expulisset, quingentos duntaxat aureos, annui census nomine, Ragusanos pendere jussit, caetera liberos et suis legibus in perpetua tum Hungarorum soci-

---

[1] Т. I., ч. II, кн. I, гл. II. Рацци несправедливо относитъ къ XII ст. (1122 г.) введеніе Венеціянскихъ ректоровъ въ Дубровникѣ. Енгель (Gesch. d. Freist. Rag., стр. 77) дѣлаетъ ему справедливое возраженіе, имѣя въ виду также Le Bret и Гебгарди, заимствовавшихъ у него это извѣстіе безъ повѣрки.

[2] Эти два имени выставлены по почищенному; сначала въ грамотѣ было написано что-то другое.

etate, in qua ad hanc diem integerrima fide permanserunt, aetatem agere permisit [1]. Завоеваніе Далматскихъ городовъ окончено Людовикомъ, какъ извѣстно, въ 1358 году, въ которомъ и состоялся знаменитый миръ съ Венеціянами. Енгель принимаетъ для этого 1358-й годъ [2]. Заключая договоръ съ королемъ Тврьткомъ, въ 1387 году (С. № 77), Дубровничане ясно выражали свою покорность Угорской королевѣ Маріи, даже во время ея плѣна. **Ѡставивьше и сьхранивьше вѣрꙋ и чьсть, племенитѣ наше госпоѥ кралицѥ марие ѹгрьскѥ:** — вотъ подъ какимъ условіемъ обѣщали они дружбу ея врагу, Тврьтку, и объявили ему, что если королева Марія, избавившись отъ плѣна, станетъ преслѣдовать его, то они не скроютъ его въ своемъ городѣ и даже не впустятъ въ свои стѣны **сьпротивь чьсть и вѣрѣ г҃ѥ наше племенитѣ кралицѥ марие ѹгрьскѥ.** Если въ послѣдствіи мы видимъ, что Дубровничане платятъ дань Турецкимъ султанамъ, то это они дѣлаютъ для того лишь, чтобы обезоружить Турокъ и получить право торговли въ ихъ земляхъ. На самомъ же дѣлѣ, они постоянно остаются подъ верховнымъ покровительствомъ Угріи до самой Мугачской битвы (1526).

Нѣкоторые Венеціянскіе историки, въ томъ числѣ Лучичъ (Люцій), хотятъ доказать, что Дубровникъ былъ подчиненъ Венеціи, какъ городъ подвластный и зависимый. Но для этого нужно было завоевать его, а онъ никогда не былъ завоеванъ Венеціею. Такъ, добровольно онъ не могъ покориться Венеціи, если и слабѣйшіе Далматскіе города не покорялись ей безъ упорнаго сопротивленія: мы знаемъ знаменитую осаду Ядра въ 1345 году и отчаянное сопротивленіе ея жителей. Дубровникъ присягалъ только на союзъ съ нею и, избирая въ свои князья ея графовъ, тѣмъ самымъ защищалъ себя отъ ея нападеній. Въ Угріи онъ нашелъ достойную ей соперницу, а потомъ, когда Турки потрясли могущество Угорской, а вслѣдъ за тѣмъ Австрійской державы, онъ поддался подъ покровительство Турціи.

Дубровникъ не зависѣлъ ни отъ Сербскихъ, ни отъ Боснійскихъ королей, но платитъ имъ ежегодную дань, вѣроятно, за земли, которыми владѣлъ. Въ послѣдствіи сюда могли присоединиться и другія статьи, на пр., право торговли, капиталы, залоги и т. п. Дань была не всегда одинакова. Владиславу Дубровникъ обязался платить ежегодно 1000 перперовъ и 50 локтей скарлату неподдѣльнаго (**чистога**) и червленаго, какой онъ самъ изберетъ; половину, т. е., 500 перп., платитъ тотчасъ, потомъ 50 локтей скарлату и наконецъ, къ Рождеству (**до божика**), остальные 500 перп. (С. № 3). Милутину платилъ 2000 перп. на Димитровъ день (С. №№ 24, 31). По свидѣтельству Аппендини [3], эту дань они уже платили Урошу I за право торговли и пользованія Сербскими землями. Та же дань платилась, вѣроятно, царямъ Душану и Урошу V. Въ междуцарствіе, по смерти Вукашина до вѣнчанія на царство Лазаря, Юрій Балшичъ, въ 1372 г., 30 ноября, овладѣлъ частью Приморья и требовалъ себѣ за нее дани, присовокупляя: (а)**ко бꙋдꙋ господарь ѡконзи земли приморскои кои ѥ ѡколо дꙋбровника да ми даю властеле дꙋбровчки доходькь аколи не бꙋдꙋ да посла за нѥ** (дѣла съ ними) **не имамь ни ѥдиного за доходькь.** Онъ не зналъ, будетъ ли еще кто царемъ въ Сербіи, и по тому писалъ надвое: **и ако тко бꙋдѥ ц҃рь г҃нь срблѥ и властелѡ и земли српскои да имь сꙋ држани властеле дꙋбровчки**

[1] Schwandtn. Scriptores rerum Hungaricarum, т. II, стр. 96.
[2] Gesch. d. Freist. Ragusa, стр. 128 и слѣд.
[3] Т. I, стр. 282.

дати имъ доходька вишеписанога (С. № 64). Слѣдовательно, онъ завладѣлъ тѣми самыми Сербскими землями, которыя, какъ смежныя, были уступлены Дубровнику за 2000 перп., что и называлось «Сербскимъ доходомъ»; но онъ завладѣлъ ими на время и ни мало не думалъ отстаивать ихъ противъ будущаго царя, а по тому и писалъ, что если въ Сербіи будетъ царь, а онъ уже не станетъ владѣть этѣми землями, то и Дубровничане не обязаны давать ему уреченнаго дохода. Дѣло окончилось тѣмъ, что Дубровничане получили отъ Юрія небольшую часть его владѣній, бывшихъ его собственностію, и платили ему какую-то дань, по чему Балша, братъ Юрія, писалъ въ своей грамотѣ, 1379 г., 20 ноября: **а их дашю и на кривꙋ рѫкꙋ да плакиꙗю како. сꙋ плакали при животꙋ брата мога гн҃а гюргꙗ** (С. № 67). Между тѣмъ еще въ 1378 году, а можетъ быть и ранѣе, весь Сербскій доходъ, 2000 перп., перешелъ къ Боснійскому королю, Тврьтку. Въ 1378 году, 10 апрѣля, Тврьтко писалъ въ своей грамотѣ (С. № 66): **да даю кралѥвьствꙋми доходькь срьбьски по ꙁаконꙋ кои сꙋ давали господе срьбьскои. такоже да даю кралѥвьствꙋми ѡ всакомь прихоґешемь димитрове дневѥ. в҃. тисꙋщи пе́пе. ѡвѣмꙁи ꙋвѣтѡ и ꙁакономь и начином. доколе дрьжи и господꙋѥ кралѥвьствоми ѡвомꙁи ꙁемлѡ приморьскѡмь трбинемь и конавлами и драчевицомь.... И ща богь не даи и слꙋчисе нѣкоѥ врѣме и не бꙋде сиꙗꙁи ꙁемлꙗ ꙋ ѡбла кралѥвьсткими трбинѥ и конавли и драчевице. Волꙗ кралѥвьствоми не сьврьши и не ѡправи вишереченога и не плати трьжць годѣ не ѡбьваровати власнии или нагее иних нѣкоꙗ утета ꙁа ѡнь доходькь да кралѥвьствоми не има питати ѡдних онога дохотка никто нии по кралѥвьствꙋми ни ѡни да сꙋ дрьжлии давати.** Вотъ основное положеніе, на которое должно упираться всякое изслѣдованіе о Сербскомъ доходѣ или дани, платимой Дубровникомъ сначала Сербіи, потомъ Боснѣ. Отсюда мы заключаемъ: 1) земли, за которыя Дубровникъ вносилъ дань, были: Конавле, Требине и Драчевица, смежныя съ его округомъ: въ нихъ онъ воздѣлывалъ для себя поля и виноградники; 2) такъ какъ этѣ земли перешли отъ Сербіи къ Боснѣ, то, вмѣстѣ съ ними, и дань, 2000 перп., перешла отъ Сербскихъ владѣльцевъ къ Боснійскимъ: отъ того Тврьтко отказывается отъ дохода, если не будетъ владѣть этѣми землями; 3) хотя собственно дань платилась за земли, но всегда, нераздѣльно съ землею, Дубровникъ пользовался еще правомъ дружбы и свободной торговли и вносилъ дань какъ бы и за это право: отъ того Тврьтко, отказывается отъ дохода еще въ слѣдующихъ случаяхъ: а) если онъ, Тврьтко, не заплатитъ Дубровницкимъ купцамъ за убытки, которые могутъ быть имъ причинены насиліемъ въ его земляхъ; б) если онъ не защититъ Дубровника и его владѣній отъ враговъ, разбойниковъ и т. п.; и, въ слѣдствіе того, в) если Сербскій доходъ понесетъ какой либо ущербъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что главнымъ основаніемъ дохода, получаемаго съ Дубровника, были земли, а потомъ право дружбы и свободной торговли. Все количество дохода простиралось до 2500 перп., изъ коихъ 2000 перп., за Конавле, Требине и Драчевицу, вносились въ день св. Димитрія, а 500 перп., за Стонъ, вносились въ день св. Власія. Эту дань, 2500 перп., постоянно выговариваютъ себѣ въ подтвердительныхъ грамотахъ короли Остоя (С. № 85), Стефанъ Остоичъ (С. № 95), Тврьтко II (С. № 103), Ѳома Кристичъ (С. № 136) и Стефанъ Томашевичъ (С. № 150); короли Тврьтко I (С. № 66) и Дабыша (С. № 81) не упоминаютъ о 500 перп., вѣроятно, по тому, что они составляли особую дань за Стонъ; но что эта дань получалась по прежнему, видно изъ того, что король

Остоя употребляетъ ее въ уплату долга, оставшагося у Дубровника на покойномъ королѣ Тврьткѣ (С. № 38). По Аппендини[1], Дубровникъ началъ платить дань Портѣ съ 1442 года, при султанѣ Мурадѣ, за то, что оказалъ защиту скитавшемуся тогда деспоту Юрію. Енгель находитъ гораздо ранѣе слѣды этой дани. По его разысканіямъ, Дубровничане обѣщали за право Левантской торговли платить 500 черв. наслѣднику умершаго въ Бруссѣ Оркана (1359), Мураду; потомъ возобновили свою дань при Баязидѣ (1399) и Магомедѣ (1414), при чемъ получили подтвержденіе старыхъ и новыя торговыя права не только въ Азіятской Турціи, но и въ Турецкихъ владѣніяхъ въ Европѣ. Въ 1445 г. дань была увеличена до 1000, въ 1451 до 1500, въ 1454 до 5000, въ 1471 до 8000, а въ 1474 до 10000 черв.[2] Въ 1480 году султанъ Магомедъ II объявлялъ своею грамотою (С. № 168), что за землю, державу и баштину, за всѣхъ людей на сушѣ и островахъ, за городъ и замки Дубровничане платили ему доселѣ 10000 черв. харача и за гюмрукъ (пошлину, царину) 2500 черв., всего 12500 черв.; но что отселѣ навсегда должны платить ему еще 2500 черв., всего 15000 черв. Болѣе этой платы не смѣетъ требовать съ нихъ никто, ни санджакбегъ, ни субаша, ни кадія, ни другой какой рабъ его Султанскаго Величества. Изгнаннымъ Турками воеводамъ св. Савы и знатнѣйшимъ Хлумскимъ боярамъ Дубровникъ отпускалъ немалое количество денегъ на содержаніе (прокинжюнь), какъ видно изъ различныхъ, дошедшихъ до насъ, расписокъ (С. №№ 162, 169, 170, 171). Деспоты уже не получали дани съ Дубровника; иначе они не преминули бы упомянуть о ней въ своихъ грамотахъ. Только доходъ отъ Стона, 1000 перп., постоянно платился Дубровникомъ Ерусалимской церкви свв. Архангеловъ по завѣщанію Сербскихъ царей. Конечно, была у Дубровника особая сдѣлка съ Боснійскими королями, царемъ Лазаремъ и деспотами Сербскими, сдѣлка, намъ неизвѣстная, по которой онъ вносилъ за Стонъ 500 перп. Боснѣ и 1000 перп. въ Ерусалимъ. О послѣднемъ вносѣ я сейчасъ скажу.

Желая упрочить доходы извѣстныхъ церквей, или монастырей, или своихъ родичей, Сербскіе владѣтели назначили имъ ежегодную сумму изъ Дубровницкой дани. Богатство и независимость города внушали довѣріе къ его капиталамъ и прочности залоговъ. Такъ, уже Душанъ изъ своего дохода, получаемаго съ Дубровника, назначилъ ежегодно на праздникъ Пасхи 500 перперовъ Ерусалимской церкви свв. Архангеловъ Михаила и Гавріила (С. № 35), и еще 500 перперовъ платы за Стонъ назначилъ храму Богородицы Синайской, какъ видно изъ подтвердительной грамоты Уроша V 1357 года (С. № 47). Самъ Урошъ V къ упомянутому доходу Ерусалимской церкви св. Михаила приложилъ, въ 1358 году, отъ себя еще 500 перп., получаемыхъ съ Дубровника, съ тѣмъ, чтобы они вносились ежегодно на Дмитровъ день. Такимъ образомъ Дубровникъ долженъ былъ платить ежегодно, въ два срока, 1000 перп. до тѣхъ поръ, пока владѣлъ Стономъ. Ежели же опустѣетъ церковь св. Михаила, то онъ вноситъ этѣ деньги Сербскимъ Аѳонскимъ монастырямъ, находящимся подъ вѣдѣніемъ монастыря пресвятой Богородицы Хиландарской, и монастырю св. Георгія, именуемому св. Павла (Г. А). Въ послѣдствіи этотъ доходъ получала султанша Мара, какъ видно изъ ея расписки 1470 года, 4 ноября, данной Дубровнику въ полученіи 500 перп. динарами Дубровницкими

[1] Т. I, стр. 361.

[2] Engel, Gesch. d. Freist. Ragusa, стр. 141, 150, 156, 171, 174, 175, 18..

или 147 червонцевъ по тогдашней стоимости одного червонца въ 41 динаръ (С. № 165), и уже отъ себя посылала деньги въ Ерусалимъ. Въ 1479 году, 15 апр., по причинѣ запустѣнія храма свв. Архангеловъ и въ силу завѣщанія Уроша V, царица Мара перевела Дубровницкій доходъ въ Аѳонскую гору вышеозначеннымъ монастырямъ. По этому случаю она посылала отъ Хиландара и св. Павла двухъ честныхъ монаховъ къ Дубровничанамъ, съ которыми они и учинили бєлєгъ ʒарадй вѣрованїа, именно червонецъ, разсѣченный на трое (Г. Б). Около 1500 года въ Порту прибыли послы отъ Аѳонскихъ Сербскихъ монастырей съ жалобою, что Дубровничане, платившіи имъ нѣсколько лѣтъ доходъ, по распоряженію царицы Мары, вдругъ перестали платить его, и уже нѣсколько лѣтъ не платятъ, по тому что «одна жена нѣкоимъ волхвованіемъ уничтожила этотъ обычай». Визирь султана Баязида, выслушавъ ихъ жалобу, послалъ грамоту Дубровничанамъ, убѣждая ихъ платить по прежнему дань Аѳонскимъ монастырямъ и грозя, въ случаѣ вторичнаго прихода въ Порту Аѳонскихъ пословъ, допустить этихъ послѣднихъ прямо предъ лицо Султана (С. № 173).

Кромѣ обычной, установленной дани, Дубровничане давали дары приходившимъ къ нимъ знаменитымъ гостямъ. Въ часто употребляемыхъ выраженіяхъ «почесть и послуженіе», которыя Дубровничане оказывали своимъ гостямъ, должно разумѣть отчасти и дары. Такъ Стефану Дечанскому они поднесли 8000 перп. и иние многие потреби бесчисление (С. № 37). Жупанъ Санко жалуется, что городъ не почтилъ его дарами: и то добрѣ вѣнте да смь приходиль прѣдь вашь градь вѣ двашь несте ми до иднє сукне почтение учинили (С. № 79). Остоя вспоминаетъ о дарахъ, которыми почтили его Дубровничане при его пришествіи къ нимъ (С. № 84). Кромѣ того, Дубровничане имѣли обыкновеніе отправлять своихъ пословъ съ дарами, особенно когда испрашивали подтвержденіе своимъ правамъ и льготамъ. О таковыхъ дарахъ владѣтели всегда отзываются съ благодарностію и называютъ ихъ «многоцѣнными и почетными [1]».

Торговля была главнымъ занятіемъ Дубровника: ею пріобрѣталъ и поддерживалъ онъ свою силу, богатство и независимость; чрезъ нее возвысился онъ надъ прочими Далматскими городами и снискалъ себѣ общее уваженіе. За то онъ высоко цѣнилъ торговлю, которую отправляли не только горожане, но и благородные. До насъ не дошли всѣ его торговые договоры; но уже изъ дошедшихъ можемъ видѣть, какъ дорожилъ онъ торговыми льготами; даже во всѣ политическіе договоры онъ вставлялъ торговыя условія, и при каждомъ удобномъ случаѣ повторялъ ихъ.

Главнымъ основаніемъ всѣхъ торговыхъ условій было право свободной и безопасной торговли. Въ этомъ случаѣ грамота бана Кулина, 1189 года, 29 авг. (И.), служитъ какъ бы образцомъ для всѣхъ прочихъ подобныхъ сдѣлокъ: вьси дубровьчане: — писалъ Кулинъ — кире ходе: по моему владанию трьгуюке: годѣ си кто: хоке: крѣвати (имѣть пристанище): годѣ си кто мине: правовь: вѣровь правымь срьдьцемь: дрьжати е: безь вьсакое зледи: развѣ што ми кто: да своевь волеовь поклонь (подарокъ): и да имь не буде: отъ моихь: чьстьниковь: силе: и донолѣ: у мне буду: дати имь съвѣтъ: и помокь: какоре: и себѣ: коликоре моге: безь вьсега: зьлога примысла. Здѣсь въ краткихъ словахъ выставлены почти

---

[1] Ср. С. NN 49, 50, 95, 97, 100, 103, 120, 133, 150 и мн. др.

всѣ условія, какія встрѣчаемъ въ другихъ торговыхъ договорахъ; а именно: земли владѣтелей открыты для Дубровничанъ; ихъ купцы могутъ свободно и невредимо стоять, ходить и проходить по землямъ, торгамъ, городамъ, селамъ и дорогамъ союзника и пріятеля, продавать и покупать гдѣ и что хотятъ. (С. №№ 1, 2, 4, 5, 14, 19, 20, 23, 24, 25, 28, 29, 36, 42, 44, 45, 50, 54, 55, 60, 66, 67, 70, 71, 73, 80, 82, 90, 91, 100, 111, 113, 129, 132, 144, 145, 168 [1]). Это условіе распространялось иногда обратно и на Дубровникъ, впрочемъ очень рѣдко, именно въ договорѣ съ Михаиломъ Асѣномъ, 1253 г., 15 іюня (С. № 16), и Хлумскимъ жупаномъ Радославомъ, 1254 г., 22 мая (С. № 19). Вѣроятно, Сербскіе владѣтели, не понимавшіе еще важности торговли и не видавшіе ея въ своихъ земляхъ, не считали это условіе нужнымъ: тѣмъ не менѣе Дубровникъ былъ всегда открытъ для ихъ подданныхъ. Дубровничане ставятъ нѣкоторыя ограниченія въ двухъ упомянутыхъ договорахъ. Булгарскіе купцы могутъ покупать всѣ потребные для нихъ товары: золото, серебро, золотые сосуды, свиты, и все прочее, кромѣ пшеницы, которую не могутъ вывозить изъ города безъ позволенія князя. Дубровникъ былъ богатъ предметами роскоши, особенно благородными металлами, доставляемыми большею частію изъ Босны. Но хлѣба, какъ въ Дубровникѣ, такъ и въ другихъ Далматскихъ городахъ, было мало. Своего хлѣба не доставало на самое короткое время, и жители должны были привозить его не для торговли, а для собственной потребности: отъ того въ статутахъ разныхъ приморскихъ городовъ видимъ постоянное запрещеніе вывоза хлѣба; города спорятъ между собою о правѣ покупки хлѣба и, подчиняясь Венеціи въ 1420 году, выговариваютъ право свободнаго закупа хлѣба для собственнаго употребленія [2]. Такъ и Дубровничане, хотя, по словамъ Рацци, у нихъ и было иногда обиліе въ привозномъ хлѣбѣ, боялись, однако, его дороговизны и запрещали вывозъ его. Въ договорѣ съ Радославомъ Дубровничане отворяютъ свой городъ его людямъ по старому закону; онъ и люди его могутъ закупать у нихъ всякій товаръ, но не могутъ продавать и дарить закупленныхъ товаровъ врагу. Въ это время они были въ размирьи съ Урошемъ I.

Въ нѣкоторыхъ грамотахъ находимъ извѣстіе о товарахъ, которые требовали ближайшаго опредѣленія. Въ гр-ѣ Уроша I (С. № 22) сказано, что Дубровницкимъ купцамъ да не имѣтѣхе (се) безволіе месо купи: или браве. или свинине. или краво или уне годѣ. ни мале ни велике куплю; но если будетъ продаваться королевское мясо, то да се харѣчи (объявится) по всемѣ трьгѣ. да не продаю ни купѣю меса. доколе се краво прода. Милутинъ позволяетъ имъ продавать въ Бресковѣ, на королевскомъ торгу, вино безъ воды и медъ по уставленной цѣнѣ (ѹ цѣнь, С. № 30); Душанъ подтверждаетъ, кажется, то же, говоря и крьчьмѣ даносе (С. № 42), т. е, могутъ шинкарствовать въ его владѣніяхъ; въ другой гр-ѣ онъ позволяетъ имъ покупать жито въ его владѣніяхъ; и тому, кто продаетъ имъ жито, нѣтъ притѣсненія (С. № 29). Балшичи также позволяютъ имъ покупать у себя, въ Зетѣ жито съ опредѣленною пошлиною (С. №№ 67, 71). Деспотъ Юрій подтвердилъ прежніе законы относительно продажи и закупки серебра въ Сербіи и свободнаго его вывоза

---

[1] NN 113 и 168 даны Турецкими Султанами.

[2] Рейцъ, Политическое устройство и права прибрежныхъ островов и городовъ Далмаціи. Историческій и статистическій сборникъ, изданный Д. А. Волуевымъ. Москва 1846. Стр. 69 и 86.

въ Дубровникъ; но исключилъ исподъ этого закона Смедерево (С. № 138). Король Боснійскій, Стефанъ Томашевичъ, позволилъ вывозить изъ Босны серебро що е болано (не чистое, гламу?) и приказалъ отнимать запрещенное для вывоза сребро неболано (чистое? С. № 150). Вообще Дубровничане пользовались полною свободою въ выборѣ предметовъ торговли; они могли покупать все и торговать всѣмъ. Въ Боснѣ и Сербіи не было запрещенныхъ для нихъ произведеній: кромѣ другихъ, хлѣбъ и соль были предоставлены на ихъ волю, разумѣется, съ нѣкоторыми ограниченіями. Между торговыми положеніями находимъ одно, которое прямо показываетъ, что Дубровницкіе купцы пользовались преимуществомъ предъ Сербскими. Впрочемъ, это положеніе встрѣчается только въ грамотахъ деспотовъ. Тамъ сказано: и гдѣ стане дубровчанинь на станоу. ако боуде онь прьво сталь на ономзи станоу. да не волинь срьбинь стоати безь нигова хотѣнія докле онь стои ондези (С. №№ 73, 90, 91, 111, 137). Но не договорено: если Сербъ станетъ первый, тогда что? Подъ «craномъ» должно скорѣе всего разумѣть стояніе купцовъ съ товаромъ на рынкахъ. Кто пришелъ первый, тотъ и занимаетъ выгоднѣйшее мѣсто, станъ, а кто пришелъ послѣдній, тотъ не можетъ стать на томъ же стану, не получивъ позволенія отъ перваго.

Касательно перевоза товаровъ съ одного мѣста на другое, Стефанъ Косача подтвердилъ, что если Дубровничанинъ уговорился съ кѣмъ нибудь о перевозѣ товара, или чего либо другаго, то уже никто другой, ни Влахъ, ни Сербъ, не можетъ сбросить этого товара; но должно ждать, пока товаръ не будетъ доставленъ въ условленное мѣсто. Если какой Хлумскій носильщикъ (поносникь), или слуга понесетъ товаръ, или представитъ его въ условлен ное мѣсто насильно, т. е., отстранитъ Дубровницкаго перевощика, то таковой платитъ 50 червонцевъ пени (С. № 144).

Дубровницкіе купцы могли закупать товары у своихъ союзниковъ и нести ихъ въ чужія земли безопасно и невозбранно (С. №№ 17, 43, 70, 144, 145). Душанъ, сообразно съ обстоятельствами, запретилъ вывозить оружіе въ Булгарію, Басарабъ, Угрію, Босну и Грецію (С. № 43). Боснійскіе короли, владѣтели Травунскіе, Хлумскіе, Зетскіе равнымъ образомъ дозволяли свободный провозъ товаровъ чрезъ свои земли.

Союзники обязывались защищать въ своихъ земляхъ Дубровницкихъ купцовъ, благопріятствовать имъ и подавать совѣтъ и помощь. Тѣло и имущество купцовъ безопасно отъ всякого насилія. Честники, властели, кефаліи, земянины и прочіе владущіе, большіе и малые, войско, люди, кметы, отроки и другіе люди, равно какъ и султанскіе подданные не смѣютъ тревожить и притѣснять ихъ, или отнимать у нихъ что либо силою и безплатно: ни скарлата, ни меду, ни муки, ни иной какой купли (С. №№ 1, 14, 16, 17, 20, 21, 22, 28, 29, 42, 43, 44, 50, 53, 60, 64, 73, 82, 90, 91, 101, 102, 104, 111, 129, 137 153, 168). Ни самъ владѣлецъ, ни его родичи не берутъ товаровъ безденежно, но платятъ, какъ и прочіе (С. №№ 28, 43, 44, 45), развѣ сами купцы тѣмъ поклонятся (С. №№ 1, 43), и тогда это принимается отъ нихъ какъ честь и даръ. Вѣроятно, объ этихъ дарахъ говоритъ Урошъ I: И да греди сь своимь трьгомь на трьге кралевьствамн. свьше ѡ҃ кавадь дори досвиль. а що е own купила да си ю продлю, по земли кралевьствами. ходеќе свободьно (С. № 21). Душанъ, а за нимъ и Урошъ V, въ грамотахъ своихъ (С. №№ 43, 50) выговариваютъ себѣ дары отъ купцовъ: а кьда црьквн приходи у трьгь. да ме почитѣю и дарію. свою волю. како и повно цра почтати; но запрещаютъ всякій насильственный

даръ: **а поснавога дара и взетии. да имь несть.** Дубровницкіе купцы всегда освобождались отъ насильственныхъ даровъ (С. №№ 22, 28, 71, 91, 137, 145).

Сверхъ того, внутри государства, они избавлялись отъ всѣхъ земскихъ и городскихъ повинностей. Урошъ I пишетъ въ своей грамотѣ (С. № 22), что они **не ходе на конско**, и кони ихъ не берутся подъ ризницу, ни подъ другую какую работу; они не строятъ крѣпостей (**гра да не работаю**) и не защищаютъ ихъ; домá ихъ не печатаются ни королемъ, ни властелями. Въ грамотѣ Милутина (С. № 28) сказано, что съ нихъ не взимается ничего **на панигюри**, т. е., на торгу, можетъ быть, за мѣсто. Душанъ въ своей грамотѣ (С. № 42) говоритъ, что **прѣбѣгарь** не властенъ надъ ними. Деспоты Сербскіе постановляли: **и кои се св доубровчане забащинили по нашй градовѣ тизи да зигю** (строятъ) **градове и да чювают. тко ли соу гостие и несоу се забащинили да имь и на коли како имь годѣ** (С. №№ 73, 90, 91, 111, 137).

Ежели въ различныхъ недоразумѣніяхъ судъ окажется недостаточнымъ, а война неизбѣжною, то купцамъ Дубровницкимъ дается срокъ для свободнаго выхода со всѣмъ ихъ имуществомъ изъ непріятельскихъ земель (С. №№ 17, 24, 31, 43, 50, 55, 72, 73, 91, 111, 137, 144, 145). При Милутинѣ срокъ продолжался 3 мѣсяца; при Душанѣ, Урошѣ V и деспотахъ — 6 мѣсяцевъ; въ договорѣ со Стефаномъ Косачею Хлумскимъ срокъ назначенъ въ 3 мѣсяца; Яблановичи Требинскіе даютъ сроку 6 мѣсяцевъ, Балшичи Зетскіе одну недѣлю. Если послѣ опредѣленнаго срока кто изъ купцовъ оказывался въ королевской области, или въ чужой (?) землѣ, то, при Урошѣ I, у него отнимался товаръ (С. № 17): конечно, такъ дѣлалось и всегда. Не только о своей войнѣ съ Дубровникомъ владѣльцы увѣдомляли Дубровницкихъ купцовъ, но и о всякой другой опасности (С. №№ 5, 20).

За то Дубровницкіе купцы обязаны были платить владѣльцамъ торговыя деньги, пошлины или царину. На всѣхъ торгахъ взимались пошлинныя деньги за право торговли. Онѣ назывались цариною; ихъ платили и Дубровницкіе купцы. Въ этомъ состоялъ главный доходъ тѣхъ земель, гдѣ производили торговлю; и владѣтели твердо стояли за это право. Какъ важна была царина, видно изъ тѣхъ частыхъ постановленій, которыя касаются ея. Но постановленія эти трудно привести въ одно цѣлое; они разсѣяны по грамотамъ и весьма разнообразны. Они безпрестанно измѣнялись, смотря по обстоятельствамъ; и такъ какъ царина составляла важное условіе для той и другой стороны, то каждая сторона хотѣла обратить въ свою пользу. Государственныя событія имѣли сильное вліяніе на пошлину; Дубровничане искусно пользовались ими, чтобы уменьшить, или вовсе уничтожить пошлину, платимую за право ввоза, продажи и провоза товаровъ. Принявъ къ себѣ изгнанника Радослава, Дубровникъ испросилъ у него грамоту (С. № 2), въ которой, между прочимъ, его купцы были освобождены отъ всякой царины. Но при Владиславѣ царина была востановлена. Въ грамотѣ своей Дубровничане обязывались платить ему все, что слѣдуетъ по закону, и только въ случаѣ оказанія ему военной помощи, царина не взимается уже въ томъ году съ купцовъ, проходящихъ по его владѣніямъ. Царинникъ королевскій пребываетъ въ Дубровникѣ (№ 3). При Урошѣ I видимъ то же постановленіе: гдѣ, на какомъ торгу, Дубровницкіе купцы продаютъ товаръ, тамъ и платятъ царину. **И купци што несв кˇпаю ако растоварн в брьскове. да плати царинв. ако ли мимо несе да гѣ прода. тв и царинв да плати**; тотъ же для нихъ законъ и въ Рудникѣ (С. № 22). Относительно купцовъ, проходящихъ въ чужія земли, Урошъ I по-

становилъ (С. № 17), что таковые купцы должны прежде итти на Сербскіе торги и дать тутъ царину, доходећь гдѣсии, а потомъ могутъ и по Сербскимъ землямъ ходить и торговать; если не пожелаютъ стать на торгахъ, то могутъ остановиться гдѣ нибудь по близости, но во всякомъ случаѣ должны платить царину. Кажется, уже Милутинъ подтвердилъ (С. № 23), что купцы, минующіе Бресково, не задерживаются тутъ и не платятъ ничего. Дубровничане старались платить только старыя царины, на прежнихъ торгахъ, и по тому жаловались владѣтелямъ, если въ ихъ земляхъ брали съ нихъ новую царину на новомъ торгу. Такъ, при Душанѣ они жаловались, что Дабыживъ поставилъ торгъ въ Требинѣ и беретъ динарь ѿ товара (100 окъ) съ купцовъ, идущихъ въ Дубровникъ и изъ Дубровника, и что тазии царинх не взимала ѿ века ѿколе светь стаь. по чему Душанъ, вспомнивъ, что этой, царины не было при его дѣдѣ, и прадѣдѣ, и родителѣ, повелѣлъ: да не (нѣтъ) ѡногази трьга на тревинии. како га и прѣже не било и да не взима дабижикь дубровьчаком ни црине. да никогга дохѣка ни трьговцу дубровьчкому ни влаху ни срьбину да никому и кто грѣ у дубровникь иҁь (и) дубровника. и всаци властели кои те стоити (будутъ поставлены) но дабижиеѣ да не взима црине тези до века (С. № 40). Но въ другой грамотѣ (С. № 43), подтверждая свое постановленіе относительно Требиня, Душанъ повелѣвалъ: да плаќа всаки црину по закону како су давали у родитель. и прародитель црми. То же повторилъ и сынъ его, Урошъ V, въ 1357 г., 25 апр. (С. № 50). Въ 1361 г., 29 сент., Урошъ писалъ, что Дубровничане не платятъ тѣхъ царинъ, которыхъ не было у дѣда, и родителя, и предковъ его (С. № 54). Такимъ преимуществомъ пользовались Дубровничане при Неманичахъ. Балшичи простили имъ царину на Дани (С. № 63)[1]; но что въ Зетѣ были еще царины, показываетъ другая грамота Балшичей (С. № 64), въ которой прощаются только тѣ царины, которыхъ не было прежде при Балшичахъ и при царѣ Стефанѣ[2]. Еще яснѣе говорятъ Балша Балшичъ и Юрій Страцимировичъ; первый: и трьговци кои минию у срьбле на данию да не плате нища ни да плаќаю царине ни бродове кое несу имали закон у цра Стефана и у горги (Балшича); второй: да нмь не на данию царине ни едне. ни нидѣ нигдѣ у моеи земли тькмо да е ѡнакои како е било у цра у стефана (С. №№ 70, 71). Очевидно, что въ Зетѣ Дубровницкіе купцы платили только старыя царины, т. е., на старыхъ торгахъ и избавлялись отъ новыхъ. За жито они обыкновенно платили пошлины по 2 динара съ мантіи (С. № 71). Деспотъ Юрій Бранковичъ повторилъ общее положеніе о царинахъ: гдѣ не было ихъ при деспотѣ Стефанѣ, тамъ не будетъ ихъ и при немъ (С. № 138). Слѣдовательно, царины оставались въ Сербіи при деспотахъ такъ, какъ были искони при короляхъ и царяхъ. По этому деспоты писали въ своихъ грамотахъ: коуде соу били трьгове и сланице оу прьве господе и оу цра стефана тоузи да боу и сьде, а инде да не боудоу нигде (С. №№ 73, 90, 91, 111, 137). Равномѣрно, отсутствіе постановленій о царинахъ въ Боснѣ при короляхъ и краткое постановленіе Стефана Томашевича: да се взима на нѣ по закону права царина како е било и за прьве господе кралевь босаньских (С. № 153) свидѣтельствуетъ, что

---

[1] Городъ Дань лежалъ гдѣ-то въ Дуклѣ. Объ немъ упоминаетъ Стефанъ Первовѣнчанный въ Житіи своего родителя, Немани. См. это Житіе у Шафарика въ Памятникахъ (Památky dřewního písemstwí Jihoslowanůw), стр. 8.

[2] Отсюда видно, между прочимъ, что Балшичи завладѣли частью Сербскихъ земель, смежныхъ съ Зетою, во время междуцарствія въ Сербіи (1373 г.).

и въ Боснѣ царина оставалась на прежнихъ договорахъ неизмѣнно. Хотя банъ Тврьтко, доискиваясь независимости и, въ слѣдствіе того, нуждаясь въ Дубровникѣ, учинилъ «милость» Дубровницкимъ купцамъ (С. № 65): гдѣ се годѣ ѹзима цр͠ина ѹ владаньи гн͠а бана тврьтка да се никдѣрь не ѹзме ни една цр͠ина на дубровачкомь ни на ѹсмьрѣ да е все свобойо ѡда всаке цр͠ине и ѡ ѕабаве (задержки) колико кои годѣ дубровчанинь толико дубровачки, конь толико трьгь що е годѣ дубровачко да е свобͦдно ѹ владаньи гн͠а бана тврька, однако въ послѣдствіи, сдѣлавшись королемъ, онъ, вѣроятно, постановилъ царину по прежнему. Въ той же грамотѣ (С. № 65), уничтоживъ царину для Дубровницкихъ купцовъ, онъ наложилъ пошлину въ 2 динара на товары, привозимые въ Дубровникъ изъ Босны и въ Босну изъ Дубровника людьми бана, т. е., Бошняками. Стефанъ Косача, воевода Хлумскій (С. № 144), Радославъ Павловичъ и дѣти его, владѣльцы Требинскіе (С. №№ 129, 145), подтверждаютъ только старыя царины. Султаны Турецкіе, дозволяя въ своихъ завоеваніяхъ свободу торговли, требуютъ, чтобы платилась законная царина (С. №№ 113, 168). Изъ вышеприведенныхъ грамотъ Уроша I (С. № 17) и Балши (С. № 70) видно, что царина взималась и тогда, когда купцы только проходили съ товарами въ чужія земли: словомъ, она взималась, какъ съ ввозныхъ, такъ и съ перевозныхъ товаровъ. За то купецъ, заплатившій царину за право перевезенія товара въ чужія земли, могъ, если хотѣлъ, продавать этотъ товаръ и на туземныхъ рынкахъ.

Кромѣ торговой царины, въ Сербскихъ земляхъ существовали еще другія пошлины, на пр., десятины, сборы за дороги, броды, мосты, ворота, на перевозахъ, въ городахъ, на сходбищахъ и пр., что все называлось также цариною или данью. Отъ таковыхъ сборовъ Дубровницкіе купцы не были, кажется, освобождены: впрочемъ, молчаніе памятниковъ о предметахъ сбора и частыя выраженія: да ходе свободно, беѕь ѕабаве и пр. можно принимать въ доказательство противнаго. Душанъ, которому не за чѣмъ было прощать того, что было у его предшественниковъ, и который подтверждалъ всѣ старыя царины, въ той же грамотѣ (С. № 43) писалъ: да нисе не ѹѕима цр͠ина. на трьбиньи. да ни на идномь пѫти, ни на бродѹ. тькмо всаки да ходи свободно. беѕь всаке ѕабаве. Трудно рѣшить, въ какихъ отношеніяхъ стояли Дубровничане къ Михаилу Асѣну, когда заключали съ нимъ договоръ (С. № 16) противъ Уроша I; но, кажется, что въ равныхъ, какъ можно заключить изъ взаимнаго обязательства одними и тѣми же условіями. По договору, ихъ купцы были освобождены отъ всякихъ даней: да имь се. не веѕметь. коумеркь. ни никире даньe ни. вь граде. ни на сьборе. ни вь селѣхь. ни на мосте. ни на. рѣкахь. ни на. пѫтехь. Хотя то же условіе было и для Булгаръ въ Дубровникѣ, могшихъ продавать и покупать беѕь. вьсакое. даньe. и да имь се. не веѕьметь. никоре. даньe. ни на. вратехь. ни на мосте. ни на броде. ни на. пѫти., однако, очевидно, выгода была на сторонѣ Дубровничанъ. Также точно и Стефанъ, банъ Боснійскій, въ договорѣ съ ними 1249 года (С. № 14), освободилъ ихъ отъ всякой десятины и иной какой либо дани. Но уже то одно, что таковыя пошлины упоминаются въ грамотахъ, хотя бы Дубровничане и освобождались отъ нихъ, указываетъ на возможность ихъ взиманія съ Дубровничанъ. Дѣйствительно, слѣды этого сбора находимъ въ грамотахъ. Балша Зетскій освобождаетъ Дубровницкихъ купцовъ только отъ тѣхъ «царинъ и бродовъ», которыхъ не было при царѣ Стефанѣ (Урошѣ V) и братѣ Балши, Юріи, (С. № 70), слѣдовательно, другія царины и броды су-

шествовали какъ въ Зетѣ, такъ и въ другихъ владѣніяхъ Сербскихъ царей. Султанъ Магомедъ II требуетъ, чтобы Дубровницкіе купцы платили прежнюю законную царину и «бродовщину», т. е., какія были при царяхъ и деспотахъ. Бродовщина, какъ плата за перевозъ и мосты, была однимъ изъ самыхъ важныхъ сборовъ, и по тому грамоты упоминаютъ о ней одной; но вообще обширность понятія, заключавшагося въ словѣ «царина», наводитъ темноту на всѣ изслѣдованія объ этомъ предметѣ. За недостаткомъ данныхъ, трудно рѣшить вопросъ, въ какомъ отношеніи стояли Дубровницкіе купцы къ пошлинамъ, бывшимъ въ Сербскихъ земляхъ? Можно, кажется, не ошибаясь, сказать, что въ обыкновенныхъ случаяхъ, тамъ, гдѣ изъ государственныхъ событій нельзя было извлечь особыхъ выгодъ, Дубровничане платили за право торговли, не только всѣ торговыя царины, но и дорожные сборы наравнѣ съ туземцами. По крайней мѣрѣ, чтобы избѣжать противорѣчія съ грамотою Душана (С. № 43), должно принять, что въ этой грамотѣ сборъ за дорогу и броды относился только къ Требиню, и единственно отъ Требинской царины и бродовщины были освобождены Дубровницкіе купцы, какъ отъ такой, которая не существовала въ прежнія времена. Отъ того, освобождая ихъ особою грамотою (С. № 40) отъ Требинской царины, Душанъ разумѣетъ сдѣсь освобожденіе и отъ всѣхъ другихъ Требинскихъ сборовъ, установленныхъ, было, Дабыживомъ: вотъ по чему къ выраженію: да не взима ни цриие, прибавлено еще: ни когга дохоnа. Такимъ образомъ мы видимъ, что касательно царины, въ обширномъ смыслѣ, Дубровничане старались, чтобы только прежнія положенія оставались въ силѣ, и настойчиво добивались, чтобы ни въ какихъ другихъ мѣстахъ не взималась съ ихъ купцовъ царина, кромѣ тѣхъ, гдѣ учреждена была искони, въ глубокой древности. Такъ, они заставили своего гражданина, князя Григорія Вукославича, уничтожить царину, поставленную имъ подъ Стономъ на Дубровницкой дорогѣ; и онъ, узнавши, что въ грамотѣ Елены, супруги Дабыши, запрещено ставить царину предъ Стономъ, на пути въ Стонъ и изъ Стона, снялъ царину и извинился передъ Дубровникомъ (С. № 94).

Была еще царина соляная и корабельная. О первой скажу послѣ. О корабельной царинѣ говорится только въ одной грамотѣ, и то весьма неясно, именно въ договорѣ Влатковичей съ Дубровникомъ противъ Стефана Косачи (С. № 141). Влатковичи, получивъ отъ Дубровничанъ право гражданства и ставъ въ ряду ихъ союзниковъ, должны были оказать городу какую нибудь услугу. Во первыхъ, они обязались вести войну съ Косачею; во вторыхъ, сдѣлали городу уступку относительно корабельной и соляной царины. Такъ какъ они еще прежде обѣщали, что если снимутъ на откупъ корабельную царину, то половину ея отдадутъ Дубровнику, если того пожелаютъ князь и властели, съ тѣмъ, чтобы корабли стояли на прежнихъ мѣстахъ (т. е., въ тѣхъ же пристанихъ), на что и получили отъ Дубровничанъ грамоту; и такъ какъ теперь, во время войны, въ слѣдствіе различныхъ переворотовъ, сдѣлалось вѣроятнымъ, что Влатковичи, не откупая, получатъ въ свои руки корабельную и соляную царину, т. е., что имъ достанутся, по праву войны, тѣ мѣста, гдѣ сбиралась эта царина: а по тому, не желая измѣнить прежнему договору, Влатковичи обѣщаютъ, что если пріобрѣтутъ безъ откупа, какимъ бы то ни было образомъ корабельную и соляную царину, всю, или часть ея, то, исключивъ свою четвертую долю, половину остальной царины уступятъ Дубровничанамъ. Такая сдѣлка не совсѣмъ понятна; но для насъ важно то, что корабельная царина существовала въ Хлумѣ, и Дубровничане участвовали въ ея откупѣ.

Кромѣ того Дубровничане снимали еще у Сербскихъ владѣтелей соляной откупъ. Этотъ откупъ состоялъ въ томъ, что Дубровничане брались за извѣстную плату продавать соль отъ себя. Выговаривая у Михаила Асѣна (С. № 16) право впредь пользоваться откупомъ на прежнихъ условіяхъ, заключенныхъ съ Сербскими королями, Дубровничане объяснили, въ чемъ состояли эти условія и на какія земли распространялся откупъ. Вотъ ихъ слова: **а вѣдомо. де ѿь вьсе. соли. коѣ се. продае. межуе. људьмь. рашькимь. половина ѿь добитьѣ** (прибыли). **да има. с҃тоги. ц҃рство. а другу. половину. да има. ѡпьћина. дубровьчька. како. било. вь стари. ҙаконь.... а вѣдомо. ѿь рѣке. дриньске. до нерѣтьвѣ. кумеркь** (откупъ). **сольски. да несть. на ино место. раськѣ. вь дубровьникь.** Вѣроятно, на этомъ основаніи Урошъ I писалъ Дубровничанамъ, что они напрасно отказываются платить за часть откупа, снятую монахомъ Никономъ, отзываясь тѣмъ, что будто бы его соль находилась въ чужихъ рукахъ, у Клима Нырка, т. е., внѣ означенныхъ предѣловъ откупа: откупъ Никоновъ стоитъ въ Дубровникѣ, и по тому Дубровничане должны подать или соль, или деньги, (С. № 13). Въ другой грамотѣ (С. № 21) Урошъ I подтвердилъ, что откупъ (соляной) остается на прежнемъ законѣ, какъ было у отца его; но далѣе прибавилъ: **Трьжьници ваши да греду на брьсково. и давьше десетькь ѿь соли. и потола да си греду кралевьствами скроҙѣ мою ҙем҃у. свободьно. а да ви се не уҙемле нищьто,** т. е., отъ соли; но царина взималась сама собою. Это показываетъ, что Дубровничане торговали и солью въ Сербскихъ земляхъ, давши предварительно десятину въ Бресковѣ. Подъ другими условіями сняли Дубровничане соляной откупъ въ Которѣ у Воислава. Они обязались платить ему, въ продолженіи трехъ лѣтъ, ежегодно по 500 дукатовъ золотомъ съ тѣмъ, чтобы его влахи брали у нихъ ежегодно 10000 товаровъ соли; если же не возьмутъ этого количества, то и они не платятъ ему обѣщанной суммы (С. № 41). Годъ начинался съ 25 августа по старому закону (С. № 56). Главнымъ условіемъ откупа есть право одноторговли (монополіи): Дубровничане требуютъ, чтобы нигдѣ не было продажи соли, кромѣ опредѣленныхъ мѣстъ, называвшихся «сланицами». Король Тврьтко I построилъ въ Драчевицкой жупѣ градъ св. Стефана и поставилъ въ немъ сланицу **да будеть трьгь соли продаванію.** Узнавши объ этомъ, Дубровничане послали къ нему властелина, князя Драгоя, **а моле и просе да туҙи у томь мѣстѣ у граду и по̂ ѡнуамь грамь не постави сланице ни да се соль продае.... дубровникь има ҙаконе старе сь всѣми рашкими господами да у приморию не буде нигдѣре поставлень нови трьгь раҙвѣ на мѣсто гдѣ несть быль поставлень у прьвы̆ ѡбични трьгь и мѣста.** И Король уничтожилъ сланицу (С. № 68). Также точно Юрій Балшичъ подтвердилъ своею грамотою, **да се не продава соль ниьдѣ нигдѣ тьмие како е било у ц҃ра у стѣпана. По мѣстѣхь куда се е продавала.** (С. № 71). И Сербскіе деспоты утверждали торги и сланицы только на старыхъ мѣстахъ, какъ было при Душанѣ (С. №№ 73, 90, 91. 111, 137). Владиславъ, сынъ Стефана Косачи, ставъ противъ отца на сторонѣ Дубровничанъ, позволилъ своимъ людямъ ходить въ Дубровникъ торговать солью и другими товарами, т. е., покупать соль и другіе товары, и обязался не учреждать новыхъ сланицъ: **да нѣсамь волань**—писалъ онъ—**ни да могу учинити габелу ѿ продае** (продажи) **соли нигдирь у всемь нашемь котару раҙма ѿ онѝ гди су нарединa господа стара прьва босанска и срьпска а тои есть едно на дривй** (судахъ) **а друго у дубровнику третие у котару** (въ Которѣ) **четврьто у ҙети** (въ Зетѣ) **у светога срьђа** (Сергія) **на бояни** (С. № 132). Отсюда видна цѣль

Дубровничанъ: увеличить продажу соли и держать ее, по возможности, въ однѣхъ своихъ рукахъ. Вообще соль составляла важный предметъ дохода, и Дубровничане имѣли отъ нея большія выгоды. Розничная и мелочная продажа требовала большой опытности и большихъ издержекъ на чиновниковъ: отъ того выгоднѣе было отдавать ее на откупъ людямъ, свѣдущимъ въ этомъ дѣлѣ, а таковыми были Дубровничане. Но, кажется, условія, на которыхъ Воиславъ сдалъ имъ откупъ, были тяжелы для народа; ибо вскорѣ изъ грамоты Уроша V (С. № 55) видимъ, что Дубровникъ имѣлъ войну съ Которомъ и, примиряясь, Воиславъ подтверждалъ, что дѣйствительно продалъ откупъ Дубровничанамъ за 900 перперовъ (С. № 56). Народъ приморскихъ городовъ обращалъ большое вниманіе на соль. Въ позднѣйшихъ статутахъ Брача видимъ, что извѣстное количество соли должно было продаваться народу съ значительною уступкою противъ обыкновенной цѣны. Также и въ Которѣ, еще во время его независимости (до 1420 г.), изстари велось, что 608 модіевъ соли должны быть розданы народу (безденежно), а кто, имѣя право на продажу соли, поступалъ не по закону, тотъ платилъ 500 перперовъ пени [1].

Но, сверхъ торговли обыкновенными предметами потребности, Дубровничане занимались еще торговлею рабами. Важное свидѣтельство находимъ въ жалобѣ князя Черномира (С. № 18): придоше (каш(и)) люди и еше моега чѣка лукана и добитькь (имущество, скотъ) узеше и послахь кь вамь вратите ми и не дасте нифаре нь паче га продасте и пакь есте друге люди три чѣке тере жене и пакь послахь кь ва(мь) и не дасте мнихь нь е продасте едьне за море а друге камо ки хтѣли и пакь ми есте моега чѣка рухоть и продасте га. Въ Далматскихъ городахъ рабство было въ ходу: въ ихъ узаконеніяхъ несостоятельный должникъ объявлялся рабомъ. Хотя въ ихъ округахъ жили земледѣльцы, частію свободные, частію крѣпостные; однако они не считались рабами и входили только въ служебныя обязательства съ господами [2]. Но для размножившихся дворянъ и знатныхъ недостаточно было своихъ подданныхъ, и по тому они должны были покупать рабовъ. Босна доставляла имъ рабовъ въ изобиліи, и даже, когда уже положены были разныя ограниченія этой торговлѣ, то все таки въ Корчулѣ князю предоставлено было полное право купить двухъ, или трехъ servas patarinas de Boxna [3]. Отсюда понятно, по чему въ Боснѣ торговля рабами такъ долго и сильно велась. Различіе религіи и ересь Патареновъ поддерживали ее. Войны и набѣги служили средствомъ къ добыванію рабовъ. Рейцъ приводитъ мѣсто изъ пѣсни о Радославѣ:

Jer jim ne da robiti kotare,
Ni svlačiti carkve ni oltare,
Ni prodavat sužnie u Latine.

Въ нѣкоторыхъ приморскихъ городахъ позволялось покупать для себя рабовъ, но торговать ими запрещалось; въ иныхъ то и другое было дозволено. Особенно въ Которѣ было сильно рабство, какъ видно изъ множества постановленій о рабствѣ въ его узаконеніяхъ [4].

Дубровникъ, какъ мы видѣли, пользовался общимъ довѣріемъ, которое основывалось какъ на его богатствѣ и независимости, такъ и на твердости его до-

---

[1] Рейцъ, въ Сборникѣ Валуева, стр. 48.
[2] Рейцъ, тамъ же, стр. 94, 131.
[3] Рейцъ, тамъ же, стр. 32.
[4] Рейцъ, тамъ же, стр. 128, 129.

говоровъ. Между тѣмъ Турки, разбивши и предавъ смерти на Косовомъ полѣ послѣдняго Сербскаго царя, Лазаря, подчинили Сербію своей власти, оставивъ ея деспотамъ только тѣнь независимости; они грозили также недавно образовавшемуся королевству Босны. Страшась за свою будущую участь, деспоты и владѣльцы Боснійскіе спѣшили положить въ Дубровникъ на сохраненіе часть своего имущества, драгоцѣнныя вещи и деньги. Мы имѣемъ множество грамотъ, относящихся къ подобнымъ вкладамъ. Деспоты и родичи ихъ, Вукъ Бранковичъ съ дѣтьми, деспотъ Юрій Бранковичъ, воеводы Хлумскіе, Сандалъ съ супругою, Еленою, и Стефанъ Косача, владѣльцы Требинскіе, Радославъ Павловичъ и сынъ его, Иванишъ, и бояринъ ихъ, Браилъ Тезаловичъ, оставляютъ въ Дубровникѣ вклады для себя и своего потомства. Нѣкоторые вклады они сами взяли обратно, но большую часть вкладовъ уже получили ихъ наслѣдники. За то, по мѣрѣ увеличенія количества обратныхъ требованій на прежніе вклады, сокращалось число новыхъ вкладовъ; наконецъ мы видимъ, что наслѣдники только получаютъ завѣщанныя имъ и сохраненныя въ Дубровникѣ сокровища, но уже сами не дѣлаютъ вкладовъ— печальное слѣдствіе Турецкаго ига. Обыкновенно или сами владѣльцы лично, или, по большей части, черезъ своихъ посланныхъ, приносили Дубровничанамъ вклады и принимали отъ нихъ расписку въ полученіи. На оборотъ, за полученіемъ вкладовъ владѣльцы могли являться или сами лично, своимъ чиномъ, или присылать своихъ повѣренныхъ съ грамотами за своею печатью и подписью. Дубровничане получали расписку въ удостовѣреніе того, что требуемый вкладъ возвращенъ сполна. Изъ грамотъ видно, что Дубровничане въ этомъ случаѣ поступали весьма честно и никогда не было на нихъ никакой жалобы за утайку вклада. Получая вкладъ, они клялись, что онъ ни въ какомъ случаѣ не погибнетъ, но будетъ отданъ кому слѣдуетъ. Такъ, когда умеръ Стефанъ Косача, а сыновья его не являлись къ нимъ за отцовскимъ вкладомъ, они писали: **тьда ми Кнеѕь ѡбрани и Властеле дѹбровачци хотѣе по нашиҍ прккѣхь поутеиѡ ѡбичаю свакомѹ нашѹ правь показати на прилеҍнью реченога поклада ѹ нашь комѹнь примисмо га ѕбронсмо и измѣрисмо прѣдь бгѡпоуьтениѣ гнѡ митрополитѡ гиомь давидѡ прѣдь вишеименованиемь витеѕомь и коморникомь кнеѕомь ирнбисавѡ прѣдь крстиинѡ тврьдисавѡ прѣдь крстиинѡ уерѣикѡ и прѣдь поутениѣ кѡринкѡ кнеѕѡ радоѥ кръчунновиѣемь. И на тѡ на све више реиѡ и ѹписамо ми кнеѕь и властеле дѹбровачци ротисмосе и ѕаклесмо на светѡ еванђелию бжиѥ и на часнѡ крстѹ да каши ке ѣе на маниѥ прити синовѡ реиога гна херцега стѣпана ни инѣмь комѹ се що ѹспристои по тестаментѹ више писанѡ. И ѕа вѣрованье ѡвоган листа повелѣсмо и печатити нашѡ печатю вѣрованѡ висѹѣѡ** (С. № 157). Такова была обычная присяка вклада. Но съ другой стороны, при возвращеніи вклада, они наблюдали величайшую осторожность. Они требовали самыхъ вѣрныхъ доказательствъ, какъ въ подлинности грамоты, такъ и въ правѣ полученія вклада. Особенно осторожно дѣйствовали они въ случаѣ прекращенія прямой наслѣдственной линіи. Сандалъ со всею подробностію означилъ, кому и сколько слѣдуетъ получить изъ его вкладовъ въ случаѣ бездѣтной его смерти (С. №№ 108, 112, 115). Когда умеръ Браилъ Тезаловичъ, иначе Михоевичъ, и племянникъ его, Юрій Богишичъ, просилъ о выдачѣ себѣ вклада, то Дубровничане приказали своимъ посламъ спросить свѣдущихъ людей о родствѣ Браила. Девять свидѣтелей поклялись, что служили и дворили вмѣстѣ съ Браиломъ и

его братіею при дворѣ Радослава Павловича и знаютъ весь его родъ. По ихъ словамъ, всѣ братья, сыновья и дочери Браила померли; оставались три племянника отъ меньшаго брата, Богиши, по прозванью Хвала, но двое изъ нихъ умерли и одинъ, Юрій Богишичъ, иначе Хваловичъ, остался единственнымъ законнымъ наслѣдникомъ родоваго вклада (С. № 156). Таково было удостовѣреніе въ законности предложеннаго требованія.

Разсматривая драгоцѣнныя вещи, составлявшія вклады, мы удивляемся ихъ богатству и великолѣпію. Между ними находимъ разныя украшенія и утвари: вѣнцы, поясы, сосуды, чаши, блюда, лжицы, свѣщники и множество другихъ вещей, изъ коихъ однѣ были сдѣланы изъ чистаго золота, другія изъ серебра съ позолотою и украшеніями изъ жемчуга и дорогихъ разноцвѣтныхъ каменьевъ и пр. Не безъ причины можно думать, что если не всѣ, то большая часть этѣхъ вещей была куплена у Дубровничанъ. По свидѣтельству Аппендини[1], еще задолго до бана Кулина Дубровникъ получалъ драгоцѣнные металлы изъ Сербіи и преимущественно изъ Босны. Боснійскіе и Сербскіе рудники изобиловали металлами; въ большомъ множествѣ доставляли они серебро, смѣшанное съ зернами золота и называвшееся «гламою». Около 1400 года въ Дубровникѣ до того размножились золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера, что принуждены были селиться по деревнямъ. Особенно изобильны были для Дубровника Сербскіе рудники въ Новомъ Брьдѣ, Яновѣ и Кратовѣ, уступленные ему деспотомъ Юріемъ за 200000 черв. ежегодной платы. Дубровницкіе золотопромышленники съ необыкновеннымъ искусствомъ умѣли извлекать изъ гламы крупинки чистаго золота, и современники, Bertrandon de la Broquière, Filelfus и Philippus de Diversis, изумляются богатству драгоцѣнныхъ металловъ, находившемуся въ Дубровникѣ[2]. Въ нашихъ грамотахъ XV столѣтія, серебро, смѣшанное съ золотомъ, продолжаетъ называться «гламскимъ» въ противуположность «бѣлому» или простому, чистому серебру; впрочемъ, кромѣ двухъ позднихъ грамотъ Стефана Томашевича и деспота Юрія, мы не имѣемъ никакихъ другихъ указаній относительно права торговли драгоцѣнными металлами. Первый позволялъ вывозить изъ Босны серебро **болано** (нечистое?), и запрещалъ вывозъ серебра **неболана** (чистаго?): **да ѿсада на прѣда що би годи нихь трьговци или нихь слуге сребра носили изнашега русага у дубровникь или инуде куде имь драго що би се годи нашло у кога нихь трьговаць или слуга Сребра не болана да му се не море** (можетъ) **нио узети сребро него** (какъ только) **ѡ волино само колико се найде сребра неболана а ѡнои що е болано да понесе на слободиу или му у дубровникь или инуда куда му драго безинедие забаве краљьсткими ни властеѡ моихь и ни власника ни царинника нашихь** (С. № 150) Второй подтвердилъ **за куповање сребра и трьговање по земли господсткими, ѡсвѣнь смедерека, и износити свободно у дубровникь** (С. № 138).

Не только драгоцѣнныя вещи, но и деньги, слитки золота и серебра, мѣшки жемчугу отдавались на сбереженіе въ Дубровникъ. Изъ грамотъ нельзя съ достовѣрностію узнать, всѣ ли деньги принимались городомъ подъ условіемъ возвращенія съ ростомъ. Такъ какъ при вкладѣ денегъ, въ одномъ случаѣ упоминается, въ другомъ не упоминается о ростѣ, то, кажется, пользуясь обстоятельствами, Дубровничане брали деньги подъ видомъ сбереженія просто безъ роста. Но въ грамотахъ есть и прямыя указанія, что въ нѣкоторыхъ

[1] Т. I., ч. II., кн. I, гл. X.
[2] Engel, Gesch. d. Freist. Ragusa, стр. 163.

случаяхъ Дубровничане брали деньги въ ростъ (на добитии). Такъ брали они у Сандала и Радослава Павловича (С. №№ 107, 114, 127, 128, 139). Обычнымъ ростомъ было пять на сто (петь покантинаръ). Радославъ Павловичъ, уступивъ Дубровничанамъ свою часть въ Конавлѣ, получилъ позволеніе положить въ ихъ городъ 10000 червонцевъ по 5% съ тѣмъ, что если захочетъ взять этѣ деньги обратно, то долженъ дать знать о томъ впередъ за два мѣсяца. Видно, что такой вкладъ былъ выгоденъ для Дубровника, по тому, что Дубровничане, въ другомъ договорѣ съ Радославомъ, имѣя перевѣсъ на своей сторонѣ, обязали его не брать этѣхъ денегъ изъ ихъ общины ранѣе двухъ лѣтъ; или, быть можетъ, они хотѣли чрезъ то ослабить его враждебные замыслы. Тѣмъ не менѣе они позволили ему и впредь дѣлать подобные денежные вклады.

Съ своей стороны Дубровникъ давалъ деньги взаймы Боснійскимъ (и другимъ) владѣльцамъ. Такъ, Остоя предоставляетъ 500 перп. дохода со Стона въ уплату долга, 2550 черв., сдѣланнаго Твръткомъ I (С. № 83). Стефанъ Томашевичъ уплачивалъ долгъ Твръткa II, 209 литръ и 4 унціи серебра, изъ 2500 перп. обычнаго Сербскаго дохода (С. № 152). Долгъ своего отца, Ѳомы, онъ обѣщалъ уплатить изъ своей казны (С. № 151). Владиславъ Стефановичъ (С. № 74) и сынъ его, Балша (С. № 171), воеводы св. Савы, брали деньги взаймы у Дубровника, первый подъ обезпеченіемъ вклада, сдѣланнаго Сандаломъ, второй—своего годичнаго содержанія.

Наконецъ, въ заключеніе, мы должны сказать еще нѣсколько словъ объ употребленіи денегъ. Къ сожалѣнію, грамоты доставляютъ весьма скудныя извѣстія. Мы только знаемъ, что всѣ свои торговые счеты съ сосѣдними Сербскими землями Дубровничане вели на Дубровницкіе перперы, которые стоили то же, что и Венеціянскіе: по этому въ грамотахъ, писанныхъ въ то время, когда Дубровничане управлялись Венеціянскими графами, иногда встрѣчается счетъ на перперы Венеціянскіе. Что эти послѣдніе равнялись цѣнностію Дубровницкимъ, видно изъ того, что въ грамотахъ одна и таже сумма опредѣляется одинаково и Дубровницкими и Венеціянскими перперами. Такъ, на пр., Душанъ опредѣлилъ Ерусалимской церкви свв. Архангеловъ ежегоднаго дохода 500 перперовъ Венеціянскихъ (С. № 35), а Урошъ V этотъ самый доходъ опредѣляетъ въ 500 перперовъ Дубровницкихъ. Къ этимъ 500 перп. онъ прибавляетъ еще 500 перперовъ Дубровницкихъ, получаемыхъ за Стонъ (Г. А.), а Стефанъ Дечанскій продалъ Стонъ за 500 перперовъ Венеціянскихъ ежегодной дани (С. № 37). Слѣдовательно, 1000 перперовъ Венеціянскихъ равнялись 1000 перперамъ Дубровницкимъ. И царица Мара принимаетъ отъ Дубровника дань Ерусалимской церкви, перенесенную потомъ на Аѳонскіе монастыри, уже перперами Дубровницкими (С. № 165; Г. Б.). Въ другой грамотѣ (С. № 47), Урошъ V считаетъ доходу отъ Стона 500 перперовъ Венеціянскихъ; но тутъ же называетъ эти 500 перперовъ въ одно время и Дубровницкими и Венеціянскими: петь с҃ь пе̑пе дбровьчки бенетьчии ѿ стона, что служитъ лучшимъ доказательствомъ тому, что эти два названія, какъ равнозначащія, часто смѣшивались одно съ другимъ по причинѣ равноцѣнности металла. Иногда перперы выражались червонцами, иногда динарами Дубровницкими. Вотъ какое отношеніе между ними можемъ мы вывести изъ показанія нашихъ грамотъ. Червонецъ или золотой дукатъ не всегда имѣлъ одну опредѣленную цѣнность; но, какъ крупная золотая монета, измѣнялся по ходу. Перперы и динары, какъ монеты серебряныя, и въ особенно-

сти послѣдніе, какъ небольшія, имѣли постоянную одинаковую цѣнность. Около 1362 года Воиславъ Которскій продалъ Дубровничанамъ соляной откупъ, по его словамъ, за 900 перперовъ (С. № 56), а по словамъ Дубровницкихъ пословъ, за 500 червонцевъ (С. № 41). Отсюда видимъ, что перперъ относился къ червонцу какъ 9 къ 5, т. е., 1 дукатъ равнялся 1 и $^{4}/_{5}$ перпера. Въ 1470 году царица Мара получила отъ Дубровничанъ Ерусалимской дани 500 перперовъ и въ распискѣ своей обратила ихъ также въ червонцы, что составило 147 червонныхъ, а «тогда—писала она—одинъ дукатъ стоилъ 41 динаръ». Отсюда видимъ, что, спустя столѣтіе, перперъ относился къ червонцу, какъ 5 къ $3^{59}/_{147}$, т. е., 1 дукатъ равнялся почти 1 и $^{1}/_{11}$ перпера, слѣдовательно, цѣнность золота нѣсколько понизилась. Отсюда узнаемъ также, что 1 перперъ заключалъ въ себѣ около $12^{1}/_{10}$ динара [1]. Дубровницкія деньги ходили въ Сербіи и Боснѣ. Стефанъ Томашевичъ вздумалъ, было, запретить ихъ въ Боснѣ; но тотчасъ же, по просьбѣ пословъ, снова позволилъ употреблять ихъ, какъ было въ старину при первыхъ Боснійскихъ короляхъ (С. № 154). Въ XIII и большею частію въ XIV ст. Дубровничане, въ своихъ договорахъ съ сосѣдними землями, вели счетъ на перперы, употребляя только это одно слово и, конечно, понимая вполнѣ его смыслъ. Нѣтъ сомнѣнія, что смыслъ этого слова былъ ясенъ; ибо оно означало не отвлеченное какое либо количество денегъ, но извѣстную, опредѣленной величины монету. Но со второй половины XIV ст. и именно въ первый разъ въ грамотѣ Дабыши (С. № 81), перперъ показывается уже въ соединеніи съ словомъ «динаръ», или «динаръ Дубровницкій», какъ бы точнѣе опредѣляясь имъ; въ продолженіи всего XV-го ст. только уже весьма рѣдко, не болѣе двухъ, трехъ разъ, это слово употреблено одно безъ ближайшаго опредѣленія [2]; но и сдѣсь должно подразумѣвать это опредѣленіе, какъ видно изъ гр-ы С. № 165, гдѣ одинъ разъ говорится просто о перперахъ Дубровницкихъ, а другой разъ тѣ же перперы поставлены въ соединеніи съ означеннымъ опредѣленіемъ. Динаръ, равномѣрно, означалъ, какъ и теперь означаетъ [3], извѣстную монету опредѣленной величины, и не разъ употребленъ отдѣльно самъ по себѣ въ нашихъ грамотахъ [4] съ прибавленіемъ иногда слова «Дубровницкій». Теперь остается рѣшить, какимъ образомъ двѣ извѣстныя монеты могли употребляться при одномъ и томъ же счетѣ, для одного и того же количества денегъ? Нельзя никакъ думать, чтобы это дѣйствительно такъ было, и по тому слѣдуетъ признать за однимъ изъ двухъ словъ только нарицательное, опредѣлительное значеніе безъ указанія на какую либо извѣстную, подъ нимъ разумѣваемую, монету опредѣленнаго вида, объема и положительной цѣны. Вотъ обыкновенное выраженіе грамотъ: столько-то «перперовъ динаровъ Дубровачкихъ». За выставленнымъ числомъ тотчасъ слѣдуетъ слово «перперъ», что показываетъ, что счетъ опредѣленною монетою шелъ на перперы; а за тѣмъ уже слѣдуетъ слово «динаръ», которое, безъ всякого сомнѣнія, значитъ сдѣсь то же, что вообще деньги, монета, и по тому въ тогдашнее время само нуждалось въ ближайшемъ опредѣленіи, именно чрезъ слово «Дубровницкій» [5].

---

[1] О перперѣ (ὑπέρπυρον) см. Ducange, Glossarium; его же De Imperatorum Constantinop. numismatibus, p. 123. У Венелина, по Ленклавію, въ Молдаво-Влахійскихъ грамотахъ, стр. 8.

[2] Ср., на пр., С. NN 152, 165, 169.

[3] См. Словарь В. С. Караджича, 2-е изд.

[4] Ср., на пр., С. NN 40, 71, 124, 125, 128, 136.

[5] Ср., на пр., С. NN 81, 85, 95, 96, 98, 103, 107, 126, 127, 150, 165.

Какъ бы то ни было, расположеніе словъ заставляетъ насъ такъ понимать ихъ значеніе. Слѣдовательно, вышеприведенное выраженіе можно передать такимъ образомъ: столько-то «перперовъ монетою Дубровницкою». Въ справедливости этого объясненія убѣждаетъ насъ другое расположеніе словъ, встрѣчаемое нѣсколько разъ въ нашихъ грамотахъ: **динарѧ дѹбровачцихь четири тисѹке и двиести и шесдесеть и шесть перпера** (С. № 112); **динарѧ дѹброкачцихь четири тисѹке и с҃. ѯ҃. ѕ҃. перѧ** (С. № 123); **динари четири тисѹће и двиестѣе и шесть десеть и шесть перпе**; **динарѧ р҃ и ѕ҃. перпе и ѯ҃. динара** (С. № 124); **динара. д҃. тисѹће и к҃. стѣ и ѯ и ѕ. перперь; динари р҃. и ѕ҃. перперь. ѯ҃. динари** (С. № 125). Обыкновенно названіе монеты ставится послѣ выставленнаго числа: слѣдовательно, и сдѣсь также перперъ будетъ опредѣленною монетою, а динаръ, или вѣрнѣе, динары будутъ только означать, что эти перперы принимались въ счетъ «Дубровницкою монетою»; а по тому переводить должно: «монетою, или монетою Дубровницкою, столько-то перперовъ». Что сдѣсь «динаръ» употребленъ въ общемъ значеніи денегъ или монеты, то это видно еще изъ того, что въ гр-ѣ С. № 125, вслѣдъ за выставленнымъ количествомъ перперовъ, приводится еще количество динаровъ (ѯ), гдѣ динаръ означаетъ уже не отвлеченную, но опредѣленную монету: иначе не нужно бы было разбивать на два, и при томъ столь неровныя, каковы 4266 и 7, количества одной и той же монеты. Въ такомъ же отвлеченномъ значеніи, и притомъ монеты серебряной въ противуположность золотой, динаръ употребленъ въ гр-ѣ С. № 127, гдѣ, послѣ означенія вклада общимъ названіемъ **дѹкате и динаре**, эти самые «дукаты и динары» опредѣлены точнѣе, какъ составляющіе **к҃. тисѹће и. е҃. цлать дѹкать ѯлатѣхь и .ѳ. тисѹкь перперь динарѧ**. Наконецъ, въ томъ же убѣждаетъ насъ и употребленіе слова «динаръ» всегда во множественномъ числѣ **динарѧ**, или **динари** (род. п.), въ каковой формѣ оно и понынѣ означаетъ только вообще деньги безъ указанія на извѣстный родъ монеты. Только въ позднѣйшихъ грамотахъ конца XV-го в. показывается какая-то неопредѣленность въ употребленіи словъ «перперъ» и «динаръ». Въ одной пишутъ: **приимь перпе ѯ сать и ѯ и ѕ перпе и дина** (С. № 162), а въ другой: **приимихь перпе рѯѕ и динара а҃ дѹброкачцихь** (С. № 171). Очевидно, въ обѣихъ счетъ идетъ и на перперы и на динары, какъ въ двухъ предыдущихъ (С. №№ 124, 125); а по тому въ первой должно читать такъ: 766 перперовъ и 1 динаръ. Въ гр-ѣ же С. № 170 дѣло, кажется, въ одной только перестановкѣ словъ: **перьпера шесть сать динара дѹброкачцихь вм. шесть сать перпера динара дѹброкачцихь**; или, можетъ быть, сдѣсь слово «перперъ» отправляетъ нарицательное служеніе слова «динаръ», а это означаетъ уже опредѣленную монету. Во всякомъ случаѣ можемъ смѣло заключать, что до конца XV-го ст. перперы были еще въ ходу и на нихъ свободно производились счеты какъ въ Дубровникѣ, такъ и сосѣднихъ Сербскихъ областяхъ. Не менѣе того и прибрежные Далматскіе острова знали перперы и употребляли ихъ у себя, какъ видно изъ ихъ узаконеній. Представляя собою серебряную монету, динаръ въ грамотахъ нашихъ часто сопоставляется съ дукатомъ, который въ такомъ случаѣ, по большей части, дополняется сдовомъ «золотой», какъ бы въ противуположность серебряному динару. Иногда слово «дукатъ» употребляется и безъ этого дополненія по тому самому, что оно было для него лишнее, какъ для монеты всегда золотой. Лучшее тому доказательство находимъ въ грамотѣ наслѣдниковъ Сандала (С. № 163), въ которой эти говорятъ о полученіи вклада дукатами, не на-

зывая ихъ золотыми, между тѣмъ, какъ тѣ же самые дукаты во вкладной грамотѣ Сандала (С. № 112) названы золотыми. Дубровничане, при полученіи вкладовъ, вели счетъ и на «аспры». Сандалъ Хлумскій даетъ имъ расписку въ полученіи отъ нихъ обратно всѣхъ положенныхъ у нихъ аспръ (С. № 105), гдѣ аспры означаютъ, какъ кажется, вообще деньги въ видѣ какой бы монеты онѣ ни были. Въ томъ же, вѣроятно, смыслѣ онѣ употреблены Лазаремъ и Стефаномъ Юрьевичами Бранковичами (С. №№ 146, 147). Но въ грамотѣ Дубровницкой на полученіе вклада отъ деспота Юрія Бранковича счетъ идетъ прямо на аспры, какъ извѣстную опредѣленную монету: **и аспрь трідесетв и два сахана а ѿ нихь. к҃. сакѹ в всакомь по тридесети хилида аспри. ѕ҃. сакѹ. в всакомь по четиридесети хилида аспри.... свия аспрамь тисвкя тисвкь аспри** (С. № 130). По всему видно, что аспры, какъ монета Византійская, употреблялись наиболѣе въ православной Сербіи [1].

Говоря о деньгахъ, кстати упомянуть о драгоцѣнныхъ металлахъ, по скольку извѣстія о нихъ встрѣчаются во взаимныхъ договорахъ Дубровничанъ съ сосѣдними землями. «Ковъ» (металлъ) золотой и серебряный, кромѣ чеканки въ монету, ходилъ еще въ видѣ слитковъ, или употреблялся въ видѣ различныхъ издѣлій, какъ-то: домашнихъ утварей и предметовъ украшенія. Слитки драгоцѣнныхъ металловъ обыкновенно опредѣляются на вѣсъ, или приводятся въ деньги. Отъ деспота Юрія Бранковича Дубровничане получили золото въ видѣ цѣпей «веригъ», которыми было наполнено нѣсколько мѣшковъ. При этомъ и серебро доставлено было въ мѣшкахъ и принято на вѣсъ (С. № 130). Въ издѣліяхъ металлы принимались на вѣсъ. Качество золота не обозначено въ нашихъ памятникахъ; но качество серебра имѣло нѣсколько подраздѣленій. Серебро «фино», т. е., лучшее; серебро «бѣлое» или чистое безъ подмѣси золота, или другой какой руды; серебро «гламско» или серебро, смѣшанное съ частицами золота—руда, «глама»; серебро «плико», серебро «болано», серебро «неболано»:—вотъ всѣ опредѣленія качества серебра, изъ коихъ три послѣднія мнѣ не понятны. Думаю, что первое (плико) означаетъ серебро, обращенное въ слитки или пластинки, а два послѣднія выражаютъ то же, что нечистое (болано) и чистое (неболано).

Наибольшимъ опредѣленіемъ вѣса благородныхъ металловъ служили «литры»; за ними слѣдовали «унціи», а наименьшимъ опредѣленіемъ вѣса были «аксаги». Прежняго отношенія литры къ извѣстной намъ единицѣ вѣса, окѣ, мы не знаемъ; но нынѣ въ одной окѣ заключается 4 литры; а такъ какъ одна ока ровняется 3 Рус. фунтамъ съ 13, или 15 золотниками, то одна литра составитъ 75—76 Рус. золотниковъ. Унція равнялась 1/12 литры; но, кажется, не всегда, по тому что въ статутѣ острова Млѣта находимъ оцѣнку одной литры то въ 13, то въ 18, то въ 12 унцій [2]. Отношеніе аксаги къ унціи мнѣ также неизвѣстно; но въ грамотахъ при унціяхъ не встрѣчается болѣе 5 аксагъ, а при литрахъ, безъ унцій, находимъ однажды 19 аксагъ. (С. № 126). Опредѣленіемъ вѣса для прочихъ тѣлъ, какъ предметовъ торговли, въ Дубровницкихъ договорахъ встрѣчается «товаръ», который нынѣ равняется 100 окамъ. Для сыпучихъ тѣлъ находимъ однажды въ договорѣ Балшича Зетскаго съ Дубров-

---

[1] Объ аспрѣ см. у Венелина въ Молдаво-Влахійскихъ грамотахъ, стр. 96.

[2] Statut oli Zakoni od Universitati Otoka od Mljeta. Dubrovnik, za godinu MDCCCLI. Svez. III, 1852. См. гл. 63, 66, 68.

никомъ (С. № 71) мѣру, употреблявшуюся преимущественно въ собственной Сербіи и извѣстную подъ названіемъ «мантіи»: да кꙋпꙋю трьговци дꙋбровьчьци по моѡи ꙃемли и по мои рѣкꙋ жито. и да га могꙋ иꙃнести свободно. платише в динара ѡ мантиѥ.

Пересмотрѣвъ грамоты относительно торговыхъ постановленій, мы должны сдѣлать общее заключеніе, что взаимныя торговыя сдѣлки между Дубровникомъ и Сербскими землями совершились окончательно при Сербскихъ короляхъ и царяхъ. При Боснійскихъ короляхъ не видимъ уже новыхъ торговыхъ условій, а деспоты Сербскіе только подтверждаютъ старыя. Такимъ образомъ Дубровничане вполнѣ достигали своей цѣли, оставаясь постоянно при старыхъ выгодныхъ постановленіяхъ. Но сдѣсь представляется вопросъ: въ какомъ отношеніи стояла торговля Дубровника къ туземной? Ни въ грамотахъ, ни въ Законникѣ Душановомъ нѣтъ особыхъ постановленій для торговаго сословія: можно заключить, что оно или вовсе не существовало въ настоящемъ смыслѣ слова, какъ отдѣльное замкнутое сословіе, или, если существовало, то весьма слабо и розно. Но памятники свидѣтельствуютъ, что въ Сербіи были и свои купцы; за то для нихъ нѣтъ никакихъ преимуществъ и льготныхъ правъ: весь перевѣсъ склоненъ на сторону чужихъ, Дубровницкихъ. Отсюда ясно, что Сербскіе купцы составляли незначительную и незамѣтную часть общества и своими оборотами не могли еще доставить государству способа къ промышленному развитію и обогащенію; это были единицы, и съ такой точки зрѣнія смотрѣло на нихъ правительство. Скудость торговли, съ одной стороны, и счастливыя войны, съ другой, не могли породить въ правительствѣ той мысли, что торговля и промышленность составляютъ одну изъ важнѣйшихъ вѣтвей государственной жизни народа, одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ народнаго обогащенія и развитія. Оно видѣло, что доселѣ только чрезъ войны Сербія росла и усиливалась; но проченъ ли былъ такой ростъ, надежны ли были такія силы? — этого вопроса оно не задавало себѣ. Дубровникъ ослѣплялъ его роскошью и великолѣпіемъ своихъ издѣлій; Дубровникъ былъ нуженъ ему, какъ миролюбивый сосѣдъ и союзникъ, платившій значительную дань за земли: и по тому всѣ договоры съ Дубровникомъ клонились въ пользу послѣдняго. Извлекая для себя всѣ выгоды торговли и промышленности, Дубровникъ подавилъ туземныхъ купцовъ и ремесленниковъ. Сербіи оставалось только заниматься производствомъ первоначальныхъ, сырыхъ припасовъ; но и въ этомъ отношеніи мы не видимъ со стороны правительства никакихъ особыхъ поощреній. Только однажды писалъ Милутинъ въ своей грамотѣ, что подданному его, продающему Дубровничанамъ жито, нѣтъ ни отъ кого никакого притѣсненія (С. № 29). Главными предметами отпуска были хлѣбъ, скотъ и металлы. Правительство только разрѣшаетъ ихъ свободную продажу, и то по тому только, что хлопотали объ этомъ Дубровничане, которымъ нужно было право безпрепятственной покупки для доставленія работы своимъ ремесленникамъ. А между тѣмъ, при необходимости, какую ощущали Дубровничане въ этихъ главныхъ предметахъ вывоза, сколько пользы могло бы принести Сербское правительство своимъ подданнымъ инымъ направленіемъ торговыхъ договоровъ! До насъ дошли слова Санка (С. № 97), жалующагося, что Дубровничане не даютъ ему настоящей цѣны за товаръ, который онъ долженъ по тому послать для продажи въ другое мѣсто. «Люди мои—писалъ онъ — продадутъ Которское жито по 10, перперовъ за товаръ, а этого вы мнѣ не дали бы; и я отправилъ 200 овецъ, и они принесутъ мнѣ 200 дукатовъ, а этого вы бы мнѣ не дали». Эта жа-

лоба Санка хорошо обозначаетъ торговыя уловки Дубровничанъ, имѣвшихъ въ виду только свою пользу и, при удобномъ случаѣ, притѣснявшихъ сосѣднихъ продавцовъ. Въ отношеніи хлѣба, соли, скота и металловъ, завися вполнѣ отъ сосѣдей, Дубровничане умѣли, при всемъ томъ, торговыя выгоды склонить на свою сторону.

Судебный устрой между Сербами и Дубровничанами составляетъ важный отдѣлъ въ исторіи образованія Сербскаго народа. Нѣтъ сомнѣнія, что Законникъ царя Душана былъ плодомъ не одной современной ему мудрости, но итогомъ цѣлыхъ вѣковъ, въ продолженіи которыхъ развивался бытъ Сербскаго народа и рождались новыя государственныя потребности. Тѣмъ не менѣе, недостатокъ памятниковъ лишаетъ насъ возможности составить себѣ какое либо опредѣленное и цѣльное понятіе о законодательствѣ Сербіи до-Душановыхъ временъ независимо отъ Дубровника. Все, что ни имѣемъ мы въ нашимъ грамотахъ изъ этихъ временъ, относится столько же къ Сербіи, сколько и къ Дубровнику, и по тому въ судебныхъ укладахъ, какіе были между ними, нельзя опредѣлительно сказать, что принадлежитъ собственно Сербіи и что Дубровнику? Взаимныя отношенія предполагаютъ и взаимное вліяніе: ни тотъ, ни другая не могли подчинить другъ друга исключительно одному своему законодательству, но, естественно, должны были избрать средину, удобную для обоихъ. Они не уступали другъ другу въ развитости дѣловаго смысла, хотя развитіе его шло не одинаковымъ путемъ. Въ Сербіи преобладала государственная дѣятельность, въ Дубровникѣ торговая: оба въ кругѣ своей дѣятельности стояли на высокой ступени совершенства. Вотъ по чему ихъ взаимные уклады должны носить признакъ самостоятельности и должны быть разсматриваемы, какъ нѣчто особое, отдѣльно отъ узаконеній чисто Дубровницкихъ и Законника Душанова. Статуты Дубровника написаны по древнѣйшимъ памятникамъ въ 1272 году и Книга Реформацій между 1315 и 1335 годами; сверхъ того сочинены были еще два законника въ 1358 и 1462 годахъ. Были также Parti de' Pregati, т. е., сенатскія опредѣленія, состоявшіяся по большинству голосовъ[1]. Всѣ эти статуты сходны въ главномъ со статутами другихъ Далматскихъ общинъ и не относятся къ числу избранныхъ мною памятниковъ. По этому, предоставляя другимъ изслѣдованіе ихъ и оставляя за собою право обозрѣть ниже Законникъ Душановъ, я предложу теперь только то, что представляютъ изъ судебнаго разбирательства между Дубровникомъ и Сербіею наши грамоты.

Какъ торговый городъ, Дубровникъ болѣе другихъ боялся войны, сильно вредившей его торговлѣ. Отъ того въ договорахъ безпрестанно встрѣчаемъ условія, подобныя этимъ: да не ѕледи никоѥре. нь то да се исьправлꙗ судомь; или: и ако се коѣ крамола учини мегу нами: да се судомь исправла; или: и да коѣ се кривина учини да се исьправи правиномь а мирь да се не руши; или: да се судомь исправламо; или: да не удаве. у комь годѣ дльгу. лише судомь. да се ищу[2] и пр. Король Владиславъ даже обѣщалъ до тѣхъ поръ не вредить Дубровнику, пока не сотворитъ съ нимъ трехъ судовъ (С. № 7). Сдѣсь, можетъ быть, онъ разумѣетъ судъ по тремъ правительственнымъ отупенямъ независимой Дубровницкой Общины. Судиться

[1] Appendini, т. I, ч. II, кн. I, гл. V.

[2] Ср. С. №№ 2, 3, 14, 15, 19, 20, 21, 24, 25, 111, 137.

было легче, чѣмъ вести войну. Судъ предполагался всегда справедливымъ; онъ называется «правымъ» и «божественнымъ»: **якоре да е право и безъгрѣшьно** (С. №№ 2, 14). Банъ Стефанъ говоритъ: **И да да имь свѣх прави сѫдь. И ако би и правина не учин то тѫ и кривь** (С. № 14), а Урошъ V: **да имь црькви исправи по правдѣ и по законѫ** (С. № 55). Отъ того всякое судебное разбирательство и справедливое удовлетвореніе называется «правиною» или «правдою». Владиславъ отдаетъ коварный поступокъ Дубровничанъ на судъ Божій: **ѫ томь Бь да расѫди** (С. № 9).

Судебное разбирательство между двумя общинами происходило чрезъ очную ставку или «састанакъ» на извѣстномъ урочищѣ. Такого састанка требуетъ у Дубровника Поповская Община въ Затонѣ и назначаетъ Юрьевъ день: **да ни висте рекли да се станемо напои** (на оной) **странѣ рѣке: не хемо ти** (не хотимъ итти) **нь вамь на онѫ странѫ дѣ ни нѣ законь: дѣ ви радославѫ дашьше рѣкѫ тере га везасте: да хоћемо** (хотимъ) **правомѫ станкѫ** (С. № 11). Сдѣсь видѣнъ остатокъ древнѣйшаго, первоначальнаго, самого простаго разбирательства, когда самъ народъ, не предоставляя дѣла судьямъ, сходился и устно рѣшалъ дѣла: это нынѣшняя мірская сходка. Жаль, что грамота не отмѣчена годомъ; но, конечно, такой обычай могъ сохраниться только въ малолюдной, удаленной отъ моря Поповской Общинѣ, тогда какъ приморскіе, торговые и болѣе образованные города, безъ сомнѣнія, разбирались уже другимъ образомъ. Судебное разбирательство между Дубровницкими и Сербскими подданными совершалось или самими владѣтелями и лицами, облеченными верховною властію, или поротниками, т. е., присяжными, и судьями. Банъ Нинославъ, повторяя договоръ Кулина, счелъ нужнымъ прибавить: **ако вероуе: срьблинь влаха: да се при прѣдь кнеземь: ако вѣрье влахь срьблина: да се при прѣдь баномь** (С. № 5), т. е., обиженный Сербъ жалуется на Влаха князю Дубровницкому, а Влахъ на Серба жалуется бану Боснійскому. Сдѣсь представляется вопросъ: кого должно разумѣть подъ Влахомъ и кого подъ Сербомъ? Изъ сравненія съ другими грамотами и по назначенію судей, должно заключить, что Влахъ означаетъ Дубровницкаго подданнаго и, вѣроятно, всякого Дубровничанина: оно значитъ то же, что въ грамотѣ Душана Латынянинъ и въ грамотѣ Уроша I Дубровничанинъ. Сербъ же означаетъ православнаго и вообще всякого подданнаго Босны. Это постановленіе Нинослава было повторено и баномъ Стефаномъ (С. № 14). Въ немъ видно уравновѣшеніе правъ обѣихъ сторонъ. Въ важныхъ случаяхъ Дубровничанъ судилъ самъ король: **а прѣдь кралѥви да иде. за невѣрѫ. за кражѫ. за убиица. за конь. ѫ том, да се сѫдь дѫбровчанинѫ прѣдь кралѥви**. И тутъ же далѣе сказано: **и аке кто пакости виноградомь дубровьчанинь. да га позовѫ прѣдь кралѥви** (С. № 22). Слѣдовательно, Дубровничанинъ въ королевской землѣ подлежалъ суду короля. Напротивъ, Сербъ въ Дубровникѣ подлежалъ общему суду, въ которомъ участвовалъ и королевскій судья: **и бесѫда обѣега да не учинимо никоегаре весьправьй улѣкѫ земле твое. И бесѫдьцѥ** (безъ судьи) **кралевьствати да не сѫдимо улѣкѫ земле твое** (С. № 26). Душанъ, около 1346 года, довольно ясно постановилъ: **и сь срьблином ѫ коемь годѣ сѫдѣ нигдѣ иньдѣ да се не при. да гредѥ прѣдь кралевьствоми** (С. № 42); но, въ 1350 году, уже измѣнилъ по старому: **трьговци дѫбровчане. кои се обрѣтаю. по трьговѣ црквии. що нисе слѫух. кои любо сѫдь. да се сѫде прѣдь цриникѡ. и кнеземь. а или прѣдь кепалиѡ кои бѫде града тогази. закономь родителѣ. и прародителѣ црквии. и за синзи да гредѫ прѣдь црквии на сѫдь. за крьвь. и за землю. и за проводь.**

и ꙁа ꙋжиы. и ꙁа сводь. а ꙁа ино ни ꙁа що (С. № 43). То же повторилъ и Урошъ V (С. № 50). Всякую сваду Дубровника съ властелиномъ царскимъ рѣшаетъ самъ царь (С. № 55): сдѣсь Урошъ V разумѣетъ важную распрю, или войну, которая и была дѣйствительно между Дубровникомъ и Которомъ; впредь въ такой распрѣ онъ повѣлеваетъ: да не ратию ни миръ сь ꙁлѡ котора. тьмю какоже и ѥ било и родитель црьками такоꙁи да гредꙋ властели црквами прѣ црквии и оти. Слѣдовательно, на судъ королевскій или царскій шли Дубровничане за важнѣйшія уголовныя преступленія. Въ Законникѣ своемъ Душанъ назначаетъ три рода преступленій, за которыя судитъ своихъ подданныхъ самъ царь: ꙁа три работе, ꙁа невѣроу и ꙁа кръвь и ꙁа раꙁбои влаⷣичьскыи да идоу прѣдь цара (ст. 188). Сравнивъ эту статью съ вышеприведеннымъ мѣстомъ грамоты Уроша I (С. № 22), мы видимъ, какъ неизмѣнно старинное обычное право, спустя почти цѣлое столѣтіе, легло въ основаніе узаконеній Душановыхъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ замѣчаемъ, что Душанъ и предшественники его не были слишкомъ уступчивы торговому народу и въ важнѣйшихъ преступленіяхъ сами судили его такъ же точно, какъ и своихъ подданныхъ. «Невѣра» есть то же, что измѣна и, кажется, немногимъ отличается отъ «провода» или впущенія непріятеля въ свою землю. Дубровничане, какъ странствующіе торговцы, могли хорошо знать мѣстность Сербіи и, если бы захотѣли, содѣйствовать вторженію непріятелей. «Вражда» и «кровь» суть одно и то же выраженіе для смертоубійства. «Челядинъ» и «человѣкъ» означаютъ похищеніе людей, бывшее въ обычаѣ Далматинцевъ и Сербовъ. «Сводъ» есть то же, что и «конь», ибо за коня, когда онъ оказывался воровскимъ, назначался сводъ или очная ставка. «Земля» означаетъ сдѣсь присвоеніе чужой земельной собственности, такъ часто совершаемое Дубровничанами на счетъ Сербіи.

При Душанѣ, въ дѣлахъ меньшей важности, судили Дубровничанъ Сербскія должностныя лица, какъ видно изъ грамоты С. № 43, гдѣ сказано: що имь слꙋча. ѥи люко сꙋдь. да се сꙋде прѣдь цриникѡ. и кнеꙁемь. а или прѣдь кефалиѡ кои бꙋде града тогаꙁи, судили по стариннымъ правиламъ: ꙁакономь родитель. и прародитель црьки. Сдѣсь, безъ сомнѣнія, разумѣются случаи гражданскаго спора или тяжбы. Въ дѣлахъ торговыхъ, какъ видно оттуда же, разбиралъ цариникъ. Какимъ образомъ рѣшалъ онъ споръ, показываетъ далѣе та же грамота: и кои тръговць. кꙋпи кона на тръгꙋ. и плати ꙁань цринꙋ. да рѣ цриний дꙋшѡ. еръ и тогꙁи кони кꙋпиль. и ꙁа нега платиль цринꙋ. а хати не ꙁна. да мꙋ ꙁа тоꙁи свод нест. аколи га такоꙁи не ѡправи црьний. да да сводь и кога ѥ кꙋпиль. Судились ли Дубровничане должностными лицами до Душана? На это можно отвѣчать утвердительно, руководствуясь однимъ мѣстомъ грамоты Уроша I (С. № 17): и прикрьма имь (Дубровницкимъ купцамъ) клетьви мои властелинь ни хоче бити (будетъ) на сꙋдꙋ. Впрочемъ, можно съ достовѣрностію сказать, что чѣмъ болѣе углубляемся въ старину, тѣмъ рѣже намъ встрѣчается судъ должностныхъ лицъ и тѣмъ чаще судъ присяжныхъ, который ближе перваго подходилъ къ древнѣйшему виду суда, основанному на междусобной сдѣлкѣ или састанкѣ. Въ Законникѣ Душана, хотя судъ по поротѣ еще сохраненъ, но есть уже множество исключеній въ пользу суда должностныхъ лицъ или царскихъ судей. Въ узаконеніяхъ приморскихъ Далматскихъ городовъ и острововъ порота уже вовсе потеряла свою силу и употребляется только въ смыслѣ клятвы свидѣтелей, которые только могли дѣлать показанія, но никакъ не рѣшать спора: его рѣшаетъ самъ князь или

должностные судьи, или иногда и третейскій судъ. Такъ точно было и въ Дубровникѣ, но съ небольшимъ исключеніемъ для не городскихъ жителей и странствующихъ купцовъ, которые, какъ сейчасъ увидимъ, судились и по пороте. Судиться по поротѣ значило предоставлять свое дѣло на рѣшеніе нѣсколькихъ избранныхъ нарочно для того лицъ, приносившихъ предварительно присягу въ томъ, что рѣшеніе ихъ будетъ безпристрастно. Поротники тѣмъ отличались отъ обыкновенныхъ должностныхъ судей, что избирались единовременно по одному только дѣлу и для этого одного случая приносили присягу. Напротивъ, должностные судьи избирались на срокъ и однажды навсегда давали клятвенное обѣщаніе въ произнесеніи безпристрастныхъ приговоровъ. Сверхъ того, поротники избирались по одному, или по нѣскольку съ каждой стороны изъ того сословія, къ которому принадлежали тяжущіеся, и, съ рѣшеніемъ дѣла, переставали быть поротниками. Въ нашихъ памятникахъ порота является съ половины XIII-го ст.; но, нѣтъ сомнѣнія, что она существовала въ Сербіи искони, какъ древній обычай, и только письмо застало ее въ это время. Ссылка Уроша I на законъ отца и вообще выраженіе грамотъ, принятое въ основу всѣхъ постановленій, «по закону родителей и прародителей», равно какъ отсутствіе всякого намека на новизну суда по поротѣ, достаточно подтверждаютъ, что порота, при Урошѣ I, уже была обычаемъ стародавнимъ. Душанъ, въ своемъ Законникѣ, въ ст. 130, ссылается по этому случаю на своего дѣда, «святаго краля», т. е., Милутина. Во времена Сербскихъ королей, сколько показываютъ намъ источники, мы видимъ только по одному поротнику съ той и другой стороны въ спорѣ Сербовъ съ Дубровничанами и Нѣмцами. Урошъ I постановляетъ: **и аже се ωбрете кои дльгь межꙋ срьблиномь сь дꙋбровчаниномь. дада имь ѥ сꙋ прѣдь сꙋдиωмь срьбскимь и прѣдь ѥдинѣмь дꙋбровчаниномь. и що сꙋдита тоѕи да ѥ свршено** (С. № 22). Отсюда видимъ, что рѣшеніемъ обоихъ судей дѣло оканчивалось; а что сдѣсь судьи суть именно поротники, то на это ясно указываетъ другая грамота того же короля, говоря: **Сꙋдьце ωбое да се кльнꙋ. мко да право сꙋдѣ** (С. № 21). Въ этой послѣдней грамотѣ поротникамъ предоставлена отчасти и исполнительная власть, ибо сказано далѣе: **И ако се ωбрете чловѣкь ѕемле краљевьстами ωсꙋгень вашемꙋ чл҃кꙋ. да мꙋ мое сꙋдьце иѕдаю добитьке** (отнимаютъ имущество). **аколи мꙋ добитька не стече. а ωни да подаю кривьца самога. до ꙋрока доколе сꙋдьце ꙋрекꙋ. аколи га сꙋдьце не исьдаде. да где ми правьда ꙋкаже ꙋѕети те дьльгь. да га. ꙋѕме краљевьствоми и да га постави где га бꙋде право поставити.** Сдѣсь поротники назначаютъ срокъ, берутъ вознагражденіе съ осужденнаго, или выдаютъ самого виновнаго. Только въ случаѣ ихъ несостоятельности, король принимаетъ на себя обязанность исполнительную. Милутинъ, равнымъ образомъ, повторилъ постановленіе отца своего: **да ниь не ꙋдаке. ꙋ комь годѣ дьльгꙋ. лише сꙋдомь. да се нирꙋ. да ѥ ѥдинь срьблинь. а дрꙋги дꙋбровьчанинь. а-ке бꙋде прх сь сасиномь. да бꙋде ѥдинь саснь. а дрꙋги дꙋбровьчанинь. прѣ тѣми да се расправлаю** (С. № 25). Этою грамотою число поротниковъ удержано прежнее; но племенное различіе тяжущихся поддержано еще яснѣе въ поротникахъ. И прежде уже Урошъ I, во взаимныхъ спорахъ Дубровничанъ съ Сербами, назначалъ по поротнику съ той и другой стороны; теперь же это условіе перенесено было и въ споры Нѣмцевъ съ Сербами. Оно отвѣчаетъ постановленію Душанова Законника, опредѣляющему, во взаимныхъ спорахъ Сербовъ между собою, сословіе, изъ котораго должны избираться поротники. Тамъ, въ ст. 130, сказано: **да соу велїимь властелωмь велїи властеле поротьци,**

а срѣдинимь людемь противоу ихь дроужина, а противимь ихь дроужина да соу поротьци,— и это основано на старинномъ правѣ, соблюдавшемся еще при Милутинѣ. А въ ст. 155 повторено то же, что и въ упомянутой грамотѣ Милутина: **Нововѣрьцемь и трьговьцемь да соу поротци половина срьбли, а половина иниа дроужина.** Правда, во всѣхъ мѣстахъ, приведенныхъ изъ грамотъ, поротники называются судьями; но нигдѣ они не названы своимъ настоящимъ именемъ, равно какъ не употреблено и слово порота; но это не должно насъ смущать. Во первыхъ, поротники суть дѣйствительно судьи; во вторыхъ, судьи, которые клянутся въ правомъ приговорѣ, которые избираются, а не назначаются отъ верховной власти, и избираются поровну съ той и другой стороны, которыхъ рѣшеніе считается окончательнымъ,—не суть ли то же, что поротьци, и судъ ихъ не есть ли то же, что порота Законника Душанова? Нужно ли имъ это названіе изъ нашихъ грамотъ— вотъ оно изъ позднѣйшихъ, деспотскихъ. Но прежде замѣчу, что при Дечанскомъ, Душанѣ и Урошѣ V о поротѣ въ нашихъ грамотахъ не говорится, и при Душанѣ, какъ можно догадываться изъ вышеприведеннаго мѣста, судъ по поротѣ, кажется, ослабѣлъ и былъ чаще замѣняемъ судомъ должностныхъ лицъ: это происходило всего скорѣе отъ усовершенствованія, или, лучше, подчиненія гражданскаго быта болѣе строгимъ правиламъ и законности, къ чему стремился Душанъ. Послѣ него стремленіе это остыло среди плачевныхъ государственныхъ переворотовъ, и при деспотахъ грамоты снова являются отголоскомъ возстановленной старины. Въ нихъ читаемъ: **ако се зчини кои прѣ мегю доубровчани и срьбли. да се постави половина соудии доубровчанехь. а половина срьбль. и да се прѣ оними прѣ. и да есть порота доубровчанинноу негова дроужина доубровчане, кои сѫ ѡндези, или кои се доубровчане мегю оу наиближнимь мѣстоу. аколи оусхоте ѡбои свѣдоуноу, кои се прѣ, да поставе половиноу доубровчанѣ. а половиноу срьбль. а ѿ ѡнѣхзи свѣдокѣ да не вольнь ни єдань побѣжи. аколи оузнимлю кою прѣ саси сь доубровчани** (въ др. **доубровчане ѿсаси**). **такогере да се соуде како и срьбли половина сась соудии, а половина доубровчаньь. и да не позива срьбинь доубровчанина на соудь никамо. такмо прѣ ѡнези соудіє. Такогере и саси да се проу прѣ ѡнѣмизи соудіами, а да се не моуче прѣ господствомь** (въ др. **на**) **ни прѣ кефалию** (въ др. **кашега**) (С. №№ 73, 90, 91, 111, 137). Сдѣсь ясно отличаются поротники отъ свидѣтелей, когда первые назначаются непремѣнно для тяжущихся, а послѣдніе предоставлены на волю ихъ; судьи и поротники суть одно и то же: ибо если бы тѣ и другіе были различныя лица, то и въ статьѣ о Нѣмцахъ и Сасахъ поротники были бы упомянуты, между тѣмъ какъ сдѣсь то, что говорится о поротѣ, есть только ближайшее опредѣленіе для судей; сдѣсь поротники рѣзко отдѣлены отъ должностныхъ судей, каковыми были кефаліи, и далѣе сами деспоты: кефаліи и деспоты сдѣсь то же, что царскіе судьи и самъ царь въ Законникѣ Душана, или властелинъ, имѣющій быть на судѣ, и самъ король въ грамотахъ королевскихъ; сдѣсь поротники избираются уже не по одному, а по нѣскольку, съ каждой стороны, и при томъ ближайшіе къ тяжущимся. И въ Законникѣ Душановомъ уже количество поротниковъ отъ двухъ увеличено до 24 для важнаго дѣла, до 12 для дѣла средней важности, и до 6 для малозначащаго; рѣшеніе поротниковъ основывалось на большинствѣ голосовъ (ст. 129). И такъ Дубровничане въ земляхъ Сербскихъ владѣтелей подчинялись, какъ и туземцы, суду присяжныхъ. Это явленіе весьма важно по тому, что суда присяжныхъ, какъ сказали мы

выше, не видно въ другихъ Далматскихъ общинахъ; оно свидѣтельствуетъ о вліяніи Славянскаго права на Дубровницкое, которое развивалось подъ преобладаніемъ городскаго населенія и на Римской почвѣ. Впрочемъ, такъ и должно было случиться, ибо Дубровникъ владѣлъ Славянскими землями, и въ народонаселеніи его, равно какъ обычаяхъ, Славянское начало занимало не послѣднее мѣсто. Въ половинѣ XV-го ст. Дубровничане внесли пороту даже въ свой законникъ, извѣстный подъ названіемъ «Зеленаго»; но не приняли ея для города, а только для областей, гдѣ, конечно, она существовала и прежде, какъ старинное обычное право; теперь же получила письменное выраженіе и законность предъ лицемъ городоваго правленія. Начало статьи, признающей судъ по поротѣ, perché i conti nostri di Stagno, Canali e terre nuove ed il capitano di Terstenizza per diversi modi amministrano la ragione и т. д.[1], уже само собою показываетъ, что порота была утверждена единственно для вновь пріобрѣтенныхъ ими областей; и въ этомъ нельзя не замѣтить желанія Дубровничанъ сохранить въ цѣлости Славянскій способъ разбирательства для ихъ Славянскихъ подданныхъ. Въ статьѣ опредѣлено количество поротниковъ сообразно съ величиною иска, быть можетъ, подъ вліяніемъ Душанова Законника; но о различіи сословій не говорится. Въ ней также упоминается, что порота существовала и прежде, съ тою только разницею, что поротники избирались изъ разныхъ мѣстъ и селеній, между тѣмъ, какъ теперь они должны были выбираться изъ того округа, къ которому принадлежалъ обвиненный.

Судъ за земли производился, кажется, въ извѣстное время года, именно, между Михайловымъ и Юрьевымъ днями (С. № 21). За однѣ ли земли разбирались въ это урочное время, или еще за что либо, рѣшить трудно. Въ концѣ договора съ Радославомъ, 1234 г. (С. № 2), сказано то же самое и, но видимому, безъ отношенія къ землѣ; но это позднѣйшая приписка, и ей нельзя давать полнаго значенія. Во всякомъ случаѣ, Михайловъ и Юрьевъ день играютъ важную роль въ древнѣйшемъ обычномъ правѣ Славянъ, что весьма естественно; ибо одинъ изъ нихъ стоялъ въ концѣ земледѣльческаго года, а другой въ началѣ. Дѣла могли удобнѣе совершаться въ свободное зимнее время, но, конечно, дѣла такія, которыя допускали отлагательство и относились преимущественно къ землевладѣнію. Въ Шибеникѣ суда не было по праздникамъ и въ пору жатвы[2]; въ Которѣ земледѣльцы отходили отъ собственниковъ въ Михайловъ день[3]. Въ Врьбникѣ, на Крькѣ, всякая потрава судилась до дня св. Люціи (13 декабря)[4]. На Млѣтѣ судьи избирались на одинъ годъ, и днемъ ихъ избранія былъ праздникъ св. Михаила, въ сентябрѣ мѣсяцѣ[5].

Судъ производился въ ближайшемъ городѣ, какъ видно изъ гр-ы Душана (С. № 43): да се сѫде прѣдь црьникѡ. и кнеземь. а или прѣдь кефалиѡ кои бѫде града тогаѕи, и изъ гр-ъ деспотовъ: да ѥсть порота дѫбровьчанинoу нѥгова дроужина доубровьчане, кои соу ѡндеѕи, или кои се доубровьчане нагю оу наиближьнѥмь мѣстоу (С. №№ 73, 90, 91, 111, 137). Но судъ за земли стоялъ, ка-

---

[1] Dubrovnik, 1851. См. статью М. Бана: Zrcalo povestnice Dubrovačke, стр. 81.

[2] Рейцъ, Сборникъ Валуева, стр. 176.

[3] Рейцъ, тамъ же, стр. 102.

[4] Arkiv za povêstnicu Jugoslavensku. Knj. II, razd. II, 1852. Statut otoka Krka, стр. 291.

[5] Млѣтскій статутъ, гл. 20, 28.

жется, въ опредѣленномъ мѣстѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, должно понимать выраженіе гр-ы Уроша I (С. № 21): И сѫдь да стае. гдѣ е и прѣте стоӕль ѹ дни гѡспѡ ѡца. Объясненіемъ служитъ гр-а Душана (С. № 43), въ которой судъ и расправа за землю назначаются тѣ же, какіе были у отца и дѣда, а судъ, по прежнему, стоитъ на Желѣзной Плочѣ. Мѣсто для суда избиралось, какъ сказали мы, ближайшее и удобнѣйшее для тяжущихся. Иногда его назначали судьи. Такъ король Твртко II, принявъ владѣнія послѣ бѣжавшаго Остои въ 1405, для разбирательства между Дубровникомъ, съ одной стороны, и Сандаломъ и Павломъ Радиновичемъ, военачальниками Остои, и прочими Босняками, съ другой, назначилъ одно изъ трехъ мѣстъ, Конавле, Требинье, или Попово, какое изберетъ одинъ изъ четырехъ судей, а именно, Вукацъ Храничъ, братъ Сандаловъ (С. № 69). Хотя састанакъ назначенъ былъ для всякого, кто только захватилъ что нибудь несправедливо у Дубровника; однако мѣсто састанку назначено было ближайшее какъ къ Дубровнику, такъ и къ владѣніямъ обоихъ главныхъ воеводъ, изъ которыхъ одинъ владѣлъ Хлумомъ, а другой Требиньемъ и Поповымъ: въ Конавлѣ сходились владѣнія обоихъ.

Между доказательными средствами, прежде всего вниманіе наше должно быть обращено на свидѣтельство или показаніе свидѣтелей. Свидѣтели въ Славянскомъ правѣ занимаютъ почетное мѣсто, и при извѣстныхъ условіяхъ пользуются полною довѣренностію: отъ того въ статутахъ Далматскихъ городовъ и островов находятся подробныя постановленія о свидѣтеляхъ. На показаніи свидѣтелей основывался искъ и рѣшалось дѣло; свидѣтели подкрѣпляли каждое показаніе, и безъ нихъ оно считалось недѣйствительнымъ; ихъ клятва имѣла одинаковую силу съ клятвою самого истца. За то и право свидѣтельствовать было ограничено строгими положеніями. Въ гр-ѣ Стефана Дечанскаго (С. № 39) есть любопытное извѣстіе о томъ, какъ должно разбираться при переимкѣ людей. Если Король услышитъ, что въ Стонѣ и Рѣтѣ проживаютъ его подданные, кромѣ тѣхъ, которые поступили во власть Дубровника вмѣстѣ съ упомянутыми мѣстами, то Король посылаетъ своего человѣка, который, вмѣстѣ съ приставомъ Дубровницкимъ, идетъ въ Стонъ и Рѣтъ и отыскиваетъ королевскихъ людей; если таковые не отыщутся, а Король не повѣритъ, то да паре кралевии четиреми или петими властелом дѹбровьчькимь да ми се ѡкльнѹ ѹ бгородицѹ дѹбровьчькѹ прѣдь чл҃вкомь кралевимь како нѣ ни єдного чл҃вка кралевии (и)ни ѹ рѣтѹ ни ѹ стонѣ. Слѣдовательно, клятвою свидѣтелей дѣло оканчивалось. Въ Душановомъ Законникѣ есть двѣ статьи (144 и 151), которыя пороту назначаютъ доказательнымъ средствомъ къ оправданію подозрѣваемаго; но такъ какъ здѣсь дѣло нейдетъ о судебномъ рѣшеніи, то должно заключить, что здѣсь законодатель разумѣетъ свидѣтелей, которые клятвенно оправдывали обвиняемаго. Какъ единственно свидѣтели, такого рода поротники ничѣмъ не отличаются отъ «душниковъ». То и другое слово означаетъ присяжныхъ; ибо въ Сербскихъ грамотахъ и Сербскомъ правѣ часто употребляются въ одномъ и томъ же смыслѣ «клятва» и «душа», или оба понятія, для взаимнаго усиленія, соединяются въ одно выраженіе «клясться на душѣ, или душою.» Вотъ нѣсколько примѣровъ: И врьхъ (на). вьсе. ѡво. писаньє. марьтоль. гѹлерникь. блⷣь.... врьхъ. дѹше. своє. и вьсе ѡпьщине дюбровьчьке. си ѡбьть. потврьдниль дрьжати. и клель се (С. № 16); да рє црьнии дѹшѡ (С. № 43); и ми се на тои ʒаклесмо нашими верами и дѹшами да смо тои право сведочили (С. № 156) и пр. По этому у древнихъ Сербовъ сказать на душѣ считалось равносильнымъ клятвѣ, и отъ того душники имѣли то же значеніе, какое и поротники, въ смыслѣ свидѣтелей, отли-

чаясь отъ простыхъ свидѣтелей тѣмъ, что показанія свои подтверждали клятвою. Это всего яснѣе видно изъ 163-й ст. Законника Душанова, гдѣ находимъ слѣдующее мѣсто: аколи се слоучи что изгоубити да имь (торговцамъ и гостямъ) есть порота вѣровани члоѣци. что рекоу доушомь своіомь, ере соу изгоубили, сь ониии поротци, то имь да плате кефаліе и стражe. Сдѣсь, какъ видно, порота и поротци опредѣлены точнѣе выраженіемъ вѣровани члоѣци что рекоу доушюмь своіомь, которые, въ свою очередь, могутъ быть замѣнены однимъ словомъ доушницы или доушевницы, какъ и дѣйствительно употребляется это слово въ другихъ статьяхъ. Объявить подъ клятвою количество утраты есть дѣло свидѣтеля, а не судьи: по этому душники суть присяжные свидѣтели, а не судьи. Такъ и въ другихъ статьяхъ Законника, въ которыхъ встрѣчается слово душники, оно означаетъ свидѣтелей, а не судей[1]; и приговоръ произносится не ими, а самимъ законодателемъ въ тѣхъ же самыхъ статьяхъ. Ихъ обязанность еще болѣе уяснится изъ сличенія гр-ы Душана (С. № 43), повторенной Урошемъ V (С. № 50), съ 193-ю ст. Законника. Въ первой сказано: а(ко) кои любо трьговьць. довѐ коне купивь иструге земле. а позилюсе. да се кльне. тьзи трьговьць самь дрэги ере (что) га ѥ купиль у тугеи земли. и не зна тати. ни гусара (разбойника). да не дае свода за този. да ако си узлюби свзи. кои си га позиава. узети кони. да си га узме а оиомузи трьговцу. да пода цѣну. що буде подаль за нега. А во второй: И сводь коньскыи и иныхь добытькь, или кои годѣ, правьда. что се гоуси (похищается) или оукраде, тотоу да даа своді ника, да плати вьсако само седьмо. ако ли рече. коупихь оу того (тоуге, въ чужой) земьли, да оправе доушевници оть глобе (пени). ако ли га не оправе доушевьници, да плати за (съ) глобомь. Сличимъ эти два мѣста еще съ 151-ю ст.: Що ко (кто) коупи оть патил истоужде земьле что боуде патиино по царскои земьли, да есть волинь коупити оть тога патна колико оу чюжден. ако ли га кто потвори (задержитъ) и рели (скажетъ): то е мое, да га оправи порота по законоу, ере есть коупиль оу тоуждои земьли, а не (нѣтъ) моу ни тать ни продавьць ни вѣстьникь. тако има како свое. Сравнивъ всѣ три мѣста, видимъ, что сдѣсь дѣло идетъ объ одномъ и томъ же: о покупкѣ коня, или другаго какого предмета, похищеннаго въ Сербіи и доставленнаго изъ чужой земли обратно въ Сербію для продажи. Купившій его, въ случаѣ, если отыщется прежній хозяинъ, представляетъ присяжныхъ свидѣтелей въ удостовѣреніе того, что купленому имъ предмету, оказавшемуся краденымъ, онъ не знаетъ ни вора, ни разбойника, ни продавца, сбывшаго его первоначально въ чужую землю изъ царской, ни соучастника; послѣ этого онъ избавляется отъ свода и владѣетъ купленымъ предметомъ по праву собственника; но если прежній хозяинъ захочетъ взять себѣ назадъ свою собственность, то купившій не можетъ удержать ея и возвращаетъ съ полученіемъ обратно своей цѣны, т. е., того, что она ему стоила; пени за покупку краденаго предмета онъ не платитъ, ибо уже оправданъ душникомъ; но если не оправданъ, то возвращаетъ купленый предметъ «съ глобою», т. е., самъ седьмой. Можно присоединить сюда еще одно мѣсто изъ той же грамоты Душана: и кои трьговьць. купи коня на трьгу. и плати замь црнну. да рѐ црнии душо̂ ере ѥ̂ тогази коня купиль. и за нега платиль црниу. а тати не зна. да му за този свода нѣсть. аколи га такози не оправи царнии. да да сводь у кога ѥ̂ купиль Сдѣсь нѣтъ купли въ чужой

[1] Ср. ст. 65, 190, 191, 193.

землѣ, но дѣло состоитъ въ одномъ и томъ же: царинникъ, хотя и должностное лицо, заступаетъ мѣсто душника и оправдываетъ купившаго. Такимъ образомъ всѣ приведенныя мѣста представляютъ одинаковое положеніе о покупкѣ украденаго въ чужую землю предмета; только выраженія для присяжныхъ свидѣтелей употреблены различныя: въ грамотѣ сказано просто «да клянется самъ-другъ»; въ Законникѣ этотъ побочный свидѣтель, присягающій вмѣстѣ съ покупщикомъ, замѣненъ «душевниками» и «поротою», а для купли, не бывшей въ чужой землѣ, онъ могъ быть самъ царинникъ. Въ томъ же смыслѣ порота является еще въ двухъ статьяхъ Законника. Ст. 144-я: **Дворане властельсціи, ако оучини кое ꙁло ѿть нихь, кто боуде прониирѣвникь, да га ѡправе ѡтина дроужина поротомь. ако ли исть себрь, да хвати оу котьль**; ст. 163-я: **ако ли се слоучи** (гостямъ и торговцамъ) **что иꙁгоубити да имь исть порота вѣровани члоуѣци. что рекоу доушомь своѥѿмь, ере соу иꙁгоубили сь ѡнѣми пороѣци, то имь да плате.** Судъ по поротѣ не могъ обойтись безъ поротниковъ какъ съ той, такъ и съ другой стороны: въ этомъ и состояло существенное свойство этого замѣчательнаго суда. Сдѣсь же поротники, по самому смыслу дѣла, стоятъ только съ одной стороны, ибо другой не было. Хотя **ѡправити** можетъ означать и судебное оправданіе; но сдѣсь оно означаетъ очищеніе отъ обвиненія черезъ клятву свидѣтелей, и только въ этомъ смыслѣ можетъ быть противопоставлено пыткѣ, назначаемой для себра. Вторая статья еще яснѣе подтверждаетъ смыслъ первой: въ ней поротники явно суть присяжные свидѣтели, вмѣстѣ съ которыми присягало и главное лицо. Клятвенное показаніе этого послѣдняго находило въ ихъ клятвѣ подтвержденіе себѣ. Сдѣсь нѣтъ и тѣни суда. Отсюда заключаемъ, что въ Законникѣ порота употребляется въ двоякомъ смыслѣ: какъ судъ по поротѣ и какъ клятвенное свидѣтельство: и этого различія не надобно забывать ни въ какомъ случаѣ. И такъ въ Сербскомъ судопроизводствѣ поротники, въ смыслѣ свидѣтелей, и душники служили присяжными свидѣтелями; и такъ какъ ихъ показаніе упраздняло всякое другое изслѣдованіе, на пр., сводъ, и считалось неопровержимымъ доказательствомъ, на которомъ уже основывался и самый приговоръ, предоставленный царскимъ судьямъ, или царю, или произнесенный заранѣе въ самомъ Законникѣ, то показанія ихъ нельзя назвать только очистительными, а ихъ самихъ «очистниками», ocistníci, или «помощниками», pomocníci, каковы были у древнихъ Чеховъ въ смыслѣ оправдателей обвиняемаго, или «сакраментаріями», sacramentarii, въ томъ же смыслѣ у жителей Далматскихъ общинъ; но показаніе ихъ могло быть и обвинительнымъ, и сами они могли свидѣтельствовать за и противъ. Были ли они въ то же время и рѣшителями дѣла, т. е., имѣли ли право произносить приговоры? Этого мы не видимъ ни отъ куда. Душники не суть поротники въ смыслѣ судей. Если Законникъ 129-ю и 156-ю статьями своими и если списокъ его 1701 года, замѣняющій слово **пороѣци** словомъ **соудіе**, достаточно свидѣтельствуютъ, что поротники были присяжными судьями, рѣшителями дѣла, и если душники были присяжными свидѣтелями въ пользу, или противъ обвиняемаго и оправдывающагося, то мы можемъ думать, что Шафарикъ и Палацкій ошибаются, разумѣя подъ душниками судей. Первый переводитъ ихъ чрезъ judices, Richter [1], а второй говоритъ: «что поротцы въ дѣлахъ важнѣйшихъ, то душницы, душевницы и свидѣтели въ дѣлахъ малыхъ», и доказываетъ свое мнѣніе 69-ю ст. Закон-

[1] У Кухарскаго, Древнѣйшія памятники Словянскаго законодательства, стр. 218.

ника. При этомъ онъ замѣчаетъ также, что «душники отвѣчали за приговоръ своею душею, а по тому не присягали»[1]. Во первыхъ, душники не были судьями, по тому, что ни одна статья Законника не говоритъ объ этомъ. Въ 69-й ст. сказано только: **А за мегю селскыю.... да когдѣ рекоуть сѫсѣди, тако да есть.** Сдѣсь приговоръ произнесенъ самою статьею, а показаніе свидѣтелей взято только въ основу, какъ доказательство, слѣдовательно, и не болѣе, какъ свидѣтельство. 65-я и 193-я ст. были бы приличнѣе, ибо въ первой изъ нихъ положено: **Аще кто попасеть** (потравитъ) **жито или виноградь или ливадоу грѣхомь, тоузи попашоу да плати, що рекоуть доушьници, кои цѣне;** а во второй: **да оправе доушевници оть глобе.** Но и сдѣсь, въ первомъ случаѣ, душники являются не болѣе какъ оцѣнщиками, а во второмъ простыми свидѣтелями, присутствовавшими при совершеніи покупки; но приговоръ или рѣшеніе дѣла заключается въ самихъ статьяхъ и зависитъ отъ воли законодателя. Что душники присягали, то это достаточно доказано нами выше; а что они не разбирали и малыхъ дѣлъ, то за это ручается 129-я ст., которая именно говоритъ: **а за мало дѣло. з. пороть̂ць.** — поротниковъ, но не душниковъ. Вообще порота обширностію своего значенія не должна смущать изслѣдователей. Если душники клялись, и по тому самому были поротниками, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы они отправляли должность поротниковъ-судей. Послѣдніе составляли только одинъ видъ поротниковъ вообще или присяжныхъ. Но чтобы душниковъ не сдѣлать поротниками-судьями, то для этого нельзя утверждать, что они не клялись. Какъ же иначе, какъ не черезъ клятву, поручатся они своею душою въ справедливости показанія? «Порота» или «рота» у Славянъ означаетъ вообще клятву безъ отношенія къ суду, а по тому и «поротникъ» или «ротникъ» означаетъ вообще присяжнаго, будетъ ли это судья, или свидѣтель. Въ статутахъ Далматскихъ общинъ часто встрѣчаемъ эти слова, но нигдѣ (кромѣ упомянутой статьи Дубровницкой Зеленой Книги) они не указываютъ на судъ по поротѣ и на присяжныхъ судей: они всюду означаютъ не болѣе, какъ обыкновенную клятву и клянущихся свидѣтелей[2]. Даже выраженіе § 41-го Винодольскаго Закона: *ротници за осудити кривце* не должно быть понимаемо иначе, какъ въ смыслѣ свидѣтельства неблагопріятнаго, но не въ смыслѣ судебнаго обвиненія; ибо дальнѣйшій смыслъ статьи показываетъ, что сдѣсь ротники суть свидѣтели, которымъ, безъ извѣстнаго условія, можно и не вѣрить.

Независимо отъ присяжныхъ свидѣтелей, душниковъ и ротниковъ, въ Сербскомъ судопроизводствѣ допускались другаго рода свидѣтели, не присяжные, которыхъ показанія основывались на ихъ личной честности и безпристрастіи; которымъ вѣрили на слово. Въ статутахъ Далматскихъ общинъ ихъ называютъ не иначе, какъ «добрыми мужами» или «добрыми люд-

---

[1] Сравненіе законовъ царя Стефана Душана Сербскаго съ древнѣйшими земскими постановленіями Чеховъ. Чтенія И. О. И. и Д. Р. 1846. N 2, стр. 20.

[2] Ср. Винодольскій Законъ, (Чтенія И. О. И. и Д. Р. 1846. N 4.) §§ 10, 41, 58, 61, 68, 69, 72, 73.—Крьчскій статутъ (Statut otoka Krka. Arkiv za povĕstn. Jugoslav., knj. II, razd. II. 185[illegible] Стр. 277—307) 1388 года, гл. 14; 1476 г., гл. 2. Сдѣсь числа главъ выставлены по нашему счету: въ изданіи Загребскаго Архива главы не перечислены. — Рейцъ, въ Сборн. Валуева, стр. 151. Жаль, что Рейцъ, въ изслѣдованіи своемъ, не обратилъ должнаго вниманія на различіе, дѣлаемое въ узаконеніяхъ Далматскихъ общинъ между свидѣтелями присяжными и неприсяжными. Изслѣдованіе его въ этомъ случаѣ остается для насъ безъ пользы.

ми»[1], «вѣроваными», «подобными», «добрыми»[2] свидѣтелями, «людьми добраго гласа»[3], а свидѣтельство ихъ «вѣрованымъ», или «отъ добраго гласа»[4].

Остановимся прежде всего на такъ называемыхъ добрыхъ людяхъ. Самое названіе этихъ людей, или мужей, добрыми показываетъ, съ какой стороны смотрѣло на нихъ общество. Это были люди почтенные, уважаемые, честные, безпристрастные, заслуживавшіе общее и полное довѣріе. Они могли принадлежать не къ одному какому либо сословію, а къ разнымъ; ибо значеніе ихъ было не сословное, какъ, на пр., значеніе благородныхъ или властелей, но нравственное. Тѣмъ не менѣе справедливъ и Рейцъ, относящій добрыхъ людей къ сословію неблагородныхъ или горожанъ[5]. Онъ разумѣетъ сдѣсь единственно такихъ добрыхъ людей, которые отправляли какія либо общественныя должности. Дѣйствительно, и теперь мы видимъ, что нѣкоторыя гражданскія обязанности лежатъ на людяхъ, которыхъ, по отправляемой ими должности, нельзя назвать чиновниками, но которые исполняютъ дѣла, требующія особенной добросовѣстности. Въ Дубровникѣ, какъ и въ другихъ Далматскихъ общинахъ, были должности, казавшіяся низкими для знатныхъ и богатыхъ властелей, но, по своей сущности, не могшія поступить въ завѣдываніе какого нибудь бѣднаго, неузнаннаго и никѣмъ не уважаемаго властеля; такія должности, каковы, на пр., оцѣнка имущества, повѣрка отчетовъ, опредѣленіе границъ и т. п., нуждавшіяся въ безкорыстіи и добросовѣстности исполнителей, отдавались лучшимъ изъ горожанъ, людямъ, хотя и не благороднаго происхожденія, но пользовавшимся въ городѣ доброю славою и всеобщею довѣренностію. Имъ же поручались и нѣкоторыя единовременныя обязанности, нуждавшіяся равномѣрно въ надежныхъ исполнителяхъ. Вообще, граждане, не получавшіе жалованья, подобно чиновникамъ, и отправлявшіе нѣкоторыя постоянныя, или временныя должности, основанныя не столько на знаніи законовъ, сколько на добросовѣстности исполненія, избирались изъ добрыхъ людей. До сихъ поръ Рейцъ правъ; онъ правъ только для нѣкоторыхъ случаевъ, но не правъ для всѣхъ видовъ служенія добрыхъ людей; ибо, повторяю, основаніе, имъ взятое для опредѣленія ихъ значенія, не вѣрно: оно не есть сословное, а нравственное. Какъ, на пр., ограничитъ онъ какимъ либо сословіемъ происхожденіе тѣхъ добрыхъ людей, которые, по его словамъ, въ Истріи, рѣшали семейные споры по назначенію самого подесты[6]? Неужели одно только сословіе горожанъ имѣло право судить и рѣшать домашнія распри, которыя могли возникнуть и въ властельскомъ и въ земледѣльческомъ сословіяхъ? Скорѣе всего сословіе добрыхъ людей отвѣчало сословію спорящихъ. Грамоты покажутъ намъ, что добрые люди были и изъ властельскаго сословія. Онѣ указываютъ на нѣкоторыя обязанности добрыхъ людей. Дубровничане просятъ Сербскихъ владѣтелей, чтобы за полученіемъ вкладовъ они посылали къ нимъ добрыхъ мужей, какъ людей благонадежныхъ (С. №№ 87, 108, 112, 115, 157). Между тѣмъ изъ грамотъ видимъ, что за вложеніемъ и полученіемъ вкладовъ являются отъ Сербскихъ владѣтелей

[1] Винод. Зак., § 27. — Крьчскій ст. 1388 г., гл. 19, 20, 26; 1470 г., гл. 3.

[2] Винод. Зак., §§ 7, 23, 27, 28, 30, 42, 51. — Крьчскій ст. 1388 г., гл. 1. — Рейцъ, въ Сборн. Вал., стр. 184, 187, 192. — Млѣтскій ст., гл. 21, 29, 33, 41, 45, 52.

[3] Винод. Зак., § 66. — Крьчскій ст. 1388 г., гл. 14.

[4] Винод. Зак., § 59.

[5] Сборникъ Валуева, стр. 74.

[6] Тамъ же, стр. 151.

почти всегда лица знатнаго происхожденія, кнезы и властели, изъ коихъ нѣкоторые, какъ на пр., Браилъ Тезаловичъ, были одними изъ знатнѣйшихъ бояръ. Другой вкладчикъ, витязь и кнезъ Прибиславъ Похваличъ, названъ Дубровничанами племенитъ чловѣкъ, т. е., племенитымъ человѣкомъ (С. №№ 106, 108, 109, 112, 115, 119, 123, 126, 127, 135, 139, 157, 158). Въ нѣкоторыхъ немногихъ грамотахъ вкладчики упоминаются не изъ властельскаго сословія, чего, впрочемъ, навѣрно утверждать нельзя. Таковы старецъ Димитрій, Радоня Прибчичъ и дьякъ Браянъ (С. № 87), христіанинъ (т. е., членъ ереси Патареновъ) Радашинъ (С. № 127), дьякъ Радивой Шиглица (С. № 134) и др. Совѣстныя дѣла, касавшіяся до личности, чести и имущества благородныхъ, требовали, чтобы и выборъ людей въ добрые мужи падалъ на благородныхъ. Добрые мужи являются посредниками въ распряхъ. Сандалъ, въ ссорѣ съ своею матерью, упоминаетъ о добрыхъ людяхъ отъ Босны, Хорваціи, Венеціи и Дубровника, присудъ которыхъ онъ считаетъ для себя закономъ. Онъ даетъ обѣщаніе не покидать матери ни въ легкое, ни въ тяжелое время; развѣ съ ея стороны будетъ противъ него что нибудь такое, за что, по приговору означенныхъ добрыхъ мужей изъ четырехъ земель, можно бы было сыну покинуть мать (С. № 93). Нельзя никакъ думать, чтобы столь важное лицо, каковъ былъ Сандалъ, могло щекотливое семейное дѣло поручить посредничеству не властелей, а горожанъ. Избранные имъ добрые мужи, безъ сомнѣнія, были знатнѣйшіе бояре четырехъ сосѣднихъ областей. Такъ точно Юрій, племянникъ Гервои, предоставляетъ Францисканскому викарію съ братіею, себѣ и своимъ добрымъ людямъ право обсуживать тѣ проступки, за которые можно бы было племенитымъ, т. е., знатнымъ властелямъ отрубить голову, или отнять у нихъ наслѣдственную собственность (С. № 118). Конечно, изъ мірянъ судить благородныхъ могли всего скорѣе благородные же. Невѣроятно, чтобы Юрій сталъ судить властелей съ одними горожанами. Радославъ Павловичъ, желая примириться съ Дубровничанами, послалъ къ нимъ добрыхъ мужей, которые и заключили съ Общиною договоръ отъ его имени (С. № 114). Для этого нужны были люди опытные въ дѣлахъ государственныхъ: это были тѣ же послы. Придворные знатные властели скорѣе всего могли исполнить порученіе такого рода. Ихъ имена выставлены въ грамотѣ: христіанинъ и почтенный мужъ Радинъ, кнезъ Санко Богавчичъ, кнезъ Иванишъ Гребеляновичъ и дьякъ Остоя, домашній Радослава. Первый изъ нихъ упоминается еще въ гр-ѣ Стефана Косачи (С. № 142): мирясь съ женою и сыновьями, Косача обѣщаетъ не враждовать болѣе съ ними до тѣхъ поръ, пока причину вражды не найдутъ законною дѣдъ Боснійской Церкви, 12 строителей, и между ними гость Радинъ, и 12 главнѣйшихъ властелей. Въ другой гр-ѣ (С. № 143) тотъ же Косача приводитъ свидѣтелей: дѣда Боснійской Церкви и съ нимъ 12 главнѣйшихъ христіанъ, урядителей или строителей «нашей—какъ сказано въ грамотѣ—вѣры», и 12 знатнѣйшихъ властелей. «Дѣдъ», «строитель» и «христіанинъ» были почетными званіями въ Патаренской ереси: по этому и гость Радинъ, хотя и не былъ благороднымъ, однако справедливо названъ въ грамотѣ С. № 114 «почтеннымъ мужемъ». Дѣдъ, строители и христіане, т. е., избранные члены ереси, стоятъ въ грамотѣ выше властелей, какъ самыя почетныя лица, которымъ, вмѣстѣ съ племенитыми властелями, самъ воевода св. Савы отдаетъ свое дѣло на судъ. Второй и третій изъ вышеупомянутыхъ добрыхъ людей приводятся въ другихъ грамотахъ Радослава и сына его, Иваниша, въ числѣ свидѣтелей; а извѣстно, что свидѣтелями бывали всегда знатнѣйшіе бояре, именующіеся въ грамотахъ почтенными вла-

стелями, родичами и братіею самого владѣльца. Между таковыми свидѣтелями стоятъ имена Санка Богавчича (иначе Боровчича, Гаочича, Раочича) въ гр-хъ С. №№ 104, 114, 133 и Иваниша Гребеляновича въ гр-хъ С. №№ 114, 127. Отсюда ясно, что и властели и благородные могли быть добрыми людьми. Племянникъ Гервои, Юрій Воиславичъ, въ своей грамотѣ, приводя свидѣтелями кнезовъ, воеводъ и родичей своихъ, называетъ ихъ всѣхъ добрыми людьми (С. № 118). И такъ, послѣ этого, не подлежитъ сомнѣнію, что добрымъ мужемъ могъ быть всякій, и простолюдинъ, и человѣкъ средняго состоянія, и властелинъ. Значеніе добрыхъ мужей или добрыхъ людей было не сословное, а нравственное. Нѣкоторыя гражданскія должности и важныя порученія исполняли, дѣйствительно, люди средняго сословія, а гдѣ дѣло касалось до личности, совѣсти, сословныхъ отношеній и т. п., тамъ добрые мужи избирались согласно съ происхожденіемъ главныхъ участниковъ дѣла. Такъ, на пр., для разбора семейной распри въ домѣ знатнаго боярина, для обсужденія проступка, сдѣланнаго властелемъ, для улаженія взаимныхъ отношеній между независимою Общиною и полунезависимымъ владѣтельнымъ бояриномъ, для свидѣтельствованія грамоты владѣтеля, или его вельможи и т. п. необходимо избирались добрые мужи изъ высшаго или властельскаго сословія; а для повѣрки, на пр., межъ, или для точныхъ показаній о правѣ землевладѣнія и т. п. добрые мужи могли быть избираемы и изъ горожанъ. Такъ, Санковичи, говоря объ основаніи Дубровника, ссылаются на слова старожиловъ, добрыхъ людей, слышавшихъ отъ отцовъ и дѣдовъ о разрушеніи Епидавра, и на основаніи словъ этихъ добрыхъ людей они уступаютъ Дубровнику Конавле и Виталину (С. № 78). Такъ точно для опредѣленія спорныхъ границъ, въ одной грамотѣ Душана (?) назначено было двѣнадцать старцевъ, добрыхъ людей, *да отешу куде мегя* (Гр., стр. 54, № 38). Для оттесанія или проведенія межи не нужно было выбирать добрыхъ мужей изъ властельскаго сословія. Сдѣсь нужны были только люди добросовѣстные, на показанія которыхъ можно бы было положиться. Въ Далматскихъ общинахъ, также какъ и въ Сербіи, были добрые люди; но извѣстія о нихъ скуднѣе въ нашихъ источникахъ. Только въ одной грамотѣ находимъ ихъ, и именно въ гр-ѣ Уроша V (С. № 45), гдѣ царь повелѣваетъ Дубровнику послать своихъ добрыхъ людей для призванія виновнаго Жарка. Сдѣсь обязанность ихъ соприкасается съ обязанностію пристава, хотя различіе видно съ перваго взгляда. На пристава менѣе можно было положиться, чѣмъ на добрыхъ людей. Въ Крьчскомъ статутѣ видимъ, что проведиторъ Гуго, осматривая Врьбникъ, имѣлъ при себѣ всѣхъ вѣчниковъ и прочихъ добрыхъ людей и съ ними дѣлалъ различныя постановленія (1477 г., февр. 3)[1]. Сдѣсь разумѣются почтенные и благонадежные люди, приговору которыхъ община должна была подчиниться.

Къ этому общему значенію добрыхъ людей, избиравшихся изъ разныхъ сословій для всего того, что нуждалось въ рѣшеніи, или исполненіи не должностнаго какого лица, а человѣка безукоризненной честности, съ вліяніемъ въ обществѣ, пользующагося извѣстностію и общимъ довѣріемъ, надлежитъ присоединить и частное значеніе добрыхъ людей, какъ свидѣтелей неприсяжныхъ. Всякое свидѣтельство, которому вѣрили, не нуждалось въ клятвѣ. Отъ того въ грамотахъ, Законникѣ Душановомъ и узаконеніяхъ Далматскихъ общинъ простые свидѣтели отличаются отъ присяжныхъ. Слѣдовательно, Серб-

---

[1] Arkiv za povĕstn. Jugoslav., 1852. II, II. Стр. 293.

ское право различало два вида свидѣтелей, душниковъ или поротниковъ, въ смыслѣ свидѣтелей, и собственно такъ называемыхъ свидѣтелей или добрыхъ людей. Что простые свидѣтели были вмѣстѣ и добрыми людьми, то это мы уже показали выше, приводя различныя названія, придававшіяся свидѣтельству. Теперь посмотримъ, есть ли слѣды упомянутаго различія между свидѣтелями въ нашихъ грамотахъ, касающихся взаимныхъ отношеній Дубровника съ Сербіею. Извѣстія о присяжныхъ свидѣтеляхъ мы уже разсмотрѣли. Обратимся къ простымъ свидѣтелямъ. **И кьди пре латининь србина.** — сказано въ грамотѣ Душана (С. № 43) — **да да латининь. србинѣ половину латинь. а половину срьбь свѣдоке. такожде и србинь кьди пре латинина. да му даю свѣдоке. половину срьбь а половину латинь. по закону како су имали. и родитеља и прародитеља црьвми. и стаго краља.** Сдѣсь грамота имѣетъ въ виду свидѣтелей, а не поротниковъ или судей, ибо непосредственно передъ этимъ говоритъ о судѣ и назначаетъ кому завѣдывать судомъ. За тѣмъ слѣдуетъ естественный переходъ къ свидѣтелямъ, клятвѣ, душникамъ и т. д. Отсюда видимъ, что обычай представлять свидѣтелей велся въ Сербіи изстари, и что не оба тяжущіеся обязывались выставлять свидѣтелей, а одинъ только истецъ долженъ былъ представить половину свидѣтелей изъ своихъ однoземцевъ, и половину изъ однoземцевъ своего соперника. Это послѣднее обстоятельство служитъ новымъ различіемъ между присяжными судьями и свидѣтелями: мы видѣли, что поротники непремѣнно назначаются поровну съ той и другой стороны, отъ жалобника и отъ обжалованнаго, а не отъ одного истца. Но представленіе свидѣтелей съ одной только стороны не всегда наблюдалось. Справедливѣе было выслушать свидѣтелей съ обѣихъ сторонъ, и по тому въ 69-й ст. Законника, въ спорѣ за границы, Душанъ назначилъ свидѣтелей съ обѣихъ сторонъ по ровному числу. На показаніи ихъ утверждался приговоръ. Впрочемъ, сдѣсь сущность дѣла была отлична отъ предыдущей: тѣмъ не менѣе деспотскія грамоты и для торговыхъ дѣлъ опредѣляютъ поровну свидѣтелей съ обѣихъ сторонъ: **аколи оусхоте обои свѣдоуби, кои се прѣ, да поставе половиноу доубровчанѣ. а половиноу срьбаль. а ѡ бѣжахѹи свѣдокъ да нѣ вольнь ни идѣ побѣгни** (С. №№ 73, 90, 91, 111, 137). Сдѣсь еще яснѣе, чѣмъ въ Душановой грамотѣ, отличены свидѣтели отъ поротниковъ, именуемыхъ судьями. По поводу суда поротниковъ назначаются и самые свидѣтели, и при томъ допущеніе ихъ предоставлено на волю тяжущихся. Свидѣтели представляются обѣими сторонами; изъ нихъ ни одинъ не можетъ бѣжать. Но при всемъ ясномъ различіи, какое мы видимъ между присяжными судьями и свидѣтелями, мы не знаемъ достовѣрно, клялись ли послѣдніе въ справедливости своего показанія, или нѣтъ: грамоты рѣшительно умалчиваютъ о клятвѣ этого рода свидѣтелей. Это одно уже служитъ отрицательнымъ доказательствомъ въ пользу того, что Сербское право допускало свидѣтелей неприсяжныхъ. Но названіе добрыхъ мужей, придаваемое столь часто свидѣтелямъ въ статутахъ Далматскихъ общинъ, уже положительно доказываетъ это мнѣніе; ибо иначе этимъ свидѣтелямъ не за чѣмъ бы было называться добрыми мужами: справедливость ихъ показанія была бы подкрѣплена клятвою, а не добрымъ именемъ. Съ этимъ согласны и прочія названія, придаваемыя свидѣтелямъ, какъ-то: почтенные, достовѣрные и т. д.; ибо если бы свидѣтели не были таковыми, то не были бы и свидѣтелями. По этому клятва, при ихъ добросовѣстности, была дѣломъ лишнимъ. Мы съ увѣренностію можемъ сказать, что этого рода свидѣтели дѣлали свои показанія голословно. Но Рейцъ приводитъ положеніе изъ Ко-

торскаго статута, по которому всѣ свидѣтели должны быть приводимы къ присягѣ [1]. Въ Которѣ, можетъ статься, дѣйствительно такъ было; однако мы, имѣя подъ рукою подлинники Винодольскаго, Крьчскаго и Млѣтскаго статутовъ, не можемъ допустить словъ Рейца для прочихъ общинъ. Ни въ одномъ статутѣ мы не находимъ выраженія, которое, по смыслу своему, означало бы клятву свидѣтелей. Тамъ постоянно употребляются выраженія: «показати», «приказати», «сказати», «провати» [2], въ чемъ, конечно, никто не замѣтитъ клятвеннаго удостовѣренія, которое тамъ, гдѣ оно существуетъ, имѣетъ другое выраженіе, именно, «присети», «одприсети», «ротою, заклетвою подтвердити», «ротити» и т. п. [3]; а присяжные свидѣтели называются въ такомъ случаѣ уже не «свѣдоками», а «ротниками». Приведу замѣчательное мѣсто изъ Винодольскаго Закона, гдѣ «свѣдоки» отличены отъ «поротниковъ»: *И ёште од убойства, ако ни су сведоци, освaени од нега* (обвиненный въ немъ) *има се очистити само. н҃. десет, найдуть* (нашедши) *своих поротники, како пайболѣ ви и море* (знаетъ и можетъ); *ако ротники ни ма, присези он сам толико крат, воля за оних, ки му манькаю* (недостаютъ) (§ 68). Если нѣтъ свидѣтельства, то слѣдуетъ присяга. Вотъ нѣкоторыя статьи изъ Винодольскаго Закона: *Ако буде пред двором од сили пра, воля од татби... и парац ни ма свидочаства сврьху кривца, и пусти се на роту од рубанѣ* (§ 9); *Ако сведоци онде ни су, има присети, ки таи, само. в҃і.* (§ 11); *Ако убо онде ни су сведоци добри, присези, ки таи* (§ 27);.... *ако од речене сили ни ма сведоки, верована є, ниште манѣ има присети положивши руку звьрху книг* (§ 56);... *ништар манѣ има с роту потвьрдити, ако ни су онде сведоци* (§ 61). Изъ статута Крьчскаго 1388 года: I ošće, ako nebi imela svedoki, da onda ima priseći samo 12. (гл. 1); Ošće po svedočěh ali po inom računě, ako gospodar nebude moći viděti svoju škodu, tere bi se sumnjel na nikoga tata, mozi ga rotiti samo 12. (гл. 14);.... on ki bude se tužiti, tere provati jednim dobrim člověkom.... ako bi nemogal provati ki bi bijen, budi verovan samotret priseg (гл. 19);.... on ki bi udren, ter bi se tužil i proval jeděm dobrěm člověkom.... ako bi nemogal provati, budi verovan priseg samotret (гл. 20);.... a vazda provajući 2, ali jeděm dobrěm člověkom, a nemoguci provati, imej se otpriseći samošest (гл. 26). Такое же различіе заключается и въ выраженіи статута 1470 года, гл. 2: imej priseći ali pokazati. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ показаніе свидѣтелей бываетъ недостаточно, и тогда слѣдуетъ присяга. Если цѣнность вещи превышаетъ извѣстное количество денегъ, то присяга замѣняетъ свидѣтельство. Таковы положенія Винодольскаго Закона... *мимо ча би вридно било солдини. к҃. невете толико ако би имел (ключар) сведоки верованих; и такое сверху. к҃., сол. ча би вридно, има присети такнут у свето еванеле* (§ 42); *Єште ниедан товернар нiй' верован през сведочаства од ниедне кьрденче, ку би он учинил од своега вина навлашнога невете солдини. г҃., а подружник, то є, ки тує вино продае, солдини. н҃., и еште имаю сверх тога присети* (§ 43). Всѣ эти мѣста ясно показываютъ различіе между свидѣтелями простыми, «свѣдоками», и свидѣтелями присяжными, «ротниками». Первымъ вѣрили на слово, вторымъ въ силу приносимой ими клятвы.

---

[1] Сборн. Вал., стр. 179.

[2] Ср. Винодольскій Зак., §§ 7, 23, 27, 28, 30, 51, 52, 59, 76. — Крьчскій стат. 1388 г., гл. 1, 14, 19, 20, 26, 28; 1470 г., гл. 3; 1476 г., гл. 1. — Млѣтскій стат., гл. 1, 52.

[3] Ср. Винодольскій Зак., §§ 9, 10, 11, 27, 42, 43, 44, 45, 56, 61, 68, 69, 73, 76. — Крьчскій стат. 1388 г., гл. 1, 14, 19, 20, 26; 1470 г., гл. 2. — Млѣтскій стат., гл. 9, 30, 34, 39, 45

Вѣроятно, первыхъ, какъ людей добрыхъ, труднѣе было найти, чѣмъ вторыхъ, и по тому въ Крьчскомъ статутѣ 1388 г. требуется большее число ротниковъ, чѣмъ свѣдоковъ. Для доказательства укажу на 1-ю главу, гдѣ, вмѣсто трехъ добрыхъ свидѣтелей, требуется двѣнадцать поротниковъ; на 19-ю и 20-ю гл., гдѣ одинъ добрый человѣкъ равняется тремъ присяжнымъ свидѣтелямъ; и на 26-ю гл., въ которой, вмѣсто двухъ, или одного добраго человѣка, назначается шесть присяжныхъ свидѣтелей. Такимъ образомъ узаконенія Далматскихъ общинъ положительно доказываютъ то, что наши грамоты доказываютъ только отрицательно: не остается никакого сомнѣнія, что Сербское право допускало двоякихъ свидѣтелей. Между добрыми людьми, избиравшимися для свидѣтельства, были и добрыя жены. Онѣ назначались только въ такомъ случаѣ, когда дѣло касалось женщины, было ли то оскорбленіе личности, или ссора съ мужемъ, или насиліе: §§ 18, 27, 28 Винодольскаго Закона и гл. 1-я и 23-я Крьчскаго статута 1388 г. допускаютъ таковыхъ «добрыхъ и подобныхъ» женъ къ свидѣтельству. Даже женщина могла быть и присяжнымъ свидѣтелемъ въ дѣлѣ о насиліи, какъ видно изъ § 56 Винодольскаго Закона. Не касаюсь другихъ, дальнѣйшихъ постановленій о свидѣтеляхъ, какъ-то: условій ихъ избранія, числа ихъ, права свидѣтельствованія и пр. Все это весьма точно и подробно опредѣлено въ различныхъ статутахъ Далматскихъ общинъ и показываетъ, что свидѣтели занимали важное мѣсто въ ихъ судоустройствѣ; но такъ какъ разсматриваемые мною памятники не подаютъ къ тому повода, то я и не останавливаюсь на дальнѣйшихъ постановленіяхъ о свидѣтеляхъ и перехожу къ другимъ доказательнымъ средствамъ, упоминаемымъ въ нашихъ грамотахъ.

Нѣтъ, кажется, надобности говорить, что самыя грамоты служили доказательствомъ въ различныхъ дѣлахъ и спорахъ, какъ свидѣтельство на обладаніе какимъ либо правомъ. Ссылки на договоры отцовъ и дѣдовъ, столь частыя въ грамотахъ, испрашиваемыхъ Дубровничанами у Сербскихъ владѣльцевъ; грамоты на принятіе вкладовъ; тѣ же самыя, съ которыми повѣренные являлись и за обратнымъ ихъ полученіемъ, и т. п. суть такое же доказательное средство, какъ и живое свидѣтельство. Грамоты выдавались Дубровничанамъ въ удостовѣреніе взаимныхъ сдѣлокъ: земельныхъ, мировыхъ, договорныхъ, денежныхъ, торговыхъ и т. д. Дубровничане отвѣчали, когда было нужно, на этѣ сдѣлки своими грамотами. Внутри Сербскихъ земель грамоты выдавались преимущественно на право владѣнія земельною собственностію, и тотъ, кто имѣлъ подобную грамоту и представлялъ ее на видъ въ случаѣ тяжбы, выигрывалъ дѣло (З., ст. 68). Только въ спорахъ за церковную землю грамота не принималась въ уваженіе, и споръ рѣшался судомъ по закону церковному и царскому съ вѣдома самого царя (З., ст. 67). Основаніемъ землевладѣнія при Душанѣ служило положеніе, какъ кто чѣмъ владѣлъ при Милутинѣ; но изъ двухъ грамотъ, данныхъ на одно владѣніе, силу имѣла только послѣдняя, ближайшая ко времени изданія Законника (З., ст. 68, 141). Бѣглецамъ изъ чужой земли давалась царская охранная грамота, съ которою они могли водворяться въ землѣ царской; иначе прогонялись обратно (З., ст. 101). Ни царь, ни царица, ни церковь, ни властелинъ, ни кто другой не могъ принимать и держать у себя чужаго человѣка безъ грамоты царской (З., ст. 120). Безъ грамоты, подписанной самимъ царемъ, начальство не имѣло права никого сажать въ тюрьму, подъ страхомъ пени въ 500 черв. (З., ст. 178). Не только отдѣльныя лица получали грамоты на владѣніе баштинами, но и

цѣлые города, какъ Сербскіе, такъ и завоеванные Греческіе, хранили у себя жалованныя грамоты, которыя считались неопровержимымъ доказательствомъ ихъ правъ и не могли быть нарушены даже самою верховною властію (З., ст. 39, 117, 148). Всякая царская грамота, какого бы рода она ни была и кому бы ни была представлена, должна быть исполнена въ точности: ослушаться ее невозможно. Но если требованіе царской грамоты дѣйствительно не можетъ быть исполнено, то она представляется обратно царю, и тотъ, къ кому она относится, долженъ лично держать отвѣтъ передъ царемъ (З., стр. 116). Если въ грамотѣ окажется подлогъ, то таковая уничтожается, а владѣніе баштиною, на ней основанное, прекращается (З., ст. 118). Грамота, опровергнутая Законникомъ царскимъ и судомъ, представляется судьею на разсмотрѣніе царю (З., ст. 93). Душанъ, желая, чтобы судьи исполняли свой долгъ честно и право, старался сколь возможно болѣе придать грамотѣ, какъ доказательному средству, значеніе безпристрастія и правоты. По этому онъ самъ повелѣвалъ въ 184-й статьѣ своего Законника: **аще пише книгоу царь или по срьдьџоу или по любьви или по милости ꙁа некога, а она книга раꙁораеть ꙁаконикь, не по правдѣ и по ꙁаконоу, како пише ꙁаконь, соудіе тоу книгоу да не вѣроують, тькмо да соуде сьрьше по правьди.** Сдѣсь отношеніе между царскою грамотою и закономъ поясняется тѣмъ, что Законникъ былъ изданъ не однимъ царемъ, но вмѣстѣ съ знатнѣйшими духовными и мірскими чинами Сербіи. При выдачѣ грамоты на владѣніе баштиною взималась подать по 30 перперовъ за каждое село логоѳету и 6 перп. дьяку за письмо (З., ст. 114). Независимо отъ царскихъ грамотъ, судьи выдавали и отъ себя грамоты, въ которыхъ излагали свои приговоры и которыя служили для приставовъ и глобарей основаніемъ для приведенія въ исполненіе судебныхъ рѣшеній (З., ст. 165). Грамотами приглашались къ суду великіе властели (З., ст. 51). Всякое судебное рѣшеніе записывалось судьею въ двухъ грамотахъ, изъ коихъ одну судья отдавалъ приставу для точнаго исполненія, а другую оставлялъ у себя для повѣрки дѣйствій пристава. О таковыхъ двойникахъ говорится въ 165-й и 166-й статьяхъ Законника. Судейскимъ грамотамъ всякій долженъ былъ повиноваться безпрекословно, и ослушники наказывались одинаково съ ослушниками царскими (З., ст. 128). Таково было государственное, гражданское и судебное значеніе грамотъ въ древней Сербіи. Важность грамоты и внѣшняя форма ея опредѣлялись важностію самого предмета. Различіе въ степени важности грамоты отражалось и въ названіяхъ. Въ древней Сербской письменности слово «грамота» не употребляется, но его постоянно замѣняетъ слово «книга», которое всегда у Сербовъ, какъ и у нѣкоторыхъ Славянъ, значитъ то же, что буква, письмо, бумага, грамота, книга и грамотность. Книга, самая важная по своему значенію и писанная съ соблюденіемъ полной формы, есть «хрисовулъ» или «златопечатное слово», носившее при себѣ золотую печать. Впрочемъ, это названіе встрѣчается только въ собственно-Сербскихъ грамотахъ не ранѣе Милутина. Можно думать, что только съ этого короля и только въ собственной Сербіи велся обычай важнѣйшія грамоты печатать золотою печатью. Сюда относились преимущественно грамоты, торжественно подтверждавшія Дубровничанамъ ихъ права и льготы, или утверждавшія за церквами и монастырями новыя надачи. Вообще всякая, данная государемъ, грамота называлась въ собственной Сербіи «словомъ», къ которому, кромѣ златопечатнаго, прибавлялись иногда еще другія названія, какъ-то: «обычное», «всенастоящее», «извѣстное», «печатное». Въ другихъ случаяхъ, смотря по содержанію своему, книга называлась «милостью», «повелѣнію»,

«записомъ» или «записаніемъ». Сдѣсь смыслъ содержимаго переносился на содержащее. Эти названія встрѣчаются какъ въ Сербскихъ, такъ и въ Боснійскихъ, Дубровницкихъ и другихъ грамотахъ. Милость означала дарственную грамоту, которою жаловались новыя, или подтверждались старыя права. Повеля (повелѣніе) содержала волю государя, требовавшую исполненія. Записями назывались большею частію расписки, которыя Дубровничане выдавали на принятіе вкладовъ и съ которыми повѣренные являлись къ нимъ за полученіемъ вкладовъ. Вообще запись и записаніе представляли незначительную грамоту, писанную наскоро безъ соблюденія полной формы. Во взаимныхъ сношеніяхъ Босны съ Дубровникомъ книга часто называется «листомъ», къ которому присовокупляются иногда названія: «вѣрованый», «отвореный«. Послѣднее означало открытую грамоту, которая, въ случаѣ спора, могла быть показана и прочитана всѣмъ и каждому. Другія менѣе точныя названія, встрѣчаемыя въ Боснійской и Дубровницкой грамотности, суть: «писаніе», «подписаніе» и «еспедиторія». Послѣднее употребляется рѣдко, исключительно для записокъ по вкладамъ. Мы упомянули о формѣ грамотъ. Хрисовулъ и вообще всякая торжественная, важная грамота начиналась со вступленія, которое всегда было набожнаго содержанія и называлось «богословіемъ». Обыкновенно длинныя вступленія, богатыя богословскими умозрѣніями и выписками изъ Св. Писанія, находятся въ собственно-Сербскихъ грамотахъ, начиная уже съ Немани, и усиливаясь преимущественно при Милутинѣ и Душанѣ. Они православнаго содержанія, и корень или мѣсторожденіе ихъ есть собственная или восточная, православная Сербія. Вступленія перешли потомъ и въ грамоты Боснійскихъ королей, желавшихъ чрезъ это поддѣлаться подъ ладъ грамотъ Сербскихъ царей и тѣмъ сблизиться съ ними въ понятіяхъ народныхъ. Извѣстно, что Боснійскіе короли предъявляли свои права на восточную Сербію, бывшую уже въ зависимости отъ Турокъ, и всячески старались укоренить эту мысль въ народѣ православной Сербіи: то величали себя прямыми потомками и родичами царей и королей Сербскихъ, то ссылались на преемство власти, то требовали себѣ Сербскаго дохода. И это-то заставляло ихъ писать вступленія, согласныя съ догматами Православія, тогда какъ сами они были или католики, или патарены. Но безплодность почвы для вступленій оказывается съ перваго разу. Одни вступленія выписаны изъ собственно-Сербскихъ грамотъ [1]; другія, сочиненныя однажды, переходятъ изъ грамоты одного короля въ грамоту другаго [2]. Впрочемъ, переписываніе вступленій началось уже и въ собственной Сербіи съ упадкомъ ея могущества. И тамъ нѣкоторыя позднѣйшія грамоты имѣютъ вступленія, заимствованныя изъ древнѣйшихъ [3]. Какъ только Юрій Стратимировичъ Зетскій задумалъ сдѣлаться независимымъ и предъявилъ права на преемство послѣ Сербскихъ царей, то въ подтвердительной грамотѣ Дубровничанамъ помѣстилъ вступленіе (С. № 71). Хлумскіе и Травунскіе владѣтельные бояре, не имѣвшіе повода ко вступленіямъ, избѣгаютъ ихъ; а Дубровничане, католики, вовсе не употребляютъ ихъ. Только однажды ихъ логоѳету Руску пришла мысль внести въ одну изъ писанныхъ имъ грамотъ вступленіе изъ королевскихъ Боснійскихъ грамотъ; но и тутъ, чрезъ рабское подраженіе

[1] Слич. С. N 57 съ С. NN 105, 136; С. N 71 съ С. NN 84, 97; С. NN 49, 50, 62, 90, 91, 111, 137 съ С. N 99.

[2] Сл. С. NN 81, 85, 95, 130, 3. А.; С. NN 114, 144.

[3] Сл. С. NN 49, 50, 62, 90, 91, 111, 137; А. NN 18, 19.

онъ впалъ въ граматическія ошибки, забывъ согласованіе словъ[1]. Большая часть грамотъ начинается, вмѣсто вступленія, обычнымъ выраженіемъ въ (ва, оу) име оца и сна и стаго дха. Но вообще начала грамоты, при всей краткости своей, чрезвычайно разнообразны; между ними болѣе обыкновенныя суть: пише краљевьскоми или царьскоми да и вѣдомо; или: да и вѣдомо створи милость краљевьскоми, или царьскоми: это начало употребляется въ собственно-Сербскихъ грамотахъ; милостію божіею азъ (и)....; съ помощію божіею и (азъ) и т. д. Иногда грамота начинается прямо съ имени дающаго ее. Вообще должно замѣтить, что чѣмъ ранѣе вѣкъ грамотъ, тѣмъ форма ихъ небрежнѣе, тѣмъ она тороплививѣе и неопредѣленнѣе. Особенно грамоты королей Владислава, Уроша и Милутина отличаются краткостію и отсутствіемъ формы, можетъ быть, по тому, что короли не считали приличную форму обязательною для себя по своимъ отношеніямъ къ Дубровнику; или это происходило отъ неустановившихся еще внѣшнихъ условій грамотности. За началомъ слѣдовали имя и титулъ давшаго грамоту, если только они не начинали собою грамоты. Потомъ излагалось самое дѣло. Эта существенная часть отличается во всѣхъ, подлежащихъ нашему изслѣдованію, грамотахъ относительно большею чистотою и народностію языка. За нею слѣдуетъ клятва въ удостовѣреніе ненарушимости грамоты и зарокъ себѣ, или проклятіе другимъ, если бы грамота была нарушена. Иногда клятва предшествуетъ изложенію дѣла. За тѣмъ выставляются свидѣтели, если таковые были и присягали вмѣстѣ съ главнымъ лицомъ. Иногда имена свидѣтелей выставляются прежде зарока и послѣ клятвы. Въ собственно-Сербскихъ и Зетскихъ грамотахъ мѣсто свидѣтелей заступаютъ «милостники», имена коихъ выставляются въ самомъ концѣ грамоты послѣ имени дьяка. Годъ, число мѣсяца и имя дьяка оканчиваютъ грамоту. Иногда означается день, особенно если это праздникъ, въ которой писана грамота, а въ православныхъ грамотахъ, сверхъ того, отмѣчается индиктъ, часто ошибочно, кругъ солнцу и лунѣ. Грамота закрѣпляется подписью и печатью главнаго лица, дающаго грамоту. Обыкновенно если грамота издается отъ двухъ, или трехъ лицъ, на пр., супруга и супруги, отца, или матери съ сыновьями, то подписывается все же одно главное лицо; но есть и исключенія. Такъ, съ Дабышею подписалась супруга его, Елена (С. № 81). Такъ, Ангелина подписалась вмѣстѣ съ двумя своими сыновьями, Григоріемъ и Иваномъ (С. № 178). Равные, т. е., братья, подписываются вмѣстѣ (С. №№ 141, 163; А. № 19). Разумѣется, всѣ эти условія, относившіяся ко внѣшности грамоты, не всегда соблюдались. Въ большей части грамотъ не достаетъ того, или другаго; но есть, разумѣется, грамоты, въ которыхъ всѣ эти условія соблюдены: онѣ принадлежатъ къ числу хрисовуловъ, милостей и листовъ. Излагая эти условія, я имѣлъ въ виду представить полную форму грамоты. Обыкновенно грамоты изготовлялись писцами или дьяками; но, какъ видно изъ З., ст. 114, онѣ поступали потомъ къ логоѳету царскому, который, вѣроятно, и представлялъ ихъ для подписанія. Здѣсь логоѳетъ означаетъ особеннаго чиновника, завѣдывавшаго письменною частію. Былъ и великій логоѳетъ. Впрочемъ, въ нашихъ грамотахъ дьяки или простые писцы именуются часто логоѳетами. Хотя въ Сербіи не было обычая своеручно писать грамоты, однако не обходилось и безъ исключеній. Не всякій изъ довѣренныхъ и посланныхъ людей могъ имѣть при себѣ дьяка, и по тому они изготовляли грамоты сами. Мы имѣемъ нѣсколько таковыхъ грамотъ, своеручно

[1] Сл. С. N 100 съ С. NN 81, 85, 89, 95.

писанныхъ тѣми, кто ихъ выдавалъ (С. NN№ 155, 170). Но, сверхъ того, сохранились двѣ грамоты Владислава, сына Косачи, писанныя имъ самимъ въ то время, какъ онъ возсталъ противъ отца (С. NN№ 74, 132). Онѣ тѣмъ замѣчательнѣе, что писаны лицомъ не маловажнымъ, которое могло бы имѣть своего дьяка. Также грамота Ангелины писана однимъ изъ сыновей ея, Георгіемъ, который и подписался вмѣстѣ съ матерью и братомъ, Иваномъ (С. № 178). Нѣкоторыя договорныя грамоты изготовлялись въ двухъ спискахъ и хранились какъ тою, такъ и другою стороною. Гр–ы С. NN№ 62, 106, 108, 112, 128 писаны въ двухъ спискахъ. Первая изъ нихъ есть подтвердительная грамота Вукашина, данная Дубровничанамъ; а остальныя суть расписки Дубровничанъ въ полученіи вкладовъ. Въ хрисовулѣ Душана (С. № 43) упоминается о трехъ спискахъ этого хрисовула, изъ коихъ два должны были сохраняться въ Сербіи и Дубровникѣ, а третій отданъ былъ на сохраненіе Венеціянскому дожу. Грамота, опредѣляющая границы Черногоріи при Иванѣ Черноевичѣ, была изготовлена въ двухъ спискахъ, изъ коихъ одинъ внесенъ былъ въ письмовню (канцелярію) Цетынскую, а другой въ Которскую (Мл.). Добросовѣстность и неприкосновенность грамоты, всегда хранимыя обычнымъ правомъ и подтвержденныя Душаномъ въ Законникѣ, истекали изъ самого способа составленія грамоты. Клятва, свидѣтели, подпись лица, дающаго грамоту, и печать служили залогомъ ея силы и непреложности. Иногда клятва помѣщалась сначала передъ изложеніемъ дѣла; но обыкновенное ея мѣсто въ концѣ. За нею помѣщается страшный зарокъ или проклятіе за нарушеніе грамоты. Клятву давали не только тотъ, отъ чьего имени исходила грамота, но и всѣ свидѣтели. Для этого полагали руки на Евангеліе, Крестъ, и мощи Святыхъ [1] и торжественно призывали св. Троицу, Богоматерь, Евангеліе, Крестъ и Святыхъ въ удостовѣреніе подлинности и правоты своихъ словъ, обѣщали соблюдать все, писанное въ грамотѣ, вѣчно и неизмѣнно. Клятва совершалась въ церкви, если была на то возможность (С. № 66). Главное лицо ручалось и за своихъ потомковъ. Ослушники предавались гнѣву Божію на землѣ и за гробомъ, поражались силою Животворящаго Креста, причислялись къ Іудѣ и предавшимъ Христа и пр. Въ собственно-Сербскихъ и Зетскихъ грамотахъ нѣтъ прямаго указанія на клятву; но, конечно, съ одной стороны, такой клятвы и не могло быть, когда смыслъ дѣла не требовалъ того; а съ другой стороны, есть нѣкоторые намеки и на клятву. Король Радославъ смотритъ на свою грамоту, какъ на утвержденную клятвою: сване мене клетва понеже (ибо) вы оставите оу приꙗтельства (С. № 2); Урошъ I говоритъ Дубровницкимъ посламъ: да стою имимь. у томь обѣтѣ. коимь ми се клель прьвимь кнезу. (С. № 17); также выраженіе деспотскихъ грамотъ: Сїа вьса вишеписанна вѣрою и повелѣнїемь утврьждаеть господство ми (С. NN№ 111, 137) можетъ относиться къ клятвѣ. Впрочемъ, вообще духъ всѣхъ собственно-Сербскихъ грамотъ отличается чувствомъ достоинства: Сербскіе короли и цари ставили себя выше Общины и по тому, можетъ быть, въ договорахъ съ нею считали клятву лишнею. Въ другихъ грамотахъ, гдѣ совершаются церковныя надачи, клятвы тоже нѣтъ, но есть зароки. Клятва самимъ строгимъ образомъ соблюдалась въ Боснійскихъ грамотахъ. Уже въ грамотахъ Кулина и Нинослава говорится о клятвѣ. Дубровникъ съ древнѣйшихъ временъ клятвенно утверждалъ свои грамоты. Онъ клялся въ лицѣ князя, властелей и всего своего правительства. Договоры, заключаемые послами внѣ города, при дворѣ Сербскихъ

---

[1] Ср. С. NN 57, 85, 95, 103, 136, 150.

владѣтелей, Община подтверждала клятвою у себя въ городѣ (С. №№ 3, 100). Въ двухъ Дубровницкихъ грамотахъ половины XIII вѣка есть указаніе на то, что не всѣ правительственныя лица Общины клялись, но за нихъ клялось одно лицо, именно, банъ. И врьхь. вьсе. ѡве. писанье. марьтоль. гилериникь. бань. ѿ кнеѕа дюбровьчкога. и ѿ вьсе. ѡпьчине. града. дюбровьчкога. схотеньемь. гна. кнеѕа. дюбровьчкога. и вьсехь. властель. дюбровь.... врьхь. душе. свое. и вьсе ѡпьчине дюбровьчьке. си ѡбеть. потверьдиль дрьжати. и клельсе (С. № 16). Эта клятва, по закону Общины, совершалась при колокольномъ звонѣ. Такъ точно, при составленіи другой грамоты, банъ Марьтоло Врьсанковичъ клялся за всѣхъ властелей (С. № 19). Въ Хлумской грамотѣ, отвѣтной на эту послѣднюю, за всѣхъ Хлумскихъ властелей далъ клятву одинъ сотникъ Имотскій (С. № 20). Въ одной изъ позднѣйшихъ Травунскихъ грамотъ (С. № 133) видимъ, что за отсутствіемъ двухъ лицъ, которыя, впрочемъ, помѣщены между свидѣтелями, клятву даютъ два другія лица. Несовершеннолѣтніе не допускались къ клятвѣ. По этому Радославъ Травунскій обѣщаетъ, въ одной изъ своихъ грамотъ (С. № 117), что, такъ какъ сынъ его, Иванишъ, за молодостію, не клялся посламъ Дубровницкимъ, то онъ заставитъ его повторить клятву отцову и властелей, когда ему минетъ четырнадцать лѣтъ. Свидѣтелями были не только властели, но и ближайшіе родственники. Такъ, Елена, мать Милутина, особою грамотою (С. № 32) подтвердила грамоту своего сына. Такъ, другая Елена, мать Тврьтка I, и Дороѳея, супруга его, клятвенно ручались за грамоту Короля (С. № 66). Елена, жена Дабыши, подписывала свое имя вмѣстѣ съ именемъ мужа (С. № 81). Остоя клялся вмѣстѣ съ супругою, Куявою, и сыномъ, Стефаномъ (С. № 92). Куява, какъ мать, свидѣтельствовала въ грамотѣ сына, Стефана Остоича (С. № 95) и пр. Въ грамотатъ Хлумскихъ и Травунскихъ владѣтелей, между свидѣтелями, упоминаются многіе изъ ихъ родичей. Въ собственно-Сербскихъ и Зетскихъ грамотахъ мы не находимъ свидѣтелей; но въ самомъ концѣ грамоты выставляются имена нѣсколькихъ милостниковъ, рѣдко одного. Изъ Законника Душанова видно, что милостники не были добровольными свидѣтелями, а скорѣе должностными удостовѣрителями подлинности грамотъ (ст. 67). Хотя милостники существовали уже при Душанѣ, однако въ нашихъ грамотахъ они являются только при деспотахъ и Балшичахъ. При царяхъ въ Сербіи вовсе не было свидѣтелей, а еще ранѣе, при короляхъ, хотя и были свидѣтели; но они не клялись, а только присутствовали при выдачѣ грамоты. Такъ, въ концѣ гр—ы Уроша I сказано: утврьждено би сие мое ѡбетание предь архиепискпо. и предь кнеѕомь гюргемь. и предь жупань стефань (С. № 21); или въ грамотѣ Милутина: и тоу бише сь кралмь властели. архиепкь барьски марикь. и каѕньць мирославь.... и епкпь ѕетьскы михаиль. и челникь бранко. дедь мирославь. жоупань владиславь. епкпь которьскы доумьнь. и два сведока драго и павль (Мк.). Сдѣсь послѣдніе суть то же, что милостники[1]. Въ Хлумѣ, Травуніи и Боснѣ свидѣтели имѣли совсѣмъ другое значеніе. Черезъ клятву, приносимую вмѣстѣ съ главнымъ лицомъ, они сами становились участниками грамоты и принимали на себя отвѣтственность за ея соблюденіе. Въ большей части Сербскихъ грамотъ свидѣтели не упоминаются: стало быть они были не нужны. Милостники удостовѣряли только въ подлинности грамоты; но они не могли ручаться за вѣрность слова, за соблюденіе грамоты; ибо, по смыслу упомянутой статьи Законника, въ нѣкоторыхъ случа-

[1] Ср. еще С. №№ 32, 35, 36.

яхъ и они и грамота теряли всю свою силу и не значили ничего. Ихъ значеніе не простиралось до того, чтобы своимъ словомъ удостовѣрять слово своего государя и ручаться за его сохраненіе. Такое значеніе они могли пріобрѣсти только въ Боснѣ при благопріятствующихъ тому обстоятельствахъ. Извѣстно, что въ Боснѣ, послѣ Тврьтка I, постоянно происходили усобицы между искателями Боснійскаго престола. За отсутствіемъ прямыхъ законныхъ наслѣдниковъ, являлись по два и по три притязателя, которые искали пособія у осѣдлаго и сильнаго властельскаго сословія, а иногда и у Дубровничанъ, какъ на пр. Павелъ Радишичъ (С. № 88). Видя подобныя смуты и частыя смѣны владѣтелей, Дубровничане искали опоры въ свидѣтеляхъ изъ знатныхъ бояръ, которые, какъ осѣдлые и хорошо знакомые съ государственными дѣлами, могли ходатайствовать предъ королями о сохраненіи въ цѣлости Дубровницкихъ договоровъ, какъ на пр. Радичъ Санковичъ (С. № 86), и исполнять ихъ даже во время усобицъ и междуцарствія. Вотъ по чему со вступленіемъ на престолъ каждаго новаго короля, Дубровникъ спѣшилъ возобновить съ нимъ старые уклады и при каждомъ договорѣ получалъ множество подписей знатнѣйшихъ бояръ, ручавшихся клятвенно и готовыхъ быть отвѣтчиками и ходатаями за ненарушимость грамоты. Даже, награждая своихъ подданныхъ, Боснійскіе владѣльцы приводили свидѣтелей въ подтвержденіе своихъ словъ. Обычай представлять свидѣтелей перешелъ и къ знатнымъ владѣтельнымъ боярскимъ домамъ. Санковичи, Храничи, Яблановичи и др. подтверждали свои грамоты ручательствомъ свидѣтелей. Отъ того въ Боснійскихъ грамотахъ свидѣтели называются иначе «ротниками», «ручниками», «пьрцами» и «отговорниками», каковыя названія ясно говорятъ въ пользу важности ихъ значенія. Дубровничане не нуждались въ свидѣтеляхъ: у нихъ свидѣтели были всѣ граждане, управлявшіе городомъ. Ихъ грамоты издаются всегда отъ имени князя, властелей и всей общины. Свидѣтели никогда сами не подписывались. Ихъ имена прописывалъ дьякъ. Грамота заключалась подписью и печатью главнаго лица. То и другое служило удостовѣреніемъ подлинности грамоты. Подпись не всегда употреблялась; была ли она, или не была, это зависѣло преимущественно отъ важности грамоты. Впрочемъ, изъ напечатанныхъ грамотъ не трудно замѣтить, что Сербскіе короли, цари и деспоты, равно какъ короли Боснійскіе большею частію подписывались подъ своими грамотами; но другія владѣтельныя лица, каковы: Балшичи, Санковичи, Храничи, Яблановичи, также какъ султаны и визири ихъ почти никогда не подписывались. Дубровничане то же. Только разъ подписались они подъ грамотою, данною, въ отсутствіе князя, отъ имени двѣнадцати судей (С. № 19). Впрочемъ, сдѣсь подписей только десять. Но если считать этѣ подписи не собственноручными, что весьма вѣроятно, а выставленными дьякомъ, то найдется еще одна грамота (С. № 16), въ которой подписано множество лицъ, присутствовавшихъ при составленіи договора; сдѣсь приведенъ безъ малаго весь правительственный составъ Общины. Но выраженіе **А сиѥ. сѫть. имена. ѡнѣхь. ки сѧ сѫ. клели** не оставляетъ сомнѣнія, что имена были написаны дьякомъ. Причиною отсутствія при многихъ грамотахъ подписей суть печати, къ которымъ, какъ одному изъ доказательныхъ средствъ, мы и переходимъ.

Печати находятся въ связи съ грамотами. Онѣ, также, какъ и грамоты, служили доказательствомъ. По этому въ грамотѣ Дечанскаго (С. № 176) сказано: **послоухь** (свидѣтельство:) **роука** (,) **печать** (,) **.д҃. динари.** Быть можетъ, по тому именно, что грамотность не была въ ходу въ древней Сербіи, печати

получили большее употребленіе, чѣмъ подписи. Не всѣ знали грамотѣ и не всѣ могли подписываться: отъ того въ грамотахъ находимъ болѣе печатей, чѣмъ подписей. Въ одной Хлумской грамотѣ, вмѣсто подписи и печати, начерченъ крестъ и при немъ слова: крьсть кнеза андрѣа (С. № 15). Это напоминаетъ грамоту Немани (А. № 1), на которой также въ концѣ стоитъ крестъ и по сторонамъ его надписано: крѣ симѡнь: и подьписание. Не всегда писались грамоты: въ нѣкоторыхъ случаяхъ достаточно было представить одну печать. Такъ властеличичи и низшее сословіе призывались къ суду одною печатью (З., ст. 51). На большей части нашихъ грамотъ находимъ печати; подписи встрѣчаются гораздо рѣже. Кто и не подписывался, прикладывалъ свою печать. Печати различались по величинѣ, лицу, мѣсту, гдѣ находились, и составу, изъ котораго были сдѣланы. Въ первомъ отношеніи онѣ были великими, средними и малыми; во второмъ односторонними и двусторонними; въ третьемъ или висячими или приложенными къ самому веществу, на которомъ писана грамота; въ четвертомъ золотыми и обыкновенными, восковыми. Замѣчательно появленіе средней печати на грамотахъ Твртка II (С. № 116) и Стефана Томашевича (С. №№ 151, 152, 153, 154). Подтвердительная грамота перваго имѣетъ подпись и составлена съ соблюденіемъ обычной полной формы; но грамоты втораго не имѣютъ подписи и полной формы и рѣшаютъ одиночные и второстепенной важности вопросы. Между тѣмъ подтвердительная грамота того же короля, имѣющая титулъ, свидѣтелей, годъ, число, мѣсто написанія, имя дьяка и собственноручную подпись короля, слѣдовательно, писанная по всей формѣ, запечатана великими двусторонними висячими печатями (С. № 150). Такимъ образомъ открывается, что величина печати согласовалась съ важностію грамоты. Дубровничане всегда печатали свои грамоты великою печатью. Договоръ ихъ съ Асѣномъ (С. № 16) запечатанъ былъ двумя печатями, одною общинною, другою князя Марсилія. Въ прочихъ грамотахъ величина печати не означена. Ежели упоминаются двустороннія печати, то были и одностороннія: само собою разумѣется, что тѣ, которыя накладывались на грамоту, были односторонними. Нельзя сказать, что было обыкновеннѣе, привѣшивать ли печать, или накладывать. Въ Боснійскихъ, Травунскихъ, Хлумскихъ и Дубровницкихъ грамотахъ обыкновенно означается висячая печать; то же видимъ и въ грамотахъ двухъ сыновей Юрія Бранковича, Лазаря и Стефана (С. №№ 146, 147). Въ прочихъ умолчено. Аѳонскія грамоты, какъ открывается изъ описанія ихъ Авраамовичемъ, имѣли, однѣ висячія, другія наложенныя печати. Въ грамотѣ Елены, матери Милутина, встрѣчается выраженіе: и и поставихь мою: печать на сии книгы (С. № 27).

Ближайшее соотношеніе съ печатями имѣютъ другіе знаки, употреблявшіеся, какъ доказательное средство. Объ этихъ знакахъ находимъ въ нашихъ грамотахъ слѣдующія извѣстія. Въ гр-ѣ Дечанскаго четыре динара назначены служить условнымъ средствомъ для доказательства (С. № 176). Царица Мара постановила, чтобы Аѳонскіе старцы, для права полученія отъ Дубровничанъ Ерусалимской дани, представляли червонецъ, разсѣченный на трое (Г. Б.). Король Твртко Твртковичъ уговорился съ Дубровникомъ въ томъ, что посолъ его, показавшій королевскую запись съ условною печатью и королевскій перстень, имѣетъ право получить обратно его вкладъ (С. № 135). О перстнѣ, служившемъ печатью при грамотѣ, упоминаетъ также Юрій Кастріотичъ (С. № 148). Употребленіе этихъ и другихъ знаковъ объясняется тѣми же причинами, какими и обширность употребленія печатей.

Изъ другихъ доказательныхъ средствъ, встрѣчающихся во взаимныхъ письменныхъ сношеніяхъ Дубровника съ Сербію, находимъ еще «сводъ» и «лице». Сводомъ называлось такое судебное дѣйствіе, посредствомъ коего заподозрѣнный предметъ до тѣхъ поръ восходилъ отъ одного владѣльца къ другому, пока не останавливался на томъ, кто не могъ уже указывать далѣе. Послѣдній и признавался виновнымъ. По положенію Душана, за коня, купленнаго на торгу со взнесеніемъ установленной царины, не было свода; ибо цариникъ клятвенно оправдывалъ купившаго, что покупка совершена имъ по закону и воръ неизвѣстенъ (С. № 43). Во всякомъ случаѣ для заподозрѣннаго предмета назначался сводъ. Кто не оправдывался сводомъ, тотъ возвращалъ похищенный предметъ съ пенею, т. е., самъ седьмой (З., ст. 143, 193). Цариникъ и душники клятвеннымъ удостовѣреніемъ въ невинности покупщика оправдывали послѣдняго отъ пени (С. № 43; З., ст. 193); но самый предметъ возвращался прежнему хозяину, если только этотъ согласенъ былъ взять его себѣ обратно, а деньги, за сколько онъ былъ купленъ, возвратить купившему (С. №№ 73, 91, 111, 137). Сводъ могъ быть только тогда, когда похищенный предметъ былъ открытъ, находился на лице и составлялъ явную улику. Перехвативъ свою собственность, владѣлецъ могъ съ ея помощію дознаться похитителя. Такая улика называлась въ Сербскомъ правѣ лицемъ. По этому выраженіе 79-й статьи Законника: **Аще кто познаеть лице подь укосніомь** должно понимать такъ: кто признаетъ въ наличности у кого нибудь свою собственность; и статьи 143-й: **И ако ли кто ще оукати оудавлено или оукрадено лицемь, или силомь оузето коуде** — и кто отыщетъ въ наличности что либо убитое, или украденное, или силою взятое. Отсюда «личный конь» въ деспотскихъ грамотахъ (С. №№ 73, 91, 111, 137) есть конь, утраченный хозяиномъ и снова имъ найденный; **а тать и хоусарь обличены** (З., ст. 126) есть то же, что воръ и разбойникъ уличенный, которому нѣтъ оправданія. Впрочемъ, свѣдѣнія объ лицѣ столь скудны и темны, что ему можно дать иное толкованіе. Подъ лицемъ можно разумѣть скрытое, тайное воровство въ противуположность открытому насилію, или грабежу. Тогда, найти подъ кѣмъ лицо будетъ значить то же, что обвинить кого въ воровствѣ; и выраженіе **оудавлено или оукрадено лицемь** противустанетъ выраженію **силомь оузето**. Шафарикъ склоняется, по видимому, въ пользу этого послѣдняго толкованія, когда **лицемь** переводитъ чрезъ heimlich; но **лице** у него переведено чрезъ Wesenheit[1], какъ будто на основаніи перваго толкованія. Русская Правда употребляетъ лицо несомнѣнно въ значеніи улики и предмета, имѣющагося въ наличности, а по тому и мы должны болѣе держаться нашего перваго объясненія.

Гдѣ не было законной улики, или вещественнаго ручательства, тамъ прибѣгали къ совѣсти. На совѣсти были основаны два доказательныя средства, которыя встрѣчаемъ въ нашихъ памятникахъ, «рука» и клятва. Подъ именемъ руки въ древней Сербіи разумѣлось то же, что нынѣ честное слово. Относительная старина грамотъ, въ которыхъ находимъ руку, равно какъ отсутствіе ея во всѣхъ древнѣйшихъ Сербскихъ узаконеніяхъ показываютъ, что только въ самыя древнія времена вѣрили въ руку. Въ самомъ дѣлѣ, поданіе руки, столь простой и легкій способъ удостовѣренія, могло сохраняться только въ столь же простомъ и безхитростномъ обществѣ, гдѣ святость даннаго слова, пре-

---

[1] У Кухарскаго, въ Древнѣйшихъ памятникахъ Словянскаго законодательства, стр. 187, 199, 219.

красная черта Славянскаго народнаго свойства, еще замѣняла всѣ формальныя ручательства. Любопытно видѣть, какъ Поповская Община, чисто Славянская, удаленная отъ моря, мало торговая и по тому сохранившая въ большей чистотѣ свою нравственность, жалуется на Дубровничанъ за то, что они нарушили рукоподаніе и хватаютъ ея людей (С. № 11): **не немо ти нь камь на оне стране** — говорятъ Поповцы — **да ни не законь: да ви радославе дакьше руке тере га везасте.** Дубровничане давно уже не вѣрили рукѣ и замѣнили ее клятвою. Король Владиславъ горько упрекаетъ ихъ за нарушеніе въ одно время и клятвы и руки; онъ пишетъ (С. № 9): **да вы како си се сте изхунили: ю клетьве наша села: и наше болары емати: такози сте и мне хунили: давше свою руке и свою веру тере мое села пленили и болары ели а друге и секьли.** Около того же времени приморскій князь Юрій, вѣроятно, также представитель стариннаго быта Славянъ, просилъ Дубровничанъ, чтобы князь ихъ далъ руку его жупанамъ въ томъ, что они могутъ сидѣть въ городѣ безбоязненно (С. № 10): **да молите кнеза вашега нане бимь** (ви нимь, т. е., жупанамъ Юрія) **руке даль и сь вами да би седели не бои се.** Причина этой просьбы та, что Дубровничане ходили на Юрія, какъ невольные союзники Венеціи; а жупаны Юрьевы ходили на Дубровникъ, какъ невольные союзники Уроша I: по этому Юрій и требуетъ, чтобы взаимныя оскорбленія, какъ совершенныя по принужденію, были между нимъ и Дубровникомъ прощены и забыты.

Наконецъ, клятва считалась самымъ сильнымъ доказательнымъ средствомъ изъ обыкновенныхъ человѣческихъ средствъ. За клятвою слѣдовалъ только уже одинъ судъ Божій, къ которому, впрочемъ, не всегда прибѣгало древнее Сербское право. Тяжебныя дѣла покончивались клятвою. Мы видѣли, какъ совершалась клятва при изданіи грамоты. Присяжныхъ судей приводилъ къ присягѣ священникъ въ церкви и въ полномъ облаченіи (З., ст. 129). Въ Винодолѣ судебная клятва совершалась черезъ положеніе руки на Св. Писаніе: *положивши руку зврьху книг тичуть; има присети такнут у свето еванелє*[1]. Важенъ вопросъ: кто клялся при судопроизводствѣ, жалобщикъ ли, или обжалованный? Изъ нашихъ источниковъ видимъ, что, смотря по ходу дѣла и большему приличію, клянется когда тотъ, когда другой; но нигдѣ не замѣчаемъ, чтобы въ одномъ и томъ же дѣлѣ клялись оба. Такъ, въ своей грамотѣ (С. № 43), Душанъ, основываясь на обычаѣ отцовъ и прадѣдовъ, повелѣвалъ, что въ случаѣ, если Дубровничанинъ дастъ свое имущество какому либо торговцу (изъ Сербовъ?), за которымъ оно пропадетъ, то Дубровничанинъ долженъ подъ клятвою показать количество пропажи и ему повѣрятъ: **и где коме дае дубровьчанинь свои добитъ. коме годь трьговцу тере му ѿ нега бедь ударить. да се кльне латининь. за този. да буде верованъ.** Слѣсь, какъ видно, клянется обиженный, слѣдовательно, жалобщикъ. Съ этимъ мѣстомъ сходна 163-я ст. Душанова Законника, въ которой постановлено, что если у торговца, во время пути, будетъ что похищено, то самъ онъ и съ нимъ вѣрные люди подъ клятвою показываютъ цѣнность утраченнаго, и сообразно съ этимъ показаніемъ торговецъ получаетъ вознагражденіе. Такія же точно клятвенныя показанія находимъ въ Млѣтскомъ статутѣ, въ которомъ хозяинъ пропавшаго скота, или попорченной баштины, или бѣжавшей челяди подъ клятвою показываетъ количество ущерба[2]. Въ Крьчскомъ статутѣ старѣйшина

[1] Винод. Зак., §§ 42, 56.
[2] Гл. 9, 31, 39.

стана показывалъ подъ присягою сколько у какого хозяина пропало овецъ.[1] Но далѣе читаемъ: а кои любо трьговьць. доне коне купивь истуге земле. а познаюсе. да се кльне. тъзи трьговьць самьдруги.... Сдѣсь, напротивъ, клянется обжалованный, а не жалобщикъ или тотъ, кто отыскалъ свою лошадь. Впрочемъ, если въ первомъ случаѣ Дубровничанинъ, лишившійся своего имущества, есть непосредственно обиженное лицо; и если во второмъ случаѣ утратившій свою лошадь и снова нашедшій ее былъ этою покражею обиженъ прежде, а на этотъ разъ обиженнымъ остается тотъ, кто купилъ ее изъ чужой земли, не подозрѣвая ея воровскою и долженъ теперь лишиться ея: то выходитъ, что клятву даетъ въ обоихъ случаяхъ лицо непосредственно обиженное, или жалобщикъ. Такъ точно въ деспотскихъ грамотахъ (С. №№ 73, 90, 91, 111, 137) клянется одинъ тотъ, у кого отнимаютъ купленную имъ лошадь. За него же клянутся и царинникъ и душники (С. №№ 43, 50; З., ст. 144, 151, 193). Въ Душановомъ Законникѣ, не смотря на всю полноту его, о клятвѣ говорится только по случаю душевниковъ; но умалчивается о клятвѣ въ другихъ случаяхъ; да и вообще вся слѣдственная часть изложена въ немъ весьма скудно. Не менѣе того и Рейцъ, съ своей стороны, жалуется на бѣдность постановленій Далматскихъ общинъ относительно доказательныхъ средствъ по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ. Соединяя его изслѣдованія съ изученіемъ извѣстныхъ намъ статутовъ, мы все таки не можемъ вполнѣ уяснить себѣ этого вопроса, какъ рѣшался онъ въ древней Сербіи. Конечно, обычное право хорошо знало его; и, конечно, не оно, а письмо, не передавшее его въ надлежащей полнотѣ, причиною нашего недоумѣнія. Мы видимъ только, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ клятва отвѣчала клятвѣ: на клятву обвиняющаго обвиняемый клялся съ душевниками, и если его клятва оказывалась достаточною, то онъ освобождался отъ законнаго преслѣдованія[2]. Но въ большей части случаевъ говорится или о клятвѣ истца, или о клятвѣ обвиненнаго порознь. Тотъ и другой могли представлять за себя свидѣтелей одинъ въ подтвержденіе жалобы, другой въ оправданіе. Обвиненный могъ, за неимѣніемъ свидѣтелей, найти душниковъ и съ ними присягнуть въ своей невинности. Если не доставало ему душниковъ, то присягалъ онъ одинъ. Во всякомъ случаѣ, послѣ присяги онъ очищался отъ обвиненія. Истецъ могъ, вмѣсто одной своей клятвы, представить свидѣтелей, или душниковъ, и такого рода обвиненіе было самое обыкновенное. Разумѣется, явная улика отстраняла клятву уличеннаго, который за тѣмъ непосредственно подвергался наказанію. Недостаточность свидѣтелей со стороны истца оправдывала виновнаго[3]. Но главный вопросъ все остается нерѣшеннымъ: всегда ли обвиненный допускался къ очистительной клятвѣ, или только въ томъ случаѣ, когда обвиняющій, не смотря на свою и душниковъ своихъ клятву, не могъ представить никакихъ другихъ положительныхъ доказательствъ? Кажется, клятвѣ истца дано было слишкомъ обширое значеніе, такъ что она въ большей части случаевъ прямо влекла за собою преслѣдованіе обвиненнаго. По крайней мѣрѣ, такъ явствуетъ изъ нѣкоторыхъ статей Винодольскаго и Крьчскаго статутовъ, съ чѣмъ согласенъ и Рейцъ[4]. За то клятва была послѣднимъ доказательнымъ средствомъ, и гдѣ предстояла возможность, тамъ обвиненіе или оправданіе ограничивалось добрыми свидѣтелями, отъ которыхъ, какъ и отъ ротниковъ, требовались

---

[1] Статутъ 1388 г., гл. 14.
[2] Рейцъ, Сборн. Вал., стр. 151, 177, 192. — Винод. Зак., § 9.
[3] Крьчскій стат. 1388 г., гл. 1. — Винод. Зак., § 53.
[4] Тамъ же, стр. 177, 192.

нѣкоторыя положительныя доказательства вѣрности ихъ словъ и которые весьма осторожно допускались къ свидѣтельству [1]. Въ Крьчскомъ статутѣ есть постановленіе, что если женщина, претерпѣвшая насиліе, подтвердитъ свою жалобу тремя добрыми свидѣтелями, то обвиненный, если не признается, подвергается пыткѣ; съ воровствомъ поступается точно также. По клятвѣ хозяина, у коего пропали овцы, обвиняемый подвергается пыткѣ [2]. Сдѣсь за обвиненіемъ слѣдуетъ непосредственно пытка, а очистительной клятвы обвиняемаго нѣтъ: значитъ, показанію обиженнаго, сдѣланному по закону, давалась полная вѣра. Въ томъ же смыслѣ должно понимать и другія постановленія того же статута, относящіяся къ уголовнымъ дѣламъ. Изъ всего сказаннаго можно вывести такое заключеніе, что при недостаточности уликъ Сербское право допускало клятву какъ для обвинителя, такъ и для обвиненнаго. Тотъ и другой могли имѣть при себѣ свидѣтелей присяжныхъ, или неприсяжныхъ. Въ однихъ случаяхъ клятва противуполагалась клятвѣ, и обвиняемый могъ чрезъ то очиститься; но въ другихъ случаяхъ клятва обвиняющаго была столь сильна, что обвиняемый подвергался непосредственно за тѣмъ или пыткѣ, или наказанію. [3]

Отвѣтственность неправаго въ искѣ, какую замѣчаемъ въ договорныхъ грамотахъ съ Дубровникомъ, была двоякаго рода: личная и общая. Въ первомъ случаѣ, отвѣтственности подлежало одно лицо, былъ ли то самъ виновный, или вмѣсто него кто другой; во второмъ случаѣ, помимо виновнаго, отвѣчала цѣлая околица, или цѣлый городъ. Сербское правительство выказывало въ своихъ сношеніяхъ съ Дубровникомъ большую готовность къ немедленному удовлетворенію Дубровничанъ; предупредительность его въ этомъ отношеніи доходила до такой степени, что даже общая порука, окончательный и вѣрнѣйшій способъ къ поданію удовлетворенія, была оставляема, и обиженнаго удовлетворялъ самъ король, или царь. Странно видѣть, что въ продолженіи болѣе столѣтія Сербскіе владѣльцы для дѣлъ Дубровницкихъ оставляютъ иногда въ сторонѣ обычный порядокъ удовлетворенія и какъ бы въ избѣжаніе проволочки и затрудненій лично на себя принимаютъ отвѣтственность. Отсюда видна та важность, которую они придавали своимъ торговымъ сношеніямъ съ Дубровникомъ. Такъ Радославъ Хлумскій пишетъ, что ежели онъ, или люди его отнимутъ что у Дубровницкихъ купцовъ, то все сполна возвращаетъ или онъ самъ, или человѣкъ его; когда же этотъ послѣдній не возвратитъ по чему либо, тогда отвѣтственность падаетъ на него же, Радослава (С. № 20). Урошъ I постановилъ, что если, въ спорѣ Дубровничанина съ Сербомъ, судьи не выдадутъ виновнаго головою, или не возьмутъ съ него положенной пени къ извѣстному сроку, то король самъ возьметъ вознагражденіе, гдѣ укажетъ справедливость, и отдастъ обиженному (С. № 21). Елена, супруга Уроша I, обѣщаетъ сама заплатить за все то, что исхищено будетъ при ея дворѣ у Дубровничанъ властелиномъ ея, или кѣмъ другимъ черезъ ея посланіе, или на ея дружбу, разумѣя сдѣсь, конечно, злоупотребленіе своего имени (С. № 27). Деčанскій представляетъ вознагражденіе сначала черезъ общую поруку; но, въ случаѣ невозможности, удовлетворяетъ обиженнаго изъ своей казны (С. № 36). То же самое въ послѣдствіи постановляютъ и деспоты (С. №№ 73, 90, 91, 111, 137). Душанъ предварительно даетъ возна-

[1] Винод. Зак., §§ 19, 41, 52. — Крьчскій стат. 1388 г., гл. 14.
[2] 1388 г., гл. 1, 14, 16.
[3] Ср. Винод. Зак., §§ 9, 10, 11, 27, 41, 56, 61, 68, 72, 76. — Крьчскій стат. 1388 г., гл. 1, 14, 16, 19, 20, 26.

гражденіе отъ себя и потомъ уже вѣдается съ виновнымъ. То же повторено и сыномъ его (С. №№ 40, 50). Балшичи Зетскіе спѣшатъ вознаграждать Дубровницкихъ купцовъ изъ своей казны, если нельзя отыскать виновнаго и выдать имъ его головою (С. №№ 64, 70). Не смотря на эту сверхъобыкновенную отвѣтственность самихъ владѣтельныхъ лицъ, въ судебномъ разбирательствѣ, установленномъ между Дубровникомъ и Сербіею, мы видимъ, какъ сказали выше, двойную отвѣтственность, личную и общую. Нѣтъ сомнѣнія, что лицо, прямо подлежащее отвѣтственности, есть самъ виновный. Здравый разумъ показываетъ, что за вину отвѣчаетъ только тотъ, кто совершилъ ее, или кто соучаствовалъ въ ней. На этомъ простомъ положеніи основывалась личная отвѣтственность. Душанъ пишетъ въ грамотѣ (С. № 43), повторенной потомъ Урошемъ V (С. № 50): **а тогаѕи кривца. да ище ц҇рквин и да ѹзме на кемь. кто бѹде ѹзель. и ѹчиниль ѕло кое.** Юрій Балшичъ Зетскій предполагаетъ отвѣтственнымъ самого виновнаго и только въ случаѣ его бѣгства принимаетъ отвѣтственность на себя (С. № 64). Постановленіе, сдѣланное Душаномъ въ томъ же самомъ году, въ которомъ изданъ былъ Законникъ, имѣетъ свое значеніе. Между тѣмъ, какъ въ послѣднемъ еще господствуетъ общая порука, сдѣсь отвѣтственность уже является личною. Виновнаго отыскиваетъ самъ царь; а если не найдетъ, то за него отвѣчаетъ онъ же, а не околица. Сдѣсь нельзя не видѣть вліянія Дубровницкаго права. Безъ сомнѣнія, невозможность скораго удовлетворенія и неправильность общей поруки побудили Царя измѣнить для Дубровничанъ стародавній обычай своей земли. Въ Далматскихъ общинныхъ узаконеніяхъ нѣтъ ничего подобнаго общей порукѣ: тамъ отвѣчаетъ одинъ лишь виновный. Возможность откляться, возможность почти во всѣхъ родахъ преступленія откупиться деньгами, внеся положенную пеню, не мало облегчали личную отвѣтственность, и общая порука была не нужна. При томъ, и это главное, въ узаконеніяхъ Далматскихъ общинъ личность человѣка была гораздо болѣе обособлена, чѣмъ въ Законникѣ Сербіи. Родовой бытъ изчезнулъ на Римской почвѣ; а между тѣмъ онъ и былъ главною основою общей поруки въ Сербіи. У Славянъ былъ обычай считать родъ однимъ нераздѣльнымъ тѣломъ, главою коего былъ старшій въ родѣ. Конечно, въ послѣдствіи, когда роды распались на семьи, а эти, въ свой чередъ, снова образовались въ роды, отвѣтственность не могла болѣе падать на весь прежній родъ, и по тому во времена Душана видимъ, что предѣлы ея ограничиваются однимъ домомъ, т. е., одною семьею, или нѣсколькими семьями, живущими подъ управленіемъ одного старшины. Домъ представлялся, какъ въ старину родъ, однимъ цѣлымъ тѣломъ, котораго члены, связанные во едино понятіями родоваго быта, должны были добывать, кормиться, пользоваться и отвѣчать всѣ вмѣстѣ, или въ лицѣ старшаго, который никакъ не отдѣлялся отъ своихъ родичей, представляя собою весь домъ. Вотъ естественное начало общей поруки; она взялась изъ основы Славянскаго быта, и по тому ему только присуща и имъ только объяснима. Послѣ этого понятно, по чему въ старину въ Сербіи, которая и доселѣ отличается передъ прочими Славянскими землями сохраненіемъ въ живыхъ многихъ Старославянскихъ преданій, вѣрованій и обычаевъ, общая порука такъ живо и сильно выражалась въ представленіи права. Напротивъ, въ Далматскихъ общинахъ, гдѣ право имѣло свои особыя судьбы; гдѣ Римское начало легло въ основу народнаго быта, личность отдѣлилась отъ семьи и рода и стала особнякомъ. Тамъ мы всюду находимъ ее отдѣльною во всѣхъ видахъ общиннаго и семейнаго быта. По этому тамъ и

отвѣтственность падала на одно только лицо, виновное въ преступленіи, и только съ этимъ лицомъ имѣлъ дѣло законъ. Наконецъ, замѣчу еще и то, что личная отвѣтственность и общая порука, имѣя исходомъ наказаніе, придаютъ ему не одинаковую цѣль. Личная отвѣтственность, при извѣстномъ способѣ наказанія, служитъ не только къ вознагражденію за зло, но и къ предупрежденію зла; ибо виновный, отвѣчая лично, можетъ быть поставленъ въ невозможность совершать зло на будущее время. Напротивъ, общая порука имѣетъ въ виду только вознагражденіе за зло, а до виновнаго она не касается. Ей нѣтъ дѣла до того, отысканъ ли виновный, или нѣтъ; онъ ли самъ отвѣчаетъ за себя, или другіе отвѣчаютъ за него: ей нужно только удовлетворить по возможности обиженнаго и тѣмъ положить конецъ иску. Но такое различіе въ цѣляхъ той и другой отвѣтственности возможно только при извѣстномъ способѣ наказанія. Личная отвѣтственность тогда только предупреждаетъ зло на будущее время, когда она находитъ способъ удалить виновнаго отъ возможности совершить зло; для этого мало одной денежной пени, внесши которую, виновный оставался по прежнему свободнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Между тѣмъ и Далматскіе статуты почти всякую вину измѣряютъ количествомъ денегъ, и не много найдется въ нихъ такихъ родовъ преступленій, за которыя они опредѣляли бы тѣлесное наказаніе. Въ отношеніи цѣли наказанія они стояли отнюдь не выше Законника Душанова, и потому ихъ понятія объ отвѣтственности основывались на иномъ началѣ, именно, на представленіи личности. Сдѣсь, какъ сказали мы, распоряженія Сербскихъ владѣтелей нѣсколько подчинились понятіямъ Дубровницкимъ, и личная отвѣтственность предпочтена общей порукѣ. Вотъ какое постановленіе сдѣлалъ Дубровникъ относительно своихъ гражданъ, оказавшихся виновными въ спорѣ съ Сербами: **И аке кога грагянина ѡсѹди ѡбькы** (общій) **сѹдь. да подаемо егове добытькь: аке ли мѹ добытка не стеуе. а мы самога кривца да даемо своеове главовь. доколѣ сѹдьце ѹговоре да се плати. не плати ли се до ѹрока. да потола** (потомъ) **да е ѡстало на волы** (на волѣ) **кралевьтвати** (С. № 26). Прежде всего виновный, если имѣлъ возможность откупиться, откупался; если не имѣлъ, то выдавался головою, и за тѣмъ судьи назначали ему срокъ, къ которому онъ долженъ былъ заплатить пеню; наконецъ, если и на этотъ разъ онъ не имѣлъ чѣмъ откупиться, то отдавался на волю истца, представляемаго въ лицѣ самого короля. Сдѣсь видно обычное въ Далматскихъ общинахъ право, по которому виновный могъ откупиться, и только неимущій выдавался головою[1]. Урошъ I видѣлъ сдѣсь отсутствіе общей поруки, видѣлъ, можетъ быть, также и то, что иногда съ виновнаго нечего было взять, и обиженный могъ остаться не удовлетвореннымъ: не смотря на это, онъ распорядился по Сербскому обычаю и, за отсутствіемъ виновнаго, обратился къ общей порукѣ, которая непремѣнно и во всякомъ случаѣ должна была представить удовлетвореніе. Онъ писалъ: **И ако се ѡбрѣте чловѣкь земле кралевьстваи ѡсѹгень вашеиѣх чакѣ. да мѹ мое сѹдьце издаю добитьке. ако ли мѹ добитька не стеуе. а ѡни да подаю кривьца самога. до ѹрока доколе сѹдьце ѹрекѹ.** До сихъ поръ отвѣтственность одинакова, какъ и у Дубровничанъ; но этимъ не довольствуется грамота и продолжаетъ: **ако ли га сѹдьце не исьдаде. да где ми правьда вѣлаже ѹзети те дьльгь. да га. ѹзме кралевьсткоми и да га постави где га бѹде право поставити** (С. № 21). Хотя сдѣсь и не упомянута общая порука; но

---

[1] Рейцъ, Сборникъ Валуева, стр. 175.

намекъ на нее ясенъ. Съ кого же, какъ не съ околицы, по обычаю Славянскому, приходилось брать удовлетвореніе, когда виновный скрывался? Выгода очевидно была на сторонѣ Дубровничанъ. Этому распоряженію Уроша I отвѣчаетъ другая Сербская грамота, неизвѣстно кѣмъ и когда данная, но во всякомъ случаѣ королевская, слѣдующимъ распоряженіемъ: оу коми ли се жоупѣ що испакости. тази жоупа коли да да кривце коли да плати (С. № 38). А Стефанъ Дечанскій приказываетъ: аке ли ниса кои утета (убыль) ѹчини ѡньдези. да имь сплате ѡколина села коли гра̂ кои биде (:) не сплате ли ѡ̂ да имь кра̂вми плати изимои кики (казны) (С. № 36). Изъ этихъ трехъ весьма важныхъ постановленій, сохранившихся отъ временъ до-Душановыхъ мы видимъ, что общая порука господствовала въ эти времена въ Сербіи и примѣнена была къ сношеніямъ Сербовъ съ Дубровничанами. Хотя въ грамотѣ Душана (С. № 43) мы не видимъ общей поруки; ибо тамъ просто сказано, безъ дальнѣйшихъ подробностей, что царь самъ вѣдается съ виновнымъ, однако въ его же Законникѣ общая порука находится еще въ полной силѣ. Обычай этотъ, при всемъ видимомъ желаніи законодателя ввести личную отвѣтственность, не могъ быть истребленъ; ибо, какъ сказали мы, онъ вытекъ изъ народнаго быта Славянъ, присущъ самой основѣ Славянской жизни. Его начало можно видѣть въ самомъ Законникѣ. Есть статьи, которыя, какъ вѣрный списокъ съ стариннаго народнаго права, возлагаютъ отвѣтственность на цѣлый домъ. Этѣ статьи замѣчательны въ высшей степени; если бы законодатель не придерживался обычнаго народнаго права, а уложилъ только свои, вновь придуманныя, правила, то Законникъ его не получилъ бы такого успѣха и не имѣлъ бы столько списковъ. Списки всего лучше свидѣтельствуютъ объ его успѣхахъ въ древней Сербіи; а это и доказываетъ, что онъ былъ только повтореніемъ того, что изстари велось въ народѣ, какъ итогъ его духовнаго самобытнаго развитія. Коренныя народныя представленія о правѣ нашли себѣ сдѣсь письменное выраженіе. Мы видимъ, какъ понятіе объ отвѣтственности истекало изъ понятія о родовомъ бытѣ. Когда прежніе роды распались до того, что между ними потерялась всякая родственная связь, тогда основная мысль родоваго быта, мысль общности, требовала новаго гражданскаго опредѣленія границъ рода. Прежній родъ былъ оставленъ; но понятіе объ его цѣльности перенесено было на его вѣтви, которыя и ограничены были семьею или домомъ. Подъ домомъ могло разумѣться и нѣсколько семей, если только онѣ не раздѣлились и имѣли надъ собою одну главу. Цѣльность дома естественно влекла за собою и общую отвѣтственность. По этому мы и читаемъ въ нѣсколькихъ замѣчательныхъ статьяхъ Законника, что отвѣтъ держитъ отецъ за сына, братъ за брата, родъ за родъ, если только они живутъ въ одномъ домѣ, и что отвѣтъ преимущественно дается старшимъ въ домѣ; за всякое зло, причиненное однимъ изъ домашнихъ, платитъ старшина, или выдаетъ виновнаго (ст. 48, 55, 60). Всякій согласится, что этѣ статьи суть откликъ глубокой старины, сохранявшейся до временъ Душана, сохраняющейся отчасти и понынѣ въ нѣкоторыхъ углахъ Сербіи. Однако это еще не общая порука, какъ мы привыкли ее понимать: это еще только какъ бы домашняя общая порука; но изъ нея не замедлила развиться и гражданская общая порука или та, въ которой за виновнаго отвѣчала цѣлая околица, или цѣлый городъ. Основаніе ея видно съ перваго взгляда. Какъ домъ представлялся однимъ цѣльнымъ тѣломъ, такъ и околица, или городъ представлялись недѣлимымъ цѣлымъ, какъ бы однимъ сплошнымъ жилищемъ; мысль

общности отъ дома была перенесена и на нихъ. Конечно, это было уже нѣчто искусственное; но возможность этого условливалась памятью о древнихъ родахъ, которые жили отдѣльными общинами, слѣдовательно представляли собою сплошное населеніе, помѣщавшееся въ одной главной окружной межѣ. Разница только та, что внутренняя связь древнихъ родовъ была родственная; теперь же связь околицъ, или городовъ была гражданская или юридическая. Общая порука состояла въ томъ, что весь городъ, либо вся околица, т. е., одно, или нѣсколько селъ, или даже цѣлый округъ отвѣчали за преступленіе, совершенное на ихъ землѣ, или ихъ человѣкомъ; они должны были или выдать виновнаго головою, или, въ случаѣ его неявки, внести за него пеню. Общая порука касалась только уголовныхъ преступленій, какъ то: смертоубійства, поджигательства, грабежа, чародѣйства и т. п. Мысль, породившая общую поруку, предоставила разбирательство самой околицѣ, или городу. Правительство, требуя отъ нихъ выдачи виновнаго, не входило въ дальнѣйшія разысканія и оставляло на ихъ волю вѣдаться съ виновнымъ и отыскивать его. Если они дорожили виновнымъ по чему либо, или не могли отыскать его, то сами расплачивались за него. Сдѣсь, съ одной стороны, ярко отражается обычай домашней поруки, по которому или виновный выдавался головою, или за него платилъ весь домъ и, заплативши, самъ уже расправлялся съ нимъ; а съ другой просвѣчиваетъ мысль о вознагражденіи, которое, по тогдашнимъ понятіямъ, почти всегда измѣрялось количествомъ денегъ. Гдѣ откупъ замѣнялъ тѣлесное наказаніе, тамъ могла быть и общая порука. Такъ связывались между собою различныя судебныя представленія. Но если общая порука имѣла въ виду возможность удовлетворенія во всякомъ случаѣ, то она заключала въ себѣ и огромный недостатокъ. Черезъ нее виновный избавлялся отъ непосредственнаго преслѣдованія правительства, которое одно могло употребить всѣ возможныя средства къ его поимкѣ. Околица, или городъ, заплативши за него пеню, не имѣли ни времени, ни возможности отыскивать его при недостаткѣ средствъ земской охраны, малолюдности населенія и обилія пустопорожней земли; а если и отыскивали, то все же не такъ, какъ само правительство, могли расправляться съ нимъ. При томъ, если преступленіе было такого рода, что не влекло за собою кровной мести, то оно почти всегда оставалось ненаказаннымъ. Проскитавшись нѣсколько времени по сторонамъ и зная, что пеня уже внесена, виновный спокойно возвращался домой и могъ по прежнему совершать злодѣянія. Такимъ образомъ общая порука избавляла правительство отъ обязанности разыскивать дѣло и находить виновнаго: но черезъ то земское устройство оставалось безъ усовершенствованія. Такъ одно зло влекло за собою другое. Правда, нѣкоторыя статьи Законника требуютъ предварительно выдачи виновнаго, но не настаиваютъ на этомъ; а околицѣ, или городу легче было внести сообща извѣстную пеню, чѣмъ отыскивать виновнаго. За то другія статьи и того не требуютъ, а довольствуются одною пенею, оставляя виновнаго совершенно въ сторонѣ[1]. Впрочемъ, общая порука не противорѣчитъ здравому смыслу, требующему, чтобы за вину отвѣчалъ самъ виновный. Первое дѣйствіе правосудія было обращено на виновнаго; чрезъ пеню ли, или чрезъ тѣлесное наказаніе оно поражало виновнаго, и когда онъ находился на лицо, тогда, можно сказать, не было общей поруки; при виновномъ на лицо она могла быть только въ томъ случаѣ, когда

[1] Объ общей порукѣ см. З., ст. 20, 52, 79, 87, 88, 97, 108, 181, 182, 191.

околица, или городъ сами оказывались соучастниками преступленія: тогда они отвѣчали собственно не за виновнаго, а за самихъ себя. Требуя выдачи виновнаго головою, правительство показывало, что съ нимъ лично имѣетъ дѣло. Но тамъ, гдѣ Далматское право останавливалось, встрѣтивъ въ бѣгствѣ виновнаго препятствіе къ удовлетворенію, или наказанію, тамъ Сербское право шло далѣе и не оставляло обиды безъ вознагражденія тѣмъ, или другимъ способомъ. Душанъ, устроивъ земское управленіе, ввѣривъ города и округи главарямъ (кефаліямъ), далъ первый шагъ движенію права отъ общей поруки къ личной отвѣтственности. Въ его Законникѣ находимъ личную отвѣтственность должностныхъ правителей тамъ, гдѣ прежде была общая порука. За ограбленіе странствующихъ торговцевъ уже не платила жупа, какъ постановилъ Дечанскій, а платили главари и стражи (З., ст. 159, 162, 163). Но это нововведеніе не обошлось пока безъ противорѣчія: по статьѣ 194-й убытки, причиненные вторженіемъ чужеземныхъ разбойниковъ выплачивались околицею, пропустившею ихъ въ царскую землю; а по ст. 137-й эти убытки вознаграждались кращниками, т. е., властелями, управлявшими пограничными округами или кращами. Ясно, что право отвѣтственности начинало колебаться и отъ общинъ переходить къ лицу. Но это осталось только при должностныхъ лицахъ, облеченныхъ служебною обязанностію. При ослабленіи внутренняго порядка Сербіи, послѣ Душана, эта отвѣтственность неминуемо должна была отстраниться, а общая порука усилиться. По крайней мѣрѣ, въ грамотахъ деспотовъ не видимъ ни главарей, ни стражей, ни кращниковъ, а отвѣтственность падаетъ на околицу: гдѣ га (Дубровчанина) оубию гоуса или покрадоу га оу селоу. да имь плати околина що имь оузмѣ гоуса или що би й покрали (С. №№ 73, 90, 91, 111, 137). Такимъ образомъ общая порука сохранялась въ Сербіи до самого ея паденія. Выше мы сказали, что въ Далматскихъ общинныхъ узаконеніяхъ нѣтъ ничего подобнаго общей порукѣ. Дѣйствительно, есть цѣлые статуты, въ которыхъ нѣтъ и слѣда этого обычая; но тѣмъ не менѣе соприкосновеніе нѣкоторыхъ общинъ съ землями чисто Славянскаго населенія могло навести и ихъ на путь общей поруки. Вотъ тѣ слѣды, которые Рейцу удалось подмѣтить въ разныхъ Далматскихъ статутахъ. Въ Корчулѣ велся обычай платить всею деревнею за убитаго коня, или быка, когда виновный скрывался; но и въ этомъ случаѣ деревнѣ предоставлялось 15 дней сроку, въ продолженіи которыхъ она могла отыскивать виновнаго. Въ Шибеникѣ все селеніе платило убытки и пеню, если не выбѣгало на крикъ помощи, или если на его землѣ совершено было убійство и виновный не былъ открытъ [1]. Съ перваго взгляда можно замѣтить, что такое право, какъ старинный обычай, но въ то же время какъ исключеніе, велось только въ деревняхъ, гдѣ преобладало Славянское населеніе съ своимъ отличительнымъ бытомъ; но въ городахъ оно не существовало: тамъ только одинъ виновный лично имѣлъ дѣло съ закономъ, а другіе не отвѣчали за него. Въ Винодолѣ, за убіеніе намѣстника, домашняго, или слуги княжескаго, и за убіеніе кмета, или кого нибудь изъ кметскаго рода, когда убійца скрывался, половина вражды взималась съ его племени; но только половина, ибо племя, или домъ считались въ этомъ случаѣ только за половину; другую половину представлялъ самъ убійца [2]. Въ этомъ ограниченіи званія убитаго и сокращеніи до половины вражды съ племени убійцы весьма

---

[1] Рейцъ, въ Сборникѣ Валуева, стр. 110, 158.

[2] Винод. Зак., §§ 29, 31.

замѣтна слабость общей поруки, которая, можетъ статься, занесена была сюда Славянскимъ населеніемъ, почти исключительно господствовавшимъ въ Винодолѣ, чему доказательствомъ служитъ языкъ Закона. Въ самомъ Дубровникѣ, по мѣрѣ увеличенія его земель съ Славянскимъ населеніемъ и преобладанія Славянскаго начала, съ первой четверти XV-го вѣка, появляются законы, вводящіе общую поруку въ обычное употребленіе. Нѣтъ сомнѣнія, что сдѣсь Дубровничане примѣнялись къ свойствамъ Славянскаго быта. Въ силу этихъ постановленій окружинѣ давался для отысканія виновнаго срокъ, по прошествіи коего, она должна была сама внести пеню. Приведу отрывокъ одной любопытной статьи изъ Зеленой Книги: Ma se pure non scoprendosi il reo, allora passato esso termine di quattro mesi, il rettore ed il minor consiglio abbia libertà di stimare tal incendio e per esso condannar la kaznacina secondo a loro parerà il danno. Кажется, всѣ статьи относятся къ земскому праву и имѣютъ въ виду происшествія загородныя. Особую статью находимъ для Конавля, гдѣ «собтина» должна была черезъ два мѣсяца со дня преступленія или выдать виновнаго, или платить за него пеню[1]. Но все это въ Далматскихъ общинахъ является не болѣе, какъ исключеніемъ, и духъ ихъ узаконеній остается при отдѣльной личности. Духъ этотъ, вѣроятно, изстари дѣйствовалъ въ различныхъ сношеніяхъ Дубровника съ Сербіею, когда еще въ половинѣ XIII-го ст. баны Боснійскіе Нинославъ и Стефанъ, по поводу суда между Сербами и Влахами, постановляли: **а иномꙋ влахꙋ, и иномꙋ серблинꙋ. да не бꙋде щьта** (ущерба) (С. №№ 5, 14). Эти же самыя слова отразились и въ распоряженіяхъ деспотовъ, которые писали: **ако и кои доубровчанинь комоу дльжьнь, или чинь кривь, да се ище истьць а да на иномь доубровчаниноу не волянь питати. тькмо тко** (кто) **и дльжань, или чинь кривь, онь да плати и пати** (терпитъ), **а за иднога на дроугомь да не прѣоуѕима** (С. №№ 73, 90, 91, 111, 137). Если вспомнимъ, что въ тѣхъ же грамотахъ для удовлетворенія Дубровничанъ положена общая порука, то увидимъ, какъ сильно обѣ стихіи отражались во взаимныхъ договорахъ Сербіи и Дубровника. И въ Боснѣ, въ одно время съ послѣднимъ деспотомъ, король Томашевичъ подтверждалъ: **да ѿ сада напрѣда не бꙋде никадаръ веће ꙋ нашꙋ рꙋсагꙋ ни едномꙋ дꙋбровчанинꙋ ни слꙋгамь нихь ни едного прѣꙋѕима ни за едно твѣ прѣдꙋжие него да се наиде по закомꙋ тко бꙋде дꙋжань онаи истаць да има платити а да се праюмꙋ не може ꙋѕети за кривога ни едно имание правога** (С. № 150). Вѣроятно, Босняки, на основаніи понятій объ общей порукѣ, требовали удовлетворенія съ одноземцевъ виновнаго; но Дубровничане и въ этомъ случаѣ успѣли оградить себя льготою. Впрочемъ, все это дѣло набрасываетъ нѣкоторую тѣнь на поступки ихъ торговцевъ: можетъ быть, многіе изъ нихъ уходили изъ Босны, не расплатившись съ долгами и болѣе не возвращались туда. Юрій Воиславичъ, писавшій въ своей грамотѣ, 1434 года, между прочимъ, о томъ, за какое преступленіе властели, имъ награжденные, подвергались смертной казни, счелъ нужнымъ вставить оговорку: **главе ѿснѣн синомꙋ кои е сагрѣшило а остали да живꙋ и пребивают** (С. № 118). Этою оговоркою онъ снималъ всякую отвѣтственность съ дому виновнаго, если только онъ не участвовалъ въ преступленіи. Послѣ этого можемъ сдѣлать общее заключеніе о правѣ отвѣтственности. Сербскіе владѣтели, за отсутствіемъ виновнаго, сами, или общею порукою, спѣшили вознаградить обиженнаго Дубровничанина. Въ томъ и другомъ случаѣ удовлетвореніе всегда

[1] Dubrovnik, 1851. Sv. II. Zrcalo povestnice Dubrovačke, стр. 85, 86.

исполнялось. Но Дубровничане, съ своей стороны, удовлетворяли обиженнаго Серба только или чрезъ выдачу головою самого виновнаго, или отнятіемъ у него имущества; другой же отвѣтственности не допускали. Общей поруки у нихъ не было; всякій ихъ торговецъ отвѣчалъ только за самого себя, не взирая на то, могъ ли онъ одинъ вознаградить обиженнаго Серба. Очевидно, на чьей сторонѣ была выгода. Въ нашихъ памятникахъ мы находимъ еще одинъ видъ поруки, которую можно назвать господскою. Она, какъ и предыдущія, была обязательною. Господинъ отвѣчалъ за своего подданнаго, или раба, если не хотѣлъ выдать его головою. Конечно, прежде всего требовалась отъ него выдача виновнаго; но онъ могъ и не выдать его: тогда платилъ пеню. На эту поруку указываетъ одно мѣсто въ грамотѣ Уроша I (С. № 22): И у кога се ѡбрѣте лоу (шаловливый) ѡтрокь (рабъ) тере що комоу испакости. да у томь господара не ищоу. нь да синщоу крнкца. ако ли крьвь (смертоубійство) оучини дѣтикь (рабъ). да га пода господарь. ако ли га не пода да да платн господарь вражоу. То же постановленіе существовало и въ нѣкоторыхъ Далматскихъ общинахъ [1].

Всякое судебное вознагражденіе называется въ нашихъ грамотахъ «правиною». Это названіе дано на такомъ же основаніи, на какомъ и самый судъ именовался «правымъ и божественнымъ». Въ договорахъ обѣ стороны выговариваютъ себѣ правину на томъ основаніи, что всякому должна быть оказана справедливость. Мы находимъ въ нашихъ памятникахъ нѣсколько постановленій о неприкосновенности имущества и о правѣ владѣнія. Заключая договоръ съ Михаиломъ Асѣномъ, Дубровничане вставили условіе, по которому, въ случаѣ смерти Дубровницкаго купца въ Булгаріи, или Булгарскаго въ Дубровникѣ, съ дружиною, или безъ дружины, съ языкомъ, или безъ языка, имущество покойнаго описывается и остается неприкосновеннымъ до выдачи его нарочитымъ людямъ, которые пріѣдутъ изъ земли умершаго съ письменнымъ на то дозволеніемъ отъ своего правительства (С. № 16). Деспоты Сербскіе хранили неприкосновеннымъ имущество умершаго Дубровницкаго купца, какъ Дубровницкую собственность, или отдавали его согласно съ завѣщаніемъ покойнаго (С. №№ 73, 90, 91, 111, 137). Мы уже видѣли, какъ Сербскіе владѣтели обезпечивали имущество проходившихъ по ихъ землямъ Дубровницкихъ купцовъ, и какъ, съ своей стороны, Дубровничане осторожно выдавали хранившіеся у нихъ вклады. На томъ же положеніи основано было и береговое право. По этому праву, корабль Дубровницкій, или Венеціянскій, разбившійся у Сербскихъ береговъ, и грузъ его оставались неприкосновенными. За всякую пропажу отвѣчала околица (С. №№ 36, 43, 50, 70, 71, 73, 90, 91, 111, 137). Сходныя положенія о береговомъ правѣ находимъ и въ Далматскихъ общинахъ, хотя сдѣсь поражаетъ насъ скудость письменныхъ извѣстій объ этомъ правѣ, столь важномъ для торговыхъ и приморскихъ общинъ. Главная основа всѣхъ этихъ положеній есть неприкосновенность чужой собственности [2]. Относительно залоговъ, Дубровничане пользовались въ Сербіи защитою закона. Неприкосновенность залоговъ была обезпечена во всякое время. Въ различныхъ сдѣлкахъ Дубровника съ сосѣдними Сербскими землями не могло обойтись безъ долговыхъ обязательствъ, которыя обезпечивались залогами. Опираясь на разноподданничество и на могущество своего царя Душана, Сербы могли иногда требовать своихъ залоговъ назадъ безъ выкупа, особенно въ земляхъ завоеванныхъ; но, пред-

[1] Рейцъ, Сборн. Вал., стр. 130.

[2] Рейцъ, тамъ же, стр., 161. — Млѣтскій стат., гл. 55, 56, 61.

видя весь вредъ отъ такого нарушенія взаимной довѣренности, Душанъ и въ грамотѣ своей (С. № 43), повтореной въ послѣдствіи сыномъ его (С. № 50), и въ Законникѣ (ст. 77) положилъ за непремѣнное правило, чтобы залоги, гдѣ бы они ни были, выкупались. Украденная лошадь, узнанная своимъ прежнимъ хозяиномъ, хотя бы она и была перекуплена другимъ за неворовскую и съ соблюденіемъ при покупкѣ законнаго порядка, возвращается прежнему хозяину (С. №№ 43, 50, 73, 90, 91, 111, 137). Въ судѣ за землю Дубровничане отказываются отъ той земли, которую судъ покажетъ королевскою, и если на ней есть виноградники, то съ нихъ король получаетъ вино тѣмъ же лѣтомъ (С. № 26). Перебѣжавшіе люди возвращаются ихъ владѣльцамъ (С. №№ 39, 78); но перебѣжавшіе во время войны не возвращаются (С. № 114); плѣнные, по окончаніи войны, отпускаются (С. №№ 55, 114); кто кому долженъ, тотъ тому и платитъ (С. № 144); земли и имущество, отнятыя во время войны, возвращаются (С. №№ 55, 89). Правина могла быть и безъ суда, или въ силу предварительныхъ обоюдныхъ условій, или въ силу новаго соглашенія. Въ грамотахъ мы часто встрѣчаемъ желаніе, выражаемое Дубровничанами, чтобы людямъ ихъ была оказываема правда. Также и отъ нихъ владѣльцы Сербскіе иногда требуютъ правды. Всего яснѣе высказано желаніе Дубровничанъ въ грамотѣ великаго князя Хлумскаго, Андрея, словами: да вы и ѿкорена ꙁемла моѣ ꙋ всѣхь вашихь меалѣхъ а правина да есть (С. №№ 4, 15). Изъ этѣхъ же двухъ грамотъ узнаемъ, что въ Хлумѣ, а можетъ быть, и во всей Сербіи, былъ обычай, что виновный, прибывшій неволею въ землю, гдѣ требовалось съ него удовлетвореніе, тутъ и подвергался расправѣ и совершалъ правину; но добровольно приходившій, когда еще на немъ не искалась правина, могъ, въ случаѣ предъявленія на него правины, возвратиться домой и тамъ исполнить правину. Впрочемъ, не ручаясь вполнѣ за вѣрное пониманіе этого мѣста, привожу его въ подлинникѣ. Вотъ оно: а вашь чловѣкь. ки приде ꙋ нашꙋ ꙁемлю неволовь. комꙋ е искана правина. и не испльнена мꙋ бꙋде. да стане. и да ꙋчини правинꙋ. ако ли приде такь чловѣкь. комꙋ нѣ искана правина. да мꙋ се не ꙋꙁьме ни тьньке коньць. докꙋ поиде ꙋ свое мѣсто. и тамо да ꙋчини правинꙋ потомь. Дубровничане просили Михаила Асѣна, чтобы между ними и Булгарами была правина безъ суда и пошлины (С. № 16): и ако. людье. с҃тоготи. црства. или. петроки. высокого. севасто. кратора. имꙋть. искати. некою. правинꙋ. врьхь. кога. годе. чловѣка. кнежьства. дꙋбровьчькога. да ми бꙋдемо. дрьжани. ѿ немь. учинити. правинꙋ. беꙁь. сꙋтьбине. и беꙁь. данье. по ꙁаконꙋ нашемꙋ. сьвьршенꙋ. правьдꙋ. и такоде. правьда. да бꙋде нашимь. людьмь. вь ꙁемахь с҃тоготи. црства. и петрокехь. севасто. кратора.... беꙁь. никире. данье. и беꙁь. сꙋтьбине. Дѣйствительно, въ Далматскихъ общинахъ правина могла быть учинена и безъ суда по одному соглашенію съ обидчикомъ; но если завязывалась тяжба, то виновный платилъ судебныя издержки [1]. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ удовлетвореніе не ограничивалось только возвращеніемъ собственности, но еще къ тому присовокуплялся взыскъ съ обидчика. Этотъ взыскъ не должно смѣшивать съ пенею. Послѣдняя всегда была денежная; первый состоялъ большею частію изъ тѣхъ же самыхъ предметовъ, изза которыхъ былъ споръ. Пеня имѣла значеніе и силу наказанія; взыскъ считался только удовлетвореніемъ. Обыкновенно спорный предметъ возвращался обиженному самъ другъ, или седмерицею. Этѣ краты любитъ Законникъ Душановъ. За невзнесеніе къ сроку цар-

[1] Рейцъ, Сборн. Вал., стр. 179.

скаго дохода властелинъ наказывался двойнымъ взносомъ (ст. 200); за самовольное притѣсненіе монаха безъ суда и правды, мздоимство, проводъ человѣка въ чужую землю, пропускъ разбойниковъ, взиманіе приселицы (кормежа) и за воровскаго коня взыскивалось седмерицею (ст. 30, 80, 90, 122, 193, 203). Урошъ V повелѣлъ своему властелину Жарку заплатить Дубровничанамъ седмерицею за то, что онъ взялъ у нихъ товаръ безденежно (С. № 45). Въ Далматскихъ общинахъ взыски были разнообразнѣе. Въ Винодолѣ за покражу скота, жита и меду виновный, кромѣ денежной пени, платилъ убытки вдвойнѣ; за неправое удержаніе выморочнаго имѣнія и за недоставленіе князю дохода съ земель, въ которыхъ князь имѣлъ свою часть, виновный, кромѣ денежной пени, платилъ доходы седмерицею за каждый годъ; за покражу крупнаго скота князь бралъ съ виновнаго вдвойнѣ, и въ то же время дворъ князя бралъ еще седмерицею [1]. На Крькѣ за всякую покражу взималась денежная пеня, или налагалось тѣлесное наказаніе, и обиженный получалъ убытки вдвойнѣ [2]. На Млѣтѣ покража рогатаго скота вознаграждалась возвращеніемъ украденнаго десятерицею, если то былъ мелкій скотъ, четверицею, если то была корова, и вдвойнѣ, если то былъ волъ. За другую покражу взимался ущербъ вчетверо [3]. Въ другихъ Далматскихъ общинахъ всякое насильственное, или тайное отнятіе собственности вознаграждалось вчетверо; за неуплату долга взыскивалось вдвое или втрое [4].

Когда лицо, оказавшееся по суду неправымъ, отказывалось, по несостоятельности, или по чему либо другому, дать удовлетвореніе, тогда прибѣгали къ силѣ, состоявшей въ личномъ задержаніи, или выдачѣ виновнаго головою. Объ этомъ дѣйствіи расправы мы находимъ нѣсколько извѣстій въ нашихъ памятникахъ. Самое ясное представляется въ грамотѣ Дубровничанъ, писанной для Уроша I (С. № 26): **И аке кога грагѣнина ѡсѫди ѡбьщи сѫдь. да подамо егова добытькь: аке ли му добытька не стече. а мы самога крьвца да дамо своѡвь главовь.** Слѣдовательно, выдача головою была въ правахъ Далматскихъ общинъ. Но ее не должно смѣшивать съ личнымъ задержаніемъ. Послѣднее было столь обыкновеннымъ дѣломъ, что объ немъ нечего говорить: виновный подвергался ему всегда, какъ скоро того требовала судебная расправа по дѣламъ гражданскимъ, или когда въ уголовномъ преступленіи оно могло служить уликою. Такъ, на пр., въ Далматскихъ общинахъ бѣжавшіе, подозрительные и несостоятельные должники заключались въ тюрьму [5]. Въ нѣкоторыхъ изъ этѣхъ общинъ за смертоубійство виновный непремѣнно задерживался лично; въ прочихъ же случаяхъ личное задержаніе употреблялось только тогда, когда виновный не находилъ за себя поруки въ томъ, что къ извѣстному сроку онъ уплатитъ положенную пеню [6], и пр. По Законнику Душанову, личному задержанію подвергались властели, не заплатившіе царскаго дохода, или укрывшіе вора и разбойника (ст. 123, 124, 125, 200) и пр. Само собою разумѣется, что личное задержаніе составляло существенную часть уголовнаго и отчасти гражданскаго судопроизводства. Если допускалась порука, то значитъ, было и личное задержаніе. Но съ личнымъ задер-

[1] Винод. Зак., §§ 8, 33, 34, 50.
[2] Крьчск. стат. 1388 г., гл. 17, 18, 27.
[3] Млѣтск. стат., гл. 8, 9, 10, 11.
[4] Рейцъ., Сборн. Вал., стр. 164, 187, 188.
[5] Рейцъ, тамъ же., стр. 173, 174, 175, 176. — Ср. С. NN 73, 90, 91, 111, 137.
[6] Рейцъ, тамъ же, стр. 192.

жаніемъ, какъ дѣйствіемъ, по которому виновный поступалъ въ распоряженіе судебной власти и подвергался, по приговору, различнымъ наказаніямъ, пыткѣ и казни, не должно смѣшивать выдачи головою, дѣйствія, которое неправаго передавало въ руки частнаго человѣка, того самого, чей искъ былъ на немъ. Мы уже видѣли постановленіе Дубровника относительно виновнаго, оказавшагося несостоятельнымъ. Это постановленіе сдѣлано въ половинѣ XIII-го ст. Не много ранѣе, въ первой четверти того же вѣка, былъ заключенъ, по свидѣтельству Лучича, между Трогиромъ, Клишемъ и Шибеникомъ договоръ, по которому несостоятельный должникъ выдавался вѣрителю головою. Но, приводя это свидѣтельство, Рейцъ тутъ же замѣчаетъ, что выдача должника истцу головою, по древнему Славянскому праву, уже давно прекратилась. Только въ Трогирѣ существовало еще положеніе, въ силу котораго гражданинъ, задолжавшій иностранцу, если не имѣлъ чѣмъ заплатить, выдавался ему головою. По большей части, выдача головою замѣнена тюремнымъ заключеніемъ [1]. Въ Шибеникѣ рабъ, причинившій кому нибудь вредъ, когда господинъ отказывался платить за него, выдавался головою; его сѣкли и клеймили [2]. Впрочемъ, сдѣсь выдача головою есть не что иное, какъ личное задержаніе. По Закону Винодольскому только въ двухъ случаяхъ виновный выдавался головою: это за измѣну князю и за неимѣніе, чѣмъ заплатить пеню: въ обоихъ случаяхъ князь имѣлъ полное право поступать съ нимъ и его имуществомъ, какъ хотѣлъ (§§ 70, 74). Такъ какъ всѣ эти постановленія принадлежатъ къ самымъ раннимъ, то очень легко могло быть, что въ послѣдствіи выдача головою мало по малу прекратилась въ Далматскихъ общинахъ. Въ Сербіи только разъ наши памятники ясно указываютъ на выдачу виновнаго головою: кто изъ Сербовъ оказывался виновнымъ въ чемъ либо передъ Дубровничаниномъ и не имѣлъ чѣмъ откупиться, долженствовалъ, по повелѣнію Уроша I, быть выданъ головою: **ако ли мь добитька не стече. а они (сѫдьце) да подаю кривьца самога** (С. № 21). Хотя сдѣсь не упомянуто о выдачѣ головою, однако, во первыхъ, по смыслу, ничего другаго и не могло быть; а во вторыхъ, сдѣсь выдача головою согласуется съ таковымъ же постановленіемъ Дубровничанъ, отвѣтнымъ на это и приведеннымъ нами выше (С. № 26), и съ прочими Далматскими постановленіями о несостоятельныхъ должникахъ. О другихъ не столь ясныхъ намекахъ нашихъ памятниковъ на выдачу головою мы не упоминаемъ; ибо они могутъ относиться и къ личному задержанію. Такъ, выдача виновнаго, упоминаемая въ неизвѣстной королевской грамотѣ (С. № 38) и въ Законникѣ Душановомъ, какъ предварительное дѣйствіе общей поруки, есть не что иное, какъ выдача виновнаго для личнаго задержанія. Скудость и ранность извѣстій о выдачѣ головою какъ въ Далмаціи, такъ и въ Сербіи, заставляетъ думать, что этотъ обычай, хотя и старинный Славянскій, но мало отвѣчавшій постепенно развивавшемуся и устроивавшемуся судопроизводству, вышелъ со временемъ изъ употребленія какъ въ той, такъ и въ другой области. Дѣйствительно, онъ въ основаніи своемъ носилъ зародышь самоуправства и происхожденіемъ своимъ обязанъ былъ тѣмъ младенческимъ временамъ, когда кровная месть и частная расправа замѣняли всякое судебное, правительствомъ установленное, преслѣдованіе виновнаго. Легко можно замѣтить, какъ мало согласовался онъ съ мыслію и направленіемъ Душанова законодательства, противорѣча личному задержанію и судеб-

[1] Рейцъ, Сборн. Вал., стр. 175.
[2] Рейцъ, тамъ же, стр. 150.

ной расправѣ. Вотъ по чему онъ и не вошелъ въ Законникъ и, какъ отживающій, остался только въ преданіи народномъ. Личное задержаніе называется въ Душановомъ Законникѣ «емствомъ». Оно служило предварительнымъ дѣйствіемъ для того, чтобы виновный, или подозрѣваемый не бѣжалъ до окончанія суда и не уклонился отъ приговора. Властелинъ не подвергался самъ емству, но находилъ за себя емцевъ, которые служили заложниками въ удостовѣреніе того, что виновный подчинится рѣшенію суда; въ случаѣ его бѣгства, они несли на себѣ всю его вину (ст. 75, 83, 119). Но не всегда емство было такого рода. Случалось, что въ сношеніяхъ между Дубровничанами и Сербами, обиженный, не дождавшись судебнаго окончанія, или вовсе не начиная иска судебнымъ порядкомъ, прибѣгалъ къ насилію и захватывалъ обидчика. Тогда послѣдній видѣлъ себя уже не выданнымъ головою, а насильно увлеченнымъ въ руки истца. Дубровничане, какъ народъ мирный и торговый, боялись такого насильнаго емства и въ договорахъ постоянно выговаривали себѣ условіе, что безъ суда имъ нѣтъ никакого зла. Въ договорѣ съ Асѣномъ они говорили: никоре. емьство. да не. меджꙋ. стомꙋ. црствꙋ. и нась. докьде се. не сꙋди. въ правьдꙋ (С. № 16). Но иногда сами они рѣшались на такое емство или плѣненіе чужихъ людей, особливо у слабѣйшихъ сосѣдей. Выше мы видѣли, какъ послѣдніе, а именно, Поповцы, князь Черномиръ и король Владиславъ[1], жаловались на нихъ за эти насильственные поступки. За то есть одна грамота (С. № 34), которая показываетъ, что и короли Сербскіе, въ свою очередь, не дождавшись удовлетворенія отъ Дубровника, покончивали дѣло по своему усмотрѣнію, не взирая на насильственныя средства, къ которымъ надлежало прибѣгнуть. Одинъ изъ нихъ писалъ жупану Твртку, что такъ какъ Дубровничане отняли у Урсеты корабль и имущество и не даютъ отвѣта на многократныя о томъ отписи, то жупанъ можетъ какъ знаетъ взять удовлетвореніе съ ихъ людей: ѕнаши како е ꙋѕето ꙋрьсетꙋи дрьꙋо и ѕдобиткомь да много писа кралеꙋстꙋоми кнеѕꙋ дꙋброꙋчкомꙋ. и ꙋсѣмь дꙋброꙋчамь.... кто ти иѕкаѕе тꙋдѣѕи. по работахь по своихьси: како можь ѡноѕи ꙋѕми на нихь. и подан ꙋрсетꙋи:... и да ꙋиди кралеꙋстꙋоми како ми скрьшити хокеши сиѕи посьль (дѣло) ере (ибо) се смо ѡгрѣшили ꙋ семьѕи чловѣцѣ да ѡсꙋети га. Замѣтимъ выраженіе да ѡсꙋети га. Ѡсꙋетити всегда значило у Сербовъ отмстить въ смыслѣ кровной, родовой мести и частной, своевольной расправы; откуда въ Черногоріи родилась пословица; *ко се не освети, он се не посвети*[2], или въ другихъ мѣстахъ Сербіи: *тко се не освети, Бог га не освети*. Таковъ смыслъ этого слова у Сербовъ; таково и понынѣ значеніе «осветы» въ обычномъ народномъ правѣ. Но на этотъ разъ право письменное, возникшее уже при первыхъ короляхъ и такимъ блестящимъ образомъ выразившееся въ Законникѣ Душановомъ, употребило освету уже не въ первоначальномъ ея смыслѣ, а въ дальнѣйшемъ, болѣе приличномъ благоустроенному обществу. Гражданское право сдѣлало шагъ впередъ, предоставивъ самому правительству преслѣдованіе виновнаго и отстранивъ кровную месть. Сдѣсь освета есть насильное емство, употребленное отъ лица правительственной власти.

О способахъ наказанія, принятыхъ въ Далмаціи и Сербіи, мы упоминали выше мимоходомъ. Ни источники, ни мѣсто не позволяютъ намъ распространиться во всей подробности о наказаніяхъ — исходной части судебныхъ дѣй-

---

[1] С. NN 9, 11, 18.

[2] См. В. С. Караджича, Српске народне пословице. У Бечу. 1849. Стр. 154. Ср. еще стр. 8.

ствій. Тѣмъ не менѣе мы должны окинуть общимъ взглядомъ способы наказанія и основную мысль, которая въ нихъ проявлялась, какъ въ Сербіи, такъ и въ Далматскихъ общинахъ. Читая Рейца, изучая Далматскіе статуты, мы приходимъ къ заключенію, что кровной мести въ общинахъ не осталось и слѣда; въ этомъ отношеніи былъ сдѣланъ шагъ впередъ на пути гражданственности. Но за кровною местію, которая не имѣетъ никакого гражданскаго значенія, а есть только частная расправа, слѣдовала денежная пеня. На ней и остановились Далматскія общины. Какъ исключительно торговыя и занятыя денежными выгодами, общины этѣ, вѣроятно, находили принятый ими способъ наказанія согласнымъ съ главнымъ направленіемъ ихъ дѣятельности. Онѣ всякую вину измѣряли количествомъ денегъ и наказаніе обращали въ денежный взыскъ, часть коего непремѣнно поступала въ общественную казну, другая раздавалась должностнымъ лицамъ и только третья, небольшая, отдавалась обиженному. Главный недостатокъ въ ихъ способѣ наказанія состоялъ въ томъ, что сдѣсь тягость наказанія никогда не была ровна, а отвѣчала состоянію виновнаго и средствамъ, которыми онъ владѣлъ для уплаты пени. Такъ, на пр., въ Винодолѣ, по его Закону, не было ни одного преступленія, за которое нельзя бы было откупиться. Въ другихъ общинахъ, о которыхъ мы знаемъ, были ограниченія для нѣкоторыхъ преступленій. Смертная казнь назначена была безъ выкупа: на Крькѣ за безчестіе женщинѣ, за третичное воровство, за покражу въ домѣ выше 50 литръ и отраву [1]; въ Сени за насиліе женщинѣ и покражу свыше 100 ливръ [2]; на Корчулѣ за смертоубійство и насиліе; въ Травѣ еретикамъ, измѣнникамъ, возвратившимся изъ побѣга, и смертоубійцамъ; въ Шибеникѣ, Которѣ, на Лезинѣ и Млѣтѣ смертоубійцамъ [3]. Во всѣхъ другихъ случаяхъ виновный могъ откупиться и только въ очень немногихъ, при пени, долженъ былъ подчиниться еще тюремному заключенію. И такъ, взнеся пеню, онъ былъ свободенъ. При томъ, чѣмъ богаче онъ былъ, тѣмъ нечувствительнѣе было для него наказаніе. Въ этомъ способѣ наказанія ярко высказывается господствующее населеніе этѣхъ общинъ — властельство. Оно, какъ богатое, обезпечило для себя легкость наказанія, не смотря на то, что пеня была для него увеличена; пеня, которая часто была для него ничего не значащею, для другихъ, бѣднѣйшихъ сословій, равнялась смертной казни; ибо за тѣ же преступленія, за которыя вносилась пеня, неимущій подвергался смертному приговору. Кто не могъ за свою вину заплатить деньгами, платилъ жизнію. Еще разительнѣе выступаетъ несообразность этого способа наказанія въ тѣхъ случаяхъ, когда пеня, по свойству преступленія, была слабѣе смертной казни. Сдѣсь невольно представлялся вопросъ: чему приравнять ее? Конечно, нѣкоторыя, болѣе предусмотрительныя, общины замѣнили ее во многихъ случаяхъ изгнаніемъ, или тюремнымъ заключеніемъ; но и сдѣсь, въ большей части случаевъ, Далматскія общины не измѣнили своей главной мысли и, оцѣнивая преступленія количествомъ денегъ, должны были и тѣлесное наказаніе уровнять съ пенею. Рѣшено было, что если большей пени отвѣчала смертная казнь, то меньшей должно отвѣчать отнятіе у виновнаго какого либо члена. И сдѣсь за виною непосредственно слѣдовала пеня, а тѣлесное наказаніе стояло

[1] Крьчск. стат. 1388 г., гл. 1, 14, 24.

[2] Arkiv za provêstn. Jugoslav., 1852. II, II. Стр. 278.

[3] Рейцъ, Сборн. Вал., стр. 183, 184, 186. — Млѣтск. стат., гл. 1.

уже сзади пени и не виною измѣрялось, но пенею. Отъ того-то въ представленіяхъ о наказаніи и возможно было увѣчение. Часто пеня восходила до лишенія виновнаго всего его имущества; часто соединялась она съ личнымъ задержаніемъ и тѣлеснымъ наказаніемъ. Вообще мѣриломъ наказанія была денежная пеня; а съ другой стороны, какъ необходимое слѣдствіе перваго, мѣриломъ тягости наказанія было состояніе виновнаго. За одно и то же преступленіе одному не стоило ничего внести положенную пеню, другой платился всѣмъ своимъ имуществомъ, а третій терялъ жизнь, или лишался члена, необходимаго для работы, которая ему, какъ бѣдняку, доставляла пропитаніе. Какъ откупившійся злодѣй, такъ и увѣчный негодяй становились по прежнему вредными членами общества. Увѣченіе и чрезмѣрно обширное примѣненіе пени свидѣтельствуютъ, что понятіе о способахъ наказанія еще далеко не созрѣло въ Далматскихъ общинахъ. Наказаніе оставалось безъ главнѣйшей своей цѣли — исправленія дурнаго человѣка и предупрежденія возможности зла на будущее время. Мы не знаемъ хорошо о соблюденіи различія между сословіями при наказаніи; ибо достаточныхъ подробностей объ этомъ не находимъ въ статутахъ. Различіе между сословіями могло соблюдаться двояко: относительно обидчика и относительно обиженнаго. Въ первомъ случаѣ, когда вниманіе обращалось на сословіе обидчика, мы, какъ общую черту, можемъ привести слова Рацци, который говоритъ про благородныхъ, что «они не щадили другъ друга въ дѣлахъ уголовныхъ»: это значитъ, что при наложеніи пени относительно большее богатство благородныхъ требовало и большей пени. Въ смертныхъ приговорахъ благородному отсѣкали голову, а неблагороднаго вѣшали[1]. Вообще, при преобладаніи въ общинномъ правленіи властельскаго сословія, нельзя сомнѣваться, чтобы это сословіе не сумѣло отличить себя отъ другихъ. Во второмъ случаѣ уголовное право общинъ не дѣлало, кажется, различія въ сословномъ происхожденіи обиженнаго, — и это была лучшая его черта; ибо на преступленіе оно смотрѣло единственно какъ на преступленіе, и въ обиженномъ видѣло человѣка, а не члена общества. Такъ на Корчулѣ благородный, причинившій насиліе женщинѣ, была ли то благородная, или крестьянка, одинаково подвергался смертной казни. Къ сожалѣнію, другихъ извѣстій объ этомъ не находимъ. Но безразличіе ограничивалось только тѣлеснымъ наказаніемъ: лишь только дѣло останавливалось на пени, или личномъ задержаніи, какъ сословное происхожденіе выступало наружу. Тамъ же, на Корчулѣ, за насиліе, сдѣланное дѣвицѣ благороднаго происхожденія, благородный платилъ 100 червонцевъ и заключался въ тюрьму на 6 мѣсяцевъ; за насиліе крестьянкѣ благородный платилъ только половину, 50 червонцевъ, и содержался только 3 мѣсяца[2]. Въ Которѣ, если рабъ ударилъ свободнаго, то его сѣкли кнутомъ; если же онъ обидѣлъ благороднаго, то ему клеймили щеки, сѣкли его кнутомъ и водили по городу; за оскорбленіе другаго раба онъ платилъ 6 перперовъ[3]. Странно, что въ другихъ статутахъ и между прочимъ въ извѣстныхъ намъ Винодольскомъ, Крьчскомъ и Млѣтскомъ, нѣтъ никакихъ постановленій касательно различія сословій: тамъ, при всемъ множествѣ статей о наказаніяхъ, о званіи обиженнаго и обидчика не упоминается вовсе. Конечно, нѣкоторыя преступленія, какъ-то: воровство, поджога, разбой, потрава и т. п.,

---

[1] Рейцъ, Сборн. Вал., стр. 72.

[2] Рейцъ, тамъ же, стр. 186.

[3] Рейцъ, тамъ же., стр. 129.

чаще совершались людьми простаго сословія; но были и такія, которыя могли быть совершены равно благородными и неблагородными: во всякомъ случаѣ это молчаніе весьма удивительно и едва ли чѣмъ другимъ можетъ быть объяснено, какъ только тѣмъ, что письменныя узаконенія далеко не были полными хранилищами обычнаго права, которое велось въ общинахъ по преданію. Сравнивая съ постановленіями Далматскихъ общинъ Законникъ Душановъ, мы удивляемся разнообразію способовъ и лучшему направленію цѣли наказанія въ Сербіи. На этомъ пути Сербія шла врознь отъ общинъ, и въ законодательствѣ ея пробивается тотъ свѣтлый взглядъ, тотъ здравый гражданскій смыслъ, который не разъ высказывался въ дѣйствіяхъ Душана, настоящаго строителя своей земли. Денежная пеня ограничена самыми тѣсными предѣлами, и ей дано наиболѣе приличное мѣсто въ судебномъ правѣ. Въ степеняхъ ея видимъ такой порядокъ: 6, 50, 100, 300, 500, 1000 перперовъ. Она взималась: за вмѣшательство мірянъ въ церковныя дѣла (З., ст. 11), личное оскорбленіе (З., ст. 45, 46), потраву (З., ст. 66), волхвованіе (З., ст. 72), убійство (З., ст. 73, 81), оскорбленіе духовнаго лица (З., ст. 82), вырваніе бороды себромъ у себра (З., ст. 86), неправый судъ по поротѣ, при чемъ къ пени въ 1000 перп. присоединялось еще нравственное наказаніе—лишеніе довѣрія и запрещеніе поротникамъ быть посредниками при заключеніи браковъ: ни да се кто отъ нихь ни моужи ни жени. Отсюда узнаемъ еще новую должность поротниковъ: какъ присяжные, они могли участвовать въ сватовствѣ; но оказавшись неблагонадежными и пристрастными въ судѣ, естественно и тутъ должны были утратить довѣріе къ себѣ (З., ст. 156). Далѣе: за заключеніе въ тюрьму безъ царской грамоты (З., ст. 178), обиду и притѣсненіе Дубровницкимъ и вообще всякимъ торговцамъ (С. №№ 23, 25, 36; З., ст. 103, 106), за помѣху свободнымъ торговымъ сдѣлкамъ и продажѣ жита (С. № 29), за нарушеніе договора, сдѣланнаго съ Дубровничанами относительно Стона и Рѣта (С. № 37), взиманіе неположенной царины (С. №№ 40, 50), нарушеніе договорной грамоты съ Дубровникомъ (С. № 70) и наконецъ, когда Дубровничане, въ спорахъ съ Саксами, судились не такъ, какъ было указано королевскою грамотою, именно, не по поротѣ (С. № 25). Съ себра бралось менѣе пени, чѣмъ съ властелина; но за то къ этой пени присоединялось тѣлесное наказаніе (З., ст. 72, 81): въ Далматскихъ общинахъ мы видѣли то же самое. Сдѣсь обращалось вниманіе на состояніе виновнаго: бѣдному себру не откуда было достать столько денегъ, чтобы внести одинаковую пеню съ богатымъ властелемъ. Иногда пеня взималась не деньгами, а волами: за неявку властелина къ суду бралось 6 воловъ (З., ст. 49) и столько же за умышленную потраву (З., ст. 65). Всѣ прочіе роды преступленія имѣли свое наказаніе, нравственное, или тѣлесное. За нарушеніе церковнаго права виновные подвергались большею частію нравственному наказанію: духовные отлученію отъ сана, а за поставленіе по мыту отлученію отъ сана и проклятію (З., ст. 10, 20, 28, 196); міряне лишенію благословенія, разводу, отлученію отъ церкви и изгнанію (З., ст. 2, 3, 4, 30). Иногда наказаніе не опредѣлялось, и приговоръ произносился по закону св. Отецъ (З., ст. 5, 7, 89, 131). Строго наказаніе для чернаго духовенства, преступающаго монастырскій уставъ: монахъ, своевольно разстригшійся, подвергался заключенію (З., ст. 19); взявшій мыто, лишался монашескаго образа и подвергался тѣлесному наказанію (З., ст. 196). Но всего строже постановленія объ еретичествѣ. Извѣстно, что Душанъ былъ ревнителемъ Православія, и старался водворять его въ завоеванныхъ земляхъ, когда находилъ въ нихъ другую вѣру. Такъ, на пр., въ Боснѣ онъ уничто-

жилъ многіе Римско-католическіе приходы и замѣнилъ ихъ православными. Этимъ объясняется, съ одной стороны, причина, по чему въ Законникѣ упомянуто объ «еретикахъ», подъ которыми должно разумѣть Римскихъ католиковъ въ противуположность «христіанамъ» или православнымъ; а съ другой, тѣ строгія ограниченія, которыя назначались еретикамъ, входившимъ въ связи съ православными. Православный, перешедшій въ Латинскую вѣру, долженъ былъ снова обратиться къ Православію: иначе онъ наказывался по закону св. Отецъ (З., ст. 5); по этому же закону наказывался Римско-католическій священникъ, обратившій въ свою вѣру православнаго (З., ст. 7). Кто изъ Римскихъ католиковъ женился на православной, долженъ былъ самъ перейти въ Православіе: иначе лишался жены, дѣтей, имущества и изгонялся (З., ст. 8). Еретику, укрывавшемуся у православныхъ, обжигали лицо и онъ изгонялся; жгли лицо и тому, кто укрывалъ его (З., ст. 9). За продажу православнаго иновѣрцу отсѣкали руки и вырѣзывали языкъ (З., ст. 21). Такая строгость была отчасти необходима; ибо въ Боснѣ, которая сдѣсь преимущественно разумѣется, Католицизмъ дѣлалъ значительные успѣхи въ вѣрообращеніи, покровительствуемый судьбою этой страны. Ближайшая къ Приморской Далмаціи, гдѣ господствовала Латинская вѣра, находясь почти постоянно подъ верховною властью Римско-католической Угріи, Босна, съ своими банами, вдалась до такой степени въ связи съ Италіей и Угріею, что уже не могла отрѣшиться отъ вѣры, водворенной въ ней происками западнаго духовенства: угрозы папъ противъ бановъ, опиравшіяся на многочисленныхъ послѣдователей Латинской вѣры, и вторженія Угорскихъ королей, благопріятствуемыя превосходствомъ силъ, до того стѣсняли бановъ въ ихъ дѣйствіяхъ, что они невольно должны были Латинскую вѣру ставить впереди Православія и Патаренской ереси, которымъ внутренно многіе изъ нихъ благопріятствовали. Душанъ воспользовался своею побѣдою для водворенія и укрѣпленія Православія въ Боснѣ: важнымъ условіемъ для успѣха была быстрота и строгость дѣйствій, и этимъ-то объясняются тѣ статьи Законника, на которыя мы указали. Въ гражданскихъ дѣлахъ наказаніе восходило отъ вознагражденія ущерба за допущеніе грабежа (З., ст. 137, 152, 159, 161, 162, 163) до совершеннаго разворенія за издоимство и принужденіе церковныхъ людей къ неропшинѣ или государственнымъ повинностямъ (З., ст. 24, 35, 196). За вредъ, нанесенный во время приселицы, за злоупотребленіе власти окружные правители лишались своей области или державы (З., ст. 139, 152). Неропхи, бѣжавшіе отъ своихъ господъ, подвергались клейменію, разпарыванію носа и тюремному заключенію (З., ст. 205). Для уголовныхъ преступленій, кромѣ пени, лишенія всего имущества за оскорбленіе судьи (З., ст. 27) и лишенія всего имущества вмѣстѣ съ личнымъ задержаніемъ за насиліе приставу (З., ст. 94), положены были различныя тѣлесныя наказанія, какъ-то: удары и заключеніе въ тюрьму за нанесеніе въ пьяномъ видѣ побоевъ безъ окровавленія (З., ст. 168), отсѣченіе руки за вырваніе бороды у властелина и добраго мужа (З., ст. 85); отсѣченіе рукъ за умышленное убійство (З., ст. 73); отсѣченіе рукъ и носа за насильный бракъ властелина и себра съ женщиною одного съ ними сословія и за блудъ (З., ст. 47, 189); отсѣченіе ушей, и клейменіе за сборъ себровъ (З., ст. 61); отсѣченіе рукъ и языка за неправильное исполненіе судебнаго приговора приставомъ (З., ст. 168); отсѣченіе руки и лишеніе глаза за кровавыя раны, нанесенныя въ пьяномъ видѣ (З., ст. 168); отсѣченіе языка и ушей за несправедливость со стороны пристава (З., ст. 190); ослѣпленіе вору

и повѣшеніе стремглавъ разбойнику и такое же наказаніе злодѣю и клеветнику и всякому, кто держитъ у себя, или приводитъ съ собою воровъ и разбойниковъ и потворствуетъ имъ (З., ст. 123, 124, 125, 126, 167, 171); висѣлица за насильственный бракъ себра съ женщиною властельскаго сословія и за убіеніе духовнаго лица (З., ст. 47, 83); и наконецъ сожженіе за поджигательство по мести и убіеніе родителей (З., ст. 84, 87). Село, давшее у себя убѣжище золотыхъ дѣлъ мастерамъ, которымъ, такъ какъ они были въ то же время и чеканщиками, велѣно было жить въ извѣстныхъ крѣпостяхъ и городахъ, разорялось и сожигалось, какъ притонъ дѣлателей ложныхъ денегъ (З., ст. 181). Вотъ всѣ виды наказаній, изложенные въ Законникѣ. Между ними не находимъ обезглавленія; но неужели оно не существовало на ряду съ другими родами казни? Въ Боснѣ оно было, и мы имѣемъ ясное указаніе на него въ грамотѣ Юрія Воиславича (С. № 118); вѣроятно, было оно и въ Сербіи. Должно еще прибавить, что сдѣсь мы представили очеркъ состава наказаній подъ условіемъ, что виновный былъ на лицо; когда же онъ скрывался, тогда, само собою разумѣется, за него отвѣчала общая порука, и при этомъ случаѣ, вмѣсто тѣлеснаго наказанія, дѣйствовала денежная пеня. Изъ представленнаго очерка открывается также разница, существовавшая между Далматскимъ и Сербскимъ воззрѣніемъ. Надобно отдать справедливость Душану въ томъ, что онъ, дѣйствуя сдѣсь самостоятельно, ушелъ далѣе своихъ приморскихъ сосѣдей. Его постановленія о наказаніяхъ были правильнѣе и полезнѣе: въ нихъ заключались всѣ условія къ будущему успѣшнѣйшему достиженію цѣли наказанія — предотвращенію зла. Если въ опредѣленіи способовъ наказанія виды обезпеченія общественнаго спокойствія и безопасности должны быть по возможности примирены съ чувствомъ человѣчности, то денежная пеня наименѣе удовлетворяетъ тому и другому. Душанъ взглянулъ свѣтлѣе на это примиреніе; съ одной стороны, личное задержаніе, изгнаніе и казнь обезпечивали общество отъ повторенія злодѣянія, а съ другой нравственное наказаніе видѣло въ виновномъ человѣка и дѣйствовало непосредственно на его совѣсть. Но надобно признаться, относительно чувства человѣчности, Душанъ, хотя и далъ мѣсто нравственному наказанію, будучи обязанъ имъ церковному праву, хранимому древними Сербами преимущественно въ Правильникѣ Властара; однако не могъ еще совершенно отдѣлиться отъ своего вѣка и стать выше современныхъ ему, довольно грубыхъ и жесткихъ, понятій. Ему еще не доставало той мысли, которая и у другихъ народовъ возникла гораздо позднѣе въ слѣдствіе успѣховъ человѣчества; въ своемъ Законникѣ, который является послѣднимъ итогомъ, хотя и не полнымъ, истекшимъ изъ всего того, что выработано было народомъ въ пользу права въ продолженіи его многовѣковой жизни, онъ еще не умѣлъ согласить важности преступленія съ кротостію наказанія. Конечно, увѣчье и разные роды смертной казни говорятъ не въ его пользу; но, повторяю, въ этомъ не его вина, а виною тому духъ времени, постепенно смягчающій нравы людей. Кромѣ того, увѣчье было вредно, какъ мы видѣли, и для общества, и допущеніе его составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ недостатковъ Законника въ гражданскомъ отношеніи. Впрочемъ, оно искупается другаго рода достоинствами, къ которымъ нельзя не отнести того правильнаго взгляда на прѣступленіе, по которому главнымъ лицомъ былъ обиженный, а не обидчикъ: отъ того самое преступленіе, кѣмъ и надъ кѣмъ бы оно ни было сдѣлано, имѣло одинаковую силу предъ закономъ, и только одно наказаніе измѣнялось, но не ослаблялось, смотря по тому, къ какому сословію

принадлежалъ преступникъ. Слѣдовательно, при совершеніи преступленія обращалось вниманіе на самый смыслъ вины, а при наложеніи наказанія уже различалось лицо, совершившее преступленіе. Въ доказательство приведу 45-ю и 46-ю статьи Законника, въ которыхъ за личное оскорбленіе постановлено: **Властелинь, кои ѡпсоує и ѡсрамоти властеличицꙋ, да платї .р. перперь. и властеличикь, аще ѡпсоують властелина, да платить .р. перьперь, и да се бїеть стапи. И аще властелинь или властеличикь ѡпсоує себра, да платї .р. перперь. аще ли себрь ѡпсоує властелина или властеличица, да платить .р. перьперь и да се ѡсмоудить.** Сдѣсь, какъ видно, пеня за властелина, властеличича и себра одинакова; слѣдовательно, одинакова и мѣра преступленія. Только при опредѣленіи наказанія властеля избавляются отъ тѣлеснаго наказанія, какъ властеличичи, и клейменія, какъ себры. Чрезъ это преступленіе нисколько не ослаблено въ своемъ значеніи и оцѣнено одинаково, надъ кѣмъ бы оно ни было совершено; а если властелямъ и дана льгота въ наказаніи, то это отнюдь не въ видахъ ослабленія силы преступленія, но единственно изъ уваженія къ ихъ сословію. Укажу еще на 81-ю статью: **Аще оубїе властелинь себра оу градоу или оу жоупѣ или оу катоуноу, да плати тысоущоу перьпер. Аще ли себрь властелина оубїеть, да моу се ѡбѣ роуцѣ ѡтсѣкоуть, и да плати .т. перпер.** Сдѣсь пеня за властеля даже менѣе пени за себра; но мѣра вины уравнена тѣлеснымъ наказаніемъ въ замѣнъ денежнаго, которое себру было бы не по силамъ. За то коль скоро преступленіе соприкасалось съ сословными правами, значеніе его условливалось уже сословіемъ, которому оно причиняло нравственный ущербъ, и мѣра наказанія опредѣлялась сообразно съ сословнымъ происхожденіемъ обиженнаго. Статья 47-я опредѣляетъ такое наказаніе за насиліе: **Аще кои властелинь въꙁьметь владикоу по силѣ, да моу се ѡбѣ роуцѣ ѡтсѣкоуть и нось ѡтрѣжеть. аще ли себрь въꙁьметь владикоу по силѣ, да се ѡбѣсить. аще ли свою дроугоу въꙁьметь по силѣ, да моу се ѡбѣ роуцѣ ѡтсѣкоуть и нось оурѣжеть.** За оскорбленіе себромъ властельскаго сословія наказаніе строже, чѣмъ за оскорбленіе властелемъ, или себромъ своего сословія: въ послѣднемъ случаѣ наказаніе равно и для властелина и для себра. Причина различія въ наказаніи очевидна; преступленіе было такого рода, что влекло за собою обиду цѣлому сословію и при томъ нужно было предохранить высшее сословіе отъ покушеній низшихъ и оградить его какими либо преимуществами. Впрочемъ, и сдѣсь вниманіе обращено на сословіе обидчика, и единственно на этомъ основаніи наказаніе увеличено, или уменьшено; но какъ скоро различія между обидчикомъ и обиженнымъ не было, не было и различія въ наказаніи: властелинъ наказывался одинаково съ себромъ. Слѣдовательно, преступленіе, какъ преступленіе, оставалось все тѣмъ же и всегда имѣло одинаковое значеніе предъ лицомъ закона. Равнымъ образомъ и статьи 85-я и 86-я основаны на правахъ сословныхъ. Онѣ опредѣляютъ наказаніе, состоявшее въ отсѣченіи руки за вырваніе бороды властелину, или доброму человѣку, и въ пени 6 перперовъ, когда вырывалъ бороду себръ у себра же. Нельзя при этомъ не замѣтить тонкости взгляда, умѣвшаго разпознавать въ преступленіи ту сторону, которою оно наиболѣе оскорбляло общество; нельзя не отдать справедливости Душану въ томъ, что онъ умѣлъ согласить права человѣка съ правами сословія и зналъ, гдѣ именно, на какой точкѣ, остановить разграниченіе между наказаніемъ за человѣка и наказаніемъ за сословіе. Въ этомъ отношеніи его законодательство выходитъ складнѣе и разумнѣе уставовъ Далматскихъ об-

лимъ. Другое достоинство взгляда Душанова на способъ наказанія состоитъ въ томъ, что во взглядѣ этомъ просвѣчиваетъ мысль новая, совершенно противуположная денежной пени и общей порукѣ и болѣе вѣрная государственнымъ началамъ: это — предотвращеніе возможности зла на будущее время. Мысль эта высказалась скорѣе всего въ положеніи о разбояхъ и воровствѣ, какъ злѣ, наиболѣе въ то время распространенномъ, благодаря современному состоянію населенности и городской и земской охраны. Противъ разбоя и воровства, которыя яснѣе и болѣе всего вызывали самыя строгія и безотлагательныя мѣры, Душанъ, въ пылу гнѣва, уничтожилъ всякую возможность откупа или повторенія зла. Онъ писалъ: по вьсѣхь земляхь и по градовѡхь и по жоупахь и по катоунахь хоусари и тата да нѣсть ни оу єдиномь прѣдѣлоу. и сїимь ѡбразомь да оумалить се татьба и хоусарьство. оу коемь се селѣ ѡбрѣщеть тать или хоусарь, тоѕи село да се расоуе, а хоусарь да се ѡбѣсить стрьмоглавь, а тать да се ѡслѣпить.... (З., ст. 128). Замѣчательныя въ этой статьѣ выраженія да нѣсть и да оумалить се, равно какъ строгость наказанія, послѣ котораго зло не могло уже быть болѣе повторено тѣмъ же самымъ лицомъ, обнаруживаютъ въ законодателѣ сильную и рѣшительную волю и новый взглядъ на способъ охраненія общественной безопасности. Съ перваго же разу можно замѣтить, куда стремились заботы правителя: онъ не думалъ только объ одномъ наказаніи зла, но и старался дѣйствительными мѣрами предотвратить его на будущее время. Вообще должно сказать, что Сербское право, относительно способовъ и цѣли наказанія, превосходило Далматское. Оба они развились на своей собственной почвѣ подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій и тѣхъ началъ, изъ которыхъ сложилась жизнь того и другаго народа. Община торговая составила свое воззрѣніе на способы и цѣль наказанія и, можетъ быть, оставалась довольною имъ, такъ какъ оно согласовалось со стремленіемъ къ прибыли, главнымъ отличительнымъ свойствомъ торговаго приморскаго государства. Напротивъ Сербія, управляемая самодержавіемъ и, во времена Душана, исполненная стремленія къ созданію прочнаго гражданскаго и государственнаго быта, получила отъ своего законодателя лучшее обезпеченіе гражданскихъ связей и общественнаго спокойствія и благосостоянія. Хотя не всѣ еще способы наказанія, на ту пору, отвѣчали требованіямъ новаго порядка вещей, покровительствуемые стариною: тѣмъ не менѣе сила власти уже ясно высказывалась въ строгомъ и правильномъ распредѣленіи наказаній и обязанностяхъ, возложенныхъ на служебныя лица. Словомъ, Сербія опередила Далмацію; и когда та оставалась, какъ видно изъ статутовъ, въ одномъ положеніи, она успѣла создать себѣ новое начало, въ которомъ лежалъ зародышъ всѣхъ будущихъ совершенствованій въ гражданскомъ и государственномъ отношеніяхъ.

Мы видѣли разные суды, установленные во взаимныхъ дѣлахъ Сербовъ съ Дубровничанами, видѣли судъ, совершавшійся непосредственно на сходкѣ, далѣе, судъ самой верховной власти, судъ должностныхъ судей и другихъ лицъ, имѣвшихъ на то право, и наконецъ судъ присяжныхъ. Потомъ мы просмотрѣли дальнѣйшее производство судебной расправы, какъ оно положено было въ узаконеніяхъ Далмаціи и Сербіи и въ обоюдныхъ договорахъ той и другой. Объ иныхъ судахъ въ постановленіяхъ, состоявшихся по поводу этихъ договоровъ, не упоминается; но были, конечно, случаи, когда обѣ стороны, избѣгая должностнаго суда, выбирали для себя посред-

никовъ и приговору ихъ подчинялись. Третейскій судъ былъ въ употребленіи и въ Далмаціи, и въ Боснѣ; онъ былъ, безъ сомнѣнія, и въ другихъ областяхъ Сербіи. Въ Далматскихъ общинахъ, при назначеніи посредниковъ, участвовало иногда правительство; приговоръ третейскаго суда рѣшался большинствомъ голосовъ, если было нѣсколько посредниковъ, и считался окончательнымъ [1]. Въ Законникѣ Душановомъ этого суда нѣтъ, по тому самому, что онъ былъ какъ бы частнымъ судомъ, основаннымъ на добровольномъ согласіи обѣихъ сторонъ подчиниться приговору ими же избранныхъ одного, или нѣсколькихъ лицъ. Онъ стоялъ поодаль отъ всѣхъ должностныхъ судебныхъ дѣйствій и, естественю, не входилъ въ составъ Законника. Въ Боснѣ мы видимъ примѣненіе этого суда къ распрямъ домашнимъ, гражданскимъ и государственнымъ. Такъ какъ посредники необходимо долженствовали быть людьми уважаемыми и добросовѣстными, то и выходитъ, что они были тѣми же добрыми мужами; отъ того Рейцъ и называетъ посредниковъ въ третейскомъ судѣ добрыми мужами. Дѣйствія добрыхъ людей въ распряхъ Сандала съ матерью (С. № 93), Косачи съ женою и сыновьями (С. № 142); въ произнесеніи мнѣнія на счетъ важности проступка, совершеннаго властелями противъ своего владѣльца (С. № 118; З. А.); въ разбирательствѣ между Тврткомъ II и Дубровникомъ (С. № 89) суть не что иное, какъ третейскій судъ. Приведу въ примѣръ третейскаго суда тотъ судъ, который учрежденъ былъ Тврткомъ II: онъ замѣчателенъ по тѣмъ подробностямъ, съ какими изложенъ въ грамотѣ. Послѣ бѣгства Остои, ведшаго войну съ Дубровникомъ, Твртко занялъ его земли и нашелъ, что воеводы Остои, Сандалъ и Павелъ Радиновичъ, и нѣкоторые другіе Босняки захватили себѣ имущество Дубровничанъ: по этому онъ назначилъ судебный разборъ. Со стороны Босны двое судей: Вукацъ Храничъ, братъ Сандала, и другой властелинъ, котораго имѣетъ назначить Король; со стороны Дубровника также двое судей по назначенію Общины изъ туземныхъ властелей. Сходка или састанакъ, по выбору Вукца, въ одномъ изъ трехъ указанныхъ Королемъ мѣстъ: Конавлѣ, Требинѣ, или Поповѣ. Въ избранное мѣсто должны явиться судьи черезъ шесть мѣсяцевъ со дня написанія грамоты; и если князь Вукацъ, или другой Боснійскій судья, или даже двое судей Дубровницкихъ не явятся къ этому сроку, то должны стараться прибыть, какъ можно скорѣе, по прошествіи срока. Если всѣ четверо судей единогласно, или большинство ихъ скажутъ, что то и то отнято у Дубровника обманомъ и не по правдѣ, то все показанное слѣдуетъ возвратить и уплатить Дубровнику; и на чемъ рѣшатъ эти судьи, на томъ и стоять твердо, и того никто не можетъ нарушить, ни ослушаться. Вотъ образецъ третейскаго суда, допущеннаго въ дѣлахъ государственныхъ. Здѣсь судьи, или посредники не назначаются верховною властію, подобно должностнымъ судьямъ, и, подобно этимъ и поротникамъ, не приносятъ присяги въ справедливости своихъ приговоровъ; но избираются добровольно обѣими спорящими сторонами, и приговоръ ихъ, основанный на добросовѣстности и довѣріи, считается столь же обязательнымъ, какъ и всякое рѣшеніе должностныхъ судей, или поротниковъ. Жалобъ на третейскій судъ нѣтъ.

До сихъ поръ мы разсматривали судебные уклады, бывшіе между Сербіею и Дубровникомъ; но въ заключеніе должны упомянуть еще о двухъ статьяхъ, касающихся до суда какъ между Дубровничанами и Нѣмцами, такъ и

---

[1] Рейцъ, Сборн. Вал., стр. 151, 180, 181.

между одними Дубровничанами и одними Нѣмцами въ Сербіи. Случавшіяся распри иноземныхъ торговцевъ побудили Сербскихъ владѣтелей издать и для нихъ постановленія. При Урошѣ I, вѣроятно, еще мало было Нѣмцевъ въ Сербіи, по чему онъ въ своихъ грамотахъ и не упоминаетъ о нихъ; но Милутинъ, повторяя укладъ отца, счелъ уже за нужное прибавить, что Нѣмцы, въ спорѣ съ Дубровничанами, судятся непремѣнно судомъ по поротѣ (С. № 25); деспоты подтвердили то же самое (С. №№ 73, 90, 91, 111, 137). Выраженіе Милутиновой грамоты: **прѣ тѣми да се расправлаю**, прибавленное для усиленія смысла, равно какъ слова деспотскихъ грамотъ: **да се не моуче прѣ господствоми** (или **на̑**) **ни прѣ кефалию нашега** свидѣтельствуютъ, что для Нѣмцевъ, тягавшихся съ Дубровничанами, не было въ Сербіи другаго суда, кромѣ суда по поротѣ. Точно то же постановили деспоты и относительно однихъ Нѣмцевъ, которые, въ силу тѣхъ же грамотъ, должны были непремѣнно судиться промежь себя поротою. Деспоты же издали положеніе касательно судебныхъ разбирательствъ между одними Дубровничанами. Мы читаемъ въ ихъ грамотахъ: **И що се прѣ мегю собомь доубровчане. или се боуде оучинило з срьблй, или оу доубровникоу да се прѣ прѣ коунсоулómь** (въ др. **коунсули**) **доубровьчкыимь** (въ др. **дубровьчкыими**). **и прѣ нихь соудіами. и що соуди коунсоуль и негове соудіе на томь да стои. ако ли би не хотѣль доубровчанинь стояти на томзи соудоу, да ие волинь коунсоуль и негове соудіе ѡнога свезати и дрьжати докле платити що ие ѡсоугинь.** (С. №№ 73, 90, 91, 111, 137). Изъ этого постановленія узнаемъ, что Дубровничане судились совсѣмъ инымъ образомъ, чѣмъ Нѣмцы. Тогда какъ послѣдніе даже въ своихъ собственныхъ спорахъ подлежали суду присяжныхъ, они выговорили себѣ, для своихъ тяжбъ, свой особый судъ предъ своимъ консуломъ и судьями. Этотъ судъ былъ для нихъ обязательнымъ, и помѣшать ему не могли ни главари и другія начальства, ни даже сами деспоты и ихъ родичи. Отсюда узнаемъ также, что Дубровничане имѣли въ Сербіи своего консула, о которомъ, впрочемъ, нѣтъ никакихъ другихъ извѣстій. Что же касается до судей, то они могли быть или присяжными, или должностными; ибо наши грамоты не дѣлаютъ различія въ ихъ названіяхъ. Выраженіе **з срьблй, или оу доубровникоу** показываетъ, что Дубровничане въ своихъ дѣлахъ судились въ Сербіи точно также, какъ бы это было въ ихъ общинномъ городѣ.

Между тѣмъ, какъ при первыхъ короляхъ Сербскихъ насильная расправа съ виновнымъ еще выказывалась кое-гдѣ, потворствуемая самими Дубровничанами, эти послѣдніе уже хлопотали о правѣ не иначе расправляться, какъ по суду и по правдѣ. Уже не вѣрили они въ рукоподаніе и нарушали его неоднократно; въ замѣнъ его имъ нужна была клятва, нужны были свидѣтели. Старинныя сходки были оставлены. Въ спорахъ съ Сербами судили или сами владѣльцы, или должностные судьи, или присяжные, или же посредники. Судебные уклады начались у Дубровника съ Сербіею еще въ первой половинѣ XIII ст. Почти въ одно время находимъ краткіе уклады съ баномъ Босны, Нинославомъ, который, въ свою очередь, ссылается на грамоту Кулина конца XII ст., съ княземъ Хлумскимъ, Андреемъ, и съ королемъ Сербскимъ, Урошемъ I. Но уговоры о томъ, чтобы судиться по правдѣ, безъ изложенія какихъ либо судебныхъ правилъ, встрѣчаемъ ранѣе Уроша, при королѣ Радославѣ, который пишетъ въ своей грамотѣ; **то да се исьправла соудомь правымь божьствьнымь. иноре да е право и безьгрѣшьно кралевьствоуми и вамь вѣрьнимьим приятелемь.**

Бóльшую полноту судебные уклады получили при Душанѣ. Этотъ знаменитый государь какъ всюду, такъ и сдѣсь опередилъ свое время, давъ новый ходъ, новую жизнь своимъ сношеніямъ съ сосѣдними державами. Сравнивая его судебныя постановленія, въ договорахъ съ Дубровникомъ, съ предыдущими, мы удивляемся полнотѣ, съ какою они въ первый разъ являются предъ нами въ замѣнъ прежнихъ короткихъ и отрывочныхъ грамотъ. Сравнивая ихъ же съ его Законникомъ, замѣчаемъ между тѣми и другими нѣкоторыя сходныя черты и сходныя положенія, проведенныя тамъ и сдѣсь; но въ то же время видимъ, что всѣ они не вошли въ его Законникъ и требовали особыхъ грамотъ: ясно, что важныя и обширныя сношенія Сербіи съ Дубровникомъ составляли отдѣльную область государственнаго вѣдомства, въ которой мудрый законодатель дѣйствовалъ столь же благоразумно, какъ и во внутреннемъ устройствѣ своего государства. Если въ судебныхъ укладахъ его недостаетъ многосторонности и нѣкоторыхъ окончательныхъ поясненій, то это по тому, что тогда руководились большею частію стариннымъ обычнымъ правомъ, не требовавшимъ письма по своей общеизвѣстности; письму же предавались только тѣ вопросы, по поводу которыхъ возникало недоразумѣніе. Но, повторяю, самая подробность, съ какою разрѣшаются нѣкоторые вопросы, уже обнаруживаетъ въ постановленіяхъ Душана большой дѣловой умъ и навыкъ, такъ что сыну его оставалось только повторить буквально слова отца [1]. Также и деспоты съ родичами своими, списывая другъ у друга грамоты, не могли въ сущности сказать ничего новаго. Всѣ ихъ положенія развились изъ положеній Душана, облекшись только большею округлостію. Причиною тому были съ одной стороны достаточность постановленій Душановыхъ въ связи съ обычнымъ правомъ; съ другой судьбы государственныя, отвлекавшія вниманіе деспотовъ отъ дѣлъ внутреннихъ. Мы не разъ замѣчали, замѣтимъ и теперь, что при деспотахъ внутреннее устройство Сербіи остановилось въ своемъ развитіи, котораго оно достигло при Душанѣ, и даже во многомъ двинулось назадъ подъ дѣйствіемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Въ сношеніяхъ Дубровника съ Босною еще менѣе находимъ какихъ либо слѣдовъ судебныхъ укладовъ. Конечно, уклады эти были: иначе не могли бы существовать и самыя сношенія между обоими государствами. Но такъ какъ власть Сербскихъ царей перешла отчасти къ королямъ Боснійскимъ, которые выдавали себя какъ бы за продолженіе давно изчезнувшаго дома Немани и представителей остатка Сербской независимости, то и всѣ постановленія, имѣвшія силу въ Сербіи, должны были соблюдаться и въ Боснѣ, разумѣется, согласно съ мѣстными условіями; а по тому Боснійскіе владѣльцы и не имѣли надобности повторять ихъ. Только этимъ можно сколько нибудь объяснить отсутствіе различныхъ торговыхъ, а и того менѣе судебныхъ распоряженій въ Боснійскихъ грамотахъ. Кромѣ нѣкоторыхъ общихъ мѣстъ и описанія третейскаго суда, установленнаго единовременно Тврьткомъ II, мы не встрѣчаемъ тамъ ничего такого, что бы было ново и сколько нибудь развито. Вѣроятно, Дубровничане не нуждались въ судебныхъ укладахъ, довольствуясь существовавшимъ обычнымъ правомъ, и только представляли новымъ королямъ старые договоры на подтвержденіе. Одна важная черта отличаетъ право Дубровницкое отъ сосѣдняго Сербскаго: это развитіе личности или особности, въ чемъ приморскія общины опередили Сербовъ. Но съ другой стороны, денежная пеня, пользовавшаяся столь обшир-

---

[1] Ср. С. N 43 съ С. N 50.

нымъ примѣненіемъ въ общинахъ, далеко не удовлетворяла видамъ общественной безопасности и исправленію самого виновнаго, и относительно ея общины стояли ниже Сербіи, гдѣ было совсѣмъ иное представленіе о наказаніяхъ. У насъ предъ глазами два права: одно на половину Славянское и на половину Римское, обособившееся и принявшее отдѣльное направленіе въ слѣдствіе особыхъ условій общинной жизни; другое—чисто Славянское, Сербское, какъ право народа самостоятельнаго, носившеѐ въ самомъ себѣ жизнь и развитіе. Подчинить оба эти права исключительному вліянію одного на другое — нельзя; но нельзя также отрицать и того, чтобы между ними не было взаимнаго воздѣйствія, которое наиболѣе обнаруживалось въ договорныхъ грамотахъ и наименѣе въ узаконеніяхъ Дубровника и Сербіи.

Внутренній составъ Дубровника, какъ и прочихъ прибрежныхъ Далматскихъ городовъ и островов, былъ общинный съ преобладаніемъ властельскаго сословія. Нѣкогда Далмаціей называлось, по свидѣтельству Константина Багрянороднаго[1], все пространство земли, лежащее между Драчемъ, или Баромъ, Истріею и Дунаемъ. Но уже Лучичъ[2] замѣтилъ, что Императоръ-историкъ разумѣетъ сдѣсь подъ Далмаціей весь Илирикъ, кромѣ Норика, и что подъ собственной Далмаціей должно разумѣть прибрежную полосу земли, идущую отъ рѣки Дрина до рѣки Арсіа въ Истріи. Сдѣсь въ старину владѣли Римляне, и населеніе прибрежныхъ городовъ и островов было Римское[3]. Авары, въ VI и VII ст., а за ними и Славяне, начали разрушеніе городовъ и истребленіе жителей: *κατέσφαξαν οὖν πάντας τοὺς τῆς πόλεως, καὶ ἔκτοτε κατεκράτησαν πᾶσαν τὴν χώραν Δελματίας καὶ κατεσκήνωσαν ἐν αὐτῇ. μόνα δὲ τὰ πρὸς θάλασσαν πολίχνια οὐ συνέδωκαν αὐτοῖς, ἀλλὰ κατείχοντο παρὰ τῶν Ῥωμαίων διὰ τὸ εἶναι τὸν πόρον τῆς ζωῆς αὐτῶν ἐκ τῆς θαλάσσης. ἰδόντες οὖν οἱ Ἀβάρεις καλλίστην οὖσαν τὴν τοιαύτην γῆν κατεσκήνωσαν ἐν αὐτῇ*[4]..... *διελθόντες δὲ εὐθὺς τοὺς Ῥωμάνους οὗτοι ἐξήλασαν (οἱ Σκλάβοι) καὶ τὴν Σαλῶνα τὸ προειρημένον κάστρον ἐκράτησαν, καὶ κατοικήσαντες ἐκεῖσε ἔκτοτε κατὰ μικρὸν ἀρξάμενοι πραιδεύειν τοὺς Ῥωμάνους τοὺς εἰς τοὺς κάμπους καὶ εἰς τα ὑψηλότερα μέρη κατοικοῦντας ἠφάνισαν, καὶ τοὺς τόπους αὐτῶν κατεκράτησαν. οἱ δὲ λοιποὶ Ῥωμᾶνοι εἰς τὰ τῆς παραλίας κάστρα διεσώθησαν, καὶ μέχρι τοῦ νῦν κρατοῦσιν αὐτό. ἅτινά εἰσι τάδε κάστρα, τὸ Ῥαοῦσιν, τὸ Ἀσπάλαθον, τὸ Τετραγγούριν, τὰ Διάδωρα, ἡ Ἄρβη, ἡ Βέκλα, καὶ τὰ Ὄψαρα. ὧντινῶν καὶ οἰκήτορες μέχρι τοῦ νῦν οἱ Ῥωμᾶνοι καλοῦνται*[5]. Изъ этого свидѣтельства царственнаго лѣтописца видно, что со времени вторженія Аваровъ и пришествія Славянъ въ Илирикъ, изъ сплошной области Далмаціи выособи-

---

[1] Corp. Script. Hist. Byz., Const. Porphyrog., v. III. De Adm. Imp., c. 30, p. 141.

[2] De regno Dalm. et Croat., l. I, c. VI.—Bandurii Animadv. in l. de Adm. Imp., apud Stritterum, II, 18.

[3] Romanorum colonias in Dalmatiam ante Diocletianum reipublicae Romanae tempore deductas patet cum ex scriptoribus tum ex inscriptionibus antiquis ac aliis monumentis, quae in Dalmatia adhuc supersunt. Vide Lucium de regno Dalm. et Croat., l. I. Bandurii Animadv. in l. de Adm. Imp., Corp. Script. Hist. Byz., Const. Porphyrog., v. III, p. 335.

[4] Corp. Script. Hist. Byz., Const. Porphyrog., v. III. De Adm. Imp., c. 30, p. 143. — Stritter, II, 21.—Шафарикъ, Slow. Starožit., II, IV, 634. Слав. Древн., II, I, 393.

[5] Corp. Script. Hist. Byz., Const. Porphyrog., v. III. De Adm. Imp., c. 29, p. 127. — Stritter, II, 17, 20.—Шафарикъ, Slow. Starožit., II, IV, 636. Слав. Древн., II, I, 396.

лись нѣкоторые приморскіе города, остававшіеся постоянно во власти Византійцевъ. Сѣверную часть Далмаціи заняли Хорваты, южную Сербы. Римскими городами остались: Дубровникъ, Сплитъ, Трогиръ, Ядра, Рабъ, Крькъ и Озеро, жители коихъ продолжали называться Римлянами. Императоръ говоритъ еще о нѣсколькихъ другихъ мелкихъ и частію населенныхъ, частію оставленныхъ жителями островахъ и городахъ, которые вмѣстѣ съ вышеупомянутыми населенными городами и островами составляли такъ называемую Римскую Далмацію. Они, по его словамъ, будучи завоеваны Славянами, лишились своего населенія и остались пустыми: *τὰ δὲ λοιπά (νησία) εἰσιν ἀοίκητα, ἔχοντα ἐρημόκαστρα... τὰ δὲ λοιπὰ κάστρα τὰ ὄντα εἰς τὴν ξηρὰν τοῦ θέματος καὶ κρατηθέντα παρὰ τῶν εἰρημένων Σκλάβων ἀοίκητα καὶ ἔρημα ἵστανται μηδενὸς κατοικοῦντος ἐν αὐτοῖς* [1]. Но, кажется, этихъ словъ не должно принимать въ слишкомъ строгомъ смыслѣ. Правда, Бандури замѣчаетъ о городахъ Дубровникѣ, Сплитѣ, Трогирѣ и Ядрѣ, что incolae illarum urbium Romani appellati sunt, quod Roma illuc commigraverint, ut scribit Constantinus initio hujus (XXIX) capitis et quod Latinam linguam diu servaverint, ut tradit Wilh. Tyrius, l. 2, c. 27 [2]; однако, судя по общему духу властельскаго сословія приморскихъ общинъ и одинаковому ихъ внутреннему устройству и законодательству, можно смѣло допустить, что Римское населеніе спаслось отъ Славянъ не только въ упомянутые Императоромъ города и острова, но и въ нѣкоторые другіе, или, по крайней мѣрѣ, въ послѣднихъ смѣшалось съ новоприбывшими Славянами. Правда и то, что императоръ Никифоръ, по миру съ Карломъ Великимъ въ 810 г., выговорилъ себѣ именно тѣ самые города и острова: Ядру, Трогиръ, Сплитъ, Дубровникъ, Озеро, Рабъ и Крькъ [3], а Василій Македонянинъ приказалъ тѣмъ же самымъ городамъ и островамъ, кромѣ Дубровника, вносить ежегодную дань великому жупану Хорватскому [4]; однако это показываетъ только то, что Далмація постоянно клонилась къ Византіи; а причиною тому было сколько населеніе, столько же и значеніе городовъ Ядры, Сплита и Трогира. Дѣйствительно, вся позднѣйшая исторія Далмаціи, до 1420 года, показываетъ, что эти города всегда стояли въ главѣ другихъ городовъ, и ихъ судьба рѣшала судьбу остальныхъ. Венеціяне добивались преимущественно этихъ городовъ. Въ Ядрѣ и Сплитѣ находились архіепископскія каѳедры; особенно Ядра, если законно только не считалась главнымъ городомъ Далмаціи, то на самомъ дѣлѣ была таковымъ: она оказывала сильное вліяніе на другіе города и служила ключемъ Венеціянамъ къ завоеванію остальной Далмаціи. Вотъ по чему Византійцы присвоивали себѣ эти города, какъ ключъ ко всей Далмаціи, какъ лучшую ея часть, хотя нѣтъ сомнѣнія, что и населеніе ихъ было чисто Римское. Но съ XII столѣтія эти города теряютъ государственную особность и вмѣстѣ съ прочими прибрежными городами, Шибеникомъ, Ниномъ, Скрадиномъ, Омышемъ, Клишемъ и др., равно какъ и островами, переходятъ во власть Угріи. Имя Далмаціи падаетъ на все безъ исключенія Поморье Византійское или Римское и Славянское. Сходство быта и судьбы сгладило различіе между тремя Римскими городами и прочими приморскими общинами: не за чѣмъ было различать Римскую Далмацію отъ Хорватской,

[1] Corp. Script. Hist. Byz., Const. Porphyrog., v. III. de Adm. Imp., c. 29, p. 140.
[2] Animadv. in l. Const. Porphyrog. de Adm. Imp., Corp. Script. Hist. Byz., Const. Porphyrog., v. III, p. 336. — Stritter, II, 25.
[3] Шафарикъ, Slow. Starožit., II, V, 667. Слав. Древн., II, II, 11.
[4] Corp. Script. Hist. Byz., Constant. Porphyrog., de Adm. Imp., v. III, c. 30, p. 147.—Stritter II, 399.

ибо обѣ жили одинаково и находились подъ одною властію Угорскою. Нѣтъ причины отвергать, чтобы и въ другихъ приморскихъ городахъ и на другихъ островахъ не оставалось Римлянъ во время прибытія Славянъ. Дубровникъ и острова ославянились въ X столѣтіи; Сплитъ, Трогиръ и Ядра позднѣе [1]. По Лукари, Дубровникъ уже въ XI ст. сталъ употреблять Славянскій языкъ [2]. Басня или преданіе о Павлимирѣ, бѣжавшемъ въ Дубровникъ по случаю смутъ въ Сербіи, сообщенное Мелетіемъ и Дуклянцемъ [3] и повторенное Туберомъ [4], Аппендини [5] и Енгелемъ [6], показываетъ только то, что Славянское начало весьма рано водворилось въ Дубровникѣ, а въ послѣдствіи осилило Римское. Статуты Крька и Млѣта, относящіеся къ XIV столѣтію, писаны на Славянскомъ языкѣ. Тѣмъ не менѣе жители Далматскихъ городовъ помнили или, лучше, старались вспомнить свое Римское происхожденіе, какъ и дѣйствительно въ послѣдствіи видимъ, что они тѣснятъ Славянскій языкъ. Въ Трогирѣ до XV столѣтія употреблялся Славянскій языкъ; но съ этого времени постановлено было, чтобы въ собраніяхъ Большаго Совѣта говорили или на Латинскомъ, или на Итальянскомъ языкѣ; въ Ядрѣ объявленія читались на Латинскомъ и Славянскомъ языкахъ [7]. Въ Дубровникѣ, въ 1472 г., запрещенъ былъ въ совѣщаніяхъ Сената Славянскій языкъ и вмѣсто него принятъ Латино-Рагузинскій, т. е., испорченный Итальянскій [8]. Если вспомнимъ всѣ тѣ особенности, которыми отличались Далматскіе прибрежные города отъ прочихъ городовъ материка, эту любовь къ самостоятельности, эту живость и торговую дѣятельность, эту особенность внутренняго устройства и образа жизни, этотъ духъ властельства и наконецъ сравнительно высшую образованность и развитость дѣловаго смысла и личности, то сознаемся, что, хотя эти города и ославянились; однако Славянская стихія, въ свою очередь, подверглась вліянію иноземной стихіи, которой проводникомъ служила, съ одной стороны, долговременная неопредѣленная участь Далмаціи, колебавшейся то между Хорваціею, Венеціею и Византіею, то между Венеціею и Угріею, а съ другой ихъ торговля, новыя свѣдѣнія, новое движеніе. На сѣверѣ то же было съ Ганзейскими городами. Нельзя отвергать того, что Дубровникъ, Сплитъ, Трогиръ и Ядра были разсадниками Римской образованности; но нельзя допустить, чтобы они одни съ относившимися къ нимъ островами вмѣщали въ себѣ Римскую стихію. Многія обстоятельства, какъ мы видѣли, сглаживали различіе между ними и ихъ приморскими сосѣдями. Въ послѣднихъ, конечно, Славянская стихія была далеко преобладающею [9].

Но одинаковое внутреннее устройство Далматскихъ общинъ (а не одной собственной или Византійской Далмаціи) приводитъ къ вопросу, въ какомъ отношеніи стояли обѣ стихіи: Римская и Славянская? Прежде всего замѣтимъ, что одинаковый бытъ и одинаковая судьба ихъ, кромѣ судьбы Дубровника, служили посредниками для примиренія и сглаживанія обѣихъ стихій. Здѣсь важно свидѣтельство Константина Багрянороднаго, что Римское населеніе спаслось въ

---

[1] Шафарикъ, Slow. Starožit., II, V, § 34, 3. Слав. Древн., II, II, 41 — 43.
[2] Annali de Rausa, стр. 15. — Рейцъ, Сборн. Вал., стр. 3 и слѣд.
[3] Schwandtn., Script. rer. Hungar., t. III, c. XX, p. 487.
[4] Schwandtn., Script. rer. Hungar., t. II, p. 191.
[5] Т. I, ч. II, кн. II, стр. 238.
[6] Gesch. d. Freist. Ragusa, стр. 55.
[7] Рейцъ, Сборн. Вал., стр. 5.
[8] Appendini, т. I, стр. 205.
[9] Рейцъ, Сборн., Вал., стр. 4 — 8.

Дубровникѣ, Сплитѣ, Трогирѣ и Ядрѣ, между тѣмъ, какъ прочіе города были пусты: слѣдовательно, если въ послѣднихъ водворилось новое, Славянское, общество съ новымъ образомъ жизни и новыми понятіями, то въ первыхъ старинный бытъ остался въ прежней силѣ, съ прежнимъ обществомъ. Бытъ этотъ велся искони, вѣроятно, со времени историческаго появленія городовъ; а мы знаемъ, что они уже были извѣстны въ первыя столѣтія по Р. Х.[1]. Епидавръ былъ основанъ Греками и долженъ былъ отразить въ себѣ то же общинное направленіе, которое существовало въ Греціи; подъ владычествомъ Римлянъ онъ оставался общиною. Хотя основаніе другихъ собственно-Далматскихъ городовъ неизвѣстно; однако надобно допустить, что они основаны были до Римской имперіи[2] и, слѣдовательно, были такими же общинами, какъ и самый Римъ. Къ нимъ должно присоединить и четыре населенныхъ собственно-Далматскихъ острова. Бытъ этихъ городовъ и островов былъ Римскій, и внутреннее устройство было общинное при преобладаніи властельскаго сословія. Прочіе Далматскіе города и острова, въ которыхъ преобладало, или исключительно господствовало Славянское начало, сходились съ ними во внутреннемъ устройствѣ и вообще во всемъ своемъ бытѣ. Отсюда должно заключить, что оба начала, Римское и Славянское, допускали общинное устройство съ нѣкоторою только разницею въ образѣ правленія. Во всѣхъ этѣхъ общинахъ замѣчаемъ, что чѣмъ слабѣе въ нихъ Славянское начало, тѣмъ выше надъ народомъ стоитъ сословіе благородныхъ: это показываетъ, съ одной стороны, что Римское начало первенствующихъ или собственно-Далматскихъ городовъ имѣло вліяніе на прочіе Далмато-Славянскіе города, гдѣ могъ найтись остатокъ роднаго ему начала; а съ другой, что по мѣрѣ сближенія всѣхъ приморскихъ Далматскихъ общинъ съ Венеціею и вообще съ Италіею, гдѣ господствовало сословіе благородныхъ среди общиннаго быта, въ этѣхъ общинахъ постепенно слабѣло народное участіе и усиливалась власть благородныхъ. Когда особенность быта приморскихъ городовъ еще не установилась совершенно, тогда, подъ преобладающимъ вліяніемъ Славянщины, бытъ этотъ былъ народный, какъ доказалъ уже Лучичъ[3] и какъ видно изъ нѣкоторыхъ туземныхъ памятниковъ[4]; но уже въ XII — XIII ст. благородные окончательно взяли верхъ. Примѣръ знатныхъ Римскихъ патриціевъ, какъ величали себя благородные Дубровника, Ядры, Сплита, Трогира, былъ заразителенъ для всѣхъ прочихъ богатыхъ родовъ: и вотъ по всѣмъ Далматскимъ общинамъ богатые и сильные роды стали доискиваться своего Римскаго происхожденія и клеветать на Исторію. Такъ, на пр., жители Брача выдумали, что благородные города Салоны, бѣжавши на островъ Брачъ вмѣстѣ съ чернью, оставили за собою свои прежнія права, и что чернь, plebs, populares, должна стоять къ нимъ въ тѣхъ же отношеніяхъ, въ какихъ стояла въ Салонѣ[5]. Мало того, властели второстепенныхъ городовъ не хотѣли оставаться подъ вѣдѣніемъ главнаго города, въ которомъ было свое сословіе властелей: мнимое Римское

---

[1] Шафарикъ, Ueber die Abkunft der Slaven. Offen, 1828. Стр. 158 — 180.

[2] Объ Ядрѣ упоминаетъ Гиртій, жившій въ I-мъ вѣкѣ до Р. Х. См. у Шафарика, тамъ же.

[3] De regno Dalm. et Croat, l. II, c. 16; l. IV, c. 2.

[4] См. грамоту 1184 года, писанную на островѣ Брачѣ, у Чикарелли: Osservazioni sull' isola della Brazza. Стр. 106. — Рейцъ, Сборн. Вал., стр. 13.

[5] Ciccarelli, Osservazioni sull' isola della Brazza. Стр. 38. — Рейцъ, тамъ же, стр. 62.

происхожденіе уравнивало властелей всякого города, и второстепенные города, по мѣрѣ развитія, совершали свое освобожденіе. Никакой городъ, гдѣ только были своя община и свое властельское сословіе, не могъ существовать рядомъ съ другимъ, не будучи ему равенъ.

И такъ мы видимъ, что внутреннее устройство Далматскихъ общинъ было одинаково; по этому какъ самый составъ народа, такъ и образъ правленія должны быть одинаковы въ нихъ. И дѣйствительно, въ этомъ отношеніи невозможно отдѣлить Дубровника отъ другихъ общинъ: что главнаго и существеннаго видимъ въ первомъ, то находимъ и во вторыхъ; и на оборотъ, что есть во вторыхъ, то есть и въ первомъ. Раздѣленіе отношеній сословій, бытъ и самый образъ правленія, законы и обычаи въ главныхъ своихъ основахъ одинаковы какъ въ Дубровникѣ, такъ и въ другихъ Далматскихъ общинахъ. Статуты Дубровника столь же могутъ быть полезны при обозрѣніи законодательства другихъ общинъ, сколько статуты Ядры, Сплита, Трогира, Крька, Млѣта, Шибеника, Нина, Корчулы, Брача, Лезины, Озера, Раба, Котора, Истріи и др. для объясненія статутовъ Дубровника. Выше изложены были судебные уклады, существовавшіе между Дубровникомъ и Сербскими землями: теперь предстоитъ изложеніе внутренняго устройства Дубровницкой общины. Въ этомъ отношеніи Рацци и Лукари, писатели XVI вѣка, могутъ служить лучшимъ источникомъ. Аппендини въ I-мъ томѣ своихъ Notizie представилъ образъ правленія Дубровника по Лукари и Червѣ; но уклонился отъ законодательства, изложивъ только кратко исторію статутовъ Дубровницкихъ. Рейцъ обработалъ этотъ предметъ по подлиннымъ статутамъ большей части Далматскихъ городовъ и острововъ, не касаясь впрочемъ Дубровника. Въ своемъ сочиненіи объ устройствѣ и правахъ прибрежныхъ Далматскихъ общинъ онъ изобразилъ составъ народа, форму правленія, законодательство и судопроизводство этѣхъ общинъ; но не могъ воспользоваться статутами Дубровника и нѣкоторыхъ другихъ общинъ. Матвѣй Банъ, въ своей статьѣ: Zrcalo powestnice Dubrowacke, представилъ внутреннее устройство и законодательство Дубровника, но въ довольно краткомъ обзорѣ и безъ указанія на источники, такъ что изъ его словъ трудно заимствовать какія либо положительныя данныя. Не менѣе того и наши грамоты доставляютъ намъ только скудныя извѣстія о внутреннемъ устройствѣ Общины, и для полнаго ихъ уразумѣнія мы должны прибѣгнуть къ пособію другихъ источниковъ.

Въ грамотахъ различаются три сословія: властели, горожане и люди. Кнезы, бояре или властели были первенствующимъ сословіемъ въ городѣ. Въ другихъ источникахъ они вообще называются благородными, nobiles, но въ грамотахъ это слово неупотребительно. Во второй половинѣ XV-го ст. Боснійскіе короли Ѳома Кристичъ и Стефанъ Томашевичъ называютъ нѣкоторыхъ Дубровницкихъ пословъ, очевидно изъ властельскаго сословія, «витязями» (С. №№ 140, 150, 154). Безъ сомнѣнія, слово витѧзь означало званіе, какъ и кнѧзь, и при томъ высшее, чѣмъ послѣднее. Но въ Дубровникѣ оно едва ли было въ употребленіи. Хотя оно извѣстно всѣмъ Сербамъ; однако, какъ титулъ, употреблялось, кажется, исключительно въ одной Боснѣ, ибо только послы Боснійскихъ королей и бояръ, въ грамотахъ, носятъ прозвище витязей; въ Боснійскихъ же грамотахъ это слово придано и Дубровницкимъ посламъ, можетъ быть, только изъ учтивости по обычаю Боснійскому. По крайней мѣрѣ, сами Дубровничане и православные Сербы, въ своихъ грамотахъ, никогда своимъ посламъ не даютъ этого прозвища. Можно думать, что титулъ витязя, т. е., рыцаря,

Ritter, chevalier, употреблялся въ Угріи, откуда ближе всего долженъ былъ перейти въ Босну. Въ двухъ Боснійскихъ грамотахъ между Дубровницкими послами упоминается Паское Растичъ, властелинъ Дубровницкій и въ то же время «витязь короля Сигизмунда» (С. №№ 97, 100). Но самое слово витязь есть только Славянскій переводъ Нѣмецкаго рыцарь, Ritter, и означаетъ особое званіе или сословіе, существовавшее въ Нѣмецкихъ земляхъ и перешедшее въ Славянскія подъ Нѣмецкимъ владычествомъ. Вѣкъ Іоанна, Карла, Вацлава и Сигизмунда славился Чешскими рыцарями. Гордые своимъ мнимымъ Римскимъ происхожденіемъ, своею образованностію полу-Итальянскою, полу-Славянскою, своимъ богатствомъ, властели рѣзко отличались отъ прочаго городскаго населенія. Они сооружали великолѣпныя дачи, строили богатыя фабрики, посылали корабли въ разныя моря и земли, покровительствовали наукамъ и искусствамъ и несли всѣ важныя правительственныя должности. Разумѣется, они освобождены были отъ личныхъ повинностей и работъ, пользовались въ различныхъ случаяхъ знаками отличія въ одеждѣ, судебныхъ дѣлахъ и проч. Были между ними и такіе, которые не имѣли ничего, кромѣ одного званія благородныхъ и стояли наровнѣ съ народомъ; были и такіе, которые нѣкогда принадлежали къ народу и вышли изъ его среды, получивъ право благородства. Всматриваясь въ имена Дубровницкихъ властелей, нельзя не замѣтить, что бо̀льшая часть изъ нихъ носитъ Итальянскую форму, или отзывается Итальянскимъ происхожденіемъ, на пр.: Маньгеревичъ, Ломьпридичъ, Маринъ, Паскали, Марьгаритъ, Барьби, Донатевичъ, Бенешичъ, Ламьпре, Якета, Бавжеличъ, Жунь или Жани, Матео, Теодорь, Никола и т. д. Всѣ эти имена, равно какъ множество другихъ подобныхъ, показываютъ, что въ высшихъ слояхъ Дубровницкаго общества постоянно существовало смѣшеніе Итальянской народности съ Славянскою: то же должно было имѣть мѣсто и въ языкѣ. Дѣйствительно, по свидѣтельству Рацци, Дубровницкое боярство любило Итальянскій языкъ и Итальянскую словесность. Самое сильное господство Итальянской стихіи въ Дубровникѣ проявилось въ XV-мъ и первой половинѣ XVI-го ст. Въ это время многіе Славянскіе роды перемѣнили свои имена на Итальянскія, или выкроили ихъ на Итальянскій ладъ. Съ половины XVI-го, въ XVII-мъ и слѣд. ст. опять восторжествовала Славянская народность. Разцвѣла великолѣпная Дубровницкая поэзія, поборниками коей явились знатные властельскіе домы. Теперь на оборотъ, Итальянскіе роды стали произносить свои имена по-Славянски, и Гондоло, Пальма, Бобали и мн. др. сдѣлались Гундуличами, Пальмотичами, Бобаличами.— Горожане или мѣщане, populares, popolani, citadini, пользовались, какъ и благородные, личною независимостію и равнымъ правомъ на производство торговли и ремеслъ. Многіе знатнѣйшіе изъ нихъ владѣли землею, производили торговлю и славились богатствомъ; другіе занимались ремеслами, или были торговыми приказчиками и т. п. Они собирались въ братства, цѣхи и народныя совѣщанія. Послѣднія бывали только временныя, по поводу какого либо событія, и съ правительствомъ сносились черезъ особыхъ уполномоченныхъ людей, которые назывались пьрциградьци, procuratores universitatis, procuratori del popolo. Горожане, наравнѣ съ благородными, носили оружіе и содержали городскую стражу; но повинности несли отдѣльно отъ благородныхъ: должны были исправлять различныя работы и платить подати. Впрочемъ и благородные землевладѣльцы выставляли отъ себя рабочихъ; то же могли дѣлать и горожане, если кто изъ нихъ владѣлъ землею и былъ въ состояніи выставить за себя рабочихъ. Это сословіе размножилось, съ одной стороны, чрезъ принятіе

въ себя обѣднявшихъ родичей боковыхъ дворянскихъ линій, съ другой, чрезъ отпущенія на волю дворянскихъ крѣпостныхъ людей, землевладѣльцевъ и проч.— Третье сословіе составляли люди, поселяне, посадники или земледѣльцы, villani, districtuales. Они были отчасти свободными: въ послѣднемъ случаѣ земля доставалась имъ на разныхъ условіяхъ, и по этимъ условіямъ они назывались годищниками, половниками и т. д. Преобладающимъ отношеніемъ между землевладѣльцами и поселянами была произвольная отдача земли въ наемъ. Съемщики были лично свободные пахари, но во многомъ подчиненные землевладѣльцамъ, у коихъ дѣти ихъ находились часто въ услуженіи. Для крѣпостныхъ поселянъ существовала приписъ къ землѣ, glebae adscriptio. Свободные пахари могли въ извѣстный срокъ переходить отъ одного владѣльца къ другому. Земля, на которой сидѣли поселяне, была или господская, или общественная, городская. Вообще отъ крѣпостнаго состоянія должно отличать подданство. Въ послѣднемъ случаѣ всѣ поселяне считались подданными Дубровника, людьми его, по выраженію грамотъ. Эти люди составляли населеніе стариннаго Дубровницкаго округа и тѣхъ земель, которыя доставались Дубровнику посредствомъ различныхъ сдѣлокъ отъ Сербскихъ и Боснійскихъ владѣтелей. Выше мы видѣли, что земли уступались не только со всѣми естественными произведеніями, но и съ людьми, жившими на этѣхъ земляхъ. Всѣ таковые люди становились подданными Дубровницкой общины, оставаясь на прежде занимаемой ими землѣ. Мы видѣли также, что, во время войны, люди перебѣгали отъ Дубровника къ сосѣдямъ и на оборотъ. Изъ этого можно заключить, что бытъ сельскихъ жителей въ Дубровникѣ не имѣлъ особыхъ преимуществъ сравнительно съ бытомъ ихъ въ сосѣднихъ земляхъ; и Санковичи, уступая Дубровнику Конавле и Виталину, явно высказали возможность неудовольствія со стороны Конавлянъ и Виталинянъ, когда обѣщали, въ случаѣ ихъ непослушанія, всомь силомь обратити ихь и подьвити подь господство и область дубровачьку (С. № 78). Вмѣстѣ съ сельскими жителями и уступленною землею, подъ власть Дубровника переходили и частные владѣльцы, становясь вмѣстѣ съ тѣмъ и членами общины.

Въ грамотахъ упоминаются иногда Влахи въ числѣ Дубровницкихъ подданныхъ. Рейцъ, на основаніи статутовъ, думаетъ, что Влахами называли Славянъ простолюдиновъ, и что подъ этимъ словомъ должно разумѣть Славянское населеніе городскихъ округовъ, т. е., земледѣльцевъ, пастуховъ и т. п.; но, сличая всѣ мѣста нашихъ грамотъ, гдѣ говорится о Влахахъ, мы видимъ, что у Сербовъ такъ называются вообще Итальянцы въ противуположность Славянамъ. Баны Боснійскіе, Нинославъ и Стефанъ, заключая торговый договоръ съ Дубровничанами, должны были, по видимому, и судебное разбирательство уложить между Дубровничанами, и Сербами; но, вопреки ожиданію, они установляютъ его между Влахами и Сербами (С. №№ 5, 14): ясно, что сдѣсь подъ Влахами разумѣются собственно Итальянцы и потомъ всѣ вообще Дубровничане. Точно также въ другихъ грамотахъ, вмѣсто Влаховъ, или Дубровничанъ, употреблено слово Латыняне (С. №№ 43, 50). Душанъ запрещалъ взимать царину въ Трѣбинѣ со всякого проходящаго: и купца Дубровницкаго, и Влаха, и Серба (С. № 40). Жупанъ Санко требовалъ себѣ большей цѣны, чѣмъ Влаху, или Поморцу, или Захлумцу (С. № 79). Григорій Вукославичъ бралъ царину со всякого проходящаго въ Стонъ, или изъ Стона, и съ Дубровничанина, и съ Влаха, и съ Серба (С. № 94). Юрій, племянникъ Гервои, дарилъ своимъ властелямъ земли и города со всѣми людьми, какіе въ то время тамъ находились, съ Сербами

и Влахами (С. № 118). Владиславъ, сынъ Стефана Косачи, позволяетъ своимъ людямъ, Влахамъ и Сербамъ, ходить въ Дубровникъ закупать соль и прочее (С. № 132). Стефанъ Косача постановляетъ, что товара, который Дубровничанинъ взялся везти, не можетъ сбросить ни Влахъ, ни Сербъ (С. № 144). Я счелъ за нужное привести всѣ мѣста, гдѣ встрѣчается слово Влахъ, чтобы показать, что оно имѣетъ народное значеніе, а не сословное. Влахъ противуполагается Сербу, Дубровничанину, Захлумцу и Поморцу; для Влаха назначается особый судъ, на которомъ половина судей Влахи, а половина Сербы; Влахъ занимается торговлею, ходитъ съ товарами по чужимъ землямъ: неужели все это относится къ однимъ только пахарямъ, или пастухамъ? Вышеприведенныя мѣста говорятъ о Влахахъ какъ въ Дубровникѣ, такъ и въ Сербскихъ земляхъ: слѣдовательно, тамъ и тутъ Влахъ означалъ вообще инородца въ противуположность Сербу. Слово Влахъ есть старинное названіе для инородцевъ, сохраняющееся у Славянъ еще со времени нашествія Кельтовъ или Волоховъ въ IV вѣкѣ до Р. Х. Отъ той поры остались въ Сербіи два мѣстныя названія: «Старый Влахъ» для части южной Сербіи или края, лежащаго между Ибаромъ и Дриной[1], и «Влахи» для страны между Далмаціею, Хорваціею и Босною[2]. Въ послѣдствіи съ Кельтовъ Славяне перевесли это названіе на другихъ инородцевъ, Даковъ, смѣсь туземцевъ съ Римлянами, и стали называть ихъ также Волохами или Валахами. Такъ уже Несторъ смѣшиваетъ тѣхъ и другихъ Влаховъ, т. е., Кельтовъ и Даковъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что и въ нашихъ грамотахъ Влахами называются инородцы и именно Итальянцы, или Латинцы, жившіе въ Дубровникѣ и прилежащихъ къ нему Сербскихъ земляхъ. Но правъ и Рейцъ, видящій въ Влахѣ Славянина пастуха и земледѣльца; правы и всѣ другіе ученые, дающіе этому слову подобное значеніе. Уже Анна Комнина подъ 1081 годомъ сказала: pastoritae durati vitae laboribus agrestes juvenes in certis sedibus vagi, quos communis dialectus vlachos vocare consuevit[3]. Довольно присовокупить къ этому нѣсколько мѣстъ изъ нашихъ памятниковъ, чтобы убѣдиться, что въ Сербіи подъ Влахами разумѣли также пастуховъ. Въ грамотѣ Стефана Первовѣнчаннаго Влахи прямо противуполагаются хлѣбопашцамъ: **а що доходи ѡть поповь или ѡть влахь или ѕемльски люди** (Ш. № VII); у Милутина въ грамотѣ (А. № 6) сказано еще яснѣе: **како и влахе выше писаныхь пастырь**; равно и у Дечанскаго (С. № 176): **влахь кто кобиле пасе**. Правда, Валахи преимущественно занимались скотоводствомъ, какъ у себя, такъ и въ Сербіи; но нельзя думать, чтобы это коренное Славянское ремесло находилось единственно въ рукахъ иноземцевъ: скорѣе всего, послѣдніе составляли только самую незначительную долю пастуховъ, между тѣмъ, какъ все остальное пастушеское населеніе состояло изъ чистыхъ Сербовъ. Только одна старинная привычка давала Сербскимъ пастухамъ имя чужаго народа. Это всего замѣтнѣе въ одномъ выраженіи той же грамоты Дечанскаго: **срьбинь да се не жени оу власехь. ако ли се ѡжени да ю веде оу меропхе и да ю ни (ей) меропьскы ѕаконь. и оупоутию ю.** Сдѣсь, съ

[1] Даница, 1827. Стр. 56. — В. С. Караджича, Српски Рјечник. У Бечу. 1852. (2-е изд.). — Шафарика, Slow. Starožit., I, II, § 11, 199. Слав. Древн., I, I, 394.—Его же, Ueber die Abkunft der Slaven. Стр. 156.

[2] Шафарикъ, тамъ же.

[3] Шафарикъ у Кухарскаго въ Древнѣйшихъ памятникахъ Славянскаго законодательства, стр. 214.

одной стороны Влахъ противуполагается Сербину, а съ другой, какъ пастухъ, пахарю или неропху. Албанцамъ, наровнѣ съ Влахами, придано было значеніе пастуховъ. Такъ въ 71-й статьѣ Душанова Законника читаемъ: Гдѣ прѣстои влахь или арбанасинь на селѣ, на томзи селѣ да не станеть дроугы за иньмь греде. аще ли по силѣ станеть, да платить поткоу и що е испасль. Сдѣсь дѣло касается до перехода пастуховъ съ одного мѣста на другое, и пастухи называются Влахами и Албанцами; но, повторю, подъ ними нельзя разумѣть одно племя Влаховъ, или Албанцевъ: преимущественное занятіе этихъ племенъ заставило назвать именемъ ихъ все Сербское населеніе, имѣвшее одинаковое съ ними занятіе. У Дубровничанъ пастухами слыли преимущественно Морлаки[1]; но подъ Влахами, какъ и вообще подъ Славянами и Албанцами, они разумѣли чуждое племя и при томъ загородное населеніе, т. е., сельское или пастушеское. Влаховъ они называли иногда горными, слѣдовательно, пастухами[2]. Что же должны мы вывести изъ этого различнаго употребленія имени Влаха? Послѣ Кельтовъ и Даковъ, это имя означало у Славянъ всякого инородца, такъ что Дубровничане величали имъ Серба и всякого Славянина, а Сербы Дубровничанина и всякого Латынца. Съ другой стороны, такъ какъ Славяне въ Дубровникѣ составляли низшій слой народонаселенія, то слово Влахъ стало означать всякого поселянина. Такъ точно и въ Сербіи, поелику Валахи занимались пастушествомъ, имя Влаха дано было преимущественно пастухамъ и считалось никакъ не выше неропховъ. Въ Сербіи ведется народная пословица: *Шокци убокци, Власи сиромаси*[3], въ которой Влахи, какъ люди низшаго сословія, названы бѣдняками, ибо обыкновенно низшее сословіе бываетъ въ то же время и бѣднѣйшимъ. Въ Далмаціи Влахомъ называется всякій земледѣлецъ[4]. Теперь Сербы и Босняки Римско-католическаго и Магомеданскаго вѣроисповѣданій, равно и Турки называютъ Влахами православныхъ Сербовъ. Очевидно, основаніе этому прозвищу кроется въ различіи народностей, а не сословій, или занятій. Какъ нѣкогда Кельты-Волохи перенесли свое имя на два Сербскіе края, такъ позднѣе Даки-Валахи передали свое имя низшему сословію Сербскаго народа, сходившемуся съ ними въ занятіяхъ. Напослѣдокъ, это прозвище съ низшаго сословія перешло и на весь народъ: причина все та же—различіе народности и вѣры. Другимъ занятіемъ Влаховъ, кромѣ обычнаго пастушескаго, было ношеніе соли. Такъ въ одной изъ грамотъ своихъ (С. № 41) Дубровничане уговариваются съ Воиславомъ Которскимъ въ томъ, чтобы его Влахи выносили отъ нихъ въ годъ не менѣе 10000 товаровъ соли. Такъ Стефанъ Дечанскій, въ грамотѣ союменнаго ему монастыря, приказываетъ монастырскимъ Влахамъ приносить ежегодно въ монастырь законное количество соли (С. № 176). Въ этомъ же смыслѣ, вѣроятно, и Юрій Балшичъ Зетскій ручается за людей Боснійскаго бана въ томъ, что торговцы, носильщики и Влахи Дубровницкіе могутъ свободно ходить въ Дубровникъ и изъ Дубровника черезъ Слано, или другимъ какимъ путемъ (С. № 72).

Дубровничане имѣли еще у себя рабовъ, которыхъ или покупали, или захватавали въ плѣнъ. Какъ дѣйствовали они въ послѣднемъ случаѣ, мы видѣли выше: болѣе этого грамоты не говорятъ намъ ничего о рабахъ.

---

[1] Рейцъ, Сборн. Вал., стр. 112 и слѣд.
[2] Рейцъ, тамъ же, стр. 6, 56, 108, 125.
[3] В. С. Караджича, Српске народне пословице, стр. 352.
[4] В. С. Караджича, Српски Рјечник. 1852.

Внутреннее устройство Дубровницкой общины было, въ сущности, одинаково съ устройствомъ другихъ Далматскихъ общинъ. Въ этомъ отношеніи сочиненіе Червы, Origine di Ragusa[1], и IV-я книга Дубровницкихъ Лѣтописей Лукари служатъ главнѣйшимъ источникомъ. Положимъ, что Черва, разсказывая о Дубровникѣ, отъ его начала до завоеванія Босны Турками, пренебрегалъ и лѣтосчисленіемъ и многими важными событіями; положимъ также, что Лукари излагалъ весьма невѣрно государственную исторію Дубровника: но они не могли ошибиться относительно внутренняго устройства той общины, которая была имъ современна, въ которой послѣдній жилъ и самъ былъ властелемъ и гражданиномъ; не могли и умышленно исказить событій, ибо современники стали бы упрекать ихъ за то. По этимъ двумъ писателямъ Аппендини, въ своихъ Историко-критическихъ замѣткахъ о Дубровникѣ (т. I., ч. II, кн. I, гл. VI), изложилъ образъ Дубровницкаго правленія. Для насъ достаточно главнѣйшихъ выводовъ Аппендини и Рейца, чтобы объяснить и дополнить краткія указанія на форму общиннаго устройства въ Дубровникѣ, предлагаемыя нашими грамотами.

Выше сказано было, что въ Далматскихъ общинахъ правленіе находилось въ рукахъ властельскаго сословія. Рейцъ, на основаніи свидѣтельства прежнихъ писателей, очень удачно подмѣчаетъ участіе народа въ управленіи нѣкоторыхъ общинъ[2]. Оно такъ и долженствовало быть первоначально въ тѣхъ общинахъ, гдѣ внутреннее устройство развивалось постепенно и естественнымъ путемъ подъ вліяніемъ Славянскаго общиннаго начала; но въ Дубровникѣ, который былъ непосредственнымъ продолженіемъ Епидавра и Салоны, не замѣтно слѣдовъ народнаго участія въ городскомъ управленіи: по крайней мѣрѣ, искать ихъ должно только въ первыхъ столѣтіяхъ существованія Дубровника. За тѣмъ, властели присвоили правительственную власть исключительно себѣ. Рейцъ мимоходомъ обронилъ весьма остроумное замѣчаніе, самъ не понимая его важности, почерпнутое имъ изъ Чикарелли, о различіи между городскою общиною, commune, и народною общиною, universitas. Первую онъ называетъ совѣтомъ благородныхъ, вторую народнымъ собраніемъ въ противуположность городовой общинѣ. Universitas составлялась весьма рѣдко, только въ крайнихъ обстоятельствахъ и дѣйствовала всегда противъ commune, которая, въ свою очередь, отвергала всякое ея притязаніе: quia non sunt nuntii communitatis, sed seminatores scandalorum[3]. Тѣмъ менѣе народъ могъ дѣйствовать такъ въ Дубровникѣ. Во всѣхъ Дубровницкихъ грамотахъ видимъ одну только общину — городскую. Обыкновенно въ грамотахъ упоминаются: князь, властели и вся община города Дубровника. Въ нѣкоторыхъ грамотахъ князь называется «владущимъ» или «избраннымъ», а въ нѣкоторыхъ вовсе опускатся. Къ слову «властели», которое иногда замѣняется словомъ «бояре», часто присовокупляется слово «всѣ» или выраженіе «отъ мала до велика»; иногда, вмѣсто властелей, или рядомъ съ властелями, упоминаются «судьи» и «вѣчники». Но для насъ важнѣе значеніе слова «община». Въ грамотахъ

---

[1] Черва (Людовикъ) извѣстенъ также подъ именемъ Тубера. Важнѣйшее его сочиненіе въ 11 книгахъ о современныхъ ему событіяхъ (1490—1522) напечатано Швандтнеромъ во II-мъ томѣ его Scriptores rerum Hungaricarum, Первыя 5 книгъ были еще изданы три раза, въ 1490, 1603 и 1784 годахъ подъ заглавіемъ: Tubero Cervarius Ludovicus, Commentaria de rebus, quae temporibus ejus gestae sunt. Изъ того же сочиненія составлено имъ другое упомянутое сочиненіе, О началѣ Дубровника, изданное Михаиломъ Сорго въ 1790 году.

[2] Въ Сборникѣ Валуева, гл. III, стр. 11 и слѣд.

[3] Рейцъ, Сборн. Вал., стр. 78.

община называется «городскою» или «Дубровницкою» или «владущаго», «славнаго», «боголюбиваго града Дубровника»; иногда къ ней придаются выраженія «вся», или «отъ мала до велика». Еслибы дѣйствительно это была народная община, или вообще вся городская община, состоявшая изъ представителей всѣхъ сословій народа, а не изъ однихъ благородныхъ, то въ грамотахъ не было бы такой небрежности въ употребленіи словъ «властели» и «община», какую мы замѣчаемъ въ нихъ. Есть грамоты, гдѣ слово община вовсе опущено, а упомянуты только князь и властели [1], или одни властели [2] и при томъ владущіи [3]. На оборотъ, есть грамоты, гдѣ упоминаются князь и община; но опущены властели [4]. Такая неточность въ употребленіи двухъ, по видимому, совершенно различныхъ понятій можетъ быть объяснена не иначе, какъ тѣмъ, что въ Дубровникѣ подъ общиною разумѣлись все тѣ же властели или благородные, которые держали въ своихъ рукахъ правленіе. Сами же грамоты подтверждаютъ это мнѣніе: во многихъ изъ нихъ община опредѣляется словомъ «властели» въ выраженіи: «община властелей дубровницкихъ», или: «князю, властелямъ и всей общинѣ властелямъ Дубровницкимъ» [5]. Такое выраженіе ясно показываетъ, что подъ городскою общиною должно разумѣть не весь городъ или представителей всѣхъ городскихъ сословій, но только высшее сословіе, или однихъ благородныхъ, составлявшихъ правительство Дубровника. Еще яснѣе свидѣтельствуетъ грамота С. № 19; она начинается такъ:.... мы сѹдие и ѡпкина дѹбровьчька .ві. властели ки сѹ ꙁдѣ подьписани кльнемосе... Слѣдовательно, сдѣсь подъ судьями и общиною должно разумѣть только 12 властелей. Отъ того въ грамотахъ нашихъ слова «община» и «городъ», относительно Дубровника, никогда не смѣшиваются. Если дающій грамоту хочетъ сказать обо всемъ городѣ Дубровникѣ, то онъ называетъ его не иначе, какъ «городомъ» и надписываетъ: «князю, властелямъ и всему граду Дубровнику» [6], или просто «граду Дубровнику» [7], по чему во многихъ грамотахъ, гдѣ говорится вообще о Дубровникѣ, этотъ называется «городомъ», часто «боголюбимымъ», «владущимъ», «славнымъ», но никогда «общиною». Въ гр-ѣ С. № 60 находимъ поясненіе слову «градъ Дубровникъ»: въ ней Черноевичи даютъ обѣщаніе славномѹ: градѹ дѹбровникѹ: кнеꙁѹ и властеломь дѹбровьчьскимь и лѹдемь града дѹбровника. Слѣдовательно, сдѣсь подъ «градомъ» разумѣются какъ князь и властели, такъ и всѣ люди, т. е., всѣ сословія Дубровника. И такъ несомнѣнно то, что въ Дубровникѣ правленіе находилось въ рукахъ властелей или благородныхъ, и таковое правительство имѣло свое обычное выраженіе: «князь, властели и вся городская община».

Въ отношеніи внутренняго устройства Дубровника важна для насъ грамота С. № 16. Въ ней подъ договоромъ, заключеннымъ съ Булгарскимъ царемъ Михаиломъ Асѣномъ въ 1253 году, подписались всѣ правительственныя лица Дубровника въ слѣдующемъ порядкѣ: князь, судьи, вѣчники Малаго Вѣча, умоленные отъ вѣча, вистіаріи общественные, прьцы общинные, прьцы городскіе,

---

[1] С. NN 8, 12, 40, 113, 117, 129, 131, 132, 139, 140, 146, 147, 149, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 166, 167, 168, 170, 171.

[2] С. NN 40, 94, 122, 145, 172.

[3] С. N 90.

[4] С. NN 11, 13, 27.

[5] С. NN 105, 123, 126, 126, 127, 130, 141, 144, 150, 151, 152, 155, 156.

[6] С. NN 47, 55.

[7] С. N 67.

хранители имущества пресвятой Богородицы и вѣчники Большаго Вѣча. Изъ этѣхъ подписей мы можемъ отчасти видѣть составъ общиннаго правленія и число должностныхъ лицъ; но если въ первомъ случаѣ имъ не противорѣчатъ историки, то во второмъ находимъ между тѣми и другими нѣкоторое разногласіе. Главнымъ лицомъ въ общинѣ былъ князь. Мы видѣли выше, что въ продолженіи извѣстнаго времени князья избирались изъ Венеціянскихъ графовъ, которые клялись хранить ненарушимо устройство Общины. Аппендини назначаетъ для Венеціянскихъ графовъ время отъ 1204 до 1230 и съ 1232 по 1358 г. Вѣрно ли такое назначеніе, рѣшить по нашимъ грамотамъ нельзя; ибо онѣ, какъ мы видѣли, не противорѣчатъ ему. Замѣтимъ только, что Славянскія имена Болеславича и Крусича, упоминаемыя грамотою 1235 года (С. № 2), близко подходятъ къ промежутку 1230—1232 г., въ которомъ не было Венеціянскимъ князей или ректоровъ въ Дубровникѣ. Слѣдующее за тѣмъ имя Жани Дандолы, встрѣчаемое въ грамотахъ 1234 — 1238 г. (С. №№ 3, 4, 5), указываетъ на того самого Дандолу, который, по заключеніи договора между Дубровникомъ и Венеціею въ 1232 г.[1], былъ сдѣланъ отъ имени послѣдней княземъ Дубровницкимъ. Небольшое разногласіе въ годахъ можно объяснить тѣмъ, что не вдругъ Венеціяне послали князя въ Дубровникъ. По свидѣтельству Рацци, Дубровникъ, желая избавиться отъ Венеціянскаго наемнаго войска, отпустилъ учтиво Венеціянскаго ректора и ввѣрилъ верховную власть совѣту трехъ благородныхъ (1152 г.); потомъ чрезъ 40 лѣтъ сталъ избирать ректоровъ изъ своихъ гражданъ и наконецъ — прибавляютъ другіе — по причинѣ самовластія Демьяна Юды (di Giuda) призвалъ снова Венеціянскихъ ректоровъ, которые управляли имъ до 1370 года[2]. Орбини назначаетъ Демьяну время отъ 1260 до 1262 года, послѣ чего Дубровникъ снова избралъ Венеціянскаго князя въ лицѣ Дандолы[3]. Если справедливо это послѣднее свидѣтельство о Дандолѣ, то, съ помощію нашихъ грамотъ, мы можемъ приблизительно отнести правленія Демьяна къ 1230-мъ годамъ. Съ половины XV ст. начинаетъ въ нашихъ грамотахъ встрѣчаться выраженіе кнезь obrani, какъ бы въ доказательство добровольнаго избранія и принятія князя. Правительство могло и въ отсутствіе князя вступать въ договоры съ сосѣдними владѣльцами. Такъ въ промежуткѣ между Георгіемъ Марцеломъ и Андреемъ Златомъ (Daurus), или между 1253 и 1254 гг., 12 властелей Дубровницкихъ, называющихся «судьями и общиною», заключили, 22 мая 1254 года, договоръ съ Радославомъ Хлумскимъ и получили отъ него отвѣтную грамоту (С. №№ 19, 20). Также одни властели заключили, около 1387 г., договоръ съ Вукомъ Бранковичемъ (С. № 76). Вѣроятно, это временное правленіе могло заключать не одни договоры, а вело всѣ вообще государственныя дѣла. Власть князя ограничивалась постепенно по мѣрѣ стремленія князя къ расширенію ея предѣловъ, вмѣшательства Венеціи во внутреннія дѣла Общины и опасенія властелей и народа за свою независимость. Въ грамотахъ находимъ одно только указаніе на власть князя, именно: подъ 1253 годомъ не позволено было иноземцамъ вывозить жита изъ Дубровника безъ позволенія князя (С. № 16). Лукари говоритъ, что сначала

[1] Engel, Gesch. d. Freist. Ragusa, стр. 104. Подлинникъ см. у него же въ Прибавленіяхъ подъ I. Шафарикъ для грамотъ, писанныхъ на имя Дандолы, назначаетъ 1233 — 1235 г.; издатели Споменковъ назначаютъ 1236 — 1238 г.; мы же принимаемъ начальнымъ годомъ 1234-й, ибо въ срединѣ этого года еще упоминаются другіе князья (С. N 2).

[2] Рейцъ, Сборн. Вал, стр. 26. — Ср. Engel, Gesch. d. Freist. Ragusa, стр. 78, 90.

[3] Стр. 168 — 170.

власть князя была обширна и продолжалась одинъ годъ; но потомъ ея объемъ и срокъ сокращались. Князю предоставлено было храненіе городскихъ ключей, печати и грамотъ, право подавать одинъ голосъ въ Совѣтѣ, рѣшать самыя незначительныя тяжебныя дѣла, созывать consilio di pregati и Большое Вѣче и предлагать предметы для совѣщанія[1]. Вѣроятно, первые Венеціянскіе ректоры правили въ Дубровникѣ гораздо долѣе года, что подозрѣваетъ и Енгель. По свидѣтельству Тубера, Дубровничане избирали князя изъ своихъ бояръ съ полугодичною властію; но послѣ пропавшаго на морѣ Демьяна, который, turba satellitum munitus, maximo senatum nobilitatemque oppresserat terrore, et haud quamquam semestri contentus magistratu, ipsita animo immodica dominandi cupidine, continuare statuit imperium, они обратились къ Венеціи, прося себѣ графа[2]. Демьянъ управлялъ два года. На управленіе его Аппендини назначаетъ 1230 и 1231 года, съ чѣмъ согласенъ и нашъ выводъ; Енгель — 1199 г. и слѣд[3]. Съ 1232 г. Венеціянскіе ректоры правили по два года[4], а съ 1258 г., когда Дубровникъ передался подъ власть Угріи, избираемые изъ его граждан три князя правили одинъ за другимъ по полугоду[5]. Безъ сомнѣнія, позднѣйшее время разумѣетъ Лукари, когда говоритъ, что срокъ власти князя былъ ограниченъ 20-ю днями и потомъ однимъ мѣсяцемъ[6].—Судьи, подписавшіеся въ нашей грамотѣ въ числѣ пяти, раздѣлились въ послѣдствіи на судей по уголовнымъ дѣламъ и судей по гражданскимъ дѣламъ. Число тѣхъ и другихъ простиралось отъ четырехъ до шести. Жалобы на нихъ подавались Сенату. Этимъ судьямъ или консуламъ (consoli) предоставлено въ грамотахъ деспотовъ рѣшеніе споровъ между Дубровничанами, находящимися въ Сербскихъ земляхъ. Теперь мы знаемъ, въ какомъ отношеніи находились эти постоянные должностные судьи, избиравшіеся на одинъ годъ, къ тѣмъ судьямъ, которые, по свидѣтельству грамотъ, назначались въ ровномъ числѣ съ Сербскими судьями для рѣшенія споровъ между Дубровничанами и Сербами. По этому мнѣ кажутся несправедливыми слова М. Бана, говорящаго, что тяжущіеся могли не допускать въ свое дѣло, по личному своему недовѣрію, того, или другаго судью изъ тѣхъ судей, которые избирались погодно всѣми властелями. Здѣсь онъ смѣшалъ должностныхъ, городскихъ, однажды на весь годъ приносившихъ клятву, судей съ поротниками или такими судьями, которые дѣйствительно, по волѣ тяжущихся, выбирались особо для каждаго дѣла и приносили клятву въ справедливомъ рѣшеніи только для этого одного дѣла. Въ городахъ и на островахъ Далматскихъ судьи избирались изъ людей довѣренныхъ и всѣми уважаемыхъ. Предъ вступленіемъ въ должность они приносили клятву въ томъ, что приговоры ихъ будутъ всегда справедливы.—Вѣчники Малаго Вѣча, подписавшіеся въ числѣ шести, составляли вмѣстѣ съ княземъ Малый Совѣтъ, consiglio minore. Они всѣ были изъ сенаторовъ. Во времена Лукари число ихъ возрасло до 11 (кромѣ князя). Власть Малаго Вѣча была чисто исполнительная. Оно приводило въ дѣйствіе законы, писало грамоты, прикладывало печати, вводило въ должности, принимало жалобы и пр; но могло также рѣшать незначительныя государственыя, гражданскія и уголовныя дѣла.— Умоленные отъ вѣча, выставленные въ грамотѣ въ числѣ шести, назывались се-

---

[1] Annali di Rausa, стр. 157.
[2] Schwandtn. Scriptores rerum Hungaricarum, т. II, стр. 192.
[3] Geschichte des Freist. Ragusa, стр. 93.
[4] Engel, тамъ же, стр. 104.
[5] Engel, тамъ же, стр. 134.
[6] Anali de Rausa, стр. 157.

наторами, senato de Padri или consiglio de Pregati, consilium rogatorum. Ихъ число возрасло до 20, потомъ до 45, наконецъ, въ позднѣйшее время, до 60 [1]. Это было, послѣ Большаго Вѣча, главное правительственное мѣсто Общины. Сенатъ заключалъ въ своемъ составѣ князя и Малое Вѣче. Онъ завѣдывалъ всѣми важнѣйшими и чрезвычайными дѣлами, касавшимися гражданскаго, нравственнаго и денежнаго состоянія Общины; опредѣлялъ новыя подати, велъ переговоры съ иностранными державами, принималъ важнѣйшія жалобы на рѣшеніе судей, назначалъ пословъ, объявлялъ войну, заключалъ миръ, исправлялъ злоупотребленія, наблюдалъ за безопасностію и благосостояніемъ городовъ и крѣпостей и пр. Онъ собирался четыре раза въ недѣлю: словомъ, это было постоянное орудіе Большаго Вѣча, и власть его была сколько законодательная, столько же исполнительная.—Потомъ въ грамотѣ слѣдуютъ отдѣльныя должностныя лица: три общественныхъ казначея (вистіарія); во многихъ другихъ грамотахъ они называются «коморниками», а въ одной «разложниками коморы» [2]. По словамъ Лукари, ихъ было сначала два, въ послѣдствіи пять; онъ называетъ ихъ tesorieri di Santa Maria [3]. Казначеи избирались на пять лѣтъ и хранили всѣ государственныя сокровища. Они-то получали на сбереженіе всѣ тѣ богатые вклады, которые приносились въ Дубровникъ сосѣдними Сербскими владѣльцами. Въ дѣйствіяхъ своихъ они не подлежали никакой отвѣтственности; но Сенатъ имѣлъ право повѣрять ихъ приходныя и расходныя книги. Сверхъ того, повѣркою счетовъ завѣдывали особые чиновники, въ числѣ пяти, petorazložnici, избиравшіеся ежегодно [4]. Три общинныхъ прьца или ходатая, подъ коими должно разумѣть трехъ ходатаевъ за благородныхъ, въ противуположность двумъ, подписавшимся за ними, прьцамъ городскимъ или ходатаямъ за горожанъ и низшія сословія.—Два хранителя церковнаго имущества храма пресвятой Богородицы, ки дрьже добитькь сте боже, procuratori di santa Maria: слѣдовательно, Лукари ошибается, утверждая, что эта должность была основана въ 1306 году. При немъ хранителей церковнаго имущества храма пресвятой Богородицы было три. Кромѣ этихъ были другіе подобные блюстители имуществъ, на пр., свв. Петра, Лаврентія и Андрея, больницы монашескихъ орденовъ и пр.—Наконецъ въ грамотѣ помѣщены подписи 70-ти или 72-хъ вѣчниковъ Большаго Вѣча [5]. Сдѣсь число подписей опять не согласуется съ показаніемъ историковъ. По Лукари, вѣчники Большаго Вѣча собирались иногда въ числѣ 100 и 150, а иногда въ числѣ 250. Но это разногласіе легко объясняется тѣмъ, что въ Большое Вѣче поступали всѣ благородные, достигшіе совершеннолѣтія; а извѣстно, что съ каждымъ годомъ число благородныхъ увеличивалось: слѣдовательно, увеличивалось и число вѣчниковъ. Сверхъ того, Вѣче могло собираться и не въ полномъ количествѣ. Съ другой стороны замѣтимъ, что между именами вѣчниковъ не замѣтно именъ предыдущихъ чиновниковъ, между тѣмъ, какъ въ Большомъ Вѣчѣ имѣли право

---

[1] Рейцъ, Сборн., Вал., стр. 19. Примѣчаніе.

[2] С. N 157.

[3] Есть преданіе, что какой-то князь Павлимиръ построилъ замокъ Divae Mariae, который былъ зародышемъ Дубровника. Tubero, Schwandtn. Script., rer. Hungaric., т. II, стр. 191. Вотъ почему сдѣсь выраженіе Santa Maria употреблено вмѣсто Общины; но собственно у храма св. Маріи было свое особое хранилище.

[4] М. Банъ, Zrcalo povestnice Dubrovačke. Dubrovnik. Sv. II. 1851. Стр. 77.

[5] Подъ конецъ грамоты связь именъ и прозвищъ нѣсколько затемнена, такъ что числа подписей опредѣлить съ достовѣрностію нельзя. Въ спискѣ Шафарика одною подписью больше.

участвовать всѣ вообще должностныя благородныя лица, начиная съ князя, который былъ и предсѣдателемъ этого Вѣча. Ежегодно, 15 декабря, созывалось Большое Вѣче для назначенія новыхъ чиновниковъ, и въ извѣстные сроки для избранія новаго князя. Оно составляло главное правительственное мѣсто Общины, облеченное высшею законодательною властію, издавало законы, назначало должности и чиновниковъ, смѣняло и утверждало сенаторовъ, завѣдывало дѣлами государственными, обсуживало миръ и войну, рѣшало дѣла по государственнымъ имуществамъ, произносило приговоры о ссылкѣ и возвращеніи, уполномочивало власть чиновниковъ и вообще завѣдывало всѣми дѣлами, требующими опредѣленія верховной власти. Лукари подробно описываетъ обряды, которые наблюдались при открытіи и дѣйствіяхъ Большаго Вѣча. — Грамота заключается этими словами: И кльнь. вьсе. юко. писаные. марьтоль гиберишиь. бань. ѿ кнеꙁа дюбровьчькога. и ѿ вьсе. опьщине. града. дюбровьчькога. скотеньемь. гна. кнеꙁа. дюбровьчькога. и вьсехь. властель. дюбровь. ськоном. ꙁвониеьше. на сьборе яко е по ꙁаконоу дюбровьчькомоу. кльнь. душе. свое. и вьсе опьщине дюбровьчьке. си обьть. потвьрьдиль дрьжати. и клеьсе. Отсюда видимъ, что, не смотря на клятву всѣхъ вышеподписанныхъ должностныхъ лицъ, банъ, по волѣ князя и всѣхъ властелей и при обычномъ звонѣ вѣчеваго колокола, въ присутствіи всего собранія, подтвердилъ договоръ отъ имени князя и всей Общины и клялся какъ на своей душѣ, такъ и на душахъ всѣхъ гражданъ, что все писанное и объясненное въ грамотѣ будетъ сохранено и исполнено въ точности. Что это за банъ, который своею клятвою подтверждаетъ клятву правительства и велитъ, по закону, ударять въ вѣчевой колоколъ при всемъ собраніи? И въ другой грамотѣ (С. № 19), данной въ отсутствіе князя общиною 12-ти властелей, банъ марьтоле крьсанновичь клянется за всѣхъ властелей Дубровницкихъ. Сдѣсь банъ является какъ бы представителемъ или орудіемъ правительства и при томъ не маловажнымъ, ибо и онъ самъ клянется на своей душѣ; въ немъ видѣнъ главный распорядитель торжества и отвѣтчикъ всей Общины. Источники не предлагаютъ намъ никакихъ данныхъ относительно этой должности и потому мы остаемся при нашей мысли, что банъ былъ главнымъ представителемъ общиннаго правленія, т. е., князя, властелей и общины; онъ былъ выразителемъ воли ихъ и блюстителемъ обрядовой части. Въ другихъ Далматскихъ общинахъ при князѣ находился одинъ товарищъ, socius[1], а въ Дубровникѣ vice-comes[2]: не есть ли это тотъ же самый банъ, что упоминается въ нашихъ грамотахъ? Вообще значеніе бановъ въ Далмаціи, Славоніи, Хорваціи и Боснѣ, какъ намѣстниковъ, представителей и воеводъ королевскихъ, служитъ отчасти подтвержденіемъ нашей мысли. — Кромѣ этихъ важнѣйшихъ должностей были въ Дубровникѣ и другія, не столь важныя, или учрежденныя позднѣе. Такъ, на пр., должность блюстителей общественнаго правосудія, consiglio de' proveditori della republica, вѣроятно, была основана позднѣе, ибо таковыхъ чиновниковъ не видно въ нашихъ грамотахъ, между тѣмъ, какъ обязанность ихъ была весьма значительна: это были то же, что нынѣшніе прокуроры. Въ числѣ отъ трехъ до пяти, они наблюдали за правильнымъ примѣненіемъ законовъ, за справедливостію приговоровъ и могли остановить всякое исполненіе, если находили дѣло

---

[1] Рейцъ, Сборн. Вал., стр. 32.

[2] Engel, Gesch. d. Freist. Ragusa, стр. 103, 105. Въ послѣдствіи ихъ было двое. Engel, тамъ же, стр. 108.

противнымъ закону. Таковы, на пр., и другія должности: il consiglio dell' arte, della lana, doganieri, ufficiali della sanità, учрежденные во второй половинѣ XIV-го ст. по случаю распространенія торговли съ Востокомъ, al contrabando и пр. Всѣ онѣ учреждены были въ разное время по мѣрѣ необходимости, и собственное ихъ названіе означаетъ область ихъ дѣйствія. Между ними находимъ торговыя, денежныя, охранныя и др. учрежденія. Послѣ того, что сказано выше объ образѣ правленія, нѣтъ надобности повторять, что всѣ общественныя должности, кромѣ весьма немногихъ второстепенныхъ, отправлялись одними благородными. По Аппендини, неблагородные занимали только слѣдующія должности: segretaria, cancellaria, notaria, tesorieria, dogana, annona, appalto publico del sale. — Изъ грамотъ видимъ, что послами были почти всегда одни властели, часто князья; Нѣсколько былъ однажды логоѳетъ (С. № 92). Число пословъ было не равно: большею частію они отправлялись по двое, иногда по трое, иногда только по одному. Они назначались исключительно для одного какого либо дѣла, по совершеніи котораго, уже переставали быть послами: другими словами, каждое новое дѣло требовало и новаго посольства. Договоры, заключенные клятвенно послами, утверждались въ Дубровникѣ клятвою князя, властелей и всей общины (С. №№ 3, 100). Грамоты писались въ вѣчницѣ или полачѣ, sala dei Consoli[1], о которой историки сообщаютъ, что она была огромна и великолѣпна. Непосредственнымъ исполнителемъ какого либо опредѣленія властей былъ приставъ, prestaldus, который имѣлъ одинаковое значеніе съ приставомъ, присяжнымъ, или посланникомъ, упоминаемымъ въ Законникѣ Душана, Далматскихъ общинныхъ узаконеніяхъ и древнемъ Русскомъ судопроизводствѣ. Объ немъ только разъ говорится въ нашихъ грамотахъ, именно, Стеѳанъ Дечанскій требуетъ, чтобы Дубровчане дали своего пристава его человѣку, съ которымъ приставъ пошелъ бы въ Стонъ и Рѣтъ для отысканія Сербскихъ бѣглецовъ, скрывшихся въ означенныхъ мѣстахъ (С. № 39). Таково было вообще внутреннее устройство Дубровника въ главномъ своемъ основаніи и составѣ. Изъ всего сказаннаго можно видѣть, что не только число должностей и должностныхъ лицъ измѣнялось съ теченіемъ времени, но и самый объемъ власти, при стѣсненіи князя и раздробленіи должностей, значительно измѣнялся. Но этому обзоръ правительственнаго устройства Дубровницкой общины требуетъ историческаго изложенія, помощію коего разногласіе свидѣтельствъ уничтожится и каждое явленіе станетъ въ опредѣленномъ пространствѣ времени. При сравненіи устройства Дубровника съ устройствомъ прочихъ Далматскихъ общинъ, открывается много общаго между тѣмъ и другимъ, хотя въ каждой общинѣ это устройство имѣло свои оттѣнки. Главное и общее сходство заключалось въ томъ, что вездѣ были князь, его совѣтъ или курія, или то же, что малое вѣче, и большое вѣче. Князь съ куріею имѣлъ исполнительную власть, а большое вѣче имѣло законодательную власть. Здѣсь, въ заключеніе, постараюсь объяснить слова Радослава Павловича, мною выше не объясненныя. Радославъ, какъ Дубровницкій гражданинъ, требуетъ: и що би ми се по коемь кривиѹ ѕгодило доити ѹ дѹбровникь [illegible] господи радосаве или ми сих кнеѕѹ [illegible] да бѹде ѹ мнѣ ѹ господи радосаве [illegible] сих ни кнеѕѹ [illegible] властелинь и кнезь и вѣчникь и сѹдьи како ѹ коемь годѣ властею дѹбровачкихь дрѹгою на десете (С № 107). Кажется, Радославъ, по сану своему, считая себя, равно какъ и

[1] Ср. С. NN 100, 115, 119, 121, 123, 126, 130 и пр.

сына своего, не только гражданиномъ, но и почетнымъ властелиномъ Дубровницкимъ, владѣя землями и дворцомъ въ Дубровникѣ, хотѣлъ, чтобы ему предоставлено было право на полученіе званія князя, судьи и вѣчника Дубровницкаго и при томъ не въ числѣ послѣднихъ притязателей, но въ ряду первыхъ 12-ти властелей. Хотя о 12-ти властеляхъ, какъ о первенствующихъ въ правленіи, ничего не говорятъ историки; однако договоръ, заключенный съ Радославомъ Хлумскимъ 12-ю властелями Дубровницкими, называющими себя судьями и общиною, намекаетъ на то, что число судей и вѣчниковъ Малаго Вѣча равнялось двѣнадцати. Судьи, занимаясь своею непосредственною обязанностію, могли въ то же время присутствовать въ Маломъ Вѣчѣ или княжескомъ совѣтѣ и вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ заправлять, по обычному порядку, въ отсутствіе князя, всѣми государственными дѣлами. Въ грамотѣ С. № 16 подписались 5 судей и 6 вѣчниковъ; вспомнимъ, что это было при князѣ; но безъ князя между ними, какъ самыми почетными лицами Общины, могъ находиться и тотъ, кто добивался княжескаго достоинства или будущій князь: тогда ихъ станетъ 12. По словамъ Лукари, Малое Вѣче состояло изъ 11-ти вѣчниковъ. Такъ наша грамота сошлась въ этомъ случаѣ съ показаніемъ лѣтописца. Вѣроятно, въ ряду этихъ-то 12-ти властелей хотѣлъ стать Радославъ: по тому онъ и говоритъ, что если онъ самъ, или сынъ его, случится въ Дубровникѣ (сдѣсь должно разумѣть переселеніе въ Дубровникъ въ случаѣ Турецкаго нашествія), то въ лицѣ его самого, или сына его, можетъ быть или князь, или судья, или вѣчникъ, или вообще одинъ изъ 12-ти первыхъ въ Общинѣ властелей. Будучи судьею, или вѣчникомъ Малаго Вѣча, Радославъ, или сынъ его, могъ легко быть избранъ княземъ города. Такъ сосѣдніе владѣтели, страшась Турокъ, упрочивали себѣ въ независимомъ Дубровникѣ имѣніе, мѣсто и званіе, могшее вознаградить ихъ въ будущемъ при возможности утраты настоящаго ихъ сана и владѣнія.

Какія же общія черты для Дубровника можемъ мы вывести изъ всего того, что представляютъ намъ памятники въ связи съ другими, необходимыми для ихъ объясненія, источниками? Вотъ этѣ черты.

Дубровникъ, возникшій изъ развалинъ древняго Епидавра, основаннаго когда-то Греками и перешедшаго потомъ подъ власть Римлянъ, наслѣдовалъ отъ основателей своихъ общинное начало. Первое населеніе его было Римское съ преобладающимъ сословіемъ благородныхъ. Потомъ Славяне въ сильной степени примѣшались къ этому населенію и внесли въ жизнь Дубровника много своего народнаго. Но благородные остались по прежнему преобладающимъ сословіемъ, державшимъ въ рукахъ своихъ городское правленіе. Главнѣйшія части правительственнаго состава общины были: князь, совѣтъ и вѣче.

Дубровникъ, хотя и пользовался полною самостоятельностію въ своихъ дѣйствіяхъ и сношеніяхъ съ другими государствами; однако не былъ чуждъ нѣкоторой степени зависимости первоначально отъ Византіи, потомъ отъ Венеціи, Угріи и наконецъ Турціи. Въ договорахъ съ Сербскими владѣтелями онъ соблюдалъ равенство отношеній и пользовался общимъ уваженіемъ и довѣріемъ, которыя основывались какъ на его силѣ и богатствѣ, такъ и на его невмѣшательствѣ. Знатные изгнанники находили въ немъ себѣ убѣжище. Владѣтели и бояре ихъ отдавали ему на сбереженіе свои сокровища. Онъ ссужалъ ихъ деньгами и самъ бралъ у нихъ деньги въ ростъ. Быть гражданиномъ Дубровника считалось немаловажнымъ достоинствомъ. Съ гражданствомъ Дуб-

ровникъ давалъ у себя земли, дворцы и право участія въ общественныхъ дѣлахъ; за то и требовалъ отъ своихъ граждан̂ъ всегдашняго содѣйствія и защиты.

Какъ община по преимуществу торговая, Дубровникъ избѣгалъ войны. Основаніемъ его внѣшнихъ сношеній были миръ со всѣми и невмѣшательство. Съ каждымъ новымъ владѣтельнымъ лицомъ спѣшилъ онъ заключить пожизненный договоръ, въ которомъ выхлопатывалъ себѣ или новыя права и льготы, или подтвержденіе старыхъ. Вѣчный миръ и неизмѣнная дружба, взаимная помощь, свобода торговли, защита купцовъ, уменьшеніе по возможности пошлинъ, или, по крайней мѣрѣ, удержаніе одвѣхъ только старыхъ, право соляного откупа, безпристрастное судебное разбирательство:—таковы суть главнѣйшія статьи его договоровъ.

Дубровникъ вывозилъ изъ Сербіи сырые припасы и металлы, а ввозилъ готовыя издѣлія, изъ которыхъ золотыя и серебряныя отличались изяществомъ и богатствомъ какъ выдѣлки, такъ и отдѣлки. Наибольшее число договорныхъ статей относится къ торговлѣ. Въ силу этѣхъ статей Дубровницкіе купцы могли свободно ходить и проходить по землямъ Сербскимъ; они стояли подъ охраною самихъ владѣтелей и за всякое причиненное имъ зло получали вознагражденіе. Передъ войною имъ давался срокъ къ безпрепятственному выходу. Но они обязаны были платить установленныя подати и сборы. Не водворившіеся въ Сербіи избавлены были отъ всякихъ земскихъ и городскихъ повинностей.

Войну Дубровникъ начиналъ только въ крайней нуждѣ и всегда старался окончить ее какъ можно скорѣе. Продолжительныхъ войнъ онъ никогда не велъ. У него всегда находились союзники, и войны оканчивались для него счастливо.

Будучи весьма ограниченъ въ своихъ поземельныхъ владѣніяхъ, Дубровникъ старался пріобрѣтать себѣ земли отъ сосѣднихъ владѣльцевъ, постепенно и незамѣтно заселяя и обработывая, или открыто покупая ихъ. Вслѣдствіе покупки онъ платилъ дань сначала королямъ и царямъ Сербскимъ, а потомъ королямъ Боснійскимъ.

Судебное разбирательство между Дубровничанами и Сербами установлено было въ особыхъ грамотахъ. Сдѣсь два права, Дубровницкое и Сербское, передали многое одно другому. Развитіе личности, отразившееся въ подчиненіи отвѣтственности одного только виновнаго и представленіе о наказаніи, основанное на денежной пени, суть отличительныя черты Дубровницкаго права, условленныя какъ вліяніемъ Римскаго начала, такъ и торговымъ бытомъ Дубровника. Но общая порука, введенная довольно поздно въ земли съ чисто-Славянскимъ населеніемъ и судъ съ Сербами по поротѣ показываютъ, что и Сербское право оказывало также вліяніе на Дубровницкое.

Турки, водворившись на Европейской почвѣ, захвативъ часть Сербіи, коснулись и Дубровницкихъ владѣній; но не покорили Дубровника, который сумѣлъ поладить и съ ними. Однако рука побѣдителей дала и имъ себя почувствовать. Турки потребовали отъ Дубровника несравненно большей дани противъ прежняго Сербскаго дохода, и хотя даровали его купцамъ право свободной торговли въ своимъ земляхъ; однако, незванные, стали вмѣшиваться во взаимные переговоры и счеты Общины съ послѣдними представителями Сербскихъ владѣтельныхъ домовъ и монастырями, куда переведена была часть Сербскаго дохода прежними православными государями. Они разрушали то, что Дубровничане строили безъ ихъ позволенія.

ГЛАВА II.

БОСНА.

Послѣ Дубровника *Босна* занимаетъ первое мѣсто по количеству относящихся къ ней памятниковъ.

Нѣкогда Босна составляла Сербскую *жупу* въ полной зависимости отъ собственной Сербіи. Она лежала между Савой, Дриной, Неретвой и Врьбасомъ. Въ южныхъ ея предѣлахъ протекаетъ Рама, отъ которой и вся страна называлась иногда Рамою. Нѣкоторые историки рознятъ Раму отъ Босны. Дѣйствительно, въ иностранныхъ грамотахъ находимъ выраженіе Rama et Bosnia или Rhama seu Bosnia; но въ нашихъ Кириловскихъ памятникахъ этого нѣтъ: въ нихъ она всегда называется однимъ именемъ Босны. Уже изстари часть Сербіи, находившаяся на лѣвомъ берегу Дрины до Савы и называвшаяся Семберіей, вошла въ предѣлы Босны и раздѣляла съ нею постоянно одну участь.

Съ 1120 года Босна дѣлается *банатомъ*. Раскій жупанъ и князь Сербіи, Бела Урошъ, уступилъ ее, какъ приданое за дочерью, зятю своему, Угорскому королю Белѣ II. Съ этого времени, до самого Немани, Босна оставалась за Угріею и, подобно Славоніи, служила удѣломъ для королевскихъ родичей, управлявшихъ ею подъ именемъ бановъ. Въ 1156 г., по словамъ Киннама, Борисъ[1], побочный сынъ Коломана, является, какъ *ὁ Βόσθνης χώρας ἐξάρχων Δαλματικῆς*, на помощь Угорскому королю въ войнѣ его съ императоромъ Мануиломъ, ибо *ἔστι δὲ ἡ Βόσθνα οὐ τῷ Σερβίων ἀρχιζουπάνῳ καὶ αὐτὴ εἴκουσα ἀλλ᾽ ἔθνος ἰδίᾳ παρὰ ταύτῃ καὶ ζῶν καὶ ἀρχόμενον*[2]. Бела II, а за нимъ Гейза II назывались Dalmatiae, Croatiae et Ramae reges[3].

Около 1170 года баномъ сдѣлался знаменитый Кулинъ[4], признававшій верховную власть Немани, великаго жупана Сербіи. Въ 1189 году онъ заключилъ торговый договоръ съ Дубровникомъ (И.; С. № 1; Ш. № IV), изъ котораго видно, что внутри своихъ земель банъ былъ совершенно независимъ. При немъ въ Боснѣ усилились Патарены или Богумилы; самъ онъ былъ ревностнымъ поборникомъ этой ереси[5], хотя, для виду, имѣя опаснаго сосѣда въ Вуканѣ Хлумскомъ, и выдавалъ себя за Римо-католика. Въ 1197 г., поддавшись Угріи,

---

[1] Объ участи Бориса, котораго Іоаннъ де Турочъ (de Thurocz) называетъ adulterinus regis Colomani, см. у него же въ Schwandtneri Scriptores rerum Hungaricarum, т. I, стр. 146.

[2] Corp. Script. Hist. Byz., Ioan. Cinnamus, l. III, p. 131, 104. — Stritter, II, 426.

[3] Lucius, De regno Dalm. et Croat., кн. III, гл, VIII.

[4] *Βορίτζης* qui Orbino Barich appellatur, Bossenae banus seu princeps, sub a. 1154. Boritium excepit Culinus, cuius non semel mentio occurit apud Innoc. III pp. in Epistolis. Du Fresne, in Historiam Cinnami Notae. Corp. Script. Hyst. Byz., p. 343.

[5] Нѣкоторые лѣтописцы увѣряютъ, что онъ женатъ былъ на сестрѣ Немани (имя ея неизвѣстно), державшейся Богумильской ереси. Эту догадку принимаетъ и авторъ книги Zemljopis i poviestnica Bosne od Slavoljuba Bosnjaka (Юкичъ). Но какъ родство его съ Неманею, такъ особенно еретичество сестры Немани весьма сомнительны.

онъ могъ дѣйствовать свободнѣе въ пользу ереси и за то былъ обвиненъ Вуканомъ передъ папою. Распоряженія папы, Угорскаго короля и собора, состоявшагося по этому случаю въ 1203 г., были сначала успѣшны; но примиреніе Вукана съ братомъ Стефаномъ и усобицы въ Угріи дали ходъ ереси, которая особенно сильно развилась при преемникѣ Кулина, Нинославѣ. Счастливыя времена Кулина перешли въ народную пословицу.

За Кулиномъ, умершимъ въ 1204 г., слѣдовалъ банъ Нинославъ. Большая часть ученыхъ, какъ-то: Фарлати, Дюфренъ, Гебгарди, Шимекъ, Юкичъ и др. хотятъ послѣ Кулина видѣть баномъ Сибислава до самыхъ 1240-хъ годовъ; вѣрнѣе Енгель называетъ Сибислава только Боснійскимъ бояриномъ, nobilis, какъ названъ онъ въ папской грамотѣ отъ 1236 г. Но съ другой стороны Енгель, одному и тому же лицу даетъ два имени, однажды Никослава, въ другой разъ Нинослава, и послѣдняго слишкомъ поздно дѣлаетъ баномъ. Но очевидно, имя Никослава есть олатиненное вмѣсто Нинослава, какъ значится оно въ грамотѣ Ш. № VI, С. № 5. Босна не имѣла причины оставаться безъ бана. Хотя въ 1235 г. Коломанъ и могъ получить въ управленіе Босну, какъ воевода, оставаясь въ то же время и воеводою Славоніи; однако и банъ могъ стоять подъ нимъ по прежнему. Юкичъ помѣщаетъ между Кулиномъ и Сибиславомъ еще двухъ бановъ, безыменнаго Кулиновича и Николая; но источники, на которыхъ онъ основывается, Бзовій, Пеячевичъ и Фарлати, вовсе того не доказываютъ. При томъ, Colloquia Пеячевича, написанныя по Западнымъ источникамъ, не всегда могутъ служить надежнымъ основаніемъ. Повторяю, историки смѣшиваютъ бояръ, богатыхъ землевладѣльцевъ въ Боснѣ, съ банами и чрезъ то производятъ большую путаницу въ древнѣйшей исторіи Босны. Шафарикъ опредѣляетъ время Нинослава 1216—1231 годами. Издатели Спомениковъ выставили подъ его грамотою 1236 годъ. Отъ Нинослава мы имѣемъ договоръ съ Дубровничанами. Матѣи. а одмилмь (по прозвищу) нинославь: банъ босьньски велики повторяетъ договоръ Кулина, котораго впрочемъ не называетъ своимъ отцомъ; но уже повтореніе договора доказываетъ отчасти, что онъ былъ преемникомъ Кулину. Папа, поручая Коломану защищать Нинослава, называетъ этого послѣдняго dux de Bozna и выставляетъ, какъ его право, comitatus et villas suae terrae concedendi et auferendi quibuscunque prout ei propriae voluntatis arbitrium suggesserit [1]. Такое право могло принадлежать только независимому бану, каковыми дѣйствительно и были баны Боснійскіе, которыхъ верховная власть Угріи нисколько не стѣсняла во всѣхъ ихъ внутреннихъ распоряженіяхъ. Патаренизмъ господствовалъ при Нинославѣ, который, по примѣру своего предшественника, наблюдалъ уклончивую политику относительно Римо-католицизма и, при необходимости, выдавалъ себя за ревностнаго католика. Только уже въ 1245 году Бела IV, разсердившись на Нинослава за его еретичество и за то, что онъ помогалъ Сплитянамъ въ войнѣ ихъ съ Трогирцами, послалъ противъ него войско съ Котроманомъ, который побѣдилъ его и сдѣлался правителемъ Босны.

Мы имѣемъ отъ 1249 года грамоту (С. № 14), данную великимъ баномъ Матвѣемъ Стефаномъ. Это договоръ съ Дубровничанами. Но имя Стефана написано по почищенному другою рукою, и по тому рождается вопросъ: кому принадлежитъ грамота? Двухъ крестныхъ именъ не могло носить одно и то же лицо; общія мѣста въ грамотахъ С. № 14 и С. № 5 показываютъ, что писецъ

[1] Engel, Gesch. v. Serv. u. Bosn., стр. 224.

имѣлъ подъ рукою договоръ Нинослава 1216 — 1236 г., и по ошибкѣ могъ написать имя прежняго бана Матвѣя Нинослава. Слѣдующая за тѣмъ почистка уже указываетъ на ошибку писца. Замѣчательно также, что писецъ, начиная грамоту по своему и въ началѣ вовсе не списывая ея съ Нинославовой, при имени Матвѣя, поставилъ тотъ же рѣдкій и неупотребляемый имъ знакъ препинанія (:), который находится въ грамотѣ Нинослава (С. № 5): это подтверждаетъ мою мысль, что имя Матвѣя вкралось въ грамоту по ошибкѣ, и за нимъ слѣдовало имя Нинослава, но кѣмъ-то другимъ было замѣнено подлиннымъ Стефана. Издатели Споменниковъ съ умысломъ, или безъ умысла, выставили подъ грамотою 1239 годъ, желая тѣмъ отнести грамоту къ Нинославу; но въ грамотѣ ясно обозначенъ ҂с. м. ѳ. (1249) годъ; а индиктъ ҁ, показанный въ грамотѣ, отвѣчаетъ именно этому году. Слѣдовательно, имя Стефана должно принять за подлинное и разумѣть подъ нимъ Котромана, низвергнувшаго Нинослава. Юкичъ, подобно Дюфрену, не признаетъ Котромана баномъ и даже не допускаетъ самого его имени, объясняя его смѣшеніемъ съ именемъ Коломана. Но противъ него говорятъ Орбини и имъ же самимъ приводимые источники: грамоты Стефана Котромановича 1268 г.[1] и Ивана Котромана 1010 (?) г.[2] Хотя года выставлены сдѣсь невѣрно, однако важно сходство именъ со свидѣтельствомъ Орбини. Замѣчу, что Угорскіе короли и королевичи могли, при банахъ, быть воеводами Босны; ибо, кромѣ Босны, они завѣдывали иногда и другими областями. Котроманъ былъ Угръ. Онъ клянется вмѣстѣ съ братіею и вельможами: и дѣйствительно, между свидѣтелями на первомъ мѣстѣ видимъ князя Угрина. Въ этой грамотѣ Стефанъ является столь же независимымъ, какъ и его предшественники; онъ именуетъ себя: **по млстї бжи велики бань босьньски** и обѣщаетъ не давать въ обиду Дубровничанъ и ихъ имущества въ случаѣ ихъ войны съ Сербскимъ королемъ. Онъ клянется за себя, за своихъ дѣтей и внучатъ и испрашиваетъ себѣ впредь безопасное пребываніе въ Дубровникѣ. Конечно, онъ имѣлъ въ виду возможность несчастія и бѣгства.

Около 1254 года баномъ Босны и Мачвы[3] сдѣлался Ростиславъ Михайловичъ, князь Галицкій и воевода Славоніи, зять Белы IV[4]. Онъ оставилъ по себѣ въ 1262 г. двухъ сыновей, Михаила и Белу, изъ коихъ первый получилъ Босну, а второй Мачву. Михаилъ еще былъ живъ въ 1268 году, но потомъ онъ изчезаетъ въ Исторіи. Въ 1271 г. Бела, братъ Стефана, Угорскаго короля, называется dux Machoviae et Bosnae. За нимъ слѣдовали братъ его, Стефанъ, и потомъ Ладиславъ III. Мать Ладислава III, Елизавета, maior regina Hungariae, именовалась ducissa de Machou et de Bosna. Послѣ ея смерти Милутинъ получилъ Босну въ приданое за женою своею, Елизаветою, дочерью Стефана V, въ 1286 г. Хитрый образъ дѣйствій Милутина и ложныя его обѣщанія обратиться со всею Сербіею въ Римско-католическую вѣру, равно какъ изгнать Патареновъ изъ Босны, навлекали на него не разъ грозу съ Запада, а по тому Бос-

---

[1] Въ сочиненіи Лор. Миніяти: Le glorie cadute. Ven. 1663.

[2] Въ сочиненіи Пруденція Наретинца: De regno Bosniae. Ven. 1781.

[3] Мачва составляла прежде часть собственной Сербіи: она лежала въ углу между Савой и правымъ берегомъ Дрины. Неизвѣстно, когда она была завоевана Угріею; но мы знаемъ, что въ 1235 г. она уже называлась въ Угорскихъ грамотахъ banatus Machoviensis (Шафар. Slow., Starožit., II, IV, 653. Слав. Древн., II, I, 357). Енгель (Gesch. v. Serv. u. Bosn., стр. 227) думаетъ, что Угорскіе короли отняли ее непосредственно у Грековъ.

[4] См. статью Палацкаго объ этомъ князѣ, помѣщенную, въ Русскомъ переводѣ, въ Чтеніяхъ И. О. И. и Д. Р. 1845 — 1846. N 3.

ну мы видимъ на короткое время въ рукахъ Павла Шубича Бребирскаго, около 1292 г., и потомъ снова, въ 1305 г., въ рукахъ Милутина, владѣнія котораго простираются на этотъ разъ до самого Дунна. Тѣмъ не менѣе, Павелъ не переставалъ писаться Боснійскимъ баномъ, 1307 — 1312 г., и сынъ его, Младенъ, еще при жизни отца, носилъ титулъ secundus Bosnensis banus. Въ 1318 г. Младенъ отнялъ Босну у Милутина [1]. Во всѣхъ этихъ переворотахъ нельзя принимать Босны за одно цѣльное, государственное тѣло. По нѣкоторымъ указаніямъ лѣтописцевъ, въ Боснѣ должны были находиться постоянныя владѣнія Павла Бребирскаго, купленныя имъ у Ладислава III: не могъ же онъ купить всей Босны; но, купивъ часть ея, именно ту, которая принадлежала Угріи, могъ объявлять притязанія и на остальную, бывшую во власти Милутина. Тутъ же были постоянныя владѣнія Котромановичей, которые ссорились съ Шубичами. Только этимъ можно объяснить, по чему Карлъ Робертъ, низведши Младена, въ 1322 году, за его жестокость, отдалъ Боснійское банство Стефану Котромановичу. Кромѣ того, часть Босны находилась въ рукахъ Милутина. Такимъ образомъ взаимная вражда нарушала часто границы владѣній.

Что касается до *Хлума*, то послѣ Немани онъ, кажется, переходилъ изъ рукъ въ руки. Хлумскій бояринъ Петръ прогналъ Андрея, сына Мирослава и племянника Немани; за тѣмъ, съ помощію Сербскаго короля, Стефана Первовѣнчаннаго, Андрей былъ снова возстановленъ; но при этомъ бо́льшая часть его земель передалась бану Боснійскому [2]. Не тутъ ли сидѣлъ Вуканъ, братъ Стефана Первовѣнчаннаго? Извѣстно, что въ спорѣ съ братомъ Вуканъ является подъ защитою Угріи, чего не могло быть безъ посредства Боснійскаго бана. Потомъ Вуканъ дѣлается однимъ великимъ княземъ Зеты и Хлума. У него сынъ—жупанъ Димитрій. Получилъ ли послѣдній отцовское наслѣдіе—не знаемъ, но только видимъ его потомъ въ монашествѣ [3]. Молчаніе лѣтописцевъ о томъ, чтобы Димитрій, или родъ его, владѣлъ Хлумомъ, равно какъ самое званіе жупана, заставляютъ думать, что послѣ Вукана Хлумъ прямо перешелъ къ Угріи, такъ какъ Угорскіе короли имѣли на Вукана сильное вліяніе. Изъ грамоты Андрея II, сына Белы III [4], видно, что онъ именовался Dalmatiae, Croatiae, Ramae, Culmeque dux. Впрочемъ дѣйствительно ли принадлежалъ ему Хлумъ — рѣшить нельзя. Хотя Лучичъ выраженіе Culmeque относитъ къ Хлуму, но самъ же онъ потомъ сомнѣвается, говоря: ita an regio quoque Chlebna, nunc Hliuno, quae sola ultra Cetinam in Croatia erat, in Chulmia inclusa fuerit,—percipi nequit [5]. Судя по формѣ Culmeque, можно догадываться, что Андрей владѣлъ не всѣмъ Хлумомъ, а только сѣверною его частію или Крайною съ Хорватскою жупою Ливномъ. Великій князь Хлумскій Андрей далъ двѣ грамоты Дубровнику въ 1233—1236 и 1248 годахъ (Ш. № VIII; С. №№ 4, 15), какъ независимый владѣтель, присягая съ своими сыновьями, Богданомъ и Радославомъ, и властелями. Тотъ же Андрей, опять какъ независимый князь Хлума, заключилъ договоръ съ Сплитянами въ 1241 году. Если

---

[1] Lucius, De regno Dalm. et Croat., кн. IV, гл. XIII; кн. V, гл. III. По словамъ Лучича, Шубичи купили Босну у Ладислава.

[2] Орбини, стр. 221, 223. — Luccari, Annali di Rausa, стр. 30. — Dufresne, Familiae Dalmaticae et Slavonicae, гл. III, § LI.

[3] Лѣтописи у Шафарика въ Памятникахъ, стр. 60, 72.—Доментіанъ, Житіе свв. Симеона и Савы (рукопись).

[4] Lucius, De regno Dalm. et Croat., кн. III, гл. XIII.

[5] Lucius, тамъ же, кн. IV, гл. IV.

не въ первыхъ грамотахъ, то, по крайней мѣрѣ, въ этой онъ упомянулъ бы о своей зависимости отъ Угріи. Но то одно, что Сплитяне, зависѣвшіе отъ Угріи, заключали съ нимъ договоръ въ слѣдствіе войны, доказываетъ, что Андрей былъ независимымъ княземъ [1]. Но въ 1254 г. сынъ его, жупанъ Радославъ, заключая союзъ съ Дубровничанами (С. № 20), уже говорилъ: есмь вѣрьнь властелинь: гнѹ кралю угрьскомѹ, и обязывался воевать вмѣстѣ съ Дубровничанами противъ короля Рашскаго. Слѣдовательно, Хлумъ, независимо отъ Босны, принялъ сторону Угріи. Въ послѣдствіи онъ соединился съ Босною. Екатерина, дочь Стефана Котромановича, была за внукомъ Андрея Хлумскаго; Павелъ и Младенъ владѣли вмѣстѣ и Хлумомъ и Босною [2].

Преемникъ Младена, Стефанъ Котромановичъ, писался въ 1326 г.: liber princeps et dominus Bosnae, Ussorae, Salae et plurium aliorum locorum, atqve Chelmi comes (позднѣе, Chulmiae dux) [3]. При немъ владѣнія его обозначились яснѣе: они заключали въ себѣ всю Босну и Хлумъ. Онъ положилъ первое основаніе будущему Боснійскому королевству. Зная, что вся сила государства заключалась въ вѣрѣ и народности и что Римо-католики всегда клонились къ Угріи и Западу, Стефанъ держалъ сторону Патареновъ, которые, вмѣстѣ съ православными, составляли основу Боснійской народности. Только происки папы и усердіе Карла Угорскаго заставили Стефана признать себя Римо-католикомъ и равнодушно смотрѣть на вѣрообращеніе своихъ подданныхъ. Стефанъ помогалъ Людовику I въ его Далматскихъ войнахъ; но уже въ дѣйствіяхъ его проглядывало желаніе независимости. Къ несчастію, возраставшее могущество его потрясено было царемъ Душаномъ, который просилъ у него дочь его, Елизавету, въ супруги своему сыну, Урошу, и въ приданое за нею Хлумъ; но, получивъ отказъ, завоевалъ весь Хлумъ и бо́льшую часть Босны. Православное Сербское духовенство начало сдѣсь свои успѣшныя дѣйствія для ослабленія Римо-католицизма и продолжало ихъ до самой кончины Душана. Стефанъ умеръ въ 1353 г., отправляясь на бракосочетаніе своей дочери, Елизаветы, съ Людовикомъ Угорскимъ. Орбини [4], Дюфренъ [5], Шимекъ [6], на основаніи Дюфрена; а Енгель [7] и Юкичъ [8], по словамъ Шимка, относятъ къ 1357 году вступленіе племянника его, Тврьтка Владиславича, въ достоинство бана. Но въ Споменикахъ есть грамота № 57, отмѣченная 1367-мъ годомъ, который Тврьтко называетъ 14-мъ годомъ своего господствованія: по этому смерть Стефана и преемство Тврьтка должны быть отнесены къ 1353 году. Тѣмъ удивительнѣе, что издатели Спомениковъ тутъ же, подъ грамотою, выставили 1357 годъ, какъ годъ Стефановой смерти, не объяснивши этого противорѣчія съ словами грамоты. Гораздо удачнѣе и согласнѣе съ нашею грамотою годъ свадьбы Людовика I и смерти Стефана Котромановича опредѣляетъ Феслеръ, не указывая впрочемъ источника. По его словамъ, эти два событія случились въ половинѣ 1353 года [9].

---

[1] Ѳома Архидіаконъ въ Schwandtneri Script. rer. Hungar., т. III, стр. 598.

[2] Schimek's Politische Geschichte des Königreichs Bosnien und Rama. Стр. 64, примѣч., и стр. 65.

[3] Lucius, De regno Dalm. et Croat., кн. V, гл. III.—Dufresne, Famil. Dalm. et Slavon., гл. IX, § XVII.

[4] Стр. 275.

[5] Familiae Dalm. et Slavon., гл. IX, § XVII.

[6] Politische Geschichte des K. Bosnien u. Rama, стр. 80.

[7] Енгель самъ противорѣчитъ себѣ въ этомъ случаѣ. На стр. 286 онъ относитъ бракъ Людовика къ 1353 году, а на стр. 312 говоритъ, что Стефанъ умеръ въ 1357 году, отправляясь на бракосочетаніе своей дочери, Елизаветы, съ Людовикомъ. См. его Gesch. v. Servien. u. Bosnien.

[8] Zemljopis i poviestnica Bosne, стр. 102.

[9] Die Geschichte der Ungern und ihrer Landsassen, т. III, стр. 330.

Сербскіе лѣтописцы производятъ родъ Твртка отъ *Драгутина.* Дочь послѣдняго, Елизавета, была, по ихъ словамъ, матерью Стефана, Боснійскаго бана, Инослава и Владислава; Владиславъ же имѣлъ Тртка бана и Вучича [1].

Что же касается до *Травуніи*, то объ ней источники не доставляютъ никакихъ свѣдѣній; неизвѣстно, оставалась ли она за Сербіею, или, въ одно время съ Хлумомъ, отошла къ Боснѣ? Извѣстно только, что Душанъ владѣлъ Требиневъ. Послѣ него она, вмѣстѣ съ Хлумомъ, принадлежала къ Боснѣ. Изъ нашихъ грамотъ видно, что въ 1234 году Хлумъ еще числился за Сербіею (С. № 2): слѣдовательно, переходъ его, вмѣстѣ съ Травуніею, отъ Сербіи къ Боснѣ и Угріи состоялся при королѣ Владиславѣ.

Внутренняя жизнь Босны совершалась безъ важныхъ переворотовъ: она не подвергалась никогда преобразованію, въ слѣдствіе котораго въ основу ея вложена бы была мысль новая, государственная. Отъ того въ Боснѣ еще жило въ прежней силѣ древнее боярство, могущественное и кичливое. Съ нимъ долго боролись Котромановичи и отъ него принуждены были бѣжать въ Дубровникъ. Такъ и теперь Боснійскіе бояре почитали за стыдъ повиноваться молодому бану, вышедшему изъ ихъ среды: при ихъ содѣйствіи возставали на него бояре Санко, Клусичъ и Дабыша, и даже родной его братъ, Вукъ; Твртко съ помощію своей находчивости и храбрости умѣлъ отдѣлаться отъ всѣхъ своихъ враговъ. Онъ значительно распространилъ свои владѣнія, пользуясь безвластіемъ Уроша V; захватилъ Травунію, Конавле, Драчевицу и Зету и отнялъ у Сербскаго боярина, Николая Алтомановича, сидѣвшаго въ Ужицѣ, завоеванія, сдѣланныя имъ по смерти Вукашина на счетъ Босны. За то еще прежде долженъ былъ уступить Хлумъ Угорской королевѣ Елизаветѣ, какъ наслѣдство послѣ ея покойнаго отца [2]. Въ своихъ владѣніяхъ, онъ поддерживалъ православную вѣру и Патаренскую ересь; но, не желая явно нарушать своихъ хорошихъ отношеній къ Римо-католицизму и Западу, онъ поддерживалъ ихъ большею частію тайно; а между тѣмъ явно выказывалъ полную готовность служить пользамъ Римо-католицизма. По этому архидіаконъ Галлъ имѣлъ полное право писать: Ita videlicet quod idem Banus omnes paterenos et hereticos de terra sua eicere teneatur [3]. Этому образу дѣйствій слѣдовала и большая часть его преемниковъ. Впрочемъ истина не могла не обнаруживаться по временамъ, за что не разъ приносились на него жалобы папѣ, и сосѣдніе Римо-католическіе владыки посылали въ Босну проповѣдниковъ и отлучали непокорныхъ. Враги и недовольные находили въ Римо-католицизмѣ вѣрную себѣ опору. Такъ еще прежде Вукъ, возставъ на брата, объявилъ себя Римо-католикомъ и призвалъ Людовиково войско на еретиковъ—по его словамъ, т. е., православныхъ и Патареновъ; потомъ Балшичи Зетскіе, желая освободиться изподъ власти Твртка, притворились католиками, но не успѣли въ своемъ намѣреніи.

Мы имѣемъ грамоты Твртка бана отъ 1375 года и Твртка короля отъ 1378 года. Въ этотъ промежутокъ времени Босна возведена была на степень *королевства*, благодаря Твртку, объявившему себя королемъ. Годомъ вѣнчанія Твртка Шимекъ [4], а за нимъ Енгель [5] и Юкичъ принимаютъ 1376 годъ, который, какъ видимъ, не противорѣчитъ нашимъ источникамъ. Твьртко былъ достоинъ королевскаго

[1] Лѣтописи у Шафарика въ Памятникахъ, стр. 62.
[2] См. Посланіе Галла, архидіакона Бежскаго, къ епископу Загребскому, въ Загребскомъ Архивѣ, кн. II, отд. I, стр. 35. — Ср. Dufresne, Famil. Dalm. et Slavon., гл. IX, § XVIII.
[3] Тамъ же.
[4] Polit. Gesch. d. K. Bosnien u. Rama, стр. 85. У него же см. мнѣнія другихъ ученыхъ о времени этого событія. Дюфрену неправильно приписанъ 1366 годъ вмѣсто 1368 (Famil. Dalm. et Slavon., гл. IX, § XVIII).
[5] Gesch. v. Serv. u. Bosnien, стр. 337.

званія, ибо всѣ его дѣйствія обличали въ немъ уже не боярина, стоявшаго нѣсколько выше своихъ собратій, но человѣка государственнаго съ новыми понятіями какъ о своемъ званіи, такъ и объ искусствѣ правленія. Мысль государственной дѣятельности онъ наслѣдовалъ у своего дяди и кромѣ того сумѣлъ совершенно отдѣлиться отъ боярскаго сословія и стать выше его нравомъ, какъ глава государства. Вѣнчаніе было лучшимъ къ тому средствомъ. Людовикъ I, чрезъ мѣру занятый другими важнѣйшими дѣлами, не противился его вѣнчанію, довольный, вѣроятно, вторичнымъ признаніемъ верховной власти Угріи. Но вслѣдъ за его смертію, въ 1382 г., Тврьтко выступаетъ исключительно съ выгодами своего королевства: эти выгоды заставили его принять сторону бана Хорвата и всѣхъ сторонниковъ Карла Драчскаго, недовольныхъ королевами Маріею и Елизаветою; Тврьтко возвратилъ при этомъ Хлумъ, гдѣ воеводою поставилъ боярина Вука Храну, и завоевалъ бо̀льшую часть Далмаціи. Въ 1387 г., апрѣля 9, онъ заключилъ договоръ съ Дубровничанами (С. № 77), въ которомъ обязывался защищать Дубровникъ съ его землями и испрашивалъ себѣ безопасное пребываніе въ Дубровникѣ. Но такъ какъ въ это время Дубровничане признавали верховную власть Маріи, что видно изъ самой грамоты, то, въ случаѣ ея освобожденія изъ плѣна и войны съ Тврьткомъ, они не взялись укрывать его въ своемъ городѣ, а только обѣщали дать ему срокъ для безопаснаго выхода изъ ихъ города; если же онъ случится внѣ Дубровника, то они вовсе отказались принять его къ себѣ. Тѣмъ не менѣе они обѣщали ему вѣчную дружбу. Еще прежде, въ 1378 г., апр. 10, (С. № 66), Тврьтко, заключая договоръ съ Дубровникомъ и требуя отъ него Сербской дани за Травунію, Конавле и Драчевицу, имъ пріобрѣтенныя, выразилъ сомнѣніе относительно прочности этихъ владѣній; но опасенія его не сбылись: земли эти, вмѣстѣ съ Хлумомъ, остались при Боснѣ. Хлумскій воевода Влатко мужественно отразилъ Турокъ, вторгнувшихся, было, въ Босну послѣ Косовской битвы. За то Балшичи Зетскіе передались царю Лазарю [1] и по смерти его положили начало независимости Черногоріи. Въ 1391 г. Сигизмундъ Угорскій вторгнулся въ Босну, желая отмстить Тврьтку за союзъ съ бунтовщиками, овладѣлъ Усорою и замкомъ Добромъ. Это происшествіе ускорило смерть Тврьтка. Онъ умеръ въ томъ же году. Въ дошедшихъ до насъ грамотахъ онъ подписывался: **Стефанъ Тврьтко въ Х҃ Бга҃ (или: Млⷭтию Божиюмь) Краль Срьблемь и Боснѣ и Приморию.** Владѣя частью Сербскихъ земель по Station Дринѣ, Травуніею и Зетою, онъ имѣлъ право называться королемъ Сербскимъ. Мѣстопребываніе его находилось въ разныхъ городахъ, какъ видно изъ грамотъ. Подошедши въ 1378 г., 10 апрѣля къ Дубровнику и остановившись въ Жерновницѣ, король Тврьтко подтвердилъ Дубровничанамъ прежнія грамоты Сербскихъ и Боснійскихъ владѣтелей, выговоривъ себѣ Сербскій доходъ, 2000 перперовъ, и грамоту свою послалъ для подтвержденія матери и супругѣ въ «королевскій дворъ Трьстивницу» (С. № 66). Но въ грамотахъ, данныхъ въ 1385 и 1390 годахъ, онъ называетъ Сутишку aula nostra regalis [2]. Провозгласивъ себя королемъ, Тврьтко первый понялъ мысль, которой такъ твердо держались его преемники, мысль подкрѣ-

[1] Милутиновича, Исторія Церне-Горе, стр. 2.

[2] Arkiv za povéstnicu Jugoslavensku, кн. II, отд. I, стр. 36. — Schimek's Polit. Gesch. d. K. Bosnien u. Rama, стр. 88. Примѣчаніе. — Engel, Gesch. v. Serwien u. Bosnien, стр. 339. По свидѣтельству Юкича (Zemljop. i poviestn. Bosne, стр. 107), нынѣшняя Сутишка есть то же, что Трьстевница.

пить свои права на королевскій престолъ и на Сербскія владѣнія чрезъ связь съ Сербскими царями: по этому онъ назвался Стефаномъ и въ вышнихъ вступленіяхъ, которыми начиналъ свои королевскія грамоты, по примѣру хрисовуловъ Сербскихъ королей и царей, обращался къ первомученику Стефану, издавалъ грамоты, какъ и Душанъ, сообща съ матерью, госпоѡ Кѵра Єленомь, и супругою, госпоѡ краліцѡ Кѵра дорофѣѡмь, подтверждалъ грамоты Сербскихъ царей; наконецъ, вотъ какъ, въ 1378 году, выразился онъ о своемъ правѣ на Боснійскій и Сербскій престолы въ то время, когда Лазарь уже вѣнчался на царство: Такожде и мене своимꙋ рабꙋ ꙁа мать своего блгтиꙗ дарова процисти ми ѡрасли блгосадиѧ вь родѣ моимь и сподоби ме сꙋгꙋбимь вѣнцемь ꙗко ѡбои владиꙋьствиꙗ исправлати ми прьвѣє ѿ испрьва вь блгодарованиꙗхь намь ꙁемли босиѣ. потомже господꙋ моимꙋ богꙋ сподобльшꙋ ме насльдовати прстоль мой прродитель госпе̑ срьбьске ꙁами бо ти бѣхꙋ мои прродителии вь ꙁемльнѣмь цртвѣ цртвовавше и на небное црьство прсєлилисє. мене же видєщꙋ ꙁемлю прродитель мой по нихь ѡставльшꙋ и не имꙋщꙋ своєгѡ пастирꙗ. И идохь вь срьбьскꙋю ꙁемлю жалаѥ и хотє ꙋкрѣпити прстоль родитель моихь :: тамо (въ Милишево) шьшꙋ ми вѣнчань бѣхь бгомь дарований ми вѣнцемь на кралевство прродитель моихь. ꙗко бити ми ѡ хѣ исꙋсе блговѣрномꙋ и богомь поставленномꙋ Стефанꙋ Кралю Срьбльмь и босиѣ и поморию и ꙁападнимь странамь (С. № 66). Во всемъ этомъ видѣнъ человѣкъ новый, желающій отрѣшить себя отъ прошедшаго и упрочить за собою то, что пріобрѣтено имъ въ настоящемъ. Главною цѣлью Тврьтка было внушить, что онъ уже не прежній банъ, стоящій въ уровень съ боярами и зависящій отъ Угорскихъ королей, но независимый вѣнчанный король, потомокъ царствующаго дома. Такого дома онъ не нашелъ въ прошедшемъ Босны и по тому привязалъ себя къ прошедшему Сербіи. Жаль, что ни отъ той, ни отъ другой супруги не имѣлъ онъ дѣтей; у него остался только незаконный сынъ, Тврьтко.

Больше права на престолъ Босны имѣлъ Дабыша, сынъ Мирослава, третьяго брата Стефана Котромановича, и двоюродный братъ умершаго короля Тврьтка Владиславича. Въ своихъ грамотахъ Дабыша называетъ этого послѣдняго своимъ братомъ (С. №№ 81, 179)[1]. Возстаніе сильнаго боярина Вука Храны лишило Дабышу возможности продолжать дѣло независимости, начатое его предшественникомъ: онъ долженъ былъ искать опоры въ признаніи верховной власти Угріи и при этомъ утратить Далматскія завоеванія Тврьтка. Но въ 1394 году въ грамотѣ его, сохраненной Керчеличемъ[2], уже видимъ подпись воеводы Сандала, сына Вука Храны: слѣдовательно, Сандалъ стоялъ на его сторонѣ. Можно заключить, что въ этомъ году уже не былъ въ живыхъ противникъ короля; но за то въ этомъ же году къ границамъ Босны подходилъ другой, сильнѣйшій врагъ, Баязидъ I. Дабыша тѣснѣе соединился съ Угріею, видѣлъ пораженіе Сигизмунда при Никополѣ и думалъ только объ укрѣпленіи своихъ восточныхъ границъ. Онъ умеръ въ 1396 году. Онъ подписывался

[1] Енгель, писавшій свою Исторію большею частію по готовымъ руководствамъ, не разъ противорѣчитъ самъ себѣ: такъ Котромана смѣшиваетъ съ сыномъ его, Стефаномъ; такъ Мирослава называетъ братомъ Котромана (Gesch. v. Serv. u. Bosn., стр. 313), а въ другомъ мѣстѣ (тамъ же, стр. 349) правильно признаетъ Дабышу двоюроднымъ братомъ Тврьтка и пр. Надобно замѣтить, что Орбини признаетъ Дабышу одноутробнымъ братомъ Тврьтка. См. стр. 176, 279.

[2] Schimek's Polit. Gesch. d. K. Bosn. u. Rama. Стр. 92. Примѣчаніе.

вмѣстѣ съ супругою: Стефань дабиша Милостию Га Ба Краль Срьблямь босни и приморию и госпоѣ Краљица Крѣ Елена. Въ грамотѣ, подтверждающей за жупаномъ Вуквиромъ съ братьями село Коло, подписались свидѣтели и ручники отъ слѣдующихъ земель: Босны, Хлума, Дольнихъ Краевъ и Усоры (С. № 179). Другую грамоту (С. № 81) Дабыша далъ въ 1392 году Дубровнику, гдѣ подтверждалъ всѣ прежнія записи Сербскихъ и Боснійскихъ владѣтелей и требовалъ себѣ Сербской дани, 2000 перп.; въ ней онъ держитъ совѣтъ и присягаетъ вмѣстѣ съ королевою Еленою (иначе Цвѣтою). Грамота имѣетъ вступленіе; Трстевница названа «славнымъ королевскимъ дворомъ». Но грамота, находящаяся у Керчелича, дана въ Сутишкѣ. Въ ней Гойко Марнявичъ за услуги, оказанныя въ войнѣ съ Турками, награждается Войницею и полемъ Годисло. Отсюда узнаемъ также, что и Боснѣ досталось отъ Баязида: quando venit Pajasit et depopulatus est Bosnam valde et stetit in Naglasincis et detruxit Bosnam[1]. При Дабышѣ Римо-католицизмъ дѣлалъ успѣхи въ Боснѣ. Уже Тврьтко Владиславичъ за годъ до своей кончины позволилъ архіепископу Сплитскому брать десятину съ міряяъ и духовенства; и онъ поступилъ такъ изъ уваженія къ Римско-католической вѣрѣ, cujus plantulam me recolo—говорилъ онъ. При Дабышѣ тѣсная связь съ Угріею, паденіе Сербіи и Турецкая гроза, заставлявшая ждать помощи только отъ Запада, много способствовали успѣхамъ Римо-католицизма.

По смерти Дабыши не осталось законнаго наслѣдника. Тврьтко Тврьтковичъ объявилъ свои притязанія на Боснійскій престолъ и для большей прочности вступилъ въ сношенія съ Турками. Бояре не хотѣли повиноваться ему, какъ незаконному сыну прежняго короля, и избрали Остою Кристича. Остоя былъ сынъ Павла Кристича изъ рода Яблановичей. Этотъ родъ имѣлъ большія владѣнія въ Травуніи, а сторонникъ его, Сандалъ Вуковичъ, въ Хлумѣ. Отсюда понятно, почему сторона Остои была преимущественно боярская и опиралась на южную приморскую Босну, тогда какъ Тврьтко держался въ сѣверной, внутренней. Остоя, чтобы еще болѣе усилиться, принялъ сторону Владислава Неаполитанскаго, соперника Сигизмунду Угорскому. Но оба притязателя забыли о Сигизмундѣ Угорскомъ, который, въ 1394 г., въ договорѣ съ Дабышею, признанъ былъ не только верховнымъ повелителемъ Босны, но и законнымъ наслѣдникомъ послѣдняго: post mortem praedicti Domini Stephani Dabisciae in vestrum verum dominum naturalem assumeretis, haberetis et teneretis (Sigismundum)[2]. Они забыли, что Сигизмундъ, не смотря на свои неудачи, долги, крамолы, жестокость и нелюбовь подданныхъ, бывалъ иногда счастливъ въ своихъ предпріятіяхъ. Такъ и теперь, отразивъ Баязида I, подошедшаго къ Боснѣ въ 1398 г., онъ завоевалъ сѣверную часть Босны и надъ новымъ банатомъ поставилъ воеводою Гервою, туземнаго боярина. Гервоя былъ родомъ Хорватъ, но отуземился въ Боснѣ и при Дабышѣ, въ грамотѣ этого послѣдняго отъ 1392 г. (С. № 81), уже упоминается воеводою во главѣ свидѣтелей; въ грамотѣ того же отъ 1395 г. онъ, какъ воевода, свидѣтельствуетъ отъ Дольнихъ Краевъ (С. № 179). Это былъ самый лживый человѣкъ, любилъ крамолы, игралъ вѣрностію, мѣнялъ власти и былъ измѣнникомъ отечеству: причиною всему было его чрезмѣрное честолюбіе. Трудно опредѣлить настоящую цѣль его стремленій; не видно, чтобы онъ добивался королевскаго вѣнца и независимости; онъ хотѣлъ, кажется, владѣть своими повелителями и ворочать всѣмъ подъ ихъ име-

[1] Schimek's Polit. Gesch. d. K. Bosn. u. Rama. стр. 91.
[2] Lucius, De regno Dalm. et Croat., кн. V, гл. III.

немъ. По крайней мѣрѣ, его имя связано со всѣми важнѣйшими переворотами, потрясавшими Босну въ продолженіи четверти столѣтія. Дѣлая Гервою воеводой надъ Угорскою Босною, Сигизмундъ хотѣлъ чрезъ это ослабить обоихъ, не признавшихъ его, соперниковъ; но Гервоя, слѣдуя своимъ видамъ, принялъ сторону сильнѣйшаго, Остои, и былъ названъ supremus vayvoda regni Bosnae et vicarius regum Wladislai et Ostoyae. И Тврьтко и Остоя писались королями; но что послѣдній былъ сильнѣе, это знали Дубровничане и съ нимъ заключали договоры. Мы имѣемъ таковыя грамоты до августа 1399 года. Въ первой, отъ 1398 г., 20 ноября (С. № 83), Остоя величается королемъ Сербіи, Босны, Приморья, Хлума, Западныхъ странъ, Дольнихъ Краевъ, Усоры, Соли и Подринья; но въ другихъ двухъ, отъ 1399 г., 15 янв. и 5 февр., (С. №№ 84, 85), послѣднія четыре области въ титулѣ его не упоминаются, что можно объяснить или завоеваніями Сигизмунда, или случайностію, не имѣющею значенія; ибо во первыхъ, король не могъ отказаться отъ своего титула, хотя бы часть его земель ему и не принадлежала; во вторыхъ, въ грамотѣ 1400 года мы снова встрѣчаемъ полный титулъ [1]. Въ этѣхъ грамотахъ Остоя подтверждаетъ дружбу и права, дарованныя Дубровнику прежними Боснійскими и Сербскими владѣтелями, которыхъ называетъ своими прародителями и родителями (С. № 85); принимаетъ на себя долгъ «брата» своего Тврьтка Владиславича (С. № 83); даритъ Дубровнику все Приморье отъ Курила до Стона (С. № 84) и беретъ Сербскую дань 2000 перп. (С. № 85). Свидѣтелями подписаны: воевода Гервоя, князь Павелъ Радиновичъ, воевода Сандалъ и др. Въ 1400 году, Остоя наградилъ Гервою и сына его, Балшу, градомъ Ливномъ съ жупою; но замѣчательно, что въ грамотѣ своей онъ вставилъ условіе: *егда Господь Богъ начини ме наслѣдника и господина ва землахъ родитель и прародитель моихъ*, какъ будто бы въ это время онъ не имѣлъ дѣйствительнаго владѣнія, а былъ только по названію королемъ. Какъ же согласить съ этимъ сейчасъ описанныя распоряженія его и то, что сказали ему Ливенскіе старожилы съ капитулою, которымъ было поручено отъ него разобрать поземельныя владѣнія въ Ливнѣ: *господине, одъ корена неичере ино* (никого другаго) *ни е хливно и градъ бистрьчки, него твоега прьвога било и сада* (теперь) *твое, воланъ е дрьжати, воланъ е оддати?* Между свидѣтелями встрѣчаемъ также и Павла Радиновича и Сандала и др. [2] Не относится ли это условіе къ извѣстной части Боснійскихъ владѣній, находившихся въ рукахъ Тврьтка, или кого другаго? До 1404 года обстоятельства благопріятствовали Остои, и это время было для него самымъ цвѣтущимъ: самъ Тврьтко признавалъ его королемъ, когда въ грамотѣ, данной Дубровничанамъ въ 1405 году, 24 іюня (С. № 89), называлъ его «бывшимъ королемъ Босны». Владиславъ Неаполитанскій овладѣлъ всею Далмаціею и въ 1403 г., подъ покровительствомъ папы, былъ провозглашенъ Угорскимъ королемъ. Гервоя сдѣланъ Сплитскимъ воеводою и названъ: regnorum Dalmatiae, Croatiae vice-rex ac regni Bosne summus voevoda nec non partium inferiorum comes, dux Spalati etc. Тврьтко, захватавшій сокровища прежнихъ королей, былъ силенъ и могъ содержать свое войско; но Остоя, не имѣвшій таковыхъ средствъ, еще въ 1401 году принужденъ былъ отнять у Дубровничанъ уступленное имъ Приморье. Юничъ причину войны видитъ въ негодо-

[1] Arkiv za povêstnicu Jugoslavensku, II, I, стр. 36.

[2] Тамъ же.

ванія. Остоя на то, что Дубровничане без его согласія купили у Сандала Конавле съ нѣсколькими селами въ Приморьи [1]; но это невѣрно, ибо Сандалъ уступилъ Дубровнику свою часть Конавля только уже въ 1419 г., какъ свидѣтельствуетъ его грамота (С. № 96). Открылась война. Дубровничане отразили его воеводъ и захватили часть Хлума. Это послѣднее обстоятельство и, быть можетъ, происки Дубровничанъ были причиною того, что Яблановичи, и съ ними Гервоя, отложились отъ Остои. Въ 1404 году, 15 января, мы находимъ грамоту (С. № 88), въ которой Гервоя и Дубровничане взаимно обязываются быть противъ короля Остои; Гервоя обѣщаетъ послать войско въ Хлумъ и провозгласить сдѣсь королемъ Павла Радишича (Радиновича), а Дубровникъ всею силою поддержать новаго короля. Остоя хотя и примирился съ Дубровничанами, но уже было поздно: онъ бѣжалъ къ Туркамъ; а въ 1405 году, въ грамотѣ отъ 24 іюня (С. № 89), данной Тврьткомъ, на сторонѣ этого стояли свидѣтелями и Павелъ Радиновичъ, и Гервоя, и Сандалъ съ братомъ. Тврьтко утвердилъ за Дубровничанами все Приморье до Стона и всѣ прежнія права и договоры и учредилъ судъ для разбирательства споровъ, возникшихъ въ послѣднюю рать Общины съ Остоею. Сдѣсь онъ величается королемъ Сербовъ, Босны, Приморья, Хлума, Дольнихъ Краевъ, Усоры, Соли, Подринья и Западныхъ странъ. Остоя названъ бывшимъ королемъ Босны. Можно думать, что въ это время его уже не было въ Боснѣ. Однако Тврьтко, по его примѣру и по убѣжденію Гервои, поддался подъ покровительство Владислава. Сигизмундъ вошелъ съ войскомъ въ Босну и плѣнилъ Тврьтка; Гервоя и Сандалъ покорились ему. Но Сигизмунду нельзя было показать надъ побѣжденными всей своей жестокости: онъ долженъ былъ беречь ихъ противъ Остои, грозившаго изъ Турціи. Ограничившись казнію болѣе ста второстепенныхъ бояръ, онъ удержалъ при себѣ Тврьтка и Гервою, изъ коихъ послѣдняго даже подтвердилъ въ достоинствѣ Сплитскаго воеводы; Сандала оставилъ въ Боснѣ. Баномъ надъ Босною сдѣланъ былъ Германъ, графъ Цильскій, тесть Сигизмундовъ. Между тѣмъ Остоя явился съ Турецкимъ войскомъ; Сандалъ соединился съ нимъ, и Остоя снова успѣлъ овладѣть южною Босною. Дубровничане заключили съ нимъ договоръ, въ 1409 г., 4 декабря (С. № 92), и получили подтвержденіе всѣхъ прежнихъ правъ. Остоя именуется и подписывается просто Краль Босни и Хлуму; вѣроятно, онъ владѣлъ немногими землями. Между свидѣтелями мы не видимъ уже прежнихъ воеводъ, ни князя Павла Радиновича, ни Сандала; подписываются почти одни только его родичи и между ними супруга его, Куява, и сынъ Стефанъ. Замѣтимъ, что сдѣсь грамота, относительно имени королевы, противорѣчитъ съ показаніями Лукари и Орбини, по коимъ первая жена Остои называлась Грубою, съ которою онъ развелся въ 1415 г., и потомъ женился на Елицѣ, вдовѣ Гервои. Шимекъ, а за нимъ Енгель и Юкичъ разсказываютъ, что Остоя, бѣжавши къ султану, оставилъ у него заложникомъ сына своего, Радивоя. Шимекъ взялъ это извѣстіе у Лукари [2]; но извѣстно, какъ осторожно должно пользоваться этимъ, въ высшей степени невѣрнымъ лѣтописцемъ. Грамота свидѣтельствуетъ, что у Остои былъ сынъ Стефанъ, который находился при немъ. Дюфренъ какъ бы догадывается о существованіи этого Стефана, называя его то Остоичемъ, то Остоею и довольно сходно съ грамотами назначая годомъ его воцаренія 1415 годъ; но Радивоя онъ ошибочно признаетъ его

[1] Zemljopis i poviestnica Bosne, стр. 111.
[2] Annali di Rausa, стр. 80.

сыномъ [1]. Скажутъ, что у него могъ быть другой сынъ; но объ этомъ ни одинъ лѣтописецъ не даетъ никакого извѣстія: самъ Лукари повѣствуетъ о Радивоѣ, какъ объ единственномъ законномъ сынѣ, по чему и Шимекъ называетъ его ein ehelicher Sohn: ясно, что тутъ разумѣть должно какого нибудь боярина, или незаконнаго сына Остои, брата Ѳомы Остоича. У Лукари Радивой играетъ весьма незначительную ролю, даже онъ не наслѣдуетъ отцу и не принимаетъ участія въ дѣлахъ по престолонаслѣдію. Стефанъ, сынъ Остои, сдѣлавшись королемъ около 1419 г. и даруя грамоты Дубровнику (С. №№ 95, 97), приводитъ свидѣтелями мать и властелей, но не упоминаетъ ни о какомъ братѣ, чего не преминулъ бы сдѣлать по общему обычаю того времени. Все это заставляетъ думать, что Лукари и его послѣдователи ошиблись, и незаконнаго сына сочли законнымъ. Въ слѣдствіе новой измѣны Гервои, Остоя долго, до самой своей смерти, оставался королемъ. Сигизмундъ долженъ былъ бороться съ Турками, которые по приглашенію Гервои рады были стать твердою ногою въ Боснѣ. Не стерпѣвъ одной частной обиды въ Угріи, Гервоя сталъ ссылаться съ султаномъ Магомедомъ; Сигизмундъ лишилъ его за то Сплитскаго воеводства, но Гервоя сталъ во главѣ Турецкаго войска и ввелъ его въ Босну. Турки образовали цѣлый санджакъ изъ завоеванныхъ областей; но обманули Гервою въ честолюбивыхъ его замыслахъ, и Гервоя съ досады, не надѣяся уже болѣе ни на кого, обманувши всѣхъ и подъ конецъ самъ обманутый, удалился въ свои наслѣдственныя владѣнія въ Которѣ, гдѣ, не много спустя, и умеръ. Сигизмундъ возвратилъ Твртка въ Босну и съ помощію его разбилъ и выгналъ изъ Босны Турокъ въ 1418 г. Твртко былъ возстановленъ въ королевскомъ достоинствѣ съ признаніемъ верховной власти Угріи. Около этого времени, въ южной Боснѣ умеръ Остоя и ему наслѣдовалъ сынъ его Стефанъ. Лукари, а за нимъ Шимекъ, Енгель и Юкичъ разказываютъ по этому случаю цѣлую исторію, что будто бы Остоя, обѣднявъ, сталъ тѣснить народъ, за что народъ взбунтовался и провозгласилъ королемъ Стефана Остоича. Лукари не говоритъ, кто былъ этотъ послѣдній; Шимекъ уже прибавляетъ, что это былъ знатный и любимый бояринъ [2]. Енгель, слѣдуя Филиппу ab Ochievia, называетъ его Стефаномъ Яблановичемъ [3]. Филиппъ ab Ochievia и Орбини могли взять это извѣстіе изъ Лукари, ибо Остоичи и Яблановичи были одного рода. Это извѣстіе не далеко отъ истины: стоило бы только Стефана Остоича или Яблановича назвать сыномъ Остои. Ихъ послѣдователи, Шимекъ и Енгель, уклонились отъ истины, смущенные призракомъ Радивоя. Енгель даже прямо отвергаетъ прозвище Остоича, приданное ему у Лукари. Юкичъ, поправляетъ ошибку Енгеля и называетъ Стефана Остоичемъ, сыномъ Остои. Остои бѣжалъ къ Султану, получилъ отъ него войско и сына Радивоя, добылъ часть земель и всѣ трое, Твртко, Стефанъ Остоичъ и Остоя, раздѣлили между собою Босну. Стефанъ исчезаетъ съ 1423 года, а Остоя королевствуетъ до своей смерти, или до 1435 года. Послѣ него Радивой ищетъ престола; но, побѣжденный Твртькомъ, бѣжитъ въ Дубровникъ. Подобный разсказъ находимъ и у Орбини [4] и Дюфрена [5]. Орбини повѣствуетъ, что Радивой, бѣжавши въ Дубровникъ, по-

---

[1] Famil. Dalmat. et Slavon., гл. IX, § XXII.

[2] Polit. Gesch. d. K. Bosn. u. Rama, стр. 105.

[3] Gesch. v. Serv. u. Bosn., стр. 336.

[4] Стр. 283.

[5] Famil. Dalmat. et Slavon., гл. IX, § XXII.

лучилъ отъ Тврьтка во владѣніе мѣстечко, называемое Kisela Voda и что вскорѣ потомъ умеръ отъ пьянства. Между тѣмъ мы встрѣчаемъ его въ послѣдствіи убійцею Ѳомы Кристича и баномъ Яйца. Юкичъ также замѣчаетъ это противорѣчіе и спрашиваетъ: не было ли у Остои двухъ сыновей, которые оба назывались Радивоями? Вообще дѣло о Радивоѣ остается пока не рѣшеннымъ. Вѣроятно, лѣтописцы смѣшиваютъ какого нибудь боярина Радивоя съ незаконнымъ сыномъ Остои того же имени. Но во всей этой повѣсти нѣтъ истины. Тѣнь Остои исчезаетъ при первомъ соприкосновеніи съ грамотами его сына: въ нихъ Стефанъ Остоичъ прямо называетъ своего отца, Остою, «свято-почившимъ»; а обѣ его грамоты даны были еще въ 1419 году. Остоя подписывался: **Стефанъ Остоя краль Срьблемь Босни и приморю.** Сутишка и Высокое (Подвысокое) названы въ его грамотахъ королевскими дворами. Въ 1419 году, 5 марта, Стефанъ Остоичъ далъ Дубровничанамъ грамоту (С. № 95), въ которой подтверждалъ всѣ прежнія грамоты и договоры и требовалъ себѣ 2500 перперовъ Сербской дани. Грамота дана въ Звечанѣ, а королевскимъ дворомъ названъ Бобовецъ. Въ томъ же году, 4 декабря, другою грамотою (С. № 97), подтвердилъ онъ за Дубровникомъ жупу Конавле, подаренную городу Сандаломъ и Петромъ Павловичемъ Яблановичемъ. Сдѣсь Сутишка названа стольнымъ мѣстомъ королевства. Между свидѣтелями не видимъ ни Сандала, ни Павла Радиновича; только является сынъ послѣдняго, воевода Петръ Павловичъ: впрочемъ всѣ они стояли на его сторонѣ, ибо иначе онъ не могъ бы подтверждать ихъ записей, данныхъ Дубровнику. Въ это время Павелъ Радиновичъ уже не былъ въ живыхъ. Дюфренъ считаетъ 1435 годъ годомъ смерти Стефана Остоича [1]; Ассемани [2] назначаетъ для того 1422 годъ, Шимекъ 1423, Юкичъ 1424 годъ; но опираясь на то, что въ грамотѣ 1421 года, 18 августа (С. № 103), Тврьтко беретъ Сербскую дань 2500 перп., ту самую, которую бралъ прежде Стефанъ Остоичъ (С. № 95), и подтверждаетъ всѣ прежнія записи королей Сербскихъ и Боснійскихъ, а въ томъ числѣ запись Остои относительно Приморья, данную въ 1399 г. (С. № 84); опираясь на то, что имя Сандала, какъ великаго воеводы Босны, уже стоитъ въ началѣ именъ другихъ свидѣтелей, а также и на то, что его запись о Конавлѣ подтверждена Тврьткомъ еще въ 1420 году, 16 авг. (С. № 99), можно съ достовѣрностію заключить, что Остоичъ умеръ ранѣе августа 1420 года, и по его кончинѣ Сандалъ перешелъ къ Тврьтку. Въ первой грамотѣ Остоича (С. № 95) приводятся свидѣтели отъ Босны, Хлума и Дольнихъ Краевъ. Оставшись одинъ королемъ Босны, Тврьтко мирно управлялъ народомъ и заслужилъ названіе справедливаго. Еще 22 іюня 1443 г. онъ просилъ у Дубровничанъ возвращенія вклада, положеннаго имъ въ ихъ городѣ (С. № 135), но, по достовѣрнымъ изысканіямъ Шимка, умеръ въ этомъ самомъ году [3]. Онъ умѣлъ сберечь свое государство, хотя въ восточныхъ его предѣлахъ водворились Турки, коимъ платилъ онъ ежегодную дань, 2000 червонцевъ (въ послѣдствіи увеличенную). Православные и Патарены пользовались его постояннымъ покровительствомъ; онъ ссорился за то съ папою и Сигизмундомъ, былъ въ плѣну и умѣлъ всегда оправдаться. Въ 1433 году папа назначилъ въ Босну своего викарія, Якова Пицена, назвавшагося inquisitor haereticae pravitatis. Яковъ обвинилъ въ ереси самого Тврьтка, Сандала, Ра-

---

[1] Тамъ же.

[2] Kalend. Eccles. univers. Romae 1755. Т. V, гл. 3, стр. 76.

[3] Polit. Gesch. d. K. Bosnien u. Rama, стр. 115. Примѣчаніе.

дослава Павловича и другихъ знатныхъ бояръ; но Тврьтко отдѣлался отъ него, поддержавъ его ссору съ Минорітами, и посылалъ въ Римъ нарочнаго, чтобы оправдать свое королевство отъ обвиненія въ Манихействѣ. Въ 1426 году онъ титуловался: Stephanus Tvartko Tvartkovitius rex Serbliae, Bosnae, maritimarum Chulmensium terrarum, Dalmatiae, Croatiae partis inferioris, occidentalium partium, Usoriae, Soliae, Podriniae etc[1], — почти такъ же какъ и въ 1405 году (С. № 89), что показываетъ, что онъ уже одинъ былъ королемъ всей Босны. Подпись его такова: Штефань Тврьтко Тврьтковиќь краль Срьблемь Босни приморью и итоми. Въ грамотахъ 1420 года Высокое называется королевскимъ дворомъ, а въ грамотѣ 1433 года Сутишка названа стольнымъ мѣстомъ. Нѣтъ надобности говорить, что какъ Тврьтко, такъ и Остоя и сынъ его, не имѣвшіе полнаго права на престолъ, одинъ какъ незаконнорожденный, другіе, какъ люди боярскаго происхожденія, чтобы освятить права свои, прибѣгали къ общему обыкновенному средству: писались вѣтвью «благаго корня родителей и прародителей своихъ, царей Боснійскихъ и Сербскихъ, племенемъ и истинными наслѣдниками въ земляхъ своихъ предковъ, Боснѣ и Сербіи».

Еще въ 1427 году, 2 сентября, Тврьтко II заключилъ съ Германомъ, графомъ Цильскимъ, рожденнымъ отъ Катерины, дочери Тврьтка I, договоръ, по которому уступилъ Герману, въ случаѣ своей бездѣтной смерти, королевство Боснійское. Теперь Германъ объявилъ свои притязанія; но врагъ его, Иванъ Гуниадъ, помогъ боярамъ и народу возвести на Боснійскій престолъ побочнаго сына Остои, Θому Остоича Кристича. Θома, по всему вѣроятію, былъ незаконнымъ сыномъ Остои и роднымъ братомъ Радивоя. Въ нашихъ грамотахъ, въ одной (С. № 136) онъ называетъ Остою своимъ отцомъ, а въ другой прямо величаетъ себя Остоичемъ (З. А.). Орбини, Дюфренъ и другіе называютъ его сыномъ боярина Кристича или Яблановича; Юкичъ считаетъ его законнымъ сыномъ Остои. При Θомѣ папа сильно дѣйствовалъ въ дѣлѣ вѣрообращенія; но сначала Θома не склонялся подъ вліяніе папы, хотя ему и обѣщано было вѣнчаніе: онъ боялся раздражить православныхъ, Манихейцевъ и Турокъ. За то Стефанъ Косача, стремившійся къ независимости, объявилъ себя ревностнымъ Римо-католикомъ и испросилъ себѣ въ 1444 г. у императора Фридриха герцогское званіе на всѣхъ правахъ герцоговъ Римской имперіи, почему и Хлумъ назвался герцогствомъ или воеводствомъ св. Савы[2]. Боясь столь сильнаго соперника, Θома долженъ былъ сблизиться съ папою и Угріею: ему нужно было, во что бы то ни стало, укрѣпиться на престолѣ. Посредникомъ былъ хитрый и ревностный легатъ Томазини. Прежде всего Θома крестился отъ руки этого легата, потомъ повторилъ свои права на королевскій престолъ, назвавшись Стефаномъ, испросилъ, въ 1444 г., чрезъ Гуниада подтвержденіе отъ Угорскаго короля, женился на Катеринѣ, дочери Стефана Косачи, наконецъ получилъ отъ папы грамоту, въ которой былъ признанъ законнымъ сыномъ и наслѣдникомъ Остои, въ 1446 г. Постановленія бывшаго по этому случаю собора клонились къ ограниченію Патареновъ и герцоговъ св. Савы. Дубровникъ получилъ отъ него, въ 1444 г., подтвердительную грамоту и обязался платить Сербскую дань, 2500 перп. (С. № 136). Прозорливый Косача обра-

---

[1] Шимекъ, тамъ же, стр. 107.

[2] Мощи св. Савы почивали въ Герцеговинѣ въ Милешевскомъ монастырѣ, основанномъ королемъ Владиславомъ.

тился теперь въ другую сторону: сблизился съ Патаренами[1] и Иванишемъ Радославичемъ, который тоже изъ Римо-католика сдѣлался Патареномъ. Томазини убѣдилъ папу объявить крестовый походъ противъ еретиковъ; но походъ не состоялся, ибо боялись, чтобы еретики не призвали Турокъ. Ѳома, въ угожденіе папѣ, гналъ еретиковъ, обложилъ ихъ податью для Францисканцевъ и вошелъ въ союзъ съ Дубровникомъ противъ Стефана Косачи, 1451 г., 18 дек., обѣщая объявить войну Стефану и не заключать съ нимъ мира безъ вѣдома и согласія Дубровничанъ (С. № 140); но и на этотъ разъ Турки остановили предпріятіе Короля. Ихъ постоянное усиленіе на границахъ Босны страшило Ѳому. Не разъ просилъ онъ помощи у папы и императора; но всегда одному только Гуняду приходилось отбивать страшнаго врага. Между тѣмъ Константинополь былъ взятъ (1453), Гунядъ умеръ (1456), Угрія волновалась крамолами графовъ Цильскихъ, а внутри Босны все не-Римско-католическое населеніе было вооружено противъ Короля и Римо-католиковъ. Въ 1459 году, при осадѣ Хорватскаго замка Белая, Ѳома былъ убитъ своимъ незаконнымъ сыномъ Стефаномъ и роднымъ братомъ Радивоемъ. Этого Радивоя Ѳома называетъ, въ своей грамотѣ 1446 года[2], роднымъ братомъ и баномъ Яйца. Вотъ по чему можно допустить, какъ сказано мною выше, что онъ былъ второй незаконный сынъ Остои, находившійся долгое время заложникомъ въ Портѣ. При Ѳомѣ въ Босніи было уже Турецкое кращне (украйна), образовавшееся изъ Сербскихъ земель и управляемое пашею: объ этомъ кращнѣ упоминаетъ Косача, говоря: **длемою ил ꙁилнѥ господрꙋ великомꙋ и господꙋ веꙁирꙋ и краишникꙋ господрева кои годѣ бꙋде на босꙿнско краище** (С. № 143). Ѳома называлъ себя «истиннымъ сыномъ и наслѣдникомъ отъ святаго корня родителей и прародителей, королей Боснійскихъ» и подписывался: **Щефань Томашь Кралль Божиомь Милостью Срьблемь Босни Приморью Хомьсцї ꙁемли Даль︮ьни︯ Херьвꙋтомь Донїмь кражмь Ꙁападнимь Странамь и ктомꙋ** (С. № 136). Въ другихъ грамотахъ (С. № 140; З. А.) онъ титулуется королемъ Сербовъ, Босны, Приморья, Хлумской земли, Дольнихъ Краевъ, Усоры, Соли, Подринья, Западныхъ странъ и пр. и пр. Городъ Крешево названъ въ его грамотѣ (С. № 136) «славнымъ» въ смыслѣ стольнаго города. Только въ одной грамотѣ, которою онъ дарилъ грады Ключъ и Глажъ съ варошами, жупами и селами сыновьямъ покойнаго воеводы Иваниша Драгишича, встрѣчаемъ зарокъ, въ которомъ допущена возможность того, что на престолъ Боснійскій можетъ взойти иноплеменникъ, чего нѣтъ въ другихъ его грамотахъ. Сдѣсь Король налагаетъ проклятие за нарушеніе грамоты не только на себя и своихъ потомковъ, но и на иноплеменника: этимъ, безъ сомнѣнія, высказывалась мысль будущаго паденія Босны и подчиненія ея непосредственной власти или Угріи, или Турціи (З. А.).

Радивой остался по прежнему баномъ Яйца, а племянникъ его, Стефанъ Ѳомичъ или, какъ звали его, Томашевичъ, сынъ Кристича, взошелъ на престолъ. Стефанъ искалъ себѣ опоры въ папѣ и тотчасъ объявилъ себя ревностнымъ католикомъ, прося королевскаго вѣнца. Матвѣй Корвинъ предупредилъ папу, сказавъ, что это право принадлежитъ Угорскимъ королямъ, и папа, какъ ни соперничалъ съ Матвѣемъ, долженъ былъ отказать Стефану. Между тѣмъ Стефанъ

[redacted]новъ или Манихейцевъ часто должно разумѣть все православное [redacted]

[redacted] см. у Шимка, Polit. Gesch. d. K. Bosn. u. Rama, стр. 120. — Орбини, стр. 285. — [redacted] Dalm. et Slavon., гл. IX, § XXII.

называлъ себя истиннымъ и законнымъ наслѣдникомъ Боснійскихъ и Сербскихъ государей и сносился въ такомъ смыслѣ съ Дубровникомъ, подписываясь **Стефань Степань Божиюмь Милостию Краль Босаньски и ктому** и титулуясь: **Милостию божиюмь Стефань Степань Томашевићь Краль срьблемь босни приморью хлъмьсци земли далмацији хрьватомь доньнимь країемь западнимь странамь. усорѣ соли подриню и ктому.** Отъ него дошла до насъ грамота, данная въ 1458 г. какому-то логоѳету Степану (Ш. № 16). Въ ней онъ даритъ Степану, котораго называетъ «почтеннымъ властелиномъ и вѣрнымъ слугою», села и людей въ потомственное владѣніе. Замѣчательны два условія; первое: Степанъ съ дѣтьми и домомъ освобождается отъ военной службы, исключая тѣхъ случаевъ, когда или самъ Король лично идетъ на войну, или установляетъ чрезвычайное, заурядное, ополченіе; тогда и его люди должны выступать въ поле. Второе: если Королю не удастся освободить Сербскія земли (отъ Турокъ ?), и Степанъ съ дѣтьми, или съ деспотицею Еленою и ея дѣтьми прибѣжитъ въ его владѣнія, то Король обязывается принять, кормить и содержать его приличнымъ образомъ противъ его службы и даже пожаловать ему еще людей сверхъ прежнихъ ста домовъ. Грамота напечатана въ отрывкѣ и по тому не позволяетъ достовѣрно узнать, кто это такой логоѳетъ Степанъ и кто такая деспотица Елена. Стефанъ подтвердилъ Дубровнику всѣ прежнія права и записи и вытребовалъ Сербскую дань 2000 перп. Грамота дана 1461 года, 23 ноября, въ стольномъ городѣ Яйцѣ (С. № 150). 25 ноября того же года онъ далъ Дубровнику еще четыре грамоты, обязуясь платить долгъ своего отца Ѳомы (С. №№ 151, 152), даруя Дубровницкимъ купцамъ свободу торговли въ своихъ земляхъ (С. № 153) и позволяя деньгамъ Дубровницкимъ ходить по прежнему въ Боснѣ (С. № 154). Не разъ пытался онъ освободиться отъ Турецкаго ига. Въ 1459 году, 3 іюня, онъ издалъ грамоту [1], въ которой объявлялъ всѣмъ своимъ боярамъ вооруженіе противъ Турціи. Изъ этой грамоты можно отчасти познакомиться съ предѣлами Босны; здѣсь, кромѣ другихъ лицъ, поименованы: Стефанъ Косача, воевода св. Савы, Радивой Ябляновичъ, дядя Короля, банъ Яйца, Станичъ, воевода Приморья, Момчило Томановичъ, банъ Усоры, Ковачичъ, воевода Пунга, Вукъ Гребляновичъ, князь Ливна и воевода Прусы, Кубретичъ, воевода Зворника и Мачвы, Вучичъ, воевода и правитель Расы, [illegible] Алтомановичъ, правитель Сербіи, Веселичъ, воевода Новаго Града близъ Дубровника и правитель Приморья, и Маркомиръ Бранковичъ, воевода Подринья. Сборъ былъ назначенъ на Косовомъ полѣ. Сошлись уже многіе воеводы; но Стефанъ не далъ битвы Туркамъ и увеличилъ имъ дань; потомъ ударилъ на Стефана Косачу, отказавшагося выставить войско. Послѣдній жаловался Султану; но Султанъ, желая ослабить Косачу, рѣшилъ дѣло въ пользу Короля. Много было недовольныхъ: главнѣйшимъ изъ нихъ былъ Стефанъ Косача со всѣмъ не-Римско-католическимъ населеніемъ. Паша Исакъ, по просьбѣ недовольныхъ, вторгнулся въ Босну съ юга и дошелъ до самого Дубровника, который тщетно осаждалъ. Наконецъ Магомедъ II рѣшился, во что бы то ни стало, покорить Босну. Стефанъ просилъ помощи у папы, просилъ царскаго вѣнца и латинскихъ епископовъ. Папа исполнилъ только два послѣднія прошенія, успѣвши примириться и помирить Стефана съ Матвѣемъ, оскорбленнымъ тѣмъ, что вѣнчаніе совершено было помимо него и вопреки правамъ Угріи;

---

[1] Источники см. у Шимка, Polit. Gesch. d. K. Bosn. u. Rama стр. 135, 131.

относительно же помощи, онъ только обѣщалъ хлопотать о содѣйствіи Венеціи и Угріи. И надѣясь на такое уклончивое обѣщаніе, Стефанъ отказалъ Султану въ дани, 25000 черв., и приготовился къ оборонѣ. Но тутъ-то и оказались всѣ дурныя послѣдствія вѣроисповѣднаго раздвоенія; Стефанъ не нашелъ ожидаемаго усердія въ своихъ подданныхъ, и 150000 Турецкаго войска вторглись въ Нижнюю Босну; Король былъ взятъ въ плѣнъ и, когда сдались всѣ его города, казненъ подъ Белаемъ въ 1463 году. Такъ пало королевство Боснійское.

Теперь любопытно будетъ прослѣдить, на основаніи грамотъ, судьбу тѣхъ *боярскихъ родовъ*, которые наиболѣе прославились въ Боснѣ при короляхъ.

Въ правленіе Дабыши, или, можетъ быть, еще Тврьтка, 1391 года, 15 апрѣля, жупанъ Бѣлякъ и воевода Радичъ Санковичи уступили Дубровнику жупы Конавле съ городомъ Соколомъ и Виталину съ островомъ Молунтомъ (С. № 78). Изъ ихъ грамотъ видно, что они владѣли въ Травуніи, Драчевицѣ (С. № 78) и Которѣ (С. № 79). Такая уступка показываетъ, что родъ Санковичей былъ однимъ изъ сильнѣйшихъ родовъ Босны, когда могъ произвольно дарить Дубровнику значительное количество земли и имѣлъ подъ собою многихъ властелей, засвидѣтельствовавшихъ вѣрность грамоты. Шимекъ, не показывая источника, но, вѣроятно, по Дюфрену [1], называетъ [2] Санка сыномъ Младена и говоритъ, что, по ходатайству Дубровчанъ, Тврьтко далъ ему изъ прежней родовой его области, Хлума, небольшое «приморское» владѣніе Невесино. На сколько извѣстіе его вѣрно, можемъ судить изъ того, что Невесино упоминается въ грамотѣ племянника Сандалова, Стефана (С. № 120), какъ находящееся подъ городомъ Вѣначцемъ; а по словамъ самого Шимка [3], одни помѣщали Вѣначецъ на Врьбасѣ [4] около Банялуки, а другіе, вѣрнѣе, на рѣкѣ Ласвѣ повыше Сараева. Во всякомъ случаѣ Вѣнчецъ и Невесино лежали въ средоземьи Босны, а не при морѣ. Потомъ родъ Санковичей мало по малу изчезаетъ. Воевода Радичъ Санковичъ, по смерти брата своего, жупана Бѣляка, который въ 1399 году уже не находился въ живыхъ (С. № 86), былъ послѣднимъ значительнымъ представителемъ своего рода. Въ 1399 году онъ отправился къ королю Остоѣ и убѣдилъ его подарить Дубровнику Приморье отъ городской межи до села Альжи (Долгое?) и самъ уступилъ городу свое село Лисецъ, лежащее въ этомъ Приморьи.

Съ теченіемъ времени въ земляхъ, гдѣ владѣлъ родъ Санковичей, являются владѣльцами два другіе рода: Яблановичи и Храничи, кажется, родственные между собою. Родъ Яблановичей происходилъ изъ Зеты, гдѣ была земля Яблано, подаренная въ послѣдствіи Иваномъ Черноевичемъ церкви Николы Вранинскаго [5]. Изъ грамотъ извѣстенъ первый Радинъ Яблановичъ (С. № 82), у котораго былъ сынъ, Павелъ Радиновичъ, упоминаемый, какъ воевода, въ грамотѣ Дабыши 1395 года (С. № 179). Будучи родичемъ короля Остои, Павелъ до конца жизни держалъ его сторону и только во время отсутствія его, въ

[1] Mladinum, Senconis istius parentem, cum esse arbitror Mladinum Bosinensem banum, quis mox meminimus. Dufresne, Famil. Dalm. et Slavon., гл. IX, § XVIII.

[2] Polit. Gesch. d. K. Bosn. u. Rama, стр. 83.

[3] Тамъ же, стр. 20.

[4] На Землевидѣ Шафарика находимъ здѣсь Winčac. По новѣйшимъ картамъ Невесино лежитъ въ дугѣ, образуемой Неретвою, на востокъ отъ Мостара.

[5] Милутиновича, Исторія Церне-Горе, стр. 12.

1405—1409 г., стоялъ при Тврткѣ. Въ 1404 г. Тервоя и Дубровничане хотѣли даже сдѣлать его королемъ вмѣсто Остои; но по собственному ли его отказу, или по его неспособности, или по чему либо другому, дѣло не состоялось. Онъ умеръ ранѣе 5 марта 1419 года, ибо въ грамотѣ Стефана Остоича отъ этого числа (С. № 95) свидѣтелемъ приводится его старшій сынъ, воевода Петръ Павловичъ. Въ томъ же году, 4 декабря, Остоичъ подтвердилъ запись Петра Павловича, уступившаго Дубровнику свою половину Конавльской жупы и лежавшаго въ ней города Сокола. По свидѣтельству Аппендини [1], владѣнія Сандала простирались отъ Виталины до замка Сокола, владѣнія же Петра отъ Сокола по морскому берегу до Обода. Въ 1420 году, 30 мая, Сандалъ объявилъ (С. № 98), что Петръ убитъ Турецкимъ пашею Исакомъ, начальникомъ новаго Турецкаго санджака, основаннаго на Боснійскихъ предѣлахъ, за измѣну султану. Половина Сокола и Конавля съ Ободомъ и Цавтатомъ и все, чѣмъ владѣли Павелъ и Петръ Павловичи въ Дольной Горѣ и Виталинѣ [2], перешло, по волѣ султана Магомеда, въ руки Сандала и уступлено было Дубровнику. Въ томъ же году, 16 августа, Твртко подтвердилъ эту уступку (С. № 99). Но у Петра былъ младшій (С. №№ 101, 102) братъ, Радославъ, который вступился за родовую собственность и отнялъ ее у Сандала. Уже въ слѣдующемъ, 1421 году, 18 февраля, Дубровничане узнали, что Радославъ утвержденъ въ прежнихъ владѣніяхъ своего рода, и спѣшили заключить съ нимъ дружественный договоръ (С. № 100); черезъ три мѣсяца Радославъ Павловичъ подтвердилъ за Дубровникомъ свою половину Конавльской жупы, подаренную Общинѣ Сандаломъ. Но, вѣроятно, дѣло Радослава не обошлось безъ распри съ Дубровникомъ, который, въ его войнѣ съ Сандаломъ, держалъ, можетъ быть, сторону послѣдняго; ибо тутъ же Радославъ предавалъ забвенію всѣ взаимныя оскорбленія, возникшія со времени смерти Петра до перваго праздника Рождества Христова (С. №№ 101, 102). Петръ былъ убитъ въ 1420 году, и въ этомъ же году былъ первый праздникъ Рождества Христова, въ который они помирились; а 18 февраля, 1421 г., Дубровничане уже успѣли прислать грамоту Радославу. Въ 1423 году, 7 апр., Радославъ, возобновляя дружбу съ Дубровникомъ, повторилъ свое согласіе, благословь, на уступку своей части Сокола и Конавля, сдѣланную Общинѣ Сандаломъ (С. № 104): отсюда узнаемъ также, что Радославъ владѣлъ Травуніею и за нимъ еще оставалась часть Конавля. Наконецъ въ 1427 году, 31 декабря, не задолго до смерти Сандала, онъ писался уже великимъ воеводою Босны, давалъ грамоту вмѣстѣ съ сыномъ, Иванишемъ, и начало грамоты списывалъ съ грамоты великаго воеводы Сандала. Этою грамотою онъ окончательно уступилъ Дубровнику всю свою часть Конавля съ Ободомъ, Цавтатомъ, Дольной Горою и Виталиной, за что получилъ отъ Дубровника ежегодно 600 перп. и богатый дворецъ въ самомъ городѣ. По Аппендини [3], онъ продалъ ее за 24000 цекиновъ. Кромѣ того, онъ выговорилъ себѣ $^3/_4$ земли въ Конавлѣ и право положить въ Дубровникъ 10000 червонцевъ по 5% (С. № 107). Около 1432 года Радославъ имѣлъ войну съ Дубровникомъ «по наговору злыхъ людей», а по словамъ Аппендини, за то, что хотѣлъ вторично взять деньги за свой удѣлъ въ Конавлѣ, одваж-

---

[1] Т. I. стр. 301.
[2] Всѣ эти мѣста лежали въ Конавльскомъ округѣ.
[3] Т. I. стр. 302

ды уступленный Дубровнику [1]; но при посредствѣ короля Тврьтка (С. № 116) [2] и султана Мурада заключилъ съ нимъ миръ въ 1432 г., 25 окт. (С. № 114), условія котораго заставляютъ подозрѣвать, что успѣхъ былъ на сторонѣ Дубровника. Радославъ обязывается извѣстить Порту о мирѣ съ Дубровничанами, что имѣютъ подтвердить и Дубровницкіе послы, находящіеся при Портѣ; онъ не можетъ прежде двухъ лѣтъ взять изъ Дубровника деньги, положенныя подъ условіемъ 5%, и отказывается отъ Дубровницкаго дохода, приходящагося на время войны, и отъ своихъ людей, которые въ эту войну перебѣжали въ Дубровникъ. Сынъ его, Иванишъ, не могъ въ это время присягать по своему малолѣтству, и по тому Радославъ далъ въ 1433 г., 25 марта; запись (С. № 117) въ томъ, что сынъ его, пришедши въ совершеннолѣтіе, подтвердитъ клятвенно всѣ условія договора. Около 1439 года Радославъ, стоявшій на сторонѣ Дубровника въ войнѣ этого послѣдняго съ Стефаномъ Косачею, подвергся нападенію, и городъ его Требине былъ взятъ непріятелемъ. Это видно изъ грамоты его 1439 г., 19 авг. (С. № 127), которою онъ удостовѣрялъ, что всѣ деньги его, положенныя въ Дубровникѣ въ 1433 и 1437 годахъ, количествомъ 2800 червонцевъ и 300 перперовъ, получены имъ сполна съ ростомъ по 5% и объявлялъ недѣйствительными всѣ записи, данныя Дубровникомъ въ полученіи этѣхъ денегъ и захваченныя въ Требинѣ Стефаномъ Косачею. Въ 1441 году, 10 апрѣля, Радославъ еще подтверждалъ Дубровницкимъ купцамъ право свободной и безопасной торговли въ его владѣніяхъ (С. № 129); но въ 1442 году, 29 сент., сынъ его, воевода Иванишъ, уже извѣщалъ о смерти своего родителя, укрѣпляя за Дубровникомъ всѣ записи своего дѣда, отца и дяди и право владѣнія Конавлемъ, Соколомъ, Виталиною, Цавтатомъ, Оболомъ и всѣмъ, что относится къ Конавльской жупѣ (С. № 133). По этому несправедливо пишетъ Юкичъ, что будто бы Магомедъ II, завоевавши Босну и убивши Томашевича, погубилъ вслѣдъ за тѣмъ и Радослава Павловича, владѣвшаго Требинемъ, Поповымъ и смежными съ Дубровникомъ землями. Онъ могъ это сдѣлать съ наслѣдниками Радослава, а самъ Радославъ давно уже не былъ въ живыхъ. Въ слѣдующихъ годахъ, 1443 и 1444, Иванишъ, какъ старшій въ родѣ, заступившій мѣсто отца, подписывается свидѣтелемъ въ двухъ грамотахъ Остои (С. № 136; З. А.). Кромѣ Иваниша, Радославъ имѣлъ отъ супруги своей Ѳеодоры (С. № 127) еще двухъ малолѣтнихъ сыновей, князей Петра и Николая, за которыхъ, въ 1442 году, Иванишъ обѣщалъ (С. № 133), что когда они достигнутъ 14 лѣтъ, тогда присягнутъ на его запись. Имя этого Иваниша Радославъ, по обычаю своего времени, выставлялъ въ грамотахъ вмѣстѣ съ своимъ именемъ, какъ бы желая тѣмъ показать своего законнаго наслѣдника. Главнымъ городомъ Радослава былъ Борчъ. Кромѣ вышеупомянутой грамоты, мы не имѣемъ болѣе никакихъ извѣстій объ Иванишѣ. Въ слѣдующее царствованіе, именно, при Ѳомѣ Кристичѣ, родъ Яблановичей является въ послѣдній разъ въ 1454 году съ грамотою Петра и Николая Радославичей (С. № 145). Сдѣсь оба брата, находясь «въ полной державѣ» своихъ родителей, подтверждаютъ Дубровнику всѣ прежнія записи дѣда, отца и брата и повторяютъ торговыя права, какими пользовались изстари Дубровницкіе купцы. Изъ грамоты можно, кажется, съ достовѣрностію заключить, что Иванишъ уже умеръ. Родъ Яблановичей си-

[1] Т. I. стр. 303.
[2] Еще доказательство, что въ это время Тврьтко одинъ былъ королемъ всей Босны.

дѣлъ въ Травуніи, и самое его положеніе условливало его государственную дѣятельность. Мы видѣли, что онъ постоянно держалъ сторону Остои и Остоича; безъ нихъ переходилъ къ Твртку и, кромѣ того, находился въ частыхъ сношеніяхъ съ Дубровникомъ. Одна свѣтлая черта, засвидѣтельствованная самимъ Сандаломъ (С. № 98), отличаетъ дѣятельность этого рода: онъ не искалъ милости въ Портѣ у Турецкихъ султановъ, не опирался на ихъ фирманы, и даже одинъ изъ членовъ его, Петръ Павловичъ, заплатилъ жизнію за невѣрность султану.

Этой свѣтлой черты мы не видимъ въ дѣятельности другаго важнѣйшаго рода, Храничей. Родъ этотъ былъ сосѣднимъ съ Яблановичами; владѣнія его находились въ Хлумѣ и Конавлѣ. Родоначальникъ Храничей, Вукъ Храна, былъ Хлумскимъ бояриномъ и при Твртькѣ I сдѣлался Хлумскимъ воеводою. Въ 1422 году, 15 февр., сыновья его, Вукцъ и Вукъ, получая право Венеціянскихъ гражданъ, назывались figliuoli del Magnifico Chragno (Hranja) olim gran Contestabile del Re della Bossina[1]. Извѣстнѣе сынъ его Сандалъ, который уже въ грамотѣ Дабыши 1394 года стоитъ во главѣ свидѣтелей выше Гервои, со званіемъ воеводы[2]; какъ воевода Босны, приводится онъ между свидѣтелями въ грамотѣ Дабыши 1395 года (С. № 179); но въ обѣихъ грамотахъ отъ Хлумской земли свидѣтельствуетъ его родичъ, Юрій Радивоевичъ, что заставляетъ догадываться, что Сандалъ считался воеводою всей Босны, оставаясь въ то же время туземнымъ бояриномъ Хлума. Послѣ Дабыши онъ сталъ на сторонѣ Остои, по тому, что владѣнія его находились въ южной Боснѣ, гдѣ усилился Остоя. Въ 1405 — 1409 г. онъ перешелъ къ Твртку; но, при появленіи Остои съ Турецкимъ войскомъ, снова принялъ сторону послѣдняго. Нуждаясь въ деньгахъ, онъ продалъ Венеціянамъ замокъ Островицу въ 1409 г., собралъ войско, но былъ разбитъ Сигизмундомъ въ Мачвѣ. Остоя, видѣвшій въ немъ главную опору, наградилъ его многими землями. Въ 1410 году видимъ его въ ссорѣ съ своею матерью, баницею Анною. Изъ грамоты нельзя узнать, родная ли ему мать была Анна, или только мачиха. Двусмысленно выраженіе: **да ю примамь ҙа матерь наме (яко ме, какъ бы меня) есть родила**; но условія повиновенія слишкомъ стѣснительны, чтобы можно было считать ее мачихой. Также неизвѣстно, чья была она дочь и по комъ называется баницею, по отцу ли, или по мужу: въ послѣднемъ случаѣ, надобно признать, что слово банъ могло употребляться вмѣсто слова воевода. При посредствѣ добрыхъ людей изъ Босны, Хорваціи, Венеціи и Дубровника, Сандалъ обѣщалъ повиноваться своей матери, почитать ее, какъ прилично сыну, и ни въ какихъ обстоятельствахъ не покидать ея, если только съ ея стороны не окажется чего нибудь такого, за что, по приговору упомянутыхъ добрыхъ людей, прилично бы было сыну оставить свою мать; также, если умретъ у него жена, Катерина, то другой онъ не можетъ привести въ домъ свой при жизни матери (С. № 93). Въ 1419 году, 24 іюня, Сандалъ и братья его, Вукцъ съ сыномъ Стефаномъ и Вукъ, уступили Дубровнику свою часть жупы Конавля съ Виталиною, Дольнюю Горою и со всѣмъ, что относилось къ котару Конавльскому. По Аппендини,

---

[1] Arkiv za pověstnicu Jugoslavensku, I. 1851. Стр. 81.

[2] Шимекъ (Polit. Gesch. d. K. Bosn. u. Rama, стр. 92. Прим.) и Енгель (Gesch. v. Serv. u. Bosn., стр 356) называютъ его здѣсь палатиномъ. Гервоя названъ у нихъ также палатиномъ; но невѣрно, что въ это время Гервоя еще не былъ великимъ воеводою. Ср. С. № 81.

весь этотъ участокъ былъ проданъ за 18000 червонцевъ [1]. За это Дубровничане обязались платить имъ ежегодно 500 перперовъ. Сверхъ того, подарили другой дворецъ въ своемъ городѣ, отдѣланный на городской счетъ, и позволили имѣть баштины въ Дубровницкой жупѣ цѣною въ 3000 перп. (С. № 96). Въ томъ же году, 4 дек., Стефанъ Остоичъ подтвердилъ эту запись Сандала. Аппендини говоритъ, что Боснійскій король не былъ доволенъ этою уступкою. Какимъ образомъ онъ такъ скоро подтвердилъ ее? Справедливѣе то, что Конавляне не хотѣли подчиниться Дубровнику. Дѣйствительно, еще въ грамотѣ Санковичей (С. № 78), между условіями уступки, читаемъ, что если Конавляне и Виталиняне не захотятъ повиноваться Дубровнику, то Санковичи употребятъ всѣ усилія, чтобы принудить ихъ къ тому. Въ слѣдующемъ году, 30 мая, Сандалъ съ братьями и племянникомъ уступилъ Дубровнику и другую половину Конавльскаго котара, которую они получили, по волѣ султана Магомеда, послѣ убитаго пашею Исакомъ Петра Павловича, т. е., половину города Сокола, половину Конавльской жупы съ Ободомъ и Цавтатомъ и Петровъ участокъ въ Дольной Горѣ и Виталинѣ. За это Дубровничане обѣщали платить ему еще 500 перперовъ дани, подарили, великолѣпно отдѣлавъ, еще другой дворецъ, бывшій прежде властелей Вукасовичей, родственныхъ Храничамъ, а потомъ монахинь св. Маріи отъ Ангеловъ, и дали право купить въ Дубровницкой жупѣ другую баштину цѣною въ 3000 перп. (С. № 98). 16 августа того же года запись Сандала была утверждена королемъ Тврькомъ (С. № 99). Въ обѣихъ своихъ записяхъ Сандалъ уже называется великимъ воеводою Босны, возведенный въ это званіе, быть можетъ, Стефаномъ Остоичемъ, или еще отцомъ его, и подтвержденный Тврькомъ. Еще въ 1410 году, 5 генваря, записываясь гражданиномъ въ Венеціи, онъ назывался: Gran Vojvoda del Regno di Bossina e delle terre marittime [2]. Въ это время Гервоя уже умеръ. По смерти Остоича, Сандалъ проводилъ спокойно свои дни, пользуясь званіемъ великаго воеводы и огромными владѣніями. Объ его доходахъ можно судить по вкладамъ, которые онъ дѣлалъ въ Дубровникѣ въ пользу своихъ родичей. Съ 1429 по 1431 годъ имъ вложено 23620 червонцевъ, 4266 перперовъ Дубровницкими динарами и 154 литры, 4 унціи серебра, съ тѣмъ условіемъ, что получить этотъ вкладъ могутъ его сыновья, если таковые будутъ, или, за неимѣніемъ сыновей, дочери; если же не будетъ и дочерей, то половина всего вклада идетъ его брату, Вукцу, съ сыномъ, Стефаномъ, и ихъ потомкамъ по мужскому колѣну, а другая половина раздѣляется между четырьмя родственными ему домами; а именно, ее получаютъ: 1) князья Радивой, Радославъ и Радичъ Степковичи съ потомками по мужскому колѣну, 2) князья Иванишъ Остоичъ и Влатко Обрадовичъ съ таковымъ же потомствомъ, 3) князья Иванъ и Сладой Вуковичи съ таковымъ же потомствомъ, и 4) князь Драгиша Гонславичъ съ таковымъ же потомствомъ. Если у Вукца и Стефана не будетъ потомства по мужскому колѣну, то и ихъ половина вышеупомянутымъ домамъ: отсюда догадываемся, что другой братъ Сандала, Вукъ, уже умеръ; въ 1422 году онъ былъ еще живъ, ибо въ этомъ году получилъ званіе Венеціянскаго гражданина. Если изъ четырехъ домовъ который изъ нихъ прекратится по мужскому колѣну, то доля его раздѣляется между тремя остальными (С. №№ 108, 112, 124, 125). Сверхъ того, въ 1426 году, Сандалъ

---

[1] Т. I, стр. 380.

[2] Arkiv za povjesnicu Jugoslavensku, I. 1851, Стр. 53.

положилъ 6000 черв. по 5% на имя своей супруги (второй) Елены, дочери царя Лазаря (С. №№ 109, 121) и вдовы Николая де Гара, бана Мачванскаго, и столько же въ 1431 году (С. № 128). Наконецъ въ 1433 г. онъ положилъ еще деньгами 8731 червонецъ и сосудами 26 литръ, 8 унцій и 3 аксаги золота и 217 литръ, 7 унцій серебра съ такимъ же порядкомъ назначенія, какъ и въ прежнихъ вкладныхъ записяхъ; но только количество полученія измѣнено: по этой послѣдней записи Стефанъ съ своимъ мужескимъ потомствомъ получаетъ весь вкладъ, и только въ случаѣ прекращенія его мужскаго колѣна весь этотъ вкладъ долженъ достаться четыремъ родственнымъ домамъ (С. № 115). Очевидно, Сандалъ, надѣясь на продолженіе потомства своего племянника, Стефана, прочилъ ему всѣ свои сокровища. Отъ того въ послѣдствіи мы видимъ, что одинъ изъ четырехъ родовъ, сыновья Драгиши, Стефанъ и Радославъ, получая свою часть въ 1437—1438 г., ссылаются только на записи 1429 и 1431 годовъ (С. №№ 124, 125) и ничего не получаютъ по вкладной записи 1433 года. Съ своей стороны и супруга его, Елена, дѣлала вклады на свое имя въ 1429, 1000 черв., и въ 1436 гг.; первый полученъ ею обратно въ 1436 г. (С. №№ 109, 110, 121). Сандалъ умеръ между 1434 и 1435 г., какъ видно изъ грамотъ (С. №№ 119, 120). Дюфренъ назначаетъ для того 1435 г.[1] Непрочность настоящаго и печальное будущее заставляли не одного Сандала относить сокровища въ Дубровникъ, самый безопасный городъ, котораго богатство и независимость обезпечивали вкладъ какъ со стороны самыхъ жителей, такъ и со стороны Турокъ. Званіе Боснійскаго великаго воеводы, владѣнія и богатства Сандала наслѣдовалъ его племянникъ, Стефанъ Вукчичъ Косача[2], съ малолѣтними дѣтьми, Владиславомъ и Влаткомъ. Уже въ 1435 г., 10 окт., онъ пишется великимъ воеводою и подтверждаетъ Дубровнику всѣ записи, данныя ему Сандаломъ, Вукцомъ и Вукомъ, и право владѣнія жупою Конавлемъ съ Соколомъ, Виталиною, Цавтатомъ и Ободомъ и со всѣми прочими межами (С. № 120). Въ 1438 году, почти въ одно время съ Драгишичами, онъ получилъ бо̀льшую часть вкладовъ Сандаловыхъ; оставалась только часть его дѣтей, 11051 черв., 1266 перп. Дубровницкими динарами, и еще нѣсколько серебра. Достигнувъ 14-ти лѣтняго возраста, каждый изъ нихъ получаетъ свою долю; въ случаѣ смерти одного, получаетъ другой обѣ доли; если оба умрутъ, то получаетъ ихъ отецъ; по смерти отца, часть ихъ достается братьямъ, если таковые будутъ; или, если у Стефана не будетъ болѣе сыновей, то его супругѣ, а ихъ матери, Еленѣ, и дочерямъ; послѣ всѣхъ эта часть раздѣляется между вышеназванными четырьмя родами (С. № 126). Вскорѣ, въ 1440 г., и эта часть была взята Стефаномъ и сыновьями его; остались только 12000 черв., положенные Сандаломъ по 5% въ пользу супруги своей, Елены, тогда уже умершей (С. № 128). Бо̀льшая часть дѣятельности Стефана Косачи принадлежитъ ко временамъ послѣднихъ королей, но и при Твръткѣ II уже сталъ обнаруживаться его самостоятельный и рѣшительный образъ дѣйствій. Въ 1439 году Радославъ Павловичъ упоминаетъ о записяхъ, утраченныхъ во время взятія Требиня воеводою Стефаномъ Вукчичемъ; такъ какъ ровно черезъ два года видимъ уже Владислава въ договорѣ съ Дубровникомъ противъ отца, то можно думать, что то и другое событіе имѣютъ между собою нѣкоторую связь. Въ 1441 году, 15

[1] Famil. Dalmat. et Slavon., гл. XI, § IV.

[2] Гр-а С. N 123 показываетъ, что самый этотъ Стефанъ назывался Косачемъ, а не [illegible]чичемъ или Косаричемъ, какъ думаютъ иные.

августа, Владиславъ Стефановичъ, старшій сынъ Косачи, заключая союзъ съ Дубровникомъ (С. № 132), говорилъ слѣдующее: Стефанъ, отецъ его, презрѣлъ и нарушилъ прежнія клятвы и записи, учинилъ рать Дубровнику, разоряетъ городскіе виноградники, жжетъ домы, плѣнитъ имущество, дѣлаетъ разныя другія оскорбленія и отнялъ жупу Конавле противъ Богу и правдѣ: по этому онъ, Владиславъ, помянивъ старинную дружбу Дубровника, обѣщаетъ стараться всѣми силами возвратить городу Конавльскую жупу и прибавить къ ней еще окрайну, если достигнетъ господства; не заключать мира съ отцемъ, сохранять съ городомъ вѣчную дружбу и пр. Но у насъ есть грамота отъ 1443 года, 1 апрѣля, (С. № 134), въ которой Стефанъ, Елена и Владиславъ (Влатко былъ еще малолѣтенъ) свидѣтельствуютъ, что получили отъ Дубровника сполна весь вкладъ, завѣщанный имъ покойною Еленой, супругой Сандала. Слѣдовательно, примиреніе Стефана, какъ семейное съ сыномъ, такъ и политическое съ Дубровникомъ, настало еще при жизни Твьртка II. Въ царствованіе Θомы Остоича Кристича, Стефанъ Вукчичъ, до объявленія себя герцогомъ или воеводою св. Савы, подписался, какъ воевода, свидѣтелемъ подъ одною изъ королевскихъ грамотъ, — и это было въ 1443 году (З. А.), а въ слѣдующемъ его уже нѣтъ между свидѣтелями въ другой королевской грамотѣ (С. № 136): значитъ, что въ этомъ году онъ уже отстранился отъ Босны съ своею Хлумскою областію, которую стремился возвести на степень независимаго воеводства. Когда бóльшая часть Босны была завоевана Турками и послѣдній король Томашевичъ былъ убитъ, тогда непокоренною оставалась только верхняя Босна или воеводство св. Савы, съ владѣльцемъ своимъ, Косачею. Она долѣе отстаивала свою независимость отъ покушеній Турецкихъ султановъ.

Мы видѣли, что въ концѣ царствованія Твьртка II Стефанъ примирился съ сыномъ и Дубровникомъ. Расписки, данныя имъ Дубровнику въ полученіи различныхъ вкладовъ, 3 февраля 1445 и 5 іюля 1450 годовъ (С. № 139 и стр. 252), показываютъ, что онъ не нарушалъ этого мира. Дѣйствительно, онъ употреблялъ все время на усиленіе себя внутри Босны и, какъ мы уже видѣли, испросилъ себѣ у императора званіе герцога и привлекъ на свою сторону Манихейцевъ и православныхъ. Но въ 1451 году, 18 декабря, видимъ, что Дубровничане жалуются Θомѣ Остоичу на несправедливости Косачи, опустошившаго и захватившаго ихъ земли. Король принимаетъ ихъ подъ свою защиту и даетъ обѣщаніе объявить войну Стефану и не заключать съ нимъ мира, не извѣстивъ напередъ Дубровничанъ (С. № 140). Въ 1452 г., 25 марта, поднялся на Стефана боярскій родъ покойнаго Влатка, именно: Иванишъ Влатковичъ, воевода Хлумскій, съ братьями Маркомъ, Жаркомъ, Радивоемъ, Андреемъ, Бартуломъ и Θадеемъ Влатковичами, и племянниками, дѣтьми умершихъ Влатковичей, Θомою Николаевичемъ и Павломъ Петровичемъ[1]. Заключая союзъ съ Дубровникомъ на Вратарѣ (С. № 141), Иванишъ и родичи его обязывались защищать Дубровникъ и помогать ему противъ герцога Стефана Вукчича, равно какъ не заключать мира съ послѣднимъ безъ его вѣдома и согласія. Противъ Стефана были также его жена, Елена, и старшій сынъ, Владиславъ (С. № 142). Вотъ причина вражды послѣднихъ, по словамъ Халкокондила. Во

[1] Объ нихъ знаетъ Лукари. Annali di Rausa, стр. 98.

владѣнія Стефана, смежныя съ Дубровницкими, прибыла одна Флорентинка, дочь купца. Плѣнившись ея красотою, Стефанъ взялъ ее къ себѣ и тѣмъ оскорбилъ свою жену (лѣтописецъ не упоминаетъ ея имени, ни рода), которая съ сыномъ своимъ бѣжала въ Дубровникъ. Стефанъ посылалъ къ ней пословъ, прося возвратиться, но тщетно: онъ не имѣлъ силы согласиться на условіе, которое было ему предложено, — отпустить Флорентинку. Сынъ его между тѣмъ, начальствуя Дубровницкимъ войскомъ, вторгся въ его владѣнія, разбилъ его и обратилъ въ бѣгство въ отмщеніе за опустошенія, нанесенныя имъ Дубровницкимъ владѣніямъ [1]. А вотъ какъ разсказываетъ Шимекъ [2] объ этой враждѣ. Стефанъ Вукчичъ съ своими Патаренами, видя, что Король не можетъ ничего сдѣлать ему изъ боязни Турокъ, предался безпечности, пьянству и разврату; оскорбленные тѣмъ, жена его, Анна Кантакузина, и сынъ бѣжали въ Дубровникъ. Стефанъ требовалъ у Дубровничанъ ихъ возвращенія, но, получивъ отказъ, опустошилъ городскія земли, завладѣлъ Конавлемъ и возвысилъ пошлину на соль. Дубровничане объявили ему войну и назначили цѣну за голову, какъ гражданина-измѣнника. Владиславъ съ Дубровницкимъ войскомъ завладѣлъ многими отцовскими городами; папа грозилъ Стефану крестовымъ походомъ, а султанъ рѣшилъ дѣло въ пользу Дубровника: все это заставило Стефана смириться. Ни Шимекъ, ни Енгель не знаютъ о прежней враждѣ Стефана съ сыномъ и Дубровникомъ, о которой мы упомянули. Оба они, какъ и Дюфренъ, называютъ его жену Анною Кантакузиною. Енгель даже противорѣчитъ самому себѣ, называя ее въ другомъ мѣстѣ [3] Еленою, дочерью Момчила, внука короля Вукашина отъ сына его Андрашка (на основаніи извѣстій, сообщаемыхъ Дубровницкими и западными писателями [4]). Между тѣмъ въ нашихъ грамотахъ она именуется Еленою, дочерью Балши, который въ 1443 году уже не былъ въ живыхъ (ср. С. № 134). Не Зетскій ли это Балша Балшичъ? Откуда Шимекъ и Енгель заимствовали свое извѣстіе, они не говорятъ; но догадаться не трудно: Дюфренъ указалъ на источники [5]. Неосмотрительность ввела Шимка въ заблужденіе; Енгель же, не справившись съ источниками, повѣрилъ ему на слово и сдѣлалъ такой же промахъ. Вотъ что говоритъ о томъ же Лукари. Stefano intanto rinovando l'essempio di Gioanni Paleologo Imperadore di Constantinopoli, usato alla figliuola dell' Imperadore di Trabisonda moglie di Emanuelo suo figliuolo, essendo menata per moglie a Vuladislau la figiluola di Marino Martiano Principe di Rusano, percioche era bella, vincendo la lussuria ogni vergogna, la tolse per forza [6]. Лукари совершенно справедливъ, сравнивая Стефана съ Іоанномъ (I) Пале-

---

[1] Но у Халкокондила Стефанъ Косача постоянно носитъ имя Сандала, и самое происшествіе разсказано слишкомъ поздно, подъ 1463 годомъ, между тѣмъ, какъ оно случилось 10-ю годами ранѣе. Corpus Script. Hyst. Byz. Laonicus Chalcocondylas, l. X, p. 540. — Stritter, II, 436. Туберъ (Schwandtn. Script. rer. Hungar., II, 199) и Лукари (Annali di Rausa, стр. 99) разсказываютъ это событіе такъ, какъ оно передано по нимъ Шимкомъ и Енгелемъ.

[2] Polit. Gesch. d. K. Bosnien u. Rama, Стр. 125.

[3] Gesch. v. Serv. u. Bosn. Стр. 323.

[4] Орбини, стр. 240.
Familiae Dalmat. et Slavon., гл. XI, § V.

[5] Annali di Rausa, стр. 97.

ологомъ, о развратной жизни котораго упоминаютъ Дука и Халкокондилъ[1]. Но Дюфренъ, а за нимъ и Шимекъ, по неосмотрительности, приняли Іоанна за Стефана и жену перваго, Елену Кантакузину, назвали женою послѣдняго, сдѣлавъ еще, сверхъ того, ошибку въ ея имени: у нихъ она названа Анною. У Кантакузина было три дочери и судьба ихъ извѣстна; но у него не было вовсе дочери Анны; также ни одна изъ дочерей его не была за Стефаномъ Косачею. Что касается до Мануила, сына Іоанна I, то онъ дѣйствительно былъ женатъ на дочери Трапезонтскаго царя Алексѣя Комнина[2]. По Шимку, и Енгель Анну, собственно Елену Кантакузину, бывшую супругою Іоанна Палеолога, выдалъ за супругу Стефана Косачи[3]. Впрочемъ, Дюфренъ, желая согласить оба имени, дѣлаетъ Анну Кантакузину первою супругою Косачи, а Елену, или по другимъ Варвару, дочь Момчила, второю, Цецилію же третьею. Въ грамотѣ своей отъ 19 іюля 1453 года (С. № 142) Стефанъ прощалъ жену, сына и всѣхъ, поднявшихся на него Хлумцевъ. Ни онъ самъ, ни Елена, ни сыновья ихъ, Владиславъ и Влатко, не должны слушать, ни скрывать другъ отъ друга никакого злаго человѣка и наговорщика, дабы не было новой семейной вражды. Если явится снова какакое недоразумѣніе, то онъ не можетъ враждовать съ женою и дѣтьми прежде, чѣмъ не разведаетъ всей истины чрезъ «дѣда» Боснійской церкви и 12-ть «стройниковъ», между которыми будетъ находиться гость Радинъ до своей смерти, и 12-ть главнѣйшихъ (поглавитыхъ) Боснійскихъ властелей; всѣ Хлумскіе властели и люди стоятъ по прежнему въ своихъ правахъ и записяхъ, никѣмъ невредимы. Въ одно время съ этою грамотою была изготовлена другая (С. № 143), относившаяся къ султану, визирямъ и краишникамъ, имѣющимъ быть на Боснійскомъ краищѣ (Турецкомъ пограничномъ владѣніи), и возвѣщавшая, что «по милости царя емиръ-султана-Махметъ-бега», Стефанъ, герцогъ св. Савы, господарь Хлумскій и Приморскій, великій воевода русага Боснійскаго, князь Дринскій и пр. и пр., съ сыномъ Влаткомъ, принимаетъ смирившагося сына своего, Владислава, обѣщавшаго возвратить ему всѣхъ властелей, и иныхъ людей, города и доходы, съ которыми отошелъ; за что онъ, Стефанъ, забываетъ всю прежнюю непріязнь и завѣщаетъ своимъ дѣтямъ все свое имущество, дабы они владѣли имъ сообща, или раздѣлили пополамъ, и служили вѣрно султану. Небольшую часть имѣнія Стефанъ можетъ завѣщать своей женѣ, а ихъ матери, и родственнымъ домамъ. Если

[1] Первый выражается такъ: ἦν γὰρ ὡς ἐπιπολὺ κοῦφος καὶ μὴ πολυπραγμονῶν ἐν ἄλλοις τὰ πράγματα πλὴν ἐν γυναιξὶν ὡραίαις καὶ καλαῖς τῷ εἴδει, καὶ τίνος καὶ πῶς παγιδεύσῃ αὐτήν. Смерть же его приписываетъ подагрѣ: ἦν γαρ κατά κοιτος καὶ ἀλγῶν τοὺς πόδας, ἡμιθανὴς ὡς εἰπεῖν ὑπὸ πολλῆς ἀδδηφαγίας καὶ πολυποσίας καὶ τῶν ἡδυπαθειῶν. Второй прямо указываетъ на поступокъ его съ женою его сына, Мануила, дочерью Трапезонтскато императора, вдовою, бывшею первоначально за какимъ-то Турецкимъ пашою: ταύτην γὰρ ὡς ἠγάγετο (Ἐμμανουῆλος) ἀπὸ Κολχίδος ἐς Βυζάντιον, θεασάμενος ὁ πατὴρ αὐτοῦ τότε βασιλεύων, ὡς ἐδόκει αὐτῷ κάλλει τε γυναικῶν πολλῶν εἶναι καλλίστη καὶ τοῖς ἄλλοις ᾗ ἐλέγετο ὑπερφέρουσα, ἑαυτῷ τε ταύτην ἠγάγετο, ἀφελόμενος τοῦ παιδός. ἦν δὲ καὶ ἐν νόσῳ τῇ ποδαλγίᾳ διεφθαρμένος ὥστε μηδ' ὀρθούμενον στῆναι οἷόντ' εἶναι. Corp. Script. Hyst. Byz. Ducas, c. XII, p. 44; c. XIII, p. 48. Cf. Bulliadi Notae, ib., p. 556. — Laon. Chalcocondylas, ib., l. II, p. 81.

[2] Ср. Lebeau. Histoire du Bas Empire, Paris, 1836. T. XX, стр. 480.

[3] Gesch. v. Serv. u. Bosn. Стр. 402.

одинъ изъ нихъ, или тотъ и другой, провинятся противъ отца, то у виновнаго отецъ беретъ назадъ весь его участокъ и воленъ отдать кому хочетъ. Если же, по смерти отца, одинъ братъ посягнетъ на удѣлъ другаго, то султанъ воленъ отнять у него удѣлъ и отдать обиженному. Договоръ пребываетъ твердымъ и цѣлымъ, пока сыновья стоятъ въ послушаніи отцу и въ вѣрѣ и службѣ султану. Лукари прочелъ въ книгѣ Прегатовъ подъ 5-мъ апрѣля 1452 года, что отъ Порты былъ присланъ къ Стефану гонецъ съ повелѣніемъ положить оружіе, возвратить Конавле, уплатить военныя издержки и брать обыкновенную пошлину съ продажи соли [1]. Отсюда можно заключить, что султанъ стоялъ на сторонѣ Дубровника и Владислава. По чему Султанъ принималъ здѣсь такое участіе, это объясняется тѣмъ, что Владиславъ былъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Портою въ ущербъ независимости Босны. Nam filius Stephani—говоритъ Туберъ—ita inimico animo regiones ad patris imperium spectantes, Turcica manu sibi adiuncta, devastando pervagatus est, ut hoc in primis certamen Turcis aditum in Dalmatiam aperuit et Cosaciam familiam extinxerit Ragusamque civitatem non modo tributariam fecerit, sed etiam in Turcicam servitutem paene redegerit [2]. Однако въ своей грамотѣ (С. № 143) Косача называетъ смирившагося Владислава виновнымъ не только противъ отца, но и противъ султана. Это не противорѣчитъ впрочемъ словамъ Тубера и Лукари; ибо въ то время, при значительномъ преобладаніи Порты, оба соперника старались на перерывъ одинъ передъ другимъ пріобрѣсти благоволеніе султана и право на его сторонничество, по чему оба и называли другъ друга виновными предъ султаномъ. Равномѣрно Халкокондилъ, повѣствуя о ссорѣ его съ женою и сыномъ, упоминаетъ о томъ, что онъ въ это время часто сносился съ Турками [3]. Таково было всегдашнее послѣдствіе вмѣшательства Турокъ, къ посредничеству которыхъ такъ охотно прибѣгали Сербскіе владѣтели. Въ слѣдующемъ 1454 году, 10 апр., Дубровницкіе послы испросили и для своего города мировую грамоту (С. № 144). Сознавая, что война вредитъ обѣимъ сторонамъ, Стефанъ, съ Владиславомъ и Влаткомъ, подтвердилъ Дубровнику всѣ прежнія записи и предалъ забвенію всѣ взаимныя оскорбленія и убійства, бывшія во время войны. Торговыя и судебныя права были возстановлены. Въ случаѣ войны Стефанъ давалъ знать городу за три мѣсяца впередъ. Стефанъ Косача, по примѣру дяди, всегда опирался на Турецкое вліяніе. Сандалъ въ грамотахъ своихъ писался воеводою и владѣтелемъ по милости царей Угорскихъ, Боснійскихъ и Турецкихъ (С. №№ 96, 98): такъ и Стефанъ Косача выражалъ не разъ свою вѣрность султану. Стремясь къ независимости и находясь между двухъ огней, Стефанъ естественно долженъ былъ искать опоры у себя дома въ кругу православныхъ, извнѣ—у Турокъ. Въ 1459 году онъ отказался выставить войско для Стефана Томашевича противъ Турокъ. Хотя Султанъ, желая ослабить его, рѣшилъ дѣло въ пользу Короля, однако въ 1463 году Стефанъ сумѣлъ отдѣлаться данью и оружіемъ отъ полчищъ Магомеда II и сохранилъ на нѣсколько времени тѣнь независимости. *Ἐντεῦθεν βασιλεὺς* (султанъ) *συσκευασάμενος ἐσέβαλλεν ἐς τὴν Σανδάλεω χώραν καὶ ἐδῄου.... ἐπελάσας μὲν οὖν αὐτὸς ἐπολιόρκει πολίχνην τὴν Σανδάλεω ἐπὶ ἡμέρας*

[1] Annali di Rausa, стр. 98.
[2] Comment. de tempor suis, Schwandtn. Script. rer. Hungar., t. II, p. 199.
[3] Corp. Script. Hyst. Byz. L. Chalcocond., l. X, p. 540. — Stritter, II, 436.

τινάς. καὶ ὡς οὐ προεχώρει αὐτῷ ἡ τῆς πόλεως αἵρεσις, ἀπήλαυνε....[1] Мы видѣли, что и дѣтямъ своимъ онъ завѣщалъ хранить вѣрность султану. Между 1464—1466 гг. онъ взялъ обратно изъ Дубровника, по четыремъ распискамъ, еще 1200 черв. (С., стр. 252). Послѣ его смерти, въ 1466 г., остался въ Дубровникѣ, въ пользу трехъ его сыновей, богатый вкладъ, кромѣ драгоцѣнныхъ вещей, чистаго золота 70000 червонцевъ, 33 литры и 11 унцій и серебра 1570 литръ и 4 унціи (С. № 157). У Стефана остались три сына, Владиславъ, наслѣдовавшій ему званіе великаго воеводы Босны, Влатко и Стефанъ, и вторая жена Цецилія. Всѣ три сына назывались герцогами св. Савы. Мы имѣемъ расписки Влатка и Стефана въ полученіи разныхъ отцовскихъ вкладовъ, находившихся въ Дубровникѣ: онѣ идутъ отъ 1466 до 1470 года (С. №№ 158, 163). Въ 1467 году Цецилія дала подобную расписку съ вѣдома и согласія своихъ сыновей, Влатка и Стефана (С. № 159). Здѣсь замѣтимъ, что оба меньшіе брата въ грамотахъ своихъ не приводятъ старшаго своего брата, Владислава; также и Цецилія дѣйствуетъ съ согласія только двухъ меньшихъ братьевъ: это заставляетъ подозрѣвать семейныя несогласія, объясняющіяся прежнею враждою, въ которой Влатко оставался на сторонѣ отца. Нельзя думать, чтобы одно оскорбленіе могло причинить раздоръ сына съ отцомъ; скорѣе должно заключать, что сынъ стремился къ независимости и самовластію. Въ 1469 году Владиславъ отъ одного своего имени далъ Дубровничанамъ расписку (С. № 161) въ полученіи отъ нихъ своей части отцовскаго вклада. Онъ получалъ отъ Дубровника какой-то доходъ, о чемъ свидѣтельствуетъ его расписка 1487 года (С. № 162) въ полученіи 766 перперовъ — вѣроятно, годичнаго содержанія (въ подлинникѣ провижиюнь). Такое содержаніе получали и другіе члены Стефанова семейства и даже бояре, какъ видно изъ расписки сына Влаткова, воеводы Августина Влатковича, 1488 года (С. № 169), и Жарка Хлумскаго, 1496 года (С. № 170). У Владислава былъ сынъ Балша, отъ котораго дошла одна только запись 10 окт. 1497 года, (С. № 171), гдѣ онъ поручается всѣмъ своимъ содержаніемъ, слѣдующимъ отъ Дубровника за будущій 1498 годъ, въ займѣ 166 перперовъ и 50 динаровъ, сдѣланномъ имъ у Дубровничанъ. Запись дана въ Дубровникѣ. Долго ли Владиславъ и Влатко господствовали въ земляхъ своихъ по смерти отца—мы не знаемъ навѣрное изъ нашихъ грамотъ. Извѣстно, что Косача, умирая въ Драчевицѣ, поручилъ Дубровнику исполненіе своего завѣщанія, по которому Владиславъ получилъ верхнюю Герцеговину, а Влатко нижнюю. Вскорѣ послѣ его смерти, въ 1466 г., Турецкое войско вторглось въ Герцеговину; но братья отдѣлались отъ него обѣщаніемъ платить дань султану. Тѣмъ не менѣе около 1470 года изъ Турецкихъ грамотъ (С. № 164) видимъ, что санджакъ-бегомъ въ Боснѣ былъ Аязбегъ, а въ Герцеговинѣ Гамзабегъ: слѣдовательно, братья стояли ниже этого воеводы. Влатко съ братомъ Стефаномъ велъ тѣсныя сношенія съ Портою, и мы видимъ, что султанъ Магомедъ повелѣваетъ чрезъ своихъ воеводъ возвратить ему отцовскіе города и весь вкладъ, находившійся въ Дубровникѣ[2] (С. № 164, I). Около того же времени султанъ приказалъ воеводѣ

[1] Corp. Script. Hist. Byz. L. Chalcocond., l. X, p. 543. — Stritter, II, 438.

[2] Около 1470 года. Въ грамотѣ означенъ Магомеданскій годъ, 575-й, но весьма неправильно.

Гаизабегу разрушить деревянный городокъ, построенный въ Неретвѣ Дубровничанами, и вытребовать у нихъ расписки въ возвращеніи герцогу Влатку всего отцовскаго вклада, 19000 черв., каковыя Дубровничане и представили въ 1472 г. (С. № 164, II, IV). Еще въ 1475 году Владиславъ готовился къ утратѣ своихъ владѣній, но только уже въ 1482 году Герцеговина была окончательно завоевана Турками. Владиславъ бѣжалъ въ Угрію и продолжалъ титуловаться: Duca Primorski, Signor di Hum e Guardiano del beato Sava. Влатко бѣжалъ въ Дубровникъ и умеръ на островѣ Рабѣ. Стефанъ же отуречился. Такъ исчезъ послѣдній обломокъ Боснійскаго королевства, существовавшій еще 20 лѣтъ послѣ бури 1463 года. Это было послѣднее крушеніе, отъ котораго не осталось и слѣда Славянской независимости на югъ отъ Савы и Дуная. Все, что доселѣ носило сколько нибудь признакъ самостоятельности, погибло въ волнахъ Турецкаго наводненія. Тщетными остались всѣ великіе подвиги Матвѣя Корвина и его храбрыхъ сподвижниковъ, изъ которыхъ одинъ, Николай Уйлакъ, именовался даже Боснійскимъ королемъ; напрасенъ былъ также миръ 1503 года, заключенный послѣ блестящихъ успѣховъ Ивана Корвина; напрасны были славныя дѣла бана Берислава: будучи постоянно поприщемъ кровопролитной войны, Босна въ 1526 году, послѣ несчастной Мугачской битвы, навсегда осталась за Турціею. Вотъ что писалъ къ Дубровничанамъ, въ 1566 году, 18 іюня, Александръ, Молдавскій воевода: **а сада (теперь) да ꙁна ваше влеће (вѣче) поутовано, како имамь кои себе неке слуге и сироте три братенце имене георгиа и павла и стефана и двие сестре имлю имене катарину и марию, ѡке су речене сироте праунуци херцега стефана кои е биѡ у вриеме минуто господар ꙁемле херцеговине а ваш бег града дубровника сусѣдъ и приятель, а сада у ѡво вриеме ѡве речене сироте хранисе кодъ господствами, ѿ богоданагоми имани терь (и) ми каꙁаше ꙁа неки ѡбичаи вашега господства како сте имали сверху речених сирота неку милос и сверху старнех них да им сте давали милостиню по вашои доброи воли тога ради послаю речене сироте георгие и павлѡ и стефань и сестре ихь катарину и марию послаю човека имене лаꙁара себишанинх.... просе да имъ властеле дубровачке пошлю какову милостиню** (С. № 160).

Четвертый родъ, являющійся въ нашихъ грамотахъ, есть родъ Гервои. Уже прежде познакомились мы съ самимъ Гервоею, начальникомъ и главнѣйшимъ представителемъ своего рода: теперь мы видимъ грамоту его племянника, Юрія Воиславича, о которомъ мы знаемъ изъ его же грамоты, 1434 года, 12 авг. (С. № 118), что онъ былъ воеводою Дольнихъ Краевъ. Въ своей грамотѣ, Юрій, вмѣстѣ съ сыновьями своими, князьями Петромъ и Юрьемъ, даритъ «своей братіи», воеводѣ Павлу и князьямъ Николаю и Влатку Юрьевичамъ и князю Вуку Вукичевичу съ потомствомъ, всѣ города, села и земли, въ которыхъ онъ ихъ засталъ, и именно, города Вратаръ, Новый и Крушевацъ, а также ихъ родовую собственность, отнятую у нихъ Сандаломъ, людей и нѣсколько селъ, — все съ настоящими межами и котарами. Самихъ же новыхъ владѣльцевъ поручаетъ защитѣ Францисканскаго викарія съ братіею. Свидѣтели приводятся отъ Хлума, Земельника, Сѣни и Пливы. Грамота писана подъ Крешевомъ.

Кромѣ этихъ родовъ, конечно, были въ Боснѣ другіе знаменитые роды, занимающіе почетныя мѣста въ Боснійскихъ грамотахъ; но объ нихъ мы умалчиваемъ

по тому, что не имѣемъ въ грамотахъ никакихъ достаточныхъ извѣстій. Съ другой стороны, географическое и историческое значеніе Боснійскихъ областей, Травуніи и Хлума, и господствовавшихъ въ нихъ Яблановичей и Храничей, родственныя и близкія связи съ королями, также и то, что имена ихъ представителей, вмѣстѣ съ именемъ Гервои, стоятъ всегда во главѣ приводимыхъ свидѣтелей, и только съ ними Дубровничане ведутъ свои долгіе переговоры,— все это заставляетъ думать, что дѣйствительно роды Санковичей, Яблановичей и Храничей были самыми знаменитыми въ Боснѣ. Значеніе ихъ сходилось съ значеніемъ тѣхъ областей, въ которыхъ они сидѣли. Въ противуположность этимъ стариннымъ, туземнымъ, кореннымъ родамъ является Гервоя, пришлецъ и временщикъ, искусный крамольникъ, поднявшійся измѣною и черезъ измѣну погубившій свое величіе, собою начавшій и собою окончившій могущество своего рода.

Припоминая себѣ государственную жизнь Босны, эту жизнь, исполненную бурь и переворотовъ, мы удивляемся быстротѣ переходовъ ея изъ одного состоянія въ другое, отъ зависимости къ независимости и потомъ къ паденію; насъ поражаетъ блѣдность этой жизни, отсутствіе твердыхъ началъ и самостоятельности. Вспомнимъ Босну первоначально, какъ жупу или одну изъ областей Сербіи, ничѣмъ существенно не отличавшуюся отъ послѣдней, населенную однимъ и тѣмъ же племенемъ, образовавшуюся въ одно и то же время пришествія Сербовъ въ Задунайскія страны, имѣвшую одни нравы, обычаи, преданія, словомъ—Босну, какъ неотъемлемую часть собственной Сербіи, тѣснѣе соединенную съ нею, чѣмъ Хлумъ, Травунія, Неретва, Дукля, такъ что Константинъ Багрянородный, исчисляя области Сербіи, не упомянулъ о ней, подразумѣвая ее въ общемъ названіи Сербіи, подобно Мачвѣ и Семберіи [1]. Вспомнимъ ее за тѣмъ нѣсколько разъ во власти Угріи, то переходящую къ ней, какъ приданое, то съ своими банами добровольно подчиняющуюся ей, то насильственно покоряемую, и потомъ обратно нѣсколько разъ отходящую къ Сербіи; далѣе вспомнимъ ее, какъ независимое, но мало устроенное, королевство, и наконецъ, какъ Турецкую добычу, легко достающуюся завоевателямъ. И все это дѣлается такъ легко, такъ произвольно, что невольно спрашиваешь себя, на какомъ же основаніи баны подчинились Угріи; по чему Угрія не вступалась, когда Босна переходила отъ нея къ Сербіи, и на оборотъ отъ чего Сербія не твердо удерживала ее за собою? Какъ Угорскіе короли допустили, чтобы рядомъ съ ними явились новые короли; чтобы возлѣ Угріи возникло другое королевство съ явнымъ стремленіемъ къ независимости? Отъ чего Босна, не успѣвши подняться при Тврьткѣ I и Тврьткѣ II, которымъ нельзя не отдать справедливости въ умѣньи дѣйствовать, быстро склонилась къ упадку и такъ слабо воспротивилась нашествію Турокъ, когда даже самая мѣстность могла много помочь ей въ оборонѣ? Оставивъ въ сторонѣ нѣкоторыя побочныя причины, отчасти объясняющія это странное явленіе, каковы, на пр., собственныя дѣла Угріи и Сербіи, отчужденіе другихъ Сербскихъ областей, Хлума и Неретвы, изподъ власти Сербіи и т. п., имѣвшія немаловажное вліяніе на государственную судьбу Босны, укажемъ на одну главнѣйшую причину, кроющуюся въ самой жизни Босны: это — несчастное стеченіе въ ней противорѣчащихъ на-

[1] Corp. Script. Hist. Byz., Const. P., v. III. De Adm. Imp., cc. 29 — 36.

чалъ. Въ важнѣйшихъ основахъ народной жизни встрѣчаемъ два, даже три, начала, которыя постоянно сталкиваются, ослабляютъ, сдерживаютъ одно другое и наводятъ тѣнь, какую-то блѣдность на все, что ни совершается въ судьбахъ Босны. Отсюда это разслабленіе, эта безжизненность, безцвѣтность, эта скороспѣлость, которыя съ перваго раза бросаются въ глаза изслѣдователю. Что ни выносила Босна изъ различныхъ переворотовъ; что ни добывала она въ перемѣнахъ счастія, все это вмигъ изчезало и замѣнялось всегдашнею пустотою. Гдѣ ея законникъ? гдѣ слѣды ея внутренняго, самобытнаго устройства? Ихъ нѣтъ. Она жила одинаковою, ровною, неизмѣнною жизнію, не обновляя ея, не совершенствуясь въ своемъ государственномъ и гражданскомъ бытѣ, не создавая себѣ новой мысли. Старая жизнь доспѣла при ея косности и наконецъ, изживши все доброе, могла снабжать только однимъ худымъ. Къ этому внутреннему разладу присоединился еще внѣшній заразительный примѣръ Греціи, достигшей въ это время до самыхъ крайнихъ итоговъ государственной порчи. Вліянію Греціи можно приписать силу внутреннихъ крамолъ, потрясавшихъ Босну, и чрезвычайное ослабленіе правъ престолонаслѣдія чрезъ неодинократное восхожденіе на престолъ незаконныхъ сыновей, или бояръ, за неимѣніемъ законныхъ наслѣдниковъ. Въ Боснѣ не было короля, который бы походилъ въ своихъ дѣйствіяхъ, по внутреннему управленію страною, на царя Сербскаго Душана. Правда, были баны и короли, умѣвшіе искусно пользоваться обстоятельствами и ловко ведшіе Босну по пути государственной самостоятельности; но они мало обращали вниманія на внутреннюю жизнь народа, не касались ея преобразовательною рукою, и по тому Босна, при всѣхъ своихъ видимыхъ успѣхахъ въ государственномъ отношеніи, представляла только одну хорошую внѣшнюю сторону, которою она одолжена была постороннимъ благопріятнымъ обстоятельствамъ; въ самой же себѣ она хранила зародышъ внутренняго безсилія, происходившій отъ разногласія между верховною властью и прочимъ населеніемъ. Положимъ, что въ ея бытіи сохранилось болѣе старожитнаго, такъ какъ она жила издревле одинаковою, никогда не подвергавшеюся преобразованіямъ, жизнію; но эта старина, достигши крайности, вредила самой государственной жизни; ибо, мѣшая благодѣтельнымъ перемѣнамъ, расходилась съ нею все болѣе и болѣе. Какъ Сербію привела къ паденію крайность новизны, что увидимъ ниже, такъ Босна погибла отъ крайности старины.

Отличительною чертою правленія Босны есть частая перемѣна правителей. Босною управляли и туземные, и Угорскіе, и Хорватскіе баны. Ея жупаны, въ то время, какъ она была жупою, происходили изъ туземныхъ бояръ; но баны и короли ея были или туземные бояре, или потомки Угрина Котромана, или владѣтели собственной Сербіи. Этотъ перемежающійся переходъ отъ одной народности къ другой, это совершенное отсутствіе родоваго преемства, вели къ ослабленію власти и усиленію сословія боярскаго. Самое сильное смѣшеніе властей и неопредѣленность правъ владѣнія, бывшія при Милутинѣ, равно какъ война Душана съ Угріею, когда Босна переходила изъ рукъ въ руки, много содѣйствовали къ уничтоженію опредѣленности отношеній между правительствомъ и народомъ.

То же самое замѣчаемъ и во внѣшнихъ, государственныхъ отношеніяхъ Босны къ прочимъ державамъ. Какъ жупа, Босна соединена была съ Сербіею; какъ банство, она то совершенно принадлежала Угріи, то отдалялась отъ нея

почти до состоянія полной независимости, то подчинялась Сербіи; какъ королевство, она достигла самостоятельности, но тѣмъ не менѣе не переставала признавать надъ собою верховную власть Угріи. Наконецъ изъ нея самой выдѣлилась новая независимая область—Хлумъ, который, назвавшись воеводствомъ св. Савы, отпалъ отъ нея точно такъ же, какъ сама она отпала отъ Угріи, поднявшись на степень королевства. Поразительна въ Боснѣ эта разнородность властей, эта неопредѣленность состоянія независимаго королевства вмѣстѣ съ подчиненіемъ другой державѣ. Въ этомъ случаѣ Босна представляетъ, можетъ быть, единственное явленіе въ Исторіи. И все это должно было вредно дѣйствовать на ея внутренній составъ и приносить ему одну лишь слабость. Кажется, при такой легкости, съ какою Босна сдѣлалась королевствомъ и стала въ государственномъ отношеніи на одну степень съ Угріею, хотя принадлежала ей, какъ область; при такой безпрепятственности со стороны Угорскихъ королей, можно бы думать, что въ ней было много внутренней силы и единства; но одно уже то, что, сдѣлавшись королевствомъ съ явнымъ стремленіемъ къ независимости, она постоянно оставалась подъ верховною властію Угріи, служитъ лучшимъ доказательствомъ, что не силы ея и не крѣпость внутренняго состава содѣйствовали къ тому, а только обстоятельства самой Угріи, да личныя способности Твртька I. Повторяю, безцвѣтность ея государственной жизни и слабость, какую она постоянно выказывала во всѣхъ внѣшнихъ дѣлахъ, свидѣтельствують, что разнородность началъ, ложившихся въ основаніе ея правленія, имѣла гибельное вліяніе на ея судьбу.

Съ другой стороны, недостатокъ государственной самостоятельности побуждалъ Боснійскихъ правителей къ уклончивымъ дѣйствіямъ въ дѣлѣ вѣры. И сдѣсь встрѣтились три разнорѣчащія начала, раздѣлившія народъ на три стороны и лишившія такимъ образомъ Босну одной изъ самыхъ сильныхъ духовныхъ связей, недостатокъ которой откликался и въ гражданскомъ единствѣ. Старѣйшимъ, преобладающимъ вѣроисповѣданіемъ было Православное; за нимъ, по многочисленности послѣдователей, стояла Патаренская ересь; потомъ Римо-католицизмъ. Православіе и Патаренская ересь представляли собою народную сторону и были постоянно покровительствуемы владѣтелями. Послѣдніе видѣли въ нихъ опору самостоятельности и были ревностными послѣдователями того, или другой. Первые туземные баны, Кулинъ и Нинославъ, держались преимущественно ереси; но Сербскіе владѣтели доставляли полное господство Православію. За то позднѣйшіе короли явно оказывали предпочтеніе Римо-католицизму. Бояре же, или, вѣрнѣе, бóльшая ихъ часть, постоянно держались ереси, за что не разъ подвергались обвиненіямъ Латинскаго духовенства. Продолжительность верховной власти Угріи, относительная слабость самой Босны, сосѣдство Римско-католическаго населенія Далмаціи и Хорваціи и, въ послѣдствіи, гроза Турецкая дѣлали связи Босны съ Римомъ неизбѣжными, и Римъ, черезъ посредство Угріи, выказывалъ много повелительнаго въ своихъ сношеніяхъ съ Босною. Отъ того владѣтели Боснійскіе, начиная уже съ Кулина, должны были носить на себѣ постоянно личину преданныхъ и ревностныхъ слугъ Римо-католицизма и даже иногда дѣйствительными мѣрами помогать его успѣхамъ. Но принужденность и неохотливость, съ каковыми дѣлались всѣ распоряженія въ пользу Римо-католицизма, не могли слишкомъ сильно стѣснять народъ, и по тому въ Боснѣ Римо-католицизмъ развивался гораздо слабѣе, чѣмъ какъ можно было этого ожидать, судя по важности папскихъ повелѣній и горячности ихъ исполнителей, легатовъ; онъ

распространялся даже много медленнѣе Патаренской ереси. При всемъ томъ разность вѣроисповѣданій, которыя, можно сказать, были въ Боснѣ равносильны, ибо каждое находило себѣ значительную поддержку и пользовалось покровительствомъ или добровольнымъ, но тайнымъ, или явнымъ, но принужденнымъ, много приносила вреда единству Босны, какъ государственной области, и поддерживала въ народѣ противодѣйствующія и взаимно ослабляющія стороны.

Но найболѣе разногласія видимъ во внутреннемъ бытѣ Босны. Сдѣсь недостатокъ опредѣлительности въ представленіи власти выказывался самымъ яснымъ образомъ. Пока Босна была банствомъ и пока она подчинялася верховной власти той, или другой державы, до тѣхъ поръ собственная ея власть поддержана и защищена была верховною властію посторонней, господствующей державы; но когда ея банъ Твртко провозгласилъ себя королемъ и въ своихъ грамотахъ явно выказалъ желаніе итти по пути независимости, съ этой самой минуты Босна увидѣла себя лицемъ къ лицу съ своими собственными правителями и въ дѣйствіяхъ ихъ должна была ожидать задатка новой и самостоятельной государственной жизни. Ея правители уже не были для нея лицами подчиненными, поставляемыми и смѣняемыми по произволу чуждою властію, но вѣнчанными и независимыми главами государства. Съ принятія баномъ королевскаго сана и вѣнчанія, взглядъ народа на своихъ правителей долженъ былъ измѣниться: новый король возвысился въ глазахъ народа сравнительно съ прежнимъ баномъ; равно и сословіе бояръ стало гораздо далѣе отъ него, чѣмъ какъ стояло прежде. Такимъ образомъ верховная власть, чрезъ возвышеніе званія своего представителя отстранила отъ себя на первый разъ всякое препятствіе и сдѣлалась свободною въ своихъ дѣйствіяхъ. Но такой порядокъ, обѣщавшій Боснѣ лучшую будущность, продолжался лишь самое короткое время. Отсутствіе законныхъ наслѣдниковъ сдѣлало Босну позорищемъ страшныхъ внутреннихъ усобицъ. Сдѣсь боярство, какъ сильное, коренное сословіе, снова возвысилось въ своемъ значеніи и явилось не малою помѣхою началу власти. Посторонніе сыновья, или бояре, восходя на престолъ и видя на сторонѣ своей только одну часть народа и бояръ, между тѣмъ, какъ другая выставляла имъ соперниковъ, по неволѣ должны были ограничиваться полумѣрами и во внѣшнихъ своихъ сношеніяхъ наблюдать по прежнему подчиненность Угріи и робость съ Дубровникомъ: ибо независимость Босны не была еще признана никакою изъ иностранныхъ державъ, что ясно доказалъ императоръ Сигизмундъ, а съ другой стороны ловкіе и богатые Дубровничане тотчасъ могли отыскать имъ противника между боярами, примѣръ чему видимъ на Остоѣ, противъ котораго Дубровничане выставили Павла Радиновича. Все это связывало имъ руки въ ихъ внѣшнихъ сношеніяхъ и еще болѣе внутри государства, гдѣ они, зная слабость своихъ правъ, не могли предпринять ничего важнаго. Отъ того, видимъ мы, дѣятельность лучшаго и способнѣйшаго короля остается безплодною для внутренняго быта страны. Ища опоры, Боснійскіе владѣтели должны были угождать всѣмъ и каждому внѣ и внутри своего государства. Это несчастное положеніе ихъ проистекало отъ недостаточности правъ на престолонаслѣдіе. Незаконнорожденный сынъ наслѣдовалъ таковому же отцу, и третье, четвертое колѣно незаконныхъ восходило на престолъ. Въ этомъ отношеніи Босна представляетъ собою плачевный и чуть ли не единственный примѣръ въ Исторіи. Правда, въ сосѣдней Греціи и Сербіи были

подобные примѣры; но тамъ они повторялись рѣже и не съ такою послѣдовательностію. Тѣмъ не менѣе вліянію этѣхъ двухъ странъ и преимущественно первой, у которой позанялась и вторая, должно приписать этотъ нравственный развратъ Босны.

Видимою, но мало дѣйствительною, опорою для себя Боснійскіе владѣтели считали свое мнимое родство съ угасшимъ домомъ Немани. Зная, какъ Сербы уважали родъ Неманичей, почитая его утвердителемъ своей земли, и признавая, вмѣстѣ съ народомъ, многихъ изъ его членовъ святыми, короли Боснійскіе спѣшили въ грамотахъ своихъ провозгласить себя прямыми потомками Немани и законными наслѣдниками его достоянія, Сербской земли. Первый къ этой мысли прибѣгнулъ Тврьтко Владиславичъ и мѣстомъ вѣнчанія своего избралъ Милешево, гдѣ покоились мощи св. Савы, перваго архіепископа Сербіи, вѣнчавшаго на царство и перваго короля Сербскаго, Стефана, своего брата. Это мнимое родство съ Неманичами нужно было для Тврьтка и его преемниковъ и въ государственномъ отношеніи; ибо послѣ паденія Сербіи отъ меча Турокъ, Босна одна осталась представительницею Сербской независимости и вмѣстѣ обладательницею подпавшихъ подъ Турецкую власть Сербскихъ областей. Наконецъ предъявленіе выгодно было и по тому еще, что православному населенію Сербіи и Босны представляло владѣтелей тоже какъ православныхъ и вообще придавало видъ законности ихъ притязаніямъ на Сербію, не смотря на то, что ею давно уже владѣли Турки. По этому-то и не удивительно, что личное вѣроисповѣданіе Боснійскихъ королей остается не рѣдко загадкою для историковъ и разгадать его вовсе нельзя изъ того, кому они открыто покровительствовали. Частыя обвиненія въ ереси, возводимыя на нихъ папскими легатами, а съ другой стороны замѣчательное спокойствіе Боснійскаго народа въ дѣлѣ вѣроисповѣданія и вдругъ сильное движеніе его и разъединеніе при послѣднемъ королѣ, когда тотъ слишкомъ явно, а можетъ быть, и чистосердечно выказалъ свою преданность Латинской вѣрѣ, показываютъ, что короли поддерживали у себя вѣротерпимость и сами тщательно скрывали свое личное исповѣданіе, чтобы равно привлекать къ себѣ всѣ три вѣроисповѣданія.

Важнѣйшимъ сословіемъ въ Боснѣ является боярство. Оно росло искони на сдѣшней почвѣ, не подвергаясь никакимъ разрушительнымъ переворотамъ, почерпая для себя новыя силы въ быстрыхъ смѣнахъ владѣтелей и скрѣпляя все тѣснѣе и тѣснѣе свои сословныя узы. Оно принимало главнѣйшее участіе во всѣхъ государственныхъ событіяхъ, и среди ихъ, какъ крѣпкое, осѣдлое сословіе, успѣло обособить своя сословныя выгоды и стремленія. Оно помогало искателямъ престола; оно же и выставляло имъ соперниковъ; въ средѣ его укрывались соперники. Отъ времени, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, оно до того укоренилось и отуземилось, что изъ него вышло нѣсколько родовъ, представлявшихъ собою полунезависимыхъ и богатѣйшихъ землевладѣльцевъ, вся сила коихъ заключалась въ области, гдѣ они жили. Коренная, отличительная черта Славянскаго быта—осѣдлость или туземность, основанная на поземельномъ владѣніи, произвела такіе сильные роды, каковыми были, на примѣръ, Санковичи, Яблановичи, Храничи, владѣвшіе цѣлыми областями и распоряжавшіеся ими по своему желанію, такъ что королямъ оставалось только подтверждать и укрѣплять своею верховною властію ихъ произвольныя сдѣлки. Нѣкотораго рода отдѣленность старинныхъ областей, Хлума и Травуніи, отъ ядра государства, Босны, много способствовала усиленію нѣкоторыхъ област-

ныхъ родовъ. Въ самой Боснѣ мы не видимъ ни одного сильнѣйшаго боярскаго рода, который бы значительно возвышался надъ другими; но въ Травуніи и Хлумѣ находимъ по одному такому владѣтельному роду, подъ которымъ стоятъ другіе княжескіе и извѣстные боярскіе роды. Въ первой является сначала Санко съ своими сыновьями, послѣ которыхъ родъ этотъ быстро исчезаетъ и первенство переходитъ къ Яблановичамъ. Павелъ Радиновичъ Яблановичъ былъ нѣкогда соперникомъ Остои. Радославъ Павловичъ и Иванишъ Радославичъ поддерживали славу и первенство своего рода. Подъ ихъ грамотами подписывались свидѣтелями сподручные имъ бояре, и около нихъ толпились властели ихъ племени и прочіе боярскіе роды. Еще сильнѣе развилось боярство въ Хлумѣ, который никогда не былъ совершенно соединенъ ни съ какимъ государствомъ, и хотя постоянно занималъ второстепенное мѣсто, однако сохранилъ въ себѣ искру самостоятельности. Въ немъ сидѣлъ знаменитый родъ Храничей со многими родственными домами и сподручными властелями. Главнѣйшимъ представителемъ его былъ Стефанъ Косача. Этотъ бояринъ выразилъ яснѣе всѣхъ мысль своей области, и, подобно тому, какъ Босна отрѣшилась отъ Угріи, такъ онъ съ своею областію отсталъ отъ Босны. Въ какихъ отношеніяхъ стояла Босна къ Угріи послѣ вѣнчанія Твртка I на королевство, въ такія точно отношенія сталъ къ Боснѣ Хлумъ, когда Косача доставилъ своей области названіе воеводства св. Савы, а себѣ санъ Нѣмецкаго воеводы или герцога, блюстителя гроба св. Савы. Не смотря на то, что Хлумъ долѣе Босны держался противъ напора Турокъ, надобно сознаться, что усиленіе боярства, повлекшее за собою раздѣленіе областей, ослабило государственную силу Босны и было одною изъ главнѣйшихъ причинъ того, что Босна сдѣлалась такою легкою добычею разрушителей Греческой имперіи. Вообще, хотя цѣлости и силѣ боярскаго сословія Босна обязана сохраненіемъ въ бо̀льшей бережности своего стариннаго быта, однако, при ослабленіи королевской власти въ слѣдствіе отсутствія законныхъ наслѣдниковъ, усиленіе боярства, пособствуемое стариннымъ поземельнымъ бытомъ, нарушило правильныя и благодѣтельныя отношенія между подданными и верховною властію и произвело ту путаницу, которая разрушительно дѣйствовала во внутреннихъ дѣлахъ и внѣшнихъ сношеніяхъ и отозвалась напослѣдокъ конечною гибелью Босны.

ГЛАВА III.

СЕРБІЯ.

За Босною слѣдуетъ *Сербія* или, вѣрнѣе, собственная Сербія. Къ ней менѣе всего относятся наши грамоты, а по тому и изслѣдованія мои будутъ касаться только важнѣйшихъ историческихъ явленій, нужныхъ для связи изложенія, да тѣхъ событій, которыя изрѣдка, какъ даръ памятниковъ, выпадаютъ на долю Сербіи.

Во второй четверти VII вѣка (636—638), въ слѣдъ за Хорватами, пришли на Ѳракійскій полуостровъ Сербы и поселились, по прежнему, рядомъ съ Хорватами. О разселеніи ихъ первый разсказалъ намъ Константинъ Багрянородный; Шафарикъ, въ своихъ Древностяхъ и на своемъ Землевидѣ, представилъ его въ живомъ, наглядномъ образѣ по послѣднимъ итогамъ науки. Мы видимъ, что Сербы заняли страну, лежавшую между рѣками Моравою, Дунаемъ, Савою, Врьбасомъ и Цетиною, Синимъ моремъ, Скадарскимъ озеромъ и рѣками Дримцемъ, Ибаромъ и Сербскою Моравою. Главный хребетъ горъ раздѣлялъ всю Сербію на двѣ половины: въ западной лежали области Неретва, Хлумъ, Травунія и Зета; въ восточной Босна и собственная Сербія.

Сдѣсь представляется вопросъ, въ какомъ взаимномъ отношеніи находились этѣ области до Стефана Немани? Скудныя и отрывочныя извѣстія лѣтописцевъ, такъ искусно собранныя, очищенныя и связанныя Шафарикомъ, не рѣшаютъ вполнѣ этого вопроса; но, по нашему мнѣнію, этѣ области до Немани, котораго сыновья и позднѣйшіе лѣтописцы не даромъ называютъ «собирателемъ Сербской земли», находились въ состояніи разъединенія. Не взирая на то, что великіе жупаны собственной Сербіи, сначала изъ Дестницы, потомъ изъ Дукли и наконецъ изъ Расы, часто предъявляли свои права на всю Сербскую землю и называли себя королями (rex) всего Сербскаго народа (Михаилъ 1050—1080, Вуканъ 1089—1105); не взирая на то, что лѣтописцы имъ преимущественно посвящаютъ свой разсказъ: мы не имѣемъ причины думать, чтобы всѣ Сербскія области охотно повиновались ихъ власти. Нѣкоторыя отрывочныя извѣстія Византійскихъ и Западныхъ лѣтописцевъ проливаютъ мѣстами свѣтъ на этѣ области, вообще покрытыя мракомъ неизвѣстности. Неречане, отличавшіеся преимущественно передъ другими любовью къ независимости и буйной, морской жизни, постоянно оставались совершенно свободными въ своемъ управленіи, торговлѣ, вѣроисповѣданіи. Только на короткое время видимъ ихъ во власти великаго жупана Петра изъ Дестницы и потомъ они снова начинаютъ вести вольную и отважную жизнь, занимаясь морскими разбоями и защищаясь отъ нападенія Венеціянъ. Въ Травуніи жупанъ или князь Крайна, женатый на дочери Властимира, великаго жупана (836 — 843), получилъ

право независимости, которое перешло и на сыновей его[1]. Въ Захлумьи сидѣли независимые князья, изъ коихъ извѣстнѣе прочихъ Михаилъ Вышевитъ. Родъ его, по свидѣтельству Багрянороднаго, былъ изстари владѣтельнымъ въ Хлумѣ и велъ свое начало отъ языческихъ Сербовъ[2]. Сербскіе лѣтописцы сохранили преданіе о бѣгствѣ дѣда Немани, Белы Уроша, въ Захлумье, которое, слѣдовательно, было независимо отъ собственной Сербіи[3]. Константинъ Бодинъ (во второй половинѣ XI в.) велъ войну съ Боснійскимъ и Раскимъ жупанами, которыхъ и побѣдилъ[4]. Въ Зетѣ при Немани оставались независимые князья, два брата, Радославъ и Иванъ, которые наконецъ бѣжали отъ Немани въ Дубровникъ[5]. Владимиръ, третій ихъ братъ, владѣлъ Расою; но также былъ прогнанъ Неманею въ Дубровникъ[6]. Хотя Исторія указываетъ на таковыхъ князей промежутками, въ разное время и въ разныхъ областяхъ; однако не вѣроятно, чтобы они добровольно отказывались отъ своей власти въ пользу Сербскихъ великихъ жупановъ, но вѣроятнѣе, что они передавали ее своимъ преемникамъ, если только кто силою не покорялъ ихъ[7]. Если присоединить къ нимъ Дестницкихъ, Дуклянскихъ и Раскихъ жупановъ, то увидимъ, что каждая область Сербскаго племени имѣла своихъ болѣе, или менѣе независимыхъ князей.

Около 1120 года на великожупанскій престолъ взошелъ Раскій жупанъ, Бела Урошъ, котораго туземные лѣтописцы считаютъ родоначальникомъ Неманевскаго дома и дѣдомъ Немани. Историку, едва успѣвавшему до сихъ поръ слѣдить за бѣглыми извѣстіями Сербскихъ и иноземныхъ лѣтописцевъ, озадаченному быстрымъ ходомъ прерывающихся событій, неяснымъ выраженіемъ народной мысли, частою смѣною власти и переходомъ ея отъ одного рода къ другому, пріятно достигнуть предѣла, за которымъ уже постоянно мерцаетъ свѣтъ Исторіи и событія становятся яснѣе, жизнь народная развивается полнѣе и мысль, выработанная народомъ и его властителями, проявляется нагляднѣе. Съ Белы Уроша мы замѣчаемъ начало преемственности въ одномъ родѣ по общему Славянскому закону старшинства. Ему наслѣдуетъ сначала старшій сынъ, Чедомилъ, потомъ младшій, Тѣхомилъ, который быстро свергаетъ съ престола двухъ незаконныхъ притязателей, зятя своего, Белуша, и брата его Прибислава, отважившихся, было, наслѣдовать Чедомилу. Стяженіе областей началось съ Белы Уроша, который, уже по праву собственности, распорядился Боснoю, отдавъ ее, въ приданое за дочерью, Угорскому королевичу. Хлумъ былъ при немъ независимымъ, ибо онъ бѣгалъ туда отъ какихъ-то внутреннихъ смутъ. Пользуясь не установившеюся еще властію и происходящею отъ того слабостію народа, Мануилъ Комнинъ выказалъ, но уже въ послѣдній разъ для Гре-

---

[1] *Ποιήσας αὐτὸν αὐτεξούσιον.* Const. Porphyrog. de Adm. Imp. Corp. Script. Hist. Byz., v. III, c. 34, p. 161.—Stritter, II, 408. Впрочемъ Багрянородный тамъ же свидѣтельствуетъ, что Травунія постоянно повиновалась Сербскому князю.

[2] Багрянородный называетъ его проконсуломъ и патриціемъ, а его владѣнія *ἡ ἀρχοντία*. Захлумцы, по его словамъ, вмѣстѣ съ другими Славянами, когда Римское владычество ослабѣло, *γεγόνασιν ἰδιόρυθμοι καὶ αὐτοκέφαλοι, τινὶ μὴ ὑποκείμενοι.* Ib. c. 29, p. 128; c. 33, p. 160. — Stritter, II, 406, 414.

[3] См. Лѣтописи, у Шафарика въ Памятникахъ, стр. 57 и 68.

[4] Шафар. Slow. Starož., II, IV, § 31, 2, 3, 4. Слав. Древн., II, I, 413—425.

[5] Luccari, Annali di Rausa, стр. 21, 25.—Орбини, стр. 219, 220.—Dufresne, Famil. Dalm. et Slavon., гл. III, § XLVIII. — Engel, Gesch. v. Serv. u. Bosn., стр. 201, 202.

[6] Орбини, стр. 220. Источники см. у Дюфрена, Famil. Dalm. et Slavon., гл. III, § XLVIII.

[7] Ср. Шафар., Slow. Starož. II, IV, § 31, 2, 3, 4. Слав. Древн., II, I, 413—425.

ціи, свое преобладающее вліяніе во внутреннихъ дѣлахъ Сербіи. Послѣднее дѣйствіе Византійскаго преобладанія состояло въ возведеніи на великожупанскій престолъ младшаго сына Тѣхомилова, Немани. Съ этой поры вниманіе историка сосредоточивается постоянно на господствующемъ родѣ Немани, и другія Сербскія области уступаютъ государственному началу, внесенному домомъ Немани. Византійскіе лѣтописцы паденіе Тѣхомила и возведеніе Немани приписываютъ Мануилу Комнину, который такимъ образомъ нарушилъ, по праву сильнаго, обычный родовой порядокъ, по которому у Сербовъ, какъ и у прочихъ Славянъ, старшій братъ имѣлъ преимущество передъ младшими. Но сильный духомъ Неманя, воспользовавшись содѣйствіемъ Греческаго императора, остался на престолѣ и тѣмъ нанесъ первый ударъ стариннымъ родовымъ счетамъ. Впрочемъ, честь окончательнаго удара этимъ счетамъ принадлежитъ не ему, но одному изъ его преемниковъ, какъ увидимъ послѣ. Онъ же, какъ настоящею своею заслугою, можетъ гордиться тѣмъ, что власть верховную сосредоточилъ въ своемъ родѣ (такъ что въ послѣдствіи даже назаконные сыновья, прикрываясь своею мнимою принадлежностію къ дому Неманевскому, восходили на престолъ), совокупилъ, сколько возможно было, Сербскія области, и внесъ въ ея внѣшнюю жизнь государственное начало. Въ этомъ его великая заслуга.

Сынъ Немани, Стефанъ Первовѣнчанный, написалъ жизнь своего отца. Въ ней, между прочимъ, упоминаетъ онъ о великомъ мятежѣ, бывшемъ въ Сербіи, Дуклѣ, Далмаціи и Травуніи, въ слѣдствіе котораго родитель Немани былъ изгнанъ братьями и удалился въ свою родину, Дуклю, гдѣ у него и родился сынъ Неманя. Св. Сава, другой сынъ и жизнеписатель Немани, точнѣе опредѣляетъ мѣсторожденіе отца, говоря, что онъ родился въ Зетѣ на Рыбницѣ. Изъ предыдущаго извѣстія узнаемъ, что, по смерти Белы Уроша, между сыновьями его происходили распри, заставившія младшаго брата, Тѣхомила, бѣжать въ Дуклю. Если справедливо, что въ 1151 г. Чедомилъ еще былъ живъ и сидѣлъ на престолѣ, имѣя непріязненныя сношенія съ Мануиломъ Комнинымъ, и если вѣрно показаніе другаго сына Немани, св. Савы, что Неманя родился въ 1144 г., то бѣгство Тѣхомила и рожденіе младшаго его сына случились еще во время властвованія Чедомила. Между областями Стефанъ не упоминаетъ о Неретвѣ, Захлумьи и Боснѣ — и справедливо, ибо двѣ первыя пользовались въ это время независимостію, а послѣдняя принадлежала Угріи. Надъ остальными землями, спустя нѣсколько времени послѣ своего бѣгства, воцарился Тѣхомилъ, возвратясь, по выраженію Стефани, на стольное мѣсто. Послѣ него сыновья его раздѣлили между собою Сербскую землю: на это намекаетъ Стефанъ, говоря объ удѣлѣ Немани, какъ младшаго брата: възрастьшоу же емоу до отроучьскы и приимшоу честь (часть) отьчьствия своего рекомоую топлицоу, ибрь же и глаголемыя рѣкы. Слѣдовательно, Неманя получилъ югозападный уголъ собственной Сербіи, гдѣ протекалъ Ибаръ и гдѣ лежали Топлица, близъ устья р. Косьльницы, Ибаръ, на р. Студеницѣ, и Раса, на рѣкѣ Рашкѣ или Расинѣ. Изъ извѣстій о мѣстѣ построенія церквей старшими его братьями, сообщенныхъ позднѣйшими лѣтописцами, видимъ, что Завидъ держался на р. Лимѣ[1], Срацимиръ на Моравѣ, Первославъ въ Будимлѣ. Слѣдовательно, удѣлы старшихъ братьевъ окружали удѣлъ младшаго. Что братья имѣли свои удѣлы, то это

[1] Лѣтописецъ ошибается, прибавляя сюда выраженіе въ Босни: въ другомъ лѣтописцѣ этой прибавки нѣтъ.

доказывается еще выраженіемъ жизнеписателя, который, по поводу построенія Неманею храма св. Николая близъ храма Богородицы, именуемаго на устьи Банской рѣки, говоритъ о совѣщаніи Неманиныхъ братьевъ со старшимъ своимъ братомъ, «владѣвшимъ тогда *сею* страною Сербіи.» Впрочемъ, болѣе ясныхъ указаній на удѣлы нѣтъ. Но по чему именно Немани досталась Раса, считавшаяся главнѣйшимъ городомъ, если не всей собственной Сербіи, то, по крайней мѣрѣ, того угла, который замѣтно преобладалъ надъ прочими, и въ которомъ столкнулись владѣнія всѣхъ четырехъ братьевъ? На это положительно отвѣчать нельзя, за неимѣніемъ ясныхъ указаній; но можно догадываться, что здѣсь участвовало вліяніе Византіи. Сербскіе лѣтописцы молчатъ объ этомъ событіи, ибо въ ихъ глазахъ внутренніе расчеты все же были сильнѣе внѣшнихъ причинъ. Надобно, однако, сознаться, что Неманя не одинъ, но съ чужою помощію нарушилъ родовыя права, а по тому новость эта, какъ не условленная еще внутренними потребностями самой народной жизни, какъ преждевременная, не нашла себѣ надлежащей опоры, и родовые счеты продолжали еще долгое время дѣйствовать въ родѣ Немани. Родовые счеты занимали ближайшаго къ тому времени вѣнчаннаго лѣтописца: мало обращая вниманія на содѣйствіе успѣхамъ Немани со стороны Греческаго императора, онъ преимущественно занимается взаимными отношеніями между братьями. Изъ его словъ видимъ, что старшіе братья, лишенные всѣ великожупанскаго достоинства, соединенными силами подыскиваютъ подъ своимъ меньшимъ братомъ. Но на первый разъ заступничество Мануила Комнина, подарившаго Немани Глубочицу, спасло его отъ братьевъ. Во второй разъ, когда Неманя началъ строить храмъ св. Николая, близъ храма Богородицы, именуемаго на устьи Банской рѣки, старшіе братья **рьвностию ꙁлою и гнѣвомь ꙁромь ѡдрьжими**, приступили къ нему съ такими словами: **почто твориши сиковая не свѣщавь ѡ сихъ с нами, еже ти не подобаѥть творити?** Въ этихъ словахъ явно выражался упрекъ въ томъ, что младшій братъ не слушался старшихъ и дѣйствовалъ безъ общаго совѣта, требуемаго родовымъ правомъ. Потомъ братья, **свѣщавьшесе сь старѣишимь ѡть братие его, владычьствоующоу тогда сею ꙁемлею срьбьскою**, схватили его и заключили въ пещеру, изъ которой онъ, однако, освободился чудеснымъ образомъ [1], Братья, какъ видно, согласовались съ родовымъ обычаемъ и не прежде приступили къ дѣйствію, какъ по совѣщанію со старшимъ братомъ. Выраженіе жизнеписца, что тогда *сею* землею Сербскою владѣлъ старшій братъ, и совокупность дѣйствій всѣхъ трехъ старшихъ братьевъ могутъ на время поколебать наше предположеніе объ удѣлахъ: говоримъ, на время, ибо существованіе удѣловъ при Немани и послѣ Немани, хотя и въ ограниченномъ объемѣ, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Самъ Неманя, по смерти своихъ братьевъ, отдалъ ихъ сыновьямъ въ удѣлъ Захлумію, какъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ Сербскихъ лѣтописцевъ [2]. Потомъ позднѣйшіе Неманичи, Вуканъ, Драгутинъ и др., служатъ тому вѣрнымъ доказательствомъ. Естественнѣе всего допустить, что братья, оставаясь каждый при своемъ удѣлѣ и признавая надъ собою старшаго, продолжали считать Сербію общимъ владѣніемъ своего рода, для чего признавали надъ собою власть старшаго брата и совѣщались между собою въ дѣлахъ. Выраженіе *сею* землею Сербскою можно понимать безъ ука-

---

[1] См. Гласникъ, ч. V, стр. 26.
[2] Гласникъ, ч. V, стр. 30.

занія на отдѣльный удѣлъ, а въ общемъ смыслѣ всей Сербской земли. Подобное тому общее указаніе находимъ въ грамотѣ Немани (А. № 1): **дарова нашимь прадѣдомь. и нашимь дѣдомь. ѡбладати сиюнь ꙁемлонь срьбьсконь.** Въ послѣднемъ случаѣ наше предположеніе объ общности владѣнія между тремя старшими братьями еще болѣе подтвердится. Можно даже предполагать, что *сею* замѣняетъ здѣсь **вьсею или ꙁсею.** Неманя поступилъ на этотъ разъ, какъ государственный мужъ: онъ нарушилъ общность владѣнія всего рода, захватилъ себѣ часть «своего отечества» вопреки старшимъ братьямъ, отстаивавшимъ права родовой собственности; онъ же явился и самовластителемъ, построивъ храмъ во владѣніяхъ старшаго брата, который выставлялъ себя главою Сербской земли. Не мудрено, что братья, не освоившіеся со столь внезапною перемѣною родовыхъ отношеній, вознегодовали на виновника этой перемѣны. Въ третій разъ поднялись они на младшаго брата, соединясь съ Греческими наемниками, Фругами, Турками и другими народами. Жизнеписатель называетъ ихъ здѣсь просто врагами, разогнанными Неманею по иноплеменнымъ землямъ; но ясно, что онъ разумѣетъ здѣсь внутреннихъ враговъ, а дальнѣйшія слова его прямо указываютъ на братьевъ. Близъ Звечана произошла битва, и Неманя разбилъ враговъ на голову и разсѣялъ ихъ; при этомъ одинъ изъ братьевъ утонулъ въ рѣкѣ. Послѣ этого братья утихли и внутреннія усобицы прекратились. Не одна сила Греческаго императора поддерживала Неманю; но въ немъ самомъ было довольно мужества и твердости духа для поддержанія своего достоинства. Еще при жизни Мануила Неманя слылъ у Грековъ, какъ *ὁ τῶν Σέρβων σατράπης ὑπὲρ ὃ δει θρασύτερος γέγονε, καὶ κακόσχολος ὢν τις ἤγηται σοφὸν το περίεργον καὶ τὴν ἐπιθυμίαν τρέφων ἀκόρεστον καὶ πρὸς τὰ ἐκεῖ πάντα διαπλωθῆναι φιλονεικῶν τοῖς ἐκ τοῦ αὐτοῦ φύλου βαρὺς ἐμπίπτει καὶ ξίφει τὸ γένος μέτεισι, μήτε μὴν τὰ οἰκεῖα εἰδῶς μέτρα Χορβατίαν ὑποποιεῖται, καὶ πρὸς ἑαυτὸν ἐπισπᾶται τῶν καττάρων τὴν κυριότητα.* Но въ чемъ состояла его отвага и дерзость, это видно изъ дальнѣйшихъ словъ лѣтописца: *τῷ δὲ τοπάρχῃ Νεεμᾶν οὕτως ἀναρσίου μετῆν φρονήματος ὡς εὐθὺς ἐξενεγκεῖν ἀκήρυκτον πόλεμον καὶ Ῥωμαίοις ἐπεισπεσεῖν*[1]. Тѣмъ не менѣе онъ еще признавалъ надъ собою верховную власть Греціи. Когда же умеръ Мануилъ, тогда и самые слѣды этой зависимости сгладились, и Неманя сдѣлался независимымъ владыкою Сербской земли. Теперь онъ видѣлъ удобный случай къ расширенію извнѣ предѣловъ своего владычества. Въ соединеніи съ Угорскимъ королемъ, онъ разрушилъ у Грековъ Средецъ (Софію); потомъ одинъ захватилъ города: Перьникъ (Петрьникъ), Стобь, Землинъ, Вельбуждь, Житомитскъ, Скопле, Лѣшскъ, Градецъ, Призрѣнъ, Нишъ, Сврълигъ, Равьный и Козелъ. Хотя жизнеписатель и говоритъ, что всѣ эти города были имъ разрушены до основанія, **не ѡста бо камень на камени иже не съкроушишесе. иже и невьꙁдвигошесе и до сего дьне;** однако мы увѣрены, что не всѣ города потерпѣли эту плачевную участь, ибо многіе изъ нихъ вскорѣ снова являются мѣстомъ событій. Слѣдствіемъ этой войны было присоединеніе къ Сербіи областей Нишевской и Призрѣнской. Сверхъ того, присоединены были: Липляна, Морава, Враный и оба Пилота. Въ Скоплѣ и Нишѣ были построены храмы. Наконецъ, видя Дуклю и Далмацію, **ѡтьчьство и рождениие свое истоковую дѣдиноу свою,** въ рукахъ Грековъ, успѣвшихъ поселиться въ

[1] Corp. Script. Hist. Byz. Nicetas Choniata, de Man. Comn., l. V, p. 206. — Stritter, II, 190.

ней и построить города, онъ обратилъ на нее свое оружіе, прогналъ Грековъ и разрушилъ выстроенные ими города, коихъ имена суть слѣдующія: Данъ, Сардоники, Дривостъ, Росафъ или Скодръ (Скадаръ), Свачъ, Льцинъ, Баръ. Сдѣсь опять жизнеписатель увлекся: но всѣ города были въ это именно время выстроены Греками и не всѣ были разрушены Неманею. Въ Барѣ онъ создалъ храмъ св. Николая. Въ Которѣ, равномѣрно завоеванномъ, онъ воздвигъ для себя дворецъ. Сербы, жившіе въ Зетѣ, при этомъ случаѣ были оставлены въ покоѣ. Позднѣйшій лѣтописецъ упоминаетъ о тѣхъ же, но только не о всѣхъ, городахъ, присвоенныхъ Неманею; но другой, современный Стефану, жизнеписатель Немани, братъ предыдущаго, св. Сава, нѣсколько иначе именуетъ пріобрѣтенія Немани. По его словамъ, Неманя пріобрѣлъ отъ Поморской земли Зету, отъ Рабня (Арбанасъ, Албанія) оба Пилота, отъ Греческой земли Патково (принадлежавшее прежде Булгарамъ), Хвостно, Подримье (около Призрѣна), Кострьцъ, Дрьжковину, Ситницу, Лабь, Липляну, Глубочицу, Рѣку, Ушку, Поморавіе (земли по восточному рукаву Моравы), Загрьлату, Лѣвче и Бѣлицу. Впрочемъ, если припомнимъ положеніе извѣстныхъ намъ городовъ, то увидимъ, что края, пріобрѣтенные Неманею, были тѣ же самые, о которыхъ говоритъ и Стефанъ. Вообще они прилежали къ Сербіи съ югозапада, юга и юговостока. Самъ же Неманя, въ своей жалованной грамотѣ (А. № 1), съ которой, судя по сходству выраженій, списывалъ св. Сава начало жизнеписанія своего отца, хотя и сходится съ св. Савою въ описаніи своихъ пріобрѣтеній; однако нѣкоторыхъ городовъ у него не достаетъ и прибавленъ одинъ городъ, Лепеница. Такимъ образомъ владѣнія Немани доходили на западъ до моря и обнимали всю Зету за Скодръ и Баръ до Подримья и до Пилотовъ въ Албаніи, на югъ до Призрѣна, Скопля, Враны и береговъ Булгарской Моравы, на юговостокъ за Лешковецъ и Нишъ [1]. Наконецъ, послѣ мира его съ Исаакомъ Ангеломъ въ 1192 г. Греческая царевна, Евдокія, дочь Алексѣя Комнина, отдала руку сыну его, Стефану. Дружественныя сношенія съ императоромъ Фридрихомъ I, проходившимъ черезъ Сербскія земли въ Палестину, ок. 1188 г., показываютъ, что Неманя хотѣлъ и со стороны Запада, быть можетъ, въ противодѣйствіе Угріи, обезпечить свои владѣнія. Неманя былъ первый государственный мужъ Сербіи. По своимъ дѣйствіямъ, внутреннимъ и внѣшнимъ, онъ стоялъ гораздо выше своихъ предшественниковъ. Счастливо отдѣлавшись отъ усобицъ, онъ умѣлъ сдержать въ повиновеніи своихъ родичей и положилъ основаніе самодержавію въ Сербіи, явившись первымъ собирателемъ земли Сербской. При немъ отношенія областей къ великожупанскому престолу измѣнились. Онъ роздалъ области или своимъ родичамъ, или слугамъ. Зета, Хлумъ и Травунія повиновались ему. Нижняя Зета утратила, кажется, послѣднихъ независимыхъ владѣльцевъ своихъ въ лицѣ братьевъ Радивоя и Ивана. Верхняя Зета, равно какъ, Травунія и Хлумъ оставались за домомъ Немани, и именно, если не ошибаемся, за его братьями, которымъ принадлежала и нижняя Зета, какъ намекаетъ на то преданіе, сохраненное иностранными историками объ участіи Неманиныхъ братьевъ въ поко-

[1] Вѣроятно, многія изъ завоеваній были возвращены Греціи (не при бракѣ ли Стефана съ Евдокіею?), ибо въ позднѣйшей грамотѣ Немани намекается на то, что Призрѣнъ принадлежалъ снова Греческому царю. Исьпросихъ парике (приходы, церковныя владѣнія) оу цара оу призърѣнѣ — пишетъ Неманя (А. N 1): иначе не надобно бы было испрашивать.

-ренія ея независимыхъ князей. Въ завоеванной имъ въ 1169 г. Боснѣ[1] правилъ покорный ему банъ, самъ ли Кулинъ, или еще предшественникъ его — неизвѣстно. Спустя нѣсколько лѣтъ, сдѣсь является могучій банъ Кулинъ, родичъ Немани[2] и вѣрный его сподручникъ, сберегшій свою независимость для того, чтобы тотчасъ послѣ Немани вручить ее Угріи. Даже Неретва, которая давно уже отпала отъ Сербіи и несла одинаковую участь съ Приморскою или Хорватскою Далмаціею, принадлежала нѣкоторое время Немани[3]. Одинъ сынъ называетъ Неманю «погибшихъ обновителемъ», «мужемъ, собравшимъ свою погибшую землю»; другой сынъ пишетъ о немъ, что онъ «обновилъ отчинную дѣдину и больше утвердилъ», что онъ былъ «самодержавнымъ господиномъ надъ всею Сербскою землею», къ истиноу во сын дивьнь и страшнь бысть вьсѣмь живоущімь окрьсть себе. Доментіанъ, въ Житіи св. Савы, называетъ его самодержавнымъ владыкою Сербскихъ земель, ѥ глютса. діоклитіа. далматіа. травунїа. ѩкостоне оубо. ѩнирїи приближающе къзападу же. рашстеи ѡбласти прилежащіе.[4] Безыменный лѣтописецъ называетъ его «великимъ жупаномъ и самодержавнымъ господиномъ всѣхъ Сербскихъ земель, Поморія къ западу и Діоклитіи и Далмантіи и Захлумія и Травуніи къ Истру». Такъ и другой безыменный лѣтописецъ. Отсюда видно, какія области принадлежали къ Сербской державѣ. Что должно разумѣть подъ Далмаціею, которую, какъ мы видѣли, лѣтописцы всегда соединяютъ съ Дуклею (Діоклитіею)? Мы уже знаемъ, чтó разумѣли Греки подъ Далмаціею въ обширномъ и тѣсномъ смыслѣ. Бандури, стараясь объяснить различныя представленія, соединяемыя со словомъ Далмація, приводитъ слова Лучича: ita quando a Slavis occupata fuit, sublatis his distinctionibus, ab oriente, Dyrrachio sive Drino flumine; ab occidente Istria sive Arsia flumine; a septentrione, Albio, Bebio et Ardio montibus, a meridie, mare Adriatico sive Dalmatico terminabatur. Андрей Дандоло въ рукописи, упоминаемой у того же Бандури, полагаетъ

---

[1] Такъ Шафарикъ (Slow. Starožit. II, IV, 649. Слав. Древн.. II, I. 424); но еще ранѣе Босна стала подыматься противъ Угріи. Есть извѣстіе, что при Стефанѣ III какой-то miles, Gotfridus nominatus, de Mesnensi regione, поселился въ Угріи и, по повелѣнію Короля, ходилъ adversus ducem de Bozna, quo devicto ad regem reversus. Это объясняется само собою, если только вс..омнимъ, что Борисъ велъ весьма двусмысленную политику относительно Угріи. Отстраняя Босну отъ Угріи во время войны Мануила съ Гейзою II и Стефаномъ III, онъ облегчилъ для Немани ея завоеваніе. (Simon de Keza, De nobilibus advenis. Rerum Hungaricarum Monumenta Arpadiana, ed. S. L. Endlicher, 1848. P. I. p. 127).

[2] Лѣтописцы и историки перепутываютъ родственныя отношенія между ними: изъ ихъ показаній одно только можно вывести заключеніе, что банъ Боснійскій и Неманя были между собою въ какомъ-то сродствѣ.

[3] Engel, Gesch. v. Serv. u. Bosn., стр. 201. Передъ этимъ въ послѣдній разъ видимъ ее подъ властію Сербіи при великомъ жупанѣ Петрѣ въ 917 г. (Corp. Script. Hist. Byz. Const. Porphyrog., de Adm. Imp., c. 32. — Stritter, II, 415). Любовь къ независимости и морскимъ разбоямъ поставили ее въ непріязненное положеніе относительно сосѣдей. Венеція въ XI ст. сокрушила могущество Неречанъ, которые, однако, послѣ того еще долгое время славились на морѣ своими грабежами, навлекая на себя гнѣвъ не только Венеціи и Угріи, но и самыхъ Далматскихъ городовъ. Южная часть древней Неретвы принадлежала Хлуму и вмѣстѣ съ нимъ составляла владѣніе Босны.

[4] Рукопись подъ заглавіемъ: Житие и подвизи въ пустыни съ отцемь и особь хотѣнїа. и частии чюдесъ сповѣданіе. иже въ стыхъ отца нашего савы. прьваго архиепископа и оучителя срьбьскаго. списано прѣпбнымъ доментіаномъ іеромонахомъ. монастыра хиландарь нарицаемаго.

[5] Stritter, II, 19.

границами Далмаціи на сѣверѣ Истрію, на югѣ Драчъ (Диррахій). Это означеніе южной оконечности Далмаціи для насъ важно по тому, что оно объясняетъ понятіе, которое Сербскіе лѣтописцы соединяли съ Далмаціею. Изъ ихъ словъ нельзя не замѣтить, что подъ Далмаціею они разумѣли часть Зеты или, иначе, верхнюю Зету, носящую нынѣ имя Турецкой Албаніи. Къ Далмаціи, по ихъ понятію, принадлежали, безъ сомнѣнія, Скодръ и Албанскіе города: Баръ, Олгунъ, Лешъ и Драчъ, бывшіе сначала во владѣніи Грековъ, послѣ Сербовъ. Неманя владѣлъ ими. Это заключеніе, истекающее изъ простаго пониманія словъ Сербскихъ лѣтописцевъ, имѣетъ на своей сторонѣ одно весьма замѣчательное указаніе, сдѣланное жизнеписателемъ Немани, Стефаномъ, и обращающее его изъ догадки въ достовѣрную истину, основанную уже на положительномъ извѣстіи. Жизнеписецъ, повѣствуя о возстаніи Михаила, говоритъ, что онъ владѣлъ вь странѣ драчьсцѣи и вь поморіи острова того великаго иже прилежить близь діоклитиѥ и далматьскыѥ страны и отьчьствиѩ светаго сумеона. Прямой смыслъ мѣста показываетъ, что родиною Немани считалась Дукля съ Далмаціею, что, по другому жизнеписцу, есть то же, что Зета. Слѣдовательно, Дукля и Далмація заключались въ Зетѣ, принимаемой, разумѣется, въ обширномъ смыслѣ. Островъ, прилежащій въ одно и то же время Дуклѣ и Далмаціи и относящійся къ Драчу, подтверждаетъ близость Далмаціи къ Дуклѣ и Драчу, что будетъ понятнымъ, если предположимъ Далмацію между первою и вторымъ. Наконецъ, дальнѣйшія слова жизнеписца окончательно разрѣшаютъ вопросъ и уже не оставляютъ болѣе сомнѣнія о мѣстонахожденіи Сербской Далмаціи. Стефанъ продолжаетъ: и приѧть ѥдинь отъ градь моихь скьдрь глаголѥмыи вь истиньнѣи далматии соущь. Михаилу Драчскому естественнѣе и прямѣе всего было обратиться на Скодръ, какъ ближайшій къ Драчу значительный городъ; Скодръ же находился въ настоящей, коренной Далмаціи, по мнѣнію тогдашнихъ Сербовъ. И такъ вотъ гдѣ надобно искать Далмацію. Мы не ошиблись, если назвали ее частію сѣверной Албаніи. Но такъ какъ, судя по извѣстіямъ о положеніи южныхъ границъ Дукли, сообщеннымъ Константиномъ Багрянороднымъ, Скодръ находился въ Дуклѣ или Зетѣ, въ обширномъ смыслѣ, то мы можемъ съ достовѣрностію заключить, что два края, всегда вмѣстѣ, одинъ съ другимъ, упоминаемые Сербскими грамотами и лѣтописцами, Діоклитія и Далмація, были не что иное, какъ древняя Зета, обнимавшая собою и нынѣшнюю Черногорію и часть нынѣшней сѣверной Албаніи. Только этимъ объясняется странное явленіе, замѣчаемое въ титулахъ нѣкоторыхъ Сербскихъ государей: Немани, Стефана Первовѣнчаннаго и Душана, именно, отсутствіе Зеты, которая, безъ всякаго сомнѣнія, замѣнялась Дуклею и Далмаціею. [1]

Коснувшись *Зеты*, мы должны сдѣсь показать ея отличительное значеніе въ ряду Сербскихъ областей. Теперь сдѣлать это всего удобнѣе по тому, что въ памятникахъ, относящихся, по содержанію своему, къ Немани, значеніе Зеты выражено ясно названіемъ «дѣдины», которое ей придается отличительно передъ прочими областями Сербіи. Въ позднѣйшія времена Зета постоянно отправляла служеніе частнаго удѣла Сербскихъ королей и царей, съ особымъ назначеніемъ, что согласовалось съ ея званіемъ, какъ дѣдины рода Немани; но это видно только изъ событій, а самого письменнаго выраженія таковаго ея значе-

---

[1] Лѣтописи, у Шафарика въ Памятникахъ, стр. 59 и 68. — Грамоты Ш. N VII; С. №№ 7, 51. — Приписъ на пергаменномъ евангеліи у Григоровича въ Путешествіи, стр. 19.

нія мы въ позднѣйшихъ, по содержанію, памятникахъ уже не находимъ. Зета, до самыхъ временъ Душана, положившаго конецъ всякимъ родовымъ счетамъ и удѣламъ, водворившаго окончательно въ жизни Сербіи государственное начало и основавшаго въ образѣ правленія самовластіе и единодержавіе, оставалась частною собственностію Сербскихъ государей, которую они уступали при своей жизни своимъ родичамъ, сыновьямъ, вдовамъ и т. д. Это показываетъ, что они на Зету смотрѣли, какъ на свой удѣлъ, которымъ могли распоряжаться по своему произволу; въ которомъ подготовлялись ихъ будущіе наслѣдники; гдѣ жили на покоѣ вдовы и сыновья, находившіеся подъ опалою, или лишенные права на престолонаслѣдіе. Таковое-то историческое значеніе Зеты, начавшееся съ Немани, и выражено было имъ самимъ, равно какъ обоими его сыновьями—жизнеписцами, чрезъ слово «дѣдина». Тѣхомилъ, отецъ Немани, прибѣжалъ, по свидѣтельству Стефана, въ «мѣсторожденіе свое, называемое Діоклитіею». Сдѣсь родился у него Неманя. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же жизнеписецъ называетъ Діоклитію и Далмацію отечествомъ св. Симеона Немани. Другой сынъ—жизнеписецъ, св. Сава, также свидѣтельствуетъ, что Неманя родился въ Зетѣ, что значитъ то же, что Дуклѣ и Далмаціи. Вотъ почему Стефанъ, говоря о Дуклѣ и Далмаціи, такъ выражается: диѡклитию же и дальмацию ѡтьчьство и рождениѥ своѥ, истовоую дѣдиноу своѭ. Употребленное сдѣсь слово «истовая» или истинная много способствуетъ правильному пониманію значенія дѣдины. Напротивъ, говоря о всей Сербской землѣ, которою правили великіе жупаны и гдѣ столицею была Раса, жизнеписецъ или просто называетъ ее «землею», или именуетъ «отечествомъ» въ противуположность дѣдинѣ. Онъ такъ говоритъ объ отцѣ своемъ: роди и сего святаго ѡтрока, хотещаго быти сьвокоупителꙗ погыбьшимь странамь ѡтьчьствиꙗ ѥго.... Вьзрастьшоу же ѥмоу до ѡтроучьства и приѥмшоу чьсть ѡтьчьствиꙗ своѥго (далѣе исчислены мѣста, не принадлежавшія къ Зетѣ). И о себѣ: ѥгоже ѡстави вь ѡтьчьстви своѥмь владычьствовати вьсею землѥю срьбьскою. Одинъ лѣтописецъ выражается точно такъ же о Сербской землѣ: вь нихже вьнисе светыи сїмеѡнь немань, потрѣбивь ѥреси своѥго отьчьства срьбскыѥ земли. А у другаго читаемъ: ѡттоудоу вьздвигьсе стефань немань прїидѣ вь ѡтьчьство рашко. Въ этомъ тонкомъ отличіи словъ дѣдина и отечество заключается глубокій смыслъ. Дѣдина есть старинное родовое владѣніе, такъ сказать, гнѣздо, мѣстопроисхожденіе рода; отчина же есть наслѣдіе, оставшееся послѣ отца, которое могло быть благопріобрѣтеннымъ, и по тому могло достаться и не достаться наслѣднику: недавность есть отличительная его черта. По этому отечествомъ называются всѣ вообще владѣнія, въ одномъ смыслѣ съ Сербскою землею. Не скрою, что въ жалованной Хиландарской грамотѣ самого Немани и списанномъ съ нея началѣ повѣствованія св. Савы о жизни отца слово дѣдина употреблено въ довольно неясномъ значеніи, какъ бы вмѣсто всей Сербской земли, или, по крайней мѣрѣ, вмѣсто отцовскаго наслѣдія: и постави ме (бгъ) велиѥга жоупана. и ѡбновихь своꙗ дѣдиноу. и больше оутврьдихь. и вьздвигохь погибьшꙋю своꙗ дѣдинꙋ. и приобрѣтохь ѿ морьскіе земле зетоу и сь градовы.... (А. № 1). И у св. Савы: и ѡбновивьшоу ѡтьчиноу дѣдиноу и болше оутврьдившоу... и вьздвижѥ погыбшоую своꙗ дѣдиноу и приобрѣте ѡть поморьскыѥ земли зетоу и сь градовы, а ѡть рабнꙗ пилота ѡба, а ѡть грьчьскыѥ земли пачьково.... таа вьса моудростїю и троудомь своимь сїа вьса приобрѣте, погыбшоую нѣкогда ѡть насилїа своѥ ѥмоу дѣдины, достоинаа ѥмоу срьбскыѥ земли Сдѣсь слово

дѣдина, по видимому, является съ двусмысленнымъ значеніемъ: подъ нимъ разумѣется вся страна, которую наслѣдовалъ Неманя отъ отца, въ званіи великаго жупана, по чему св. Сава и называетъ ее отчинною дѣдиною. Но въ то же время выраженія «обновить», «утвердить», «возстановить погибшую дѣдину» показываютъ, что самое слово дѣдина нисколько не утратило своего первоначальнаго значенія, но только имъ названа вся Сербская земля со столицею Расою, бывшая во власти великихъ жупановъ, — названа въ томъ смыслѣ, въ какомъ справедливо называлась дѣдиною Зета. Сдѣсь Сербія уподоблена Зетѣ: слово же дѣдина остается при своемъ настоящемъ значеніи, выражая собою родовую собственность, удѣлъ рода, доставшійся отъ предковъ, въ противуположность благопріобрѣтеннымъ владѣніямъ. Отъ того въ грамотѣ Немани и у св. Савы дѣдина отличена отъ завоеванныхъ земель; отъ того позднѣйшій лѣтописецъ такъ выражается о Немани: **властїю ѡбласоуєтьсе приходити въ свое прѣѡтьчьство земли рашкые и въ сихъ наслѣдникъ быти прадѣдныхъ.** Онъ не называетъ дѣдиною великожупанскую Сербію съ Расою; но зная, что она досталась Немани отъ дѣда, употребляетъ слова «праотечество» и «прадѣдныя». Доментіанъ же повторяетъ слова Стефана: «и приложи къ земли отьчьства своего земле многіе отъ области царства Грьчьскаго.... Діоклитію же и Далмацію отьчьство и рожденіе свое истову дѣдину, насилованну бывшу отъ рода Грьчьскаго» [1]. Во всякомъ случаѣ, очевидно, сдѣсь слово «отечество» не употреблено въ настоящемъ смыслѣ и означаетъ вообще наслѣдіе; между тѣмъ, какъ слово «мѣсторожденіе» или «рожденіе», присовокупляемое къ дѣдинѣ, когда говорится о Зетѣ, ясно свидѣтельствуетъ, что Неманя, по самому праву рожденія, уже считалъ Зету неотъемлемою и родовою собственностію, истинною дѣдиною, исконнымъ удѣломъ, которымъ онъ могъ распоряжаться независимо отъ отеческаго наслѣдія или земли великихъ жупановъ. Слѣдовательно, Зета стояла, по представленію собственности, особнякомъ отъ прочихъ владѣній и считалась какъ бы неприкосновеннымъ, частнымъ удѣломъ рода. При Стефанѣ Первовѣнчанномъ къ ней присоединено было Захлумье, или только часть его, и надъ обѣими областями посаженъ былъ братъ великаго жупана (въ послѣдствіи короля), Вуканъ. Можетъ быть, и прежде Зета, въ смыслѣ родоваго удѣла, захватывала часть Захлумья, если лѣтописецъ повѣствуетъ о бѣгствѣ Белы Уроша въ Захлумье. Но догадка остается догадкой; а истина истиною. Къ послѣдней я отношу то, что Зета составляла частный, родовой удѣлъ Неманичей, независимо отъ всѣхъ прочихъ наслѣдственныхъ и благопріобрѣтенныхъ Сербскихъ и не Сербскихъ земель, въ отличіе отъ коихъ именовалась дѣдиною, что подтверждается не только самымъ этимъ прозвищемъ ея, но и историческими данными. Всѣ же прочія земли, поступившія подъ власть Сербскихъ государей, назывались отчиною, а чаще просто землею. И только древняя небольшая Раская земля, еще не увеличенная завоеваніями, доставшаяся Немани послѣ дѣда и отца, названа въ томъ же смыслѣ, въ какомъ и Зета, дѣдиною. Иными словами, Неманя, наслѣдовавъ одинаковымъ образомъ Расу и Зету, соединилъ на время ихъ значеніе для себя и какъ ту, такъ и другую назвалъ дѣдиною. Но мы не должны забывать, что и онъ изъ Зеты, гдѣ выросъ, наслѣдовалъ Расу, и что онъ же отличилъ Зету отъ Расы или остальной Сербіи, давъ ее Вукану, между тѣмъ, какъ надъ послѣднею поставилъ великимъ жупаномъ другаго своего сына (старшаго), Стефана.

---

[1] Шафар. Slow. Staroż., II, IV, 646. Слав. Древн., II, I, 419., Примѣч.

И такъ Немания далъ новую, самобытную, государственную жизнь Сербіи, не могшей возстать и оправиться подъ разрушительнымъ вліяніемъ междуродовыхъ усобицъ и вмѣшательства сильнѣйшихъ сосѣдей, Грековъ и Булгаръ. Немания доставилъ собственной Сербіи окончательное господство надъ всѣми Сербскими землями и стянулъ къ одному средоточію всѣ Сербскія области. Съ этой поры независимые областные жупаны и князья сходятъ съ поприща самостоятельной дѣятельности и становятся въ ряду туземныхъ бояръ. Надъ всѣми возвышается великожупанскій родъ Немани. Если и находимъ въ послѣдствіи одного, или двухъ, по видимому, независимыхъ князей въ Хлумѣ, то они являются тамъ только на время, и область ихъ, какъ до нихъ, такъ и послѣ нихъ, признаетъ надъ собою верховную власть Сербіи. Босна также колеблется между Угріею и Сербіею; но все же это не болѣе, какъ области, подвластныя той, или другой, и нѣтъ ни одного посторонняго рода, который осмѣлился бы отнимать верховную власть у Неманичей. Собравши такимъ образомъ Сербскую землю и ставъ надъ нею единымъ повелителемъ, Немания позаботился объ ея государственной самостоятельности. Дружескія сношенія съ Нѣмецкимъ императоромъ и родственныя связи съ Греческими царями придали совсѣмъ иной видъ Сербіи. Теперь она стала въ ряду независимыхъ государствъ. Внесеніе государственнаго значенія во внѣшнюю жизнь Сербіи принадлежитъ Немани; но при немъ государственныя отношенія еще не осилили родовыхъ счетовъ по престолонаслѣдію, конецъ которымъ суждено было положить Душану. Въ грамотѣ своей, данной Хиландару, онъ прекрасно сознаетъ основную мысль государства: тѣмьже братие бгь прѣмилостивы. оутврьди грьчие цѣсарьи. а оутре кральми. и когождо єзика раздѣлив. и законь дав. и правы оуставы(и) и владѣты надь ними по правоу и по законоу. ростави своею прѣмоудростию. Законъ и власть — вотъ начало всякого государственнаго порядка, который, вмѣстѣ съ языкомъ и нравами, даетъ самостоятельный видъ всякому народу. И Немания не случайно захватилъ власть; но онъ есть истинный государь своей земли по волѣ Божіей и по праву наслѣдія. Вотъ какъ выражаетъ онъ эту мысль: тѣмьже (бгь) по мьнозѣи его и прѣизьмѣрьнѣи млости и чловѣколюбию. дарова нашимь прѣдѣдомь. и нашимь дѣдомь. обладати сиюю землю срьбьскою. и расаньско бгь строеня оуньши чловѣкомь не хоте чловѣчи гибѣли. и постави ме великаго жоупана нарѣченаго вь свѧтѣмь крьщени стѣфана неманоу. и обновить своею дѣдиноу и больше оутврьдихь. бжиюю помокию и своею моудростию даною ми ѿ бга и въздвигохь погыбьшюю свою дѣдиноу.

Немания въ младенчествѣ своемъ былъ крещенъ по Латинскому обряду, а Latinis haereticis, по выраженію лѣтописца [1]; ибо въ землѣ, гдѣ онъ родился, были Латинскіе священники. Тридцати лѣтъ онъ перекрестился въ православную вѣру [2], и съ тѣхъ поръ постоянно отличался набожностію и благочестивыми дѣлами. Построеніемъ храмовъ онъ увѣковѣчилъ свое имя въ лѣтописяхъ церковныхъ. Щедроты его достигали Ерусалима и Рима. Изъ его владѣній были изгнаны Патарены, ересь, усилившаяся преимущественно въ Боснѣ, лежавшей между Римско-католическою Далмаціею и православною Сербіею. Лѣтописцы называютъ его потребителемъ ересей и утвердителемъ православія: сїй стый симеонъ оутврьди православїе въ земли далматїе дїоклїи глмой сърбь

[1] Arkiv za povjestn. Jugoslav., III, 1854. Стр. 7, 8.
[2] Лѣтоп. у Шафар. въ Памятникахъ, стр. 58.—Arkiv za povjestn. Jugoslav., III. 1854. Стр. 7.

(сърбль) и ѥреси потреби [1]. Въ нихже веисе светыи Сѵмеонъ немани, новыи мѵроточьць, оутврьдникь православїе, потрѣбникь ѥреси своѥго отьчьства срьбскыѥ земли [2], а Доментіанъ вмѣстѣ съ тѣмъ намекаетъ и на истребленіе остатковъ идолопоклонства: и влъкы ѥреси прогнавъ. и храмы бѣсовьскыꙗ опровергъ. цркви бжїа въздвиглъ ѥси [3]. Послѣ тридцатисемилѣтняго царствованія Неманя, побуждаемый увѣщательнымъ письмомъ младшаго [4] своего сына, Растька, бѣжавшаго на Аѳонъ и постригшагося въ монахи подъ именемъ Савы, оставилъ власть старшему своему сыну, Стефану, вѣнчавъ его и назвавъ великимъ жупаномъ [5], а самъ удалился въ Студеницкій монастырь, гдѣ и постригся подъ именемъ Симеона, 25 марта 1195 г. Черезъ два года, 8 октября 1197 г., онъ вышелъ изъ Студеницы на Аѳонъ и прибылъ въ Ватопедскую обитель, 2 Ноября 1197 г. [6] Отсюда странствуя по Святой Горѣ вмѣстѣ съ сыномъ, возобновляя и украшая монастыри, онъ нашелъ развалины Хиландара, преждебывшаго монастыря, разрушеннаго морскими разбойниками. Съ помощію золота и работниковъ, присланныхъ изъ Сербіи Стефаномъ, монастырь былъ возобновленъ, и вскорѣ тамъ, гдѣ между грудами камней виднѣлись только уцѣлѣвшія стѣны храма, воздвиглись трапеза, кельи и ограда. Храмъ освященъ былъ въ память введенія во храмъ пресвятыя Богородицы. Хиландаръ назвался Сербскою лаврою. Сава два раза ходилъ въ Царьградъ: въ первый разъ онъ испросилъ у свата Немани, Греческаго царя Алексѣя, грамоту на обладаніе мѣстомъ, гдѣ находились Хиландарскія развалины; во второй разъ онъ извѣстилъ Царя, что монастырь отстроенъ, и получилъ отъ царя множество сокровищъ для украшенія его. По повелѣнію Алексѣя, Хиландаръ, хотя и присоединенный къ Ватопеду, освобожденъ былъ отъ всякой зависимости и, вмѣстѣ съ названіемъ «царской лавры», получилъ особаго настоятеля, назначеннаго самимъ царемъ. Ни власти Ватопеда, ни Карейскій протъ не имѣли права вмѣшиваться въ его дѣла. Царь подтвердилъ прежнюю свою грамоту, которою подарилъ Сербскимъ государямъ Хиландаръ съ прилежащими селами и еще присоединилъ къ нему запустѣвшій монастырь Изыигъ: за таковые дары онъ причтенъ былъ къ основателямъ лавры. Въ грамотѣ своей Симеонъ упоминаетъ о другихъ надачахъ монастырю, испрошенныхъ имъ у Царя, каковы: села, влахи, торгъ, виноградники, планина и извѣстное количество соли. Въ Хиландарѣ, по возобновленіи его, Не-

---

[1] «Повѣсть о Сербскихъ Господахъ», въ рукописи Кухарскаго. Сообщ. профес. Бодянскимъ.

[2] Лѣтоп. у Шафар. въ Памятникахъ, стр. 58.

[3] Житіе свв. Симеона и Савы. Рукоп.

[4] Многіе доселѣ спорили о возрастѣ Стефана и Савы; но Житія окончательно рѣшаютъ вопросъ въ пользу старшинства Стефана. Самъ Сава свидѣтельствуетъ о себѣ, говоря: сын блаженыи господинь нашь Сѵмеонъ немане. г. сыны. единь же мьньши, не могоу его нарещи сына, нь рабь... сы во ѥко и мьнии вь брати своѥи и мьньши... Доментіанъ, въ Житіи свв. Симеона и Савы, прямо отдаетъ старшинство Стефану: уходить же старѣйшїи братъ. сладости ѩзыка и силѣ словесъ. и блгти бжїи исходаща изъ оустъ меншаго. Слѣдовательно, Вуканъ былъ среднимъ сыномъ Немани. Въ этомъ же порядкѣ приводятъ сыновей Немани безыменные лѣтописцы. и Растька или св. Саву называютъ третьимъ сыномъ (Шафар. Памятн., стр. 51, 59, 69:—Гласникъ, ч. V, стр. 30, 31).

[5] См. гр-у Немани у Авр. N 1 и Житіе Немани, писанное Савою, у Шафар. въ Памятн., стр. 4. — Arkiv za povjestn. Jugoslav., III, 1854. Стр. 9.

[6] Лѣтосчисленіе предложено св. Савою въ Житіи Немани (Шафар. Памятн., стр. 6—14) и въ Типикѣ у Авр. въ О. Д. С. у С. Г., стр. 8 и 9. Оно же извѣстно было Бранковичеву лѣтописцу (Arkiv za povjestn. Jugoslav., III, 1854. Стр. 8—10.)

маня пробылъ съ сыномъ, Савою, 8 мѣсяцевъ и преселился сдѣсь въ вѣчную жизнь, 13 февраля 1200 г. Шафарикъ [1] говоритъ, что Неманя скончался въ Ватопедѣ; но мы это понимаемъ не иначе, какъ въ смыслѣ словъ: и монастырь хиландарь приложиста ватопедѫ [2]; собственно же Неманя скончался въ Хиландарѣ, какъ свидѣтельствуетъ вышеупомянутый Хиландарскій типикъ, слово II: и вь мѣсто сие (Хиландаръ) вьселівъсе. и нѣколик мало прѣбывь сь мною. великыми же и непрѣестественьмы подвигь прѣшьдь .н. мць. прѣбывь. кь вѣчномоу прѣложисе блаженствоу. И слово III: Вь лѣ. ,s. ψ. н . мца фервра. вь .гі. днь. кь вѣчномоу прѣложісе блаженствоу отць нашь симеонь. ȝаветомь оставивь манастырь си на мнѣ. велию тоугоу и болȝнь нрнехь. едино ѿ поустошьства. а дроугo и ѿ болȝни беȝбожьныхь разбониикь. оставивь манастырь мнѣ вь маломь и смѣреномь образѣ вь немь же мн отиде и прьвога игоумена прѣпобна моужа. меѳодиа мніха и т. д. [3] Все это можно было сказать только о недавно возобновленномъ Хиландарѣ. И Доментіанъ, въ Житіи свв. Симеона и Савы, говоритъ подобнымъ образомъ: по сихъ мало поживъ. прпбный отць нашь сімеонъ вмонастыри своемъ хилаѝдари гламо. вмѣрж съвершеніа достигъ. иже все бга любащіимь желаино [4]. Впрочемъ, это мнѣніе высказано Шафарикомъ слишкомъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Позднѣйшія открытія привели его къ другимъ выводамъ, такъ что недавно, въ предисловіи къ изданному имъ въ Памятникахъ Житію Немани, писанному Стефаномъ Первовѣнчаннымъ, онъ уже высказываетъ новое мнѣніе, совершенно согласное съ нашимъ. Монашество Немани на Аѳонѣ продолжалось три года, а пребываніе на Святой Горѣ годъ и пять мѣсяцевъ: всего же монашества его, считая и время, проведенное въ Студеницѣ, было безъ одного мѣсяца пять лѣтъ. Замѣтимъ однако, что св. Сава считаетъ началомъ его монашества время прибытія его на Аѳонъ [5]:

Мы сказали, что, при всѣхъ своихъ великихъ заслугахъ, Неманя подчинился своему вѣку и обще-Славянскому обычаю — далъ сыновьямъ удѣлы. Онъ сдѣлалъ Сербію государствомъ, но внутри ея не могъ дать государственнымъ отношеніямъ перевѣса надъ родовыми. Старшему своему сыну онъ вручилъ Сербію съ Расою, столицею всей Сербской земли; вмѣстѣ съ тѣмъ вѣнчалъ его и назвалъ великимъ жупаномъ. Слѣдовательно, вѣнчаніе и великожупанское достоинство соединены были со старшинствомъ и стольнымъ мѣстомъ всей Сербіи. Самъ Стефанъ назвалъ Расу «стольнымъ мѣстомъ посреди Сербской земли» [6]. Младшему, Вукану, Неманя далъ Зету и Хлумъ [7] со званіемъ великаго князя. Этого онъ не вѣнчалъ, а только благословилъ, по выраженію св. Савы [8]. Вотъ начало удѣловъ и вмѣстѣ подчиненія младшихъ, хотя и удѣльныхъ, сыновей старшему, великому жупану и верховному владыкѣ всѣхъ Сербскихъ земель. Во владѣніяхъ послѣдняго заключались и удѣлы пер-

---

[1] Slow. Starožitn., II, IV, 31, § 616. Слав. Древн. II, I, стр. 419.
[2] Доментіана, Житіе свв. Симеона и Савы. Рукопись, листъ 8.
[3] Авраамовича О. Д. С. у С. Г., стр. 8 и 9.
[4] Рукопись, листъ 9.
[5] Сдѣсь, за всѣ предыдущіе разы, скажу, что Житіями Немани, писанными двумя его сыновьями, равно какъ лѣтописями, по разнымъ спискамъ, я пользовался въ изданіи Шафарика: Památky dřevního písemství Jihoslovanův, и за краткостію объема ихъ не приводилъ страницъ. Сочиненіе Доментіана извѣстно мнѣ въ рукописи Болгарскаго извода. Оно представляетъ любопытныя подробности о подвигахъ и чудесахъ свв. Симеона и Савы.
[6] Житіе Немани у Шафар. въ Памятникахъ. Стр. 2.
[7] Лѣтописи, у Шафар. тамъ же, стр. 51.
[8] Житіе Немани, у Шафар. тамъ же, стр. 4.

выхъ: вотъ зародышъ государственнаго начала и зависимости всѣхъ удѣльныхъ князей отъ одного властителя и самодержца, внесенный Неманею во внутреннѣе управленіе Сербіи. Въ такія точно отношенія поставилъ онъ и себя, какъ мы видѣли, къ братьямъ своимъ и ихъ потомству. Если самъ Неманя боролся съ правомъ общаго владѣнія всѣмъ родомъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что, отстранивъ напослѣдокъ родъ свой или братьевъ и ихъ потомство отъ общаго владѣнія Сербскою землею, онъ дѣтямъ своимъ завѣщалъ борьбу съ удѣльнымъ правомъ, по которому уже члены одного дома или одни Неманичи домогались старшаго удѣла, чтобы чрезъ то получить старшинство и верховную власть. Замѣчательно, что ни одинъ лѣтописецъ не упоминаетъ о какихъ либо отношеніяхъ Вукана къ старшему брату, опредѣленныхъ отцомъ. Былъ ли Вуканъ совершенно независимымъ, или долженъ былъ подчиниться волѣ старшаго брата?—мы ничего этого не знаемъ. Но замѣчательно, что Неманя смотрѣлъ на родовыя отношенія не съ государственной, но еще съ общежительной, Славянской точки зрѣнія. При всемъ своемъ умѣ, при всѣхъ успѣхахъ на поприщѣ государственной дѣятельности, онъ не понялъ возможности для меньшаго брата стать сподручникомъ у старшаго, быть помощникомъ и слугою старшему и не имѣть своего особеннаго удѣла. По старинному обычаю, всѣ родичи, тѣмъ болѣе сыновья, имѣли право на владѣніе отцовскою собственностію. Старшинство одного не отнимало этого права у другихъ; а потому Неманя считалъ обязанностію наградить удѣломъ и втораго своего сына. Онъ могъ распоряжаться Зетою, какъ частною своею собственностію. Зета, по значенію своему, по тому самому, что была дѣдиною его, отличалась отъ прочихъ земель, съ которыми могла уже быть связана мысль о единствѣ власти и нераздѣленности. По этому Зету и часть Хлума [1] онъ отдалъ Вукану со званіемъ великаго князя [2], въ томъ намѣреніи, чтобы Вуканъ властвовалъ въ домашней, родовой странѣ Неманичей и не вмѣшивался въ дѣла тѣхъ земель, которыя имѣли у себя и столицу и вѣнчаннаго государя единодержавнаго и самовластнаго. Впрочемъ, изъ титула Стефана и изъ поступковъ Вукана видно, что области Вукановы не были совершенно независимы, но состояли подъ верховною властію Стефана. Это и не нравилось Вукану, который рѣшился, во что бы то ни стало, завладѣть стольнымъ мѣстомъ всей Сербіи и сдѣлаться главою народа. Для этого онъ прежде всего съ помощію Андрея, воеводы Хорватскаго и Далматскаго, брата Угорскаго короля Мирка (Емерика), заставилъ брата признать себя независимымъ воеводою Зеты и Хлума, и для большей прочности вступилъ въ тѣсныя сношенія съ папою. Стефанъ, для противодѣйствія брату, долженъ былъ прибѣгнуть къ тому же образу дѣйствій: въ письмѣ своемъ къ папѣ онъ называлъ этого послѣдняго своимъ духовнымъ отцомъ, выражалъ свою преданность Римской Церкви и просилъ королевскаго вѣнца. Узнавъ объ этой просьбѣ, Мирко захватилъ Сербію и посадилъ Вукана на великожупанскій престолъ, присоединивъ къ титулу Угорскихъ королей слова rex Serviae въ знакъ верховнаго владычества надъ Сербіею. Папа, въ надеждѣ обратить Сербію къ Римско-католической вѣрѣ, уже повелѣлъ, было, Колоцкому епископу вѣнчать Вукана; но нападеніе Венеціянъ на Ядру и ссора Мирка съ Андреемъ отвлекли вниманіе Угріи отъ Вукана и

---

[1] Лѣтописи у Шафар. въ Памятникахъ, стр. 51.—Гласникъ, ч. V, стр. 30, 48.—Повѣсть о Сербскихъ Господахъ.

[2] Лѣтописи у Шафар. тамъ же, стр. 59, 72.—Житіе Немани, писанное св. Савою, у Шафар. тамъ же, стр. 13.—Рукописное Житіе свв. Симеона и Савы, составленное Доментіаномъ.

дали время Стефану вызвать брата, Саву, съ мощами отца для посредничества въ ссорѣ его съ Вуканомъ. Стефанъ, не упоминая имени брата, выставляетъ, въ Житіи своего отца, такую причину призванія Савы изъ Аѳона: ѡскрьби бо се земля наша безаконии нашими и оубиена бысть кръвьми и впадохомь вь плѣнь иноплеменьникь [1]. Сдѣсь подъ «беззаконіями» должно разумѣть обращеніе Стефана къ папѣ и притворную склонность къ принятію Римско-католической вѣры. Остальное понятно и показываетъ, что вмѣшательство Угріи и домогательство Вукана не обошлись безъ кровопролитія. Св. Сава повѣствуетъ, что оба брата призвали его въ Сербію и оба встрѣтили его въ Хвостнѣ съ боярами и всѣми церковными служителями. Стало быть, примиреніе наступило еще до прихода Савы, который присутствіемъ своимъ только подкрѣпилъ союзъ братьевъ [2]. Это случилось въ 1208 году. Мощи Симеона положены были въ созданномъ имъ самимъ храмѣ Студеницкомъ. Въ слѣдствіе примиренія, Вуканъ ограничился прежними областями. Сава былъ поставленъ въ архимандрита Студеницкой лавры рукоположеніемъ митрополита Солунскаго. Къ этому времени относятся войны Стефана съ Булгарскимъ царемъ, Бориломъ, бывшимъ въ союзѣ съ Генрихомъ Филандромъ, Греческимъ императоромъ, сыномъ Болдуина Фландрскаго, со Стрѣзомъ, братомъ Кало-Іоанна Булгарскаго, съ Михаиломъ Драчскимъ и Андреемъ Угорскимъ, бывшимъ также въ союзѣ съ императоромъ Генрихомъ [3]. Участіе въ прекращеніи этѣхъ войнъ принималъ іеромонахъ Сава: слѣдовательно, онъ не былъ еще тогда архіепископомъ. Вѣроятно, опасенія со стороны Угріи заставили Стефана вступить въ бракъ съ внукою Венеціянскаго дожа, Дондолы, и снова склониться на сторону западнаго духовенства. Въ 1217 г. папа велѣлъ вѣнчать его, и Стефанъ назвался вѣнчаннымъ королемъ Сербіи, Діокліи, Травуніи, Далмаціи и Хлума. Къ этому времени относится его грамота Бенедиктинскому Богородичному монастырю на островѣ Млѣтѣ (С. № 51). Въ ней онъ даруетъ означенному монастырю метохіи: весь островъ Млѣтъ и Бабино Поле [4], на Корчулѣ церковь св. Вида, Янину [5] съ Поповою Лукою и церкви свв. Стефана и Георгія, а въ Стонѣ церковь св. Николая, также церкви въ Рѣкѣ и Жерновницѣ. Все это, вмѣстѣ съ принадлежащими сюда виноградниками, подарено монастырю. Употребленное сдѣсь выраженіе и вь братии моеи кийа не живѣ указываетъ на окончен-

---

[1] Шафарикъ, Памятники, стр. 19.

[2] Тамъ же, стр. 13.

[3] Объ этѣхъ войнахъ упоминаетъ самъ Стефанъ въ Житіи Немани, на стр. 21 — 29, по изданію Шафарика. Отсюда узнаемъ, что Нишъ былъ пограничнымъ городомъ Сербіи со стороны Булгаріи.

[4] Мѣстечко на Млѣтѣ. Находившуюся въ этомъ мѣстечкѣ церковь св. Панкратія Боснійскій банъ Борисъ подарилъ, въ 1155 г., Лакромскимъ Бенедиктинцамъ (Farlati, Il. S. VI, 79). Впрочемъ, годъ и самая грамота подозрительны. Основаніе Бенедиктинскаго монастыря на Лакромѣ совпадаетъ съ сооруженіемъ Дубровницкаго храма Ричардомъ — львинымъ сердцемъ; а послѣднее случилось въ 1192 г.: слѣдовательно, замѣчаетъ Енгель (Gesch. d. Freist. Ragusa, стр. 88), Лакромскіе Бенедиктинцы явились не ранѣе 1192 г., а всѣ древнѣйшія ихъ грамоты и надачи ложны (Farlati, Il. S., VI, 58, 59). Къ этѣмъ послѣднимъ должно отнести, кажется, и уступку Млѣтскихъ произведеній томашнимъ Бенедиктинцамъ, а самого Млѣта Дубровнику, сдѣланную Тѣшою, отцомъ Немани (Орбини, стр. 218. — Appendini, I, II, II, стр. 262. — Engel, Gesch. d. Freist. Ragusa, стр. 80). Не менѣе невѣрно извѣстіе Дукляица о существованія Бенедиктинскаго монастыря на островѣ, лежащемъ насупротивъ Дубровника (если только этотъ островъ есть Млѣтъ) еще во времена Бодина (ок. 1073—1089 г.), жеватаго на Яквинтѣ (Presbyteri Diocleatis, Regnum Slavorum. Schwandtneri Script. rer. Hungaric., t. III, p. 501. c. XXIV).

[5] Вѣроятно, нынѣшнее мѣстечко Guiliana на полуостровѣ Пелѣщцѣ или Sabbioncello. Близъ него находится и Попова Лука.

ную котору съ братомъ. Въ этой грамотѣ Стефанъ титулуется: великі кра҇. намѣстьный гнь вьсе срьбские земле. и диоклии. и дальматие. и травоунии. и хльмьске земли, и подписывается: Стефань по Милости Божей вѣнчаный Краль и самодрьжець вси Срьбске Земли и поморьские. Сава, недовольный склонностію брата къ западному духовенству, удалился въ Аѳонъ. Но когда Стефанъ достигнулъ своей цѣли, а жена его умерла, тогда онъ снова отказался отъ Римо-католицизма и возобновилъ сношенія съ Востокомъ; тогда снова пришелъ въ Сербію Сава, поставленный въ Никеи патріархомъ Германомъ въ архіепископа Сербской земли, и вѣнчалъ брата на королевство, въ 1222 г., назвавъ его первовѣнчаннымъ, какъ бы въ забвеніе Римско-католическаго вѣнчанія. Но Угорскій король Андрей, не хотѣвшій, чтобы Стефанъ носилъ равное ему званіе короля, поднялся, было, на Стефана; однако Сава успѣлъ помирить ихъ. Другимъ важнѣйшимъ дѣломъ новаго Сербскаго архіепископа было учрежденіе духовнаго чиноначалія, тажe епископы и свещенникы и діакони и поддіакони и вьс слоужьбиіи чинь, и раздѣленіе Сербіи на епископства. Основано было двѣнадцать епископствъ: въ Стонѣ (Хлумъ), Зетѣ (Діоклитіянскомъ поморьи), Дьбрѣ, Будимлѣ, Расѣ, Хвостнѣ (Студеница), Призрѣнѣ, Грачаницѣ, Топлицѣ, Браничевѣ, Бѣлградѣ и Моравицѣ. Таковой списокъ епископствамъ находимъ у двухъ изъ лѣтописцевъ. [1] Третій въ сущности согласенъ съ ними, хотя и смѣшиваетъ Хлумъ съ Діоклитіянскимъ поморьемъ. Шестое епископство названо у него Студеницкимъ: [2] значитъ, для Хвостна оно помѣщалось въ Студеницѣ. У обоихъ число епископствъ равняется двѣнадцати. То же число и тѣ же самыя названія епископствамъ находимъ у Ранча [3] и Енгеля [4]. Первый пользовался только третьимъ лѣтописцемъ и по тому у него тоже Стонъ является въ Діоклитіянскомъ поморьи. Причина ошибки понятна. Первый лѣтописецъ пишетъ: поставлаеть прьваго епископа оу хльмскои земли оу столиѣ. втораго оу зете діоклитіисномь поморіоу. Третій, списывая съ него, переставилъ порядокъ словъ и написалъ: поставлаеть. а. епископа вь хльмскои земли (у другихъ лѣтописцевъ удержано на этомъ мѣстѣ оу стонѣ) .в. епископа оу стоне вь діоклитискомоу поморію. За Ранчемъ тотъ же списокъ и съ тою же ошибкою повторилъ и Енгель, сравнивъ его со спискомъ у Фарлати и источниками, у Ассемани. Шафарикъ приводитъ списокъ епископствамъ, взятый изъ хрисовула обоихъ братьевъ, Стефана и Савы. [5] Сдѣсь опять нѣтъ Студеницкаго епископства и вмѣсто него поставлено Хвостенское. Но первые лѣтописцы уже указали на ихъ тожество. Важнѣе отсутствіе четырехъ другихъ епископствъ: Призрѣнскаго, Грачаницкаго, Браничевскаго и Бѣлградскаго. Мы не знаемъ года этого хрисовула и по тому можемъ предполагать, что онъ писанъ ранѣе окончательнаго учрежденія епископствъ. Наконецъ, еще четвертый лѣтописецъ предлагаетъ списокъ двѣнадцати епископствамъ, учрежденнымъ Савою. Вотъ мѣста ихъ: Захлумія въ храмѣ Богородицы подъ горою Заломъ въ Невесинскомъ округѣ, Стонъ въ Діоклитіянскомъ приморьи, Дьбрь въ Вышеградскихъ предѣлахъ для Герцеговины, Бѣлградъ для Срема, Граничава въ Пожаревацкой нахіи, Ахлія въ Ужицкой нахіи, Косово въ Липлянѣ, Топлица въ Прокупской нахіи, Студеница въ Пекской нахіи, Призрѣнъ, Вранина въ Зетѣ, Будимль въ Гусинской

[1] Лѣтописи, у Шафар. въ Памятникахъ, стр. 59. — Arkiv za povjestn. Jugoslav., III. 1854. Стр. 10.
[2] Тамъ же, стр. 69.
[3] Ч. II, стр. 422.
[4] Gesch. v. Serv. u. Bosn., стр. 219.
[5] Памятники. Лѣтописи, стр. 54.

нахія.[1] Самое уже названіе предѣловъ епископствъ показываетъ, что этотъ лѣтописецъ жилъ довольно поздно и распредѣлялъ ихъ по современному дѣленію Сербіи. Сверхъ того мѣстонахожденіе и самыя прозвица епископствъ чрезвычайно разнятся отъ предыдущихъ и показываютъ, что лѣтописецъ пользовался весьма мутнымъ источникомъ. Такъ вмѣсто Стона Хлумское епископство помѣщено имъ въ Невесинѣ; Хлумъ смѣшанъ съ Діоклитіянскимъ приморьемъ, и такъ как для послѣдняго онъ назначилъ Стонъ, то для Зеты придумалъ епископство въ Враниинѣ; Дьбрь вовсе не находился въ Вышеградскихъ предѣлахъ: онъ лежалъ на пограничной чертѣ между Хлумомъ и Травуніею на югъ отъ Любиня; подъ Граничавою, вѣроятно, разумѣлось Браничево; Ахиліи не было, но была церковь св. Ахилія въ монастырѣ Моравцахъ на рѣкѣ Моравицѣ въ нынѣшнемъ Рудницкомъ краѣ: еще въ XVIII ст. Ужицкій епископъ писался Ахильскимъ[2]; слѣдовательно, это то же, что Моравицкое епископство въ предыдущихъ спискахъ. Косовское или Липляиское основано позднѣе, ибо его нѣтъ въ другихъ спискахъ, а появляется оно только уже при Милутинѣ. Вообще списокъ этотъ, какъ по всему видно, составленъ въ позднѣйшее время по невѣрнымъ источникамъ. Самъ же Стефанъ основалъ Жичанскую обитель въ 1222—1224 г., которая съ этого времени сдѣлалась столицею Сербскихъ архіепископовъ. Мы имѣемъ отъ него дарственную грамоту Жичанскому храму (Ш. № VIII). Изъ нея узнаемъ, что новосозданной обители подарены были многія близъ лежащія села, а также села въ Ельцахъ, Хвостнѣ, Затонѣ, Зетѣ и Горской жупѣ съ заселками, планинами и пашнями; подарены были также влахи и нѣсколько жупъ: Крушильница, Морава, Борчъ, двѣ Лепеници, Бѣлица, Лѣвочъ, Лугомира, Расина и Ольшаница со всѣми при нихъ находящимися влахами; наконецъ множество священныхъ предметовъ и церковныхъ утварей. Церковныя владѣнія были освобождены изподъ власти придворнаго протопопа, и людямъ церковнымъ даны нѣкоторыя льготы: они названы «архіепископовыми людьми». Самая обитель назначена мѣстопребываніемъ архіепископа, которому и была подчинена. Въ храмѣ должны были вѣнчаться всѣ будущіе короли и поставляться архіепископы, епископы и игумены. Въ грамотѣ Стефанъ пишется: **Стефань по божие милости вѣньчани прьви краль вьсе срьпские ѕемле. диоклитие и травоуние и дальмацие и ѕахьлмие.** Выше мы привели общее мнѣніе Сербскихъ лѣтописцевъ, повторенное и Раичемъ, о словѣ «первовѣнчанный». Предлежащая грамота наводитъ насъ на другое объясненіе. Не для истребленія памяти перваго, Римско-католическаго, вѣнчанія, Стефанъ, при второмъ, по Греко-восточному обряду совершенномъ Савою, вѣнчаніи, назвался первовѣнчаннымъ; а для того, что онъ былъ первымъ вѣнчаннымъ королемъ Сербіи. Если смотрѣть только на обрядъ вѣнчанія и вѣрить словамъ св. Савы, то Стефанъ былъ не два, а три раза вѣнчанъ, и первое вѣнчаніе его совершено самимъ отцомъ его, Неманею. Сдѣсь важно не то, сколько разъ и по какому обряду былъ онъ вѣнчанъ, а то, что онъ первый вѣнчался на государство и первый принялъ званіе короля. Прежде назывался онъ великимъ жупаномъ и послѣ отца вторымъ[3], а потомъ назвался королемъ: слѣдовательно, онъ былъ первовѣнчанный король или, какъ сказано въ грамотѣ, **вѣньчани прьви краль**. Конечно, латинское вѣнчаніе имѣло мало значенія у православнаго народа и даже самого Стефана: оно важно было только въ глазахъ Запада. Тѣмъ менѣе

[1] Гласникъ, ч. V, стр. 37.

[2] Шафар. Slov. Starožitn., II, IV, 633. Слав. Древн., II, I. 357. Примѣч.

[3] Лѣтописи у Шафар. въ Памятникахъ, стр. 69.

Сава могъ считать его дѣйствительнымъ, и по тому правъ лѣтописецъ, говоря, что Сава свѣтомь всѣхь вѣнчаваеть брата своего великаго жоупана.[1] Послѣднія слова показываютъ, какъ смотрѣлъ на Стефана народъ до послѣдняго его вѣнчанія. Замѣчательно упоминаніе о сынѣ, сдѣланное Стефаномъ еще при своей жизни. Грамоту онъ даетъ отъ своего имени и отъ имени сына, Радослава, котораго называетъ «первенцемъ божіею милостію намѣстникомъ своимъ». Уже Неманя употребилъ выраженіе «божіею милостію», показывающее, что онъ смотрѣлъ на себя, какъ на законнаго государя, котораго власть освящена свыше, который ни отъ кого не зависитъ. То же выраженіе употреблено Стефаномъ для себя и для старшаго сына; его употребляли потомъ и всѣ преемники ихъ. Въ это время у него было уже четыре сына; но объ тѣхъ онъ молчитъ вовсе, и только одного старшаго дѣлаетъ своимъ намѣстникомъ по волѣ Божіей. Сдѣсь чисто-государственныя отношенія, которыя превосходно отвѣчаютъ вѣнчанію. Дѣйствительно, мы ни откуда не видимъ, чтобы всѣ прочіе сыновья Стефана получили себѣ удѣлы. Но удѣлы не были истреблены: они снова возникли въ послѣдствія. Въ 1224 г. Стефанъ умеръ. Онъ продолжалъ дѣйствовать по мысли отца. Ежели отецъ его усилилъ свою власть усмиреніемъ враговъ своихъ, то онъ стремился къ усиленію своей власти въ нравственномъ отношеніи, и для этого лучшимъ средствомъ нашелъ вѣнчаніе и принятіе королевскаго званія: черезъ то онъ становился наровнѣ съ сосѣдними государями и возвышался въ глазахъ своихъ подданныхъ. Вѣнчаніемъ и принятіемъ королевскаго званія узаконялось право Неманичей на Сербскій престолъ и отстранялись навсегда всѣ покушенія стороннихъ родовъ. Сильнымъ помощникомъ ему является духовенство въ лицѣ брата, который, подъ конецъ его царствованія, упрочиваетъ Сербское духовное чиноначаліе, учреждаетъ епископства и испрашиваетъ Сербіи архіепископа съ правомъ поставляться отъ Сербскихъ епископовъ. Столицею утверждена была Раса.

Стефанъ оставилъ по себѣ четырехъ сыновей: Радослава, Владислава, Уроша и Предислава, принявшаго иноческій санъ и бывшаго въ послѣдствіи архіепископомъ подъ именемъ Савы II. Сначала на престолъ взошелъ старшій, Радославъ, вѣнчанный Савою въ Жичѣ. Онъ несчастливъ былъ женою: приключи же се радославоу кралю, говоритъ лѣтописецъ, жена даланда юна ини реши новы езавель и елиих пострада иь юбаче не сьвидень бысть ехідною[2]. Поддавшись женѣ, ѿ нея врежень бы оумомь[3], по чему бояре, видя его неспособность, предпочли ему слѣдовавшаго за нимъ способнѣйшаго, Владислава. Открылась усобица; Радославъ былъ изгнанъ, dejectus, по выраженію Бранковичева лѣтописца[4], ок. 1234 г., и бѣжалъ въ Драчъ, отсюда въ Дубровникъ, пока наконецъ Сава убѣдилъ его постричься въ монахи и вѣнчалъ Владислава. Изъ Радославовой грамоты (С. № 2), данной имъ уже въ Дубровникѣ, въ 1234 г., февраля 4, видно, что Радославъ не очень добровольно, какъ думаютъ историки, уступилъ престолъ брату и бѣжалъ въ Дубровникъ ради своего правовѣрия и великаго прѣкаателььства своего брата, не теряя надежды снова когда нибудь сдѣлаться королемъ. Онъ титулуется: Стефань въ х҃а б҃а вѣрны краль всѣхъ рашкихъ зем҄ и трекоуниискихъ оунокь с҃таго симеона не-

---

[1] Лѣтописи у Шафар. въ Памятникахъ, стр. 60.

[2] Шафар., Памятники, стр. 31.—Гласникъ, ч. V, стр. 45.

[3] Доментіанъ, Житіе свв. Симеона и Савы, Рукопись.

[4] Arkiv za povjestnicu Jugoslavensku, III, 1854. Стр. 11.

маю. и сйь прьвовѣньтаньнаго крала блаженопочившега стѣфана монаха рѿслава. Въ этой же грамотѣ Хлумъ и Зета называются Сербскими областями.

Въ 1234 году Владиславъ заключилъ договоръ съ Дубровникомъ (С. № 3). обнаруживая безпокойство относительно прочности своего престола. Онъ требовалъ отъ Дубровничанъ помощи и выговаривалъ себѣ безопасный пріютъ въ ихъ городѣ, въ случаѣ бѣгства изъ Сербіи; это условіе объясняется словами Радослава: ако ми бь да и боудоу господарь како сьмь быль (С. № 2). При немъ какой-то Владиміръ опустошилъ Сербскія земли, и по тому Дубровничане обѣщали, что ни Владиміру, ни кому либо другому не станутъ давать совѣтовъ, враждебныхъ для Сербіи (С. № 8). Кто былъ Владиміръ—можно объяснить изъ Аппендини, который, подъ 1239 годомъ, пишетъ, что у Дубровничанъ съ Омышанами былъ састанокъ, stanko, гдѣ, со стороны Омыша, присутствовали епископъ Иларіонъ и графъ Владиміръ; тутъ же находился и повѣренный отъ короля Владислава.[1] Въ такомъ случаѣ значитъ, что Омышане, въ слѣдствіе стародавней привычки заниматься морскими грабежами, опустошали и земли Сербіи, прилежащія къ морю. Отъ нихъ, какъ мы знаемъ, много терпѣли Далматскія общины. Грамота Поморскаго князя Юрія (С. № 10) свидѣтельствуетъ, что супругою этого князя Юрія была дочь Владислава. Вотъ подлинныя слова Юрія: да сьда (теперь) сѹ ходили мои жѹпане кь (коихъ) е даль краль владиславь мьнѣ и моеи женѣ а своеи кьщери прѣдь вашь градь по ȥаповѣди крала ѹроша. До сихъ поръ ни въ какомъ другомъ источникѣ не было извѣстія о дочери Владислава. Дѣло, какъ видно, происходило уже при преемникѣ послѣдняго, королѣ Урошѣ I. Трудно рѣшить, что это за князь Юрій? Изъ словъ его видно, что онъ владѣлъ какимъ-то приморскимъ городомъ, быть можетъ, Омышемъ; это предположеніе подтверждается тѣмъ, что, по словамъ Юрія, Венеціянцы съ Дубровничанами, ходили на его городъ; а этому, мы знаемъ, обыкновенно подвергался Омышъ: вы вѣсте властеле кьда на ны подѹ дрѣва ȥаморьска и бьнетьчьска на нашь градь: тьда ваша (Дубровничанъ) дрѣва поль̂ѣ (подлѣ) нихь ѥредѹ на ны—писалъ князь Юрій; а имя его посла, князя Озора, задержаннаго на пути, еще яснѣе указываетъ на Омышъ. Владиславъ владѣлъ, между прочимъ, Хлумомъ и Травуніею, какъ видно изъ его титула: ѣ (я) стефань влдславь. спомокнию бжиѡвь кра̂ всѣхь. рашки̂ ȥм̂ь. и диѡклитие. и далмацие. и травѹние. и ȥахльмие (С. № 7). Онъ подписывался: Стефань Влдславь Спомокнию бжиѡвь Кра̂ всѣ рашки̂ ȥм̂ь и приморски̂. Около 1237 г. преставился архіепископъ Сава I и погребенъ былъ въ построенномъ при Владиславѣ монастырѣ Милешевѣ. Вскорѣ потомъ окончилось и царствованіе Владислава.

На престолъ взошелъ третій братъ, Урошъ I. Доселѣ историки утверждали, что Владиславъ кончилъ свое царствованіе вмѣстѣ съ своею жизнію, и колебались между 1237 и 1240 годами его смерти; но изъ грамотъ объясняется это колебаніе тѣмъ, что Владиславъ былъ еще живъ, когда Урошъ принялъ власть въ свои руки. Въ 1244 году Дубровничане обѣщали Урошу, что не станутъ принимать участія въ враждебныхъ ему дѣйствіяхъ Владиславовой супруги, проживающей въ ихъ городѣ: икоре. ни сь нашемь ст̈омь. ни сь нашемь вѣдениемь. кралица владиславльа. нсь нашега града. ни по морѣ. ни по сѹсѣ. ни ѹ восьнѣ. да не пошлѣ ни книга. ни слѣ (пословъ). на твои ȥло (С. №. 12). Еслибъ супруга Владислава была уже вдовою, то она не имѣла бы никакого повода, ни права дѣйствовать противъ Уроша; она могла такъ поступать только въ

[1] Т. I, стр. 280.

правахъ своего мужа, находившагося еще въ живыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, другая грамота, писанная чрезъ 9 лѣтъ послѣ первой, въ 1253 году, свидѣтельствуетъ, что Владиславъ былъ еще живъ (С. № 16). Въ ней Дубровничане обѣщаютъ Михаилу Асѣну не принимать къ себѣ ни Уроша, ни брата его, Владислава, ни родичей и бояръ ихъ, если они будутъ выгнаны Булгарами изъ Сербіи, **и аще. богь. поможеть. стомути. црствꙋ. исьиꙁдити. врага. твога. и нашега. ꙋроша. ись срьске. ꙁемле. и брата. его. владислава. и родь ихь. нли. дрꙋꙁи. властеле. и прибегьнꙋ. градꙋ. дюбровникꙋ. ни да ихь. не примемо. ни. рꙋци. ихь.** Урошъ не даромъ получилъ названіе Великаго: отъ всѣхъ враговъ своихъ, даже отъ брата умѣлъ онъ избавиться счастливо, и при немъ Сербія не была ни ослаблена, ни унижена; Греки и внутреннія усобицы не тревожили ея. Хотя отъ Угорскаго короля онъ и принялъ, по выраженію лѣтописца, **многа ѡꙁлобленїа и скрьби**[1], однако умѣлъ отдѣлаться отъ него. Только Татары въ 1241 году, при своемъ нашествіи на Угрію, захватили мимоходомъ часть Сербіи. Еще поднялись, было, Дубровничане, но дѣло кончилось безъ войны. Причину неудовольствій съ Дубровникомъ историки находятъ въ корыстолюбіи Уроша и стѣсненіи правъ Дубровницкой торговли. По этому Дубровничане обратились къ Венеціи, прося, чтобы она была посредницею между ними и Королемъ; они желали отправить своего князя, Георгія (Марцела?), ко двору Короля, надѣясь, что Урошъ приметъ въ уваженіе просьбу князя Георгія, какъ родственника Венеціянскому дожу. Но сенатъ Венеціянскій не хотѣлъ, чтобы Дубровникъ оставался въ мирѣ съ Сербіею и далъ тайное повелѣніе дожу не ходить ко двору Уроша. Тогда Дубровничане заключили договоръ съ Михаиломъ Асѣномъ; но дѣла въ Булгаріи отвлекли вниманіе этого послѣдняго, и войны съ Сербіею не было. Дубровничане обязались платить Урошу 2000 перп. за право торговли и владѣнія землею. Такъ повѣствуетъ Аппендини[2] Изъ нашихъ грамотъ не видно, чтобы Урошъ стѣснялъ права Дубровницкой торговли: напротивъ, мы имѣемъ грамоты его, писанныя прежде и послѣ того времени, когда война готова была вспыхнуть (С. №№ 12, 13, 17, 21, 22), и въ нихъ не видно никакого стѣсненія торговыхъ правъ, хотя нѣтъ и уступокъ. Но что чувство взаимной вражды таилось издавна, это свидѣтельствуютъ грамоты: еще около 1240 года Приморскій князь Юрій писалъ Дубровничанамъ, что его жупаны ходили на ихъ городъ по повелѣнію короля Уроша (С. № 10). Съ своей стороны Дубровничане, въ 1249 году, вступили въ союзъ съ Боснійскимъ баномъ Стефаномъ, который обѣщалъ на всякій случай: **ако се разьратите. сь кралемь рашьки. да вась не дамь. ни вашь добитвкь. наче да ви ꙋхранимо** (С. № 14). Война еще только предполагалась. Даже при Георгіи Марцелѣ, около 1253 г., Дубровничане не обнаруживали никакихъ враждебныхъ замысловъ и испросили грамоту у Уроша на право торговли въ его земляхъ съ условіемъ платить законныя царины (С. № 17). Но при томъ же князѣ, 15 іюня 1253 года, они заключили союзъ съ Булгарскимъ царемъ, Михаиломъ Асѣномъ, и уже ясно высказали возможность близкой войны съ Урошемъ. Въ договорѣ (С. № 16) согласились уже о взаимныхъ отношеніяхъ, которыя долженствовали наступить по завоеваніи Сербіи Булгарами и изгнаніи Уроша съ Владиславомъ. Уклончивость Георгія Марцела, слѣдовавшаго тайнымъ предписаніямъ Венеціянскаго сената, вѣроятно, послужила поводомъ къ его

---

[1] Шафар. Памятники, стр. 52.
[2] Т. I, стр. 281.

увольненію; ибо въ 1254 году, 22 мая, Дубровницкіе властели одни вступили въ подобный союзъ съ Радославомъ Андреевичемъ Хлумскимъ, который обязывался: ѿ дьньшни дьнь напрѣдь: противꙋ моеи сили: и свонми лꙋдьми: да бꙋдꙋ дрьжань (обязанъ) ꙋчинити: рать краꙋ ꙋрошꙋ: и его вѣмь лꙋдемь: доколѣ вашь градь дꙋбровьникь ꙋ рать стои (сь) кралемь ꙋрошемь: и сь его вѣми лꙋдьми: (С. № 20). Но войны настоящей не было; непріязненныя дѣйствія ограничились взятіемъ въ плѣнъ съ обѣихъ сторонъ по нѣскольку челядинцевъ. Въ томъ же, 1254 году, 23 августа, при князѣ Андреѣ Златѣ, состоялся миръ между Урошемъ и Дубровникомъ. Король далъ грамоту (С. № 21), которою освобождалъ его купцовъ отъ всѣхъ земскихъ повинностей въ Сербіи и отъ всѣхъ притѣсненій и позволялъ свободно производить торговлю по всему королевству съ платою условленной царины. Дубровничане съ своей стороны обязались: оказывать ему должную почесть, какую оказывали его дѣду и отцу; отдать всѣ тѣ земли, которыя по суду окажутся королевскими; въ случаѣ пришествія въ ихъ городъ, принять его, какъ слѣдуетъ, и не вспоминать никакихъ прежнихъ неудовольствій, ни возвышать для него цѣны на съѣстные припасы; судить его подданныхъ не иначе, какъ при Сербскомъ судьѣ; оказывать всякое должное удовлетвореніе; немедленно возвратить всю плѣнную челядь и удерживать всякія враждебныя покушенія проживающихъ въ ихъ городѣ враговъ Сербіи (С. № 26). Отсюда видно, что дѣла кончились къ выгодѣ Уроша, и изъ намека о землѣ можно догадываться, что война возникла не за торговлю и не отъ корыстолюбія Уроша, а за несправедливое со стороны Дубровника завладѣніе землями Сербскаго королевства. Слѣдовательно, не корыстолюбіе, но долгъ правителя заставлялъ Уроша требовать возмездія отъ Дубровника, и очень вѣроятно, что послѣ того Дубровничане стали платить Сербскимъ королямъ ежегодную дань, 2000 перп., хотя въ нашихъ грамотахъ, не идущихъ, впрочемъ, далѣе 1254 года, нѣтъ объ этомъ никакого извѣстія. При Урошѣ I Хлумъ уже не принадлежалъ Сербіи, какъ видно изъ договора съ Дубровникомъ Хлумскаго жупана Радослава, который называетъ себя клятвенникомъ Угорскаго короля и обѣщаетъ дѣйствовать противъ Уроша (С. № 20). Урошъ, женатый на Еленѣ, изъ Нѣмецкаго рода [1], имѣлъ двухъ сыновей, Драгутина и Милутина. Первому, женатому на Екатеринѣ, дочери Стефана V Угорскаго, онъ обѣщалъ при своей жизни уступить престолъ, и уже Драгутинъ начиналъ настойчиво напоминать о данномъ завѣщаніи, когда Урошъ вдругъ рѣшился отдать престолъ способнѣйшему, Милутину, и просилъ для него въ супруги дочь императора Михаила Палеолога. Но сватовство разстроилось, а между тѣмъ Драгутинъ, съ помощію Угорскаго войска, разбилъ отца и принудилъ его бѣжать въ Драчъ, гдѣ Урошъ и умеръ въ 1272 г., заплативъ жизнію за то, что хотѣлъ осуществить мысль новую, волю самодержца, и пренебречь старымъ порядкомъ наслѣдія. Подпись Уроша I такова: Стефань ꙋрошь спомокию бж҃иѥвь краль вьсеи рашькѣи з҃ми и поморьске.

На Драгутинѣ, царствовавшемъ отъ 1272 до 1275 г., видимъ сильное вліяніе духовенства и хитрыхъ дѣйствій Милутина. Мать и архіепископъ, Сава II,

---

[1] Одинъ лѣтописецъ (Шафар., Памятники, стр. 60) называетъ ее дочерью Угорскаго короля. Другой, Бранковичевъ (Arkiv za povjestn. Jugoslav., III, стр. 11), именуетъ ее regis Francorum filiam, т. е., дочерью какого-то Нѣмецкаго короля. Наконецъ третій (Гласникъ, ч. V, стр. 42, 49) уже прямо указываетъ на ея происхожденіе, говоря, что она была дочерью Болдуина II, императора Константинопольскаго.

дѣйствовавшіе, быть можетъ, въ согласіи съ Милутиномъ, до такой степени пробудили въ Драгутинѣ раскаяніе о поступкѣ съ отцомъ, что Драгутинъ рѣшился наконецъ отказаться отъ престола въ пользу брата, съ тѣмъ, чтобы Милутинъ передалъ послѣ себя престолъ сыну его, Владиславу. Вскорѣ онъ пытался снова сѣсть на престолъ; но духовенство, увлеченное способностями и дарами Милутина, вторично не допустило его до царствованія. Остальное время, до самой своей кончины, въ 1417 г., Драгутинъ жилъ въ Сремѣ, который, вмѣстѣ съ Мачвою, достался ему отъ тестя въ приданое за женою.

Послѣ Уроша I оставалась въ живыхъ его супруга, Елена. Приверженная къ Западной Церкви, она держалась въ Скадрѣ вблизи Дубровника. Даніилъ называетъ Брьнатками ея дворъ, гдѣ она жила и скончалась монахинею[1]. Въ Брьнаткахъ она дала грамоду Дубровнику съ обѣщаніемъ извѣщать граждан о всѣхъ враждебныхъ городу намѣреніяхъ Сербскаго короля: и ако име хтѣти (захочетъ) кралъ послати воиску на дубровникъ: или гусе (разбойника): или што годѣ пакостити дубровнику: да е ѿ мене вѣдѣние у градѣ колико наивеке (найболѣе) могу брьзо (С. № 27). Сдѣсь должно разумѣть Милутина, который дѣйствительно, по свидѣтельству Аппендини[2], былъ, въ 1288 году, въ дурныхъ отношеніяхъ съ Дубровникомъ, защищая Которцевъ. Елена, съ своей стороны, была недовольна имъ, по тому, что онъ около этого времени вступилъ въ противузаконный бракъ съ Елисаветою, сестрою Драгутиновой супруги, Екатерины. Грамота писана въ правленіе князя Ивана Сторлата[3] и архіепископа Аліярда. Въ 1289 году Елена выдала еще другую грамоту (С. № 32), въ которой подтверждала запись, данную Милутиномъ Дубровнику на обладаніе всѣми тѣми землями, которыми эта община владѣла при Урошѣ I (С. № 33).

Урошъ II Милутинъ, царствовавшій съ 1275 по 1321 г., представляетъ собою замѣчательное историческое лице: онъ является искуснымъ политикомъ и храбрымъ воиномъ. Онъ стоитъ въ уровень съ своимъ вѣкомъ, не щадя ни оружія, ни хитрости для достиженія своихъ цѣлей. Правда, его политика часто противорѣчила началамъ нравственности, но за то своею многосторонностію, своимъ искусствомъ никогда не ослабѣвала и всюду, во всѣхъ сношеніяхъ умѣла одержать верхъ. Нѣкоторые лѣтописцы и историки несправедливо смотрятъ на него только съ нравственной точки, и между тѣмъ, какъ эти не щадятъ для него упрековъ, другіе заботливо скрываютъ и оправдываютъ его недостатки. Но тѣ и другіе слишкомъ разъединяютъ свой взглядъ: въ государственномъ человѣкѣ мало видѣть одного человѣка; надобно смотрѣть на него, какъ на правителя, въ рукахъ коего хранится судьба всего народа. Въ государственномъ человѣкѣ трудно разгадать, что дѣлаетъ онъ по собственному влеченію и что по необходимости, по требованію обстоятельствъ. Окруженный тремя сильными и враждебными сосѣдями, стѣсняемый притязаніями Западной Церкви, Милутинъ, точно, не былъ разборчивъ на средства, но цѣлью его было доставить Сербіи спокойствіе и могущество. Въ этомъ случаѣ онъ жертвовалъ своею личностію пользѣ государственной. Мы должны удивляться его храбрости, гибкому и оборотливому уму и вмѣстѣ необыкновенному счастію; мы не должны также забывать, что непосредственнымъ

---

[1] Ранчъ, ч. II, стр. 501.

[2] Т: I, стр. 282.

[3] Издатели Споменниковъ, при имени князя Сторлата, выставили 1268 годъ; но въ этомъ году еще былъ живъ Урошъ I, и Елена никакъ не могла бы дать грамоты съ такимъ содержаніемъ и притомъ въ Брьнаткахъ.

его сосѣдомъ, съ которымъ наиболѣе имѣлъ онъ дѣла, была Восточная Имперія, не щадившая хитрости и денегъ въ сношеніяхъ своихъ съ иноземными народами; съ такимъ сосѣдомъ, стоявшимъ уже на крайней степени внутренней порчи и государственнаго разврата, приходилось часто дѣйствовать равнымъ оружіемъ и хитрость противупоставлять хитрости. Самый престолъ Милутинъ добылъ посредствомъ хитрости. Чрезъ духовенство, любовь котораго онъ снискалъ благочестіемъ, дарами и строеніемъ монастырей, онъ умѣлъ внушить брату ту глубокую набожность, то чистое раскаяніе, которыя отстраняли его отъ всякого вмѣшательства въ дѣла государственныя. Даже умирая, Драгутинъ не позаботился подкрѣпить сына достаточными средствами къ принятію престола послѣ дяди; а между тѣмъ Владиславъ имѣлъ полное право на престолъ, въ чемъ соглашался и самъ Милутинъ. Не менѣе удачны были и внѣшнія его дѣйствія. Онъ первоначально былъ женатъ на дочери Іоанна Ангела, севастократора Ѳессаліи и Локриды [1], и, прикрываясь этимъ родствомъ, дѣлалъ постоянныя вторженія въ Греческія владѣнія, когда одинъ, когда съ братомъ, Драгутиномъ. Михаилъ Палеологъ, поднялся, было, на него, но умеръ дорогою, въ 1283 г. Ни Греческіе вельможи, ни помощь Татаръ, Турокъ и Фруговъ (Франковъ) не могли ничего сдѣлать. Милутинъ, въ нѣсколько походовъ, завоевалъ оба Полога, Скопле, Овчеполе, Златову, Піанецъ, Струмицу, Серъ, Дьбрьскъ, Кичаву, Порѣчье, опустошилъ Влахіотскую землю и доходилъ до Солуна и Аѳона. (Гр., стр. 42, № 4). Состояніе Греціи позволяло ему свободно захватывать у нея города и земли. Безопасный съ этой стороны, онъ обратилъ свое вниманіе на Босну и, чтобы получить ее, оставилъ свою первую жену подъ предлогомъ безплодія и женился на Елисаветѣ, сестрѣ Ладислава, Угорскаго короля, и Екатерины, супруги Драгутиновой. Дѣйствительно, въ приданое за Елисаветою, ему досталась Босна, въ 1286 г. А чтобы задобрить папу, Милутинъ при посредствѣ матери своей, Елены, обѣщалъ ввести въ Сербію Римско-католическую вѣру и изгнать Патареновъ. Но безпорядки въ Булгаріи отвлекли его вниманіе отъ обѣщаннаго вѣрообращенія. Татаринъ Ногай, свергнувъ Тертера, возвелъ на Булгарскій престолъ Смильцу и затронулъ Сербскія области. Споръ конченъ былъ бракомъ: Страшимиръ, правитель Видина, главный и ближайшій къ Сербіи военачальникъ Смильцы, женилъ своего сына, Михаила, на Недѣ, дочери Милутина. Когда же сынъ Ногая, Цаха, посадилъ на Булгарскій престолъ Святослава, сына Тертерова, тогда, для предотвращенія непріязненныхъ столкновеній, самъ Милутинъ, отвергнувъ Елисавету, женился на дочери Тертера, сводной сестрѣ Святослава, въ 1296 г. Ему уже нечего было бояться Угріи; ибо тамъ, по убіеніи Ладислава, Андрей III былъ слишкомъ занятъ дѣлами. Между тѣмъ на югѣ опустошенія Греческихъ земель продолжались при помощи Греческаго измѣнника Котаницы. Наконецъ царь Андроникъ Старшій не нашелъ лучшаго средства къ укрощенію опаснаго врага, какъ то, къ которому всегда прибѣгала Византійская политика въ крайнихъ обстоятельствахъ и которое допускалъ, какъ видимъ, и Милутинъ. Онъ предложилъ Милутину жениться на его дочери: два послѣдніе брака Милутина, какъ заключенные отъ живой жены, сочтены были недѣйствительными, а смерть первой его супруги вполнѣ отстраняла всякое къ тому препятствіе, — и восьмилѣтняя Симонида вступила въ бракъ съ сороколѣтнимъ Милутиномъ. Въ силу брачнаго договора, дочь Тертера и Котаница были выданы Грекамъ;

[1] Corp. Script. Hist. Byz. Nicephorus Gregoras, v. I, p. 203. — Stritter, II, 205.

Милутинъ обязался не тревожить Греческихъ земель и помогать тестю противъ Персовъ. У того и другаго были свои виды: Адроникъ освободился отъ Сербовъ, которые, по словамъ лѣтописцевъ, et ipsi infestissimi hostes erant, et Romano imperio magnas quotidie clades inferebant, и даже получилъ отъ нихъ вспоможеніе противъ Турокъ. Виды Милутина были обширнѣе. Хотя онъ и не тревожилъ болѣе Греческой имперіи, но за то уже смотрѣлъ на нее, какъ на свою собственность. Неудовольствія Святослава и Драгутина, возникшія по случаю брака, взялся уладить самъ Императоръ. Милутинъ былъ совершенно спокоенъ. Далекіе виды на Грецію требовали отъ него дѣлъ благочестія; онъ строилъ и обогащалъ церкви въ Сербіи и самой Греціи, какъ-то: въ Солунѣ, Царьградѣ и на Аѳонѣ; даже посылалъ дары на Синай, и въ Ерусалимѣ построилъ новую церковь свв. архангеловъ Михаила и Гавріила [1]. Къ этому же времени относятся его грамоты, данныя Хиландару. Первою своею грамотою (А. № 6) онъ подтвердилъ и переписалъ прежніе хрисовулы отца и дѣда, заключавшіе ихъ надачи Хиландару; тутъ же вписалъ и свои пожертвованія, состоявшія въ нѣсколькихъ селахъ съ заселками, пашнями и влахами, церквахъ, пасѣкахъ, виноградникахъ и пр. Изъ того, что онъ подарилъ Хиландару церковь архистратига Михаила въ Штипѣ и села съ людьми въ Струмицкой области, мы видимъ, какъ далеко простирались его владѣнія на югъ. Вообще плодоносная и прекрасная равнина Македоніи, орошаемая рѣками Вардаромъ и Струмою и населенная, по большей части, Славянами, составляла главную цѣль, куда устремляли свое оружіе Сербскіе короли. Самое ея положеніе, относительно Сербіи, служило тому причиною. Сербія всею своею южною частію, заключенною въ дугѣ горъ, окружающихъ съ юга притоки восточной Моравы отъ Расы до Ниша, упиралась въ эту равнину: стоило только перейти горы и естественнымъ продолженіемъ Сербіи являлась эта равнина, открывающая свободный путь къ морю и Аѳону. Уже Неманя сдѣлалъ первый шагъ за горы, овладѣвъ Призрѣномъ, Скоплемъ и Средцемъ: Милутинъ же дошелъ до Сера (Сереса), и это былъ самый южный предѣлъ его владѣній. Изъ той же грамоты узнаемъ, что въ это время, ок. 1302—1306 г., архіепископомъ Сербскимъ былъ Евстаѳій II, а епископства были слѣдующія: Зетское, Рашское, Звечанское, Хвостенское, Хлумское, Призрѣнское, Топлицкое, Будимльское, Лимлянское (Липлянское), Скопльское, Дьбрьское и Моравское. Сравнивъ этотъ списокъ съ тѣмъ, который приводится у Енгеля [2], видимъ, что въ послѣднемъ пропущено Звечанское и показаны еще четыре епископства: Браничевское, Мачевское, Градецкое и Кончульское. Между тѣмъ въ грамотѣ упомянуты *всѣ* епископства: это противорѣчіе можетъ быть объяснено тѣмъ, что грамота писана задолго до конца царствованія Милутина и по тому Звечанское могло быть уничтожено, а два вторыя епископства могли быть основаны послѣ, при Никодимѣ, которому приписываютъ устроеніе церковаго чиноначалія; что же касается до двухъ первыхъ, то они не упомянуты по тому, что находились во владѣніяхъ Драгутина. У Раича [3] пропущены два: Звечанское и Топлицкое. Изъ хрисовула Милутинова, писаннаго уже при Никодимѣ, и сообщеннаго Шафарикомъ, находимъ слѣдующій списокъ епископамъ: Зетскій,

---

[1] Неманя избралъ въ покровители своей земли архистратига Михаила: отъ того церковь, построенная Милутиномъ, называется иногда церковью одного архистратига Михаила. Ср. гр-ы Уроша V, Г., ч. II, и Душана, С. N 35.

[2] Gesch. v. Serv. u. Bosn., стр. 255.

[3] Ч. II, стр. 625.

Рашскій, Хлумскій, Хвостенскій, Топлицкій, Будимльскій, Дьбрьскій, Моравицкій, Скопльскій, Призрѣнскій, Иплянскій, Браничевскій, Мачевскій, Градацкій и Кончульскій[1]. Этотъ списокъ во всемъ согласенъ съ Енгелевымъ. Въ спискѣ Григоровича, заимствованномъ изъ грамоты, писанной тоже при Никодимѣ, опять встрѣчаемъ пропускъ; нѣтъ епископовъ: Моравицкаго, Скопльскаго, Призрѣнскаго, Градецкаго и Кончульскаго, хотя прочіе епископы составляли вьсь сь бгомъ сьбранимын лнкь вьсе срьбскые ȥемли (Гр., стр. 47, № 12). Во второй и третьей грамотахъ (А. №№ 2, 3) Милутинъ говоритъ о сооруженіи пирга или башни съ храмомъ Спасителя для защиты Хиландара отъ морскихъ разбойниковъ и придаетъ пиргу испрошенное имъ у Греческаго царя въ Струмской области село Куцово со всѣми принадлежностями и доходами близъ селъ монастырскихъ. Мѣсто, гдѣ былъ построенъ пиргъ, называется Хрусіею; пиргъ великъ и твердъ и окруженъ градомъ; внутри церковь въ честь вознесенія Господня и кельи, изъ которыхъ одна назначена для самого Милутина. Старецъ, управляющій пиргомъ, поставляется только изъ Хиландарскаго монастыря и избирается общимъ совѣтомъ братіи, способнѣйшій на то послѣ игумена и башты; безъ достаточной вины старецъ не отставляется отъ управленія пиргомъ. Пиргъ не отдѣляется отъ монастыря, но единствуетъ съ нимъ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ далъ еще четвертую грамоту (А. № 4), въ которой подтвердилъ всѣ прежнія надачи Хиландару и пиргу, положилъ отпускать изъ монастыря пищу для братіи, живущей въ пиргѣ, запретилъ монастырскимъ властямъ касаться всего того, что принадлежитъ пиргу, движимаго и недвижимаго, живаго и мертваго имущества, даннаго на украшеніе и поддержаніе пирга; опредѣлилъ снова взаимное единство пирга и Хиландара; наконецъ приписалъ къ послѣднему еще два села въ Скопльской области со всѣми ихъ людьми и доходами. Обѣ послѣднія грамоты засвидѣтельствованы архіепископомъ Савою III, по согласію со всѣми епископами, и утверждены его подписью: сава по млти бжнии архиепть всѣ срьбски й поморскихь ȥемль. Въ припискѣ архіепископа исчислены всѣ его предшественники; вотъ они: Сава (I), Арсеній, Сава (II), Іоанникій, Евстафій, Іаковъ, Евстафій (II). Таковы были благочестивыя дѣйствія Милутина. Какъ бы то ни было, онъ умѣлъ пріобрѣсти благоволеніе супруги Андроника, царицы Ирины, которая готовила ему Византійскій престолъ, посылала множество денегъ и даже отправила въ Сербію двухъ сыновей своихъ. Цѣлью ея и Милутина было соединеніе обоихъ государствъ. Но однимъ изъ важнѣйшихъ препятствій былъ незаконный[2] сынъ Милутина, Стефанъ Урошъ, жившій доселѣ въ Зетѣ. Вскорѣ и это препятствіе было устранено. Самъ Стефанъ подалъ къ тому поводъ. Между тѣмъ, какъ Греческая сторона, предводительствуемая Симонидою и Ириною, старалась очернить его въ глазахъ отца[3], бояре другой, Сербской, стороны, боясь владычества Грековъ, пришли къ Стефану въ Зету и убѣдили его возстать противъ отца[4], но рать отцова была сильнѣе, и Стефанъ смирился. Вслѣдъ

---

[1] Лѣтописи у Шафар. въ Памятникахъ, стр. 54.

[2] Объ этомъ прямо говорятъ Орбини (стр. 226, 227) и Дюфренъ (Famil. Dalm. et. Slavon., гл. III, § LVIII); да и самыя обстоятельства подтверждаютъ то же.

[3] Цароставникъ (у Ранча, ч. II, стр. 638), Житіе Стефана Дечанскаго, писанное Дечанскимъ игуменомъ Григоріемъ, (Рукопись. См. Введеніе, стр. 23. Примѣч. 3) и Лѣтописи (Шафар., Памяти., стр. 61, 70.—Гласникъ, ч. V, стр. 61) подтверждаютъ извѣстіе Мадія о томъ, что Стефанъ былъ оклеветанъ Симонидою. Ср. Engel, Gesch. v. Serv. u. Bosn., стр. 245.

[4] Даніилъ у Ранча, ч. II, стр. 612.

за тѣмъ онъ былъ ослѣпленъ въ Скоплѣ и отвезенъ въ Царьградъ, въ 1307 г., подъ надзоръ Грековъ. Бракъ Милутина съ царевною привелъ въ трепетъ старую Елену, которая, какъ иностранка, не любила сношеній съ Востокомъ. Милутинъ спѣшилъ увѣрить папу въ своей преданности къ Римо-католицизму и подтвердить запись своего дѣда, Стефана Первовѣнчаннаго, Бенедиктинскому монастырю на Млѣтѣ. Въ то же время Боснійскія земли, занятыя Павломъ Бребирскимъ, были снова завоеваны, и владычество Сербіи простерлось до самого Дуная. Въ 1305—1307 г. Милутинъ подтвердилъ запись своей матери, Елены, монастырю пресвятой Дѣвы Маріи, сооруженному ею въ Рьтцѣ близъ Бара (Мк.). Этимъ, конечно, хотѣлъ онъ продолжить, по смерти матери, хорошія отношенія къ Риму, которыя поддерживала Елена. Явился другой притязатель Византійскаго престола, Карлъ Валуа. Милутину нужно было сойтись и съ нимъ. Заключенъ былъ взаимный союзъ: Милутинъ обѣщалъ Карлу вспомогательное войско, а сынъ Карла, герцогъ Алансонскій, долженъ былъ жениться на Зарицѣ, сестрѣ Неды; въ добавокъ Милутинъ писалъ къ папѣ, изъявляя свою покорность Римской Церкви. Уже папа прислалъ ему исповѣданіе вѣры и священное знамя; какъ вдругъ ссора съ Венеціянами разстроила всѣ замыслы Карла. Милутинъ, видя его безсиліе, прекратилъ съ нимъ сношенія, а папу извѣстилъ, что не можетъ ввести у себя Римско-католическаго вѣроисповѣданія, ибо боится гнѣва тещи и брата. Сношенія съ Святославомъ Булгарскимъ и Андроникомъ сдѣлались тѣснѣе. Владиславъ, сынъ Драгутина, былъ тотчасъ, по смерти отца, схваченъ и посаженъ въ заключеніе. За то Сербское духовенство и бояре, воспользовавшись несогласіемъ Милутина съ Симонидою, успѣли склонить его къ возвращенію сына, Стефана, изъ Греціи. Стефану данъ былъ для жительства городъ Будимль. Но гроза собиралась надъ Милутиномъ. Еще въ 1314 г. папа, за вторженіе его въ Угрію, проповѣдывалъ противъ него крестовый походъ. Въ 1318 г. Карлъ Робертъ Угорскій, желая возвратить Драгутиновы земли, соединился съ Карломъ II Сицилійскимъ, правителями Албаніи, графами Бребирскими и мн. др.; Мачва и Босна были завоеваны. Но судьба и на этотъ разъ спасла Милутина. Карлъ Робертъ былъ отвлеченъ волненіями въ Угріи. Папа хотѣлъ, было, въ 1320 г., поднять на Милутина всю западную Европу, но и этотъ крестовый походъ не состоялся. Такимъ образомъ Милутинъ счастливо избѣгнулъ грозы Запада. Въ 1321 г. онъ умеръ, готовясь помогать Андронику Младшему противъ Старшаго. Онъ подписывался: **Стефань Оурошь вь хā бā благовѣрныи краль** (или по **мл̃ти бж̃ии краль**) **и сь бг̃омь самодрьжьць всѣхь срьбскихь земль и поморскихь**; или: *Стефанъ Урошъ въ Христа Бога благовѣрный и христолюбивый краль и самодержецъ сербскихъ земель.*

Тотчасъ по смерти Милутина народъ Сербскій призвалъ на престолъ Стефана Уроша III. Константинъ, другой незаконный сынъ Милутина, и Владиславъ Драгутиновичъ были обойдены. Послѣдній имѣлъ болѣе всѣхъ права на престолъ, какъ законный сынъ старшаго Неманича; но порядокъ наслѣдства былъ уже нарушенъ столь частымъ забвеніемъ старшинства; Милутинъ же окончательно разрушилъ его, оскорбивъ и уничтоживъ въ лицѣ Владислава послѣднее его основаніе — право законности. При томъ отдѣльность Сремской области и долгое пребываніе Владислава въ заключеніи заставили народъ отвыкнуть отъ него и не довѣрять ему своей судьбы. Проигравъ битву въ 1324 г., Владиславъ вскорѣ потомъ умеръ. Доселѣ власть находилась въ рукахъ рода Неманичей, и повторялось въ этомъ родѣ то же самое, что было до Немани и

при Немани въ родѣ Белы Уроша: братья наслѣдовали братьямъ. Радославъ, Владиславъ и Урошъ I преемствовали одинъ другому; Милутинъ вступилъ на престолъ за Драгутиномъ. Но въ лицѣ Владислава родъ вторично проигралъ передъ семьею, и на немъ отразилось торжество государственныхъ началъ. Владиславъ одинъ оставался законнымъ наслѣдникомъ послѣ Милутина, какъ сынъ старшаго брата и единственный Неманичъ. Напротивъ, рожденіе Стефана (Дечанскаго) и Константина намъ неизвѣстно. Мы имѣемъ полное право предполагать ихъ незаконными сыновьями Милутина, которымъ отецъ не думалъ отдавать въ наслѣдство престолъ, но которымъ далъ для жительства частную собственность Неманичей, Зету и окрестности Скадра. Всего вѣроятнѣе, Милутинъ имѣлъ въ виду соединеніе Сербіи съ Греціею, доказательствомъ чему служатъ сношенія съ нимъ императрицы Ирины и поѣздка ея сыновей въ Сербію. Отъ того-то Милутинъ и не заботился выставить себѣ наслѣдника изъ Неманичей. Но Сербскіе бояре, коренное сословіе Сербской земли, твердо хранившіе народную самостоятельность, не хотѣли имѣть у себя чужеземныхъ королей, могшихъ внести съ собою и чужеземное вліяніе, обратились къ Неманичамъ. Забвеніе родоваго права и отвычка отъ Владислава доставили торжество Стефану. Ему помогли Зетскіе бояре, которые, какъ старожилы той земли, откуда вышли Неманичи, гдѣ было ихъ гнѣздо, не разъ выказывали свои права на преобладающее вмѣшательство въ дѣлахъ всей Сербіи. Лѣтописцы искусно закрываютъ рожденіе Стефана и Константина: однако кто же была ихъ мать? И были ли законные сыновья у Милутина? Енгель прямо называетъ Стефана ein natürlicher Sohn[1]; Давыдовичъ допускаетъ это только, какъ мнѣніе нѣкоторыхъ[2]. Зетскіе бояре, удаленные отъ Владислава и, можетъ быть, забывшіе объ немъ, были рады старшему, хотя и незаконному, сыну Милутина и постарались объ его возведеніи. Но послѣ этого по чему жь бы и Константину не сѣсть было на Сербскій престолъ? Онъ, также какъ и Стефанъ, владѣлъ отцовскою собственностію (гдѣ-то около Скадра). Но если уже не успѣлъ законный Владиславъ, которому предпочтенъ былъ сынъ того, кто такъ возвысилъ Сербію, чья память была такъ еще свѣжа въ народѣ, то тѣмъ менѣе могъ успѣть младшій и такой же, какъ Стефанъ, незаконный Константинъ. Однако онъ послалъ сказать Стефану, чтобы этотъ, какъ слѣпой и неспособный къ управленію, уступилъ ему престолъ; но Стефанъ не былъ совершенно слѣпъ и нравился народу своимъ благочестіемъ и еще тѣмъ, что поддержалъ народную сторону, предупредивъ соединеніе Сербіи съ Греціею. Стефанъ отвѣчалъ, какъ истинный государь: «пусть Константинъ, второй сынъ отца, возьметъ себѣ и второе мѣсто въ королевствѣ и будетъ мнѣ сподручникомъ»; но Константинъ, держась стараго порядка и недовольный отвѣтомъ, въ которомъ проявлялась новая, государственная мысль, мысль самодержавія, далъ сраженіе и былъ убитъ[3]. Лѣтописецъ явно обличаетъ участіе бояръ въ этой борьбѣ, называя ихъ «дворянами[4]». Угрожаемый

---

[1] Gesch. v. Serv. u. Bosn., стр. 240 и др.

[2] Дѣянія къ исторіи Сербскаго народа. Забавникъ. 1821. Стр. 72.

[3] Отъ Константина сохранилась одна монета, на которой вычеканено: S. Stefanus Scutari (Г., III, стр. 219). Но Занетти ошибается, называя его сыномъ Маріи, дочери царя Андроника: Симонида (а не Марія) была безплодна. Безыменный лѣтописецъ (Гласникъ, ч. V, стр. 59) равномѣрно ошибается, считая его законнымъ сыномъ Милутина отъ Симониды. Дюфренъ же (Fam. Dalm. et Slavon., гл. III, § LVI) думаетъ, что онъ былъ сынъ Драгутина.

[4] Гласникъ, ч. V, стр. 62.

сильнымъ сосѣдомъ, Робертомъ Угорскимъ, Стефанъ сталъ, по примѣру отца, хлопотать о своемъ бракѣ съ дочерью Карлова родственника, Филиппа Тарентинскаго, и изъявилъ преданность Римскому престолу: отецъ его не разъ обманывалъ папу, обманулъ и онъ. Уже онъ читалъ публично Римско-католическое исповѣданіе вѣры, какъ вдругъ дѣла перемѣнились. Карлу Роберту стало не до Сербіи, и Стефанъ позабылъ о папѣ, Римо-католицизмѣ и бракѣ. Въ это самое время въ Восточной Имперіи происходила война между двумя Андрониками; на сторонѣ внука стоялъ Михаилъ Страшимировичъ Булгарскій, прогнавшій отъ себя жену свою, Неду. Стефанъ, помня прошедшее, принялъ сторону дѣда. Въ 1330 г. Михаилъ былъ побѣжденъ Стефаномъ. Объ этой побѣдѣ такъ разсказываетъ Душанъ въ своей грамотѣ, составляющей послѣсловіе къ его Законнику: Вь лѣт ,ѕ҃ѡ҃л҃и мц҃а іуніа ѳ҃і. дн҃ь. рекуще и цр҃а грьчаскаго михаила и брата его белаура. и алеѯендра цр҃а бльгаромь. и басараба иваика таста алеѯендра цр҃а. сумеь живущи̂ черныи̂ татарь и гн҃дство ꙗшко и проуіихь съ шнимь гн҃да.... Сінимь вьсемь пришьшимъ вь ѕемлю нашꙋ рекомое место велбꙋжь ꙗко до п҃ тисꙋщь и многа ѕла сьтворьшимь крайне томь.... и сьбравшимь намь вое ѕемліе, ѿчьствіа нашегь иже на брань уготовани мною ꙗко до еі҃ тисꙋщь... мц҃а іуліа кз҃ дн҃ь вь суботу вь ч҃а ѕ҃: и тако наишьшимь на нее. и млт҃ію бж҃іею поразихомь вс҃е победою великою вь удивленіе вьсемь ѡкрьстнимь цр҃емь и гн҃дромь и михаила цр҃ꙋ бльгарскомꙋ мьчемь главꙋ его ѿсѣхь: емꙋ же и до нн҃іа гробь его вь ѕемли нашей и многа именіа гн҃дра тѣ вьзе҃. ѕемлю нашꙋ исильнихомь[1].
Война съ Булгаріею и Греціею обогатила Стефана. На отнятую у непріятеля добычу воздвигнутъ былъ знаменитый храмъ въ Дечанахъ, въ 1327—1335 г., почему и самъ Стефанъ прозвался Дечанскимъ. До насъ дошли двѣ весьма замѣчательныя въ историческомъ отношеніи грамоты Стефана о построеніи и надачѣ Дечанскаго монастыря (С. № 176). Въ первой Стефанъ говоритъ о своемъ ослѣпленіи и сооруженіи монастыря; во второй исчисляетъ села, подаренныя монастырю, и людей монастырскихъ и въ заключеніе упоминаетъ о побѣдѣ надъ царемъ Булгарскимъ, Михаиломъ. Вотъ какъ описываетъ Стефанъ свое ослѣпленіе: тьже (дьяволъ) и ѕе вьселисе вь ѕлонравни и ѕломысльныи члѣкын. иже вьсиитѣше сты родителни кралѣ҃ами и само правтовни слюбовню ср҃ца. ꙗко братию и чеда. иже ѡставльше б҃а и великоую любовь нашю ѕабывше. начеше по малоу сѣꙗти ѕлыи плѣвелы. межоу мною и родителемь кр҃авьствами. нами различно вѣры сь льстию ꙗвлающесе. горши и ѡкаинѣи невѣрныхь ꙗвишесе. иже поревновавше моимоу доброму житию. свещаниемь ѕлыимь и непо҃бныимь наведоше его на таковое дѣло страшьное и непо҃бное. ꙗко не оудобь слышати ни вь оумь члвкомь вьмѣнити створише ѡ мнѣ иже створише. и послоушавь ихь вьскорѣ свѣта ѡтію моию лиши ме не потрьпѣвь ни испытавь истины и ни расоудивь испытно соуда ꙗко соудь бж҃и е҃. и еще ꙗсемоу и вь ѕатоечении вьдасть ме и сь чеды моими. прѣдати ме дрьжати вь костантинѣ градѣ цр҃оу андроникоу. рекше ꙗко по семь не ꙗвитисе имени моимоу ни чедомь моимь ни видѣти ѕемли ѿчьствиꙗ моего. Ясно, что сдѣсь Стефанъ говоритъ о боярахъ, придворныхъ и державшихъ Греческую сторону: кого же, какъ не бояръ, воспитали короли съ любовію, какъ свою братію и чадъ? Но о мачихѣ онъ не упоминаетъ, равно какъ совершенно отстраняетъ отъ себя всякую виновность. Впрочемъ, весьма правдоподобны и слова Даніила, который ему именно при-

[1] Лѣтопись 1828 г., ч. IV.

писываетъ покушеніе свергнуть отца. Молодость, незаконность рожденія и тѣсная дружба Милутина съ Ириною, обличавшая Греческое вліяніе, вредное для Сербской народности, могли отважить его на этотъ поступокъ. Если же въ послѣдствіи онъ является весьма благочестивымъ, то послѣдствіе не говоритъ за предыдущее: полуослѣпленный, изгнанный, въ рукахъ враговъ, Стефанъ могъ сознать свою ошибку и винить сколько отца, столько же и себя. Даніилъ не смѣлъ бы клеветать на него, во первыхъ, какъ современникъ, во вторыхъ, какъ обязанный ему столько же, сколько и его отцу. Замѣчу также, что въ грамотѣ, писанной по случаю благочестиваго дѣла, странно бы было искать сознанія какого либо проступка отъ того, кто ждалъ себѣ похвалы, какъ создатель великолѣпной обители, и притомъ въ тѣ времена, когда всякое зло приписывалось не своей доброй волѣ, а внушенію дьявола и наговору злыхъ людей. Уже не передъ кѣмъ было оправдываться: Милутинъ давно уже не существовалъ; и Стефану ничего не стоило представить себя совершенно правымъ. Всю вину своего ослѣпленія онъ возлагаетъ на отца и совѣтъ боярскій: такъ точно свидѣтельствуетъ и Даніилъ. Мадій приписываетъ ее одной только Симонидѣ, которая будто бы велѣла ослѣпить Стефана безъ вѣдома мужа. Всего лучше высказанъ въ грамотѣ характеръ бояръ, вѣроятно, не всѣхъ, но только сторонниковъ Симониды, научившихся у Грековъ хитрости, лести и жестокости. Тьжє (бь) продолжаетъ та же грамота — свѣдыи любовь и правдоу срдца моиго кь моимоу родителю. ...и ѿ мнѣ великои мл҃рдые свои свѣть ѡчию моию вьзвратиль просвѣти. и.... посади ме на прѣстолѣ стыхь родитель и прародитель кралѣвтами...... И бжіь дарованиємь вѣнцемь кралѣвта срьбскаго вѣнчань быхь на кралѣвтво вь єдинь днь сь сыномь моимь. вь лѣ, ѕ. ѿ. кѳ. мца. генар. ѕ. днь индикта. є. вь празникь бгоѩвлении. блгвнимь и роукою прѣѡсщеннаго архиєпспа никодима. и всѣхь єпспь и всего сьбора срьбскаго. ꙗко зватисе стефань бжіь помлованы и бжіь просвѣщены кра оурошь третии. За симъ вспоминаетъ преподобнаго Саву, устроившаго отечественное архіепископство и чиноначаліе, создавшаго нѣсколько храмовъ и перваго, обрѣтшаго въ Дечанахъ, въ Затрьнавской жупѣ, мѣсто красно и подобно на сьзданиє домоу бжии назнаменавь и прочєи блгви стыма роукама своима. быти имоу мѣстоу свѣтилищномоу. На этомъ-то мѣстѣ Стефанъ, въ исполненіе желанія св. Савы, создалъ храмъ во имя Спаса, украсилъ его всѣми красотами внутренними и внѣшними, утварями, одеждами, и надѣлилъ селами и катунами Влашскими и Албанскими; при храмѣ основанъ монастырь; и все строеніе благословлено и освящено архіепископомъ Даніиломъ, всѣми епископами и всѣмъ соборомъ Сербскаго духовенства. Далѣе поименованы села и люди, подаренные монастырю. Села, числомъ около 30, всѣ лежатъ по близости Дечанъ, и границы каждаго показаны весьма точно; при многихъ селахъ есть заселки. Люди, сидящіе въ селахъ, означены по именамъ и занятіямъ, и опредѣлены отношенія ихъ къ монастырю. Одно изъ селъ подарено монастырю въ благодарность за избавленіе отъ нашествія царя Булгарскаго. Надача совершена и утверждена въ присутствіи всего собора Сербской земли, духовныхъ и мірскихъ чиновъ и съ благословеніемъ архіепископа Даніила, всѣхъ епископовъ и игуменовъ и всего духовенства. Грамота оканчивается извѣстіемъ о побѣдѣ надъ Булгарами: й кто исповѣсть иже ѿ мнѣ мл҃рдиꙗ бжіꙗ показа чюде дивнии и слав҃нии всѣхь чюдесь. храмоу семоу живѣмоу и сиємоу хроусовоулоу записаваниомоу вь домоу кр҃стами оу породимли (Неродимлѣ). вьнезапꙋ побѣдисе црь бльгарски михаиль шишмань сь иними сплиими д. ми црн. и сь иноплеменїими ꙗзыкы. и многими погании

ия краль кралтками яржити хоте срьскоу землю. азь же противоу ниоу изыдь. и сь възлюбленнимь сйомь кралтами младимь кралмь стефаномь. и сь вскми кластели кралтами.... цра михаила оубихь и ѡбихь поношении иго. и иные цре побѣдихь и разбихь и възехь достоянии ихь. на мѣстѣ реномъмь вельбоужь. вь. лѣ. ѕѡ хи. мца июлѣ. вь. кй. днь. Сравнивъ эти слова съ вышеприведенными словами Душановой грамоты, мы находимъ между ними согласіе въ главныхъ событіяхъ: только грамота Душана описываетъ подробнѣе побѣду надъ Михаиломъ. По ея словамъ, побѣда совершена 27 іюля, а по свидѣтельству грамоты Стефана Дечанскаго, она произошла 28 того же мѣсяца: — противорѣчіе незначительное[1]. Также выраженіе въ послѣдней грамотѣ: цра михаила оубихь не отнимаетъ у Душана славы быть непосредственнымъ побѣдителемъ Булгаровъ: всѣ лѣтописцы называютъ Душана главнымъ виновникомъ побѣды и плѣненія Михаила. По словамъ грамоты, Душанъ самъ отсѣкъ голову Михаилу; но по свидѣтельству Византійскихъ лѣтописцевъ, Михаилъ, покрытый жестокими ранами, былъ взятъ въ плѣнъ и жилъ послѣ того четыре дня[2]. Григорій, игуменъ Дечанскій, повѣствуетъ, что Стефанъ—отецъ, въ продолженіи битвы, молился въ особенной сѣни, а Стефанъ—сынъ сражался съ врагами. Битва происходила на мѣстѣ вельбжжь сице нарицаемѣ кюстендиль же прилежащи. Очень вѣроятно, что слабость зрѣнія препятствовала Стефану принимать участіе въ этой битвѣ[3]. Наконецъ Михаилъ, ѿ воинь срьбскыи ять быв. приводитса къ сиж црвж стефанж. много тогды брати храброванія сътдѣлавшж и тж живота лиши оумилаемо[4]. Даніилъ въ числѣ союзниковъ Михаила помѣщаетъ и Карла Роберта Угорскаго[5]; Византійцы же упоминаютъ только о 300 Скиескихъ наемникахъ[6]. Но, конечно, главнымъ союзникомъ ему былъ императоръ Греческій, въ отищеніе коему Стефанъ завладѣлъ нѣсколькими Греческими городами, лежащими въ равнинѣ по Вардару и Струмѣ. Извѣстны еще двѣ грамоты Стефана Дечанскаго (А. №№ 7, 8): первая относится къ возобновленію и надачѣ селами церкви св. Николая въ Добруштѣ. Люди этихъ селъ подлежатъ общему закону людей церковныхъ: ими завѣдываетъ только монахъ, котораго поставляетъ игуменъ Хиландарскій, ибо церковь приписана къ монастырю. Сверхъ того церкви подаренъ торгъ Призрѣнскій, бывающій на Николинъ день, и 150 перп. ежегоднаго дохода. Въ послѣдствіи Урошъ V писалъ (С. № 45), что торгъ Призрѣнскій подаренъ имъ црквви гпя цра (Душана) архигля. Вторая, отмѣченная 1327 годомъ, относится къ Хиландару: въ ней Стефанъ распорядился селомъ Добродолянами, которыхъ доселѣ одна половина принадлежала Студеницѣ, другая Хиландару. По просьбѣ Хиландарскаго игумена Гервасія, Стефанъ приписалъ Хиландару все село Добродоляне и подтвердилъ за нимъ прежнія села въ общей окружной межѣ. Въ вознагражденіе за половину Добродолянъ, къ Студеницѣ приписано другое село, Ярине на Ибарѣ. Въ Хиландарѣ хранится еще нѣсколько грамотъ Дечанскаго, изъ коихъ узнаемъ другія надачи, сдѣланныя этому монастырю. (Гр.,

---

[1] У Енгеля (Gesch. v. Serv. u. Bosn., стр. 265) выставлено 16 іюля.

[2] Corp. Script. Hist. Byz. Niceph. Gregoras, v. I, p. 456.—L. Chalcocondylas, ib., p. 22.—Cantacuzenus, ib., v. I, p. 430. — Stritter, II, 233; III, 840.

[3] То же замѣчаетъ Раичъ на слова Даніила, свидѣтельствующаго, что Стефанъ управлялъ однимъ крыломъ войска. Ч. II, стр. 681.

[4] Рукопись. См. Введеніе, стр. 23. Примѣч. 3.

[5] У Раича. Ч. II, стр. 675.

[6] Corp. Script. Hist. Byz. Niceph. Gregoras, v. I, p. 455.–Stritter, III, 838.

стр. 48, №№ 14, 16). Еще при вѣнчаніи своемъ на королевство, Стефанъ вѣнчалъ и сына своего, Душана, назвавъ его младшимъ королемъ. Душанъ получилъ въ управленіе Зету. Но онъ видѣлъ, что отецъ не прочитъ ему королевства; ибо, не женивши его, самъ вторично женился на Гречанкѣ. Предпочтеніе, оказываемое Грекамъ, и миръ съ Греціею внушили Сербскимъ боярамъ опасеніе, чтобы престолъ ихъ отечества не достался дѣтямъ втораго брака, которые могли окружить себя Греческими сторонниками. Сдѣсь дѣйствовало чувство народности въ связи съ сословными выгодами боярства. Та же причина, которая заставила бояръ подняться съ Стефаномъ на Милутина, побудила теперь бояръ съ Душаномъ возстать на Стефана. Уже Король прогналъ отъ себя многихъ бояръ; всѣ недовольные обратились къ Душану. Выгоды были общія, и сынъ сталъ противъ отца за то же, за что прежде отецъ стоялъ противъ дѣда. **Дїаволъ же разъвѣи лукавая словеса своа въсоекска посрѣ люди ѿтѣка нашег.** — говоритъ Душанъ въ послѣсловіи къ своему Законнику — **Сърбиа сътворише ѿ мне родитела моего. и тако научише е на мь (ме). яко въсма да не бѫдеть имени моего ни живота**[1]. Такъ настроенъ былъ сынъ противъ отца. Этими настроителями и совѣтчиками были бояре — то самое сословіе, которое возстановило Дечанскаго противъ Милутина. Сдѣсь дѣйствовала вся народная сторона, находившаяся не только въ Зетѣ, но и при королевскомъ дворѣ. Къ Душану стекались недовольные, которыхъ лѣтописцы называютъ знатными людьми. Объ нихъ такъ пишетъ Никифоръ Грегорасъ: *ἐπεὶ δ' αὐτὸς μὲν τῇ τοῦ Καίσαρος θυγατρὶ συνεζύγη, πεντηκοντούτης ἀνὴρ κόρῃ δωδέκατον ἀγούσῃ τὸν χρόνον, καὶ πρὶν τῷ παιδὶ γυναῖκα ἀγαγέσθαι, παιδοποιεῖν ἤρξατο μετὰ τῆς τοῦ Καίσαρος θυγατρὸς, ἐς ὑποψίας καὶ φόβους ὁ παῖς ἐξενήνεκται, ὁποίους ὑποσπείρειν εἰκὸς τοὺς ἡλικιώτας ἐς τὴν σφριγῶσαν τούτου ψυχήν· καὶ ἀποστασίαν λοιπὸν ἐμελέτα καὶ ἐπανάστασιν κατὰ τοῦ πατρός. ὃν οὕτως ἔχοντα βλέποντες οἱ ἐκεῖ μεγιστᾶνες καὶ στρατηγοὶ καὶ ταξίαρχοι, καὶ ὅσοι κόρον εἰληφεσαν τῆς ἀρχῆς τοῦ πατρὸς διὰ τὸν χρόνον, λάθρα τούτῳ προσῄεσαν ἕκαστοι καὶ τοὺς τῆς ἀποστασίας ἐξεπύρσευον αὐτῷ λογισμούς. καὶ μετ' οὐ πολλὰς τὰς ἡμέρας ἀπολαβόντες αὐτὸν ἐξεπολέμωσάν τε κατὰ τοῦ πατρὸς καὶ Κράλην Σερβίας αὐτοκράτορα ἀνηγόρευσαν.* Ясно, что сдѣсь дѣйствовало боярское сословіе: оно-то привело къ Душану и все лучшее войско: *ἐπεὶ δὲ συχνῶν ἡμερῶν κατ' ὀλίγους ἅπαντες αὐτῷ προσερρύησαν τοῦ στρατοῦ τὸ ἀπόλεκτον, προσελάσαντες δέσμιον ἀπονητὶ καὶ τὸν πατέρα προσήνεγκαν τῷ υἱῷ*[2]. Но на первый разъ опустошенія, произведенныя Стефаномъ во владѣніяхъ сына, заставили этого послѣдняго смириться: тѣмъ не менѣе вражда не прекратилась, и бояре положили непремѣнно возвести на престолъ Душана. Еще разъ жаловался сынъ на несправедливость отца, но отецъ прогналъ его отъ себя. Душанъ хотѣлъ, было, бѣжать, но бояре не согласились: осѣдлымъ, стариннымъ боярамъ было стыдно назваться бѣглецами, или странниками; они стали грозить сыну, что войдутъ въ переговоры съ отцомъ и отъѣдутъ къ нему обратно; что если онъ бѣжитъ, то скоро братъ его отъ второй матери препояшется на королевство. «Уже есть намъ, аще и ключится

---

[1] Лѣтописъ 1828 г., ч. IV.

[2] Corp. Script. Hyst. Byz. Niceph. Gregoras, v. I, p. 456. — Stritter, II, 234. — Dufresne, Famil. Dalm. et Slavon., гл. III, § LIX.

смерть въ земли отечествія нашего, нежели яко плѣнницы или страннія обрѣтемся на земли чуждей. Аще ли не послушаеши насъ, мы убо, увѣщавшеся у родителя твоего, воставше, идемъ къ нему, тебе же въ велицѣй печали и поношеніи оставимъ[1].» Тогда положено было собирать войско. Спокойно сидѣлъ Стефанъ въ своемъ стольномъ дворѣ въ Неродимлѣ, ожидая предвозвѣщенной себѣ кончины. Другая сторона бояръ уговаривала его предупредить замыслы сына; но онъ не вѣрилъ ей. А между тѣмъ войско Душанова окружило Неродимлю. Едва Король успѣлъ спастись въ Петричъ, какъ Душанъ вступилъ въ королевскій дворецъ, соединился съ прочими недовольными и поспѣшилъ за отцомъ. Отецъ отдался ему, какъ плѣнникъ. Готово было наступить примиреніе отца съ сыномъ; но бояре, страшась дурныхъ для себя послѣдствій, насильно увезли отца въ Дечаны и тамъ задушили въ 1336 г. Стефанъ Дечанскій подписывался: **Стефанъ Оурошь г҃. по млти бжиеи кра҆ всѣ Срьбскиⷯ и поморскиⷯ земль, или: Стфнь въ хⷭ҇а благовѣрни кра҆ и сь богомь самодрьжць всѣхь срьбскихь и поморскихь земль.** Въ одной грамотѣ, по всему вѣроятію, принадлежащей этому Стефану[2], онъ титулуется: *Стефанъ Урошъ въ Христа благовѣрный и самодрьжавный краль Сербской земли и Поморской и Овчепольской и Вельбуждской* (Гр., стр. 47, № 11).

Взошедши на престолъ, Душанъ женился на Еленѣ, сестрѣ Булгарскаго царя, Александра, и тѣмъ надолго обезопасилъ себя со стороны Булгаріи. Проникнувъ въ Истрію до Савы, онъ усмирилъ и Карля Роберта Угорскаго. Потомъ обратился на Грецію и въ два похода, между 1337 и 1340 гг., прошелъ весь Ѳракійскій полуостровъ отъ Янины до Евбеи и почти до самой Византіи. Осажденный въ Солунѣ, Андроникъ просилъ мира и уступилъ Сербіи Охриду, Прилѣпъ, Янину, Трикалу, Костуръ, Струмицу, Серъ, Черменъ и мн. др. Въ 1342 г. Душанъ вступилъ въ союзъ съ Кантакузинымъ противъ Анны и помогалъ ему въ войнѣ съ послѣднею. Когда же Кантакузинъ отсталъ отъ него и сблизился съ Турками, тогда онъ взялъ сторону Анны. Не смотря на неудачу подъ Стефаніею въ 1344 г., онъ, въ 1346 г., овладѣлъ всею Македоніею и принялъ титулъ царя Сербскаго, Греческаго и Булгарскаго. Въ 1348 г. приходилъ въ Аѳонъ съ супругою своею, Еленою (А. №№ 10, 11; Гол. № 1); но чтобы онъ пробылъ тамъ отъ 12 декабря до 26 апрѣля, какъ думаетъ Ранчъ[3], или отъ 28 апрѣля до 12 декабря, какъ думаетъ Енгель[4], на основаніи грамотъ, то это невѣроятно: у него не было такъ много времени, чтобы цѣлые пять, или семь мѣсяцевъ могъ онъ оставаться въ бездѣйствіи на Аѳонѣ. Вѣроятнѣе то, что, находясь по близости въ Македоніи, онъ нѣсколько разъ посѣщалъ Святую Гору. Грамоты могли быть даны и подписаны въ другихъ мѣстахъ. Дѣйствительно, одна грамота, отъ 12 декабря 1348 года, подписана на Превлакѣ, т. е., Аѳонскомъ перешейкѣ (А. № 11); но въ другой, отъ 26 апрѣля, мѣсто подписанія не означено. Война съ Кантакузинымъ продолжалась до самой смерти Душана. Нѣсколько разъ вторгались Турки въ Европу; города въ Македоніи и Ѳракіи переходили изъ рукъ въ руки. Образовался союзъ между Душа-

---

[1] Даніилъ у Ранча. Ч. II, стр. 717.

[2] Хотя Григоровичъ и говоритъ, что эта грамота списана съ другой, Булгарской, 1346 года; однако замѣтимъ, что, во первыхъ, у него не вездѣ правильно выставлены годы; а во вторыхъ, могло случиться и на оборотъ.

[3] Ч. II, стр. 763.

[4] Gesch. v. Serv. u. Bosn. Стр. 286.

момъ, Александромъ Булгарскимъ и Палеологомъ; но Турки, снова призванные Кантакузинымъ, обратили въ бѣгство Булгаръ и разбили Сербовъ и Грековъ, въ 1351 г. На время война прекратилась. Около 1356 г. Душанъ, предвидя гибельныя послѣдствія частаго перехода Турокъ изъ Азіи въ Европу, рѣшился однимъ ударомъ пресѣчь это зло; онъ собралъ 80000 войска съ намѣреніемъ завоевать Романію, Ѳракію и самую Византію: этимъ онъ хотѣлъ и удовлетворить своему честолюбію и навсегда заградить Туркамъ входъ въ Европу. Но смерть не дала ему осуществить своихъ замысловъ. При немъ Сербія достигла вершины своего могущества и славы. Ея предѣлы обнимали, кромѣ собственныхъ областей, Албанію, Эпиръ, Етолію, Ѳессалію и всю Македонію. Всѣ этѣ земли Душанъ пріобрѣлъ отъ Греческой имперіи. Всѣхъ его походовъ въ Грецію насчитываютъ до тринадцати. Булгарскій царь давно признавалъ надъ собою его верховную власть. Но и Запада не оставлялъ онъ безъ вниманія: и тамъ дѣйствовалъ онъ равно оружіемъ и переговорами. До 1349 г. онъ былъ спокоенъ со стороны Запада. Боснійскій банъ, Стефанъ Котромановичъ, изъ страха, держалъ его сторону. Появленіе Людовика въ Далмаціи заставило Душана прибѣгнуть къ прежней политикѣ Сербскихъ королей: онъ выразилъ покорность папѣ и желаніе принять Римско-католическую вѣру; но когда Людовикъ удалился въ Италію, тогда и онъ забылъ свое обѣщаніе. Въ 1349 г., чтобы напомнить ему обѣщаніе, Людовикъ приказалъ Боснійскому бану пройти съ оружіемъ чрезъ Травунію до самого Котора и завоевать Хлумъ. За то въ слѣдующемъ году, когда Людовикъ былъ въ Неаполѣ, Душанъ опустошилъ всю Босну до Думна и Цетины, прошелъ чрезъ все Захлумье и посѣтилъ Дубровникъ и Которъ. Онъ требовалъ въ супруги своему сыну дочь Стефана Боснійскаго, Елисавету, и въ приданое за нею весь Хлумъ; но война съ Греціею отвлекла его отъ переговоровъ. Въ 1353 г. Людовикъ, женившись на этой самой Елисаветѣ, вторгнулся въ Сербію; однако Душанъ успѣлъ выставить войско, и Людовикъ отступилъ безъ успѣха. При этомъ Душанъ овладѣлъ Мачвою и Сремомъ. По совѣту Венеціянъ, онъ снова, въ 1354 г., просилъ папу о принятіи его въ лоно Римской Церкви и о присылкѣ нужныхъ для того людей. Папа сдѣлалъ уже большія распоряженія, но Душанъ нашелъ предлогъ поссориться съ присланными епископами и строго запретилъ подданнымъ принимать новую вѣру. Людовикъ не могъ отмстить ему за это, ибо началъ войну съ Венеціею. Такъ кончились отношенія Сербіи къ Западу.

Не смотря на переговоры съ папою, Душанъ оставался ревностнымъ приверженцемъ православія. При немъ восточное духовенство сильно дѣйствовало въ пользу православія среди Римско-католическаго населенія завоеванныхъ земель. Самъ онъ строилъ церкви и награждалъ монастыри. Будучи еще королемъ, онъ, по просьбѣ духовнаго наставника и учителя покойнаго отца своего, башты Хиландарскаго монастыря, іеромонаха Антонія, начальствовавшаго пиргомъ, приписалъ пиргу церковь Богоматери въ Липлянѣ съ торгомъ, село Словыне и еще нѣсколько земли; люди и земли должны были подлежать одному только старцу, правящему пиргомъ (А. № 5). Въ 1340 г. онъ подарилъ Хиландару еще два села (Гр., стр. 49, № 19). Въ 1342 г. дана Душаномъ грамота, которою Король подарилъ Аѳонскому старцу, Іоанну, економy Хотченской обители, церковь св. Николая Мрачскаго со всѣми селами, принадлежащими къ церкви, ради его послуженія и поработанія дому пресвятой Богородицы Хиландарской: отъ этой церкви старецъ питается до конца своей жизни; церковные люди повину-

ются ему во всѣхъ работахъ и стоятъ подъ властію Хиландара (А. № 9). Въ 1344 г. Душанъ отдалъ въ собственность Хиландара церковь Богородицы Одигитріи село Боруево и властелина Струмицкаго, Рудла, по его собственной просьбѣ (Гр., стр. 50, № 24). Къ этому же времени относится его грамота, въ которой онъ, по прошенію протосеваста Хрели[1], даритъ Хиландару села: оба Бреста, Сухогрьло, Лѣсковицу, Видче, Калугерища (Гр., стр. 49, № 17)[2]. Это не болѣе, какъ подтвердительная грамота, ибо тѣ же самыя села уже подарены были однажды Хиландару Милутиномъ (Ср. А. № 6). Нѣсколько грамотъ относятся къ тому времени, когда Душанъ былъ уже царемъ. Въ одной изъ таковыхъ (С. № 35) Душанъ приписалъ къ церкви св. архангеловъ Михаила и Гавріила, основанной Милутиномъ, церковь св. Николая Враниаскаго[3] съ селами, людьми, оброками, планинами, пашнями и пр., 100 перперовъ Святосергіевской царины и 500 перп. Дубровницкой дани. Власть надъ землями и людьми передана въ руки игумена Ерусалимской церкви, и только отъ этого игумена поставляется старшина надъ Враниною. Въ 1346 г. онъ подарилъ Хиландару село Попчелинъ (Гр., стр. 49, № 20). Грамотою отъ 12 дек. 1347 г. онъ извѣщалъ, что по просьбѣ приходившаго къ нему игумена Хиландарской лавры, Гервасія, онъ купилъ для этой лавры, на Аѳонскомъ перешейкѣ, мѣсто Ливаду съ храмомъ св. Николая, именуемымъ Паліокометица, смежное съ мѣстомъ Скорпіею, купленнымъ въ пользу Хиландара св. Савою у прота Святогорскаго, и съ монастыремъ Зигомъ (Изыкгъ), подареннымъ св. Савѣ Греческимъ царемъ Алексіемъ. Ливада, составлявшая доселѣ общее владѣніе Аѳонскихъ монастырей, обойдена была Царемъ вмѣстѣ съ соборомъ Святогорскаго духовенства и введена въ одну окружную межу съ Зигомъ и Скорпіею (А. № 11). Слѣдствіемъ посѣщенія Святой Горы были двѣ грамоты: въ одной, 1348 года, онъ дарилъ Карейской келіи св. Савы село Косоричи съ заселками, межами и всѣми доходами, какъ-то: виноградниками, мельницами, огородами, лугами, пашнями, и пр. и ежегоднаго жалованья изъ царской казны деньгами 100 Венеціянскихъ перперовъ, и извѣстное количество съѣстныхъ припасовъ и одежды: ī. гоунь (мантій). и̂. ī. кожоухь. и̂. ī. клашьнь (суконъ). и̂. ī. мѣхь сиреніа (творогу). и̂. ī. сирѡвь. и̂ да си взимаю всако лѣто, на плоути. и̂. споудь соли. И село косорикь, що бихѫ сокь (сало) давали црѣквоу тоже да даю ками свето сави (А. № 10). Въ другой, отъ 26 авг. 1348 г., царь Душанъ, по просьбѣ прота Святой Горы, Германа, Хиландарскаго игумена, Гервасія, и всей братіи, обойдя всю окружную межу Хиландарской лавры со всѣмъ Святогорскимъ соборомъ, описалъ ее со всѣми признаками (Гол., № 1). Въ этой и предыдущей (А. № 11) грамотахъ упомянуты монастыри, приславшіе своихъ игуменовъ для опредѣленія границъ Хиландарскихъ владѣній; они суть слѣдующіе: царская лавра или Хиландаръ, Ватопедъ, Иверъ, Ксиропотамъ, Свигменъ, Каракалъ, Русикъ, Лохіаръ, Пантократора, Ксеноѳъ, Филоѳей, Кастамонитъ, Алупъ, Зографъ и обители: Святопавловская, Симеонопетровская, Харитоньевская и Діонисіевская. Такъ какъ въ той и другой грамотѣ исчислены не всѣ упомянутые сейчасъ монастыри, то, можетъ быть, многихъ тутъ и недостаетъ изъ

---

[1] Протосевастъ Хреля упоминается еще въ грамотѣ Милутина, А. N 6. Объ немъ подробнѣе см. у Никифора Грегораса и Кантакузина.

[2] 1332-й годъ выставленъ невѣрно. Грамота, безъ всякого сомнѣнія, относится къ Душану, который въ ней называется Стефаномъ четвертымъ.

[3] Ср. Милутиновича, Исторія Церне-Горе, стр. 10.

бывшихъ тогда на Аѳонѣ монастырей. Въ 1349 году находимъ грамоту (А. № 12), въ которой Душанъ, по просьбѣ севастократора Деяна, создавшаго церковь Введенія Богоматери въ своей баштинѣ, землѣ Жеглиговской, въ мѣстѣ Архилевицѣ, и съ согласія царицы, сына, патріарха Савы, духовныхъ и мірскихъ чиновъ, приписываетъ къ этой церкви въ метохію тѣ села, которыя подарены были имъ Деяну, со всѣми ихъ доходами, селищами и межами. Тутъ же узнаемъ, что Душанъ дѣлаетъ это въ благодарность Богоматери, воздвигшей его отъ болѣзненнаго одра. Означена также общая окружная межа всѣхъ этихъ селъ. Грамота дана въ Скоплѣ. Въ монастырѣ Русикѣ хранится нѣсколько Душановыхъ грамотъ, изъ коихъ въ одной Душанъ прилагаетъ монастырю «ради его нищеты» церковь и нѣсколько селъ, а въ другой упоминаетъ объ его нищетѣ и «отъ Руси всеконечнемъ оставленіи». Обѣ даны въ 1349 году. Въ третьей даетъ Сербскому митрополиту, Якову, въ пожизненное владѣніе церковь св. Николая на Пшинѣ, а послѣ него храму Архистратиговъ въ Призрѣнѣ (Гр., стр. 79, 80, №№ 17, 18, 22). Не означенныя годомъ грамоты царя Душана заключаютъ описаніе нивъ и межъ и освобожденіе отъ всѣхъ государственныхъ работъ и властей церкви Богородицы и безплотныхъ силъ Гавріила и Михаила, что выше Габрова на Бѣласицѣ; и надачи церкви св. Николая, что въ Добруштѣ[1], и Хиландару (Гр., стр. 80, № 23; стр. 49, № 18; стр. 50, № 23). Наконецъ грамотою отъ 1355 года Душанъ приложилъ Хиландару мѣсто Карбинчій Комъ (Гр., стр. 49, № 21). Въ дѣйствіяхъ своихъ по внутреннему управленію Душанъ первый выразилъ мысль государства въ такой полнотѣ, въ какой доселѣ еще никто изъ его предшественниковъ не выражалъ ея. Мы видѣли, что Неманя отстранилъ отъ великожупанскаго престола другихъ независимыхъ жупановъ и власть надъ всею Сербіею сосредоточилъ въ одномъ своемъ родѣ. Но борьба за престолъ не кончилась этимъ; она перешла въ родъ Неманичей и въ немъ продолжалась до самого Душана. Сначала братья у братьевъ оспаривали королевскій престолъ, потомъ сыновья у отцовъ. Другимъ важнымъ дѣятелемъ въ государственной жизни является боярство. Оно твердо соблюдаетъ свои сословныя выгоды и участвуетъ во всѣхъ важнѣйшихъ государственныхъ переворотахъ. Предупредить зло, могущее произойти отъ усобицъ между Неманичами и отъ сильнаго развитія боярскаго сословія, суждено было Душану. Въ этомъ дѣлѣ онъ поступилъ, какъ истинный государь, вполнѣ понимавшій и свой санъ и свои обязанности. Лучшимъ средствомъ къ отвращенію въ одно время обоихъ золъ Душанъ нашелъ вѣнчаніе. Чрезъ это онъ достигалъ и другой цѣли своей—возвышенія въ глазахъ сосѣднихъ государей. Такимъ образомъ вѣнчаніе сосредоточило въ себѣ различныя стремленія его многосторонней дѣятельности. И постави ме г҃дина и сьдрьжителя вьсои земли ѿьчьства моего. и цр҃ствова лѣт ѕі. и потомь волиѭ ѹ҃тию ѿ вишнаго вьседрьжителя десницеѭ ѹкрѣплѣнь бы.... и мене преложи ѿ кралевства на прѣво црт҃во славное и вьсе даст ми въ рѹцѣ єликоже и великомѹ констатинѹ цр҃ѹ земли и вьсе страни и поморіа и велике градове црт҃ва грьчкаго, єлико и прежде рѹкомь. и богомь дарованнимь вѣнцемь цр҃кимь вѣнчань бы на црт҃во. вь лѣт ѕ҃ѡнд мц҃а априла ді днь, вь велики и много свѣтли и радостнии празникь вьскрсеніа хв҃а. Блвеніемь рѹкою преѡсщенаго патріарха Іоанникіа, и вьсеми архіерей сьбора срьбскаго. тогожде блвеніемь и рѹкою преѡсщенаго патріарха

[1] При этой грамотѣ годъ выставленъ невѣрно.

блъгарскы҃ ннр сѵмеона и всѣми архїерей сьбора блъгарскаг. и҃ шатками же и благенїемь вьселенскаг лика стие гори афона протомжу и всеми игумени. и всеми старци сьбора стогорскаг. паче и ѿ архїерѣа престола грьчкаг и вьсего сьбора. иже изволише ѿ мне црѣвовати снѣже всемь бившимь не моим изволенїем ни некою силою нь по бжїю изволенїю[1].... Такъ описываетъ Душанъ свое вѣнчаніе. Странно встрѣтить въ грамотѣ извѣстіе, что онъ вѣнчался послѣ шестнадцатилѣтняго королевствованія; еще страннѣе то, что и показанія Византійцевъ относительно смерти Дечанскаго и возшествія на престолъ Душана сходятся съ этимъ извѣстіемъ[2]. Но Дечанская надпись и Цароставникъ[3], противорѣчатъ такому показанію и смерть Стефана Дечанскаго относятъ къ 1336 году. Византійцы легко могли смѣшать одинаковыя имена Сербскихъ королей и отъ того смѣшаться въ годахъ, а поздній переписчикъ Душанова Законника, по какому нибудь ложному свѣдѣнію, могъ измѣнить числовую букву подлинника, или, быть можетъ, онъ разумѣлъ въ томъ счетѣ шестилѣтнее владѣніе Душана Зетою при жизни отца. Какъ бы то ни было, по этимъ двумъ шаткимъ показаніямъ нельзя отвергать общепринятаго мнѣнія, по которому Душанъ вѣнчался на царство спустя 10 лѣтъ по возшествіи на престолъ. Чрезъ вѣнчаніе Душанъ какъ нельзя лучше удовлетворилъ видамъ своей внѣшней политики. Уже прежде онъ выражалъ ту самую мысль, которую оправдалъ вѣнчаніемъ, мысль совершеннаго отдѣленія отъ Греціи и въ тоже время возможности обладанія ею. Доселѣ Сербское духовенство зависѣло отъ Греческаго; архіепископа Сербскаго рукополагалъ патріархъ Византійскій. Такая зависимость мѣшала осуществленію замысловъ Душана: въ 1346 году, передъ своимъ вѣнчаніемъ, онъ возвелъ архіепископа Іоанникія (II) въ санъ патріарха Сербскаго, и такимъ образомъ, если Неманя уничтожилъ государственную зависимость Сербіи отъ Византіи, то Душанъ уничтожилъ и духовную. Въ 1352 году Іоанникій былъ окончательно объявленъ независимымъ отъ Византійскаго патріарха во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ. Теперь Душанъ получилъ полную свободу дѣйствій относительно Греціи, зная что глава церкви находится въ Сербіи и въ его рукахъ. Византійскаго патріарха и его угрозъ онъ не хотѣлъ болѣе знать. При вѣнчаніи онъ назвался царемъ и самодержцемъ Сербіи, Албаніи, Болгаріи, Греціи, Поморья и Западныхъ странъ. Въ этомъ титлѣ отразились его виды на Угорскія владѣнія, Болгарію и Грецію. Относительно послѣдней онъ ясно высказалъ свою мысль въ грамотѣ, уподобляя себя Константину Великому, царю всѣхъ Греческихъ земель. Для предотвращенія безпорядковъ при престолонаслѣдіи, внутри своего государства, Душанъ, по примѣру Греческихъ царей и своего отца, вѣнчалъ вмѣстѣ съ собою сына своего, Уроша, и назвалъ его королемъ; но не обѣщалъ ему напрасно половины владѣній, какъ сдѣлалъ съ нимъ его отецъ[4], а далъ въ управленіе ему всю собственную Сербію. Надъ прочими завоеванными областями онъ поставилъ севастократора Деяна, нѣсколькихъ цесарей и деспотовъ; самъ же остался вер-

---

[1] Аѳгодисъ, 1828 г., ч. IV.

[2] У Никиф. Грегораса показана смерть Дечанскаго подъ 1330 годомъ (Corp. Script. Hist. Byz., v. I, p. 457). У Стриттера (II, 234) тоже. Но уже Дюфренъ, сомнѣваясь въ вѣрности лѣтосчисленія, выставилъ 1333-й годъ (Famil. Dalm. et Slavon., гл. III, § LIX).

[3] Ранчъ, ч. II, стр. 706 и 724.

[4] Даніилъ, у Ранча. Ч. II, стр. 712.

ховнымъ главою всего царства. Удѣлы смѣнились намѣстничествами, и Урошъ уже не получилъ Зеты. Этимъ Душанъ окончательно уничтожилъ всякую удѣльность и соединенное съ нимъ разъединеніе выгодъ, сторонничество и т. п. Отдавъ въ вѣдѣніе Урошу всю Сербію вмѣстѣ съ Зетою, онъ всю Сербію сдѣлалъ однимъ государствомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Въ государствѣ, какъ онъ его понималъ, уже не могло быть удѣловъ; въ правленіи не могло быть родовыхъ счетовъ, ни патріархальности: съ одной стороны законъ и самодержавная воля, съ другой цѣльность страны, какъ государства, и единство власти. Отсюда прямо истекала необходимость самому самодержцу своею единою волею назначать себѣ преемника. Душанъ нанесъ ударъ и боярскому сословію. Окружая себя блескомъ и чиновностію, какъ свойственно царствующей особѣ, вставляя въ грамотахъ имена царицы, августы Елены, и короля, Уроша, онъ хотѣлъ рѣзко отдѣлить царственныя особы отъ прочихъ приближенныхъ и бояръ, на которыхъ смотрѣлъ наровнѣ съ прочими подданными. Боярство, постоянно окружавшее королей и королевичей въ видѣ ихъ совѣтниковъ и руководителей, имѣвшее столь сильное вліяніе на престолонаслѣдіе, утратило свое сословное значеніе и вліяніе. Наслѣдникъ престола былъ уже объявленъ; явилось новое боярство не въ видѣ сословія и не по праву рожденія, а избранное по личнымъ заслугамъ. Къ Душану стеклись служилые люди изъ разныхъ Сербскихъ областей и сословій, и онъ награждалъ ихъ саномъ и должностями. Замѣчательно, что съ Душанова времени не выступаетъ уже боярское сословіе сплошною своею массою съ неразрозненными сословными выгодами; но выдаются отдѣльныя личности, каждая съ своими собственными выгодами; устроивается дворъ по Греческому образцу; является цѣлый рядъ должностей, и орденъ св. Стефана учреждается для награды личныхъ заслугъ. Все это противодѣйствовало сословному быту. Законникъ завершаетъ рядъ дѣйствій Душана, клонившихся къ внутреннему гражданскому порядку: сословныя отношенія и судоустройство принимаютъ опредѣленный видъ, и бояре подчиняются общему приговору закона. Душанъ скончался въ 1355 году, въ декабрѣ мѣсяцѣ. Цароставникъ кончину его относитъ къ 1357 году[1], Орбини къ 1354[2], Бранковичъ[3], Дюфренъ[4], Раичъ[5], Енгель[6], Давыдовичъ[7] и др. относятъ ее къ 1356 году. Послѣднее было бы справедливо, еслибы древніе лѣтописцы начинали годъ съ генваря; но такъ какъ они начинали его съ сентября, то годомъ кончины Душановой должно будетъ признать 1355 годъ. Душанъ умеръ въ декабрѣ, по однимъ 18-го, по другимъ 24-го, по третьимъ 20-го числа; и у всѣхъ Сербскихъ лѣтописцевъ годомъ смерти его означенъ ҂ѕѡѯд (6864) годъ[8]. Декабрь этого года, по сентябрскому лѣтосчисленію, остается еще за 1355 годомъ. Чтобы еще болѣе убѣдиться въ справедливости этого показанія, я приведу доказательство изъ грамотъ. Въ одной грамотѣ, помѣченной 10-мъ числомъ генваря 1356 года, читаемъ: **Пише и повелѣва цр҃ьство ми.... аще ѡсхоще** (если захочетъ) **що ѹзети мтѝ цр҃кви гн҃ѣи црк҃а що ѿ ний**

---

[1] Раичъ, ч. II, стр. 781.
[2] Стр. 233.
[3] Раичъ, тамъ же.
[4] Famil. Dalm. et Slavon., гл. III, § LX.
[5] Тамъ же.
[6] Gesch. v. Serv. u. Bosn., стр. 292.
[7] Забавникъ. 1821. Стр. 88.
[8] Шафар., Памятн., стр. 54, 71.

трьга а или вр̑ани ништо да имь се не узме безь мина (С. № 44). Только у перваго Уроша V, сына Душанова, мать была царицею; у Душана мать была еще королева. Участіе матери Уроша V въ дѣлахъ государственныхъ уже послѣ воцаренія ея сына, извѣстно; да и вообще, по лѣтописцамъ, она играла видную роль въ первые годы правленія Уроша V: слѣдовательно, эту грамоту писалъ не кто иной, какъ Урошъ V; а такъ какъ онъ называетъ себя уже царемъ, то очевидно, что 10 генваря 1356 года онъ уже былъ воцарившимся: ибо при отцѣ онъ довольствовался только званіемъ короля, да и грамоты не могъ бы дать помимо отца. И такъ въ это время Душана уже не было въ живыхъ. Какимъ же образомъ могло бы это случиться, еслибы, по словамъ историковъ, онъ жилъ до декабря 1356 года—почти еще цѣлый годъ? Нѣтъ сомнѣнія, что онъ умеръ въ декабрѣ, предшествовавшемъ генварю ,ѕѡѯд года, и этотъ декабрь, по сентябрскому счисленію, приходится еще на 1355 годъ. До 1346 г. Душанъ подписывался и титуловался: Стефань краль, или: Стефань краль и сь б҃мь самодрьжець Срьпски, или: *Стефанъ въ Христа Бога благовѣрный самодержавный краль*, или: *Стефанъ въ Христа благовѣрный самодержавный краль Стефанъ четвертый краль*. Послѣ 1346 г. Стефань вь Х҃са Б҃га благовѣрни Царь Срьблемь и Грькомь, или: С҃фань вь х҃са б҃а благовѣрнь царь и самодрьжьць срьблемь и грькомь поморию и западном стран, или: Стефань вь х҃а в҃га бл҃говѣрны ц҃рь и самодр҃жьць срьблй и грком. и блъгаромь.

Душанъ безспорно принадлежитъ къ знаменитѣйшимъ мужамъ своего времени. Онъ былъ великій государь, не только постигшій, но и осуществившій мысль истиннаго правителя и самодержца. Блестящая его личность далеко выдается изъ ряда его предшественниковъ и еще дальше изъ ряда преемниковъ. Спокойный и глубокій умъ, сильная воля, личная храбрость, благоразуміе и искусство военачальника, отсутствіе преобладающихъ страстей, живое сознаніе народности, свѣтлый взглядъ на современность и ея отношенія и творческая дѣятельность, опережавшая настоящее: вотъ черты которыя наиболѣе выказываются въ этомъ государственномъ мужѣ. Уже при Урошѣ I Сербія начала обнаруживать свою самостоятельность; Милутинъ упрочилъ ее и далъ Сербіи сильный вѣсъ во внѣшнихъ сношеніяхъ, показавъ ее самостоятельнымъ и немаловажнымъ государствомъ въ глазахъ сосѣдей; Стефанъ Дечанскій поддерживалъ и укрѣплялъ эти отношенія; а Душанъ не только сдѣлалъ Сербію первенствующимъ государствомъ на Ѳракійскомъ полуостровѣ и усилилъ ея внѣшнее значеніе; но и преобразовалъ ее внутри, вложивъ въ нее начала государственнаго быта. Доселѣ ея гражданскій бытъ находился подъ условіями стариннаго родоваго устройства; но Душанъ пересоздалъ его такъ, чтобы во всемъ его составѣ отражалось начало самодержавной власти, которой исходомъ и средоточіемъ служило одно лицо, лицо государя. Во внѣшнихъ дѣлахъ Душанъ является счастливымъ продолжателемъ дѣла, начатаго его прадѣдомъ, и достойнымъ послѣдователемъ дѣда своего, Милутина. При немъ Сербія высоко поднялась извнѣ. Булгарія, даже Угрія не могли съ нею спорить; Греція видѣла его войска подъ стѣнами Цареграда и поплатилась множествомъ земель и городовъ. Мало того, Душанъ, какъ и Милутинъ, имѣлъ виды на соединеніе обоихъ государствъ и величалъ себя царемъ Сербовъ и Грековъ. Что составляетъ особенно важную черту его отношеній къ Греціи — это чувство народной самостоятельности: образованная, наружно блестящая, богатая Греція не манила его къ себѣ, и онъ не тянулся къ ней съ своимъ народомъ,

но напротивъ къ себѣ притягивалъ ее. Греціи, если бы дѣла шли въ послѣдствіи такъ же хорошо, какъ при Душанѣ, суждено было сдѣлаться Сербскою областію: возведеніе Сербіи на степень царства, учрежденіе въ ней патріаршества и царскаго двора, обращеніе Греческихъ завоеваній въ Сербскія области служатъ тому ручательствомъ. Тогда и Туркамъ не господствовать бы въ Европѣ. Внутри Сербіи послѣдніе остатки родоваго быта, видиѣвшіеся въ боярскомъ сословіи, были уничтожены. Бояре, помнившіе старину, участвовавшіе главнѣйшимъ образомъ въ раздорахъ, бывшихъ между Неманичами, занимавшіе почетное мѣсто королевскихъ совѣтниковъ и приближенныхъ, умѣли этимъ блестящимъ положеніемъ заслонять свои подданическія отношенія, и въ то же время, какъ сословіе, они были сильны и согласны. Душанъ, съ своимъ высокимъ понятіемъ о власти, видѣлъ, что прежнее званіе короля было слишкомъ неудовлетворительно для его видовъ и не могло вмѣстить въ себѣ полнаго представленія власти; онъ назвался царемъ въ равномъ смыслѣ съ царями Греческими. Чрезъ это бояре утратили свое льготное значеніе, сдѣлались такими же подданными, какъ и всѣ прочіе. Особыя выгоды ихъ изчезли, а съ тѣмъ вмѣстѣ рушилась и старинная сословная связь. При царскомъ дворѣ, устроенномъ со всѣмъ великолѣпіемъ и чиновностію по образцу Греческому, открылось поприще для личныхъ заслугъ; личность замѣнила сословность; частныя выгоды заступили мѣсто общихъ, и за тѣмъ явились временщики, областные правители, бояре, высоко стоявшіе въ государствѣ, но уже безъ древнихъ преданій своего сословія, не привязанные къ своему роду, особняки съ отдѣльными и противуположными выгодами. Уже не земля, не страна, не народность приковывали ихъ къ себѣ, а престолъ, верховная власть, какъ источникъ ихъ могущества. Не умолчу, что это было очень опасно для Сербіи, какъ въ послѣдствіи и обнаружилось; но Душанъ не даромъ носилъ названіе Сильнаго и умѣлъ сдержать новое стремленіе, данное боярскимъ личностямъ. Въ то же время онъ понималъ, что введенный имъ новый порядокъ былъ необходимъ для того, чтобы основать на болѣе твердыхъ началахъ внутренній бытъ Сербіи и установить правильное отношеніе между верховною властію и народомъ. Преобразователь Сербіи хотѣлъ, чтобы государство его получило вѣрный залогъ дальнѣйшаго преуспѣянія и могло всегда назваться благоустроеннымъ гражданскимъ обществомъ. Наведя его на истинный путь водвореніемъ въ его внутреннемъ общественномъ бытѣ государственныхъ отношеній, онъ былъ въ правѣ ожидать отъ него дальнѣйшихъ успѣховъ чрезъ упроченіе наслѣдственной самодержавной власти, составлявшей въ то время необходимую потребность для Сербіи, правильное отношеніе подданныхъ къ царю и счастливое положеніе внѣшнихъ дѣлъ: и если, послѣ его смерти, ожиданіямъ его не суждено было исполниться, и новизна его въ короткое время достигла вредной и разрушительной крайности, то въ этомъ не его вина, а вина другихъ обстоятельствъ, которыхъ онъ не могъ и не долженъ былъ брать въ расчетъ. Сравнявъ всѣ сословія передъ лицомъ верховной власти чрезъ равныя подданическія отношенія, Душанъ опредѣлилъ различныя гражданскія обязанности и права. Общественный порядокъ держался доселѣ обычнымъ правомъ; Душанъ, не нарушая этого права, вытекавшаго изъ самой жизни народной и условливаемаго особенностію Сербскаго народа, постарался только укрѣпить его черезъ письменное выраженіе тѣхъ частей его, которыя наиболѣе въ томъ нуждались. А новый порядокъ, лучшее гражданское устройство и новыя потребности общественнаго благосостоянія и безопасности и въ то

же время неизбѣжная постепенная порча нравовъ требовали и новыхъ постановленій, преимущественно касавшихся земской охраны и вообще защиты личности и состоянія. Плодомъ всего этого былъ Законникъ, который, вмѣстивъ въ себѣ много такого, что прижито было самимъ народомъ, представилъ и волю правителя, пекущагося о благѣ страны. Великая добродѣтель государя, умѣнье соединить въ себѣ всестороннюю дѣятельность, направленную ко внутреннему и внѣшнему благосостоянію государства, ярко блеститъ въ Душанѣ, и самая трудная задача правителя, упроченіе внутренняго благосостоянія страны, имѣетъ своимъ рѣшеніемъ его Законникъ. Чтобы ближе познакомиться съ тогдашнимъ положеніемъ Сербіи, мы разсмотримъ Душановъ Законникъ въ связи съ нѣкоторыми, прикасающимися къ нему мѣстами грамотъ.

Законникъ Душановъ составляетъ главнѣйшій источникъ для узнанія общественнаго состоянія Сербіи въ самую цвѣтущую ея пору. Такъ какъ онъ не изобрѣтенъ и не уложенъ мгновенно однимъ, или нѣсколькими лицами, а явился, какъ необходимая потребность времени, какъ итогъ, къ которому пришелъ народъ постепенно въ продолженіе своей многовѣковой жизни, то тѣмъ важнѣе становится для насъ его значеніе, какъ памятника, показывающаго степень совершенства, до которой достигъ гражданскій бытъ Сербіи. Душану принадлежитъ дѣло окончательнаго устройства народнаго общежитія и мысль собрать въ памяти, обобщить въ смыслѣ закона и предать письму бóльшую часть обычаевъ, правъ и случаевъ разбирательства, освященныхъ временемъ. Самая неполнота Законника показываетъ, что въ народѣ еще много оставалось общежительныхъ положеній, безъ которыхъ общество не могло существовать и притомъ столь извѣстныхъ, что для нихъ не нужно было письма. Нѣкоторые немногіе, но тѣмъ драгоцѣннѣйшіе слѣды общественныхъ, или государственныхъ постановленій, встрѣчаемые въ грамотахъ за столѣтіе и болѣе до Душана и сходные съ положеніями Законника, равно какъ ссылки, встрѣчаемыя въ Душановыхъ грамотахъ и Законникѣ, на учрежденія предшествовавшихъ временъ и преимущественно времени Милутина, показываютъ, какъ бережно велось въ народѣ обычное право и съ какою точностію перешло потомъ въ письменный законъ. Душановъ Законникъ не менѣе важенъ и для послѣдующаго времени, ибо, по показанію туземныхъ памятниковъ, общественный бытъ Сербіи послѣ Душана нисколько не усовершенствовался и даже въ нѣкоторыхъ частяхъ опять возвратился къ старинѣ, по причинѣ внутреннихъ и внѣшнихъ потрясеній, лишившихъ Сербію государственной самостоятельности и приведшихъ ее напослѣдокъ къ совершенному паденію. По этому мы должны остановиться на Законникѣ и разсмотрѣть этотъ замѣчательный памятникъ, показывающій намъ, до какой степени совершенства доведена была гражданская жизнь Сербіи тогда, когда Сербія стояла на высшей точкѣ своего могущества. Надобно замѣтить, что Законникъ далеко не полно излагаетъ свои статьи; но не полноты изложенія, или какой нибудь строгой систематичности должны мы искать въ немъ: для насъ важны тѣ многочисленные намеки на многоразличныя отрасли гражданскаго быта, по которымъ мы можемъ судить о цѣломъ составѣ внутренняго гражданскаго устройства Сербіи, какъ по отдѣльнымъ частямъ можно опредѣлить размѣры и красоту цѣлаго зданія. Не то еще было время, чтобы Законникъ могъ явиться полнымъ и совершеннѣйшимъ зеркаломъ тогдашняго гражданскаго общежитія: довольно для XIV-го столѣтія, если онъ, предоставивъ большее обычному праву, самъ передалъ хотя и отрывочныя, однако многостороннія статьи, которыя тѣмъ

не менѣе служатъ яснымъ доказательствомъ, что въ то время внутреннее гражданское устройство Сербіи отвѣчало внѣшнему ея могуществу и что вѣкъ Душана справедливо можетъ назваться цвѣтущею порою Сербіи. Постараемся же на основаніи указаній Законника представить въ краткомъ очеркѣ гражданскій бытъ Сербіи и тѣмъ заключить вѣкъ преуспѣянія Сербскаго царства, представителемъ котораго, блестящимъ и послѣднимъ, былъ Душанъ. Послѣдующія времена представятъ совсѣмъ иную картину, картину постепеннаго упадка и разрушенія.

При ревности, какую народъ и властители Сербскіе оказывали къ православію, духовенство съ своей стороны отвѣчало тѣмъ же. Постоянно, въ продолженіе всей жизни Сербскаго народа, мы видимъ доброе согласіе духовенства съ правительствомъ и благотворное его вліяніе на внутреннія и внѣшнія дѣла. Архіепископы и патріархи Сербскіе явились достойными подражателями первому Сербскому архіепископу Савѣ. Въ самомъ Законникѣ отразилось участіе духовенства въ устроеніи внутренняго порядка страны. За то и Сербскіе государи были щедры на дѣла духовной благотворительности. Съ перваго Немани и до послѣдняго деспота видимъ рядъ дарственныхъ грамотъ монастырямъ и духовенству, изъ коихъ многія заключаютъ подробное опредѣленіе отношеній между новыми подданными и новыми владѣльцами, главнымъ основаніемъ коихъ были полное право владѣнія, освобожденіе изподъ всякой другой власти, отправленіе всѣхъ повинностей въ пользу и по распоряженію новыхъ владѣльцевъ. Даже въ чужихъ странахъ государи Сербскіе старались поддерживать православіе. Извѣстны дары Милутина различнымъ Греческимъ и Палестинскимъ церквамъ. Душанъ слѣдовалъ въ этомъ случаѣ примѣру дѣда. Стефанъ Дечанскій, уступивъ Стонъ Дубровнику, выговорилъ, чтобы православный священникъ могъ безпрепятственно продолжать тамъ свое богослуженіе. Вукъ Бранковичъ вытребовалъ отъ Дубровничанъ обѣщаніе, что въ случаѣ пришествія его къ нимъ, онъ можетъ основать въ ихъ городѣ православную церковь. Аѳонъ постоянно, со времени Немани, пользовался щедротами Сербскихъ королей, царей и деспотовъ. При такомъ сочувствіи къ православію и его служителямъ въ Сербіи не могло быть никакихъ особенныхъ недоумѣній касательно догматовъ вѣры и церковныхъ уставовъ: и дѣйствительно, въ Сербіи мы не видимъ ни ересей, ни споровъ, ни вражды. По этому и въ Законникѣ нѣтъ ничего такого, что бы относилось къ подобнаго рода установленіямъ; но сдѣсь есть нѣсколько правилъ, предупреждающихъ различныя мелкія злоупотребленія въ исполненіи церковныхъ уставовъ. Такъ подтверждено, чтобы назначеніе и смѣненіе духовныхъ властей и лицъ основано было на справедливости и безмездіи; опредѣлено мѣстожительство монашествующимъ и наказаніе за нарушеніе устава монастырскаго общежитія; міряне въ духовныхъ дѣлахъ подчинены духовному суду и надзору; и на оборотъ, въ гражданскихъ дѣлахъ духовенство подчинено общимъ государственнымъ законамъ; положены различныя наказанія за чародѣйство, святотатство и за оскорбленіе, насиліе, или притѣсненіе, сдѣланныя духовному лицу. Какъ ревностный поборникъ православія, Душанъ сильными мѣрами изгонялъ изъ своей земли, и преимущественно изъ завоеванной Босны, католицизмъ. Православному духовенству было вмѣнено въ обязанность стараться обращать всѣхъ латинцевъ въ православіе; а латинское духовенство подвержено наказанію за попытку привлечь православнаго въ свою вѣру. Всѣмъ православнымъ, перешедшимъ въ латинство, повелѣно было снова обратиться къ православію, подъ страхомъ наказанія за ослу-

шаніе. Латинцы не иначе могли жениться и жить у православныхъ, какъ сами становясь православными. За укрытіе латинца и продажу православнаго иновѣрцу положено строгое наказаніе. Изъ Законника узнаемъ, что монастыри получали содержаніе отъ приходовъ, и при монастыряхъ кормились нищіе; что попы имѣли свои баштины, или сидѣли на церковной и властельской землѣ: въ послѣднемъ случаѣ они работали церквамъ и не могли отойти отъ властеля, развѣ только тогда, когда этому не чѣмъ было кормить ихъ; на своихъ же баштинахъ они были лично независимы. Такою же независимостію пользовались попы, сидѣвшіе на царской, т. е., государственной землѣ, или не имѣвшіе вовсе никакой земли (сироты). Отсюда узнаемъ также, что въ Сербіи были великіе монастыри, или лавры, которымъ подчинялись другіе монастыри и церкви; право подчиненія имѣло свои ограниченія. Монастыри и церкви были освобождены отъ всѣхъ государственныхъ повинностей. Вообще всѣ мелчайшія подробности, относящіяся къ церковному праву и разнымъ дѣламъ монастырскимъ, изложенныя въ Законникѣ, равно какъ въ предыдущихъ и послѣдующихъ грамотахъ, показываютъ, до какой степени въ Сербіи уже развито было духовное право. Можно съ достовѣрностію сказать, что оно было развитѣе всѣхъ другихъ правъ,—и этому нечего удивляться, по тому, что Греція, предложившая свою вѣру Сербіи, была передъ глазами со всѣмъ сокровищемъ духовной письменности. Правильникъ Властара вошелъ многими своими мѣстами въ Законникъ Душановъ.

Въ древней Сербіи хотя не было положительнаго разграниченія между частною земельною собственностію царствующаго дома и государственною землею, однако на дѣлѣ мы видимъ, что помимо всей земли, которая въ общемъ смыслѣ называется королевскою или царскою, Сербскіе государи имѣли свои частныя владѣнія и баштины. Въ Законникѣ упоминаются села, планины, баштины и неропхи царскіе, принадлежащіе не только царю, но и царицѣ. Выраженіе грамотъ Боснійскихъ королей ѿ своити указываетъ на частную королевскую собственность. Общественною земельною собственностію почитались преимущественно пастбища, лѣса, горы и дороги: пользованіе ими предоставлялось всякому приходящему, а храненіе близъ лежащимъ селамъ. Около городовъ лежала общественная городская земля. Вся Сербская земля раздѣлялась на жупы, въ которыхъ лежали грады и вароши, т. е., укрѣпленные и неукрѣпленные города. Пограничныя жупы назывались краищами. Главнѣйшій разрядъ земельной собственности составляли баштины или наслѣдственныя родовыя земли. Баштину могъ имѣть всякій, начиная отъ царя до неропха, міранинъ и духовный; баштины были и у монастырей. Баштина составляла полное и неотъемлемое владѣніе, которымъ владѣлецъ могъ распоряжаться по произволу. Она была изъята отъ всѣхъ государственныхъ повинностей. Изъ грамотъ видно, что баштины отдавались въ вѣчное потомственное обладаніе со всѣмъ, что имъ ни принадлежало; монастыри, церкви и попы часто бывали баштинными не только лаврскими, но и властельскими. Жаль только, что ни въ Законникѣ, ни въ грамотахъ мы не находимъ никакихъ ограниченій права владѣнія населенными баштинами; но, безъ сомнѣнія, они существовали и были ясно опредѣлены. Еще былъ одинъ видъ земельной собственности: это— «пронія», которая впрочемъ не совсѣмъ намъ извѣстна. Изъ того, что она противуполагается баштинѣ, можно догадываться, что Законникъ разумѣетъ подъ нею землю, отданную кому нибудь въ пользованіе на извѣстныхъ условіяхъ, какъ то: не дарить и не передавать ея, пользоваться работою неропховъ только

извѣстное число дней въ недѣлѣ, получать съ нихъ только извѣстный оброкъ, нести государственныя повинности и т. п. Поелику Сербы, какъ народъ Славянскій, занимались преимущественно земледѣліемъ и скотоводствомъ, то у нихъ земское право, послѣ духовнаго, долженствовало быть самымъ развитымъ. Въ Законникѣ находимъ лучшее тому доказательство. Но здѣсь, какъ и всюду, нѣтъ полнаго земскаго права; за то есть множество мелкихъ постановленій, вытребованныхъ современностію и свидѣтельствующихъ о развитости этого права въ обычаѣ древней Сербіи. Законникъ показываетъ, какъ постепенно кругъ права расширялся и какъ новыя недоразумѣнія, требуя разрѣшенія, увеличивали число постановленій. Опредѣленіе границъ въ древней Сербіи совершалось самымъ простымъ, нагляднымъ образомъ. Дечанская и Аѳонскія грамоты представляютъ много любопытныхъ примѣровъ этого опредѣленія, гдѣ во всей еще силѣ высказывается первобытное чувство природы, живо сохранившееся у народа осѣдлаго, земледѣльческаго. Живыя урочища, глазомѣръ и показанія старожиловъ служили основаніями при положеніи границъ. Въ какую сторону скатывался камень съ горы, туда шла и межа; куда не ходили ни плугъ, ни коса, ни лопата, то была планина. Селамъ, спорившимъ за свои межи, Законникъ предоставлялъ судиться судомъ короля Милутина: слѣдовательно, еще при Милутинѣ земельное право получило полное развитіе. Сверхъ того въ самомъ Законникѣ находимъ много любопытныхъ постановленій. Споръ рѣшался или на показаніи свидѣтелей, или на основаніи государевой грамоты. Изъ двухъ жалованныхъ грамотъ послѣдняя имѣла перевѣсъ. Только для монастырскихъ земель свидѣтели и грамоты не имѣли силы, и дѣло рѣшалось по суду съ вѣдома царя. Скотоводство равно обратило на себя вниманіе законодателя. Частыя потравы какъ отъ сосѣдей, такъ и отъ кочующихъ пастуховъ, называемыхъ въ Законникѣ Влахами и Албанцами, вызвали нѣсколько мелкихъ статей, въ которыхъ запрещалось одной жупѣ пасти стада на лугахъ другой, а смежнымъ селамъ повелѣвалось имѣть общіе выгоны съ тѣмъ, чтобы уже не травить ни жита, ни луговъ, ни виноградниковъ. За потраву положена различная пеня или «потка». Хотя странствующимъ пастухамъ и позволено было проходить съ своими стадами по пустопорожнимъ землямъ, однако права собственности были ограждены пенею, а на случай зимовки ихъ на властельской землѣ положена узаконенная плата. Охраненіе земель, селеній и дорогъ отъ непріятелей, разбойниковъ, наѣздовъ, поджогъ и воровства составляло не малую заботу Сербскаго правительства. Охрана возложена была или на окольныя села, или на мѣстныя власти подъ строгою отвѣтственностію. Иногда сами властели позволяли себѣ самоуправство, поджигая села, пустоша поля: за это они навсегда лишались своего управленія или державы. Земли умершихъ равномѣрно охранялись околицею. Кто изъ торговцевъ, или монаховъ, или вообще проходящихъ бывалъ ограбленъ дорогою, тотъ получалъ удовлетвореніе или отъ царя, или отъ мѣстныхъ властей и стражей. По этому селамъ вмѣнялось въ обязанность доставлять ночлегъ торговцамъ: иначе они отвѣчали за все, что ни случалось съ торговцами во продолженіе ночи.

Городовое право получило въ Сербіи сравнительно меньшее развитіе, что отразилось и въ Законникѣ. Среднее или городское, мѣщанское сословіе еще не успѣло сложиться по причинѣ недостаточнаго развитія ремеслъ и торговли; а властели жили или при царскомъ дворѣ, или по жупамъ. Города имѣли только правительственное значеніе, какъ средоточіе жупъ. Въ нихъ пребывали главари или кефаліи, т. е., жупные намѣстники; здѣсь были казна, судъ и кое-

гдѣ чеканница. Города, какъ Сербскіе, такъ и завоеванные Греческіе, имѣли свои жалованныя грамоты и оставались на древнихъ правахъ. Поддержаніе города возложено было какъ на горожанъ, такъ и на жупу. Кефалія, сидѣвшій въ городѣ, бралъ съ него извѣстный доходъ; съѣстные припасы уступались ему за полцѣны. Города не подлежали приселицѣ или кормежной повинности. Кто приходилъ въ нихъ, тотъ останавливался въ гостинницѣ, содержатель которой отвѣчалъ за цѣлость его имущества. Золотыхъ дѣлъ мастерамъ, которые были въ то же время и чеканщиками, дозволялось жить только въ городахъ. Городскимъ судомъ завѣдывалъ кефалія, либо церковный клиръ; и суду этому подлежали горожане во взаимныхъ между собою и съ жупными жителями спорахъ. Города имѣли свою стражу. Рѣдко встрѣчается въ Законникѣ, а въ другихъ памятникахъ вовсе не встрѣтается слово «варошъ» или собственно нашъ городъ; но большею частію употребляется слово «градъ», показывающее, что тогдашніе города почти всѣ были укрѣплены.

Населеніе Сербіи состояло изъ нѣсколькихъ сословій, во главѣ коихъ стояло боярское или властельское сословіе, дѣлившееся на большихъ и малыхъ властелей. Первые часто назывались просто властелями въ противуположность властеличичамъ или малымъ властелямъ. Изъ властелей многіе носили званіе князя, которое въ древней Сербіи имѣло почетное значеніе, хотя могло принадлежать лицамъ разныхъ сословій, даже простому сельскому старшинѣ. Сильные и полунезависимые землевладѣльцы, каковы Яблановичи, Храничи, всѣ съ малолѣтства уже носили княжеское званіе; но князя находимъ и между влахами, подаренными монастырямъ, т. е., между пастухами. Такъ точно нынѣ въ Сербіи видимъ князей, стоящихъ во главѣ правительства и князей сельскихъ. Хотя происхожденіе званія князя имѣетъ одинъ источникъ — старѣйшинство, однако, распавшись между сословіями, оно получило нѣкоторые оттѣнки. Въ боярскомъ сословіи это званіе есть родовое и идетъ отъ отца къ сыну, не смотря на малолѣтство и отсутствіе всякой обязанности, соединенной со старшинствомъ; но въ другихъ сословіяхъ оно есть одновременное или только пожизненное и соединено съ извѣстною должностію, вмѣстѣ съ которою переходитъ отъ одного лица къ другому. Сельскіе старшины, окружные начальники, теряя свою должность, перестаютъ съ тѣмъ вмѣстѣ быть и князьями или по Сербски «кнезами». Властели, какъ старинное Славянское сословіе, были осѣдлыми землевладѣльцами, и тамъ, гдѣ особыя обстоятельства имъ благопріятствовали, выставили изъ себя сильные роды, владѣвшіе цѣлыми областями, въ которыхъ подъ ними сидѣли другіе имъ подручные властельскіе роды. Многіе властели имѣли свои стяги и назывались «стегоношами». Законникъ и грамоты указываютъ на нѣкоторыя ихъ должности и права. Такъ, на пр., они были главарями или кефаліями въ жупахъ, или совѣтниками при дворѣ, ѣздили въ посольства, ходили съ своими людьми на войну, свидѣтельствовали при выдачѣ грамотъ: словомъ, отправляли всѣ высшія государственныя должности. Права ихъ не ясно обозначены въ нашихъ памятникахъ. Тогда какъ властелинъ за безчестіе властеличичу платилъ лишь пеню, властеличичъ за безчестіе властелю, сверхъ такой же пени, подвергался еще батожнымъ ударамъ. Вообще властели не были изъяты изподъ тѣлеснаго наказанія, личнаго задержанія и смертной казни. Впрочемъ въ уголовныхъ дѣлахъ они рѣже подвергались тѣлесному наказанію, чѣмъ прочія сословія, и за безчестіе ихъ сословію наказаніе было строже, чѣмъ за таковое же безчестіе другимъ сословіямъ. Исторія оставила намъ нѣсколько красорѣчивыхъ,

но въ то же время грустныхъ памятниковъ участія бояръ, какъ сословія, въ дѣлахъ государственныхъ. Надобно замѣтить, что до самой кончины Душана бояре постоянно имѣли въ виду выгоды какъ страны, такъ и своего сословія. Они низвели Радослава, которому лѣтописцы приписываютъ припадки безумія, и посадили способнѣйшаго Владислава; они отстранили Владислава Драгутиновича, пребывавшаго не въ ихъ землѣ. Охраняя Сербскую народность отъ Греческаго вліянія, они содѣйствовали Дечанскому противъ Милутина, Душану противъ Дечанскаго и т. д. Опорою имъ была Зета. Но съ Душана, какъ видимъ, ихъ сословіе рушится; являются отдѣльныя личности съ правами на боярство; раждаются крамолы, измѣны, и эта новизна губитъ Сербію. Средняго сословія, въ смыслѣ цѣльнаго и замкнутаго съ отдѣльными выгодами, не было въ древней Сербіи. Тамъ были только отдѣльныя лица, составлявшія нѣчто среднее между поселянами и властелями, каковы, на пр., «градскіе люди», между которыми упоминаются «станяне» или, по позднѣйшему списку, «гостильники», т. е., содержатели городскихъ постоялыхъ дворовъ, туземные торговцы и разные ремесленники, между которыми грамоты называютъ: золотыхъ дѣлъ мастеровъ, кузнецовъ, сѣдельщиковъ, портныхъ, поваровъ и др. Почти всѣ ремесленники жили по селамъ. Кромѣ торговаго права, другихъ правъ для лицъ средняго сословія мы не замѣчаемъ, да ихъ и не могло быть, если не было самого сословія въ настоящемъ смыслѣ слова. Низшее сословіе имѣло свои подраздѣленія. Одна часть сидѣла на государственной землѣ и была лично независима, считаясь только, наравнѣ съ другими сословіями, подданными государя и государства; другая часть сидѣла на баштинахъ и вмѣстѣ съ первымъ подданствомъ соединяла подданство частному лицу или мѣсту. Крѣпостнаго состоянія для земледѣльцевъ и пастуховъ въ Сербіи мы не видимъ: вмѣсто него существовала припись къ землѣ. Изъ грамоты Немани и Законника видимъ, что частнымъ подданнымъ запрещалось уходить съ своей земли; и господарямъ дана была власть жестоко наказывать бѣглецовъ. На личную независимость указываютъ еще слѣдующія распоряженія Законника; во первыхъ, дозволеніе земледѣльцамъ судиться съ своими господарями, во вторыхъ опредѣленіе количества работы и повинностей, которыя земледѣлецъ долженъ былъ выставлять для своего господаря. Слѣдовательно, приписавъ частныхъ подданныхъ къ землѣ и позволивъ господарямъ владѣть ими, дарить и продавать ихъ вмѣстѣ съ землею, Законникъ обезпечилъ за ними нѣкоторыя личныя права. «Неропхами» назывались преимущественно земледѣльцы; «Влахами» или «Албанцами» пастухи. Между послѣдними видимъ многихъ кочующихъ съ своими стадами, слѣдовательно, не прикрѣпленныхъ къ землѣ. О странствіи Влаховъ и Албанцевъ упоминаетъ Законникъ. Не были ли это дѣйствительно иноземцы, подлинные Волохи и Албанцы въ противуположность осѣдлымъ и въ частномъ подданствѣ находившимся Сербамъ, которые, по занятію своему, тоже назывались, какъ мы знаемъ, Волохами или Влахами? Кромѣ этихъ были еще сокольничьи, псари, свинопасы, пчеловоды и пр. Но всѣ они находились въ подданническомъ состояніи и иногда назывались вообще «людьми». Слово «себръ», употребляемое Законникомъ, означаетъ, какъ кажется, всякого человѣка не властельскаго происхожденія; а такъ какъ среднее сословіе не принимается здѣсь въ расчетъ, то подъ себромъ должно разумѣть преимущественно человѣка низшаго сословія. Послѣднюю степень этого сословія составляли «отроки» и «дѣтичи», означавшіе людей лично несвободныхъ или рабовъ. Отроки, подобно неропхамъ, сидѣли на зем-

лѣ; но если неропхи только через землю были привязаны къ господарю, то эти, на оборотъ, самымъ тѣломъ своимъ принадлежали ему, какъ веществен-ная собственность. Монастырскіе неропхи судились передъ монастырскимъ су-домъ; властельскіе передъ судьями; а отроки у своихъ господарей.

Древнѣйшее указаніе на военныхъ сановниковъ находится въ Житіи Немани, гдѣ упоминаются воеводы, тысячники и сотники. И при Душанѣ воевода про-должалъ оставаться высшимъ военачальникомъ, замѣняя, въ отсутствіе царя, его особу со всѣми ея правами. Въ Боснѣ воеводство сдѣлалось наслѣдст-веннымъ въ древнихъ знаменитѣйшихъ боярскихъ родахъ и переходило, какъ званіе, а уже не какъ военная должность, отъ отца къ сыну. Хранячи возвели его на высшую степень, соединивъ съ нимъ значеніе самостоятельныхъ, неза-висимыхъ правителей, герцоговъ Нѣмецкой имперіи и блюстителей гроба св. Савы. При Душанѣ находимъ еще кранщниковъ, правившихъ пограничными областями и отправлявшихъ военную должность; ибо имъ поручено было от-ражать непріятельскія войска и шайки разбойниковъ. Важнѣйшими правитель-ственными лицами въ древней Сербіи были великіе жупаны и великіе князья. Первое званіе носили Неманя и его предшественники: оно соединяло съ собою понятіе самостоятельнаго правителя, подъ которымъ могли стоять жупаны. Когда великіе жупаны сдѣлались королями, тогда жупаны остались, по прежнему, выс-шими послѣ нихъ правителями, какъ бы областными намѣстниками. Въ Сербіи званіе жупана уже не существовало при Душанѣ; но въ Боснѣ оно продолжа-лось до конца XV-го столѣтія. Великіе князья Хлумскіе, Вуканъ и Андрей, были почти независимыми, и ихъ званіе означало высшее правительственное лицо въ области. Оба они жили въ первой половинѣ XIII-го ст., и послѣ Андрея сынъ его, Радославъ, назывался уже жупаномъ. Въ Боснѣ главнымъ правительственнымъ лицомъ были баны, изъ коихъ одинъ въ грамотахъ на-шихъ именуется великимъ. Важнѣйшими гражданскими сановниками, послѣ упо-мянутыхъ правительственныхъ лицъ, были князья или кнезы, о которыхъ упо-минается въ Житіи Немани: **кнезе земльли иже надь властьми**. Безъ сомнѣнія, сдѣсь разумѣются высшіе бояре, по чему и называются они **кнезе земльли**; а что они были должностными лицами, то это видно изъ выраженія **иже надь властьми**. Но, какъ сказали мы выше, одновременно съ высшими кнезами, об-леченными властію, были въ древней Сербіи и кнезы сельскіе, принадлежав-шіе къ подданнымъ, о которыхъ упоминаетъ уже Жичанская грамота, данная тѣмъ же самымъ Стефаномъ Первовѣнчаннымъ, который писалъ и Житіе Не-мани. При Душанѣ находимъ тѣхъ же сельскихъ кнезовъ, которые разбира-ютъ споры Дубровницкихъ ходебщиковъ съ Сербами и принимаютъ жалобы отъ торговцевъ, ограбленныхъ дорогою. Вообще, что касается до званія кнеза, какъ равно и воеводы, то должно замѣтить, что Славяне, развивавшіе у себя родовой бытъ, любили старшинство соединять съ должностію, преимущест-венно судебною; у нихъ старшій въ родѣ былъ вмѣстѣ и судьею. Эта самая черта перенесена была въ послѣдствіи и въ гражданскій бытъ. Кнезы изъ родовыхъ старшинъ сдѣлались боярами и своимъ званіемъ пользовались по-томственно, но уже безъ всякого правительственнаго или должностнаго зна-ченія, которое перешло къ жупанамъ, великимъ жупанамъ, великимъ князьямъ, банамъ, королямъ, царямъ и т. д.; за то въ низшихъ сословіяхъ, на оборотъ, званіе кнеза, не будучи потомственнымъ, получило чисто должностное значе-ніе, какъ начальника села или околицы, творившаго судъ и расправу, хотя и въ немъ народъ обыкъ уважать древнѣйшее родовое представленіе — стар-

шинство. Сельскіе кнезы завѣдывали непосредственно земскою частію и всѣми мелкими дѣлами, возникавшими въ сельскомъ населеніи. Въ томъ же Житіи Немани упоминаются еще приставники дѣломъ, а въ грамотѣ Кулина тьстники, т. е., то же, что сановники. За тѣмъ при Душанѣ видимъ «кефалій», которые сидѣли по жупамъ въ городахъ, завѣдывая городскимъ судомъ, земскою охраною, путями сообщенія и вообще всѣмъ жупнымъ правленіемъ. Душанъ, преобразовавъ дворъ и управленіе по образцу Греческому, учредилъ особыхъ правителей и сановниковъ съ званіемъ деспотовъ, севастовъ или севастократоровъ и цесарей. Впрочемъ, родъ и объемъ этѣхъ должностей въ Сербіи намъ неизвѣстны. Былъ и «великій логоѳетъ», вѣроятно, то же, что въ грамотѣ Дечанскаго архидьякъ, завѣдывавтій преимущественно посольскими и вообще писцовыми дѣлами; были «логоѳеты» или «граматики», иначе дьяки, писцы, главною обязанностію которыхъ было писать грамоты. «Дворскіе приставы» или просто «дворскіе» завѣдывали государевымъ дворомъ. При особѣ владѣльца находился «протовистіарій», или «вистіарій», казначей, по чему онъ называется иногда «коморникомъ» или «разложникомъ коморы» (казны). Однажды въ грамотѣ Тврьтка II упоминается «королевскій прокураторъ», а въ грамотѣ деспота Юрія—«ризничій». Торговыми дѣлами и непосредственнымъ сборомъ пошлинъ, завѣдывалъ царинникъ; онъ же и разбиралъ нѣкоторыя торговыя тяжбы. Въ Сербіи находимъ три рода судей: одни судьи сельскіе или областные, другіе городскіе или сами кефаліи и третьи дворскіе, судившіе тѣхъ, кои находились постоянно, или случались временно при царскомъ дворѣ. Всѣ они были должностными чиновниками и по тому назывались царскими и были равны между собою, ибо не было допущено жалобъ однимъ на другіе; но каждые имѣли свой кругъ вѣдѣнія. Законникъ содержитъ нѣкоторыя постановленія, относящіяся къ судьямъ. Они должны были судить по закону справедливо и безкорыстно; рѣшеніе свое записывали въ особую грамоту, на основаніи которой оно приводилось въ исполненіе. Каждый судья имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи область, которую и обязанъ былъ обходить для осмотра и исправленія убогихъ и нищихъ; при этомъ ему запрещалось брать какіе либо насильственные подарки съ обывателей. Вѣдомство судей было разграничено, и никто не могъ судиться у чужаго судьи помимо своего. При судьѣ состояли «приставъ» или «посланникъ», главное орудіе судьи, «глобари», взимавшіе пѣни, и сводчики, производившіе сводъ краденымъ предметамъ. Приставъ призывалъ къ суду подсудимыхъ и приводилъ въ исполненіе рѣшеніе судьи. Основаніемъ служила ему судейская грамота, которой онъ, подъ страхомъ наказанія, не могъ ни ослушаться, ни исказить. Всякая несправедливость строго воспрещалась. Какъ и судья, онъ былъ лицомъ неприкосновеннымъ. Впрочемъ, онъ могъ самъ открывать злоупотребленія и доносить объ нихъ, равно какъ быть ходатаемъ подсудимаго. Вмѣсто жалованья онъ получалъ плату съ извѣстныхъ земскихъ статей, называвшуюся «издавою». Церковными подданными завѣдывали особыя лица, называемые въ нашихъ памятникахъ общимъ именемъ «церковныхъ владѣльцевъ». Наши памятники предлагаютъ намъ еще нѣсколько должностей, которыя остаются пока для насъ темными; таковы: пехарьникъ, вѣроятно, то же, что кравчій, челникъ и великій челникъ, ставилецъ, тепчій, пребѣгаръ, примицерій, престайникъ или стайникъ, прахторъ.

Государственные доходы состояли преимущественно изъ прямой подати, называвшейся бирью или данью, данкомъ, поданкомъ, различныхъ пошлинъ или царинъ и глобъ или денежныхъ пень. Земскія повинности, упоминаемыя

нашими источниками, были: войско или хожденіе на войну, приселица или постойная и кормежная повинность, замѣненная въ послѣдствіи денежными сборами, ризница или доставка государственныхъ сокровищъ, посольство или перевозъ пословъ, проводъ или провожаніе царя и его властелей отъ одной жупы до другой, конь или пасеніе царскихъ лошадей, носъ или пбносъ, т. е., ношеніе разныхъ казенныхъ предметовъ. Земскія работы были: путь, сѣнокоша, виноградъ, копаніе, ораніе, жатва, вершитба или врьшеніе, т. е., молотьба, травнина, преслица и др. Кромѣ денежныхъ, были подати естественными произведеніями; таковы: жировница или подать желудями для кормленія свиней, позобъ или кормъ для лошадей, сокъ, какъ кажется, подать овощами, саломъ и молочными произведеніями, и чьбрина или подать посудою. Неизвѣстно, какія повинности или подати должно разумѣть подъ словами: геракаръ, котелъ, престолъ, плетва, унче лѣто и унчій сокъ. Обыкновенно подати взимались десятиною, на что указываетъ одна грамота Душана, упоминающая о десяткѣ житномъ, овчемъ, пчельномъ и свиномъ. Доходъ по тому, откуда шелъ, назывался городскимъ, или жупнымъ. Кефаліи имѣли свой доходъ, присвоенный ихъ должности. Какъ государство, такъ и частныя владѣтельныя лица и мѣста подчиняли своихъ подданныхъ если не всѣмъ, то нѣкоторымъ изъ этѣхъ повинностей, работъ и податей. Въ послѣдствіи многія подати, взимавшіяся естественными произведеніями, замѣнены были для бóльшаго удобства податьми денежными. Раздѣленія работъ на великія и малыя, какъ думаютъ нѣкоторые, не было въ Сербіи.

Торговое право было не менѣе слабо развито, какъ и самое торговое сословіе. Слова «гость», «латынянинъ», мелькающія въ Законникѣ, невольно напоминаютъ, что торговля Сербская находилась въ рукахъ иноземцевъ. Мы уже видѣли, какой самостоятельный и опредѣленный видъ получили торговыя сношенія Сербіи съ Дубровникомъ. Для самихъ Сербовъ мы не находимъ ни одной льготы, ни одной статьи. Сербскіе торговцы не были обезпечены никакими правами: ихъ подавили богатые и искусные Дубровничане. Отсутствіе постоянныхъ мѣстъ сбыта и временныя ярмарки показываютъ, что туземная торговля Сербіи находилась еще въ зародышѣ. Требованіе на сырыя произведенія и преимущественно на хлѣбъ и металлы нѣсколько поддерживало ее; но ввозною торговлею и продажею готовыхъ издѣлій занимались исключительно Дубровницкіе ходебщики. Тѣмъ не менѣе Законникъ содержитъ нѣкоторыя обезпеченія для торговцевъ, какъ во время ихъ прохожденія по Сербской землѣ, такъ и во время самой продажи. Торговые люди имѣли полное право безпрепятственно ходить по всѣмъ дорогамъ, селамъ, городамъ и ярмаркамъ, продавать и покупать; никто не смѣлъ задерживать ихъ, или отнимать у нихъ товаръ даромъ или за безцѣнокъ. Всякій ущербъ, нанесенный имъ во время странствія, вознаграждался. Залоги выкупались. Но всѣ эти постановленія даны въ общемъ смыслѣ и относились не столько къ туземнымъ, сколько къ иноземнымъ торговцамъ.

Военное право, при всемъ множествѣ войнъ, которыя постоянно вела Сербія съ сосѣдями, не получило себѣ полнаго выраженія въ Законникѣ, не потому, конечно, чтобы оно не имѣло его, но отъ того, что не нуждалось въ письмѣ, оставаясь обычнымъ правомъ народа. Народъ зналъ кому, когда и на какихъ правилахъ итти на войну. Душану оставалось только письменно предупредить нѣкоторыя злоупотребленія, случавшіяся на войнѣ и въ походѣ. Такъ запретилъ онъ при поединкахъ всякое участіе третьяго лица; во время привала одного отряда въ селѣ, другой отрядъ не могъ останавливаться тамъ

же; воевода завѣдывалъ войсковымъ судомъ и представлялъ собою лицо самого царя; ему же доставлялась и военная добыча. Подъ смертною казнію запрещено было въ походѣ разорять монастыри и храмы.

Родовое право въ томъ видѣ, какъ застаютъ его наши источники и какъ еще яснѣе выражаетъ его Законникъ, является уже нѣсколько измѣненнымъ противъ прежняго первобытнаго права, по которому весь родъ составлялъ единое нераздѣльное цѣлое. Вмѣсто рода на первомъ мѣстѣ уже являются семьи или домы, выособившіеся изъ родовъ. Семья стоитъ выше рода, по тому, что только съ нею одною имѣетъ дѣло законъ: только по прекращеніи семьи право переходитъ къ роду. Въ Законникѣ въ основаніе общности отвѣта и поруки принятъ домъ, подъ которымъ разумѣется одна семья или совокупность родичей, безъ опредѣленнаго ограниченія степеней родства, живущихъ подъ начальствомъ одного старшины. Даже если родичи были раздѣлены между собою хлѣбомъ и имуществомъ, но продолжали жить на одномъ огнищѣ, то и въ этомъ случаѣ Законникъ считаетъ ихъ за одну семью или одинъ домъ; и за таковой домъ, въ гражданскомъ и уголовномъ правѣ, отвѣчалъ только старшій въ семьѣ или господарь дому; либо можно было отвѣчать брату за брата, отцу за сына, роду за родъ, т. е., однимъ родичамъ за другихъ: во всякомъ случаѣ здѣсь видна общность семьи, не только живущей на одномъ хлѣбѣ и владѣющей общимъ имѣніемъ, но даже такой, которая на одномъ огнищѣ заключаетъ нѣсколькихъ выдѣлившихся въ хлѣбѣ и имѣніи родичей. Но отдѣлившіеся огнищами или домами уже не отвѣчаютъ другъ за друга. Ясно, что древній родъ замѣненъ былъ уже семьею или домомъ. По этому при клятвахъ, встрѣчаемыхъ нами въ грамотахъ, приводятся свидѣтели «съ братіею», что показываетъ, съ одной стороны, что домъ считался нераздѣльнымъ цѣлымъ и нужно было согласіе всѣхъ его членовъ, а съ другой, что по этой самой причинѣ достаточно было свидѣтельства одного главы дома, ручавшагося и за всю братію свою. Но далѣе одного дома, или семьи, или огнища общность не простиралась. Замѣчательно, что наши грамоты совершенно сходятся съ Законникомъ въ понятіяхъ о родовомъ правѣ. Не говоря уже о томъ, что Санковичи, Радиновичи, Храничи, Влатковичи дѣйствуютъ только какъ домá, кути; но даже и тогда, когда дѣло идетъ о цѣломъ родѣ, этотъ родъ опредѣляется не иначе, какъ совокупностію домовъ. Такъ Сандалъ, за неимѣніемъ прямыхъ наслѣдниковъ въ своей семьѣ, въ которую входили и его братья съ своими дѣтьми, завѣщаетъ свои вклады четыремъ домамъ, кутямъ своего «племени», называя каждую кутю именемъ ея старѣйшины, а не говоритъ прямо о своемъ племени или родѣ нераздѣльно.

На родовомъ правѣ основывалось и право владѣнія. Вся семья или кутя имѣла право на общее владѣніе, и вотъ по чему всѣ записи, данныя королями, царями, деспотами и боярами, даны не отъ одного лица, а отъ старѣйшаго въ домѣ вмѣстѣ съ прочими ближайшими родственниками, какъ-то: братьями, сыновьями, даже женами. Сама исторія Сербіи представляетъ частые примѣры соперничества за земли между братьями, или между дядями и племянниками.

Наслѣдственное право изложено въ Законникѣ весьма неполно. Мы видимъ только, что послѣ бездѣтнаго властелина его баштина переходитъ въ его родъ къ ближайшимъ наслѣдникамъ «до третьяго братучеда», т. е., до правнука по братнину колѣну; а далѣе къ кому? — не сказано. Вѣроятно, въ случаѣ несуществованія такого родича, баштина дробилась между родомъ.

Но одно уже условіе бездѣтности показываетъ, что семейное право преобладало надъ родовымъ. Доспѣхи властелина, послѣ его смерти, шли — половина царю, а половина сыну, или дочери. Грамоты доставляютъ намъ нѣсколько примѣровъ примѣненія наслѣдственнаго права. Всякая собственность шла первоначально къ дѣтямъ, а потомъ къ братьямъ и племянникамъ. Имѣли ли дочери право наслѣдія недвижимою собственностію? На это, по нашимъ источникамъ, нельзя отвѣчать рѣшительно; кажется, онѣ исключены были изъ наслѣдства, хотя съ другой стороны видимъ, что у женщины не отнято право владѣнія баштиною и отроками. Законникъ темно выражается о бездѣтности властелина, употребляя выраженіе «дѣтца», дѣти, вмѣсто сына или дочери; но за то грамоты наши отрицательнымъ образомъ доказываютъ отстраненіе дочерей отъ наслѣдства недвижимымъ имуществомъ или вѣрнѣе землями. Сандалъ и Радославъ Павловичъ обѣщаютъ только за себя и за свое мужеское потомство охранять уступленную Дубровнику Конавльскую жупу; а охраненіе могли принять на себя только тѣ, кои наслѣдовали оставшееся послѣ нихъ земельное владѣніе. Точно также Сандалъ пріобрѣтенную въ Дубровницкой области баштину передавалъ своему роду по мужской линіи. По крайней мѣрѣ, мы нигдѣ не видимъ, чтобы владѣльцы отказывали свои земли сыновьямъ вмѣстѣ съ дочерьми, или однимъ дочерямъ. Опроверженіемъ не можетъ служить одно мѣсто грамоты Стефана Косачи, который, раздѣляя все свое имущество между двумя сыновьями, выговариваетъ себѣ право, если вздумаетъ, отдѣлить небольшую часть изъ него другимъ родственнымъ домамъ и женѣ своей: да се нима (Владиславу и Влатку) г̑поцтво . . . разв̑ ако би ми се шо видѣло одлучити измѣю нию вкрухь квѣамь илашнемь л матерѣ ні. Сдѣсь могло разумѣться имущество движимое, какъ и дѣйствительно въ послѣдствіи видимъ Цецилію, извѣщающую Дубровничанъ о доставшемся ей вкладѣ мужа ея, Косачи. Но въ наслѣдствѣ движимымъ имуществомъ и домами участвовали, послѣ сыновей, и дочери. Дворецъ въ Дубровникѣ Радославъ Павловичъ получилъ съ тѣмъ, что послѣ его смерти, ему наслѣдуетъ не только прямое мужеское колѣно, но, по прекращеніи мужескаго, и женское. Въ завѣщаніи Сандала, относительно его вкладовъ, видимъ то же самое: движимая собственность, въ прямомъ потомствѣ, шла прежде всего къ сыновьямъ, а потомъ уже, за неимѣніемъ ихъ, къ дочерямъ; въ боковомъ же потомствѣ она шла только въ мужескую линію, къ племянникамъ, и отъ одной мужской линіи переходила къ другой, согласно со степенями родства; но ни въ какомъ случаѣ не переходила въ женскую линію. Такъ точно и Стефанъ Косача завѣщаетъ свой вкладъ сыновьямъ, а если ихъ не будетъ, то женѣ и дочерямъ. Изъ розыска Дубровничанъ о родѣ Бранила Тезаловича равномѣрно оказывается, что въ наслѣдованіи движимою собственностію дочери, будутъ ли онѣ замужнія, или нѣтъ, шли въ расчетъ послѣ братьевъ. Собственникъ могъ по произволу распоряжаться своею собственностью и отдавать ее кому хотѣлъ помимо прямыхъ наслѣдниковъ. Законникъ предоставляетъ баштиннику полное право распоряженія своею баштиною. Косача грозитъ, въ случаѣ неповиновенія сыновей, отдать свое имущество другому, кому захочетъ. Такимъ образомъ, касательно правъ наслѣдованія, мы приходимъ къ слѣдующимъ итогамъ: собственникъ имѣлъ право завѣщать свое имущество кому хотѣлъ; но обыкновенно по его смерти ему наслѣдовали ближайшіе родичи, такъ что его домъ наслѣдовалъ прежде боковыхъ домовъ или рода. По прекращеніи дома, наслѣдство переходило къ прочимъ родственнымъ до-

мамъ. Сыновья имѣли преимущество передъ братьями; братья передъ племянниками. Недвижимое имущество шло только въ мужеское колѣно, а движимое, за неимѣніемъ или послѣ сыновей, шло и къ дочерямъ въ женское колѣно, но только по прямой линіи; по боковой же участвовала одна только мужская линія. Наслѣдство получала вся семья или всѣ сыновья и дочери одного отца. Мать участвовала въ наслѣдствѣ только въ слѣдствіе особаго распоряженія.

Малолѣтство не нашло себѣ въ Законникѣ никакого опредѣленія, но что оно существовало въ обычномъ правѣ, на это указываютъ наши грамоты. Изъ нихъ мы узнаемъ, что малолѣтные не присягали и не писались въ грамотахъ; но по достиженіи совершеннолѣтія повторяли клятву старшихъ. Малолѣтные не могли прежде четырнадцати лѣтъ возраста получить отцовскій вкладъ.

Бракъ признавался только тогда, когда совершенъ былъ съ разрѣшенія духовной власти и освященъ таинствомъ вѣнчанія. Чрезъ бракъ жена входила въ права мужа. Дечанскій постановилъ, что Сербъ—неропхъ, взявшій себѣ жену у Влаха, ведетъ ее въ неропхи, и она съ потомствомъ своимъ подчиняется неропшскому закону.

Вообще гражданское право руководствовалось болѣе обычаемъ, чѣмъ письменными постановленіями. Относясь къ порядку или нормѣ общественной жизни, оно выросло вмѣстѣ съ народомъ на его родной почвѣ и содержало въ себѣ итогъ всего того, что, какъ основа гражданскаго быта, выработано было народомъ въ его вѣковой самостоятельной жизни; а по тому оно не нуждалось ни въ новыхъ постановленіяхъ, ни въ письменномъ выраженіи, кромѣ тѣхъ злоупотребленій въ отдѣльныхъ частяхъ права, которыя требовали въ нихъ либо точнѣйшаго опредѣленія, либо отмѣны, либо измѣненій. Освященное стариною и присутствіемъ народности, оно не допускало произвольныхъ уложеній; ибо всякая попытка къ его пересозданію повлекла бы за собою ломку всего общественнаго порядка, разорвала бы всѣ гражданскія связи, уничтожила бы всѣ основы, на которыхъ держались взаимныя отношенія сословій и лицъ. По этому мудрый законодатель оставилъ его безъ перемѣны, а слѣдовательно, безъ написанія, какъ обычное право, созданное самимъ народомъ и всѣмъ извѣстное.

Уголовное право, напротивъ того, требовало многихъ новыхъ постановленій, число и строгость которыхъ отвѣчали стремленію законодателя къ обезпеченію общества и упроченію гражданскаго быта чрезъ уясненіе его основъ въ сознаніи правъ и законности. Имѣя дѣло съ нарушеніями общественнаго порядка, народнаго права и спокойствія, словомъ, вѣдаясь съ исключеніями или аноріею гражданскаго быта, оно измѣнялось по мѣрѣ того, какъ верховная власть смотрѣла на эти исключенія и какую придавала имъ важность. Законодатель считалъ себя обязаннымъ предохранить общественный бытъ отъ искаженія и разрушенія, защитить общество отъ его изверженцевъ, стремящихся къ разрушенію всего существующаго, всего прочнаго. Все, что дурнаго представляетъ въ себѣ народная жизнь, является уже исключеніемъ и подлежитъ свободному дѣйствію законодателя, который сдѣсь, въ кругу уголовнаго права, можетъ приводить въ движеніе всѣ пружины, клонящіяся къ главнѣйшей его цѣли—исправленію, искорененію и предотвращенію зла. Словомъ, Душанъ, котораго вся дѣятельность стремилась къ усиленію Сербіи не только извнѣ, но и внутри ея самой, считалъ себя въ правѣ уложить все то, что

нужно было для защиты гражданственности отъ порчи. Вотъ по чему въ его Законникѣ такъ мало говорится о гражданскомъ правѣ и такъ сравнительно много объ уголовномъ. Преступленія, которымъ наиболѣе подвергался общественный бытъ, требовали равно простыхъ и строгихъ постановленій. Убійство, насиліе, безчестіе, обида, блудъ, пьянство, воровство и разбой, поджигательство, дѣланіе ложныхъ денегъ, открытое присвоеніе чужой собственности и бѣгство:—вотъ преступленія, которыя обратили на себя вниманіе законодателя. Между ними мы не видимъ еще никакихъ утонченныхъ преступленій, которыхъ разнообразіе возникаетъ по мѣрѣ старѣнія и порчи общества, и это показываетъ степень, на которой стоялъ гражданскій бытъ Сербіи при Душанѣ. По роду этихъ преступленій можно судить о возрастѣ тогдашняго общества: оно, конечно, было еще юно, еще крѣпчало и совершенствовалось, и далеко было отъ той точки, гдѣ начинается его искаженіе и распаденіе. Свойство преступленій свидѣтельствуетъ о первоначальной грубости отставшихъ его членовъ, совершенно противуположной развращенію упадающаго общества, порождающему инаго рода преступленія. Съ другой стороны, мы видимъ въ изложеніи этого права вѣрный признакъ современности и народности Законника, котораго издатель имѣлъ въ виду не отвлеченную сторону воображаемаго быта, но живыя потребности дѣйствительно существующаго и современнаго ему общества. Изъ постановленія объ убійствѣ видимъ, что преступленіе это совершалось часто открыто и съ наглою смѣлостію. Властели убивали себровъ, себры властелей. Лица духовнаго званія, родители и родственики становились иногда жертвами преступленія. Воровство и разбой были, какъ видно, не рѣдки въ древней Сербіи. Душанъ часто говоритъ объ нихъ въ Законникѣ. Это показываетъ, что земское устройство еще далеко не созрѣло тогда въ Сербіи, и вообще во всемъ общественномъ бытѣ заключалось не одно условіе, благопріятствовавшее этому роду преступленій. Нѣкоторыя статьи намекаютъ, что и властели не чужды были иногда покровительства разбойникамъ. За то строго было и наказаніе за воровство и разбой: виновные и потворствующіе имъ наказывались одинаково: воры ослѣпленіемъ, разбойники висѣлицею. Слѣдствіемъ частыхъ разбоевъ и воровства, равно какъ войнъ, было то, что въ Сербіи появлялось много предметовъ, которыхъ законные владѣльцы были неизвѣстны. Пріобрѣтеніе таковыхъ предметовъ покупкою было дозволено только на законномъ основаніи; во всякомъ другомъ случаѣ присвоившій себѣ чужую собственность подвергался одинаковому наказанію съ воромъ и разбойникомъ. Всякая добыча въ чужой землѣ должна быть представлена царю, или воеводѣ. Поджоги, или чеканка ложныхъ денегъ наказывались сожженіемъ. Бѣгство, выпроваживаніе бѣглецовъ въ чужую землю, или принятіе ихъ были строго запрещены. Принять чьего либо человѣка, или иноземца можно было только тогда, когда при немъ была охранная грамота.

Судоустройство и судопроизводство составляютъ важный отдѣлъ во внутренней исторіи Сербіи. Въ нихъ мы находимъ много остатковъ глубокой старины, перемѣшанныхъ съ позднѣйшими нововведеніями, много такого, что велось издревле въ народѣ, и такого, что установлено было въ послѣдствіи королями и самимъ Душаномъ. Но при всемъ томъ мы не можемъ не удивляться простотѣ судебнаго порядка, которая, въ сравненіи съ развитостію гражданскаго быта временъ Душановыхъ, много говоритъ въ пользу нравовъ тогдашняго общества. Простота судебнаго разбирательства есть признакъ древности

и вмѣстѣ простоты и неиспорченности нравовъ. Къ тому же надобно замѣтить, что Законникъ мало даетъ отвѣтовъ на спорные вопросы; его статьи посвящены наиболѣе устройству и порядку суда: слѣдовательно, судьи произносили свои приговоры единственно на основаніи здраваго смысла и совѣсти, и народъ былъ доволенъ ими, такъ что законодателю не надобно было впередъ въ своемъ Законникѣ предписывать имъ рѣшенія. Дѣла ограничивались однимъ судомъ: мы ни отъ куда не видимъ, чтобы допущены были жалобы одному суду на другой; словомъ, степеней судебныхъ не существовало. Мелкія спорныя дѣла сельскаго населенія покончивали кнезы; другія рѣшались судьями, или кефаліями, либо же самимъ царемъ. Тяжущіеся могли также, по доброй волѣ, подчиниться суду присяжныхъ. Въ походѣ и на войнѣ войско подлежало суду царя, или, за отсутствіемъ его, воеводы. Крѣпостные люди судились своими господами. Монастырскіе подданные судились особыми должностными лицами, опредѣляемыми на то отъ монастыря. Въ нѣкоторыхъ торговыхъ случаяхъ споры рѣшались царинникомъ. Когда еще не вполнѣ уяснены были общественныя обязанности, и сословіе властелей занимало весьма высокое мѣсто по своему могуществу, тогда приглашеніе къ суду было дѣломъ весьма затруднительнымъ. Нужно было наблюдать особую осмотрительность какъ въ отношеніи сословнаго происхожденія подсудимаго, такъ и срока приглашенія. Въ Законникѣ замѣтна особенная заботливость и точность въ постановленіяхъ о приглашеніи къ суду, что заставляетъ думать, что позванные находили еще много средствъ къ неявкѣ на судъ. Властели призывались къ суду особою грамотою и не иначе, какъ до обѣда; для прочихъ сословій достаточно было одной печати. Возвратившимся съ войны давался трехнедѣльный срокъ. Жена, за отсутствіемъ мужа, не призывалась къ суду. Члены одной семьи являлись къ суду по волѣ, кто хотѣлъ. Если отвѣтчикомъ за подсудимаго былъ приставъ, то получалъ отсрочки полдня. Подсудимые могли представлять за себя ходатаевъ. Судъ производился устно. Соперники являлись предъ судьею и излагали на словахъ сущность дѣла. Наговоры, брань, постороннія обвиненія, изда строго запрещались. Силу имѣло только первое показаніе. Доказательными средствами были: грамоты, печати и другіе условные знаки, свидѣтели, сводъ, лицо, рука, клятва; за ними въ нѣкоторыхъ случаяхъ слѣдовалъ судъ Божій. Въ поединкѣ, водѣ и желѣзѣ, гдѣ дѣйствовала уже высшая обличающая сила видѣли окончательное доказательство правоты, или виновности. Такое соединеніе доказательныхъ средствъ указываетъ на ту пору развитія Сербскаго народа, когда образованность и гражданственность начинали уже вытѣснять грубое невѣжество и простоту древняго народнаго быта; когда Сербія находилась на полпути своего внутренняго развитія, дѣлая быстрые шаги впередъ и не разставаясь еще совершенно съ завѣтною стариною. Обиліе допущенныхъ средствъ для доказательства свидѣтельствуетъ о чувствѣ правды, руководившемъ народъ и законодателя. И даже тамъ, гдѣ всѣ человѣческія средства прекращались, Сербы, не желая оставить истины втунѣ, прибѣгали къ чрезвычайнымъ, и въ судѣ Божіемъ искали оправданія, или обвиненія. Конечно, много естественныхъ причинъ входило въ дѣйствіе ордалій и отнимало у нихъ то высокое значеніе правды, которое народъ привыкъ приписывать имъ: тѣмъ не менѣе ордаліи оправдываются, во первыхъ, главною цѣлью ихъ введенія, цѣлью узнать настоящаго виновнаго, чтобы чрезъ то самое избавить безвиннаго даже и отъ подозрѣнія; во вторыхъ, несовершеннымъ еще возрастомъ гражданственности,

когда обыкновенныя доказательства по своей недостаточности не могли получить полной обличительной силы; въ третьихъ, тѣмъ, что къ суду Божію прибѣгали только уже по истощеніи всѣхъ прочихъ доказательныхъ средствъ, и то не всегда, а именно, къ поединкамъ допускались только ратные люди въ военное время, къ водѣ, или котлу только себры, впрочемъ, за всякое злодѣяніе, къ раскаленному желѣзу только при обвиненіи въ воровствѣ, или разбоѣ. Пытокъ мы не находимъ въ Законникѣ. Личному задержанію подвергались лица всѣхъ сословій, и это называлось «емствомъ». Властели могли выставлять вмѣсто себя заложниковъ или емцевъ.

Мы уже выше видѣли составъ наказаній, существовавшій въ древней Сербіи. Здѣсь повторимъ вкратцѣ прежніе итоги. При опредѣленіи наказанія не допускалось различія въ сословномъ происхожденіи виновнаго. Преступленіе всегда имѣло одинаковое значеніе, кто бы его ни совершилъ. Различіе сословій выступаетъ только тогда, когда одинаковому наказанію трудно или даже невозможно подчинить всѣ сословія и необходимо видоизмѣнить способъ наказанія, сохраняя его равномѣрность, или когда въ лицѣ обиженнаго терпитъ все сословіе. Когда виновный находился на лицо, онъ и подвергался наказанію; въ отсутствіе его отвѣчала за него, по старому обычаю, околица, что называлось общею порукою. Способъ наказанія былъ двоякій, денежный и тѣлесный. Первому подчинялись общая порука и преимущественно сословіе властельское, какъ богатое; второму лицо виновнаго и преимущественно себры, какъ сословіе бѣднѣйшее. Къ чести законодателя должно отнести то, что онъ ограничилъ денежную пеню, какъ самое безцѣльное наказаніе, по возможности тѣснѣйшими предѣлами, оставивъ больше мѣста другимъ, дѣйствительнѣйшимъ мѣрамъ. Но, съ другой стороны, удержаніе древняго обычая увѣчить виновнаго ослабляетъ достоинство этѣхъ мѣръ. Хотя Законникъ главною цѣлью имѣетъ, еще по прежнему, вознагражденіе ущерба и наказаніе за зло, предоставляя закону дѣйствовать только по совершеніи преступленія, однако мѣстами въ немъ проглядываетъ уже мысль новая, болѣе плодотворная и просвѣщенная, стремящаяся къ предотвращенію зла:—замѣчательный успѣхъ для того времени. Составъ наказаній показываетъ намъ, на какой степени стояла древняя Сербія въ понятіи о гражданскомъ благоустройствѣ и человѣчности. Въ первомъ отношеніи Сербское законодательство уже перешагнуло первую и начальную ступень развитія, уничтоживъ самоуправство, запретивъ всякое насиліе и отстранивъ право кровной мести; оно готово было перешагнуть и вторую ступень, чтобы отъ денежной пени и общей поруки перейти сколько къ прямой расправѣ съ преступникомъ, столько же къ предотвращенію зла. Но во второмъ отношеніи ему недоставало той мягкости, которая рождается въ народныхъ нравахъ только съ вѣками: оно допускало еще увѣчье и различные виды смертной казни. Но и въ этомъ отношеніи древняя Сербія не чужда свѣтлой стороны: въ ней мы видимъ убѣжища, показывающія, что и тогда Сербы прекрасно умѣли соединить мысль прощенія съ мыслію о главѣ народа и главѣ духовенства. Царь и патріархъ, какъ высшія лица въ народѣ, могли измѣнить приговоры, которые судебная власть должна была произносить съ неумытною строгостію: изъ уваженія къ самому мѣстопребыванію этихъ двухъ лицъ, дарованы были прощеніе и свобода узникамъ, бѣжавшимъ въ дворъ царевъ, или патріаршій.

Вотъ до какихъ итоговъ дошла Сербія въ развитіи своего гражданскаго быта. Дѣло говоритъ само за себя. Какъ кто ни смотри на событія, но вся-

кій долженъ сознаться, что древней Сербіи нельзя отказать въ началахъ прекраснаго самобытнаго развитія, которыя положены были родомъ Неманичей и уже такъ ярко обозначились въ царствованіе Душана. Конечно, начала эти еще не созрѣли; но въ самомъ развитіи ихъ уже замѣтно столько вѣрнаго, хорошаго и человѣческаго, что съ ними древняя Сербія является устроеннымъ гражданскимъ обществомъ, быстро идущимъ прямою дорогою къ достиженію совершеннѣйшихъ образовъ общественнаго и государственнаго быта. Время не позволило ей выполнить съ одинаковымъ успѣхомъ всѣхъ условій, безъ которыхъ никакое государство не можетъ процвѣсти; эти условія въ ней были, но современныя потребности, какъ и всюду, дали имъ не равномѣрное движеніе. Жизненная дѣятельность ея народа въ связи съ добрыми распоряженіями королей наполнили ее задатками всего лучшаго, такъ что Душану оставалось дать имъ ходъ и упрочить ихъ силою закона. Согласное присутствіе древнихъ началъ вмѣстѣ съ новыми и естественное высобленіе послѣдующихъ изъ предыдущихъ показываютъ, что счастливый умъ ея правителей велъ ее самобытнымъ и непринужденнымъ путемъ развитія. Наконецъ, если вспомнимъ, что въ дошедшихъ до насъ памятникахъ изложена только самая малая часть ея правъ и законовъ и что несравненно бблышая осталась, какъ ненаписанный обычай, и если по этому немногому заключимъ обо всемъ остальномъ, то увѣримся, что какъ бы кто строго ни оцѣнивалъ явленія, онъ не дойдетъ до того пристрастнаго и ошибочнаго приговора о жизни древнихъ Сербовъ, который произнесъ ученый Нѣмецъ Гебгарди на основаніи чужихъ свидѣтельствъ, а болѣе своихъ собственныхъ умозрѣній и догадокъ, и который повторенъ былъ дословно другимъ ученымъ, Енгелемъ, вполнѣ сочувствовавшимъ взгляду своего соотечественника и не могшимъ сказать ничего лучшаго.

Велики были преобразованія Душана, но нужна была и сильная его рука, чтобы сдержать новый порядокъ вещей. Ударъ, нанесенный имъ родовому быту Неманичей, обнаружился тотчасъ по его кончинѣ. Симеонъ или Синиша, правитель Этоліи и Акарнаніи, предъявилъ, было, свои права на Сербскій престолъ; но дѣло его было уже опоздано: воля и завѣщаніе покойнаго царя стояли выше всѣхъ другихъ правъ. Къ тому же онѣ и не были произвольными, ибо относились къ законному и единственному сыну Душанову, Урошу. Никто не хотѣлъ слушать Симеона, и этотъ, дошедши до Зеты, воротился назадъ въ свой удѣлъ. Енгель думаетъ, что Симеонъ былъ не кто иной, какъ Вратко, правнукъ Вукана Неманича и отецъ Милицы, жены Лазаря; онъ же могъ называться царевичемъ и Югомъ, какъ правитель самыхъ южныхъ владѣній Сербіи. Енгель объясняетъ форму *Σάρκος* Халкокондила [1] словомъ царевичъ и дѣлаетъ ее прозвищемъ Симеона, который есть то же, что, по другимъ, Деканъ, севастократоръ и правитель Привардарской Македоніи, *κατὰ τὴν Μακεδονίαν περὶ 'Αξιὸν ποταμόν*, — ближайшее лицо къ царю. Такимъ образомъ, по мнѣнію Енгеля, Синиша, *Σάρκος*, Югъ, Деканъ, Вратко суть одно и тоже лицо [2]. Страннымъ кажется такое стеченіе именъ и прозвищъ для одного человѣка. Разсмотримъ его ближе. Во первыхъ, Вратко не могъ уже предъявлять своихъ правъ на Сербскій престолъ по тому, что родство его было слишкомъ отдаленно, и предки его молчали о своихъ правахъ, когда да-

[1] Corp. Script. Hist. Byz. L. Chalcocond., p. 28.—Stritter, II, 335.
[2] Gesch. v. Serv. u. Bosn., стр. 311.

же незаконные сыновья восходили на Сербскій престолъ. Симеона или, по-Славянски, Синишу Кантакузинъ называетъ братомъ Душана [1]. По свидѣтельству лѣтописцевъ Сербскихъ, у Дечанскаго было два сына, Душанъ и Симеонъ: послѣдній владѣлъ въ Греческомъ городѣ Трикалѣ [2]. Слѣдовательно, это тотъ самый братъ его, рожденный отъ мачихи Маріи Палеологовны, на котораго, по свидѣтельству Бранковича, указали Душану Сербскіе бояре, сказавъ: «аще ты не хощеши кралевствомъ отца твоего препоясатися, братъ твой, отъ иныя матере родивыйся, не спитъ, но вскорѣ узриши его препоясанна кралевствомъ отца твоего [3]. Во вторыхъ, *Σάρκος*, Zarcus, произносится не Царко, откуда Енгель хочетъ сдѣлать царевича, а Жарко, и есть имя собственное, Славянское, встрѣчающееся нѣсколько разъ въ нашихъ грамотахъ [4]. Въ третьихъ, Жарко, а по другимъ, Деканъ (объ немъ сейчасъ скажу) управлялъ Привардарскою Македоніею, а Синиша, по свидѣтельству Кантакузина, сидѣлъ въ Акарнаніи. Енгель говоритъ, что Македонія часто совпадаетъ съ понятіемъ Акарнаніи: Zarcus über Macedonien, qua finitima est Axio flumini, welches beyläufig mit dem Begriff von Akarnanien zusammenstimmt; но во всякомъ случаѣ одно и то же лицо не могло управлять этѣми двумя областями, ибо между ними лежали области другихъ намѣстниковъ, именно: Николай Жупанъ управлялъ Трикалою и Касторіею, Прилупъ Этоліею, Плакидъ Охридою и Прилепомъ [5]. Въ четвертыхъ, Жарка не должно смѣшивать съ Деканомъ, правильнѣе Деяномъ. Что Деянъ дѣйствительно былъ севастократоромъ при Душанѣ, то объ этомъ свидѣтельствуютъ грамота у Авраамовича № 12 и папское breve, писанное въ 1354 г. къ Сербскимъ властямъ, между которыми упомянутъ Decanus, sebastocrator Serviae [6]. Село Архилевица въ Жегликовской землѣ [7] было подарено Душаномъ въ баштину Деяну и его потомству. Въ 1379 г. «царица» Евдокія съ сыномъ Константиномъ, въ грамотѣ своей (А. № 14), называетъ это село уже своею баштиною и ссылается на грамоту Душана, которою онъ подтвердилъ Деяновы села за Архилевицкой церковью (А. № 12); Сербскій лѣтописецъ называетъ этого Константина Жегликовскимъ [8]: слѣдовательно, Евдокія и Константинъ были родичами Деяна. Кто же они были? Изъ грамотъ видно, что у Константина былъ ещё братъ, Драгаша [9]: тоже подтверждаетъ и Халкокондилъ [10]. Драгаша именуется деспотомъ. Мать ихъ, Евдокія, носитъ званіе царицы; но ясно, что это цесарица или жена одного изъ Душановыхъ цесарей. Такъ какъ она съ сыновьями владѣла баштиною Деяна и такъ какъ Халкокондилъ называетъ Константина и Драгашу сыновьями Жар-

1 *Σίμων τε γὰρ ὁ Κράλη ἀδελφός, Ἀκαρνανίας τότε ἄρχων.* Corp. Script. Hist. Byz. Cantacuzenus, v. III, p. 314. — Stritter, II, 340. — Орбини, стр. 229. Но въ другомъ мѣстѣ тотъ же историкъ ошибочно называетъ его братомъ Уроша V, (стр. 234). — Dufresne, Famil. Dalm. et Slavon., гл. III, § LIX.

2 Шафар., Памятн., стр. 53, 71. — Arkiv za povjestn. Jugoslav., III. 1854. Стр. 13.

3 Раичъ, ч. II, стр. 718.

4 На пр. С. NN 45, 141, 172.

5 Corp. Script. Hist. Byz. L. Chalcocond., p. 28. — Stritter, II, 335.

6 Engel, Gesch. v. Serv. u. Bosn., стр. 289.

7 Бранковичевъ лѣтописецъ (Arkiv za povjestn. Jugoslav., III, стр. 14) помѣщаетъ Жеглнково подъ Черной Горою (въ Македоніи).

8 Arkiv za povjestn. Jugoslav., III. 1854. Стр. 16. — Ср. Раича, ч. III, стр. 88.

9 См. Успенскаго, Описаніе монастырей Аѳонскихъ въ Ж. М. Н. П. 1848, LVIII, стр. 176. — Аврамовича, О. Д. С. у С. Г., стр. 78, 79. — Мюллера, Каталогъ Аѳонскимъ грамотамъ, въ Славянской Библіотекѣ Миклошича, 1851, стр. 198.

10 *Κωνσταντῖνος ὁ Ζάρκου, Δραγάσεω δὲ ἀδελφός.* Corp. Script. Hist. Byz. L. Chalcocond. p. 81. — Stritter, II, 354.

ка [1], то не остается никакого сомнѣнія въ томъ, что Жарко былъ сынъ Деяна. Орбини и Дюфренъ называютъ Жарка Деяновичемъ [2]; Енгель и Раичъ не знаютъ ихъ родства; но послѣдній близко подходитъ къ истинѣ и только различіе именъ Декана и Деяна смущаетъ его. Онъ рознитъ ихъ, а между тѣмъ, на основаніи Орбини, правильно называетъ Константина и Драгашу сыновьями Жарка Деяновича [3]. Слова Халкокондила о Жаркѣ: vir apud ipsum (Cralem) dignitate primarius, которыя Енгель объясняетъ родствомъ Жарка съ Вратокомъ, объясняются тѣмъ, что сынъ наслѣдовалъ послѣ отца не только область, но и расположеніе царя. Душанъ называетъ Деяна своимъ «братомъ». Въ пятыхъ, нѣтъ сомнѣнія, что Югъ есть совсѣмъ иное лицо, чѣмъ Жарко, или Синиша: его звали Богданомъ, а не Симеономъ. Скорѣе можно догадываться, что Богданъ Югъ былъ тотъ самый Богданъ, который правилъ восточною Македоніею между Серомъ и Вардаромъ [4]. По этому не остается никакого сомнѣнія, что имена, которыми Енгель обременилъ одно лицо, расходятся врозь и отыскиваютъ каждое своего хозяина. Вратко останется, по прежнему, потомкомъ Вукана, чуждымъ соискательства о престолѣ, о которомъ, быть можетъ, онъ вовсе и не помышлялъ; Богданъ Югъ будетъ править восточною Македоніею; Жарко, сынъ Деяна, съ своими сыновьями, составитъ особый домъ, правившій въ южной Македоніи; а Синиша или Симеонъ явится одинъ дядею и соперникомъ Урошу, какъ братъ Душана отъ второй матери. Слѣдовательно, права Синиши были правами дяди противъ племянника; но права эти уже потеряли свою силу, между тѣмъ, какъ прежде мы видѣли, что братъ наслѣдовалъ брату. Теперь значеніе государя, въ полномъ смыслѣ этого слова, поставило Душана выше значенія родича и придало его волѣ и завѣщанію исключительное право быть основою престолонаслѣдія. Такимъ образомъ старый порядокъ рушился: Симеонъ ничего не могъ сдѣлать, основываясь на родовомъ преданіи. Сильнѣе былъ новый порядокъ, по которому сынъ наслѣдовалъ отцу. Но этого порядка не могъ сдержать Урошъ, принявшій изъ рукъ отца государство преобразованное. Крайность новаго порядка вскорѣ обнаружилась въ лицѣ нѣкоторыхъ бояръ. Душанъ, конечно, уничтожилъ семейныя которы Неманичей, случившіяся по поводу престолонаслѣдія, и съ ними ослабилъ вліяніе боярскаго сословія; но прежде бояре были только сторонниками того, или другаго князя и дѣйствовали только для князя, наблюдая выгоду своего сословія въ томъ, чтобы на престолѣ сидѣлъ князь ихъ стороны. Они не отваживались дѣйствовать однимъ своимъ именемъ и не позволили бы кому нибудь изъ своей среды стать выше другихъ; не позволили бы также иноземному государю сѣсть на Сербскій престолъ; но разрозненные Душаномъ, безъ сословнаго значенія, отдѣленные совершенно отъ царскаго дома, ставши въ почтительной дали, они считали теперь царскую власть единственнымъ источникомъ своего могущества, какъ прежде опирались на землю и область, въ которой жили, и потомъ на всю страну Сербскую. Несвязанные общностію сословія и единствомъ выгодъ, они возвысилы свою личность и стали подыскивать одинъ подъ другимъ; они за-

---

[1] *Δράγαϭιν τὸν Ζάρκου παῖδα; Κωνϭταντίνου τοῦ Ζάρκου παιδός.* Corp. Script. Hist. Byz. L. Chalcocond., p. 49, 80.—Stritter, II, 349, 353, 354.—Орбини, стр. 239.—Dufresne, Famil Dalm. et Slavon., гл. IV, § V; гл, XIV, § I.

[2] Орбини, стр. 239, 244. — Dufresne, Famil. Dalm. et Slavon., гл. XIV, § I.

[3] Ч. II, стр. 840.

[4] Corp. Script. Hist. Byz. L. Chalcocond., p. 28. — Stritter II, 335.

были и свою осѣдлость: всякій старался укрѣпиться и возвыситься тамъ, гдѣ поставила его судьба. Не далеко отсюда было и до мысли овладѣть самымъ источникомъ могущества, престоломъ, захватить въ свои руки верховную власть, какъ вѣрное средство стать выше другихъ. Болѣе возможности и средствъ къ тому имѣли областные намѣстники. А между тѣмъ передъ глазами всѣхъ въ Восточной Имперіи совершались соблазнительные примѣры нравственно-политическаго разврата. Пока былъ живъ Душанъ, сильная рука его сдерживала бояръ въ повиновеніи; но когда онъ умеръ, тогда, при слабомъ и близорукомъ Урошѣ, областные намѣстники отпали отъ общаго средоточія верховной власти, и каждый устремился къ самостоятельности. Не даромъ, по словамъ Бранковича, нѣкоторые «благовѣрнѣйшіе бояре совѣтовали Урошу отнять власть у Вукашина и другихъ подозрительныхъ намѣстниковъ и вручить ее убогшимъ боярамъ иже любимъ бяше [1].» Не даромъ и лѣтописцы упрекаютъ его въ томъ, что онъ прѣзирахѫ милостивь и кротькь мнися старьчьскые съвѣти ѿтмещѫ младихь же съвѣти приимлѭ и любѣ [2]. Старые бояре съ неудовольствіемъ видѣли возвышеніе Мърнявичей и вообще новыхъ временщиковъ, изъ коихъ многіе были высшими сановниками въ государствѣ. Слѣдствія самовластныхъ стремленій намѣстниковъ и бояръ скоро обнаружились. Самые Византійцы, скупые на извѣстія о внутреннемъ бытѣ Сербіи, замѣчаютъ и передаютъ это явленіе: *ἐπεὶ δὲ ἐτελεύτησε βασιλεύς, ἕκαστος ἣν κατεῖχε χώραν ἐπιτετραμμένος ἦρχόν τε, καὶ ἀλλήλοις εἰρήνην συνθέμενοι σφῶν μὲν αὐτῶν τοι ἀπείχοντο* — говоритъ Халкокондилъ [3] и то же повторяетъ Кантакузинъ: *οἵ τε δυνατώτατοι τῶν παρ' αὐτοῖς ἐπιφανῶν τοὺς ὑποδεεστέρους ἀπελάσαντες ἐκ τῶν ἀρχῶν, καὶ τὰς ὁμόρους ἕκαστος πόλεις ὑφ' ἑαυτῷ πεποιημένος οἱ μεν τῷ κράλῃ συνεμάχουν, οὐκ αὐτοὶ παρόντες, οὐδ' ὡς δεσπότῃ πειθαρχοῦντες, ἀλλὰ πέμποντες ἐπιμαχίαν, οἷα δὴ σύμμαχοι καὶ φίλοι, οἱ δὲ Ζίμωνι τῷ θείῳ· ἔνιοι δὲ αὐτῶν προσεῖχον οὐδετέρῳ ἀλλὰ τὴν οὖσαν δύναμιν συνέχοντες, το μέλλον ἀπεσκόπουν, ὡς ἐκείνῳ προσθησόμενοι, ὅς ἂν τὸ πλέον ἔχῃ· καὶ εἰς μυρία τμήματα διαιρεθέντες ἐστασίαζον* [4]. Тѣ же боярскія крамолы замѣчаетъ и Орбини [5]. Даже сама мать Уроша, Елена, выказывала хладнокровіе къ сыну: *Ἑλένη τε*—говоритъ тотъ же Кантакузинъ—*ἡ τούτου μήτηρ ὁμοίως ἀπιστοῦσα τῷ τε υἱῷ καὶ Σίμωνι τῷ τοῦ ἀνδρὸς ἀδελφῷ πόλεις πολλὰς ὑποποιησαμένη* (въ томъ числѣ былъ городъ Серъ), *καὶ δύναμιν ἑαυτῇ οὐκ εὖ καταφρόνητον περιστήσασα καθ' ἑαυτὴν εἶχε τὴν ἀρχὴν μηδετέρῳ πολεμοῦσα, μήτε μὴν συναιρομένη πρὸς τὸν πόλεμον* [6]. Но въ началѣ царствованія Урошъ обнаруживалъ нѣкоторую дѣятельность, какъ видно по грамотамъ. Онъ далъ нѣсколько грамотъ Дубровнику, касающихся торговли, земель и судоустройства (С., №№ 45, 48, 49, 50, 53, 54). Въ 1357 году, 10 апрѣля, онъ подарилъ островъ Млѣтъ въ баштину двумъ своимъ «достовѣрнымъ, угоднымъ и любимымъ» властелямъ, Басетѣ Баринчену Быволичичу и Трипетѣ Миховичу Бучичу съ потомствомъ, за ихъ «правовѣр-

---

[1] У Ранча, ч. II, стр. 792.

[2] Шафар., Памятн., стр. 54. — Arkiv za povjestn. Jugoslav., III. 1854. Стр. 14.

[3] Corp. Script. Hist. Byz. L. Chalcocond., p., 29.— Stritter, II, 335.

[4] Corp. Script. Hist. Byz. Cantacuz., v. III, p. 314. — Stritter, II, 340.

[5] Стр. 233.

[6] Cantacuzenus, ib. — Stritter, ib.

ное порработаніе и послуженіе» (С. № 46; С.-Д. М. 1851). Того же года, 24 апрѣля, онъ подтвердилъ запись своего отца, повелѣвшаго Дубровничанамъ отпускать ежегодно на Пасху 500 перп. Стонскаго дохода въ церковь Богородицы Синайской: преступавшаго эту запись онъ подвергаетъ наказанію «по законнику» (С. № 47). Въ 1358 году, 2 іюня, онъ подтвердилъ другую, подобную запись своего отца: въ данной по этому случаю грамотѣ онъ назначалъ, въ силу отцовской записи, 1000 перп. Ерусалимской церкви архангеловъ Михаила и Гавріила, съ тѣмъ, чтобы деньги вносились Дубровникомъ два раза въ годъ по 500 перп. на Пасху и въ Димитровъ день. Дубровничане вносятъ это количество до тѣхъ поръ, пока владѣютъ Стономъ; еслиже церковь Ерусалимская запустѣетъ, то доходъ ея переводится въ Святогорскіе Сербскіе монастыри, находящіеся подъ вѣдѣніемъ Хиландара. Грамота дана въ Призрѣнѣ (Г. А.). Отъ 1361 года есть въ Хиландарѣ его грамота, въ которой говорится о селѣ въ Струмѣ близъ Сереса, и отъ 1365 г., гдѣ говорится о селѣ Трьстеникѣ (Гр., стр. 51, NN№ 25, 26). Въ томъ же году, 11 мая, Урошъ приписалъ Хиландару, по просьбѣ Святогорскаго старца Романа Бранковича, церковь св. Архангела съ треми селами, которыя онъ подарилъ въ баштину севастократору Бранку и которыя теперь сынъ послѣдняго, монахъ Романъ, съ согласія братьевъ своихъ, Григорія и Вука, уступалъ Хиландарской лаврѣ въ поминъ по своей душѣ (А. № 13). Изъ этой грамоты мы узнаемъ также, что севастократоръ Бранко бѣжалъ въ Булгарію и что послѣ него остались три сына, монахъ Романъ, Григорій и Вукъ. При Урошѣ двое изъ братьевъ, Юрій и Вукъ «сыновья великаго севастократора Бранка, господина граду Охриду», по просьбѣ старшаго своего брата, монаха, грамотою своею, приложили къ Хиландарскому монастырю церковь св. Архангела съ нѣсколькими селами. Грамота начинается такъ: *по милости божіей и превысокаго царя Стефана Уроша Гюргъ и братъ его Влькъ* (Гр., стр. 52, № 33). Вукъ былъ затемъ Лазаря, управлявшаго при Душанѣ Подунайскими землями, Сремомъ и Мачвою. Енгель и Ранчъ не поняли хорошо выраженія Халкокондила: *Βούλκῳ τῷ Ἐλεαζάρῳ τοῦ Πράγκου* [1] и сочли два лица за одно. По моему мнѣнію, лѣтописецъ хотѣлъ сказать, что Душанъ далъ Подунайскую землю Вуку, сыну Бранка, и Лазарю: тесть съ зятемъ могли сидѣть въ одномъ намѣстничествѣ. Самъ же Бранко, по свидѣтельству Халкокондила, былъ сынъ Плакида [2]. Еще писалъ Урошъ: веселещимисе сь вьзлюблѥними властели и властеличити цр҃квами и всегда непрѣстаино уимми дарова дарии ихь (А. № 13), а между тѣмъ своеволіе водворялось. Безъ его согласія, Воиславъ, владѣвшій Которомъ, вступилъ въ войну съ Дубровничанами за соляной откупъ. Царь долженъ былъ помирить ихъ. Въ 1362 г., 22 авг., онъ далъ грамоту, въ которой говорилъ: понеже дубровничане бѣху пошлашили ѿ цр҃квами и свадилисе з братомь цр҃квами с мужомь воиславомь и з градомь цр҃квами скоторомь.... и смирихь и..... Впредь запрещалъ въ свадѣ съ царскимъ властелиномъ ратовать или искать зломъ Котора, но итти на судъ къ царю; предавалъ забвенію всѣ обиды и кровопролитія, бывшія въ войнѣ съ Воиславомъ; плѣнные люди и земли возвращаются съ обѣихъ сторонъ и пр. (С. № 55). Воиславъ далъ отъ себя грамоту въ засвидѣтельствованіе своей дружбы къ Дубровнику и ненарушимости усло-

[1] Corp. Script. Hist. Byz. Chalcocond., p. 28.—Stritter, II, 335.

[2] *Βοῦλκον τὸν τοῦ Βράγγου τοῦ Πλαδίκεω υἱόν*. Corp. Script. Hist. Byz. L. Chalcocond., p 33.—Stritter, II, 350.

вій солянаго откупа (С. № 56). Гибельнѣе были внутренніе раздоры въ самой Сербіи между ея намѣстниками. Сдѣсь кстати замѣчу, что распредѣленіе намѣстниковъ по Сербскимъ областямъ, сдѣланное Душаномъ, не было вполнѣ таково, какимъ передалъ его намъ Халкокондилъ. Нѣтъ причины сомнѣваться въ самихъ областяхъ; но относительно нѣкоторыхъ намѣстниковъ можно думать, что лѣтописецъ принялъ для своего разсказа нѣсколько позднѣйшее время. Такъ мы уже видѣли, что сначала не Жарко, но отецъ его, севастократоръ Деянъ, былъ правителемъ Привардарской Македоніи; такъ Вукъ—Елеазаръ, сынъ Бранка, заключаетъ въ себѣ два лица, Вука Бранковича и Лазаря; такъ Вукашинъ не былъ еще при Душанѣ королемъ, ибо всѣ историки пишутъ, что только уже при Урошѣ Вукашинъ назвался королемъ: и это покажется весьма естественнымъ, если вспомнимъ, что Вукашинъ пользовался особеннымъ расположеніемъ Душана. Очень вѣроятно, что Урошъ, сдѣлавшись царемъ, вручилъ ему свое прежнее званіе, переименовавъ изъ деспотовъ въ короли. У Византійцевъ Вукашинъ является подъ названіемъ цесаря Воихны. Какъ король, онъ владѣлъ не только своею областію, полученною отъ Душана, quae a Pherris excurrit ad Istrum, т. е., восточною частію Македоніи и западною Ѳракіи, но и всею собственною Сербіею. Братъ его, Углеша, какъ деспотъ, оставался намѣстникомъ въ его удѣлѣ. Урошу осталось одно только пустое титло царя. Вукашинъ дѣйствовалъ съ неограниченною властію. Всѣ видѣли, куда стремились его честолюбивые замыслы: не замѣчалъ того одинъ только Урошъ. Бояре поднялись на Вукашина, и въ томъ числѣ Лазарь. Урошъ не могъ помирить ихъ, какъ прежде помирилъ Воислава съ Дубровникомъ; ибо не имѣлъ уже никакого значенія. Лазарь пригласилъ къ себѣ на помощь Людовика Угорскаго и прогналъ Вукашина. Людовикъ кстати опустошилъ часть Сербіи и, кажется, при этомъ случаѣ захватилъ Мачву; ибо въ 1368 году баномъ Мачвы является Николай де Гара, зять Лазаря [1]. Въ отношеніи Греціи, Вукашинъ дѣйствовалъ тайно въ союзѣ съ Матвѣемъ Кантакузинымъ, котораго впрочемъ не замедлилъ выдать врагу его, Іоанну Палеологу: оба они были причиною вторичнаго вторженія Турокъ въ Европу. Освободившись отъ Матвѣя, Вукашинъ вскорѣ освободился и отъ Уроша. Этому послѣднему, не имѣвшему своей собственной области, наскучило жить попремѣнно у своихъ намѣстниковъ и кормиться ихъ хлѣбомъ: онъ задумалъ, было, бѣжать въ Дубровникъ; но прежде, чѣмъ успѣлъ, былъ убитъ на охотѣ Вукашиномъ, въ 1367 г. Онъ подписывался: **Стефань Урошь вѣрни царь Србьлемь и Грькомь**, или: **По млсти бжи Стефань Урошь вь ха ба благовѣрни црь Србьлемь и Грькомь**.

Король Вукашинъ представляетъ собою замѣчательную личность; онъ выразилъ вредную крайность новаго порядка вещей. Его дѣятельность составляетъ явленіе, встарину небывалое. Какъ пришлецъ при Сербскомъ дворѣ, онъ не носилъ въ себѣ ни искренности, ни преданности; не зналъ ни выгодъ страны, ни выгодъ сословныхъ, ни выгодъ осѣдлости, съ которыми дѣйствовали, на пр., бояре Зетскіе, возводя на престолъ королевичей, проживавшихъ въ ихъ землѣ, или бояре Сербскіе, предупреждая Греческое вліяніе въ своемъ отечествѣ; онъ не питалъ благодарности и къ тѣмъ, которые любили и возвысили его. Вукашинъ дѣйствовалъ единственно для своей личной пользы во вредъ странѣ, которая пріютила его. Хитрость, коварство, жестокость служили ему

---

[1] Engel, Gesch. v. Serv. u. Bosn. Стр. 113.

пособіемъ при осуществленіи себялюбивыхъ замысловъ. Прежніе бояре ограничивались тѣмъ, что способствовали низведенію однихъ и возведенію другихъ: выйти изъ своего сословія, сѣсть на престолъ — на это они не отваживались; но Вукашинъ не позаботился о преемникѣ Урошу; всю власть онъ оставилъ въ своихъ рукахъ. Онъ первый посягнулъ на вѣнчанную особу изъ своихъ собственныхъ видовъ; за нимъ и Лазарю легко было взойти на престолъ и вѣнчаться вѣнцомъ Немани. Если въ послѣдствіи мы видимъ Вукашина въ войнѣ съ Турками, то единственно по тому, что его владѣнія первыя подлежали Турецкому нашествію. Онъ управлялъ первоначально Дакіею и Македоніею; братъ его, Гойко , Булгаріею , а другой братъ, Углеша, Яниною и областями, завоеванными у Греціи: такъ распорядился Душанъ. Разумѣется, Вукашинъ не довольствовался этимъ званіемъ и уже при Урошѣ завѣдывалъ всѣми дѣлами царства въ званіи короля и сопровителя царскаго. Теперь, сдѣлавшись обладателемъ престола, онъ владѣнія свои отдалъ братьямъ и Углешу сдѣлалъ деспотомъ всѣхъ Сербскихъ земель. Есть одна грамота Углеши о надареніи Хиландара церковью св. Николая въ селѣ Вранѣ и церковью въ Лучанахъ съ селами Вранемь и Трьновцами, въ которой Углеша титулуется: *Въ Христа Бога благовѣрный кесарь Углеша, господарь Серблемъ и Подунавію и всѣхъ западныхъ странъ* (Гр., стр. 52, № 31). Сличимъ съ этимъ слова лѣтописца: и възлагаѥть (Влькашинь) на се вѣньць кралѥвства срьбскаго, братоу же своѥмоу Оуглѣши врьоучаѥть браны ꙁемлѥ грьчьскыѥ сь саномь деспотскыѥ чьсти [1]. Значитъ, Углеша правилъ при немъ прежними удѣлами въ отнятыхъ у Греціи областяхъ. Не надобно забывать, что не смотря на воцареніе Вукашина, другіе намѣстники оставались въ своихъ областяхъ. Въ 1368 г. Вукашинъ заключилъ союзъ съ Іоанномъ Палеологомъ, а въ слѣдующемъ Мурадъ явился во Ѳракіи. Сначала Вукашинъ одержалъ надъ нимъ побѣду, но въ 1371 г. былъ разбитъ при Тенарѣ. Братья его, Углеша и Гойко, погибли въ сраженіи; самъ же онъ былъ убитъ слугою во время бѣгства. Мы имѣемъ грамоту Вукашина, въ которой онъ подтверждаетъ, въ 1370 г., апр. 5, Дубровничанамъ всѣ договоры и записи, данныя прежними Сербскими государями (С. № 62). Въ грамотѣ онъ говоритъ о себѣ: постави ме(хь) г҃на ꙁемли срьбскои. и грькѡ и ꙁападнимь странамь, и по примѣру прежнихъ царей упоминаетъ о своей супругѣ и сыновьяхъ: и по все дни веселещимисе вь ꙁемли кра̑ткаии сь прѣвоꙁлюбленною кра̑ткаии Кралицомь Кѵралиномь (Кѵра Єленомь). и сь прѣвоꙁлюбленими Сн҃ови кра̑ткаии Маркомь и Андрѣашемь. Изъ грамоты видно, что Вукашинъ считалъ себя уже не правителемъ, но истиннымъ государемъ и королемъ Сербіи. Его подпись такова: Вь Х҃а Б҃га Благовѣрни и Хр҃толюбиви Влькашинь Краль. Изъ сыновей его замѣчательнѣе другихъ королевичъ Марко, котораго народъ обезсмертилъ въ своихъ пѣсняхъ. Отъ Углеши остались три сына: Іоаннъ, Твердиславъ и Стефанъ [2]. Изъ рукописнаго Житія деспота Стефана [3] открывается, что мать ихъ, жена Углеши, была дочь какого-то цесаря и родственница Милицы, супруги Лазаря. Отъ Твердислава Углешича мы имѣемъ коротенькую грамоту, не помѣченную годомъ, съ печатью, изображащею воловью голову: въ ней Твердиславъ заключаетъ дружбу и единство съ Дубровникомъ; о торговлѣ же не упомянуто (С. № 58). Истребленіе царскаго дома и воцареніе боярскаго раз-

---

[1] Шафар. Памяти., стр. 54.
[2] Гласникъ, ч. V, стр. 300.
[3] См. Введеніе, стр. 23, примѣч. 5.

вязало руки и прочимъ боярамъ. Теперь они выступили на первое мѣсто, не имѣя уже передъ собою затѣняющей и связывающей ихъ власти. Они не считали себя обязанными повиноваться такому же, какъ они, боярину, и каждый сталъ промышлять о себѣ. По смерти Уроша, Вукашинъ не могъ собрать и сдержать Сербской земли: она распалась на отдѣльныя части. Это событіе записано лѣтописцемъ [1]: ему должно приписать и неудачныя дѣйствія Вукашина противъ Турокъ. Частью земель Вукашина, Нишемъ, Новобрьдомъ и Приштиною завладѣлъ Лазарь; область Плакида досталась внуку послѣдняго, Вуку Бранковичу, зятю Лазаря. Въ Македоніи являются прежніе намѣстники, Жарко и Богданъ. Относительно перваго я замѣчу, что едва ли онъ былъ живъ въ это время, хотя историки и почитаютъ его живымъ, основываясь на одномъ мѣстѣ у Халкокондила, что Драгаша названъ вождемъ Жарка [2]. Правда, Драгаша могъ быть вождемъ отцовскаго войска, однако мѣсто это въ достовѣрности уступаетъ другимъ мѣстамъ того же лѣтописца, гдѣ Драгаша и Константинъ называются сыновьями Жарка. Съ другой стороны то, что лѣтописецъ выводитъ дѣйствующими лицами не отца, но сыновей, а также грамота 1379 года, въ которой Евдокія съ сыномъ Константиномъ распоряжается родовымъ имѣніемъ, не упоминая о мужѣ, равно какъ грамота деспота Драгаши отъ 1377 года [3], довольно ясно показываютъ, что Жарко умеръ еще при Урошѣ. Драгаша принялъ послѣ отца правленіе и титулъ деспота, а Константинъ назвался господаремъ. На двухъ грамотахъ 1377 года, упоминаемыхъ Григоровичемъ, подписаны оба вмѣстѣ, Драгаша и Константинъ, но въ третьей, 1385 года, Константинъ отъ одного своего имени говоритъ о церкви, созданной его братомъ, Димитріемъ. Имя Димитрія, безъ сомнѣнія, принадлежитъ Драгашѣ и есть иноческое (Гр., стр. 82, №№ 31, 32). Оба намѣстника, и Драгаша и Богданъ, покорились Мураду. Изъ дарственной Хиландару грамоты Евдокіи и Константина 1379 года (А. № 14) видно, что покорившіеся намѣстники оставались въ прежнихъ своихъ владѣніяхъ. Но грамота эта не утверждена Лазаремъ: это свидѣтельствуетъ, что земля между Вардаромъ и Струмою уже принадлежала Туркамъ. Въ концѣ грамоты выражена надежда на избавленіе отъ врага: уповаемо же яко нина враги и сѫпостатѣ наше, низложиши и покориши. Константинъ, а по другимъ, и Драгаша погибли вмѣстѣ съ Маркомъ Кралевичемъ въ битвѣ при Ровинахъ, гдѣ Мирча, воевода Угровлахійскій, разбилъ Баязида, въ 1394 году [4]. На западѣ, между Босною и Сербіею, сталъ, было, усиливаться бояринъ Николай Алтомановичъ, захватившій часть Сербскихъ земель, ок. 1371—1374 г.; Твртько и Лазарь отняли у него пріобрѣтенія и ограничили однимъ родовымъ владѣніемъ, Ужицею. Въ Зетѣ сидѣли Балшичи, которые ясно обнаруживали свою цѣль—достиженіе независимости. Въ сѣверной Албаніи укрѣпился Юрій Кастріотъ, данникъ Турціи.

Таково было положеніе дѣлъ, когда Лазарь принялъ на себя управленіе Сербіею. По примѣру Вукашина, онъ считалъ это дѣло возможнымъ и законнымъ. Къ тому же изъ Неманичей не было уже никого. Бо́льшая часть лѣтописцевъ и историковъ считаютъ его сыномъ какого то боярина, по нѣкоторымъ Прибаца, выросшимъ при царскомъ дворѣ; но вѣроятнѣе то, что Лазарь былъ незаконнымъ сыномъ Ду-

---

[1] Гласникъ, ч. V, стр. 71, 72.

[2] *Δράγασην τὸν Ζάρκου ἡγεμόνα.* Corp. Script. Hist. Byz, L. Chalcocond., p. 38. — Stritter, II, 349.

[3] Авраамовичъ, О. Д. С. у С. Г. Стр. 78.

[4] Лѣтописи у Шафар. въ Памятк., стр. 72.—Arkiv za povjestn. Jugoslav., III, стр. 16.

шана. Въ этомъ свидѣтельствуютъ Дука [1] и сочинитель Цароставника [2]. Первый говоритъ: *ὁ τότε τὴν Σερβίαν κραλεύων Λάζαρος υἱὸς Στεφάνου τοῦ κράλη Σερβίας.* Чтобы породнить его съ Неманичами, лѣтописцы Сербскіе придумали родословную жены его, Милицы, происходившей будто бы отъ Вукана, брата Стефана Первовѣнчаннаго[3]; одинъ же изъ нихъ называетъ мать Лазаря дочерью Милутина отъ дочери Греческаго императора Андроника [4]. Въ 1376 году Лазарь выхлопоталъ у Византійскаго патріарха разрѣшеніе клятвы, наложенной на Сербію при Душанѣ за учрежденіе Сербскаго патріаршества, и въ томъ же году вѣнчался на царство. Въ 1380 г. былъ на Аѳонѣ и далъ грамоту, которою подарилъ Халандарской больницѣ село Елчаницу со вс҄ѣми межами, правинами и заселками. Подпись: *Въ Христа Бога благовѣрный самодержавный господинъ Серблемъ и Подунавію Стефанъ князь Лазарь* [5]. Въ томъ же году Лазарь пожаловалъ вновь выстроенной имъ церкви Введенія въ монастырѣ Ждрелѣ Браничевскомъ или Горнякѣ нѣсколько селъ, лежащихъ по рѣкамъ Млавѣ и Дунаю. Сдѣсь онъ титулуется *княземъ самодержцемъ всей Сербской земли.* Церковь отдана въ управленіе старцу Григорію Синаиту съ братіею, участвовавшимъ въ ея построеніи. Въ 1385 г. патріархъ Спиридонъ, своею грамотою, подтвердилъ игуменство за Григоріемъ и его преемниками изъ того же монастыря [6]. Въ слѣдующемъ, 1381, году Лазарь, по просьбѣ и въ память «брата» своего, челника Мамы, подарилъ церкви св. Пантелеймона въ Русикѣ село Длабе или Горній Закутъ съ заселками. Титулъ: *Въ Христа Бога благовѣрный Стефанъ князь Лазарь Серблемъ и Подунавію* (Гр., стр. 81, № 29). По смерти Людовика, Лазарь завоевалъ снова Мачву съ Бѣлградомъ. Въ 1386 году Турки взяли Нишъ, и Лазарь заключилъ съ ними миръ, обязавшись платить ежегодную дань. Въ 1388 г. Лазарь и Твртко задумали общій союзъ противъ Турокъ, а Юрій Кастріотъ уже успѣлъ уничтожить отрядъ Турецкаго войска; но въ слѣдующемъ, 1389, году Мурадъ предупредилъ союзниковъ и съ огромнымъ войскомъ вторгнулся въ Сербію. Лазарь встрѣтилъ его съ одними Сербами на Косовомъ полѣ. Сдѣсь дана была битва. Мурадъ и Лазарь пали. Въ Сербскомъ народѣ сохранилось преданіе, что Косовское дѣло проиграно черезъ измѣну Вука Бранковича, который съ своимъ войскомъ ушелъ съ поля битвы. Исторія записала это преданіе на своихъ страницахъ. Мы не имѣемъ причины отвергать свидѣтельства того и другой. Какъ Вукашинъ измѣнилъ Урошу, такъ и Вукъ могъ измѣнить Лазарю. Теперь не было уже старины. Неманичи перевелись; престолъ Сербіи сдѣлался предметомъ соискательства. Нѣсколько боярскихъ личностей возвысились на развалинахъ боярскаго сословія, и каждая изъ нихъ считала возможнымъ взойти на престолъ. Нравственный развратъ, развивавшійся подъ вліяніемъ сосѣдней имперіи, дѣлалъ ихъ неразборчивыми на средства къ достиженію задуманной цѣли. Если Вукашинъ овладѣлъ престоломъ черезъ убійство, то Вукъ хотѣлъ пріобрѣсти престолъ черезъ измѣну. Мы имѣемъ отъ него грамоту, данную Дубровничанамъ въ Приштинѣ, 20 генв., 1387 года (С.

---

[1] Corp. Script. Hist. Byz. Ducas, c. III, p. 15.—Stritter, II, 350.

[2] У Ранча, Ч. III, стр. 6.

[3] Лѣтописи у Шафар. въ Памятн., стр. 62, 72. — Arkiv za povjestn. Jugoslav., III., стр. 14.

[4] Гласникъ, ч. V, стр. 78.

[5] Эту грамоту приводитъ Ранчъ въ своей Исторіи (ч. III, стр. 25). Не объ этой ли грамотѣ упоминаетъ Григоровичъ подъ 1371 г.? (Путеш., стр. 51, № 29.)

Вуичъ, Путешествіе по Сербіи, стр. 71 и 75.

№ 73). Эта грамота не есть какой либо особый договоръ, но только подтвержденіе прежнихъ грамотъ: **и донесоше намь** (князю Лазарю) **ѕаписание великаго г̃на ц̃ра стефана и г̃нь намь кнеѕь не потвори их пакє и потврьди такоге** (также) **и нь не догоше више рєчи власте дубровьчци и мы вамь видевь писание великаго г̃нами ц̃ра стефана и г̃дами кнеѕа** (Лазаря) **такоге не потвори их пакє и потврьдих.** Другою грамотою (С. № 69) онъ подтвердилъ первую свою грамоту. Еще просилъ онъ у Дубровничанъ позволенія положить къ нимъ вкладъ и прійти въ ихъ городъ, и Дубровичане отвѣчали грамотою (С. № 76): Вукъ Бранковичъ, супруга его, Мара, и сыновья ихъ, Григорій, Юрій и Лазарь, могутъ, когда хотятъ, положить и обратно взять свой вкладъ; если же Угры, или Турки отнимутъ у нихъ державу, то Дубровникъ принимаетъ ихъ къ себѣ и защищаетъ отъ непріятелей. Изъ этѣхъ грамотъ не видно, чтобы Вукъ подыскивалъ престолъ подъ Лазаремъ. Съ нимъ, какъ правителемъ особаго участка, Дубровичане могли вести переговоры, подобно тому, какъ вели ихъ съ боярами Травунскими и Хлумскими.

Косовская битва составляетъ самое важное событіе въ судьбахъ Сербіи. Съ этой поры Сербія утратила свою независимость, и хотя Турки не касались ея внутренней жизни, ни ея народности, однако она не могла уже пріобрѣсти себѣ государственной самостоятельности. Только небольшая область *Зета* еще оставалась свободною. Мы видѣли, что изъ всѣхъ Сербскихъ областей одна только Зета постоянно принадлежала Сербіи, составляя удѣлъ королевскихъ родичей. Сдѣсь, во время Уроша V, являются владѣтелями Страшимиръ, Юрій и Балша, дѣти Балши, который, вѣроятно, былъ поставленъ сдѣсь Душаномъ, какъ намѣстникъ. Енгель [1] говоритъ, что Балшичей поставилъ жупанами надъ Зетою Тврьтко и, чтобы держать ихъ въ повиновеніи, построилъ Бастарникъ при устьи Неретвы и Новый (Castelnuovo) въ Драчевицѣ, ок. 1373 г. Это извѣстіе Енгель взялъ у Шпика; однако послѣдній не говоритъ ничего о постановленіи Балшичей жупанами, а только о покореніи ихъ Тврьткомъ [2]. Нѣтъ причины думать, чтобы Тврьтко не могъ подчинить себѣ на нѣкоторое время Балшичей; но приводимыя историками доказательства не доказываютъ ничего. Положеніе Бастарника не имѣетъ отношенія къ Зетѣ; также и Драчевица не принадлежала къ Зетѣ. Она еще при Константинѣ Багрянородномъ составляла одну изъ жупъ Травуніи [3] и оставалась таковою до позднѣйшихъ временъ. На этомъ основаніи Стефанъ Томашевичъ уступилъ ее, въ 1451 году, Дубровнику (С. № 140); а такъ какъ Босна находилась подъ верховною властію Угріи, то и Угрія считала себя въ правѣ распоряжаться нѣкоторыми туземными дѣлами. Это ясно показываетъ грамота Маріи Угорской, гдѣ и Которъ и Драчевица считаются собственностію Угріи [4]. Также и то, что Балшичи обращались къ папѣ, не доказываетъ ничего: это была общая политическая уловка тогдашнихъ Сербскихъ владѣтелей, поставленныхъ между двумя огнями, Грецією и Угріею. При грозѣ со стороны Запада они всегда обращались къ папѣ съ обѣщаніемъ вступить въ лоно Римской Церкви, и папа бралъ ихъ подъ защиту апостольскаго престола. Напротивъ, грамота Уроша V 1360 г., 29 сентября. (С. № 54), гдѣ Царь позволяетъ Дубровницкимъ торговцамъ **да греду на ѕету на балшинє**, ясно показываетъ, что Зета зависѣла отъ Сербіи, а

[1] Gesch. v. Serv., u. Bosn. стр. 324.
[2] Politische Gesch. d. K. Bosn. u. Rama, стр. 84.
[3] Шафар., Slow. Starožit., II, IV, 659. Слав. Древн., II, I, 447.
[4] Schwandtn., Scriptor. rer. Hungaric., III, 138.

не отъ Босны. Впрочемъ, какъ сказано выше, можно допустить, что по смерти Уроша, когда, во время безначалія, разъединились Сербскіе намѣстники, Тврьтко успѣлъ захватить Зету. Въ грамотѣ всѣхъ трехъ Балшичей, Страшимира, Юрія и Балши, отъ 1368 года, 17 генваря (С. № 63), упомянуто весьма глухо одно замѣчательное обстоятельство; вотъ оно: и сие ҳаписмо ниже широкога брода в лѣшв кьди се диже срацимирь и гюргь и паде намати (?) кьди идѣхв на карла. Сдѣсь разумѣется или сосѣдъ ихъ, Карлъ Драцкій, родичъ Людовика и соперникъ Маріи Угорской, или, что вѣроятнѣе, зять Юрія Балшича, Карлъ Товій, о которомъ Орбини, безъ всякихъ подробностей, говоритъ, что онъ захватилъ въ плѣнъ Юрія Балшича и не иначе освободилъ, какъ по ходатайству Дубровничанъ; миръ между обоими состоялся въ 1376 году [1]. Отъ того-то въ грамотѣ и упомянуты только два брата. Но у Орбини годъ выставленъ невѣрно, ибо на слѣдующей же страницѣ читаемъ, что Юрій Балшичъ умеръ въ 1374, а по лѣтописямъ [2] въ 1373 году, т. е., двумя, или тремя годами ранѣе примиренія, что нелѣпо. Въ 1372 г., 30 ноября, за годъ до своей кончины, Юрій Балшичъ далъ Дубровничанамъ другую грамоту отъ себя и отъ своего брата, Балши, и племянника, Юрія Страшимировича (С. № 64), въ которой ссылается, относительно царины, на уставъ царя Стефана: — опять указаніе на связь Зеты съ Сербіею. Справедливѣе то, что Юрій Балшичъ завоевалъ часть Боснійскихъ земель [3]. Очень можетъ быть, что онъ, пользуясь обстоятельствами, подобно Николаю Алтомановичу и одновременно съ нимъ, старался распространить свои владѣнія на счетъ сосѣдей. На сѣверъ отъ Зеты лежала Травунія, на югъ Албанія. Грамоты наши свидѣтельствуютъ, что Балшичи обращали вниманіе на ту и на другую. Страшимиръ уже умеръ, и хотя у него остался сынъ, Юрій, однако Зетою началъ управлять, по старинному Славянскому обычаю, старшій по немъ братъ, Юрій Балшичъ. Въ упомянутой грамотѣ этого послѣдняго отъ 1372 года мы видимъ, что дѣйствительно Юрій Балшичъ, во время междуцарствія въ Сербіи, захватилъ часть приморья около Дубровника и требовалъ себѣ Сербскаго дохода; но онъ готовъ былъ уступить этѣ земли новому и законному царю Сербіи, а не Вукашину: и ако тко бѫде — писалъ онъ — црь гнь срблѣ и влстело и ҳемли српскои да няси дрьжани влтеле двбровчки дати имь доходька вишеписанога. Такъ какъ Сербскіе государи получали доходъ за Травунскія и Хлумскія земли, уступленныя Дубровнику, и такъ какъ Хлумъ давно уже отошелъ къ Боснѣ, а Травунія досталась ей послѣ Душана или, вѣрнѣе, Уроша V, то, естественно, Юрій Балшичъ долженъ былъ стать въ непріязненное положеніе къ Боснійскимъ владѣтелямъ. Онъ дѣйствовалъ именно въ то время, когда Травунія и Сербскій доходъ колебались между Сербіею и Босною. Въ этомъ отношеніи онъ былъ послѣднимъ представителемъ Сербіи. Вслѣдъ за тѣмъ, въ 1378 году, видимъ Сербскій доходъ въ рукахъ Тврьтка, а владѣтелей Травуніи, Санковичей, въ подданствѣ Босны. Въ своей грамотѣ, данной въ этомъ самомъ году, 10 апрѣля, Тврьтко требуетъ себѣ Сербскаго дохода и въ числѣ свидѣтелей приводитъ жупана Бѣляка Санковича (С. № 66). Вѣроятно, Новый, построенный Тврьткомъ, былъ однимъ изъ пограничныхъ мѣстъ съ владѣніями Балшичей по тому, что и доселѣ нѣсколько южнѣе его лежитъ городокъ Балшичъ. Въ

[1] Стр. 244. — Engel, Gesch. v. Serv. u. Bosn., стр. 338.
[2] Шафар., Памятн., стр. 74.
[3] Engel, Gesch. v. Serv. u. Bosn., стр. 338.

1379 году уже не было въ живыхъ Юрія Балшича; грамоту даетъ меньшой братъ, Балша Балшичъ (С. № 67), который, въ 1385 году, именуется воеводою Драцкимъ (С. № 70). Изъ первой его грамоты видно, что еще при Юріи Дубровникъ платилъ какія-то деньги за Дань и Криву-Рѣку; во второй своей грамотѣ онъ, между прочимъ, освобождаетъ Дубровничанъ отъ царины, которой не было при царѣ Стефанѣ и Юріи Балшичѣ. Первая писана въ Рьтцѣ, вторая въ Тузахъ близъ Плочи. Смыслъ обѣихъ грамотъ и отсутствіе въ нихъ имени племянника Балши, Юрія Страшимировича, показываютъ, что Балша наслѣдовалъ, по смерти братьевъ, ихъ владѣнія, по старому обычаю, какъ общую родовую собственность. Медаковичъ утверждаетъ, что будто бы Балша Балшичъ владѣлъ Драчемъ, а Юрій Страшимировичъ Зетою и Приморьемъ [1]. Но о такомъ раздѣлѣ мы ничего не знаемъ. Напротивъ ссылка на братьевъ и царя Стефана показываетъ, что Балша вступилъ въ права всѣхъ своихъ предшественниковъ. Дань, Крива-Рѣка, Рьтьць и Тузы близъ Плочи, упоминаемые въ его грамотахъ, вовсе не относятся къ Драчу, и хотя въ одной грамотѣ онъ именуетъ себя дука драчки, но прибавляетъ и [illegible]. Очень можетъ быть, что Драчъ былъ имъ недавно пріобрѣтенъ, какъ пишетъ Орбини [2], а за нимъ другіе, и по тому онъ преимущественно упомянулъ его въ своемъ титулѣ. Важнѣе то, что въ грамотѣ не упомянутъ Юрій Страшимировичъ. При общности владѣнія можно, разумѣется, допустить, что у Юрія былъ свой удѣлъ; но во всякомъ случаѣ дѣлать обоихъ равными и независимыми владѣтелями невозможно. Грамоты Балши, преданіе, ему одному приписывающее то войну съ Лазаремъ, то шествіе на помощь къ Лазарю передъ Косовскою битвою, словомъ, вся дѣятельность Балши свидѣтельствуютъ, что онъ главнѣйшимъ образомъ завѣдывалъ всею Зетою и первенствовалъ въ правленіи. И это преимущество въ правахъ дяди передъ племянникомъ, основанное на древнихъ Славянскихъ родовыхъ счетахъ, очень понятно и естественно въ такой странѣ, какова Зета, гдѣ не было совершено преобразованія въ этомъ отношеніи и которая до сихъ поръ свято хранитъ у себя стародавніе обычаи. Съ этой же точки зрѣнія смотритъ и Орбини на порядокъ преемства въ родѣ Балши. Въ 1385—1386 г. Балша Балшичъ палъ въ сраженіи съ Турками на поляхъ Бѣлогородскихъ, а по Орбини, на полѣ Косовомъ при рѣкѣ Воюшѣ [3]. Послѣдній годъ, въ которомъ находимъ его грамоту, отъ 24 апрѣля, есть 1385-й; а въ слѣдующемъ, 27 генваря, племянникъ его, Юрій Страшимировичъ, уже отъ одного своего имени даетъ грамоту Дубровничанамъ; слѣдовательно, въ этотъ промежутокъ времени долженъ былъ умереть Балша. И такъ несправедливо Енгель и Орбини относятъ его смерть къ 1383 году, какъ замѣчаетъ и Андричъ; несправедливо также и то, что Балша ходилъ на помощь къ Лазарю въ 1389 году. Балша Балшичъ былъ, какъ говорятъ, женатъ на одной изъ дочерей Лазаря; но на какой именно — этого ни преданіе не помнитъ, ни историки не могутъ рѣшить. Лѣтописцы сообщаютъ только, что онъ былъ женатъ на дочери Лазаря [4], но не выставляютъ ея имени. Впрочемъ позднѣйшій лѣтописецъ указываетъ на ея имя, говоря, что сынъ Балши былъ сначала обрученъ съ Милевою, но когда эта вышла за Баязида, то женился

---

[1] Повѣстница Црнегоре. У Земуну. 1850. Стр. 24.

[2] Стр. 245.

[3] Орбини, стр. 245. — Engel, Gesch. v. Serv. u. Bosn., стр. 332. — Андричъ, Geschichte des Fürstenthums Montenegro. Wien. 1853. Стр. 5.

[4] Шафар., Памятн., стр. 73. — Arkiv za povjestn. Jugoslav., III. 1852. Стр. 16.

на другой сестрѣ, вдовѣ Милоша Обилича [1], т. е., Вукосавѣ. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ находимъ имена и Мары и Елены и Милевы [2]. Милаковичъ [3], слѣдуя Орбини, называетъ ее Деспиною; напротивъ Милутиновичъ отдаетъ преимущество народному преданію, называющему жену Балши Еленою [4]. Видя такое несогласіе и противорѣчіе въ именахъ одной и той же дочери Лазаря, прочіе Черногорскіе историки воздерживаются отъ упоминанія ея имени, говоря, что по возшествіи на престолъ Лазаря Зета, отпавшая при Вукашинѣ, снова присоединилась къ Сербіи, и князь ея, Балша, женился на дочери Лазаря; или утверждая, согласно съ народнымъ преданіемъ, что Балша три раза удачно воевалъ съ Лазаремъ, не желая покориться ему, и только, женившись на его дочери, присоединился къ Сербіи. Замѣчательно свидѣтельство Орбини, который, надобно сознаться, весьма вѣрно и согласно съ грамотами представляетъ семейство Балши. Орбини женитъ не Балшу Балшича, а Юрія Страшимировича на Деспинѣ, вдовѣ Шишмана Булгарскаго [5]. За нимъ повторяютъ Дюфренъ [6] Ранчъ [7], и Енгель. Послѣдній, вѣроятно, соображая время жизни Шишмана Булгарскаго со смертью Балши, котораго хоронитъ въ 1383 г., назначаетъ бракъ Деспины съ Юріемъ Страшимировичемъ позже 1390 года [8]. Самъ же Балша Балшичъ, по свидѣтельству Орбини, былъ сначала женатъ на дочери деспота Бѣлградскаго (въ Албаніи), а потомъ на Еленѣ Клапенѣ, ушедшей отъ мужа своего, Марка Кралевича, и передавшей ему Касторію [9]. Также и Петръ Петровичъ Нѣгушъ называетъ Юріемъ Балшича, женатаго на дочери Лазаря, не говоря именно на какой [10]. Напротивъ Андричъ, видя такую путаницу, вовсе не допускаетъ того, чтобы Балша, или кто либо другой, былъ женатъ на дочери Лазаря [11]. Можно только допустить, какъ предположеніе, что за Балшу была просватана одна изъ дочерей Лазаря, но обстоятельства помѣшали браку; память народная часто смутно передаетъ событіе, и сватовство превратилось въ женитьбу. Тогда какъ одни лѣтописцы прямо различаютъ дочерей Лазаря, бывшихъ за Шишманомъ и Балшичемъ [12], другой слабо сохраняетъ древнѣйшее и, какъ кажется, болѣе достовѣрное преданіе о сватовствѣ Балшича за Милеву, но въ то же время, не устоявъ противъ общаго повѣрія, женитъ Балшича на вдовѣ Милоша. Но кто былъ этотъ Балшичъ? Лѣтописецъ называетъ его сыномъ Балши; но у Балши Балшича, мы знаемъ, не было сыновей: очевидно, онъ разумѣетъ сдѣсь самого Балшу Балшича или сына перваго Балши. За то далѣе онъ опять вдается въ смутныя

[1] Гласникъ, ч. V, стр. 79, 93,

[2] Милаковичъ, Кратка исторія Црне-Горе (Грлица. 1835. У Црной Гори.) Стр. 56. Примѣч.

[3] Такъ же.

[4] Исторія Церне-Горе. Стр. 2.

[5] Стр. 246.

[6] Famil. Dalm. et Slavon., гл. V, § III; гл. XIII, § VI.

[7] Ч. III, стр. 10, 11. Кажется, Милутиновичъ ошибается, говоря, что Ранчъ жену Балши именуетъ Марою. (Исторія Церне-Горе, стр. 2. Примѣч.)

[8] Gesch. v. Serv. u. Bosn., стр. 332. Впрочемъ, годъ смерти Шишмана положительно не извѣстенъ.

[9] Стр. 244.

[10] Montenegro und die Montenegriner, Stuttgart und Tübingen. 1837. Стр. 10 (Reisen und Länderbeschreibungen der älteren und neuesten Zeit. Herausgegeben von Dr. E. Widenmann und Dr. H. Hautt. Eilfte Lieferung. Stuttgart und Tübingen. 1837).

[11] Geschichte des Fürstenthums Montenegro. Стр. 8.

[12] Шафар., Памятн., стр. 73.—Arkiv za povjestn. Jugoslav., III. 1854. Стр. 16.

народныя преданія и этому Балшичу, женатому, по его словамъ, на Вукосавѣ, ошибочно приписываетъ дочь Ангелину, супругу деспота Стефана Юрьевича, которая, какъ извѣстно, была дочерью Стефана Арванита. Равномѣрно, только въ видѣ догадки, можемъ предположить, что не Балша, а Юрій Страшимировичъ былъ женатъ на Деспинѣ; на это нѣтъ ни доказательствъ положительныхъ, ни опроверженій; но во всякомъ случаѣ женитьба эта состоялась послѣ смерти Лазаря. Годъ смерти Балши Балшича не всѣмъ извѣстенъ. Бóльшая часть историковъ, какъ то: Давыдовичъ [1] Милаковичъ, Милутиновичъ, Медаковичъ, Ковалевскій [2] и Поповъ [3] посылаютъ Балшу, а П. П. Нѣгушъ Юрія Балшича на помощь къ князю Лазарю на Косово поле; но они забываютъ, что въ это время Зетою уже правилъ Юрій Страшимировичъ, который, по свидѣтельству Орбини и Дюфрена, заимствованному, вѣроятно, изъ народнаго преданія и повторенному послѣ нѣкоторыми другими писателями, убилъ Вука Бранковича, прибѣжавшаго къ нему изъ Турецкаго плѣна. Едва ли можно допустить, чтобы кто либо изъ Балшичей ходилъ на помощь Лазарю, ибо объ этомъ молчатъ и Ранчъ и Енгель; а если ужь дѣйствительно шелъ, то, конечно, не Балша Балшичъ, а Юрій Страшимировичъ. Впрочемъ, надобно еще замѣтить и то, что бóльшая часть историковъ, кромѣ Милаковича и Медаковича, которые дѣйствительно говорятъ о Балшѣ Балшичѣ, не уясняютъ себѣ имени Балши; а оно было не болѣе, какъ родовымъ именемъ Балшичей, начавшись отъ Балши I. За Балшею слѣдовалъ племянникъ его, сынъ старшаго его брата, Юрій Страшимировичъ. Вотъ какъ начинаетъ онъ свою грамоту отъ 1386 года: ѡ веле мощна сило прѣстаго дх҃а тебе славимь и вь троици. вь ѡ҃ци же реку и сн҃у и вь ст҃вмь дс҃ѣ троице прѣста слава тебѣ. вь тебе кр҃тихсе и тобою прияхь бжьствьную блгодьть процнстнимь (процнстними) ѡбрасаи бгосадими вь роду моемь. мл҃твами и мл҃нием ст҃и мои прѣродитель симеона немане. прьвѣго миротоучьца срьпскаго и ст҃ла сави..... вь ст҃и свои б҃ь изавь твореи чудеса. тѣмже и азь вь х҃а б҃а блговѣрни и самодрьжавни г҃нь гюргь всои зетскои и поморскои земли (С. № 71). Мы видимъ, къ чему клонится такая рѣчь. Начало грамоты сходно съ началомъ нѣкоторыхъ грамотъ Боснійскихъ королей и обличаетъ пріемы уже независимаго и самовластнаго государя. Родъ свой Юрій ведетъ отъ Немани. Касательно его происхожденія замѣчу, что хотя Сербскіе и Боснійскіе владѣтели, всѣ вообще, предъявляли свое родство съ домомъ Немани, будучи вовсе чужды ему, тѣмъ не менѣе лѣтописцы и историки упоминаютъ о какомъ-то родствѣ Юрія съ Неманичами по женскому колѣну. Пользуясь этимъ, хотя и отдаленнымъ, родствомъ съ Неманею и своимъ положеніемъ относительно остальной Сербіи, Юрій, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, устремился къ полной независимости и еще при Лазарѣ сталъ выше своихъ предшественниковъ. Въ его грамотахъ явилась вступительная часть, составляющая большею частію принадлежность королевскихъ и царскихъ хрисовуловъ; уже онъ величалъ себя отраслью дома Немани и санъ свой вручалъ всемогущему Богу, что равнялось выраженію «Божіею милостію.» Принятый имъ титулъ «благовѣрнаго и самодержавнаго господина всей Зетской и поморской земли,» употребленный и въ другой его грамотѣ, упоминаемой Медаковичемъ, показываетъ, что онъ смотрѣлъ на себя, какъ на независимаго владѣльца, а

---

[1] Забавникъ. 1821. Стр. 95.

[2] Четыре мѣсяца въ Черногоріи. С. Петербургъ. 1841. Стр. 46.

[3] Путешествіе въ Черногорію. С. Петербургъ. 1847. Стр. 70.

на свою землю, какъ на самостоятельное государство. Конечно, въ это время уже не было въ живыхъ Балши: Юрій оставался одинъ повелителемъ Зеты. По этому онъ вступалъ теперь въ права отца и обоихъ дядей, умершихъ, вѣроятно, бездѣтными. За дядею, естественно, долженъ былъ слѣдовать племянникъ. Есть еще запись Юрія Страшимировича (С. № 72), въ которой онъ ручается за людей бана Боснійскаго, Твртька, въ томъ, что они не тронутъ Дубровницкихъ купцовъ, идущихъ изъ Дубровника на Слано и обратно, и обѣщаетъ, въ случаѣ своей ссоры съ Боснійскимъ баномъ, извѣстить объ этомъ Общину за недѣлю впередъ. Обѣ этѣ грамоты хорошо обозначаютъ его отношенія къ Боснѣ и собственной Сербіи. Хотя нѣкоторые историки и пишутъ, что Зета, съ восшествіемъ на престолъ Лазаря, подчинилась ему добровольно, а другіе подчиненіе это приписываютъ браку Юрія, или Балши съ дочерью Лазаря, однако все это не болѣе, какъ темныя преданія, смѣшивающія время событій. Зета при Балшичахъ явно стремилась къ независимости, чему способствовала неурядица въ самой Сербіи. Все, что можно допустить въ этомъ отношеніи, такъ это то, что Зета продолжала считать себя одною изъ Сербскихъ областей и на столько уважала права Сербскихъ владѣтелей, на сколько это не превышало ея понятія объ общемъ составѣ Сербіи. Болѣе этого допустить нельзя, ибо иначе нельзя будетъ достаточно объяснить тѣхъ пріемовъ, которые мы замѣтили въ грамотахъ Юрія Страшимировича при совершенномъ отсутствіи какого либо намека на зависимость отъ Сербіи. Съ другой стороны, коснувшись Босны, онъ, въ своей грамотѣ, не могъ своихъ подданныхъ назвать людьми бана Боснійскаго, ибо его подданные не жили на пути между Дубровникомъ и Сланомъ, и слѣдовательно, сдѣсь онъ является порукою за другихъ и именно за подданныхъ Босны, а въ такомъ случаѣ онъ долженъ быть независимымъ отъ Босны: иначе онъ не могъ бы и ручаться. Кромѣ этѣхъ и двухъ другихъ, писанныхъ на Итальянскомъ языкѣ, грамотъ, о которыхъ упоминаютъ Медаковичъ и Андричъ, мы иныхъ памятниковъ отъ Юрія не имѣемъ. Когда онъ умеръ — тоже не знаемъ. Отсутствіе дальнѣйшихъ памятниковъ причиняетъ въ исторіи Черногоріи послѣ Юрія Страшимировича важный пробѣлъ, который историки стараются наполнить всякій по своему съ разными ошибками, чтобы не сказать нелѣпостями. Бóльшая часть слѣдуетъ Милаковичу, смѣшивающему Балшичей между собою и, вѣроятно, еще съ Черноевичами, или какими нибудь Албанскими князьями. Милаковичъ, Милутиновичъ, П. П. Нѣгушъ, Ковалевскій и Поповъ соединяютъ въ лицѣ Балши и Балшу Балшича и Юрія Страшимировича и приписываютъ ему, отъ брака съ дочерью Лазаря, сына Страшимира, а этому послѣднему двухъ сыновей, Стефана и Божидара, уже съ прозвищемъ Черноевичей, разсказывая по этому случаю басню о смуглости ихъ отца. Сдѣсь, очевидно, дана полная вѣра народнымъ преданіямъ. Медаковичъ счелъ за лучшее обратиться къ Лукари и заимствовать у него не менѣе предыдущаго запутанный и невѣрный разсказъ о родствѣ Черноевичей съ извѣстнымъ уже намъ Гервоею. Именно, Лукари говоритъ, что у Гервои было два сына, Балша и Стефанъ, которые одинъ за другимъ владѣли Зетою, и послѣдній былъ родоначальникомъ Черноевичей [1]. Ясно, что сдѣсь ошибка произошла отъ того, что у Гервои дѣйствительно былъ сынъ Балша [2], который и принятъ за Балшу Зетскаго. Но упо-

[1] Annali di Rausa, стр. 82.—Медаковичъ, Повѣстница Црнегоре, стр. 27.
[2] Dufresne, Famil. Dalm. et Slavon., гл. X, § III.

мянутые историки мало обратили вниманія на свидѣтельство Орбини, который, по нашему мнѣнію, болѣе всѣхъ заслуживаетъ довѣрія, ибо вся предыдущая родословная Балшичей, изложенная у него, вполнѣ согласна съ показаніями грамотъ. Орбини разсказываетъ, что у Юрія былъ сынъ, Балша, который, наскучивъ продолжительною войною съ Венеціянами, отъѣхалъ въ Сербію къ своему дядѣ, деспоту Стефану Лазаревичу, а Зетою поручилъ управлять Стефану Апулійскому, своему родственнику изъ рода Черноевичей. Послѣ его смерти, Стефанъ Черноевичъ отъѣхалъ въ Апулію, а Зетою овладѣлъ деспотъ Стефанъ и вручилъ ее въ управленіе племяннику своему, Юрію Балшичу,—вѣроятно, Орбини хотѣлъ сказать, Юрію Вуковичу, — по отъѣздѣ котораго въ Сербію, Венеціяне овладѣли Зетою и истребили домъ Балшичей [1]. Съ Орбини согласенъ въ главнѣйшемъ Андричъ, вмѣстѣ съ коимъ и мы допускаемъ у Юрія сына Балшу. Можетъ быть, на дочери этого Балши, Еленѣ, былъ женатъ Стефанъ Косача. Грамота 1443 году, упоминающая объ этомъ, не говоритъ, правда, кто таковъ былъ Балша, котораго она называетъ уже умершимъ (С. № 134); но можно догадываться, что это былъ тотъ самый Балша Юрьевичъ, о которомъ говоритъ Орбини. Сербскіе лѣтописцы равномѣрно знаютъ о Балшѣ, Зетскомъ господарѣ, относя его кончину къ 1422 году [2]. Преемникомъ Балши должно признать Стефана Черноевича, связаннаго родствомъ съ Балшичами. Вѣроятно, у Балши не было дѣтей мужескаго пола, по чему онъ и передалъ Зету родственному дому. Годъ смерти его, по Дюфрену, есть 1421-й [3]. Такъ точно одинъ изъ Сербскихъ лѣтописцевъ указываетъ на дальное родство между Балшичами и Черноевичами, говоря: а ѿ нихъ (Балшичей) по танкой кервы (крови) изашли чрноевичи [4]. Но Черноевичи не произошли отъ Балшичей, а были современны имъ. Нѣтъ никакой надобности предполагать такую молодость ихъ происхожденія. Во всѣхъ Славянскихъ земляхъ встрѣчаемъ множество всякого рода именъ, происходящихъ отъ слова *черный*, которыхъ начало относится къ древнѣйшимъ временамъ. Въ Зетѣ есть нѣсколько таковыхъ именъ. Притомъ прозвище Черноевичей указываетъ на первоначальное личное имя *Черное*, а не на прилагательное *черный*, какъ обыкновенно думаютъ, передавая выше упомянутую сказку о черномъ Страшимирѣ. Но мы знаемъ, что Юрій Страшимировичъ писалъ грамоту къ Венеціянскому дожу, Антонію Фаніери, въ которой извѣщалъ о своей побѣдѣ надъ Черноемъ Падичемъ, опустошавшимъ родину Балшичей и убитомъ въ сраженіи [5]: не былъ ли этотъ Черное основателемъ рода Черноевичей? Если онъ велъ войну съ Балшичемъ, то значитъ, былъ сильнѣе другихъ: такъ точно и Черноевичи долженствовали быть сильнѣйшимъ родомъ въ Зетѣ и по родству своему съ Балшичами и по преемству имъ. Съ этимъ свидѣтельствомъ грамоты сходится и Орбини, упоминая о враждѣ Черноевичей съ Юріемъ Страшимировичемъ [6]: слѣдовательно, Черное Падичъ, какъ значится онъ въ грамотѣ, есть одно и то же, что Черноевичи у Орбини: опять, подтвержденіе достовѣрности словъ послѣдняго. Но то, что говоритъ Орбини объ Итальянскомъ происхожденіи Стефана, называя его Марамонтомъ изъ Апуліи, кажется намъ невѣрнымъ, ибо противорѣчитъ, во первыхъ,

[1] Стр. 247.
[2] Шафар, Памятн., стр. 76. — Arkiv za povjestn. Jugoslav., III. 1854. Стр. 18.
[3] Famil. Dalm. et Slavon., гл. XVI, § 1.
[4] Гласникъ, ч. V, стр. 48.
[5] Андричъ, Geschichte des Fürstenthums Montenegro. Стр. 6.
[6] Стр. 246. За нимъ то же повторяютъ Раичъ и Енгель.

самому Орбини, признающему его родство съ Черноевичами, и во вторыхъ, Флавію Комнину, свидѣтельствующему, что Стефанъ былъ туземецъ Далмаціи, т. е., Зеты [1]. Стефанъ Марамонтъ Апулійскій былъ другое лице, о которомъ не разъ упоминаетъ Сципіонъ Аммиратъ [2]. Что Черноевичи бѣгали отъ невзгоды въ Италію, то этимъ еще ничего не доказывается: и сынъ и внукъ Стефана тоже бѣгали въ Италію. Туземность Стефана подтверждается еще грамотою его сына, въ которой Иванъ называетъ Зету или собственно верхнюю Зету, т. е., Черногорію, своимъ отечествомъ, а окрестности Цетыни частнымъ удѣломъ своего рода или баштиною; межи этого удѣла онъ распознаетъ по старѣхъ сказанѣхъ и по бильзѣхъ кои сѹ постлани (Мл.). Если удѣлъ былъ такъ старъ, что нужно было припоминать, для опредѣленія его границъ, древнія сказанія и урочища, то вмѣстѣ съ тѣмъ и Черноевичи, Стефанъ и сынъ его, Иванъ, и отецъ ихъ, были старинным туземнымъ родомъ верхней Зеты. По этому справедливо пишетъ Орбини, что противъ Юрія Страшимировича враждовали Черноевичи и верхняя Зета. Послѣдняя, какъ отечество сильнѣйшаго рода Черноевичей, естественно должна была держать ихъ сторону. Должно обратить еще вниманіе на слѣдующее соотношеніе между грамотами Черноевичей. Въ Споменикахъ есть грамота Радича и Стефана Черноевичей, укрѣпляющихъ этою грамотою дружбу и союзъ съ Дубровникомъ и позволяющихъ его купцамъ ходить безпрепятственно по ихъ владѣніямъ (№ 60). Жаль, что не обозначены мѣсто и время написанія грамоты. Видно только, что Черноевичи имѣли свои земли по близости Дубровника, конечно, въ Зетѣ. Но кто были эти два брата? Въ вышеупомянутой грамотѣ Ивана Черноевича (Мл.) находимъ, между прочимъ, что Иванъ даритъ Цетыньскому храму то, чѣмъ доселѣ владѣли Остоичи, Ратко съ братомъ и племянниками,—землю, виноградники лѣса, воды и вообще все, що е было коуćня ζемлѧ (домашней, частной, родовой земли) ѡстоичь, вознаградивъ ихъ за то, на обмѣнъ, другими землями. Легко можно предположить, что эти два брата, изъ коихъ одинъ назывался Раткомъ или Радичемъ, по отечеству, Остоичи, принадлежали къ роду Черноевичей и по тому допустили Ивана, какъ главнаго представителя рода, такъ свободно распоряжаться ихъ владѣніями; другимъ, постороннимъ родамъ не для чего было участвовать въ дарственныхъ записяхъ Черноевичей. Слѣдовательно, очень вѣроятно, что грамота С. № 60 принадлежитъ этимъ самымъ двумъ братьямъ Черноевичамъ, по отцу Остоичамъ, участвовавшимъ въ надачѣ Цетыньскаго храма. Въ такомъ случаѣ откроется новое доказательство тому, что родъ Черноевичей, призванный послѣ Балши править Зетою, былъ туземнымъ Зетскимъ и имѣлъ сдѣсь свои старинныя баштины. Стефанъ Черноевичъ, смѣнившій Балшу Юрьевича, удалился, по смерти его, въ 1422 г., въ Италію, предоставивъ Венеціянамъ и деспоту Юрію Бранковичу спорить за обладаніе Зетою. Недовольные деспотомъ, Зетяне снова призвали его къ себѣ и помогли ему завоевать прежнія владѣнія. Стефанъ, въ союзѣ съ Юріемъ Кастріотомъ Скандербегомъ, на дочери коего былъ женатъ, отличался въ войнахъ съ Турками за независимость. При немъ основанъ былъ Жаблякъ и по близости его, на островѣ Комѣ, образуемомъ устьемъ Морачи, монастырь, гдѣ онъ и былъ похороненъ. Стефанъ умеръ въ половинѣ XV-го ст. Ему наслѣдовалъ старшій его сынъ, Иванъ. Долго велъ Иванъ войны съ Турками и наконецъ отправился

[1] Dufresne, Famil. Dalm. et Slavon., гл. XVI, § I.
[2] Dufresne, тамъ же.

въ Италію за помощію, поручивъ управленіе Зетою своему воеводѣ, Ѳомѣ [1], но помощи не получилъ ни отъ кого и воротился на родину. Пришлось оставить Жаблякъ и низменныя окрестности Скадарскаго озера, Морачи и Зеты и удалиться въ горы, въ верхнюю Зету; при этомъ во власть Туркамъ отошли Спужъ и часть Бѣлопавличей и Пиперовъ. Которъ и Будва еще прежде того отошли къ Венеціи. Вѣроятно, какіе нибудь споры за землю послужили поводомъ къ точнѣйшему опредѣленію границъ Черногоріи со стороны этѣхъ двухъ общинъ. Въ грамотѣ своей, подтверждающей прежнія надачи Сербскихъ царей Вранинскому храму св. Николая и присоединяющей новыя земли Пиперовичей, Иванъ коснулся и западныхъ границъ своей области и вмѣстѣ съ своими боярами, равно какъ властелями Которскими и Будванскими, обошелъ и описалъ ихъ. Изъ этого описанія мы видимъ, что западная часть границъ Черногоріи пролегала тогда почти тамъ же, гдѣ и теперь, т. е., шла отъ Сутормана помимо Брьчели и Троицы на Снѣжницу; но отсюда она болѣе нынѣшняго распространялась на западъ, соприкасаясь съ моремъ въ нѣсколькихъ точкахъ. Этимъ подтверждаются слова Милаковича, что Ивану принадлежали общины Бранчи, Майне, Поборы и долина Грьбаль, гдѣ лежали соляныя копи, упоминаемыя въ грамотѣ [2]. Чрезъ Лешевичи граница пролегала позади Котора до Ораховца. Кромѣ того на сѣверозападѣ границы Черногоріи подходили опять къ морю. Мы имѣемъ извѣстіе, что Иванъ заложилъ Конавле Венеціянамъ [3] и во время войны съ королемъ Боснійскимъ, своимъ тестемъ, владѣлъ нѣкоторое время Рисномъ, Драчевицею, Требинемъ и Поповымъ [4]. Въ той же грамотѣ упоминается объ удѣлахъ сыновей Ивана, Юрія и Стефана, которыми они владѣли уже при жизни отца [5]. Грамота дана въ 1482 году. Возвратясь изъ Италіи, около 1485 г., Иванъ соорудилъ храмъ Рождества Богородицы и при немъ общежительный монастырь, назвавъ его Зетскою митрополіею. Въ писанной по этому случаю грамотѣ опредѣлены разныя надачи, сдѣланныя монастырю, и повинности монастырскихъ подданныхъ. Сдѣсь назначено мѣстопребываніе митрополиту Черногорскому, Виссаріону. Къ надачамъ присоединены были владѣнія Конскаго и Горицкаго (Подгорицкаго?) монастырей, основанныхъ родителями Ивана и запустѣвшихъ подъ Турецкимъ владычествомъ; два, или три монаха изъ Кома переведены для пропитанія въ Цетынь; тотъ и другой монастырь подчинены митрополіи, и если когда нибудь будутъ возстановлены, то должны получить свои прежнія владѣнія. Кромѣ митрополита, въ Черногоріи былъ епископъ (Мл.). Основаніе Цетыньской митрополіи и удаленіе Зетянъ въ верхнюю Зету или Черногорію составляетъ важнѣйшее событіе въ судьбахъ той части Сербскаго народа, которой суждено было постоянно, въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ, хранить Сербскую независимость и быть единственною ея представительницею. Съ этого событія начинается новая пора для жизни Черногорцевъ. Природа, вѣра и неизмѣнный духъ народа согласнымъ дѣйствіемъ произвели то, что горсть людей явилась неодолимою передъ цѣлыми полчищами знаменитыхъ

---

[1] Милутиновичъ, Исторія Церне-Горе, стр. 4. См. грамоту Ивана, тамъ же, стр. 10.

[2] Грлица. 1835. Стр. 62. — П. П Нѣгушъ, Montenegro und Montenegriner, стр. 12.

[3] Милаковичъ. Грлица, 1835. Стр. 62. — П. П. Нѣгушъ, Montenegro und Montenegriner, стр. 12.—Медаковичъ, Повѣстница Црнегоре, стр. 32. — Андричъ, Gesch. d. F. Montenegro, стр. 13.

[4] Dufresne, Famil. Dalm. et Slavon., гл. XVII, § IV. — Медаковичъ, Повѣстница Црнегоре, стр. 30. — Андричъ, Gesch. d. F. Montenegro, стр. 11.

[5] Милутиновичъ, Исторія Церне-Горе. Стр. 10 и слѣд.

завоевателей Азіи и Европы въ самое блестящее время ихъ славы и могущества. Пустынная, сплошная горная возвышенность, покрытая скалами и мрачными лѣсами, наполненная пещерами и рытвинами, съ опасными тропинками вмѣсто дорогъ, вдругъ получила населеніе, около ста тысячъ душъ, бѣжавшее отъ убійствъ и опустошеній, производимыхъ Турками въ пригорныхъ низменностяхъ. Надобно было имѣть много свѣжихъ нравственныхъ силъ, чтобы обречь себя на лишеніе всѣхъ удобствъ жизни, поселиться на голыхъ скалахъ и ввѣрить свое существованіе скуднымъ клочкамъ удобной земли, наношенной горстьми на каменистую почву. Только Исторія и близкое знакомство съ природными свойствами жителей могутъ объяснить это странное явленіе. Зета, съ самого начала своего, оставалась болѣе, или менѣе самостоятельною, ибо постоянно была частнымъ удѣломъ Неманичей, гдѣ жило отдѣльное сильное боярство, гдѣ пребывали вдали отъ власти, какъ бы въ отчужденіи, родичи царствующаго дома. Это придавало ей свойство сосредоточенности, которое не только не удаляло ея отъ общихъ дѣлъ Сербіи, но напротивъ доставляло ей бóльшое вліяніе при Сербскомъ дворѣ. Чувствуя свою силу, Зета въ то же время, по чувству единства вѣры и народности, считала себя нераздѣльнымъ членомъ Сербіи. Все это вело къ розной участи. Тогда какъ Сербія гибла подъ ударами Турецкаго меча, Зета, по своей самоотдѣльности, чуждая общей порчи, сохраняла во всѣхъ своихъ сословіяхъ свѣжесть и бодрость силъ и въ годины бѣдствій еще болѣе познала и оцѣнила сокровище православной вѣры и народной самостоятельности. Для этихъ высшихъ благъ народу ея ничего не стоило промѣнять выгодное въ вещественномъ отношеніи, но опасное мѣстожительство на невыгодное, но безопасное. Переходя подъ защиту природы, Черногорцы надѣялись выдержать борьбу за вѣру и независимость. Но Сербія пала; патріаршая столица, вмѣстѣ съ паствою, подчинилась вліянію Турціи и не могла такъ свободно дѣйствовать, какъ бы надлежало для народа, еще ни мало не порабощеннаго. По этому Иванъ долженъ былъ сдѣлать для своей Черногоріи то же самое, что сдѣлалъ Душанъ для Сербіи,—дать ей собственное вѣроисповѣдное средоточіе и источникъ духовной власти. Однѣ и тѣ же причины побуждали его и Душана, и это вовсе не было отщепенствомъ или возстаніемъ противъ высшей духовной власти и единства вѣры, какъ хотѣлъ перетолковать Константинопольскій патріархъ на счетъ Душана; но, на оборотъ, желаніемъ спасти неприкосновенность вѣры и доставить духовной власти свободный образъ дѣйствія, а народу внутреннее средоточіе, предохранивъ ихъ отъ гибельныхъ послѣдствій паденія, предвѣщаемыхъ государственною предусмотрительностію. Время поспѣшило оправдать поступокъ Ивана. Между тѣмъ, какъ Сербы безпрепятственно отуречивались, и число отурчившихся умножалось, родной сынъ Ивана, Стефанъ, послѣ отуреченія, снова перешелъ къ православію и постригся въ монахи; а нѣсколько отурчившихся съ нимъ вмѣстѣ Черногорцевъ, возвратясь на родину, не нашли того, чего ожидали: ихъ примѣръ не дѣйствовалъ почти ни на кого, и при владыкахъ, въ слѣдствіе кроткихъ духовныхъ наставленій, число отурченниковъ уменьшилось значительно. Иванъ умеръ въ 1490 году. Его подпись такова: въ х҃а б҃га благовѣрніи и б҃гомь хранимии г҃сподарь зѣтскій Иванъ црьноевикь (Мл.).

У Ивана былъ братъ, Юрій, а по другимъ Аврамъ или Андрей, по прозванію Арванитъ или Албанецъ, погибшій еще въ 1450 г. въ сраженіи съ Турками. Дочь этого Арванита, Ангелина, была за Стефаномъ Юрьевичемъ, сыномъ деспота Юрія Бранковича, и имѣла отъ него двухъ сыновей, Юрія и

Ивана. Относительно происхожденія Ангелины мнѣнія ученыхъ распадаются на два рода. Западные историки, какъ то: Лукари, Орбини, Дюфренъ, Енгель и др. называютъ ее дочерью Аріаниты Комнина и придаютъ ей иногда имя Θеодоры; напротивъ, туземные историки всѣ единогласно почитаютъ ее дочерью Арванита Черноевича. Бранковичъ просто называетъ ея отца княземъ Арванитскимъ. Раичъ слѣдуетъ мнѣнію Дюфрена, согласному, по его словамъ, съ Бранковичевымъ [1]. Но мнѣніе это или мнѣніе западныхъ ученыхъ, подкрѣпленное глубокою ученостію Дюфрена, уступаетъ, кажется, мнѣнію туземному. Орбини пишетъ, что Стефанъ Юрьевичъ женился на Θеодорѣ, дочери Аріаниты, тестя Скандербегова [2]; слѣдовательно, Скандербегъ и Стефанъ были женаты на родныхъ сестрахъ. Дѣйствительно, по Дюфрену, Юрій Скандербегъ былъ женатъ на Андроникѣ, дочери Аріаниты Комнина [3]. Дюфренъ замѣчаетъ разницу въ именахъ супруги Стефана Юрьевича: по его словамъ, Орбини зоветъ ее Ангелиною, а Лукари Θеодорою; онъ принимаетъ послѣднее имя [4]. Но, какъ мы сейчасъ видѣли, Орбини не называетъ ея Ангелиною, а Θеодорою. Точно также и Раичъ находитъ у него имя Θеодоры; но самъ Раичъ ошибается, приписывая Дюфрену принятіе имени Ангелины согласно съ Бранковичемъ, когда Дюфренъ предпочитаетъ имя Θеодоры. Такое противорѣчіе въ именахъ и заставляетъ насъ принять мнѣніе Черногорскихъ писателей, слѣдующихъ Сербскимъ лѣтописямъ и народному преданію. Одинъ лѣтописецъ такъ выражается: Stephanus Coecus Despota, post patris mortem, abiit in Dalmatiam, ibique accepit in uxorem filiam Saverstiam (?) ex Aranitarum familia, dominam Angelinam [5]. Сдѣсь родъ Аранитовъ есть то же, что Арванитовъ, и вовсе не Аріанитовъ. Албанія звучала иначе, какъ Арванія, откуда произошла и латинская форма Arania; Аріаниту же не было надобности измѣнять въ Араниту. Имя Ангелины употреблялось у Сербовъ: такъ, на пр., Синиша, братъ Душана, имѣлъ дочь Ангелину; сами Черноевичи принимали въ послѣдствіи имя Ангеловъ [6]. Другой лѣтописецъ выдаетъ Ангелину за дочь Балшича, женатаго на вдовѣ Милоша Обилича. Если первый указываетъ на прозвище отца Ангелины, то второй указываетъ на его родъ; но, конечно, не съ точностію; ибо народная память, помня главнѣйшія обстоятельства, смѣшиваетъ часто имена и годы. Подъ Балшичемъ должно разумѣть Черноевича и именно Арванита, т. е., Юрія Арванита, брата Иванова. Вслѣдъ за этими лѣтописцами всѣ историки Черногорскіе, какъ то: Милаковичъ, Милутиновичъ, П. П. Нѣгушъ, Медаковичъ, Андричъ и другіе почитаютъ Юрія (Аврама, Андрея) отцемъ Ангелины. Имя Арванита было не такъ знакомо западнымъ писателямъ, какъ имя извѣстнаго имъ Аріаниты Комнина, и по тому они смѣшали оба лица въ одно.

Подъ управленіемъ Черноевичей, а послѣ владыкъ своихъ, Черногорцы мужественно отбивались отъ Турокъ и никогда не утрачивали своей независимости. Правда, Турки не разъ проходили Черногорію вдоль и поперекъ съ

---

[1] Ч. III, стр. 260.

[2] Стр. 266.

[3] Famil. Dalm. et Slavon., гл. XVIII, § V.

[4] Тамъ же, гл. V, §§ X, XI. Вотъ подлинныя его слова: Post parentis mortem.... (Stephanus Bukovitzius vel Brankovitzius) in Albaniam sese recepit. Ubi filiam Arianitae Comneni, Dyrrachii, Aulonis, aliorumque in Dalmatia oppidorum, domini, in uxorem recepit. Hanc, Angelinam Orbinus; Petrus vero Luccarius, Theodoram vocant. Liberi Stepnani Bukovitzii, ex Theodora uxore....

[5] Arkiv za povjestn. Jugoslav., III. 1854. Стр. 22.

[6] Dufresne, Famil. Dalm., et Slavon., гл. XV, § IV; XVI, § V.

мечемъ и огнемъ, но удержаться въ ней не могли, и Черногорцы снова возвращались къ своимъ очагамъ и снова заводили съ ними вѣковую пограничную войну. Преданные своей вѣрѣ и всему родному, они всегда были достойными представителями своихъ праотцовъ. Въ ихъ природѣ, образѣ жизни и правленія сохранилось весьма много первичныхъ свойствъ Славянъ, и имъ-то, равно какъ непоколебимой преданности вѣрѣ и неприступному мѣстоположенію обязаны они своею независимостію. Безъ счастливаго соединенія всѣхъ этихъ условій Черногорцы не были бы Черногорцами, а по тому всякое преобразованіе въ одной изъ основъ ихъ жизни едва ли принесетъ какую либо пользу, если только, не обратится во вредъ имъ. Крайняя внѣшняя необходимость, дѣйствуя въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій, привела ихъ именно въ это положеніе, изъ котораго они не иначе могутъ выйти съ выгодою для себя или, по крайней мѣрѣ, безъ вреда, какъ только съ измѣненіемъ своей внѣшней обстановки. Для исторіи Славянской они представляютъ прекрасный образецъ того, какъ стотысячный народъ, благопріятствуемый природою, можетъ сохранить свою самостоятельность и покрыться славою безчисленныхъ подвиговъ блестящей храбрости, если только онъ бережно сохраняетъ себя отъ нравственно-гражданской порчи и остается вѣренъ основнымъ началамъ народнаго существа. Для Славянскаго древневѣдца онъ доставляетъ обильный запасъ свѣдѣній о древнѣйшихъ Славянскихъ обычаяхъ, образѣ жизни и представленіи общежитія, почерпнутыхъ не изъ отжившихъ памятниковъ, а изъ живаго, современнаго источника. Черногорія, имѣющая свой рѣзко отличительный обликъ, ждетъ еще воздѣлывателей, которые труды свои основали бы на ея собственной почвѣ, а не на чужихъ словахъ; грамоты, народныя преданія и пѣсни служатъ главнѣйшимъ тому пособіемъ; а Милутиновичу первому принадлежитъ честь попытки къ осуществленію этого труда.

Между тѣмъ, какъ Черногорія со славою спасала свою самостоятельность, деспоты губили независимость Сербіи. Вукашинъ первый подалъ примѣръ себялюбиваго образа дѣйствій; ему слѣдовали Стефанъ Лазаревичъ и Юрій Вуковичъ Бранковичъ. Но Лазарь и сынъ его, Стефанъ, оставили по себѣ добрую память въ народѣ. Оба они отличались благородствомъ и прямотою дѣйствій; оба были благочестивы, и обоихъ народъ назвалъ святыми. Не столько собственная ошибка Лазаря, сколько постороннія обстоятельства нанесли Сербіи ударъ на Косовомъ полѣ: собственный ложный образъ дѣйствій Стефана Лазаревича привелъ Сербію къ такому немощному и равнодушному состоянію, въ которомъ жаръ народной независимости остылъ понемногу и перешелъ въ безчувственное состояніе подданства. Стефанъ, поставленный, по волѣ Баязида, господаремъ Сербской земли, свято хранилъ данную ему клятву вѣрности и, спасая свою личную честь, губилъ отечество. Милица правила за него Сербіею, а онъ терялъ цвѣтъ Сербскаго народа, сражаясь съ Христіанами и невѣрными въ рядахъ Турецкаго войска и въ пользу Турціи. Вукъ Бранковичъ, обманутый въ своихъ надеждахъ и напрасно сносясь съ Турками, хотѣлъ, было, добыть независимость, но, по жалобѣ Лазаревичей, былъ схваченъ Турками и отравленъ; владѣнія его Султанъ отдалъ его семейству. Послѣ него осталась грамота, данная Хиландару въ 1392 году (А. № 15), въ которой онъ называетъ себя сыномъ севастократора Бранка и внукомъ воеводы Младена. Изъ нея мы узнаемъ, что около этого времени онъ, заключивъ миръ съ Баязидомъ, расписалъ всю свою землю, сколько ея было въ его области, и сколько ему слѣдовало платить Султану. Тогда пришелъ къ нему

Хиландарскій старецъ Гервасій и представилъ, сколько метохій имѣетъ Лавра въ его земляхъ и сколько Турецкой дани приходится на ихъ долю: уплату этой дани, 200 унцій, Вукъ принялъ на себя. Милостниками этой грамоты назначены три Вуковыхъ сына: Григоріи, Юрій и Лазарь. Стефанъ Лазаревичъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Вукомъ, участвовалъ въ покореніи Булгаріи (1390—1392), въ войнѣ съ Босною (1392), въ битвахъ съ Мирчею, воеводою Валашскимъ, при Ровнинахъ, гдѣ погибли Марко Кралевичъ, Константинъ и Драгаша [1] (1394), съ Сигизмундомъ Угорскимъ при Никополѣ (1396) и съ Тамерланомъ при Ангорѣ (1402). Сдѣсь Стефанъ оказалъ чудеса храбрости, пробившись съ Сербами через ряды Татаръ и спасши жизнь Баязидову сыну, Сулейману. Прибывши въ Европу, онъ женился на дочери царя Мануила, и оба съ тестемъ провозгласили султаномъ Сулеймана. Доселѣ Бранковичи сражались вмѣстѣ съ Лазаревичами за Баязида; теперь они отдѣляются отъ Лазаревичей и становятся на сторонѣ Мусы, брата и соперника Сулейманова. Но пораженіе, нанесенное Мусѣ, привлекло ихъ снова къ Сулейману; Юрій Вуковичъ даже получилъ главное начальство надъ Сербскимъ войскомъ. Оскорбленный этимъ, Стефанъ подчинилъ Сербію Сигизмунду и съ Угорскимъ войскомъ разбилъ Турокъ подъ Триполемъ, въ 1403 г. Примирившись съ Бранковичами, Стефанъ употребилъ мирное время, 1405—1408 г., на исцѣленіе ранъ своего отечества, присоединилъ нѣкоторыя земли, отнятыя Турками, получилъ отъ Угріи, посредствомъ сдѣлки, Бѣлградъ, объѣхалъ Сербію, всюду возстановилъ порядокъ и для рѣшенія государственныхъ дѣлъ учредилъ три «хramины» или палаты [2]. Около 1395 г. Милица постриглась въ монахини. Есть грамота Стефана Лазаревича, данная имъ еще до постриженія матери (А. № 18). Въ этой грамотѣ сказано, что такъ какъ властелинъ Обрадъ Драгославичъ записалъ Хиландару свою баштину, церковь Введенія Богородицы въ Ибрѣ, но, не успѣвши сдать ее во владѣніе Лавры, измѣнилъ Стефану Лазаревичу и за то лишился этой баштины, которая была отдана другому властелину, Упронію, то, по просьбѣ духовенства и съ совѣта матери, Милицы, и брата, Вука, Стефанъ возобновляетъ его запись и даритъ Хиландару упомянутую церковь, присоединяя къ ней еще нѣкоторыя села и заселки со всѣми ихъ людьми, межами и доходами. Будучи уже монахинею, Милица дала, вмѣстѣ съ обоими сыновьями, грамоту Хиландарскому пиргу св. Василія (тому самому, который построилъ Милутинъ съ церковью Вознесенія Господня). Она приписала ему село Ливочу на Бинчь-Моравѣ и повелѣла означить межи по указанію старожиловъ. Подъ грамотою подписались только ея сыновья, «благовѣрный господинъ князь Стефанъ» и «господинъ Влькъ» (А. № 19). Въ этой грамотѣ, равно какъ и въ другой, упоминаемой Авраамовичемъ [3], Милица носитъ иноческое имя Евгеніи; но въ грамотахъ Стефана Лазаревича и Юрія Вуковича, данныхъ Дубровнику (С. №№ 90, 111), она названа Евфросиніею. Енгель и Ранчъ именуютъ ее, согласно съ Аѳонскими грамотами и лѣтописями [4], монахинею Евгеніею. Не есть ли имя Евфросиніи такое же свѣтское, какъ и Милицы? Есть

---

[1] Лѣтоп. у Шафар. въ Памятн., стр. 74.—Черногорскій списокъ (ркп., см. Введеніе, стр. 52) и Бранковичевъ (Arkiv za povjestn. Jugoslav., стр. 16) не упоминаютъ о Драгашѣ.

[2] Ранчъ, ч. III, стр. 115.

[3] О. Д. С. у С. Г., стр. 79.

[4] Шафар., Памятн., стр. 62, 75. — Черногорскій списокъ (ркп.).—Arkiv za povjestn. Jugoslav., III, стр. 17.

примѣры, что Сербы, оставаясь при своихъ народныхъ именахъ, носили еще другія имена, которыя брали изъ святцевъ и называли крестными (Ср. С. № 78). Еще сохранилась отъ Милицы (?) надпись, вышитая золотыми буквами на шелковомъ покровѣ тѣла князя Лазаря. Сдѣсь она называетъ себя Евфиміею. Шафарикъ, напечатавшій эту надпись [1], замѣчаетъ, что имя Евфиміи было крестное, Милицы— домашнее, Евгеніи — иноческое. Но какое же будетъ имя Евфросиніи? Сынъ не могъ не знать имени матери. Не забудемъ, что достовѣрно неизвѣстно, кому принадлежитъ надпись и, по словамъ Шафарика, только преданіе приписываетъ ее Милицѣ. Вотъ какое сомнѣніе вызвали вновь открытые памятники. Какъ совмѣстить всѣ четыре имени въ одномъ лицѣ? Дѣйствительно ли принадлежитъ надпись Милицѣ, женѣ Лазаря? На этихъ вопросахъ, не рѣшивши ихъ, должна была остановиться Исторія. Но вдругъ новый свѣтъ, приведшій къ окончательному рѣшенію этихъ вопросовъ, пролитъ былъ открытіемъ надписи на церковной завѣсѣ храма Хиландарскаго, вышитой золотомъ, серебромъ и шелками по атласу монахинею Евфиміею въ 1399 году. Въ надписи Евфимія называетъ себя дьщи гїами кесара воихне дежещаго ѯдѣ, иногдаже деспотица [2]. По изслѣдованію Я. и П. Шафариковъ, открывается, что покровъ на гробницѣ Лазаря въ Раваницѣ (Врьдникѣ, въ Сремѣ) принадлежитъ одной и той же Евфиміи, дочери Войхны, бывшей въ замужствѣ за Углешею, сначала цесаремъ, а потомъ деспотомъ, наслѣдовавшимъ послѣ тестя его земли: Драму, Сѣръ и окрестности ихъ въ Македоніи до Солуна. По смерти мужа, она призрѣна была Лазаремъ: по этому она, изъ благодарности, и вышила покровъ на его раку и въ вышитой тутъ же надписи говоритъ: телесно бо странноую мене вь страныхь окрьмитель еси изобилно. Къ тому же времени относится грамота Стефана Лазаревича, данная имъ Дубровнику въ подтвержденіе прежнихъ торговыхъ и судебныхъ укладовъ. Она отмѣчена 2-мъ декабря 1405 года (С. № 90). Въ ней мать Стефана называется уже святопочившею кира-Евфросиніею. Она скончалась 2 ноября того же года [3]. Въ 1408 году Вукъ Лазаревичъ поднялся на Стефана, требуя себѣ половины отцовскаго наслѣдія, и въ то же время съ Турками, которымъ обѣщалъ покорность, и Юріемъ Вуковичемъ въ два похода опустошилъ Сербію. При посредничествѣ Сигизмунда братья помирились, раздѣливъ Сербію пополамъ. Въ 1410 г. Муса, державшійся въ Валахіи, явился въ Малую Азію противъ Сулеймана. За него стояли Лазаревичи и Бранковичи; но наканунѣ сраженія всѣ они, за исключеніемъ Стефана, перешли къ Сулейману, за котораго былъ и Мануилъ. Муса проигралъ битву и бѣжалъ въ Европу. Сдѣсь въ Адріанополѣ попались ему въ руки Лазаревичи и Бранковичи, отпущенные домой Сулейманомъ. Всѣ они, кромѣ Юрія Вуковича, были преданы смерти. Погибли: Юрій, сынъ уже умершаго Григорія Вуковича, Лазарь Вуковичъ, Вукъ и Лазарь Лазаревичи. Сербскіе лѣтописцы единогласно отмѣчаютъ это печальное событіе 1410-мъ годомъ [4]. Но съ общими показаніями лѣтописцевъ и историковъ несогласна грамота всѣхъ трехъ Вуковичей и матери ихъ, Мары, дан

[1] Памятники, N XX.

[2] Гласникъ, ч. V. Завѣса, находившаяся при царскихъ вратахъ въ Сербской Хиландарской лаврѣ привезена въ Бѣлградъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими грамотами, архимандритомъ той лавры, Онуфріемъ Поповичемъ.

[3] Шафар., Памятн., стр. 75. — Arkiv za povjestn. Jugoslav., III, стр. 17.

[4] Шафар., Памятн., стр. 75. — Черногорскій списокъ (ркп.). — Arkiv za povjestn. Jugoslav., III, стр. 17. — Гласникъ, ч. V, стр. 98.

ная въ 1413 году, 3 октября (С. № 175). Въ этой грамотѣ Григорій, Юрій и Лазарь, съ своею матерью, даютъ Святопавловскому Аѳонскому монастырю нѣсколько селъ и 20 литръ серебра ежегоднаго жалованья. По свидѣтельству этой грамоты, все семейство Вука было еще живо въ 1413 году [1]. Но скорѣе надобно думать, что годъ въ грамотѣ выставленъ невѣрно (вѣроятно, ошибся переписчикъ). Тѣ же Вуковичи съ матерью своею, Марою, дали 29 декабря 1405 года, Дубровничанамъ грамоту, которою подтверждали запись царя Стефана, князя Лазаря и родителя своего, Вука (С. № 91). Въ слѣдующемъ 1407 году опять находимъ грамоту Мары съ сыновьями, Григоріемъ, Юріемъ и Лазаремъ, объ отдачѣ въ пользу Хиландарской больницы Хотченскаго торга, съ правомъ свободнаго хожденія на этотъ торгъ для всякого, кто только захочетъ, для Сербина, Латынина, Турка (Гр., стр. 52, № 30). Муса по тому оставилъ въ живыхъ Юрія, что видѣлъ въ немъ заклятаго врага Стефану. И дѣйствительно, въ 1411 г., по убіеніи Сулеймана, Муса съ Юріемъ Вуковичемъ вторгся въ Сербію, требуя для Юрія участка Вука Лазаревича; но съ помощію Сигизмунда и Сандала онъ былъ изгнанъ. Поссорившись съ Мусою въ 1412 г., Юрій помирился съ Стефаномъ. За то Муса вступилъ въ Сербію, разбилъ Стефана и опустошилъ страну; потомъ обратился на Византію. Тогда Мануилъ, боясь его могущества, выставилъ ему соперника — четвертаго Баязидива сына, Магомеда. При рѣкѣ Искрѣ, въ Булгаріи, Муса былъ разбитъ и задушенъ, въ 1413 г. Въ благодарность, Магомедъ утвердилъ Стефана деспотомъ надъ Сербіею и не тревожилъ его земель, довольствуясь одною данью. Въ 1422 году умеръ Магомедъ. Стефанъ могъ бы теперь ударить на Турокъ въ Европѣ; но онъ остался вѣренъ клятвѣ, данной Магомеду и его дѣтямъ. Съ его помощію воцарился Мурадъ. Передъ своею смертью, Стефанъ завѣщалъ Сербію Юрію Вуковичу Бранковичу и заключилъ договоръ съ Сигизмундомъ, по которому Сербія признавала верховную власть Угріи. Въ этомъ же договорѣ мы впервые видимъ мысль Сербскихъ владѣтелей—упрочить себѣ мѣстопребываніе въ Угріи чрезъ промѣнъ Сербскихъ городовъ на Угорскіе [2]. Стефанъ скончался 1427 года, 19 іюля, въ субботу, въ 3-мъ часу дня, какъ свидѣтельствуетъ его Житіе [3]. Въ годѣ его смерти между историками есть разногласіе. Съ Житіемъ сходятся Цароставникъ и лѣтописи [4]. Въ 1411 году имъ дана была другая грамота Хиландару (А. № 17) по случаю надачи этой лавры селами, лежащими около Новобьрда. Наконецъ, въ благодарность Богу за наступившія мирныя времена, онъ далъ еще грамоту Хиландару, возобнововивъ ею Новобьрдскій доходъ, 100 литръ серебра, въ пользу лавры (А. № 16). Къ этому же времени деспотства его относится грамота, въ которой онъ даритъ Милешевскому монастырю пять селъ въ Моравицахъ (С.-Д. М. 1844). Стефанъ подписывался: **Млтїѫ бжїєю гнь всемь срьблемь и поморию и подѹнанскыимь странамь деспоть Стефань.** Утомленный народъ былъ доволенъ временнымъ спокойствіемъ и благословлялъ Стефана, а Стефанъ былъ доволенъ тѣмъ, что не нарушилъ клятвы султанамъ. Странный былъ образъ дѣй-

---

[1] У Григоровича, по ошибкѣ, выставленъ 1424 г. (Путеш., стр. 25, N 4).

[2] Въ этомъ отношеніи важна договорная грамота, приводимая Енгелемъ въ Gesch. v. Serv. u. Bosn., на стр. 370.

[3] Рукопись. См. Введеніе, стр. 51.

[4] Шафар., Памят., стр. 73, 76. — Черногорскій списокъ (ркп.). — Гласникъ, ч. V., стр. 99. — Arkiv za povjestn. Jugoslav., III, стр. 18.

ствій Стефана. Судьба въ высшей степени благопріятствовала Сербіи; но Стефанъ не умѣлъ, или не хотѣлъ пользоваться обстоятельствами. Ни при отцѣ его, Лазарѣ, ни при преемникѣ его, Юріи, не было у Турокъ такихъ усобицъ, какъ при немъ. Косовская битва еще была свѣжа въ памяти народной; Сербы еще не успѣли привыкнуть къ мысли о подданствѣ иноплеменникамъ: все вело къ тому, чтобы поправить неудачу Лазаря. Но Стефанъ дорожилъ благоволеніемъ султановъ, не замѣчая того, къ чему вело это благоволеніе. Въ немъ проявилась мысль, не могшая прійти истинному потомственному государю, мысль чуждаго покровительства. Мы видѣли, что и въ Боснѣ, въ родѣ бояръ Храничей, стала обнаруживаться эта мысль, затруднявшая дѣйствія верховной власти и, можетъ быть, служившая одною изъ главнѣйшихъ причинъ покоренія этой страны Турками. Такъ и теперь сынъ бывшаго боярина, видя противъ себя Бранковичей, не рѣшается одинъ дѣйствовать противъ нихъ, но прибѣгаетъ къ дружбѣ Турокъ, охотно выдаетъ себя за ихъ клятвенника и употребляетъ противъ врага средство, отстраняющее всякую самостоятельность,— жалобу. Турки рады были рѣшить дѣло въ пользу того, кто имъ жаловался и такимъ образомъ добровольно признавалъ ихъ рѣшителями судьбы народа и верховными властителями Сербіи. Въ этомъ поступкѣ виденъ тотъ самый бояринъ, какихъ встрѣчаемъ мы послѣ преобразованія Душанова, — бояринъ личный, честолюбивый, крамольный, не могшій подняться до высшихъ взглядовъ истиннаго государя, жертвовавшій себялюбивымъ видамъ независимостію народною. Таковы были и другіе Лазаревичи; таковы были Бранковичи и самъ Вукъ Бранковичъ. По смерти послѣдняго, Стефанъ былъ обезпеченъ въ своемъ господствованіи; но и тутъ не рѣшился онъ возвратить Сербіи прежнюю ея независимость. Попытокъ къ этому съ его стороны мы не видимъ. Онъ спокойно оставался подручникомъ и данникомъ Турціи. Что связывало его?—мы не знаемъ. Родственные споры не могли удерживать его, ибо противники были слабѣе его и притомъ чаще были въ союзѣ и мирѣ съ нимъ, чѣмъ во враждѣ. И въ этѣ благопріятныя минуты судьба Европейскихъ Турокъ не разъ находилась въ его рукахъ; но онъ, какъ вѣрноподанный, самъ возводилъ султановъ и самъ же кланялся имъ; когда Турки бились съ христіанами, тогда и онъ бился за Турокъ. Однажды только оставилъ онъ невѣрныхъ, но не болѣе, какъ за личное оскорбленіе. Побѣда подъ Триполемъ, кажется, должна бы была вразумить его. И какъ много могъ бы онъ сдѣлать для Сербіи во время Турецкихъ смутъ; но онъ ограничился тѣмъ, что отъ одного султана переходилъ къ другому, между тѣмъ, какъ легко могъ бы, вмѣстѣ съ Мануиломъ и Сигизмундомъ, совершенно изгнать Турокъ изъ Европы. Наконецъ обмѣнъ Сербскихъ городовъ Угорскими ясно показываетъ, что Стефанъ думалъ о себѣ одномъ, а не о народѣ, берегъ себя, а не Сербію. Но не смотря на то, онъ умѣлъ на время примирить личныя правила съ выгодами народа. Чрезъ свое постоянство и преданность онъ снискалъ довѣріе султановъ и доставилъ временное спокойствіе отечеству. Конечно, этотъ плодъ, въ жертву которому онъ принесъ однажды навсегда независимость Сербіи, не могъ быть прочнымъ; онъ имѣлъ значеніе только временное до тѣхъ поръ, пока у Турокъ продолжались усобицы: стоило имъ успокоиться, и Турки показали, что настоящимъ плодомъ дѣйствій Стефана воспользовались они же сами, а не Сербы. Но Стефанъ не дожилъ до этого времени и тѣмъ спасъ въ народѣ свою добрую славу. Неудачную политику, которой послѣдствія еще не успѣли обнаружиться при немъ, онъ замѣнялъ своимъ благочестіемъ,

добрыми дѣлами и улучшеніемъ народнаго благосостоянія. Народъ, довольный настоящимъ, оплакивалъ его, какъ отца и благодѣтеля, и величалъ святымъ.

То же себялюбіе, то же отчужденіе отъ народа, ту же недальновидность видимъ въ дѣйствіяхъ Юрія Бранковича. Къ этимъ качествамъ должно еще присоединить и перемѣнчивость, столько вредившую и самому Юрію и его народу. Но Юрія не должно обвинять болѣе, чѣмъ Стефана. Ему трудно уже было поправить дѣло, испорченное предшественникомъ; и если онъ не успѣлъ въ этомъ, то, по крайней мѣрѣ, въ немъ надобно признать стремленіе, противуположное стремленію Стефана: онъ всегда имѣлъ въ виду отпаденіе отъ Турціи. Не добрая воля, а обстоятельства заставляли его дѣйствовать такъ, а не иначе. Не столько онъ служитъ виною тому, что случилось при немъ, сколько его предшественникъ: рано, или поздно Турки непремѣнно покорили бы Сербію, если уже начало, сдѣланное Стефаномъ, было столь благопріятно для нихъ. Мурадъ, возвратившійся въ Европу и недовольный обѣщаніемъ дани, предъявилъ свои права на Сербію, какъ сынъ Баязида, женатаго на одной изъ дочерей Лазаря, и, въ два похода опустошивъ Сербію, принудилъ Юрія выдать за себя дочь, Мару, въ 1431—1432 г. Уже тогда Юрій видѣлъ, что дѣло Сербіи проиграно безвозвратно, и спѣшилъ промѣномъ Бѣлграда на нѣсколько Угорскихъ городовъ приготовить себѣ безопасное убѣжище въ Угріи. Это произвело тяжелое впечатлѣніе на народъ. Чтобы разсѣять его, Юрій объявилъ себя деспотомъ въ 1435 г. и вѣнчался короною, присланною отъ Іоанна Палеолога. Доселѣ онъ называлъ себя просто господиномъ Сербіи и писался: **гнь срьблѥмь и поморїю и подѹнавию**. Деспота Стефана онъ величалъ своимъ родителемъ (Ср. С. №№ 111, 137). Въ отмщеніе, Султанъ осадилъ Смедерево, столицу Юрія. Пока Юрій ходилъ въ Угрію просить помощи у Алберта, Смедерево было взято; другіе города сдавались Туркамъ; два сына его находились въ рукахъ Мурада. Въ отчаяніи, Юрій скитался по приморскимъ городамъ. Въ 1441 г. былъ въ Дубровникѣ и оставилъ сдѣсь на сохраненіе богатѣйшій вкладъ: золота 118 литръ, 9 унцій, 10 аксагъ; серебра гламы 340 литръ, 11 унцій, 1 аксагу; серебра бѣлаго 1997 литръ, 6 унцій, 3 аксаги; 1000000 аспръ, въ коихъ было 10533 литры, 2 унціи, 3 аксаги серебра, и множество золотыхъ и серебряныхъ утварей. Въ случаѣ смерти, онъ завѣщалъ его супругѣ, Иринѣ, и тремъ сыновьямъ (С. № 139). Потомъ, какъ бы очнувшись, онъ перебрался снова въ Угрію и сдѣсь заключилъ союзъ съ королемъ Владиславомъ. Всѣ трое, Владиславъ, Юрій и Гунядъ, воевода Ердельскій, вступили съ войскомъ въ Сербію и въ шести битвахъ поразили Турецкое войско, въ 1443 г. Мурадъ принужденъ былъ просить мира; онъ обѣщалъ не переходить за Дунай, отдалъ назадъ всѣ Сербскіе города и за собой оставилъ одну Булгарію. Вмѣстѣ съ тѣмъ Юрію были возвращены оба его сына, но уже лишенные зрѣнія. Съ этой поры Юрій вдругъ перемѣнилъ свой образъ дѣйствій. Кажется, удача противъ Турокъ должна бы была привязать его еще болѣе къ Угріи, а между тѣмъ онъ сталъ дѣйствовать на оборотъ. Онъ не принялъ участія въ несчастномъ Варнскомъ дѣлѣ (1444 г.) и не пустилъ черезъ свои земли Скандербега, за что послѣдній жестоко отплатилъ ему; когда Гунядъ шелъ на Мурада, чтобы отмстить за смерть Владислава, Юрій увѣдомилъ объ этомъ Султана и не помогъ Гуняду; онъ даже схватилъ Гуняда, бѣжавшаго послѣ пораженія на Косовомъ полѣ, въ 1448 г. Этотъ поступокъ съ Гунядомъ навлекъ на него гибельныя послѣдствія, поставивъ его между двухъ огней. Султанъ мстилъ за освобожденіе Гуняда опустошеніемъ пограничной Сербіи, а Гунядъ

мстилъ за свой плѣнъ присвоеніемъ всѣхъ Юрьевыхъ владѣній въ Угріи. Въ 1451 г. умеръ Мурадъ. Ему наслѣдовалъ сынъ его, Магомедъ, который также поспѣшилъ объявить свои права на Сербію, ибо отецъ его былъ женатъ на Марѣ. На первый разъ походъ въ Азію заставилъ его благосклонно принять поздравленіе Юрія. Но послѣ взятія Царьграда, въ 1453 г., Магомедъ рѣшился оружіемъ доказать свои права на Сербію. Когда онъ вступилъ въ Сербію, Юрій былъ въ Угріи и искалъ себѣ помощи. Узнавъ о приближеніи союзниковъ, Магомедъ воротился въ Адріянополь, оставивъ одного Ферисбега при Крушевцѣ. Сдѣсь нашли Ферисбега союзники и разбили на голову. Магомедъ снова собрался на Сербію, и Юрій снова просилъ помощи: ему предлагали ее подъ условіемъ перемѣны вѣры; но онъ отказался. Въ 1456 году Юрій умеръ, будучи раненъ въ схваткѣ съ Силагіемъ, который мстилъ ему за коварное убіеніе брата. Изъ краткаго очерка дѣятельности Юрія мы можемъ замѣтить, что Юрій дѣйствовалъ весьма двусмысленно; но онъ поступалъ такъ, какъ поступаютъ всѣ, находясь въ подобномъ положеніи. Поставленный между двухъ сильныхъ враговъ, онъ держался серединной политики, угождалъ и вредилъ тому и другому. Зачѣмъ, спрашиваютъ, не сталъ онъ твердо при богатыряхъ Кастріотѣ и Гунядѣ? Но первый могъ одолѣвать Турокъ только у себя дома, въ горахъ, а второй не всегда оставался побѣдителемъ, и, главное, дѣйствовалъ отъ лица Угріи и за Угрію. Албанія была слишкомъ мала, чтобы притянуть къ себѣ всю Сербію, а Угрія имѣла на Сербію виды не менѣе враждебные, чѣмъ виды Порты. Притомъ счастіе колебалось между тою и другою стороною, и Сербія, лежавшая въ срединѣ, являлась первою жертвою мести побѣдителей. Но если основаніе образа дѣйствій Юрія оправдывается обстоятельствами, то самый способъ примѣненія его заслуживаетъ порицанія. Юрій дѣлалъ все не во время, неудачно, не умѣлъ пользоваться обстоятельствами; увертываясь, онъ всегда попадалъ въ просакъ. По крайней мѣрѣ, онъ не служилъ въ Турецкомъ войскѣ, не бился за Турокъ, не подчинилъ Сербію Угріи и умѣлъ спасти ее на время отъ совершеннаго порабощенія. Но если онъ, какъ правитель и государственный мужъ, не заслуживаетъ порицанія болѣе, чѣмъ Стефанъ, то, какъ человѣкъ, онъ стоитъ гораздо ниже Стефана. Родъ Лазаря отличался спокойствіемъ и прямотою дѣйствій; родъ Бранковичей, начиная съ самого Бранка, бѣжавшаго по какой-то крамолѣ въ Булгарію, отличается безпокойствомъ, лживостію и крамольностію; Лазарь и Стефанъ, по крайней мѣрѣ, по указаніямъ Исторіи, не первые подымались, не первые начинали происки, хотя средства, ими употребляемыя, не отличались отъ средствъ другихъ бояръ. Если Стефанъ чрезъ жалобу Портѣ на Вука и погубилъ этого послѣдняго, однако въ дѣйствіяхъ своихъ онъ все же таки былъ открытѣе, благороднѣе и простодушнѣе; Вукъ и Юрій, напротивъ того, являются настоящими боярами крамольниками, подыскивающими подъ другими, сильнѣйшими ихъ боярами, Лазаремъ и его родомъ, и не обращающими вниманія на гибельныя послѣдствія ихъ подысковъ. Юрій выдается, какъ послѣдній представитель того новаго боярства, которое, порознивъ свои выгоды съ выгодами страны и сословія, распалось на личности, стремившіяся къ удовлетворенію своихъ собственныхъ выгодъ. Онъ былъ чуждъ правдивости и не любилъ отечества. Вся его дѣятельность при Стефанѣ, до ихъ примиренія, основывалась на личной его непріязни къ Лазаревичамъ и явно клонилась ко вреду Сербіи. Какъ отецъ его былъ причиною паденія Сербской самостоятельности послѣ Косов-

ской битвы, такъ онъ своими крамолами мѣшалъ ея возстановленію. Можетъ быть, онъ связывалъ руки Стефану для рѣшительныхъ дѣйствій противъ Турокъ; онъ скорѣе всего заставлялъ Стефана твердо держаться султановъ, какъ единственнаго источника силы. Но это не ослабляетъ сказаннаго нами выше о Стефанѣ. Не слишкомъ ли Стефанъ боялся своихъ внутреннихъ непріятелей; не увлекался ли чрезъ мѣру мнимою самостоятельностію; не уважалъ ли болѣе, чѣмъ сколько слѣдовало, своихъ подданническихъ обязанностей относительно поработителей своего отечества, и не цѣнилъ ли чрезчуръ временное спокойствіе, о которомъ самъ онъ говоритъ, какъ о вождѣленномъ? — на все это приходится намъ отвѣчать утвердительно. И такъ виноваты оба: и Стефанъ и Юрій. Равномѣрно поступокъ Юрія съ Гунядомъ должно приписат личнымъ отношеніямъ Юрія къ Гуняду. Дочь Юрія была за Ульрихомъ Цильскимъ, заклятымъ врагомъ Гуняда; по этому очень возможно, что Юрій поступилъ такъ по наущенію графовъ Цильскихъ. Дѣйствительно, въ договорѣ съ Гунядомъ мы видимъ условіе, которое лишало послѣдняго возможности мстить графамъ Цильскимъ: въ силу этого условія сынъ Гуняда долженъ былъ жениться на дочери Ульриха. Въ послѣдствіи, по наущенію тѣхъ же графовъ Цильскихъ, Юрій покушался на жизнь Силагіевъ, шурьевъ Янка Гуняда, — и этотъ новый поступокъ окончательно объясняетъ его прежній поступокъ съ самимъ Гунядомъ. Смерть одного изъ Силагіевъ ознаменовала послѣдніе дни девяностолѣтняго Юрія. Въ этомъ старцѣ—деспотѣ виднѣлся тотъ же крамольный бояринъ, какимъ былъ его отецъ и онъ самъ въ своей молодости. Отъ Юрія хранится на Аѳонѣ нѣсколько грамотъ. Въ одной, 1429 г., онъ подтвердилъ хрисовулъ «своего отца, деспота Стефана» на право владѣнія 70-ю селами въ Браничевѣ, Кучевѣ и Мачвѣ, данное великому челнику Радичу; а въ другой, 1430 г., подтвердилъ, съ супругою Ириною, грамоту деспота Стефана, данную Радичу на обладаніе церковью на р. Грабовницѣ и 5-ю селами. Тотъ же Радичъ написалъ отъ себя, въ 1433 г., грамоту на возобновленіе монастыря Костамонита, гдѣ между прочимъ говоритъ, что игуменъ долженъ имѣть при себѣ совѣтъ изъ 6 старцевъ (Гр., стр. 74, №№ 1, 2, 3). Дубровничане два раза получили отъ него подтвержденіе своихъ торговыхъ правъ, въ первый разъ въ 1428 г., 13 дек., во второй въ 1445 г., 17 сент. (С. №№ 111, 137). Сверхъ того онъ позволилъ имъ свободно по всей Сербіи, кромѣ Смедерева, торговать серебромъ, покупать и отвозить его въ Дубровникъ (С. № 137). Авраамовичъ подробно описываетъ современное изображеніе Юрія съ супругою Ириною, сыномъ Григоріемъ и дочерью Марою, сдѣланное на одной грамотѣ, которою Деспотъ, по возвращеніи своемъ изъ Святой Горы, въ 1430 г., записалъ монастырю Свигмену 50 литръ серебра годичнаго жалованья [1]. Юрій подписывался: Млтїю бжїею Гнь Срблемъ Деспотъ Гюргъ.

Тотчасъ по смерти отца, Лазарь Юрьевичъ, прогнавши двухъ старшихъ слѣпыхъ братьевъ и отравивши мать, объявилъ себя деспотомъ; но вскорѣ умеръ въ 1458 г. въ то время, когда Магомедъ вступилъ въ Сербію. Григорій умеръ въ монашествѣ; его сынъ, Вукъ Змѣевичъ, прославилъ себя богатырскими подвигами и былъ въ послѣдствіи деспотомъ надъ Австрійскими Сербами. Стефанъ тщетно пытался объявить себя деспотомъ въ Сербіи и Сремѣ. Бо́льшую часть своей жизни онъ провелъ въ скитальчествѣ. Онъ былъ женатъ на Ангелинѣ, дочери Арванита, владѣтеля Зетскаго и брата Ивана Черноевича.

---

[1] О. Д. С. у С. Г. 1847. Стр. 67.

Отъ нея имѣлъ двухъ сыновей, Юрія и Ивана. Отъ Лазаря и Стефана мы имѣемъ по одной грамотѣ (С. №№ 146, 147). Первый въ 1457 г., 12 авг., второй въ томъ же году, 14 дек., свидѣтельствуютъ, что вполнѣ получили отъ Дубровничанъ каждый свою часть, состоявшую изъ 200 литръ золота, оставшагося отъ вклада, положеннаго ихъ родителемъ и обратно имъ взятаго. Оба они именуются деспотами. Также отъ Ангелины осталась одна грамота, 1495 г., 3 ноября, въ которой сказано, что по примѣру дѣда, деспота Юрія, обновившаго Святопавловскій Аѳонскій монастырь съ храмомъ ев. Георгія, она съ сыновьями своими, деспотами Юріемъ и Иваномъ, пожертвовала упомянутому монастырю 500 златыхъ ежегоднаго вклада (С. № 178). Подпись: **Въ хр҃та бг҃а благочтивн и хртолюбиви Гпогя Дєпотица Аггелина и Деспотъ Георгие ї Деспотъ Иωанъ.** Грамота писана въ Куникникѣ. Чрезъ четыре года уже одинъ Иванъ съ матерью давалъ грамоту монастырю Свигмену изъ того же города. Хотя онъ здѣсь именуетъ себя деспотомъ, какъ и всѣ прочіе родичи бывшихъ деспотовъ, однако онъ выражаетъ только надежду сдѣлаться, при помощи Божіей, господиномъ надъ Сербами, и въ этой надеждѣ беретъ подъ свое покровительство Свигменъ, обѣщая впредь ежегодно поддерживать и награждать его согласно съ грамотою дѣда своего, Юрія. Подпись: **милостїю божїю госпогя деспотица Аггелина:. и снъ нашъ милостїю божїю деспотъ Їωанъ:.** (Г. V). Братъ его, Юрій, былъ уже въ это время постриженъ въ иноческій санъ подъ именемъ Максима. Послѣ этого постриглась и Ангелина. Іоаннъ принялъ деспотство въ 1500 г., а умеръ въ 1502 г., декабря 10.

Между тѣмъ въ Сербіи оставалась деспотица Елена, вдова Лазаря Юрьевича, дочь Ѳомы Палеолога и сестра Русской царицы Софіи [1]. Она всячески пыталась удержаться въ Сербіи; но ни родство съ Стефаномъ Томашевичемъ, за которымъ была ея дочь, ни союзъ съ Матвѣемъ Корвинымъ, ни подчиненіе Сербіи папѣ, ни коварное убіеніе Абоговича, не спасли Сербію отъ Турецкаго ига. Въ 1459 году Магомедъ совершенно покорилъ Сербію Турецкой власти. Елена скиталась по Далмаціи и Италіи и умерла монахинею въ въ 1474 году, 7 ноября [2]. Мы имѣемъ грамоту деспотицы Елены (А. № 20), отмѣченную 11-мъ іюня ҂з҃—і (1502) года. Какъ видно, годъ написанъ въ подлинникѣ довольно неясно; но уже первая буква, если только она написана вѣрно, приводитъ къ 1492 году. Во всякомъ случаѣ между Исторіею и грамотою есть противорѣчіе. Въ этой грамотѣ Елена обѣщаетъ жертвовать ежегодно Хиландару 100 червонцевъ. Подписывается: **въ х҃а б҃а благоврьнꙗ гпгя Єлена мл҃тию бжїею деспотица срьблємь.**

Разсѣявъ Бранковичей, Магомедъ выгналъ изъ своего дворца Мару, супругу Мурада, давши ей для жительства Ежево близъ Святой Горы. Отсюда Мара писала Дубровнику извѣстныя уже намъ грамоты (С. №№ 165, 166, 167); отсюда также дала она, въ 1479 году, 15 апр., грамоту, въ которой доходъ Святоархангельской Ерусалимской церкви, 1000 перп., перевела въ Святогорскіе Сербскіе монастыри, Хиландаръ и ев. Павла (Г. Б). Такъ какъ это распоряженіе она сдѣлала на основаніи грамоты царя Стефана (Уроша V), то Енгель, не могши узнать изъ ея грамоты, о какомъ именно Стефанѣ говоритъ она, назвалъ этого Стефана Душаномъ; но напечатанная рядомъ съ этою грамотою грамота Стефа-

---

[1] По свидѣтельству Бранковича, у Ранча, ч. III, стр. 250.—Dufresne, Famil. Dalm. et Slavon., гл. V, § XII. — Ср. Карамзина, Исторія Государства Россійскаго, т. VI, гл. II.
[2] Dufresne, Famil. Dalm. et Slavon., гл. V, § XII. За нимъ Ранчъ и Енгель.

на Уроша V· показываетъ, что Мара разумѣетъ сдѣсь сына Душанова, Уроша V. Она подписывается: **Соултана цра Амурата црца Мара дъщи Гюргиа деспота.** Въ 1501 году посланные отъ обоихъ Святогорскихъ монастырей жаловались Портѣ, «что нѣкая злая жена волшебствомъ» прекратила Дубровницкій доходъ, назначенный имъ царицею Марою. Визирь совѣтовалъ Дубровничанамъ платить, по прежнему, установленный доходъ; иначе грозилъ довести это дѣло до свѣдѣнія султана (С. № 173). Доходъ былъ возстановленъ. Это видно изъ того, что въ 1544 г. два іеромонаха, довѣренные отъ обоихъ монастырей, дали расписку Дубровничанамъ въ полученіи сполна всѣхъ денегъ, слѣдовавшихъ за два, еще не очищенные, года, 1542-й и 1543-й (С. № 174).

Когда Юрій Бранковичъ просилъ помощи у Запада, ему обѣщали ее подъ условіемъ перемѣны вѣры. Юрій не принялъ такого условія. Когда деспотица Елена подчинила Сербію папской власти, народъ возсталъ и избралъ деспотомъ сторонника Порты, Абоговича. Такъ сильно сказывались въ Сербахъ народное чувство и привязанность къ основѣ народности—вѣрѣ. И Сербія безъ сопротивленія подчинилась Турціи. Невозможно было долѣе отстаивать государственную независимость даже въ той слабой степени, въ какой она доселѣ проявлялась: пришлось выбирать того, или другаго повелителя. Одинъ обѣщалъ защиту отъ невѣрныхъ и льстилъ вещественнымъ благосостояніемъ, но втайнѣ готовился наложить руку на всѣ коренныя основы народной жизни: другой грозилъ опустошеніемъ, утверждалъ всюду свою произвольную власть, но не обращалъ вниманія на народный бытъ, не касался ни вѣры, ни языка, ни обычаевъ. Сербы выбрали послѣдняго, и Турки поставили надъ ними свои власти со всѣми ихъ мельчайшими подраздѣленіями. Чего не достигало Западное духовенство различными притѣсненіями, того достигла Турецкая власть безъ всякого усилія. Много народу приняло исламизмъ и отуречилось. Первые начали бояре, желавшіе черезъ отступничество отъ вѣры сохранить свое вліяніе на народъ, пріобрѣсти съ помощію Турецкой народности богатство и значеніе. За ними послѣдовали и прочія сословія. Болѣе всѣхъ отуречилась Босна, гдѣ не было противодѣйствія магометанству; гдѣ постоянная вражда православныхъ, патареновъ и католиковъ рознила нравственныя силы народа, ослабляла духовенство и мѣшала основанію монастырей. За нею слѣдовала Герцеговина, которая сильнѣе Босны стояла за православіе и съ юга поддерживалась Черногорцами. Наконецъ всѣхъ менѣе отуречилась собственная Сербія. Въ нее не проникалъ католицизмъ и не ослаблялъ въ ней дѣйствія православія; средоточіе Турецкой стихіи, Бѣлградъ, не былъ для нея средоточіемъ; у нея оставались сильное вліяніемъ и многочисленное духовенство и патріархъ; она наполнена была монастырями, и средоточіемъ ея народности была гористая страна, древняя Дарданія, гдѣ находилась столица патріаршества и куда не проникла чуждая стихія [1]. Не касаясь народности, Порта незамѣтно достигла того, что цвѣтъ Турецкаго войска, янычаре, были почти всѣ Славяне, ревностные поборники славы Турецкаго оружія и иступленные поклонники Корана. Но между тѣмъ, какъ часть Сербовъ перерождалась, другая, бо̀льшая, таила въ себѣ искру народной жизни, народнаго чувства. Она помнила, что Сербы поддались Турціи по тому только, что бояре или главари, захватившіе подъ конецъ верховную власть, не успѣли сберечь

---

[1] См. статью Спаситя: «Нешто о нашой цркви подъ Турскимъ владѣніемъ». Гласникъ, ч. I. 1847.

и защитить этой власти и, ослабивъ страну крамолами, выдали ее пришлымъ завоевателямъ; она исподоволь крѣпла въ вѣрѣ и народности. Какъ павшая имперія служила прежде образцомъ государственной порчи, такъ теперь Черногорія служила примѣромъ доблестной защиты отечества и всего роднаго. И изъ этой части Сербскаго народа выходили порою богатыри, поддерживавшіе воинственный духъ своихъ земляковъ и питавшіе въ нихъ непримиримую вражду къ своимъ Азіатскимъ поработителямъ. На нихъ любила отдыхать народная мысль, и на нихъ останавливалась народная поэзія. Сербія имъ обязана своими юнацкими пѣснями. Отважные храбрецы бились не за всю Сербію и не противъ всей Турціи, ибо это было еще рано; а бились они одинъ на одинъ для того только, чтобы не заглохла въ нихъ ненависть къ Туркамъ, а съ нею и чувство независимости. И Сербы, слагая пѣсни про своихъ витязей, дождались наконецъ пѣсней про Георгія Чернаго и Милоша Обреновича, когда дѣло шло уже объ освобожденіи всей Сербіи и торжествѣ православія. Въ дѣлѣ обновленія не могло быть мѣста ничему старому, испорченному. Прежній владѣтельный родъ Неманичей давно уже исчезъ; старинные боярскіе роды, своими крамолами сгубившіе отечество, выдавшіе народъ и не сумѣвшіе усидѣть на престолѣ, сходятъ съ поприща общественной дѣятельности, бѣгутъ въ чужія земли, или отуречиваются. На ихъ мѣстѣ вождями народа являются новыя лица, вышедшія изъ самого низкаго сословія, но личными подвигами стяжавшіе себѣ славу и общее уваженіе: то—жители горъ, пастухи, айдуки. Таково новое Сербское боярство, если можно такъ назвать его. Вмѣстѣ съ нимъ увѣнчалось славою духовенство, которое, въ дѣлѣ народности и освобожденія, дѣйствовало столько же словомъ, сколько и оружіемъ, и по совершеніи начатаго дѣла, послѣ брани, смиренно возвратилось къ своимъ мирнымъ пастырскимъ занятіямъ [1].

Была еще третья часть Сербовъ, которая захотѣла лучше покинуть родину, чѣмъ подпасть подъ иго невѣрныхъ. Совершено было нѣсколько переселеній за Дунай. Одни перешли въ Сремъ, другіе въ Бачку и Банатъ, третьи подъ самый Пештъ. Угорское, а потомъ Австрійское правительства обѣщали имъ сохраненіе вѣры, языка и народности и дали имъ разныя льготы, какъ-то, освобожденіе отъ десятины и пр. За то Сербы не жалѣли своей жизни въ общемъ дѣлѣ Нѣмцевъ и Угровъ. Они прославились болѣе тѣхъ, за кого сражались. Имена Вука Змѣевича, Димитрія Якшича, князя Павла Бранковича, Павла Бакича и многихъ другихъ покрылись въ Турецкихъ войнахъ неувядаемою славою вмѣстѣ съ именами Хорватскихъ защитниковъ, Шубичей, Берислова, Зринія, Алапича и другихъ. Но Сербы не нашли того, что думали найти, переселяясь за Дунай. Главныя усилія ихъ западныхъ противниковъ были устремлены на вѣру и языкъ. Извѣстнѣе прочихъ страшныя нападенія Седмиградскихъ Кальвинистовъ при митрополитѣ Савѣ (1656—1686), который не избѣжалъ даже тѣлеснаго насилія, поруганія и тюремнаго заточенія [2]. Въ послѣдствіи, по утвержденіи въ Австріи вѣротерпимости, предметомъ непріязненныхъ дѣйствій сталъ Сербскій языкъ: хотѣли, чтобы въ школахъ Сербы не учились Церковнославянскому языку, который названъ былъ «мертвымъ и без-

[1] См. В. С. Караджича о войнѣ Сербовъ съ Даями, въ «Данницѣ» 1828 года и «Илирскихъ Новинахъ» 1841 года. Нѣсколько другихъ источниковъ напечатано въ тѣхъ же изданіяхъ, а также въ Голубицѣ, Гласникѣ и пр.

[2] Дѣйствія и судьба Савы подробно описаны его братомъ, Юріемъ Бранковичемъ. Сокращеніе сдѣлано Раичемъ въ его Исторіи (ч. IV, стр. 64 и слѣд.)

полезнымъ[1]», но чтобы образованіе ихъ совершалось на языкѣ Илирскомъ, смѣси всѣхъ нарѣчій Илирскаго говора, и чтобы во всѣхъ прочихъ книгахъ, кромѣ церковныхъ, употреблялась азбука латинская. Въ этомъ постановленіи таились дальнѣйшіе виды на православную вѣру и Сербскій языкъ. Но усилія митрополита Моисея Путника и директора Янковича, достигли того, что употребленіе Кириловскихъ письменъ было допущено «на неопредѣленное время[2]». Еще разрушительнѣе дѣйствовали враги на самостоятельность Сербскихъ поселеній за Дунаемъ. Сдѣсь Сербы оставались при своихъ деспотахъ, которые избирались ими сначала изъ рода Бранковичей, потомъ изъ другихъ родовъ. Послѣднимъ ихъ деспотомъ былъ Юрій Бранковичъ, первый Сербскій историкъ[3], коего имя связано съ именами Петра Великаго и Сербскихъ патріарховъ Максима и его преемника, Арсенія Черноевича, мужественно отстаивавшихъ вѣру и народность Сербовъ, поддерживавшихъ въ нихъ чувство единства, неутомимо и съ самоотверженіемъ трудившихся въ тяжелыя времена о благѣ своей паствы. При Юріи, въ дѣлѣ Сербовъ, Россійскій дворъ показалъ себя, какъ всюду и всегда, защитникомъ угнетенныхъ собратій-единовѣрцевъ. Сербы, переселившіеся въ Австрійскія владѣнія, не смотря на данныя имъ права и свободу вѣроисповѣданія, постоянно терпѣли притѣсненія отъ католиковъ и особенно Седмиградскіе отъ Кальвинистовъ. Бѣдственное положеніе православныхъ Сербовъ побудило Седмиградскаго митрополита Саву и брата его, Юрія, Бранковичей отправиться, въ 1668 г., въ Россію, гдѣ царь Алексѣй Михайловичъ въ присутствіи патріарховъ Александрійскаго и Антіохійскаго, принялъ ихъ милостиво, надѣлилъ грамотою, позволилъ собирать подаянія и для митрополита Савы поручилъ полковнику Артамону Сергѣевичу Матвѣеву изготовить митру. Юрій Бранковичъ былъ уже въ это время тайно помазанъ на деспотство въ Адріанополѣ отъ руки возвращавшагося изъ Ерусалима Сербскаго патріарха Максима и при содѣйствіи Австрійскаго посланника при Портѣ и многихъ бояръ. Главною мыслію Деспота было поднятіе всѣхъ южныхъ Славянъ противъ Турокъ; къ ней присталъ и Валашскій господарь, Шербанъ; ее же одобрялъ и самъ императоръ Леопольдъ. Преемникъ Максима, патріархъ Арсеній Черноевичъ, а потомъ и Императоръ, 10 сентября 1688 года, подтвердили его въ деспотскомъ званіи. Другою мыслію Деспота и патріарха Арсенія было изведеніе Сербовъ изъ Турецкихъ владѣній въ Австрійскія. Оба задуманныя дѣла были полезны для Австріи, которой собственныя войска замѣтно уступали Турецкимъ силамъ и если еще не совсѣмъ уступили, то этимъ обязаны были неоднократной помощи Хорватовъ, Поляковъ, особенно Собѣскаго, и Сербовъ-переселенцевъ. Получить приращеніе къ своему народонаселенію, не столько важное по своему количеству, сколько по безмѣрной

[1] Слова императорской грамоты: Quae ex incidenti eo, quod a vernacula diversa sit, ac nonnisi in lythurgiis adhiberi consueverit, pro inutili, ac mortua reputari debet. A. D. MDCCLXXXIII, XXVI d. Iulii, N 17631. Гласникъ, I. 1847. Стр. 136.

[2] См. статью Мушицкаго: «Судбине Кирилски писмена у Аустрійской државиь. Гласникъ, I. 1847.

[3] Его Исторія Сербіи доселѣ остается въ рукописи. Раичъ и нѣкоторые позднѣйшіе Сербскіе историки пользовались ею. Лѣтописецъ, изданный въ Загребскомъ Архивѣ (Кн. III, 1854) и названный нами Бранковичевымъ, служилъ ему, вмѣстѣ съ другими, источникомъ. Славянскій подлинникъ его пропалъ; издано только сокращеніе, сдѣланное Пейчевичемъ на Латинскомъ языкѣ. Такъ какъ Загребскій Архивъ полученъ былъ нами послѣ напечатанія Введенія, то объ немъ и не упомянуто на стр. 51. Онъ составляетъ, слѣдовательно, 13-й списокъ Сербскихъ лѣтописей, но не подлинный, а передѣланный, Латинскій.

храбрости и отъявленной враждѣ къ Туркамъ, получить въ то время, когда Турки грозили существованію Австріи и когда пограничныя земли уже опустѣли отъ ихъ вторженій: это было въ высшей степени выгодно для Австріи; она тотчасъ размѣщала переселенцевъ по пустымъ пограничнымъ землямъ, привязывала ихъ къ себѣ блестящими обѣщаніями и пріобрѣтала такимъ образомъ преданныхъ и храбрыхъ бойцевъ, хранившихъ ея существованіе отъ покушеній Турокъ и Мадьяръ. Но между различными правами, состоявшими въ свободѣ вѣроисповѣданія, подчиненіи въ духовныхъ и мірскихъ дѣлахъ власти митрополита, избавленіи отъ государственныхъ податей и католическихъ десятинъ и пр., не было обѣщано, что Сербы будутъ имѣть постоянно своего деспота: правда, имъ позволено было выбирать своихъ воеводъ; но тутъ же сказано, что воевать они станутъ подъ главнымъ начальствомъ Нѣмецкихъ полководцевъ. Напротивъ, Сербы иначе понимали данныя имъ льготы; вѣроятно, имъ внушено было, что они не только сохранятъ всѣ свои права, но даже со временемъ возстановлена будетъ ихъ государственная самостоятельность. Такъ думали они, по свидѣтельству ихъ подлинныхъ писаній. Вотъ по чему въ послѣдствіи просились они у Австрійцевъ возвратиться на свою родину; вотъ по чему также, не почитая себя Австрійскими подданными, заботились они о своемъ деспотѣ. Но для Австріи, съ первой же минуты ихъ прихода, смотрѣвшей на нихъ, какъ на подданныхъ своихъ, нельзя было допустить у нихъ такого устройства, представлявшаго всѣ невыгоды status in statu; и вслѣдствіе этого, предоставляя имъ оставаться при ихъ убѣжденіи, она, на дѣлѣ, дѣйствовала иначе. Довольно было для нихъ одной особой духовной власти; высшая же мірская власть должна была сосредоточиваться не въ деспотѣ, а въ рукахъ правительства. Но Сербы хорошо сознавали значеніе деспотской власти, какъ видно изъ ихъ челобитной и письма Арсенія Черноевича къ Петру Великому: «яко да той же деспотъ нашъ яко первоначальная глава наша, его же мановенію народъ Сербскій, его нравамъ, расположенію и управленію привыкнувый, или стоитъ, или падаетъ» — сказано въ челобитной; Арсеній же къ судьбѣ деспота примѣняетъ Евангельское изрѣченіе: поражу пастыря и разыдутся овцы стада. Это-то сознаніе своей самостоятельности подъ управленіемъ деспота и не могло быть допущено; ибо въ такомъ случаѣ Сербы осуществили бы свое желаніе остаться самостоятельными. И когда, склонясь на лестныя предложенія Австріи, и Деспотъ и Патріархъ до того уже довели дѣло, что отказаться отъ него было невозможно, не подвергшись истребленію отъ Турокъ, тогда Австрія увидѣла, что Сербы могутъ уже обойтись и безъ деспота. Въ октябрѣ 1688 года, подъ Кладовымъ, при самомъ Траяновомъ Мосту, Юрій перешелъ съ дружиною своею въ Нѣмецкій станъ; но начальствовавшій Нѣмецкими войсками, принцъ Баденскій, тотчасъ же приказалъ задержать его и подъ стражею отправилъ въ Рѣаву, а отсюда въ Сибинъ. Австрійское правительство ни разу не высказало причины его задержанія; Кальвинисты же Седмиградскіе распустили слухъ, что Юрій взятъ подъ стражу за излишнюю преданность Россіи, и старались согласно съ этимъ перетолковать и посольство Аѳонскаго архимандрита Исаіи, отправленнаго Шербаномъ въ Москву. Они выдумали, что будто бы Юрій и Шербанъ тайно пересылаются съ Москвою и хотятъ вмѣстѣ съ Московскими, Польскими, Татарскими и Турецкими силами дѣйствовать противъ Австріи. По этому Исаія, по возвращеніи своемъ въ Седмиградію, былъ также задержанъ и отправленъ въ Сибинъ, а отсюда, вмѣстѣ съ Деспотомъ, въ Вѣну. У него отобраны были

грамоты Московскаго царя, и онъ, равно какъ Деспотъ, подверженъ пыткѣ. Но въ силу новой грамоты изъ Москвы, Исаія дарована была свобода. Въ 1690 г. Сербы съ своимъ патріархомъ Арсеніемъ, въ слѣдствіе прежняго соглашенія съ Юріемъ, перешли черезъ Дунай въ Австрію, и столица патріаршая изъ Пети (Пека) перенесена была въ Сентъ-Андре близъ Пешта. Въ это время они еще не знали хорошо о судьбѣ своего деспота. Между тѣмъ Юрій, принужденный содержать себя въ Вѣнѣ на свой счётъ, переносилъ многія обиды отъ домохозяина и лишенія. Въ челобитной Императору Сербы говорили, что Деспотъ содержится въ «премрачной и смрадной темницѣ, яко и здравія уже лишается,» и что онъ, «всѣхъ своихъ добръ, движимыхъ и недвижимыхъ, обнаженъ, еще и бремя неплаты за квартеръ или мѣсто стреженія его ему возложено имѣется, иже не пропитаніемъ, ниже одѣяніемъ довольно снабденъ есть». Тщетною осталась просьба самого Деспота, который со всею откровенностію, самыми дѣлами, доказывалъ свою преданность Австріи и требовалъ суда и выслушанія, говоря: neque diabolus inauditus jure condemnari possit. Потомъ три раза Сербы подавали челобитныя Императору объ освобожденіи Деспота; Арсеній употреблялъ къ тому всѣ усилія, но напрасно. Правительство объявляло, что ему все еще нѣкогда заняться дѣломъ Деспота, и самъ Императоръ сказалъ посламъ: «о заарестованіи Георгіа Бранковича, нынѣ еще не распознаннѣй арреста его причинѣ, отпустити не можемъ.» А распознаніе это и не думало производиться. Между тѣмъ Сербы и Патріархъ, къ которому правительство, въ замѣнъ Деспота, было весьма благосклонно, безвозвратно болѣе и болѣе втягивались въ общее дѣло Австріи, получивъ отъ нея себѣ поддеспота. Называя себя «заточниками», они мужественно сражались въ рядахъ Нѣмецкихъ войскъ за Австрійскія земли и продолжали льстить себя надеждою, что по усмиреніи злобнаго сосѣда они спокойно возвратятся къ самостоятельной государственной жизни. Но пока оставались они въ Австрійскихъ владѣніяхъ, права ихъ, торжественно дарованныя и подтвержденныя императорскими грамотами, мало по малу стѣснялись и отнимались. Католическое духовенство настояло на взиманіи съ нихъ, хотя и православныхъ, десятинъ; дѣйствія патріаршей власти были ограничены; насильно разселяли Сербовъ по Нѣмецкимъ землямъ; отнимали у нихъ добычу, которую они брали на Туркахъ и которая по правамъ принадлежала имъ. Въ челобитныхъ своихъ Сербы опирались не на что болѣе, какъ на свои права, и, соединяя свои выгоды съ выгодами Австріи, для лучшаго успѣха, просили освобожденія Деспота, который, по ихъ словамъ, былъ имъ головою и урядителемъ и наилучшимъ образомъ могъ вести дѣла. Но то, на что они такъ откровенно ссылались для пользы самой Австріи, эта Славянская черта—любовь къ вождю и безграничная преданность и повиновеніе ему, какъ главѣ общей семьи, увѣренность въ немъ при мысли, что ему одному вручена свыше судьба народа и что онъ одинъ можетъ и долженъ управлять ею,—это-то и не могло сойтись съ выгодами Австріи, боявшейся водворенія у себя отдѣльной, могущественной власти. Къ этой причинѣ присоединилась и другая, вѣроисповѣдная, истекавшая, впрочемъ, изъ того же начала и не скрываемая Угорскимъ архіепископомъ, который, въ отвѣтъ на просьбу Деспота, прямо сказалъ: «отъ единыя страны его (деспотово) избавленіе за нынѣ велми продолжаетъ архіепископъ ихъ (Сербовъ), его же вы называете патріархомъ, съ нимъ же и господинъ Бранковичъ единогласіе имѣетъ, яко таковыя вещи имѣти хощетъ патріархъ, яже бы могли быти како противъ власти моей архіепископской, како и всему закону

Римокаеолическому въ пагубу клонятися.... Тѣмъ и государь Бранковичъ, аще бы освободился, толь паче возвысили бысте роги въ сихъ подобныхъ, яже мы никаковымъ образомъ въ кралевствѣ Унгарскомъ допустити не можемъ.» Но безъ своего вождя, который бы совѣтовалъ и предводилъ въ трудное военное время, Сербы обойтись не могли, и по тому имъ данъ былъ поддеспотъ съ весьма ограниченною властію. Впрочемъ, Московскій дворъ лучше понималъ и уважалъ ту Славянскую черту, которой не признавалъ дворъ Нѣмецкій. При свиданіи, въ 1696 году, съ Московскимъ посланникомъ, Козмою Никитичемъ, патріархъ Арсеній сказывалъ ему «о задержаніи Деспота, о насилованіи духовнаго и мірскаго чина къ соединенію съ Римокаеолическимъ закономъ, равнѣ же и о разселеніи народа Сербскаго въ предѣлы Нѣмецкіе, еже не точію Сербскимъ правамъ, торжественно увѣреннымъ, противно есть, но тѣмъ и разумѣти дается, яко намѣреніе есть, народъ той безъ вѣсти въ нѣкоемъ порабощеніи содержати.» По сему посланникъ Московскій представилъ Австрійскому правительству два требованія: позволить ему видѣться съ Деспотомъ и оказать защиту православнымъ Сербамъ отъ притѣсненій латинскаго духовенства. Послѣ свиданія съ Деспотомъ, онъ первое требованіе измѣнялъ въ предложеніе объ освобожденіи Юрія, какъ невиннаго. На это ему отвѣчали: nihil male fecit, sed ratio status sic requirit. Неизвѣстно, прежде ли, послѣ ли этихъ дѣйствій Московскаго посланника, но только въ томъ же году, 6 іюня, Арсеній написалъ въ Москву къ царю Петру посланіе, въ которомъ, изложивъ обстоятельно все дѣло Деспота, просилъ его заступничества въ освобожденіи Деспота и въ прочихъ дѣлахъ, касающихся православнаго народа Славянскаго, живущаго въ Австрійскихъ земляхъ, какъ равно гнетомаго игомъ Турецкимъ. Къ этому главному прошенію присоединены были два другія: чтобы вмѣсто митры, заказанной покойнымъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, изготовлены были деспотская шапка и прочая утварь, надлежащая къ деспотскому сану; и чтобы Петръ благоволилъ оказывать ежегодныя вспомоществованія Деспоту, его сродникамъ и православнымъ Седмиградскимъ церквамъ, обѣднявшимъ отъ притѣсненій Кальвинистовъ, какъ то дѣлалъ блаженной памяти родитель его. Припомнивъ тѣсныя сношенія Петра Великаго съ Черногоріею, мы увидимъ, что Русь уже съ первыхъ временъ своего вступленія въ обще-Европейскій составъ государствъ, принимала живое участіе въ своихъ одноплеменникахъ и единовѣрцахъ, признавая чрезъ то и родство свое съ ними и необходимость общихъ выгодъ. Какъ горячо Петръ принималъ дѣло Деспота, видно изъ того, что въ бытность свою въ Вѣнѣ онъ успѣлъ видѣться и переговорить съ Юріемъ и, уѣзжая, поручилъ его дѣло своему уполномоченному, Возницыну, который и представилъ Вѣнскому двору слѣдующія требованія: выпустить Деспота, не отстранять Сербовъ отъ пользованія тѣми правами, которыя утверждены императорскими грамотами, не стѣснять ихъ вѣроисповѣданія и дозволить имъ, вмѣстѣ съ патріархомъ, свободно и безопасно оставаться въ Сремской землѣ, ибо подъ таковыми условіями привлечены были Сербы изъ Турецкихъ владѣній: «иначе бо—заключилъ посланникъ—достоится имъ въ прежнее Туркомъ повиновеніе обратно возвратитися.» Эти слова показываютъ, съ какой точки зрѣнія смотрѣлъ Московскій дворъ на пребываніе Сербовъ въ Австрійскихъ владѣніяхъ: ясно, что онъ признавалъ ихъ только временными переселенцами и хотѣлъ, чтобы всѣ права и льготы ихъ были сохранены и уважены. Но Вѣнской дворъ смотрѣлъ на это иначе, хотя не переставалъ увѣрять Сербовъ въ независимости ихъ положенія и

неприкосновенности правъ. Безплодными остались и представленія Возницына и четвертая челобитная Сербовъ, написанная въ сильныхъ выраженіяхъ. Тогда, оказавъ многочисленные примѣры самоотверженія въ войнѣ Нѣмцевъ съ Турками, не разъ вырвавъ побѣду изъ рукъ послѣднихъ и неоднократно спасая Нѣмецкую рать отъ погибели, Сербы стали просить возвращенія за Дунай на родину; но и обратный путь былъ имъ воспрещенъ. Такимъ образомъ они навсегда остались въ Австріи и мало по малу вошли въ составъ Австрійскихъ подданныхъ, будучи причислены къ народонаселенію Угорскаго королевства. Не задолго до кончины своей, Юрій переведенъ былъ въ Чешскій городъ Хебъ (Егеръ), гдѣ и умеръ 19 сентября 1711 года, пробывъ въ заключеніи 22 года и не дождавшись разпознанія своей вины. Сербы остались съ однимъ своимъ патріархомъ, столица котораго перенесена была сначала въ Бѣлградъ, а потомъ, по завоеваніи этого города Турками, въ Карловацъ Сремскій[1].

Такъ одинъ и тотъ же Сербскій народъ, пришедшій изподъ Карпатовъ на Ѳракійскій полуостровъ и разсѣвшійся по областямъ, испыталъ съ вѣками различную судьбу и достигъ къ концу XVIII ст. крайней степени различія. Одна часть его, прибрежная, смѣшавшись съ туземцами, основала торговыя общины съ полуитальянскою народностію, съ полуитальянскимъ образованіемъ и съ Римско-католическимъ вѣроисповѣданіемъ. Другая, сѣвшая на востокъ отъ нея, подверженная сильному вліянію Римо-католицизма и колебавшаяся между православіемъ и патаренскою ересью, а въ государственномъ отношеніи испытывавшая дѣйствіе то Греціи, то Угріи, то восточной Сербіи, не имѣла въ себѣ необходимаго средоточія, и силы ея постоянно слабѣли во внутренней разладицѣ, такъ что она навсегда осталась добычею исламизма и Турокъ. Третья часть, постоянно привязанная къ восточной православной Сербіи и давшая ей правителей, сильная вѣроисповѣдною сосредоточенностію, свѣжестію народныхъ силъ и самостоятельностію направленія, отпавши отъ своего тѣла, когда это прониклось порчею и приблизилось къ разрушенію, успѣла, въ неприступной горѣ, не смотря на свою малочисленность и страшные погромы, спасти независимость и сберечь народную старану. Наконецъ четвертая, зерно Сербіи, разросшееся въ короткое время величественнымъ деревомъ на почвѣ православія и народной самостоятельности, вдругъ чрезъ нововведеніе, отзывавшееся чужеземнымъ духомъ, получила извнѣ зародышъ порчи, которая быстро охватила ея болѣе доступныя и выдающіяся части и вмѣстѣ съ ними повергла все цѣлое подъ мечъ Турецкій. Настало новое распаденіе. Между тѣмъ, какъ одни изъ православныхъ Сербовъ туречились, другіе, сохраняя вѣру и народность, оставались подъ Турецкимъ владычествомъ, дѣйствовавшимъ на нихъ поверхностно, не трогавшимъ сущности коренныхъ началъ народной жизни,—и когда, среди искушеній, они достаточно очистились и сплотились, когда силы ихъ освѣжились и помолодѣли, и новыя сословія вышли на встрѣчу судьбѣ, они начали борьбу за независимость и кончили ее успѣшно. Третьи же, погнавшись за призракомъ народной самостоятельности и вступя за Дунаемъ на чуждую почву, среди блестящихъ подвиговъ чудесной храбрости, проливая кровь за общее дѣло Мадьяръ и Нѣмцевъ, теряли силы, а съ ними и права свои; вѣра и народность ихъ, не смотря на заступничество Россіи, стѣснялись, и когда братья ихъ свергали съ себя иго Турецкое, они все болѣе и болѣе вступали въ составъ чужеземныхъ подданныхъ.

---

[1] Источники: Исторія Раича, 2-е изд. 1823 г. Ч. IV и Прибавл. II.—Лѣтопись 1850 г., ч. IV.

Представленный очеркъ государственной и гражданской жизни Сербіи показываетъ, что Сербія въ своемъ развитіи проявляла общую Славянскую мысль, которой способствовала ея государственная самостоятельность. Въ основѣ ея жизни лежало начало Славянское. Конечно, начало это, сложившееся изъ народнаго и человѣческаго, обильно было силами добрыми и свѣжими, если Сербія такъ быстро, менѣе, чѣмъ въ два вѣка, достигла блестящихъ итоговъ своего внутренняго и внѣшняго развитія. На этомъ пути, направляя свои силы къ достиженію прямой цѣли совершенствованія, она ни на шагъ не отстала отъ одноплеменныхъ съ нею державъ, явившись въ семьѣ Славянской ровесницею другимъ, важнѣйшимъ Славянскимъ государствамъ. Польша, Чехи, Русь и Сербія принадлежатъ, по началу своего европейскаго значенія, къ одному времени, когда Славяне, предшествуемые Великоморавскими и Булгарскими собратіями, быстро выступали одни за другими на поприще самостоятельной государственной дѣятельности и скоро сравнивались съ современными имъ Нѣмецкими и Романскими племенами. То было особое время Славянской жизни, молодой, блестящей, счастливо выражавшейся въ государственной самостоятельности главнѣйшихъ Славянскихъ племенъ. И Сербія не отстала отъ прочихъ. Мы застаемъ ее при Немани начинающею свое независимое государственное бытіе и входящею въ рядъ Европейскихъ державъ ровно вѣкомъ позднѣе Польши при Болеславѣ Великомъ и почти одновременно съ Чехами при Пресмыслѣ Отакарѣ I, и Русью при Ярославѣ. Съ той поры она быстро выдвигается впередъ въ виду сосѣднихъ державъ, сперва обращая на себя ихъ вниманіе, потомъ сама подчиняя ихъ своему вліянію. Уже при Милутинѣ границы ея расширились значительно; Греція и Булгарія уступали ей въ силѣ оружія, и воля Сербскаго короля значила много для нихъ; при Душанѣ, ровно въ половинѣ XIV-го столѣтія, вмѣстѣ съ обширными завоеваніями, сдѣланными на счетъ Восточной Имперіи, вліяніе Сербіи на Грецію и Булгарію увеличилось; а вмѣстѣ съ тѣмъ и Угрія увидѣла себя на одной ступени съ Сербіею и должна была отказаться отъ тѣхъ преобладающихъ пріемовъ, которые доселѣ проявлялись въ ея сношеніяхъ съ этою послѣднею. Въ Боснѣ выгоды обѣихъ державъ столкнулись; онѣ почти уравновѣшивались при Милутинѣ, но при Душанѣ, чрезъ покореніе Босны, Сербія взяла перевѣсъ. Равномѣрно, уклончивость въ отношеніи Запада, представляемаго въ лицѣ папы, и сохраненіе неприкосновеннымъ православнаго вѣроисповѣданія, показываетъ, что вообще Западъ не былъ страшенъ для Сербіи, какъ не страшилась она и Востока. Душанъ поднялъ ее высоко въ глазахъ Европы, такъ что вѣсъ ея оказался необходимымъ въ общемъ составѣ государствъ, образуемомъ Италіею, Угріею, Булгаріею и Греціею. Мало того, Сербіи предназначалось докончить задачу, выпадавшую на долю отживавшей Греціи, — отразить Азіятскія орды отъ предѣловъ Европы. Душанъ первый замыслилъ это великое дѣло, котораго хорошія послѣдствія были бы неисчислимы, какъ послѣ неисчислимыми оказались дурныя послѣдствія противнаго. Если ни Греція, ни Булгарія, ни самая Угрія не спасли восточной Европы отъ Турокъ, то тѣмъ ярче выказывается величость значенія, пріобрѣтеннаго Сербіею въ юговосточной Европѣ при Душанѣ. Преждевременная смерть Душана навсегда оставила неразгаданною загадку: Турки ли бы одолѣли Сербовъ, или Сербы Турокъ. По крайней мѣрѣ, вѣроятностей, можно сказать, поровну на той и другой сторонѣ. Припомнимъ, что въ это самое время итакже въ половинѣ этого самого столѣтія Чехія, въ лицѣ Карла IV, зани-

мала почетное мѣсто въ Европѣ и стояла выше прочихъ Нѣмецкихъ земель, по праву принимая на себя главнѣйшимъ образомъ тотъ блескъ, которымъ окруженъ былъ императоръ Германскій; Польша съ Казимиромъ Великимъ, по прекращеніи внутреннихъ усобицъ, вступала въ тѣсныя сношенія и родственныя связи съ Европейскими державами и уже оказывала довольно сильное вліяніе на сосѣднія земли, а внутри у себя водворяла просвѣщеніе и улучшала законодательство. Только Россія, по случаю продолжительныхъ княжескихъ усобицъ и владычества Татаръ, отстала отъ нихъ слишкомъ на цѣлое столѣтіе, получивъ съ Иваномъ III новую государственную жизнь, позволившую ей начать должныя сношенія съ Европою. Какъ только помянутыя Славянскія государства вступали въ эту пору своего внѣшняго могущества, такъ сейчасъ же въ нихъ пробуждалась мысль упроченія своего внутренняго бытія въ смыслѣ гражданскаго общества. Наружная сила безъ внутренней подпоры не могла долго поддерживать могущество государственное,—и властители Славянскіе, вмѣстѣ съ водвореніемъ единодержавія, обращаютъ главное свое вниманіе на преобразованіе общества, подготовленнаго къ этому перемѣною въ представленіи власти и усиленіемъ государственныхъ началъ. Общество, доселѣ основанное на стародавнихъ родовыхъ началахъ, принимало видъ и свойства благоустроеннаго гражданскаго союза, которому основою служитъ законъ, опредѣляющій правильныя отношенія подданныхъ къ верховной власти и между собою. Такимъ образомъ возвышеніе извнѣ Славянскихъ государствъ, Сербіи при Душанѣ, Чеховъ при Карлѣ IV, Польши при Казимирѣ и Руси при Иванѣ III, ознаменовалось и утвержденіемъ внутренняго порядка чрезъ письменное изданіе законовъ, было ли то повтореніе прежнихъ, или уложеніе новыхъ. Законникъ Душановъ, Majestas Carolina, Статутъ Казимировъ, Судебникъ Ивана III, были ли они приняты и введены въ употребленіе, или не были, — все же обличаютъ намѣреніе правителей упрочить гражданскій порядокъ. Равномѣрно, въ развитіи верховной власти, Сербія шла одинаковымъ путемъ съ прочими Славянскими государствами. Въ одно и то же время въ ней, Польшѣ и Руси начинаются усобицы между родичами, потомками Немани, Болеслава Кривоустаго и Ярослава. Чехи также не избѣжали этой ступени обще-Славянскаго развитія, но у нихъ она имѣла мѣсто ранѣе цѣлымъ столѣтіемъ и по времени отвѣчала мало извѣстнымъ распрямъ Сербскихъ жупановъ, окончившихся смутами въ родѣ Белы Уроша. Какъ въ Сербіи въ это время преобладающее участіе въ усобицахъ принимали Греческіе императоры и Булгарскіе цари, такъ въ Чехахъ усобицы Премысловцевъ нерѣдко зависѣли отъ Нѣмецкихъ императоровъ и королей Польскихъ. Брячиславъ и Отакаръ I положили имъ конецъ своими постановленіями о правѣ престолонаслѣдія. Скудость потомства, которое вскорѣ вовсе прекратилось, помогла имъ въ этомъ. Спустя столѣтіе послѣ Чеховъ, усобицы окончательно прекратились въ Сербіи и Польшѣ, и еще спустя столѣтіе, въ Россіи, и именно при тѣхъ самыхъ государяхъ, которые, внося съ собою новую мысль, именами своимъ открывали новую, свѣтлую пору народной жизни, каковыми были: въ Сербіи Душанъ Сильный, въ Польшѣ Казимиръ Великій, въ Россіи Иванъ III. Если Сербія пала ранѣе другихъ Славянскихъ независимыхъ державъ, съ которыми она имѣла такъ много сходства въ общихъ чертахъ развитія, то виною тому какъ внѣшнія, такъ и внутреннія неблагопріятныя обстоятельства, составляющія ея отличительную обстановку. При томъ же Сербія была уже не первою жертвою подобныхъ обстоятельствъ. Давно уже пали княжества Прибалтій-

скихъ Славянъ, разносимыя на части усобицами и тѣснимыя Нѣмецкимъ племенемъ; пала точно такъ же и Великоморавская держава. Тамъ и тутъ водворилось господство Запада или Нѣмцевъ. Чередъ дошелъ и до разрушительнаго вліянія Восточной Имперіи на сосѣднихъ Славянъ; и вотъ, раздираемая внутренними смутами, потрясаемая столкновеніемъ Византійскаго вліянія съ Сербскимъ, Булгарія быстро приходитъ въ состояніе полнаго разрушенія и спокойно отдается въ руки Азіятскихъ завоевателей. Подобно ей, нося сѣмя государственной порчи, заимствованной отъ средневѣковой Греціи, слабѣетъ и Сербія; ея собственныя силы обращаются во вредъ ей, и она, споткнувшись разъ на Косовомъ полѣ, постепенно теряетъ свою государственную самостоятельность и достается тѣмъ же Азіятскимъ пришельцамъ. Исторія записала тѣ средства, которыя Нѣмцы употребляли для ослабленія Славянъ, въ слѣдствіе чего и покоряли ихъ; но Греки, подобно Нѣмцамъ, разрушительно дѣйствуя на Булгаръ и Сербовъ примѣромъ своей нравственной, гражданской и государственной порчи, имѣли цѣлью не Нѣмецкое преобладаніе, а самосохраненіе, — и не спасли ни себя, ни Славянъ. Подъ ихъ вліяніемъ развившійся въ нѣдрахъ самихъ Славянъ зародышъ зла лишилъ послѣднихъ возможности стать оплотомъ противъ громадной силы, высланной на Европу Азіею, и всѣ трое, Греки, Сербы и Булгары, почти одновременно пали подъ неудержимымъ напоромъ Азіи.

До Немани Сербія находилась въ разрозненномъ состояніи. Не смотря на власть великихъ жупановъ, въ разное время и въ разныхъ областяхъ находились независимые князья и жупаны, и не было такого рода, который бы могъ назваться представителемъ верховной власти надъ всею Сербіею. Великіе жупаны, до самого Белы Уроша, получали власть не по преемству, а подъ вліяніемъ благопріятныхъ обстоятельствъ, или съ содѣйствія Грековъ. Не смотря на то, названіе Дестницкихъ, Дуклянскихъ и происхожденіе Расскихъ жупановъ, равно какъ бѣгство Белы Уроша въ Захлумье и Тѣхомила въ Дуклю свидѣтельствуютъ, что главнымъ средоточіемъ и мѣстомъ власти была Зета или югозападный уголъ Сербскаго населенія, обнимавшій Дуклю, Дестницу и Расу. Далмація и Дукля входили въ составъ Зеты, и въ памятникахъ часто замѣняютъ ее собою. Съ Белы Уроша власть великожупанская удерживается за однимъ родомъ, происходявшимъ, по свидѣтельству лѣтописцевъ, изъ Дукли, и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживается яснѣе ея значеніе. Смуты въ родѣ Белы Уроша кончились торжествомъ младшаго его внука, Немани. Съ этого времени боковое потомство исчезаетъ; вмѣстѣ съ тѣмъ слабѣютъ и пропадаютъ отдѣльные независимые владѣтели: Неманя собираетъ подъ свою верховную власть Сербскую землю, возводитъ ее на степень самостоятельнаго государства и передаетъ правленіе своему роду въ лицѣ старшаго своего сына и великаго жупана, Стефана. Но, по обще-Славянскому обычаю, Неманя не лишилъ владѣнія и другаго своего сына, Вукана, которому, со званіемъ великаго князя, отдалъ родовую дѣдину, Зету. Необходимо допустить, что званіе великаго князя было ниже званія великаго жупана и что Вуканъ стоялъ подъ рукою Стефана, также какъ Зета не отчуждена была совершенно отъ Сербіи. Тѣмъ не менѣе, это былъ удѣлъ, доставлявшій его владѣльцу нѣкотораго рода самостоятельность и позволявшій ему домогаться всего остальнаго отцовскаго наслѣдія во вредъ верховной главѣ Сербіи. Эта борьба повторялась въ послѣдствіи нѣсколько разъ. Стефанъ упрочилъ еще болѣе власть, наслѣдованную отъ отца, вѣнчавшись на королевство. Чрезъ это онъ

во внѣшнихъ сношеніяхъ поднялъ на ступень выше Сербію, получившую уже отъ Немани значеніе независимаго государства, равнаго сосѣднимъ державамъ; а родственная связь съ Византійскимъ дворомъ, игравшимъ тогда первостепенную роль въ Европѣ, поддержала это возвышеніе. Внутри онъ сталъ въ болѣе правильное отношеніе къ своимъ подданнымъ, какъ вѣнчанный государь, какъ ихъ повелитель и король. Послѣ него престолонаслѣдіе совершалось преемственно отъ старшаго брата къ среднему и меньшому. За отсутствіемъ сыновей и племянниковъ, мы не можемъ рѣшить окончательно — необходимость ли требовала такого представленія преемства, или оно было слѣдствіемъ стародавняго Славянскаго обычая первородства. Знаемъ также, что это представленіе не исключало собою и права способнѣйшаго, примѣръ чему видимъ на Владиславѣ. Но, кажется, второе предположеніе справедливѣе, ибо послѣ Уроша I видимъ, что за старшимъ его сыномъ, Драгутиномъ, восходитъ на престолъ второй сынъ, Милутинъ, помимо племянника своего, Владислава. Съ Милутина представленіе это теряетъ силу, теряетъ ее до такой степени, что даже побочный сынъ Милутина вступаетъ на престолъ въ ущербъ правамъ старшаго племянника, сына старшаго брата, Драгутина, и единственнаго законнаго наслѣдника и Неманича. Бояре способствуютъ этой перемѣнѣ; но защищаютъ старшаго сына, хотя и незаконнорожденнаго, отъ притязаній таковаго же младшаго, Константина. Въ отвѣтѣ Дечанскаго этому последнему уже сказался истинный государь, понимавшій свои отношенія къ родичамъ, какъ прежде понимали и осуществляли его предшественники свои отношенія къ подданнымъ. Теперь отъ подданныхъ чередъ дошелъ и до родичей: имъ, въ лицѣ Константина, Дечанскій указывалъ мѣсто не равныхъ королямъ удѣльныхъ владѣльцевъ, но сподручниковъ, долженствовавшихъ занять второе мѣсто въ государствѣ. И такъ на престолѣ родъ Неманичей окончился собственно съ Милутиномъ; бояре, отвыкшие отъ законнаго наслѣдника, Владислава, страшась Греческаго вліянія и водворенія Греческаго дома на Сербскомъ престолѣ въ слѣдствіе тѣсныхъ сношеній Милутина съ Ириною, храня и защищая свою народность, вручили правленіе побочному сыну Милутина, Стефану, и такъ умѣли сокрыть его происхожденіе и самую жизнь его украсить чудесами, что не только туземные, но даже Греческіе современные и позднѣйшие лѣтописцы молчатъ объ этомъ обстоятельствѣ. Дечанскій, женившись вторично на Гречанкѣ, внушилъ боярамъ тѣ же самыя опасенія, какія побуждали ихъ прежде возвести самого его на престолъ; теперь они обратили взоры на его сына, возбудивъ его противъ отца. Ихъ стремленіе къ сохраненію народной самостоятельности ясно обнаружилось въ словахъ, сказанныхъ ими Душану. Новое представленіе о престолонаслѣдіи согласовалось съ ихъ выборомъ, и старшій сынъ вступилъ на отцовскій престолъ. Но участіе бояръ становилось уже весьма замѣтнымъ. Чтобы съ одной стороны отдалить ихъ отъ себя и своего рода, а съ другой утвердить при себѣ въ правахъ престолонаслѣдія своего сына, помимо бояръ, Душанъ вѣнчался на царство и съ тѣмъ вмѣстѣ наименовалъ Уроша королемъ, подчинивъ ему всю Сербію. Зета, въ которой жили Дечанскій и самъ Душанъ до воцаренія своего, уже перестала быть особымъ удѣломъ и вошла въ составъ прочихъ Сербскихъ областей. Такимъ образомъ преемство было опредѣлено окончательно, и гнѣздо Неманина рода, откуда являлись первыя требованія престолонаслѣдниковъ и гдѣ жило сильное боярство, оказывавшее господствующее вліяніе на государственныя дѣла, уничтожено. Сверхъ того завоеваніе многихъ Греческихъ земель, виды на

присоединеніе всей Греціи и Булгаріи къ Сербіи, возвышеніе отношеній Сербіи къ прочимъ державамъ требовали перемѣны званія королевскаго на царское. Душанъ назвался царемъ Сербовъ, Грековъ и Булгаръ. Онъ явился достойнымъ продолжателемъ Стефана Первовѣнчаннаго и Милутина. Расширивъ и усиливъ Сербію извнѣ, Душанъ и внутри ея самой ввелъ окончательно порядокъ и благоустройство, учредивъ правильныя отношенія какъ между верховною властію и подданными, такъ и между отдѣльными сословіями. Послѣ него, въ исполненіе его воли, какъ воли самодержавнаго государя, вѣнчался на царство сынъ его, Урошъ. Не обошлось и теперь безъ соперника. Дядя новаго царя, Симеонъ, предъявилъ, было, свои права на Сербскій престолъ; но, какъ приверженецъ стариннаго Славянскаго обычая, давно уже устраненнаго самодержавною волею государя, онъ не нашелъ себѣ опоры въ новомъ порядкѣ вещей и остался въ сторонѣ незамѣченнымъ. Урошъ испыталъ на себѣ крайность нововведеній Душановыхъ и, не имѣя силы сдержать ихъ въ должныхъ границахъ, палъ подъ ихъ бременемъ, какъ послѣдній потомокъ побочной линіи Неманина дома. За нимъ наступило господство бояръ. Таково было повременное преемство власти въ Сербіи.

Жизнь Сербскаго боярства распадается на двѣ половины, совершенно противуположныя по своимъ существеннымъ свойствамъ. На границѣ той и другой стоитъ 1346 годъ — годъ вѣнчанія Душана на царство. Въ первой половинѣ боярство является замкнутымъ, цѣльнымъ сословіемъ съ общими сословными выгодами и стремленіями. Благодаря постоянно усиливавшейся власти королей, изъ него не выискалось такихъ сильныхъ родовъ, каковыми были нѣкоторые Боснійскіе областные роды; но за то оно сильно было своею совокупностію. Эта-то совокупность мѣшала, можетъ быть, появленію отдѣльныхъ сильныхъ родовъ и отторженію областей, какъ то случилось въ послѣдствіи. Дѣятельность Сербскихъ бояръ, какъ сословія, отличается стремленіемъ къ пользѣ народной. Оно было главною причиною удаленія Радослава отъ дѣла правленія; оно стояло стражемъ надъ цѣлостію народной самостоятельности, когда способствовало Дечанскому и Душану взойти на Сербскій престолъ; оно представляло собою народную сторону въ противоположность другой, Греческой, сторонѣ, водворившейся при Сербскомъ дворѣ въ слѣдствіе тѣсныхъ сношеній королей съ императорами Греческими. Это народное направленіе боярства было слѣдствіемъ его сословности и осѣдлости. Выросши издавна на Сербской почвѣ, сильное своею туземностію, привыкнувъ видѣть въ той области, гдѣ оно жило, свое отечество и свою опору, оно свои собственныя выгоды связывало съ общими выгодами страны и необходимо считало для себя весьма важнымъ имѣть хорошихъ правителей съ народнымъ настроеніемъ; ибо сохранность народной самостоятельности влекла за собою и сохранность его сословныхъ выгодъ; ибо цѣлость Сербіи обезпечивала и его собственное существованіе. Но Душанъ, желая всю силу государственную сосредоточить только въ рукахъ верховной власти, съ вѣнчаніемъ своимъ на царство, далъ новый видъ боярству. Это было неизбѣжнымъ условіемъ для достиженія того, что онъ себѣ предположилъ. Участіе боярскаго сословія при побочной линіи Неманичей стало весьма ощутительнымъ. Душанъ нашелъ его несовмѣстнымъ съ предположенною цѣлью возвышенія власти Сербскихъ государей не только къ виду иноземцевъ, но и въ глазахъ своихъ подданныхъ. Притомъ достоинство и назначеніе истиннаго государя и самодержца, какъ представлялъ его себѣ Душанъ, не допускали въ государствѣ такого сомкнутаго и сильнаго со-

словія, которое распоряжалось бы престолонаслѣдіемъ; то, что дѣлало оно, должно было заключаться въ самодержавной волѣ самого государя. Принятіе званія царя, сдѣлавшееся необходимымъ по многоразличнымъ обстоятельствамъ, какъ слѣдствіе многосторонней блестящей дѣятельности Душана, положило конецъ боярству, какъ сословію. Устроеніе царскаго двора съ его степенями, величіе вѣнчанной особы, поставленной вмѣстѣ со всѣмъ царственнымъ домомъ въ приличномъ разстояніи отъ подданныхъ, введеніе чиновъ и наградъ за личныя заслуги, царскій блескъ, заимствованный отъ Греціи, все это показало боярству, что сила его сословія, основанная на осѣдлости и заключенная въ странѣ, гдѣ оно жило, уже изсякла; открылся другой и единственный источникъ силы—верховная власть, которая по новой мысли, созданной Душаномъ, возвышала и поддерживала не сословія, но личности. Дѣйствительно, мысль истиннаго самодержавнаго государя допускала только этотъ единственный источникъ могущества для всѣхъ и каждого. Всякій былъ по стольку силенъ, по скольку его собственныя заслуги находили отпечатокъ въ дѣйствіяхъ верховной власти. Слѣдствіемъ этого было распаденіе боярскаго сословія на отдѣльныя личности, уничтоженіе сословныхъ выгодъ, появленіе новаго, личнаго боярства, образовавшагося изъ пришлыхъ служилыхъ людей и временщиковъ. Явилась другаго рода крайность. Не истинныя выгоды отечества занимали новыхъ бояръ, но личные виды, чуждые общаго блага; не чувство народности руководило ихъ поступками, но чувство себялюбія и самосохраненія; высокая цѣль совокупныхъ усилій для пользы отечества смѣнилась происками, крамолами, соперничествомъ, даже открытою усобною войною; прежде въ поддержаніи дома Неманя боярство видѣло залогъ своей собственной цѣлости; теперь отдѣльные искатели счастія, зная, гдѣ кроется источникъ власти, не удовольствовались тѣмъ, что близко стали къ нему, но многіе простерли свою дерзость даже до того, что покусились на завладѣніе самимъ источникомъ или на присвоеніе себѣ верховной власти. Нужно было только, чтобы по смерти Душана Сильнаго воцарился его слабый сынъ, Урошъ, и зародышъ зла, лежавшій въ нововведеніи, быстро развился до ужасающихъ размѣровъ при содѣйствующемъ тому вліяніи Греціи. Вскорѣ онъ поглотилъ и истребилъ всѣ добрыя начала, которыми держалась самостоятельность Сербіи, и низвелъ величественную державу Душана на степень данницы и потомъ рабыни Турецкой орды. За Урошемъ началось господство бояръ, усилившихся по областямъ, куда они назначены были царемъ Душаномъ. Особность и величина этѣхъ областей, изъ коихъ бóльшая часть была завоевана у Греціи и, слѣдовательно, имѣла мало общаго съ собственною Сербіею, степень власти, дарованной областнымъ правителямъ, и примѣръ Греціи развили въ нихъ чувство властолюбія и независимости. Представителемъ несчастной крайности явился Вукашинъ, который вкрался въ довѣренность и любовь царя, былъ возведенъ въ званіе короля и, явившись первымъ лицомъ въ государствѣ, велъ борьбу съ другими областными правителями; потомъ, недовольный своими успѣхами, рѣшился захватить въ свои руки и самую верховную власть. Урошъ былъ убитъ. Вукашинъ достигъ, чего желалъ. Но онъ не вѣнчался на царство, продолжая оставаться королемъ, также какъ и всѣ за нимъ слѣдовавшіе правители Сербія ограничивались скромными титулами. Лазарь, хотя и вѣнчанный, именовался княземъ; его преемники носили званіе деспотовъ. Дѣятельность четырехъ боярскихъ личностей, какъ ни разнородна сама по себѣ, однако отъ предыдущихъ царствованій отличается тѣмъ, что при ней Сербія ослабѣла, подчинилась Туркамъ и пала. Блестящія побѣды Милутина, Де-

чанскаго и Душана смѣнились пораженіями при Тенарѣ и на Косовомъ полѣ. Сербія, не смотря на многочисленныя завоеванія, крѣпкая своею преобладающею народностію и желѣзною волею мудраго и сильнаго Душана, теперь пришла въ состояніе распаденія; области утратили взаимную связь; правители искали независимости и враждовали. Вукашину и Лазарю предстояло скрѣпить снова Сербію и защитить ее отъ постоянно усиливающихся нападеній Турокъ; но ни тотъ, ни другой не успѣли въ этомъ и поплатились жизнію. Правленіе двухъ деспотовъ носитъ на себѣ печать боярской личности, отзывается болѣе мелкимъ себялюбіемъ, чѣмъ возвышенностію государственной мысли. Въ томъ и другомъ ясно видѣнъ бояринъ, не забывшій ни своихъ крамолъ, ни личныхъ видовъ; въ нихъ нѣтъ ни всеобъемлющаго государственнаго взгляда, ни общенароднаго чувства; тѣсный кругозоръ ихъ открываетъ имъ только то, что касается до ихъ личной безопасности, или отвѣчаетъ ихъ личнымъ убѣжденіямъ; безплодность дѣйствій обличаетъ въ нихъ неумѣнье править народомъ. Сверхъ того при Лазарѣ и его сынѣ продолжалось то, что началось при Урошѣ V. Не было уже царственнаго дома, такъ высоко поставленнаго Душаномъ надъ уровнемъ народа: на престолѣ, прежде недоступномъ, сидѣлъ теперь бояринъ, который своимъ примѣромъ внушалъ и прочимъ боярамъ мысль о возможности присвоенія верховной власти. Какъ прежде бояре спорили за первое мѣсто у царскаго престола, такъ теперь заспорили они за самый престолъ. Вукъ Бранковичъ подыскивалъ подъ Лазаремъ и былъ, по словамъ народной молвы, причиною пораженія на Косовомъ полѣ; онъ же и сыновья его подыскивали подъ сыномъ Лазаря, деспотомъ Стефаномъ. Надобно было защищаться отъ нихъ и сторожить Турокъ. Стефану можно бы было отдѣлаться отъ тѣхъ и другихъ; но онъ успѣлъ только смирить первыхъ; въ отношеніи же Турокъ остался вѣрнымъ ихъ данникомъ и подручникомъ. Много разъ Сербы проливали при немъ свою кровь въ пользу своихъ же будущихъ властителей. Но если Стефанъ могъ, да не хотѣлъ избавиться отъ Турокъ, дорожа своею вѣрностію и утѣшаясь временнымъ благосостояніемъ народа, то преемникъ его, Юрій, хотѣлъ, да уже не могъ извлечь Сербію изъ состоянія данничества, грозившаго ежеминутно обратиться въ полное рабство. Криводушіе, крамольство, уклончивость, нерѣшительность, обличавшія въ немъ современнаго боярина, не привели его ни къ чему; много трудился онъ, но напрасно; всѣ его попытки, при его слабодушіи, никогда ему не удавались, и онъ неумѣстнымъ хитреніемъ наводилъ на себя гнѣвъ и мщеніе обоихъ сосѣдей, Угровъ и Турокъ. То же замѣтно и въ его частной дѣятельности. Такимъ образомъ онъ является совершенно противуположнымъ своему предшественнику. Одинъ доводилъ до крайности свою простодушную преданность врагу христіанства, независимостію страны жертвовалъ въ пользу личнаго торжества надъ соперникомъ и ложнаго или, лучше, себялюбиваго пониманія обязанностей подданства; другой хитрилъ постоянно со всѣми и не имѣлъ подъ рукою опоры для совокупныхъ дѣйствій противъ общаго врага. Себялюбіе, недостатокъ прозорливости, обширности государственнаго взгляда и твердости воли отмѣчаютъ собою правительственную дѣятельность бояръ, сѣвшихъ на престолъ и не умѣвшихъ показать себя достойными своего новаго положенія; ихъ смущали отсутствіе прошедшаго, которое говорило бы въ пользу ихъ права, неимѣніе за собою преданія, которое возвышало бы ихъ въ глазахъ подданныхъ, недостатокъ величія истиннаго потомственнаго государя и печальная будущность: словомъ, новизна достигла крайности, за которою оставалось одно только паденіе государ-

ственной самостоятельности. И себялюбивое, крамольное боярство пало первое подъ ударами Туречины, охватывавшей тогда весь Ѳракійскій полуостровъ: ему, въ нѣдрахъ своихъ носившему порчу, нельзя было спасти государства, которое съ остальнымъ народомъ рушилось вслѣдъ за своими представителями.

Но въ Сербіи постоянно жила другая сила—великая, нестарѣющая и несокрушимая, — сила вѣры. Православіе было исключительнымъ вѣроисповѣданіемъ собственной Сербіи. Народъ былъ преданъ ему и дорожилъ имъ болѣе, чѣмъ своею независимостію. Ни время, ни насиліе, ни примѣръ отуречивавшихся бояръ не могли поколебать его въ вѣрѣ праотцевъ. Вѣра спасла наконецъ Сербію. Духовенство Сербское носило въ себѣ всѣ свойства послѣдователей Восточной Церкви. Кротость, безкорыстіе, совершеннѣйшая преданность дѣлу вѣры, правильное пониманіе своихъ правъ и обязанностей, постоянное согласіе съ верховною властію и народомъ отличаютъ Сербское духовенство. Во все продолженіе независимаго существованія Сербіи оно не переставало оказывать миротворное и полезное вліяніе на народъ, содѣйствуя верховной власти въ ея добрыхъ распоряженіяхъ. Пастыри Сербіи устроивали туземное священноначаліе, не разъ мирили враждебныя стороны, предупреждали кровопролитіе, подкрѣпляли своимъ вліяніемъ достойнѣйшихъ правителей, помогали имъ въ законодательствѣ, просвѣщали народъ истинами вѣры, водворяли православіе въ завоеванныхъ странахъ и постоянно питали въ народѣ ту сильную привязанность къ вѣрѣ, которая, объ руку съ чувствомъ народности, поддерживала въ Сербамъ духъ самостоятельности, нравственную чистоту и наконецъ главнѣйшимъ образомъ содѣйствовала возстановленію Сербіи въ послѣднее время. При Душанѣ духовенство, въ лицѣ просвѣщеннаго Іоанникія, разумно содѣйствовало къ учрежденію Сербскаго патріаршества, въ чемъ нельзя не признать дальновидности съ той и другой стороны. Греческое духовенство, замѣшанное въ государственныхъ смутахъ послѣднихъ временъ Византійской Имперіи, при всеобщемъ искаженіи нравовъ, не могло поддержать и спасти имперіи отъ угрожавшей погибели; съ Византіею должно было пасть и значеніе Цареградскаго патріарха, а вмѣстѣ и то вліяніе, которое онъ оказывалъ на весь православный Востокъ Европы. Водворившись въ большомъ числѣ въ Сербіи, духовенство Греческое оставалось чуждымъ туземнымъ выгодамъ и поддерживало въ государствѣ разъединеніе, дѣйствуя въ пользу своей народности и во вредъ народности Сербской. По этимъ двумъ причинамъ Душанъ рѣшился учредить Сербское патріаршество, независимое отъ Цареградскаго. Въ этомъ нельзя не видѣть его глубокой проницательности и здраваго государственнаго смысла: учрежденіемъ патріаршества онъ съ одной стороны предупреждалъ несогласіе между Греческимъ и Сербскимъ духовенствомъ, ибо у перваго отнималъ опору, которую оно имѣло въ Цареградѣ въ преимуществѣ патріаршей власти; а съ другой предназначалъ для Сербіи въ дѣлѣ православія то великое значеніе средоточія, которымъ пользовалась Грепія. Онъ предвидѣлъ, что Восточная Имперія неминуемо должна пасть не только отъ Турецкаго меча, но и отъ руки внутреннихъ враговъ порядка и спокойствія; съ нею вмѣстѣ должна была пасть и духовная ея сила. Патріарху Сербскому онъ предназначалъ замѣнить патріарха Цареградскаго, быть главою православной Европы и поддержать православіе, угрожаемое Латинцами и Турками. Властъ Сербскаго патріарха естественно клонилась къ поддержанію и туземнаго духовенства; Греческое было удалено; народность поддержана; связь народа съ духовенствомъ укрѣплена;—и съ той поры Сербское духовенство осталось

по прежнему самою живою частію народнаго существа. Поддерживаемая имъ православная вѣра продолжала оказывать самое благодѣтельное дѣйствіе на умы и нравы народа, а въ годину тяжелыхъ испытаній она явилась единственною нравственною опорою какъ у выселившихся за Дунай Сербовъ, такъ и у подвластныхъ Турціи. Не смотря на крушеніе государственной независимости и отуреченіе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ, Сербы, благодаря своей непоколебимой преданности православію, остались все тѣми же Сербами, какими и были, съ своимъ завѣтнымъ вѣроисповѣданіемъ, съ своими отличительными народными свойствами и съ неугасшимъ чувствомъ самостоятельности. Въ началѣ текущаго столѣтія ихъ нравственныя силы, сбереженныя ими въ продолженіи трехъ съ половиною вѣковъ рабства, поднялись снова, возбужденныя Турецкими жестокостями, и доставили имъ нѣкоторую степень государственней самобытности. Уже не прежнее потрясенное порчею боярство было теперь представителемъ чистыхъ и здоровыхъ силъ народа; но духовенство и та часть народа, которая постоянно оставалась свѣжею и по преимуществу народною, явились теперь вожатаями Сербіи въ борьбѣ ея за независимость. Вѣра, народность и содѣйствіе единовѣрной и всегда сочувствующей Славянамъ Россіи доставили Сербамъ возможность основанія того государственнаго быта, которымъ они теперь пользуются.

Вникая въ проявленія внутренней жизни Сербіи, переданныя намъ туземными памятниками и преимущественно Законникомъ Душановымъ, мы видимъ, что всѣ стороны этой жизни были проникнуты движеніемъ, согласнымъ съ требованіями народности и направленнымъ къ совершеннѣйшему выраженію началъ благоустроеннаго гражданскаго общества. Съ воцареніемъ рода Немани Сербія шла путемъ самобытнаго развитія, и Душанъ не могъ бы сдѣлать всего того, что сдѣлано имъ, если бы до него Сербія не была къ тому предварительно подготовлена. Она шла быстро. Въ полтора вѣка она успѣла во многомъ сравняться съ современными ей Нѣмецкими и Романскими державами. Правда, въ промышленности и понятіяхъ объ удобствѣ жизни она отставала отъ нихъ, но за то едва ли не лучше развита была въ ея законодательствѣ мысль человѣчества. Дѣленіе и права сословныя, преимущественно права низшаго сословія, столь утѣсненнаго въ Германіи феодализмомъ, мѣры земской охраны, судоустройство и представленіе о способѣ и цѣли наказанія искупаютъ ея отсталось въ вещественномъ благосостояніи на столько, на сколько духовная дѣятельность выше тѣлесной. Особенно сильно поражаетъ насъ развитость церковнаго и земскаго права. Похвальный образъ дѣйствій Сербскаго духовенства и благочестіе властителей, слѣдствіемъ коего были многочисленныя надачи церквамъ и монастырямъ, привели къ необходимости уяснить отношенія между начальствующими и подчиненными церквами и монастырями, равно между церковными властями и приписанными къ церквамъ людьми. Главнѣйшія подробности касаются до поставленія властей въ приходскихъ церквахъ и опредѣленіи повинностей церковныхъ людей. Земское право, не менѣе развитое, занимается преимущественно поземельною собственностію и установленіемъ пограничнаго права, государственными работами и повинностями, управленіемъ жупъ и городовъ, опредѣленіемъ количества труда и отношенія между сельскимъ сословіемъ и частными землевладѣльцами, защитою областей отъ вторженія бездомныхъ скитальцевъ, враговъ и нарушителей общественнаго спокойствія и безопасности. Въ государственныхъ и частныхъ подданныхъ, кромѣ отроковъ и дѣтичей, которыхъ вообще было не много, мы видимъ развитіе до

нѣкоторой степени личной независимости подъ покровительствомъ закона. Вообще уваженіе правъ человѣка во всѣхъ сословіяхъ и во всѣхъ гражданскихъ отношеніяхъ составляетъ самую свѣтлую сторону средневѣковаго государства. Хотя въ Сербіи мало развитія получила торговля и хотя торговаго права для Сербовъ почти не существовало, однако сношенія съ Дубровникомъ показываютъ, что Сербы занимались промыслами, относившимися до сырыхъ произведеній; а торговыя грамоты свидѣтельствуютъ, что и они имѣли понятіе о торговомъ правѣ и уважали торговый духъ въ другихъ. Если главныя условія народнаго богатства состоятъ въ выгоднѣйшемъ употребленіи труда, то Сербовъ нельзя упрекать въ пренебреженіи торговлею и обработываніемъ сырыхъ припасовъ; при другихъ условіяхъ они, конечно, занялись бы и этимъ, подобно Дубровничанамъ, но государственныя обстоятельства, внутренній бытъ, и, главное, предложенія самой страны побуждали ихъ къ тому роду промышленности, которому они и до сихъ поръ преимущественно посвящаютъ свой досугъ,—добыванію и отпуску за границу сырыхъ произведеній, въ особенности металловъ и сала. Тѣмъ не менѣе памятники наши указываютъ на нѣкоторые слѣды существованія въ Сербіи туземныхъ купцовъ и ремесленниковъ, хотя и не въ видѣ особаго сословнаго разряда.

Зета, называемая въ болѣе тѣсномъ смыслѣ Далмаціею и Дукліею, составляла задолго до Неманичей ядро Сербіи. Бѣгство Белы Уроша въ Захлумье, пограничное съ Зетою, а можетъ быть, и входившее въ нее нѣкоторою своею частью, бѣгство Тѣхомила въ Дуклю, рожденіе Немани въ Зетѣ, наконецъ положеніе Дестницы и Расы по близости, или даже въ восточныхъ предѣлахъ Зеты, и храненіе великожупанскаго достоинства Дестницкими, Дуклянскими и Рашскими старшинами: все это доказываетъ, что Зета была постоянно для Сербіи средоточіемъ власти и вмѣстѣ съ тѣмъ главнѣйшею ея частію, оказывавшею первенствующее вліяніе на общественныя дѣла. Такое значеніе ея условливалось двумя обстоятельствами. Первое: Зета была гнѣздомъ рода Немани и мѣстомъ воспитанія большей части Неманичей, которые отличали ее почетнымъ названіемъ дѣдины. Она до самого Душана оставалась частною собственностію или родовымъ удѣломъ Неманичей, что придавало ей особность и самостоятельность. Отличаясь всегда своею цѣльностію, согласіемъ выгодъ народа, бояръ своихъ и жившихъ въ ней королевскихъ родичей и въ то же время неразрывно связанная съ прочими Сербскими землями единствомъ вѣры и власти, она необходимо была преобладающимъ угломъ восточной Сербіи. Чисто народное направленіе, враждебное Греческому вліянію, придавало ей еще болѣе вѣса. Второе: Зета составляла самый высокій нагорный уголъ южной Сербіи. Извѣстно, что въ горахъ народъ долѣе сберегаетъ свою самостоятельность и свои отличительныя свойства, чѣмъ на равнинахъ. Весь южный уголъ Сербіи, наполненный горами, откуда берутъ начало обѣ Моравы, Ибаръ, Ситница, Лимъ, Морача, Дримъ, Черна, Вардаръ и Пшина, всегда господствовалъ надъ плоскостію, орошаемою Дриною и Моравою и переходящею въ Посавскую низменность. Ближайшія отношенія къ Греціи и частыя взаимныя брани заставляли всѣ силы Сербіи приливать къ этому углу, который равномѣрно господствовалъ и надъ южною равниною, простирающеюся по Вардару и Струмѣ до Аѳонскихъ мысовъ. Вотъ по чему искони, владѣя этимъ угломъ или древнею Дарданіею, Сербія со временемъ распространилась и на югъ въ Македонію. Сдѣсь же, среди горъ, лежалъ рядъ королевскихъ и архіепископскихъ столицъ древней независимой Сербіи. Западную, еще болѣе высокую

часть этого гористаго угла составляла верхняя Зета, которая, вмѣстѣ съ нижнею, спускавшеюся въ приморскую и Скадарскую равнины, представляла всѣ условія самостоятельной и сильно развитой жизни. Между тѣмъ, какъ Босна, сама по себѣ гористая на югѣ и отдѣленная горами съ запада, юга и востока отъ прочихъ Сербскихъ областей, переходя въ Посавскую низменность, естественно продолжалась и за Саву и подчинялась преобладанію Угріи; между тѣмъ, какъ приморскія общины, лежавшія въ узкой береговой полосѣ, должны были испытывать вліяніе моря и противуположнаго берега, Зета, хотя и приморская область, владѣвшая Которскимъ заливомъ, одною изъ лучшихъ гаваней въ мірѣ, представлялась однако страною съ средоземными свойствами, ибо въ ней надъ равнинами, питавшими ея жителей и избавлявшими ихъ отъ необходимости морской торговли, преобладала сплошная горная масса, привязывавшая ее къ остальной Сербіи. Земледѣльческое и торговое значеніе уступали въ ней первенство значенію государственному, которое она имѣла для Сербіи. Отъ того-то, когда прочія области отпали отъ Сербіи, она постоянно находилась съ нею въ неразрывной связи. Въ ея восточныхъ предѣлахъ находилось то средоточіе, къ которому влеклась вся остальная Сербія, для котораго и она должна была отказаться отъ дѣятельности приморской торговой общины. Отсюда ея важное значеніе для Сербіи, тѣмъ важнѣйшее, что тогдашняя Сербія была образована не столько граждански и промышленно, сколько воински; а гористыя страны, какъ извѣстно, поддерживаютъ воинственный духъ народа. Но Зета могла только оказывать вліяніе на собственную Сербію; отъ Македоніи же она отдѣлена была Епиромъ и горою Шаромъ: по этому когда Душанъ, черезъ обширныя свои завоеванія, распространилъ свою власть до того, что собственная Сербія явилась только частицею его огромной державы, и столица перенесена была въ Средецъ, тогда и Зета навсегда утратила свое преобладаніе надъ прочею Сербіею; а потомъ, когда въ Сербской державѣ показалась государственная порча, и Сербія, теряя самостоятельность, обремененная завоеваніями, угнетаемая разъединяющею силою личныхъ боярскихъ стремленій по различнымъ областямъ, вступила, по примѣру и не безъ нравственнаго участія Греціи, на путь разрушенія и гибели, тогда Зета совсѣмъ отстала отъ Сербіи и положила себѣ задачею блюсти вѣру, независимость и народность. Бояре Зетскіе дорожили выгодами всей Сербіи, считая ихъ своими областными выгодами; они смотрѣли на вопросъ преемства власти, какъ на вопросъ жизни и благосостоянія собственнаго, и по тому всегда старались возводить на престолъ тѣхъ королевскихъ родичей, которые жили у нихъ, были имъ извѣстнѣе и могли представить болѣе за себя ручательствъ: они предпочли незаконнаго Стефана, прозваннаго Дечанскимъ, законному Владиславу. Привязанные всѣми выгодами къ землѣ, на которой сидѣли, постоянно храня въ себѣ старинное сословное единство и дѣйствуя въ духѣ цѣлаго сословія, Зетскіе бояре не могли допустить въ Сербіи враждебнаго имъ вліянія и всегда стояли за народную сторону: ихъ стараніями Дечанскій и Душанъ предупредили сліяніе Сербіи съ Греціею и водвореніе Греческаго племени на престолѣ Неманичей. Зета отличалась своею привязанностію къ старинѣ. Въ ней долѣе хранились преданія родоваго быта, и тогда какъ въ остальной Сербіи давно уже господствовали государственныя отношенія и дѣйствовала воля самодержца, въ ней находили себѣ поддержку тѣ изъ Неманичей, для которыхъ родовое начало казалось выгоднѣе государственнаго: отсюда Вуканъ домогался общаго владѣнія всею родовою собственностію; отсюда же Константинъ и

Симеонъ еще стремились осуществить старинныя представленія о родовой собственности, — одинъ, ища общаго владѣнія отцовскимъ наслѣдіемъ; другой, предъявляя преимущества дяди передъ племянникомъ. Можетъ быть, въ этомъ была уже безвременная крайность; но за то она и не получила осуществленія, ибо бо́льшая часть Зетскаго народа уже признавала необходимость новыхъ началъ; за то общій духъ привязанности къ старинѣ и въ особенности къ родовымъ началамъ сберегъ для Зеты единовластіе и поддерживалъ въ народѣ чувство уваженія къ законнымъ властителямъ. Тогда какъ Сербія, увлеченная крайностями несдержанной новизны, по примѣру Греціи, допустивъ бояръ истребить домъ Дечанскаго, непосредственно преемствовавшій дому Неманичей, и сѣсть соперниками на престолѣ, похищенномъ у законной власти, поплатилась за то своею независимостію, Зета спокойно пользовалась тѣмъ итогомъ, до котораго дошли всѣ Славянскія племена, отправившіяся отъ общинной жизни, итогомъ наслѣдственнаго самодержавія. Въ ней Балша основываетъ цѣлый потомственный рядъ законныхъ правителей, послѣ которыхъ власть преемственно переходитъ къ родственному дому Черноевичей. Въ послѣдствіи даже самое званіе владыки пребывало въ одномъ родѣ Нѣгушей, къ которому принадлежитъ и нынѣшній князь, Даніилъ. При Иванѣ Черноевичѣ нижняя Зета и бо́льшая часть приморья были утрачены; верхняя Зета или Черногорія еще болѣе сосредоточилась въ себѣ самой и постоянно оставалась представительницею Сербской независимости. Замѣчательно, что эта доля досталась той самой области, которая нѣкогда служила ядромъ для развитія Сербскаго государства и потомъ долгое время снабжала его правителями, составляя главнѣйшее его звѣно. Гористое мѣстоположеніе, особность и внѣшнія непріязненныя обстоятельства довели храбрость ея народа до баснословныхъ размѣровъ. Заклятая вражда къ Туркамъ, преданность православной вѣрѣ и чувство независимости возвысили въ ней духъ народный до высшей степени. Черногорія, благодаря своему направленію, остается неизмѣнною во внутренней своей жизни: доселѣ правленіе ея носитъ слѣды родоваго старшинства; въ народѣ ея хранятся живые слѣды древнѣйшаго Славянскаго быта, и пѣсни ея суть пѣсни цѣлаго народа. На востокъ отъ Черногоріи, въ суточномъ разстояніи отъ неприступныхъ жилищъ Черногорскаго племени Васоевичей, уже начинаются горы нынѣшняго независимаго княжества Сербіи. По тропинкамъ этого узкаго раздѣла, принадлежащаго Турціи, Сербы всегда сносились съ Черногорцами; одинъ духъ вѣялъ въ горахъ тѣхъ и другихъ;—и сдѣсь, въ томъ же южномъ нагорномъ углу Сербіи, впервые зачалась и потомъ постоянно находила себѣ опору страшная борьба Сербовъ за независимость, охватившая всю Сербію и окончившаяся исторженіемъ изъ рукъ Турокъ значительной части угнетенныхъ ими Славянъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПАМЯТНИКИ.

До сихъ поръ я разсматривалъ народные памятники Сербовъ съ исторической точки зрѣнія, по скольку они проявляютъ въ себѣ жизненной дѣятельности народа и по скольку это намъ нужно будетъ для уразумѣнія различныхъ видоизмѣненій Сербскаго языка, который, при посредствѣ письменности, служа выраженіемъ мысли народа въ разныя поры его бытія, неразлучно съ народомъ двигался по пути его историческаго шествія и живо воспринималъ въ себя отпечатки, налагаемые на него повременною жизнію народа. Теперь мнѣ предстоитъ главнѣйшая задача — разсмотрѣть эти памятники съ филологической стороны, въ той мѣрѣ, въ какой они представляютъ собою постепенное движеніе письменнаго языка Сербовъ въ связи съ различными нарѣчіями, искони жившими въ народномъ говорѣ и условливаемыми мѣстнымъ развѣтвленіемъ Сербскаго народа по областямъ. Но прежде, чѣмъ приступлю къ изложенію самой исторіи Сербскаго языка по народнымъ историческимъ памятникамъ, писаннымъ Кирилицею, считаю нужнымъ еще разъ предварительно взглянуть на эти *памятники*, какъ на почву, на которой должны основываться всѣ мои язычныя изысканія и выводы.

Нѣтъ сомнѣнія, что языкъ, такъ, какъ онъ звучитъ въ устахъ народа, имъ говорящаго, сохраняется гораздо цѣльнѣе и невредимѣе, чѣмъ языкъ, перешедшій въ письменность, хотя бы того же самого народа. Первый живетъ во всей совокупности народа и совершаетъ свое движеніе вмѣстѣ съ народною жизнію, между тѣмъ, какъ второй зависитъ часто отъ дѣятельности немногихъ лицъ. Будучи, такъ сказать, условнымъ способомъ выраженія мыслей, письменный языкъ находится въ рукахъ людей болѣе, или менѣе образованныхъ, а таковые не составляютъ еще всего народа. Уже по тому одному, что люди эти образованы, вліяніе на него чужой стихіи дѣлается возможнымъ, какъ оно дѣйствительно и бываетъ почти всюду и всегда. Мы разумѣемъ сдѣсь языки средневѣковой Европы. То, что мы называемъ чистотою или пуризмомъ письменнаго языка, не есть еще знакъ того, чтобы языкъ приблизился къ народности: какъ чистота, такъ и вообще совершенствованіе письменнаго языка, сопутствующее процвѣтанію народа, суть условныя качества, показывающія только, что искусство писателей умѣло сгладить въ языкѣ ту шероховатость, которая непріятно звучала въ средневѣковой его письменности. Положимъ даже, что по мѣрѣ процвѣтанія народной жизни писатели знакомятся болѣе и болѣе съ своимъ народомъ, и вліяніе этого знакомства на письменный языкъ бываетъ благодѣтельно; но, тѣмъ не менѣе, вглядѣвшись въ языкъ, которымъ они пишутъ, мы находимъ въ немъ еще много такого, что обличаетъ

присутствіе чужой стихіи:—словомъ, исключая языки первобытные, едва ли есть такой письменный языкъ, который бы, въ отношеніи вещества своего и строенія, былъ столь же безукоризненно чистъ и самостоятеленъ, сколько онъ чистъ и вѣренъ самому себѣ въ говорѣ народномъ. Тѣмъ менѣе можно ожидать народности отъ средневѣковой письменности всякого языка, когда грамотѣи, желая высказать свою образованность знаніемъ того, или другаго иноплеменнаго языка, смѣло вводили въ свое писаніе чужія формы и слова подъ рядъ съ народными. Такимъ образомъ письменный языкъ, завися всегда и всюду отъ произвола пишущаго сословія, дѣлаясь достояніемъ образованнаго общества, отличается отъ устнаго, народнаго, не только своимъ условнымъ совершенствомъ, какъ-то, чистотою, правильностію, положительностію формъ, благозвучіемъ и т. п., но еще и присутствіемъ чужой стихіи въ большемъ, или меньшемъ объемѣ. Отъ того въ немъ, какъ зависящемъ отъ извѣстнаго количества людей, возможно развитіе и совершенствованіе, если можно такъ назвать всякое движеніе впередъ, будетъ ли оно къ лучшему, или худшему концу. Всякій письменный языкъ имѣетъ свою исторію, въ которой ясно замѣтить можно преемство формъ по вѣкамъ и тѣ степени совершенствованія, которыя проходилъ языкъ изъ глубины минувшей жизни на свѣтъ новѣйшихъ временъ. Одинъ письменный языкъ дѣлаетъ на этомъ пути бо́льшіе шаги, другой меньшіе; однако всѣ движутся и совершенствуются. Это суть языки болѣе, или менѣе искусственные. Но подъ письменнымъ языкомъ, какъ верхнимъ слоемъ, всегда находится осадокъ, превосходящій его своимъ объемомъ: это народный, устный языкъ, тотъ, которымъ говоритъ весь народъ, исключая образованное общество, нарѣчіе котораго всегда приближается къ письменному языку. Чистый, истинно народный языкъ живетъ въ совокупности всего народа, имъ говорящаго, и не зависитъ ни отъ какого сословія, ни отъ какого личнаго произвола. Отъ того онъ чуждъ движенія въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно существуетъ въ письменномъ языкѣ; онъ ростетъ по мѣрѣ роста самого народа, по мѣрѣ того, какъ народъ расширяетъ кругъ своего знакомства съ видимымъ міромъ и развиваетъ свои духовныя силы; но онъ всегда остается однимъ и тѣмъ же съ своими свойствами самобытными и неизмѣнными. Его исторія не есть исторія письменнаго языка; преемство формъ въ немъ совершается медленнѣе и въ въ иномъ смыслѣ; за то въ немъ есть преемство мысли. Разсматривать, какъ народъ мыслію своею восходилъ отъ внѣшняго міра къ міру духовному и какъ въ одномъ словѣ сосредоточивалъ постепенно различныя понятія, видоизмѣняя и перено́ся ихъ,—вотъ предметъ его исторіи. И сдѣсь, на этомъ поприщѣ, языкъ является вѣрнымъ спутникомъ своего народа, яснымъ отраженіемъ его нравственныхъ силъ, художественнаго чувства и умственно-созерцательной способности. Его путь таковъ же, каковъ и жизненный путь самого народа.

Сербы, при самомъ водвореніи у нихъ грамотности, являются съ двоякимъ языкомъ, устнымъ и письменнымъ, которые рѣзко отличаются одинъ отъ другаго. Между тѣмъ, какъ первый былъ чистымъ Сербскимъ нарѣчіемъ съ тѣми признаками, которые онъ и доселѣ имѣетъ, второй подчинился больше, или меньше вліянію Церковнославянскаго и сдѣлался смѣшаннымъ Сербобулгарскимъ нарѣчіемъ. На этомъ языкѣ совершалась вся древняя письменность Сербовъ; всѣ доселѣ сохранившіеся памятники ея носятъ на себѣ въ большей, или меньшей мѣрѣ слѣды вліянія Ц.-Славянскаго языка, который у древнихъ Сербовъ стоялъ на первомъ мѣстѣ въ ряду предметовъ, потребныхъ для человѣческаго образованія. По мѣрѣ этого вліянія мы раздѣлили всѣ Ста-

росербскіе памятники на два разряда, Славянобулгарскіе, въ которыхъ преобладаетъ древнее Булгарское нарѣчіе, и народные, въ которыхъ преобладаетъ народный или собственно Сербскій языкъ. Первые разсмотрѣны Шафарикомъ въ его Serbische Lesekörner, гдѣ ученый славяновѣдецъ доказалъ, что народный языкъ Сербовъ все таки пробивался сквозь Славянобулгарскую стихію и чрезъ то самое пріурочивалъ ихъ къ Сербской письменности. На эти памятники Сербы имѣютъ такое же право, какъ и на свои народные. Не смотря на все желаніе древнихъ Сербскихъ грамотѣевъ писать чистымъ Булгарскимъ языкомъ, живое нарѣчіе живаго народа не могло заглохнуть совершенно подъ покровомъ пришлаго языка и, невольно выставляясь наружу, придавало особый отличительный видъ ихъ письменности, который ясно показывалъ, что она принадлежала именно Сербамъ, а не кому другому. Изъ упомянутаго сочиненія Шафарика, равно какъ изъ его Славянскихъ Древностей, мы убѣждаемся также, что устный, коренной языкъ Сербовъ въ доисторическое время звучалъ точно такъ же, какъ звучитъ и понынѣ, если слѣды его уже обнаруживаются въ первыхъ памятникахъ Сербской письменности: слѣдовательно, уже тогда онъ имѣлъ въ себѣ тѣ же самые звуки и тѣ же самыя формы, какіе имѣетъ и теперь, а по тому не онъ отклонился отъ письменнаго языка, а на оборотъ, этотъ послѣдній уклонился отъ него принятіемъ въ себя чужой, Славянобулгарской, стихіи. Прослѣдить исторически воздѣйствіе народнаго языка на Древнебулгарскій было задачею Шафарика; нашею задачею, какъ сказали мы въ Введеніи, будетъ разсмотрѣніе по вѣкамъ воздѣйствія Древнебулгарскаго языка на народный въ тѣхъ памятникахъ, которыхъ только слегка и отчасти коснулся Шафарикъ и въ которыхъ народная стихія преобладаетъ. Такимъ образомъ почва, которая предлежитъ намъ для обработки, есть по преимуществу народная; но въ то же время она принадлежитъ области письменнаго языка Сербовъ, а слѣдовательно, не чужда звуковъ и формъ Д.-Булгарскихъ, посѣянныхъ на ней писцами. Дѣйствительно, проходя по этой почвѣ, мы не разъ встрѣтимся съ такими звуками и такими формами, которые въ устномъ языкѣ Сербовъ или вовсе не существуютъ, или, если и существуютъ, то въ иномъ видѣ, и тутъ же замѣтимъ, что народный языкъ старается замѣнить ихъ по своему. Мѣстами эти звуки и этѣ формы живутъ въ полной силѣ, мѣстами они слабѣютъ, будучи вытѣсняемы народными, а индѣ вовсе исчезаютъ. Всего болѣе держатся они во вступленіяхъ и отчасти въ концѣ грамотъ, преимущественно тѣхъ, гдѣ православное духовенство принимало наибольшее участіе; всего менѣе находятся они въ срединѣ грамотъ, гдѣ излагается сущность дѣла, и притомъ, чѣмъ мелочнѣе и ближе къ дѣлу содержаніе, тѣмъ чище народный языкъ. Съ другой стороны, если обратимъ вниманіе на мѣстонаписаніе грамотъ или, что то же, семьи, на которыя онѣ распадаются, то увидимъ, что Ц.-Славянскій языкъ господствуетъ въ собственно-Сербскихъ грамотахъ, преимущественно Аѳонскихъ, слабѣетъ въ Зетскихъ, Турецкихъ, Боснійскихъ и почти совершенно изчезаетъ въ Дубровницкихъ, Хлумскихъ и Травунскихъ. Причина очевидна: въ Сербіи господствовало православіе, ознаменованное благодѣяніями королей, царей и деспотовъ къ Церкви и духовенству. Самый языкъ своею возвышенностію отвѣчалъ величію Сербскихъ государей; въ мелкихъ же грамотахъ, данныхъ Дубровнику большею частію по торговымъ дѣламъ, онъ замѣтно уступаетъ мѣсто народному. Напротивъ, Дубровничане, исповѣдывавшіе католическую вѣру, народъ торговый, дѣловой, не имѣли надобности прибѣгать къ Ц.-Славянскому языку и писали почти чистымъ народ-

нымъ языкомъ: такимъ же отвѣчали имъ и бояре Хлумскіе и Травунскіе. Средину между этѣми двумя крайностями занимаютъ Боснійскія грамоты, въ которыхъ преобладаніе того, или другаго языка уравновѣшивалось какъ государственными, такъ и вѣроисповѣдными причинами. Съ одной стороны, виды Боснійскихъ королей на Сербію и покровительство, оказываемое ими православнымъ и Патаренамъ, на которыхъ опиралась народная самостоятельность; съ другой, различіе вѣроисповѣданій, наружное господство католицизма и близкія сношенія съ западными сосѣдями: — все это опредѣлило для Боснійскихъ грамотъ серединное мѣсто, которое онѣ занимаютъ между предыдущими семьями. Какъ бы то ни было, мы не должны забывать, что приступаемъ къ исторіи письменнаго, а не устнаго языка Сербовъ, и что на каждомъ шагу можемъ встрѣтить звуки и формы Ц.-Славянскіе рядомъ съ народными.

Независимо отъ истинныхъ признаковъ того и другаго языка, часто въ грамотахъ попадаются такіе признаки, которые, по видимому, или вовсе не могутъ существовать, или придаютъ иной оттѣнокъ обоимъ языкомъ. Но изслѣдователь не долженъ увлекаться ими. Знакомый лично съ памятниками и читавшій ихъ непосредственно въ томъ видѣ, въ какомъ они выходили изподъ пера дьяковъ, увидитъ, что тутъ лишь дѣло внѣшности, правописанія. Представимъ себѣ цѣлыя толпы писцовъ, которые въ продолженіи столѣтій пишутъ независимо одинъ отъ другаго безъ всякихъ правилъ, безъ всякого взаимнаго соглашенія. Единства между ними нѣтъ, ибо нѣтъ положительныхъ правилъ для писанія. Только наука можетъ возбудить единство между людьми разныхъ вѣковъ; но такъ какъ правописанія въ смыслѣ науки не было, то всякій писецъ выражалъ по своему тѣ звуки, которые казались ему затруднительными. Однѣ и тѣ же буквы служили для каждого писца различными условными знаками; а истинной природы буквъ писцы не понимали. И на оборотъ, одинъ и тотъ же звукъ они выражали различными буквами. Это показываетъ, что начертанія Кирилицы, изобрѣтенной не въ ихъ странѣ, уже потеряли для нихъ свое внутреннее значеніе: кто какъ хотѣлъ, такъ и писалъ. Еще лучше бы было, если бы дьяки писали такъ, какъ произносили; нѣтъ, они мудрили Кирилицею: одинъ хотѣлъ написать слово такъ, какъ оно звучало въ устномъ его языкѣ; другой хотѣлъ этому слову придать Ц.-Славянскій видъ, пренебрегая настоящимъ его произношеніемъ, и придавалъ часто не впопадъ; третій, замѣчая, на пр., въ Д.-Булгарской письменности разумное удвоеніе нѣкоторыхъ гласныхъ въ извѣстныхъ формахъ, удвоивалъ безразлично гласныя тамъ, гдѣ вовсе не слѣдовало ни по правиламъ граматики, ни по законамъ благозвучія, и т. д., — словомъ, въ этомъ смѣшеніи внѣшнихъ знаковъ написанія изслѣдователь никакъ не долженъ видѣть что либо существенное, принадлежащее къ свойствамъ языка; но онъ обязанъ найти истинный звукъ въ случайныхъ его образахъ, зависѣвшихъ отъ произвола писцовъ. Достовѣрность языка можетъ быть узнана изъ сличенія словъ въ различныхъ грамотахъ. Чѣмъ отдаленнѣе по мѣстности и независимѣе одна отъ другой грамоты, тѣмъ достовѣрнѣе встрѣчающіяся въ нихъ одинаковыя формы. При этомъ нужно обращать вниманіе и на то, одинъ ли и тотъ же дьякъ писалъ ихъ, или разные дьяки, при одномъ ли и томъ же дворѣ, или при разныхъ дворахъ, въ одномъ ли и томъ же мѣстѣ, въ одно ли и то же время, или въ разныхъ мѣстахъ и въ разныя времена онѣ писаны. Изъ совокупности всѣхъ случаевъ употребленія можно вывести положительные законы для языка, и по тому всегда нужно обращать вниманіе на численное количество встрѣчающихся формъ. Ошибка не можетъ повто-

раться сподрядъ нѣсколько разъ, и чѣмъ значительнѣе число случаевъ, въ которыхъ встрѣчается извѣстная форма, тѣмъ достовѣрнѣе она. Изъ счисленія количества случаевъ можно видѣть, какая форма преобладала, а отсюда можно заключать и о преобладаніи въ письменности одного языка надъ другимъ. Не менѣе нужно обращать вниманіе и на то, съ кѣмъ, въ какихъ сношеніяхъ и гдѣ писана извѣстная грамота. Одно и то же лицо могло дать нѣсколько грамотъ, различныхъ между собою въ признакахъ языка и правописанія. Это зависѣло отъ того, подъ чьимъ вліяніемъ писалась грамота: въ договорахъ очень часто случается, что лицо, которое даетъ грамоту, даетъ ее уже на основаніи готоваго содержанія, доставленнаго ему противною стороною; и по тому писецъ легко можетъ удержать въ грамотѣ нѣкоторые признаки того нарѣчія, которымъ пишетъ противная сторона: такъ между собственно-Сербскими грамотами находимъ величайшую разность, смотря по тому, дана ли была грамота Дубровнику, или Аѳону. Такъ грамота, заключающая договоръ Дубровничанъ съ Булгарскимъ царемъ Асѣномъ, отличается отъ другихъ современныхъ Дубровницкихъ грамотъ ближайшимъ къ Ц.-Славянскому употребленіемъ буквы ѣ, образованіемъ полнаго окончанія глаголовъ въ 3-мъ лицѣ обоихъ чиселъ и многими другими булгаризмами.

Отъ писца зависѣло также уясненіе, или скрытіе того мѣстнаго нарѣчія, которымъ онъ говорилъ и къ которому принадлежалъ. То, что сказали мы о свойствѣ письменнаго языка Сербовъ, равно какъ правописаніи грамотъ, можетъ дать понятіе о смѣшеніи звуковъ и формъ, не только по внутреннимъ ихъ свойствамъ, но и по внѣшнему виду. Славянобулгарскіе звуки и формы, стоящіе на ряду съ Сербскими, и произвольное выраженіе звуковъ на письмѣ не мало затемняютъ тѣ подрѣчія и разнорѣчія, на которыя распадается Сербскій языкъ. Раздѣленіе грамотъ на семьи имѣетъ здѣсь свое значеніе; но провести между ними строгое различіе по языку невозможно, ибо, какъ сейчасъ мы сказали, всѣ онѣ находятся подъ большимъ, или меньшимъ вліяніемъ Славянобулгарской стихіи и личнаго произвола писцовъ. Съ внутренней стороны чужая стихія, съ внѣшней неопредѣленность правописанія сглаживаютъ особенности въ свойствахъ и употребленіи звуковъ и формъ и придаютъ грамотамъ не одновидность, но непонятную на первый разъ пестроту, среди которой трудно отыскать настоящіе признаки той, или другой мѣстности. При ближайшемъ знакомствѣ съ языкомъ грамотъ мы увидимъ нѣкоторыя особенности мѣстнаго произношенія; теперь же пока я приведу нѣсколько примѣровъ въ подтвержденіе того, что доселѣ было сказано мною о правописаніи. Такъ въ одной и той же Боснѣ и именно при королевскомъ дворѣ, на разстояніи 7-ми лѣтъ, писали: въ гр-ѣ Дабыши 1392 г. (С. № 81):...ва изъвльшеніе сна. и саньтиѧ свтаго дха. иже вь начетакь небеса дивнѣ втврьжденые втврьди и васеленю своею волию основа за милосрьеже милости синде снебесе... и падьшее удовиче суштьство прѣстаплениемь собою обожиль на небеса каждьде. ѳимь же вса ѡ небитиѧ вь битие састалиша бише....ѳимь же и нифтрь црьсци по всеи васеленнои втврьжаютсе...; а въ гр-ѣ Остоя 1399 г. (С. № 85):... ва испьнение сина и стаго дха иже ва начетакь небеса дивнимь втврьжденнемь втврьди и васеленю своію оснива за милосрьдье же милости синде снебесь... и падьшее уднче сущьство прѣстаплениемь собою обожиль на небеса каждьде тимже вса ѡ небитиѧ ва битие састалена бише... тимже и кипатреи царьсци по всои васеленои втврьждаютьсе... Чрезъ 6 лѣтъ въ гр-ѣ Тврьтка 1405 г. (С. № 89) это написано

такъ:... вь испльние ⷭ҇ина и светга ⷣ҇ха иже ва начетк небесь дивнамь втврждень втврьди и васеленвю ѡснова земля. милосрьдие же милости синде снебесе...и надше члобче свщство прѣствпленьемь собою ѡбжнвь...тимже вса ѿ небитья ва битья састалена бише.. тимь же и скипетрѣ царскаѣ по всои васеленои втврьждаютсе... Еще далѣе, въ 1419 году, въ гр-ѣ Стефана Остоича (С. № 95) писали.... вь испвнение сина и светога духа иже ва начетакь небеса дивнимь втврьжениемь втврьди и васеленвю свосю ѡснова земль срьдже мости синде снебесе... и надьшее члобче свщво пристѵпление собою ѡбожнвь их небеса вьзведе тимь же васа ѿь небитиѣ вь битье састалена бише.. тимь же и скѵфетра црьскя по всои васеленои втврьждаюсе... Въ 1443 г. въ гр-тѣ Ѳомы Остоича (З. А):... иже ва начетакь небес дивнимь встроениемь втврьди. и васеленвю своею волею ѡснова за милосрьдие же милости. приде снебесе... и падьше члбче свщво пристѵпление. собою ѡбожнвь их небеса взиде... тимь же и скѵпетри, царьски, по всои васеленои. втврьѣюѣесе...Наконецъ уже въ 1461 г. въ гр-ѣ Томашевича (С. № 150) то же самое написано такъ:... иже ва начетакь небесь дивнимь втврьѣениемь втврьди и васелени своею волею ѡснова за милосрьдье же милости приде снебесь... и надче члбче свщко прѣствпление собою обожнвь на небеса взиде... тимже и скѵпетри царьски по всои васеленои втврьѣаюѣесе...Очевидно, дьяки списывали грамоты другъ у друга, но въ то же время всякій передѣлывалъ правописаніе по своему; даже, передѣлывая его по своему, не соблюдалъ однообразія и безпрестанно измѣнялъ самому себѣ. Такъ въ приведенномъ примѣрѣ, измѣнивъ синде въ сиѣде, онъ оставилъ безъ перемѣны тимже; написавъ члбче, пишетъ въ то же время прѣствпление и т. д. Одинъ употребляетъ Церковнославянскую, хотя и неправильную, форму: вь испльние; другой народную: ва испвнение; а между тѣмъ первый пишетъ ѿ небитья, а второй ѿ небитиѣ и т. д. Вообще подобныхъ примѣровъ неточности въ правописаніи можно найти безчисленное множество[1]. Иногда въ грамотахъ мелькаетъ простая разсѣянность писцовъ; такъ ничѣмъ болѣе нельзя объяснить подобное сочетаніе словъ: боже славни ва троицѣ ва ѻци же реку и сину и светиме духомь (С. № 144). Въ гр-ѣ С. № 16 поражаетъ насъ странное употребленіе двойственнаго числа вмѣсто множественнаго: и вь блаженвю. четири. еваньгелисте... и вь стѣвю. мученике гне власиѣ. ловрѣньтьѣ. петра. и аньдрѣю. нашехь светитель. Во многихъ грамотахъ повторяется подобное выраженіе: печатити ѡбичномь великомь вироваиомь подь висвив печать вероване (С. NN№ 127, 130, 141); или вотъ еще примѣръ безсмыслицы: що е биль заклю при цру стефану, и при гну и родителюми ваьку, и при стопочившаго кнеза лазаря, и при стопочившаго гна и родителѣми деспота стефана (С. № 137), которая объясняется тѣмъ, что въ предыдущихъ грамотахъ, съ коихъ списывалась гр-а № 137, вмѣсто предлога при стоитъ у. Или: али прѣдь светлаго гподниѡ кралемь угарсцимь али прѣдь турскимь гподарѣ, а или прѣдь краля босанскога и т. д. Кромѣ разсѣянности, причиняющей безсмыслицу, укажемъ на умствованіе писцовъ при переписываніи грамотъ. Часто позднѣйшій писецъ даетъ совсѣмъ другой смыслъ выраженію и мысли своего предшественника. Для примѣра укажу на начала вышеприведенныхъ Боснійскихъ грамотъ. Въ древнѣйшей гр-ѣ сказано: ва изьплънение ⷭ҇на. и свьтиѣ свтаго ⷣ҇ха, а въ списанной съ нея: ва испвнение сина и

[1] Ср. также С. NN 49, 50, 62, 90. 91, 99, 111, 1??; А. N 13.—С. NN 71, 84, 97, 100, 113, 148.— С. NN 101, 102, 104. — С. NN 57, 105, 136. — А. NN 18, 19.

стаго Дха и то же повторено въ слѣдующихъ, списанныхъ со второй. Въ первой выражена мысль: **ва наустаиь небеса утврьди**, что повторено еще въ двухъ другихъ; но въ остальныхъ трехъ мысль эта переиначена: **ва наустиь небесь утврьди**, гдѣ, придавъ другой смыслъ отношенію первыхъ двухъ словъ, писецъ забылъ про глаголъ **утврьди** и оставилъ его уже безъ всякого управленія. Первые писцы высказывали мысль, что Богъ **падьшее уловиче сущьство обоживь на небеса вазьведе**, а позднѣйшіе два поняли иначе, что Богъ **падуе уличе сущо обожива на небеса узиде**; первые писали: **скипетрь црьсци утврьжаютсе и красещесе славеть бга**, а позднѣйшіе двое пишутъ: **скипетри царьски утврьѣлюѣсе и красѣесе славеть бога**. Одинъ писецъ, по разсѣянности, написалъ **приступлениье вм. приступлениьемь** и другой, за нимъ слѣдовавшій, повторилъ то же; но первый, не разобравши хорошо той грамоты, съ которой списывалъ, сдѣлалъ еще важнѣйшій промахъ, написавъ совершенную безсмыслицу: **земль срьѣ вм. за милосрьдие**, отъ которой, впрочемъ, оба позднѣйшіе воздержались. Предшественникъ же его, хотя тоже не разобралъ этого мѣста въ подлинникѣ, однако, для избѣжанія безсмыслицы, придалъ ему такой смыслъ: **населению основа земля. милосрьдие же милости снидe свебесе**. Такъ первый писецъ писалъ: **о веле мощна сило пресТаго Дха тебе славимь и вь троици** (С. № 71), а заимствовавшій у него далъ другой оттѣнокъ его мысли: **о веле мощна сило пресвятаго Дха бже славими ва троици** (С. № 84) и всѣ позднѣйшіе повторили то же самое (С. №№ 97, 100, 104, 114, 144) и т. д. Эти сравненія показываютъ намъ, какъ мало дорожили писцы вѣрностію снимковъ своихъ и не только позволяли себѣ переиначивать смыслъ, но даже допускали и безсмыслицу. Часто въ одной и той же области употребляются признаки разныхъ нарѣчій: **и и ѣ или ни**; **и и ѣ**; **к, г, и ѣ** и пр. Это указываетъ отчасти на мѣсторожденіе писцовъ, говорю отчасти, ибо иногда у одного и того же писца, въ одной и той же грамотѣ признаки нарѣчій смѣшиваются. Такъ, на пр., въ гр-ѣ Томашевича (С. № 150) замѣтно непостоянство въ употребленіи **и и ѣ, и и ѣ**; сдѣсь находимъ: **посиднѣй и крѣпци, вените и напреда, ина и врѣме, коѣ, инѣе, дѣнь и записаниь. приятелѣ**. вм. Въ гр-ѣ Радослава Павловича (С. № 107) смѣшиваются **к, г и ѣ**: **владимирнѣемь и владимирикемь, даюѣе и удѣлююке, послѣние и послѣгие, потрьѣенье и потврьгуемо**: въ гр-хъ того же (С. № 122): **видниье и рѣчь**; (С. № 127): **споменутьи, гпоѣ и ѣ, гпоѣ**. Въ гр-ѣ Тврьтка (С. № 103) читаемъ: **прародителие и прародитель**. Въ гр-ѣ Остои (С. № 83) перемежаются **и и ѣ**: **дубровчѣка, лѣстове, вѣдивьше, примориу, дѣнь и свить, видивьше, крипко** и т. д. Не говорю уже объ отдѣльныхъ грамотахъ, принадлежащихъ однимъ и тѣмъ же писцамъ: примѣры ихъ сравненія были бы излишними; но замѣчу только, что, сравнивая двѣ, три, или нѣсколько грамотъ одного и того же писца, не находимъ ни одной пары грамотъ, въ которыхъ бы правописаніе было одинаково. Всякій разъ видимъ какое нибудь различіе, индѣ весьма чувствительное[1]. Особенно часто смѣшиваются буквы **ѣ, ѥ, и, є, ѣ, ие, ние, ни; ѣ, ѣа, ꙗ, иа**; простыя **ꙋ, о** и удвоенныя **аа, оо**, и пр. Нужно очень хорошо знать природу Славянскихъ звуковъ и законы словоизмѣненія, чтобы найти путеводную нить въ этомъ смѣшеніи букгъ и звуковъ и отличить вѣрное отъ невѣр-

[1] Ср., на пр., С. NN 95 и 103; 87, 100, 108 и 109; 83 и 84; 104, 107 и 114; 112, 115, 119, 121, 123, 126 и 130; 122, 127 и 129; 125 и 128; 136 и 140; 150, 151. 152, 153 и 154; 158, 159 и 163.

наго. Не зная ихъ, можно часто ошибаться въ ученіи о переходѣ звуковъ и сравнивать двѣ неудобосравнимыя формы. Такъ, на пр., не зная, что и часто переходитъ въ ѣ, невозможно сравнивать прямо и и є или ю, но должно употребить посредствующее ѣ, которое, по ошибкѣ, смѣняется иногда б-ю є, ю. Такъ нельзя прямо сносить а съ ѣ; но, зная, что ꙗ часто переходитъ въ ѣ, посредникомъ между ними должно принять ꙗ и пр. и пр. Приведу еще одинъ замѣчательный случай. Двѣ гр-ы С. №№ 101 и 102 суть очевидно одна и та же грамота въ двухъ спискахъ. Нужно рѣшить, которая изъ нихъ подлинная? Судя по вѣрности написанія, № 102 должна быть подлинникомъ, а № 101 спискомъ съ нея, ибо въ этой послѣдней опущеніемъ и неточностію нѣкоторыхъ буквъ смыслъ мѣстами затемненъ, а также ошибочно выставлено 22 апрѣля 1421 года, четвертокъ по Юрьевѣ днѣ, ибо въ 1421 году этотъ день приходился 24 апрѣля, что и означено правильно въ № 102-мъ. Казалось бы, въ обѣихъ грамотахъ правописаніе должно быть одинаково; но, сличая ихъ, видимъ большую разницу: въ одной и, въ другой ю, въ одной є, въ другой ю, тамъ ѣ, ꙋ, сдѣсь ю, ю и т. д. Имя дьяка Мароша выставлено въ обѣихъ: значитъ, съ его грамоты № 102 кто нибудь сдѣлалъ списокъ, переиначивъ по своему его правописаніе. Такимъ образомъ надобно всегда обращать вниманіе на то, съ подлинникомъ ли имѣемъ дѣло, или съ копіею. Подобныя копіи были всегда, да и въ наше время онѣ снимаются часто съ не меньшимъ искаженіемъ подлинника. Укажу еще на копію, сдѣланную при Хамзабегѣ, около 1470 года, съ грамоты Стефана Дечанскаго (С. № 37). Хотя въ концѣ ея приписано: исписахь искниге крала стефана напишю како се у записе говори, однако, по нѣкоторымъ признакамъ языка, точность этой копіи кажется подозрительною и языкъ ея долженъ быть отнесенъ ко времени Турецкаго владычества. Копія съ грамоты Стефана Первовѣнчаннаго (С. № 51) сдѣлана въ царствованіе Милутина, когда этотъ король подтверждалъ запись своего предка: и къ этому времени она должна быть отнесена, ибо написана на одномъ пергаминномъ листѣ и одною рукою съ подтвердительною грамотою Милутина; притомъ надстрочные значки и употребленіе буквъ ѹ, ы и ѣ сходное въ обѣихъ грамотахъ, обличаютъ ея невѣрность съ подлинникомъ, хотя въ ней и сохранились нѣкоторые слѣды древности, какъ на пр., въ употребленіи б-ы ь и въ полныхъ окончаніяхъ ыи, ии, ыи; однако въ нее вторглись и новѣйшіе признаки, каковы: значекъ ̀, стяженіе полнаго ию въ ью и озвукотвореніе б-ы ь чрезъ є. Также гр-а Душана (С. № 35), хотя и не названа копіею, однако, по нѣкоторымъ позднѣйшимъ признакамъ, заставляетъ думать, что она есть копія XV-го в., впрочемъ весьма вѣрная подлиннику. Вообще относительно копій должно замѣтить, что если онѣ сколько нибудь кажутся подозрительными, то лучше относить ихъ не ко времени подлинника, а ко времени ихъ составленія, или даже вовсе опускать, ибо языкъ ихъ бываетъ по большей части смѣсью древнѣйшаго съ позднѣйшимъ. Таковымъ перемѣнамъ подвергается иногда книжный языкъ и преимущественно въ среднее или переходное время своего существованія. Много ступеней развитія долженъ онъ пройти, пока не установится окончательно въ своихъ формахъ; много разъ измѣнится и правописаніе, пока не достигнетъ до правильнаго и разумнаго выраженія звуковъ; а между тѣмъ народный, устный языкъ все живетъ неизмѣнно, соблюдая въ цѣлости свою особность, дѣлающую его именно этимъ, а не другимъ языкомъ. Отъ того въ филологическомъ трудѣ всегда нужно уяснить себѣ и въ точности опредѣлить тотъ языкъ или то нарѣчіе, обработанію котораго трудъ посвящается.

Если въ исторіи книжнаго языка Сербовъ необходимо обращать вниманіе на мѣсто написанія или, что то же, на семьи грамотъ, по причинѣ существованія областныхъ нарѣчій и различной государственной и вѣроисповѣдной судьбы Сербскихъ областей, то въ то же время нужно обращать вниманіе на количество и возрастъ дошедшихъ до насъ грамотъ различныхъ семействъ. Конечно, самымъ вѣрнымъ и безпристрастнымъ руководителемъ исторіи языка будетъ тотъ взглядъ, который въ одно время и для всѣхъ случаевъ обнимаетъ грамоты различныхъ семействъ, не давая такимъ образомъ перевѣсу и права исключительнаго господства признакамъ одной какой либо области и отъ нихъ не дѣлая посылки ко всему объему языка. Но не всегда можно составить себѣ такой всестороннiй взглядъ на повременныя явленія языка по причинѣ отсутствія памятниковъ: въ такомъ случаѣ надобно наблюдать величайшую осторожность, чтобы признакъ одной какой либо области не навязать всему пространству народнаго говора. Такъ изъ XII-го вѣка мы имѣемъ двѣ грамоты совершенно противуположныя между собою: Боснійскую Кулина и Аѳонскую Немани. Это обстоятельство весьма благопріятно, ибо при немъ мы разсматриваемъ языкъ съ двухъ различныхъ сторонъ и въ двухъ противоположныхъ областяхъ, а не вдаемся въ одну какую либо крайность. Первая половина XIII-го вѣка не менѣе благопріятна; она доставляетъ намъ грамоты Сербскихъ королей, бановъ Боснійскихъ, князей Хлумскихъ, нѣсколько Поморскихъ и Дубровницкихъ; но вторая его половина и XIV-й вѣкъ до самой Косовской битвы предлагаютъ почти исключительно однѣ собственно-Сербскія грамоты; и на оборотъ, XV-й вѣкъ обилуетъ грамотами Боснійскими, Травунскими, Хлумскими и Дубровчицкими. Это явленіе объясняется государственною судьбою собственной Сербіи и Босны; но его никакъ не должно забывать въ исторіи языка. При обиліи грамотъ одной семьи, двѣ, три грамоты другой должны быть тѣмъ драгоцѣннѣе для насъ, чѣмъ менѣе имѣемъ мы ихъ.

Сербская письменность разсматриваемыхъ нами вѣковъ, какъ можно уже было замѣтить изъ историческаго обзора, совершалась у народа самостоятельнаго; а по тому она, и преимущественно та часть ея, которой посвящены наши изслѣдованія, должна носить на себѣ отпечатокъ самостоятельности. И дѣйствительно, ни въ грамотахъ, ни въ Законникѣ, какъ и ни въ чемъ другомъ, мы не видимъ слѣдовъ упадка, или немощи, или насильственно навязаннаго чужаго вліянія, словомъ, ничего такого, что бываетъ въ письменности того народа, который стоитъ подъ властью другаго въ государственномъ и духовномъ развитіи. Напротивъ, въ грамотахъ и уставахъ выражается мысль и воля народа, независимо думающаго и дѣйствующаго. Сюда не относится прежняя вѣроисповѣдная зависимость Сербовъ отъ Булгаръ; но и въ этомъ отношеніи Сербы, какъ и Русь, принявъ отъ Булгаръ ученіе и книги священныя, обратили ихъ въ свое народное достояніе и наложили на языкъ Древнебулгарскій печать своего народнаго, говорящую болѣе въ пользу ихъ преобладанія, чѣмъ на оборотъ. По этому и самое развитіе языка должно было итти путемъ независимости. Ни современный ему Булгарскій языкъ, ни Греческій, ни Угорскій, ни Итальянскій, ни Турецкій не вторгались въ него, не ломали его строя и не навязывали ему своихъ словъ въ замѣнъ его собственныхъ. Участіе Древнебулгарскаго въ образованіи письменнаго языка объясняется совсѣмъ иными причинами и вовсе не имѣетъ значенія насильственнаго. Между двумя однородными языками, въ тѣхъ отношеніяхъ говорящихъ ими племенъ, въ какихъ стояли между собою Сербы и Булгары, не могло быть насилія. Съ

добровольнымъ принятіемъ ученія вѣры соединено было и добровольное принятіе письменнаго языка, необходимаго на первыхъ порахъ для быстро возникающей духовно-созерцательной дѣятельности. Разъ принявши Д.-Булгарскій письменный языкъ, Сербы, какъ и Русь, тотчасъ же, независимо отъ Булгаръ, распорядились имъ по своему произволу, какъ настоящіе владѣльцы его, — и отсюда, съ первыхъ же временъ, начало возникновенія Сербокириловской письменности и вліянія Сербскаго языка на Д.-Булгарскій, вліянія, шедшаго своимъ путемъ и постоянно усиливавшагося. Прослѣдить это незамѣтное шествіе народныхъ признаковъ объ руку съ Д.-Булгарскими, ихъ постепенное усиленіе по времени и по разнымъ областямъ: — вотъ задача исторія древняго книжнаго языка Сербовъ. Кромѣ этой родственной стихіи, мы присутствія какой либо другой въ древнемъ книжномъ языкѣ Сербовъ не видимъ. Попадается, правда, нѣсколько словъ Итальянскихъ и Турецкихъ, но это одно лишь внѣшнее заимствованіе, не посягающее на внутренній составъ языка и неизбѣжное при взаимномъ общеніи Сербовъ съ Италіянцами и Турками. Обиліе формъ Д.-Булгарскихъ было полезно и для Сербскаго книжнаго языка; оно придало бóльшую жизнь тѣмъ формамъ, которыя въ устномъ языкѣ мало употребляются и почти забываются. Для Сербовъ это было тѣмъ естественнѣе, чѣмъ ближе языкъ ихъ подходилъ къ Д.-Булгарскому. Я разумѣю преимущественно формы глагольныя. Что же касается до формъ употребительнѣйшихъ, въ особенности падежныхъ, и звуковъ, то, занявъ ихъ на первый разъ отъ Булгаръ цѣликомъ, Сербы постарались мало по малу замѣнить ихъ своими народными, т. е., хотя въ сущности такими же, ибо одинъ общій Славянскій духъ отражается во всѣхъ родственныхъ нарѣчіяхъ, однако носящими отличительный оттѣнокъ Сербской природы. Скажутъ, Дубровникъ находился подъ верховною властію Венеціи и потомъ Угріи, Босна подъ верховною властію Угріи, а напослѣдокъ и сама восточная Сербія съ 1389 года подчинилась верховному владычеству Турціи: могли ли при этомъ оставаться самобытными письменность и языкъ этѣхъ областей? Отвѣчаемъ, могли; ибо верховная власть всѣхъ трехъ государствъ была такого рода, что не вдавалась во внутреннюю жизнь народа, даже мало касалась его государственной дѣятельности, существуя по большей части только на словахъ. Дубровникъ не отъ Венеціянъ и не въ это позднѣйшее время принялъ въ себя Итальянскую стихію; онъ получилъ ее вмѣстѣ съ своимъ населеніемъ въ древнѣйшее время, и напротивъ, въ разсматриваемыя нами столѣтія, Славянское начало брало въ немъ постепенный перевѣсъ. Когда же, въ сношеніяхъ съ Сербскими областями, онъ отклонялся отъ Итальянскаго языка, тогда письменный его языкъ становился чисто Славянскимъ, такъ что въ немъ даже нѣсколько болѣе замѣтно Ц.-Славянскихъ звуковъ, чѣмъ въ грамотахъ Хлумскихъ и Травунскихъ. Итальянскій языкъ ни малѣйшимъ образомъ не налагалъ на его Славянскую письменность какихъ либо стѣснительныхъ условій, и доказательствомъ тому можетъ служить прекрасный языкъ Дубровницкихъ поэтовъ XVI и XVII столѣтій. Угорскій и Турецкій языки тѣмъ менѣе могли оказать какое либо вліяніе на Сербскій. Если по сю пору Славяне, лишенные всякой самостоятельности и остающіеся въ Угорскомъ королевствѣ рядомъ съ Мадьярами, а прежде въ нѣкоторой даже зависимости отъ нихъ, или въ Турціи подъ владычествомъ Турокъ, не утратили ни мало природныхъ свойствъ своего языка, не смотря даже на совершающееся вокругъ ихъ омадьяреніе и отуреченіе; то какъ же могъ языкъ древнихъ Сербовъ хотя сколько нибудь

пострадать отъ языковъ менѣе его развитыхъ и образованныхъ, когда народъ, имъ говорившій, пользовался большею, или меньшею самостоятельностію подъ верховною властію Угріи и Турціи и полною свободою во внутренней своей жизни? Исторія намъ показала, какъ слабо было дѣйствіе чуждой верховной власти на Босну и Сербію до конца XV столѣтія. Грамоты, памятникъ письменности, ближайшій къ внѣшней жизни народа, обнаруживаютъ полную свободу государственныхъ дѣйствій въ правителяхъ Босны и Сербіи. Многіе изъ Босняковъ и Сербовъ отуречивались; но до неотурчившихся властители ихъ не касались своимъ нравственнымъ вліяніемъ. Нравы и обычаи могли нѣсколько измѣниться, но языкъ не измѣнился и не упалъ: онъ есть самая живучая часть народнаго существа. Конечно, объемъ письменности зависѣлъ отъ процвѣтанія, или упадка государственной жизни народа; но языкъ этой письменности оставался всегда самостоятельнымъ съ своимъ произвольнымъ развитіемъ. Такъ должны мы глядѣть на Сербскій книжный языкъ въ разсматриваемое нами пространство времени и предполагать въ немъ какое либо постороннее насильственное вліяніе мы не можемъ.

Итакъ намъ предстоитъ имѣть дѣло съ плодомъ письменной дѣятельности самостоятельнаго народа — памятниками, относящимися преимущественно къ государственной жизни Сербовъ, слѣдовательно, наиболѣе историческими. По содержанію и языку своему, они отличаются тою же самостоятельностію, какою пользовались Сербы по областямъ своимъ въ разсматриваемое нами время. Нашему изслѣдованію подлежатъ тѣ изъ нихъ, которые писаны Кирилицею, употребленіе которой связано съ вѣроисповѣдною и государственною жизнію Сербскаго народа. По мѣрѣ удаленія Сербовъ отъ православія и восточнаго государственнаго ихъ средоточія, употребленіе Кирилицы ослабѣваетъ; но тѣмъ не менѣе самые отдаленные отъ востока, какъ по самому мѣсту жительства, такъ и по вѣроисповѣданію и образу жизни, и наиболѣе подверженные вліянію иноземной стихіи, Дубровничане, въ сношеніяхъ своихъ съ прочими Сербами, употребляютъ Кирилицу и общій Сербскій книжный языкъ, свидѣтельствуя тѣмъ, что языкъ составлялъ для Сербовъ тѣсную духовную связь во всякое время, не смотря на ихъ разъединеніе. Памятники взаимныхъ сношеній Сербовъ отличаются, по языку своему, отъ прочихъ тѣмъ, что въ нихъ преобладаетъ народная стихія надъ Ц.-Славянскою; вмѣстѣ съ пѣснями, они принадлежатъ къ собственно народнымъ памятникамъ. Языкъ ихъ, хотя и книжный, далеко чище, чѣмъ языкъ тѣхъ, кои запечатлѣны произволомъ личности списателя и выражаютъ или умственную, или вѣроисповѣдную дѣятельность народа. Тогда какъ въ послѣднихъ языкъ носитъ несомнѣнные признаки преобладанія Ц.-Славянской стихіи, въ первыхъ, взятыхъ во всей ихъ совокупности, бываетъ на оборотъ; а въ пѣсняхъ, если бы только онѣ были записаны въ древнее время, представился бы намъ народный языкъ во всей его чистотѣ. Въ послѣднихъ, какъ то: книгахъ духовнаго, лѣтописнаго, умозрительнаго, или врачебнаго содержанія, однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ, на которые списатели обращали вниманіе, были языкъ и слогъ, какъ часто сами они свидѣтельствуютъ въ послѣсловіяхъ, приписывая свои ошибки человѣческимъ немощамъ и прося читателей не проклинать писавшаго, но читать, исправляя его. Слѣдовательно, сдѣсь списатель смотритъ на свою книгу, какъ на дѣло личности, и свое письмо беретъ подъ свою отвѣтственность; сдѣсь главное — трудъ лица, хотя бы оно и не было извѣстно. Напротивъ, дьяки, писавшіе грамоты и Законникъ, вовсе не смотрѣли на свой

трудъ, какъ на произведеніе словесности, или памятникъ письменности, но увлекались единственно содержаніемъ, и если выставляли кое-гдѣ свое имя, то вовсе не для отвѣтственности списательской, а для большей достовѣрности грамоты, какъ доказательнаго средства. Свой языкъ и слогъ они вовсе не думали выставлять на видъ читающему и не отвѣчали за нихъ. По сему, если тѣ, какъ списатели въ полномъ смыслѣ, какъ грамотѣи, прибѣгали къ общеупотребительному между ними книжному языку, взятому цѣликомъ изъ Д.-Булгарскихъ книгъ, считая его единственнымъ достойнымъ проводникомъ мысли, то эти спускались ступенью ниже ихъ и, какъ люди дѣловые, употребляли для своего изложенія языкъ народный, перемѣшивая его отчасти съ Ц.-Славянскимъ, и только во вступленіяхъ позволяя себѣ блеснуть и начитанностію церковныхъ книгъ и знаніемъ Ц.-Славянскаго языка. Между тѣмъ они сами, не зная того, становились выше первыхъ, какъ двигатели отечественнаго книжнаго языка. Но какъ тѣ, такъ и другіе проявляли въ себѣ, можетъ быть, даже безсознательно, дѣятелей самостоятельнаго народа съ живымъ, свободно развивающимся языкомъ, ибо у тѣхъ и другихъ, въ большей, или меньшей мѣрѣ, присутствуетъ народность. Книжный языкъ Сербовъ, хотя и составленный изъ неравномѣрнаго соединенія двухъ родственныхъ стихій, чуждъ всякого посторонняго насильственнаго вліянія. До самого исхода XV-го столѣтія онъ развивается совершенно независимымъ и естественнымъ путемъ. Д.-Булгарскій языкъ, принятый добровольно Сербами для своей письменности еще въ то время, когда они не имѣли своего книжнаго языка, былъ для нихъ чрезвычайно полезенъ, какъ языкъ ихъ соплеменниковъ, получившій уже прежде письменное выраженіе своихъ звуковъ и формъ, и какъ готовое средство къ словесной дѣятельности. Съ тѣхъ поръ онъ самъ послужилъ проводникомъ ихъ народному языку въ область письменности и постепенно помогалъ его собственному развитію, согласному съ природою и духомъ Славянскихъ языковъ. Тутъ не было ничего противуславянскаго, насильственнаго и вреднаго. Также никакой чужой языкъ не имѣлъ вліянія на древній книжный языкъ Сербовъ по тому самому, что и народъ не подчинялся ничьему вліянію. На языкъ нашихъ памятниковъ мы должны смотрѣть, какъ на языкъ, свободно развивающійся изъ естественнаго соединенія двухъ родственныхъ стихій безъ вторженія чуждаго начала, безъ всякихъ несвоевременныхъ переходовъ, или насильно навязанныхъ звуковъ, формъ и оборотовъ рѣчи. Государственная судьба различныхъ областей опредѣлила степень участія Ц.-Славянской стихіи въ языкѣ нашихъ памятниковъ, и въ этомъ нельзя не видѣть одного изъ сильнѣйшихъ доказательствъ тому, что языкъ народа имѣетъ тѣсную связь съ его цѣлою многостороннею жизнію. Если же вспомнимъ при этомъ и другія доказательства того же, проявляющіяся какъ въ количествѣ, такъ и въ содержаніи памятниковъ, то убѣдимся, что разсматривать судьбы языка невозможно безъ предварительнаго обзора судебъ народа. Въ этой непреложной истинѣ, на которой основаны всѣ лучшіе новѣйшіе труды по части языкоизслѣдованія, убѣдимся мы еще болѣе, когда въ послѣдствіи, намъ предстанутъ новыя, подробнѣйшія тому доказательства. Что же касается до взаимнаго отношенія двухъ стихій, то, при ближайшемъ знакомствѣ съ языкомъ нашихъ памятниковъ, мы увидимъ, что Ц.-Славянская стихія постепенно уступаетъ свое мѣсто признакамъ народной, и что эта послѣдняя беретъ мало по малу надъ нею верхъ, такъ что подъ конецъ XV-го вѣка торжество народныхъ признаковъ становится рѣшительнымъ. Такова главная черта историческаго движенія книжнаго языка древней Сербіи въ народныхъ ея памятникахъ до конца XV-го вѣка.

Напослѣдокъ считаю нужнымъ снова коснуться изданій. Языкоизслѣдованіе наиболѣе нуждается въ хорошихъ критическихъ изданіяхъ. Если даже исторія, имѣющая дѣло съ событіями, останавливается иногда на буквѣ, затмѣвающей какое либо имя собственное, или смѣшивающей два понятія чрезъ созвучіе словъ, то языковѣдѣніе, постоянно вращающееся въ кругу звуковъ и ихъ сочетаній, всегда должно обращать вниманіе на степень достовѣрности этихъ звуковъ и не принимать безусловно всего того, что предлагаютъ ей письменные памятники. Ошибки могутъ быть двоякого рода. Однѣ заключаются въ самомъ подлинникѣ; другія вкрадываются въ изданіе. Невозможно думать, чтобы всѣ списатели подлинниковъ были свободны отъ ошибокъ. Небрежность, разсѣянность, невѣжество и т. д. вводили въ погрѣшности старинныхъ писцовъ, особенно въ средневѣковой письменности. Мы видѣли нѣсколько примѣровъ тому. Языкоизслѣдователь долженъ непремѣнно повѣрять подобные промахи либо общими звуковыми законами, либо тщательнымъ на дѣлѣ изученіемъ самого подлинника и другихъ ближайшихъ къ нему по мѣсту и времени памятниковъ. Ошибки изданія зависятъ наиболѣе отъ того, кто переписываетъ памятникъ, и если издатель не можетъ самъ свѣрить списка съ подлинникомъ, то ему остается только положиться на добросовѣстность переписчика и его умѣнье разбирать древнее письмо. Но всегда ли переписчики правильно читаютъ старинныя рукописи? всегда ли вѣрно переписываютъ ихъ и не прибавляютъ ли своего къ языку подлинника? Къ несчастію, это случается нерѣдко, и мы видѣли, какъ различны бываютъ списки съ одного и того же подлинника. Что же остается изслѣдователю? Смущенный подобными мыслями, онъ по неволѣ задумывается надъ всякою сколько нибудь необыкновенною формою и находится въ нерѣшимости принять ли ее, какъ дѣйствительно существовавшую и имѣющую свое историческое значеніе, либо отбросить, какъ ошибку первоначальнаго писца, или какъ выдумку позднѣйшаго переписчика, или же какъ простой недосмотръ справщика? Имя издателя и сличеніе изданій много способствуютъ къ разсѣянію его сомнѣнія, но все же ему предстоитъ одно изъ двухъ: или критически разсмотрѣть и исправить изданіе, или однажды навсегда положиться на добросовѣстность издателя. Но первому не всегда можно вполнѣ удовлетворить однимъ изученіемъ памятниковъ безъ подлинника: конечно, сличеніе и наведеніе между ближайшими памятниками много уясняютъ нѣкоторыя странныя формы, а индѣ служатъ основаніемъ для исправленія, однако и сдѣсь повременное преемство звуковъ и формъ и нерѣдкая одиночность памятниковъ не мало затрудняютъ исправителя, наводя на мысль о возможности формы, объясняемой историческимъ движеніемъ языка. Легче положиться на издателя, рѣшившись не заподозрѣвать ничего такого, что хотя и бросается въ глаза съ перваго раза, но не имѣетъ достаточной улики для того, чтобы быть признаннымъ простою ошибкою, или опечаткою. На этомъ основаніи я считаю нужнымъ повторить сдѣсь сказанное мною выше о степени достовѣрности тѣхъ изданій, которыя находились у меня въ рукахъ, и о возможности пользованія ими въ исторіи языка. Не всѣ изъ изданій, какъ видѣли мы, имѣютъ одинаковую степень достовѣрности. Отсутствіе значковъ, умышленное измѣненіе буквъ, искаженіе языка и другія тому подобныя ошибки ставятъ въ язычномъ отношеніи изданіе ниже подлинника; между тѣмъ, какъ языковѣдѣніе, по самому свойству своей дѣятельности, должно требовать отъ изданія безукоризненной точности — такой, которая дѣлала бы изданіе совершенно равносильнымъ подлиннику. Наши изданія болѣе могутъ удовлетворить дѣеписанію, чѣмъ языкоизслѣдованію. По этому, въ исторіи языка,

сколько нибудь заподозрѣнными изданіями мы будемъ пользоваться осторожно и не во всемъ довѣрять имъ. Авраамовича Описаніе древностей на Аѳонѣ, Споменики, Миклошича изданіе Милутиновой грамоты, Гласникъ, Загребскій Архивъ со снимкомъ грамоты Ѳомы Остоича, небольшой снимокъ Душановой грамоты въ Шафариковыхъ Serbische Lesekörner, Милутиновича изданіе грамоты Черноевича и Срезневскаго изданіе Кулиновой грамоты мы ставимъ на первомъ мѣстѣ по ихъ достовѣрности, не подозрѣвая въ нихъ никакого умышленнаго искаженія подлинника, но напротивъ замѣчая тщательность изданія. Прочія изданія: Шафарика, Сербо-Далматинскій Магазинъ, отрывокъ грамоты у Караджича въ его Словарѣ и его же списокъ, напечатанный въ Описаніи Румянцевскаго Музея, мы ставимъ на второмъ мѣстѣ, не ручаясь вполнѣ за ихъ достовѣрность: нѣкоторыя, какъ Шафариково, отзываются послѣдовательнымъ измѣненіемъ подлинника чрезъ опущеніе значковъ, титлъ, вставку полугласныхъ и т. п.; другія, какъ Сербо-Далматинскій Магазинъ, Караджичевъ списокъ у Востокова, имѣютъ въ себѣ много такого, что противорѣчитъ общимъ законамъ Сербской письменности и заставляетъ подозрѣвать небрежность переписчика. Сличеніе изданія Сербо-Далматинскаго Магазина съ изданіемъ Спомениковъ, равно какъ частая встрѣча съ ъ вмѣсто ь въ спискѣ Караджича оправдываютъ это подозрѣніе. Третьи, какъ списки Караджича, напечатаны гражданскими буквами съ примѣсью Ц.-Славянскихъ и чрезъ то теряютъ весь современный имъ оттѣнокъ древняго письма. По этому на упомянутыя изданія мы не можемъ всюду полагаться и должны оставлять ихъ втунѣ тамъ, гдѣ есть какое либо подозрѣніе въ ихъ достовѣрности; но въ прочихъ случаяхъ, по причинѣ важности ихъ разнословій съ другими изданіями тѣхъ же самыхъ памятниковъ, равно какъ тамъ, гдѣ не должно быть ошибки, или гдѣ формы являются слишкомъ замѣчательными и возможными по законамъ языка, мы будемъ пользоваться и ими, почерпая изъ нихъ примѣры для подтвержденія, или опроверженія выводовъ, сдѣланныхъ на основаніи другихъ изданій. Голубицею, Лѣтописомъ, изданіями Юлинца, Вуича и Григоровича мы вовсе не можемъ пользоваться, ибо почти всѣ памятники, заключающіеся въ этихъ изданіяхъ, кромѣ послѣдняго, напечатаны вторично и гораздо лучше: слѣдовательно, списки, положенные въ основаніе ихъ, были невѣрны; а изданіе Григоровича сдѣлано, безъ сомнѣнія, для иной, а не филологической цѣли, и, въ видахъ исторіи языка, имъ пользоваться совершенно невозможно, хотя и жаль, что множество грамотъ, которыя неизвѣстно когда еще попадутся кому другому въ руки, остались безъ пользы для языка. Впрочемъ, съ другой стороны, сохраненіе мѣстами титлъ, первичнаго способа написанія, вставка Ц.-Славянскихъ буквъ между гражданскими и т. п. намекаютъ отчасти, что издатель имѣлъ въ виду нѣкоторымъ образомъ и языкъ грамотъ; но, повторяю, отрывками его, въ исторіи древняго Сербскаго языка, мы пользоваться не можемъ. Вотъ что хотѣлъ я сказать предварительно о памятникахъ, какъ почвѣ, которой коснуться предположилъ я себѣ задачею. Я обозначилъ общія свойства этой почвы, указалъ точку, съ которой должно смотрѣть на нее, и способъ, которымъ должно воздѣлывать ее. Главная мысль историческаго движенія книжнаго языка въ народныхъ памятникахъ уже высказана мною выше. Для оправданія ея перехожу къ непосредственному ея проявленію въ дѣйствительности, въ повременномъ и преемственномъ измѣненіи звуковъ и формъ. Прежде всего начну со значковъ.

ГЛАВА I.

ЗНАЧКИ.

Не думаю, чтобы кому либо показалось удивительнымъ, что свои изслѣдованія въ области Древнесербскаго языка я начинаю со *значковъ*. Знаю, что нѣкоторые ученые не признаютъ за значками, даже иногда и за титлами, тѣхъ правъ, которыми они справедливо пользуются въ древней Кириловской письменности. Но такое ложное мнѣніе само собою рушится, когда мы ближе, сколько позволяютъ объемъ и цѣль настоящаго труда, познакомимся съ употребленіемъ значковъ въ нашихъ памятникахъ. Надобно напередъ замѣтить, что разсадникомъ значковъ есть Д.-Булгарская письменность, преимущественно средневѣковая, откуда они перешли и въ письменность Д.-Сербскую. По этому если и въ послѣдней они отправляютъ немаловажное служеніе, при томъ не совсѣмъ неразумное, то въ первой еще яснѣе и выразительнѣе должно оказываться ихъ служеніе, и было бы весьма желательно, если бы кто нибудь разъяснилъ ихъ происхожденіе, цѣль, законы служенія и наконецъ причину смѣшенія и безсознательнаго размноженія. Никакъ нельзя предполагать, чтобы значки возникли безъ всякого отношенія къ азбукѣ, произвольно и неразумно, безъ всякихъ правилъ и безъ всякой послѣдовательности. Конечно, въ послѣдствіи мы видимъ, что писцы сыплютъ ими безъ малѣйшаго разбора щедрою рукою, но это лишь слѣдствіе злоупотребленія свободы писарской и непониманія законовъ ихъ служенія. Смѣшенію и безпорядочному размноженію значковъ наиболѣе помогало отсутствіе всякихъ общеизвѣстныхъ, положительныхъ условій употребленія того, или другаго значка и заразительность примѣра, такъ что писецъ, особенно позднѣйшій, не понимая истиннаго назначенія значковъ и судя только по наружному сходству случаевъ, ставилъ безъ толку и произвольно тотъ значекъ, который наиболѣе нравился ему. Но, повторяю, въ первую пору своего появленія, значки не могли родиться такъ, просто, безъ всякого основанія. Причина ихъ происхожденія кроется въ недовольствѣ со стороны писцовъ существующею азбукою. При всей полнотѣ своей, при всемъ обиліи знаками, служащими для выраженія главнѣйшихъ оттѣнковъ и особенностей звука человѣческаго голоса, Кириллица не могла вмѣстить въ себѣ сверхъ того еще нѣсколько лишнихъ буквъ для выраженія незначительныхъ измѣненій голоса, замѣчаемыхъ въ устной рѣчи. Многое должно быть предоставлено свободѣ говорящаго, и если бы пришлось всѣ звукоизмѣненія человѣческаго голоса означать буквенными знаками, то въ такомъ случаѣ азбука, по крайней мѣрѣ, удесятерилась бы въ своемъ объемѣ. Составитель Кириллицы хорошо различалъ существенное отъ несущественнаго, главныя видоизмѣненія голоса, на которыхъ основана его членораздѣльность, отъ побочныхъ, дающихъ только иной оттѣнокъ произношенію, и, увеличивъ свою азбуку,

противъ другихъ, нѣсколькими новыми знаками, которые считалъ необходимыми, на пр., для мягкихъ гласныхъ и полугласныхъ, все же не хотѣлъ выходить изъ общепринятыхъ границъ алфавита и распространять ихъ излишними мелочами. Можно съ достовѣрностію утверждать, что въ его время значковъ не было. Но писцамъ, забывшимъ тѣ правила, которыми руководствовался составитель азбуки, забывшимъ значеніе буквенныхъ начертаній и ихъ отношеніе къ существеннымъ измѣненіямъ членораздѣльныхъ звуковъ, писцамъ, увлекшимся мелочами, спустя вѣкъ, или два послѣ св. Кирила, азбука, имъ изобрѣтенная, показалась уже недостаточною, и они рѣшились дополнить ее. Они хотѣли выразить на бумагѣ самое количество голоса, большій, или меньшій подъемъ его, бо́льшую, или меньшую ясность и силу, иногда мягкость; они хотѣли означить мѣстоудареніе въ словѣ, соображаясь не только съ естественными законами роднаго языка, но иногда и съ правилами Греческаго произношенія; они дошли даже до того, что захотѣли означать самозвучность гласныхъ въ родѣ того, чѣмъ у Грековъ былъ spiritus. За образцами не далеко было итти. Греческое письмо съ своими сокращеніями и значками послужило для нихъ обильнымъ источникомъ. Мало того, замѣтивъ, что полугласныя отправляютъ мѣстами въ Кириловской письменности служеніе безгласныхъ въ слѣдствіе утраты и онѣмѣнія прадавней гласности, писцы рѣшились выбрасывать и ихъ, отмѣчая это отсутствіе значками. Такимъ образомъ недовольство азбукою послужило поводомъ къ введенію значковъ. Разумѣется, мы говоримъ о томъ времени, когда значки уже расплодились въ Кирилицѣ; но, конечно, въ началѣ они являлись постепенно, мало по малу умножаясь числомъ и расширяя кругъ своего служенія.

Начало значковъ въ Кириловской письменности уходитъ далеко въ древность. Остромирово Евангеліе, памятникъ XI-го вѣка, уже имѣетъ нѣсколько значковъ, кое-гдѣ разбросанныхъ и отправляющихъ различное служеніе. Сдѣсь, въ одно время со смѣшеніемъ полугласныхъ и выбрасываніемъ ихъ, показываются значки ʽ ˘ ˘ ʼ, служащіе замѣною этимъ выбрасываемымъ полугласнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они предупреждаютъ встрѣчу двухъ согласныхъ тамъ, гдѣ между ними не должно быть никакого законнаго полугласнаго звука для отбоя голоса; но такъ какъ то же назначеніе исполняютъ иногда и полугласныя, то и въ этомъ случаѣ они замѣняютъ ихъ. Примѣры: п̆тица (л. 108), съблӑжнися (л. 159), к̓са (л. 2); рӑби (л. 80), ӑна (л. 178), п̆салъмъ (л. 44), пон̆тьскоуоумоу (л. 196), ан̓гели (л. 55). Въ слогахъ рь, ръ и ль, лъ, когда въ нихъ допускалась перестановка буквъ, и полугласная предшествовала согласнымъ, тогда, для избѣжанія столкновенія согласныхъ р и л съ послѣдующими согласными же, между тѣми и другими поставляются тѣ же значки, представляющіе сдѣсь вторичную полугласную, какъ бы ьрь, ъръ, ьль, ълъ, на пр.: вьр̓тьпъ (л. 176), пьр̆вы (л. 204), тьр̆пѣнии (л. 225), скър̆бь (л. 145), вълк̆ъ (л. 214), мъл̆вляше (л. 217). Этимъ, между прочимъ, доказывается, что древніе ни въ какомъ случаѣ не смотрѣли на р и л, какъ на гласныя. Если не осмѣливались писать одинъ слогъ съ двумя полугласными, изъ коихъ одна была бы лишняя, то осмѣливались одну полугласную изображать въ видѣ значка, который можно было смѣлѣе поставить, чѣмъ строчную букву. Все это показываетъ, что полугласныя буквы сдѣлались въ произношеніи нѣкоторыхъ слоговъ лишними, беззвучными, и служили только видимыми знаками разъединенія согласныхъ: отсюда возможность ихъ опущенія съ замѣною надстрочными значками. Есть еще другой случай, когда писецъ Остромирова Евангелія прибѣгалъ къ значкамъ: это смягченіе гласныхъ и дѣйствіе, производимое мягкостію гласныхъ на согласныя. Какъ тамъ значки оказываются лишними, какъ ненужная

замѣна полугласныхъ, такъ и сдѣсь они вполнѣ могутъ быть замѣщены особыми начертаніями, придуманными составителемъ азбуки для мягкихъ гласныхъ звуковъ Славянскаго языка. Сдѣсь, какъ и тамъ, не виноватъ составитель азбуки: онъ хорошо слышалъ и различалъ въ голосѣ Славянъ твердость и мягкость и изобрѣлъ для того и другаго свойства особые знаки; виноваты писцы, которые, подчиняясь иногда своему областному нарѣчію, не въ состояніи были безошибочно распознавать твердость и мягкость въ Д.-Булгарскомъ нарѣчіи и по тому смѣшивали буквенныя начертанія для той и другой. Въ Остромировомъ Евангеліи находимъ подобное смѣшеніе между ъ и ь, є, є и ѥ, а и ꙗ, ѫ и ѭ. Писецъ, употребляя твердыя буквы вмѣсто мягкихъ и какъ бы забывая мѣстами о существованіи въ азбукѣ особыхъ начертаній для послѣднихъ, старался посредствомъ значковъ ˋ ˘ ˇ ˋ ʼ придать твердымъ мягкій выговоръ; на пр.: ѐзерѣ (л. 89), ѐште (л. 206) ѫ̆зы (л. 98), вѣ̆хѫ (л. 291), ар̆хиѐреи (л. 199), знамениѥ̆ (л. 293), ѐдини (л. 5), снѧ́ (л. 4), н҆ѥмоу (л. 7, 11, 13, 18), гл҆єть (л. 12). Иногда при сочетаніи предыдущей согласной съ послѣдующею мягкою гласною и надъ одною мягкою гласною онъ ставилъ одинъ изъ тѣхъ же значковъ, на пр.: нѐго (л. 12, 15), ѐлиньсками (л. 191), ѝко (л. 149), вълѐте (л. 15). Въ такомъ случаѣ значекъ представляетъ собою опять мягкое начало ь, а уже не і, что, впрочемъ, ведетъ къ одному и тому же итогу и есть только другой видъ смягченія—ерованіе. По закону языка, при сочетаніи мягкой гласной съ твердою согласною, всю мягкость звука притягиваетъ на себя согласная и, смягчаясь, требуетъ возлѣ себя уже твердой гласной: слѣдовательно, і изъ сложныхъ ѥ, ꙗ, ѭ, ѩ переходитъ въ согласную и становится для нея смягчающимъ ь, а мягкая гласная уже обращается въ твердую е, а, ѫ, ѧ. Формы н҆емь (л. 3, 7, 15), бол҆е (л. 15), т. е., нѥмь, болѥ, можно выразить иначе: ньемь, больє или, какъ пишутъ ихъ нѣкоторые Сербы, *њемь*, *љеть*, и тогда е будетъ въ нихъ твердымъ. Какъ тѣ, такъ и другія суть въ сущности однѣ и тѣ же: разница только въ наглядности способа выраженія смягченія, ибо согласная съ гласною сливаются въ одинъ цѣльный нераздѣльный звукъ. Если же мы замѣчаемъ иногда, что смягченная согласная сочетается опять съ мягкою гласною, то это означаетъ двойное, и только видимо двойное, смягченіе. Сдѣсь мягкое начертаніе гласной есть условіе или видимый знакъ, который указываетъ на внутренее мягкое свойство гласной, перешедшее уже однажды въ согласную. По этому и значки, если они въ Остромировомъ Евангеліи стоятъ кое-когда и надъ мягкою гласною, имѣютъ, очевидно, ту цѣль, чтобы еще сильнѣе укрѣпить за гласною ея мягкое свойство и видимымъ образомъ показать мягкость ея начертанія. Избравши Остромирово Евангеліе, какъ древнѣйшій, отмѣченный годомъ, памятникъ Д.-Булгарской письменности, я удовольствовался однимъ его уставнымъ письмомъ. Мнѣ нуженъ былъ только примѣръ, взятый изъ самой родины значковъ, примѣръ, быть можетъ, древнѣйшій, на который съ достовѣрностію можетъ опереться историческое изслѣдованіе о значкахъ. Сдѣсь видѣнъ зародышъ значковъ и въ то же время ихъ разумное, но не скажу, необходимое, употребленіе. Начало ихъ лежитъ въ ослабленія значенія нѣкоторыхъ буквенныхъ начертаній Кирилицы, слѣдовательно, какъ бы въ недовольствѣ писцовъ существующею азбукою. Нѣтъ ни одного примѣра употребленія значковъ въ Остромировомъ Евангеліи, который бы не относился къ тому, или другому изъ представленныхъ мною случаевъ; а всѣ эти случаи приводятся или къ замѣнѣ полугласныхъ, или къ замѣнѣ смягчающихъ і и ь. Сдѣсь значки являются въ первой порѣ своего развитія и отличаются послѣ-

довательностію и разумностію употребленія. Писецъ зналъ, гдѣ ихъ ставить. Странно только то, что нѣсколько различныхъ по виду значковъ, къ которымъ должно прибавить еще два: ˙, ¨, встрѣчающіеся только по одному разу, исполняютъ одно и то же назначеніе. Была ли когда нибудь до этого пора, въ которую они не смѣшивались, и каждый имѣлъ свое служеніе, или, что вѣроятнѣе, она наступила позднѣе, отвѣчать на этотъ разъ не рѣшаюсь. Скажу только, что значки сдѣсь не сѣятся, какъ въ послѣдствіи, съ избыткомъ, зря и всюду, гдѣ ни попало. Назначеніе ихъ совсѣмъ иное: они замѣняютъ собою цѣлыя буквы, и какъ разумно употреблялись сначала буквы, такъ разумно должно было начаться употребленіе значковъ. Но самая уже возможность этого употребленія и самое происхожденіе значковъ указываютъ на начинавшееся со стороны писцовъ невниманіе къ буквамъ Кирилицы, вполнѣ устранявшимъ собою необходимость значковъ. Писцы не считали преступленіемъ выбрасывать цѣлыя буквы изъ строки, замѣняя ихъ значками, или писать не тѣ буквы, какія бы слѣдовало, и дополнять ихъ значками. Значки свидѣтельствуютъ о желаніи писцовъ привести письмо къ сокращенію и большей ясности и обнаруживаютъ относительную молодость памятника. Но время, дѣйствуя разрушительно на строчныя буквы, дѣйствовало такъ же точно и на значки. Въ послѣдствіи писцы, забывъ ихъ истинное назначеніе и, въ добавокъ, подражая Греческому правописанію, обильно употребляли ихъ безъ всякой нужды почти надъ каждою гласною, изобрѣтая новые и удвоивая старые для выраженія разныхъ мелочныхъ оттѣнковъ голоса, о которыхъ азбука не должна заботиться и которые должны быть предоставлены живой устной рѣчи. Тѣмъ не менѣе, если въ образовавшемся чрезъ то хаосѣ значковъ рѣшительно нельзя найти никакой основной мысли, ни даже порядка, ученые, не признающіе значковъ, не должны забывать ихъ первоначальнаго сознательнаго, хотя и не необходимаго, происхожденія: все презрѣніе, какое можемъ мы оказать къ значкамъ, не должно простираться далѣе того, чтобы не заниматься ихъ изслѣдованіемъ тамъ, гдѣ они уже теряютъ всю свою сознательность; но все таки мы должны всюду слѣдить за ними и сохранять ихъ. Ученые, при изданіи памятниковъ опускающіе значки, наносятъ тѣмъ самымъ вредъ подлинной достовѣрности памятника. Чрезъ опущеніе значковъ, во первыхъ, нарушается способъ старинняго правописанія и измѣняются законы благозвучія и словообразованія: вся у Остромира не есть то же, что вся; иначе оно должно писаться и произноситься, какъ вьса. Во вторыхъ, памятникъ теряетъ свой наружный видъ, и скрадывается возможность точнѣйшаго опредѣленія его возраста. Въ третьихъ, когда значки переводятся въ буквы, возрастъ памятника возвышается, или, лучше сказать, въ немъ происходитъ смѣшеніе младшихъ признаковъ съ древнѣйшими: вся хотя въ сущности есть то же, что вьса, однако оно позднѣе этого и указываетъ на извѣстную историческую пору письменности. На оборотъ, безслѣдное опущеніе значковъ молодитъ памятникъ: формы со значками указываютъ на сохранившуюся еще память о тѣхъ звукахъ, которые первоначально выражались строчными буквами; между тѣмъ, какъ беззначіе вовсе уничтожаетъ всякій слѣдъ этихъ звуковъ. Словомъ, значки, по своему важному служенію, которое они несли въ извѣстную пору Кириловской письменности, стали въ уровень съ буквами и сдѣлались необходимыми спутниками повременнаго шествія языка въ письменныхъ его проявленіяхъ. Искаженіе подлиннаго вида памятника, разстройство того согласія, съ которымъ старинные писцы сочетавали буквы и значки, нарушеніе отношенія, существовавшаго

между строчными буквами съ одной стороны и переходящими въ значки съ другой, изменение стариннаго правописанія, — суть слѣдствія покушенія на неприкосновенность значковъ, покушенія, заслуживающаго не одобренія, но порицанія. Таковы мысли, внушенныя ложнымъ мнѣніемъ нѣкоторыхъ ученыхъ относительно значковъ Кириловскаго письма. То же самое ставлю я въ объясненіе тому, по чему я начинаю свои изслѣдованіе со значковъ. Я изслѣдую значки по тому, что они важны въ древней Сербской письменности, ибо дополняютъ собою пріемы правописанія и указываютъ отчасти на возрастъ памятника; а начинаю я съ нихъ отъ того, что они принадлежатъ къ области буквъ, слѣдовательно, къ первымъ началамъ слова, служившимъ для его выраженія. Не опредѣливъ предварительно ихъ значенія и употребленія, нельзя опредѣлить достовѣрно и самого начертанія слова, а безъ правильнаго начертанія нельзя узнать и свойства буквъ, какъ выраженія звуковъ, и законовъ звукоизмѣненія.

Но остановимся на начертаніи слова и постараемся чрезъ это опредѣленіе пояснить то ограниченіе, которое мы хотимъ предложить себѣ при изслѣдованіи о значкахъ Древнесербской Кириловской письменности. Цѣль всего предстоящаго филологическаго изслѣдованія заключается въ изученіи *звуковъ* и *формъ* Д.-Сербскаго книжнаго языка. Значки относятся къ области звуковъ, выражаемыхъ буквами, которымъ служатъ дополненіемъ. Звуки, выражаемые буквами Кирилицы, — вотъ первый отдѣлъ нашего изслѣдованія; второй будетъ посвященъ формамъ граматическимъ. Но членораздѣльные звуки человѣческаго голоса, кромѣ буквеннаго опредѣленія, имѣютъ еще опредѣленіе голосовое, которое не выражается на письмѣ, но предоставляется, большею частію, живой устной рѣчи. Сюда относятся слѣдующія ихъ свойства: качество заключающагося въ нихъ голоса или степень его самозвучія, гласность, и другой видъ его: твердость и мягкость; — количество заключающагося въ нихъ голоса или степень его протяженія, куда относится еще другой видъ того же свойства: открытіе, сила, поднятіе и, въ слѣдствіе того, ясность и полнота голоса, равно какъ сжатіе, слабость, паденіе и, въ слѣдствіе того, приграженіе и половинность голоса; — наконецъ, третье: способность выносить большее, или меньшее, острое, или тупое удареніе въ словѣ. Для всѣхъ этихъ свойствъ въ древней Сербской письменности существовали значки съ тою только замѣчательною особенностію, что они не ставились непремѣнно и послѣдовательно во всѣхъ случаяхъ. Нѣтъ, писцы ставили ихъ, смотря по собственному расположенію къ нимъ и по вліянію сосѣдней письменности, гдѣ болѣе, гдѣ менѣе. Есть грамоты, наполненныя значками, и есть грамоты вовсе безъ значковъ. Аѳонскія грамоты, наиболѣе подверженныя вліянію Д.-Булгарской письменности, наиболѣе обилуютъ всякого рода значками; напротивъ, Дубровницкія и Босвійскія рѣдко употребляютъ ихъ. Такъ точно и по времени: въ XII и XIII вв. мы почти не находимъ значковъ въ извѣстныхъ намъ памятникахъ, даже и въ Аѳонской грамотѣ Немани; но въ XIV и XV вв. они распложаются до крайности. Стало быть, значки не были необходимы для писцовъ: дѣйствительно, писцы могли обойтись и безъ нихъ, нисколько не вредя этимъ ясности правописанія, или языка. Вотъ отвѣтъ, который даетъ намъ ближайшее разсмотрѣніе памятниковъ. Теорія скажетъ то же самое. Были ли нужны значки въ древней Сербской письменности? Отвѣчаемъ, нѣтъ. Внутреннія свойства звуковъ, которымъ значки служатъ выраженіемъ, или сами по себѣ довольно хорошо выражены въ буквенныхъ начертаніяхъ, или не нуждаются во внѣшнемъ выраженіи. Самозвучность голоса отразилась вполнѣ въ тѣхъ начерта-

ніяхъ, которыя мы привыкли называть гласными буквами, которыя и безъ значка всякій отличитъ отъ согласныхъ. Такъ точно и полугласныя, какъ остатокъ прадавней гласности, получили въ Кирилицѣ особое начертаніе, которое не нужно отмѣчать еще какимъ либо значкомъ. Мягкость гласныхъ нашла себѣ прекрасное выраженіе въ тѣхъ буквенныхъ начертаніяхъ, которыми по справедливости можетъ гордиться Кирилица передъ другими азбуками. Соединеніе твердыхъ согласныхъ съ мягкими гласными и переходъ ихъ въ соотвѣтствующія имъ мягкія согласныя вполнѣ устраняютъ въ этомъ отношеніи необходимость значковъ. Протяженіе и сокращеніе, поднятіе и паденіе, ясность и глухота голоса не болѣе того нуждаются въ значкахъ: слѣсь сила не въ значкахъ, а въ образованіи и совершенствѣ произносящаго органа и въ плавности рѣчи. Древніе наблюдали метръ не только въ стихахъ, но и въ прозѣ, и были знатоками этого дѣла, а между тѣмъ они не выражали его наружно. Удареніе еще нуждалось бы въ значкахъ для тѣхъ, кои не сроднились съ языкомъ и не постигли на дѣлѣ духа и законовъ его ударенія. Но въ такомъ случаѣ для изученія удареній есть особая наука; а тамъ, гдѣ пишутъ не для новичковъ въ языкознаніи, а совсѣмъ для иныхъ цѣлей, тамъ видимаго обозначенія ударенія быть не должно. Смотря съ исторической точки зрѣнія, мы видимъ, что древнѣйшіе письменные памятники Сербской Кирилицы не имѣли значковъ, а показались они въ ней позднѣе: слѣдовательно, и съ этой стороны открывается, что они не были необходимы для письма. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Д.-Булгарской письменности значки возникли подъ вліяніемъ Греческаго правописанія и языка. На Сербскую вліяли и Булгарская и Греческая письменность, и какъ Булгарская, такъ и Сербская указываютъ на первоначальное вліяніе Греческой, что доказывается наибольшимъ присутствіемъ значковъ именно въ той семьѣ грамотъ, которая относится къ дѣламъ православнаго духовенства, тѣсно связаннаго съ Греціею. Какъ бы то ни было, писцы стремились помощію значковъ выразить внутреннее свойство звуковъ, чего въ буквенныхъ начертаніяхъ не было. Но Сербская, какъ и всякая другая Славянская, письменность не могла въ такой степени уравновѣсить содержаніе или мысль съ внѣшностію или выраженіемъ мысли, чтобы письмо и буква вполнѣ отвѣчали живому слову въ той полнотѣ всѣхъ его оттѣнковъ, въ каковой оно истекаетъ изъ устъ говорящаго. Примѣръ Булгарской письменности не можетъ служить въ этомъ случаѣ опроверженіемъ: древнѣйшая Булгарская письменность не имѣла значковъ и начала только съ замѣнительныхъ, которые не выражали никакого внутренняго свойства буквы, а только наружно замѣняли ее. Вліяніе Греческаго письма водворило въ ней и другіе значки; но они столько же нужны для нея, сколько и для Сербской письменности; даже для послѣдней были бы нужнѣе, такъ какъ Кирилица была изобрѣтена собственно для Булгарскаго, а не Сербскаго языка. Конечно, ни Сербскій, ни какой другой Славянской языкъ не уступитъ Греческому въ гибкости звуковъ и перемѣнчивости голоса для сознательнаго и яснаго выраженія мысли; а въ подвижности ударенія даже превзойдетъ его: но все это совершается лишь внутри языка, невидимо, подъ непосредственнымъ вліяніемъ мысли на живое, прозрачное слово, которое, проявляя въ себѣ безконечно измѣнчивую мысль, само, въ слѣдъ за нею, безконечно разнообразитъ себя, отнимая почти всякую возможность опредѣлить научно его разнообразіе. По этому и самое письмо, употребляемое Славянами, не вполнѣ удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ слова: но, уловляя и отмѣчая положительные, основныя его звуки, оно прочія мелчайшія видоизмѣненія

его предоставляетъ дѣйствію устной рѣчи. Введеніе различныхъ значковъ показываетъ, что писцы старались дополнить этотъ недостатокъ; но, съ тѣмъ вмѣстѣ, обличаетъ ихъ несостоятельность. Отъ чего это? Виновны ли писцы? Нѣтъ. Греческій языкъ, какъ классическій, постигшій тайну согласнаго сочетанія мысли и образа и прожившій цѣлые вѣка съ этой тайной, могъ довести до точности ученіе о значкахъ; но и то многаго не выразилъ онъ. Сербскій же языкъ, какъ одинъ изъ языковъ Славянскихъ, развивающихся подъ преобладающимъ вліяніемъ мысли, не могъ вполнѣ сроднить выраженія съ мыслію и предоставилъ устному слову дополнить то, чего не доставало въ письменномъ. Различная мѣра голоса, гибкость и разнообразіе звуковъ и подвижность ударенія дополняютъ въ произношеніи то, чего недостаетъ на бумагѣ. Старинные писцы старались исправить этотъ недостатокъ письма и выразить значками утонченныя свойства голоса, но, естественно, не могли въ этомъ успѣть; ибо безконечная мысль неуловима въ своихъ видоизмѣненіяхъ. Ихъ ошибки всего лучше показываютъ невозможность отвердить и приковать къ письму въ точности, безошибочно и со всѣмъ ея разнообразіемъ летучую мысль, проявляющуюся въ словѣ. Вмѣсто того, чтобы совершенствоваться, упрощаться и уясняться до безысключительности, употребленіе значковъ приходило въ Сербской письменности все въ большее и большее замѣшательство; значки путались, пропадали и снова появлялись. По этому новѣйшее Сербское правописаніе окончательно порѣшило со значками тѣмъ, что выбросило ихъ, какъ неточные и лишніе.

То же доказываетъ и самая исторія значковъ. Они, какъ сказалъ я, обязаны своимъ происхожденіемъ недовольству писцовъ существующею азбукою. Помощію значковъ писцы хотѣли частію дополнить и пояснить значеніе нѣкоторыхъ буквъ въ произношенія, частію исключить ихъ изъ слова и строки, замѣняя надстрочными значками. Послѣднее гораздо легче перваго и по тому употребленіе замѣнительныхъ значковъ гораздо правильнѣе и безысключительнѣе, чѣмъ употребленіе прочихъ, исполненное сбивчивости, смѣшенія, неопредѣленности, такъ что надобно много труда, чтобы извлечь на свѣтъ истину, кроющуюся въ разнообразномъ множествѣ того, или другаго значка. Дополнять значками смыслъ буквъ или звуковъ—дѣло важное, допускающее различныя воззрѣнія. Нужно было выразить то слитіе и стяженіе звуковъ вмѣстѣ съ долготою, то ясный подъемъ голоса и глухое паденіе его, то мягкость звука, то острое, какъ бы быстрое, и тяжелое, какъ бы медленное, удареніе голоса. На основаніи различныхъ воззрѣній писцы ставили тотъ, или другой значекъ, и по тому часто бываетъ, что въ одномъ и томъ же случаѣ становятся два, три различныхъ значка, и каждый изъ нихъ оправдывается тѣмъ воззрѣніемъ, подъ которымъ родился. Впрочемъ, двухъ разнородныхъ значковъ писцы никогда не сопоставляли надъ одною гласною; всегда ставили одинъ какой либо значекъ. Тѣмъ не менѣе и двойные значки употреблялись ими, но не въ разъединенномъ смыслѣ и не съ двоякимъ дѣйствіемъ, а какъ одинъ цѣльный, нераздѣльный значекъ. Обыкновенно двойные или сложныя значки не выражаютъ ничего новаго; они имѣютъ то же самое значеніе и ту же самую цѣль, какъ и простые значки. Одна и та же гласная, въ одномъ и томъ же случаѣ, выноситъ на себѣ различные значки, тотъ, или другой, смотря по тому, съ какой стороны писецъ смотрѣлъ на звукъ, ею выражаемый,— со стороны ли ея самозвучности, смягченія, поднятія и пониженія голоса, или ударенія. Но нужно ли было видимо выражать эти различныя воззрѣнія?—это другой вопросъ, на который, смотря по послѣдствіямъ, должно отвѣчать отрицательно. Въ самомъ дѣлѣ, цѣль значковъ была исключ-

ная; значеніе ихъ было весьма тонкое, и при томъ въ чтеніи они оказывались вовсе не нужными: живой голосъ и безъ нихъ сохранялъ всѣ выражаемые ими оттѣнки. Слѣдовательно, ихъ назначеніе ограничивалось лишь правописаніемъ, и въ этомъ отношеніи они составляли дополненіе гласныхъ въ извѣстную историческую пору письменности; сдѣсь они столь же важны, какъ и самыя буквы. Но, повторяю, независимо отъ этого важнаго служенія, доставленнаго имъ писцами, цѣль ихъ была столь мелочная, а оттѣнки голоса, ими выражаемые, столь незамѣтны, что писцы неминуемо должны были ошибаться въ ихъ употребленіи. Скажу другими словами: писцы, если бы умѣли хорошо пользоваться всѣми буквами Кирилицы и оставили бы ложное и мелочное желаніе пособить правописаніемъ движенію и выразительности устной рѣчи, то были бы избавлены отъ обязанности прибѣгать къ значкамъ; но, позволивъ себѣ однажды замѣнить значками нѣкоторыя необходимыя буквы, упразднивъ въ строкѣ мѣсто однѣхъ и измѣнивъ другія сообразно съ свойствомъ значка, они непремѣнно уже должны были держаться значковъ, усиливать ихъ и чаще обращаться къ нимъ по мѣрѣ того, какъ ослабѣвало значеніе буквенныхъ начертаній Кирилицы;—и значки, сростаясь съ азбукою, становились неизбѣжными ея членами. Ошибки учащались. Не всякій писецъ понималъ мысль, породившую тотъ, или другой значекъ; а гдѣ не было сознательности, тамъ неизбѣжны были и ошибки. Часто употребленіе значковъ основывалось на одномъ подражаніи, или на прихоти писца. Мы имѣемъ грамоты, которыя показываютъ, что одинъ писецъ, списывая у другаго, ставилъ значки только на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ они стояли у его предшественника; другой, не понимая сущности дѣла, подражалъ неудачно, и часто служеніе значковъ основывалъ на одномъ внѣшнемъ только сходствѣ случаевъ. Иные писцы, по какому-то странному расположенію, любили отдавать преимущество извѣстнымъ значкамъ и ставили ихъ безъ разбора гдѣ ни случилось, гдѣ бы и не слѣдовало имъ стоять. Подобный произволъ, который можно иначе назвать пристрастіемъ, тотчасъ бросается въ глаза при чтеніи нѣкоторыхъ грамотъ. Въ разныхъ грамотахъ преобладаютъ разные значки. Даже есть и такія грамоты, въ которыхъ вдругъ какой нибудь значекъ появляется въ изобиліи въ началѣ; а потомъ, подъ конецъ, пропадаетъ совершенно, или уступаетъ другому свое служеніе. Излишнимъ было бы приводить примѣры колебанія значковъ: сдѣсь довольно сказать, что однородные значки, возникшіе подъ однимъ воззрѣніемъ, часто вторгаются одинъ въ область другаго, или разнородные оспариваютъ другъ у друга такое мѣсто, которое допускаетъ только одно какое либо воззрѣніе. Отсюда происходитъ новое затрудненіе при ихъ изслѣдованіи. Всего затруднительнѣе встрѣтиться съ однородными значками, стоящими одинъ на мѣстѣ другаго: объяснить такую встрѣчу можно не иначе, какъ тѣмъ, что писцы имѣли въ виду двоякое назначеніе значковъ. Трудно рѣшить вопросъ, что именно хотѣли они въ нѣкоторыхъ случаяхъ выразить значкомъ: дополнить ли имъ то, чего, по ихъ мнѣнію, недоставало въ буквѣ, или только видимымъ знакомъ, какъ бы нагляднѣе, подтвердить и повторить то, что уже заключалось въ самой буквѣ? Въ первомъ случаѣ значекъ измѣнялъ внутреннее свойство буквы или ея произношеніе; во второмъ онъ только обнаруживалъ то, что въ ней самой скрывалось, какъ бы давалъ знать читающему, какъ должно произносить эту букву. Отъ того мы замѣчаемъ иногда, что значекъ стоитъ совершенно не на своемъ мѣстѣ, что онъ долженъ бы быть замѣненъ противуположнымъ ему и съ нимъ однороднымъ значкомъ, или что онъ является какъ бы лишнимъ, тамъ, гдѣ самыя

буквы уже упраздняютъ его служеніе. Приведу примѣры. Такъ, значекъ ˘, стоящій преимущественно надъ начальною гласною слова и выражающій ея открытость или ясный, чистый подъемъ голоса, и значекъ ˆ, поставляемый предпочтительно надъ конечною гласною, или надъ второю изъ стекшихся двухъ гласныхъ и выражающій ея закрытость, глухоту, или опущеніе голоса и приражениость его, проистекающую отъ смягченія его или отъ участія въ немъ приражающаго небнаго начала, — значки эти часто смѣшиваются между собою, смотря по тому, что хотѣлъ писецъ выразить ими: вознаградить ли недостающее въ буквѣ количество голоса, или только означить, что такая-то буква звучитъ слабо, а такая-то сильно, т. е., еще болѣе содѣйствовать количеству голоса, принадлежащаго буквѣ. Ставя въ извѣстныхъ грамотахъ надъ начальными гласными а, є, о, оу почти всегда открытый значекъ ˘, писцы, въ тѣхъ же самыхъ грамотахъ, надъ и ставили закрытый ˆ: въ первомъ случаѣ они хотѣли показать, что гласныя а, є, о, оу звучатъ открыто и ясно, а во второмъ, что и, какъ мягкій приражениый звукъ, произносится узко и закрыто. Но если въ нѣкоторыхъ случаяхъ и надъ и ставился открытый значекъ ˘, то этимъ самымъ писецъ хотѣлъ помочь въ началѣ слова узкой ея природѣ и поднять въ ней голосъ. Такъ точно и надъ губнымъ глухимъ оу ставилъ онъ преимущественно открытый значекъ для того, чтобы сколько нибудь пособить его ясности въ началѣ слова. Укажу на другой значекъ, двойной ̏ или ̎, который ставится большею частію надъ мягкими гласными и въ особенности надъ самымъ смягчающимъ началомъ, буквою и. Этотъ значекъ служитъ, между прочимъ, къ означенію стяженія двухъ звуковъ въ одномъ, что нерѣдко случается въ Сербскомъ языкѣ. Гдѣ въ Ц.-Славянскомъ два звука, какъ на пр., соуфіа, великии, братии, вьсѣ, тамъ въ Д.-Сербскомъ одинъ стянутый звукъ и со значкомъ ̏: соуфа̏, велики̏, брати̏, всѣ̏. Слѣдовательно, если встрѣчаются иногда нестянутыя формы, оставшіяся таковыми подъ вліяніемъ Ц.-Славянскаго языка, и надъ ними все же стоитъ значекъ ̏ или ̎, на пр., сѣди̏ и соуди̏и, то здѣсь присутствіе этого значка должно объяснять тѣмъ, что писецъ, будучи недоволенъ однѣми буквами и находя ихъ разложеніе недостаточнымъ для того, чтобы выразить все дѣйствіе голоса, производимое стеченіемъ двухъ гласныхъ, старался, чрезъ значекъ, повторить и какъ бы усилить то, что уже высказывали самыя буквы. Въ первомъ случаѣ значекъ ̏ ̎ является противуположнымъ буквѣ, ибо онъ совершенно преобразуетъ ее, дѣлая изъ краткой и простой долгою и стянутою; а во второмъ онъ лишній и служитъ только видимымъ поясненіемъ того, что выражается уже самыми буквами. Конечно, и въ первомъ случаѣ гласная, хотя бы и не было надъ нею значка, остается все такою же долгою и составною; но, чтобы понять необходимость значка и отношеніе его къ таковой гласной, нужно стать на мѣсто тѣхъ писцовъ, которые считали значки существенною принадлежностію письма и забывали, какъ сказалъ я, природу и значеніе буквъ. Конечныя стянутыя гласныя они отвлекали отъ формы слова, смотрѣли на нихъ, какъ на отдѣльные звуки, и лишь только соприкасались съ формою и замѣчали, что здѣсь есть долгота и стяженіе, то тотчасъ ставили для означенія ихъ еще значекъ ̏ ̎; одной буквы было для нихъ мало. Вотъ чѣмъ можно объяснить многія, по видимому, необъяснимыя явленія, встрѣчающіяся въ употребленіи значковъ. Изслѣдователь не долженъ смущаться мыслію о случайности и произвольности этого употребленія. Оставя въ сторонѣ всѣ крайности и принявъ въ расчетъ то, что была же какая нибудь причина введенія въ письменность и видоизмѣненія значковъ, изслѣдователь рѣшается про-

никнуть во внутреннiй смыслъ значковъ, найти ихъ настоящее значенiе и цѣль, и на этомъ прочномъ основанiи утвердить свои выводы, отметая, какъ исключенiе, все то, что не сообразно съ основною мыслiю. Истинный свѣтъ можетъ истекать только изъ большинства случаевъ. Къ счастiю, значки въ древней Сербской письменности, при всѣмъ разнообразiи и всей мелочности ихъ служенiя, не представляютъ еще непреодолимыхъ затрудненiй и вопiющей неразумности употребленiя, чтобы нельзя было отличить въ ихъ множествѣ большинства однородныхъ случаевъ отъ меньшинства разнородныхъ: соотношенiе между большинствомъ случаевъ ихъ употребленiя убѣждаетъ въ предположенiи, что значки ставились не произвольно, но каждый имѣлъ свою мысль, свое основанiе и свое особое назначенiе. А если вспомнимъ, что на родинѣ ихъ есть древнѣйшiе памятники, въ которыхъ порядокъ значковъ соблюденъ съ удивительною непогрѣшимостiю, то еще болѣе убѣдимся въ разумномъ происхожденiи значковъ.

Вышеозначенныя свойства звуковъ, требовавшiя, по убѣжденiю писцовъ, дополненiя, или объясненiя, или замѣны въ буквенныхъ начертанiяхъ, всѣ, какъ видно, относились къ гласнымъ и полугласнымъ; а по тому и самые значки, употреблявшiеся для этой цѣли, всѣ вращались въ области гласныхъ и полугласныхъ. Тѣ значки, которые служатъ дополненiемъ и объясненiемъ звуковъ, выражаютъ или качество, или количество, или паденiе голоса: это суть прибавочные или *внутреннiе* значки, выражающiе свойства самого звука,—его самозвучность, его силу и ясность, глухоту и слабость, его долготу, или стяженiе, равно какъ мягкость, или же наконецъ его паденiе, иначе ударенiе. Но самый звукъ выражается не въ нихъ: онъ остается выраженнымъ въ строчной буквѣ; онъ только видоизмѣняется или дополняется значкомъ, смотря по мѣсту, которое занимаетъ въ ряду другихъ звуковъ, образующихъ слово. Иначе ихъ можно бы было назвать благозвучными значками въ обширномъ смыслѣ этого слова. Напротивъ, другiе значки, служащiе замѣною нѣкоторымъ звукамъ, выражаемымъ буквами, должны быть названы замѣнительными или *внѣшними*, ибо они упраздняютъ собою строчную букву, становясь на ея мѣсто внѣ строки. Они не придаютъ никакого оттѣнка самому звуку, не выражаютъ никакого свойства его; а служатъ только замѣною ему, будучи одолжены происхожденiемъ своимъ желанiю писцовъ сократить, по возможности, способъ писанiя. Иначе ихъ можно назвать правописными значками. Безъ нихъ нельзя опредѣлить настоящiй видъ слова; они необходимы для исторiи нѣкоторыхъ буквъ. При внутреннихъ значкахъ слово сохраняетъ свой полный образъ въ строчныхъ буквахъ; при внѣшнихъ значкахъ слово имѣетъ сокращенное начертанiе: въ немъ недостаетъ нѣкоторыхъ буквъ, выкинутыхъ изъ строки и замѣщенныхъ значками. Опустить внутреннiе значки всегда можно: и безъ нихъ слово будетъ звучать такъ, какъ оно звучало бы и съ ними; но опустить внѣшнiе значки нельзя: слово явится въ недостаточномъ и неправильномъ видѣ. Хотя внутреннiе значки сами по себѣ представляютъ историческое явленiе въ древней Сербской письменности, однако они не имѣютъ влiянiя на исторiю звуковъ; напротивъ, внѣшнiе значки тѣсно связаны съ исторiею самихъ звуковъ, выражаемыхъ буквами; ибо ихъ всегда можно перевести въ строку и замѣнить буквами, отъ которыхъ слово получаетъ новый, полнѣйшiй видъ. Цѣль и объемъ нашего сочиненiя, посвященнаго изслѣдованiю природы и исторiи звуковъ, выражаемыхъ буквами, и разсмотрѣнiю граматическихъ формъ, а не благозвучiя словъ въ связной и послѣдовательной рѣчи, избавляетъ насъ отъ обязанности изучать всѣ безъ исключенiя значки, встрѣ

чаемые нами въ памятникахъ: нашъ долгъ въ отношеніи значковъ—возстановить истинный начертательный или правописный образъ слова, безъ котораго невозможно правильное историческое изслѣдованіе о буквахъ; а таковыми значками, которые, можно сказать, срослись съ начертаніемъ слова и безъ которыхъ слово будетъ написано неполно, суть значки внѣшніе, служащіе замѣною нѣкоторымъ буквамъ. Если видимъ ихъ при словѣ, то должны непремѣнно принимать ихъ въ соображеніе при чтеніи этого слова: они дополняютъ собою историческій его образъ. Напротивъ, внутренніе значки ничего не прибавляютъ къ начертанію слова: съ ними и безъ нихъ оно звучитъ такъ, какъ изображено буквами; они только выражаютъ видимо то, что невидимо заключается въ самомъ буквенномъ начертаніи слова при произношеніи его въ связной рѣчи. По этому я остановлюся сдѣсь только на внѣшнемъ или замѣнительномъ служеніи значковъ, предоставляя себѣ право послѣ, когда нибудь, поговорить и о прочихъ значкахъ Сербской письменности. Прибавлю еще другую причину, заставляющую меня ограничить, по возможности, объемъ изслѣдованія о значкахъ. Я руководствуюсь печатными изданіями памятниковъ. Не скрою чувства недовѣрчивости и сомнѣнія, рождающееся при мысли, не ошиблись ли издатели, или переписчики при передачѣ нѣкоторыхъ значковъ рукописнаго подлинника? Зная, какъ писцы неопредѣленно ставили значки, какъ неясно писали ихъ и какъ произвольно распоряжались ими, невольно задумаешся надъ печатнымъ изданіемъ: сейчасъ представится глазамъ изслѣдователя шаткость его системы. Мы должны сознаться, что въ рукописныхъ подлинникахъ гораздо болѣе значковъ, чѣмъ сколько ихъ есть въ печатныхъ изданіяхъ: тамъ есть и точки, и двоеточія, и черты совершенно продольныя, и черты отвѣсныя, такъ что не знаешь, въ какую сторону склонить ихъ, и т. д. Что дѣлали съ подобными значками переписчики, когда въ изданіяхъ этихъ значковъ нѣтъ? Конечно, нѣкоторые пропускали, другимъ придавали любое склоненіе и тѣмъ подводили подъ разрядъ болѣе извѣстныхъ значковъ. Мы увѣрены, что не разъ переписчику доводилось смѣшивать значки ̛ и ̑. А что бы пришлось сказать, если бы, сверхъ чаянія, переписчики, не будучи въ состояніи различать эти два значка, сами изобрѣли для нихъ порядокъ, которому и стали бы слѣдовать при переписываніи рукописи? Прибавимъ сюда еще и то, что старинные писцы весьма часто не означали въ точности той буквы, надъ которою хотѣли поставить значекъ: отъ самого способа, равно какъ отъ скорости писанія значки часто упадали между буквами. Что же оставалось дѣлать новѣйшимъ переписчикамъ, или издателямъ? Надъ какою буквою, надъ предыдущею ли, или надъ послѣдующею, поставить значекъ, когда онъ не приходился ни надъ тою, ни надъ другою? Очевидно, сомнѣніе не всегда находило себѣ вѣрный исходъ, и часто мы видимъ въ печатныхъ изданіяхъ значки, стоящіе надъ согласными безъ всякого смысла, между тѣмъ, какъ ихъ мѣсто надъ ближайшею гласною, или полугласною. Но оставимъ вѣроятное. Положительность данныхъ, которую мы ищемъ и на которой стараемся основать нашъ трудъ, не позволяетъ намъ вдаваться со всею подробностію въ область, наполненную столь сомнительными явленіями, сомнительными не по тому, чтобы самые подлинники возбуждали это сомнѣніе, а по тому, что въ печатномъ видѣ они являются не таковыми, какъ въ рукописяхъ. Не желая на этотъ разъ слишкомъ далеко заходить въ предѣлы предположеній и догадокъ, туда, куда еще не видно слѣдовъ предшествовавшихъ изслѣдователей, гдѣ все новизна, мы остановимся пока на необходимыхъ для насъ значкахъ,

которые въ то же время являются и болѣе положительными. Я разумѣю *внѣшніе* или *замѣнительные* значки.

Самый простой и вмѣстѣ самый правильный по употребленію есть значекъ ʹ, встрѣчаемый нами въ концѣ XIV-го ст. и почти исключительно въ Боснійскихъ, Травунскихъ, Хлумскихъ и отчасти Дубровницкихъ грамотахъ. Изъ собственно-Сербскихъ находимъ его только въ двухъ, а именно, однажды въ гр-ѣ Дечанскаго (С. № 176) и въ гр-ѣ Ангелины (С. № 178). Служеніе этого значка есть чисто внѣшнее, замѣнительное: онъ становится вмѣсто отсутствующаго **ѣ**, которое, въ свою очередь, по свойству языка нѣкоторыхъ грамотъ, замѣняетъ собою **и**, **е**, иногда **ѧ**. На пр.: **пр́селилисе**, **пр́столь**, **пр́родитель** (чит. **прѣродитель**), **пр́дьнюю** (С. № 66), **пр́ставлѥнию** (С. № 179), **пр́стаго**, **вр́ме** (С. № 100), **смр́ню**, **пр́д** (С. № 104), **вр́ме**, **пр́дъжье** (С. № 107), **пр́чисти** (С. № 127), **тр́**, **тр́десети**, **четир́** (чит. **трѣ** и пр., С. № 130), **пр́ма** (С. № 176), **непр́мѣно**, **пр́же**, **кр́по҃**, **ѹкр́пи** **пр́ѹтїе** (С. № 178) и пр. Въ гр-хъ С. №№ 81, 99, 179, въ которыхъ, на оборотъ, **и** замѣняетъ **ѣ**, этотъ значекъ поставленъ вмѣсто **и**, которое впрочемъ звучитъ сдѣсь, какъ **ѣ**; на пр.: **пр́морю**, **пр́доше**, **пр́литие**, **мѹдр́**, **сатвор́**, **хр́това**, **поклисар́е**, **пр́сегохь**; **подр́нию**, **пр́зрвьемь**, **пр́мивьши**, **пр́вое**, **пр́миѣ**; **пр́ставь**; **пр́зрнию**. Въ этихъ примѣрахъ, какъ видно, значекъ ʹ замѣняетъ не **ѣ**, но **и**, какъ и въ формѣ **пр́е** (С. № 107), которая, по свойству грамоты, должна бы была написаться **прие** или **прѣ** (прежде). Въ словахъ **пр́ступлениемь**, **пр́високомь**, **апр́ла**, **пр́дьни** (С. № 81) онъ поставленъ собственно вмѣсто **ѣ**, но, по свойству грамоты, и сдѣсь **ѣ** должно быть произносимо, какъ **и**. Въ той же грамотѣ онъ стоитъ по избытку въ словахъ: **пр́миме**, **пр́бивиѣемь**, гдѣ писецъ забылъ опустить изъ строки букву **и**, какъ и въ гр-ѣ С. № 178, въ словѣ **быв́ши**. Дважды онъ поставленъ въ замѣнъ опущеннаго **ь**, очевидно, будучи смѣшенъ съ другимъ значкомъ: **пр́вишнѣемь** (С. № 81), **пр́во** (С. № 130). Вообще служеніе его столь правильно и постоянно, что, кромѣ означенныхъ случаевъ, исключеній нѣтъ. Впрочемъ, это самый малоупотребительный значекъ. Ср. еще С. №№ 84, 99, 100, 104, 107, 127. Замѣтимъ, что въ Д.-Булгарскихъ рукописяхъ, при окончаніи строки, за недостаткомъ мѣста, **ѣ**, поставляемое сверху строки, имѣетъ иногда видъ этого самого значка.

Другой внѣшній значекъ, который гораздо употребительнѣе перваго, есть ˋ, замѣняющій собою **ь**. Это его настоящее назначеніе. Не смотря на то, что онъ чисто внѣшній знакъ, введенный лишь для замѣны буквы, въ назначенія его примѣтно воззрѣніе, породившее внутренніе значки, и именно воззрѣніе на звукъ со стороны его самогласія или того свойства самобытности, цѣльности и полноты, которому выраженіемъ служатъ такъ называемыя гласныя, противуполагающіяся нѣмымъ или согласнымъ. Это воззрѣніе вполнѣ отразилось во внутреннемъ значкѣ ˚; но такъ какъ полугласіе, выражаемое въ древней Сербской письменности почти исключительно однимъ **ь**, есть остатокъ прадавней гласности, то значекъ ˚ сроднился и съ полугласнымъ **ь**. Отсюда не далеко оставалось ему и до значка ˋ, замѣняющаго эту полугласную. Оба сошлись на одной и той же буквѣ: одинъ выражалъ внутреннее ея свойство, полугласіе, переходившее индѣ въ полную гласную, индѣ въ полное безгласіе; другой служилъ указателемъ отсутствующей полугласной. Послѣ этого не мудрено, если значекъ ˋ принялъ на себя оттѣнокъ значка ˚, сойдясь съ нимъ на одной и той же буквѣ. И дѣйствительно, мы замѣчаемъ, что кругъ служенія его распространяется по волѣ писцовъ и входитъ въ предѣлы служенія значка ˚: не только полугласныя, но и гласныя носятъ его на себѣ и не выпускаются

изъ строки. Въ этомъ случаѣ употребленіе его явно совпадаетъ съ употребленіемъ внутренняго значка ʼ, поставляемаго, подобно Греческому дыханію, надъ гласными, не только начальными, но и срединными и конечными. Тѣмъ не менѣе значекъ этотъ есть одинъ изъ самыхъ положительныхъ, и главное назначеніе его рѣзко выставляется наружу между различными уклоненіями, которыя, по своей малочисленности, не могутъ лишить его достоинства быть правиломъ, а сами остаются исключеніями. Это главное назначеніе его, какъ сказали мы выше, состоитъ въ замѣнѣ опущенной полугласной ь (ъ). Съ нимъ значекъ этотъ является въ грамотахъ различныхъ семействъ, начиная, по времени, съ Милутиновыхъ. Мы ограничимся весьма немногими примѣрами: служеніе его столь просто и понятно, что даже и не требуетъ ихъ. твѝже, оустнами, рекшимь ѝсахь, истиннаго, рьтьускои, ѝствори (Мк.), ѿстах, ѿпеими, срьбинь, ѝплевише, ѝ, сеѝ, поѝ (А. № 6), вешаѝ (А. № 3), ѝ селы, манастырскомь (А. № 4), разоуѝ, ѝмною и пр. (С. NN№ 51, 52), ѝси, вѣтѝь, доколѣнь, ѝто иѝ, ѝнеземь, браѝ и пр. (С. № 176), миродрьжѝцх, тѝнию (А. № 7), вьпѝрни, поморскиѝ (А. № 8), тепѝи (С. № 36), ѝть, ѿивѝзи (С. № 39), безнаучѝнаго, милко (А. № 5), ѝса, старць, вьзми, верѝкый (А. № 9), вѝнци, безѝмльвно, вьзбрайно, врьтии, в хвостиѝ (А. № 10), оугодники, поуистии, перпирь, мопино (А. № 11), хрисовоуѝ (С. № 50), доходка и пр. (Г. А), хльмкоу, оуѝ, коуведолскоу (Ш. № 15), кѝр (С. № 81), тѝр (С. № 104), саѝрти, кондѝрка (С. № 130), манкомин, ѝса (С. № 175), ѝсега, спслемсе, ѝдокые, лѝпте (С. № 178), ѝхже, елма (А. № 16), пеѝ, ниѝ (С.-Д. М. 1844), опростиѝ, ѝслободиѝ, писаѝ, држи и пр. (С. № 164), бреѝнов, перпер, болѝше и пр. (Г. Б), творѝцѝ, крѝкь, коѝске, коуѝне, ѝнер, даѝка и пр. (Мл.), ѝстинныи, ѝже, слаѝвословлѝми (А. № 20) и пр. и пр. Изъ всѣхъ этихъ примѣровъ открывается, что значекъ ʼ заступаетъ мѣсто отсутствующей полугласной; ибо можно было бы представить изъ нашихъ памятниковъ тѣ же самыя формы съ полугласнымъ ь. И это главное и прямое его назначеніе. Оно обнаруживается изъ огромнаго большинства случаевъ. Изъ тѣхъ же примѣровъ можно также замѣтить, что не всѣ семьи грамотъ употребляютъ его, а тѣ, которыя и употребляютъ, пользуются имъ не въ равной степени. Наибольшее служеніе его совершается въ семьѣ собственно-Сербскихъ и преимущественно Аѳонскихъ грамотъ, въ которыхъ Ц.-Славянское правописаніе, при содѣйствіи духовенства, преобладаетъ замѣтнымъ образомъ сравнительно съ другими семьями грамотъ. Не мѣшаетъ при этомъ припомнить, что и Д.-Булгарская письменность знала и употребляла значекъ . За Аѳонскими слѣдуютъ прочія собственно-Сербскія грамоты, съ которыми, по количеству употребленія, сходятся одна Черногорская (Мл.) и одна Турецкая (С. № 164). Зетскія, принадлежащія Балшичамъ, не употребляютъ его, кромѣ одного случая (С. № 64), о коемъ скажу ниже. Изъ Дубровницкихъ, собственно-Боснійскихъ и Травунскихъ, встрѣчаемъ только по одной грамотѣ, употребляющей этотъ значекъ и то въ весьма ограниченномъ количествѣ. Мы говоримъ о грамотахъ, намъ извѣстныхъ. Положимъ, что число примѣровъ, равно какъ число грамотъ той, или другой семьи, употребляющихъ значекъ ʼ, зависитъ отъ случая; но не случай распоряжается отношеніемъ между грамотами по количеству употребленія. Если въ однѣхъ изъ нихъ насъ поражаетъ многочисленность употребленія, а въ другихъ, напротивъ, скудость; если однѣ доводятъ это употребленіе до крайности и распространяютъ незаконно его предѣлы, а другія ставятъ его весьма правильно и при томъ наблюдаютъ большую умѣренность: то здѣсь нѣтъ игры случая, но есть правильное, естественное отношеніе грамотъ,

оправдываемое не только употребленіемъ всѣхъ прочихъ значковъ, но и цѣлымъ историческимъ развитіемъ народа и его языка. Грамоты, наиболѣе относящіяся къ дѣламъ церковнымъ и вышедшія изъ среды православія, отличаются наибольшею любовью къ значкамъ всякого рода и признакамъ Ц.-Славянской рѣчи; напротивъ, грамоты, посвященныя дѣламъ гражданскимъ и писанныя въ земляхъ, отдѣленныхъ отъ православной Сербіи, каковы Дубровницкія, Хлумскія, Травунскія, Боснійскія, не любятъ значковъ и идутъ впереди другихъ въ отношеніи развитія народныхъ признаковъ чистой Сербской рѣчи. Турецкія, изготовлявшіяся, большею частію, дьяками изъ православной Сербіи, — ибо до конца XV-го ст. Турки успѣли освоиться только съ православною или восточною частію Сербіи, — носятъ отпечатокъ преобладающаго вліянія семьи собственно-Сербскихъ грамотъ. Вотъ истинныя причины, отстраняющія всякое участіе случая въ замѣченномъ нами соотношеніи грамотъ различныхъ семействъ. Выше мы сказали, что значекъ ` принимаетъ на себя иногда оттѣнокъ значка ', служа съ внѣшней стороны для б—ы ь тѣмъ же, чѣмъ ' служитъ для нея съ внутренней. Въ слѣдствіе этого онъ входитъ въ служеніе значка ' и заступаетъ его мѣсто надъ полугласною. Распространяя далѣе кругъ своего служенія, онъ сопутствуетъ иногда и гласнымъ, а иногда даже и согласнымъ, что уже выходитъ изъ границъ разумнаго употребленія и не имѣетъ объясненія. Какъ полугласное ь становится иногда не по законной надобности, не въ память первичнаго словообразованія, а единственно для отбоя голоса при стеченіи нѣсколькихъ согласныхъ, такъ и значекъ ` поставляется мѣстами при такомъ стеченіи согласныхъ, при коемъ нельзя бы было ожидать законнаго присутствія полугласной. Вотъ тѣ случаи, которые распространяютъ употребленіе значка `. Они принадлежатъ почти исключительно тѣмъ только грамотамъ, которыя оказываютъ пристрастіе къ этому значку и, слѣдовательно, вмѣстѣ съ огромнымъ количествомъ правильнаго его употребленія соединяютъ и неправильное. Но изъ этѣхъ грамотъ только весьма немногія злоупотребляютъ служеніемъ значка `, а бóльшая часть остается вѣрна его первоначальному назначенію. Пройдемъ вскользъ слѣдующіе случаи: л̀ (30), вмѣсто л̃, (С. № 64), хр̀ста, вмѣсто хр̑ста, (С. № 179), кр̑тѣ̀нина (С. № 127), см̀рти (С. № 130). Они принадлежатъ тѣмъ семьямъ грамотъ, которыя, можно сказать, только знаютъ, но не употребляютъ значекъ `: если приложимъ ихъ къ немногимъ вышеприведеннымъ случаямъ, то получимъ все количество употребленія значка ` въ Зетскихъ (1 разъ), Боснійскихъ (2 р.), Травунскихъ (2 р.) и Дубровницкихъ (2 р.) грамотахъ. Сдѣсь повторю, что это количество, конечно, зависитъ отъ случайности и можетъ всегда измѣниться: но все же таки отношеніе между семьями грамотъ остается неизмѣннымъ, основываясь на существенныхъ ихъ свойствахъ. Даже тѣ грамоты, которыя любятъ этотъ значекъ, соблюдаютъ большую осторожность въ его употребленіи и рѣдко рѣшаются распространить его. Найдется не болѣе пяти грамотъ, допускающихъ въ равной степени и законное и незаконное служеніе; во всѣхъ же прочихъ послѣднее является только какъ исключеніе. Обозначивъ общими чертами различные виды незаконнаго или распространеннаго служенія, отправляемаго значкомъ `, представимъ примѣры изъ грамотъ: дарова̀ниемь, стефа̀ньский, д̀льгоу, м̀рамор̀ь, ср̀ьбскаго и пр. (С. № 176), т̀вои, с̀коромоу, п̀риложити, бра̀тѣ, м̀ра̀хо, м̀ѣс̀тѣ, ѐндиктиѡна (А. № 9), дароѡ̀ваниѥ бы̑, кесьза̀ниоу, благодарова̀нию (А. № 10), ср̀ьбрьними, і̑ера̀рхомь, гѐркаста, о̑стравіи, ско̀рата, гѐрмань, рѐтѣнное, ка̀рламь, и̑ндиктиѡ̑, ѐлевѳеріе (А. № 11), ба̀гын, ра̀бѡ̑ (А. № 12), а̀рхаггае, тр̀ь-

[illegible] (Г. А), с[illegible] (С.-Д. М. 1844). Сдѣсь замѣчаемъ, во первыхъ, что значекъ ̀ служитъ для произведенія отбоя голоса при двухъ, или трехъ согласныхъ, тамъ, гдѣ даже никто изъ писцовъ не рѣшился бы поставить полугласную букву, какъ, на пр., въ словахъ ѝкоѥ, мѣстѣ и т. п. При помощи этого значка писцы думали произносить согласныя нѣсколько раздѣльнѣе, а мѣстами, можетъ быть, и мягче; но не всегда мягко, ибо, на пр., ѝриложити не подчиняется этому условію. Во вторыхъ, значекъ ̀ любитъ преимущественно стоять на б-ѣ ρ: очевиднѣе всѣхъ ρ̀азѣ. Это объясняется его столкновеніемъ со значкомъ ̔, который, по служенію своему, есть не что иное, какъ Греческое дыханіе (spiritus lenis), которое надъ буквою ρ переходитъ въ придыханіе (spiritus asper). Сербскіе писцы не обращали вниманія на различіе между обоими Греческими дыханіями и выражали ихъ однимъ значкомъ ̔, который, въ свою очередь, замѣщался значкомъ ̀. Въ третьихъ, полугласное ь, часто употребляющееся для раздѣленія и смягченія нѣсколькихъ стекшихся согласныхъ, тамъ, гдѣ того не требуетъ словообразованіе, какъ, на пр., въ словахъ иностранныхъ, или въ причастіяхъ страдательнаго залога съ удвоеннымъ н, замѣняется въ этихъ случаяхъ значкомъ ̀. О причастіяхъ я послѣ буду имѣть случай говорить подробнѣе, а теперь замѣчу мимоходомъ, что не всѣ причастія съ удвоеннымъ н образованы законно; напротивъ, въ большей части изъ нихъ второе н нисколько не требуется природою слова или основною формою причастія и не есть такое же самостоятельное и независимое, какъ и первое; но оно возникаетъ единственно подъ условіемъ благозвучія и есть не болѣе, какъ повтореніе предыдущаго н. По этому и полугласное ь, поставляемое между ними, не можетъ быть названо чѣмъ либо существеннымъ, необходимымъ для формы-ьными причастія: оно, также какъ и второе н, есть только благозвучное, отбивающее голосъ при стеченіи двухъ согласныхъ и мягкостію своею разобщающее ихъ; ибо чрезъ мягкость свою оно приражаетъ одно н и тѣмъ нѣсколько видоизмѣняетъ его произношеніе сравнительно съ другимъ н, на которое уже не дѣйствуетъ. Лучшимъ подтвержденіемъ моихъ словъ служитъ то, что, рядомъ съ удвоенною формою причастія, мы находимъ и не удвоенную на-ным; да и самые памятники Д.-Булгарской письменности, особливо древнѣйшіе, не терпятъ этого удвоенія. Слѣдовательно, оно сдѣсь не существенное или, иными словами, органическое, но благозвучное, вставочное, хотя и совершенно необходимое по законамъ благозвучія. И вмѣсто таковаго ь мѣстами поставляется значекъ ̀. То же самое должно сказать и о словахъ иностранныхъ: въ нихъ ь, раздѣляющее двѣ согласныя и замѣняющееся иногда значкомъ ̀, не лежитъ въ природѣ слова, но ставится для болѣе благозвучнаго произношенія, смотря по нарѣчію, къ которому принадлежитъ произносящій, или пишущій. Въ четвертыхъ, значекъ ̀ заступаетъ мѣсто титлы въ словѣ [illegible], какъ и выше надъ числовою б-ю і̀. Накснецъ, въ пятыхъ, онъ поставленъ надъ б-ю ѵ вмѣсто неподвижнаго и обычнаго значка ̑ или ̃. Впрочемъ, примѣры этихъ двухъ видовъ служенія его столь малочисленны или, вѣрнѣе, одиноки, что имъ никакъ не слѣдуетъ приписывать какое либо значеніе, но лучше назвать ихъ игрою случая, прихотью писца, или скорѣе всего опискою. Но сдѣсь еще не конецъ примѣрамъ. Остаются еще нѣкоторыя грамоты, въ которыхъ, кромѣ разсмотренныхъ случаевъ, встрѣчаются еще новые, каковы: [illegible], стра̀намь, оу̀, трѝ [illegible], [illegible], [illegible], коу̀ни̇, ко̀ласко̀у, [illegible]короки, то̀зи, [illegible], мо̀и, ксѧ̀, да̀, а̀, [illegible], жрь̀твы [illegible], сѐ, доу̀ѣ, мраморѣ̀, [illegible], оу̀стѣ, тополоу̀, ѐело, а̀зь, [illegible], [illegible], срдано-

вн̀ѣ, оу̀каше, кра̂ткои и пр. (С. № 176), ѝзволи, ѝ, тво̀рь, тва̀ри, оу̀мысли, тво̀-моу, бытїе, а̀дамь, ѡ̀ниже, да̀ры, ѝсть, ро̀дитель, ню̀дою, а̀, єзы̀комь, вьзы̀мь, прѝсти, дьхѝоувь и пр. (Г. А), неѝсповѣдыми, ѝ, оу̀бо (Г. Б). Присоединю сюда подобные случаи изъ другихъ грамотъ: бра̀тиомь (А. № 5), принесѐмь, прѣоукрашен̀на, бл̃гов̀ѣрный (В. № 1), бранѝмо (С. № 60), ловѐнь, ѵ̂тинноу̀ (Мл.). Эти примѣры показываютъ, въ какой степени древніе Сербскіе писцы употребляли во зло служеніе значка ̀. Поставленіе его надъ гласными и полугласнымъ ь еще имѣетъ свое объясненіе въ соотвѣтственномъ ему значкѣ, но поставленіе надъ согласными ничѣмъ не объяснимо. Можно только предполагать, что во многихъ онъ стоялъ бы собственно не надъ согласною, а надъ гласною, или полугласною; но по небрежности писца, или позднѣйшаго переписчика очутился на ближайшей къ мѣсту назначенія его согласной. Что же касается до двухъ примѣровъ замѣны этимъ значкомъ гласныхъ, въ одномъ о, въ другомъ и, то это такая крайность, которая должна быть отнесена къ роду тѣхъ случаевъ, которые мы назвали прихотью писца. Впрочемъ, сравнивши число грамотъ, излишне распространяющихъ служеніе значка ̀, съ числомъ тѣхъ, которыя правильно его употребляютъ, а съ другой стороны, сравнивши число случаевъ законнаго служенія съ числомъ случаевъ противуположныхъ первымъ, мы тотчасъ же убѣдимся, что послѣдніе представляютъ собою не болѣе, какъ исключеніе. Излишнее служеніе этого значка находимъ преимущественно въ гр-хъ С. № 176, А. №№ 9, 10, 11, Мл., Г. А, Б; но и въ этѣхъ, исключая первую и двѣ послѣднія, гдѣ писцы выказали все свое пристрастіе къ этому значку и всю свободу въ его употребленіи, отношеніе распространеннаго служенія къ обычному менѣе, чѣмъ 1 : 2. Присовокупивъ сюда всѣ прочія грамоты со всѣмъ количествомъ правильнаго употребленія значка ̀, мы придемъ наконецъ къ тому заключенію, что этотъ значекъ есть одинъ изъ самыхъ систематичныхъ, и большинствомъ своего употребленія несомнѣнно доказываетъ то, что онъ есть внѣшній и назначенъ служить замѣною опускаемому изъ строки полугласному ь во всѣхъ видахъ его служенія.

Такъ какъ на этотъ разъ наши изслѣдованія вовсе не касаются благозвучія рѣчи въ обширномъ смыслѣ, разумѣя подъ этимъ количество голоса, удареніе и т. д., то мы и оставляемъ въ сторонѣ внутренніе значки, покончивъ съ внѣшними; но не можемъ не упомянуть о тѣхъ случаяхъ, когда служеніе внутреннихъ значковъ переходитъ во внѣшнее или замѣнительное для звуковъ, выражаемыхъ буквенными знаками. Имѣя въ виду правильный образъ начертанія словъ и сохраненіе въ немъ всѣхъ звуковъ, какіе возможны при историческомъ движеніи языка, мы необходимо должны разсмотрѣть всѣ тѣ внутренніе значки, которымъ старинными писцами дано было участіе въ начертательномъ образованіи словъ.

Мы уже выше коснулись внутренняго значка ', который, какъ сказали мы, возникъ подъ вліяніемъ воззрѣнія, стремившагося опредѣлить качество голоса въ извѣстныхъ звукахъ или, иными словами, отдѣлить самозвучность голоса отъ его беззвучности. Но такъ какъ самозвучіе есть отличительная черта гласныхъ, то этотъ значекъ долженъ былъ обращаться единственно въ области гласныхъ. Гласныя представляютъ собою основаніе членораздѣльности голоса при сочетаніи съ согласными. Сливаясь вмѣстѣ съ послѣдними въ одинъ цѣльный звукъ, онѣ доставляютъ человѣческому голосу возможность отдѣлять этотъ звукъ отъ другаго и болѣе, или менѣе останавливаться на томъ, или другомъ. Не только гласныя, но и полугласныя, какъ потомки прадавней гласности, имѣютъ способностъ производить членораздѣльность или отбой голоса

при стеченіи согласныхъ: иначе нельзя бы было произнести сочетанія, каковы на пр., срьдьцьмь, отьчьствьмь и т. п. Этотъ отбой голоса при стеченіи согласныхъ писцы считали весьма важнымъ дѣломъ въ произношеніи и правописаніи, а по тому не только удерживали законное, требуемое словообразованіемъ, полугласное ь тамъ, гдѣ позднѣйшее произношеніе, при благопріятномъ стеченіи согласныхъ, могло обойтись и безъ него, на пр., въ словахъ кънезь, мьнѣ, кьто, но даже употребляли и незаконное, вставочное ь, распуская имъ стеченіе согласныхъ тамъ, гдѣ словообразованіе вовсе не требовало его, чему не мало способствовало смягчающее свойство Сербскаго языка, такъ что ь, вставленное между согласными, выражало не болѣе, какъ мягкость звука: иськати, пьшеница, тьмета, ськоном. Въ послѣдствіи это двоякое, существенное и несущественное, ь стали обращать въ полную гласную, откуда произошли формы: старана (страна), посатавивь, посаланицими (отъ посьль), игодивашихь и пр.; слѣдовательно, не только полугласное ь, каковымъ оно дѣйствительно было тамъ, гдѣ стеченіе согласныхъ не могло обойтись безъ гласнаго отзвука, въ немъ заключающагося, но и совершенно безгласное ь играло важную роль въ древней Сербской письменности, служа, вмѣстѣ съ гласными, членораздѣлительнымъ началомъ въ произношеніи словъ: индѣ звучало оно дѣйствительно какъ полузвукъ, индѣ было вовсе безгласнымъ; но въ обоихъ случаяхъ производило отбой голоса то оттѣнкомъ полугласія, то мягкимъ приращеніемъ, и какъ бы раздѣляло толпу согласныхъ на нѣсколько частей, доставляя чрезъ отбой голоса каждой части равную силу. Отсюда понятно, что писцы, употребляя значекъ ͘ для выраженія самогласія звуковъ, ставили его не только надъ гласными, но и надъ полугласными или, вѣрнѣе, однимъ полугласнымъ ь, какъ представителемъ обоихъ Кирилловскихъ знаковъ ъ и ь. Значекъ этотъ не могъ выражать ничего другаго: ни мягкаго качества голоса, ибо онъ поставлялся и надъ твердыми и надъ мягкими гласными безъ различія; ни количества голоса при его подъемѣ и опущеніи, ибо на то были готовы два другіе значка ˘ ̑; ни ударенія, имѣвшаго свои особые значки ˊ ˋ; ни стяженія, выражаемаго преимущественно значкомъ ̏ и т. п. Остается приписать ему выраженіе самогласнаго начала или той силы, которая производитъ въ голосѣ членораздѣльность. Это служеніе подтверждается сходствомъ его вида съ Греческимъ дыханіемъ (spiritus lenis); но разница та, что Сербскій значекъ, поставляясь надъ гласными въ началѣ, срединѣ и концѣ словъ и замѣняя иногда Греческое придыханіе (spiritus asper), имѣетъ гораздо обширнѣйшее служеніе, чѣмъ Греческій. Онъ есть одинъ изъ самыхъ употребительныхъ въ древней Сербской письменности. Многочисленные случаи его служенія разсѣяны по всѣмъ грамотамъ, куда только допущены значки. Само собою разумѣется, что для него нѣтъ особыхъ грамотъ; но тамъ, гдѣ больше другихъ значковъ, тамъ и онъ употребляется чаще. Онъ открываетъ собою рядъ грамотъ XIV вѣка (А. № 2, 1302 г.) и заканчиваетъ грамотою начала XVI вѣка (А. № 20, 1502 г.). Самыми любимыми у древнихъ писцовъ видами служенія этого значка были слѣдующіе: сопутствіе гласнымъ, поставленіе надъ полугласнымъ ь, рѣдко въ срединѣ и часто въ концѣ словъ, и указаніе отсутствующаго ь. Такъ какъ мы не намѣрены входить въ подробное разсмотрѣніе служенія внутреннихъ значковъ, то относительно значка ͘ ограничимся только послѣднимъ видомъ его служенія, когда онъ вступаетъ въ область внѣшняго значка ̓ и служитъ указателемъ отсутствующаго полугласнаго ь. Это служеніе его имѣетъ тѣ же самые два вида, какъ и служеніе значка ̓, т. е., онъ замѣняетъ собою и

существенное и несущественное **ь**. Сдѣсь онъ дѣйствуетъ одинаково со значкомъ **`**. Тѣмъ не менѣе это служеніе его, при всей своей обширности, уступаетъ, однако, главнѣйшему его служенію—сопутствовать самогласію. Изъ числа грамотъ, допускающихъ это послѣднее, не всѣ допускаютъ первое. Такъ въ гр-хъ С. №№ 91, 137, 176, А. № 18, В. №№ 1, 2 и Мл. значекъ **°**, сопутствуя гласнымъ, ни разу не встрѣчается, какъ признакъ пропущенной полугласной буквы. Впрочемъ, во всѣхъ этѣхъ грамотахъ онъ вообще очень рѣдокъ. Въ остальныхъ грамотахъ, употребляющихъ его, находимъ и замѣнительное или внѣшнее его служеніе въ большей, или меньшей степени. Таковы: С. № 175, А. №№ 2—17, 19, 20. Всего чаще значекъ **°** замѣняетъ отсутствующее **ь** въ серединѣ словъ, на пр.: **тѣйже, т̊ню, в̊довицоу** (ср. Санскр. *vidhavá*, Лат. *vidua*), **п̊тица** (ср. Санскр. *patага* и Греч. *πέτομαι*), **к̊нигами, пир̊гъ** и т. д. (А. № 2), **пр̊ваго, ѡ̊пнися, ч̊то** (А. № 3), и пр. и пр. Считаю лишнимъ приводить дальнѣйшіе примѣры, идущіе, какъ сказано выше, чрезъ все пространство послѣднихъ двухъ изъ разсматриваемыхъ нами вѣковъ. Употребленіе въ нихъ значка **°** весьма просто: дѣло понятно и безъ нихъ. Никто противорѣчить не станетъ, что **в̊довицоу, п̊тица, к̊нигами** суть то же, что **вьдовицоу, пьтица, кънигами**; а подобныя формы, всякій согласится, весьма важны для историческаго значенія полугласныхъ. Онѣ показываютъ, какъ еще чутко, хотя и не всегда, древніе писцы распознавали присутствіе полугласныхъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда полугласныя переходили въ полное безгласіе. Но съ другой стороны, значекъ **°**, какъ и прочіе, подобные ему въ этомъ отношеніи, имѣетъ свою историческую пору и составляютъ переходъ отъ яснаго и твердаго распознанія полугласныхъ, которое заставляло сохранять ихъ въ видѣ строчныхъ буквенныхъ знаковъ, къ совершенному ихъ забвенію тамъ, гдѣ при стягиваніи согласныхъ произношеніе могло обходиться безъ нихъ, въ слѣдствіе чего ихъ мѣсто, уже потерявшее свое значеніе, было упразднено въ строкѣ, а отмѣчать его надстрочными значками уже не считали нужнымъ. Слѣдовательно, замѣнительные для полугласнаго **ь** значки суть указатели неяснаго и полузабытаго его присутствія въ словѣ; это послѣдніе слѣды его перехода отъ сознанія самогласія къ полному безгласію. Отсюда видна вся важность замѣнительныхъ значковъ въ историческихъ разысканіяхъ о полугласныхъ. Когда въ нѣкоторыхъ словахъ писцамъ казалось уже страннымъ и дикимъ вставить полугласную, тогда они, не рѣшаясь еще совершенно изгнать полугласную изъ слова, отмѣчали ее надстрочнымъ значкомъ, менѣе рѣзкимъ и бросающимся въ глаза, чѣмъ строчная буква. Если бы не значки, слѣдъ полугласныхъ тамъ, гдѣ онѣ доходили до безгласія, давно бы изчезъ; значки особымъ образомъ продолжали его существованіе. Яснѣе совершалась замѣна полугласныхъ значкомъ **°** въ концѣ словъ. Извѣстно, что въ Кириловской письменности слова никогда не оканчивались на согласную, но всегда исходили гласною, либо полугласною. Если и встрѣчаются иногда окончанія, исходящія на согласную, то это чрезвычайно рѣдко и при томъ бываетъ, большею частію, въ концѣ строки за недостаткомъ мѣста. Но если слово оканчивается согласною и при томъ имѣетъ замѣнительный значекъ, то это не рѣдкость. Мы находимъ: **под̊** (А. № 6), **м̊р̊, с̊, рекшйй, порядъ̊** (А. № 4), **ѡбратеѧ̊** (А. № 10), **повелѣнїем̊** (А. № 12), **их̊** (А. № 17) и пр. и пр. Точно то же, и въ большей мѣрѣ, видѣли мы въ употребленіи значка **`**. Еще чаще значекъ **°** замѣняетъ отсутствующее **ь**, когда, въ слѣдъ за этимъ послѣднимъ, непосредственно слѣдуетъ одно изъ тѣхъ словъ, которыя, по обычаю стариннаго правописанія, большею частію,

присоединяются къ предшествующему слову, на пр.: братмоу, стримоу, зет-моу (А. № 6), слишлхоибо, збратомь, прешьмоу (А. № 5) потьрнтсе (А. № 12), прндетми, обезчи, оменчи (А. № 17) и пр. Значекъ ' не разбираетъ, какъ сказали мы, ни кореннаго, ни вставочнаго ь, равно замѣняя то и другое. Отправляя въ этомъ случаѣ служеніе чисто внѣшняго значка, онъ не имѣетъ дѣла до мѣстонахожденія полугласной и всюду готовъ замѣнить ее. Мы находимъ его и на такихъ мѣстахъ, гдѣ присутствіе его можетъ быть объяснено лишь любовью древнихъ Сербовъ къ смягчающему и вставочному ь, иногда вовсе лишнему, на пр., въ словахъ: ăрмьнинь, ăрхаггелска, перперь (А. № 6), екландрхь (А. № 4), ăрхидиакона, сьрьшін, предрьжещаго, варварико (А. № 5), скори, стефань, потвори, исправлиний (А. № 9), хиландарь, испльни (А. № 10), тлкожде (А. № 14), сьмрьтехь, несьтрьпимихь, исльнаше, обрьзошесе (А. № 16), благостив, цвети, гдиостелми, нотерьженоу, патріархѣ (А. № 17). Сдѣсь иноземность слова, какъ и самое правописаніе съ ь дѣлаютъ значекъ ' ненужнымъ. Но эти случаи рѣдки: сдѣсь приведены почти всѣ встрѣчающіеся въ нашихъ памятникахъ. Еще находимъ значекъ ' замѣняющимъ полныя гласныя въ словахъ: оупвания,-и (А. №№ 6, 7), гроуба (А. № 6). Въ словѣ трстиа (А. № 4) на значекъ ' можно смотрѣть, какъ на признакъ отсутствующаго и, или не усиленнаго (не гунированнаго) ь, либо какъ на титлу.

Есть еще два значка ' ', рѣдко встрѣчающіеся въ нашихъ изданіяхъ и, по употребленію своему, во всемъ сходные съ значкомъ '. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они, какъ и этотъ послѣдній, замѣняютъ полугласную. Таковы: сокалници, ср. сокальникомь, класи (С. № 176), ктр (С. № 81).

Возникнувъ подъ совершенно внутреннимъ воззрѣніемъ на движеніе человѣческаго голоса, значки ˘ ˆ наименѣе могутъ исполнять назначеніе внѣшнихъ или замѣнительныхъ. Ясное и открытое поднятіе голоса, глухое и слабое опущеніе его и нѣкоторая степень приряженности, производящая мягкость, суть тѣ свойства, *для* которыхъ назначены два упомянутые значка. Будучи мягкимъ, ь, какъ серединное, такъ и преимущественно конечное, способно выносить на себѣ одинъ изъ этихъ значковъ и всего скорѣе значекъ ˘, который, выражая поднятіе голоса въ безгласной буквѣ, еще болѣе и яснѣе свидѣтельствуетъ объ ея безгласіи и предупреждаетъ въ ней всякую возможность гласности. Во всѣхъ нашихъ памятникахъ мнѣ удалось замѣтить только слѣдующіе примѣры: хоурсарь (А. № 2), земль (А. № 4), бгмь, помоцникь (А. № 9). Гораздо чаще открытый значекъ ˘ ставится надъ вторымъ изъ двухъ рядомъ стоящихъ полугласныхъ ь. Въ Д.-Сербской письменности мы находимъ удвоеніе б-ы ь въ концѣ словъ, преимущественно въ родит. п. мн. ч. Въ такомъ случаѣ второе ь часто выноситъ на себѣ значекъ ˘; на пр.: сельь, сьь (А. № 2), ротельь (А. № 3), и т. д. до конца XV-го ст. Причина этого употребленія лежитъ въ самомъ свойствѣ открытаго значка ˘. Поднятіе голоса въ безгласномъ на концѣ словъ ь есть то же безгласіе, а по тому писцы и отмѣтили второе ь открытымъ значкомъ, чтобы предупредить въ немъ всякую возможность гласности при удвоеніи; они хотѣли этимъ показать, что ьь есть то же, что одно ь. Поставить закрытый значекъ ˆ было бы ошибкою, ибо приряженіе, опущеніе и какъ бы тяжесть голоса въ концѣ слова, могли бы повести къ гласности безгласнаго ь. Это ь не мѣшаетъ сравнить съ рѣдкимъ въ Кириловской письменности й, которое сдѣсь есть такой же полузвукъ, какъ и въ новомъ Русскомъ правописаніи. Иногда значекъ ˘ ставится надъ первымъ ь, что весьма рѣдко. Укажу только на слѣдующіе случаи: врьдьь (А. № 5),

родителѣ, сѹроднымъ (А. № 9). До какой степени писцы наблюдали сдѣсь различіе между открытымъ и закрытымъ значкомъ, видно изъ того, что двойное ь ни разу не попадается съ послѣднимъ при всемъ смѣшеніи значковъ; очевидно, сдѣсь различіе между обоими выказывалось яснѣе. Впрочемъ, употребленіе значка ˘ надъ полугласною весьма рѣдко, и его можно считать исключеніемъ изъ общаго правила ставить значки надъ одними гласными. Но такъ какъ при первомъ же появленіи этихъ значковъ въ разсматриваемыхъ нами памятникахъ, въ началѣ XIV-го ст., между ними начиналось уже смѣшеніе, кончившееся въ XV-мъ ст. преобладаніемъ закрытаго ^, то и надъ полугласнымъ ь нельзя было установить правильнаго употребленія значка ˘, въ слѣдствіе чего, по подражанію ли, или по чему либо иному, надъ этою буквою появился и закрытый ^, но еще рѣже, чѣмъ открытый ˘, такъ что его справедливо можно назвать исключеніемъ изъ исключенія. А съ другой стороны, при малочисленности случаевъ поставленія того, или другаго значка надъ полугласнымъ ь, невольно приходитъ на мысль, не есть ли все это не болѣе, какъ слѣдствіе смѣшенія этихъ значковъ съ другимъ, очень похожимъ на нихъ, особенно въ рукописяхъ, именно, значкомъ ˚, хотя, какъ мы сейчасъ видѣли, и значекъ ˘ допускаетъ для себя объясненіе. Но если ь, коренное и вставочное, выносило на себѣ значки ˘ ^, то уже легко было и надъ упраздненнымъ его мѣстомъ поставлять эти значки и все также почти одинъ только открытый ˘. Таковы: скврьнны (А. № 6), прный, архиерей, срьскы (А. № 3), андроника, кнщаско, ѕговорнѣсе, грукаго (А. № 4), ѕемль (А. № 9), самодрьжавно, срьбскым (А. № 5), обрѣтаюѕе (А. № 10), помже, благодѣтный, ср. благодѣйный, стальнкога, внясна (А. № 12), скрыйщи (А. № 14), обрѣтданиѣ (А. № 17), хоѳисци (А. № 16), драгоунь, прѣки хоугь (С. № 176), црквомь (Мл.). Въ формѣ днѣ, дноу (А. № 4) видимъ столкновеніе титлы со значкомъ: какъ тотъ, такъ и другая выражаютъ опущеніе 6-ы ь: дьни, дьшоу, гдѣ ь остается не усиленнымъ.

Сдѣсь мы остановимся. Мы разсмотрѣли служеніе замѣнительныхъ значковъ, какъ внѣшнихъ, такъ и тѣхъ изъ внутреннихъ, которые переходятъ въ замѣнительные при посредствѣ 6-ы ь. Болѣе о внутреннихъ значкахъ мы говорить не станемъ. Это повело бы насъ слишкомъ далеко по дорогѣ, не совершенно надежной и уклоняющейся отъ прямой цѣли нашего изслѣдованія. Мы не можемъ вполнѣ положиться на печатныя изданія, замѣняющія для насъ подлинникъ, и никакъ не повѣримъ, чтобы въ нихъ всѣ значки были непремѣнно такими, какими хотѣлъ изобразить ихъ древній писецъ. Неясность почерка, поспѣшность писанія, многочисленность значковъ и другія подобныя причины затрудняли мѣстами передачу значковъ въ ихъ подлинномъ видѣ. Къ тому же есть изданія, въ которыхъ значки вовсе опущены, тогда какъ, судя по достоинству этихъ изданій, желательно бы было видѣть и изслѣдовать ихъ сдѣсь, и тѣмъ подкрѣпить, пополнить, или же низпровергнуть зданіе, построенное на основаніи иныхъ изданій и иныхъ памятниковъ. Съ другой стороны, ученіе о всѣхъ вообще значкахъ заставило бы меня значительно удалиться отъ предположенной мною задачи сочиненія — разсмотрѣть природу звуковъ и формы древняго книжнаго языка Сербовъ въ повременномъ ихъ движеніи. Намъ нужно прослѣдить самые звуки или основныя начала языка, а не благозвучіе словъ и рѣчи; намъ нужно знать правильное написаніе словъ, безъ котораго нельзя узнать вполнѣ повременнаго движенія звуковъ: и по тому въ этомъ дѣлѣ замѣнительные значки занимаютъ столь же важное мѣсто, какъ и самыя буквы;

обойдя ихъ, нельзя приступить къ буквамъ. Но древніе Сербскіе писцы, сколько щедры были на замѣну полугласной различными значками, столько же дорожили другими буквенными начертаніями. Мы видѣли, что изъ всѣхъ гласныхъ буквъ, только одна б-а ꙗ была замѣняема изрѣдка значкомъ ʹ; изъ согласныхъ же ни одна. За то полугласное ь, представляемое подъ различными возрѣніями, принимало и различные значки, которые, оставаясь на его упраздненномъ мѣстѣ, получали назначеніе замѣнительныхъ значковъ. Чисто замѣнительный значекъ для ь есть ˋ; изъ внутреннихъ значковъ, являющихся замѣнительными для ь, суть ˙ ˘ ˆ и видоизмѣненія перваго ʾʿ. Прочіе внутренніе значки, какъ-то: простые ʹ ˋ и сложные ˝ ̏ ˇ ˙ ˚, не участвуютъ въ замѣнѣ полугласнаго ь, и по тому мы вовсе не упоминали объ нихъ. Не отнимая важности служенія у внутреннихъ значковъ, которые своимъ количествомъ и употребленіемъ могутъ много содѣйствовать къ опредѣленію возраста памятника, мы, съ своей стороны, замѣтимъ, что внѣшніе значки, а вмѣстѣ съ ними и внутренніе, по скольку исполняютъ назначеніе внѣшнихъ, кажутся намъ важнѣе тѣхъ, которые отправляютъ чисто внутреннее служеніе. Безъ послѣднихъ изслѣдователь природы звуковъ и ихъ видоизмѣненій еще можетъ обойтись; но безъ первыхъ онъ не обойдется: они нужны ему для дополненія правописнаго образа слова, необходимаго для точнаго опредѣленія звуковъ, какъ составныхъ частей слова. Разумѣется, мы имѣемъ сдѣсь въ виду природу звуковъ и на основаніи ея происходящія въ нихъ видоизмѣненія, какъ коренныя или постоянныя, такъ и повременныя или одномѣстныя; но для другаго, кто пожелалъ бы изучать, на пр., благозвучіе языка по историческимъ памятникамъ, важнѣе будутъ внутренніе значки, а именно: значки ʹ ˋ для изученія законовъ ударенія, значки ˘ ˆ для опредѣленія степени благозвучія въ текучей, плавной рѣчи и т. д. Все это хорошо и важно само по себѣ, но такъ какъ оно до насъ не касается, то мы и остаемся при однихъ внѣшнихъ значкахъ. Ихъ участіе въ опредѣленіи возраста памятника, вмѣстѣ со всѣми прочими значками, столь важно, что по нимъ однимъ можно уже приблизительно назначить время памятнику. Такъ обратимся къ нашимъ Д.-Сербскимъ памятникамъ. Изъ XII вѣка мы имѣемъ двѣ грамоты двухъ совершенно различныхъ семействъ: одну Кулинову и одну Неманину. Послѣдняя принадлежитъ къ разряду Аѳонскихъ грамотъ, но, не смотря на то, не имѣетъ ни одного значка: это положительно свидѣтельствуетъ, что въ концѣ XII вѣка Сербскіе писцы еще не употребляли значковъ. Изъ XIII вѣка странное явленіе представляетъ одна Дубровницкая грамота, писанная около 1254 года (С. № 26): въ ней, одной изо всѣхъ грамотъ означеннаго столѣтія, находимъ два значка ˘ ˙, отправляющіе, по видимому, совершенно одинаковое служеніе и показывающіе мягкое свойство гласныхъ, предпочтительно б-ы ꙗ. Въ этой грамотѣ значки повторяютъ то самое, что выражаютъ буквенныя начертанія: слѣдовательно, для писцовъ эти послѣднія казались недостаточными, и они искали подкрѣпленія имъ въ значкахъ. И сдѣсь уже проявлялась ложная мысль о недостаточности Кирилицы. Случай ли, или дѣйствительная причина занесли эти значки въ средину XIII столѣтія и сдѣлали ихъ древнѣйшими въ извѣстной намъ народной Сербской письменности, сказать утвердительно нельзя; но, кажется, это явленіе должно приписать случаю, ибо есть важное побужденіе думать, что значки уже существовали въ XIII вѣкѣ, а именно полное сходство между назначеніемъ упомянутыхъ значковъ въ XIII и слѣдующихъ вѣкахъ. Значки ˘ ˙ являются въ началѣ XIV столѣтія въ Аѳонскихъ грамотахъ и сдѣсь совершенно одинаково

употребляются, какъ и въ XIII-мъ в. въ грамотѣ Дубровницкой. Если бы между одними и тѣми же значками двухъ столѣтій былъ какой либо промежутокъ и если бы они были чужды одни другимъ, то легко могли бы не сойтись между собою въ цѣли служенія. При томъ сходное употребленіе ихъ въ различныхъ по мѣстонаписанію грамотахъ доказываетъ, что они уже извѣстны были во всей Сербской письменности. Если же мы не находимъ этихъ, или иныхъ значковъ въ другихъ грамотахъ XIII вѣка, то это должно приписать случаю, не доставившему намъ изъ XIII-го в. тѣхъ грамотъ, которыя предпочтительно любятъ употреблять значки, т. е., Аѳонскихъ. Даже думаю, что явленіе значковъ въ Дубровницкой грамотѣ можно не иначе объяснять, какъ вліяніемъ на ея составленіе придворныхъ королевскихъ писцовъ, которые, какъ православные, были хорошо знакомы съ Греческою и Булгарскою письменностями. Единственная отличительная черта между значками XIII-го вѣка и значками XIV-го состоитъ въ извѣстной степени правильности употребленія. Мы уже имѣли поводъ замѣтить, что чѣмъ древнѣе памятникъ, тѣмъ служеніе значковъ послѣдовательнѣе: такъ и теперь мы замѣчаемъ, что въ упомянутой Дубровницкой грамотѣ XIII вѣка все количество выставленныхъ значковъ проникнуто одною мыслію, и нѣтъ ни одного случая, который бы уклонялся отъ даннаго ему назначенія. Напротивъ, переступая въ XIV вѣкъ, мы видимъ, что употребленіе значковъ теряетъ свою послѣдовательность и безысключительность: значки перемѣшиваются, предѣлы ихъ служенія расширяются чрезъ мѣру, нѣкоторые случаи лишаются даже всякой возможности объясненія; остается дѣлать выводы лишь на основаніи большинства. Изъ всѣхъ значковъ XIV вѣка, значки ˘ ˆ представляютъ наиболѣе повременнаго движенія. Въ грамотахъ начала XIV вѣка или въ Милутиновыхъ мы усматриваемъ въ началѣ словъ совершенное преобладаніе открытаго ˘, а въ концѣ словъ закрытаго ; въ грамотахъ Дечанскаго являются въ началѣ оба значка въ равной степени; а въ грамотахъ Душана и Уроша V преобладаетъ въ началѣ словъ уже закрытый. Съ этого же времени, или со второй половины XIV-го ст., они начинаютъ быстро исчезать въ срединѣ и концѣ словъ, и только еще въ началѣ словъ остается закрытый значекъ ˆ, хотя и онъ замѣтно слабѣетъ. Вообще, разсматривая значки съ исторической стороны, въ какой мѣрѣ они являются въ нашихъ памятникахъ, мы видимъ, что въ грамотахъ начала XIV столѣтія они еще не были такъ распространены, какъ въ послѣдствіи въ грамотахъ половины того же столѣтія, особенно при Душанѣ. Это всего замѣтнѣе въ Аѳонскихъ грамотахъ. Съ половины XIV-го ст. обнаруживается особенный произволъ въ ихъ употребленіи, котораго не замѣчаемъ въ гр-хъ Милутина. Писецъ, полюбивъ одинъ какой либо значекъ, безразлично ставитъ его гдѣ и какъ ни попало, жертвуя для него другими значками. Въ примѣръ укажу на гр-ы Дечанскаго (С. № 176) и Уроша V (Г. А), въ которыхъ господствуетъ значекъ ˋ, и на гр-у Стефана Лазаревича (А. № 18), гдѣ господствуетъ значекъ ˇ. Такимъ образомъ, приглядѣвшись къ свойству и количеству употребленія значковъ, можно для подтвержденія вывода о возрастѣ памятника, сдѣланнаго на другихъ основаніяхъ, прибѣгать и къ значкамъ, если они существуютъ въ памятникѣ. Но всего важнѣе употребленіе внѣшнихъ значковъ въ опредѣленіи возраста памятника: сдѣсь участіе принимаетъ и полугласное ь. Чѣмъ древнѣе памятникъ, тѣмъ чаще въ немъ присутствіе строчной полугласной и тѣмъ рѣже употребленіе замѣнительныхъ значковъ. Въ древнѣйшей Аѳонской грамотѣ Немани хотя и нѣтъ значковъ, но за то ь сохраняется столь вѣрно и повсемѣстно, что бо́льшая часть

случаевъ его безгласія еще не лишилась его присутствія. По мѣрѣ приближенія грамотъ къ XIV вѣку и въ продолженіи всего XIII вѣка, ь мало по малу слабѣетъ въ срединѣ словъ; а въ XIV-мъ в. на помощь ему являются значки. Когда во многихъ формахъ оно уже готово было изчезнуть; когда писцамъ, отвыкшимъ отъ безгласнаго ь въ срединѣ словъ, оно уже начинало казаться страннымъ, тогда значки, представлявшіеся относительно меньшей важности, чѣмъ буквенныя начертанія и, слѣдовательно, требовавшіе меньшей осмотрительности, явились на замѣну этому серединному безгласному ь и на цѣлый вѣкъ, или даже болѣе, поддержали слѣдъ его существованія. Особенно въ начальныхъ памятникахъ XIV-го ст. служеніе замѣнительныхъ для ь значковъ представляетъ высшую занимательность. Часто въ одной и той же грамотѣ, въ одной и той же строкѣ находимъ слово, написанное однажды съ ь, а въ другой разъ съ замѣнительнымъ значкомъ: сдѣсь невольно убѣждаешься въ дѣйствительности назначенія этихъ значковъ. Въ позднѣйшихъ грамотахъ того же вѣка ь постоянно все болѣе и болѣе теряется; остаются на его мѣстѣ значки. По взаимному отношенію между нимъ и значками можно назначить вѣкъ возрасту памятника: опытный глазъ уже по одному наружному виду памятника, представляемому значками и полугласнымъ ь, довольно приблизительно откроетъ его временное мѣстонахожденіе. Вообще, повторяю, значки какъ количествомъ, такъ и степенью правильности своего употребленія не мало способствуютъ къ распознанію возраста памятника не только по столѣтіямъ, но даже и по меньшимъ разстояніямъ времени. Желательно бы было имѣть подъ рукою все, или наибольшее количество памятниковъ, имѣющихъ значки, чтобы не оставалось сомнѣнія въ вѣрности итоговъ. Я разумѣю сдѣсь преимущественно такіе памятники, въ которыхъ видно достаточное присутствіе значковъ; ибо по нимъ легче дѣлать заключенія. Напротивъ, гдѣ значки показываются украдкою, въ весьма маломъ числѣ и какъ бы невзначай, тамъ не можетъ быть ничего положительнаго; такіе памятники могутъ служить только для сравненія и дополненія, но отнюдь не для основы выводовъ. Но и по тѣмъ памятникамъ, которые были у меня подъ рукою, разумѣя сдѣсь главнѣйше Аѳонскія грамоты, я осмѣливаюсь представить общій выводъ, ожидая подтвержденія, или отрицанія ему отъ будущихъ открытій и изданій. Прежде всего мы замѣчаемъ различіе между памятниками въ количествѣ употребленія значковъ. Грамоты однихъ и тѣхъ же лицъ имѣютъ и не имѣютъ значковъ: это зависитъ отъ того, по какому поводу дана грамота, и отчасти отъ того, кѣмъ, когда и гдѣ писана. Такъ всѣ не-православныя грамоты не имѣютъ значковъ вовсе, или, если имѣютъ ихъ, то кое-гдѣ въ чрезвычайно маломъ количествѣ. Изъ православныхъ грамотъ, однѣ или вовсе не имѣютъ ихъ, или имѣютъ немного; другія напротивъ обилуютъ ими. Первыя, по содержанію своему, относятся къ дѣламъ мірскимъ, къ сношеніямъ съ Дубровникомъ, и писаны, можетъ быть, при участіи и содѣйствіи Дубровницкихъ пословъ, а нѣкоторыя даже внѣ Сербіи; вторыя относятся къ дѣламъ церковнымъ, къ надачамъ Аѳонскихъ и другихъ монастырей, и писаны, можетъ быть, не только придворными писцами, но и самыми монахами, а нѣкоторыя даже въ стѣнахъ монастырскихъ, или по близости Аѳона. Послѣ этого причина отсутствія значковъ въ однѣхъ и присутствія въ другихъ становится очевидною. И сдѣсь также нѣтъ слѣпаго произвола, но есть свое основаніе. Тамъ, гдѣ сохранились они найболѣе, мы видимъ опять разницу въ ихъ употребленіи. При Милутинѣ они становятся весьма сознательно, каждый на своемъ мѣстѣ, хотя границы употребленія расширены до возможности. Это показываетъ, что знач-

ковъ должно искать еще въ XIII вѣкѣ, и хотя Аѳонскія грамоты не дошли къ намъ изъ этого вѣка, однако, слѣды значковъ въ одной Дубровницкой грамотѣ половины этого же вѣка свидѣтельствуютъ уже объ ихъ существованіи. При Дечанскомъ показываются первые слѣды произвольнаго употребленія значковъ вопреки ихъ назначенію; но общее количество значковъ еще не увеличивается. При Душанѣ и количество и произвольность значковъ достигаютъ высшей степени; при Урошѣ то и другое слабѣетъ и до конца XV-го вѣка продолжаетъ мало по малу ослабѣвать. При Стефанѣ Лазаревичѣ опять, какъ и при Дечанскомъ, показывается преобладаніе одного какого либо значка и разительный недостатокъ другихъ. Уже не много значковъ встрѣчаемъ въ грамотахъ конца XV-го вѣка; но за то значки, хотя и не въ большомъ количествѣ, показываются въ деспотскихъ грамотахъ, данныхъ Дубровнику, чего не было даже и при Душанѣ.

И такъ, съ какой бы стороны мы ни разсматривали значки, всюду они являются намъ съ особымъ значеніемъ. Они тѣсно связаны съ наружнымъ видомъ, правописаніемъ, возрастомъ и содержаніемъ памятника. Все это говоритъ въ пользу ихъ сохраненія въ изданіяхъ, какого бы рода эти изданія ни были, не говорю уже объ ученыхъ. Уничтоженіе ихъ, кромѣ того, что выказываетъ небрежность и непониманіе важности ихъ со стороны издателя, ведетъ еще къ затемнѣнію того, съ чѣмъ они связаны въ памятникѣ. И вотъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, оправданіе, почему я, въ самомъ началѣ изслѣдованія о древнемъ языкѣ Сербовъ по письменнымъ его памятникамъ, коснулся тѣхъ изъ значковъ, которые, принявъ служеніе нѣкоторыхъ буквъ, сдѣлались необходимыми для опредѣленія внѣшняго вида или написанія слова и истекающаго отсюда понятія о звукахъ и формахъ.

ГЛАВА II.

ПОЛУГЛАСНЫЯ.

Хотя всѣ буквы суть не что иное, какъ условные знаки для выраженія извѣстныхъ звуковъ языка, однако ближе всѣхъ къ значкамъ по своей подвижности, въ слѣдствіе свойствъ выражаемаго звука, подходятъ ъ и ь, именуемыя *полугласными*. Они такъ называются по свойству того звука, для котораго изобрѣтены. Но названіе это неполно: дополнить его надобно названіемъ *припряжныхъ*. Звукъ этотъ мѣстами сохраняетъ въ себѣ нѣкоторую самогласность, не равняющуюся въ силѣ полнымъ гласнымъ, но имѣющую значеніе полузвука: по этому ъ и ь суть полугласныя. Будучи полузвукомъ и не имѣя столь твердаго самостоятельнаго значенія, какъ полныя гласныя, звукъ, для котораго изобрѣтены ъ и ь, иногда вовсе теряетъ свою самогласность, переводя всю свою силу на предшествующія согласныя въ видѣ одной лишь ихъ твердости, или мягкости: по этому ъ и ь суть припряжныя или безгласныя. Этою слабостію и постепеннымъ изчезновеніемъ звука, выражаемаго буквами ъ и ь, объясняются всѣ тѣ безконечныя измѣненія, которымъ этѣ буквы подвергаются въ Славянскихъ нарѣчіяхъ: ихъ смѣшеніе, опущеніе и перегласовка. Такъ какъ много было писано и говорено подъ разными воззрѣніями объ ихъ природѣ и значеніи въ Ц.-Славянскомъ языкѣ, то я скажу объ нихъ, по возможности, кратко, сколько позволяетъ цѣль моего труда и сколько это нужно для уразумѣнія природы и свойствъ полугласныхъ въ Сербскомъ языкѣ и его древней письменности.

Происхожденіе полугласныхъ составляетъ историческое явленіе въ языкахъ Индоевропейскихъ. Древнѣйшіе изъ этихъ языковъ, языкъ Вѣдъ и Санскритъ, показываютъ, что первоначально каждая согласная имѣла при себѣ гласную, т. е., нѣмые звуки не стекались, но были растворены самогласными звуками. Въ такомъ видѣ существовали языки въ древнѣйшую пору своего бытія. Потомъ, мало по малу, гласныя стали изчезать и какъ бы улетучиваться изъ ряда нѣмыхъ звуковъ, и въ слѣдствіе этого въ словахъ появилось стеченіе въ нѣкоторой степени однихъ согласныхъ, возможное для произношенія: это вторая ступень развитія Индоевропейскихъ языковъ, на которой застаемъ мы языки Европейскіе и въ числѣ ихъ Славянскіе. Но изъ всѣхъ Славянскихъ языковъ ни одинъ не довелъ до такихъ обширныхъ размѣровъ начало гласнаго сокращенія, какъ Д.-Булгарскій. Его, безъ сомнѣнія, можно назвать разсадникомъ и главнымъ хранилищемъ полугласныхъ. Прочіе Славянскіе языки, не выдержавъ соперничества съ нимъ, устремились снова къ полногласію, дополнивъ, въ большей, или меньшей мѣрѣ, нѣмые звуки самогласными; во главѣ ихъ стоитъ нарѣчіе Великорусское, — и это третья ступень ихъ развитія. Но обратимся къ Д.-Булгарскому, такъ тѣсно связанному съ Д.-Сербскимъ

книжнымъ. Если ни одинъ языкъ такъ много не сократилъ гласныхъ звуковъ, какъ Д.-Булгарскій, то и ни одинъ такъ твердо не запомнилъ ихъ, какъ этотъ послѣдній. Лишивъ цѣлыя слова полныхъ гласныхъ звуковъ и превративъ послѣдніе либо въ полузвуки, либо въ совершенное беззвучіе, онъ не опустилъ ихъ безслѣдно, но мѣста ихъ отмѣтилъ особыми буквенными знаками, приносящими честь ихъ изобрѣтателю. Ни одна Европейская азбука не имѣетъ подобныхъ знаковъ. Составитель Кирилицы, выразивъ полугласіе и безгласіе, остатокъ прадавняго полногласія, показалъ сдѣсь всю глубину своихъ познаній въ языкахъ и тонкую наблюдательность въ дѣлѣ того языка, для котораго онъ трудился. Понимая духъ языка, онъ не смущался видимою слабостію полузвука, или даже полнымъ беззвучіемъ; но, угадывая, что это долженъ быть остатокъ такихъ же полныхъ звуковъ, какъ и прочіе гласныя, онъ далъ имъ особое начертаніе и мѣсто въ словѣ наровнѣ съ другими звуками. Таково начало полугласныхъ и ихъ Кириловскихъ начертаній. Они обязаны своимъ происхожденіемъ стяженію полногласія, возникшему на второй ступени развитія Индоевропейскихъ языковъ; а своимъ начертаніемъ — прозорливости составителя Кирилицы. Посмотримъ примѣры, и прежде всего въ словообразованіи, потомъ въ слово-движеніи. Санскр. *pûrńa*, Гот. *fulls*, Латин. *plenus*, Греч. *πλέος*, Лит. *pilnas*, Рус. *полный*, Серб. *пун*, Луж. *połny*, Поль. *pełny*, Ц.-Сл. плъвъ, Чеш. *plný*.— Санскр. *hrd* (*hard*), Гот. *hairtô*, Лат. *cor*, Греч. *καρδία*, Лит. *szirdis*, Рус. *сердце*, Поль. *serce*, Ц.-Сл. срьдьце, Серб. *срдце*, Чеш. *srdce*.—Санскр. *ǵirna* (*ǵarńa*), Гот. *kaurn*, Лат. *granum*, Лит. *žirnis*, Рус. *зерно*, Поль. *ziarno*, Луж. *zerno*, *zorno*, Ц.-Сл. зьрьно. Серб. *зрно*, Чеш. *zrno*.—Санскр. *dirgha* (*darha*), Греч. *δολιχός*, Лат. *longus*, Лит. *dilgas*, Гот. *laggs*, Рус. *долгій*, Поль. *długi*, В.-Луж. *dołhi*, Чеш. *dlauhy*, Серб. *дуг*, Ц.-Слав. дльгъ.—Санскр. *avi*, Лат. *ovis*, Греч. *ὄϊς*, Гот. *avi*, Ц.-Сл. овьца, Рус. *овца*, Поль. *owca*, Серб. *овца*, Чеш. *owce* и пр.—Санскр. *svapna*, Лат. *somnus*, Греч. *ὕπνος*, Лит. *sapnas*, Рус. *сонъ*, Поль. *sen*, Чеш. *sen*, Серб. *сан*, В.-Луж. *son*, Ц.-Сл. сънъ.—Санскр. *dina*, Лат. *dies*, Лит. *dĕna*, Рус. *день*, Поль. *dzień*, Луж. *dźeń*, *źen*, Серб. *дан*, Чеш. *den*, Ц.-Сл. дьнь.—Санскр. корень *viç*, Лат. *vicus*, Греч. кор. Ϝικ (*οἶκος*), Гот. *veihs*, Лит. *vĕsz*, Рус. *весь*, Чеш. и В.-Луж. *wes*, Поль. *wioska*, Ц.-Сл. вьсь.—Санскр. *laghu*, Лат. *levis*, Греч. *ἐλαχύς*, Рус. *легкій*, Чеш. *lehký*, Поль. *lekki*, Серб. *лаган*, В.-Луж. *lohki*, Ц.-Сл. льгъкъ.—Санскр. *kas*, Лит. *kas*, Лат. *quis*, Гот. *hvas*, Греч. *κο-τερος*, *κῶς*, *πο-τερος*, *πᾶς*, Рус. *кто*, Поль. *kto*, Чеш. *kdo*, *kto*, Н.-Луж. *chto*, Серб. *тко*, Ц.-Сл. къто, которыи.—Санскр. *duhitar*, Гот. *dauhtar*, Греч. *θυγάτηρ*, Рус. *дочь*, Ц.-Сл. дъшти, Поль. *córa*, Чеш. *dcera*, *cera*, Серб. кћи. Изъ этихъ и множества другихъ подобныхъ примѣровъ мы видимъ, что въ словообразованіи Славянскія нарѣчія отчасти сохранили, а отчасти утратили праязычное полногласіе; но болѣе всѣхъ утратило его Д.-Булгарское нарѣчіе, передавшее это свойство и Н.-Булгарскому; за нимъ Хорутанское, Сербское и Чешское. Самое большое полногласіе существуетъ въ Санскритѣ, хотя и сдѣсь иногда недостаетъ праязычнаго полногласія, обнаруживающагося въ другихъ нарѣчіяхъ. Такъ, Санскр. *dva*, *tri* не удержали гласной, которая проявляется въ формѣ именит. жен. *tisras* и Зенд. *tisarô*, равно какъ въ Лат. *ter*, *tertius*, Греч. *δεύτερος* и въ Ц.-Сл. дъва. Такъ въ Санскритѣ слогъ *ar* является съ бѣглымъ и слабымъ *a*, которое близко подходитъ къ полузвуку. Надобно замѣтить, что самое даже строгое Кириловское правописаніе не всегда выражаетъ полугласными праязычную гласность, но иногда опускаетъ ее безъ отмѣтки по причинѣ возможности обой-

тись и безъ нея въ произношеніи. Укажу на нѣсколько случаевъ въ Остромировомъ Евангеліи: **трии**, Санскр. *tri*, какъ и въ Славянскихъ, Лат. *trys*, Греч. *τρεῖς*, Гот. *thri*, Лат. *tres*, но и *ter*, Полаб. *taroi;* **плавъ**, ср. Санскр. *palita*, Лат. *pallidus*, Греч. *πολιός*, Лит. *palvas*, Чеш. *plawý*, Поль. *pławić*, Серб. *плав*; **младъ**, какъ и Санскр. *mrdu* (кор. *mard*), а въ Латинскомъ *mollis*, Рус. *молодой*; **огнь**, какъ и Санскр. *agni*, Лат. *ignis*, Лит. *ugnis*, но въ Русскомъ *огонь*, Чеш. *oheń*, Поль. *ogień*, Серб. *огань*, Луж. *woheń*, *wogeń*, и пр. и пр. Особенно замѣтно стяженіе гласности въ окончаніяхъ, служащихъ для образованія словъ. Укажу на нѣкоторыя: окончаніе **-сть** въ Санскритѣ исходитъ на *-ti*, въ Лит. на *-ste*, въ Греч. на *-σι*, *-τι* (*-σις*, *-τις*); окончаніе существительныхъ **-ъкъ** въ Санскр. *-aka;* окончаніе прилагательныхъ **-инъ** въ Санскр. *-in*, *-ina*, Лат. *-inus*, Греч. *-ινος*, Лит. *-inis;* **-ьскъ**, Санскр. *-ika*, Лат. *-icus*, Греч. *-ικος*, Гот. *-isk*, Лит. *-iszkas;* окончаніе существительныхъ **-ьць**, Санскр. *-ikja*, Лат. *-icius*. Но какъ въ срединѣ словъ, такъ и въ окончаніяхъ Ц.-Славянскій языкъ удержалъ нѣкоторые остатки полногласія, употребляя, большею частію, растворенныя формы въ одно время съ сжатыми. Такъ у него есть **которыи**, **котерыи** вм. **къторыи**; такъ наровнѣ съ **къгда**, **тъгда**, **инъгда**, Санскр. *kadá*, *tadá*, *anjadá*, Лат. *quando*, *tunc*, онъ имѣетъ **когда**, **тогда**, **иногда**. Замѣчательны также формы **мати**, **дъшти**, **камы**, **пламы**, вмѣсто которыхъ по общему правилу слѣдовало бы ожидать **мать**, **дъшть**, **камь**, **пламь**; но въ нихъ осталась праязычная гласность, хотя онѣ и суть уже сокращенныя формы: ср. Санскр. *mátar* (**матерь**), *duhitar* (**дъштерь**), *açman* (**камень**). и т. д. Не менѣе замѣчательна форма на **-нь** (иногда со вставочнымъ с: **пѣснь** **баснь**), которая въ Санскритѣ исходитъ на *-ni* и въ Ц.-Славянскомъ языкѣ удержалась въ первоначальномъ видѣ въ словахъ: **милостыни**, **рабыни** и н. др. Тѣ же свойства нарѣчій проявляются и въ словодвиженіи. Такъ въ спряженіи окончаніе 3-го л. ед. и мн. ч. **-ть** въ Санскритѣ является съ гласною: *-ti*, Греч. *-σι* (*-τι*), Лит. *-ti;* окончаніе 1-го л. мн. ч. **-мъ** въ Санскритѣ *-mas* и желат. *-ma*, Лат. *-mus*, Греч. *-μεν* (*-μες*), Лит. *-me*, Гот. *-m* и *-ma*; 1-го л. ед. ч. наст. **-мь** (**вѣмь**) въ Санскр. *-mi* (*vêdmi*), Греч. *-μι*, Лит. *-mi;* 1-го л. ед. ч. аориста **-хъ** въ Санскр. *-sam*, Греч. *-σα* (*χ=σ*); окончаніе причастія страд. **-мъ**, въ Лит. *-mas*, Греч. *-μενος*, и окончаніе **-тъ** въ Санскр. *-tas*, Лат. *-tus*, Греч. *-τος*, но въ Гот. *-ths*; окончаніе причастія прош. дѣйств. **-въ** и **-ъ** въ Санскр. *-vant*, *-ant*, Греч. *-Fοτ*(*ως*, *-οτος*), Лит. *-vęs*, *-ęs* (*-vans*, *-ans*); окончаніе 1-го л. ед. ч. аор. II **-ъ**, въ Санскр. *-am*, Греч. *-ον*; окончаніе супина **-тъ** въ Санскр. и Лат. *-tum* (собственно винит. пад.); причастіе прош. дѣйств. на **-лъ** въ Санскр. на *-las*, *-ras*, *-la*, *-ra* для образованія именныхъ формъ: ср. Греч. на *-λος*. Въ склоненіи именъ муж. и ср. р. окончаніе твор. п. ед. ч., исходящее на **-мь** отыскиваетъ свою гласность въ Лит. *-mi;* въ мѣстн. п. мн. ч. окончаніе **-хъ** въ Санскр. *-su*, Греч. *-σι*, Лит. *-se*, *-sa* (*-sva*); окончаніе род. п. мн ч. **-ъ** въ Санскр. *-âm*, Лат. *-um*, Греч. *-ων*, Гот. *-ē*, *-ô* (*-â*, *-âm*), Лит. *-ū*; окончаніе дат. п. мн. ч. **-мъ** въ Санскр. *-bhjas*, Лат. *-bus* и пр. и пр. Въ глагольныхъ окончаніяхъ, именно, въ 1-мъ л. мн. ч. наст. вр., Ц.-Славянскій языкъ отчасти удержалъ гласность, употребляя формы: **вѣмы**, **есмы**, **дамы**. При сличеніи Ц.-Славянскаго нарѣчія съ прочими Славянскими, относительно конечныхъ формъ словообразованія и словодвиженія, мы замѣчаемъ, что Славянскія нарѣчія въ одномъ случаѣ сошлись съ Ц.-Славянскимъ, въ другомъ, и при томъ не всѣ, разошлись: то же самое замѣтили мы и выше, когда сличали въ нихъ цѣлыя слова. Такъ окончанія **-сть**, **-(ъ)къ**, **-(ь)ць**, **-ьскъ**, **-(ь)нъ** всюду остались таковыми: они ни въ одномъ Славянскомъ нарѣчіи не принимаютъ конечной гласной, хотя предпо-

слѣднюю полугласную по произволу обращаютъ въ гласную, на пр., Рус. *песокъ*, Чеш. *písek*, Поль. *piasek*, Серб. *пиесак*, но Лужицкія любятъ въ этомъ случаѣ стяженіе: *pjesk*, *swědk*, *prědk*, *synk*, *dźědk*, *zědk*, *ptačk*, подобно Ц.-Слав. пѣсъкъ, хотя у нихъ есть и формы, растворенныя гласною, на пр., *posak*, Серб. *пасяк*, Поль. *piesek*, Ц.-Слав. пьсьць. Такъ точно при переходѣ, совершаемомъ прилагательными, оканчивающимися въ Ц.-Славянскомъ на -ъкъ и -ьнь, изъ склоняемой формы въ спрягаемую, по большей части, въ прочихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ происходитъ вставка гласной, разумѣется, тамъ, гдѣ нужно, между тѣмъ, какъ въ Ц.-Славянскомъ остается одна полугласная. Но Ц.-Слав. окончаніе -ьскъ, -ьскыи остается во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ безъ озвукотворенія полугласной: въ нихъ предшествующая согласная, непосредственно соединяется съ этимъ окончаніемъ. Окончаніе существительныхъ -ьць въ прочихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ принимаетъ, большею частію, гласную вмѣсто перваго ь, на пр., Рус. *отецъ*, *телецъ*, Поль. *ojciec*, *cielec*, Чеш. *otec*, *telec*, Серб. *отац*, *телац*, но Луж. *wótc*, *wudowc*, *samc*, какъ и въ Ц.-Слав. отьць, тельць, вьдовьць, коньць и пр. Такъ точно и въ словодвиженіи нѣкоторыя формы съ полугласною Ц.-Славянскаго нарѣчія въ другихъ нарѣчіяхъ принимаютъ полную гласную. Не буду сравнивать всѣхъ, но укажу только на тѣ, которыя именно допускаютъ въ себѣ гласную. Такъ 1 л. мн. ч. на -мъ въ Серб. оканчивается на-*мо*, въ Поль. и Луж. на *-my*, въ Чеш. на *-me* (*my*); причастіе прош. дѣйств. муж. р. на-лъ въ древнихъ Русскихъ грамотахъ переходитъ иногда въ *-ло*; твор. п. ед. муж. и ср. р. на -ъмь,-ьмь во всѣхъ нарѣчіяхъ предпослѣднюю полугласную измѣняетъ въ гласную; род. п. мн. ч. въ Сербскомъ претворяетъ ъ и ь въ гласную. Равномѣрно то же дѣлаетъ съ ъ, хотя и не всегда, и дат. п. мн. ч., который сходенъ съ твор. и мѣстн. пп. того же числа. Въ послѣднихъ двухъ падежахъ Ц.-Слав. окончаніе -ъми, -ьми и -ъхъ, -ьхъ въ прочихъ нарѣчіяхъ, какъ и въ Сербскомъ, первую полугласную обращаетъ въ полную гласную.

Такимъ образомъ мы видимъ, что самое большое стяженіе гласныхъ звуковъ, какъ въ словообразованіи, такъ и въ словодвиженіи, происходитъ въ Ц.-Славянскомъ языкѣ. Стяженіе это состоитъ или въ обращеніи полной гласной въ полугласную, или въ совершенномъ ея опущеніи, при чемъ полугласіе переходитъ въ безгласіе. Другія Славянскія нарѣчія мѣстами сходятся съ Д.-Булгарскимъ въ стяженіи полногласія, мѣстами расходятся съ нимъ, предпочитая, въ слѣдствіе дальнѣйшаго своего развитія, полную гласную полугласной, или безгласной. По этому-то я и сказалъ, что главное мѣстопребываніе и даже начало полугласія должно отыскивать въ Д.-Булгарскомъ нарѣчіи, для котораго именно и изобрѣтены были знаки ъ и ь, выражающіе полузвуки и безгласіе: что сдѣсь имѣли они свой голосъ и что при томъ ъ выражало твердость, а ь мягкость,—это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Если бы они были простымъ безгласіемъ, или придыханіемъ, или простою твердостію и мягкостію согласныхъ звуковъ, то, вѣроятно, или вовсе не были бы изобрѣтены и изображены въ письмѣ, или не стояли бы въ строкѣ наровнѣ съ прочими самостоятельными гласными и писались бы наверху въ видѣ значковъ. Но, стало быть, св. Кирилъ хорошо сознавалъ, что хотя бы они и выражали простое безгласіе, то все таки безгласіе это восходило къ праязычной гласности, а эта послѣдняя требовала для себя такихъ же видимыхъ буквенныхъ знаковъ, какъ и та гласность, которая изъ праязыка перешла неизмѣнно въ Д.-Булгарское и другія Славянскія нарѣчія и выразилась въ гласныхъ буквахъ. Простое безгласіе при

возможномъ стеченіи согласныхъ, которыя и въ праязыкѣ не растворялись гласными, также простая твердость и мягкость нѣмыхъ или согласныхъ звуковъ не выражаются ничѣмъ: слѣдовательно, выражаемыя б-ми ъ и ь полугласіе и безгласіе суть не что иное, какъ праязычная гласность, дошедшая путемъ повременнаго движенія до ослабленія и изчезновенія. По этому ъ и ь принадлежатъ исторіи; но вмѣстѣ съ тѣмъ начало голоса, ими выражаемое, восходитъ до глубочайшей древности, такъ что въ Индоевропейскихъ языкахъ оно является уже неопредѣленнымъ полузвукомъ, который въ свою очередь сокращается въ полное безгласіе, или въ одинъ лишь отзвукъ твердости и мягкости, лишенный всякого самостоятельнаго значенія и всю силу свою передающій нѣмому звуку, ему предшествующему. Въ одномъ случаѣ нельзя при произношеніи обойтись безъ помощи выражаемаго б-ми ъ и ь полузвука, на пр., **дьнь, вьрътьпъ, тъпътъ, мълъмин**; въ другомъ можно вовсе не произносить ихъ, на пр., **кънигы, кънязь, чьто, вьсимъ**. Но если, по теоріи и исторіи языка, безгласію должно было непремѣнно предшествовать полугласіе, и если праязычная гласность должна была постепенно утрачивать ясность своего звука и сознаніе своей силы, то послѣдняя, т. е., исторія языка, не открыла намъ того времени, когда еще не было совершеннаго безгласія, даже въ окончаніяхъ словъ, и по тому въ историческомъ отношеніи безгласіе можно назвать ровесникомъ полугласію. Доказательство тому я вижу въ упорномъ употребленіи нѣкоторыхъ формъ безъ ъ или ь, тогда какъ природа языка требовала бы и тутъ полугласныхъ; на пр., **три, огнь, даже, исмь**; ибо хотя въ Санскритѣ оно звучитъ *asmi*, въ Лит. *esmi*, а въ Греч. *εἰμί*, однако окончаніе **-мь**, *-mi* есть остатокъ носоваго звука, который долженъ былъ имѣть свое гласное выраженіе и сохранился въ цѣлости въ Лат. *sum* (съ опущеннымъ въ началѣ *е*) и въ большей части Славянскихъ нарѣчій: Чеш. *jsem*, Серб. *есам*, *сам*, Поль. *jestem*, *-em*, Луж. *sym*, *som*, Хорв. и Хорут. *sem*. Но время это было не далеко отъ Кирила, ибо систематическое, постоянное употребленіе б-ъ ъ и ь на мѣстѣ историческаго безгласія, въ срединѣ и концѣ словъ доказываетъ, что Кирилъ, по какому бы то ни было поводу, или по теоретическому сознанію, или по требованію народнаго говора, еще могъ отличать историческое безгласіе, выродившееся изъ праязычной гласности, отъ простаго безгласія, случающагося при возможномъ стеченіи двухъ, много трехъ, нѣмыхъ звуковъ, на пр., въ **твои, дроугъ, глаголати, мѣсто**, и въ нѣкоторыхъ окончаніяхъ, на пр. **-ство,-скыи** и пр. За то, если забудемъ нѣкоторыя исключенія, встрѣчающіяся въ правописаніи Ц.-Славянскихъ памятниковъ, даже самыхъ древнѣйшихъ, исключенія, которыя были, по видимому, уже во времена самого Кирила и условливались подвижностію и неопредѣленностію начала, отразявшагося въ ъ и ь; если забудемъ подобныя исключенія и вспомнимъ единственно о систематической вѣрности, постоянствѣ и изумительной правильности употребленія б-ъ ъ и ь въ древнѣйшихъ Кириловскихъ памятникахъ, то мы признаемъ, что хотя Ц.-Славянскій языкъ всего болѣе удалился отъ праязычнаго полногласія, но за то его правописаніе лучше и яснѣе всѣхъ доселѣ извѣстныхъ Индоевропейскихъ азбукъ указываетъ б-ми ъ и ь на оставшіеся слѣды праязычнаго полногласія. Посмотримъ же теперь, какъ выражаютъ полугласныя и безгласныя ъ и ь прочія Славянскія нарѣчія.

Есть въ Славянскихъ нарѣчіяхъ, конечно, не во всѣхъ, особые звуки, которые правописаніе тщетно старается выразить существующими гласными, иногда отмѣчая этѣ послѣднія особыми условными значками. Эти неопредѣленные, срединные и бѣглые звуки отвѣчаютъ, большею частію, Ц.-Славянскимъ ъ и ь. Въ Н.-

Булгарском нарѣчіи неустановившееся еще правописаніе всячески старается передать эти звуки, выражая их то чрез *а*, *е*, *о*, то снова чрез ъ и ь, даже чрез ж, ѧ. Полузвук, уже по самой природѣ своей, не может имѣть в себѣ положительно-вѣрнаго голоса, и по тому представляет собою оттѣнок гласности, серединный между ясными и положительными звуками *а*, *е*, *и*, *о*, *у*. По этому, если бы пришлось достовѣрно выразить этот полузвук, то ни *а*, ни *е*, ни *о* не достигли бы этой цѣли, даже отмѣченныя какими нибудь значками; лучше удовлетворили бы этой цѣли ъ и *ь*, подкрѣпленныя хорошим знаніем устной рѣчи новых Булгар. Так в Хорутанском нарѣчіи есть полузвук, серединный между *е* и *і*, отвѣчающій Ц.-Славянским ъ и ь, который одни хотят выражать чрез *а*, другіе чрез *е*, третьи вовсе ничѣм. Русское, Польское и Лужицкое нарѣчія замѣнили полугласіе Ц.-Славянских ъ и ь полными и опредѣленными гласными. Чешское и Сербское тоже замѣнили их индѣ опредѣленными гласными, а индѣ, именно, при плавной *р*, хотя тоже не всегда, оставили полузвуками, не выражая их ничѣм в письмѣ. Чеш. *trh*, но *krew*, *křiž*, Серб. *крст*, *крв*, но в поднарѣчіи *тарг*, и пр. При другой плавной *л*, Чешское нарѣчіе оставило полузвук, который тоже ничѣм не выражает, на пр., *plný*, *plzký*, а Сербское обращает и самое *л* в гласную. Произнести эти сочетанія нѣмых без нѣкотораго оттѣнка гласности, равно как опустить самыя гласныя, возникшія на мѣстѣ Ц.-Славянских ъ и ь, так же невозможно, как опустить самыя ъ и ь в Ц.-Славянском правописаніи. Правда, тягучая природа плавных обманывает ухо произносящаго, старающееся открыть в них самогласность, т. е., собственную гласность; но это один лишь обман, доведшій нѣкоторых ученых до возможности признанія б-ъ *р* и *л* гласными; на самом же дѣлѣ всякій знает, что и этѣх букв нельзя произнести без помощи гласнаго отзвука, который хотя и скрыт в правописаніи, но существует в произношеніи. Лучшим тому доказательством служат тѣ нарѣчія, которыя одинаково претворяют полугласныя в полныя гласныя как при плавных, так и при других нѣмых буквах. Даже в Санскритском языкѣ буква *r*, считавшаяся гласною, признана теперь лучшими учеными за сочетаніе бѣглаго *a* с нѣмым плавным *r*, или за слог *ar*, который, правда, в правописаніи выражается одною буквою *r*. Но с другой стороны, надобно согласиться, что в Д.-Булгарской области праязычная гласность потерпѣла величайшее пораженіе от свойства туземнаго нарѣчія, которое цѣлыя слова лишило полных гласных звуков и растворило одними лишь полузвуками сряду нѣсколько нѣмых сочетаній. Удар простерся слишком далеко: в избыткѣ своего обширнаго употребленія, твердый и мягкій отзвук стали смѣшиваться между собою и в древнѣйших памятниках приводили писцов в нерѣшимость при выборѣ того, или другаго из них. Так находим двоякія формы: дьва и дъва, къжьдо и кьжьдо, шьдъ и шьдь, жрътва и жрьтва и пр. Объяснять такую взаимную смѣну б-ъ ъ и ь должно не столько колебаніем их, сколько ошибкою или простым смѣшеніем, происшедшим от избытка употребленія. Колебанія не могло быть тогда, когда писцы весьма хорошо понимали значеніе той и другой буквы и когда со всею строгостію умѣли различать их; но поспѣшная страсть претворять гласность в полугласіе лишала их иногда возможности обозначать хорошо свойство полной гласной и из двух знаков, ъ, или ь, выбрать для нея приличнѣйшій. При том неопредѣленность, всегда господствующая во всяком полузвукѣ, затемняла значеніе полугласнаго начала, и надобно было Славянскому уху владѣть

особенною чуткостію, чтобы не ошибиться въ выборѣ между тою и другою буквою.

Когда же, по мѣрѣ развитія языковъ, нѣкоторыя формы стянулись до того, что произношеніе могло вовсе обходиться безъ помощи гласнаго начала, на пр., въ нѣмыхъ окончаніяхъ словъ, тамъ хотя ъ и ь остались въ Ц.-Славянскомъ правописаніи на своихъ мѣстахъ, однако они утратили совершенно свою самогласность и обратились въ безгласныя, служа единственно отзвукомъ твердости и мягкости предшествующихъ согласныхъ. Отзвукъ этотъ уже не имѣлъ въ себѣ ничего самостоятельнаго, но всю силу свою переводилъ на предшествующую нѣмую: твердость и мягкость его вполнѣ переходили на другія быквы, показывая, какая была на его мѣстѣ первичная гласная: твердая, или мягкая. Писцы, замѣтивъ ихъ безсиліе, стали въ послѣдствіи выводить ихъ изъ строчнаго ряду буквъ и писать выше строки надъ тою буквою, къ которой они припрягались: отсюда начало значковъ и паерковъ. Изъ того же безгласнаго свойства б-ъ ъ и ь нѣкоторые ученые вывели возможность ерованья или смягенія согласныхъ б-ю ь въ противень іотаціи или смягченію гласныхъ б-ю і. Но въ іотаціи звукъ дѣйствующаго і еще слышится довольно ясно, между тѣмъ, какъ въ ерованіи самостоятельность б-ы ь совершенно изчезаетъ въ согласной, къ которой она припряжена. Сверхъ того, замѣтить должно, ерованье совершается только тамъ, гдѣ нѣтъ мягкой гласной, переводящей смягченіе на согласную; но и въ этомъ случаѣ оно есть только историческое явленіе, восходящее лишь до предѣловъ праязычной гласности, ибо въ праязыкѣ былъ только одинъ видъ смягченія—іотація. Сдѣсь і отправляло тоже служеніе, какое въ послѣдствіи стало отправлять ь; ср., на пр., окончаніе 1-го л. ед. ч. наст. -мь съ *-mi*, или окончаніе -ть съ *-ti* и пр. Какъ въ полугласіи, такъ и въ безгласіи видимъ то же явленіе относительно нѣкоторой неправильности въ употребленіи б-ъ ъ и ь: какъ тамъ онѣ смѣшиваются, такъ тутъ онѣ иногда выбрасываются, отъ чего въ древнѣйшихъ памятникахъ находимъ слова, лишенныя хотя беззвучныхъ, но тѣмъ не менѣе существенныхъ ъ и ь, на пр., книгы, страхъ вм. къннгы, сътрахъ и пр. Другія Славянскія нарѣчія, допускающія возможное сочетаніе нѣмыхъ тамъ, гдѣ онѣ въ Ц.-Славянскомъ правописаніи растворены безгласными ъ и ь, и не имѣющія у себя этѣхъ буквъ, вовсе не изображаютъ ихъ на письмѣ, также какъ и не произносятъ въ устной рѣчи, на пр., Серб. *кнез, искон*. Таково правописаніе В. Караджича: *ь* удержано имъ только въ слитномъ видѣ съ б-ми *н* и *л* для выраженія ихъ мягкости: љ, њ. Противъ этого замѣчу, что при послѣдующей гласной можно бы было гораздо удобнѣе и вѣрнѣе оставлять *л* и *н* въ ихъ обыкновенномъ видѣ, а гласную писать мягкую. Но нѣкоторые Сербскіе писатели допускаютъ *ъ* и *ь* въ концѣ словъ при конечныхъ нѣмыхъ и большею частію означаютъ мягкія *л* и *н* въ срединѣ и концѣ словъ помощію *ь*. Только одно Русское правописаніе удержало, по примѣру Ц.-Славянскаго, *ъ* и *ь* на концѣ словъ, а въ срединѣ отбросило его, допустивъ непосредственно сочетаніе нѣмыхъ; въ срединѣ же словъ имъ удержаны полугласныя только въ слѣдующихъ случаяхъ: въ сложеніи нѣкоторыхъ словъ въ концѣ первой части слова, и еще *ь* для выраженія мягкости нѣкоторыхъ согласныхъ буквъ и для замѣны б-ы *и*. Н.-Булгарское, какъ и Русское, удержало *ъ* и *ь* на концѣ словъ. Всѣ прочія Славянскія нарѣчія, употребляющія Латинскую азбуку, не нуждаются въ *ъ* и *ь*, оставляя безгласіе ничѣмъ не выраженнымъ, а мягкость согласныхъ они означаютъ, большею частію, особыми значками.

Такимъ образомъ, по сравненіи съ Славянскими и прочими Индоевропейскими нарѣчіями, оказывается, что въ Ц.-Славянскомъ языкѣ ъ и ь замѣняли нѣкогда собою праязычную гласность. Оба случая употребленія б-ъ ъ и ь возводятъ къ праязычной гласности ихъ, и въ историческую пору языка объясняются стяженіемъ полныхъ гласныхъ въ полузвуки и наконецъ, мѣстами, совершеннымъ онѣмѣніемъ послѣднихъ. Слѣдовательно, оба случая суть не что иное, какъ видоизмѣненіе коренной стародавней гласности, перешедшей мало по малу чрезъ полугласіе въ безгласность, при чемъ второй случай является дальнѣйшимъ видоизмѣненіемъ перваго. Тѣмъ не менѣе, утративъ полную свою праязычную гласность, начало б-ъ ъ и ь въ одно и то же время стало отправлять двоякое служеніе, какъ полузвукъ и какъ безгласіе, хотя все таки, повторяю, безгласіе его не могло возникнуть иначе, какъ пройдя сначала чрезъ полугласіе. Такъ, по моему мнѣнію, должно объяснять значеніе б-ъ ъ и ь въ Д.-Булгарскомъ языкѣ.

Переходимъ къ языку Сербскому и обозримъ бѣгло, какъ поступилъ онъ у себя съ полугласными. Но напередъ мы должны замѣтить, что существенное свойство полугласныхъ, съ которымъ они являются въ Д.-Булгарскомъ нарѣчіи, твердость и мягкость, онъ нарушилъ, передѣлавъ ее по своему, примѣнительно къ своей природѣ. Такъ, царь, камень, пѫть обратилось у него въ *цар*(ъ), *камен*(ъ), *пут*(ъ) и пр. Отъ того и б-ы ъ и ь утратили для Сербовъ свое истинное значеніе и перемѣшались. Сейчасъ мы увидимъ, что Сербы однимъ звукомъ замѣняютъ и твердую и мягкую полугласную. Но между тѣмъ, какъ въ устномъ Сербскомъ языкѣ замѣтно сильное стремленіе отвердить конечное мягкое ь, въ древней письменности Сербовъ происходитъ совсѣмъ иное: тамъ писцы исключительно употребляютъ только ь, даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ устный языкъ непремѣнно требуетъ твердаго отзвука. Все это по тому, что ъ и ь не суть туземныя Сербскія. И такъ, во первыхъ, Д.-Булгарскія ъ и ь Сербскій языкъ отметаетъ, какъ безгласныя, въ срединѣ словъ, а у нѣкоторыхъ и на концѣ, гдѣ произношеніе не требуетъ ихъ содѣйствія; на пр., *кнез*, *избор*, *свидок*, *мнити*, *начнем* (кънѧзь, изъборъ, съвѣдѣтель, мьнѣти, начьнѫ). Во вторыхъ, при буквѣ *р*, образующей слогъ, хотя и опускаются въ правописаніи ъ и ь, однако въ произношеніи они слышатся сдѣсь, какъ полугласныя, что-то въ родѣ *е-і* (*а-ы*), на пр., *трг*, *крв*, *крст* (търгъ, кръвь, кръстъ). Въ третьихъ, обращаетъ ихъ въ полную гласную и преимущественно въ *а*, на пр., *дан*, *ташт* (дьнь, тьшть); въ 1-мъ л. мн. ч. въ *о*: *идемо* (идемъ); въ тв. ед. ч. въ *о* и *е*: *домом* (домъмь), *лицем* (лицьмь); въ тв. и мѣстн. мн. ч. въ *и*: *људима* (людьми, людьхъ); въ род. мн. ч. въ *а* и *и*: *бисера* (бисеръ), *кħери* (дъштерь); въ дат. мн. ч. въ *а*: *женама* (женамъ); въ мѣст. ед. ч. прилагательныхъ въ *е* и *у*: *доброму*, *жутом* (добрѣмь) и пр. Изъ этѣхъ перемѣнъ, которымъ подвергаются ъ и ь въ Сербскомъ языкѣ, легко усмотрѣть, что они уже утратили въ немъ то различіе, которое имѣли въ Д.-Булгарскомъ, и смѣшались между собою; ибо твердость и мягкость звуковъ Сербскаго языка не сошлись вполнѣ съ твердостію и мягкостію тѣхъ же самыхъ звуковъ Д.-Булгарскаго языка: обѣ полугласныя Сербы замѣнили одною гласною, какъ на пр., *а*, равно и сочетанія лъ и ль они измѣнили въ одинъ и тотъ же звукъ *у*, или *о*: *сунце*, *суза* (слъньце, сльза), *учинио*, *мисао* (оучинилъ, мысьль). Это для насъ важно по тому, что этимъ объясняется смѣшеніе въ древней Сербской письменности полугласныхъ ъ и ь и право гражданства, данное послѣднему.

Теперь посмотримъ, какъ въ книжномъ языкѣ писцы постепенно переходили отъ свойствъ Д.-Булгарскаго языка къ свойствамъ Сербскаго, относительно по-

лугласныхъ, и какъ этѣ послѣднія принимали на себя видъ и служеніе, согласные съ духомъ народнаго говора. Мы сейчасъ замѣтили, что Сербскіе писцы постоянно употребляютъ одно ь тамъ, гдѣ въ Д.-Булгарскомъ употребляются обѣ полугласныя. Шафарикъ даже вовсе отвергаетъ возможность употребленія ъ, объясняя эту букву, встрѣчающуюся кое-гдѣ въ памятникахъ, другимъ, нѣсколько измѣненнымъ, начертаніемъ б-ы ь[1]. Дѣйствительно, при такомъ исключительномъ преобладаніи б-ы ь, нельзя ожидать отъ б-ы ъ какого либо разумнаго, послѣдовательнаго употребленія, но и нельзя вовсе отвергать того, чтобы она не встрѣчалась въ памятникахъ. Если въ другихъ отношеніяхъ Ц.-Славянскій языкъ такъ сильно дѣйствовалъ на Сербскую письменность, то по чему же не допустить, что и ъ могло перейти туда вмѣстѣ съ другими, рѣдко встрѣчающимися, буквами, тѣмъ болѣе, что въ устномъ языкѣ Сербовъ этотъ звукъ постоянно существуетъ. По этому хотя нѣкоторые одиночные случаи употребленія этой буквы и нельзя принять за признакъ постояннаго ея существованія въ Д.-Сербской письменности, однако нельзя и вполнѣ отвергать ихъ, ибо они показываютъ, что обычное произношеніе невольно прорывалось въ область условнаго способа написанія. Невозможно думать, чтобы Сербы произносили всегда такъ, какъ писали: б-а ь хотя мѣстами и удовлетворяла народному говору, но мѣстами и противорѣчила ему. Всего лучше доказывается это противорѣчіе склоненіемъ нѣкоторыхъ именъ, которыя въ им. п. ед. ч. оканчиваются на ь, а въ другихъ падежахъ принимаютъ твердую гласную, на пр., **царь, цара, царꙋ, кнеꙁь кнеꙁа, кнеꙁꙋ** и пр., что и подтверждается нынѣшними формами *цар, кнез*, которыя произносятся, какъ *царъ, кнезъ*. Отъ того въ гр-ѣ Уроша V (Г. А) два раза написано **цр҃ъ**—очевидно, въ Сербской формѣ, и по тому правильно. Другіе случаи употребленія б-ы ъ не противорѣчатъ Ц.-Славянскому правописанію и могутъ быть объясняемы вліяніемъ этого послѣдняго, на пр., въ подписи вышеупомянутой гр-ы и А. № 11: **гркомъ**, или въ подписи гр-ы Мары: **дъщи** (Г. Б); но одиночность ихъ все еще ничего не доказываетъ. Формы, каковы на пр.: **тꙋдръ, крьсникъ, въ, братоучедъ** (С. № 2), **въ** (А. №№ 3, 20), **малихъ** (Мк.), **съ, соудъ** (С. № 176), **съ** (А. № 9), **дꙋбровьчаниnъ** (С. № 39), **дѣдъ** (В. № 1), **оуршъ, сръблеи, съꙁатель, наказаніемъ** (Г. А), **наслѣдникъ** (А № 17), **инниkъ, ѡпорцъ, десетаръ, плакицъ, конъ, десетакъ** (А. № 19), **срьблемъ** (С. № 140), **лаꙁаръ** (мон., Г. III, стр. 236), **стефанъ** (печ., Г. I, стр. 156), **въ, всемъ, србліемъ, деспотъ, стефанъ** (печ., С.-Д. М. 1844, стр. 127), **дѣпотъ** (печ., Р. IН, стр. 333; Г. III, № 88) и др., какъ одинокія, не могутъ говорить въ пользу употребленія б-ы ъ: ихъ столько же можно назвать описками, сколько и объяснять небреженіемъ писцовъ, или инымъ начертаніемъ б-ы ь, близко подходящимъ съ виду къ б-ѣ ъ. Сюда же отнесу Турецкую гр-у (С. № 168), въ которой находимъ: **въсакоnꙋ, дѣжавꙋ, ѡвѣко, вѣсѣ, тисꙋкъ, силаꙋъ, посъл, сѣкори, меитъ, тръговци, днъ, ꙁаповѣтъ**, и гр-у въ С.-Д. М. № 1, гдѣ читаемъ, на пр., **ꙁгпомъ и ѡцѣмъ кг сакомъ, ꙁгосподомъ благовѣрномъ црицомъ кг ѣленомъ, тѣломъ** и т. д. Какъ въ этѣхъ, такъ равно и въ предыдущихъ грамотахъ есть много формъ, въ которыхъ ъ стоитъ противъ законовъ и Ц.-Славянскаго и Сербскаго правописанія, что еще больше подтверждаетъ случайность ея поставленія. Обратимъ вниманіе еще на гр-у Кулина; въ ней издатель Споменниковъ читаетъ: **живь: вьси**, Шафарикъ: **живь і** (т. е., ї) **вьси**, Срезневскій: **живъ і вьси**. Но есть грамоты, гдѣ ъ является

[1] Serbische Lesekörner, стр. 22.

столь часто, что его нельзя уже объяснять случайностію, тѣмъ болѣе, что грамоты этѣ принадлежатъ собственной Сербіи: въ употребленіи его обнаруживается другая, болѣе основательная причина, а именно, желаніе писцовъ поддѣлаться подъ Ц.-Славянское правописаніе, какъ поддѣлывались они подъ Ц.-Славянскія формы склоненія и спряженія. Сюда принадлежатъ гр-ы: В. № 2; С. №№ 137, 138, 166, 167, 178; С.-Д. М. 1844; Мл.; Г. V. Въ послѣдней ь составляетъ даже рѣдкость. Въ гр-ѣ Уроша V, по изданію С. № 46, нѣтъ ъ, но по изданію С.-Д. М. № 1 почти всюду ъ. Но тутъ же обнаруживается несвоемѣстность таковаго употребленія, показывающая, что писцы уже забыли истинную природу полугласныхъ. Они часто ставятъ ъ тамъ, гдѣ и въ Ц.-Славянскомъ языкѣ надлежало бы поставить ь: слѣдовательно, этѣ буквы служили для нихъ отвлеченными знаками и смѣшивались ими по той же самой причинѣ, по которой ь получило себѣ исключительное право гражданства. Правописаніе отдѣлилось отъ народнаго языка: писали такъ, читали иначе. Таковы неправильныя формы: въсѧ, оусрьдіе, въсѣхь (В. № 2), всѣ, црькве, сръбиив, сьмръти, връдв, потврьдихь (С. № 137), сръблѥ, въсемь (С. № 138), чъсти, дръжи, въꙁда (С. №№ 166, 167), можеть, м҃тъ, бжтъвнѫю (С. № 178), съдрьжати, вьсѣ, четвръто, сьмрътію (С.-Д. М. 1844), дьнъ, бжі-емъ, ѡбраꙁомъ, трудомъ, митрополитомъ, въсега, врьховныхъ, въсѣмь, едънъ (Мл.), бысть, въса, нисть, дънесь сръблѥмъ и пр. (Г. V) и мн. др. Всѣ этѣ грамоты относятся ко второй половинѣ XV-го ст., и въ нихъ б-а ь употребляется совершенно согласно съ общепринятымъ правописаніемъ, т. е., даже и тамъ, гдѣ въ Ц.-Славянскомъ слѣдовало бы ожидать б-ы ъ. Это обстоятельство, равно какъ позднее время появленія б-ы ъ въ Сербскихъ народныхъ памятникахъ намекаютъ отчасти на иную причину этого появленія, именно, измѣненіе правописанія. Въ древнѣйшее время въ Сербской письменности ь изображалось съ лѣвою отвѣсною боковою чертою, нѣсколько расширяющеюся на верху въ право: ь, или вовсе переходящею въ верхнюю поперечную черту: ь, какъ видно на монетахъ Радослава и Владислава, въ словахъ: рабь, владиславь (Г. III, №№ 6, 7, 8, 9, 12). Въ то же время, какъ и позднѣе, оно писалось обыкновеннымъ образомъ безъ расширенія сверху: ь, хотя показывается кое-гдѣ и въ позднѣйшее время старинное его изображеніе съ верхнимъ расширеніемъ въ право, какъ замѣчаемъ на монетахъ и печатяхъ Милутина въ словѣ кралѥ (Г. III, № 29; А. № 5), на монетахъ Дечанскаго въ словахъ стефань, оурошь (Г. III, №№ 39, 40, 41), Вукашина въ словахъ вь, влькаши... (Г. III, №№ 67, 68, 69), на печатяхъ Дечанскаго въ словѣ срьск... (А. № 8), Душана въ словахъ прѣвомѫченикъ, краль (А. № 9), Лазаря въ словахъ кнеꙁь (Р. III, стр. 1), стефань, лаꙁарь, (А. № 11), деспота Стефана въ словахъ стефань, гдиь, срьбсиие. вь, сбрьске (А. тт. X, XI) и на монетѣ деспота Юрія въ словѣ гюрьгь (Г. V, № 6). На одной изъ монетъ деспота Стефана оно получило даже позднѣйшій видъ буквы ь съ загнутою къ низу правою верхнею чертою: ь: дитв (Г. III. № 74); ибо древнѣйшее ь, судя по монетамъ Радослава и Владислава, имѣло верхнюю правую черту не загнутою къ низу и, слѣдовательно, сходилось съ указаннымъ сейчасъ видомъ бы ь, т. е., ь: рабь, рабь (Г. III, №№ 6, 7, 8, 9, 12). Другой видъ б-ы ь, былъ съ лѣвою боковою чертою, расширяющеюся въ лѣво. Ранѣе его, посредникомъ между нимъ и древнѣйшимъ видомъ, является начертаніе съ расширеніемъ къ верху въ обѣ стороны ъ, переходящимъ иногда въ явную поперечную черту ъ, какъ видимъ на монетахъ и печатяхъ Милутина: краль, (Г. III, № 30)... те-

нинъ,... ємитєникъ, архидиаконь (А. № 5), стефанъ (А. № 7), на печати Дечанскаго: стефанъ (А. № 8), на монетахъ и печати Душана: стфнъ, кь, црь (Г. III, №№ 55, 56), црь (Г. V, № 1), стфанъ, краль, србскихъ, ʒмль, степагнъ, прьвомьченикъ, агрьхидиякомъ (А. № 9), на печати Лазаря: кь, инеʒь прьвомоученикъ. жвь (А. N 11), деспота Стефана: кь (А., т. XI). Другой, позднѣйшій способъ того же начертанія есть съ раздвоенною къ верху боковою чертою, какъ на монетахъ деспота Юрія въ словахъ гнь, деспотъ, рьдникь, гюргь (Г. III, №№ 77, 78, 86, 87). Стоило только удержать расширеніе въ лѣво, переходящее въ ясную поперечную черту, и получался иной видъ для б-ы ь, совершенно противуположный первоначальному,—ъ. На монетѣ Душана находимъ еще только одно расширеніе въ лѣво въ словѣ сфъ (Г. III, № 58), какъ и на печати Лазаря въ словѣ прьвомоученикъ (А. № 11); но на другой печати того же Шафарикъ уже видитъ болѣе ясную поперечную черту, идущую въ лѣво [1], которую и мы замѣчаемъ на печати деспота Юрія въ словахъ: георьгъ, деспотъ (Р. III., стр. 168). Надобно думать, что и печать деспота Стефана, упоминаемая въ Сербо-Далматинскомъ Магазинѣ 1844 года, на стр. 127, и приведенная нами выше въ примѣръ употребленія б-ы ъ имѣетъ собственно не ъ, но ь съ верхнею чертою въ лѣво, отъ чего переписчикъ и принялъ его за ъ. Впрочемъ, времени и начала того и другаго начертанія нельзя опредѣлить съ достовѣрностію. Все зависѣло отъ почерка и пера. Иногда одинъ и тотъ же писецъ употреблялъ нѣсколько начертаній. Такъ въ грамотѣ Душана находимъ почти всѣ виды б-ы ь: срьбьской, сь, нхъ, трьгъ, сь и пр. (Ш. № 11). Въ другихъ буквахъ происходитъ то же самое. Тутъ нѣтъ ничего особеннаго, предьамѣреннаго. Хотя въ нашихъ памятникахъ послѣдній видъ б-ы ь является гораздо позднѣе перваго, однако Шафарикъ свидѣтельствуетъ, что будто бы уже въ гр-ѣ Кулина ь писалось съ чертою, обращенною въ лѣво. Какъ бы то ни было, изображеніе это, очень близко подходящее къ ъ, могло привести въ недоумѣніе переписчика и заставить смѣшать оба знака. По этому-то Шафарикъ и не признаетъ вовсе б-ы ъ въ Д.-Сербской письменности и въ той же грамотѣ С. № 2, гдѣ мы находимъ ъ, пишетъ всюду ь: вь, тоудрь, прогснкь, братоучедь (Ш. № IX). Но на это отвѣчаемъ ему прежнимъ замѣчаніемъ: если Ц.-Славянская стихія всюду, болѣе, или менѣе, проявлялась въ Д.-Сербской письменности, то по чему же не допустить ея проявленія и въ б-ѣ ъ, тѣмъ болѣе, что Сербы имѣютъ у себя этотъ звукъ? но во всякомъ случаѣ нельзя не согласиться, что б-а ъ очень рѣдка въ Д.-Сербской письменности; а если мѣстами и встрѣчается, иногда даже и съ учащеннымъ употребленіемъ, то тому причиною или подражаніе Ц.-Славянскому правописанію, въ слѣдствіе чего она замѣняла обычную б-у ь, или ошибка переписчика, принявшаго за нее иной только видъ б-ы ь. На будущее время, говоря о полугласныхъ, я стану приводить въ примѣрахъ ъ подъ одно съ б-ю ь.

Перехожу къ б-ѣ ь, какъ господствующей. Она въ Д.-Сербской письменности замѣняетъ собою оба полугласные знака Ц.-Славянскаго языка. Когда произошло въ Сербской письменности смѣшеніе обоихъ знаковъ и потомъ преобладаніе ь, неизвѣстно; но уже въ древнѣйшей грамотѣ, принадлежащей бану Кулину, 1189 года (А. И.), ь господствуетъ исключительно. Также и въ гр-ѣ Немани (А. № 1), одныхъ почти лѣтъ съ первою, нѣтъ ни одного ъ, но всюду только ь. И такъ прежде всего объ употребленіи этой буквы въ Сербской

[1] Serbische Lesekörner, стр. 22.

письменности въ различные вѣка. При чтеніи грамотъ нельзя не замѣтить съ перваго разу, что употребленіе б-ы ь было весьма сильно въ началѣ письменности и потомъ мало по малу ослабѣвало. Въ этомъ должно признать вліяніе Ц.-Славянскаго языка, которое дѣйствовало тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ближе восходило къ началу письменности, а доказательствомъ тому служитъ болѣе обширное и долговременное употребленіе б-ы ь въ собственно-Сербскихъ, и преимущественно Аѳонскихъ грамотахъ, сравнительно съ грамотами прочихъ семействъ. Но съ другой стороны нельзя употребленіе б-ы ь оставить во всей цѣлости и неприкосновенности за Ц.-Славянскимъ языкомъ: оно, сверхъ того, подчинилось воздѣйствію народнаго языка, которое обнаружилось, какъ въ смѣшеніи обоихъ знаковъ и дарованіи права гражданства одному изъ нихъ съ присвоеніемъ ему новаго служенія, такъ въ опущеніи б-ы ь, или замѣнѣ ея полными гласными. О послѣднихъ двухъ дѣйствіяхъ, принадлежащихъ исключительно народному языку, мы скажемъ послѣ; а теперь прослѣдимъ по вѣкамъ, какъ онъ, замѣнивъ оба Ц.-Славянскіе знака однимъ, употреблялъ ь въ своей письменности. Природа Сербскаго языка, склонная къ смягченію звуковъ, много помогла господству б-ы ь и преобладанію ея даже тамъ, гдѣ она не требовалась по законамъ словообразованія. Разсмотримъ же употребленіе б-ы ь сначала законное и своемѣстное, а потомъ излишнее и преобладающее: при этомъ мы увидимъ и новое служеніе, которое она получила подъ вліяніемъ народной стихіи.

Въ XII-мъ вѣкѣ двѣ грамоты, совершенно противуположныя и по мѣсту и по содержанію своему, свидѣтельствуютъ о близкомъ и повсемѣстномъ родствѣ Сербской письменности съ Ц.-Славянскою. Одна изъ нихъ принадлежитъ Кулину; другая—Немани. Въ обѣихъ сохранилось весьма обильное и тонкое употребленіе б-ы ь, показывающее, что ухо писцовъ еще сильно было приучено къ звукамъ чистаго, не искаженнаго Ц.-Славянскаго языка, сохранявшаго въ себѣ во всей полнотѣ присутствіе полугласнаго начала. Сдѣсь еще разъ, однажды навсегда, повторю, что это начало, по свойству своему, являющееся въ двухъ видахъ, какъ твердое ъ и мягкое ь, въ Сербской письменности проявилось только въ одномъ видѣ, какъ мягкое ь, которому, въ свою очередь, суждено было выразить и твердость и мягкость народнаго языка Сербовъ. По этому, если впереди будетъ рѣчь о полугласномъ началѣ Ц.-Славянскаго языка, то при этомъ должно помнить, что въ Сербскомъ письменномъ языкѣ ему отвѣчаетъ собственно одно ь. Въ упомянутыхъ двухъ грамотахъ, представляющихъ собою послѣднюю четверть XII-го вѣка и открывающихъ рядъ Сербскихъ народныхъ памятниковъ, находимъ употребленіе б-ы ь, согласное съ требованіемъ полугласнаго начала Ц.-Славянскаго языка. Такъ, въ первой изъ нихъ читаемъ: **босьньски, вьсѣмь, сьмь, вьси, вьсега, ѕьлога, срьдьцемь, сьвѣть, дьна, дрьжати, дубровьчане, трьгоуюке, рожьства, сьте, чьстьниковь** и пр. (А. И.); а во второй: **ѕьла, мьноѕии, мьнѣ, грьчьске, ѡбьщьника, призьрѣния, кьто, вьса, чьто, льно, прѣзьрѣ, призьвати, дьна, едьнь, вьсьпрѣвьшоу** и пр. (А. № 1). Сверхъ того въ словахъ: **вьплашемь, милосрью** ь замѣняетъ и. Не привожу болѣе примѣровъ изъ второй грамоты, ибо она, какъ Аѳонская, предпочтительно держится Ц.-Славянскаго правописанія. Ухо Сербскихъ писцовъ еще хорошо чувствовало различіе, которое было бы, на пр., между формами **вьси** и **вси**, **мьнѣ** и **мнѣ**, **кьто** и **кто**. Будучи ближайшими по времени къ процвѣтанію Ц.-Славянской письменности, древнѣйшіе Сербскіе писцы тщательно соблюдали въ своемъ языкѣ то служеніе полугласнаго начала, которое отправляло оно

въ Ц.-Славянскомъ. Но видя, что твердость и мягкость не вездѣ совпадали въ обоихъ языкахъ, они оба полугласные знака замѣнили однимъ мягкимъ ь, такъ что этотъ послѣднiй долженъ былъ отправлять въ ихъ языкѣ служенiе за оба, и, какъ видно изъ упомянутыхъ грамотъ, служенiю его были назначены столь же обширные предѣлы, въ какихъ совершалось служенiе обоихъ полугласныхъ знаковъ въ Ц.-Славянской письменности.

Почти равносильное употребленiе полугласныхъ встрѣчаемъ въ первой половинѣ XIII-го вѣка. Это время тѣмъ замѣчательнѣе для насъ, что оно совокупляетъ въ себѣ по нѣскольку грамотъ изъ разныхъ семействъ. Если въ томъ числѣ нѣтъ Аѳонскихъ грамотъ, то это еще не такъ важно для насъ; важнѣе существованiе грамотъ изъ западныхъ странъ Сербiи, особенно приморскихъ, которыя далѣе Аѳонскихъ отстояли отъ влiянiя Ц.-Славянской письменности. Тѣмъ не менѣе и въ нихъ мы замѣчаемъ сильное присутствiе полугласнаго начала, что намекаетъ на короткое и всеобщее, по цѣлой Сербiи распространенное, знакомство съ Ц.-Славянскимъ языкомъ. Къ тому же, быть можетъ, присоединилось и старинное, отъ времени утраченное, свойство народнаго языка, требовавшее полугласнаго звука для разъединенiя нѣсколькихъ стекшихся вмѣстѣ согласныхъ, а также и для смягченiя этѣхъ послѣднихъ. Какъ бы то ни было, хотя въ устномъ языкѣ народа трудно допустить какiя либо существенныя перемѣны, касающiяся до устройства самого языка; однако должно полагать, что ежели устный языкъ народа не измѣнился отъ времени въ существенныхъ своихъ свойствахъ, то могъ быть тѣмъ снисходительнѣе для книжнаго, чѣмъ крѣпче и яснѣе писцы сознавали свойства Ц.-Славянскаго, перешедшаго въ Сербiю вмѣстѣ съ вѣрою и азбукою. Нельзя думать, чтобы Сербы говорили сначала, на пр., *вьсь*, *сльньце*, *царь*, потомъ *вась*, и наконецъ *савъ*, *сунце царъ*; скорѣе въ преемствѣ формъ должно видѣть различныя степени влiянiя народнаго языка на книжный, сначала слабое и вовсе незамѣтное, какъ въ первыхъ чисто Ц.-Славянскихъ формахъ, потомъ постепенно усиливающееся и наконецъ преобладающее въ послѣднихъ чисто народныхъ формахъ. Доставивъ Сербамъ богослуженiе, готовую письменность и азбуку, Ц.-Славянскiй языкъ сдѣлался для нихъ книжнымъ языкомъ и былъ тѣмъ чище и вѣрнѣе самому себѣ, чѣмъ лучше знали его писцы и чѣмъ слабѣе было въ писцахъ сознанiе своего народнаго языка. Такъ точно и относительно полугласнаго ь должно думать, что причиною его всеобщаго и мѣстами весьма утонченнаго употребленiя въ грамотахъ всѣхъ семействъ, было влiянiе Ц.-Славянскаго языка, составляющаго хранилище полугласнаго начала, хотя, съ другой стороны, въ такомъ дѣлѣ, каково смягченiе звуковъ, можно легко допустить, что народный языкъ еще ни сколько не измѣнялъ своимъ существеннымъ свойствамъ, если въ старину допускалъ въ большей степени присутствiе смягчающаго начала, чѣмъ въ какой допускаетъ нынѣ. Взаимное сходство всѣхъ Славянскихъ нарѣчiй, болѣе близкое во времена древнѣйшiя, подтверждаетъ, что и Сербскiй языкъ въ старину, ближе подходилъ къ Д.-Булгарскому, а по тому легко могъ принять въ свою письменность служенiе полугласныхъ въ такой же почти мѣрѣ, въ какой оно совершалось въ этомъ послѣднемъ. Правильное и существенное употребленiе полугласнаго ь въ означенномъ вѣкѣ Сербской письменности замѣчается въ основѣ словъ, въ соединенiи этой основы съ окончанiемъ, въ окончанiи словъ и въ сложенiи словъ.

Присутствiе полугласнаго начала въ основѣ слова придаетъ особый и главнѣйшiй оттѣнокъ языку; а по тому опущенiе его сдѣсь весьма возможно для

того языка, который не былъ въ семьѣ Славянской разсадникомъ полугласныхъ. Но если при всемъ томъ языкъ этотъ удержалъ полугласное начало въ основѣ нѣкоторыхъ словъ, то, значитъ, онъ былъ еще слишкомъ близокъ къ Ц.-Славянскому. Приведу примѣры: вьсь (весь, деревня), чьто, прич̃ьтьсе (Ш. № VII), вьсе, вьсего, вьса, вьсон, вьси, вьсамь и т. д. (Ш. № VII; С. NN№ 10, 13, 14, 16, 18, 20, 21), вьсаки,-е,-ога,-ои,-ѹ и т. д. (С. NN№ 7, 14, 16), вьз-, вс- (Ш. № VII; С. NN№ 2, 3, 16), кънезь (Ш. № VII; С. № 14), нь (Ш. № VII; С. NN№ 2, 3, 13, 26), тьмьнь, тьмнь (Ш. № VII; С. № 15), сьнь,-е (С. NN№ 2, 8, 14, 20), почьсть, почьтение (С. NN№ 2, 3, 9, 26), зьль, зьли (С. NN№ 2, 7), отьчинѣ, отьчина, - е, - омь,-ѹ (С. NN№ 4, 6, 8, 10, 13, 16, 17, 19), лакьть, кьга, сьга (С. № 3), сьпьие, сепьиѣ, (С. NN№ 3, 7, 12, 14, 20), сьть (С. NN№ 8, 25), польгь, зьледѹемо, кь (кои), кьда, тьда (С. № 10), мьни, кьмери (С. № 10; Ш. № II), мьнѣ (С. NN№ 10, 18), исьнати (С. NN№ 14, 16), кьмети (С. № 14), кьто (С. NN№ 14, 16, 17), докьде, пьшенице, екьда (С. № 16; Ш. № XVI), дька,-ѣ (С. NN№ 16, 19, 20), дьнь (С. № 11), сьда (С. № 18), ѹчьнѹ,-ешь,-емо (С. NN№ 19, 20), сьтьникь (С. № 20), нѣчьто (С. NN№ 20, 21), кьди (С. NN 21, 22). Не привожу примѣровъ для слоговъ рь и ль, ибо они, по самому свойству заключающагося въ нихъ полугласнаго начала, должны были крѣпче другихъ удерживать его. Дѣйствительно, слогъ ль во все время своего существованія, до замѣны его полною гласною, и слогъ рь во все разсматриваемое нами время Сербской письменности, до конца XV-го вѣка, удерживаютъ при себѣ полугласную; а ежели когда и опускаютъ ее, или претворяютъ въ гласную, то это не болѣе, какъ исключенія, о которыхъ будетъ сказано на своемъ мѣстѣ. Напротивъ, формы, каковы: мнѣ, все, отчина, кнезь и т. п., вмѣсто мьнѣ, вьсе, отьчина, кънезь, не представляются уже исключеніями какъ по большинству случаевъ употребленія, такъ и по тому, что на нихъ основывается часть повременнаго движенія, какое совершаетъ полугласное начало въ Сербской письменности. Отъ основы переходимъ къ окончанію слова.

При соединеніи основы слова съ окончаніемъ обыкновенно вставляется б-а ь, служащая какъ бы исходомъ для основы и въ то же время раздѣломъ между нею и слѣдующею частію, придающею ей видъ полнаго слова, а этому извѣстное значеніе, съ которымъ оно является въ языкѣ. Основа всякого слова должна непремѣнно принять на себя какой нибудь извѣстный образъ для того, чтобы сдѣлаться опредѣленнымъ членомъ рѣчи, яснымъ понятіемъ, живымъ словомъ. Образъ этотъ пріобрѣтаетъ она чрезъ принятіе извѣстнаго окончанія, состоящаго то изъ одной полугласной, то изъ одной, или нѣсколькихъ гласныхъ, то наконецъ изъ одной, или нѣсколькихъ согласныхъ, исходящихъ въ Ц.-Славянскомъ, какъ и въ Д.-Сербскомъ, правописаніи непремѣнно на полугласную. Составившееся такимъ образомъ слово, независимо отъ этого дѣйствія, можетъ переходить изъ одной части рѣчи въ другую, изъ одного числа въ другое, изъ падежа въ падежъ, изъ одного наклоненія, времени и лица въ другія: при этомъ слово измѣняетъ свое окончаніе и часто случается, что при такой перемѣнѣ окончанія между старымъ и новымъ исходомъ слова появляется въ Сербской письменности полугласное ь. Изъ сказаннаго обнаруживается, что основа слова, въ извѣстномъ своемъ состояніи, можетъ имѣть не только одно, но два и три окончанія, изъ коихъ первое даетъ ей жизнь и опредѣленный самостоятельный образъ, съ которымъ она является живымъ словомъ живаго языка, а вторыя даютъ ей движеніе и гибкость, съ

помощію которыхъ она, въ опредѣленномъ уже образѣ, измѣняется согласно съ движеніемъ мысли и законами языка. Такъ, основа *бос* получаетъ опредѣленный образъ чрезъ окончаніе-*на* и становится словомъ, уже употребительнымъ въ языкѣ,—*босна;* но древніе Сербы, какъ и Булгары, не соединяли окончаніе-на прямо съ основою: они ввели посредствующимъ членомъ б-у ь, которая въ то же время служитъ исходомъ для основы, и написали босьна, по чему и читаемъ: босьнѣ (С. № 12). Желая перевести это слово въ другую часть рѣчи и именно сдѣлать прилагательнымъ, они присоединили къ нему окончаніе -ски, уже второе для основы, и для этого, опустивъ, по законамъ языка, исходную букву перваго окончанія, а, ввели посредникомъ б-у ь и написали босьньски, какъ значится въ гр-ѣ Кулина (А. И.) Такъ, изъ основы мол, чрезъ приставку окончанія -ба и при посредствѣ б-ы ь, произошло слово мольба, откуда, чрезъ придачу втораго окончанія -ьны и также при посредствѣ б-ы ь, произведено прилагательное мольбьноую, какъ оно написано въ гр-ѣ Стефана Первовѣнчаннаго (Ш. № VII). По той же причинѣ писали: дубровьчьки,-омь,-нмь,-а,-ои,-ими (С. №№ 4, 7, 8, 11, 12, 14, 17, 19, 20), дюбровьчького (С. № 16; Ш. № XVI), гдѣ чь есть первое окончаніе, приданное съ помощію ь къ основѣ дубров, а за нимъ слѣдуетъ второе окончаніе ки тоже при помощи ь. кньчани (Ш. № VII), прьвопрѣстольнаго (С. № 2), гдѣ первое ь есть основное; второе соединяетъ окончаніе -ць съ основою кня, а третье предупреждаетъ стеченіе двухъ одинаковыхъ согласныхъ, подобно тому, какъ оно разъединяетъ тѣ же буквы въ словѣ истинъна, встрѣчающемся кое-гдѣ въ Сербскихъ и Ц.-Славянскихъ памятникахъ. прѣмаетьвьства (С. № 2), гдѣ первое ь есть образовательное для прямаго соединенія основы съ окончаніемъ -ва, а второе ь служитъ соединительнымъ между этимъ и новымъ окончаніемъ-ство. божьствьни (Ш. № VII), бжьствьнымъ (С. № 2), гдѣ основа бог, бг, чрезъ ь образовалась въ бгь, которое, смягчивъ г въ ж и соединясь съ окончаніемъ -ство, обратилось въ бжьство, а это, въ свою очередь, для перехода въ прилагательное, приняло окончаніе -ьни при посредствѣ б-ы ь. Такъ точно основа бенет, бьнет приняла, съ помощію ь, окончаніе -ки: бьнетьки, откуда, чрезъ опущеніе и и вставку соединительнаго ь, могло образоваться прилагательное бьнетьськи, какъ и дѣйствительно находимъ бенетьского (С. № XVI; у Ш. № XVI: бенетьского), или съ соблюденіемъ правилъ перезвука бьнетьчьска (С. № 10), бнетьчькои (С. № 19); жрьновьничьи (С. № 2), клетьва,-у,-е (С. №№ 7, 9, 16), тьмьно (С. № 13), состоящее изъ основы ть и двухъ окончаній: -мь и -но; правьда, -е,-у,-ами (С. №№ 7, 14, 16, 17, 21). Замѣчательно слово тацьци (таковой, С. № 17), въ которомъ усиленная изъ ть основа та получила образовательное окончаніе -ць, которое еще удвоилось въ-цьци: сдѣсь ь служитъ переходомъ отъ перваго окончанія ко второму и вмѣстѣ предупреждаетъ стеченіе двухъ одинаковыхъ согласныхъ. сьтетьгьнутьсе (С. № 16) или сьтегьноутьсе (Ш. № XVI), гдѣ сь есть предлогъ, а тетьг удвоенная основа вмѣсто тег; одно ь соединяетъ основу съ окончаніемъ-ну, другое ь служитъ исходомъ для образовательнаго окончанія 3-го *л.* мн. ч. имьцу,-и, -е,-ѣ (С. №№ 16, 17, 20). Вообще въ Д.-Сербской письменности упомянутаго вѣка довольно строго наблюдалось употребленіе полугласныхъ при различныхъ окончаніяхъ, каковы, на пр.,-ство, -ьство,-мь,-ць,-чь,-кь,-ба,-ва,-на,-ца,-да,-ча,-мирь въ существительныхъ; -ни,-ки, -ски,-нь въ прилагательныхъ; -ми въ тв. п. мн. ч.; -ль, -ли и -ши въ причастіяхъ; -жь,-дь,-но,-до,-во въ нарѣчіяхъ; -нути въ глаголахъ и пр. пр.:

рибьница, скипьци, ворьмь, ворьть, конхьна, урьнуа, братьмирь, дольна, градьтьсни, дворьски, мощьмн, обьрщьмн (Ш. № VII), кралевьство (С. NN№ 2, 17, 21), любьвь, -е,-и,-ѫ (С. NN№ 2, 14, 16), вѣрьнимь,-но, починьшега (С. № 2; Ш. № IX), босньски (С. № 5), коньць, -мь (С. NN№ 4, 6, 7, 14, 15), градьска,-он (С. NN№ 4, 8, 11, 13, 15, 17), почивьши (С. № 3), пропадьства (С. NN№ 7, 14), свободьно (С. NN№ 9, 14, 17, 21), рекьли (С. NN№ 9, 18), верьно (С. № 8), судьце, -амь (С. NN№ 10, 21, 26), владисавьла (С. № 12), любовьноме (С. NN№ 13, 17), мвульникь,-а (С. NN№ 14, 19), вечьни, тьстьни (С. NN№ 14, 19, 20), твердо, рашьки, -ом8,-8,-имь (С. NN№ 14, 16), добитькь, -а,-омь, добытькь, -8 (С. NN№ 14, 16, 18—21, 26), назьць, владальци (С. № 14), тьмьмь, сыньми (С. № 15), доходькь, подавьше (С. № 17), кнежьство (С. NN№ 16, 19), вѣкьнищи, ѡрашьць, сутьбние, верьтьва, дѣтьца, славьни, златьке, ѡпькиньски, градьци, звонивьше, расьвѣ, исьдавьно, кретько, прибѣгьну, погньвие и пр. (С. № 16), станькь,-оу (С. № 11; Ш. № I), поповьске, властельску (С. № 11), даньше (С. NN№ 11, 21), вьзьде (С. № 18), ѿьць҃ (С. NN№ 19, 20, 21), сьтьникь, людьми (С. № 20), угодивьше (С. NN№ 20, 21), измерьна (С. NN№ 21, 26), десетькь, трьжьници, присьному, примьше (С. № 21) и мн. др. Укажу еще на формы поставьлимо (С. № 17) и исьправьла (С. № 21). Всѣ эти примѣры довольно ясно показываютъ, что именно разумѣлъ я подъ употребленіемъ б-ы ь при соединеніи основы съ окончаніемъ и окончанія съ окончаніемъ. Сдѣсь, очевидно, шла рѣчь объ ь, являющемся внутри слова.

Третій случай относится къ конечному ь, составляющему исходъ всякой основы и всякого окончанія, котораго послѣдняя буква есть согласная. Того же правила держится Ц.-Славянскій языкъ, и по тому примѣры были бы излишни. Въ этомъ отношеніи надобно отдать полную справедливость упомянутому языку, который, чрезъ удержаніе у себя конечной полугласной, придалъ своему правописанію глубокое значеніе. Сдѣсь конечная полугласная не есть какая нибудь позднѣйшая приставка для внѣшняго завершенія слова, какъ думаютъ тѣ, кои, употребляя Славянскую азбуку, оканчиваютъ слова на согласныя; но она есть признакъ или слѣдъ онѣмѣвшей прадавней гласности, которая въ Индоевропейскомъ праязыкѣ служила исходомъ всякому слову. Конечное, хотя и безгласное, ь употребляется постоянно во все протяженіе разсматриваемаго нами пространства времени, и по тому говорить объ немъ мы болѣе не станемъ. Замѣтимъ только, что подобныя формы, какъ властелом (С. № 18), встрѣчаются кое-гдѣ въ грамотахъ всѣхъ вѣковъ и семействъ и суть не что иное, какъ описка, или слѣдствіе недостатка мѣста для окончанія строки. Особенно на монетахъ и печатяхъ таковые пропуски очень часты по весьма понятной причинѣ—недостатку мѣста. Иногда цѣлые слоги пропускаются или по той же причинѣ, или по недосмотру писца. Но во всякомъ случаѣ подобныя причины, равно какъ и слѣдствія ихъ, не могутъ быть принимаемы нами въ расчетъ, и впредь мы должны проходить ихъ молчаніемъ, ибо они ничего не доказываютъ. Такъ равно и въ словотитлахъ выносимая на верхъ строки согласная буква теряетъ обыкновенно свою полугласную, по общему закону сокращенія, хотя встрѣчаемъ иногда и полныя выноски: писмо (С. № 17) на, гюргева (С. № 21). Но древніе Сербы любили оставлять конечную полугласную въ строкѣ, вынося на верхъ строки одну лишь согласную: таковы весьма обыкновенныя формы ѡь, ѡь, властелкь, своѡь, ѡьць, ѡьцу, дьна, градь, гюрь, землень.

Четвертый случай употребленія б-ы ь, равномѣрно весьма простъ и обыкновененъ. Онъ состоитъ въ томъ, что въ сложныхъ словахъ первая

часть слова удерживаетъ при себѣ конечное **ь** и въ такомъ видѣ соединяется со второю, на пр., **сьсоуди**, **прѣдьтече** (Ш. № VII), **безьгрѣшьно**, **сьврьшение**, **исьправла** (С. № 2), **сьхрани**, **никонидьре** (С. № 3), **сьвьне** (С. NN№ 3, 7, 20), **никидьре** (С. NN№ 7, 14, 17), **Бьрωдица** (С. № 12), **богьдань** (Ш. NN№ II, VII; С. № 16), **вьгодивь**, **вьсемо**, **вьлезе**, **ωньзи**, **исьпрьва**, **годиться**, **везьметь** (С. № 16), **клельсе** (С. № 20), **исьправи** (С. № 21) и пр. и пр.

Второе употребленіе б-ы **ь**, которое мы назвали преобладающимъ, можетъ быть также названо несущественнымъ, ибо не зависитъ отъ положительныхъ законовъ словообразованія, но лежитъ въ духѣ языка древнихъ Сербовъ: непремѣннаго основанія въ устройствѣ самого слова для него нѣтъ; но возникаетъ оно подъ вліяніемъ особенной любви къ нему древнихъ Сербовъ, которые этою буквою любили замѣнять другія гласныя, или смягчать согласныя. Въ служеніи своемъ, въ которомъ замѣняетъ собою другія гласныя, она является: вмѣсто **е** въ словахъ: **вьнетьчьска** (С. № 10), **нь** (не, С. № 17), **тькьле** (Θеклы), **людьмь** (С. № 16), **калоудьрица** (Ш. № II), **вьпльщьнь** (С. № 19), **семьюнь** (С. № 20); вмѣсто **и**: **идьне**, **едьне** (С. NN№ 2, 18), **прьятель**, **-и**, **-ие**, **прьямо**, **прьминемь** (С. № 3), **грьгорь**, **висьтрье** (вистіаріи), **людьи** (С. № 16), **грьгоуровикь**, **дьмитрь** (Ш. № II); особенно часто въ падежныхъ окончаніяхъ на **и** съ послѣдующею гласною: **пастью** (С. № 5), **кжье**, **братью**, **кладанье**, **везанье**, **добитье**, **данье**, **повелѣньемь**, **поморью**, **писанье**, **печатью**, **мокью** (С. № 16), **видѣнье** (С. № 20); въ собирательныхъ на **ие**: **судье**, **людье** (С. № 16), **людье** (С. № 20) и во 2-мъ л. ед. ч. наст. вр.[1]; вмѣсто **о**: **тькмь** (Ш. № VII), **хьтенье**, **-ию**, **хьтети**, **-ль** (Ш. № VII; С. № 16), **пакьсть** (С. № 10); вмѣсто **у**: **непомьчно** отъ **мучити** (С. № 3); вмѣсто **ѣ**: **неврьмога**, **ωвьть**, **ωбьтьтованье** (С. № 16), гдѣ, можетъ быть, **ѣ** невѣрно принято за **ь**, ибо у Ш. № XVI всюду **ѣ**; **вьрьмь**, **вьрни** (С. № 18): подобныя ошибки, происходящія отъ дурнаго чтенія подлинника, встрѣчаемъ и въ другихъ случаяхъ, гдѣ нелѣпа была бы такая замѣна;—вмѣсто **е**, замѣняющаго собою Ц.-Славянское **а** въ словѣ **самодрьжавьць** (С. № 16), и наконецъ вмѣсто **а**, что происходитъ весьма рѣдко, именно, въ словѣ **цьтата** (Цавтата, С. № 18). Сверхъ того **ь** употребляется вмѣсто смягчающаго начала **і** для гласныхъ въ словѣ **кньга** (С. № 16) и вмѣсто благозвучнаго **л** въ словѣ **кулью** (вин. п. отъ **кула**, С. № 16). Въ формѣ **земью** (Ш. № VIII) оно стоитъ по избытку; въ формѣ **изьма**, **исьма** (С. № 14) произошло слитіе **ьи**, поглощенныхъ полугласною **ь**. Во второмъ служеніи своемъ **ь** является орудіемъ для растворенія сошедшихся согласныхъ. Если древніе Сербы употребляли его при словообразованіи всюду, гдѣ только требовали законность и природа слова, то любовь эту къ раствореніи согласныхъ они простерли и на тѣ случаи, гдѣ **ь** не оправдывалось никакою законностію, но служило лишь произвольною вставкою для предупрежденія стеченія согласныхъ. Все это указываетъ на благозвучность языка, который въ своей письменности не только избѣгалъ въ послѣдствіи стеченія согласныхъ чрезъ претвореніе полугласнаго начала и даже согласной **л** въ полную гласную, но и до этой позднѣйшей мѣры старался раздѣлить согласныя мягкою полугласною, которая хотя и была безгласною, но имѣла въ себѣ довольно смягчающей силы, чтобы приразить согласную и произвести большій отбой въ голосѣ. Дѣйствительно, въ соединеніи съ полугласною согласныя кажутся болѣе самостоятельными, а мягкое при-

---

[1] Примѣры, относящіеся къ склоненіямъ и спряженіямъ см. ниже на своемъ мѣстѣ.

раженіе голоса оправдываетъ эту самостоятельность и въ произношеніи. Такъ слово **иньие** (С. № 14) звучитъ совершенно иначе, чѣмъ какъ звучало бы оно въ формѣ **ниие**: причина та же, которая и въ Ц.-Славянскомъ заставила писать **истиньна**, а не **истиина** вмѣсто **истина**. Повторенія одной и той же буквы Сербскій языкъ, по примѣру всѣхъ Славянскихъ языковъ, не любитъ еще болѣе, чѣмъ стеченія согласныхъ. Мягкое приращеніе голоса въ согласныхъ производитъ бóльшую членораздѣльность между ними, а это и éсть главное достоинство человѣческаго голоса; при томъ мягкость есть одно изъ первыхъ условій благозвучія языка. Въ какомъ бы видѣ ни являлось дѣйствіе Сербскаго языка, но отказать ему въ любви къ смягченію невозможно. Не только въ своихъ родныхъ словахъ, какъ на пр., **гьнила, хвосьтие** (Ш. № VII), **уьчета** (**штета**, С. № 10), **здьравие** (Ш. № I), **иськати** (С. NN№ 14, 16), **ськонмь**, **кубаньна** (С. № 16), **сесьт(р)а** (Ш. № II), вставляетъ онъ полугласную **ь**, но то же дѣлаетъ и въ иностранныхъ, хотя эти послѣднія, по природѣ своей, не требуютъ **ь**, на пр., **дамьдялоу,-доль,-а** (С. NN№ 3, 4, 5), **перьнерь** (С. № 3), **аньдрия,-еи,-ла** (С. NN№ 14, 15, 16, 17, 21), **вьласи, пакьрать** (Ш. № II), **авьгуста** (С. № 17), **паськали, геwрьги, пакьла, алекьси, еваньгѣлие** (С. № 16) и пр.

До сихъ поръ мы разсматривали употребленіе б-ы **ь** въ первой половинѣ XIII-го вѣка, куда относятся грамоты другихъ семействъ, а именно, Боснійскія, Хлумскія, Дубровницкія и другія приморскія изъ земель сосѣднихъ съ Дубровникомъ. Такое столкновеніе различныхъ грамотъ весьма важно, какъ сказали мы, для изученія б-ы **ь**: оно показываетъ, что въ это время б-а **ь** еще равномѣрно употреблялась въ письменномъ языкѣ всей древней Сербіи безъ различія мѣста написанія. Это равновѣсіе въ употребленіи составляетъ отличительное свойство конца XII-го и первой половины XIII-го вѣка. Болѣе оно уже не повторяется въ исторіи Сербскаго языка. Неизвѣстно, продолжалось ли бы оно во второй половинѣ XIII-го и въ XIV-мъ вѣкѣ; но въ концѣ XIV-го и въ XV-мъ в. оно уже болѣе не существуетъ. Неизвѣстность эта происходитъ отъ того, что съ 1254 по 1367 годъ мы не имѣемъ, кромѣ собственно-Сербскихъ, ни одной другой грамоты, и по тому судить объ языкѣ послѣднихъ не можемъ. Грамота Уроша V заканчиваетъ этотъ отдѣлъ собственно-Сербскихъ грамотъ: и это не дѣйствіе случая, а необходимое слѣдствіе временныхъ судебъ Сербіи. Припомнимъ себѣ, что происходило въ это время въ Сербіи. Съ Милутина Сербское королевство начало быстро возвышаться. Всѣ прочія Сербскія области или зависѣли отъ него, или утратили силу своего значенія, какъ на пр., Босна, Хлумъ. Самый Дубровникъ уже не пользовался при Сербскомъ дворѣ тѣмъ господствующимъ вліяніемъ, которое онъ имѣлъ прежде. Это видно изъ духа грамотъ, дарованныхъ ему Сербскими государями. Такимъ образомъ была одна господствующая область— собственная Сербія, и ей-то принадлежатъ всѣ сохранившіяся доселѣ грамоты, какъ слѣдствіе ея государственной дѣятельности и преобладанія. Смерть Уроша V предсказала и Косовскую битву: одна государственная смута повела за собою другія, и конецъ вышелъ плачевнѣе начала. До самого 1389 года Сербія оставалась независимою, но уже со смерти Уроша V въ ней постоянно жили разладица и измѣна, доведшія ее до погибели. Количество грамотъ значительно уменьшается, но, не смотря на то, мы будемъ разсматривать въ этомъ пространствѣ времени всѣ собственно-Сербскія грамоты, доходящія до года Косовской битвы. Выше мы опредѣлили свойства ихъ. Отъ

этѣхъ грамотъ нельзя ожидать большаго движенія впередъ въ пользу народнаго языка, ибо онѣ писались при дворѣ православныхъ Сербскихъ государей, тамъ, гдѣ и Аѳонскія, ближайшія къ Ц.-Славянской стихіи. Сдѣсь мы разсмотримъ всѣ собственно-Сербскія, въ томъ числѣ Аѳонскія, грамоты, и обзоръ XIII-го вѣка заключимъ Зетскими грамотами Балшичей, которыя служатъ переходомъ къ Дубровницкимъ и Боснійскимъ съ Хлумскими и Травунскими, предпочтительно передъ прочими открывшимъ народному языку доступъ въ древнюю Сербскую письменность. Сюда присоединимъ и Законникъ по списку 1390 года, составленный подъ сильнымъ вліяніемъ православнаго духовенства и по тому со значительнымъ привнесеніемъ Ц.-Славянской стихіи.

Употребленіе ъ-ы ь въ этомъ пространствѣ времени мы находимъ въ тѣхъ же самыхъ видахъ, какіе замѣтили и въ предыдущемъ. Повторять о значеніи того, или другаго вида было бы излишнимъ. Намъ остается только ограничиться примѣрами и вывести изъ нихъ заключеніе о количествѣ и времени этого употребленія. Такъ мы читаемъ: **чьстны** (С. № 27), **вьсь,-е,-емь,-а,-ем, -и,-ѣхь** (С. №№ 27, 46, 50, 51, 55, 73; А. №№ 11, 12; Г. А; З.), **сьмь** (С. №№ 27, 28; А. № 4), **дѹбровьчци,-ки,-е,-ѹ,-чьци,-комѹ,-нмь,-он,-ѹ,-скимь** (С. №№ 24, 27, 31, 32, 33, 38, 39, 42, 53, 54, 58, 73), **ѡтьчинѣ,-тинѣ** (С. №№ 24, 32, 58), **коупьци** (С. № 24), **кралевьство, кра҃вьство, краливьство** (С. №№ 23, 24, 32, 42; А. № 5; Мк.), **ѹзьмь, вьзьмь, вьзѝмь** (С. №№ 23, 43, 44; Г. А; З.), **трьми** (С. № 31), **трьговьць,-емь** (С. №№ 25, 43), **сьда,-н** (С. №№ 32, 45, 56, 73), **тьда, -е,-аи, тьга** (С. №№ 32, 35; А. №№ 5, 15), **посьль,-ство** (С. № 32; А. № 14), **казньць** (С. № 32; Мк.), **вьз,-вьс** (А. №№ 2—14, 18, 19; С. №№ 35, 46, 47, 176; Г. А; В. №№ 1, 2; Ш. № 15; В. К.), **любьвѣ, любьзиви, люб҃ьзный** (А. №№ 2, 4, 14), **нь** (А. №№ 2, 9; С. № 176; З.), **лоупьнаго** (А. № 2), **мьстию, рождьшомоу, трьи, свободьнь, оульанинь, оульарї и ѹанарїе** и пр. (А. № 6), **мьстникь,-ца** (А. №№ 6, 15; С. №№ 35, 47), **ѡбьщнмь, сьсоуди, сребрьни, мьстни, вьноукоу, трьклеть** (А. № 3), **изѣвьмь, бж҃твьнѣмь** (А. № 4), **грѣшьнь,-н,-аго** (А. № 4; С. №№ 51, 52), **тько** (Мк.; С. № 33), **кьди,-а** (Мк.; С. №№ 33, 39, 43, 53; А. № 15), **соупьрница** (Мк.; С. № 52), **ластьве, зетьски, рожьшаго** (Мк.), **кнезьць** (Мк.; С. № 176), **сьть** (С. №№ 23, 25, 29, 36; Г. А), **тврьтькѹ** (С. № 34), **вьсакь,-оу,-омоу** и т. д. (С. № 51; А. № 11; Г. А; З.), **пришьльць, мьстить, дрьзьнеть, кнѣьча, истиньныи, неѡскоудьно** и пр. (С. № 51), **до- вольнь** (С. №№ 46, 51, 73), **рожьство, ѡставльше, ѡпьше** (А. № 8), **потьщи,-асе,-ание** (А. №№ 5, 8; С. № 35), **мьть, вьхнь,-м, хвостьньскога, равьнь, гоубавьчь, мѹжьство, стрѣльчьке, творьць, дрьстьникь, казньце, тьчию, тѣьчие** и пр. (С. № 176), **тьже, -зи** (С. №№ 43, 47, 176), **дольць, засельвь,-сельв,-ль** (С. № 176; Ш. № 11; А. № 18), **рьть,-а** (С. №№ 39, 176), **ѹтьмин,-смосе** (С. №№ 39, 43), **не- правьде** (С. №№ 38, 42), **игоуменьь, цр҃квь, самодрьжьць, бж҃ьствьние,-вьномоу** (А. №№ 7, 14), **тьмѣо, тьмо** (А. № 9; С. №№ 35, 43, 48, 49, 54, 62), **недостатьчна** (А. № 9), **ньдѣ, крьчьмѹ** (С. № 42), **стоуденьць, сьньды** (А. № 5), **вьселе- нию,-ныи,-нинѹю,-нїа** (А. №№ 10, 13; С. №№ 50, 62; В. № 1), **вьторы** (А. № 11), **начьншїи, чьсти, авьствно, поданьвь** (А. № 12), **весьпльтьнию, сп҃ньми, ѿрасьль, сьзиньнаго, пьсь** (С. № 35), **любьвь, мьчь, поучьсти** (С. № 46), **дѹхиоувь, конивьствь, пришьствїе** и пр. (Г. А), **старьць** (А. № 13), **срьбь- скои, венетьвь, прѣжьний** (С. № 62), **дрѣновьць** (Ш. № 14), **медьнь,-о** (С. № 58), **конычини** (А. № 14), **дьбрь, нѣчьскыми** (Ш. № 15), **вьса** (В. К.; В. № 2), **соуцьство, боунсльно, непостижьнь, тъщенїе** (В. № 2), **даньва** (А. № 15), **игоумень,**

ньѭо (А. № 18), постригьли, тьмници, соужьньства, соудьбно, вьзегьшаго (3.), верьии (печ., А. № 5), поморьске (печ., А. № 10) и пр. и пр. Сверхъ того замѣтимъ нѣкоторыя особенности въ употребленіи ь, каковы: смягченіе и вмѣстѣ разъединеніе буквъ въ словахъ иностранныхъ, которыя чрезъ то получаютъ народное произношеніе: евлньгелие (С. № 27), иерьиерь (С. №№ 24, 25), жорьги, жюрьжи (С. №№ 32, 33), ирьстени (С. № 34), аньгуста (С. № 56), аньдрапшемь (С. № 62), агрьхидиаконь (печ., А. № 9); замѣна буквъ:—е: вузьмь, вьзьмь (см. в.), проклеть,- клеть (С. № 52), гдѣ собственно замѣненъ носовой звукъ ѧ, переходящій у Сербовъ въ е, или, иными словами, въ обоихъ случаяхъ ь не усилено въ е; срьгь,-ии (Сергій, С. №№ 35, 45); — и: сьи вм. сии, гдѣ ь тоже не усилено въ и; трьи (С. № 176), ѡрзиьа (А. № 14), вдрьжать (неоконч. н., С. № 73), мьслени (А. № 19);—о: ѡстрьвцѹ, анкьстеоуита (Мк.), оупьванна, гдѣ ь, замѣняющее о, выражено значкомъ ' (А. № 6);—ъ: некьрнь (С. № 40), сьтѣще (С. № 35), годь (С. № 43), прьутон (С. № 47), пропьтоме,-е (А. № 10; В. № 1), прьблаженьми (Г. А); смягченіе вмѣсто небнаго і: всьдѣ (С. № 25), хлиньни стране (С. № 35), бытье, иньенія, ньемь (В. № 2). Не привожу примѣровъ для сложныхъ словъ, которыхъ весьма много разсѣяно по всѣмъ грамотамъ. Въ это время писцы еще любили присоединять предлоги къ началу словъ и возвратное мѣстоименіе къ концу глаголовъ чрезъ посредство б-ы ь. Вообще, приведенные примѣры далеко еще не исчерпываютъ всего служенія полугласной; но привести всѣ примѣры невозможно. Впрочемъ, это не помѣшаетъ намъ прійти къ общимъ выводамъ относительно означеннаго времени и означенныхъ памятниковъ. Вникая въ содержаніе разсмотрѣнныхъ грамотъ, мы видимъ, что бóльшая часть ихъ относится къ церковнымъ надачамъ; что по мѣрѣ удаленія ихъ отъ дѣлъ мірскихъ и усиленія вліянія духовенства на ихъ составленіе, употребленіе б-ы ь увеличивается и наибольшихъ размѣровъ достигаетъ въ Аѳонскихъ грамотахъ. Такъ точно и Законникъ, языкъ коего есть по преимуществу Ц.-Славянскій, изобилуетъ б-ю ь. Особенная тонкость въ употребленіи этой буквы, обличающая глубокое знаніе Ц.-Славянскаго языка, отличаетъ Аѳонскія грамоты отъ другихъ. Видно, что писцы хорошо понимали духъ этого языка и изучили его въ совершенствѣ. Припомнимъ, въ добавокъ, что значки ' ', замѣняющіе ь, во множествѣ встрѣчаются въ Аѳонскихъ грамотахъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, каковы: С. №№ 39, 51, 52, 54; Г. А. Хотя они и много затемняютъ наглядность служенія б-ы ь, однако съ другой стороны обнаруживаютъ весь обширный объемъ, до котораго оно достигло въ Аѳонскихъ грамотахъ. Дѣйствительно, если упомянутые значки замѣнимъ б-ю ь, что весьма позволительно, ибо чрезъ это только позднѣйшее написаніе измѣнится въ древнѣйшее, не нарушая значенія полугласнаго начала въ словѣ, то убѣдимся, что близость Ц.-Славянской стихіи еще въ сильной мѣрѣ поддерживала въ Сербскихъ писцахъ то тонкое чутье, которое умѣло разпознать присутствіе бѣглаго, едва замѣтнаго полугласія, а мѣстами и совершеннаго безгласія, отъ законнаго отсутствія всякой гласности, чутье, которое могло быть воспитано и поддержано только при тѣсномъ знакомствѣ съ Ц.-Славянскою письменностію. Значекъ ' встрѣчается надъ такими словами, которыя въ другихъ грамотахъ уже давно утратили полугласную букву, на пр., ѝто, ѷто, ми̂, ва̂ и т. п. Чрезъ это увеличится еще болѣе объемъ служенія полугласной. Тѣмъ не менѣе, время беретъ свое: не смотря на примѣры еще довольно обильнаго и мѣстами тонкаго служенія б-ы ь въ собственно-

Сербскихъ грамотахъ XIV-го вѣка, служеніе это значительно сокращается къ концу XIV-го в., а именно, въ Аѳонскихъ съ Уроша V, въ прочихъ съ Дечанскаго. Въ первыхъ значки начинаютъ замѣтно рѣдѣть; а въ тѣхъ и другихъ исчезаетъ мало по малу и самая б-а ь. Примѣры, приведенные изъ памятниковъ, начиная съ грамотъ Милутина, исчерпываютъ бóльшую часть случаевъ употребленія б-ы ь. Хотя случаи эти еще многочисленны, однако сдѣсь должно принять въ расчетъ количество и самую величину объема грамотъ: тогда откроется, что сравнительно съ предыдущимъ временемъ употребленіе б-ы ь къ концу разсматриваемаго времени уменшилось. Такимъ образомъ, по мѣрѣ удаленія содержанія грамотъ отъ предметовъ, касающихся монастырей и духовенства, и приближенія къ XV-му вѣку, служеніе б-ы ь сокращается: ясно, что дѣло не обходилось безъ участія, съ одной стороны, Ц.-Славянской стихіи, а съ другой, народной.

Заключая обзоръ употребленія б-ы ь въ XIV-мъ вѣкѣ, мы должны разсмотрѣть еще грамоты Зетскія, относящіяся къ концу того же вѣка. Онѣ, какъ сказали мы, составляютъ переходъ отъ собственно-Сербскихъ грамотъ къ грамотамъ другихъ семействъ; а по тому онѣ покажутъ намъ, какъ б-а ь, начавъ рѣдѣть въ нѣдрахъ собственной Сербіи, продолжала это дѣйствіе въ Зетѣ, чтобы оттуда съ болѣе ограниченнымъ употребленіемъ перейти въ Дубровникъ и Босну. Конечно, отдѣльныя явленія могутъ и противорѣчить общему движенію языка; но все количество случаевъ, взвѣшенное само по себѣ и сравненное съ предыдущимъ, подтвердитъ наши слова. Въ Зетскихъ грамотахъ читаемъ: **кьди, нвѣ̆** (С. № 63) **сьвь, доходькь**, (С. № 64), **дальжьнь, векарьнь** (С. № 70), **бл҃стькнѥю, широтоѹьца, любькь, добитькь ньдя, дѹбровьчьци** (С. № 71), **босьньски** (С. № 72). Тутъ же находимъ, что ь замѣняетъ собою **ѧ** въ словѣ **бл҃годьть**;—**о** въ словѣ **сньдромь** (С № 71) и **и** въ **кратитьсє** (С. № 72). Сюда же всего скорѣе должно отнести Албанскую грамоту Александра, воеводы Канино-Авлонскаго, (С. № 61), въ которой читаемъ: **алеѯьѯендрь, каннньсии, кавлоньски, кьрнь**.

Съ 1367-го года начинаются грамоты Боснійскія; за ними идутъ Дубровницкія и Травунскія. Мы разсмотримъ тѣ только, которыя относятся къ XIV-му вѣку. Боснійскія закончимъ грамотами Дабыши. Давно уже не встрѣчались мы съ ними. Прошелъ цѣлый вѣкъ послѣ того, какъ мы оставили ихъ, и вотъ онѣ снова являются передъ нами. По видимому, онѣ и теперь ничѣмъ не отличаются отъ современныхъ имъ собственно-Сербскихъ грамотъ, ибо и въ нихъ довольно часто встрѣчаемъ б-у ь; но это такъ кажется только съ перваго взгляда. Конечно, во всякомъ самобытномъ развитіи нѣтъ быстрыхъ скачковъ и переходовъ; одна форма незамѣтно смѣняетъ другую и въ свою очередь незамѣтно уступаетъ мѣсто иной. Въ языкѣ болѣе, чѣмъ гдѣ либо, должна быть постепенность движенія безъ рѣзкихъ граней. По этому, если грамоты собственно-Сербскія и Зетскія или, иначе, Восточныя — такъ назовемъ мы ихъ — не утрачиваютъ совершенно б-ы ь, но употребляютъ ее постоянно, хотя и не такъ часто, какъ прежде, то и Западныя или Дубровницкія, Боснійскія, Хлумскія и Травунскія, стоявшія прежде въ равновѣсіи съ ними, не должны были въ продолженіи столѣтія совершенно забыть этой буквы. Хотя и теперь съ перваго взгляда, сказали мы, покажется, что Западныя грамоты стоятъ въ равновѣсіи съ Восточными, но, всмотрѣвшись пристальнѣе, замѣтимъ между тѣми и другими нѣкоторую разность. Количество случаевъ употребленія,

конечно, можетъ быть равно въ тѣхъ и другихъ, ибо оно много зависитъ отъ объема и числа самихъ грамотъ; но виды употребленія становятся въ обратномъ другъ къ другу отношеніи. Въ Западныхъ грамотахъ съ половины XIV-го в. начинаетъ показываться въ большемъ количествѣ несущественное служеніе б-ы ь; а случаи существеннаго служенія мало по малу рѣдѣютъ: виды этого послѣдняго равномѣрно являются въ обратномъ одинъ къ другому отношеніи. Рѣдко встрѣчаемъ б-у ь въ основѣ словъ и гораздо чаще при окончаніяхъ. Такъ на пр.: **вьсе,-ега,-у,-ими** (С. NN№ 57, 78), **едиьство**, **ѿложивьше**, **пріятельми**, **дубровьчиномь** (С. № 57), **седьми** (С. № 59), **шѣмъ**, **устинмь**, **сынковиѣь**, **божьствьнаго**, **местьстви**, **срьбьскіе**, **трьговьчьке**, **доходьвь** (С. № 66), **кралевьство**, **кралевьства**, **кра̑вьство** (С. NN№ 66, 68, 85, 179), **вольше**, **разумѣвьми**, **вѣньца** (С. № 68), **вьза̑**, **сьда**, **чьсти**, **тьдан**, **мольбу**, **людьми**, **властельми**, **ѡставивьше и сьхранѣвьше** (С. № 77), **службьу,-е** (С. NN№ 78, 179), **вѣрьни**, **вирьни**, **-е,-о** (С. NN№ 78, 83, 179), **сьмь,-о** (С. NN№ 78, 79), **мьлине**, **врѣдьно**, **вольни**, **послѣдьни**, **земьлу** (С. № 78), **ниьдѣ**, **ѡвьнь**, **дубровьчьскому**, **которьско** (С. № 79), **падьшее** **свѣщьство**, **погибьшие ѡвьце**, **правьду**, **частьми**, **свободьщиие** (С. № 81), **никьди**. **црькьвь**, **посьлникь** (С. № 76), **рожь̑тка**, **западьнимь**, **ручьници**, **твьрдьку**, **вьвьмирь**, **станьчиѣь**, **слишавьше**, **хльмьсци** и пр. (С. № 179), **величьству**, **чьсно**, **вѣдивьше** (С. № 83), **царьствѣ**. **вѣньцемь**, **людьми**, **вольми**, **дитьца** (С. № 84), **слишавьше**, **срьчаньство** (С. № 85), **мьзду**, **любьвь**, **привязьнь**, **сьико̑**, **вьда**, **вьсакому**. **рекьль**, **дрьвьми** (С. № 86) и пр. Кое-гдѣ въ сложныхъ словахъ: **сьтвори** (С. NN№ 66, 76), **ѿьвргли** (С. № 78), **сьвѣть**, **изьпльнение** (С. № 81). Но гораздо обширнѣе противъ прежняго открывается кругъ несущественнаго служенія б-ы ь, такого, гдѣ она замѣняетъ собою другія буквы, или является не требуемою внутреннимъ словоустройствомъ, вставкою для смягченія и разъединенія согласныхъ. Такъ мы находимъ ее вмѣсто и: **братьи** (дат. ед., С. № 59), **грьгура** (С. № 66), **знаные**, **видѣнье**, **божьомь**, **юрьемь**, **писаные**, **дьвиз** (С. № 78), **двацьь** (С. № 79), ср. **многици** (С. № 94), **любовью**, **сальтиѝ**, **владаньемь** (С. № 81), ср. **сьнитие** (А. № 8), **даньемь**, **прѣзрниьемь** (С. № 179), **хрьстова.-у** (С. NN№ 83, 84), **милосрьдье** (С. № 85); вмѣсто е: **ѡцьь** (С. № 78), **плашьга** (С. № 83); вмѣсто о: **сурьдиикь** (С. № 68); вмѣсто а: **кьзньца** (С. № 80); вмѣсто ѣ: **насльдовати** (С. № 66). Смягчающее ь встрѣчаемъ въ словахъ: **писаньиу** (С. № 66), **мирько**, **павьль** (С. № 68), **башиньно** (С. № 78), **на еванѣельи** (С. № 81). Въ словѣ **бѣльѣвь** (С. № 78) ь является излишнимъ, ибо ѣ, по мѣстному свойству нарѣчія, стоитъ сдѣсь вмѣсто ѧ, и по тому одного і въ ѧ достаточно для смягченія предшествующей согласной л. Такъ точно и въ словѣ **кральица** (С. № 81) ь производитъ то же, что уже произведено б-ю и. Въ словѣ **поспьшениемь** (С. № 82) ь замѣняетъ і для образованія ю, а это стоитъ вмѣсто ѣ. Еще встрѣчаемъ весьма странное сочетаніе ьѣ вм. ѣ въ словахъ: **бьѣше**, **бьѣхь**, **вь прѣ̑тьѣ ѡбразь**, **за мьѣ̑** (С. № 66). Такимъ образомъ въ нашемъ виду, передъ глазами исторіи, въ присутствіи самихъ памятниковъ, совершается движеніе б-ы ь. Въ XIV-мъ вѣкѣ употребленіе ея слабѣетъ въ самой Восточной семьѣ грамотъ и еще болѣе въ Западной. Въ послѣдней уже не рѣдко является оно несущественнымъ.

Въ XV-мъ вѣкѣ различіе между Восточною и Западною семьями еще болѣе увеличивается, благодаря стойкости первыхъ и движенію послѣднихъ. Между тѣмъ, какъ первыя остаются при одномъ и томъ же употребленіи б-ы ь, хотя нѣсколько болѣе ограниченномъ, послѣднія все болѣе и болѣе вдаются въ

несущественное ея употребленіе, забывая ея законное служеніе, требуемое самою природою слова. Прежде всего взглянемъ на собственно-Сербскія грамоты. Въ нихъ читаемъ: **вьса,-ѧ,-е,-ен,-и,-ѣмь, въсемъ,-ѣ** (С. NN№ 90, 111, 137, 175; А. № 16; С.-Д. М. 1844; Г. Б, V; печ., А. т. XI), **сьди,-а, тьзи,-ы** (С. NN№ 90, 91, 111, 137, 138), **нь, нъ**, (С. NN№ 90, 91, 137; Г. Б), **и-сьмь, досьда, сьлоучаю, ѿчьства** (А. № 17), **вольнь** (А. № 17; С. № 111), **изьвнь, тырьты, тьминїи, сьмотрнвь** (А. № 16), **вьсако,-е, вьсачьскый** (С.-Д. М. 1844; А. № 20), **тъкмо, зньчь, съ- сьмрьтныхь, сьродинкь, сшпьрнинь** (С.-Д. М. 1844); **сьлачнло, клаѧьць, дубровьчко, сьмрь** (С. № 111), **вьс-,вьз-,вьжъ-**(С. NN№ 111, 138, 178; С.-Д. М. 1844; Г. V), **тькмо** (С. NN№ 111, 137, 178), **истьць** (С. NN№ 111, 137), **идьнь, сьмрьть** (С. № 137), **мольбик** (С. № 138; Г. V), **сьть** (С. NN№ 147, 165, 166, 167), **тьдаи, рожьства, чъсти, възда, кьда** (С. NN№ 165, 166, 167), **вьзьмь, вьсевьдъць, сьзьдавь, воиньствъ, изьмашьин, пришьствїа, оутькинаи, доходьнь, дьхновенїемь, трьблаженнымь** и пр. (Г. Б), **прѣблаѧьстьйноую**, гдѣ второе ь есть несущественное, разъединяющее двѣ согласныя, **сьшьдьі, веанчьство, пришьствїа, сь, нь, чьсть** (С. № 178), **слатъкааго, дънъсъ, бивъшаго, прїемълаїемь, коупньникоу, хтиторьїе** и пр. (Г. V), **безьсьмрьтьство, научьнь, множьство** (А. № 20), **подвнавьню** (печ., А. т. XI), **гюрьгь, горьгь** (мон., Г. III, NN№ 77, 82, 84, 85, 86; V, № 6). Сюда же отнести должно двѣ Черногорскія грамоты Черноевичей и двѣ Албанскія Кастріотича Скандербега. Въ первыхъ находимъ: **прьятелие, прьимо, прьповѣмо, срьдьчинимь** (С. № 60), **дьнъ, тьмиа, вьси, ѿчьствїа, изманльтьскыимь, пришьдшн, потьщоусе, сьмь, доходькъ, сьда, вьсакоу, рожьство, десеткь, кьда, тьчїю, вьдовице, вьноукь, вьз-** и пр. Въ неоконч. н. **тьиноуть** второе ь заменяетъ и, какъ въ словѣ **польвнио** оно замѣняетъ о (Мл.). Во вторыхъ: **посьль, отьмиин, ниньца,-у, гспоцьво, черешьни, печатью, здравье, говорить**: въ послѣднихъ трехъ словахъ ь замѣняетъ б-у и (С. NN№ 148, 149). Приведенные примѣры, представляющіе почти все количество случаевъ служенія б-ы ь въ грамотахъ Восточной семьи XV-го в., достаточно убѣждаютъ въ томъ, что эта семья грамотъ удерживала, по старому, употребленіе б-ы ь въ его настоящемъ видѣ, отдавая преимущество законному и существенному служенію б-ы ь передъ несущественнымъ и замѣнительнымъ. Хотя ь встрѣчается въ нихъ рѣже и ограниченнѣе прежняго, однако оно всюду на своемъ мѣстѣ, какъ стояло бы и въ Ц.-Славянскомъ. Если же заранѣе скажемъ, что эта семья грамотъ и въ позднѣйшее время съ замѣтнымъ усиліемъ удерживается отъ озвукотворенія полугласнаго начала, т. е., замѣны его полною гласною, то разница между нею и Западною семьею еще болѣе обнаружится.

Но прежде, чѣмъ перейти къ послѣдней, обратимъ вниманіе на семью Турецкихъ грамотъ, которая въ XV-мъ вѣкѣ занимаетъ средину между Восточными и Западными грамотами. Это явленіе можетъ быть объяснено съ одной стороны тѣмъ, что письменностію Сербскою при Турецкомъ дворѣ занимались преимущественно православные Сербы, какъ ближайшіе къ Турціи и ею покоренные, а съ другой тѣмъ, что содержаніе Турецкихъ грамотъ относится къ сношеніямъ съ западными странами Сербіи, еще мало покоренными, или вовсе независимыми. То и другое обстоятельство могло придать серединное положеніе Турецкимъ грамотамъ. Дѣйствительно, онѣ уравновѣсили въ себѣ оба рода служенія б-ы ь и при томъ не отказались и отъ ея озвукотворенія. Такимъ образомъ въ нихъ находимъ почти въ равной степени и существенное и несущественное служеніе б-ы ь; на пр.: **свенедьни,**

далечьнй, порьѹ, прьятеаство, аньдрьюнолю (С. № 113), ѡьца, вьѕда, сьдаа, источьне, поуьтеин, раѕѹмѣвьше, дѹбровачька, сьѕидали, подьписа, ѕемьле, исьнаше, имаиье, видѣнье, видьивше, гдѣ ь смягчаетъ д передъ мягкимъ и, сѧь, тадь, гдѣ ь служитъ вм. а, ѕнашь, гдѣ ь стоитъ вм. н. Тутъ же присутствуетъ и значекъ ' (С. № 164), вьчера, вьнѹкь, вьди, божьею, прошастье, пльтью и т. д. вм. и (С. № 37), вьсакомѹ, дѹбровьчкимь, досьда, пѣ сѣ (500), посьа, сѣварь (С. № 168), ѹкрьсмавьши (С.-Д. М. № 2), приморьскимь, племеньство, пилаиьдара, срьпьсцѣхь, сѹльтань, ѕдравье, порьтѹ, рѣиьнаа и пр. (С. № 173).

Переходимъ къ Западнымъ грамотамъ XV-го вѣка. Сдѣсь должны мы замѣтить, какъ замѣчали и прежде, что первая четверть XV-го ст. служитъ переходомъ отъ предыдущихъ къ послѣдующимъ временамъ: особеннаго скачка изъ одного вѣка въ другой не могло сдѣлать служеніе 6-ы ь; но съ первой четверти XV-го в. въ немъ весьма замѣтнымъ становится преобладаніе замѣняющаго и вставочнаго смягчающаго ь, между тѣмъ, какъ существенное ь, отвѣчающее прадавней гласности и требуемое природою слова, равно какъ словообразованіемъ, мало по малу исчезаетъ. Въ Западныхъ грамотахъ первой четверти находимъ существенное ь въ формахъ: косьна, погинкьше, кирьми, правьди, вивьши, любьвью, дѹбровьчке, -вчьке, беѕправьдено и кральствѹ: въ послѣднихъ двухъ словахъ ь не переходитъ, какъ обыкновенно, въ е, но остается безъ перемѣны (С. № 89), присвитьли, приличьне, посандьними, поуьтемѹ, прошьне, рѹсьиа, влатько, сртьчаньство, сьмо (С. № 92), вьселенои, падьшее, слишавьше и раѕѹмивьше и пр. (С. № 95), вьсакое, -омѹ (С. NN№ 95, 102), вьса, -е, -емѹ, -еи (С. NN№ 95, 96, 100, 102, 103), речьми, приятельми, лѹдьми (С. № 97), приѕьвь, срьчаньство (С. № 98), чьстьми, вьди (С. № 100), кралевьства (С. № 103), трьми (С. № 104). Во второй четверти и далѣе это ь еще болѣе рѣдѣетъ сравнительно съ несущественнымъ, такъ что оно уже весьма рѣдко попадается въ слѣдующихъ случаяхъ: вьде, -а, -и (С. NN№ 106, 108, 109), листьми (С. № 106), восьнскога (С. NN№ 106, 142), вьѕда, -е (С. NN№ 106, 127), сьть, ѡьцемь (С. № 107), вьсе, -емѹ, -ои, -ѣхь, -емь, -ими (С. NN№ 108, 140), тьдѧ (С. NN№ 108, 157), вьщи, вьѣи, вьѣори, -ремь (С. NN№ 108, 115), ѡньѣние, -и (С. NN№ 110, 136, 140), кольне, -и (С. № 108; З. А.), сьмь, (С. № 110), кирьномѹ,-нмь (С. № 116; З. А.), чѹвьше (С. № 116), славьнога, ѡставьшимь, племеньщине, ѡтокорьници (С. № 118), при- ѡ- станьвѹ, -а (С. NN№ 120, 140), нарьна (С. № 120), старьца (С. № 126), ѡкорьмь (С. № 129), ѡгьлю, раѕьлике (С. № 130), хѹмьсци, чавиолѹбьно, падьше, погинбьше, царьски, кралевьство, шѣлавьницѹ, ѕасельки, босаньски. дворьски (З. А.), вѹмьчиѣь (З. А.; С. № 140), срьбьскомь, книьци, слободьщине, крипьно, ротьници, имавьше, дарьми, частьми, вьселенои, кралевьства, станьчиѣь (С. № 136), видивьше, конлчьне, лѹѕьми, апѹстольна (С. № 140), людьми, братѹчедьми, подь- (С. № 141), сьгрѣхе, -ѹ (С. NN№ 142, 143), иѕьне, дѹбровьникѹ, поуьтение (С. № 157), ѹнѹтрьни, сребрьнога (С. № 158), подьписа (С. NN№ 158, 159), ѹѕьможита, смерьно (С. № 172). Но чаще оно стоитъ передъ окончаніями -ство, -ски; укажу на самую употребительную форму: рожьства, рожьства (С. NN№ 92, 106, 108, 109, 110, 120, 128, 136, 140) и пр. Въ таковыхъ-то узкихъ предѣлахъ является существенное служеніе 6-ы ь, не смотря на весь просторъ, предлагаемый и содержаніемъ и объемомъ грамотъ. Очевидно, въ XV-мъ вѣкѣ чутье, распознававшее полугласіе и происшедшее изъ него безгласіе отъ истиннаго безгласія, довольно уже притупилось. Полугласіе бы-

ло обращено въ иную сторону—для стяженія гласности, откуда возникло замѣнительное или несущественное служеніе б-ы ь. Если теперь, въ самой Западной семьѣ грамотъ, обратимъ вниманіе на различіе, которое находится между ними относительно существеннаго ь, то замѣтимъ, что Дубровницкія и Боснійскія грамоты ближе подходятъ къ собственно-Сербскимъ, чѣмъ Хлумскія и Травунскія, которыя представляютъ собою уже крайность Западной семьи, противуположную Аѳонскимъ, другой крайности Восточной семьи. На долю Хлумскихъ и Травунскихъ грамотъ не много приходится случаевъ законнаго служенія б-ы ь, хотя онѣ въ Западной семьѣ XV-го в. составляютъ бо́льшую половину. Что же касается до несущественнаго служенія б-ы ь, то онѣ не уступаютъ въ немъ другимъ односемейнымъ съ ними грамотамъ. Самое обширное несущественное употребленіе б-ы ь видимъ мы въ замѣнѣ этою буквою полной гласной и въ косвенныхъ падежахъ существительныхъ жен. р. на -ь и во всѣхъ падежахъ существительныхъ того же рода на -ии, въ прямыхъ падежахъ существительныхъ собират. на -ии, во всѣхъ падежахъ сущ. ср. р. на -ие и прилагательныхъ на -ии, -ия, -ие,—замѣнѣ, которая съ первой половины XV-го в. усиливается весьма значительно, такъ что безпорно, можно сказать, ей принадлежитъ первенство во всей разнообразной области служенія б-ы ь въ XV-мъ вѣкѣ. На всякомъ шагу встрѣчаемъ подобныя формы: помянутьи, -е (С. №№ 87, 102, 120), ѿ небитъ на битья (С. № 89), судьи, -е (С. №№ 89, 107), приморью (С. №№ 89, 116, 150 — 154), приятельи,-е, приятельи (С. №№ 89, 104, 114, 135), родительи, -е (С. №№ 89, 97, 132, 144), неуатью (С. №№ 92, 114, 116, 117, 120, 123, 127, 129, 130, 134, 135, 140, 143, 151, 152, 153, 157, 162), поклисарьи, -и, -е (С. №№ 95, 97, 100, 104, 114, 117, 123, 126, 144), матерью (С. №№ 95, 118), бжьею, бжьи, -ѿ, божьи, -ега и т. д. (С. №№ 97, 102, 107, 117, 120, 128, 129, 133, 141), людьи, люьи, люье, людьи (С. №№ 101, 118, 142, 163), тью (С. №№ 104, 107, 114, 127, 133), хитростью, лакомостью (С. №№ 104, 107, 114, 120, 127, 133, 142), ꙁнаньи, -е (С. №№ 106, 127, 143, 157), милостью, млтью (С. №№ 107, 116, 117, 118, 120, 122, 127, 129, 133, 134, 141), споменутьи, -е, -и (С. №№ 122, 127, 128, 133, 134, 141, 142, 144), устроеньемь, пристиилемье (З. А.), мучительи (С. № 136), приставьи (С. № 140) и пр. и пр. Сверхъ того ь замѣняетъ и въ слѣдующихъ словахъ: сью, -ем, сьгаи, сьемь (С. №№ 89, 91, 107, 114), ѵсьенье (С. № 89), хрьстова (С. № 103), дьяка, -а, дьакь (С. №№ 104, 107, 114, 122, 127, 129, 133), знахь, -ихъ (С. №№ 107, 114, 127, 133), трь, прьти, прьмиса (С. № 115), прьписахь, -в (С. №№ 115, 119), прьмисмо, -ше (С. №№ 115, 123, 130), непрьиꙁахь (С. №№ 115, 126), прьде, -ошь, прьдасе (С. № 121), перьгахь, ирьна (Ирина, С. № 130), трьанѣелъ, гдѣ ь замѣняетъ ии (С. № 145); во 2-мъ л. ед. ч. наст. вр. и въ неокончательномъ наклоненіи. Оно лишнее въ формахъ: сьие (С. № 107), памирьи (С. № 119), грьиꙁаше, прьиеше (С. № 121), прьиед, прьиенисаше, прьимисмо, прьити, (С. № 126), братьиомь, -омь (С. №№ 136, 140), божьнѣ, божиюмь (С. № 141), ибо смягчающее дѣйствіе уже безъ него производится послѣдующимъ и; въ словѣ прьедь (С. № 123) оно не нужно по тому, что е есть уже мягкое, то же, что ю, и сдѣсь стоитъ вм. ѣ, какъ и въ вышеприведенныхъ приед и прие, гдѣ ие есть то же, что ѣ; также точно ненужно оно и въ словахъ властельемь (С. № 107), крьеие (С. № 126). Оно стоитъ вмѣсто смягчающаго і въ словахъ краль (С. № 84), кнежьои (С. № 103), литрь, -ьа (С. № 123). Наконецъ замѣтимъ сочетаніе въ Боснійской гр-ѣ С. № 136: црьи, ꙁкрасиньахь, створихьемь, потврьдихьемь, братьемь,

гдѣ ьı, ье есть и, въ нѣкоторыхъ стянутое изъ ьи. Б-а ь замѣняетъ б-у а въ слѣдующихъ словахъ: иѕүьтию (С. №№ 87, 108), светогь, босияскогь, кашегь, прнвисокогь, какъ и нынѣ, гь, опаѣнињ (С. № 88), ҁапсуьти (С. № 101), ҁгорь (С. №№ 112, 115, 127, 128, 132), натрыжкв (С. № 115), иньиишь (Иванишъ, С. № 117), дальмьци (Далмаціи, С. № 136), е- свьиѣелнсте (С. №№ 142, 143) ѿсень, вм. ѿсеиа или ѿьселя (С. № 143), ср. носиыа (С. № 40), виьҁати (С. № 157); б-у е: свѣдьлью (С. № 89), вельможье, -жании (С. №№ 89, 92, 136), оцрь, оць (С. №№ 92, 94, 96, 104, 106, 112, 114, 115, 119, 121, 122, 125, 127), срьѣа (Сергія, С. № 132), плаиьнита (С. № 172); б-у ѧ: обьтоканьѡ (-иьио, С. № 107), годь (годѧ, С. № 114), крьиѣ, -ия (С. №№ 115, 126), потрьбоило, прьстоить (С. № 115), прьписа, -ше (С. №№ 115, 123), прьдь, прьстави, (С. № 121), прьиииваи (С. № 126). Попадается еще сочетаніе ьѧ вм. а въ выраженіи сегьѧ ҁаписа (С. № 141). Другой видъ несущественнаго служенія б-ы ь есть тотъ, въ которомъ она является произвольно вставленною для смягченія и разъединенія согласныхъ тамъ, гдѣ природа слова и законы сравнительнаго словообразованія того не требуютъ. Она является при стеченіи одинакихъ согласныхъ, на пр., ротеньце, -оми (С. №№ 89, 93, 107), писаиьио, -ѡ (С. №№ 92, 107, 114), рѣньни, -и, -ѡ, -иьѣ,-иехь (С. №№ 107, 114, 117), божствиньиѡмь, испокиньиѵв, иыиновлиьини (С. № 114), ҁаконьие,-ѡмь (С. №№ 117, 118), ҁаписаньинеиь, иноплеиеньиников (С. № 118); при стеченіи разнородныхъ согласныхъ: ҁьвеҁдицѡ (С. № 130) и въ иностранныхъ словахъ: дальмации, дальмьци, (З. А.; С. № 136), гевьвара (С. № 84), петьрь (С. № 98), иьгела (С. № 107), марьта, марьүа, (С. №№ 116, 170), херьцегь, -а (С. №№ 118, 140, 161, 163), евиньѣели,-лью,-листи (С. №№ 118, 141, 150), иерьиерь,-а (С. №№ 119, 152), фервьвара (С. №№ 127, 163), авьгүста (С. № 139), декевьбра (С. № 140), аньдрия (С. № 141) и пр.

Легко можно было замѣтить, что, разсматривая употребленіе б-ы ь по вѣкамъ, я не приводилъ примѣровъ для слоговъ рь и ль: это по тому, что относительно нихъ должно принять за правило, что слогъ ль, въ продолженіе своего существованія, и слогъ рь, въ продолженіе всей разсматриваемой нами письменности, соединяются крѣпче другихъ буквъ съ полугласнымъ ь, и при томъ такъ, что ь всегда стоитъ сзади плавной. Крѣпость такого соединенія истекаетъ изъ самой природы этихъ слоговъ. Б-ы р и л вмѣстѣ съ полугласною составляютъ слогъ: слѣдовательно, сдѣсь полугласная занимаетъ мѣсто полной гласной, а таковая никогда не опускается изъ слога. Только мягкая, тягучая природа плавныхъ довела полную гласную до возможности обратиться въ полузвукъ; но никогда б-ы р и л сами по себѣ не составляли слога. Другое дѣйствіе ихъ плавности оказалось въ томъ, что полугласная была поставлена сзади ихъ, а не спереди, какъ надлежало бы по подобію полныхъ гласныхъ, образующихъ слогъ. Въ послѣдствіи мы увидимъ, что какъ скоро полугласіе слоговъ рь и ль переходитъ въ полногласіе, то гласная, замѣняющая ь, уже становится впереди плавныхъ. Сдѣсь пока укажу только на исключенія, и не болѣе, какъ исключенія, въ пользу предшествія полугласной. Но таковыя чрезвычайно рѣдки; вотъ они: вьрхь, сьвьршени (С. № 16), пьлнота (С. № 57), сърмлѣмъ (Г. V), сьрпске (печ., А. т. XI), цьрноевикь (печ., Мл.) Не менѣе рѣдко повтореніе б-ы ь спереди и сзади плавной: жьрьноньцѧ, сьмьрьть, мьрьца (С. № 16), үгьрьскоиь, -ога (С. №№ 20, 98), тьрьге (С. № 132). Вообще Сербы любятъ слогъ рь и даже иногда позволяютъ себѣ законныя соединенія ер, ри и рѧ обращать въ несущественное рь. Сюда отнесу вышеприведеные примѣры:

срьга, **срьѣа** (Сергія), **потрьбовалѡ**, **крьве**, **прьдь**, **хрьстова**, **трь** и т. п., а также **дрьвии** (С. № 84), **дрьвьми** (С. № 86), **дрьвѡ** (С. № 137) и пр. Слогъ **ль** является однажды таковымъ въ словѣ **дльфиноу** (С. № 15), ср. **дальфини** (С. № 14).

Наконецъ еще объ одномъ употребленіи б-ы ь остается мнѣ сказать—объ удвоеніи. Обыкновенно думаютъ, что удвоеніе б-ы ь есть признакъ родительнаго падежа, при томъ признакъ внѣшній, плодъ досужей выдумки писцовъ, желавшихъ чѣмъ нибудь отличить родительный п. мн. ч. существительныхъ муж. р. отъ именительнаго ед. ч. Сверхъ того, Шафарикъ замѣчаетъ, что **ьь** или **ь** съ удвоеннымъ значкомъ ̏ или ̋ показываетъ, что сдѣсь его должно произносить, какъ долгое *а*[1]. Примѣры приведены имъ, большею частію, изъ памятниковъ, принадлежащихъ Сербобулгарской письменности, гдѣ Ц.-Славянская стихія преобладала; а изъ народныхъ упомянута только грамота Душана 1348 года. Примѣры Шафарика справедливо заставляютъ догадываться, что **ьь** есть изобрѣтеніе православныхъ писцовъ и преимущественно духовныхъ: дѣйствительно, наши грамоты подтверждаютъ эту догадку тѣмъ, что изъ нихъ только Аѳонскія и немногія собственно-Сербскія имѣютъ въ себѣ **ьь**, первыя болѣе, вторыя менѣе. Исключеніе составляетъ только одно слово **ѵтинильь**, встрѣчающееся въ Травунской гр-ѣ (С. № 78); но оно не можетъ быть принято въ расчетъ по своей одинокости, и по тому еще, что не есть родительный п. мн. ч.; скорѣе его должно считать за погрѣшность писца. Справедливо можно сказать, что **ьь** не выходило изъ круга грамотъ, писанныхъ при православномъ дворѣ, и тѣмъ чаще встрѣчается, чѣмъ грамота ближе къ дѣламъ, а слѣдовательно, и вліянію православнаго духовенства. Что же касается до мнѣнія Шафарика, будто бы **ьь** должно произноситься, какъ *ā*, то это не можетъ быть доказано письменными памятниками. Положимъ, что народъ въ своемъ говорѣ издавна озвукотворялъ въ родит. п. мн. ч. б-у **ь** черезъ *а* и при томъ произносилъ сдѣсь эту послѣднюю, какъ долгую; но такого озвукотворенія въ письменныхъ памятникахъ, и именно современныхъ и одномѣстныхъ удвоенному **ь**, не видимъ еще и слѣдовъ. Озвукотвореніе началось позднѣе и при томъ на почвѣ, совершенно противуположной Аѳонскимъ грамотамъ, на почвѣ Западной семьи. Двойное **ь** не можетъ также быть однимъ внѣшнимъ, ничего не значащимъ признакомъ родительнаго п. мн. ч. Если, по Шафарику, окончаніе этого падежа звучало на *ā*, то вовсе не нужно бы было отмѣчать его двойнымъ **ь**, ибо и безъ того была разница между нимъ и окончаніемъ именительнаго п. ед. ч. Если же въ произношеніи не было между ними никакого различія, какъ въ Ц.-Славянскомъ языкѣ, а это всего вѣроятнѣе, ибо подтверждается участіемъ православнаго духовенства въ образованіи **ьь**, то опять не нужно бы было различать ихъ, какъ не различаются они въ Ц.-Славянской письменности. Дѣло въ томъ, что **ьь**, будучи признакомъ родительнаго падежа, вмѣстѣ имѣетъ и свое внутреннее значеніе, на которое указываетъ тожественное съ нимъ **ь̏**, **ь̋**. Значекъ ̏, какъ замѣтили мы прежде, исполняетъ два главныя назначенія—выражаетъ мягкость и служитъ признакомъ стяженія голоса. Двѣ деспотскія грамоты (С. №№ 73, 91) весьма важны для насъ въ томъ отношеніи, что чрезвычайно осторожно употребляютъ значекъ ̏: гдѣ пишутъ одно **ь** въ род. п. мн. ч., тамъ ставятъ надъ нимъ этотъ значекъ, а гдѣ пишутъ **ьь**, тамъ значка надъ нимъ нѣтъ. Это обстоятельство и доказываетъ тожественность **ь̏** и **ьь**, на пр., **доубровчань̏**, **свѣдокь̏**, **срьбль̏** и **доубровчаньь**, **срьбльь**. Такъ равно въ другихъ

[1] Serbische Lesekörner, стр. 30

грамотахъ находимъ или ьь, или одно ь со значкомъ ̆ , на пр., ѿцьь (А. NN№ 8, 11), аплъь, соколарь, псарь, сродникь (А. № 5), родитель, мужь, оць, апль (А. № 10), старць (А. № 18), монастирьь (Г. А) и пр. Но встрѣчаемъ нѣкоторыя исключенія: значекъ ̆ ̆ и подобный ему ̆, или даже одинакій ʹ ̀, исполняющій сдѣсь, вѣроятно, то же самое назначеніе, стоятъ надъ двойнымъ ьь: пра- родитель, спудь, мужь, оць (А. № 10), родитель (В. № 1), сродникь (А. № 4). Что касается до значка ̇, два раза поставленнаго надъ ьь: прародитель (А. № 4), игумень (А. № 3), то онъ, имѣя совершенно иной родъ служенія, стоитъ надъ этою буквою въ томъ же самомъ смыслѣ, въ какомъ поставляется и надъ однимъ ь. О значкахъ ̆ ̂ надъ ьь мы уже говорили. И такъ, сообразивъ большинство случаевъ, мы должны согласиться, что дѣйствительно ьь было назначаемо писцами для родительнаго п. мн. ч. въ отличіе отъ именительнаго п. ед. ч.; но въ то же время необходимо прибавить, что въ этомъ случаѣ писцы употребляли второе ь не какъ одинъ внѣшній признакъ этого падежа, а видѣли въ немъ внутреннее достоинство, само за себя говорящее, именно, его мягкость и долготу. Если бы оно само по себѣ ничего не означало, то они, въ отсутствіи его, не ставили бы съ такою вѣрностію значковъ ̆ ̆, ибо для ничего не выражающей буквы не нуженъ былъ бы и значекъ. Чтобы лучше объяснить дѣло, мы должны вспомнить, что въ Индоевропейскомъ праязыкѣ родительный п. мн. ч. исходилъ на долгую гласную, какъ видно изъ Санскрита, который для этого падежа имѣетъ окончаніе *âm*, изъ Готскаго, гдѣ первичное *â* уже обратилось въ *ê*, и Литовскаго, гдѣ оно есть уже *û*; ср. Греч. *ων*. Ц.-Славянскій языкъ, въ своемъ стремленіи къ стяженію гласности въ полугласіе, стянулъ исходную гласную, не смотря на то, что она была долгою, въ полузвукъ, выраженный имъ чрезъ ъ, или ь. Прочія же Славянскія нарѣчія, обратившись снова къ полногласію, выразили конечную гласную различнымъ образомъ, но всюду въ видѣ долготы, или цѣльной, или разложенной на двоегласіе, хотя, впрочемъ, во всѣхъ, кромѣ Сербскаго, остался значительный отдѣлъ словъ, въ которыхъ сокращеніе долгой гласной въ безгласіе или, что то же, исходъ падежа на согласную, оставленъ не тронутымъ. Сербскій языкъ, одинъ изо всѣхъ Славянскихъ языковъ, всюду имѣетъ долгое гласное окончаніе, цѣльное *а*, *и*, или разложенное *ова*. Ближе всѣхъ подходятъ къ нему Лужицкія нарѣчія, которыя тоже почти всюду имѣютъ гласное окончаніе *ow*, и иногда въ В.-Лужицкомъ *í*, съ тѣмъ однако отличіемъ, что въ нѣкоторыхъ немногихъ случаяхъ допускаютъ при полномъ окончаніи и сокращенное на полугласную. Такое постоянство Сербскаго нарѣчія должно было обратить на себя вниманіе древнихъ писцовъ, когда они, пиша слово по-церковнославянски произносили его въ то же время по-сербски. Но точно ли считали они необходимымъ, поставивши Ц.-Славянскую форму, произносить ее по-сербски? Рѣшивши этотъ вопросъ, мы можемъ задать себѣ и другой вопросъ: отъ какого именно падежа хотѣли писцы отличить родительный п. мн. ч., отъ именительнаго ли п. ед. ч. по Ц.-Славянскому произношенію, или же отъ родительнаго того же числа по Сербскому произношенію? Очевидно, первый вопросъ зависѣлъ отъ произвола писцовъ: всякій имѣлъ право произносить форму, какъ хотѣлъ, такъ, или сякъ. Тѣмъ не менѣе все заставляетъ думать, что если въ правописаніи грамотъ, гдѣ есть ьь, писцы твердо держались Ц.-Славянскаго языка, то произносить написанное должны были, преимущественно придерживаясь Ц.-Славянскаго чтенія: слѣдовательно, родительь звучало, какъ родитель, а не какъ родителя. Тѣ же имена, которыя исходили на твердую полугласную,

звучали твердо, на пр., доуброкуанъ звучало, какъ доуброкуанъ. Мы видимъ надъ другими буквами, что Сербы не стѣснялись Ц.-Славянскимъ правописаніемъ, даже въ ближайшихъ къ нему грамотахъ, и если какая нибудь буква противорѣчила ихъ выговору, то они измѣняли ее: такъ, не имѣя носовыхъ звуковъ, они выбросили ихъ и на ихъ мѣсто поставили оу и е — тѣ самые звуки, въ которые обратились у нихъ носовые, — и это совершилось въ равной степени въ грамотахъ обоихъ семействъ. По этому и ьь произносили они за ь, а не за *а*, ибо когда стали произносить его за *а*, тогда прямо стали такъ и писать его. Допустивши это, мы уже смѣло можемъ рѣшить и другой вопросъ и сказать, что, удвоивая ь въ родит. п. мн. ч., они имѣли въ виду отличіе его отъ именительнаго п. ед. ч., но отнюдь не родительнаго, ибо, во первыхъ, окончаніе родит. п. ед. ч. не имѣетъ долгаго *а*, а по тому не для чего было отличать его; и во вторыхъ ьь употребляется почти исключительно для именъ мужескаго рода, тогда какъ если бы ьь служило для отличія родительнаго п. мн. ч. отъ такого же ед. ч., то ьь имѣло бы равносильное употребленіе и въ среднемъ родѣ, ибо его родительный п. ед. ч., какъ и въ мужескомъ родѣ, звучитъ на *а*. Все это приводитъ къ тому, что писцы смотрѣли на ь (ъ) родительнаго п. мн. ч., съ одной стороны, какъ на чисто внѣшній знакъ, и съ этой точки зрѣнія не находили между нимъ и ь (ъ) именительнаго п. ед. ч. никакого различія; а съ другой стороны, не находя между ними никакого внѣшняго различія, что очень естественно, ибо это былъ одинъ и тотъ же знакъ, поглотившій въ себя и твердость и мягкость и сдѣлавшій ихъ безразличными, они видѣли между тѣмъ и другимъ ь большую разницу, какъ скоро къ Ц.-Славянской формѣ примѣняли Сербское произношеніе: и по тому, не желая явно нарушать своего правила писать и читать въ извѣстномъ разрядѣ грамотъ по-церковнославянски, они только тонкимъ намекомъ давали знать, что въ ихъ народномъ говорѣ ь родительнаго п. мн. ч. звучитъ отлично отъ именительнаго п. ед. ч. Такимъ образомъ они мирили народную стихію съ Ц.-Славянскою. Чѣмъ же могли они всего лучше намекнуть на это различіе? Чтобы остаться вѣрными Ц.-Славянскому полугласію, они оставили его неприкосновеннымъ въ видѣ ь, но чтобы въ то же время намекнуть и на народную гласную долготу, имъ не оставалось больше ничего, какъ только повторить ь въ видѣ ьь, что и получило свое внутреннее значеніе, какъ выраженіе долготы. Положимъ, что это былъ условный, наружный знакъ, но все таки онъ имѣлъ и внутреннее значеніе, указывая на долгую гласную, присутствующую въ родит. п. мн. ч. по народному способу произношенія: такъ ьь соединяло въ себѣ оба воззрѣнія, и внѣшнее и внутреннее. Первое ь было, по произношенію, то мягкое, то твердое; второе мягкое; но приложеніе голоса, замѣчаемое въ мягкости, всегда придаетъ звуку самостоятельность, собственный отбой голоса, бо́льшую продолженность: по этому долготу б-ы *а* въ родит. п. мн. ч. справедливо можно бы было приписать б-ѣ ьь. Тамъ, гдѣ они писали одно ь, они ставили надъ нимъ значекъ ˇ ˇ, чтобы показать, что ь здѣсь стягиваетъ въ себѣ двойную мягкость и должно быть разложено на ьь. Но все таки ьь было однимъ лишь письменнымъ знакомъ; въ произношеніи же его слышался тотъ самый полугласный звукъ, твердый, или мягкій, какой имѣло слово въ именительномъ п. ед. ч. народнаго говора. По этому, чтобы не навести произношеніе на что нибудь особенное, на какую нибудь двойственность звуковъ, писцы ставили надъ однимъ изъ ьь открытый значекъ ˇ, какъ мы видѣли выше, — и это служитъ новымъ доказательствомъ тому, что писцы въ этомъ случаѣ руковод-

съвовались произношеніемъ, ближайшимъ къ Ц.-Славянскому, т. е., принимали ь за безгласное ь, и только предшествующей согласной придавали твердый, или мягкій отзвукъ, смотря по свойству народнаго языка. Но такъ какъ въ Сербскомъ языкѣ долгое *а* служило исходомъ для родительнаго п. мн. ч. именъ всѣхъ родовъ, то, признавши за ь и внутреннее значеніе, какъ долготы, мы поймемъ, по чему это внутреннее свойство позволило окончанію ь перейти сначала на родительный п. мн ч. именъ женскаго и средняго рода, хотя и сдѣсь собственно мягкое окончаніе этого падежа было лишь условнымъ, ибо силь, сель могли звучать, какъ *сил*ъ, *сел*ъ. а потомъ, какъ дальнѣйшее дѣйствіе той же озвукотворяющей и удлиняющей силы, и на именительный п. ед. ч. муж. р. однихъ, по видимому, только указательныхъ мѣстоименій; на пр.: сїйь (А. № 2), ꙁемлль, браништьць, ѧ́кѹшь (А. № 8), ꙁемль̆, мѣсть (А. № 9), брьдїь, работѣ̈ (А. № 5), сєлїь, гоуиь, работїь (А. № 10), мѣсть (А. № 11), сєлѣ̈ (А. № 18), коуцѣ̈, работѣ̈ (А. № 17), бл҃гь (Г. Б; А. № 20), господь (С. № 175); сь̆ (А. № 2), сь́ (А. № 20), ть̆ (А. № 4), ср. тѣ̈ (А. № 17) и нынѣшнія *сай*, *тай*.

Этимъ я заключаю первую часть изслѣдованія о б-ѣ ь. Припоминая всѣ разсмотрѣнные нами по вѣкамъ случаи употребленія б-ы ь, мы приходимъ къ такому итогу. Въ древнѣйшее время грамоты всѣхъ семействъ сходились и ничѣмъ не рознились между собою въ употребленіи б-ы ь: употребленіе это было, большею частію, существенное, т. е., такое, которое требовалось законами словообразованія, прадавнею гласностію, и оправдывалось родствомъ Сербскаго языка съ Индоевропейскими. Такъ какъ Ц.-Славянскій языкъ былъ настоящимъ разсадникомъ полугласныхъ, то существенное употребленіе б-ы ь въ Д.-Сербской письменности сходилось съ таковымъ же употребленіемъ б-ъ ъ и ь въ Ц.-Славянской. Но съ теченіемъ времени и самая Восточная семья грамотъ, ближайшая къ Ц.-Славянской стихіи, лишалась болѣе и болѣе тонкости чутья относительно полугласнаго начала, не могшаго держаться въ ней во всемъ обширномъ объемѣ, въ какомъ оно развилось въ Ц.-Славянскомъ языкѣ: тѣмъ не менѣе до самого конца XV-го ст. она отдавала преимущество существенному ь передъ несущественнымъ, хотя случаи его служенія значительно уменьшились своимъ количествомъ. Западная семья, подъ конецъ XIV-го и во все продолженіе XV-го ст. еще болѣе, чѣмъ Восточная, стѣснила и утратила это служеніе, отдавъ преимущество несущественному или такому, гдѣ б-а ь является замѣнительною, или произвольно вставленною. Несущественное служеніе б-ы ь возникло еще въ древнѣйшей письменности, въ сравнительно меньшемъ объемѣ противъ существеннаго, и съ тѣхъ поръ продолжалось безпрерывно до самого конца XV-го ст., но безъ успѣховъ въ Восточной семьѣ и напротивъ съ огромнымъ успѣхомъ въ Западной, начиная съ XV-го вѣка. Вообще ослабленіе и паденіе б-ы ь есть признакъ его движенія по разнымъ семьямъ Сербскихъ грамотъ и по различнымъ возрастамъ Сербской письменности.

Перехожу ко второй части изслѣдованія о б-ѣ ь—къ ея опущенію. Эта часть займетъ у насъ не много времени, ибо уже одно главное положеніе, что опущеніе б-ы ь находится въ обратномъ отношеніи къ ея употребленію, само по себѣ достаточно объясняетъ дѣло. Не разъ замѣчали мы, что главнымъ мѣстопребываніемъ полугласныхъ должно почитать Ц.-Славянскій языкъ, ибо въ немъ въ наибольшей мѣрѣ проявилось полугласное начало: мы видѣли также, что другія Славянскія нарѣчія стараются уполногласить ъ и ь; а тамъ, гдѣ огрубѣвшее произношеніе уже болѣе не помнило Ц.-Славянскаго полугласія и

гдѣ могло обойтись безъ него съ однимъ безгласіемъ, они выкидываютъ ихъ. Потомъ мы показали на примѣрахъ, какъ Сербскій языкъ старается уполногласить Ц.-Славянское полугласіе, или, обходясь безъ гласности, совершенно отбрасываетъ и самый признакъ полугласія б-ъ ъ и ь. Строго говоря, полугласіе, въ собственномъ смыслѣ слова, сохранилось въ немъ единственно въ слогѣ рь; а въ древней его письменности на нѣкоторое время присоединился къ этому еще слогъ ль, пока, въ свою очередь, не обратился въ гласную. Такимъ образомъ все многоразличное употребленіе полугласнаго ь, замѣченное нами въ предыдущей части изслѣдованія, является не болѣе, какъ подражаніемъ Ц.-Славянской письменности и слѣдствіемъ вліянія послѣдней на древнюю Сербскую. То, что мы назвали существеннымъ употребленіемъ б-ы ь (кромѣ слога рь), есть не что иное, какъ разумно сознанное писцами Ц.-Славянское служеніе б-ъ ъ и ь, внесенное ими въ видѣ б-ы ь на Сербскую почву. Напротивъ, несущественное служеніе б-ы ь, и именно самая объемистая его часть, въ которой ь является стягивающимъ звукъ и при послѣдующей гласной, есть уже слѣдствіе народнаго вліянія языка, которое въ послѣдствіи приняло совершенно народный видъ, опустивъ вовсе ь или, лучше сказать, заставивъ послѣдующую гласную поглотить въ себя предшествующее и, сокращенное предварительно въ ь. Отъ того-то въ Западной семьѣ грамотъ, наиболѣе народной, это несущественное служеніе б-ы ь такъ сильно развилось и укрѣпилось въ XV-мъ вѣкѣ. И такъ полугласное ь, перенесенное въ Сербскую письменность, очутилось не на своей почвѣ; Сербскій языкъ не могъ придать ему истинно Сербской природы; не могъ сдѣлать его самостоятельною частію народнаго слова. Твердость и мягкость звуковъ существовали въ Сербскомъ языкѣ столь же самобытно, какъ и въ Ц.-Славянскомъ: оба языка сознали ихъ, каждый по своему. Вмѣшавшись въ Сербскую письменность и не имѣя такого удѣльнаго вѣса, какъ полныя гласныя, ъ и ь утратили сдѣсь свое истинное разумное значеніе, первымъ слѣдствіемъ чего было ихъ взаимное смѣшеніе, изгнаніе перваго, господство и упадокъ послѣдняго. Будучи лишь видимымъ знакомъ твердости и мягкости и не имѣя въ себѣ для Сербовъ никакого самобытнаго звука, ь должно было скоро лишиться своего служенія. Оно могло держаться только на своей родной почвѣ, гдѣ рядомъ съ нимъ стоялъ другой знакъ, ъ, и гдѣ такимъ образомъ оба знака поддерживали другъ друга въ равновѣсіи, составляя живую часть языка: если былъ неумѣстенъ одинъ, то необходимъ былъ другой, чтобы соблюсти въ словѣ настоящую его природу и его благозвучіе, истекающее отъ правильнаго различенія твердости и мягкости. Отъ того въ наше время нѣкоторые Сербскіе писатели, желавшіе видимыми знаками отличить твердость и мягкость согласныхъ звуковъ и, естественно, приведенные къ Ц.-Славянскимъ полугласнымъ, приняли оба знака, ъ и ь. Такъ и должно быть. Но въ древнемъ Сербскомъ правописаніи, съ изъятіемъ изъ употребленія одного знака, и другой долженъ былъ поколебаться: и дѣйствительно, писцы начали его по немногу выпускать, когда онъ являлся безгласнымъ, или только смягчающимъ. Нынѣшнее же большинство Сербовъ, слѣдуя В. Караджичу, порѣшило тѣмъ, что вовсе изгнало изъ своего правописанія какъ ь, такъ и ъ, даже изъ слога р, удержавъ ь только въ слитномъ видѣ для смягченія плавныхъ *л* и *н*:—љ, њ.

Но между тѣмъ, какъ въ большей части собственно-Сербскихъ грамотъ и во всѣхъ грамотахъ Западной семьи писцы прямо выбрасывали ь, въ Аѳонскихъ и немногихъ собственно-Сербскихъ грамотахъ они не отваживались непосредственно на это дѣйствіе, но чаще ограничивались тѣмъ, что выводили ь изъ строки и по-

ставляли вмѣсто него сверху строки условный значекъ. Впрочемъ, это была не древнѣйшая выдумка писцовъ: въ XII-мъ вѣкѣ значки еще не существовали въ Сербской письменности, и писцы принуждены были въ гр-ѣ Немани отбрасывать ь безъ вознагражденія его какимъ либо значкомъ. Самая твердая сторона служенія б-ы ь есть та, въ которой эта буква является истинно полугласною съ своимъ самобытнымъ, хотя и неопредѣленнымъ отзвукомъ. По тому самому, что отзвукъ этотъ не имѣлъ въ себѣ ничего яснаго и положительнаго, писцамъ, употреблявшимъ Ц.-Славянскую азбуку, всего легче было выразить его полугласнымъ ь: такъ и писали они слоги рь и ль; и въ этихъ слогахъ ь сохранялось гораздо тверже, чѣмъ въ другихъ, такъ какъ сдѣсь оно имѣло свою собственную частицу гласности. При томъ слогъ рь былъ чисто народнымъ, ибо и доселѣ звучитъ одинаково, какъ звучалъ въ старину, т. е., съ полугласнымъ отзвукомъ: и теперь пишутъ *крст* или, по другимъ, *крьсть*, и не нуждаются въ полномъ озвукотвореніи этого полугласнаго сочетанія. Отъ того весьма естественнымъ слѣдствіемъ было постоянное употребленіе этого слога съ б-ю ь, какъ и другое, ближайшее къ народному, стяженіе и передъ гласною въ ь. Эти два случая употребленія б-ы ь, присоединивъ къ нимъ и слогъ ль, въ слѣдствіе ихъ относительной близости къ народной рѣчи, были прочнѣе другихъ, и по тому весьма неудивительнымъ покажется, что рь и ль безъ ь являются не болѣе, какъ исключеніями, между тѣмъ, какъ другіе случаи опущенія б-ы ь суть такіе же законные, какъ и самые подобные имъ случаи употребленія б-ы ь: тѣ и другіе имѣютъ свое историческое значеніе. Присутствіе б-ы ь указываетъ на вліяніе Ц.-Славянской стихіи, отсутствіе ея указываетъ на вліяніе народной стихіи: изъ этѣхъ двухъ стихій сложилась вся Д.-Сербская Кирилловская письменность. Если писцы опускали ь тамъ, гдѣ видѣли въ немъ одно лишь безгласіе, или одну лишь смягчающую силу, то они не дѣлали ошибки противъ роднаго слова, для котораго не по силамъ, да и не за чѣмъ было сохранять ь во всемъ его обширномъ объемѣ, съ какимъ оно перенесено было первоначально съ Ц.-Славянской почвы на Сербскую: достаточно было и того, что ь приложилось къ народной рѣчи въ двухъ вышеупомянутыхъ случаяхъ: рь и ьи, гдѣ оно получило все таки какое нибудь самостоятельное значеніе.

Послѣ всего сказаннаго не мудренымъ покажется, если и въ самыхъ первыхъ грамотахъ мы найдемъ столько же случаевъ для опущенія б-ы ь, сколько нашли ихъ для употребленія ея. Такъ, въ гр-ѣ Кулина находимъ: книже, ѕледи, кто, мне, книгꙋ и пр. (А. И.) и въ гр-ѣ Немани: всакога, многоꙋ, раѕвалеть, вса, кнеѕе и пр. (А. № 1). Въ XIII-мъ в. опущеніе б-ы ь становится чаще; оно совершается во всѣхъ тѣхъ видахъ, въ коихъ совершалось и употребленіе этой буквы. Примѣры столь многочисленны, что достаточно ограничиться нѣкоторыми изъ древнѣйшихъ грамотъ. Такъ находимъ: створи, вса, правдами, крѣстиица, дворски, что, горскои, кралевсци, предтече, поповска и мн. др. (Ш. № VII), всеи, вси, всѣхь (С. №№ 2—7, 9, 15), кто (С. № 2), мнѣ (С. №№ 2, 9, 17), клетва (С. №№ 2, 3), доꙋбровчкомоꙋ (С. № 5), довечь (С. №№ 5, 16), ониина, (С. №№ 5, 9), кнеѕꙋ (С. №№ 4, 7, 10, 11, 13, 14, 15, 17), сие (С. №№ 3, 11, 16), всаке,-ога,-емь, что (С. № 3), рашиї (С. № 7), что, правде (С. № 6), давше (С. № 9), ѕдие (№№ 15, 17), ѕло, любвь, (С. № 16) и пр. и пр. Особенно въ сложныхъ формахъ опущеніе б-ы ь замѣтно усиливалось, на пр., створи, вьѕложи, кь семꙋ, испрьва (Ш. № VII), иѕлаѕохь (С. № 2), схранити С. № 3), испльнена (С. №№ 4, 15), ѡтворена (С. № 4), богеи (богь ви, С.

№ 11; Ш. № I.), **вʒмє** (С. № 17), **иʒдаю** (С. № 21), **исхаби** (С. № 27), **створимь** (С. № 32) и пр. и пр. Въ XIV-мъ и XV-мъ вв. опущеніе еще чаще. Не привожу примѣровъ изъ этихъ вѣковъ. Приведенные изъ предыдущаго уже достаточно показываютъ, что и въ этихъ вѣкахъ опущеніе б-ы ь должно было итти въ обратномъ отношеніи къ употребленію ея, т. е., что по мѣрѣ ослабленія этого послѣдняго, оно, съ своей стороны, усиливалось.

Что же касается до конечнаго ь, то мы уже выше сказали, что оно никогда, не отбрасывается, и формы, каковы на пр., **под** (А. № 1), **брьʒьи** (Ш. № VII) **дрии**, **сел** (А. № 6), **црков** (А. № 13), **перьпер** (З.), **хрисовоулих** (Г. А), **дроугыих**, **сьхранит** (Г. Б), **моравицах**, **моих**, **неопасмѣнныих** и пр. (С.-Д. М. 1844) и т. п. суть не что иное, какъ описки, небрежность, или слѣдствіе недостатка мѣста. И на оборотъ, по словамъ Шафарика, ь иногда удвоивалось для того только, чтобы пополнить остающееся для строки пустое мѣсто [1].

Гораздо важнѣе для насъ прослѣдить опущеніе б-ы ь при слогахъ **рь** и **ль**, такъ какъ, сказали мы, эти слоги представляютъ самое постоянное мѣстопребываніе б-ы ь. Опущеніе это хотя возникло въ самыхъ давнихъ временахъ, однако, по малочисленности случаевъ и по значенію своему, можетъ быть названо не болѣе, какъ исключеніемъ. Вотъ всѣ случаи въ XIII-мъ в.: **држаль** (С. № 7), **србски**, **-е**, **-ихь** (С. NN№ 6, 13, 25, 31), **врхв**, **државѣ**, **држании**, **цркве**, **-ами**, **српьске** (С. № 16). Замѣтимъ, что у Ш. № XVI всѣ эти примѣры, кромѣ перваго, имѣютъ ь. И въ Споменикахъ три послѣдніе примѣра можно объяснять случайнымъ отсутствіемъ титлы, которая въ другихъ мѣстахъ постоянно находится надъ этими словами. Въ XIV-мъ в.: **вседржителя** (А. № 4), **србскаго**, **-й** (А. № 4; С. № 176), **српски**, **-ои** (С. NN№ 23, 64), **држи**, **срдачникѣ**, **сьртны** (С. № 176), **црквахь**, **-а**, **црквь** (С. NN№ 39, 50, 76), **црковнй** (А. № 7), **држании** (С. № 41), **потврди** (С. № 43), **грьмомь**, **-омъ** (С. NN№ 43, 48, 49, 50, 53, 55; Г. А), **срблемь**, **-емь**, **-е** (С. NN№ 48, 49, 50, 53, 55, 64), **тврдо** (С. № 55), **скрши**, **-ть**, **-мо** (С. NN№ 61, 78), **потврдише**, **крста**, **срца**, **државе** (С. № 78), **србскы**, **-сихь** (печ., А. № 9; Р. III, стр. 1), **грьке** (печ., А. № 10). Въ XV-мъ в. отбрасываніе совершается въ равной мѣрѣ, хотя случаевъ и больше, ибо объемъ грамотъ увеличивается. Такъ мы находимъ: **србьскомь**, **сртьчаньство** (С. № 92), **вдржании**, **смрть**, **тврѣв**, **истрпити**, **први**, **хрвать** (С. № 93), **тврдо** (С. № 95), **држави**, **срчаство**, **првимь**, **крвь**, **грьцемь**, **скрхв**, **крсти**, **срдчено** (С. № 96), **прво**, **тврти**, **држати**, **крсти** (С. № 99), **трговце** (С. № 101), **смрть** (С. № 109), **прстени**, **ʒрна** (С. № 130), **срчине**, **држе**, **кршили**, **крсте**, **вмрли** (С. № 141), **крсте**, **држании**, **вржй**, **саирть**, **првиѣхь**, **црквена**; **ʒрна** (С. № 157), **прводданимы** (Г. Б), **дрва** (Мл.), **србмемъ** (печ., С.-Д. М. 1844). И здѣсь также Восточныя грамоты далеко отстаютъ отъ Западныхъ, такъ что, за исключеніемъ двухъ, трехъ случаевъ, всѣ остальные случаи опущенія б-ы ь приходятся на долю послѣднихъ. Что касается до слога **ль**, то онъ на столько устойчивъ, что въ немъ ь всегда присутствуетъ, и, какъ исключеніе, я могу изъ всѣхъ грамотъ привести только слѣдующіе случаи: **хамьскога** (Ш. № XVIII), **млтию** (В. № 1), **влкь**, **-а**, **-оки**, **-в**, **-омь** (С. NN№ 73, 76; А. № 19), **вь плни држави** (С. № 96), **влкокнеʒмь** (С. № 112), **влкашин**... (мон., Г. III, NN№ 67, 68).

И такъ уже съ самыхъ древнихъ временъ въ Сербской письменности б-а ь не пользовалась тѣмъ правильнымъ, всеобщимъ служеніемъ, которое писцы

[1] Serbische Lesekörner, стр. 30.

думали придать ей, какъ представительницѣ обоихъ полугласныхъ знаковъ Ц.-Славянскаго языка. Въ одной и той же грамотѣ, въ одномъ и томъ же словѣ она находила себѣ то пріютъ, то изгнаніе: въ первомъ случаѣ ее принимали во имя Ц.-Славянской стихіи; во второмъ ее изгоняли во имя народности. Чуждая стихія не могла снискать себѣ первенства, стоя рядомъ съ туземною, народною стихіею, которая стремилась къ достиженію своихъ законныхъ правъ въ кругу своей письменности. Несостоятельность Ц.-Славянской стихіи проявилась и въ ея отдѣльныхъ служебныхъ силахъ, которыя должны были отъ времени уступать все болѣе и болѣе силамъ новымъ, народнымъ. Пока у Сербовъ еще свѣжа была память объ языкѣ и письменности, на которыхъ они совершили свое первое нравственное развитіе, до тѣхъ поръ они въ свои народные памятники вносили свойства того языка и признаки той письменности, къ которымъ питали высокое уваженіе, какъ къ путямъ, приведшимъ къ нимъ православную вѣру; но по мѣрѣ развитія народной мысли и народнаго слова, вѣра и духовенство съ своею письменностію стали отдѣляться отъ области, въ которой совершались дѣла мірскія, въ которой звучало и дѣйствовало слово народное. Такимъ образомъ это отдѣленіе условило распаденіе Д.-Сербской письменности на два отдѣла и господство той, или другой стихіи въ языкѣ памятниковъ. Оставивъ въ сторонѣ Сербо-булгарскую письменность, мы въ другомъ отдѣлѣ, въ отдѣлѣ народныхъ памятниковъ, видѣли проявленіе Ц.-Славянской стихіи въ служеніи б-ы ь, которое, по своей обширности и утонченности, показываетъ близкое знакомство старинныхъ писцовъ съ языкомъ вѣры, а своею продолжительностію свидѣтельствуетъ о силѣ и глубинѣ корней, пущенныхъ ею въ почву Сербской письменности. Но чуждое осталось чуждымъ, не смотря на всю близость свою къ народному: эта близость и родственность дали ему право на обширность и продолжительность; но народное, вступая въ свои права, лишило служеніе чуждой стихіи его полноты и всецѣльности. Уже въ XII-мъ вѣкѣ ь не могло удержать за собою всѣхъ мѣстъ, законно ему принадлежащихъ; народность показала, что оно въ ея области не было столь необходимымъ, какъ у себя на родной почвѣ:—и первымъ слѣдствіемъ этого несогласія было изгнаніе б-ы ь изъ многихъ формъ, которыя оно занимало по праву своего служенія. Уже въ XIV вѣкѣ попадаются грамоты, въ которыхъ глазъ не встрѣчаетъ другаго ь, кромѣ конечнаго. Гоненіе усиливалось; серединное ь рѣдѣло; формы, лишенныя своей связи въ видѣ полугласныхъ, упрощивались, грубѣли. Мало того: народность воспользовалась самою б-ю ь и, взявъ ее въ свое распоряженіе, употребила по своему на стяженіе полногласныхъ звуковъ. Но полное изгнаніе б-ы ь могло совершиться безъ всякихъ послѣдствій только тамъ, гдѣ стеченіе согласныхъ было столь легко и звучно, что вполнѣ допускалось произношеніемъ: только тамъ, гдѣ не было никакого затрудненія въ выговорѣ слова, ь могло исчезать безслѣдно. Такихъ случаевъ было немного. Подобныя формы, какъ **кънеѕь, къто, тъто, кънига, въса** и т. п. было легко произносить и при отсутствіи б-ы ь: **кнеѕь, кто, тко, что (що, што), книга, вса, сва**. Но другія, безъ полугласнаго отзвука, не легко поддавались языку; каковы на пр., **днь, всь, сико, любкь** и т. п. Притомъ, опуская ь безъ вознагражденія, народность Сербская страшилась впасть въ другую крайность, обнажиться отъ той одежды, которая была для нея, какъ и для прочихъ Славянскихъ нарѣчій, родная, ибо основывалась не только на взаимномъ родствѣ всѣхъ Славянскихъ нарѣчій, но и оправдывалась сравненіемъ ихъ съ прочими Индоевропейскими

языками. Эта одежда виднѣлась на словахъ, въ которыхъ согласныя были законно растворены гласными. Хотя Ц.-Славянское нарѣчіе и обратило по большей части эту гласность въ полугласіе, а другія Славянскія нарѣчія или удержали ее въ полнотѣ, или мѣстами, гдѣ позволялъ выговоръ, обратили тоже въ полугласіе, а мѣстами вовсе выкинули изъ произношенія и письма, особенно Латинскаго, тѣмъ не менѣе праязычная гласность, не смотря на исключенія, должна была присутствовать въ большей части словъ и доставлять языку ту настоящую его звучность, которая зависитъ отъ правильнаго сочетанія гласности и безгласности, твердости и мягкости. Озвукотвореніе б-ы ь явилось вознагражденіемъ за ея изгнаніе, противодѣйствіемъ обнаженію формъ, но въ то же время оно было вторымъ шагомъ народности,—такимъ, которымъ она достигала окончательнаго господства въ письменности. Она могла совершить его только уже послѣ пріобрѣтенія достаточной силы для того, чтобы превозмочь б-у ь и успѣть отрѣшить ее отъ ея служенія, т. е., послѣ перваго шага, который обнаружился въ возможности выбрасыванія б-ы ь изъ словъ, гдѣ она отправляла Ц.-Славянское служеніе. По этому озвукотвореніе б-ы ь должно было возникнуть не рано, уже послѣ совершенія перваго шага. И дѣйствительно, мы находимъ его въ полной силѣ только уже въ XV-мъ вѣкѣ. Но такъ какъ народный языкъ, сказали мы, тверже и постояннѣе, чѣмъ письменный, то онъ, вѣроятно, уже издавна озвукотворялъ Ц.-Славянское ь или что то же, издавна сохранялъ въ этомъ отношеніи то отличительное свойство, по которому его должно было назвать именно Сербскимъ, а не другимъ какимъ языкомъ. А всякое самобытное присутствіе народности не могло обойтись безъ болѣе, или менѣе значительныхъ слѣдовъ и въ письменности: по этому уже въ древнѣйшихъ памятникахъ находимъ ясные признаки озвукотвореннаго ь, хотя они суть не болѣе, какъ еще весьма отрывочное, робкое проявленіе народной стихіи; чрезъ нихъ народность давала знать о своемъ присутствіи въ области болѣе живой и самостоятельной, въ области народнаго слова. По мѣрѣ ослабленія той искуственности письменнаго языка, которая происходила отъ преобладанія въ немъ чужой, древнѣйшей и болѣе образованной стихіи, признаки народнаго слова проявлялись все яснѣе и яснѣе, пока въ XV-мъ столѣтіи не вошли въ полныя права гражданства. Такимъ образомъ повременный ходъ озвукотворенія б-ы ь будетъ новою точкою для разсматриванія служенія б-ы ь и вмѣстѣ третьею частію нашего изслѣдованія объ этой буквѣ.

Начнемъ съ древнѣйшаго проявленія озвукотворяющей народности. Древнѣйшій и всеобщій, во всѣхъ семьяхъ грамотъ являющійся, звукъ, служащій для претворенія б-ы ь въ полную гласную, есть е. Правда, звукъ этотъ не часто показывается въ грамотахъ, и примѣры его служенія не столь многочисленны, какъ звука а; но повсемѣстность его и старина даютъ ему право на первенство, тѣмъ болѣе, что истинно полугласный звукъ, присутствующій въ слогѣ рь, прибѣгаетъ къ нему же для своего уполногласшенія. Въ XI-мъ в. Шафарикъ приводитъ изъ Латинскихъ памятниковъ слова: *selnico* и *Debriz*[1]. Въ XIII-мъ в. встрѣчаемъ е, замѣняющее ь, въ словахъ: **инуесаре** (С. № 2), **всенопльнено** (С. № 3), **гостемь** (С. № 7), **ѿсела,-ле** (С. № 8), **сельпе** (С. №№ 12, 14), **седа** (С. № 14), **уестьии** (С. № 12; Ш. № XVIII), **добитекь** (С. №№ 14, 16), **имениемь** (С. № 10), **доходекь** (С. № 17), **досеба**, **ѿсела**, **весь**, **поуеть**, **безьметь**, **кьмерекь**, **се** (т. е., **сь**) и род. п. мн. ч.: **крьхе**, **ꙁемле**, **дрьжаве(е)** (С.

[1] Serbische Lesekörner, стр. 23.

№ 16), мученике,-кь (С. №№ 16, 20), кметьвеникь, оугрьскомоу, сынь, дьвицами, добитекь (С. № 20; Ш. № XVIII). Въ XIV-мъ в.: игоумень, игоумена,-оу, игоумена, игоумень и т. д. (А. №№ 3, 4, 9, 10, 11, 12, 18; Г. А), ср. игоумьнь (А. №№ 7, 14, 18), рождешии (А. № 6), ретъуские (Мк.), георгие, самодрьжець, молитвеницоу, ксмь (С. № 51), исемь (С. № 52) ре, (т. е., рьть, С. № 39), самодрьжець (С. № 42), уземь (С. № 43), божьственимь, црькевни (С. № 35), темезу (С.-Д. М. № 1), паке (С. № 47), напреде (С. № 48), всеме (дат. мн.), тремь, с(ь) трьстьенное (А. № 13), бжьствеиое, ставилець, (С. № 61), иные (А. № 14), вь зилине царьстве (С. № 84), божаственую (С. №№ 84, 97), веселеном, сиществo (С. № 85). Въ XV-мъ в. изебраном (С. №№ 87, 108), безправьдено, неправедие (С. № 89), игуме, мьсельни (А. № 19), наведно (А. № 17), родителемы (С. № 95), срдчено (С. № 96), мене,-е,-и,-не,-ние, менe,-и (С. №№ 74, 96, 97, 98, 107, 114, 127, 128, 140, 143, 147, 155, 159, 161, 163), изебраном (С. №№ 100, 106, 109), разебрасмо, изебра, рожества (С. № 100), по овеме (С. № 101), веселеиеи (С. № 103), божествомь (С. № 104), людемь (С. № 107), неприязень (С. №108), везда (С. № 109), мехеме,-дь (С. №№ 113, 164), нералевь, у овомеи, у окоме, кь онемеи (С. № 114), приязень (С. № 122), обичеиомь (С. № 128), на томеи (С. № 135), улоните...е (С. № 136), паке (С. №№ 136, 171), на ономеи, (С. № 137), анеела (С. № 141), обевее (род. мн., С. № 142), нерaвь, (С. № 144), по сихеи листехь, у овихеи (С. № 145), седа (С. № 168), темемъ, гдѣ видно колебаніе въ удвоеніи окончанія одного съ е, другаго съ ѣ (Мл.), благоуестеи (С. № 178). Замѣтить должно еще форму -десете,-десте,-десете,-дете (С. №№ 92, 93, 99, 128, 130, 147, 154), въ сложныхъ числительныхъ именахъ. Въ Ц.-Славянскихъ рукописяхъ она также имѣетъ гласное окончаніе, которое собственно есть приставка къ носовому конечному звуку. Б-а ь смѣняется съ е въ словахъ: згоре,-е (С. №№ 110, 145) и згорь, згорь (С. №№ 157, 163), кре, ере, ере, кере, сере и крь, ерь, крь, ерь (мн. р.), тере, тере и терь, терь, (мн. р.), сребро,-а съ производными: сребрьни,-и,-ехь,-ними,-ичкыи, срѣбрьними (Ш. № VII; А. №№ 3, 11; С. №№ 115, 126, 128, 135, 138, 146, 147) и срьбро,-а, срьбрьни, -не (С. №№ 115, 126, 130, 147). Относительно этой формы должно припомнить то, что сказалъ я выше о замѣнѣ слога ре несущественнымъ рь: здѣсь видна любовь древнихъ Сербовъ къ претворенію полногласныхъ слоговъ съ б-ю р въ полугласные съ тою же буквою, такъ какъ это есть единственная буква, которая всегда и постоянно въ Сербскомъ языкѣ пользовалась правомъ образовывать слогъ съ полугласнымъ ь. Сверхъ того б-а е съ самыхъ первыхъ временъ письменности пріобрѣла себѣ постоянное и неизмѣнное право замѣнять первое ь въ окончаніи тв. п. ед. ч. именъ муж. и ср. р. (Ц.-Сл. -ьмь). Наконецъ въ именахъ собственныхъ, исходящихъ на ь, встрѣчаемъ часто замѣну б-ю е, на пр., раиче (С. № 61), владе (С. № 66), тоудре, добре, бале (А. № 6) и пр.

На оборотъ, существенный слогъ рь, хотя и до сихъ поръ звучитъ одинаково, какъ звучалъ въ старину, и хотя, какъ мы сейчасъ видѣли, Сербы любили замѣнять имъ полногласные слоги съ б-ю р, однако и въ немъ проявлялась по временамъ озвучетворяющая сила народной рѣчи. И здѣсь право первенства принадлежитъ б-ѣ е, такъ что другія буквы являются какъ бы исключеніями изъ общаго правила. Твердый и терпкій звукъ *р*, противуположный, хотя и однородный, мягкому и плывучему звуку *л*, долженъ былъ въ области народнаго языка испытать совершенно иную судьбу, чѣмъ *л*. Если

послѣдній вмѣстѣ съ полугласнымъ *ь* въ устахъ народа обратился, какъ увидимъ ниже, въ одну гласную, то *р* осталось по прежнему согласною, и народъ, по свойству его природы, далъ ему исключительное право, одному изо всѣхъ согласныхъ звуковъ, сочетаться не съ полною гласною, а съ полугласною. Такъ велось изстари; такъ ведется и нынѣ. Правда, бо́льшая часть нынѣшнихъ писателей, не признающая полугласныхъ, пишетъ слогъ *рь* съ однимъ *р* безъ *ь*, но тѣмъ не менѣе въ произношеніи не обходится безъ гласнаго отзвука, заключающагося въ опущенномъ, или удержанномъ *ь*: и несправедливо мнѣніе тѣхъ, кои самой б-ѣ *р* предназначаютъ какую-то самогласность. Лучшимъ тому опроверженіемъ послужитъ озвукотвореніе самого полугласнаго слога *рь*. Указанныя выше формы, имѣющія ь предшествующимъ б-ѣ р, уже обнаруживаютъ отчасти желаніе писцовъ оправдать этою перестановкою присутствіе полугласія въ б-ѣ ь, ибо какъ только это ь въ другихъ нарѣчіяхъ переходитъ въ полную гласную, то тотчасъ уже звучитъ прежде б-ы р; да и въ самомъ Сербскомъ языкѣ гласный полузвукъ, находящійся въ слогѣ *рь*, предшествуетъ въ произношеніи собственному звуку *р* и тѣмъ доказываетъ, что въ этомъ слогѣ, помимо звука *р*, есть еще другой, едва примѣтный, но тѣмъ не менѣе присутствующій: а это и есть именно тотъ, который выражается Ц.-Славянскими ь, или ъ. Но этимъ не удовольствовались писцы, и нѣкоторые изъ нихъ прямо обратили ь въ гласную, избравъ для этого преимущественно є. Впрочемъ, это озвукотвореніе слога рь было тѣмъ отлично отъ подобнаго дѣйствія относительно другихъ слоговъ съ б-ю ь, что не совпадало съ истинными законами народнаго языка, допускавшаго полугласіе въ этомъ слогѣ, и было лишь крайностію его озвукотворяющей силы. По этому на озвукотворенный слогъ рь должно смотрѣть единственно, какъ на попытку, не приведшую ни къ чему. Начавшись рано и безъ видимыхъ успѣховъ, озвукотвореніе это и кончилось рано и также безъ успѣха. Оно показало только, что въ слогѣ рь гласность сосредоточивало въ себѣ не р, а ь. Шафарикъ приводитъ примѣры изъ иностранныхъ памятниковъ X-го и XI-го вв.; вотъ они: *Σέρβλοι*, *Σερβλία*, *Τζερναβουσκεῆ*, *Cernecha*, *Berda*[1]. Къ нимъ прибавлю *Βερούλλια* у Багрянороднаго[2], нынѣ *Врула*. Непосредственное озвукотвореніе б-ы ь находимъ въ формахъ, гдѣ гласная стоитъ послѣ р на прежнемъ мѣстѣ б-ы ь; таковы: штврєгнии (С. № 17), вгрєцихь (С. № 96). Сюда же отнесу и трьиновскиии (С. № 60), гдѣ ь обнаруживаетъ колебаніе писца между полугласіемъ и полногласіемъ слога рь. Но эти формы являются слишкомъ буквальными и противорѣчатъ настоящему произношенію, поставляющему полугласный звукъ прежде согласнаго р: по этому чаще встрѣчаемъ формы съ предшествующею гласною, при чемъ послѣ р иногда удерживается ь уже въ значеніи вставочнаго и смягчающаго; на пр.: потвєрьдимо (С. № 8), твєрдь, -о (С. NN№ 14, 16), сєрьбєль, сєрблинь,-а,-и (С. № 14), дєрьжали,-ти, потвєрдиль, -оье, мєрьнихь, цєрьквиь (С. № 16), вєрьно, дєрьжаль (С. № 20; Ш. № XVIII), сєрбскыхь (А. № 8), сєр̃тлиихь (С. № 101), сєрблємъ (С. № 138), тєрновь (С. № 141), твєрьжє, сєрьблємь (С. № 116), хєрьватомь (С. № 136), цєркиѥ (С. № 166). Въ словѣ: бєзсмєрє́тное (Мл.) озвукотворены оба ь. Какъ исключеніе, можно привести еще форму кърсть (С. № 12), гдѣ ъ поставлено ошибочно вмѣсто є. Такимъ образомъ озвукотвореніе слога рь не усиливается отъ времени, а на-

[1] Serbische Lesekörner, стр. 26.

[2] Шафар., Slow. Starožitn., Слав. Древн. II, I, 440.

противъ слабѣетъ: ясный признакъ противодѣйствія народности, никогда не нуждавшейся въ полной гласной для слога ръ. Слѣдовало бы сказать теперь о другомъ побратимѣ, о слогѣ лъ; но мы скажемъ о немъ тогда, когда будемъ разсматривать главнѣйшія буквы, участвующія въ его озвукотвореніи. А теперь пока перейдемъ къ другой буквѣ, которой, какъ и б-ѣ е, принадлежитъ честь обширнаго и повсемѣстнаго служенія для замѣны полугласнаго ь.

Хотя б-а а пользуется въ древней Сербской письменности весьма огромнымъ служеніемъ, въ чемъ далеко превышаетъ б-у е, однако появленіе ея въ памятникахъ, отмѣченныхъ годами, не восходитъ далѣе половины XIV-го в. и по тому она цѣлымъ столѣтіемъ моложе б-ы е. Впрочемъ, изъ этого не слѣдуетъ, чтобы народъ въ своемъ устномъ языкѣ началъ столь поздно употреблять ее. Явленіе книжнаго языка еще не условливаетъ явленій народнаго языка, тѣмъ менѣе тамъ, гдѣ дѣйствуетъ сильное вліяніе еще постороннней стихіи. Относительное старшинство б-ы е поясняется вліяніемъ Ц.-Славянской стихіи, въ которой, какъ извѣстно, полузвукъ ь переходитъ обыкновенно въ е. Слѣдовательно, появленіе а есть дальнѣйшее движеніе книжнаго языка въ пользу народности. У Шафарика приведены слова, въ которыхъ ь претворено въ е и а, слова, заимствованныя изъ Латинскихъ и Греческихъ источниковъ и относящіяся къ IX, X и XI вѣкамъ [1]. Они могутъ показать, какъ рано началось дѣйствіе озвукотворенія полугласнаго начала; но изъ всѣхъ этихъ словъ только одно *Zadarensis civitas* (879 г.) не относится къ слогу ръ; всѣ же прочія представляютъ озвукотвореніе полугласнаго сочетанія ръ. Можетъ быть, и въ словѣ *Γαλουμαήνικ*, *Глумьникъ, Глумъникъ* [2] а замѣнило ь, какъ бы глоумьникъ. Какъ бы то ни было, несомнѣннымъ остается то, что въ устномъ языкѣ Сербовъ давно уже пребывали тѣ начала, которыя много позднѣе стали обнаруживаться и въ книжномъ ихъ языкѣ. Одна, не означенная годомъ, но весьма древняя грамота, принадлежащая Поповской общинѣ, имѣетъ уже а вмѣсто ь въ словѣ састанимо (С. № 11), хотя у Шафарика (№ I) въ этомъ мѣстѣ находимъ станимо; но за то у него въ другой гр-ѣ (№ XVII) читаемъ: стрьки васа, вмѣсто чего въ С. № 19: стрьки вась. Потомъ а не показывается до самыхъ временъ Душана. Въ грамотахъ послѣдняго находимъ: назрѣда (С. № 43), сьса всамь, гдѣ видно еще колебаніе, божастка, земльнаго, областаиь, уловкуасномъ (С. № 35); и въ гр-хъ Уроша V: када (Г. А), макъ (С.-Д. М. № 1), хотя въ той же гр-ѣ, С. № 46, стоитъ мьчь; доходакъ (С. № 47), посема сего (С. № 49). Съ Уроша V озвукотвореніе продолжается въ Восточныхъ грамотахъ до самого конца XV-го в., но безъ замѣтнаго усиленія, такъ что б-а а является голько коегдѣ, и время, кажется, не умножаетъ ея. Въ современной Урошу V гр-ѣ читаемъ: данакъ (С. № 56) и далѣе въ слѣдующихъ: срьтанога,-емь (С. NN№ 63, 67), дубровачко,-чкихъ,-чкй,-чкимь, дальжань (С. NN№ 70, 72, 91, 111), вожань (С. NN№ 73, 91), пожауны (Ш. № 15), властелa (род. мн., С. NN№ 131, 146), вась, остатань, вмакъ (С. № 146), осальдѣть (С. № 147), прилѣвакъ (Г. V). Вотъ всѣ случаи изъ Восточной семьи грамотъ на разстояніи полутора столѣтія. Турецкія, какъ и прежде, занимаютъ средину между Восточными и Западными. Хотя въ нихъ озвукотвореніе принимаетъ гораздо большій размѣръ,

[1] Serbische Lesekörner, стр. 24, 26.
[2] Шафар., Slow. Starožitn., Слав. Древн. II, 1, 436.

чѣмъ въ Восточныхъ, однако уступаетъ въ немъ Западнымъ. Такъ мы находимъ въ нихъ: потанивти, часии, дверовачки,-а (С. № 113), сада, садаии (С. NN№ 164, 173), када (С. NN№ 164, 173; С.-Д. М. № 2), босаиски, ѡья, гдѣ видно еще колебаніе, таи (тьи), самь (сьмь), властела, дукатаа, тисвка (род. мн.), васколинь (С. № 164), ован (С. № 168), члѡвечаскию, изабравии, земалинь, васелиеои, алавиь, часть, любавь, срчаив, рать (рьть', казиаць, иеть сать и пр. (С. № 37), изабраногл, доходавь, доходачаць, саветь, годииаа(род. мн.), ѡиаи, самиритисе (С. № 173). Но самое обширное употребленіе б-ы а вмѣсто ь находимъ въ Западной семьѣ. Сдѣсь а, и съ нимъ народность, торжествуютъ Въ этомъ кругу грамотъ, наиболѣе удаленномъ отъ Ц.-Славянской стихіи, свойство устнаго языка сказалось весьма сильно. Сербы, любящіе благозвучіе, не могли терпѣть въ произношеніи неравновѣсія звуковъ. Согласныя, пользуясь полнымъ звукомъ въ сочетаніи съ полугласными, казались отъ того еще тяжеловѣснѣе, а этѣ легче: стяженіе голоса не есть благозвучное свойство языка; тѣмъ менѣе могло оно сохраниться тамъ, куда зашло извнѣ. Содержаніе грамотъ Западной семьи было далеко отъ дѣлъ церковныхъ и еще менѣе зависѣло отъ вліянія Восточнаго духовенства и связанной съ нимъ Ц.-Славянской стихіи; оно открыло входъ народности въ языкъ книжный. Это воздѣйствіе устнаго языка на книжный совершилось почти въ глазахъ исторіи. Мы оставили Западную семью на половинѣ XIII-го ст., и въ это время еще не видѣли въ ней ничего, сколько нибудь похожаго на претвореніе б-ы ь въ а. Въ Восточной семьѣ претвореніе началось съ половины XIV-го ст. Но такъ какъ Западная семья идетъ всегда впереди Восточной въ дѣлѣ народности, то безошибочно можно положить, что въ ней, если только кроются гдѣ нибудь ея памятники отъ этого времени, замѣна полугласнаго начала полногласнымъ возникла съ первыхъ годовъ XIV-го ст. Когда же открывается рядъ грамотъ этой семьи, то зародышъ замѣны оказывается уже возникшимъ, но еще столь юнымъ, столь робкимъ, что конецъ XIV-го в. весьма замѣтно отличается отъ начала XV-го. Колебаніе между ь и а еще продолжается весьма сильно. Кажется, оба звука находятся сначала въ равновѣсіи, даже первый перетягиваетъ второй; но съ половины XV-го в. побѣда остается окончательно на сторонѣ втораго. Не смотря на то, что ь еще продолжаетъ существовать кое-гдѣ, въ собственномъ его служеніи происходитъ переворотъ, въ которомъ также участвуетъ народность. Еще сильнѣе дѣйствуетъ она тамъ, гдѣ можетъ совершенно изгнать его изъ употребленія и замѣнить другимъ звукомъ. Такимъ образомъ она совершаетъ въ одно и то же время два дѣла: распоряжается по своему б-ю ь, употребляя ее для стяженія голоса при сочетаніи двухъ гласныхъ, и на оборотъ, изгоняетъ ее изъ сочетанія согласныхъ, замѣняя сдѣсь ея полугласіе полновѣснымъ самогласнымъ звукомъ а. Претвореніе ь въ а совершается во всѣхъ видахъ существеннаго служенія б-ы ь и при томъ въ объемѣ, нѣсколько превосходящемъ права нынѣшняго языка: его находимъ даже тамъ, гдѣ нынѣ оно не существуетъ. Въ гр-хъ Твртька 1367 и 1378 гг. (С. NN№ 57, 66) нѣтъ ни одного случая замѣны ь б-ю а; но что она уже тогда существовала, то это доказываютъ другія его грамоты, въ которыхъ читаемъ: босаиьскога, дубровачкога, доходакь, иеть сать, самь, срьчанииь (С. № 59), ка, када, ѡа, поиесаль, свободакь (С. № 65), напрада, срьчанога (С. № 77) — и только, между тѣмъ; какъ примѣровъ служенія б-ы ь можно бы было, разумѣется, привести гораздо больше. Потомъ озвукотвореніе замѣтно усиливается при Дабыши, Остои и т. д. Особенно сильно проявляется оно въ

тѣхъ грамотахъ, которыя менѣе всѣхъ сносились съ Восточною Сербіею, т. е., Травунскихъ и Хлумскихъ. Въ одной Травунской грамотѣ конца XIV-го в. читаемъ: ка, са, дань, данась, сада, када, но тьда, ѡа, ѡашаль, колань, молъчить, ѡтаць, полагь, конавальске, напрѣда, норвиаль, частнаго и пр. (С. № 78). Но верхъ полногласія представляетъ грамота Гервои, наиболѣе независимая отъ условій книжнаго языка древней Сербіи: въ ней озвукотвореніе переходитъ всякіе предѣлы законной возможности и объясняется лишь страстью народнаго языка растворять стеченіе согласныхъ гласными звуками, подобно тому, какъ нѣкогда въ книжномъ языкѣ обнаруживалась такая же страсть къ б-ѣ ь. Причина, очевидно, была та же; черезъ б-у ь цѣль достигалась только на половину; черезъ а она достигалась вполнѣ. Въ этой гр-ѣ находимъ слѣдующія формы: сиаланцки, кралевастава, дубровашникь, едана старана (страна), васа, васи, ӡаедано, вана (вонъ), на васиха (вь вьсихъ), в хумаске, ӡемале, госаподиновь, ладами, посатавикь; на евангелию, вгодикашихь, ѡшаде (ѡще, ѡшде), посалашинами (отъ посьль) (С. № 88). Но оставимъ въ сторонѣ количество служенія; всѣхъ случаевъ привести невозможно: сказаннаго достаточно будетъ для того, чтобы увѣриться, что съ теченіемъ времени служеніе б-и а вм. ь увеличивается и преимущественно въ тѣхъ грамотахъ, гдѣ вліяніе Ц.-Славянской стихіи наименѣе имѣетъ мѣста. Посмотримъ теперь значеніе этого служенія; въ какихъ именно случаяхъ является оно. Нѣсколько выше мы замѣтили, что а замѣняетъ ь во всѣхъ видахъ его существеннаго служенія. Такъ дѣйствительно встрѣчаемъ въ основѣ словъ; на пр.: сать (сотъ, С. NN№ 59, 83, 115, 124, 157, 170), самь, есамь (С. NN№ 59, 82, 98, 107, 114, 117, 124, 132, 143, 144, 158, 159), када,-и,-е (С. NN№ 65, 78, 82, 87, 92, 96, 107, 115, 119, 121, 130, 133, 141, 143, 144; Ш. № 16; З. А.), дань, -а, даань (С. NN№ 78, 82, 92, 94, 95, 99, 103, 114, 116, 169), откуда данась (С. NN№ 78, 89, 103, 136, 140), данашьнаго,-шнега (С. NN№ 92, 107, 128, 140), часть,-ми, частми (С. NN№ 81, 85, 95, 103), откуда часни,-омь, -ѡмь, -ѡ,-оѡмь, частнаго,-омь (С. NN№ 78, 88, 89, 95, 96, 99, 103, 104, 133, 136, 157), каӡь-, каӡ- (С. NN№ 81, 85, 89, 92, 101—104, 115, 116, 150), тан (С. NN№ 83, 104, 116, 135, 142, 144, 154, 157, 161), откуда тада (С. NN№ 94, 107, 115, 119, 121, 126, 133, 143; Ш. № 16), тагда, тага (С. NN№ 81, 179), вась,-а,-и,-е,-ему,-емь,-ѣхь,-ихь (С. NN№ 84, 88, 97, 107, 108, 112, 115, 119, 124, 125, 126, 134, 146, 159), откуда ваӡда,-и, ваӡьда (С. NN№ 78, 83, 89, 96, 98, 101, 106, 107, 114, 119, 133, 141), на васиха (С. № 88), мани,-е (мьне, С. NN№ 93, 132), седамь (С. NN№ 93, 112, 115, 124, 130, 157), дошадь (С. NN№ 94, 126, 169), на мане,-ю,-е (меньшее, С. NN№ 96, 106, 112; З. А.), откуда маншина (С. NN№ 114, 144), ѡсамь (С. NN№ 112, 115, 124, 130, 147, 151, 163), марьци (С. № 118), сан, саан (С. NN№ 121—128, 130, 140, 145), откуда сада (С. NN№ 78, 96, 104, 114, 117, 150, 171), садинимь (З. А.), садашни (С. № 163), садашнему (С. NN№ 78, 82), лажице (С. № 130), ѡпан (С. NN№ 142, 150), поса (посьль, С. № 162), откуда посалабинами (С. № 88), посаѡбине (С. № 129) и пр. и пр. Еще чаще употребляется а вмѣсто ь при соединеніи сновы съ окончаніемъ и при окончаніяхъ. Такъ мы находимъ слѣдующія окончанія съ озвукотворенною полугласною: -ць, на пр.: ѡтаць, отаць (С. NN№ 78, 96, 101, 120, 127, 144), стараць (С. NN№ 87, 123), кнаць (С. NN№ 107, 114) и въ обоихъ окончаніяхъ: кнезачаць (С. NN№ 121), нашинаваць (С. № 142), поповаць, липоваць, раковаць и др. (З. А.); -нь: доходань (С.

NN№ 59, 81, 83, 85, 95, 107, 114, 152), **пачетакь**, **пачетамь** (С. NN№ 85, 95, 150; З. А.), **натрижакь** (С. № 104), **остапакь** (С. NN№ 107, 108);-ть: **молявать** (С. № 78);-ть, откуда -тки: **хвбаять** (С. № 84), **корать** (С. № 127), **диброватци** (С. NN№ 65, 86, 125, 127, 129, 157 и пр.), **покатвы** (Ш. № 15);-тки или тки: **тенатки** (С. NN№ 83, 84);-нкь: **диброкапкь** (С. № 88); -на: **восана** (С. № 89), откуда: **босаньска**,-ога, -омь, **восански** (С. NN№ 59, 65, 84, 89, 92, 96, 107, и пр.; З. А.);-вь: **прихадь**, **прихадь** (С. NN№ 78, 101, 107 112, 114);-вь: **любавь** (С. NN№ 84, 92, 96, 101, 114. 117, 144, 157); -дь: **неправадь** (С. № 140), откуда: **безъправадие** (С. № 143); -ли: **земаль** (С. № 88), **земалнога**,-нхь (С. NN№ 96, 103, 104); -ство: **срьтайтво** (С. № 81), **рожаства** (С. NN№ 84, 85, 90, 98, 99, 101, 104, 116, 150; З. А.), **божаства**,-омь (С. NN№ 85, 101), откуда: **божаственю** (С. № 97), при второмъ окончаніи: **божстванньемь** (С. № 114); -ски: **хумаски**, **восанаскогь** (С. № 88), **хловиуаские**, (С. № 103), **натолиуаские** (С. № 118); -нь,-ни: **свободань** (С. № 65), **колань**, **колянь** (С. NN№ 78, 91, 101, 102, 106, 107, 108, 112, 114, 115, 119, 126, 130, 132, 142, 143, 144), **единань**, **угодань**, **исправь** и пр. (С. № 143). **златань**. **малахань** (С. № 157), **слободчи** (Ш. № 16), **срьуанога**, **срьуанимь**, **срахи** (С. NN№ 59, 77, 86, 94), **обиуаномь**.-**ниими** (С. NN№ 126, 128), **противанимь** (С. № 132), откуда нарѣчіе: **кахьдрьжано** (С. № 115);-рь: **доваръ**, **даварь** (С. NN№ 104, 156); -ль и -льши въ причастіяхъ: **понесаль** (С. № 65), **порекаль** (С. NN№ 78, 81, 85), **могаль** (С. NN№ 87, 96, 106), **оставальшю**, **сподобальши** (С. № 84);-ши: **угодивашихь** (С. № 88) и пр. Б-а а замѣняетъ собою еще конечно ь въ предлогахъ, на пр.: **да** (С. NN№ 65, 78, 84, 104, 136, 140, 142 и т. д.), **дашаль** (С. № 78), **на- преда**, **преда**, **приеда**, **прида** (С. NN№ 77, 78, 102, 104, 132, 143, 150), **са** (С. NN№ 78, 81, 82, 103, 136 и т. д. мн. р; З. А.), **саньтий**, **сатвор** (С. № 81), **саврьшениемь**, **сабаидамь** (С. № 82), **сахранити** (С. NN№ 92, 102), **сагришио** (С. № 118), **самрьть** (С. № 126), **саветь** (С. № 133), **сьа**, гдѣ еще видно колебаніе (С. № 114), **беза** (С. NN№ 82, 129, 140), **ва** (С. NN№ 65, 78, 80, 81, 83, 84, 89, 92—96, 101—104, 107, 112, 116, 128 и т. д. мн. р.; З. А.), **васлениию**, **васелению**,-он, **васелению** (С. NN№ 89, 95, 101, 102, 104, 150; З. А.); **изабрань**,-**ихь**,-**ими**, **изабрании** (С. NN№ 84, 93, 107, 114, 136), **изамие**, гдѣ а поглотило ьи (Ш. № 16), **противна** (С. NN№ 88, 118, 132, 141), **ка** (С. NN№ 89, 94 и т. д.; З. А.), **разабиена**, **разадрьта** (С. № 163), **да се разасие** (С. NN№ 114, 144). Б-а а смѣняется съ 6-ю ь еще въ предлогѣ **згора** (С. NN№ 83, 93, 96, 107, 108, 112, 115, 118, 126, 127, 133, 141, 144, 145, 150; З. А.) и **згорь**, **згорь** (С. NN№ 157, 163). Наконецъ а, какъ увидимъ послѣ, озвукотворяетъ собою конечно ь въ родительномъ п. мн. ч. именъ существительныхъ и въ дательномъ п. мн. ч. въ словѣ **вьекома**, **викома** (С. NN№ 98, 99, 107, 114, 120, 128, 140, 142, 144, 145, 163). Въ род. п. мн. ч. именъ существительныхъ женскаго рода, при стеченіи на концѣ двухъ согласныхъ, этѣ послѣднія растворяются 6-ю ь, озвукотворенною въ а, какъ и въ нынѣшнемъ языкѣ Сербовъ: **земаль** (С. № 84), **кнаћь**, -ѣ, **кни** (С. NN№ 108, 115, 118, 125, 146, 151) и **кнаук** (С. № 119), **литарь**, **литара** (С. NN№ 115, 126, 151), **пригала** (С. NN№ 115, 126), **форамь** (С. № 130). Такое же озвукотвореніе находимъ однажды и въ дат. п. мн. ч. въ словѣ **людами** (С. № 88), гдѣ нынче обыкновенно употребляется и. Несущественное ь, по самому уже свойству своему, рѣже замѣняется 6-ю а, ибо если уже прибѣгали къ нему, то всякая другая бук-

ва была бы лишнею: иначе прямо прибѣгли бы къ этой послѣдней. При томъ ь, въ служеніи несущественномъ, было приличнѣе полной гласной; сдѣсь его мѣсто иногда таково, что только полузвукъ, или совершенное безгласіе могутъ мириться съ ухомъ, привыкшимъ къ извѣстной Ц.-Славянской формѣ слова; но гласная была бы сдѣсь слишкомъ поразительна. Впрочемъ, не всегда такъ бываетъ. Нынѣшній Сербскій языкъ, какъ и въ старину, распускаетъ гласною нѣмые звуки въ нѣкоторыхъ словахъ иностранныхъ; какъ теперь, такъ и въ старинныхъ его памятникахъ находимъ: **пакаль** (С. №№ 84, 89, 179), **дьнтарь** (С. № 87), **петарь**, **петарь** (С. №№ 95, 133, 145; З. А.), **гюрагь** (С. № 130) и н. др.; еще: **евангелию** (С. № 88), **тестаменать** (С. №№ 157, 161). Въ словѣ: **ндаль**, **едаль** (С. №№ 79, 96, 103, 112, 119, 126, 136, 142), **ꙁдадано** (С. № 88) и пр. **а** замѣняетъ **ь**, а это, въ свою очередь, смѣняется б-ю **и**; въ словѣ же **каура** (С. № 103) **а** стоитъ вмѣсто **ь**, смѣняющаго б-у **е**. Окончаніе **-ство** обыкновенно не разъединяется; но мы замѣтили выше форму: **прѣбжьстьвною** (С. № 178); такъ и теперь укажу на формы: **кралевастава** (С. № 88), **бжаставномь** (С. № 144). Сверхъ того, въ словахъ: **старана**, **посатавникь**, **госаподиномь**, **омиаѣе**, **спаланци** (С. № 88) хотя **а** и указываетъ на озвукотворенное имъ несущественное **ь**, однако послѣдняго въ этомъ случаѣ не находимъ. Вообще замѣтимъ, что въ грамотѣ Юрія, племянника Гервои, воеводы Сплитскаго, С. № 88, озвукотвореніе доведено до крайности. Оно разбиваетъ такія сочетанія согласныхъ, которыя ни въ какомъ случаѣ не разъединяются даже б-ю **ь**.

Что касается до слога **рь**, то хотя главное его озвукотвореніе совершается чрезъ **е**, однако, по любви Сербовъ къ б-ѣ **а**, находимъ и въ немъ нѣсколько случаевъ замѣны б-ы **ь** б-ю **а**. Таковы въ древнѣйшихъ иностранныхъ памятникахъ: *Tarnova*, *Barda*, *Tarstenich* [1]; таковы въ нашихъ грамотахъ: **четварто**, **храбое** (С. № 88), **угарскога**, **угарсцимь**, **угарьсцехь** (С. №№ 96, 130, 145), **сарца**, **сарчаше**, **даржави**, **потвардихь**,**-хи**, **потвargивани**, **укарпити**, **четвартакь**, **паркога варсте** (С. № 102), **царвена**, **царнь** (С. № 157). Въ словѣ **храбое** б-а **а** поставлена послѣ **р** по правописанію, ср. **хрьбое**,**-ла** (С. №№ 85, 89, 118), а въ прочихъ она стоитъ передъ **р** по произношенію.

Сравнимъ теперь древніе предѣлы озвукотворенія съ нынѣшними. Мы сказали выше, что, быть можетъ, старые Сербы уже слишкомъ увеличили объемъ служенія б-ы **а**; теперь наши слова мы можемъ доказать самими примѣрами. Во первыхъ, всякое полное озвукотвореніе слога **рь** черезъ какую бы то ни было гласную есть уже противорѣчіе нынѣшнему выговору. Во вторыхъ, претвореніе **ь** въ **а** въ другихъ случаяхъ также переходитъ иногда предѣлы нынѣшняго произношенія Сербовъ, на пр., **опаѣнинь** нынѣ звучитъ *опѣина*, **саветь**—*савет* и *свет*, **самрьть**—*смрт*, **вана** — *ван*, **босана**—*босна*, **напрѣда**—*наприед*, **протика**—*против* и т. д.

Такимъ образомъ б-а **а** въ озвукотвореніи полугласнаго **ь** превосходитъ количествомъ употребленія б-у **е**: она же является въ этомъ дѣлѣ и болѣе народною. Но прежде мы должны разсмотрѣть еще дѣйствіе другихъ буквъ въ озвукотвореніи б-ы **ь**: общее сравненіе покажетъ, которая изъ всѣхъ буквъ преобладаетъ. Сдѣсь пока припомнимъ только, что б-а **а** пользуется относительно большимъ, даже можно сказать, огромнымъ служеніемъ въ грамотахъ Западной семьи; возрастъ же ея, въ смыслѣ цѣльности употребленія и господства, восходитъ по письменнымъ памятникамъ до половины XIV-го сто-

[1] Serbische Lesekörner, стр. 24.

лѣтія. Около этого времени, незадолго до появленія грамотъ Западной семьи, долженъ былъ совершиться переворотъ въ ея пользу, ибо въ первыхъ Западныхъ грамотахъ этого вѣка еще замѣтно колебаніе между нимъ и ь.

Буква и стоитъ въ озвукотвореніи б-ы ь далеко ниже, чѣмъ а и даже е. На долю е достался законно слогъ рь; на долю а досталось ь во всѣхъ видахъ его служенія, кромѣ слоговъ рь и ль; на долю о и у достанутся, какъ увидимъ, окончаніе ль и полугласный слогъ ль; на долю же и не досталось ничего законнымъ образомъ, т. е., въ смыслѣ правильнаго и согласнаго съ требованіями народности озвукотворенія. По этому все то, гдѣ только и является на мѣстѣ ь, не носитъ на себѣ признака послѣдовательности и непреложности: это лишь мгновенное явленіе; а тѣ случаи, гдѣ и постоянно замѣняетъ ь въ нынѣшнемъ языкѣ Сербовъ, еще не развились до системы и показываются въ древней письменности не иначе, какъ урывкомъ и невзначай. Изъ иностранныхъ источниковъ Шафарикъ приводитъ для б-ы и слѣдующіе примѣры: Debriz, Dircislavus, Dirzislavus, Vilcodrug, viso (вьсь), Drizislavus, Suinimir, Zuinimir: всѣ они относятся въ X-му, XI-му и XII-му вв. [1] Къ нимъ прибавлю: *Δοβριδνὶν* и *Μονριδνὶν*. [2] Въ нашихъ памятникахъ мы находимъ б-у и вмѣсто ь въ слѣдующихъ случаяхъ. Въ XIII-мъ в.: болярими (С. №№ 12, 14); сдѣсь первое и напоминаетъ нынѣшнюю форму того же творительнаго п. мн. ч.; но, кажется, нельзя столь рано видѣть въ этомъ дѣйствіе народности, ибо кромѣ еще одного случая изъ послѣдней четверти XV-го ст. синовцима (Мл.), если только это не двойственное число, другихъ примѣровъ нѣтъ. Между тѣмъ эта форма, если бы она установилась въ древней Сербской письменности, доставила бы для б-ы и законное служеніе, согласное съ народностію въ той мѣрѣ, въ какой она проявляется въ нынѣшнемъ языкѣ въ формахъ дательнаго, творительнаго и мѣстнаго пп. мн. ч. существительныхъ муж. и ср. р. Далѣе въ томъ же вѣкѣ находимъ: привыдроужинь (С. № 15), гдѣ и озвукотворяетъ полугласный слогъ рь; цри—род. п. мн. ч., подобный нынѣшнему въ сущ. жен. р. на *р*, на пр., *ствари*; кида (С. № 16). Въ XIV-мъ в.: прѣдложениныхь (С. № 52), предимирь (А. № 6), хиландари (им. ед., ближе къ Греческому, А. № 8), венетицѣхь (А. № 10), аще ли се тко покушаити (А. № 13), клехнисе (клехь се, С. № 64), дубравнукоу (Ш. № 15), динари (род. мн., С. № 85), тихи (тѣхь, С. № 84). Въ XV-мъ в.: привихь (прьвихь, С. № 95), господини, госпойни (господьни, С. №№ 96, 99, 101), сида (сьда, С. № 97), участими (тв. мн., учьстьми, С. № 103), властели (род. мн., С. № 113), на- покони (С. №№ 127, 128), сакулін, аспри (род. мн., С. № 130), ти (ть, С. № 133), тиме (тѣмь, С. № 135), тѣхи, тихи (род. мн., С. №№ 142, 145), снедимнь (С. № 142), ѡдонехи (ѡдь онѣхь, С. № 74), сврашило (С. № 155), срьдчини (С. № 60), учисти (тьтити, С. № 178), ромлинскимь (С. № 173). Относительно приведенныхъ формъ родительнаго п. мн. ч. на и, замѣтить должно, что въ нѣкоторыхъ окончаніе -и не столько озвукотворяетъ ь, сколько усиливаетъ значеніе слова; оно, вѣроятно, возникло изъ стяженія ьи: слѣдовательно, сдѣсь и не есть замѣнительная буква для ь, но придаточная усиливающая, о которой будемъ говорить послѣ. Что же касается до слитія, то оно не рѣдко попадается въ грамотахъ, на пр.: ниихъ, т. е., нимь ихь (С. № 55), ѡбѣтованихимь и данхимь, т. е., ѡбѣтова ихь нимь

---

[1] Serbische Lesekörner, стр. 26, 27.

[2] Шафар., Slow. Starožitn. Слав. Древн., II, I, 435, 437.

и да ихъ имь (С. № 159). Въ формѣ -десетя, -дести, -десетя (С. №№ 108, 115, 119, 121, 123, 124, 130, 158, 175) въ сложныхъ числительныхъ именахъ и замѣняетъ ь, которое присутствуетъ въ другихъ таковыхъ именахъ (ср. С. №№ 124, 130). Такъ равномѣрно и смѣняется съ ь въ словахъ: идинь и идьнь, какъ на пр., едьнь, -е (А. № 1; С. № 18), единемь (С. № 3) и идьны, -е (С. №№ 2, 137), една, -ега (С. №№ 43, 64), идьнь, -о (С. № 58), едьнъ (Мл.), идинь (С. №№ 39, 61; Ш. № 14) и идие (С. № 61), едино и едно (С. № 89), единими (С. № 142), ѐдиными (С. № 175), ѐдинь, ѐдино (А. № 11). Въ приведенныхъ примѣрахъ встрѣчаемъ какъ и, такъ равно и ь, сохраненное, или опущенное, или замѣненное б-ю а. Въ Ц.-Славянскомъ языкѣ тоже встрѣчаются обѣ формы, идинъ и идьнъ. Б-а и смѣняется съ ь въ формахъ сь и си, нь и ни, откуда понятны формы сьда и сида, ньда и нида. Какъ сь, такъ и си съ своими измѣненіями пользуются равнымъ правомъ гражданства въ древней Сербской письменности. Такъ мы находимъ: сьѝ (А № 2), сь̏ (С. № 178), сьѝ (А. № 20), сь (З.), которое присутствуетъ въ нарѣчіи: сьда, -да, сьди, сьга, сьги (С. №№ 3, 10, 18, 32, 54, 56, 73, 77, 90, 91, 111, 137, 138, 164; Мл.), досьда (А. № 17; С. № 168). Другая форма для мужескаго р. есть неопредѣленная же си, которую не должно смѣшивать съ подобною ей опредѣленною и которая участвуетъ въ образованіи нарѣчій и прилагательныхъ: сіно (Ш. № 11), сикоѕи (С. №№ 39, 43, 76), сице, сицеви (А № 17), сиковъ (С. № 42), сицевами (С № 46), сіцие (З.), сида (С. № 97) и т. д. Подобнымъ образомъ перемѣна б-ъ ь и и происходитъ въ другой основѣ: нь и ни. Первая встрѣчается въ мѣстоименіяхъ нь (вин. мн. муж., С. № 10) и ньто (С. №№ 14, 16, 17) и въ нарѣчіяхъ: ньга, -и, ньда, -и (С. №№ 3, 10, 21, 22, 33, 37, 43, 53, 63, 86, 100, 109, 165, 166, 167; Мк.; А. №№ 6, 15; Мл.), доньде, иськда (С. № 16), никьди (С. № 76); вторая въ нарѣчіи нида (С. № 16) и мѣстоименіи ни въ неопредѣленной формѣ, впрочемъ, ни чѣмъ не отличающейся отъ опредѣленной стянутой ни, вм. нии, которую любятъ Сербы. Въ заключеніе сказаннаго о б-ѣ и замѣчу, что формы паки и пакь въ древней Сербской письменности, въ продолженіе всего разсматриваемаго нами времени, являются совершенно тожественными по своему значенію, такъ что достаточно привести по одному примѣру, чтобы убѣдиться въ этомъ: придоше нам(и) людие и еще моега ѹ̑чьника.... и послахь нь вамь ... и пакь есте други люди.... и пакь послахь нь ва(мь)... и пакь ни есте моега учѣника (С. № 18; ср. С. №№ 47, 86, 168), и прослави ихъ наче всихъ царь на ѕемли ѕемльнихъ и паки на небесихъ кьнѕи свѣтлыми виразивъ ихъ (С. № 103; ср. С. №№ 173, 176, 178, 179). Отсюда должно заключить, что въ этихъ формахъ ь и и взаимно смѣняются, также какъ въ формѣ паке (см. в.) ь переходитъ въ е. Въ словѣ же прьзы (Ш. № 15) ы, т. е., и замѣняетъ ь, находящееся въ другой формѣ прьѕь, приѕь (С. №№ 2, 43, 76, 88 154, 176).

Мы видѣли что б-а и не пріобрѣла себѣ ни одной формы, въ которой она могла бы постоянно и законно замѣнять и смѣнять б-у ь. Все ея служеніе ограничивается или случайными и странными, или отрывочными и неустановившимися, хотя и правильными, формами; въ этомъ отношенія она бѣднѣе всѣхъ прочихъ буквъ. Даже о и ѕ богаче ея служеніемъ. Б-а о уже съ самыхъ раннихъ временъ усвоила себѣ нѣкоторыя формы, гдѣ она замѣняетъ б-у ь. Таковы творительный п. ед. ч. муж. и ср. р. на -омь (Ц.-Сл. -ъмь) и 1-е л. мн. ч. на -мо. Уже въ гр-ѣ Немани не находимъ творительнаго на -ьмь, но всюду на -омь, на пр., дѣломь, глаголомь (А. № 1). Въ XIII, XIV и XV вѣкахъ

всюду одна и та же форма. Такъ точно и 1-е л. мн. ч. почти всюду имѣетъ -мо съ немногими исключеніями. При этомъ не мѣшаетъ упомянуть о вѣкомо и видомо (С. № 127), доказывающихъ, что и трудныя формы, прямо заимствованныя изъ Ц.-Славянскаго языка, могутъ подчиниться вліянію народности. Изъ этихъ двухъ видовъ служенія б-ы о можно замѣтить, какъ мѣстами рано и твердо высказывалась народность Сербовъ въ ихъ письменномъ языкѣ. Впрочемъ, таковыхъ проявленій немного. Укажу на другіе случаи служенія б-ы о въ замѣнѣ б-ы ь. Въ XII-мъ в.: доколѣ (А. И.), которое, никотори (А. № 1). Въ XIII-мъ в.: котора (Ш. № VII), никотаре (С. № 3), любовьномь (С. №№ 13, 17), доколѣ (С. №№ 16, 17), косми, любовь (С. № 16; Ш. № XVI). Въ XIV-мъ в.: некорою, посоль (А. № 6), црьковь, -ков, црко (А. NN 3, 4, 11, 12, 13, 18), црковне, -ога, црковни, црьковьни (А. №№ 5, 6, 7; С. № 176); тога, созданиѣ (А. № 4), сировищь скрьвенном (С. № 176), доколѣ (С. № 40), тогда (А. № 11), любовию, любовію, любовь,-вю, -вию, -вью (А. №№ 10, 11, 14; С. №№ 35, 61, 66, 67, 81, 176), костонамь (А. № 13), доколѣ,-е (С. №№ 57, 68), но (С. №№ 62, 66), хеландаро, седелни (А. № 14), ѡо (С. № 85). Въ XV-мъ в.: сомисаль (С. № 94), тогда, тога (С. №№ 95, 103, 120, 133, 136, 145, 150, 175), любовь, -вью (С. №№ 37, 96, 97, 100, 113, 132), дотолѣ, мехомѣть (С. № 98), водо, но (С. № 107), любовнею (С. № 114), црьковнимь (С. № 118), доколѣ, сохранению (С. № 126), доколе (С. № 127), нихо (нихъ, З. А.), со (С. № 142), нѣ сѡ (С. № 168), нано (С. № 171), но, црковь (Мл.). Въ предлогѣ прико, прико (А. № 11; Ш. № 15; С. №№ 86, 94, 144, 176 и пр.), если сравнимъ его съ прѣдъ, то увидимъ, что ь перешло въ о. Впрочемъ, было бы излишнимъ замѣчать, что бо̀льшая часть примѣровъ носитъ на себѣ Ц.-Славянскій отпечатокъ и вошла въ народный языкъ, какъ временное явленіе, въ слѣдствіе подчиненія его вліянію Ц.-Славянскаго языка: отъ того примѣры эти не имѣютъ постояннаго общаго значенія. Еще замѣтить должно о народномъ свойствѣ устнаго языка, перешедшемъ и въ книжный, обращеніи окончанія собственныхъ именъ -ль и -нь въ -ло и -но, свойствѣ, которое замѣчается и не у однихъ Сербовъ. Слѣды его сохранились въ древнѣйшихъ иностранныхъ памятникахъ, на пр., *Liutamiro*, *Nedamuslo*, *Cresamuslo*, *Techamila* [1]. Въ XIII-мъ в. находимъ: вокло, гостило, верило, моужило, братило и пр. (Ш. № VII), михоило, павьло (С. № 16). Въ XIV-мъ и XV-мъ вв. весьма часто, особенно въ исчисленіи жителей различныхъ метохій, даруемыхъ монастырямъ. Какъ имена эти жили въ народѣ, такъ и перенесены были на бумагу. Вообще относительно собственныхъ именъ должно замѣтить, что въ нихъ книжный языкъ наиболѣе подчинялся народнымъ свойствамъ. Такъ въ Аѳонскихъ грамотахъ находимъ: хранило, моужило, станило, манойло, ано, братило, ср. добриль, братиль (А. № 6), бранило (С. № 61), ѕанано (С. № 82), бранло (С. № 117), михоило (С. № 176) и пр.

Обращаюсь къ сочетанію ль, говорю сочетанію, а не слогу, ибо слогъ предполагаетъ въ себѣ всегда собственную самогласность, а сочетаніе можетъ и не имѣть ея, будучи принадлежностію предшествующаго слога. По этому здѣсь я не говорю о слогѣ ль, имѣвшемъ въ Ц.-Славянскомъ и Сербскомъ книжномъ языкѣ самостоятельность или самобытную гласность: объ немъ будетъ рѣчь впереди; но здѣсь обращаюсь единственно къ сочетанію ль, составляющему слоговое окончаніе внутри, или на концѣ слова. Нынѣшніе Сербы съ неимовѣрною точ-

[1] Шафар., Serbische Lesekörner, стр. 14.

ностію различають самостоятельное *ль* и слоговое *ль*: первое озвукотворяють они чрезъ *у* второе чрезъ *о*. Такъ и въ старину это различіе соблюдалось весьма строго. Впрочемъ, легко было и соблюсти его, ибо разница между тѣмъ и другимъ сочетаніемъ весьма велика и замѣтна съ перваго взгляда: исключеній весьма мало и всѣ они приходятся на долю самобытнаго **ль**. Слоговое сочетаніе **ль**, на пр., въ словахъ **властель, пакьль, дѣль**, ясно отличается отъ самостоятельнаго полугласнаго слога **ль**, на пр., въ словахъ **клькь, кльни** и т. п. Первое замѣнялось въ старину, какъ и нынѣ замѣняется, б-ю **о**, второе б-ю **у**. Первое озвукотвореніе слоговаго **ль** началось не ранѣе конца XIV-го в. и то въ весьма небольшомъ объемѣ. Можно указать только на слѣдующіе случаи: **потврлоь**, гдѣ еще видно колебаніе (С. № 81), **пакло** (С. № 82), **прсто**, **засеоци**, **сеоль** (С. № 84). Третій примѣръ показываетъ, что при **о**, предшествующемъ окончанію **ль**, это послѣднее хотя и обращается тоже въ **о**, но исчезаетъ въ предыдущемъ звукѣ, составляя съ нимъ одинъ долгій звукъ **о**; послѣдній показываетъ колебаніе: писецъ поставилъ вмѣсто **-ль о**, но самъ, еще не довѣряя своей смѣлости, повторилъ прежнее окончаніе **ль**. По той же причинѣ, не смѣя еще вовсе отбросить **л**, писецъ огласовалъ одно только **ь**: **конѧклоскы** (С. № 78). Изъ собственно-Сербскихъ грамотъ можно указать только на гр-у Лазаря, въ которой находимъ **дѣо, деониль**, а рядомъ **дѣль** (В. К). Въ Зетскихъ озвукотвореніе еще не показывается. Въ XV-мъ в. сильное различіе обнаруживается между Восточною и Западною семьями грамотъ. Въ первыхъ необыкновенно робко пишется **о**, и окончаніе **-ль** постоянно предпочитается. Для **о** могу привести только слѣдующіе случаи и при томъ не ранѣе половины XV-го в.: **дио** (С. № 131), **дѣо, дѣо** (С. №№ 146, 147), **вио** (С. № 165), **оусѣйо, заложио, хотїо, дао, дїо** (Мл.). Въ Аѳонскихъ не попадается ни одного случая. Въ позднѣйшей Черногорской (Мл.) болѣе случаевъ, чѣмъ въ собственно-Сербскихъ: это подтверждается серединнымъ мѣстомъ, которое занимаютъ Черногорскія и Албанскія грамоты между обѣими семьями. Сюда же принадлежатъ и Турецкія, съ тою разницею, что первыя стоятъ на сторонѣ Восточной семьи, а этѣ на сторонѣ Западной. Въ Турецкихъ находимъ: **вио, поставио, мислио, посао, дошао, изисковао, властео** (С. № 164), **оставио** (С. № 173). Въ Западной семьѣ озвукотвореніе быстро развилось въ XV-мъ в. Съ первой четверти этого вѣка оно значительно пересиливаетъ книжное употребленіе сочетанія **-ль** и является господствующимъ. Вотъ примѣры: **всеможии, погинио** (С. № 88), **баоши, засеоке** (С. № 89), **дониль, -ихь** (С. №№ 89, 95, 136, 140; З. А.), **пакао** (С. №№ 95, 114, 133, 141, 144, 150, 156), **псаомиста** (С. № 94), **соко, ио, пакь, коневьоско, -у, могь, пашь** (С. № 98). Въ послѣдней гр-ѣ удвоеніе буквъ заставило написать **соко**, но тутъ же находится и **соко**: то же увидимъ и въ слѣдующихъ примѣрахъ. Формы **пакь, могь** и т. п. показываютъ, что въ нихъ **ь** передъ **л** не озвукотворено въ **л**: ср. **пакьль**, откуда **пакьо, пакь**. То же увидимъ и въ дальнѣйшихъ примѣрахъ: **вио,-о** (С. №№ 98, 126, 127, 128, 132, 141, 143, 145, 152, 161, 163), **властео,-о,-о** (С. №№ 74, 98, 103, 105, 110, 114, 120, 122, 123, 124, 128, 130, 132, 133, 134, 136, 139, 140, 141, 144, 145, 150, 151, 152, 154, 157, 158, 159, 163), **всеможании, -жании** (С. № 103), **учинио,-о** (С. №№ 103, 114, 140, 143), **узео** (С. №№ 118, 119, 151, 152), **диониль, весео (весель)**, гдѣ второе **е** слилось съ **о**: предчувствіе этого **е** обнаружилось въ начертаніи **о**, которое обыкновенно употребляется при предшествующей гласной (С. № 104), **дио,-о** (С. №№ 104, 112, 114, 115, 124,

126, 130, 131, 140, 141, 143), дошло (Ш. № 16), могло, -о (С. №№ 112 120, 121, 126, 133, 163), дао (С. №№ 112, 114, 115, 144), стоконь, -ошь, -ѣ (стольконь, С. №№ 116, 140, 154), поставно,-о, (С. №№ 123, 126, 128, 135, 139, 163), моеке, поискао (С. № 127), пославши (С. № 129), властеони, повинаоски, хотио (С. № 132), посао, послао, казао (С. № 135), посиоконь (С. № 140), соиа (т. е., сольна, С. № 141), моке, ходио (С. № 154), хвао, ѕвао (С. № 156), ангеоне, соно, остао (С. № 157). Сочетаніе ль является въ той же мѣрѣ слабѣющимъ. Съ первой четверти XV-го ст. оно постоянно исчезаетъ и примѣры его весьма рѣдки: польжене (С. № 107), даль, дала (С. № 108), могаль (С. №№ 108, 109), властель (С. №№ 117, 140, 155), долинхь (С. № 118), соколь (С. № 133), нольке (С. № 162) и только. Разумѣется, ихъ относительно больше въ грамотахъ посредствующихъ семействъ, на пр., Албанскихъ, Черногорскихъ, а еще болѣе въ Восточныхъ. Въ Турецкой: посла (С. № 168), въ снимкѣ съ гр-ы Дечанскаго, сдѣланномъ въ Турціи: властель (род. п.) и тутъ же напино (С. № 37), въ Албанскихъ: посль, било (С. № 148), властель С. №№ 148, 149) и въ Черногорскихъ: хотѣль (С. № 60), насадиль, врьтлиц, хотя сдѣсь чаще о (Мл.).

Буква ѹ, также какъ и о, въ замѣнѣ б-ы ь имѣетъ два рода служенія. Въ однихъ случаяхъ она является внезапно, случайно и пропадаетъ такъ же быстро, какъ и появляется; хотя отказать ей сдѣсь въ справедливости служенія нельзя, однако двойственность формъ показываетъ, что и безъ нея можно было обойтись. Въ другихъ же случаяхъ она показывается съ особою силою, дѣйствуетъ постоянно и послѣдовательно, во имя народности, и по тому чѣмъ долѣе живетъ, тѣмъ болѣе кругъ ея служенія расширяется. Я разумѣю сдѣсь замѣну полугласнаго слога ль. Но прежде укажу на примѣры перваго рода служенія. Въ XII-мъ в.: ноу (А. № 1). Въ XIII-мъ в.: противѹ, -оу (Ш. № VII; С. № 3), врьхѹ (С. № 16), ср. прокѣь и врьхь (С. № 16), также противѹ; оцѣхѹ (род. мн., С. № 17). Въ XIV-мъ в.: ноу (А. № 9), нѹ (С. №№ 62, 67, 73), близѹ (С. № 70), врьхѹ (С. № 84):—опять предлоги, какъ и въ предыдущемъ вѣкѣ. Въ нихъ б-у ѹ объяснять должно не произволомъ, а инымъ оттѣнкомъ мысли, въ нихъ заключенной. Языкъ не забылъ ихъ происхожденія и порою видитъ въ нихъ существительныя имена, которыя и употребляетъ въ дательномъ падежѣ. Напротивъ форму нѹ должно объяснять, по видимому, однимъ лишь желаніемъ избѣжать полугласнаго выговора для цѣлаго слова: ноу мы находимъ и въ Ц.-Славянскихъ памятникахъ. Въ словѣ ѳноудь (А № 6) б-а ѹ смѣняется съ ь, ср. ѳноудоу (А № 10). Въ XV-мъ в.: сѹпроѣѹ и тутъ же сѹпроѣь (С. № 98), близѹ (С. № 96), сврхѹ, сврьхю, гдѣ форма противорѣчитъ даже силѣ предлога с-: сдѣсь эта сила забыта, и духъ языка, придавая этому слову видъ дательнаго падежа, смотрѣлъ на него, какъ на цѣльное и несложное (С. №№ 96, 104), нѹ, ноу (С. №№ 111, 112, 126, 175), врьхѹ (С. № 132), сѹпротивѹ (С. № 141). Еще должно замѣтить о предлогѣ сь, что онъ, какъ и союзъ нь, обращается и въ со, но и въ соу, ноу. Обѣ формы того и другаго предлога съ своимъ первообразомъ, имѣющимъ полугласный звукъ, существуютъ въ Ц.-Славянскомъ языкѣ, и по тому важность ихъ для Сербскаго языка нѣсколько уменьшается. Въ нашихъ памятникахъ нерѣдко находимъ соу, но только въ сложныхъ съ нимъ словахъ, а не отдѣльно, на пр., соупьрьница, сѹпрьнїца, -ница (А. №№ 1, 18, 19), соуродникь, соуродникь, соуродныхь, сѹрьдникь, сѹродныхь, -никомь (А. №№ 4, 5, 7, 9; С. №№ 45, 68), соуметь (А. № 3), соупьрница (Мк.; С. № 52), соупротивники (С. № 176), сѹпротивники, сѹпостатѣ (С. № 35), сѹсѣдьства (С. № 49), сѹпостатница (А.

№ 13), сѫпротивъ, -въ, -вное, сѫпротѣ (С. №№ 88, 93, 141, 142, 143), соупрѣ-никъ (С. № 175), сѫпрѣникъ (С.-Д. М. 1844), сѫсѣдь и тутъ же съсѣдьнй (С. № 113), на сѫпѫтицѣ (С. № 142), соупротивитисе, сѫпрѣникъ (Мл.).

Всѣ этѣ формы одинаковы съ Ц.-Славянскими. Самостоятельное же воздѣйствіе народности открывается въ другомъ служеніи б-ы ѫ, гдѣ эта буква является исключительно подъ вліяніемъ народной рѣчи, и по тому въ ея движеніи замѣтенъ постепенный усиливающійся ходъ, свидѣтельствующій о томъ живомъ народномъ свойствѣ языка, которое управляло этимъ ходомъ. Замѣна полугласнаго слога лъ гласною ѫ есть признакъ чисто народной стихіи. Б-а *л*, противуположная б-ѣ *р*, хотя и однородная съ нею, не могла, по причинѣ своей мягкости и слабости, устоять противъ озвукотворяющей силы языка. Твердая и жесткая природа б-ы *р* вынесла на самой себѣ всю силу звука; напротивъ, слабая и въ высшей степени тягучая природа б-ы *л* была сама по себѣ столь легка для звуковыхъ гласныхъ органовъ языка, что незамѣтно, безъ труда и безъ всякого скачка, перешла въ самогласность. Нѣкоторые думаютъ, что въ озвукотворенномъ слогѣ *лъ* выкинуто *а*, а *ъ* обращено въ *у*; другіе, на оборотъ, полагаютъ, что выкинуто *ъ*, а *л* обращено въ гласную; но какъ тѣ, такъ и другіе уклоняются отъ истины, раздѣляя слишкомъ строго оба звука: претвореніе цѣлаго слога въ одинъ гласный звукъ могло произойти не иначе, какъ при нераздѣльномъ слитіи обоихъ звуковъ въ одну цѣльную гласную. По чему слоговое *лъ* обратилось въ *о*, а самостоятельное полугласное *лъ* въ *у*, на этотъ вопросъ отвѣчать весьма трудно; всего вѣрнѣе и скорѣе сослаться на духъ языка, требовавшій именно этѣхъ, а не другихъ гласныхъ. Впрочемъ, къ объясненію вопроса должно прибавить слѣдующія замѣчанія. Родство между *л* и *в* не подвержено никакому сомнѣнію; во многихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ находимъ ясныя тому доказательства. Оно обнаруживается довольно часто чрезъ замѣну одной буквы другою, или чрезъ опущеніе одной буквы передъ другою. Духъ Славянскаго языка вообще не терпитъ стеченія двухъ однородныхъ согласныхъ и по тому при тайномъ родствѣ б-ъ *л* и *в* онъ, въ случаѣ ихъ стеченія, одну изъ нихъ отбрасываетъ. Такъ бываетъ въ Хорватскомъ нарѣчіи: *лас* (волосъ) и пр.; то же замѣчаемъ и въ книжномъ Сербскомъ, на пр., састалена, исправае, оправлаше (С. № 85) и пр. Смѣна б-ъ *л* и *в* весьма замѣтна въ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Въ Русскомъ существуютъ *слобода* и *свобода;* въ книжномъ Сербскомъ то же слободно и свободно; въ Малороссійскомъ обыкновенно *в* замѣняетъ б-у *л*, какъ въ концѣ слоговъ, такъ и въ полугласномъ слогѣ, на пр., *вовкъ*, *бувъ* и пр.; въ Угрословенскомъ конечное *лъ* переходитъ въ *в* и *у*, на пр., *войшов*, *спав* и пр.; въ Хорутанскомъ, съ его поднарѣчіями, происходятъ весьма разнообразныя и замѣчательныя явленія: слоговое *л* обращается въ *в*, на пр., *дав*, *весев*, *дѣвва*, *права*, *мњв*, *пив*, *плева* (плела), *шов* (шелъ), *пованина*, *дѣвава* (дѣлала), *гвава*, при чемъ *в* съ предыдущею, или послѣдующею гласною сливается въ одинъ двоегласный звукъ. Въ полугласномъ твердомъ слогѣ *л* обращается тоже въ *в*, на пр., *довг*, *совнце*; но сдѣсь *в* произносится твердо и ясно. Такимъ образомъ отсюда открывается родство между *л* и *в*. Далѣе должно помнить, что *в* и *у*, будучи обѣ губными и слѣдовательно одноорганными, легко замѣняютъ одна другую:—дѣло извѣстное и не требующее дальнѣйшихъ доказательствъ. Наконецъ не надобно забывать и того, что при сравненіи Славянскихъ нарѣчій оказывается близкое родство между *о* и *у*, такъ что часто одна буква замѣняетъ другую, и вообще на лѣствицѣ гласныхъ звуковъ между ними нѣтъ

преградъ. Припомнимъ, что и другія Славянскія нарѣчія, каковы: Н.-Булгарское, Лужицкое и Бѣлорусское, не рѣдко измѣняютъ *л* въ *в*, и по тому, сообразивъ всѣ эти явленія, найдемъ, что сочетаніе *ль*, было ли оно слоговое, или самостоятельное, собственно не могло строго различаться; но если уже языкъ различилъ его, то поддержать разницу въ его озвукотвореніи было легко при помощи родства б-ъ *л*, *в*, *о*, *у*. Разсмотримъ же теперь самый ходъ этой замѣны. Въ полугласномъ самостоятельномъ слогѣ *ль*, какъ сказали мы, нельзя отдѣлять полугласнаго начала, выраженнаго въ *ь* (Ц.-Сл. ъ и ь) отъ согласнаго *л*. Сербскій языкъ не хотѣлъ въ этомъ слогѣ претворять одно *ь* въ гласную, какъ дѣлаютъ другія Славянскія нарѣчія: между тѣмъ, какъ эти произносятъ *волкъ*, *вилкъ*, *вовкъ* и т. д., Сербскій языкъ нашелъ одинъ гласный исходъ для цѣлаго слога. Если бы онъ дѣйствительно огласовалъ только одно *ь*, то вышло бы у него кельмиосе, колкась, каковыя формы, какъ переходныя, дѣйствительно встрѣчаются въ его древнихъ памятникахъ, но не иначе, какъ въ видѣ исключеній: такая огласовка была не по немъ. Напротивъ, онъ попытался обратить сначала *л* въ *в*, что подтверждается ближайшимъ къ нему Хорутанскимъ нарѣчіемъ; но не желая, однако, подобно послѣднему, озвукотворять одно *ь* (*вовк*) и замѣчая въ то же время, что *в* съ *ь* не можетъ составить самостоятельнаго полугласнаго слога *вь*, ибо трудно было бы произнести *вьыкь*, онъ обратилъ *в* въ *у*, слившія такимъ образомъ согласное и полугласное начало въ одну гласность: *вукъ*. Вотъ въ какомъ смыслѣ я сказалъ, что при озвукотвореніи полугласнаго слога *ль* нельзя отдѣлить *л* отъ *ь*. Но въ слоговомъ *ль* дѣло, кажется, было иначе: сдѣсь *ь*, какъ утратившее всякую самогласность, безгласное, было отброшено, а *л* чрезъ *в* и *у* перешло въ *о*. Посредниками при такомъ переходѣ могутъ быть Малороссійское, Бѣлорусское, Н.-Булгарское, Лужицкое, Хорутанское и Угрословенское нарѣчія: въ первыхъ *л* обращается въ *в*, а въ двухъ послѣднихъ сочетанія *ав*, *ев*, *ов*, *ив* звучатъ, какъ двоегласныя, т. е., *в* переходитъ въ *у*. Наконецъ тутъ же, въ Хорутанскомъ, по разнорѣчіямъ его, встрѣчаемъ двойныя формы, какъ на пр., *пепев* и *пепо̄* (пепелъ), гдѣ, очевидно, перемѣна *в* въ *о* могла не иначе произойти, какъ черезъ посредство *у*.

Но пока книжный языкъ Сербовъ дошелъ до полнаго сознанія слога *ль* и сталъ постоянно и послѣдовательно замѣнять его б-ю *у*, онъ долженъ былъ пройти предварительно другія степени озвукотворенія. Первое проявленіе гласности въ полугласномъ слогѣ началось подъ вліяніемъ чужой стихіи, той самой, которая и въ Ц.-Славянской письменности замѣнила исконные слоги лъ и ль позднѣйшими ол и ел. Въ древнѣйшихъ памятникахъ Сербскаго языка X-го и XI-го вв. замѣтно большое колебаніе, такъ что сначала не отваживались претворять въ гласную цѣлый слогъ, а только ограничивались однимъ огласованіемъ б-ы ь, на пр., *Velcano*, *Vilcodrug*. *στόλπον*, *Βίλκανος*, *Βόλκος*, *Βουλτζίνης*, *βουλκόβλαχ*, *Χλούμ*, *Ζαχλούμα*[1]. Въ нашихъ памятникахъ Кириловскаго письма XII-го в. этой огласовки не находимъ. Въ XIII-мъ в. показываются только немногія ея признаки въ Западной семьѣ и при томъ съ различными видоизмѣненіями, коковы: испельщеннѣ, кельимосе (С. № 14), колькась (С. № 16), дѣвлаамна (С. № 18), бугарьскомь, оупельщенне, напелкио, деньнь (дльгь). хельмско, -ски, боуьлгарьскимь бугаринь (С. № 20; Ш. № XVIII). Въ XIV-мъ в. въ Восточной семьѣ примѣры равномѣрно рѣдки: указать можно только на слѣдующіе: наполнѣ, коутим (С. № 176), бугарь (С. № 43; А. № 13), Ѧкоуно

---

1. Шафар., Serbische Lesekörner, стр. 26 — 29.

(А. № 12), **коути доль, коутидоісноу** (Ш. № 15)—и только. Здѣсь, впрочемъ, важно то, что со временъ Душана буква **ѣ** не существуетъ, и озвукотвореніе совершается чрезъ б-у **ѣ** и только однажды чрезъ **о**. Въ Западной семьѣ до грамотъ Остои озвукотвореніе почти не замѣтно. Только разъ встрѣчается **хльмскія** и тутъ же **хлъмьскои** (С. № 78). Со временъ же Остои и именно съ 1397 г. начинается озвукотвореніе, постепенно усиливающееся въ первой четверти XV-го в. и потомъ достигающее огромныхъ размѣровъ. Въ гр-хъ Западной семьи XIV-го в. находимъ: **книга**, **книосавь** (С. № 82), **хлмьски**, **длжань**, **дегь**, **книшинь**, **на длинѣ** (С. № 83); въ словѣ **дльно**, ви. **дупо или дльно**, замѣтно еще колебаніе (С. № 84), **испльниние, кикашиноль, кикомь** (С. № 85). Въ таковыхъ же гр-хъ XV-го в.: **хлмаски, хлмци, хлмьски, -сци** (С. №№ 88, 89, 139, 141; З. А.), **кнкь, кнкца, -ца, кнкаць, кнкьчнѣ, кнкнѣ, кнкашинь, -оль, кнкасоль, книгина** и пр. (С. №№ 89, 95, 97, 104, 107, 115, 118, 120, 127, 128, 132, 133, 139, 141, 142, 145; З. А.), **книисе** (С. № 93), **испльнеиье** (С. № 95), **придужье, придужья** (С. №№ 96, 107), **длжань, длжни** (С. №№ 98, 144, 145, 150), **на пини** (С. № 102), **пятню, -ью** (С. №№ 103, 136), **пини** (С. №№ 110, 114, 124, 142, 159, 171), **да се ұлкнис** (С. № 117), **напвно,-оѡ** (С. №№ 128, 134, 161, 171) и пр. и пр. Въ Турецкихъ: **подьмно, плнно** (С. №№ 37, 164), **кнхольскоі, длжно** (С. № 173). При этомъ укажу на исключенія въ пользу б-ъ **ѣ** и **о** въ XV-мъ в: **придлжи, конць, -а** (С. № 112), **хольсци** (С. № 116), **кьлина** (С. № 120), **кнокимь** (С. № 121), **кокмана, коковиѣ** (С. № 126), **иѡтью** (С. № 133), **плотю** (С. № 145). Но это только въ Западной семьѣ; въ Восточной напротивъ **ль** постоянно существуетъ и только изрѣдка является озвукотвореннымъ: **да се ѿкине** (С. № 111), **плнно,-о** (С. №№ 131, 146, 147), **стоупь,-оке** (Мл.). Озвукотвореніе въ Западной семьѣ шло такъ быстро, что въ XV-мъ в. почти не оставалось болѣе случаевъ для слога **ль**. Приведу только слѣдующіе немногіе: **ельнаць,-сь, ельнца,-и** (С. №№ 89, 104, 108, 120), **дальжань** (С. № 89), **на ильнѣ,-и** (С. №№ 100, 120), **ельковникиль, плковникиль, предльжье, придальжи** (С. №№ 108, 112), **ельканинь** (С. № 117), **пльтью** (С. № 120). Число ихъ ничтожно въ сравненіи съ предыдущими: это послѣдній остатокъ, не подчинившійся еще народности. Полугласный слогъ **ль** идетъ совершенно въ уровень съ слоговымъ **ль**, какъ во времени, такъ и по степени озвукотворенія.

Б-а **ъ** собственно не принимаетъ никакого участія въ замѣнѣ **ь**. Какъ на ошибки, можно указать на **плкъ** (С. № 100), **длнь** (С. № 149), если только въ первомъ случаѣ **ъ** не есть **и**, претворенное въ **ъ**, ибо въ той же гр-ѣ находимъ: **прькахь, стадь** и пр., а во второмъ оно есть **е**. Предлоги **прѣдъ** (С. № 17) и **сирѣдъ** (N № 21, 63) объясняются инымъ оттѣнкомъ мысли, придавшей имъ форму мѣстнаго падежа. Въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ находимъ двойную форму *дрво* и *дријево*, *древо дриво*. Такъ точно и въ древнемъ книжномъ это слово смѣняетъ **ь** и **ъ**, **е**, или **и**, на пр., **дрѣво, -а, дрѣво** (А. № 6; С. №№ 10, 34, 70, 71, 91, 111, 176), **дриколь, дриньсне** (С. № 118), **на дривѣ** (С. № 138), **дривва, дривска** (С. № 141) и **дрьвии** (С. № 84), **дрьвии** (С. № 86), **ұрьвии** (С. № 98), **ұдрвии** (С. № 99), **дрьво** (С. № 137). Въ этой двойственности формъ замѣтна любовь Сербовъ къ полугласному слогу **рь**, какъ, на оборотъ, не любятъ они полугласнаго слога **ль**.

Покончивъ третью и послѣднюю часть изслѣдованія о б-ѣ **ь**, бросимъ бѣглый взглядъ на все пройденное нами пространство, въ которомъ совершаетъ свое движеніе полугласное начало. Въ книжномъ Сербскомъ языкѣ оба Ц.-

Славянские знака ъ и ь вылились въ одинъ ь, который внесенъ былъ въ него въ такомъ же обширномъ объемѣ, въ какомъ оба знака совершали свое служеніе въ Ц.-Славянскомъ языкѣ. Съ другой стороны ь отвѣчало также двумъ полугласнымъ отзвукамъ народнаго или устнаго Сербскаго языка, твердому и мягкому, которые хотя и не сходились по мѣсту своему съ Д.-Булгарскимъ языкомъ, но тѣмъ не менѣе существовали, выражаясь въ древней письменности лишь однимъ знакомъ — ь. Присутствіе твердаго отзвука въ Сербскомъ языкѣ послужило къ введенію въ нѣкоторыхъ памятникахъ Ц.-Славянскаго ъ, которое, впрочемъ, нигдѣ не пріобрѣло себѣ права гражданства и явилось лишь въ видѣ исключенія. Появленіе его нельзя объяснять единственно смѣшеніемъ начертаній, но и внутреннею потребностію Сербскаго языка, который, подобно Ц.-Славянскому, имѣя твердый отзвукъ, порывался осилить условное правописаніе и выразить открыто и ясно свои свойства. Близость и важность для Сербовъ Ц.-Славянской письменности въ вѣроисповѣдномъ отношеніи, постоянное вліяніе православнаго духовенства при дворѣ Сербскихъ государей, предварительное отсутствіе собственно-Сербской письменности и книжнаго языка: все это сильно поддерживало полугласное начало и открывало для него различные способы служенія, въ которыхъ ясно виднѣлось разумное пониманіе и тонкое чутье писцовъ, вынесенное ими изъ тѣснаго союза съ Ц.-Славянскимъ языкомъ. Отъ того ь, какъ представитель цѣлаго полугласнаго начала того языка, который преобладалъ въ Древнесербской письменности, долго существовало сдѣсь, обнаруживая по временамъ въ своемъ служеніи всю утонченность слуха и опытность руки, имъ распоряжавшихся. Преимущественно господствовало оно въ грамотахъ Аѳонскихъ и вообще на востокѣ Сербіи между православнымъ ея населеніемъ. Одна главная и общая черта отличаетъ служеніе полугласнаго начала въ Древнесербской Кириловской письменности, та же, которая проявляется и въ движеніи прочихъ звуковъ: это—дѣло съ живымъ языкомъ живаго народа. Самостоятельность и независимость государственной и умственной жизни Сербовъ должны были отразиться и въ ихъ книжномъ языкѣ, который, съ самого начала своего, не смотря на то, что вмѣщалъ въ себѣ двѣ родственныя и близкія между особою стихіи, свободно устремился къ совершеннѣйшему, по возможности, выраженію народной стихіи въ ущербъ Ц.-Славянской. Это произвело то, что онъ долженъ былъ совершить три замѣтные перехода, предѣлы которыхъ хотя и вступаютъ одинъ въ другой, однако довольно ясно очерчиваются различнымъ движеніемъ полугласнаго начала, такъ что сообразно съ ними и наше изслѣдованіе должно было распасться на три части. Въ первой мы разсмотрѣли употребленіе б-ы ь и нашли, что она въ вѣкахъ, ближайшихъ къ началу письменности, сохраняла весьма обширное и тонкое служеніе, возможность котораго объясняется не иначе, какъ близкимъ и свѣжимъ знакомствомъ древнихъ Сербовъ съ Ц.-Славянскою письменностію, перешедшею къ нимъ вмѣстѣ съ ученіемъ вѣры и первыми начатками книжнаго образованія. Сверхъ того, однообразіе этого служенія замѣтно въ грамотахъ всѣхъ семействъ до половины XIII столѣтія, что указываетъ, въ свою очередь, на общность знакомства съ Ц.-Славянскою письменностію, разлитую по всѣмъ мѣстамъ древней Сербіи, и въ восточныхъ ея предѣлахъ, и въ западныхъ, Дубровникѣ, Боснѣ. Служеніе б-ы ь, принятой въ книжный Сербскій языкъ въ замѣнъ обоихъ полугласныхъ знаковъ Ц.-Славянскаго языка, ъ и ь, и отвѣчающей равномѣрно двумъ полугласнымъ отзвукамъ народнаго или устнаго Сербскаго, твердому и мягкому, совершается во всѣхъ видахъ и въ тѣхъ же самыхъ

предѣлахъ, въ которыхъ оно совершается и въ Ц.-Славянскомъ языкѣ: ь является въ основѣ словъ, въ соединеніи основы съ окончаніемъ и въ окончаніяхъ.

Но одновременно съ употребленіемъ 6-ы ь оказывается и опущеніе ея въ весьма сильной степени даже въ самыхъ первыхъ памятникахъ обѣихъ семей, Восточной и Западной. Это доказываетъ, что полугласное начало, въ томъ объемѣ, въ какомъ оно внесено было въ древнюю Сербскую письменность, было несродно Сербскому языку, который въ своемъ народномъ говорѣ слѣдовалъ примѣру другихъ родственныхъ ему языковъ и выражалъ уже третью ступень ихъ развитія; который любилъ благозвучіе и соединенное съ нимъ полногласіе. Вся разумность его служенія условливалась лишь вліяніемъ Ц.-Славянскаго языка, и на столько было разумности въ его служеніи, на сколько оно заключало въ себѣ жизненныхъ силъ того языка, изъ котораго было заимствовано. На Сербской почвѣ оно все таки явилось пришлымъ, чѣмъ-то безжизненнымъ, чѣмъ-то такимъ, что казалось однимъ внѣшнимъ знакомъ безъ внутренняго содержанія. По этому уже въ древнѣйшихъ произведеніяхъ письменности оно стало на сторонѣ чуждой стихіи, въ противуположность народной: и эта послѣдняя, не могла обойтись безъ того, чтобы не наложить на него своей руки. Первое ея дѣйствіе обнаружилось въ опущеніи ь, на которое она смотрѣла, какъ на букву, утратившую на ея почвѣ всю свою силу и для нея безполезную. Въ самомъ дѣлѣ, безгласное ь казалось уже не нужнымъ; представляя въ себѣ вмѣстѣ и твердый и мягкій звуки, оно тѣмъ менѣе могло устоять, чѣмъ болѣе Сербскій языкъ рознился въ этомъ отношеніи отъ Ц.-Славянскаго. Настоящее же полугласное ь, носившее въ себѣ нѣкоторый оттѣнокъ собственнаго звука, не устояло нигдѣ, кромѣ слога рь, противъ стремленія озвукотворяющей народности; а по тому и съ этой стороны потеряло свое мѣсто, оставшись единственно въ слогѣ рь, гдѣ остается и понынѣ. Сдѣсь оно удовлетворяло народному говору, допускающему у себя полугласное стяженіе въ этомъ слогѣ. Во всѣхъ прочихъ случаяхъ, когда ь становилось безгласнымъ по народному говору, оно опускалось, или замѣнялось полными гласными. Единственнымъ убѣжищемъ ему оставались лишь исходы окончаній, гдѣ оно удержалось по примѣру Ц.-Славянскаго правописанія; гдѣ и теперь держится вмѣстѣ съ ъ по правописанію нѣкоторыхъ. Въ памятникахъ западныхъ странъ Сербіи, гдѣ Ц.-Славянская стихія наименѣе имѣла мѣсто, какъ по господствующей вѣрѣ, такъ и по свойству образованія и междоусобныхъ отношеній, порожденіе ея — полугласное начало наименѣе могло держаться и должно было уступить первенство народной стихіи, которая сдѣсь брала рѣшительный перевѣсъ надъ первою. Въ памятникахъ Западной семьи XIV и XV столѣтій опущеніе 6-ы ь совершается въ обширныхъ размѣрахъ, не смотря на то, что память писцовъ иногда подсказывала имъ такое употребленіе полугласной, которое напоминало собою отдаленную древность. Такимъ образомъ народная стихія, съ перваго выступленія своего на поприще письменности, уже проявлялась то въ безслѣдномъ опущеніи 6-ы ь, то въ озвукотвореніи ея. Одержавши верхъ надъ представителемъ чуждой стихіи, она сверхъ того распорядилась имъ по своему, давъ ему новое, народное служеніе преимущественно для стяженія двоегласія, происходящаго отъ соединенія 6-ы и съ другою гласною. Разумѣется, опущеніе 6-ы ь, равно какъ и новое ея служеніе развились предпочтительно въ тѣхъ семьяхъ грамотъ, которыя были наиболѣе отдалены отъ вліянія Ц.-Славянской стихіи. Опущенію 6-ы ь посвящена вторая часть нашего изслѣдованія. Главное положеніе, которое

было тогда высказано нами, заключается въ томъ, что опущеніе ея стоитъ въ обратномъ отношеніи къ ея употребленію.

Третья часть нашего изслѣдованія имѣетъ предметомъ озвукотвореніе б-ы ь или окончательное господство народности. Вмѣстѣ съ расширеніемъ предѣловъ новаго, скажу, народнаго служенія б-ы ь, расширялись и предѣлы ея озвукотворенія. Между тѣмъ, какъ опущеніе б-ы ь шло своимъ чередомъ, Сербскій языкъ, боясь слишкомъ обнажить слова лишеніемъ того, что составляло ихъ душу, — гласнаго начала, и не терпя въ то же время полугласія, долженъ былъ замѣнить ь полными гласными, и сдѣлалъ это тамъ, гдѣ нельзя было вовсе опустить ь, какъ безгласное, не причинивъ ущерба природѣ слова и его благозвучію. Сначала для огласованія ь книжный Сербскій языкъ прибѣгнулъ къ е, какъ звуку, ближайшему къ ь по способу перегласовки, употребляемому въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ и отчасти въ самомъ Ц.-Славянскомъ; потомъ онъ употребилъ самостоятельный и чисто Сербскій способъ перегласовки, воспользовавшись б-ю а, но е и о остались по прежнему служить при движеніи словъ. Такимъ образомъ служебными гласными явились: е въ твор. п. вмѣсто мягкаго ь, далѣе въ видимомъ, хотя и не нужномъ, выраженіи полугласія, присутствующаго въ слогѣ рь, потомъ въ другихъ кое-какихъ случаяхъ; а во всѣхъ видахъ законнаго служенія б-ы ь, кромѣ сочетанія ль, и еще кое-гдѣ безъ постояннаго и справедливаго служенія; о въ твор. п. вмѣсто твердаго ь(ъ) и въ замѣнѣ слоговаго конечнаго ль; и, кромѣ нѣкоторыхъ другихъ случаевъ, преимущественно въ озвукотвореніи предлога сь и союза нь и въ замѣнѣ самостоятельнаго полугласнаго слога ль; а не нашло себѣ законнаго служенія. Предѣлы озвукотворенія, конечно, не всегда совпадали съ нынѣшними, и не всегда полные звуки отвѣчали нынѣшнимъ: такая неточность объясняется молодостію явленія, возникшаго мало по малу передъ глазами изслѣдователя; но довольно уже одного дѣйствія озвукотворенія, чтобы признать сдѣсь присутствіе господствующей народности. Сдѣсь, какъ и всюду, Западная семья отличилась отъ Восточной: между тѣмъ, какъ послѣдняя очень осторожно и безъ видимыхъ успѣховъ поставляетъ полныя гласныя, и предпочтительно е, на мѣстѣ полугласной, первая съ конца XIV-го в. быстро вводитъ у себя огласованіе, расширяя его размѣры далѣе нынѣшнихъ и употребляя для этого преимущественно а.

Чрезъ озвукотвореніе полугласной, или, вѣрнѣе, полугласныхъ, твердой и мягкой, Сербскій языкъ, какъ и другіе Славянскіе языки, выразилъ третью ступень движенія гласнаго начала въ Славянской семьѣ. Въ праязыкѣ какъ Славянъ, такъ и другихъ Индоевропейскихъ племенъ, преобладало полнозвучіе, т. е., полныя согласныя или нѣмыя требовали и полныхъ гласныхъ для своего отбитія и раздѣленія: чрезъ это наиболѣе поддерживалось равновѣсіе звуковъ. Въ историческую пору прадавняя гласность наиболѣе сохранилась въ старшемъ изъ всѣхъ Индоевропейскихъ языковъ — Санскритѣ. Въ другихъ она уже ослабѣла и мѣстами исчезла, оставивъ возможное стеченіе согласныхъ безъ своего участія, и это—вторая ступень ея, обнаружившаяся изъ всѣхъ Славянскихъ нарѣчій наиболѣе въ Древнебулгарскомъ, съ тою только разницею, что въ этомъ одномъ языкѣ она не пропала безслѣдно, но выразилась, хотя индѣ только для вида, въ особыхъ начертаніяхъ ъ и ь, которыхъ нѣтъ ни въ одной другой Индоевропейской азбукѣ. За то Д.-Булгарскій языкъ довелъ эту степень безгласія до огромныхъ размѣровъ, такъ что сокращалъ гласность даже тамъ, гдѣ одно стеченіе соглас-

ныхъ было невозможно для произношенія: отъ того сдѣсь гласность не исчезла совершенно, но сохранилась въ неопредѣленномъ отзвукѣ, для котораго послужили ъ и ь. Такимъ образомъ эти начертанія выражали собою какъ неполное, такъ и полное отсутствіе прадавней гласности, означая собою ея прежнее мѣстопребываніе. Прочіе Славянскіе языки пошли далѣе: они создали третью степень гласности, возобновивъ ее мѣстами, хотя и не въ прежнемъ видѣ, но всякій по своему въ удобнѣйшемъ для него гласномъ звукѣ, а мѣстами оставили ее отсутствовать по прежнему и именно тамъ, гдѣ въ Д.-Булгарскомъ ъ и ь выражали совершенное безгласіе, т. е., при возможномъ стеченіи согласныхъ. Сербскій языкъ послѣдовалъ за прочими; но далѣе всѣхъ ушелъ Русскій, который одну гласную разложилъ на двѣ и чрезъ то растворилъ стеченіе согласныхъ на возможно-членораздѣльнѣйшіе звуки. Это своего рода полногласіе, приближающееся къ правычному. Всѣ Славянскія нарѣчія, въ связи взятыя, непремѣнно требуютъ для своего объясненія этихъ трехъ ступеней гласности; но первая ступень уже не существуетъ въ ихъ исторической жизни: на нее только намекаютъ ъ и ь; вторая существуетъ въ Д.-Булгарскомъ, которое допускаетъ третью только отчасти въ видѣ тѣхъ немногихъ исключеній, гдѣ полугласныя замѣнены гласными. Прочія же нарѣчія съ первой ступени прямо перешли на третью, условивъ чрезъ то и вторую. Я нисколько не думаю, чтобы всѣ они нѣкогда походили на Д.-Булгарское и допускали у себя безгласіе и полугласіе въ той мѣрѣ, въ какой допускало это послѣднее, а потомъ уже снова озвукотворяли полугласіе: нѣтъ, они въ одно и то же время мѣстами опустили прадавнюю гласность—вторая ступень, мѣстами удержали ее, индѣ только перезвуковавши по своему,—третья ступень.

Что же, спросимъ мы, представляютъ намъ конецъ XII-го, XIII-й, XIV-й и XV-й вѣка въ историческомъ движеніи полугласнаго начала? Къ какому итогу приводитъ насъ послѣдній изъ разсматриваемыхъ вѣковъ? Полугласное начало было самою крѣпкою стороною, которою чуждая стихія вошла въ древнекнижный языкъ Сербовъ. Долго народность Сербская, представлявшая собою живое, движущееся начало, должна была употреблять различныя усилія, то опущеніе, то перегласовку, для того, чтобы претворить различныя Ц.-Славянскія, или переходныя формы въ чисто Сербскія, такія, какія звучали въ устномъ языкѣ народа. Постепенно, безъ скачка совершалось это претвореніе, и напослѣдокъ, въ исходѣ XV-го вѣка, уже легко можно было замѣтить, что въ области полугласныхъ древнекнижный языкъ доставилъ торжество народной стихіи и, не сходя съ пути прямаго самостоятельнаго движенія впередъ, установилъ въ себѣ народные признаки и достигъ довольно значительной степени совершенства, отъ которой не далеко было къ тому состоянію, въ которомъ онъ находится въ наше время. Въ этомъ движеніи народность одолжена своими успѣхами преимущественно тѣмъ грамотамъ, которыя имѣли наименьшее отношеніе къ Ц.-Славянской письменности, заключая въ себѣ дѣла мірскія и принадлежа къ западнымъ областямъ Сербіи.

ГЛАВА III.

ГЛАСНЫЯ.

За полугласными слѣдуютъ *гласныя*. Такъ какъ въ голосѣ человѣческомъ членораздѣльность есть главнѣйшее свойство, придающее ему значеніе слова, то гласныя, производящія отбой голоса при стеченіи нѣмыхъ звуковъ и придающія послѣднимъ опредѣленный отзвукъ, должны въ голосѣ человѣческомъ составлять важнѣйшую часть, видоизмѣненія которой влекутъ за собою и видоизмѣненія прочихъ звуковъ. Во всѣхъ Индоевропейскихъ языкахъ вещество голоса или звуки, отдѣльно взятые, почти одинаковы всюду; но различное употребленіе и сочетаніе ихъ придаетъ различіе языкамъ и ихъ нарѣчіямъ, поднарѣчіямъ и т. д. Гласныя, управляющія движеніями согласныхъ, ведущія за собою толпу нѣмыхъ звуковъ, находятся во главѣ звукодвиженія и, слѣдовательно, являются первыми, на которыхъ языки основали свои отличительныя свойства. Ихъ гибкость, подвижность, удобоизмѣняемость способствуютъ имъ въ отправленіи этого служенія, такъ что повременное движеніе всѣхъ языковъ наиболѣе основано на движеніи гласныхъ. Переходя къ Сербскому языку и его отношеніямъ къ Д.-Булгарскому въ письменныхъ памятникахъ, мы напередъ можемъ сказать, что въ гласныхъ откроемъ самую обширную область звукодвиженія, наиболѣе обильную повременными явленіями, переходными видами, въ которыхъ совершалось взаимное дѣйствіе двухъ родственныхъ стихій, встрѣтившихся на полѣ древней Сербской письменности. Гласными, какъ самою чувствительною стороною своею, народный языкъ старался порозниться съ пришлымъ, и отъ того здѣсь ранѣе и обильнѣе всѣхъ началось то движеніе книжнаго языка, которое привело со временемъ къ торжеству Сербской стихіи надъ Ц.-Славянскою подъ вліяніемъ самостоятельной жизни народа.

Чистый, открытый и вмѣстѣ твердый звукъ *а* весьма любимъ Сербами: истекая прямо изъ гортани и будучи самъ по себѣ полновѣснымъ, онъ наиболѣе способенъ къ выдержанію силы согласныхъ и доставленію слову той ровности въ произношеніи, которая составляетъ немаловажное условіе благозвучія. Сверхъ того, примѣръ другихъ нарѣчій показываетъ, что *а* есть самая благозвучная изъ гласныхъ, и по тому Сербскій языкъ, какъ благозвучный по преимуществу, долженъ былъ доставить ей у себя огромное служеніе. Мы видѣли уже, что б-а а замѣнила собою полугласное ь въ большей части его служебной дѣятельности. Она образуется изъ ь чрезъ усиленіе въ прилагательномъ вась (см. в.) и въ мѣстоименіяхъ тая, сая, оная, овая (см. в.), въ которыхъ я не есть придаточное усиливающее, но опредѣленное мѣстоименное окончаніе, и въ нарѣчіяхъ: кадда, тада, када, сада (см. в.). Встрѣчаются и переходныя формы безъ усиленія, единственно съ усиливающимъ

и, какъ на пр., тьи (А. №№ 7, 19; Г. Б), тѣи (Мл.), сьи (С. № 176), сью (С. № 89), сьемь (С. № 91), сьгаи (С. № 107), ѥиьѧ, ѥиьи (А. № 11; Г. Б).

Б-а а замѣняетъ и полныя гласныя е, и, о, ѣ, ъ, при чемъ или просто смѣняется съ ними, или усиливаетъ ихъ чрезъ перезвукъ.

Вмѣсто б-ы е находимъ а въ слѣдующихъ случаяхъ: саmo вм. семо, что, впрочемъ, согласно съ свойствомъ Сербскаго языка, ибо корень есть сь (А. № 6), жалаю и тутъ же желаю, надшаися, гдѣ са есть се, замѣняющее Ц.-Славянское са (С. № 66), качера, гдѣ а хотя и замѣняетъ ь, но это стоитъ вмѣсто е (С. № 103), пеклитинарь,-тенаръ, отъ *centum*, (С. №№ 106, 107, 114, 128), тестаманть (С. № 159), ср. тестаменать (С. №№ 157, 161).

Б-а а смѣняется съ б-ю и въ слѣдующихъ словахъ: цркка (им. ед., С. № 16; А. № 8; З.; Мл.), ср. цркви, цркаы (С. № 35; А. №№ 5, 6, 12; З.), ѡпитаѡ (отъ питати, С. № 118), нажаларомь (С. № 156), ср. напьжиларь,-аромь (С. №№ 149, 158), сестиникь и тутъ же сестрникь (С. № 130), радашина (С. № 127), ванѕать (С. № 173), сьда,-и,-га,-и, сада,-и, откуда садинимь, садишнеиь, ср. садаии, садашиемь (см. в.), кьда-и, кьга,-и, када,-и, никьди (см. в.). Б-а к усиливается въ а въ словахъ юраи (С. №№ 118, 120, 133, 136, 144, 145, 156); поправати и кооутавати (А. № 1).

Обильнѣйшими являются замѣна и усиленіе б-ъ а и е. Шафарикъ приводитъ многіе примѣры изъ древнѣйшихъ иноземныхъ памятниковъ IX, X и XI вѣковъ, для смѣны б-ъ а и е, каковы: *Liutamiro*, *Nedamuslo*, *Cresamuslo*, *Techamila*, *Dabrana*, *Dabro*, *Babinapalla*, *Novasella*, *Dragavitus*, *καγανοί*, *Κάτερα*, *Δεκάτερα* и т. д.[1] Сюда прибавлю еще слѣдующіе: *Влахъ*[2], *Σαληνές* или *Sallis*, *Salde* (нынѣ Солина или Тузла), *Σταγνόν* или *Stantania*, *Dubrava*, *Ῥαβτὰτζα*, *Papava*[3], *Dubrave*, *Blatta*, *Barda*, *Berda*, *Baleni*, *Rasochatiza*, *Rawuna*, *Vlassici*[4]. Мы находимъ а замѣняющимъ е въ словахъ: манастырь,-ю,-ѣмь,-тиря, -еки,-омь, манастырь (Ш. № VII; А. №№ 1, 9; С. №№ 51, 98, 173; Мл.), намастири (Ш. № VII), лакьть (С. № 3), домасаалъ (С. № 14), граки (А. № 8), сонаанищи (С. № 176), гракадоу (А. (№ 11), граковницомь (Ш. № 11), ѕарию (С. № 35), Ѩросалимъ,-ахъ и Ѩросалима (Г. А), катарь (Ш. № 15), кесарьскимь (С. № 81), любкамь (тв. ед., С. № 104), ѕарѣмь (А. № 16), катеи (котаи, С. № 178), арьсеаниы (С. № 173). Б-а е усиливается въ а въ словахъ: помага,-аи,-ате,-аать,-аи,-амь,-ати, сьпомагати (А. И.; С. №№ 3, 16, 48, 64, 66, 178), пред- прѣ- при- кьѕ- кьѕ- по- подлагаю,-ѣю,-ахѣ,-ать,-ага,-ая,-аей,-ають,-ающе (Ш. № VII; С. №№ 35, 51, 176; А. № 9; В. № 2; З.), раѕарати (Ш. № VII), пре- по- твараю,-ам,-ати (Ш. № VII; С. №№ 2, 62; З.), ѡсновага (С. № 2), праштаю,-аастя (С. №№ 2, 3), расти (С. № 16; Ш. № XVI), стварамь, сьтвараѣть (С. № 32; Мл.), стварь, стваарь (С. №№ 96, 107, 120, 127, 133 и пр.), ср. створь, створь (С. №№ 100, 101), ѡговарамѡ, ѡдьговарате (А. № 6; С. № 164), наказаюштимь,-ію,-іимъ (А. № 9; С.-Д. М. 1844; Г. А, Б), покланяющоумисе, оустраасе (А. № 11), устрашають,-юще (С. №№ 35, 46), принашаю (А. № 14), покланямааа (В. № 2), изганають (З.), вьдварають се, (А. № 17), потаитаиа (С. № 144), покланямисе

[1] Serbische Lesekörner, стр. 14.

[2] Даница 1827 г., стр. 56. — Српски Рјечник, В. С. Караджича.—Шафарика, Ueber die Abkunft der Slaven, стр. 156.—Его же Slow. Starožitn., I, II, 190. Слав. Древн. I, I, 304.

[3] Шафар., Slow. Starožitn., II, IV, 651—656. Слав. Древн., II, I, 430 — 439.

[4] Тамъ же, II, V, 678, 679. II, II, 34 — 36.

(С. № 166). Сверхъ того б-а а смѣняется съ б-ю о въ род. п. ед. ч. прилагательныхъ и мѣстоименій на -ога, -ѥга, -га и -аго, -ѥго, -го.

Б-а а смѣняетея съ б-ю ѣ въ слѣдующихъ словахъ: ѿсела, ѿсаа (С. №№ 8, 16) и ѿсеаѣ, отсаѣ (А. И.; С. №№ 8, 19), ѿкола (С. № 16) и ѿколѣ (С. № 100), докола, докла (С. №№ 114, 142, 143, 144) и доколѣ, доклѣ (А. И.; С. №№ 6, 17, 20, 22, 24, 26, 106, 111), дотали,-ли (С. №№ 108, 112, 115, 126) и дотолѣ (С. № 106), ондаи (С. № 135) и ондѣѕии (С. № 40), куда (С. №№ 113, 150) и куднѥ, коудѣ (А. №№ 6, 12, 19; С. №№ 101, 137), свуда (С. №№ 137, 141) и всоудѣ (С. № 91), нигда (С. №№ 141, 150) и нидѣ, нидѣ (С. №№ 71, 79), ѿниоудѣ (А. № 10). Чрезъ посредство ѣ, переходящаго въ ѥ, а смѣняется съ ѥ во многихъ изъ приведенныхъ нарѣчій, ибо находимъ еще формы: доколѥ,-ѥ, -ѥ, доклѥ,-ѥ (А. И.; С. №№ 20, 58, 66, 68, 69, 73, 83, 84, 91, 98, 112, 115, 137; А. № 15; Г. Б; Мл.), ѿкоудѥ (А. № 4), коудѥ, нидѥ (А. № 19; С. №№ 67, 73, 91, 111, 137, 150, 168), ѿниоудѥ (А. № 4), нидѥ (С. № 150), ондѥѕи, ондеѕи (С. №№ 36, 73, 91, 111), ѿколе, ѿкли, ѿколѥ (С. №№ 40, 101, 127; А. № 11), досли (С. № 56), ѿсели (С. № 77), дотли (С. № 115). Чрезъ ѣ, претворяющееся въ и, б-а а смѣняется съ и въ формахъ: ѿсли (С. № 43), куди (С. №№ 82, 102), доколи (С. №№ 83, 89, 93, 99, 107) онди (С. № 94), всуди (С. № 102). Б-а а смѣняется съ б-ми ѥ и ѣ въ союзѣ да, дѣ, дѥ (С. №№ 8—11, 13, 14, 16, 18). Б-а а стоитъ вм. ѣ въ словѣ дяста (С. № 152). Въ нее усиливается ѣ въ слѣдующихъ словахъ: владанѥ,-нѣ,-ия,-иѥ,-нию,-инѣмь,-ии (А. И.; С. №№ 14, 61, 65, 79, 80, 85, 104, 144), владаць,-льци (С. №№ 14, 29), имати,-мати (С. №№ 19, 76, 152), ималь,-ла,-ли,-мо,-вьше, имаамо (С. №№ 46, 57, 64, 70, 71, 78, 79, 81, 85, 89, 92, 97, 101, 127, 129, 159), имания, -ія,-їи,-ии,-инемь,-ѣмь,-имь,-ьемь (С. №№ 35, 43, 50, 77, 91, 102, 111, 132, 137, 146, 147, 150), или съ ѥ вм. ѣ: ср. имѣль,-н (С. № 16), фрашьць,-шаць (С. №№ 16, 84), ѡфрахѥ, ѡрахь,-а (С. №№ 157, 176), ѡрашькин (А. № 18).

Б-а а стягиваетъ въ себѣ ан въ словѣ наки (наити, С. № 113).

Б-а а смѣняетъ б-у ѣ въ предлогѣ протива (С. №№ 89, 118, 132, 141) и противѣ (С. № 3).

Б-а а является мѣстами въ удвоенномъ видѣ. Это особый видъ ея служенія, развившійся преимущественно въ XV-мъ в. въ Западной семьѣ грамотъ. Восточныя равномѣрно знали его, но употребляли осторожнѣе. Что означаетъ удвоенное а, рѣшить трудно; но замѣчательно, что удвоивается лишь а коренное и усиленное, между тѣмъ, какъ а, служащее для озвукотворенія б-ы ь, остается безъ удвоенія, или, если иногда и удвояется, то весьма рѣдко, какъ бы въ видѣ исключенія. Такъ какъ послѣднее есть по преимуществу бѣглое и слабое, то можно догадываться, что удвоеніе означаетъ индѣ протяженіе голоса въ б-ѣ а и какъ бы ея долготу, а индѣ паденіе надъ нею голоса или удареніе. Въ XIII-мъ в. находимъ только: ѥре ти даа ѕдравиѥ (С. № 5; у Ш. № VI -дан); ѕаа море (С. № 17); въ XIV-мъ в. кое-гдѣ въ Аѳонскихъ, на пр., да се иѕбираа, безь велиикаа оуѕроа (А. № 3), да ѡставаа, краааль, да се иѕбираа (А. № 4), каако (А. № 8), всаа (А. № 9), ѥдинославнааго, всаа, таамо, порекновааснѡ, ѕапрѣщаа (С. № 10), ѥдонаа (А. № 19), санкаа (А. № 18); въ Дечанской: слышаа, даа, крьмошаа, половинаа (С. № 176); въ Раваницкой: глаи (Ш. № 15) и въ Законникѣ: кто ли се поѹѕдаа, прѣдаа; даже формы оу нила села, градьскаа ѕемлѥ приличнѣе объяснить этимъ удвоеніемъ. Въ Западной семьѣ грамотъ только въ одной Босній-

ской читаемъ: слаано, лѣваатъ, ѡрашаацъ: въ двухъ послѣднихъ словахъ а возникло изъ ь (С. № 84). Въ XV-мъ в. удвоеніе усиливается. Въ Восточныхъ грамотахъ находимъ: маара,-ре,-ромь (С. № 91), палати, даара, да нааани (С. № 111), аако, да даа, не имаа (С. № 137), даавай, ꙁаалтй (С. № 146), маара,-ѫ, ѡбраавомь (С. №№ 165, 166, 167), неиꙁгаааниыи (Г. Б) и пр. Въ Западныхъ удвоеніе встрѣчается гораздо чаще, на пр., иаамь, иаась (С. № 96), иаамь, иааше, да се пааде (С. № 100), ааꙁь (С. №№ 100—103), по ѡбичаалю (С. № 102), паате (С. № 103), раабь (С. № 104), ꙁаписаано, праави, ꙁааатихь. писаасе (С. № 107), праавь, даали се, иаачином, ꙁаабави, бивaа, страаиѫ,-ѹ, раасамь, цааа, страхь, продаа, имаа, праамь, -ю, примаамь, повелѣваамо, рааꙁѫ, стаарѣши и пр. (С. № 114). ꙁаа (С. №№ 114, 117, 127, 133), даамь, подобаасе. писаани (С. № 117), ꙁааписъ,-е (С. №№ 114, 122, 127, 129), беꙁа всааке ꙁаабаве, имаамо, писаамь (С. № 129); иаа (С. №№ 142, 145, 163); въ Турецкой: да се даа, садаа, граадь (С. № 164) и пр. и пр. Б-а а, возникшая изъ ь, удвоена только въ немногихъ случаяхъ, какъ на пр., г҃ саать, поставаа (род. мн., С. № 127), саан (С. № 145), дукатаа (род. мн., С. № 164) и н. др. Удвоеніе б-ы а производитъ иногда въ грамотахъ смѣшеніе формъ, откуда являются формы двойственныя, допускающія совсѣмъ иное и, по видимому, вѣроятнѣйшее, но тѣмъ не менѣе неправильное объясненіе. Такъ, на пр., въ одной Травунской гр-ѣ (С. № 114) читаемъ: ѡ веле мошнаа сило прѣстаанго дх҃а.. прѣстаа троице нераꙁдѣлимаа слава тебѣ (ср. С. №№ 71, 84, 97, 144). Кто не хорошо знакомъ съ общимъ духомъ грамотъ и кто прочтетъ только эту одну грамоту, тотъ можетъ окончаніе -аа принять за полное вмѣсто -ая и -ааго за полный и древнѣйшій признакъ родительнаго падежа:—объясненіе, по видимому, достаточное и вѣрное; но на самомъ дѣлѣ, судя по возрасту и происхожденію грамоты, такого окончанія родительнаго п. въ ней ожидать нельзя, ибо это была бы небывалая старина. Сдѣсь окончаніе -аа есть не что иное, какъ только удвоенное -а, но отнюдь не мѣстоименное -ая; ибо сравненіе съ другими случаями, въ ней же находящимися, равно съ другими современными грамотами, имѣющими подобное вступленіе, показываетъ, что и тутъ должно ожидать одного а. Правда, писцы помнили мѣстами давнишнюю долготу б-ы а, восходящую къ Санскритскому *á*, или образующуюся чрезъ слитіе, но съ тѣмъ вмѣстѣ распространяли удвоеніе и на короткое а. Пиша -ааго, -аа, они знали, что въ Д.-Булгарскомъ языкѣ дѣйствительно есть -ааго, -аа, но сначала они стянули этѣ формы въ -аго, -а и потомъ удвояли ихъ въ знакъ ихъ долготы. Они дѣйствовали тутъ болѣе чуткостію слуха, чѣмъ знаніемъ.

Б-а а способна принимать въ себя послѣдующую гласную и вмѣстѣ съ нею составлять одинъ долгій звукъ. Стяженіе происходитъ совершенно въ ея пользу, такъ что другой гласный звукъ исчезаетъ въ ней, доставляя ей лишь одну долготу. Сдѣсь природа ея является сильнѣе природы другихъ гласныхъ и, поглащая въ себя другіе гласные звуки, сама никогда не подчиняется имъ. Стяженіе начинается съ древнѣйшихъ временъ и безъ особеннаго успѣха продолжается до конца нашихъ грамотъ. Таковы формы: наномь (на ѡномь), ка (како, кло, С. №№ 7, 93), нанои (на ѡнои, С. № 11), наалте (А. № 9), иꙁиаге (иꙁьиꙁиде, С. № 40), ако, ако (а ѡко, А. № 12; С. №№ 61, 92), аии (С. №№ 78, 89, 93, 94, 107, 108, 109, 112, 113, 114, 120, 121, 126, 133, 140, 145, 179; А. № 7; Ш. № 16), ср. а нап (С. №№ 112, 114, 119, 120, 124, 125, 126, 141, 145), ма (моа, С. №№ 79, 93, 149), ма-

халь (С. №№ 137, 138, 176), манегхакити (С. № 157). Сюда же можно отнести и тѣ глагольныя формы, которыя, по видимому, обходятся безъ соединяющей гласной; таковы окончанія 2-го и 3-го л. ед. ч. и 1-го и 2-го л. мн. ч. наст. вр. глаголовъ на -ати: -аши,-а,-амо,-ате.

Въ началѣ словъ и предъ гласною б-а а большею частію соединяется съ смягчающимъ небнымъ началомъ і и вмѣстѣ съ нимъ образуетъ мягкую б-у ѩ. Такъ какъ носовой звукъ ѧ въ Сербскомъ языкѣ съ самыхъ древнѣйшихъ временъ обратился въ е, то начертаніе ѧ сдѣлалось собственно излишнимъ для Сербской азбуки: и дѣйствительно, мы не находимъ его ни въ однѣхъ грамотахъ, кромѣ Аѳонскихъ. Этѣ послѣднія, наиболѣе близкія къ Ц.-Славянской письменности, не могли разстаться съ б-ю ѧ; но при всемъ томъ поступили весьма осмотрительно. Писцы не увлеклись носовымъ произношеніемъ этой буквы и никогда, кромѣ двухъ случаевъ: ѧдрь (А. № 5) и кнѧѕь (мон., Рейх. XX, № 31), не ставили ея на мѣстѣ носоваго звука, но замѣняли ею б-у ѩ. Быть можетъ, они заимствовали ее изъ такого источника, въ которомъ она уже утратила свой носовой звукъ: какъ бы то ни было, въ концѣ XII-го в. въ гр-ѣ Немани (А. № 1) находимъ слово оуміліѧхь (у Ш. № V—ѩ), гдѣ ѧ написано вмѣсто ѩ: слѣдовательно, уже въ этомъ вѣкѣ оно звучало, какъ ѩ. Впрочемъ, это только единственный случай для этой б-ы изъ XII-го в. Въ Аѳонскихъ грамотахъ XIV-го и XV-го вв. начертаніе ѧ вмѣсто ѩ преобладаетъ исключительно, такъ что послѣдняго вовсе не находимъ въ грамотахъ, изданныхъ Авраамовичемъ и въ Гласникѣ. Въ послѣднемъ находимъ даже ѩ: ѩко, тисоуѩ, напльнѩ (Г. А), ѩко, имаѩ (Г. Б), иниѩ (Г. V), какъ и на одной изъ печатей Уроша V: архидиѩконь (Г. II, стр. 203). Напротивъ, въ таковыхъ же грамотахъ, напечатанныхъ въ Споменикахъ и у Шафарика, всюду встрѣчается одно только ѩ. Что же до прочихъ не-Аѳонскихъ грамотъ, то въ нихъ употребляется одно обычное начертаніе ѩ; а ѧ попадается не болѣе двухъ, трехъ разъ разсѣянно и какъ бы невзначай въ видѣ описки, именно: ѧраѕы (С. № 3; у Ш. № X—ѩ), поставлѧти (С. № 35), вседрьжителѧ (С. № 94), праѕновати (С. № 107) — и только; но въ С.-Д. М. №№ 1, 2, на оборотъ, нѣтъ нигдѣ ѩ, а всюду ѧ, или ѩ. Въ томъ же изданіи 1844 г. встрѣчаются ѩ, іа и ѧ. Весьма замѣчательна такая рѣзкая противуположность между грамотами: однѣ исключаютъ совершенно одно начертаніе для мягкаго а, а другія другое: чрезъ это подтверждается отчасти тожество обоихъ начертаній. Имѣютъ ли сдѣсь какое либо значеніе условные пріемы переписчиковъ, и употребленіе того, или другаго начертанія не ограничивается ли распоряженіями самихъ издателей—этого я не берусь объяснить. Относительно чтенія Сербами б-ы ѧ замѣчательна однажды встрѣчающаяся форма ѩрѣдоша ви.-е (С. № 85), въ которой писецъ читалъ ѧ, какъ а, и точно такимъ же образомъ написалъ ее. Ясно, что ѧ звучало у Сербовъ, какъ а, или чаще ѩ, что, впрочемъ, отнюдь не значитъ, чтобы носовой звукъ, выражаемый Ц.-Славянскою б-ю ѧ, произносился у нихъ, какъ а: нѣтъ, онъ звучалъ всюду, какъ е; сдѣсь же дѣло одного начертанія, или условное употребленіе извѣстнаго буквеннаго изображенія.

Вообще всѣ Славянскіе языки не любятъ твердыхъ или открытыхъ гласныхъ въ началѣ словъ, равно какъ стеченія таковыхъ въ срединѣ и концѣ словъ. Въ обоихъ случаяхъ, какъ въ начальной гласной, такъ и во второй изъ двухъ рядомъ стоящихъ гласныхъ подъемъ голоса бываетъ полный, ибо по причинѣ членораздѣльности звуковъ каждое слово и каждая гласная заканчиваютъ собою извѣстное количество голоса, такъ что послѣдующее слово, начинающееся глас-

ною, или послѣдующая гласная требуетъ новаго количества голоса, производитъ новый, полный подъемъ въ произношеніи. При такомъ полномъ и новомъ подъемѣ Славянскіе языки не терпятъ открытаго, широкаго, яснаго звука, но стараются всячески избѣжать его то чрезъ стяженіе гласныхъ, то чрезъ приставку благозвучныхъ буквъ, или чрезъ придыханіе, или же наконецъ чрезъ приращеніе гласнаго звука къ небу, т. е., чрезъ смягченіе его помощію небнаго начала і. Отсюда рожденіе мягкихъ гласныхъ. Два сряду открытыхъ подъема голоса не удобны и производятъ однообразіе; смягченіе напротивъ, спуская и съуживая подъемъ, производитъ разнообразіе въ голосѣ: это своего рода членораздѣльность и благозвучіе—два главнѣйшія свойства человѣческаго голоса. Но смягчающее начало Славянскихъ языковъ хотя и является преобладающимъ, однако на письмѣ, рѣже въ произношеніи, оказывается иногда ненужнымъ и оставляетъ слова съ яснымъ и открытымъ поднятіемъ голоса. Такъ и въ Древнесербской Кириловской письменности не всегда а въ началѣ словъ и предъ гласною переходило въ ѧ. Любопытно сравнить въ этомъ отношеніи нѣкоторыя двойственныя формы. Такъ мы встрѣчаемъ: азь (мн. р.) и ꙗзь, ꙗ҆зь (А. №№ 7, 12), ꙗ҆ (А. №№ 4, 14), ѧ (мн. р.), ако, аке и ꙗко (Ц.-Сл. ꙗште): и҆ ако.. погнѣе влайнни да го тіи ванарѣе ѿ себе поставлаю, ср. тутъ же: и҆ аще се... слоуги погыбноути влась, ѡни да и҆ поставе ѿ себе (А. № 6); и ꙗко (т. е., ако) ки ѧ не упии (С. № 14), и ꙗко (ако) що сьгрѣше (С. № 24); и на оборотъ ако (т. е., ꙗко): и ако же и прѣвъзданныи адамь (Г. А), ср. и ꙗко же прѣвъзданныи адамь; и той мы видѣвше... ако златоусте храмь (Г. Б). Замѣчательно еще смягченіе начальной б-ы а въ словѣ ѧньгела, ѧньела (С. №№ 107, 114). Такъ равно а передъ гласною не всегда обращается въ мягкое ѧ. Грамоты, ближайшія къ Ц.-Славянской стихіи, чаще оставляютъ его безъ перемѣны, чѣмъ грамоты, ближайшія къ народной стихіи. Монастырскія въ особенности отличаются терпимостію чистаго а при предшествующей гласной; примѣровъ такъ много, что довольно привести только нѣкоторые. Въ грамотѣ Немани еще не находимъ ихъ, но въ прочихъ они уже изобилуютъ: многаа (А. № 2), великаа, главнаа, вьсѣкаа благаа, болшаа (А. № 3), инаа многаа (А. № 4). вьпльщеніа. послѣдниа, ѡкааннын, и҆зрєдиаа (А. № 6), великаа (А. № 5), хрістіанскаго (А. № 8), ср. хрістианскаго (А. № 4), хрістіаномь (А. № 6), цркваа, коліа (А. № 10), достоініе (А. № 11), даань (А. № 12), ср. дань (А. № 13), желаниа, сна, рекомаа (А. № 14), таковь (А. № 18), ср. и҆ ꙗкова (А. № 3), оупованіа, словесаа (А. № 20), невидимаа, хрианаг, исплана (С. № 35), бжтьвнаа повеленіа (С. № 175), ѿвѣствіа, трєтіа, сіа, житіа (Мл.) и пр. и пр. Во многихъ изъ этѣхъ грамотъ несмягченіе вполнѣ господствуетъ; а въ изданіяхъ Гласника, С.-Д. Магазина 1844 г., Востокова и С. № 178 а остается постоянно неизмѣняемымъ передъ гласною. Исключеній только два: предьстоштелю (Г. А) и пріѧтелѧ (С.-Д. М. 1844). Гораздо менѣе случаевъ несмягченія б-ы а находимъ во всѣхъ остальныхъ грамотахъ; можно съ увѣренностію сказать, что случаи эти весьма рѣдки. Таковы: аньдрѣа (С. №№ 15, 16), еваньглиа (С. № 21), мрьнань (С. № 32), патриархь (С. № 46), соудіами, сѫдіами, хотѣніа (С. №№ 73, 91, 111, 137), евангелиа (С. № 78), изліа, сіа, записаніа, декебрїа (С. № 90), декембріа, кефаліа, записаніа (С. № 91), шестоа (С. № 92), блаженаа (С. № 103), спомєнутна (С. № 110), изліа, сіа, кифаліа, имаміа, взетіа, стоати, писанаа (С. №№ 111, 137), пріателіе, -те, -лю (С. №№ 111, 137, 146, 147), даниловиїкь (С. № 118), всаааа (С. № 146), днамань (С. № 157). Въ Законникѣ а передъ гласною всегда остается безъ перемѣны. Если въ сейчасъ приведенныхъ

примѣрахъ замѣтимъ, какую часть между ними занимаютъ примѣры изъ собственно-Сербскихъ памятниковъ, и если къ нимъ присовокупимъ всѣ тѣ, которые были приведены выше, то убѣдимся, что несмягченное а держалось почти исключительно въ Восточной семьѣ и преимущественно въ грамотахъ, относившихся къ церковнымъ надачамъ, а это и показываетъ намъ, что на немъ отразилось вліяніе Ц.-Славянской стихіи, что подтверждается и Законникомъ. Напротивъ, смягченіе б-ы а въ началѣ словъ и передъ гласною было дѣломъ Сербской народности и совершалось въ грамотахъ, относившихся къ дѣламъ мірскимъ и предпочтительно принадлежащихъ къ семьѣ Западной. Въ самомъ дѣлѣ, въ Д.-Булгарской средневѣковой письменности, ровесницею которой можно назвать и Сербскую, рядомъ съ главнымъ правиломъ смягчать гласную передъ гласною, находимъ неменѣе главное правило, господствующее въ многочисленныхъ ея памятникахъ, по которому а и оу при предшествующей гласной не смягчаются. Впрочемъ, начало этого явленія должно искать, кажется, внѣ Булгаріи; оно занесено было туда позднѣе и, всего вѣроятнѣе, съ Карпатовъ. По разсѣяніи учениковъ свв. Кирила и Меѳодія, Прикарпатскіе жители, конечно, были одними изъ первыхъ, къ которымъ донесся голосъ православныхъ проповѣдниковъ, или, по крайней мѣрѣ, дошли церковныя книги. Въ Карпатахъ не любятъ смягченія, и это мѣстное свойство наложило свою печать и на Булгарскія рукописи, воротившіяся потомъ въ Булгарію, или достигшія Сербіи и Россіи. Западнорусскія рукописи обилуютъ несмягченными гласными. Но ихъ ли собственно вліянію должно приписать водвореніе того же свойства въ средневѣковой Булгарской письменности, или то было дѣйствіе собственно Булгарскаго мѣстнаго разнорѣчія, объ этомъ нельзя сказать ничего положительнаго; только наши данныя показываютъ, что въ предлежащей Сербской письменности несмягченіе было дѣйствіемъ Булгарскаго вліянія.

Б-а ꙗ, ѧ, ѩ замѣняетъ собою иногда б-у ѣ; подобные случаи хотя и не часты, однако встрѣчаются, на пр., къ имиꙗмь вѣцѣ (С. № 51), насладиника, истлакша, имашила, таюющихь, тамже, никаискыхь (А. № 7), ныня (З.), на (А. № 10), донина (А. № 14), иꙗ (С.-Д. М. № 1; А. № 16), иния (Г. V), повелѧно (С. № 113). Еще замѣтимъ форму: ѡвꙗ листь, ѡвꙗ ꙁапись велики (С. № 130), гдѣ ꙗ замѣняетъ ь, если только оно не принято по ошибкѣ вм. и.

Б-а ꙗ усиливается изъ и въ словахъ: ꙁамѣꙗмь (С. № 74), приꙗмши (С. № 133), приꙗмь (С. № 136) отъ имати; таꙗти (С. № 142) вм. таити, откуда существ. таи, таꙗмь (С. № 3);—изъ ѣ въ словѣ наꙗхали, -аци, ср. тутъ же наѣꙁдиы, гдѣ ѣ стоитъ вм. ꙗ. (З.).

Б-а ꙗ, ѧ, удвоивается, но такъ, что вторично является уже твердое а: ꙗа, а не ꙗꙗ; послѣднее удвоеніе не существуетъ. Вотъ примѣры: ꙗа, ѧа (аꙁь, С. NN№ 69, 74, 102, 104, 132, 133, 142, 143, 150, 156, 157, 158, 162, 164, 173; А. № 15; Мл.), потврьѣкваꙗа, коꙗа (С. № 102), приꙗтелꙗ, -ꙗь (С. NN№ 157, 173), поглавꙗа (С. № 173).

Мы видѣли, что дѣйствіе народной стихіи обнаружилось въ стяженіи окончанія ꙗа въ ьꙗ: разъ одержавши верхъ, народная стихія пошла далѣе и стянула ьꙗ въ ꙗ, дѣлая это не только въ концѣ словъ, но и въ срединѣ ихъ; при этомъ ь перешло въ предыдущую согласную. Впрочемъ, надобно сознаться, что малочисленность примѣровъ и сравнительно большее количество случаевъ для ьꙗ показываетъ, что форма ꙗ вм. ꙗа еще не установилась окончательно, и срединная форма ьꙗ, напоминавшая и древнѣйшую ꙗа и новѣйшую ꙗ, составляетъ отличительный и вмѣстѣ переходный признакъ, преобладающій

еще и въ XV-мъ ст. Изъ предыдущихъ вѣковъ можно привести только слѣдующіе немногіе примѣры: **врата** (А. № 7), **прота** (А. № 14), **кладани** (С. № 61); но въ XV-мъ ихъ довольно: **помѣнути, оставленіе, неткарганами** (С. № 101), **декити** (С. № 106), **потакнути** (С. № 113), **уздржании** (С. 121), **споменути, регони** (С. № 126), **имании** (С. № 132), **повелании** (С. № 136), **крстианиной** (С. № 157) и н. д. И на оборотъ, находимъ формы съ избыточествующимъ **и**: **кепании** (С. № 17), **бѣлииакь, -омь** (С. NN№ 86, 156), **виниахь** (С. № 132), **родиакь** (С. № 155). Въ формѣ **ано** (А. № 6) стянуты три гласныя; но Сербы не любятъ этого стяженія и, сливая **іо** въ одинъ звукъ, отдѣляютъ его отъ **а** вставочнымъ **в**: **иована, -омь** (С. NN№ 1, 16; Ш. № VII), **ивани** (Ш. № VII), **ивановикь** (С. № 20), **иванъ, иванишь** и т. д. (мн. р.).

Въ иностранныхъ словахъ господствуетъ колебаніе; писцы не знаютъ, что поставить: **иа, на, иоа**, или **а**, или даже просто **а**. Такъ, на пр., они пишутъ: **иакиний** (А. № 2), **йаковъ, йакова** (А. NN№ 3, 4), **іоаномь** и **ано** (А. № 6), **диакоіскыимь** (А. № 9), **іоаніемь, иоанникіе, діаконимь** (А. № 10), **іоаннь** (А. № 16), **іω** (печ., Р. III, 333), **иоанъ** (С. № 178), **іоаннъ** (Г. V), **иокансиара** (С. № 63), и **покаисаря, -е** и т. д. (мн. р.), **якова** (С. № 73), **дианъ**, (С. NN№ 80, 87, 98, 101, 102, 124, 142, 143, 144, 152, 154), **дьякь** (С. NN№ 104, 107, 114, 122, 129), но **диак** (С., стр. 252), **диаком** (С. № 164), **протикистіарь, -киръ** (С. NN№ 71, 111) и **пробиталь, протовистарь** (С. NN№ 70, 136), **маия, маіа, маіа** (С. NN№ 167, 179; З.) и **мая** (С. NN№ 72, 98, 168), **іоліа** (А. № 8), **іоуліа** (Г. V), **іюніа** (Г. А; А. № 20), **юліа** (С. NN№ 130, 164), **июніа, юниа** (С. NN№ 123, 148, 156, 157), **июна, -а** (С. NN№ 66, 89, 124, 135), **юли** (С. № 81), **юна** (С. № 96). Укажу еще на форму **иа** (азъ, С. № 89), въ которой участіе смягчающаго небнаго начала, по своей отдѣльности, обнаруживается яснѣе, чѣмъ въ **я**.

Другой частый и первоначальный гласный звукъ есть *и*. Мѣсто его въ отношеніи гласнаго органа находится при небѣ. Если *а* представляетъ ближайшій къ гортани и по тому наиболѣе открытый, широкій звукъ, и если третій первоначальный звукъ *у* составляетъ съ нимъ противуположность, являясь губнымъ глухимъ звукомъ, то *и* занимаетъ между этими двумя крайностями серединное мѣсто: оно не такъ открыто и широко, какъ *а*, и не такъ глухо, какъ *у*; представляя собою звукъ, прижаемый небнымъ органомъ голоса, оно узко и не столь твердо, какъ *а*; но все таки оно твердо и имѣетъ своимъ противнемъ мягкій звукъ, который ясно отличается отъ него своимъ вторичнымъ, какъ бы большимъ приражевіемъ къ небу, хотя на письмѣ и не выражается особымъ знакомъ. Эта полумягкость кореннаго и чистаго звука *и*, носящая названіе твердости, была причиною многихъ историческихъ явленій и многихъ споровъ, возникшихъ по поводу смѣшенія твердаго и смягченнаго *и*. Такъ находятъ какой-то серединный звукъ между *и* и *ы*, но это несправедливо по тому, что въ голосѣ человѣческомъ есть столько видоизмѣненій гласности, твердости, и мягкости, что никакая азбука не можетъ удовлетворить всѣмъ его звукоизмѣненіямъ: мы не должны забывать, что имѣемъ дѣло только съ главнѣйшими и основными звуками человѣческаго голоса, для которыхъ только и находятся въ азбукѣ представители, а по тому главныхъ, самостоятельныхъ и самоотдѣльныхъ степеней голоса никакъ не должно ровнять съ побочными, смѣшанными и посредствующими видоизмѣненіями его Иное дѣло ученіе объ основныхъ гласныхъ звукахъ и иное дѣло ученіе о побочныхъ, серединныхъ звукахъ. Послѣднее, кажется, еще не на-

шло себѣ воздѣлывателя, ибо тутъ необходимо непосредственное и самое короткое знакомство со всѣми Славянскими языками, наиболѣе ими обилующими, въ ихъ устной рѣчи, въ томъ видѣ, какъ звучатъ они въ народѣ. Обработать эти сокровенные и мелкіе оттѣнки языка при отсутствіи азбучныхъ знаковъ и подъ важнѣйшимъ условіемъ близкаго знакомства со всѣми Славянскими нарѣчіями и ихъ подрѣчіями и разнорѣчіями, не только въ устномъ и современномъ состояніи, но и въ повременной жизни, смотря по тому, какъ письменность ихъ, чрезъ существующіе въ азбукѣ знаки, какъ чрезъ представителей основныхъ звуковъ, старалась выразить серединные звуки, для которыхъ особенныхъ знаковъ въ азбукѣ не существовало и не существуетъ, — обработать, говорю, все это гораздо труднѣе, чѣмъ изложить ученіе объ основныхъ звукахъ какъ Славянскихъ, такъ и другихъ языковъ, для которыхъ всѣ азбуки представляютъ болѣе, или менѣе удовлетворительные знаки. Но между тѣмъ потребность упомянутаго ученія о серединныхъ звукахъ, какъ такой части Славянскихъ языковъ, которая вмѣстѣ съ коренными гласными составляетъ душу каждого Славянскаго слова и только вдвоемъ съ ними представляетъ всю самозвучность голоса и производитъ въ немъ извѣстную степень напряженности и разнообразія, весьма чувствительна; ибо только она можетъ выказать все богатство звуковыхъ измѣненій въ Славянскихъ языкахъ, разграничитъ, какъ должно, основные и самостоятельные гласные звуки отъ посредствующихъ, серединныхъ и въ особенности уяснить ученіе о полугласныхъ въ ихъ видоизмѣненіяхъ по всѣмъ Славянскимъ нарѣчіямъ. Только оба ученія въ своей совокупности могутъ представить полный составъ гласныхъ звуковъ въ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Составитель Славянской азбуки, св. Кирилъ, хорошо понималъ основные и второстепенные звуки и поступилъ гораздо благоразумнѣе тѣхъ, кои для Славянскихъ языковъ приняли Латинскую азбуку: онъ далъ знаки не только для всѣхъ основныхъ гласныхъ звуковъ Д.-Булгарскаго языка, но и изъ второстепенныхъ изобразилъ знаками самые рѣзкіе и выдающіеся—полугласные. Напротивъ, Латинская азбука не имѣетъ даже и самыхъ ъ и ь, которыя для нея въ Славянскихъ нарѣчіяхъ столько же необходимы, сколько для Кирилицы не нужна б-а *j*. За то св. Кирилъ, по видимому, принималъ *и* за мягкое и далъ ему видъ Греческой буквы и (*η*), которая въ его время, безъ сомнѣнія, звучала какъ *и*. Греческая же б-а ı служила ему не буквою, но только пособіемъ при составленіи другихъ мягкихъ буквъ. Мягкость его б-ы и доказывается еще тѣмъ, что для собственно мягкаго звука *и* онъ не придумалъ никакого начертанія, подобнаго другимъ мягкимъ. За твердый небный звукъ онъ, вѣроятно, принималъ одно ы. Если для одного небнаго звука ему потребовался ъ, то значитъ, что небный звукъ самъ по себѣ считалъ онъ мягкимъ; слѣдовательно, ы стоитъ у него на одной доскѣ съ а, є, о, оу, ѫ, ѧ, ѣ и отвѣчаетъ мягкимъ ꙗ, ѥ, ю, ѭ, ѩ: иначе составился бы новый рядъ буквъ, въ которомъ явились бы твердыя ъа, ъє, ъоу и т. п., а а, є, о были бы тогда уже серединными, какъ ꙗ, ѥ, ю мягкими; но это уже противорѣчило бы двойственности въ начертаніяхъ, принятой въ основу при составленіи азбуки, той двойственности, которая объясняется двумя только главными свойствами звуковъ, твердостію и мягкостію. Но собственно смягчающее небное начало, участвующее въ образованіи мягкихъ гласныхъ, не должно быть смѣшиваемо съ твердымъ и: оно есть непремѣнно мягкое. Въ сложеніи съ прочими гласными Кирилъ далъ ему начертаніе Греческаго ı: ı, а въ сложеніи съ звукомъ и опустилъ вовсе. Никакая Славянская азбука не выражаетъ этого мягкаго зву

ка *и*; только Сербское правописаніе намекаетъ на него въ тѣхъ случаяхъ, когда къ начальному мягкому звуку *и* присоединяется благозвучное *н*: тогда это послѣднее принимаетъ на себя смягчающее свойство *и*, выражаемое б-ю *ь*, на пр., *њи, њима*. Вообще б-ы *љ* и обнаруживаютъ правописнымъ образомъ мягкое свойство встрѣчающагося съ ними *и*. Да еще Малорусы въ старину означали, а нѣкоторые изъ нихъ и понынѣ еще означаютъ, мягкое *и*, преимущественно конечное, знакомъ ˇ. Такъ же точно, но только обратно, поступилъ Кирилъ съ звукомъ *ы*: замѣтивъ въ Славянскомъ языкѣ звукъ, ближайшій къ гортанному *а* и въ отношенія органовъ голоса занимающій мѣсто между *а* и *и*, какъ бы гортанно-небный безъ приращенія, и по тому, хотя сродный съ *и*, но болѣе открытый и твердый, онъ положилъ ему въ основаніе это *и*, и, отвердивъ его чрезъ твердое ъ:—ъи или нѣсколько позднѣйшее ъ-і. Б-а же ы, ы, образовалась изъ сокращенія б-ы ъи, хотя современное Кирилу и позднѣйшее одинаковое произношеніе Греческихъ б-ъ η и ι, также безразличное употребленіе и и І могло навести на мысль образованія ы изъ ъ и і, по чему въ Остромировомъ Евангеліи и находимъ начертаніе ъІ. Отъ того оба начертанія являются въ глубочайшей древности и напоминаютъ собою то время, когда въ азбучныхъ знакахъ еще не забыта была разумность ихъ составленія. По той же самой причинѣ, когда въ образованіи словъ и должно было присоединиться къ твердому полугласному ъ и слиться съ нимъ въ одинъ общій твердый звукъ *ы*, тогда для этого послѣдняго употреблялось начертаніе ы, на пр., въꙁъ-играти — въꙁыграти, добръ-и — добры или, чрезъ вторичную прибавку опредѣлительнаго мѣстоименнаго окончанія, — добрыи. Но конечный звукъ ъи, ы, образовавшійся собственно изъ двухъ звуковъ, конечнаго ъ, выражавшаго прадавнюю гласность, и мѣстоименія и, былъ столь слитенъ, что для опредѣленнаго окончанія онъ казался уже неяснымъ, и по тому еще въ древнѣйшую пору къ нему прибавили другое, такое же, какъ и первое, и: формы на -ыи преобладаютъ уже у Остромира: ихъ всегда можно разложить на ъии, гдѣ второе и будетъ излишнимъ. Нѣкоторые принимаютъ ы за двоегласную; но это столько же возможно, какъ и то, что Санскритское долгое *ā*, часто въ Ц.-Славянскомъ языкѣ переходящее въ ы, есть двоегласіе, почти всегда обнаруживающеесе въ какомъ нибудь изъ Индоевропейскихъ языковъ. Тѣмъ не менѣе, оно звучитъ, какъ чистый долгій звукъ: таковъ въ этомъ случаѣ долженъ быть и звукъ ы. Замѣная носовые звуки, какъ бы цѣлые слоги, онъ тоже есть двоегласіе. Но кромѣ того, ы возникаетъ изъ стяженія гласности въ области самого Ц.-Славянскаго языка при встрѣчѣ б-ъ ъ и и: сдѣсь двоегласное образованіе его открывается съ перваго взгляда. Но хотя по природѣ своей ы должно быть двоегласнымъ, однако никогда въ немъ не слышится двойнаго звука, а всегда одинъ простой гортанно-небный звукъ, который, въ слѣдствіе этого свойства своего, и получилъ нѣкоторыя видоизмѣненія въ Славянскихъ языкахъ, смотря по степенямъ твердости, или мягкости голоса, въ немъ присутствующаго: по этому начертаніе его не было одинаково какъ въ Кирилицѣ, такъ и въ Латинской азбукѣ; одни изображали его то б-ми ы (*ы*), *y*, то б-ми и (*и*) і. Это зависѣло отъ того, какое начертаніе, твердое, или мягкое, находили болѣе приличнымъ для этого звука, смотря по степени его твердости. Такимъ образомъ, говоря о б-ѣ *и*, какъ знакѣ основнаго и самобытнаго звука, не должно вмѣшивать туда же другихъ видоизмѣненій небнаго звука, которыя хотя и существуютъ, но по стольку, по скольку существуетъ основной и главной звукъ, такъ сказать, ихъ первообразъ, выражаемый въ чистомъ и твердомъ *и*. Звукъ *ы*, сродный

однимъ Славянскимъ языкамъ и то не всѣмъ въ равной степени и образовавшійся въ нихъ или чрезъ перезвукъ долгаго *у*, восходящаго къ долгому *о*, которое приводитъ къ первоначальному созвучію *ав*, или чрезъ усиленіе носовыхъ звуковъ, или же наконецъ чрезъ непосредственное слитіе двоегласія при встрѣчѣ б-ъ *ъ* и *ы*, есть по природѣ своей двоегласное, но столь плотное и цѣльное, что въ немъ слышится одинъ лишь твердый гортанно-небный звукъ, какъ бы болѣе твердое *и*, по чему оно и смѣшивается иногда съ этимъ послѣднимъ.

Сербскій языкъ не имѣетъ широкаго, дебелаго *ы*, но онъ вмѣсто него употребляетъ срединное, полумягкое *и*, которое и выражаетъ одинаково съ мягкимъ *и*: другими словами, въ Сербской азбукѣ не существуетъ *ы*, но есть одно *и*: которое индѣ звучитъ совершенно мягко, индѣ нѣсколько грубѣе. Таково мнѣніе большинства пишущихъ; но нѣкоторые и доселѣ пишутъ: *високи сыдъ, мы, быо самъ* и т. п., точно такъ же, какъ, вопреки большинству, пишутъ слова съ конечными ъ и ь. Дѣло въ томъ, что Кирилица не вполнѣ удовлетворяетъ звукамъ Сербскаго языка и по тому производитъ колебаніе въ употребленіи буквенныхъ знаковъ. Но тѣ и другіе правы: одни по тому, что Ц.-Славянское ы не вполнѣ удовлетворяетъ Сербскому дебелому *и*; а другіе по тому, что Сербское дебелое *и* отвѣчаетъ Ц.-Славянскому такому же, но только сдѣсь еще болѣе дебелому, ы и легко можетъ замѣниться имъ. Вообще, по моему мнѣнію, если уже писать Кирилицею, то писать по возможности всѣми ея знаками, ибо всякое сокращеніе азбуки ведетъ къ неопредѣленности видимыхъ оттѣнковъ языка и видимаго начертанія словъ, а эта, въ свою очередь, можетъ произвести немаловажныя затрудненія въ изученіи внутреннихъ свойствъ языка. Если достоинство и цѣль всякой внѣшности состоитъ въ возможно лучшемъ проявленіи мысли или содержанія, то и всякая азбука по стольку хороша, по скольку выясняетъ видимыми знаками летучіе и понятные только для слуха звуки языка. Сокращеніе азбуки можетъ упростить одно только правописаніе, но, обобщая знаки, оно тѣмъ самымъ затрудняетъ изученіе языка для тѣхъ, кто не знакомъ предварительно съ этимъ самымъ языкомъ въ устномъ его состояніи, какъ живетъ онъ въ народѣ. Такое сжатое правописаніе отнимаетъ у языка его наглядность и тѣ отличительныя звукоизмѣненія, съ которыми онъ является въ устной рѣчи; особенно невыгодно оно для чтенія, заставляя зрѣніе бороться съ видимымъ однообразіемъ звуковъ.

Въ Древнесербской письменности б-а и получила такое же назначеніе, какое и б-а ь,—служить выраженіемъ двоякаго звука, и совершенно мягкаго, и нѣсколько дебелаго. Но, при огромномъ различіи въ возрастахъ и мѣстностяхъ грамотъ, б-а и не могла пользоваться исключительнымъ господствомъ: удивительно еще, какъ ь такъ легко и повсемѣстно водворилось; но и далеко отстало отъ него въ этомъ отношеніи. Та и другая буква служили лишь условнымъ и видимымъ знакомъ для голоса въ двоякомъ его видѣ, твердомъ и мягкомъ: писцы какъ бы условились между собою писать Ц.-Славянскія ъ и ь въ видѣ одного ь, хотя въ произношеніи не вездѣ соблюдали мягкость выговора, но, безъ сомнѣнія, вмѣстѣ съ народомъ, говорили *царъ, кнезъ*, *вѣкъ* и пр. Такъ равно и б-а и не вездѣ означила мягкій небный звукъ, но часто напоминала собою и гортанно-небное ы. Причина та, что Сербскій языкъ не сошелся съ Ц.-Славянскимъ въ твердости и мягкости звуковъ въ однихъ и тѣхъ же словахъ, и по тому Кириловскія буквы, внесенныя въ Сербскую письменность, потеряли въ этомъ отношеніи свое значеніе и сдѣлались не болѣе, какъ видимыми, условными знаками, которымъ писцы могли дать по

своей волѣ большій, или меньшій объемъ. Знаки полугласія и безгласія подчинились большему произволу писцовъ; знаки полныхъ звуковъ, при близости Ц.-Славянской стихіи, остались нѣсколько сохраннѣе. Такимъ образомъ, гдѣ вовсе не находимъ б-ы ъ, тамъ еще находимъ б-у ы. Сдѣсь опять замѣтимъ, что древніе Сербы, принявъ законнымъ начертаніемъ одно ь и видя, можетъ быть, нѣкоторую разницу между своимъ твердымъ и Ц.-Славянскимъ ы, заключавшуюся въ томъ, что Сербское твердое и звучало нѣсколько мягче, чѣмъ Ц.-Славянское ы, употребили для его начертанія не ъ, ими не принятое, но ь:—ы. Въ отношеніи употребленія этой буквы, вліяніе Ц.-Славянской стихіи опять оказываетъ свое дѣйствіе въ различной мѣрѣ на различныя семьи грамотъ: ближайшія къ нему употребляютъ чаще б-у ы, отдаленнѣйшія — рѣже. При томъ, въ послѣднихъ съ теченіемъ времени, по мѣрѣ отдаленія отъ Ц.-Славянскаго вліянія, не по пространству, а по времени, б-а ы рѣдѣетъ и вовсе исчезаетъ. Наибольшее служеніе для б-ы ы открыто въ значительной части Аѳонскихъ грамотъ, за коими слѣдуютъ другія грамоты, относящіяся къ церковнымъ надачамъ, потомъ прочія собственно-Сербскія грамоты и наконецъ грамоты другихъ семействъ. Такъ Аѳонскія грамоты, напечатанныя у Авраамовича (№№ 1—12, 16, 17, 19, 20), у Востокова (№ 1), у Шафарика (№ 11), въ Гласникѣ (А, Б, V) и Споменикахъ (№№ 175, 178), всѣ безъ исключенія имѣютъ ы. Изъ грамотъ, относящихся къ другимъ монастырямъ, его имѣютъ: Жичанская Стефана Первовѣнчаннаго (Ш. № VII), двѣ Бенедиктинскія, того же и Милутина, (С. №№ 51, 52), Рѣтьская Милутина (Мк.), Дечанская Стефана Дечанскаго (С. № 176), Раваницкая Лазаря (В. № 2; Ш. № 15; В. К.), Милешевская Стефана Лазаревича (С.-Д. М. 1844), неизвѣстно куда относящаяся гр-а Вука Бранковича (Ш. № 14) и Цетинская Ивана Черноевича (Мл.); но его не имѣютъ Ерусалимская и Синайская грамоты Душана и Уроша V (С. №№ 35, 47). Изъ остальныхъ собственно-Сербскихъ грамотъ мы находимъ б-у ы только въ слѣдующихъ: С. №№ 2, 27, 31, 73, 90, 91, 137, 138. Въ Зетскихъ ея нѣтъ. Въ Западной семьѣ она чаще встрѣчается въ XII-мъ и XIII-мъ вв. (С. №№ 1, 3, 4, 10, 14, 15, 16, 19, 20, 26) и рѣже въ XIV-мъ и XV-мъ (С. №№ 66, 68, 77, 79, 95, 97, 108), такъ что, кромѣ трехъ послѣднихъ №№, въ XV-мъ в. болѣе не находимъ ея. Впрочемъ, не только во всѣхъ упомянутыхъ Западныхъ грамотахъ, но и во многихъ собственно-Сербскихъ она является нечаянно, отрывочно, въ видѣ описки, гдѣ разъ, гдѣ два, гдѣ три, и вообще должно замѣтить, что какъ б-а ъ нигдѣ не получила послѣдовательнаго и правильнаго служенія, такъ и б-а ы, хотя и употребляющаяся чаще, чѣмъ ъ, тоже нигдѣ не пріобрѣла себѣ законнаго и повсюднаго служенія. Даже и въ тѣхъ грамотахъ, гдѣ наиболѣе она встрѣчается, употребленіе ея весьма ограничено, и часто уступаетъ она свое мѣсто преобладающему и. Въ Законникѣ хотя часто употребляется ы, но непослѣдовательно. Изъ монетъ и печатей ее находимъ на монетахъ Вукашина (Г. III, №№ 68, 69) и на печатяхъ Дечанскаго (А. № 8), Лазаря (Р. III, стр. 1) и Стефана Лазаревича (С.-Д. М. 1844 г., стр. 127). Невольное проявленіе б-ы ы, не смотря на господство и, показываетъ, что народный языкъ Сербовъ не вездѣ безразлично произносилъ мягкое и, но что въ немъ были и есть слова, которыя требуютъ болѣе дебелаго звука, хотя и не столь широкаго и твердаго, какъ Ц.-Славянскій звукъ ы, но тѣмъ не менѣе ближе подходящаго къ нему, чѣмъ къ звуку и: отъ того въ этихъ случаяхъ ы считалось умѣстнѣе, чѣмъ и. Но съ другой стороны, такъ какъ ы и и явились въ Сербской письменности од-

ними внѣшними знаками, утративъ въ себѣ ту разумность, которая вложена была въ нихъ составителемъ Кирилицы и жила съ ними на ихъ родной почвѣ, то и не могли сохраниться безошибочно, ибо не было уже въ нихъ той первоначальной мысли, которая управляла ихъ служеніемъ. По этому въ Сербскихъ грамотахъ, даже въ наиболѣе близкихъ къ Ц.-Славянскому языку и обильныхъ б-ю ы, мы часто видимъ эту букву не на своемъ мѣстѣ, на пр., въ Аѳонскихъ: быты (А. № 1), помощникоу, исильниты, да поразы (А. № 9), възлюбыти, възеты, вишьше, выдѣ, сын (сіл), възимлю, виногра (А. № 5), изволимыю (А. № 10), выдѣти, ближняго (А. № 11), сын, чты (чести, А. № 12), крьвыю, на моры (А. № 19), сиодобыши (С. № 175), кь цркьвь, твары, ѿ прьсты, дроугы (Г. А) и въ другихъ: блызь, истыню, оусилыемь (С. № 51), мꙋдые (С. № 176), ны (С. № 66), побыкающихте (С. № 68), при цри стефаны и при родителы (С. № 90), оубые, -зы (С. № 91), своимы, сь всѣмы (С. № 97), мы (мнѣ), хотѣлы, ѿ солы, да храмы (Мл.). Въ Законникѣ: оувозы, да проходы, некрьныкь, -зы и пр. Въ началѣ слова только два раза встрѣчается б-а ы: ымѣти (С. № 10) и ызлѣсти (С. № 77). Въ древнѣйшихъ Латинскихъ грамотахъ б-а ы передана чрезъ Латинское *u: Zatimuslo*, *Nedamuslo*, *Nemuslo*, *Cresamustlo*, *Liudemuslus* [1]. Это еще не показываетъ, чтобы она такъ звучала въ устахъ народа; дѣло въ томъ, что иностранцы не могли произнести настоящимъ образомъ слово *мысль*, гдѣ по-сербски слышится дебелое *и*, что-то среднее между *и* и *ы*, а по тому въ ихъ произношеніи губное *м* притягивало къ своему органу соединенный съ нимъ гласный звукъ и обращало его въ губное *u*. Если бы у Сербовъ слово *мисао*, по древнему мысль, звучало дѣйствительно, какъ *мисао*, а не *мысао*, (нѣсколько слабѣе, чѣмъ Ц.-Славянское ы), то иностранцы такъ и написали бы, ибо у нихъ вполнѣ существуетъ мягкій звукъ *i*; но такъ какъ въ словѣ *мисль* они писали не *mislo*, а *muslo*, то это именно и доказываетъ, что между тѣмъ и другимъ *и* была какая нибудь разница въ произношеніи, по чему дебелое *и* обратилось въ твердое Лат. *u*; ср. ѳдоумысль (С. № 15). Что же касается до Греческой формы *Βογδέσϑλαβος*, то она доказываетъ то же, хотя мы и не знаемъ навѣрно, какъ въ Греческомъ языкѣ звучало сочетаніе *ογ*, быть можетъ, одинаково съ Сербскимъ дебелымъ *и*, ы. Въ Сербскихъ народныхъ памятникахъ всюду пишется ы, а не ꙑ, что объясняется служеніемъ б-ы ь. Укажу еще на одинъ случай начертанія, представляемый формою бьисть (С. № 51), напоминающею способъ составленіе начертанія ы. Что же касается до начертанія ї, то оно совершенно тожественно съ и. Причина его появленія понятна: оно взято прямо изъ Греческой азбуки и вошло въ употребленіе по тому только, что вполнѣ замѣняло собою и, служа какъ бы его сокращеніемъ. Гдѣ мѣсто не дозволяло написать полное и, тамъ писали сокращенное ї: слѣдовательно, послѣднее, хотя и взято было цѣликомъ отъ Грековъ, однако въ Славянской азбукѣ получило уже второстепенное мѣсто, ибо Кириловское начертаніе и лучше приурочивалось къ мягкому Славянскому звуку, имъ выражаемому. Относительно мѣста употребленія, б-а ї вполнѣ сходится съ б-ю ы: какъ та, такъ и другая употребляются почти исключительно въ Восточныхъ грамотахъ и преимущественно Аѳонскихъ. Но между тѣмъ, какъ въ большей части собственно-Сербскихъ грамотъ она встрѣчается довольно часто и намѣренно, въ Западныхъ грамотахъ, исключая весьма немногія, ея вовсе не видно: это обстоятельство опять ука-

[1] Шафар., Serbische Lesekörner, стр. 20.

зываетъ на вліяніе Ц.-Славянской стихіи. Изъ Западныхъ грамотъ 6-а ї помѣщена не болѣе, какъ по одному, много по два раза, въ нѣкоторыхъ Боснійскихъ: мрїидоше (С. № 66), архїдиакона (С. № 68), миї (С. № 81), сведоцї (С. № 83), миї, крьвиї (С. № 179), Травунской: прониї (С. № 127) и Дубровницкихъ: юнїа (С. № 123), сакваїи (С. № 130), да еще для довольно страннаго сочетанія ei: высоуанеi, угодншеiхь (С. № 84), кинатреi (С. № 85), гдѣ ei едва ли не есть дурно разобранное начертаніе ы. Напротивъ, въ Восточной семьѣ грамотъ она находится въ большей части Аѳонскихъ (А. №№ 2, 3, 5—12, 15—20; Г. А, Б, V; Ш. № 11; С. №№ 175, 178; В. № 1) и прочихъ собственно-Сербскихъ (Ш. №№ VII, 14, 15; С. №№ 53, 62, 69, 73, 90, 91, 111, 137, 138, 146, 147, 165, 167, 176; В. № 2; С.-Д. М. 1844), въ одной Зетской (С. № 71), Черногорской (Мл.) и въ Законникѣ. Сюда же отнесу и печати Лазаря и Ангелины (Р. III, стр. 1; Г. III, № 88). Впрочемъ, и изъ этѣхъ грамотъ во многихъ она встрѣчается только по одному, или по два раза, такъ что сколько нибудь постоянное употребленіе ея ограничивается немногими грамотами и Законникомъ. Поелику въ грамотѣ Немани она еще не существуетъ, то можно думать, что введеніе ея въ Сербскую письменность произошло при Милутинѣ. Но не смотря на то, что поводомъ къ ея введенію послужила, вѣроятно, одна внѣшняя причина, недостатокъ мѣста для полнаго и, однако, гдѣ она ни появляется, нельзя не замѣтить ея преобладающаго служенія при гласной. Для отдѣльнаго слова, именно, для союза и, она встрѣчается не болѣе четырехъ разъ; живъ(ь) і вьси (А. И.; Ш. № IV), сь ратинокь і сь ҳаилонитовь (Ш. № VII), ї игоумьнь (А. № 7), ї еще (С. № 176); въ началѣ словъ предъ согласною и въ концѣ она не употребляется, кромѣ і͡с х͡с (мн. р.), вм. полной формы і͡ис х͡с, и їже (Ш. № VII; В. № 2), имиї (А. № 5), цр҃ткоиї, кеиї (А. № 10); въ срединѣ же безъ послѣдующей гласной весьма рѣдко. Но главное ея служеніе, замѣчаемое уже изъ грамотъ Милутина, состоитъ въ сокращеніи полнаго и передъ другою гласною, на пр., сїе, людїи (А. № 6) и пр. и пр. Даже при простомъ удвоеніи 6-ы и, когда второе и вовсе не произносится, первое пишется чрезъ ї, на пр., сїирѣчь (А. № 10), сїиѳ (В. № 1) и т. д. Это обстоятельство, какъ равно и то, что не вездѣ передъ гласною полное и обращается въ сокращенное ї, но въ большемъ количествѣ случаевъ памятники удерживаютъ древнѣйшее написаніе иа, ие, ию и т. д., показываютъ тожество ї съ и. Есть еще одно начертаніе для звука и, употребляемое только въ словахъ, заимствованныхъ изъ Греческаго языка: это — ѵ. Съ нимъ пишутся только немногія иностранныя, преимущественно Греческія, слова, какъ бы освященныя употребленіемъ, каковы: мѵро, кѵрь, -а, ѵ͡гли, і͡ѵс х͡с, ѵ͡пїа, хрѵсоволь, сѵмонь, кѵрилъ и т. п. Разумѣется, сдѣсь порядокъ грамотъ такой же, какъ и для ї: наиболѣе подверженныя Ц.-Славянскому вліянію наиболѣе употребляютъ эту букву. Изъ Западной семьи находимъ только два случая: всеѳѵтра (С. № 68) и иѵфтра (С. № 81). Эта буква произносилась, какъ и, что доказывается двойными формами: кирь (С. №№ 84, 85) и хрисоволь, хрїсоволь (мн. р), а также Сербскою формою ѳоргїи и однажды только встрѣчающимся съ этою буквою Сербскимъ словомъ кѵн҃ (кнѣи, С. № 62), ср. ѵпостасикго (А. № 5). Только рядомъ съ формою сѵїфтрї (А. № 10) сиѳтрї (В. № 1), сиватра (С. № 89) находимъ и кѵатреi (С. № 85), сиѳфтра (С № 95), сиватри (С. № 150), сивнтри (З. А.) и однажды хроусовоулоу (С. № 176): это намекаетъ на то, что въ подлинникѣ, вѣроятно, вм. ѵ стояло ѵ, которое позднѣйшіе писцы передѣлали, одинъ въ и, другой въ оу; но ѵ не есть ни то,

ни другое, чему доказательствомъ служатъ формы: **мулиган** (Ш. № VII), **муга** (Ева, Мк.), **сумесина**, **въ кули** (С. № 176), **сумигена**, **ку** (В. № 1), **бусний** (А. № 17), **ку** (С. № 178). На оборотъ, **у** отвѣчаетъ твердому Лат. *u* въ словѣ **аугусти** (С. № 146).

Въ предстоящемъ изслѣдованіи о б-ѣ **и** я буду подъ этою буквою разумѣть какъ мягкій, такъ и твердый звукъ; а тамъ, гдѣ онъ выраженъ чрезъ **ы**, тамъ и я оставлю подлинное выраженіе.

Б-а **и** образуется чрезъ усиленіе изъ **ь** въ формахъ **си** и **ни** (см. в.); далѣе въ словахъ: **съзидахь, -ль** (А. №№ 6, 7, 12), **градозидаина** (А. № 14), **зидю, -ги, -ги** (С. №№ 35, 91, 111, 137), **съзиданик** (С. № 68), ср. **създахь** (А. № 3) и пр.; **уисти** (С. № 178), **идинь** и **идьнь** (см. в.), **три, тріе** (мн. р.), **трисийиномоу** (А. № 5), **тріисьстаивноу** (А. № 10), ср. **трьй, -и** (А. № 6; С. № 176), **трьблаженнынимь** (Г. А, Б), **трькляте** (А. № 3), **трьстая** (А. № 4), **трьстом** (С. № 35), **дыханини** (С. № 176), ср. **дьхноукь** (Г. А, Б), **посилемо** (С. № 172), ср. **посьль**.

Б-а **и** замѣняетъ **а** въ словахъ: **природитель, -тель** (С. №№ 99, 101, 102, 104). Впрочемъ, сдѣсь, судя по другимъ примѣрамъ, между обоими звуками является посредствующимъ **е**, которое въ этѣхъ самыхъ гр-хъ обращается въ **и**; **многими** (С. № 94), **четиристи** (С. № 124), **въ отанинхь** (сущ., С. № 102), **въ поклидь** (С. № 103) и пр.

Б-а **и** усиливается изъ **е** въ словѣ **наритимомоу** (А. № 2), **узимли** (С. № 87). Она смѣняется съ б-ю **е** въ словахъ: **выпьшиних** (-**шенин**, С. № 16), **прѣги** и тутъ же **прѣге** (С. № 17), **кімини** (камня, А. № 11), **сига** (**сега**), гдѣ есть усиленіе б-ы **ь** въ **и** вмѣсто **е** (С. №№ 39, 43), **оутиуе** (**оутеуе**), **пірпирь** (А. № 6), **пирпирь** (А. № 11). Въ послѣднемъ примѣрѣ **и** столь же правильно, какъ и **е**: первое по тому, что ближе подходитъ къ Греческому *υ*, второе по тому, что, за исключеніемъ этѣхъ двухъ грамотъ, употребляется во всѣхъ прочихъ, что указываетъ на бо́льшую его народность: **перьперь** (мн. р.); **привоудимь** (1-е л. мн. ч., А. № 7), **конвода** (С. № 66), **минимь** (С. № 68), **нипоколибимо** (С. № 92), **врими** (время, вин. ед., С. № 96), **велиможами** и тутъ же **велеможе** (С. № 150), **данимо** (дамо, С. № 148). Въ иностранныхъ словахъ: **въ ниныи** (Ш. № VII), **въ никей, никін, никій, никий** (С. №№ 3, 4, 5, 9, 17), **въ, кл никию, -ги, -ею, -еи, никию. -ни, ницни** (С. №№ 35, 37, 89, 100, 101, 102, 114, 141, 144; Мк.), **никеский, -ѣхь, никейскыхь, -ынхь, никейскы** (А. №№ 6, 8, 12, 14; С. № 78), **никисцихь** (С. № 104), **испидитори, илижидиромь** (С. № 158), **еспидиторию, испедиторию** (С. № 159), **спидиторию** (С. № 163), **еспедиторие** (С. № 170), **иньжилерь** (С. № 149), **стифань, -а, стипань, -а, -у, -омь, шифань** (С. №№ 81, 83, 84, 89, 92, 95, 96, 97, 103, 139, 140, 141, 150—154, 161, 179), **стипаиовѣь** (С. № 97), **стипоевиѣь** (З. А.). Нѣкоторые изъ приведенныхъ примѣровъ должно объяснять не прямо смѣною **и** съ **е**, но скорѣе чрезъ посредство **ѣ**, которое не рѣдко употребляется вмѣсто мягкаго **е** и, въ свою очередь весьма часто замѣняется б-ю **и**, ибо всрѣчаются тѣ же формы съ **ѣ**, на пр., **стѣпань, -а, -у, омь, стѣнко, стѣфань, -а** (А. №№ 1, 7; С. №№ 57, 60, 64, 78, 95, 98, 108, 124), **никѣиских** (С. № 27) **нажалтромь** (С. № 156) и пр. Еще вмѣсто **е** находимъ б-у **и** въ мѣстн. п. ед. ч. причастій наст. вр. и въ томъ же падежѣ мн. ч. именъ существительныхъ.

Б-а **и** стоитъ вмѣсто **о** въ древнѣйшихъ формахъ *Suinimir*, *Zuinimir* [1]; въ

[1] Шафар., Serbische Lesekörner, стр. 27.

нашихъ памятникахъ оно замѣняетъ б-у о въ формахъ всаними (С. № 60) и ими (1- ел. мн., ч., А. № 18), ср. смо (мн. р.) и смѣняется съ нею въ мѣстн. п. ед. ч. прилагательныхъ муж. и ср. р.

Б-а и смѣняетъ б-у ѣ въ словѣ лико (А. № 6), ср. люко (мн. р.), лѣко, лико (С. №№ 78, 82, 89 и пр.), и въ мѣстн. п. ед. ч. существительныхъ и прилагательныхъ.

Но главное служеніе, отправляемою б-ю и, состоитъ въ замѣнѣ б-ы ѣ. Причина этому лежитъ въ природѣ б-ы ѣ, о чемъ будемъ говорить послѣ: здѣсь же разсмотримъ самыя явленія. Въ Латинскихъ грамотахъ XI-го в. встрѣчаются: *Billa* (Бѣла), *Stiniza*, *Tribis* (Стѣница, Требиште), *suidoz*, (свѣдъкъ), *Osic* (Осѣкъ)[1]; и на оборотъ, у Константина Багрянороднаго: *Χλεβίανα* (нынѣ Ливно) и *Πλέβα* (нынѣ Плива)[2]. При обзорѣ нашихъ грамотъ мы должны обращать вниманіе на возрастъ ихъ и семьи, къ которымъ онѣ принадлежатъ. Въ древнѣйшую пору Сербской письменности, именно, въ XIII-мъ в. и первой половинѣ XIV-го, мы весьма рѣдко встрѣчаемъ и вм. ѣ въ грамотахъ всѣхъ семействъ: нисте (нѣсте, С. № 11), прилоши (С. № 14), аньдрию, придели и тутъ же прѣдель (С. № 16), оу хрисовоулй и тутъ же хрисовоулѣ (А. №4), потоли, ѡсели (С. № 43), приѡбрѣтенй (С.-Д. М. № 1; въ С. № 46 —ѣ), априли, -ѣ (С. №№ 48, 49), измирьнь (С. № 56); да на печати Дечанскаго (А. № 8): архидикон, что хотя и можно объяснять этою замѣною при сравненіи съ печатью Уроша V (А. № 10), гдѣ читаемъ архидѣконь, однако, во первыхъ, на послѣдней печати ѣ не есть существенное, но замѣняющее ꙗ, а таковое не превращается въ и; во вторыхъ, эту форму легче объяснить чрезъ пропущеніе ѣ или ꙗ: архидиѣконь или архидиꙗконь. Таковы явленія означеннаго пространства времени. Но со второй половины XIV-го в. вдругъ въ огромномъ множествѣ появляется и, служащее замѣною б-ѣ ѣ. Причиною тому появленіе Дубровницкихъ, Боснійскихъ, Хлумскихъ и Травунскихъ грамотъ, которыя своимъ количествомъ совершенно затемняютъ грамоты Восточной семьи и отстраняютъ всякое ихъ воздѣйствіе въ пользу б-ы ѣ. Такъ какъ въ позднѣйшее время собственно-Сербскія грамоты почти никогда, или весьма рѣдко, замѣняютъ ѣ б-ю и, то можно заключить, что и въ древнѣйшее время этой замѣны не было; дѣйствительно, во всѣхъ дошедшихъ до насъ грамотахъ, кромѣ вышеприведенныхъ случаевъ, всюду пишется ѣ, а не и. Напротивъ, относительно древнѣйшихъ грамотъ Западной семьи, имъ самимъ такого свойства приписать нельзя, ибо съ теченіемъ времени онѣ почти совершенно исключили изъ себя б-у ѣ, замѣнивъ ее б-ю и. Такъ какъ въ этой замѣнѣ нельзя видѣть ничего инаго, какъ дѣйствіе народности, и такъ какъ народность въ устномъ языкѣ гораздо старше народности въ книжномъ, то постоянное пребываніе б-ы ѣ въ древнѣйшихъ грамотахъ Западной семьи XII-го и XIII-го вв. должно приписать другой, посторонней причинѣ, а не свойству того нарѣчія, на которомъ онѣ писаны. Если въ этѣхъ грамотахъ мы постоянно находимъ ѣ (кромѣ вышеприведенныхъ случаевъ), то другаго рѣшенія вопросу мы не можемъ представить, какъ сказавши, что въ древнѣйшую пору Сербской письменности книжный языкъ менѣе подчинялся вліянію народности, а по тому былъ общнѣе для всѣхъ Сербскихъ областей и ближе къ Ц.-Славянской стихіи. Тогда въ Дубровникѣ, Хлумѣ, Боснѣ, Приморьи, какъ и въ собственной Сербіи, книж-

[1] Шафар., Serbische Lesekörner, стр. 39.—Его же Slow. Starožitn., II, V, 678, 679. Слав. Древн., II, II, 34 — 36.

[2] Шафар., Slow. Starožitn., II, V, 676. Слав. Древн., II, II, 30.

ный языкъ былъ однообразнѣе по тому самому, что былъ дальше отъ народности и сосредоточеннѣе въ самомъ себѣ подъ преобладающимъ вліяніемъ Ц.-Славянскаго. А по мѣрѣ усиленія въ немъ народныхъ свойствъ, онъ болѣе и болѣе склонялся къ устному языку и измѣнялъ свой древній видъ. Выше мы замѣтили, что Восточная семья грамотъ строже держалась Ц.-Славянской стихіи, чѣмъ Западная; то же обнаруживается и теперь въ послѣдующихъ вѣкахъ, т. е., во второй половинѣ XIV-го и въ XV-мъ в. Она не чаще прежняго мѣняетъ ѣ на и: априлıа (С. № 62), при цри стефаны(и) и при родителы(и) при кнези лазари (С. № 90), довиди (С.-Д. М. 1844), не свидѣ (А. № 17), сьмотрить (А. № 16), дию (С. №№ 131, 146), вь хрисоволи (Г V)—и только. Изъ этихъ случаевъ первый объясняется иностранною формою съ і, а дию общимъ правиломъ, по которому, если за и, замѣняющимъ ѣ, слѣдуетъ гласная, то и обращается въ и, т. е., собственно дию; буква же і или при д мягкое и часто замѣняетъ въ Восточной семьѣ б-у ѣ. Дѣйствовала ли тутъ одна Ц.-Славянская стихія въ ущербъ народной, или обѣ онѣ сошлись въ своихъ звукахъ—рѣшить трудно, ибо мы не имѣемъ подробныхъ изслѣдованій о звукахъ современнаго намъ языка Сербовъ на всемъ пространствѣ Сербскаго населенія. Хотя на буквѣ ѣ основано раздѣленіе Сербскаго нарѣчія на три подрѣчія и хотя это дѣленіе съ своимъ основаніемъ повторено многими учеными, однако все таки оно отъ этого нисколько не подвинулось впередъ и не пріобрѣло себѣ необходимыхъ подробностей; даже границы его не обозначены, какъ слѣдуетъ, а только опредѣлены общимъ именемъ областей. Во вторыхъ, мы не знаемъ, гдѣ писана бóльшая часть грамотъ и изъ какой области происходилъ тотъ, или другой дьякъ: все это было бы необходимо нужно для рѣшенія нашего вопроса. Наконецъ, въ третьихъ, не знаемъ, какъ звучала б-а ѣ: можетъ быть, писцы употребляли ее только для однообразія, слѣдуя Ц.-Славянскому письму, а произносили иначе, всякій по своему, какъ е, и, ие, и. Вліяніе Ц.-Славянской стихіи сказалось и въ Зетскихъ грамотахъ, которыя, относительно б-ы ѣ, безъ сомнѣнія, принадлежатъ къ одному разряду съ Дубровницкими, Травунскими и Хлумскими. Въ нихъ мы находимъ только слѣдующіе случаи замѣны б-ы ѣ б-ю и: априлıа (С. № 70), видивь, профисти (С. № 71). Даже въ позднѣйшей Черногорской грамотѣ, въ которой, впрочемъ, замѣтно сильное вліяніе Ц.-Славянскаго языка, съ трудомъ пробивается народность въ лицѣ б-ы и: ненавидети, хотію, дію (Мл.). Слѣдовательно, въ употребленіи б-ы ѣ нельзя не признать вліянія Ц.-Славянской стихіи. Напротивъ, Западная семья грамотъ, освобожденная болѣе, или менѣе отъ этого вліянія, съ появленіемъ своимъ во второй половинѣ XIV-го в., смѣло внесла въ свои нѣдра народную стихію и быстро замѣнила ѣ б-ю и, такъ что явленіе первой буквы стало въ ней уже на половину рѣже противъ прежняго, хотя и ни въ одной грамотѣ не исчезло совершенно. Тѣмъ не менѣе, при всей быстротѣ перемѣны, время Твртька I отличается, какъ мы не разъ замѣчали и прежде, переходностію звуковъ: еще болѣе замѣтно это на б-ѣ ѣ. Твртько, стремясь къ соединенію Босны съ Сербіею и желая оправдать свои права на послѣднюю, перенялъ въ своихъ грамотахъ тѣ же пріемы, какіе употребляли Сербскіе государи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣроятно, держалъ и Сербскихъ дьяковъ. Какъ бы то ни было, но въ исторіи б-ы ѣ нельзя не видѣть той общей силы, которая управляетъ повременнымъ движеніемъ звуковъ и условливаетъ ихъ преемство. Эта сила возможна только въ книжномъ языкѣ. Это личный произволъ, но не безграничный, а связанный чрезъ примѣръ и подра-

жаніе съ прошедшимъ. Отсюда постепенность движенія звуковъ въ книжномъ языкѣ. Съ одной стороны, Ц.-Славянское прошедшее, съ другой, народное настоящее управляли произволомъ писцовъ, которымъ оставалось только держаться середины между обѣими крайностями, по немногу подаваясь впередъ по мѣрѣ ослабленія первой и усиленія второй. Первая слабѣла по тому, что, будучи чуждою, старѣла, забывалась и искажалась; вторая усиливалась по тому, что была присуща народу и все болѣе и болѣе приходила къ самосознанію. Тамъ, гдѣ первая, въ слѣдствіе государственныхъ и вѣроисповѣдныхъ причинъ, сильнѣе держалась, тамъ и поступательное движеніе писцовъ было слабѣе. И такъ въ грамотахъ Тврьтка I еще господствуетъ ѣ; но въ современныхъ грамотахъ Санковичей уже замѣтно сильное колебаніе. Въ нихъ мы находимъ: **лѣто, мѣсецѣ, вѣкь, колѣнѣ, хотѣсмо, вѣрьни, послѣдьни, дѣца** и пр., и **априла, видѣнье, дица** (С. № 78), **цѣна, мѣсте, потрѣбѣ, вѣдомо, вѣрѣ** и **двисте, всими, гди, годи, лито** и пр. (С. №№ 79, 80). Но съ грамотъ Дабыши начинается, какъ сказали мы, быстрое движеніе въ пользу б-ы и. Съ этого времени въ Дубровницкихъ, Боснійскихъ, Травунскихъ, Хлумскихъ и Турецкихъ грамотахъ находимъ бо́льшую часть словъ съ б-ю и вмѣсто ѣ. Можно буквально сказать, что ни одна грамота изъ этой семьи не обошлась безъ перемѣны ѣ въ и. Примѣровъ такъ много, что достаточно привести нѣкоторые: **вире, прѣприньемь, послидиемь, вине, -ома, свидоци** и пр. и тутъ же **лѣти, прѣдь** (С. № 179), **улохиуе, -е, -уесние, -уасние, улиуе** (С. №№ 81, 89, 103, 136, 150), **ониьже, тиьже, -же тиже, тиже** (С. №№ 81, 85, 89, 95, 103, 146; З. А.), **вире, -и, -омь** (С. №№ 81, 89, 93, 95, 141, 153) **многоцинними, -цинним** (С. №№ 81, 85, 95), **вмить, -е, -е, -ихь** (С. №№ 81, 89, 95, 103, 135, 136, 150), **разумикь, -кьше, -кше, -е** (С. №№ 81, 85, 97, 133, 150), **викь, -а, -у, -е, -е, -и, -ома, -омь** (С. №№ 81, 88, 89, 92—97, 102, 103, 118, 135, 136, 140, 141, 150; З. А.), **всими, -мь, -хь** (С. №№ 81, 82, 83, 89, 93, 95, 96, 102, 103, 104, 107, 118, 136, 145, 150; З, А.), **дви** (С. №№ 81, 85, 103, 130, 150), **вирань, вирьни, -ому, -нмь, -рны, -и** (С. №№ 82, 84, 89, 97, 99, 102, 116; З. А.), **лито, -а, -ь** (С. №№ 82, 88, 92, 93, 94, 103, 116, 118, 135, 140, 141, 150, 151, 152, 154; З. А.), **мисеца, -е, миця** (С. №№ 82, 88, 92, 94, 95, 103, 115, 116, 118, 135, 140, 141, 145, 150, 151, 154, 161, 170), **сить, -а** (С. №№ 83, 89, 92, 93, 97, 99, 150), **кринно, -у, -ци, крипько, крипити** (С. №№ 83, 89, 95, 99, 103, 132, 136), **благодить** (С. №№ 84, 97, 99). **наслидовали, -никь** (С. №№ 84, 97, 102, 136, 145), **обитую, -е, -емо, обитовасмо, -кали** (С. №№ 84, 88, 96, 102, 132, 140, 141, 151, 152), **хотинье, -е, -инемь, инемь** (С. №№ 84, 89, 93, 140), **дитьца, -тца, дица** (С. №№ 84, 96, 99), **послигие** (С. № 85), **смотрикь** (С. № 86), **свидѣнье, -ее, -е, свидинье, -ние, сьвидѣние, свидительво, -телство, свидоуаство** (С. №№ 87, 89, 92, 94, 108, 109, 163, 169, 170, 171). **циль, -о, цие** (С. №№ 89, 92, 99, 103, 133, 150), **криме, -мена** (С. №№ 74, 89, 93, 136), **годи** (С. №№ 87, 89, 94, 96, 104, 107, 116, 121, 132, 140, 141, 150), **хотиме, хотихь, -ие, хотихь, -сме** (С. №№ 89, 94, 96, 102, 132, 140, 157). **наприда, придь, прид, придие** (С. №№ 89, 93, 95, 132, 140, 141, 161), **послидни, -хь, -ми, -дьними** (С. №№ 89, 92, 96, 103, 118, 136, 140, 141, 145; З. А.), **присвитьли, -тли, -ога** (С. №№ 92, 95, 103; З. А.), **не- имиоколикимо** (С. №№ 92, 136), **трибуе, трибн, рить, сридопостию** (С. № 93), **приуиста, -е, -у, приуйту** (С. №№ 93, 132, 140, 141, 145), **мисто, -у** (С. №№ 93, 94, 133), **улокика, -у** (С. №№ 94, 96, 104, 116,

118, 141), **колину** (С. NN° 96, 104), **прино** (С. NN° 94, 132), **лино** (С. NN° 96, 135), **голимону** (С. N° 102), **повеліньемь, -инемь, -иня, -ия** (С. NN° 103, 136, 145, 150), **диѡ, -о** (С. NN° 104, 107, 112, 114, 115, 125, 130, 131, 140, 141, 143, 146), **видиль** (С. N° 107), **видити** (С. NN° 116, 118, 136, 140), **ҙаповидисмо** (С. NN° 116, 153), **сридиомь** (С. N° 116), **свидоци** (С. NN° 116, 136, 150; З. А.), **ҙаповидь, -и, -ию, -ью** (С. NN° 116, 135, 136, 139, 140, 141, 150—154, 159), **сагришиѡ, дривомь, у тихь** (С. N° 118), **дивомь** (дѣвою, С. N° 118; З. А.), **винаць, -ьци** (С. NN° 132, 136, 141), **пливиюѣе** (С. N° 132), **видигь, тимии** (тѣми), **потрибе, виигомь** (С. N° 135), **ѡбистрание, тимии, ҙгриху, диду, -омь** (З. А.), **тихь, корина** (С. N° 136), **диве, имиюѣе, пиниҙомь** (С. N° 140), **дривска, вьѣниие, у гииву, кладиху** (С. N° 141), **униь** (С. NN° 142, 144), **усниѡ, приуҙми** (С. N° 144), **свитинци, недиау** (С. N° 145), **приминувше, -нутью** (С. N° 157), **благовищенью, двисти** (С. N° 169) и пр. и пр. Сверхъ того, въ тѣхъ же грамотахъ въ падежныхъ окончаніяхъ нерѣдко б-а **и** замѣняетъ собою б-у **ѣ**, а именно: въ мѣстн. п. обоихъ чиселъ именъ сущ. муж. и средн. р.; въ мѣстн. п. ед. ч. именъ прилаг. всѣхъ родовъ; въ дат. и мѣстн. пп. ед. ч. именъ сущ. жен. р. на **а** и въ тѣхъ же падежахъ мѣстоименій личныхъ 1-го и 2-го *л.* ед. ч. и возвратнаго. Въ окончаніи нарѣчій: **куди** (С. NN° 82, 102), **всуди** (С. N° 102), **доколи** (С. NN° 83, 89, 93, 99, 107), **ѡнди** (С. N° 94), **гди** (С. NN° 89, 132), **иниори** (С. N° 89), **пигдирь** (С. NN° 94, 132), **поволи** (С. N° 113), **гдино** (С. N° 141), **раҙи** (С. N° 157). На оборотъ, можно буквально сказать, что если ни одна грамота не обходится безъ замѣны **ѣ** б-ю **и**, то и ни одна грамота не доводитъ этой замѣны до совершеннаго исключенія изъ себя б-ы **ѣ**: во всякой грамотѣ находимъ большее, или меньшее количество случаевъ, гдѣ удержано **ѣ**, разумѣю, существенное и своемѣстное, а не замѣнительное. Наибольшее количество таковыхъ случаевъ принадлежитъ Турецкимъ, которыя хотя и отнесены мною къ Западной семьѣ, по тому, что въ нихъ преобладаютъ сношенія съ западнымъ берегомъ полуострова, однако, стоя на рубежѣ обѣихъ семей, удержали въ себѣ много свойствъ Восточной семьи, ибо относительно ближайшее положеніе собственной Сербіи къ Турціи могло чрезъ Турецкихъ дьяковъ—Сербовъ внести въ нихъ восточный образъ правописанія и даже выговора. Какъ въ Турецкихъ, такъ и въ ближайшихъ къ нимъ со стороны Восточной семьи Зетскихъ и Черногорскихъ грамотахъ должно представить себѣ взаимное воздѣйствіе двухъ стихій, изъ коихъ одна принадлежитъ собственной Сербіи, другая Западнымъ областямъ, долѣе сохранявшимъ свою независимость. Въ Зетѣ связь съ собственною Сербіею, основанная на вѣрѣ и единствѣ власти, искони поддерживала Восточную стихію, а природное положеніе въ близи Дубровника и Герцеговины отнесло ее по нарѣчію къ Западной береговой стихіи. Такъ точно въ Турціи Славянскою грамотностію, вѣроятнѣе всего, завѣдывали православные дьяки изъ собственной Сербіи, а между тѣмъ сношенія съ Дубровникомъ и Босною приводили въ Порту пословъ изъ западныхъ областей съ готовымъ уже, можетъ быть, письменнымъ изложеніемъ содержанія договора и цѣли посольства, по которому изготовлялись въ Портѣ и самыя грамоты. Какъ послы, такъ и ихъ бумаги, проникнутые Западною стихіею, много дѣйствовали на Турецко-Сербскихъ писцовъ и производили въ ихъ грамотахъ смѣшеніе обѣихъ стихій. Отъ того какъ въ Зетскихъ, такъ и въ Турецкихъ грамотахъ мы находимъ признаки той и другой семьи, которые, взятые всѣ вмѣстѣ, достаточно уравновѣшиваютъ другъ друга и доставляютъ этимъ грамотамъ серединное и посредствующее положеніе. Но здѣсь относительно

6-ы и замѣчу, что Турецкія грамоты почти не употребляютъ ея для замѣны ѣ и въ этомъ случаѣ становятся на сторонѣ Восточной семьи. Въ другихъ же Западныхъ грамотахъ, какъ сказалъ я, сталкиваются въ одно время и ѣ, и замѣняющее его и. Достаточно указать на нѣсколько примѣровъ изъ того же времени, т. е., начиная съ грамотъ Дабыши: свѣть, -е, -ом (С. NN№ 81, 107, 109, 115, 157), сьвѣть, свѣть, -а (С. NN№ 81, 84, 85, 86, 120), свѣтельствие (С. № 86), свѣдоци, -цї, -чьи, свѣдочио, -ли, -смо -но (С. NN№ 83, 105, 114, 117, 127, 156, 163), свидѣнье, -ие (С. NN№ 87, 108), свѣта, -и, -у, свѣть (С. NN№ 87, 98, 107, 109, 114, 132, 163), вѣровитѣмь, -внѣмь, -омь, -бь, -ими (С. NN№ 87, 108, 109, 134, 157, 162, 169), врѣме, -мене, -у (С. NN№ 87, 98, 107, 109, 117, 124, 125, 128, 139), лѣто, -ом, -ь, -а (С. NN№ 87, 89, 97, 98, 105—109, 114, 115, 120—129, 133, 134, 136, 139, 142—145, 157, 158, 159, 163, 169), рѣчь, -и, -ью, -чми (С. NN№ 89, 97, 108, 114, 124, 152, 153), мѣсть, -у, -омь (С. NN№ 89, 97, 107), мѣсеца, мѣсеца, -е, мѣца (С. NN№ 97, 115, 125, 128, 134, 144, 169), прѣчисте, -у, -омь (С. NN№ 97, 98, 114, 133), прѣсвитломь, -ога, -свѣтлѣмь (С. NN№ 97, 120, 144), дѣца, дѣтца (С. NN№ 97, 107), крѣпку, -а, -ю, -о (С. NN№ 97, 120, 133, 144, 145), вѣкь, -а, -и, -е, -ома (С. NN№ 97, 98, 100, 104, 107, 120, 127, 128, 144, 145), колѣну (С. NN№ 98, 107, 108), послѣдни, -ие, -ихь, -гни (С. NN№ 98, 107, 120, 132), вѣре, -е, -ю (С. NN№ 98, 104, 120, 127), прѣдь (С. NN№ 98, 105, 120, 122, 124, 125, 133, 139, 145, 156, 163), хотѣсмо (С. NN№ 98, 107), апрѣла (С. NN№ 102, 169), обѣтую, -смо, -ямо, -товали, -васмо (С. NN№ 104, 106, 107, 109, 114, 127, 132, 144), дѣль, -омь, -и, -омє (С. NN№ 104, 107, 108, 145, 157), годѣ (С. NN№ 107, 114, 127, 142, 143), цѣловѣнь, -а (С. NN№ 114, 124, 132, 157), разумѣние (С. № 120), заповѣди, -дѣ, -дию (С. NN№ 120, 127, 142, 143), срѣдию, -б (С. NN№ 153, 154) и пр. и пр., и еще въ тѣхъ же случаяхъ при словодвиженіи. Не привожу примѣровъ для ѣ, выраженнаго, какъ ие. Что же касается до окончанія собственныхъ именъ на -мирь, то, кромѣ этой формы, мы другой на -мѣрь въ нашихъ памятникахъ не находимъ [1]. Такимъ образомъ изъ сравненія грамотъ открывается, что хотя однѣ и тѣ же грамоты употребляютъ и ту и другую букву, и и ѣ, однако однѣ предпочитаютъ одну, другія другую, но такъ, что какого либо областнаго признака между ними замѣтить нельзя: грамоты изъ одной и той же области, даже одного и того же времени то любятъ, то не любятъ и. Кажется, все зависѣло отъ дьяка, къ которой изъ двухъ буквъ былъ онъ пристрастенъ наиболѣе. Впрочемъ, для насъ сдѣсь важно какъ количество случаевъ употребленія 6-ы и, такъ и самая возможность этого употребленія. Если въ той и въ другой семьѣ грамотъ встрѣчается и вмѣсто ѣ, то это свидѣтельствуетъ, что такая замѣна была возможна на всемъ пространствѣ Сербской письменности; но если и несравненно чаще является въ Западной семьѣ грамотъ, то изъ этого должно заключить, что нарѣчіе Западныхъ областей въ особенности любило такую замѣну звуковъ. Сдѣсь можетъ представиться другой вопросъ: въ Восточныхъ грамотахъ не заглушало ли эту замѣну, какъ выраженіе народности, преобладающее вліяніе Ц.-Славянской стихіи, подобно тому, какъ сдерживало оно озвукотвореніе полугласнаго ь? Отвѣчать на это я подожду, пока очередь дойдетъ до 6-ы ѣ: сдѣсь замѣчу мимоходомъ, что въ наше время ни Герцеговинское, ни Ресавское подрѣчія не превращаютъ 6-ы ѣ въ и, а поступаютъ съ нею совсѣмъ иначе; но между тѣмъ въ области

---

1 Подробнѣе см. у Шафар. въ Serbische Lesekörner, стр. 41.

этихъ двухъ подрѣчій должно искать мѣстонаписанія почти всѣхъ нашихъ грамотъ.

Б-а и часто представляетъ въ себѣ стяженіе двухъ звуковъ: ии, ию. Такъ въ сложеніи словъ: вимь, т. е., ви имь (С. № 10), порекиномь, т. е., порекии иномь (С. № 13), да снимамо, т. е., си имамо (С. № 16), примамь, -ши, -ть, -мамо, -маю, -мемо, -михъ, -миши, -мили, -мивь, да приме, примажи и т. д. (С. №№ 16, 26, 36, 46, 61, 76, 81, 82, 86, 89, 96, 98, 116, 129, 147, 169; А. № 20 и пр.), придв, -вмо, -оше, -още, прїдеть, придетъмь и т. д. (С. №№ 16, 20, 27, 31, 39, 50, 62, 87, 95, 120; А. №№ 10, 17 и пр.), испхатнимь, т. е., ии имь (С. № 36), итолимь, анимь, т. е., ии имь (С. № 54), по мѣсти бжи (С. № 55), бжь, т. е., би ихь (С. № 108), илимь, т. е., или имь (С. № 130), прославихь, т. е., прослави ихь (С. № 136), ср. принити (С. № 51), прїиде, -е (А. №№ 8, 11, 15, 19), прїидеть, прїимать, въспрїиме (А. № 19), прїидоше, -е (С. №№ 66, 111, 137; Г. А), прїимоуть, прїидеть (З.), прїими, прїимий, -мамо (С. №№ 165, 167, 178). Въ срединѣ словъ: гавриила (С. № 35), данила, -омь (С. № 176; А. № 6), данїла (А. № 18). Въ окончаніи имен. п. ед. ч.: власи (С. № 14), мерсили (С. № 16), жрѣби (С. № 62), дат. и мѣст. пп. ед. ч. и род. п. мн. ч. существительныхъ и въ имен. п. ед. ч. прилагательныхъ муж. р. Это стяженіе особенно любитъ Сербскій языкъ, какъ и другія Славянскія нарѣчія, кромѣ Ц.-Славянскаго и Русскаго. Въ стянутомъ видѣ находимъ слово Ісоуса (Ш. № VII), Іс Ха (мн. р.), исвса, -е (С. №№ 66, 127, 133), исвхсть (С. № 37) и пр.

Б-а и совершенно опускается въ окончаніи отечественныхъ именъ: тврьтковѣь, радиновѣь, -вѣмь, мрьковѣь (С. № 89), павловѣа, стипановѣь, мирьковѣь (С. № 97) и пр.

Б-а и присоединяется къ окончанію мѣстоименій, преимущественно указательныхъ, для усиленія мысли. Въ этомъ случаѣ можно назвать ее частицею. Таковое усиленіе находимъ во всѣхъ семьяхъ грамотъ и Законникѣ; на пр.: сии, сьи, сиеи, сии (сіе), сегаи, сегаи, сиегаи, семи (мн. р.), тои (то), тогаи, томи, и томеи, таи (та), тви, тоуи, тѣи (тѣ), теи (мн. р.), и таи два манастира (С. №,173), ѡваи, и ѡвомеи (муж. р., С. №№ 114, 127), ѡвои (ср. р., С. №№ 77, 107, 114, 119, 120, 123, 127, 133, 140, 141, 145, 156, 162, 169; Мл. и пр.), ѡвогаи (С. №№ 87, 144, 146, 155, 163, 164, 165), ѡвоми (С. №. 136), ѡваи (ж. р.), ѡвеи, ѡвои (С. №№ 77, 89, 107, 114, 132, 142, 159, 164), со ѡвѣми (С. № 77), ѡваи два монастира (Г. Б), ѡваи села (Ш. № 16), ѡвеи шесть сѣть перперь (С. № 107), и ѡвихеи ѕ мисеца (С № 145). ѡнаи (ж. р.) ѡнеи (С. №№ 63, 94, 97, 98, 173), ѡнои (ср. р., С. №№ 77, 143, 151), ѡногаи (С. №№ 73, 91, 100, 101, 111, 137, 147), ѡномеи,-моуи (С. №№ 73, 111, 137; З.), ѡнаи села (С. № 89), ѡнеи законе и свободе и повели, прѣдь ѡнѣми (С. № 77), сеѣми (С. № 114), таковогаи (С № 142), подь теи таковеи средѣ (С. № 143), толикаи (ж. р., С. №№ 107, 132, 144), за толикои врѣмене (С. № 107), таковогаи (С. № 142), итои (С. № 51 и пр. и пр.). Также для усиленія нарѣчій, корень которыхъ, какъ извѣстно, кроется въ мѣстоименіяхъ: досли, прѣи (С. № 56), ѡдсели (С. № 77), дотли, дотлеи (С. №№ 108, 112, 119), ѡтлеи (А. № 11), тьдаи, тадаи (А. № 15; С. №№ 77, 114, 165), ѡндаи (С. № 135), тьдеи (С. № 137), тоудеи (Мл.), твеи, тоуиги (А. №№ 1, 4), ѡвакои (С. №№ 73. 91), ѡнакои (С. №№ 71, 77, 114, 132), такои,-ѡи (С. №№ 56, 65, 70, 88, 89, 91, 98, 112, 114, 115, 129, 130, 143, 144, 150, 168; А. № 14; Мл.; С.-Д. М. № 2), тѣи (С. №№ 84, 86, 88, 89, 92, 94, 97, 98, 107, 114, 127, 133, 142,

144, 164). Это и прибавлено даже къ предлогу ꙁа: ꙁаи рать (С. № 112) и къ частицѣ годи (С. № 164). Что такое это и? Прежде всего замѣтимъ, что оно равно употребляется въ грамотахъ всѣхъ семействъ и всѣхъ возрастовъ: стало быть, время и мѣстность не дѣйствовали на него, и по тому оно есть постоянная общеупотребительная частица древней Сербской письменности. Тѣмъ не менѣе его должно отнести къ той, или другой стихіи. Въ Ц.-Славянскомъ языкѣ оно неупотребительно, и по тому остается приписать его Сербскому и при томъ въ самыя отдаленныя времена письменности, ибо уже въ грамотѣ Немани находимъ его. Въ Хорутанскомъ оно тоже существуетъ; но въ нынѣшнемъ Сербскомъ его уже нѣтъ. Съ теченіемъ времени оно исчезло въ послѣднемъ, и мѣсто его заняла частица ꙁи, которая равнымъ образомъ существуетъ и въ древней письменности. Древніе Булгары не употребляли ни той, ни другой частицы, ибо у нихъ была своя равносильная жде, которая у Сербовъ существовала въ видѣ ђе, *ђе* или съ удвоеніемъ въ ђере, *ђер*, ибо ре, *р* есть первоначальное жде или же съ обычнымъ у Сербовъ перезвукомъ *ж* въ *р*, Ц.-Слав. жджь. Впрочемъ, справедливо подмѣчаетъ Шафарикъ присутствіе частицы ꙁи въ Ц.-Славянскомъ словѣ тьꙁоименини, откуда обрусѣлыя *тезоименитство* и *тезка*. Новобулгары, напротивъ, подобно Сербамъ, знаютъ эту частицу и употребляютъ въ своемъ говорѣ. Частицы жде, ђе, ꙁи, и суть усиливающія, и корень ихъ долженъ быть одинъ и тотъ же. Шафарикъ[1] находитъ для ꙁи начало въ Ц.-Славянской указательной частицѣ си; но, по моему мнѣнію, эта, довольно рѣдко употребляющаяся, частица не могла произвести для другаго нарѣчія свое подобіе, которое бы тамъ снискало себѣ такое обширное употребленіе, даже перешло, хотя въ измѣненномъ видѣ, но въ не менѣе обширномъ объемѣ, въ третье нарѣчіе; и по чему же въ такомъ случаѣ Новобулгарамъ не говорить *си* вмѣсто *зи*? Правда, переходъ *с* въ *з* весьма понятенъ и обыкновенъ, но надобно замѣтить, что Ц.-Славянское с, вообще говоря, не переходитъ въ Сербскомъ языкѣ въ *з*, а остается въ послѣднемъ безъ перемѣны: си могло въ томъ же видѣ перейти и въ Сербскій языкъ; однако его тамъ вовсе нѣтъ. Надобно думать, что частица ꙁи, какъ и самая жде, образовалась изъ корня *де*, который принялъ Ц.-Славянскій видъ жде и Сербскій ђе, у другихъ *дже*, что собственно одно и то же. Празвычный звукъ *д* могъ легко перейти въ близкій къ нему звукъ *з*, чему видимъ не одинъ примѣръ въ сравнительномъ языковѣдѣніи; а мягкій звукъ *е*, который у Сербовъ, по свойству своему, въ произношеніи есть почти то же, что *ѣ*, перешелъ при этомъ въ *и*, ибо Сербскій языкъ не отличаетъ *е* отъ *ѣ* и часто обращаетъ его въ *и*, да и другія Славянскія нарѣчія весьма непослѣдовательно поступаютъ съ *е* и *ѣ* и часто смѣшиваютъ ихъ: въ одномъ находимъ *е*, и, въ другомъ *ѣ*, *я*, въ третьемъ и. Но такое превращеніе *де* въ *зи* совершилось въ доисторическую пору на той почвѣ Сербіи, гдѣ для *е* возможенъ переходъ въ и. Я разумѣю преимущественно западную Сербію. Со временемъ эта частица сдѣлалась общимъ достояніемъ всего Сербскаго говора и явилась даже у Хорутанъ. Для частицы и можно допустить двоякое объясненіе: или признать съ Шафарикомъ, что здѣсь *з* пропало, подобно тому, какъ оно пропадаетъ въ словахъ *неии* вм. *незии* . *немой* вм. *не мози*, или же предположить, что она образовалась чрезъ перезвукъ изъ *е*, *ие*, стянутаго изъ ђе и употребляющагося какъ въ Сербскомъ, такъ и преимущественно въ Хорутанскомъ. Но во всякомъ случаѣ образованіе и распространеніе у Сербовъ частицы и должно отнести къ временамъ до-

[1] Serbische Lesekörner, стр. 91.

историческимъ и помнить, что она вошла въ древнѣйшую Сербскую письменность цѣликомъ и безъ движенія, ибо въ нашихъ памятникахъ движенія ея подмѣтить нельзя. Являясь вмѣстѣ съ ꙅи въ самой отдаленной книжности, она гораздо опережаетъ ѣе; но за то въ позднѣйшихъ вѣкахъ, которыхъ мы уже не касаемся, она пропадаетъ у Сербовъ; между тѣмъ, какъ ѣе (*ђе*) и ꙅи остаются доселѣ. Но, повторяю, оставя въ сторонѣ письменность, не видимъ ничего невѣроятнаго въ возможности происхожденія ея изъ *де* (жде).

Но съ усиливающимъ и не должно смѣшивать простое удвоеніе его. Удвоеніе б–ы и господствуетъ въ Аѳонскихъ грамотахъ, отчасти въ другихъ собственно-Сербскихъ и Законникѣ, но почти не существуетъ въ грамотахъ прочихъ семействъ. Такъ мы находимъ: **ӥсильнии**, **немоштна соуштии** (А. № 2), **мии**, **ѡлоучии**, **створии** (А. № 3), **миирь**, **просвѣтиитсе**, **влиизь**, **ꙅа измиинамь**, **спиимь**, **вѣтвиниии**, **срьбинии**, **поморкиии**: въ послѣднихъ трехъ примѣрахъ б–а и вытягиваетъ голосъ, хотя и глухо съ зн. ̑, для произведенія бóльшаго смягченія (А. № 4), **тии** (тебѣ, Мк.), **сиании**, **раꙁории**, **ӥкии** (С. № 51), **ѡкоупии**, **иꙅыкии**, **ставии** (С. № 176), **миіи**, **сьврьшіи** (А. № 5), **сіирѣчь**, **парефіисе** (А. № 10), **ѡньдѣꙅии** (С. № 40), **випросии**, **пакии**, **иꙅволии** (С. № 35), **мии**, **сіице**, **славіи**, **сіилии** (В. № 1), **ѡ ржии** (С. № 46), **ожиніи** (Г. А), **втврьдии** (С. № 54), **оучиріи** (З.), **иꙅволіихъ**, **правиліи**, **пріикѧдии** (В. № 2), **оучиніисе**, **да се иоставіи**, **вхватіи**, **да платіи**, **што соудіи**, **ако свѵіи** (С. № 137) и мн. др. Въ прочихъ грамотахъ: **мии**, **ӥꙅволии** (Мл.), **ако се вчинии**, **вчинии** (С. № 3; Ш. № X), **миі**, **мии** (С. NN№ 81, 84, 104, 105, 117, 127, 128, 129, 132, 133, 144, 179), **сирьтии** (С. № 104), **неиоколѣбиними**, **непороучими** (С. № 107), **истиними** (З. А.) — и только.

Третій чистый основной гласный звукъ есть *у*. Будучи губнымъ, онъ занимаетъ третье мѣсто послѣ *а*. Губной органъ голоса наименѣе способенъ доставлять звуку открытую и ясную гласность, и по тому *у* есть глухая и узкая гласная, совершенно противуположная открытой и широкой *а*. Звукъ *у* есть такой же твердый, какъ *а*, и болѣе узкій, чѣмъ *и*: глухота есть его отличительная черта; *а* и *у* представляютъ двѣ крайности гласнаго начала: возможнаго самогласія и возможной нѣмоты гласныхъ. Отъ того *у*, стоя на послѣдней ступени самогласія, составляетъ переходъ отъ гласныхъ къ согласнымъ или нѣмымъ, т. е., такимъ, которыя не могутъ имѣть въ языкѣ опредѣленнаго членораздѣльнаго звука безъ помощи той, или другой гласной. Естественный преемникъ ему по однородности есть нѣмое *в*, звукъ того же губнаго органа. Во всѣхъ Индоевропейскихъ и Славянскихъ языкахъ эти два звука взаимно, въ большей, или меньшей мѣрѣ, смѣняютъ друга друга, и, быть можетъ, эта смѣна ни въ одномъ не доведена до такихъ огромныхъ размѣровъ, какъ въ Древнесербскомъ книжномъ нарѣчіи.

Но прежде всего о начертаніи. Въ древнѣйшихъ памятникахъ Сербской письменности уже встрѣчается постоянное употребленіе сокращеннаго ȣ вмѣсто первоначальнаго оу; ср. А. И.; С. NN№ 3, 4, 6—14, 16—20 и такъ далѣе въ слѣдующихъ столѣтіяхъ. Начертаніе оу наиболѣе употребляется въ Аѳонскихъ и нѣкоторыхъ другихъ собственно-Сербскихъ грамотахъ; но почти ни въ одной нельзя найти его одного: всюду вмѣстѣ съ нимъ является и ȣ: — доказательство, что послѣднее начертаніе было господствующимъ. Такъ, даже въ гр–ѣ Немани, на ряду съ постояннымъ оу, находимъ нѣсколько разъ ȣ, хотя у Шафарика всюду стоитъ одно оу. Начертаніе оу съ нѣкоторыми исключеніями господствуетъ у А. NN№ 2, 3, 4, 6—11, 16, 17; въ С. № 175; Г. А, Б, V и В. № 1; оно смѣняется съ ȣ въ гр–хъ: А. NN№ 5, 12, 18; С. № 178; В. №

2 и С.-Д. М. 1844 и совершенно уступаетъ ему свое мѣсто, становясь въ обратное съ нимъ отношеніе у А. №№ 13, 14, 15, 19 и 20. Въ другихъ собственно-Сербскихъ грамотахъ оно встрѣчается въ немногихъ, именно въ С. №№ 2, 24, 38, 51, 52, 62, 73, 91, 137, 176; Мк., также въ Черногорской (Мл.); а изъ грамотъ прочихъ семействъ—только въ нѣкоторыхъ древнѣйшихъ: С. №№ 5, 15. Но и въ собственно-Сербскихъ начертаніе оу нигдѣ не пользуется исключительностію употребленія: весьма не рѣдко смѣняетъ его ꙋ. Такимъ образомъ звукъ *у* явился и въ Древнесербской письменности съ преобладающимъ начертаніемъ ꙋ, которое хотя и было заимствовано изъ Ц.-Славянской, однако по своему огромному господству можетъ назваться Сербскимъ, тѣмъ болѣе, что начертаніе оу связано съ тѣми грамотами, которыя наименѣе высособились изподъ Ц.-Славянскаго вліянія. Можно сказать, что Сербская одежда для звука *у* есть ꙋ. Но ꙋ и оу суть собственно одно и то же начертаніе: первое есть только сокращеніе втораго, болѣе удобное для написанія, и по тому значительно приближающееся къ скорописи. Другаго начертанія для звука *у* мы не находимъ: если кое-гдѣ и встрѣчается ү, то не болѣе, какъ по одному разу, вѣроятно, въ слѣдствіе недописки, на пр., всүда (С. № 26), үтврьжени (С. № 81), үдрьжать (С. № 91), другы (С. № 163), Үгри (А. № 15). Только въ одной Хлумской грамотѣ начала XV-го и собственно-Сербской конца того же вѣка употреблено ү, въ первой нѣсколько разъ: үгрцихь, сү, господүю, үзрокомь, ү (С. № 96), а во второй очень часто (Г. V), что заставляетъ подозрѣвать умыселъ писца и смѣлую попытку сократить начертаніе оү, какъ несвойственное Славянскому языку, и приблизить его къ Греческому υ, для котораго и употребляется въ Древнесербской письменности 6-а ү, тожественная съ ѵ. Замѣчу еще начертаніе оѵ, только разъ встрѣчающееся въ нашихъ памятникахъ въ словѣ оѵготоваными (В. № 2): въ немъ писецъ совершенно забылъ смыслъ и происхожденіе начертаній оү и ꙋ, и это подтверждаетъ нашу мысль, что Сербы уже позабывали разумность составленія буквенныхъ начертаній.

Звукъ *у*, по общему свойству Славянскихъ языковъ, часто смягчается въ началѣ словъ и предъ гласною чрезъ посредство небнаго і. Явленія этого смягченія столь обыкновенны, что не требуютъ доказательствъ. Равномѣрно смягченіе это въ древнемъ книжномъ языкѣ Сербовъ совершается въ одинаковыхъ предѣлахъ, какъ и въ Ц.-Славянскомъ, а по тому и съ этой стороны не требуетъ примѣровъ: слова звучатъ одинаково въ обоихъ языкахъ, одни съ ꙋ, другіе съ ю. Сдѣсь я долженъ ограничиться только случаями, нѣсколько выдающимися и рѣзкими для уха. Смягченный звукъ *у* явился въ Сербской письменности съ Ц.-Славянскимъ начертаніемъ ю. Но есть случаи, гдѣ онъ получилъ другое, болѣе очевиднѣйшее начертаніе, именно въ словахъ иностранныхъ: ӏоүди,-ою, (А. № 12; Мл.), иѹди,-ѡ (А. № 14; С. №№ 37, 102), ӏоүдѣ (А. № 17), ӏоүдою (А. № 19). Іоүдою (Г. Б), ӏоүліа (А. № 17), иѹлиа,-ѣ (С. №№ 139, 142, 143, 145), Іоүліа (Г. V); ср. юдѣ,-и (С. №№ 78, 96, 101, 141), юлиа, юліа,-и (С. №№ 96, 123, 148, 157), юліа, юлия (С. №№ 130, 164 и пр.). Но въ тѣхъ же словахъ, по причинѣ ихъ иностраннаго происхожденія, замѣтно нѣкоторое колебаніе въ смягченіи и какъ бы ухищреніе, происходящее отъ желанія поддѣлаться подъ иностранный выговоръ: средствомъ къ тому найдено было вторичное смягченіе или, вѣрнѣе, смягченіе ꙋ передъ и, ї, заимствованнымъ прямо изъ иностраннаго правописанія: слѣдовательно, первичная форма будетъ Іоү, иꙋ; за нею послѣдуетъ Ію, ию, а эта наконецъ чрезъ стяже-

ніе превратиться въ **ю**. Вторую форму находимъ въ большей части случаевъ: **людъ,-е,-и** (Ш. № VII; А. №№ 4, 6; С. №№ 37, 76, 84, 89, 98, 100, 107, 118, 120, 127, 132, 140, 176), **людя** (А. № 10), **іюніа** (А. № 20), **юниа,-и** (С. №№ 66, 89, 124, 135), **іюлія** (А. № 8), **юлия** (С. №№ 125, 163), **іюніа**, **людою** (Г. А). Другой видъ смягченія совершается съ помощію **ь**, но чрезвычайно рѣдко: **всьдѣ** (С. № 25), **кральв** (С. № 84), **прьвгли** (С. № 119), **трясиавцьу** (С. № 176), **дьнъ** (А. № 13); и вдвойнѣ въ словѣ **монастирью** (С. № 52). Если изъ этихъ сочетаній обратимъ вниманіе на **ль** и **нь** и напишемъ ихъ вязно: **љ**, **њ**, то получимъ тѣ же самыя начертанія, которыя В. Караджичъ ввелъ въ новѣйшее Сербское правописаніе. Разница только въ томъ, что въ старину и другія буквы, какъ видимъ, смягчались чрезъ **ь** въ присутствіи гласной, тогда какъ выборъ Караджича палъ по чему-то на двѣ плавныя. Въ послѣдствіи мы возвратимся къ этимъ сочетаніямъ. Въ началѣ словъ смягченіе 6-ы **у** не представляетъ ничего замѣчательнаго, развѣ исключая одного сложнаго **ꙁаютра** (З.); въ срединѣ и концѣ есть нѣсколько довольно замѣчательныхъ явленій: всѣ они стоятъ въ обратномъ отношеніи къ однороднымъ съ ними явленіямъ и по тому составлютъ исключеніе изъ общаго правила смягченія. Такъ мы находимъ **у**, вопреки обычаю, несмягченнымъ передъ гласною въ формахъ: **обитилиу**, **вьуиаиьуиииу** (А. № 14), **матіу** (А. №№ 16, 17), **мардіу**, **уаколюсіу**, **прозрѣніу**, **морїу**, **ꙁданіу**, **матіу** (С. № 90), **поморіу**, **єланіу** (С. № 111), **милости** (С. №№ 139, 163), ср. **милостю** (С. №№ 150, 164), **єпидиторию**, **проживиунь** (С. № 170), **милостиу**, **писаниу**, **божиюу**, гдѣ выразилось колебаніе, (С. № 173) и пр. Подобное явленіе и въ той же семьѣ грамотъ мы видѣли въ 6-ѣ **а**. Если припомнимъ, что въ Среднебулгарской письменности очень часто гласная при гласной не смягчается, то увидимъ, что виною этого явленія есть вліяніе послѣдней. На оборотъ, послѣ согласныхъ **у**, противъ обычая, смягчается въ **ю**. Полное разсмотрѣніе этого явленія сюда не относится: оно представлено будетъ на своемъ мѣстѣ въ ученіи о согласныхъ; но сдѣсь я приведу лишь тѣ случаи, которые своею исключительностію противорѣчатъ общепринятому употребленію: я укажу только на тѣ слова, которыя при обычной формѣ имѣютъ еще другую смягченную. Таковы: **жюпе** и **жоупе** (Ш. № VII), **дюбровьчинь,-а,-у**, **дюбровьчане**, **дюбровьчько,-а,-имь,-ога** и т. д., **михаилю**, **люкоу** (С. № 16; Ш. № XVI), **поряжюмоу** (С. № 176), **сїю**, **тѣлю** (С. № 51), **зиюнию** (С. № 48), **люди** (С. № 54), **люнї** (А. № 15), **истиномю**, **пастирю**, **своимю**, **сю** (су, суть), **комю**, **всякомю**, **мю** (му, ему), **послєдниму** (С. № 89), **клирикю**, **юкїи**, **мѣстю**, **нолѣню**, **анюстоль**, **сврьхю**, **великю**, **поутїню**, **слюгу**, **гїоргїю**, **бїркю**, **слаю**, **гюучтиѣь** (С. № 104), **слюгь** (С. № 114), **сохранїю** (С. № 115), **прьвгли** (С. № 119), **сохранию** (С. № 126). Замѣчательно, что какъ излишнее отверждение **у** относится преимущественно къ Восточнымъ грамотамъ, такъ излишнее смягченіе принадлежитъ предпочтительно Западнымъ.

Б-а **у** возникаетъ чрезъ усиленіе изъ **ь** въ предлогѣ **су** и союзѣ **ну** (см. в.) и въ словѣ **моучини** (А. № 7) отъ **мьлати**, откуда **мьлинъ**.

Б-а **у** смѣняется съ **и** и **ѣ** въ мѣстн. п. ед. ч. существительныхъ и прилагательныхъ муж. и ср. р.

Б-а **у** смѣняется съ **а** въ иностранномъ словѣ **жупъ,-и** (С. №№ 3, 4, 5, 12, 13, 17) и **жупь,-а,-и,-у,-ю** (С. №№ 16, 17, 36, 39, 66, 76, 78, 80, 83, 85).

Б-а **у** смѣняется съ **ѣ** въ нарѣчіи **докле**, **докоу** (С. №№ 7, 15, 16, 31).

Б-а **у** смѣняется съ **о** въ формахъ: **вьзоучиють** (С. № 176), **помилоукавь**, **-вавша,-шимь** (А. № 7), **оудолѣють** (В. № 2), **никуже** (С. № 103), **усори** (З.

А.); также въ иностранныхъ словахъ: пискоупии, архиепискоупь (Ш. № VII), архиспиѹпб (С. № 21), архиеписпѹпѹ (С. № 27), ппѹпы (С. № 16), пискоупь (А. № 7), ср. епископь (мн. р.), кѹрила и корила (С. NN№ 16, 49, 84, 86, 89), жѹрьжи и жорьги (С. NN№ 32, 33), трифоупь (С. № 176), моумстице и коме́тица (А. № 11), коупсоулом, коупсоль, коупсѹль,-и (С. NN№ 91, 137), апѹстоль,-а, омь,-ома, ѳовь,-льма (С. NN№ 92, 93, 96, 100, 101, 102, 107, 114, 118, 140—145), ср. апостоль (С. № 120), бѹка́, кѹифетникь (С. № 130), ср. два бокара (С. № 115), прокѹратѹра (С. № 135) и въ дат. и мѣстн. пп. ед. ч. причастій.

Б-а ѹ стянула въ себѣ ѹо или ѹль въ словѣ потегиѹ вм. потегиѹо,-ль (С. № 159).

Б-а ю замѣняетъ и въ формахъ сиюкь ҁемлокь, божиюкь помокию (А. № 1).

Б-а ю замѣняетъ о въ формахъ семиюнь,-я (Ш. № II; С. № 14), семьюнь (С. № 20), на семиюнь дьнь (С. № 27), ср. семеонь.

Сербскій языкъ, имѣя когда-то носовые звуки, замѣнилъ первый носовой звукъ ѫ, ѭ, б-ю ѹ, ю. Эта замѣна совершилась въ незапамятныхъ временахъ, такъ что имена, передаваемыя древнѣйшими иноземными источниками, *Carento* (коржтъ), *Μουντιμήρος*, *Νέστογγος*, *Δογγομήρος*, представляются уже рѣдкимъ явленіемъ и исключеніемъ изъ общаго правила: это отвердѣлый звукъ глубочайшей древности, дошедшій до слуха лѣтописцевъ, благодаря памяти народной. Но другіе древнѣйшіе иностранные источники уже постоянно передаютъ носовой звукъ ѫ чрезъ *ου*, и[1]. Равномѣрно въ нашихъ памятникахъ на всемъ ихъ пространствѣ нигдѣ не встрѣчаемъ носоваго произношенія, ни даже самого начертанія ѫ, ѭ, но всюду, какъ въ произношеніи, такъ и въ письмѣ, постоянно находимъ вмѣсто него ѹ, ю, съ чѣмъ согласно и нынѣшнее употребленіе. Приводить примѣры считаю излишнимъ. Замѣчу только, что исключеніе составляютъ творит. п. ед. ч. именъ существительныхъ, прилагательныхъ и причастій ж. р., а также нѣкоторыхъ мѣстоименій и 1-е лице ед. ч. настоящаго и будущаго вр., о чемъ, однако же, рѣчь будетъ впереди. Во всѣхъ другихъ случаяхъ древній книжный, равно какъ и нынѣшній Сербскій языкъ, постоянно ставятъ ѹ, ю вм. ѫ, ѭ. Въ одномъ только иностранномъ словѣ, и то однажды, встрѣчаемъ носовой отзвукъ; октѹмбрию — очевидно неправильно вмѣстѣ е или, по крайней мѣрѣ, ем (С. № 114). Въ нѣсколькихъ словахъ ѹ замѣняетъ второй носовой звукъ ѧ, исполняя въ этомъ случаѣ служеніе б-ы е; таковы: видѹѣе (видаште), если только не вѣдѹѣе (С. № 140), ср. вѣдоуще (А. № 10), октѹбря (С. № 171) и еще два слова, отличающіяся постоянствомъ своей формы, а именно: тисоуща, тисѹка, тисѹѣа съ производными (мн. р.) и кисѹкном (кисаштеж),-омь, -оомь,-ѹ,-ю,-ю̂,-ими, кисѹѣѹ,-ю,-омь,-оомь,-ими, -ими (С. NN№ 96, 98, 101, 114, 116, 117, 120, 122, 126, 127, 128, 130, 133, 134, 136, 140, 141, 146, 147, 150, 157, 163, 164). Впрочемъ, для послѣдняго встрѣчается однажды подкисеком, гдѣ е правильно замѣнило ѧ (С. № 86). Ср.. въ Остромировомъ Евангеліи тысѧщьникомъ и тысѧщьникъ.

Самое важное замѣнительное служеніе б-ы ѹ есть въ отношеніи согласной в. Возможность и естественность такой смѣны заключаются въ одноорганности того и другаго звука. Губной органъ доставляетъ гласному звуку наименьшую самогластность и приближаетъ его къ тѣмъ звукамъ, которые въ языкѣ не обходятся безъ помощи гласныхъ. Родство *в* и *у* замѣтно во всѣхъ Индоевропейскихъ языкахъ. Въ устномъ Сербскомъ языкѣ не терпится въ началѣ

---

[1] Подробнѣе см. у Шафар. въ Serbische Lesekörner, стр. 34.

словъ стеченіе согласной *в* вмѣстѣ съ другою согласною (кромѣ *л* и *р*): по этому нынѣшніе Сербы говорятъ и пишутъ *у* (*въ*), *уз* (*воз*), *удовица*, *унук*, *уторник*, *уш;* исключеній только два: *вшеница* и *втица,* но въ обоихъ словахъ *в* не есть коренное, а замѣнительное вмѣсто *п,* да при томъ эти слова произносятся, какъ *шеница*, *тица*. Предлоги *ва* и *ваз* сохранились у нынѣшнихъ Сербовъ только въ немногихъ случаяхъ: они употребляются большею частію въ словахъ, имѣющихъ духовный смыслъ, на пр., *ва име оца*, *ва виек*, *вазведение*, *вазмена*, *васкрсение*, *васкрснути*, *васлава;* одно только слово *ваздух* не подходитъ подъ этотъ разрядъ, но за то оно слышится единственно въ Которѣ. Напротивъ, въ древнемъ книжномъ языкѣ Сербовъ такой послѣдовательности въ употребленіи звука у мы не находимъ: тамъ постоянно въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ смѣняются вь, ва и у, вьз-, вьс-, ваз-, вас- и уз-, ус-. Спрашивается, что было тому причиною? отвѣчать легко:—Ц.-Славянскій языкъ, гдѣ нѣтъ оу- и оуз-, гдѣ есть только вь и вьз-. И такъ на этой точкѣ народная стихія снова столкнулась съ Ц.-Славянскою: взаимное воздѣйствіе происходитъ почти во всѣхъ памятникахъ, начиная съ перваго и до послѣдняго. Сербское ухо не терпѣло передъ согласною звука в, хотя бы соединеннаго съ безгласнымъ ь; а по тому и вьз-, звуча какъ вз-, было противно ему. Первая уступка, которая сдѣлана была Ц.-Славянскимъ языкомъ, состояла въ озвукотвореніи б-ы ь: ва, ваз-; но ва предъ гласною производило непріятное столкновеніе гласныхъ звуковъ: народность порѣшила и съ этимъ, претворивъ вь въ у и вьз- въ уз-. Когда произошло окончательное дѣйствіе народности въ пользу у и уз-, мы не знаемъ, ибо XV-й вѣкъ не прекращаетъ еще оцѣнцы: она, по видимому, въ полномъ развитіи. Звукамъ у и уз- не удалось въ XV-мъ в. превозмочь окончательно звуки вь и вьз-; они послѣдовали общей участи всѣхъ народныхъ признаковъ, изъ которыхъ ни одинъ, говоря строго, не одержалъ еще полной побѣды съ исходомъ XV-го вѣка. Все разсматриваемое нами пространство книжнаго языка Сербовъ есть не что иное, какъ огромное трехвѣковое поприще, по которому движутся двѣ, хотя и одноплеменныя, но все таки отличныя одна отъ другой стихіи; признаки одной слабѣютъ, исчезаютъ; признаки другой усиливаются, умножаются и становятся на мѣсто исчезнувшихъ. Таковъ двойственный смыслъ всего этого пространства. Но къ выгодамъ народной стихіи должно отнести то, что уже въ древнѣйшихъ памятникахъ она выступила весьма открыто въ звукѣ у, уз-. Количество случаевъ показываетъ, что сдѣсь она наиболѣе сосредоточила своихъ силъ, чтобы одолѣть несвойственный ей звукъ вь, вьз; но за то и Ц.-Славянская стихія столь упорно защищала своего любимца, что колебаніе между обоими звуками продолжалось до конца XV-го в. и не окончилось съ нимъ. Кажется, судя по первымъ многочисленнымъ проявленіямъ звука у, уз- можно бы было заключить, что ему не долго придется бороться съ звукомъ вь, вьз; но вышло иначе: посредничество озвукотворенныхъ ва и ваз не помогло и не отстранило долгаго колебанія. Только въ Западныхъ грамотахъ у, уз-, взяло перевѣсъ надъ вь, вьз, но не истребило его совершенно, — и тѣмъ заключился XV-й вѣкъ. Звукъ вь нашелъ себѣ самое безопасное и самое недоступное для у убѣжище — въ началѣ и концѣ грамотъ въ обычной, освященной давностію формулѣ вступленія: вь имѧ или, съ конца XIV-го в., ва имѧ, и клятвы: вь х̑с̑ ба̃ и вь пречтую иго матерь и т. д. Хотя въ XV-мъ в. ва имѣ, ва име чаще употреблялось, чѣмъ вь имѣ, вь имѧ, однако и послѣднее выраженіе держалось упорно, не смотря ни на какое различіе, представляемое мѣстонаписаніемъ грамотъ: можно сказать, что Западныя грамоты

столько же любили его, сколько и первое выраженіе. За то в ниме не терпѣлось. Если мы знаемъ, что в име, оу име находится только въ двухъ Босвійскихъ грамотахъ (А. И.; С. № 5), то должны сознаться, что въ это убѣжище звука вь народная стихія наименѣе проникла. Клятвенное выраженіе: в гā кā. в пр͠сте бц͠в. в чьстны кр͠ть и в ст͠а євангєлия и в .д҃. євглисте. и в .т҃. ѡ͠ц. стыхь бг͠а. и в все ст͠е и ему подобныя тоже попадаются въ немногихъ древнѣйшихъ грамотахъ (С. NN№ 3, 4, 12, 14, 15, 19, 20, 21, 26, 27, 56). А въ обычныя выраженія: азь вь х͠ї ба͠, вь лѣто, кромѣ одного случая: в лито (С. № 92), вь никии,-ем и т. д. и вьзьми, вьзьми распни, б-а в не проникаетъ вовсе. Но во всѣхъ другихъ случаяхъ она постоянно, въ большей, или меньшей мѣрѣ, смѣняется съ в. Въ гр-ѣ Кулина, кромѣ начала: в име, болѣе не встрѣчается ни та, ни другая форма; въ гр-ѣ Немани находимъ обѣ: вь и оу, в. Замѣчательно, что подъ конецъ грамоты постоянно встрѣчаемъ оу, а въ началѣ вь: это по тому, что грамота отъ общихъ мыслей, отъ общаго духовнаго настроенія переходитъ къ частностямъ, къ церковнымъ надачамъ; а извѣстно, что гдѣ излагается сущность дѣла, тамъ народная стихія проявляется яснѣе. Предлогъ вьз существуетъ въ ней только въ этой одной формѣ: вьсьприемьшоу, вьздвигохь (А. № 1). Въ первой половинѣ XIII-го в., гдѣ стекаются грамоты различныхъ семействъ преобладаніе в и вз- весьма замѣтно. Но въ первой, открывающей собою этотъ вѣкъ, грамотѣ Жичанской, относящейся къ церковнымъ надачамъ, находимъ оба звука. Во вступительномъ началѣ: вь память, вьзлюби, и въ заключеніи: вь никым, вь си вѣкь и вь боудоущии, вьзьми; въ срединѣ же, кромѣ: вьпадеть и тутъ же оупадеть, вьзврати, вьзаещи, второу, много разъ: оу, оузима,-ають,-аетьсе, оуземле,-ю,-летьсе,-лють и т. д., оуалзиль, оузети, оузие, оуписоую (Ш. № VII). Въ слѣдующихъ по нѣскольку разъ: в, оу, вз-, вс- (С. NN№ 2, 3, 4, 6, 7, 9—12), такъ что, кромѣ вышепомянутыхъ формулъ: вь име, вь лѣто и вьсприяти (С. № 2), вьзлюбивши, вьсхотевши, вьсходе (С. № 3), предлоги вь и вьз болѣе не попадаются. Теперь же видимъ: в руцѣ и вь руцѣ (С. № 13); но далѣе опять одно в, вз-, вс- (С. NN№ 14, 15, 17), даже вьсьхищение (С. № 14). Въ договорѣ Дубровничанъ съ Михаиломъ Асѣномъ мы должны ожидать вліянія Ц.-Славянской стихіи, и дѣйствительно находимъ только одну форму: вь и вьз, вез, даже съ довольно рѣзкою крайностію, какова: вьгодиль, вьвемо, вьготовимо; однажды только в веки (С. № 16). Въ дальнѣйшихъ снова по нѣскольку разъ: в и вз, вз-, вс, вс- (С. NN№ 19—22, 26). Исключенія: вьпльщьние (С. № 19) и разъ вь (С. № 22). Сдѣсь съ Урошемъ I оканчивается стеченіе различныхъ грамотъ и начинается исключительное господство однѣхъ только собственно-Сербскихъ, продолжающееся до послѣдней четверти XIV-го в. Въ сейчасъ разсмотрѣнномъ пространствѣ времени мы видѣли, что в и вз- совершенно преобладаютъ надъ вь и вьз: послѣднія, тѣснимыя первыми, укрылись только въ двухъ грамотахъ, гдѣ церковныя надачи и дѣло съ Булгаріею могли поддержать ихъ во имя Ц.-Славянской стихіи. Но и въ Жичанской грамотѣ средина ея, заключающая сущность дѣла, не любитъ ихъ. Посмотримъ, что представитъ намъ дальнѣйшій обзоръ собственно-Сербскихъ грамотъ до конца XV-го в. Грамоты этѣ, какъ извѣстно, можно раздѣлить на договоры съ Дубровникомъ и церковныя записи; между послѣдними бóльшую часть занимаютъ Аѳонскія. Сначала о первыхъ. Въ нихъ мы находимъ прежнее отношеніе между в, вз- и вь, вьз. Одно в и вз- по одному, или по нѣскольку разъ въ гр-хъ С. NN№ 23, 25, 27—30, 32, 33, 34, 36, 38—45. Одно только есть исключеніе въ концѣ клятвы: вь синимь вѣцѣ и вь придоущемь (С. № 39).

Въ златопечатномъ словѣ, данномъ двумъ властелямъ на островъ Млѣтъ, во вступленіи, употреблены въ и вьс-; но гдѣ говорится собственно о пожалованіи, тамъ находимъ ꙋ, ꙋз-, а въ концѣ опять въ (С. № 46). Далѣе опять одно ꙋ и ꙋс- (С. NN№ 48, 49). Въ такой же гр-ѣ, данной Дубровнику, во вступленіи и въ заключеніи снова находимъ въ, но въ срединѣ ꙋ, ꙋз-, ꙋс- (С. № 50). Въ слѣдующихъ: ꙋ, ꙋс-, ꙋз- (С. NN№ 53, 54), однажды въ свѣтинѣ (С. № 54), ꙋ, ꙋс-, ꙋз- и въ, вьс- (С. № 55), ꙋдати (С. № 56). Во вступленіи Вукашиновой грамоты: въ (С. № 62); оу, ꙋ, оус-, ꙋз- (С. NN№ 73, 131, 146, 147, 165, 166, 167); ꙋ животѣ и въ градѣ (С. № 90), ꙋзети, оутѣ, прѣоуꙁма, ꙋ, оу (мн. р.); но во вступленіи: въ, вьꙁлюбленнимь (С. № 91), ꙋсхоте, ꙋзимаю, ꙋзети, ꙋ (мн. р.), но вьспоменꙋше, въ вса лѣта (С. № 111), оуꙁети, да ꙋзме, оуꙁме, оуказтеннимь, оуспоменоуте, оу, ꙋ, но въ началѣ грамоты: вьсоли, въ свѣтѣ (С. № 137), оу, ꙋ, въ, вьспоменꙋше (С. № 138). И такъ отношеніе между обоими звуками такое же, какъ и прежде. Наши слова оправдываются: народная стихія усильно стремилась выразить себя въ звукахъ ꙋ и ꙋз-, гдѣ только позволяло ей содержаніе грамотъ. Не смотря на то, что этѣ грамоты принадлежатъ собственной Сербіи, народность входила въ нихъ свободно и вытѣсняла Ц.-Славянскіе звуки въ и вьꙁ. Отношеніе между обоими звуками можетъ быть выражено приблизительно, какъ 1: 12, и это отношеніе не мѣняется съ теченіемъ времени: оно остается однимъ и тѣмъ же между концомъ XII-го и концомъ XV-го в. Но въ другомъ отдѣлѣ собственно-Сербскихъ грамотъ Ц.-Славянская стихія взяла верхъ надъ народностію. Въ гр-хъ Милутина: вьсхвалнмь, вьпинмь, вьприимша, въ; но въ надачѣ: оуꙁврьдо, оу (н. р.) (Мк.), въ грѣсѣ (С. № 52). Въ спискѣ Милутинова времени мы находимъ нѣсколько разъ въ; но гдѣ говорится о самой надачѣ, тамъ встрѣчается нѣсколько разъ и оу (С. № 51). Въ гр-ѣ Стефана Дечанскаго монастырю того же имени замѣчательны начало, средина и конецъ. Хотя эта грамота состоитъ собственно изъ двухъ грамотъ, однако владѣльцы ея сумѣли такъ хорошо сплотить обѣ части, что онѣ составили собою одно цѣлое: первая служитъ вмѣсто вступленія, а вторая въ началѣ излагаетъ самую сущность дѣла, т. е., исчисляетъ монастырскія надачи, и подъ конецъ переходитъ въ приличное заключеніе. Въ первой и концѣ второй части Ц.-Славянская стихія рѣзко выдается своими формами и образуетъ замѣтную противуположность съ срединою. Въ ней находимъ всюду въ и вьз-, вьс- и ни разу оу, оуꙁ-; далѣе въ заключеніи опять всюду въ и вьз-, и только однажды: оу породици; но въ срединѣ, на оборотъ, во множествѣ оу, оуꙁь, оуꙁ- и ни разу въ, вьз- (С. № 176). Во вступленіи и заключеніи Душанова златопечатнаго слова, даннаго Ерусалимской церкви: вьꙁлюблениимь, въ имѧ же, вьꙁдвигнѣти, винии, но ꙋ приꙁрѣни, а въ условіяхъ надачи: ꙋзима и ꙋ (мн. р.), но вьсирѣсени (С. № 35). Въ подтвердительной на эту гр-ѣ Уроша V: вьсхотѣ, въ днь, но ꙋспоменꙋше (С. № 47). Впрочемъ, обѣ этѣ грамоты относятся столько же къ Синайскому Богородичному монастырю, сколько и къ Дубровнику, ибо даны собственно послѣднему касательно дохода, получаемаго съ него Синайскимъ монастыремъ. Въ Раваницкой Лазаря: въ, вь, вьз- (мн. р.)—во вступительномъ богословіи, но оу (мн. р), оупада, оуꙁ- въ изложеніи надачъ (В. № 2; Ш. № 15; В. К.). Въ Милешевской Стефана Лазаревича: въ, вь, вьз- (мн. р.), но въ надачѣ: оу моравицах (С.-Д. М. 1844). Въ Аѳонскихъ грамотахъ въ и вьꙁ еще болѣе усиливаются. Въ четырехъ грамотахъ Милутина (А. NN№ 2, 3, 4, 6) исключеній сравнительно немного: оу (7 р.), оусхоми, оуꙁрокомь, вѫоуꙁети (А. № 4), ꙋ, оу (13 р.), оуспотокь, ꙋтече,

оуꙁимаю (А. № 6). Въ послѣдней грамотѣ, бо́льшая часть случаевъ относится къ описанію жалованныхъ мѣстностей, а по тому сдѣсь писецъ невольно увлекся народною формою выраженія. Въ гр-ѣ Дечанскаго: оу (5 р., А. № 7) и въ другой, въ описаніи мѣстныхъ границъ, много разъ: оу, оуꙁь, оуꙁ- (А. № 8). Въ гр-хъ Душана: ꙋсхѡꙋ, оу анилаиы, оу соухогрьлѣ, оу кострѣць, ꙋ кратонино, ни ꙋ коупио ные ни оу ꙁлогоу: сдѣсь, кромѣ перваго примѣра, другіе относятся къ описанію границъ, а послѣдній представляетъ обычное судебное выраженіе, которое чаще держалось въ устахъ народа, чѣмъ на письмѣ (А. № 5); оу (4 р.), оуꙁможно (А. № 9), оу нарѣдь, оу млинѣ — въ условіяхъ надачи (А. № 10), и снова въ описаніи границъ: оупра́вь, оу, оуꙁима, оуꙁгорꙋ (А. № 11), ꙋспомена и говори ѡ црькви ꙋ своеи кафиныь. оу ꙁемли жеганковскои. а ꙋ мѣстѣ...... — чужія слова, вставленныя въ грамоту изъ обычной рѣчи; оу блфиноу, оуспоменоу; и опять о границахъ: оу, ꙋ (н. р.), оуꙁмитоу, оуꙁдоль, ꙋправь (А. № 12). Въ гр-хъ Уроша V: ꙋспомени, ꙋспоменатии, ꙋ бѫгарє и вь вьсєлєнꙋю, вь мѣсто (А. № 13), оу стоую гороу, оу прꙁрѣнь, но вьꙁѧмь, вь вытїє, вь ꙁемлю, вь црькь, вьведєнїє вь стаа стыхь, вьскрсєнїє и пр. (Г. А). Въ гр-хъ деспотовъ и ихъ родичей: ꙋ въ нѣсколькихъ случаяхъ, кои всѣ относятся къ надачамъ (А. № 14), оу поуть, оуꙁдѣль — о границахъ (Ш. № 14), ꙋꙁехь (А. № 15), оу (1 р., А. № 17), ꙋспоминаниє, ꙋ мерꙋ, ꙋ хрїсовꙋль, оуписаль, ꙋꙁе (А. № 18), ꙋꙁель, ꙋсты (ꙋꙁь ть) ить, ꙋ мерꙋ, ꙋ ни, ꙋ конѣꙁе, ꙋꙁесмо (А. № 19), ꙋ (1 р., С. № 175), оу (4 р.), оуꙁимаю (Г. Б), ꙋ (1 р., А. № 20). Замѣтимъ сверхъ того, что гр-ы А. №№ 2, 3, 16; В. № 1; С. № 178 и Г. V вовсе не имѣютъ предлоговъ ꙋ и ꙋꙁ-, а другія, какъ видѣли, хотя и имѣютъ ихъ, но въ такомъ маломъ количествѣ, что соотвѣтствующія формы вь и вьꙁ- совершенно заглушаютъ ихъ. Сюда же отнесу и Цетинскую грамоту Черноевича, въ которой находимъ: вьꙁмо́же, вьꙁда́хь, вьꙁвратитиe, вьꙁмо́жно, вьꙁехь, вьꙁмогѡ, вьꙁми, вь, въ (н. р.), но ѡоуꙁети, а въ срединѣ, при описаніи надачъ и условій: оу вѣкь и оу блфиноу — обычное выраженіе при пожалованіи, оу (н. р.), веꙁь оуброса, оуꙁмоꙁ, да оуꙁе, да ꙋꙁмоу, ѡоуꙁели, оуꙁдрьже, оуꙁети (М.1.). Сообразимъ съ этими немногими исключеніями, во первыхъ, объемъ грамотъ, въ нѣкоторыхъ довольно большой, и во вторыхъ, огромное количество случаевъ, имѣющихъ форму вь и вьꙁ-, и мы увѣримся, что въ монастырскихъ грамотахъ собственной Сербіи Ц.-Славянская стихія съ своими формами вь и вьꙁ господствуетъ надъ народною съ ея ꙋ и ꙋꙁ-, чему способствуютъ, съ одной стороны, участіе православнаго духовенства въ составленіи этѣхъ грамотъ, съ другой, набожное настроеніе духа, искавшее себѣ выраженія въ изреченіяхъ Св. Писанія, которое хранилось въ Сербіи на Ц.-Славянскомъ языкѣ: по этому въ общихъ мѣстахъ писцы, постоянно согласуясь съ набожнымъ настроеніемъ самихъ благотворителей, удерживали въ своемъ книжномъ языкѣ представительницу и вмѣстилище духовно-созерцательной жизни — Ц.-Славянскую стихію. Но и сюда народная нашла себѣ доступъ, отыскавъ слабую сторону въ описаніи мѣстности и условіяхъ надачъ: сдѣсь писцы, увлекшись содержаніемъ, взятымъ прямо изъ народной, обыденной жизни, невольно забылись и употребили разговорныя формы ꙋ и ꙋꙁ-. Если другіе звуки и формы представляютъ въ себѣ болѣе ровности, то предлоги были столь незначительны и слабы, что на нихъ писцамъ было всего легче сбиться и изъ Ц.-Славянской формы впасть въ народную. Середину между тѣмъ и другимъ отдѣломъ собственно-Сербскихъ грамотъ представляетъ За-

конникъ, писанный подъ вліяніемъ, съ одной стороны, православнаго духовенства, съ другой, обычнаго права народа. Въ немъ, въ лицѣ разсматриваемыхъ предлоговъ, дружно сходятся обѣ стихіи; сдѣсь между ними болѣе равновѣсія, чѣмъ въ томъ, либо другомъ отдѣлѣ грамотъ; но и сдѣсь предлоги отразили на себѣ общую черту Законника — преобладаніе въ немъ Ц.-Славянской стихіи. И сдѣсь количество случаевъ для оу, оуз- уступаетъ количеству для вь, вьз. Такъ мы находимъ: оупрошенія, оузме, оузети, оузимають, оузметь, оупросить, оуметь, оузданія, поеуздаасе, оуписано и вьсхощеть (н. р.), вьзвратить, вьсметь, вьзьме (н. р.), вьзметь (н. р.), вьзьметь, вьзвѣстить, вьметьшего, вьзмоуть (н. р.), вьзети, вьзме, вьзимають. Отсюда мы видимъ, что сдѣсь оуз- относится къ вьз-, какъ 1 къ 2; такое же отношеніе существуетъ и между оу и вь. Мы видѣли, какъ въ грамотахъ всѣхъ семей, а въ томъ числѣ и собственно-Сербской семьи, не относящихся къ церковнымъ надачамъ, народная стихія уже съ самого конца XII-го в. взяла рѣшительный перевѣсъ надъ Ц.-Славянскою. Надобно то же предположить и въ Зетскихъ грамотахъ и равномѣрно въ грамотахъ Западнаго отдѣла, т. е., Турецкихъ, Дубровницкихъ, Боснійскихъ, Хлумскихъ и Травунскихъ, начинающихся по времени съ бана Тврьтка, въ послѣдствіи короля Тврьтка I. Такъ въ Зетскихъ, относящихся еще къ Восточнымъ грамотамъ, в, вз-, вс- господствуютъ (С. №№ 64, 67, 70, 71, 72), однажды только вь свѣдине (С. № 70), и въ вступленіи нѣсколько разъ вь, вьсхотѣхь (С. № 71). Въ двухъ Албанскихъ (С. №№ 148, 149) вовсе не находимъ вь и вьз-. Во всѣхъ Западныхъ грамотахъ совершается то же самое, но только въ большемъ размѣрѣ. Во многихъ изъ нихъ вовсе не находимъ вь и вьз-; въ другихъ эти предлоги существуютъ только въ обычныхъ выраженіяхъ, какъ то: вь, ва име, вь ха̃ ва̃ и т. д., вь, ва лето, вь никои, вьзьми и въ богословіяхъ, которыхъ содержаніе приближало ихъ къ Ц.-Славянской стихіи. На помощь послѣдней явились формы съ озвукотворенымъ ь: ва, ваз-; но и онѣ исчезаютъ во множествѣ случаевъ, имѣющихъ в и вз-. Объемъ и количество грамотъ не позволяютъ намъ сравнить всѣ эти формы; но мы можемъ только привести формы вь и вьз-, ва и ваз-, какъ исключенія, и тѣмъ показать ихъ относительную малочисленность сравнительно съ формою в и вз-, которая въ рѣдкой грамотѣ не встрѣчается во множествѣ. Проходимъ нѣсколько первыхъ Боснійскихъ грамотъ конца XIV-го ст., въ которыхъ видимъ одну только форму в и вз- (С. №№ 57, 59, 65). Первая королевская грамота Тврьтка I выразила его стремленіе породнить себя съ Сербскими царями и тѣмъ пріобрѣсти право на Сербію. Для этого въ самой грамотѣ допущено вступленіе, подобное вступленію царскихъ хрисовуловъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ открытъ нѣкоторый входъ для Ц.-Славянской стихіи. По этому случаю въ ней находимъ: вьздвигнути, невьзбранно и нѣсколько разъ вь; но тутъ же: взговориние, всхотѣше, вспоменвше, взме и нѣсколько разъ в, оу (С. № 66). Въ другихъ грамотахъ того же времени: вь земли, ва сихь, ва приморји, но взето, в (мн. р.) (С. № 67), вь будущимь вѣци, по вскоке, взети, взможе и в (мн. р.) (С. № 76), ва истину (С. № 78). Подобно грамотѣ Тврьтка I, и грамота Дабиши допускаетъ богословіе и вмѣстѣ съ тѣмъ ва и ваз: вазьведе, вазьвращене, ва (н. р.), но въ дальнѣйшемъ изложеніи в (мн. р.) (С. № 81); въ другой гр-ѣ того же: вь двори, вь земла̃, но в конць (С. № 179). Во вступленіи грамоты Остои: ва троици, ва оци же, ва светомь дуси, ва те, вь земльне, ва сихь же, но далѣе: вспоменвше, в славни и в племените, в вами вавомь, а въ концѣ: ва вики, ва венсци, в литници, ва лита (С. № 84).

Въ другой гр-ѣ того же (С. № 85) переписано вступленіе изъ гр-ы Дабиши (С. № 81) съ соблюденіемъ тѣхъ же формъ. Въ послѣдней гр-ѣ XIV-го в. встрѣчаемъ **и вь и ȣ** (С. № 86). Дальнѣйшее разсмотрѣніе грамотъ Западной семьи въ XV-мъ в. удостовѣряетъ насъ въ томъ, что и въ этомъ вѣкѣ отношеніе между народною, полународною и Ц.-Славянскою формами остается такимъ же точно, какимъ оно явилось во второй половинѣ XIV-го в. Если, начиная съ самого XII в., формы **ȣ**, **ȣꙁ**- значительно преобладаютъ не только въ Западныхъ и Зетскихъ грамотахъ, но и въ собственно-Сербскихъ, не относящихся къ монастырскимъ надачамъ, то неизбѣжнымъ заключеніемъ изъ трехвѣковой опытности будетъ то, что и въ XV-мъ в. **ȣ** и **ȣꙁ**- должны преобладать въ Западныхъ грамотахъ, какъ преобладаютъ онѣ въ собственно-Сербскихъ, но не-Аѳонскихъ, того же вѣка. Дѣйствительно, и въ этомъ вѣкѣ опытъ подтверждаетъ заключеніе, сдѣланное впередъ. Но предварительно замѣтимъ, что точность, съ какою писцы переводили богословіе, заключеніе и вообще всѣ обычныя выраженія изъ одной грамоты въ другую, много стѣсняетъ кругъ дѣйствія народной стихіи. Въ образецъ брались относительно древнѣйшія грамоты, и хотя въ свое время онѣ представляли собою извѣстную степень состоянія книжнаго языка, однако, взятыя позднѣе, являлись уже отвердѣвшими, несвоевременными памятниками съ остывшими формулами, которыя переходили изъ грамотъ въ грамоты въ видѣ освященной, неподвижной старины, вокругъ которой давно уже совершалось дальнѣйшее движеніе языка. Къ числу такихъ неизмѣнныхъ выраженій должно отнести являющееся въ началѣ большей части грамотъ: **вь**, **ва име**, -**е** (С. №№ 74, 87, 88, 92, 93, 94, 96, 98, 106—109, 112, 115—122, 124—130, 132, 133, 136, 138—145, 148, 152, 154, 155, 159, 162; З. А.), и постоянно встрѣчающееся въ концѣ грамотъ: **вь, ва лѣто,-ѡ,-а, лето, лѣтѡ, лѣтѡ, лиѣта, лиѣта** и т. д (С. №№ 110, 115, 122, 123, 126—129, 132, 142, 143, 157, 159, 162, 163, 164); также зарокъ: **вь(ва)г҃спода б҃га и вь(ва) пречисте б҃городицє и вь (ва) .д҃. еванг҃листе и вь(ва) .в҃і. апостоль и вь(ва) светѣхь ѡтць иже сѫть вь(ва) никеи и вь(ва) .ѳ҃. изьбранѣхь божихь и вь (ва) все свете и т. п.**, или короче: **вь(ва) х҃рта б҃а и вь(ва) д҃шѫ наше** и т. п. (С. №№ 89, 92, 93, 96, 98, 100, 101, 102, 104, 106, 107, 108, 112, 114, 115, 126, 127, 133, 142—145) и богословіе нѣкоторыхъ грамотъ, переходящее наслѣдственно отъ одного писца къ другому. Слѣдующій обзоръ грамотъ покажетъ намъ степень употребленія **вь** и **вьꙁ**-, **ва** и **ваꙁ**- въ Западныхъ грамотахъ XV-го вѣка. Такъ мы находимъ: **ва** (2 р., С. № 88), **вь** и **ва начѧтькь**, **вь испльнию**, **ваꙁведе**, **ва битьи**, **вьсвращеніе**, **ва ꙁемлехь**: это выраженія вступленія, списаннаго съ предыдущихъ грамотъ; и далѣе: **ва свидниье**, а въ заключеніи зарокъ, упомянутый выше; въ прочихъ же мѣстахъ всюду **ȣ**, **ȣꙁ**- (С. № 89), **ваꙁьлюблении,-нимь**, но **ȣ лѣто** (С. № 92), **ва** (4 р., С. № 94), **ва начѧтакь**, **вьꙁведе**, **вь битье**, **ваꙁвращение**, **ва ꙁемлахь**, **ва дворь**, **ва мири**—опять начало, списанное съ предыдущихъ грамотъ; а далѣе всюду **ȣ** (С. № 95), **вь**, **ва** и **ȣ** (н. р.) (С. № 96), **вь троицѫ**, **вь ѡци**, **вь дѫсѣ**—обычное начало, **вь**, **ва вѣки**(С. № 97), **вь слави**, **вь рѫсаꙁи**, **вь дрьжави**, **вь сѫхь**, **вь сиротищѣхь**—обычное вступленіе; далѣе **вь** и **ȣ** (С. № 98), **ва име вь хрьста б҃га**; въ прочихъ случаяхъ **ȣ** (С. № 99). Дубровничане, вопреки своему обычаю начинать грамоты коротко и просто, списали въ одной своей грамотѣ вступленіе изъ Боснійскихъ и Хлумскихъ, удержавши **вь**, **вьꙁ**-: **вь начѧтакь ѡ҃ца вь испльнинньи сина вь свршеньи д҃ха. вѣ҃ славимии вь трои вь ѡци же реке и сине и вь ст҃емь дѫси**; **вьꙁдрьжимю**, **вь држави**, **вь вѣки**, но въ другихъ слу-

чаяхъ употребили ѫ, ѫꙁ-, ѫс- (С. № 100), каꙁдаю, ка господстви, ка, къ оканникхъ—вступленіе, ка кинки, ка кини (С. №№ 101, 102), ка кини, каꙁможнии, (С. № 103), каꙁдаю, ка господства—списано, ка вѣка (С. № 104), ка славѣ, ка русаꙁи, къ сихъ, ка скровищехъ, къ почтенію, къ врѣме, къ вѣки—вступленіе, и тутъ же н. р. ѫ; ка вѣки, но въ прочихъ случаяхъ ѫ, ѫꙁ- (С. № 107), къ свидѣніе, -ніе, въ другихъ случаяхъ ѫ, ѫꙁ- (С. №№ 108, 109), ка видѣнии, ка врѣме, въ прочихъ мѣстахъ ѫ и ѫꙁ- (С. № 112), ка троицѣ, ка оци, ка име, но тутъ же въ вступленіи: ѫꙁдрьжимо, ѫ памети, ѫ мѣсихъ, въ прочихъ же мѣстахъ всюду ѫ и ѫꙁ- (С. № 114), ка видѣніи, каꙁдрьжано, но ѫ (мн. р.) (С. № 115), каꙁможнимь и ѫꙁможнимь (С. № 116), ка вѣкници, но ѫсхоти и ѫ (мн. р.) (С. № 119), ка славѣ, къ двоерь, къ лѣта, но и ѫ (мн. р.) (С. № 120), ка листа, ка книгкици, но ѫꙁдрьжили, ѫꙁети, ѫ (н. р.) (С. № 121), ка подаче, но ѫ и ѫꙁ- (мн. р.) (С. №№ 123, 126), ка венице, къ лета, но ѫ (мн. р.) (С. № 130), ка славе, ка двоерь, ка лета, но ѫ (мн. р.), ѫꙁимаюке (С. № 133), ка пустинѣ, каꙁдасмь, каꙁбра...не, но въ этомъ, списанномъ съ предыдущихъ, богословіи уже измѣнено: ѫꙁиде; ка ꙁемлахь, но далѣе всюду ѫ (З. А.), ка вики, но ѫ (мн. р.) (С. № 136), ка троицѣ, ка оци, ка име—списано, но тутъ же другія формы уже измѣнены: ѫꙁрьжимо, ѫ памете, ѫ мѣсихъ, ѫꙁити; ка лѣта (С. № 144), ка славѣ — списано, но другія формы уже измѣнены: ѫ господстве и ѫ пине дрьжаве и пр. (С. № 145), коꙁбраћене, ка ꙁемлахь. ка двоерь—списано, но съ перемѣною формы къꙁиде въ ѫꙁиде (С. № 150). Въ Турецкомъ спискѣ гр—ы Дечанскаго слышны оба звука: къ, ка (н. р.) и ѫ (н. р.), также: ѫскраи, ѫꙁети, ѫꙁима, что объясняется неопредѣленнымъ положеніемъ самой грамоты относительно языка, ибо списокъ съ подлинника сдѣланъ былъ спустя слишкомъ столѣтіе: признаки позднѣйшіе могли смѣшаться съ признаками древнѣйшими; грамота изъ одной семьи перешла въ другую (С. № 37). Къ обычнымъ выраженіямъ можно присоединить и нѣкоторыя другія изъ приведенныхъ выше, на пр.: ка вѣкьници, ка подаче, къ свидѣнии, ка видѣнии и въ повторяемыхъ вступленіяхъ (С. №№ 85, 89, 95, 100 и 150; 71, 84, 97, 114 и 144; 96, 98, 104, 107, 120, 133 и 145). Безъ этихъ обычныхъ, заученыхъ выраженій число случаевъ для къ, къꙁ-, ка и каꙁ- сократилось бы значительно; но и съ ними подъ конецъ XV-го в. случаи эти рѣдѣютъ замѣтно. Особенно примѣтно исчезаютъ къ и къꙁ-, мѣсто коихъ стремятся занять ка и каꙁ-; но ни та, ни другая форма не могла спастись отъ изгнанія. Стоитъ только замѣтить №№ пропущенныхъ грамотъ, въ которыхъ господствуетъ одна только форма ѫ и ѫꙁ-; число таковыхъ №№ увеличивается съ теченіемъ времени, а это и служитъ лучшимъ признакомъ изгнанія первыхъ двухъ формъ и усиленія послѣдней. Уже въ XIV в. пришлось пропустить нѣкоторыя грамоты, такъ какъ въ нихъ встрѣчается одна только форма ѫ и ѫꙁ-. Въ первой половинѣ XV-го в. пропущены: С. №№ 74, 87, 93, 105, 106, 110, 113, 117, 118, 122, 124, 125, 127, 128, 129, 132, 134, 135. Съ половины XV-го в. число грамотъ съ формами къ, къꙁ,- ка, каꙁ- значительно сокращается, и выгода еще болѣе склоняется на сторону народной формы. Сдѣсь пропущены: С. №№ 139—143, 151—159, 161—164, 168—173; С.-Д. М. № 2. Число пропущенныхъ во второй половинѣ болѣе, чѣмъ въ первой. Такъ быстро народность входила въ свои права и занимала мѣсто чуждой стихіи. Убѣжищемъ для Ц.-Славянскихъ формъ остаются по прежнему только тѣ мѣста, гдѣ содержаніе сколько нибудь отзывается набожнымъ настроеніемъ духа, или богословіе и заклю-

ченіе грамотъ съ тѣми освященными временемъ и употребленіемъ выраженіями, безъ которыхъ почти ни одна грамота обойтись не можетъ. Но таковыя мѣста не принадлежатъ уже Исторіи: въ нихъ нѣтъ настоящаго движенія, а есть застой, оцѣпененіе; они переписываются со старыхъ подлинниковъ, а можетъ быть, даже заучиваются, но не сочиняются вновь, и по тому въ исторіи живаго, движущагося языка они не могутъ имѣть много вѣсу. Эти мѣста легко узнать при чтеніи грамотъ: писцы какъ бы затвердили ихъ; въ нихъ часто укрывается Ц.-Славянская стихія, какъ въ единственномъ убѣжищѣ, отъ напора народной, для которой въ Западныхъ грамотахъ данъ большой просторъ. Если въ этѣхъ грамотахъ, кромѣ означенныхъ мѣстъ, гдѣ либо встрѣчаемъ къ и къз-, ка и каз-, то не болѣе, какъ въ видѣ исключенія и въ самомъ разрозненномъ состояніи. Общая участь обѣихъ стихій есть та, чтобы во взаимномъ воздѣйствіи до конца XV-го в. итти вмѣстѣ, пересиливать, господствовать, но не совершенно уничтожать и исключать себя изъ языка. Ни одинъ изъ признаковъ Ц.-Славянской стихіи еще не былъ, съ исходомъ XV-го в., отрѣшенъ и истребленъ народнымъ; но торжество готовилось для народной стихіи: Ц.-Славянская къ концу XV-го в. ослабѣла значительно. Предлоги къ и къз- были одною изъ самыхъ замѣчательныхъ точекъ столкновенія, но и они отразили на себѣ общій законъ движенія языка, и въ нихъ народная стихія одержала верхъ надъ Ц.-Славянскою; послѣдняя укрылась съ ними въ монастырскихъ грамотахъ и продолжала тамъ господствовать до конца XV-го в.; но во всѣхъ прочихъ грамотахъ, и преимущественно Западныхъ, относящихся къ XV-му в., народная стихія вытѣснила ее, оставивъ ей только скудные, ничего не значащіе участки. Такой перевѣсъ одной стихіи надъ другою оказался уже въ XII-мъ в., и съ той поры продолжался въ равной мѣрѣ до конца XV-го. Ясно, что сдѣсь народная стихія наиболѣе сосредоточила своихъ силъ.

Намъ остается еще исчислить слова, начинающіяся въ Ц.-Славянскомъ языкѣ съ звука в и измѣняющія его въ у. Таковы повременныя формы этихъ словъ: оунoукъ, унукъ,-ци (А. NN№ 7, 15; С. NN№ 2, 103, 133, 136, 142, 145) и вънoукъ,-кі, въноукъ, внукъ (А. NN№ 3, 4, 5, 7; С. NN№ 35, 37, 176; Мл.); но всюду унучие,-е, -ье,-ьи,-ью, оуноучию (С. NN№ 14, 37, 84, 96, 98, 176), оуноучатка (А. № 1), даже внучикъ (С. № 103); оудовица, удовица (Ш. № VII; А. № 6), вдовицоу (А. № 2), въдовицѣ (Мл.), вдовые ѡное (С. № 178), въдовицѣ (А. № 20); вторникъ (С. № 93), вторни (А. № 20), ср. вьторый (А. № 10), втораго (А. NN№ 3, 4); утера (С. № 136) и вьтера (С. № 37), вчера (С. № 103); находимъ даже такія формы: усеми, усомъ (С. № 16), усега (С. № 78), гдѣ нынче народность ограничилась только перестановкою буквъ: *свема*, *свом*, *свега*. Противуположность имъ мы видѣли въ формахъ вьвсмо, вьготовимо, вьгодимь.

Б-а ю способна стягивать въ себѣ звукъ ию чрезъ посредство ью въ твор. п. ед. ч. именъ сущ. ж. р. на ь и мѣстн. п. ед. ч. именъ сущ. ср. р. на ие. Вотъ нѣкоторыя замѣчательнѣйшія формы: по хытению (С. № 16), истиною и истинью (С. № 51), милостю (С. № 164) и милости (С. NN№ 139, 163). Еще находимъ такое сокращеніе: сьрьгохю ви. сьрьгохь ю (С. № 94). Въ формѣ юрьево (С. № 12), юрьи (С. NN№ 118, 120, 133, 136, 144, 145, 156 и др.) у, смягчающееся въ ю, стягиваетъ еа, ео; ср. геюрьги,-ию, геюрьгъ,-и, геѡргіа, -ієвь, геѡргіе (С. NN№ 16, 17, 18, 178; печ., Г. III, № 88; Р. III, стр. 168), откуда посредствующія формы: гюрьгъ (нѣтъ), гюрьгъ, гюргъ и т. д. (им. р.) и ѥгрѥ (род. п., С. № 10), въ которыхъ начальное г отбрасывается, а окончаніе -рьгъ чрезъ

посредство формы **ѣврагь** (С. № 172), **ѣвраѣь** (С. № 145) озвукотворяется въ **ли**.

Б-а **ȣ** въ нѣкоторыхъ грамотахъ удвоивается, по видимому, безъ всякой причины и значенія: **на крьстȣ гнȣȣ** (С. № 98), **почⷮеиȣȣ**, **всакȣȣ** (С. № 107), **исповиньиȣȣ**, **улокьтȣȣ**, **бȣдȣȣѣе**, **страдаиȣȣ**, **бесѣдȣȣ добрȣȣ и приꙗтелскиȣȣ**, **сȣȣѣни**, **иȣȣстить** (С. № 114), **сȣȣть** (С. NN 114, 133, 145), **мокȣȣ** (С. № 127), **хȣȣди** (С. № 129), **бȣдȣȣ** (С. № 133), **прѣдȣȣжни**, **спомениȣȣти** (С. № 145) и т. п. Замѣчательно, что кромѣ первой грамоты, относящейся къ Хлуму, всѣ прочія принадлежатъ Травуніи. Не мѣшаетъ также замѣтить, что бо́льшая часть примѣровъ относится къ **ȣ**, замѣняющему Ц.-Славянскіе носовые звуки **ѫ** и **ѭ**; но едва ли можно искать тутъ чего либо другаго, кромѣ одного случая; нельзя объяснить это явленіе и долготою б-ы **ȣ**.

Доселѣ мы разсматривали три коренные и первоначальные звука: *а*, *и*, *у*. Въ праязыкѣ Индоевропейскихъ нарѣчій эти три звука составляютъ основаніе самогласія и являются краткими. Соединеніе одного изъ нихъ съ двумя другими произвело еще пару звуковъ долгихъ по природѣ: *а*, соединившись съ *и*, произвело *е*; *а*, соединившись съ *у*, произвело *о*. Слитіе было сдѣсь полное; оба составные звука уравновѣсили взаимно другъ друга и слышатся, какъ одно нераздѣлимое цѣлое: голосъ, начавшись въ одно время отъ двухъ крайностей, *а* и *и*, *а* и *у*, необходимо долженъ былъ принять серединное направленіе и впасть въ звуки *е* и *о*. Дѣйствительно, эти два звука на лѣствицѣ органнаго образованія занимаютъ середину: *е* между *а* и *и*; *о* между *а* и *у*. Отъ того, что въ нихъ слитіе было полное и нераздѣльное, звуки эти явились столь цѣльными, что вскорѣ сравнялись съ треия образовательными, и отвергли условіе непремѣнной долготы. Ни одинъ изъ Индоевропейскихъ языковъ, кромѣ языка Вѣдъ и отчасти Готскаго, не обошелся безъ нихъ и считаетъ ихъ столько же необходимыми, а по тому коренными, сколько и образовательные *а*, *и*, *у*. Въ Санскритѣ они тоже существуютъ, но постоянно только въ немъ одномъ сохраняютъ свою долготу; въ другихъ же являются уже обоюдными, или краткими. Ихъ первичная долгота указываетъ на ихъ относительно позднѣйшее происхожденіе отъ простыхъ началъ голоса; а по тому и самая долгота моложе краткости, ибо могла образоваться только изъ краткости. Тѣмъ не менѣе, какъ языкъ не обошелся безъ составныхъ звуковъ *е* и *о*, такъ точно онъ не обошелся и безъ долготы, ибо благозвучіе каждаго развитаго языка требуетъ извѣстнаго сочетанія краткости и долготы; по этому какъ самые звуки *е* и *о* можно въ историческомъ смыслѣ назвать ровесниками образовательнымъ *а* и *у*, такъ и долготу можно въ томъ же смыслѣ назвать ровесницею краткости. Сербскій языкъ, подобно прочимъ Славянскимъ языкамъ, считаетъ тѣ и другіе звуки основными гласными, а въ разсужденіи долготы и краткости не наблюдаетъ между ними исконнаго, стародавняго различія, но отмѣчаетъ ихъ по своему тою, или другою. Вообще просодическое свойство Славянскихъ звуковъ образовалось у себя дома, въ нѣдрахъ самихъ Славянскихъ языковъ подъ вліяніемъ различныхъ мѣстныхъ и временныхъ условій. Такъ какъ оно не составляетъ предмета нашихъ изслѣдованій, то мы, помимо него, обращаемся къ прочимъ свойствамъ звуковъ и прежде разсмотримъ б-у *е*, потомъ *о*.

Происхожденіе звука *е* изъ *а* и *и*, не смотря на всю цѣльность его и самобытность, исторически равную самобытности образовательныхъ звуковъ, весьма ясно обнаруживается въ различныхъ перемѣнахъ, которыя происходятъ съ этою буквою въ Сербскомъ языкѣ. Сдѣсь, быть можетъ, болѣе, чѣмъ

гдѣ либо, при объясненіи служебныхъ явленій этой буквы, нужно прибѣгать къ ея первоначальной составной природѣ. Такъ какъ звукъ *е* былъ слитіемъ твердаго *а* съ небнымъ *и*, то онъ явился полутвердымъ и полумягкимъ. Онъ мягче, чѣмъ *а*, но тверже, чѣмъ *и*: съ таковымъ свойствомъ онъ получилъ выраженіе въ 6-ѣ *е*. Эта полумягкость его, которую все таки назвать должно твердостію въ сравненіи съ совершенною мягкостію, служила не рѣдко къ смѣшенію обоихъ свойствъ этого звука, хотя Кирилица и отмѣтила то и другое свойство отдѣльными начертаніями. Твердое или собственно полутвердое *е* получило начертаніе є; но оно могло сравняться въ мягкости съ мягкимъ ı, принявъ его въ себя, и въ соединеніи съ нимъ выразилось въ начертаніи ѥ. Стало быть, сдѣсь языкъ смотрѣлъ на *е*, какъ на самостоятельный, цѣльный и независимый звукъ съ такою же свободною дѣятельностію, какъ *а* и *у*, ибо допустилъ въ немъ новое сочетаніе звуковъ. Въ такомъ видѣ твердое є и мягкое ѥ внесены были изъ Ц.-Славянскаго въ книжный Древнесербскій языкъ. Но уже въ XII-мъ в., съ первыми туземными памятниками народнаго слова, появилось въ Сербской письменности другое мягкое начертаніе, совершенно равносильное съ ѥ: дважды написано оно, какъ э (А. И; С. № 10), въ чемъ, судя по мѣсту написанія грамотъ, можно видѣть слѣды вліянія Глаголицы, которая, какъ въ Булгаріи, такъ и Хорваціи, имѣла подобное начертаніе для звука *е*[1]; но обыкновенно писалось оно, какъ е (С. № 3 и пр.). Эти два начертанія, ѥ и е, продолжаются вмѣстѣ съ нашими памятниками до конца XV-го ст. Впрочемъ, второе начертаніе появилось въ нихъ не раньше половины XIII-го ст., и тутъ же къ нимъ присоединилось еще третье — ѥ (С. № 22 и пр.); наконецъ показалось и искаженное ее (С. № 27 и пр.). Одновременное стеченіе всѣхъ начертаній, замѣнившихъ древнѣйшее ѥ, не могло, однако, до конца XIV-го в. отнять у него первенство служенія. Въ большей части грамотъ и въ большей части случаевъ употребляется ѥ. Но съ XV-го в. Западныя грамоты начинаютъ весьма часто замѣнять его начертаніемъ е, ѥ, рѣже ее, и даже въ двухъ грамотахъ ѥѥ: [illegible], [illegible] (С. № 101), [illegible], [illegible] (С. № 112). Въ двухъ собственно-Сербскихъ гр-хъ находимъ соединеніе ıе (Г. Б, V), въ одной ие (Г. А), которыя въ подлинникѣ, конечно, были написаны, какъ ıе, ие; но все же таки они замѣчательны разложеніемъ сложной буквы на ея составныя части; рядомъ съ ними писецъ ставилъ и обыкновенное ѥ. Впрочемъ, замѣчу сдѣсь мимоходомъ, въ начертаніи є существовала въ рукописяхъ большая неточность, зависѣвшая отъ различныхъ почерковъ. Отъ того часто бываетъ весьма трудно разобрать, какой звукъ хотѣлъ поставить писецъ, твердый ли є, или мягкій е? Укажу, на пр., на С. № 176, гдѣ рѣшительно почти всюду напечатано е, что не могло конечно произойти отъ смягчающаго свойства языка, ибо какъ бы языкъ ни любилъ смягченіе, онъ до такой крайности никогда дойти не можетъ. Такъ равномѣрно въ грамотахъ Западной семьи начертаніе е доведено до обширнѣйшаго употребленія, такъ что въ одной изъ нихъ, (З.А.), находимъ всюду е и только въ двухъ, трехъ случаяхъ є и болѣе округлое є, [illegible], сподоблѥнь, єго, сєло. Должно думать, что въ е писцы не всегда видѣли мягкость, а приняли его за обычное начертаніе для є. Присоединимъ сюда новѣйшую попытку преобразовать шрифтъ печатныхъ изданій, замѣнивъ всюду є чрезъ е. Спрашивается: какъ же изобразить дѣйствительно мягкое є? Если чрезъ одно ѥ, то это послѣднее существовало въ Древнесербской письменности само по себѣ, независимо отъ е, и имѣло свою

[1] Шафарикъ, Památky Hlaholského písemnictví. V Praze. 1853. Стр. 12, 30. Не списаны ли этѣ грамоты первоначально съ Глаголицкихъ подлинниковъ?

главнѣйшую область употребленія, а именно, Восточную семью грамотъ, тогда какъ ѥ держалось преимущественно въ Западной, что важно для внѣшняго различія памятниковъ по мѣсту написанія. Слѣдовательно, сдѣсь нельзя отыскивать никакой внутренней причины, лежащей въ духѣ языка, а должно видѣть одну лишь внѣшнюю — правописный произволъ, затруднявшій много печатное изданіе памятниковъ. Это смѣшеніе начертаній не мало затемняетъ ученіе о смягченіи б-ы ѥ.

Сербскій языкъ, какъ вообще всѣ Славянскіе языки, не терпя въ началѣ словъ и послѣ гласной широкаго и открытаго подъема голоса, приражаетъ гласныя небнымъ началомъ, отъ чего тѣ кажутся какъ бы сдавленными, узкими. То же дѣлаетъ онъ и съ б-ю ѥ. Но замѣчательно, что въ началѣ словъ звукъ ѥ является столь неопредѣленнымъ, что сравнивать его въ этомъ случаѣ съ ꙗ, или ѹ нѣтъ никакой возможности. Хотя и эти послѣдніе звуки не всегда смягчаются въ началѣ словъ, но если уже смягчились въ какомъ словѣ, то, большею частію, такъ и остаются въ немъ навсегда: по этому слова, начинающіяся съ нихъ, имѣютъ постоянную форму, и рѣдко когда показывается въ нихъ двойственная форма, развѣ какъ исключеніе; въ такомъ случаѣ не трудно отличить господствующую и обычную форму отъ необыкновенной и рѣдкой. Большую стойкость звуковъ ꙗ и ꙙ, ѫ и ю мы можемъ приписать ихъ звуковому отличію, которое нѣсколько замѣтнѣе, чѣмъ въ буквахъ ѥ и ѩ. Б-а ꙗ и въ особенности ѫ звучатъ довольно отлично отъ ꙙ и ю, между тѣмъ, какъ полумягкое ѥ звучитъ очень сходно съ мягкимъ ѩ: по этому писцы и не старались вездѣ тщательно различать этѣ буквы. Въ срединѣ словъ послѣ гласной исключеній, какъ мы видѣли, довольно и для первыхъ двухъ звуковъ, но все таки въ этомъ случаѣ ѥ превосходитъ ихъ. Изъ 200 слишкомъ грамотъ только въ ⅓ находимъ послѣдовательно проведенное смягченіе (Ср. С. №№ 2, 22, 25, 28, 29, 36, 39, 41, 43, 48, 49, 50, 55, 61, 66, 77, 79, 81, 98, 100, 108, 109, 112, 115, 123, 125, 126, 127, 130, 132, 134, 148, 149, 153, 162, 164, 165, 168; А. №№ 3, 4, 5, 7, 9, 13, 15, 17, 18), но и то многія изъ относящихся сюда грамотъ одолжены своею послѣдовательностію сомнительному начертанію ѥ, а въ нѣкоторыхъ не случилось и самого повода къ смягченію б-ы ѥ. Даже, какъ видно, и изъ Аѳонскихъ грамотъ не всѣ избѣжали общаго недостатка въ правильности смягченія. Въ прочихъ грамотахъ, въ большей, или меньшей степени, отсутствуетъ смягченіе въ тѣхъ формахъ, которыя необходимо требуютъ мягкаго ѥ какъ послѣ гласной, такъ и въ началѣ слова, — формахъ, которыхъ мягкость доказывается взаимнымъ сравненіемъ грамотъ между собою. Въ XII-мъ и первой половинѣ XIII-го в. мы, кажется, находимся при самомъ рожденіи того способа, которымъ смягчающее начало языка переходило въ письменность. Можно видѣть постепенное возникновеніе мягкихъ начертаній; можно прослѣдить ихъ усиленіе и расширеніе. Замѣчательно, что въ двухъ весьма противуположныхъ между собою грамотахъ XII-го в., ни въ той, ни въ другой, нѣтъ особаго начертанія для мягкаго ѥ: всюду одно ѥ, если не считать однажды моѥхь (И. А.; Ш. № IV; въ С. № 1 — моихъ) и доколѣ (А. И.; у Ш. № IV и въ С. № 1—доколѣ). Въ первой половинѣ XIII-го в., хотя и показывается ѩ, но только въ двухъ собственно-Сербскихъ грамотахъ (Ш. № VII; С. № 2), въ первой весьма рѣдко, а во второй послѣдовательно. Но после того она пропадаетъ до самого договора Дубровничанъ съ Булгарами (С. № 16), въ которомъ показывается по весьма понятной причинѣ, и потомъ снова исчезаетъ до грамотъ Дечанскаго. По изданію Шафарика, въ этомъ времени появляется ѩ еще разъ въ гр-ѣ № XVIII. Между тѣмъ въ монастырскихъ грамотахъ Ми-

лутина и его преемниковъ оно уже господствуетъ. Равномѣрно є, появившись украдкою въ двухъ Дубровницкихъ грамотахъ (С. №№ 3, 12), появляется такимъ же образомъ въ Дубровницкомъ договорѣ съ Булгаріею (С. № 16) и въ гр-ѣ Уроша I (С. № 21), нѣсколько разъ въ гр-ѣ того же (С. № 22) и до самого начала Западной семьи, во второй половинѣ XIV-го в., существуетъ весьма непримѣтно, показываясь кое-гдѣ урывкомъ; его находимъ и на печатяхъ Милутина и Дечанскаго. Его сопровождаютъ ѥ и єѥ, но еще непримѣтнѣе, чѣмъ оно. Такимъ образомъ, если спросимъ, какою же буквою выражали первоначально Сербы мягкій звукъ є, то отвѣчать должно — б-ю є. Эту букву находимъ вмѣсто мягкаго ѥ не только въ большей части грамотъ, но и въ большей части случаевъ на пространствѣ всего XIII-го столѣтія. Гр-ы С. №№ 4—11, 13, 14, 15 имѣютъ одно только є, кромѣ одного э въ С. № 10. Въ этомъ отношеніи онѣ сходятся съ гр-ми XII-го в. Слѣдовательно, установленіе мягкихъ начертаній происходитъ въ виду Исторіи. Западныя грамоты, болѣе отдѣленныя отъ Ц.-Славянской письменности и по тому менѣе знакомыя съ ѥ, предпочитали ему є; да и самыя Восточныя грамоты, относившіяся къ дѣламъ съ Западомъ, немного отстали отъ нихъ. Напротивъ, въ XIV-мъ в., при отсутствіи Западныхъ грамотъ, чаще начинаетъ показываться ѥ; оно господствуетъ въ Аѳонскихъ, гдѣ є встрѣчается очень рѣдко, а отсюда оно переходитъ и въ другія Сербскія грамоты, появляясь довольно часто въ гр-хъ Дечанскаго, Душана, Уроша V и Вукашина. Но и въ нихъ еще нерѣдко попадается простое начертаніе є вмѣсто мягкаго. Другое начертаніе ѥ иногда появляется на смѣну ѥ, но весьма рѣдко (С. №№ 44, 53, 58; С.-Д. М. № 1). Такой обычай употребленія продолжается въ Восточной семьѣ до самого конца XV-го ст. Въ Законникѣ одно только начертаніе—ѥ, которое, по изданію Шафарика, поставляется только послѣ согласныхъ, а послѣ гласныхъ и въ началѣ словъ вездѣ со строгою послѣдовательностію стоитъ є. Западныя грамоты, съ появленіемъ своимъ во второй половинѣ XIV-го ст., дали новый толчекъ начертанію є, и въ XV-мъ довели его до крайности, употребляя всюду, гдѣ только имъ этого хотѣлось, порою вмѣсто твердаго є. Къ нимъ присоединить должно и одну Черногорскую гр-у (Мл.), тогда какъ въ другой (С. № 60) употребляется ѥ. Средину между собственно-Сербскими и Западными грамотами составляютъ гр-ы Зетскія конца XIV-го в., въ коихъ встрѣчаемъ ѥ, ѥ, є, или, вмѣсто нихъ, простое є, но такъ, что однѣ употребляютъ одно начертаніе, другія другое. Онѣ не любятъ начертанія ѥ и предпочитаютъ ему є и ѥ. Судя по большинству случаевъ, можно съ достовѣрностію заключить, что отличительнымъ начертаніемъ XII-го и XIII-го вв. есть є, XIV-го — ѥ, XV-го — є. Но при этомъ рождается вопросъ: происходитъ ли это различіе дѣйствительно отъ времени, или отъ преобладанія той, либо другой семьи грамотъ? Послѣднюю причину должно признать вѣроятнѣйшею; ибо, какъ мы замѣтили, ѥ господствуетъ въ Восточной семьѣ, є въ Западной; но съ другой стороны, припоминая себѣ государственную жизнь Сербскихъ областей, мы убѣждаемся, что и время также условливало преобладаніе той, или другой семьи грамотъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и преобладаніе того, или другаго начертанія. Смягченіе помощію полнаго и—иє, ıє, не употребляется, кромѣ немногихъ отрывочныхъ случаевъ, на пр., иєдно, -а, -и (С. №№ 3, 115, 141), иєсть (С. № 8), иєлиєномь (Г. А), конємь, конѥмь (С. № 124), ніє (Г. Б), сиєдининь (С. № 142), сръбліємъ, пріємліємъ, възлюбліємн (Г. V). Начертанію иє, не дано иное служеніе—замѣна б-ы ѥ; но съ нимъ не должно смѣшивать простое соединеніе гласныхъ въ окончаніи именъ существительныхъ ср. р.

Тамъ, гдѣ писецъ не хотѣлъ смягчать 6-ы ѥ, въ этомъ случаѣ ѥ есть то же, что ѥ. Чрезъ разныя начертанія мягкаго ѥ мы для каждаго слова, начинающагося съ этого звука, получаемъ нѣсколько формъ: такъ ѥсть (3-е л. ед. ч.) является то просто въ видѣ ѥ, то въ видѣ ѥ, ѥ, то какъ є, єє, и наконецъ какъ ѥ; ѥдинь, ѥдинь, єдинь и ѥдинь; ѥре, ѥре, єре, єєре и ѥре и пр. Можетъ быть, не найдется ни одного слова, начинающагося со звука ѥ, которое бы не существовало въ двойственной формѣ, то съ простымъ ѥ, то съ мягкими ѥ, є, ѥ. Сбивчивость въ начертаніяхъ и частое употребленіе простаго ѥ вмѣсто смягченнаго можно объяснять природою этого звука. Происходя изъ слитія твердаго и мягкаго звуковъ, ѥ не могло имѣть въ себѣ такой твердости, какую имѣло, на пр., а, или о; оно было полумягкимъ; по этому писцы не могли хорошо различить полумягкое ѥ отъ мягкаго ѥ и, смѣшивая оба звука, смѣшивали и ихъ начертанія. Сюда присоединилась, быть можетъ, другая причина—измѣненіе смягчающей силы въ самомъ языкѣ. Мы замѣтили, что собственно-Сербскія грамоты менѣе смягчаютъ а и оу въ началѣ словъ и послѣ гласной, чѣмъ Западныя; то же замѣчаемъ и относительно 6-ы ѥ. Если въ XII-мъ и первой половинѣ XIII-го в. грамоты всѣхъ семействъ, даже Аѳонская Немани, не смягчаютъ, по большей части, звука ѥ, то можемъ заключить, что въ древнѣйшія времена Сербскій языкъ менѣе склоненъ былъ къ смягченію, и что въ послѣдствіи смягчающая сила развилась въ немъ въ большей степени и преимущественно въ тѣхъ памятникахъ, въ которыхъ народность высказывалась яснѣйшимъ образомъ. Уже въ Булгарскихъ кодексахъ, современныхъ началу народной Сербской письменности, часто весьма значительно ощущается отсутствіе смягченія; а извѣстно, что древнѣйшій книжный языкъ Сербовъ былъ общнѣе для всѣхъ Сербскихъ областей и ближе къ Ц.-Славянскому. Слѣдовательно, ранній недостатокъ смягченія и позднѣйшій избытокъ его въ древнемъ Сербскомъ книжномъ языкѣ должны быть отнесены къ двумъ одновременно и согласно дѣйствовавшимъ причинамъ: во первыхъ, большей, или меньшей близости этого языка къ Ц.-Славянской стихіи и происходившему отъ того сжатію, или расширенію народнаго смягчающаго начала, во вторыхъ, природѣ полумягкаго звука ѥ, который въ началѣ, не будучи еще хорошо сознанъ писцами, выражался одинаково, какъ въ полумягкой своей формѣ, такъ и въ совершенно мягкой, и только уже въ послѣдствіи, при содѣйствіи народности, получилъ болѣе опредѣленное и разумное значеніе, начавши примѣтно отличаться отъ мягкаго ѥ. Что большему отличію его отъ мягкихъ ѥ, є, ѥ помогла народность, то это видно изъ того, что съ теченіемъ времени въ XV-мъ в., при большемъ развитіи народнаго начала, твердое или собственно полутвердое ѥ, замѣняющее мягкое ѥ, начинаетъ рѣдѣть и, не смотря на то, что все таки попадается въ большей части грамотъ, случаи эти несравненно малочисленнѣе предыдущихъ. Смягчающая сила народности помогла различенію обоихъ звуковъ и, давши перевѣсъ мягкому, ввела вмѣстѣ съ тѣмъ въ огромные размѣры употребленіе мягкаго его начертанія, и при томъ такъ, что это начертаніе вскорѣ дошло до крайности въ слѣдствіе излишней любви древнихъ Сербовъ къ смягченію. Но повторю, крайность эта нѣсколько умѣряется тѣмъ предположеніемъ, что мы иногда не можемъ хорошо разобрать почерка грамотъ и видимъ є тамъ, гдѣ ни писецъ, ни самый духъ языка не думали вовсе ставить мягкаго звука въ замѣнъ твердаго. Впрочемъ, одной народности нельзя приписывать распознаніе мягкаго начертанія отъ твердаго. Правда, Ц.-Славянскій языкъ дѣйствовалъ со стороны твердаго ѥ, а народный со стороны мягкаго є, тѣмъ не менѣе правильное и послѣдовательное упо-

требленіе є и ѥ въ нѣкоторыхъ Аѳонскихъ грамотахъ показываетъ, что начитанность писцовъ въ Ц.-Славянской письменности въ ея обширномъ объемѣ открывала имъ иногда вѣрный смыслъ обоихъ начертаній и наводила на путь правильнаго употребленія. Вообще XIV вѣкъ отличается бо́льшимъ равновѣсіемъ обоихъ начертаній. Съ другой стороны, какъ самая неясность начертанія є, заставлявшая принимать его вмѣсто ѥ, такъ и свойство Западнаго подрѣчія, произносившаго и писавшаго ѣ, какъ мягкое и вытянутое є, слѣдовательно, какъ е, ѥ, ее, ѥѥ, ие, даже ꙗ, умножили употребленіе мягкаго начертанія въ Западной семьѣ XV-го вѣка. Вотъ по чему такое разнообразіе въ видахъ употребленія звука є встрѣчаемъ въ нашихъ памятникахъ. Но оно не лишено, какъ мы видимъ, повременныхъ степеней, составляющихъ наружное отличіе памятниковъ извѣстнаго возраста Древнесербской письменности.

Звукъ є возникаетъ чрезъ усиленіе изъ ь въ мѣстоименныхъ формахъ отъ сь и чьто, въ формѣ мнѣ (дат. ед.) и въ нарѣчіяхъ отъ вьсь и сь и пр. Не привожу другихъ примѣровъ усиленія, ибо въ нихъ Сербское словообразованіе не представляетъ ничего отличительнаго.

Б-а є замѣняетъ б-у а въ слѣдующихъ словахъ: инѹде, нѹде, дотоле, доколе и пр. (см. в.), тресоуиписнихь (С. № 2), хлемь (т. е., хлимь, хльмь), бра̀кемь (А. № 6), ср. браѣнь, т. е., бранимь (С. № 65), каде (т. е., када, Г. А; С. №№ 87, 121), алексѯендрь (С. № 61), мерьсили (С. № 18), вѐсилѣева (А. № 19), повеление (вин. мн. ср. р., С. № 95), кнезомь (С. №№ 92, 97); въ послѣднихъ двухъ примѣрахъ є замѣняетъ ѣ, а это стоитъ уже вм. ꙗ; жигьмѹнде, -ньте (род. ед., С. №№ 97, 100), кьде (С. № 109), ср. кьда и кьди; ѯгоре,-е, иѯгоре (С. №№ 107, 110, 124, 125, 145), ср. ѯгорь,-а (мн. р.), днекѹ (С. № 158); въ союзѣ де (да, такъ какъ, С. №№ 8, 14). Въ словахъ: еѵкара (С. № 103), иѵкара (С. № 106) она замѣняетъ Латинское *ja*. Замѣтимъ еще форму печетию (С. № 100), которая попадается только однажды, между тѣмъ, какъ печатию,-ью, -ю, ѯапечатити, печатию,-ом и т. д. встрѣчаются очень часто согласно съ нынѣшнею *печат*. Такъ и въ Ц.-Славянскомъ языкѣ; но въ Польскомъ это слово имѣетъ носовое произношеніе, чѣмъ и объясняется вышеприведенная Сербская форма съ е.

Б-а є замѣняетъ и въ словахъ: прѣбѣжени (С. № 3), е̏ньктиѡмь, ендикѝ, ӗндиктиѡна, е̏нктиѡ, еньдиктиѡ, ей (С. №№ 16, 21, 49, 50; А. №№ 9, 14), нашемь (тв. ед. муж., А. № 10), хеландаро, црьке (им. ед.) (А. № 14), емати (С. № 9), примлати (А. № 17), прїемь, прїемь (А. № 20), испльните (неок. н., С. № 176), меньчетнѣѹ (С. № 59), дороѳеи и дороѳїѡмь (С. № 66), ме (т. е., ми, С. № 73), племенета, поутети (С. № 77), вседрьжетелѹ (С. № 89), свободнехь (род. мн., А. № 17), амень (С. №№ 93, 116, 117, 140, 152, 154, 162), да служеѣ (пов. дв., С. № 143), ерина, ерьна (Ирина, С. №№ 130, 146, 147). Сверхъ того б-ы є и и смѣняются въ различныхъ формахъ, являющихся при движеніи словъ; но объ этомъ послѣ. Сдѣсь замѣчу только, что во многихъ случаяхъ не должно забывать, что є стоитъ вмѣсто ѣ, и что, стало быть, въ смѣнѣ съ и главную роль играетъ не є, но ѣ. Еще объ одномъ случаѣ смѣны надлежитъ замѣтить: это въ окончаніи собственныхъ именъ на ие, ѥ, которыя въ Ц.-Славянскомъ произносятся, какъ ии, ои. Изъ сравненія этѣхъ двухъ формъ съ подобными въ древнѣйшихъ Индоевропейскихъ языкахъ открывается, что въ старину конечный звукъ и произносился сдѣсь полно, а не сокращался въ половинный; отъ того и возможна была смѣна его съ б-ю є. Именъ съ тако-

вымъ окончаніемъ встрѣчаемъ не мало: **радое,-е** (А. И.; С. NN[o] 14, 84, 118, 133, 145, 150, 179), **десое** (С. N[o] 5), **кладое** (С. NN[o] 36, 176), **прикое, е** (А. N[o] 5; С. NN[o] 66, 176), **алеѯіе, акакіе, коринаіе, власіе, макаріе** (А. N[o] 11), **сладое,-е** (С. NN[o] 57, 120, 144), **кратое, градое** (С. N[o] 78), **прѣкое** (С. N[o] 84), **макаріе, феωосіе** (А. N[o] 19), **наское,-е** (С. NN[o] 97, 100, 137, 138), **рестое** (С. N[o] 136, 140; З. А.) и пр. и пр. Другаго произношенія для подобнаго окончанія мы и не находимъ. Нынѣшній языкъ произноситъ точно такъ же.

Б-а **е** замѣняетъ **о**: **комоужде, когожде** (А. N[o] 1), хотя сдѣсь **жде** постановлено съ большею послѣдовательностію, чѣмъ **ждо**; **иоуждею** (А. N[o] 16), **ѯвестием,-ом** (С. N[o] 62), **поѯевати се** (А. N[o] 10), **поѯева, сѹхедольске** (А. N[o] 19); чрезъ смягченіе въ формахъ: **анше** (С. NN[o] 13, 25; А. NN[o] 4, 6), ср. **анхо** (С. NN[o] 146, 147; Мл.), **еще, юще, еще, еще, еще** (С. NN[o] 5, 22, 39, 66, 89, 176; Г. А; Мл.; А. NN[o] 4, 5, 12, 19), ср. **ощь,-е,-е, ощь,-е** (мн. р.). Посредствующая между ними форма есть **поще** (С. N[o] 101); **юсении** (А. N[o] 6), **машаинцоу, юрдань** (С. N[o] 176), **еіха** (А. N[o] 5) и пр.

Въ формахъ **гвиделика** (С. N[o] 73), **видеіи** (С. N[o] 77) б-а **е** замѣнила **ѣ**.

Важнѣйшее служеніи б-ы **е** состоитъ въ замѣнѣ носоваго **ѧ**, **ѩ** во всѣхъ родахъ его служенія. Кромѣ двухъ словъ **ѧдрь** и **кнаѯь** (см. в.), мы во всѣхъ нашихъ памятникахъ находимъ всюду **е**, **ю**, вмѣсто **ѧ**, **ѩ**. Замѣна эта возникла ранѣе письменности, и по тому, съ водвореніемъ въ Сербіи книжнаго языка, звукъ **е** уже постоянно, безъ колебанія, занималъ мѣсто носоваго **ѧ**. Въ древнѣйшую пору, отъ которой дошли до насъ только иностранные источники, мы встрѣчаемъ у Багрянородного *Τζέντινα*, *Τζέντζηνα*, но у него же *Τζεέσθλαβος*; у Анны Комниной *Σφεντζάνιον* и въ Латинскихъ грамотахъ *Zenta*, которое у Багрянороднаго звучитъ уже *Ζετλήβη*, *Vekenego*, *Cetina*, *Svetoslavus*[1]. Въ нашихъ древнѣйшихъ памятникахъ: **име, присеѯаю, ходе** (ходатъ), **кнеже, десеть, мѣсеца** (А. И.), **постави ѡви цре дроугие кнеѯе, еѯикі, хоте** (хотяи), **ме, ѿ ѯемле, ѯахехьсе, стые и прѣславьние владице наше бце, чести его погибьше, ѡпеть, приходе** (приходатъ), **е** (**ѩ**, вин. мн. муж.) и пр. (А. N[o] 1). Сдѣсь, разумѣется, **ю** стоитъ на сторонѣ **ѩ**. Такова должна быть положительная и правильная замѣна звуковъ; но такъ какъ мы уже видѣли, что часто **е** замѣняетъ собою **ю**, то по этому и отношеніе обоихъ звуковъ къ обоимъ носовымъ измѣняется. Впрочемъ, сдѣсь нѣтъ ничего страннаго и непонятнаго. Причина этому явленію заключается не въ тожествѣ звуковъ **ѧ** и **ѩ**, ни въ отношеніи ихъ къ **е** и **ю**, но она возникаетъ уже въ области самого звука **е**: такъ, на пр., всюду пишется **кнеѯь**, но изъ этой формы, по смягчающему свойству Сербскаго языка, является **книгиња** (А. N[o] 6), **ѯемле** и **ѯемлю** и т. д. Любопытно видѣть, какъ носовой звукъ сохранился въ именахъ мѣсяцевъ. На ряду съ формами безъ носоваго произношенія показываются мѣстами формы съ остаткомъ этого произношенія, выраженномъ въ б-ѣ **м**; такъ находимъ: **ѡктебра** (С. NN[o] 40, 116), **сектебра** (С. N[o] 61), **ноебра** (С. N[o] 67), **новебра** (С. NN[o] 110, 151), **декебра** (С. N[o] 97) и **декембра, декембьбра** (С. NN[o] 68, 92, 105), **декебріа, декембріа** (С. NN[o] 90, 91), **декембрия** (С. N[o] 107), **декебріа** (С. N[o] 111), **дечембьбра** (С. N[o] 140), **ноебріа** (А. N° 15), **новембрія**, (С. N° 121), **новембьбра, новембра** (С. NN[o] 150, 153, 154), **ѡктембра** (С. N° 117), **сентембріа** (С. N° 133), **декебра, сектембра** (С. N° 158); одинъ носовой звукъ смѣшанъ съ другимъ въ словѣ **ѡктомбріа** (С. N° 175).

---

[1] Шафар., Serbishe Lesekörner, стр. 31.

Отъ этого важнѣйшаго служенія б-ы е переходимъ къ другому, не менѣе важному, — замѣнѣ ею б-ы ѣ. Стоитъ только заглянуть въ древніе памятники, чтобы увидѣть, что сдѣсь господствуетъ совершенное смѣшеніе: поминутно е, или и являются вмѣсто ѣ, и на оборотъ, ѣ вмѣсто е, и. Объясненіе причины этого явленія мы отложимъ, какъ и при б-ѣ и, до изслѣдованія о б-ѣ ѣ: сдѣсь предложимъ обзоръ однихъ только явленій. Если при б-ѣ и мы только въ одной семьѣ и только въ извѣстную пору нашли господствующею замѣну б-ы ѣ б-ю и, то и въ смѣнѣ б-ъ е и ѣ, должны обратить вниманіе на различіе мѣстности и времени написанія грамотъ. Въ этомъ отношеніи е, кажется, идетъ въ противномъ направленіи съ б-ю и: тогда какъ послѣдняя вступаетъ въ послѣдовательное и полное служеніе для замѣны б-ы ѣ только уже со второй половины XIV-го ст. и въ Западной семьѣ грамотъ, б-а е, напротивъ того, показывается наиболѣе замѣняющею ѣ въ самомъ началѣ появленія грамотъ и продолжаетъ свое служеніе, постепенно слабѣющее, до второй половины XIV-го в., а съ этого времени, по причинѣ появленія во множествѣ Западныхъ грамотъ, теряетъ совершенно свою послѣдовательность и обнаруживается въ позднѣйшихъ памятникахъ столь же слабо, какъ слабо обнаруживалось и въ древнѣйшихъ. Такимъ образомъ время господствованія е есть XIII-й вѣкъ; время господствованія и есть XV-й вѣкъ; первое принадлежитъ преимущественно Восточной семьѣ, второе Западной. Но отъ простаго е должно отличать мягкое ѥ. И нынѣ б-а ѣ розно звучитъ въ Сербскихъ подрѣчіяхъ: въ Герцеговинскомъ, какъ *е*, въ Ресавскомъ, какъ *е*. Въ послѣднемъ *е* короткое и чистое; въ первомъ *е* долгое и не только смягченное, но даже вытянутое въ *ие*. По этому, что сказано о б-ѣ е, того нельзя сказать объ ѥ, є, ꙇ, ие. Замѣна б-ы ѣ этими послѣдними начертаніями преобладаетъ въ XV-мъ в. въ Западной семьѣ. И если возмемъ полный звукъ е во всѣхъ его измѣненіяхъ, какъ твердый и мягкій, чистый и приражeнный, то должны сказать, что замѣна б-ы ѣ б-ю е присуща всѣмъ вѣкамъ и свойственна всѣмъ семьямъ грамотъ. Сдѣлаю сдѣсь оговорку: въ примѣрахъ, которые буду приводить, можетъ быть, многимъ покажется ненужною замѣна б-ы ѣ б-ю е. Въ самомъ дѣлѣ, употребленіе б-ы ѣ нельзя строго провести по всѣмъ Славянскимъ нарѣчіямъ; въ одномъ и томъ же нарѣчіи она является въ своемъ видѣ, или съ извѣстнымъ перезвукомъ, то въ видѣ мягкаго, индѣ даже твердаго *е*. Приводя примѣры для древнекнижнаго Сербскаго языка, я имѣю въ виду тѣ же самыя слова въ нынѣшнемъ Сербскомъ же языкѣ и отчасти Д.-Булгарскомъ. Такъ въ гр-ѣ Кулина уже встрѣчаемъ двойную форму доколэ и доколѣ, но во всѣхъ прочихъ случаяхъ ѣ строго выдержано. Замѣчательно, что и въ гр-ѣ Немани того же вѣка различіе между е и ѣ всюду сохранено. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что въ тѣхъ грамотахъ, въ коихъ обнаруживается пристрастіе къ б-ѣ ѣ, выражающееся въ замѣнѣ ею б-ы и, какъ и въ упомянутой гр-ѣ, смѣна ея съ б-ю е происходитъ гораздо рѣже, и употребленіе ея соблюдается правильнѣе. Въ XIII-мъ в.: ѡбекати,-ан,-кываюсе (С. №№ 2, 7, 9, 21), теби,-е (С. №№ 8, 12, 14, 16), ѡбетикали, ѡбетание, обетованиѣ (С. №№ 8, 17, 21), света,-омь (совѣтъ, С. №№ 8, 12), верьни,-о, напредь (С. №№ 8; Ш. №№ XVI, XVIII), пленовал̾ь, даже вѣроятно и союзъ де вм. дѣ (С. № 8), хтениемь (С. № 12), ꙃде, делом̾ь, ѡньцние (дат. ед.), пресѣв, деть (С. № 14), девию,-ою, верою (С. №№ 14, 16), века (С. № 14; Ш. № XVIII), придели, пределехь, телахь,-ехь, доколе, имети (Ш. №№ XVI, XVIII), годе гневь,-ѣь (С. №№ 16, 17), дьвѣ неделе, време, потребѣ, на бро-

дє, на мостє, вь градє, на сьборє, мєсто, вь онєхь законєхь, вєлома, на свѧтє, хьтєнию, нєкомоу и пр. (С. № 16; Ш. № XVI), **повєлєниє, обрєтє, нєврєгкии** (С. № 17), **гдѧ** (С. №№ 17, 21), **вьсєи, вєдєниє, нєкомоу** (С. № 20; Ш. XVIII), **трѣвє, доколє, прєгє, прєдь** (С. № 21), **привєгнє** (С. №№ 21, 26), **грѣвєша** (С. № 25). Въ XIV-мъ вѣкѣ: **немощна** (А. № 2), **одєгн, обєжоу** (А. № 6; Мк.), **вєщай, вєщай** (А. №№ 3, 5), **оннєудє** (А. №№ 3, 4), **обєщаний, о- обєщаниє,-єє, обєщасє, обєщавамсє,-васє,-навамь** (А. №№ 4, 5; С. №№ 53, 55, 64, 69, 176), **о- коудє, кѫдє** (А. № 4; С. №№ 67, 73; З.), **вєдомо,-дѣщє, свѣниє,-є** (С. №№ 33, 43, 70, 73; А. № 14), **гнєвь, да нє, ѹ градє** (С. № 33), **призрєнь,-нє,-нскога** (С. № 33; А. № 8; Г. А), **корєнє** (С. № 52; А. № 10), **гдє, гє, гдє** (С. №№ 36, 43; А. №№ 5, 8, 12; Ш. № 14; З.), **оньдєзи, ондєзи** (С. №№ 36, 73), **свєщаниємь, о заповєдєхь, всєми, идєжє, завєща, смотрєнию** (С. № 176), **зє, здє, зє** (С. № 176; А. №№ 5, 7, 14), **вєли,-а** (А. №№ 8, 11), **прї- идєтє** (А. № 8; С. №№ 53, 62), **вєлєть, мєдвєть, брєгомь, знєзо, тєизи** (А. № 8), **нє** (**нє н**), **вєка** (С. № 40), **околє, оклєи** (С. № 40; А. № 11), **видєти,-дєвь** (С. №№ 41, 47, 70), **тєбє** (С. № 41), **мєдиникь, идє** (А. № 5), **нєма,-аю** (А. №№ 5, 14), **вь хрисовоулє, савє** (дат. ед.), **отлєи** (А. № 11), **дєлании, содєлахь, дєлаль, дєлаль** (А. №№ 11, 13, 14; С. № 50), **нзволєнию, прєбивами** (С. № 35), **напрє** (С. № 43), **всємь, вьсємь** (дат. мн., А. № 12; Г. А; С. № 73), **доклє, -є** (А. №№ 12, 15; С. №№ 55, 58, 69, 73; З.), **просєчєникь, доидєжє, полєшанє** (А. № 12), **лєта, обєтоканїль, всємъ, врєжєнѧ, дєцамъ, хотєнїє, повєлєнїємь** (С.-Д. М. № 1; въ С. № 46 всюду **ѣ**), **вьсхотє, имє.** (С. № 47), **нєдь-, добродєтєлнїє, вь Ієросолимє, запоустєти, при логофєтє** (Г. А), **молєнию** (С. № 63), **жрєби, извєстиєм** (С. № 62), **повєлєниє, -ниємь** (С. №№ 62, 73), **хотєниє, члобєкѹ** (С. № 70), **годє** (С. № 72; З.), **тѫдєзи, да припобємь, прє-** (С. № 73), **обитєли** (А № 17), **младєна, мєща** (А. № 15), **многє злобѣ, нєдєлиє, по пизмє, о издакє, онємзи** (дат. мн.), **тємждє, тоудє** (З.), **вєрнї, вєри, благовєрны, -ні** (печ., А. №№ 5, 9, т. XI; Р. III, стр. 1) и пр. и пр. Изъ этого обзора явленій мы легко можемъ замѣтить, что **є**, замѣняющее **ѣ**, господствуетъ въ XIII-мъ в., не смотря на стеченіе грамотъ различныхъ семействъ и на то, что Западныя грамоты, по мѣсту написанія своего, принадлежатъ къ подрѣчію, которое **ѣ** произноситъ не какъ *е*, а какъ *е*, *ие*. Этимъ доказывается еще разъ то, что замѣтили мы прежде объ общности книжнаго языка въ древнѣйшей Сербской письменности. И здѣсь, какъ въ полугласныхъ, признакъ Восточной семьи господствуетъ и въ Западной: явно, что книжный языкъ, употреблявшій Кириллицу, возникъ первоначально въ восточной Сербіи, въ нѣдрахъ православія, и потомъ перешелъ въ западную. Такъ и должно быть: это естественный путь и вѣроподобнѣйшая догадка. Потомъ **є** продолжается нѣсколько слабѣе въ XIV-мъ в.; собственно-Сербскія и Зетскія грамоты поддерживаютъ его существованіе. Посмотримъ теперь его дальнѣйшую судьбу въ XV-мъ в. въ собственно-Сербскихъ и Черногорскихъ грамотахъ: **мнєщє** (С. № 90), **ондєзи, по градовє** (С. № 91), **оу, по трьговє** (С. №№ 91, 111, 137), **коудє, кѫдє** (С. №№ 91, 111, 137; А. № 19), **гдє, гдє, гдє** (С. №№ 91, 111, 137, 138; Мл.), **индє, индє, индє, инє** (С. №№ 91, 111, 137; А. № 18), **тоудє, тоудєи, тѫдє** (С. №№ 91, 111, 137; Мл.), **по дєлѹ, забєла** (А. № 19), **лєщиє, всєми, Іоудє** (дат. ед.), **вєщашє, освєнь** (А. № 17), **здє, здє** (С. № 175; С.-Д. М. 1844), **догдє, побєни, нєси** (2-е л. ед.), **всѫдє, дрєво** (С. № 111), **хотєль** (С. №№ 111, 137), **ондє, ондє** (С. №№ 111, 137; Мл.), **годє,**

го́де (С. №№ 111, 137; А. № 17; Г. Б; Мл.), нигде, нигѣ (С. №№ 111, 137), въ манастыре (С.-Д. М. 1844), напредь (С. № 137), прѣ (С. №№ 137, 148), докле (С. № 137, Г. Б), двесте, бѣло, на праведе, раꙁе, дѣю, не (не и) (С. № 146; ср. С. № 147), послеми (С. №№ 146, 147), вероканіе,-ние, ꙁаповеди (С. №№ 146, 148), виденне, в писме (С. № 148), верните (С № 149), в тѣ, виденеми (С. №№ 165, 166), белегь, вьсемь, раꙁсечен, вь Іерме, ꙁапоусте (Г. Б), вь стей горѣ, себеже, идеже (С. № 178), на месте, сѫщиименитниши, хотеніемь, на уедехь, беꙁгѣхь, оу рѣце (Мл.), приꙁреніе, вьсемъ, уьстнейшіи, по сихе, вь блажени коньчиние, деда, обещаваемъсе, месеца (Г. V), вь свѣте, имени, тебе, прѣвечными, на трапеꙁе, благовѣрна, на прѣстоле, две цѣте, вьсестви и прѣнепорочни (А. № 20). Такимъ образомъ мы находимся въ самой той средѣ, въ которой наиболѣе дѣйствуетъ замѣна б-ы ѣ б-ю е. Но ни одна изъ означенныхъ грамотъ не лишена вовсе б-ы ѣ: всѣ онѣ употребляютъ ее наровнѣ съ е. Отъ того формы, приведенныя нами въ примѣрахъ, являются и съ б-ю ѣ; ихъ двойники находятся не только въ другихъ односемейныхъ и одновременныхъ съ ними грамотахъ, но даже встрѣчаются иногда въ тѣхъ же самыхъ грамотахъ, откуда и онѣ взяты. Укажу на нѣкоторыя двойственныя формы: такъ на пр., помимо словъ съ е, находимъ тѣ же слова и тамъ же съ ѣ: тебѣ (С. №№ 1, 3), доколѣ (С. №№ 1, 8, 17, 20), вѣрно, дѣте (С. № 2), ꙁдѣ (С. №№ 3, 15), хтѣниемь (С. № 7), обѣть (С. №№ 9, 16), дѣлию (С. № 12), грѣбѣша (С. № 14), покаяние, обѣщаи, гдѣ, обрѣте (С. № 17), придѣли, врѣмене (С. № 16), отсѣлѣ (С. № 19), имѣти (С. № 20), доколѣ, прѣдь (С. № 21), гнѣꙁо, мѣдѣницами (А. № 2), одѣяний, прѣбывати (А № 4), мѣдѣнь (С. № 36), приꙁрѣньскоу, брѣгь (С. № 176; А. № 11), прѣге (С. № 39), приꙁрѣния, -и, -ѡ (А. № 7; С. №№ 35, 50), свѣдѣние (С. № 42), отѣми, одѣждами, обытѣли (н. р.,) (А. № 11), отиноудѣ (А. № 10), корѣне (С. № 35), дѣлнь (А. № 12), неврѣжѣниꙗ (А № 12; С. № 50), идѣте (А. № 13; С. № 50), вѣлѣгомь, подавшаю, обитѣлиꙗ (А. № 14), ꙁабѣла (Ш. № 15), вѣдѣ (А. № 19), лѣпине (А № 17), освѣчениа, поменѣниемь, ꙁрѣнию, ꙁѣ (А. № 16), доклѣ (С. № 111), коудѣ, годѣ (С. № 137), напрѣдь (С №№ 137, 138), вѣрокана (С. № 146), бѣло (С. N. 147), дрѣво (С. №№ 34, 70, 71, 91, 176) и пр. и пр. Довольно этихъ примѣровъ, чтобы удостовѣриться въ томъ, что иногда даже однѣ и тѣ же грамоты передаютъ одно и то же слово въ двухъ видахъ, то съ е, то съ ѣ. Не говорю уже о томъ, что на всякое слово съ е можно привести изъ другихъ односемейныхъ грамотъ по два и по три слова съ ѣ. Оставимъ пока Восточныя грамоты и перейдемъ къ Западнымъ. Мы замѣтили, что въ XIII-мъ в. и этѣ грамоты не слабѣе Восточныхъ поддерживаютъ замѣну б-ъ е и ѣ. Исчезнувъ на время, онѣ появляются снова въ концѣ XIV-го в. и наполняютъ собою весь XV-й вѣкъ. Если взглянемъ на однѣ только Восточныя грамоты, то увидимъ, что смѣна б-ы ѣ б-ю е не ослабѣваетъ въ нихъ съ теченіемъ времени; но если взглянемъ на обѣ семьи вдругъ и примемъ въ расчетъ объемъ и количество ихъ, то замѣтимъ, что эта смѣна является уже нѣсколько въ иномъ видѣ. Въ Западныхъ грамотахъ уже преобладаетъ употребленіе мягкаго е вмѣсто ѣ, и вообще этѣ грамоты какъ-то не любятъ упомянутой смѣны, ибо количество примѣровъ не отвѣчаетъ ихъ числу и объему; онѣ то претворяютъ ѣ въ и, то изображаютъ его чрезъ ие, т. е., протянутое мягкое е, какъ бы ие, и тѣмъ избѣгаютъ излишнихъ случаевъ смѣшенія, которые могли бы возродиться при начертаніи ѣ. Впрочемъ, изъ нихъ Турецкія грамоты весьма любятъ замѣнять ѣ б-ю е, въ чемъ

онѣ ближе подходятъ къ Восточнымъ, нежели къ Западнымъ. Въ Турецкихъ находимъ, по примѣру Восточныхъ, весьма часто е вм. ѣ: **ꙁаповедѹи**, **повелени**, **гневь** (С. № 113), **овьдѣѣ страни**, **летѡ и лѣто**, **повеленіемь**, **големаго**, **сведоѹчаства** (С. № 164), **ведети**, **ѹвеки**, **вериимь**, **гѡде**, **ꙁаповеѹ҃ѣ**, **ꙁаповедь**, **две**, **гневь**, **на те**, **вѹде**, **лето**, **месеца** (С. № 168), **ведомоѡ**, **големоѡ**, **славеть** (С. № 173), **видети**, **ѹлѡвеѹасние**, **все**, **наследникь**, **неверань**, **на превлаци** (С. № 37), **потоле**, **ведети**, **верпога**, **превеꙁѹ**, **-ꙁете** (С.-Д. М. № 2). Въ прочихъ Западныхъ читаемъ: **ѡ ѹветехь**, **вь лѣтехь** (С. № 66), **доколе**, **-е**, **донле** (С. NN№ 66, 68, 83, 98, 101, 115), **ѡбещасе**, **-ини**, **ѡбетѹемо**, **-емо**, **ѡбещавамьсе**, **-ѣвамо**, **ѡбекмно**, **ѡбетовано**, **-ние**, **ѡбетѹемосе** (С. NN№ 66, 78, 82, 108, 112, 115, 121, 126, 133), **пре-** (С. № 68), **ѿселе**, **навиѣнета** (С. № 77), **поспешениемь** (С. № 82), **последни**, **последни**, **-ѣмю**, **-ѣни** (С. NN№ 89, 127, 128, 133, 163; Ш. № 16), **ꙁаверѹемо**, **ве- ве- верованомь**, **-ньмь**, **-не**, **-и**, **-о**, **-не**, **-ти**, **верѹемо** (С. NN№ 96, 112, 115, 119, 121, 123, 126, 127, 130, 155, 170, 172), **мене** (дат. п., С. № 97), **дотоле**, **дотлеи** (С. NN№ 83, 98, 115), **ѿ- ѿколе**, **-е** (С. NN№ 101, 127), **пре и напрѣ**, **ѹ ꙁаконехь**, **ꙁаветѹемсе** (С. № 107), **ѹветь**, **ѹветь**, **ѹветь**, **-ехь** (С. NN№ 112, 126, 127, 136), **колени**, **-енѹ**, **време**, **врьеме и врѣме** (С. NN№ 112, 127), **видение**, **големомѹ**, **тесмь**, **десль**, **делѡ**, **неедиога ѹловека**, **реѹь**, **света** (С. № 112), **ꙁвеꙁдникь** (С. NN№ 112, 115, 119, 121, 123, 126, 130), **ꙁаповедь**, **-едь**, **-еди** (С. NN№ 112, 126, 130), **летѡ**, **лето**, **-а** (С. NN№ 112, 133, 155), **вѣрѹ**, **верѹ**, **-е** (С. NN№ 112, 115, 133), **годе**, **-е** (С. NN№ 74, 112, 126), **ѹ сѹде**, **-обехь ꙁлатехь** (С. NN№ 115, 130), **сведе** (С. № 120), **венаѹаць** (С. № 121), **ва венице** (С. NN№ 123, 126), **прьедь**, **ѡбею странѹ** (С. № 123), **ѡбема**, **двести**, **ꙁдеал**, **беле** (С. № 126), **сведоци** (С. № 127), **ѹ покладехь** (С. № 128), **виденое**, **две**, **белегомь**, **ꙁьвеꙁдницѹ**, **свешиакь**, **свещникь** (С. № 130), ср. **свещникьи** (С. № 176), **светлиемь**, **-лемь**, **наследникь**, **раденовика**, **ва славе**, **ѹ дрьжаве**, **славеть**, **са иꙁбранеми**, **-иеми**, **ва светехь и светѣхь**, **хотение**, **всеми именованеми**, **ко ѡнемь** (С. № 133), **добреми**, **-е** (С. NN№ 133, 157), **века**, **-и**, **-омь** (С. № 133; Ш. № 16), **промененоѡ**, **ѡ потребе** (С. № 135), **пресветаго и прѣсвета**, **ѿтоле** (С. № 144), **пред и прѣд** (С. № 74), **ѹ нѣне дрьжаве** (С. № 145), **месеца** (С. NN№ 155, 158, 170), **наследникѹ** (С. № 155), **понеделникь** (С. № 158), **видевши** (С. № 166), **смерьно** (С. № 172), **ѡсвень**, **детца** (Ш. № 16) и пр. и пр. Что же замѣчаемъ мы въ этихъ примѣрахъ? Въ нихъ, по большей части, ѣ изображено чрезъ мягкое ѥ, є. Вспомнимъ также, что е могло иногда звучать, какъ ѥ, и что Сербы не всегда видимо смягчали его тамъ, гдѣ произносили мягко: часто одна и та же форма пишется то съ е, то съ ѥ. Отсюда справедливо можемъ заключить, что многіе случаи замѣны б-ы ѣ б-ю е должно отнести къ замѣнѣ ея б-ю ѥ. Въ какихъ же грамотахъ е звучало, какъ е, и въ какихъ оно звучало, какъ ѥ? Рѣшеніе этого вопроса могло бы послужить къ рѣшенію трудной задачи уяснить въ грамотахъ то, или другое подрѣчіе, различаемое на основаніи звука *ѣ* въ нынѣшнемъ Сербскомъ нарѣчіи; ибо въ одномъ *ѣ* звучитъ, какъ чистое, короткое и открытое *е*, въ другомъ, какъ долгое и приращенное мягкостію *е*. Но для грамотъ этотъ вопросъ остается нерѣшеннымъ. Писцы не соблюдали точности въ написаніи е и ѥ, ѥ, є, тамъ, гдѣ это начертаніе они употребляли для звука ѣ,—не соблюдали ея по тому, что и въ другихъ случаяхъ не вездѣ различали начертанія е и ѥ, ѥ, є, хотя, вѣроятно, знали ихъ настоящее произношеніи въ устной рѣчи. Спутанность еще болѣе увели-

чилась отъ преобладанія смягчающей силы, вторгшейся вмѣстѣ съ народностію въ грамоты XV-го в. и заставившей є звучать, какъ ю, тамъ, гдѣ бы не слѣдовало по общимъ звуковымъ законамъ. Еще вопросъ: ѣ или, какъ пишутъ его теперь по Герцеговинскому подрѣчію, *je*, *uje*, т. е., *e*. *ue*, или, по правописанію многихъ грамотъ, ıє, Іє, ıѥ, ıє, не есть ли то же, что ю, ю? Если и мягкое є писалось иногда, какъ ıє, Іє, т. е., какъ ѣ, то какая будетъ разница между нимъ и б-ю ѣ? Ни какой. Если въ грамотахъ находимъ ьє, ьє вмѣсто ѣ (С. №№ 82, 120, 123), то ясно, что ѣ звучало совершенно, какъ ю, а по тому очень естественно, что писцы смѣшивали начертанія, ими придуманныя для ю и ѣ. Если наконецъ находимъ формы: своимь и своѣми (С. № 101), странѣга и страинѣга (С. №№ 112, 126), и если въ гр-ѣ С. № 112, по многочисленности случаевъ, убѣждаемся, что ѣ изображено въ ней, какъ ю, то не слѣдуетъ ли изъ того заключить, что звуки ѣ и ю были смѣшаны въ XV-мъ в. въ грамотахъ Западной семьи? Одно, что можно замѣтить и утвердительно сказать: это, во первыхъ, то, что начертаніе ѣ, какъ взятое изъ Кириллицы, не подходило хорошо къ тѣмъ звукамъ Сербскаго нарѣчія съ его подрѣчіями, для выраженія которыхъ оно было назначено; а во вторыхъ, то, что звукъ, выраженный въ Кириллицѣ чрезъ ѣ, въ Сербскомъ нарѣчіи звучалъ различно, то какъ є, то какъ ю, ıє, ıѥ, ıє. Послѣдніе два вида начертанія были почти исключительно предоставлены для ѣ; ıє есть самое употребительное, тогда какъ ıѥ, ıє, попадаются чрезвычайно рѣдко. Если при общей любви Западныхъ грамотъ къ мягкому начертанію б-ы є, эта послѣдняя въ своемъ твердомъ видѣ упорно держалась въ сочетаніи ıє, то это показываетъ, что такое начертаніе имѣло въ себѣ особенную плотность, и на него смотрѣли, какъ на нѣчто цѣльное, нераздѣльное, подобное цѣльному начертанію ѣ: отъ того и є не смягчалось въ немъ. Но какія бы ни были выраженія для ѣ, всѣ они приходятъ къ коренному є, откуда прямое заключеніе то, что въ Сербскомъ языкѣ звукъ *ѣ* имѣетъ основою звукъ *е*, который звучитъ тамъ твердо, тутъ мягко и даже протяжно мягко, откуда недалеко и до ю. Остановимся пока на этомъ заключеніи и докончимъ о б-ѣ є.

Б-а ю, є, ю, служитъ еще стяженіемъ для звука ıи, чрезъ что имена существительныя собирательныя и средняго рода на ıи получаютъ новый, народный образъ. Переходомъ служило окончаніе ьи, разсмотренное нами выше. Стяженіе это родилось, по указанію памятниковъ, въ XIII-мъ в. и продолжалось слабо до XV-го, а въ этомъ усилилось значительно. Такимъ образомъ мы читаемъ: повєлѣни и -нє, повєлєниємь, -нємь, -лєнємь (С. №№ 17, 73, 113, 164), видѣни, -є, видѣнє, видєниє, видѣниє, -є, видєнє (А. № 6; Ш. № 11; С. №№ 74, 101, 112, 115, 119, 121, 123, 126, 130, 164), благовѣрєни, ꙁаставлєни, основани, пѣни, обьвєсєлани, вьскрєсєни, хотѣни, приложєнє, утврьжєнє (С. № 35), ꙁа- прѣнє- писани, -є, -є (С. №№ 35, 101, 126), имѣниємь, -нємь (С. №№ 35, 101), прѣступлєниємь (С. № 81), расєлє, миєрованє, вєлможє (С. № 101), прѣ- при- прѣнє- дєжи, -є, дєжє (С. №№ 112, 115, 126), вєрованє, -є (С. №№ 112, 115, 119, 121, 123, 126, 148), натражє (С. №№ 112, 126), послани, -є (С. №№ 115, 126), спомєнути, припинути (С. № 126), раꙁмирє (С. № 132), васиљєвь дьнь (С. № 155), ꙁидани (С. № 164). Встрѣчаются еще стяженія въ родѣ слѣдующихъ: з мое, по мои обласли (С. № 17), ср. помоєи области (С. № 38), по милости божи (С. № 51), ср. по милости божини (С. № 52), по твои мати (С. № 104).

Удвоеніе б-ы е не существуетъ въ нашихъ грамотахъ, ибо удвоенное и имѣетъ, какъ мы видѣли, совсѣмъ иное значеніе. Въ пользу удвоенія можно привести только одинъ случай: [illegible] (А № 6).

По праву, предоставляемому намъ однороднымъ съ б-ю *е* происхожденіемъ б-ы *ѣ*, и пока не ослабѣло еще впечатлѣніе, произведенное на насъ смѣною обоихъ звуковъ, мы приступаемъ къ разсмотрѣнію б-ы *ѣ*. Обыкновенно, хотя и несправедливо, относятъ *ѣ* на конецъ буквеннаго ряда; ея мѣсто ближе къ б-ѣ *е*, ибо, хотя *ѣ* звучало и звучитъ разнообразнѣе, чѣмъ *е*, и мѣстами отлично отъ него, однако въ происхожденіи его участвовали тѣ же самые образовательные звуки, изъ которыхъ составилось *е*. Собственно звукъ *ѣ* есть видоизмѣненіе звука *е*, такъ сказать, тотъ же звукъ *е*, но только не созрѣлый, не переваренный языкомъ, подобно *е*, а носящій въ себѣ слѣды своего двойственнаго образованія, своей относительной молодости. Отъ того *ѣ* есть двоегласный долгій звукъ, а *е* уже простой и краткій. Говоря у звукѣ *ѣ*, образующемся собственно чрезъ усиленіе, не должно приравнивать его къ коренному звуку, изъ котораго онъ произошелъ; ибо намъ нужна извѣстная минута перезвука, а не корень слова, который всегда будетъ приведенъ къ тремъ основнымъ звукамъ. И въ Санкритѣ есть уже усиленіе *é* изъ *i*, на пр., *véda* и *vid*, но, разумѣется, наше *вѣдать* должно сличать съ *véda*, а не *vid*. Въ Санскритѣ звуку *ѣ* отвѣчаютъ *é* и *á*. Первое есть явный признакъ слитія *a + i*, отъ чего въ немъ и долгота; второе своею долготою указываетъ на свое позднѣйшее происхожденіе и должно быть отличено отъ основнаго *a*: оно не иначе могло произойти, какъ чрезъ соединеніе *a* съ другою гласною, и есть, слѣдовательно, двоегласное. Это для насъ весьма важно, ибо оба звука указываютъ на двоегласіе б-ы *ѣ*, а *é* подтверждаетъ ея происхожденіе изъ соединенія *a* и *i*, при томъ такъ, что ему отвѣчаетъ плотный, цѣльный и долгій звукъ *е*, или *a*, но не двойственный, подобный другимъ двоегласнымъ, въ которыхъ ясно слышатся оба составные звука. Слѣдовательно, *ѣ* въ Индоевропейскихъ языкахъ, по своей плотности и древности, занимаетъ средину между *е*, *о* и другими двоегласными, изъ коихъ первыя двѣ уже забыли свое двойственное происхожденіе и сдѣлались такими же простыми и краткими, или обоюдными, какъ *a*, *u*, *y*, а послѣднія до того еще новы и нецѣльны, что не могутъ слиться въ одинъ общій звукъ, но всякій разъ въ своемъ произношеніи напоминаютъ обѣ составныя части, изъ которыхъ сложились. Въ Санскритѣ есть одно только *é*, которое отвѣчаетъ Славянскимъ *е* и *ѣ*; этотъ звукъ въ другихъ Индоевропейскихъ языкахъ имѣлъ время обратиться или въ простыя гласныя, или двоегласныя, удержанныя и правописаніемъ, изъ коихъ однѣ хорошо соотвѣтствовали его природѣ и разоблачали его происхожденіе, другія же плохо: мѣна и *ἀμείβω*, дѣж и *θήμι*, рѣка и *ῥέω*, мѣшати и *μίγνυμι*, лѣпъ и *ἀλείφω*, *λίπαζω*, вѣдѣ и *οἶδα*, бѣгати и *φεύγω*. Въ словахъ, прямо заимствованныхъ изъ Греческаго языка, *ѣ* отвѣчаетъ тоже простому *е* и двоегласной *αι*, на пр.: трапѣза—*τράπεζα*, ерѣи—*ἱερεύς*, дѣмоунъ—*δαίμων*, июдѣи—*ἰουδαῖος*, еврѣи—*ἑβραῖος*, цѣсарь—*καῖσαρ*, матѳѣи—*ματθαῖος* и на оборотъ, Греческому *αι* отвѣчаетъ иногда *е*: *κυρηναῖος*—куриниискъ, *σαδδουκαῖος*—садоукеи, *ἰουδαϊκός*—июдеискъ, *φαρισαῖος*—фарисеи. Въ Латинскомъ то же самое: вмѣсто *ѣ* являются то простыя гласныя, то двоегласныя: мѣшати—*misceo*, сѣяти—*serere*, снѣгъ—*nix*, сѣщи—*secare*, вѣдро—*hydria*, лѣвыи—*laevus*; *daemon*, *caesar* и пр. Но Готскій языкъ вѣрнѣе передалъ у себя звукъ *ѣ*: въ немъ почти

всюду вмѣсто *ѣ* стоитъ *ai*: хлѣбъ—*hlaibs*, снѣгъ—*snaivs*, вѣяти—*vaian*, дѣлъ—*dails*. Въ Литовскомъ *ѣ* выразилось частію въ *é*, частію въ *ai*: вѣдро—*védras*, бѣсъ—*bésas*, снѣгъ—*snégas*, вѣра—*véra*, звѣрь—*žvéris*, цѣна—*czéné*, мѣшати—*maiszyti*, мѣхъ—*maiszas*. Всѣ эти сравненія приводятъ насъ къ одному заключенію, что *ѣ* по природѣ своей есть двоегласное и по тому долгое; что мѣсто его непремѣнно между *а* и *и*; звучитъ же оно довольно слитно, такъ что можетъ быть выражено одною гласною и преимущественно долгимъ *е*, которое также занимаетъ средину между *а* и *и*; напослѣдокъ это долгое *е* или обратилось въ краткое *е*, или совершило ближайшій переходъ въ *и* (*i*, *y*). Если и въ Ц.-Славянскомъ языкѣ, гдѣ для него изобрѣтено было особое начертаніе, отличное отъ є и и, оно смѣшивается съ є, или собственно и, то должно заключить, что оно звучало весьма близко къ этой буквѣ и, вѣроятнѣе всего, какъ *я*, которое безпрестанно переходитъ въ *е* и обратно; доказательствомъ тому служитъ и самое названіе этой буквы, какъ и то, что въ Н.-Булгарскомъ языкѣ она, большею частію, сохраняетъ этотъ звукъ. Но *я* не отрицаетъ первоначальнаго средняго звука *е*, а есть только одно изъ главнѣйшихъ видоизмѣненій, принимаемыхъ голосомъ при сліяніи *а*+*и*, усвоенное Булгарскимъ нарѣчіемъ. Повторяю, *ѣ* ближе всего подходитъ къ звуку *е*, какъ по происхожденію своему, такъ и по многочисленнымъ смѣнамъ съ этимъ звукомъ, особенно въ нарѣчіяхъ Славянскихъ. Корень или, вѣрнѣе, составныя начала обоихъ звуковъ суть одни и тѣ же, но образованіе ихъ неодинаково: *е* до того уже созрѣло въ Славянскихъ языкахъ, что сдѣлалось вполнѣ одновременнымъ и однороднымъ съ *а*, *и*, *у* и такимъ же основнымъ звукомъ, какъ и эти; *ѣ* носитъ въ себѣ нѣкоторую степень недозрѣлости, и хотя въ произношеніи своемъ въ большей части Славянскихъ нарѣчій представляетъ довольно цѣльности, однако непремѣнная долгота и индѣ мягкость обличаютъ его относительно позднѣйшее происхожденіе и двоегласіе. Послѣднія свойства и заставили св. Кирила изобрѣсть для него особое начертаніе. Такимъ образомъ въ Ц.-Славянскомъ языкѣ звукъ ѣ занялъ такое же мѣсто, какое занимало *é* въ Санскритѣ, а *é* Санскритское уже вошло въ немъ въ рядъ коренныхъ образовательныхъ а, и, ѹ и стало равнымъ съ ними. Если присовокупимъ сюда о, то для Славянскихъ языковъ выйдетъ рядъ коренныхъ, основныхъ звуковъ: *а*, *е*, *и*, *о*, *у*; за нимъ послѣдуетъ долгая, но слитая двоегласная *ѣ*, и наконецъ явятся неслитыя двоегласныя *ай*, *ей*, *ій*, *ой*, *уй*, *ав*, *ев*, *ов* и т. д. Какое мѣсто въ Санскритѣ занимали *е* и *о* въ отношеніи *а*, *и*, *у*, такое же точно въ Славянскихъ языкахъ займетъ *ѣ* въ отношеніи *а*, *е*, *и*, *о*, *у*. Только въ одномъ Полабскомъ звучитъ оно двоегласно: *пеана*; но едва ли это не есть только неудачное правописное выраженіе долгаго звука *я*, ибо и сдѣсь оно слышится, какъ *я*, потомъ какъ *и* и *ё*: послѣдній звукъ есть слѣдствіе видоизмѣненія мягкаго *е* и какъ бы его усиленія въ мягкое *о*. По этому въ Полабскомъ для него собственно три звука: *я*, *и*, *е*, которые и приравниваютъ это нарѣчіе къ прочимъ Славянскимъ, гдѣ всюду *ѣ* имѣетъ слитный звукъ, произносящійся различнымъ образомъ: въ Н.-Булгарскомъ, какъ *я*, *е*, рѣдко *и*, въ Польскомъ, какъ долгія *я*, или *е*, въ Чешскомъ, какъ долгія *и*, или *е*, въ Малороссійскомъ и В.-Лужицкихъ подрѣчіяхъ, какъ *и*, въ Угрословенскомъ, Лужицкихъ, Русскомъ, Сербскомъ, Хорватскомъ и Хорутанскомъ, какъ *е* съ различными видоизмѣненіями мягкости и долготы, въ Бѣлорусскомъ иногда, какъ *а*. Обращеніе *ѣ* въ нѣкоторыхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ въ *я* и *и* показываетъ, что

въ образованіи его участвовали именно два звука *а* + *и*, хотя и слились въ одинъ плотный, цѣльный звукъ, но такъ, что одинъ изъ нихъ переселилъ другой: пересилившее *а* образовало *а*, смягчившееся въ *я*; пересилившее *и* образовало *и*. Мягкость, или собственно полумягкость звука *ѣ* произошла отъ соединенія твердаго звука *а* съ небнымъ *и*. Тамъ, гдѣ *а* +*и* слились въ равной мѣрѣ, тамъ *ѣ* стало звучать, какъ *е* съ разными измѣненіями мягкости, смотря по нарѣчіямъ. Въ Русскомъ—какъ *е* и чаще, какъ *е*, а въ Новгородскомъ подрѣчіи, какъ *и*, въ Лужицкихъ, какъ *е*, въ Угрословенскомъ то какъ *е*, то какъ *е*. Сходство этого нарѣчія, принадлежащаго къ Западному говору, съ Иллирскими нарѣчіями Восточнаго говора указываетъ на прадавнее его родство съ ними въ слѣдствіе прадавняго сосѣдства племенъ, которыя ими говорили. Въ Хорватскомъ нарѣчіи *ѣ* звучитъ, какъ *е*, въ Хорутанскомъ, какъ *е*, или, съ перемѣною звуковъ, какъ *ей*, т. е., тамъ и тутъ мягко. Въ Сербскихъ подрѣчіяхъ то какъ *е*, то какъ *и*, то какъ *е*, которое по своей долготѣ протягивается въ *ие*, или совершенно смягчается въ *и*. Звукъ *и* Сремскаго подрѣчія я не считаю коренною и прямою замѣною б-ы *ѣ*, но, вѣрнѣе, онъ образуется уже при посредствѣ *е*, т. е., изъ этого *е*, ибо тамъ нѣтъ *е*, ни *ие*. Наконецъ спросимъ, какъ звучало **ѣ** въ Д.-Булгарскомъ нарѣчіи? Хотя мы видимъ, что въ немъ **ѣ** можетъ являться въ видѣ **а, ꙗ, е, и, ъ, ь, ѧ**, однако въ этихъ видоизмѣненіяхъ должно отличать смѣну отъ перезвука и усиленія. Послѣднія два явленія, всегда связанныя съ внутреннимъ значеніемъ слова, суть одно изъ тѣхъ средствъ, къ которымъ языкъ прибѣгаетъ для видоизмѣненія своихъ понятій; но простая смѣна звуковъ обыкновенно указываетъ только на родство ихъ, на основаніи котораго они могутъ смѣняться взаимно, не нарушая понятія, заключеннаго въ словѣ. Въ Ц.-Славянскомъ нарѣчіи **ѣ** смѣняется съ **ꙗ** и **ѧ** и чаще всего съ **е**. По чему оно смѣняется съ первымъ, то мы уже знаемъ тому причину; смѣна же съ **ѧ** и **е** важна для насъ по тому, что **ѣ**, стоя между **а** и **и**, должно было близко подойти къ звуку **е**, и дѣйствительно оно подходитъ къ нему въ видѣ носоваго **ѧ** (*ен*) и простаго **е**. Такимъ образомъ **ѣ** непремѣнно должно было въ основаніи своемъ имѣть звукъ **е**, который оно и имѣло дѣйствительно, ибо смѣнялось съ **е** въ однѣхъ и тѣхъ же формахъ и въ передачѣ одной и той же Греческой двоегласной *αι*; оно должно было имѣть также въ природѣ своей часть мягкаго начала, ибо образовалось изъ слитія твердаго звука съ небнымъ, который перешелъ сдѣсь въ совершенную мягкость, и выразилось въ мягкихъ **ꙗ**, **и**, **и** и **ие**. Будучи собственно полумягкимъ, оно могло смѣнятся съ таковымъ же **е**, но чаще смѣнялось оно съ мягкими, ибо стояло въ обратномъ отношеніи къ **е**: какъ это изъ двойнаго полумягкаго сдѣлалось простымъ и чистымъ твердымъ звукомъ, такъ оно осталось навсегда двоегласнымъ и мягкимъ. Послѣднее его свойство видно въ переходѣ гортанныхъ въ соотвѣтствующія имъ среднія мягкія при словообразованіи: **ȥвоукъ** — **ȥвоучати** (**ȥвоуцати**), **слоухъ** — **слышати** (**слꙑхати**), **бѣгъ** — **бѣжати** (**бѣгѣти**), **крѣпъкъ** — **крѣпъчаи** (-**ѣи**), **мъногъ**—**мъножаи** (-**ѣи**) и т. д. Но большею частію, въ противуположность **е**, оно принимаетъ совершенно мягкую природу, и по тому при движеніи словъ гортанныя измѣняются въ крайнія мягкія: **брѣгъ**—**брѣȥѣ**, **человѣкъ**—**человѣцѣ**, **доухъ**—**доусѣ**, **человѣчьскꙑи** — **человѣчьсцѣмь**, **человѣчьстѣмъ**. И такъ первобытное *ѣ* надобно принять за мягкій звукъ, который могъ восходитъ до твердаго, ибо въ немъ было сочетаніе твердости и мягкости: отъ того, съ одной стороны, *ѣ* могло переходить въ *а*, *е*, а съ другой въ *я*, *е*, *ие*, *и*.

По чему же св. Кирилъ изобрѣлъ для него новое начертаніе, то причину тому я вижу въ его двоегласіи, а слѣдовательно, непремѣнной долготѣ и полумягкости. Такъ какъ *е* стояло уже на ряду съ образовательными звуками и, слѣдовательно, утратило свою первичную двоегласность, долготу и полумягкость, сдѣлавшись кореннымъ краткимъ и чистымъ звукомъ, то *ѣ* совершенно отдѣлилось отъ него, какъ по природѣ, такъ и по долготѣ и мягкости, а въ Д.-Булгарскомъ нарѣчіи еще по звуку, и потребовало для себя новаго, отличнаго начертанія, чему и удовлетворилъ составитель азбуки. Сравнивъ всѣ видоизмѣненія звука *ѣ* въ Славянскихъ нарѣчіяхъ съ другими двоегласными этѣхъ нарѣчій, мы видимъ, что *ѣ* звучало слитно, по крайней мѣрѣ, столь же слитно, какъ звучатъ мягкіе *я*, *э*, *ю*, между тѣмъ, какъ другія двоегласныя отражаютъ въ себѣ болѣе, или менѣе ясно обѣ составныя части. По этому общее заключеніе, которое мы можемъ вывести изъ нашего краткаго обзора, будетъ состоять въ томъ, что *ѣ* въ Славянскихъ нарѣчіяхъ играетъ ту же роль, какую *ê* играло въ Санскритѣ, и что Ц.-Славянскій языкъ, утративъ *е* въ смыслѣ Санскритскаго *ê*, возобновилъ его для себя въ буквѣ *ѣ*. Таковъ коренной звукъ для *ѣ*; а если онъ обратился въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ въ другія гласныя, какъ-то: *е*, *я*, *а*, *и*, то виною тому не первичное его происхожденіе, а духъ тѣхъ самыхъ нарѣчій и ихъ историческое движеніе. Звукъ *ѣ* принадлежитъ собственно Славянскимъ языкамъ: въ нихъ онъ живетъ со всѣми своими звуковыми развѣтвленіями; Санскритъ указалъ его долготу и цѣльность; за нимъ послѣдовалъ Литовскій; Готскій представилъ его въ первичномъ разложенномъ видѣ; прочіе же Индоевропейскіе языки отчасти забыли его, замѣнивъ другими коренными звуками, отчасти выразили его въ различныхъ двоегласныхъ, болѣе, или менѣе свидѣтельствующихъ объ его утратѣ.

Сербскій языкъ поступилъ съ звукомъ *ѣ* совершенно самостоятельно; но въ то же время не забылъ его происхожденія и всѣ его видоизмѣненія приноровилъ къ его природѣ. Но что касается до происхожденія 6-ы **ѣ** чрезъ усиленіе изъ другихъ гласныхъ и полугласныхъ, то въ этомъ отношеніи древній книжный языкъ Сербовъ не представляетъ ничего новаго и отличнаго отъ Ц.-Славянскаго: слова образуются одинаково. Такъ **ѣ** возникаетъ чрезъ усиленіе изъ **ь**: **вьскрѣсени** (С. № 35), ср. **ѹскрьсенью** (С. NN№ 114, 144), **рѣкоше** (А. № 11), **рѣкошѧ** (А. № 12), **рѣкоу** (А. № 17), ср. Ц.-Сл. **рькѫ, -ати**, откуда Сербскія: **рѣчи**, **-ога** и т. д. (мн. р.), **ианкрѣже** (С. № 89), ср. **врьхо**; **цвѣтци** (А. № 17), ср. **процьвьтоше, -ше** (А. № 10; В. № 1);—изъ **и**: **видѣние и видѣние** (мн. р.), **радѣновика, -а** (С. NN№ 100, 127), **радѣна** (С. № 114), ср. **радина** (С. № 104), **радишкѣь** (С. № 88);—изъ **а**: **вьсмѣтрить** (А. № 2), **крѣ-ѵѣи** (С. № 46), ср. **крѣпѵаи** (С. № 62), **излѣзохь** (С. № 2), **излѣсти** (С. NN№ 72, 132), **влѣзль** (С. № 77), **влѣсти и влазила** (С. № 142), ср. **лазь**;—изъ **ѧ**: **грѣде** (А № 6), **грѣдеть**, **обрѣщеться** (З.), **обрѣщете** (С. № 175) и пр.

Б-а **ѣ** замѣняетъ 6-у **и** въ грамотахъ всѣхъ вѣковъ и семействъ. Такая замѣна объясняется природою обоихъ звуковъ, изъ коихъ тотъ и другой представляетъ соединеніе однихъ и тѣхъ же образовательныхъ звуковъ, но только въ неравной мѣрѣ: въ **ѣ** они уравновѣшены, въ **и** преобладаетъ **а**. Впрочемъ, такая замѣна не составляетъ отличительнаго свойства Сербскаго языка: она совершается и въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Въ ней можно даже видѣть заимствованіе, ибо въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ ея нѣтъ. Въ Древнебулгар-

скихъ рукописяхъ она составляетъ довольно обыкновенное явленіе. Хорутане и теперь говорятъ *езь, ечмень.* Въ Русскомъ нарѣчіи замѣчаемъ то же самое: отъ того и въ Сербскихъ древнѣйшихъ памятникахъ, во всѣхъ семьяхъ грамотъ, уже въ сильной мѣрѣ развита эта замѣна. Въ обѣихъ гр-хъ XII-го в. находимъ **ѣ** вм. **ꙗ: ѣ** (азъ), **приѣтель, диѣкь** (А. И.), **всакоѣко, ѣко, покаѣние, ѣсно, ѣса моѣ разлиуная моѣ. крьстиѣньскы, ѣзь, молениѣ, житиѣ, желаниѣ** (род. пп.) (А. № 1), такъ что въ нихъ уже не находимъ б-ы **ꙗ**. Въ XIII, XIV и XV вѣкахъ: **сиѣ** (им. (ед. жен. р., им. и вин. мн. ср. р., Ш. № VII.; С. NN№ 3, 16, 84), **бжиѣ, бжиѣ, бжьѣ, божиѣ** (род. ед., им. и вин. мн. ср. р., С. NN№ 3, 57, 120, 127, 140), **евньгѣлие** (т. е., **-ѣ, -ꙗ**, вин. мн., С. № 3), **ꙗ- моѣ** (**-ꙗ**, С. NN№ 3, 15, 20, 86, 89, 120, 127, 150, 163), **твоѣ** (**-ꙗ**, С. NN№ 3, 9), **моѣ** (С. NN№ 4, 9, 10, 59), **приѣти, приѣмь** (С. NN№ 5, 82), откуда **ꙗ- приѣтель,-ѣ. -и, -е, -емь,-ьми, пр'ѣтели** (С. NN№ 6, 13, 16, 18, 57, 59, 78, 82, 84, 89, 94, 97, 128, 135, 140, 154, 159), **приѣтельство** (С. № 16), **приѣзань, -ию, -ꙁновати** (С. NN№ 78, 93, 96, 107, 141, 145), **ѣ** (**ꙗ, азь,** С. NN№ 7, 13, 15, 59, 78, 86, 89, 93, 94, 114, 127, 141, 145, 163), **всакиѣ** (род. ед. муж. р., С. № 7), **ѣко, -ре** (С. NN№ 7, 16, 19, 20, 51, 84, 92, 96, 97, 103, 120), **упельѣрениѣ, вильѣрениѣ, вьпльѣрниѣ, -ѣьиѣ** (род. (ед., С. NN№ 14, 16, 19, 20), **ѣков, -ѣ .-вѣ, -вица** (Ш. № II; С. NN№ 15, 16), **июнѣ, повеленьѣ, добитьѣ** (род. ед., С. № 16), **крьтоломьѣ** (род. ед., Ш. № II), **маѣ** (род. ед., С. NN№ 19, 20, 158, 159), **при- со- до- стоѣти, -ѣше, -ѣдо, -ѣньѣ** (род. ед.), **-емь, -ѣнию. -емь** (С. NN№ 20, 78, 81, 82, 84—86, 89, 95—97, 125, 127, 128, 163; З. А.), **всакьскаѣ, ѣнниоу, геѡргиѣ** (род. ед., С. № 51), **прѣдложенаѣ** (вин. мн. ср., С. № 52), **добродолѣниѣ** (А. № 6), ср. **добродолание** (А. № 8), **арьхи- агрьхи- диѣконь** (печ., А. NN№ 5, 9), **властиога** (С. № 176), **прѣисподиѣго, мегѣми и мегами** (А. № 7), **иупаѣ** (им. ед., С. № 43), **прародителѣ** (род. ед., С. NN№ 43, 50, 81), **архидѣконь** (печ., А. № 10), **пороениѣ. ноутениѣ** (род. ед., С. № 57), **краѣ** (род. ед., печ., С. № 62), **владаниѣ, -ньѣ, -ниѣ** (род. ед., С. NN№ 65, 82. 85, 78, 104, 144), **диѣкь, -ѣ. дѣкь, дѣкь** (С. NN№ 37, 65, 82—85, 89, 120, 135, 141, 145, 150, 151, 161, 163; З. А.), **браѣнь** (С. № 65), **прѣдградьѣ, юрьѣ** (род. ед.), **братьѣ** (им. ед.), **дьѣвлу** (С. № 78), **поутениѣ, добитиѣ** (род. ед.), **сѫдиѣмь** (дат. мн.) (С. № 79), **ꙁа- писаниѣ,-ѣ** (род. ед., им. и вин. мн., С. NN№ 81, 84, 92, 95, 97, 103, 120, 150), **господѣ, гдѣ** (им. ед., С. NN№ 81, 92, 127, 159), **багрѣнице** (А. № 18), **вѣланиѣ** (С. № 82), **ѡстоѣ** (им. ед., С. NN№ 83, 84, 85, 88, 89, 92, 136), **с- помениѣтиѣ, -ьѣ. -тѣ** (род. ед., С. NN№ 83, 141, 159, 163, 171), **да ѡбещѣю** (С. № 83), **невитиѣ, -ьѣ** (род. ед., С. NN№ 85, 89, 95), **кнѣконь** (С. NN№ 85, 92, 95), **проѣвити** (С. № 88), **хотиньѣ** (род. ед., им. мн., С. NN№ 89, 140, 141), **ѿ постаньѣ** (С. NN№ 89, 92), **вѣньѣ** (им. мн., С. № 89), **удржаниѣ, спасениѣ** (род. ед., С. № 93), **пореченьѣ, насилиѣ** (род. ед., С. № 96), **крьстѣнинѣ, крⷭ҇тѣнинѣ и крьстиѣнинѣ** (С. NN№ 104, 127), **ѡбѣтованьѣ** (им. мн., С. № 104), **племениѣ** (род. ед., С. № 108), **ѣкота, -и -ѣвь** (С. NN№ 117, 154, 158), **винѣхѣ** (С. NN№ 120, 141), **кладѣхѣ** (С. NN№ 120, 127), **радоѣ** (род. ед., С. NN№ 75, 127), **мароѣ, ростоѣ** (род. ед., С. № 135), **иулиѣ, июлиѣ** (род. ед., С. NN№ 139, 163), **ѡпорѣчениѣ** (род. ед., С. № 140), **аньдриѣ, тадиѣ** (им. ед., С. № 141), ср. **андрѣа, аньдрѣа,** (Итальян. *Andrea*, С. NN№ 16, 176), **ѣще, -ѣ** (С. NN№ 150, 151, 153), **беꙁакониѣ** (род. ед., С. № 153), **матиѣша** (С. № 158), **цицилиѣ** (им. ед., С. № 159), **камениѣ** (род. ед., С. № 161), **поꙁнаньѣ** (род. ед., С. № 162), **ꙁаѣмь** (С. № 171), ср. **ꙁаимь** (С. № 74), **маньѣкь, блаженаѣ, нарьѣновиѣь** (С. № 37) и пр.

Въ формѣ **цѣкати** (С. № 142) **ѣ** замѣтило **а** (ср. Ц.-Слав. **чакати**), но и здѣсь шипящая б-а **ц** своимъ образованіемъ указываетъ на первоначальную мягкую гласную, которая, смягчивъ ее, сама обратилась въ твердую. Замѣну **а** б-ю **ѣ** находимъ въ словѣ **лѣсканіѥ** (А. № 1), ср. **ласкати**, **ласка**; и въ частицѣ **прѣ** вм. **пра**: **прѣро̂тели**, **-лѣ** (А. №№ 2, 3), **прѣродители**, **-лїи**, **-ль**, **-телии** (А. №№ 6, 10; С. №№ 71, 98, 176), **прѣродителя**, **прѣродителми** (А. № 11), **прѣро̂титель** (С. № 120), **прѣродители** (Г. Б), **прѣдѣди**, **-ь** (Г. А, Б; А. № 16), **прѣвноукь** (А. № 3), ср. **прародители** (С. № 35), **прародители**, **-лии**, **-ль**, **-лѣ**, **-лѣ**, **-лемы**, **-лѣ**, **-телѣ**, **-ль** (А. №№ 5, 9; С. №№ 43, 66, 81, 84, 85, 95, 97, 136, 150, 179), **прадѣдь** (С. № 50), **праоунуке** (С. № 2) и пр.

Б-а **ѣ** замѣняетъ собою **и**. Здѣсь также поступлено на оборотъ; но причина ясна. Сербы произносятъ часто *ѣ* за *и*, а по тому писцы, принимая начертанія **ѣ** и **и** за тожественныя, употребляли первое вмѣсто втораго. Впрочемъ, таковые случаи не весьма часты; всѣ они относятся къ Западной семьѣ конца XIV-го и XV-му в., слѣдовательно, къ той же семьѣ, которая употребляетъ **и** вм. **ѣ**. Въ произношеніи же, какъ надобно полагать, писцы не увлекались начертаніемъ и произносили это **ѣ** подобно существенному **и**. Здѣсь все дѣло ограничивается лишь однимъ начертаніемъ; такъ мы видимъ, что они пишутъ: **бѣла**, **мѣрь**, **людѣм**, **дубровьчѣка**, **втѣнь**, **любѣль**, **послужитѣ** (неок. н.), **вѣше**, **бранѣти**, **успросѣ** (3-е л. ед.), **бѣ**, **прѣпокѣ**, **поутенѣм** вмѣсто **била**, **мирь**, **више**, **нижѣ**, **би** и т. д. (С. № 77). Отъ того въ исторической граматикѣ необходимо обращать вниманіе на правописаніе памятниковъ, ибо у каждаго писца есть свой обычай, своя снаровка, свое любимое начертаніе: безъ этого часто придется объяснять какую нибудь форму звуковыми законами, между тѣмъ, какъ она объясняется просто и прямо изъ одного лишь правописанія. Затрудненіе останется лишь при возможныхъ формахъ, которыя допускаютъ въ себѣ двойственность, какъ на пр., въ приведенныхъ примѣрахъ, **бранѣти**—форма, которая можетъ быть усиленнòю изъ **бранити** и въ которой, слѣдовательно, **ѣ** поставлено законнымъ образомъ и звучитъ, какъ **ѣ**; или она дѣйствительно есть **бранити**, но только написанная иначе съ б-ю **ѣ**, которая здѣсь замѣняетъ законное **и** и звучитъ, какъ **и**. Въ первомъ случаѣ причина будетъ внутренняя, во второмъ внѣшняя. Тутъ же встрѣчающуюся форму **тѣрати**, по общему правописанію грамоты, можно бы объяснить формою **тирати**, однако вѣрнѣе считать здѣсь **ѣ** законнымъ усиленіемъ изъ **ь** (**тьрѣти**), ибо она попадается въ такихъ грамотахъ, гдѣ вовсе нѣтъ и тѣни замѣны **и** б-ю **ѣ**, на пр., С. № 35: **ни пути тѣраю**, ср. Рус. *торить дорогу*, *viam terere*. Слѣдовательно, въ **тѣрати** б-а **ѣ** замѣняетъ собственно мягкое **е** послѣ **т**, а это есть усиленіе изъ **ь**. Но такъ какъ въ той же гр-ѣ есть и форма **тирала**, то надобно предположить двоякое усиленіе б-ы **ь**—въ **е** и въ **и**. Далѣе: **прѣтелемь**, **прѣсегосмо**, **сорьковѣкѣв** (С. № 80), **нѣмь**, **нѣхь**, **кралѣцомь**, **юрѣемь**, **бѣти** (С. № 81), **прѣморню** (С. №№ 83, 85), **дубровьчака**, **видѣвьше** и **видивьше**, **лѣстови**, **прѣ** (при), **наоуѣномь**, **дужнѣи**, **дужнѣ** (им. мн. муж. р.), **рѣенѣи** (вин. ед. муж. р.), **нѣмаре**, **ѳунѣци**, **десетѣи днь**, **дѣакь** (С. № 83), **тепауѣ** (С. №№ 83, 84), ср. **тепуи** (№ 36), или здѣсь **ѣ** стоитъ вм. **ѥ** — **тепаѹнѥ**; **вѣхь** (С. №№ 84, 85, 89)—опять затрудненіе: дѣйствительно ли здѣсь эта самая форма, или только видимо вмѣсто **вихь**? Далѣе: **прѣселиѣсе**, **прѣсеже**, **дѣака** (С. № 84). Въ слѣдующей гр-ѣ встрѣчаются **вѣше** и **више**; но тутъ же: **прѣдоше**, **нѣмь** и **нимь**, **прѣлиѹне**, **по лѣстихь**, **прѣсегохь** (С. № 85), **сиѣде**, **подрѣвью**, **ѕборѣль**, **нѣедноga** и **ниедноga**, **прѣтели**, **трѣ** (С. № 89), **прѣтество** и **притѣльми**, **сѣми**, **котарѣ** (твор. мн.), **дарѣи** (вин. мн.) — колебаніе (С. № 97), **вь сѣхь** (С. №

98), **в вѣкинцѣ, накѣ** (С. № 100), **потворѣль** (С. № 102), **прѣзри** вм. **призри, видитѣ** (неок. н., С. № 103), **обѣчномь** (С. № 109), **прѣде, прѣписавь, трѣдесети** (С. № 115), **прѣмисмо, трѣста и триста** (С. №№ 119, 130), **двѣестѣе** (С. № 124), **прѣми** (С. № 127), **нашѣмѣ и нашими** (С. № 140), **братѣомь, свое -зи (свои), своѣ** (свои, всеи), даже **коѣскомь** (С. № 141), **в вѣрностѣ** (мѣстн. ед.), **по рѣтѣ, тоизѣ** (С. № 142), **в памятѣ** (С. № 143), **сѣхь, богь изволѣ** (С. № 37). Если вспомнимъ, что въ тѣхъ же самыхъ грамотахъ употребляется и **и** тамъ, гдѣ, по подобію съ сейчасъ приведенными формами, слѣдовало бы ожидать **ѣ**, и что въ прочихъ грамотахъ той же семьи, а онѣ составляютъ несравненно бóльшую часть, нѣтъ этой замѣны, то мы убѣдимся, что сдѣсь дѣло лишь внѣшности и одного правописанія и что коренное **и** не измѣнялось въ **ѣ**, но только такъ писалось. Есть еще формы, каковы: **законѣи** (им. мн.), **повелѣи** (вин. мн.), **дѣжѣи** (им. мн.), **на трѣи днѣ мѣсеца** (С. № 83), которыя трудно объяснить; вѣроятнѣе всего, въ нихъ отразилось колебаніе, какъ и въ формѣ **сынѣа** (сына, С. № 141). Писецъ не зналъ, какую букву поставить, и вслѣдъ за одной написалъ другую; но должно замѣтить, что во всѣхъ этѣхъ формахъ, кромѣ **трѣи**, если писецъ произносилъ **ѣ** за **ѣ**, то онъ замѣнялъ ею б-у **е**, ибо им. и вин. пп. мн. ч. находимъ въ другихъ гр-хъ съ окончаніемъ **е**: **законе, повеле, дне, дѣжие**. Въ той же гр-ѣ **ѣ** замѣняетъ **и**, по чему выраженіе **дѣгь згора рѣвѣи** должно читать: **дѣгь згора рѣвнии и се дѣжиѣ давати—се дѣжии давати**. Если въ вышеприведенныхъ формахъ **ѣ** переведемъ въ **и**, то получимъ: **законии, повелии, дѣжиии, трии**, а такъ какъ тѣ же падежи, наровнѣ съ **е**, имѣютъ и б-у **и**: **закони, повели, дѣжии**, ср., **дѣжиѣ**, то мы и назвали сдѣсь **ѣ** признакомъ колебанія; ср. **дарѣи** (С. № 97). Можно на этѣ формы представить и другое объясненіе: первое **ѣ** замѣнитъ **и**, но такъ какъ оно звучало, быть можетъ, и какъ **и** или **е**, то, по общей страсти къ смягченію, писцы могли употребить другой родъ смягченія, именно, поставленіе **и** сзади гласной (postiotatio), и въ возможности такого смяченія убѣждаютъ насъ формы на **еи**, подобныя этѣмъ, на пр.: **прѣдь, кь ѡнѣмеи** (С. №№ 77, 114), **в ѡвомеи листѣ** (С. № 114), **по сихеи листѣхь, в ѡвихеи** (С. № 145), **црьеи црьствѣють** (С. № 136), **высоѹчаиеі, вгодившеіхь** (С. № 84), **ѣвилтреі** (С. № 85): въ первыхъ конечное **и** можно считать усиливающимъ, но въ послѣднихъ это невозможно, ибо подобныхъ примѣровъ для усиливающаго **и**, при всемъ ихъ множествѣ, нѣтъ. Отъ того не малое затрудненіе при разсматриваніи словодвиженія составляютъ окончанія различныхъ падежей на **е, ѣ** и **и, ехь, ѣхь** и **ихь, еми, ѣми** и **ими, емь, ѣмь** и **имь**: не знаешь, дѣйствительно ли сдѣсь должно быть **е**, или **ѣ**, или послѣднее только пишется вмѣсто **и**. Особенно поразительна въ этомъ отношеніи двойственность формъ, встрѣчающихся въ большей части грамотъ; но объ этомъ послѣ. Впрочемъ, нѣкоторыя изъ приведенныхъ формъ, можно думать, даже произносились съ звукомъ **ѣ** тамъ, гдѣ было это легко, ибо если существовала замѣна **ѣ** б-ю **и**, то могла существовать и обратная замѣна, по той причинѣ, что **ѣ** смѣшивалось съ **и**. Насъ понуждаетъ такъ думать обстоятельство, которое трудно объяснить однимъ правописаніемъ: именно, мы встрѣчаемъ **ѣ** вм. **и** въ предыдущемъ вѣкѣ и въ Восточныхъ грамотахъ, которыя не могли такъ смѣло перемѣнять буквенныя начертанія и въ которыхъ, какъ мы видѣли, замѣна **ѣ** б-ю **и** существовала въ весьма слабой степени. Хотя таковыхъ случаевъ чрезвычайно мало, однако можно указать на слѣдующіе: **прѣмлѣ, соѹтѣскоѹ** (отъ **соѹтискѣ**, Ш. № VII), **говорѣ** (3-е л. ед. прош., С. № 40), **дрѣвь, житѣи** (А.

№ 5), **прѣити, прѣи** (С. № 176). Вѣроятнѣе всего, въ этѣхъ формахъ дѣйствовало усиленіе, также какъ и въ нѣкоторыхъ изъ вышеприведенныхъ позднѣйшихъ Западной семьи. Сверхъ того 6-а **ѣ** замѣняетъ смягчающее **є** въ формахъ: **ѣа** (**ꙗ, ꙗзь**, С. №№ 75, 117, 120, 124, 127, 128, 135, 141, 161, 171), **днѣань** (С. № 88), **сѫдьѣахь** (С. № 89), **по писаньѣахь** (С. № 96), **кѫѣаѡмь** (С. № 95), **ѣакоже, изланѣа** (С. № 99), **споменѫтьѣа, хрьвоѣа, кладаньѣахь, канинѣахь, божиѣа** (С. № 118), **маѣа** (С. 128), **записаниѣа, споменѫтиѣа, послужиниѣа, ѡстоѣа** (З. А.), **моѣомь** (моею), **коѣомь** (коею) (С. № 141), **ѣакета** (С. № 150), **ѣесть, ѣедиога, ѣерь** (С. № 164), и излишне въ формахъ: **ѣвѣстнѣа** (С. № 116), **ѣа** (С. № 125) и **ѣеръ** (С. № 164). Въ одной грамотѣ находимъ **ѣ** ви. и въ сочетаніи **ие** для выраженія 6-ы **ѣ**: **мирѣе** (**мирие, мирѣ**), **двие ...ѣрѣе, ...ѡбѣе, ѹ дринѣе** (С. № 156). **гдѣе** (С. № 145), **ѿ здѣлѣе** (С. № 159). Оба послѣдніе вида употребленія 6-ы **ѣ** вмѣсто **и** относятся, какъ видно, къ Западнымъ грамотамъ XV-го вѣка.

Важнѣйшее служеніе 6-ы **ѣ** совершается въ замѣнѣ 6-ъ **є** и **и**. Коснувшись этой замѣны, мы должны разсмотрѣть всѣ видоизмѣненія въ произношеніи и начертаніи 6-ы **ѣ**. Самый знакъ **ѣ** заимствованъ, вмѣстѣ со всею Кириллицею, изъ Ц.-Славянскаго языка. Такъ какъ стихія этого языка постоянно сохранялась въ древней Сербской письменности до конца XV-го в. и хотя уступала по немногу первенство народной, однако нигдѣ не была вытѣснена ею совершенно, то и знакъ **ѣ** сохранялся въ Сербскихъ памятникахъ до конца XV-го в. Но такъ ли произносили древніе Сербы звукъ, выражаемый этимъ знакомъ, какъ произносили его древніе Булгары? Конечно нѣтъ. Писцы, изъ уваженія къ Ц.-Славянской стихіи, держались на письмѣ довольно твердо ея буквенныхъ знаковъ, но могли при чтеніи произносить ихъ по своему, какъ должны были они звучать въ народѣ. Оказалось даже, что и на письмѣ не вездѣ сохранился знакъ **ѣ**, но измѣнился согласно съ мѣстностію и возрастомъ грамотъ. Весь объемъ Сербскаго звука, соотвѣтствующаго Ц.-Славянскому **ѣ**, распадается въ устномъ языкѣ на слѣдующіе виды: *е* и *и* въ сѣверныхъ областяхъ Сербскаго населенія, т. е., въ Сремѣ, Банатѣ, Бачкѣ, Южной Угріи и въ сѣверовосточныхъ окрестностяхъ Савы и Дуная:—Сремское подрѣчіе; *є*, протягивающееся въ *ие* (*je*, *uje*) и *и*, въ западныхъ областяхъ Сербскаго населенія, т. е., Приморьи, Далмаціи, Хорваціи, Боснѣ, Герцеговинѣ, Черногоріи и части Сербіи за Дриною чрезъ вершины Колубары, притока Сербской Моравы, по рѣку Ибръ до Мачвы и городовъ Валѣва, Пожеги и Карановца при соединеніи двухъ послѣднихъ рѣкъ:—Герцеговинское подрѣчіе; *е* въ восточныхъ областяхъ Себрскаго населенія или въ собственной Сербіи по обѣ стороны Моравы и за Моравою, по Ресавѣ до Неготина, Тимока, Ниша и Косова:—Ресавское подрѣчіе. Таково нынѣшнее раздѣленіе Сербскаго нарѣчія относительно звука *ѣ*. Мы видимъ, что Сербы проявили въ немъ звукъ *е*, то чистый, то смягченный, то обращенный въ *и*. Слѣдовательно, основаніемъ для видоизмѣненій звука *ѣ* послужило *е*. Посмотримъ теперь, какъ согласуется съ современнымъ языкомъ древній книжный? мы уже видѣли замѣну **ѣ** 6-ми **и** и **є**. Замѣна эта, какъ нельзя лучше, сходится съ свойствами тѣхъ семей, на которыя мы раздѣлили наши грамоты. Когда, въ древнѣйшее время, книжный языкъ былъ особымъ условнымъ, заповѣднымъ способомъ выраженія мысли; когда еще и не думали мирить его съ устнымъ, а и того менѣе подчинять послѣднему, и когда такимъ образомъ онъ далеко отстоялъ отъ народнаго и близко подходилъ къ Ц.-Славянской стихіи, откуда былъ взятъ цѣликомъ, тогда нарѣчіе восточной Сербіи

должно было первенствовать, ибо собственно-восточная Сербія приняла и въ XII-мъ, XIII-мъ и XIV-мъ вв. установила и поддерживала у себя Кириловскую письменность, будучи ближайшею къ ней какъ по вѣрѣ, такъ по государственному и естественному положенію. Какъ скоро западнымъ областямъ Сербіи нужна была Кирилица для ихъ сношеній съ восточными областями, то при этихъ сношеніяхъ восточная Сербія, какъ средоточіе Сербобулгарскаго языка, должна была оказывать вліяніе и на Кириловскую письменность западныхъ областей, гдѣ, при господствѣ Латинской вѣры и письменности, нельзя было ожидать большаго знанія и большой устойчивости въ Ц.-Славянскомъ языкѣ. Сдѣсь Кириловская письменность съ Ц.-Славянскими признаками была гостьею и не отуземилась: къ ней питали менѣе уваженія и менѣе дорожили ея неприкосновенностію. Слабость въ этомъ отношеніи западныхъ областей обнаружилась въ послѣдствіи при допущеніи въ грамоты бóльшаго количества народныхъ признаковъ, чѣмъ какое допущено было въ восточныя. Но это могло случиться только со временемъ, а въ древнѣйшую пору западнымъ областямъ оставалось только подражать языку восточныхъ. Восточныя берегли Кириловскій языкъ съ его отличительными свойствами, по своимъ вѣроисповѣднымъ и образовательнымъ отношеніямъ, а западныя еще не осмѣливались прикоснуться до него преобразующею и онароднявщею рукою, и по тому въ древнѣйшую пору Кириловскій книжный языкъ былъ общнѣе для всѣхъ Славянскихъ языковъ. Это подтверждается первою половиною XIII-го в., гдѣ разносемейныя грамоты, Восточныя и Западныя, представляютъ большое сходство въ признакахъ языка и въ правописаніи. Такъ бываетъ всегда съ нововведеніемъ: пока оно остается еще таковымъ, то имъ дорожатъ и хранятъ его въ цѣлости; но когда оно отуземится и привьется къ народу, тогда народъ начинаетъ переработывать его по своему. Такъ было поступлено съ Кирилицею въ западныхъ областяхъ Сербіи: сначала, когда она была еще довольно чужда для нихъ, ее хранили неприкосновенно; а коль скоро свыклись съ нею и въ то же время не имѣли повода питать къ ней особеннаго уваженія, основаннаго на преданіяхъ вѣры, какъ было въ восточной Сербіи, то и рѣшились преобразовать ее и сблизить съ народнымъ языкомъ. Основываясь на этомъ положеніи, мы найдемъ неудивительнымъ, что въ XIII-мъ в. *е* вм. *ѣ* встрѣчается не только въ собственно-Сербскихъ грамотахъ, но также въ Дубровницкихъ, Боснійскихъ и Хлумскихъ: это былъ отвлеченный, условный способъ писанія, подчиненный восточному; въ самомъ же дѣлѣ сдѣсь *ѣ* произносилось, какъ *е* или *ие*. Присоединимъ сюда еще то, что въ древнѣйшихъ грамотахъ мягкое *и*, большею частію, замѣнялось простымъ *е*, а также неизвѣстность происхожденія дьяковъ—и мы еще болѣе поймемъ, по чему *е* вм. *ѣ* попадается и въ древнѣйшихъ грамотахъ Западной семьи. Объясненіемъ послужитъ намъ отчасти договоръ Дубровничанъ съ Булгаріею, въ которомъ Дубровничане, по тому самому, что вели дѣло съ православною землею, замѣтно удалились отъ своего обычнаго книжнаго языка въ пользу Ц.-Славянской стихіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ большей мѣрѣ замѣнили *ѣ* б-ю *е*. Какъ бы то ни было, историческія данныя свидѣтельствуютъ, что чистый и простой звукъ *е* замѣнялъ собою *ѣ* преимущественно въ грамотахъ Восточной семьи. Это явленіе отвѣчаетъ естественному положенію собственной Сербіи, коей правительство и дворъ находились въ области Ресавскаго подрѣчія. Зетскія же грамоты, по государственнымъ отношеніямъ Зеты къ собственной Сербіи и вѣроисповѣданію, могли въ книжномъ языкѣ держаться восточнаго произношенія. Напротивъ, звукъ *и* и мягкое *и* преобладаютъ въ грамотахъ Западной семьи. Когда съ паденіемъ собственной Сербіи

въ концѣ XIV-го в. Ц.-Славянская стихія ослабѣла значительно, а въ одно и то же время народность сильнѣе проявилась въ Западныхъ грамотахъ, тогда книжный языкъ на западѣ Сербіи пріобрѣлъ себѣ самостоятельность и своеобразность, условленныя бо́льшимъ количествомъ народныхъ признаковъ; тогда онъ значительнѣе отличился отъ книжнаго языка восточныхъ областей. Въ Западныхъ грамотахъ, возникшихъ снова въ концѣ XIV-го в., мы находимъ и и ıє вмѣсто ѣ. Подъ ıє я разумѣю различныя начертанія для мягкаго звука є, кромѣ ıє, которое, очевидно, назначено было для ѣ. Хотя въ этѣхъ грамотахъ и удержалось, вмѣстѣ съ новѣйшими начертаніями, древнѣйшее ѣ, однако мы смѣло можемъ думать, что оно уже произносилось не по-ц.-славянски, а по народному, чему доказательствомъ служатъ, съ одной стороны, сопоставленіе рядомъ съ нимъ и въ однѣхъ и тѣхъ же грамотахъ и формахъ новаго начертанія, а съ другой, употребленіе начертанія ѣ вмѣсто и тамъ, гдѣ и, по всей вѣроятности, удерживало свое настоящее произношеніе. Начертаніе и для ѣ не представляетъ никакого затрудненія: оно показываетъ, что Ц.-Славянскій звукъ ѣ произносился, какъ и. Причина, по чему въ Западныхъ грамотахъ, принадлежащихъ по мѣсту написанія къ Герцеговинскому произношенію, показывается 6-а и, объясняется языкословно чрезъ стяженіе ıє и политически чрезъ связь Западныхъ областей съ Хорватскимъ Приморьемъ, гдѣ господствуетъ *и*, возникшее изъ *е*. Постоянныя сношенія Дубровника, Босны и Хлума съ Угріею, зависимость всего побережья отъ Угріи и постоянныя притязанія послѣдней на Босну сближали этѣ области съ Угорскими владѣніями въ Хорватскомъ Приморьи, Славоніи и Сремѣ, гдѣ Латинское населеніе произносило *ѣ* за *и*, а единство вѣры навязывало имъ именно этотъ звукъ *и*. Но большинство грамотъ остается за мягкимъ ıє. Это ıє или, какъ нынче пишутъ, *je* оставалось частію въ своемъ видѣ, частію выражалось различнымъ образомъ: то какъ є, то какъ є, ıє, ıє, єє, то какъ ы. Сюда же отнесу и начертаніе ıє, которое, какъ сейчасъ сказалъ, почти исключительно употребляется для ѣ, а не для ıє. Оно появилось въ концѣ XIV-го в. и значительно облегчило выраженіе звука ѣ, стѣсненное до этого въ предѣлахъ употребительнѣйшихъ є, ıє, є. Исключая сомнительное правописаніе гр-ы С.-Д. М. № 1, гдѣ находимъ миєтъ (т. е., ıє; въ С. № 46—мѣтъ), мы его видимъ въ первый разъ въ словѣ благовиєсть и тутъ же видоизмѣненіе его виєсмо (С. № 82), потомъ въ словѣ годиє (С. № 89) и наконецъ въ обиліи въ позднѣйшихъ грамотахъ: замѣченное нами начертаніе ıє я считаю за тожественное съ рѣдко встрѣчающимся ıє: диєте, обиєти, виєрованиє, риєчь (С. № 105), по сєбиє, да разумиє (С. № 128), всиѥ, наприєдь, садашниєь, всациєь, иниѥ всємь (С. № 142), ка миниє (С. № 143), а также съ ıє, встрѣчающимся не менѣе рѣдко: правиѥ, милостивиємь и добровољниѥ, всиѥ, в сиѥ листе, на обєтниєхь и записаниѥ (С. № 142), са всациѥ, матичниѥ, сраниѥ, поглавитиєь, нашиѥ, правиѥ, своиѥ, на своиєхь добриєхь и почтениєь записиєхь (С. № 143). Всѣ три служатъ выраженіемъ протянутаго ıє, т. е., иє, *ие* или, какъ нынче пишутъ, *ије*, между тѣмъ, какъ ıє выражаетъ связное ıє, *є* или *je*, ибо самое начертаніе его, въ которомъ є не смягчено, заставляетъ думать, что и служило ему смягченіемъ. Въ собственно-Сербскихъ грамотахъ нѣтъ начертаній ıє, ıє, ıє; Зетскія исчезли рано, еще до появленія ихъ; а въ Черногорскихъ, какъ и въ собственно-Сербскихъ, господствуетъ ѣ. Но въ послѣдней изъ нихъ находимъ нѣсколько разъ начертаніе ıє, которое сходно съ ıє: по старіехь влашіехь, девоиіехь, што годіє, да не сиіє (Мл.), ср. да не сиіє (С. № 113)—точно также, какъ въ одной собственно-Сербской съ

сомнительнымъ правописаніемъ—ѥ: ꙁапанѥмъ, угодиѥмъ, ниѥмъ, велнкиѥмъ и малѥмъ, гдѣ, впрочемъ, ѥ, т. е., при другомъ шрифтѣ, ѥ, можетъ быть или дѣйствительно ѥ, а не ѣ, или произносится, какъ и; ибо сдѣсь ѣ находимъ въ видѣ е (є) (С.-Д. М. № 1). Подобный полный способъ написанія, ѥ, для кореннаго мягкаго є мы видѣли выше, какъ весьма рѣдкое явленіе, ибо не зачѣмъ было прибѣгать къ нему, когда на готовѣ стояло нѣсколько начертаній: ѥ, є, ѥ. Но такъ какъ Сербы все таки различали звукъ ѣ отъ кореннаго мягкаго ѥ, то первому они усвоили особое полное начертаніе ѥ, какъ видимое отличіе отъ ѥ, хотя въ сущности это было то же самое мягкое є. По этому, если допустимъ, что писцы, не имѣя между собою ничего общаго и не руководствуясь никакимъ общимъ правиломъ, не могли въ точности исполнять этого условія при написаніи той, или другой буквы и, сбиваясь постоянно между коренным мягкимъ ѥ и ѥ, замѣняющимъ ѣ, придавали второму наровнѣ съ первымъ любимое начертаніе є и ѥ (ср. С. № 112), отъ чего въ правописаніи выходило тожество между ѥ и ѣ, а при любви къ смягченію, часто и не мягкое є обращалось въ мягкое и писалось точно такимъ же образомъ; если сюда прибавимъ еще то, что смягчающая сила, нарушивъ равновѣсіе между твердымъ и мягкимъ є, нарушила отличіе и въ ихъ написаніи, такъ что часто, на оборотъ, є писалось вмѣсто ѥ, є, ѥ: то мы увидимъ, какое смѣшеніе должно было произойти между начертаніями того и другаго звука, є и ѣ. Не всегда должно видѣть є тамъ, гдѣ оно написано, но подъ нимъ индѣ должно разумѣть мягкое ѥ (є, ѥ), а въ этомъ должно видѣть ѣ. Другими словами, Сербы знали гдѣ долженъ былъ стоять знакъ ѣ, но писали не ѣ, а по своему ставили ѥ, которое, въ свою очередь, по тожеству значенія, переходило въ є, ѥ, ѥ, а это въ є. Въ древнихъ памятникахъ, столь многочисленныхъ и разнообразныхъ, каковы наши грамоты, при всей взаимной независимости писцовъ и при неустановившемся правописаніи, когда всякій писалъ, какъ хотѣлъ, ибо при различіи нарѣчій правописаніе одного не могло удовлетворить вполнѣ свойствамъ другаго, никакъ не слѣдуетъ строго держаться буквенныхъ начертаній, но должно видѣть въ нихъ мысль писца, понимать, что хотѣлось писцу выразить тою, или другою буквою; а для этого руководствомъ служитъ взаимное сличеніе памятниковъ въ ихъ правописаніи и вниманіе къ способу и пріемамъ, какіе любилъ употреблять тотъ, или другой писецъ. Такимъ образомъ, принявъ въ расчетъ неясность въ начертаніи мягкаго є и въ замѣнѣ имъ б-ы ѣ, мы не можемъ признать, чтобы во всѣхъ вышеприведенныхъ нами примѣрахъ замѣны ѣ б-ю є дѣйствительно происходила эта замѣна; скорѣе мы должны думать, что начертанія ѥ, є, ѥ, ѥ и т. п. служили для ѣ такъ же хорошо, какъ и ѥ, ѥ, ѥ, ѥ, и что сдѣсь въ сущности мы имѣемъ дѣло съ такимъ же звукомъ ѣ какимъ является онъ или въ своей Ц.-Славянской одеждѣ, какъ ѣ, или въ Сербской, какъ ѥ, ѥ и т. д., ему одному присвоенной. Но такъ какъ ѣ въ Сербскомъ языкѣ, по Герцеговинскому подрѣчію, звучитъ, какъ *є*, т. е., какъ мягкое *е*, или по-ц.-славянски ѥ, то, слѣдовательно, сдѣсь не можетъ быть никакого затрудненія. а равно различія между начертаніями для *ѣ* и для кореннаго мягкаго *е*: тѣ и другія сходятся въ своемъ произношеніи и тѣмъ подтверждаютъ Сербскую основу звука *ѣ*. Этотъ звукъ, какъ соединеніе твердаго *а* съ небнымъ *и*, долженъ былъ непремѣнно вылиться въ полумягкое долгое *е*, которое, въ отличіе отъ кореннаго *е*, отвердѣвшаго и сдѣлавшагося чистымъ и краткимъ звукомъ, и по смягчающему свойству Сербскаго языка, приняло видъ мягкаго *е* и въ произношеніи ничѣмъ, кромѣ непремѣнной

долготы, не отличалось отъ смягченнаго кореннаго *е*. Отъ того какъ звукъ *е*, такъ и звукъ *ѣ* сошлись между собою, а по тому и начертанія, введенныя для того и другаго, должны были тоже сойтись между собою. Разница между ними заключалась только въ количествѣ ихъ, но отнюдь не въ природѣ. Коренное смягченное *е* могло быть обоюднымъ, а *ѣ* непремѣнно долгимъ: оба же звучали, какъ *ѣ*. Что касается до протяжнаго смягченія *ие*, то въ нынѣшнемъ Герцеговинскомъ подрѣчіи оно возникаетъ подъ извѣстнымъ условіемъ, именно, тамъ, гдѣ надъ нимъ должно пасть удареніе. Вѣроятно, и въ старину такъ должны были звучать тѣ слоги съ *ѣ*, на которые падало удареніе; но, какъ мы уже замѣтили, начертаніе **нѥ, не, нѥ**, было употреблено въ немногихъ грамотахъ, а по тому въ большей ихъ части протяженное смягченіе не выражалось на письмѣ, и въ тѣхъ же самыхъ формахъ, въ которыхъ однѣ грамоты пишутъ **нѥ, не, нѥ**, другія пишутъ **нѥ, є, ѥ**, на пр.: **рнѥчь** (С. № 105), **рнечи** (С. № 143) и **рѥчь** (С. № 142), **по свбнѥ** (С. № 128) и **по свбнѥ** (С. № 155), **в внеке** (С. № 132) и **в вѥке** (С. № 133), **всиѥ** (С. № 142) и **всемь** (С. № 144), **в ζаписнехь, на потѣннѥ** (С. № 143) и **в ζаписнехь** (С. № 133), **по поутенехь** (С. № 158) и пр. Отсюда замѣчаемъ также, что хотя въ сущности **нѥ, не, нѥ** должно было произноситься иначе, чѣмъ **нѥ, є, ѥ**, однако на письмѣ оба начертанія были смѣшаны, и одно употреблялось вмѣсто другаго; равно первое, становясь не вездѣ на своемъ мѣстѣ, должно было и произноситься иначе, сходясь въ произношеніи на незаконныхъ мѣстахъ со вторымъ. Остается для Западной семьи рѣшить недоразумѣніе, которое могутъ породить тѣ изъ примѣровъ, въ которыхъ стоитъ чистое **є** вмѣсто **ѣ**. Мы уже сказали, что смягчающая сила увеличивалась въ грамотахъ по мѣрѣ ослабленія Ц.-Славянской стихіи и водворенія народной. Всего болѣе обнаружилась эта сила въ концѣ XIV-го и въ XV-мъ в. вмѣстѣ съ появленіемъ грамотъ Западной семьи. Отъ того писцы стали пренебрегать еще болѣе начертаніями твердаго и мягкаго **є** и смѣшивать ихъ: по этому въ Западныхъ грамотахъ болѣе, чѣмъ въ какихъ либо другихъ, подъ **є** должно разумѣть мягкое **ѥ**. Такъ изъ вышеприведенныхъ примѣровъ слѣдующіе: **ѡ ѕвѣтехь, ѿ лѣтехь, на свѣтехь, в сждѣ ζлатехь, в покладехь** имѣютъ мягкое **є** при буквахъ **д** и **т**, хотя оно и не выражено на письмѣ; то же и при б-ѣ **р**, которая и теперь въ Герцеговинскомъ подрѣчіи пишется съ простымъ *е*; а другіе, какъ на пр., **доколе, ѡбѣћавамо, вѣрѣ, видеши** и пр., находятъ себѣ объясненіе въ той двойственности формъ, съ которою они являются въ грамотахъ: для нѣкоторыхъ между самими примѣрами уже готовы двойники съ мягкимъ **є**, а для другихъ не мудрено представить ихъ противни. Развѣ одинъ только дьякъ **ζвѣζдичь** и написанное имъ слово **ζьвѣζдичѥ** останутся безъ двойника. Такимъ образомъ, припомнивъ весь кругъ замѣны б-ы **ѣ** какъ б-ю **ѥ**, такъ мягкимъ **є** во всѣхъ его видахъ, мы увидимъ, что большинство случаевъ относится именно къ этой замѣнѣ въ грамотахъ Западной семьи, начиная со второй половины XIV-го в.; а для чистаго твердаго **є** въ этѣхъ грамотахъ почти не остается мѣста. Исключенія въ пользу **є** столь же незначительны, какъ исключенія въ пользу **ѥ** въ грамотахъ Восточной семьи. Отсюда вытекаетъ общее заключеніе, что въ XIII-мъ и XIV-мъ вв. въ грамотахъ Западной и преимущественно Восточной семьи чистое и открытое **є** замѣняло **ѣ**; оно осталось въ XV-мъ в. въ собственно-Сербскихъ, Черногорской и Турецкихъ грамотахъ. Со второй половины XIV-го в. въ Западныхъ грамотахъ началась, а въ XV-мъ в. усилилась замѣна б-ы **ѣ** б-ю **ѥ**

и въ особенности мягкимъ **ѥ** съ различными видами его начертанія. Явленіе б-ы **и** въ Восточной семьѣ и б-ы **е** въ Западной вмѣсто б-ы **ѣ** составляетъ маловажное исключеніе, объясняемое взаимными государственными сношеніями Сербскихъ областей, мѣсторожденіемъ дьяковъ, которые изъ одной области могли переходить на службу въ другую, и неустановившимся способомъ правописанія. Большей общности книжнаго языка, преобладанію Восточнаго правописанія и слабости народной стихіи въ древнѣйшую пору Сербской письменности должно приписать замѣну **ѣ** б-ю **е** въ грамотахъ Западной семьи XIII-го в. Но при этомъ не должно забывать, что въ эту самую пору часто употреблялось одно **е** какъ вмѣсто себя, такъ и вмѣсто мягкаго **ѥ**, по чему произношеніе рознилось съ правописаніемъ; не должно забывать также и того, что въ XII-мъ в., въ грамотѣ Кулина, находится уже замѣна **ѣ** звукомъ **е**, но не чистымъ и открытымъ, а приряженнымъ и мягкимъ **е**, отвѣчающимъ позднѣйшему **ѥ**.

Обращаясь къ б-ѣ **ѣ**, мы въ самомъ служеніи ея находимъ еще большее доказательство въ пользу того, что въ основаніи ея лежалъ звукъ *е*, и что у западныхъ Сербовъ она звучала какъ *е*, *ие*, а у восточныхъ какъ *е*. Если звукъ **и** замѣнялъ **ѣ**, и если, на оборотъ, **ѣ** замѣняло **и**, то и звукъ **е** съ своими видоизмѣненіями, замѣняя **ѣ**, самъ, въ свою очередь, замѣнялся имъ. Замѣна **е** б-ю **ѣ** начинается въ XII-мъ в. и продолжается до конца XV-го; впрочемъ, въ послѣднемъ вѣкѣ она далеко не такъ обильна, какъ въ предыдущихъ. Мы находимъ ее въ слѣдующихъ случаяхъ: **свѣтѣмь** (вм. **светѣць**, т. е., **сватѣмь**, А. № 1), **слано полѣ**, **прьвѣньцемь**, **властелѣхь**, **прѣсвѣтые** и пр. (Ш. № VII), **видѣ**, гдѣ **ѣ** замѣняетъ **е**, образовавшееся изъ носоваго **ѧ**, **вашѣи вѣрѣ** (С. № 2), **аньдрѣи** (С. №№ 4, 15), **сѣ** (**се**, **сѧ**, С. №№ 8, 12, 14, 17), **обѣтовлѣнѣ** (С. № 8), **имѣ** (**имѧ**), **вьсѣдержителѧ**, **сѧѣ** (вин. мн.), **сѣ** (**се**, **сию**), **акѣ вѣрьсть** (С. № 12), **кьмѣрьвь** (С. № 13), **велики**, **сѣ** (**сию**), **да се подьпрѣ**, **вьмѣти**, **да сепьнѣ** (С. № 14), **свѣтитель**, **врагоеѣ**, **државѣ**, **поставѣ** (им. мн.), **врьхь жьрьновьнцѣ**, **до вѣрьтьвѣ**, **стоѣ** (**стою**), **кнеӡовѣ**, **ѿь папѣ**, **кастьвѣ** (вин. мн.), **аньдрѣа**, **вь имѣ**, **доубровьчьвѣ** (вин. мн.), **нѣ** (**ню**) (С. № 16; Ш. № XVI), **марцѣлѣ**, **продаювѣ**, **на трьгѣ** (вин. мн.), **правьдѣ** (род.), **прикрьжѣ** (С. № 17), **властелѣ** (им. мн., С. №№ 17, 43), **тебѣ** (вин., С. № 19), **да судѣ** (С. № 21), **ѹ то врѣмѣ**, **присвдѣсе** (С. № 26), **елѣна** (С. №№ 27, 32), **мѣгмин и мегѣ** (им. мн.), **ѿ ӡемлѣѿ**, гдѣ въ двойной формѣ отразилось колебаніе (С. № 176), **помѣнь** (А. №№ 7, 8), **ерѣ**, **говорѣве** (С. № 40), **свѣасть** (А. № 10), **ӡа все кривинѣ и дьлговѣ**, **беӡабавѣ**, ср. **беӡь ӡабаве**, **да не ѹӡмѣ**, **ӡаконѣ и повелѣ** (вин. мн.), **що сѹ ӡалоге ӡаложенѣ** (С. № 43), **принесѐмь** (В. № 1), **кнеѕѣ**, **глѣда**, **оувѣденіе**, **вьвѣденію**, **иӡрѣдиеже**, **прѣродителѣми**, **вѣликыимь**, **вѣлицѣхь**, **на дѣсно**, **пріидѣ**, **родитѣль** (А. № 11), **неиӡьвтѣиными**, **привѣдь**, **вьвѣденіе** (Г. А), **ѿ главѣ** (А. № 12), **севастократорь** (А. № 13). Въ Законникѣ очень часто: **кнеӡовѣ**, **христіанѣ**, **трьговѣ**, **протопопѣ**, **поповѣ**, **планинѣ царевѣ**, **хоусарѣ**, **ситѣ**, **неропшинѣ**, **воеводѣ** (им. и вин. мн.), **живѣ** (-**а**), **сноупѣ**, **соудѣ** (3-е л. мн.), **силѣ**, **кобилѣ**, **жоупѣ** (род. ед.), **да се ѡбѣсѣ**, **мѣтохые**, **вѣдѣвьса и пѣдепсатьсе** и пр. (З.), **пріивѣдыи**, **виноградѣ**, **вестревьцѣ** (В. № 2), **ѹспомѣнуше**, **повѣлѣніи** (А. № 18) и пр. и пр. Такова замѣна въ XIII-мъ и XIV-мъ вв. Въ XV-мъ въ собственно-Сербскихъ грамотахъ ее находимъ въ слѣдующихъ формахъ: **ӡаирѣвлѣнѣ**, **ѿ чьрнинѣ**, **повѣли и повели** (А. № 17), **ѿ живѣ**, **ѿ грачаницѣ**, **сѣлищѣ** (А. № 19), **властелѣ** (им. мн.), **ӡа ѹдавѣ** (вин. мн., С. № 111), **како нѣ ни хоусѣ ни татбѣ** (С. № 137),

братѣницѣ (С. № 147), **врѣ** (С. № 166), **ѡ мѣарѣ** (С. № 167), **всемилостивномь**, **да се зовѣ** (Г. V), **тѣбѣ** (вин.), **да бѫдѣть** (А. № 20) и въ Черногорской: **при нѣи**, **таконѣгарѣ**, **мѣгѣ**, **за себѣ**, **земаѣ** (род. ед.), **кѣаїю**, **земаѣю** (Мл.). Въ Западныхъ грамотахъ XIV-го и XV-го вв.: **не хотѣ** (**хотаи**, С. №№ 68, 108, 109, 157), **хотѣе**, **хотѣе**—колебаніе (С. №№ 86, 157), **маѣие,-е**, **едѣна,-омь** (С. № 87, 109, 110, 142), **нѣгови** (С. № 108), **приѣмше** (С. № 120), **коѣ** (род. ед. жен., С. № 127), **радикоѣ** (им. ед.), **ѡбдарованьѣ**, **кированьѣ** (вин. мн., С. № 141), **колѣ** (род. ед., С. № 144), **братѣницѣма** (С. № 163), **заповѣдаѣ** (-ю), **моѣ** (**мое**), **коѣ** (**кое**, **кою**), **ѣ** (**ѥ̑**) (С. № 164). Очевидно, замѣна преобладаетъ въ Восточной семьѣ, а въ Западной только въ XIII-мъ в. Вникнувъ въ примѣры, мы легко можемъ замѣтить, что въ большей части изъ нихъ **ѣ** замѣняетъ мягкое **ѥ**, что и доказываетъ мягкую природу этого звука. Въ Западныхъ же грамотахъ XIV-го и XV-го вв. **ѣ** всюду замѣняетъ мягкое **ѥ**; а если въ Восточныхъ и древнѣйшихъ Западныхъ **ѣ** стоитъ иногда на мѣстѣ полутвердаго **е**, то это объясняется взаимною смѣною этихъ звуковъ. Видимъ также, что **ѣ** безпрепятственно замѣняетъ носовое **ѧ**, но не прямо, а чрезъ посредство **ѥ**: стало быть, оно имѣетъ дѣло лишь съ послѣднимъ, не различая однако въ немъ основнаго отъ замѣнительнаго звука. Сверхъ того, 6-а **ѣ** смѣняется съ 6-ю **е** въ словахъ: **срѣбрьними** (А. № 11), **срѣбра**, **срѣбрьне** (С. № 130), **срѣбрѣни**, **-омь** (С. № 159) и **сребрьни**, **-нога**, **-нехь**, **-нимьи** (А. № 3; С. №№ 115, 126, 128, 138, 146, 147, 158), **сребнии** (А. № 4), **сребро**, **-а** (С. №№ 124, 125, 135, 147), **сребрьнехь** (С. № 134), **сребрьнимьи** (С. № 138), **срѣбра** (А. № 16). Хотя въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ существуетъ одна только форма *сребро*, однако присутствіе въ древнемъ книжномъ языкѣ другой формы съ **ѣ** объясняетъ Чешское *stríbro*. Имя **Стѣфань** пріобрѣло себѣ другую форму—съ **ѣ**: будучи Греческимъ, *Στέφανος*, не можетъ собственно заключать въ себѣ существеннаго **ѣ**; но, перенесенное на Сербскую почву, до того усвоило себѣ **ѣ**, по случаю мягкаго **т**, что легко можетъ поспорить въ первенствѣ съ своимъ дружкой, удержавшимъ въ себѣ **е**. Какъ та, такъ и другая форма имѣютъ на своей сторонѣ почти по ровному числу памятниковъ. Первую находимъ въ С. №№ 2, 7, 9, 13, 21—25, 28—31, 33, 34, 36—40, 42, 43, 46, 48—55, 62, 66, 84, 85, 112, 115, 116, 123, 126, 128, 138, 146, 150; Ш. № 16; А. №№ 2—5, 7—12, 16, 17, 18; Г. А; мон., Г. III, №№ 6, 7, 10, 11, 27—30, 39, 40, 41, 71, 72; Рейх. XVIII, 8; Бод.; печ., А. № 1. Вторую и перегласованную изъ нея съ 6-ю **и** въ А. №№ 1, 13, 19; С. №№ 2, 14, 57, 60, 64, 71, 74, 83, 84, 89, 92, 95 — 98, 108, 120, 124, 128, 132, 133, 134, 137, 138, 140—144, 147, 150, 151, 152, 154, 156—159, 161, 163, 164, 173, 179; печ., С. № 120. Объясненіемъ 6-ы **ѣ** служитъ форма съ **е**, **ие**, **и**: **стефань**, **степань**, **-и**, **степагнь**, **стиепань**, **-а**, **стиепковикь**, **стиепковикю** и т. п. (С. №№ 84, 112, 115, 119, 163, 176; печ., А. №№ 8, 11). Изъ сличенія памятниковъ, имѣющихъ ту, или другую форму, т. е., пишущихъ это имя или съ **е**, или съ **ѣ**, **ие**, **е**, **и**, **и**, видно, что въ древнѣйшее время въ Восточныхъ грамотахъ преимущественно господствовала въ этомъ имени 6-а **е**, а въ позднѣйшее время въ Западныхъ грамотахъ — 6-а **ѣ**, или **е** и **и**, что совершенно согласно съ нашими изслѣдованіями о свойствѣ 6-ы **ѣ**. Исключенія же не служатъ опроверженіемъ. Слово *Дечаны* находимъ въ формѣ **дѣчани**, **дѣчани** и **дечане** (С. № 176). Сверхъ того, не лишнимъ будетъ замѣтить, что слѣдующія слова всегда пишутся съ **ѣ**: **прѣдь**, **прѣ**, **срѣда**, на пр., **посрѣдѣ** (А. №

19), **срѣдноемь**, **-ѣ** (С. №№ 151, 152, 153), **благодѣть**, **-тию**, какъ въ Ц.-Славянскомъ языкѣ, (С. №№ 50, 68, 104; А. № 13), **бъдь благодѣтьнь** (А. № 16), **смѣрѣвши** (А. № 3), **смѣрѣны** (А. № 4), **смѣреный** (А. № 9), **смѣрии** (С. № 104), **смѣрисе**, **смѣрствѡь** (С. № 143), а чрезъ перезвукъ **ѣ** въ **и**: **смирии** (С. № 102), **свѣтельнища** (А. № 4), **свѣтельствие** (С. № 86), **свѣдоубоу**, **-в**, **-омь** (С. №№ 73, 91, 137, 143), **свѣдѡви** (С. № 111), **свѣдители** (А. № 16), **свѣдочисмо** (С. № 156)' **свѣдоквю** (С. № 158), **свѣдоци**, **-ки**, **-кь**, **-кѣ**, **-дѡ** (С. №№ 43, 73, 83, 91, 111, 113, 117, 127, 139, 163, 164, 165), а по другому правописанію **сведоци** (С. № 127), откуда чрезъ перемѣну **ѣ** въ **и** по свойству Западныхъ грамотъ: **свидоци** (С. №№ 95, 103, 118, 136, 140, 150, 179 и др.), **свидитѣлство** (С. № 171), **свидочство** (С. № 162) и пр. отъ **съвѣдѣти**, по чему полезно снести выраженія: **томьи смо вѣщи и тои свѣдочисмо** (С. № 156).

Въ формѣ **прѣшии** (С. № 83) **ѣ** замѣняетъ **о**.

Б-а **ѣ** образуется изъ стяженія звуковъ **ин** и **еи** (**ии**), какъ на пр., **сѣи**, ср. **сими** (Ш. № VII), **кѣ** (**кои**, С. № 8), **сѣ** (**сни**, С. № 14), **нѣдань**, **нѣдна**, **-о**, **-ога**, **-ога**, **ни идань** (С. №№ 87, 108, 157, 164), **людѣ** (**-ни**, С. № 144), **поразѣкна** (**-биниа**, С. № 157), **ливадѣ** (**ливадии**, А. № 11); чаще при отрицаніи глаголовъ **имати** и **бытн**: **нѣма**, **-мамо**, **-мли** (Ш. № VII; А. № 3; С. №№ 10, 26, 34), **нѣ**, **нѣсть**, **нѣсоу**, **-в** (С. №№ 4, 13, 35, 36, 39, 43, 45, 54, 64, 70, 71, 73, 91, 111, 137, 138, 147, 167, 176, А. №№ 3, 5, 6, 7, 9, 13, 14, 18; З.; Мл.) и пр. Послѣднюю форму не трудно объяснить этимъ стяженіемъ, припомнивъ, что нѣкоторыя Славянскія нарѣчія, какъ-то: Хорватское, Хорутанское, Чешское и самое Сербское удерживаютъ въ 3-мъ л. мн. ч. глагола *быти* полный корень *ес*.

Обозримъ все пройденное нами пространство служенія б-ы **ѣ** и выведемъ общее заключеніе объ ея природѣ. Знакъ **ѣ**, взятый изъ Кирилицы, оказался въ Сербіи однимъ изъ самыхъ неопредѣленныхъ буквенныхъ начертаній. Онъ употреблялся вмѣсто **ѣ**, **е**, **и**, **ие**, **и**, и на оборотъ, вмѣсто него употреблялись **е**, **и** (**є**, **ѥ**, **еи**, **ие**), **ие**, (**ие**, **ие**), **и**. Эта взаимная смѣна доказала окончательно природу звука **ѣ**. Обращеніе его въ **е**, **и** и **ие** со всѣми видоизмѣненіями ихъ начертаній показало, что въ основаніи его лежитъ звукъ **е**, въ которомъ смягчающее свойство Сербскаго языка развило зародышъ мягкости и сравняло не только съ обыкновеннымъ **и**, но еще вытянуло въ **ие**; смѣна же его съ **а** и **и** показала, что онъ сложился изъ *а+и*, и что въ этой сложной его природѣ не только бываетъ равновѣсіе, производящее средній, собственно мягкій и долгій звукъ **е**, но является мѣстами и колебаніе, дающее перевѣсъ тому, или другому образовательному звуку, отъ чего происходятъ **а**, или **и**. Эти не уравновѣшенные звуки занимаютъ въ Сербскомъ языкѣ второстепенное мѣсто; а главное мѣсто принадлежитъ звуку **е**, который окончательно твердѣетъ въ Ресавскомъ подрѣчіи и окончательно смягчается въ Герцеговинскомъ. Въ послѣднемъ **ие** есть какъ бы противодѣйствіе переходу **е** въ **и**, существующему въ Сремскомъ подрѣчіи. Въ этомъ послѣднемъ, вѣроятно, въ слѣдствіе государственной судьбы Славоніи, Срема, Бачки и Баната, развившейся подъ условіемъ частыхъ переселеній сюда Сербскаго племени, составилось два выговора: *е* и *и*; первое, вѣроятно, занесено было сюда православными Сербами, а второе родилось отъ сосѣдства и общенія съ Хорватами, ибо дѣйствительно оно любимо Римо-католиками Славонцами и Далматинцами. Возможность перехода **е** въ *и* не подлежитъ никакому сомнѣнію; даже въ самомъ Герцеговинскомъ подрѣчіи, если за *е* (*je*) слѣдуетъ гласная, въ особенности мяг-

кая, то *е* обращается въ *и*: *сияти*, *дио*. Другое заключенiе, истекающее изъ нашего обзора, относится къ исторiи и мѣстности звука ѣ. Звукъ этотъ своими повременными видоизмѣненiями отвѣчаетъ нынѣшнему, на немъ основанному, дѣленiю Сербскаго нарѣчiя на подрѣчiя. Восточныя грамоты, коихъ мѣстонаписанiе должно предполагать въ области Ресавскаго подрѣчiя, замѣняютъ ѣ б-ю е; Западныя грамоты, по мѣстности своей относящiяся къ Герцеговинскому подрѣчiю, замѣняютъ ѣ б-ии ие и ие (съ различными начертанiями): таково показанiе большинства историческихъ данныхъ. Сюда должно присоединить еще слѣдующiе три историческiе вывода: 1) въ половинѣ XIII-го в., по случаю большей неприкосновенности и цѣльности, а по тому и большаго разъединенiя книжнаго языка съ народнымъ, появляется и въ Западной семьѣ замѣна б-ы ѣ чистымъ е; 2) въ Западныхъ грамотахъ XIV-го и XV-го вв. существуетъ обильная замѣна б-ы ѣ б-ю и: это объясняется языкословно, равно какъ вѣроисповѣдною и государственною судьбою западныхъ областей Сербiи; и 3) по всѣмъ грамотамъ проходитъ довольно сильная замѣна б-ы а б-ю ѣ, чего нѣтъ въ нынѣшнемъ Сербскомъ нарѣчiи: это объясняется свойствомъ самого звука *я*, который, при малѣйшемъ ослабленiи преобладающаго въ немъ *а* и усиленiи *и*, можетъ переходить въ среднее мягкое *е*, *је*, какъ въ Хорутанскомъ, или, на оборотъ, мягкое долгое *є* или *ѣ*, т. е., *а+и*, при нарушенiи равновѣсiя, переходитъ въ *я*, или въ *и*, какъ въ Н.-Булгарскомъ, Польскомъ, Чешскомъ и Бѣлорусскомъ нарѣчiяхъ.

Второй сложный по природѣ звукъ есть *о*. Онъ образовался изъ слитiя *а* и *у*, отъ чего въ Санскритѣ былъ отличенъ долготою. Но въ другихъ Индоевропейскихъ языкахъ онъ былъ возведенъ на степень кореннаго и простаго звука, и по тому сдѣлался обоюднымъ по своему количеству. Славянскiе языки поставили его на ряду съ простыми коренными звуками, забывъ его первичную непремѣнную долготу. По природѣ своей, звукъ *о* занимаетъ мѣсто между *а* и *у*. Будучи слiянiемъ двухъ твердыхъ звуковъ, онъ твердъ, какъ и они. Первоначально въ Кирилицѣ было одно простое о, потомъ явилось и двойное ѡ, Греч. *ω*. Въ этихъ двухъ видахъ приняли его и Сербы въ свою древнѣйшую письменность. Не наше дѣло разсматривать законы, на основанiи которыхъ въ Ц.-Славянской письменности стало употребляться то и другое начертанiе; представимъ сдѣсь наблюденiя, сдѣланныя нами надъ обоими начертанiями только въ области одной Сербской письменности, гдѣ они пользовались уже равнымъ правомъ гражданданства. Главное и общее правило, которое проведено, въ большей, или меньшей степени, по всѣмъ памятникамъ, состоитъ въ томъ, что въ началѣ слова и послѣ гласной писалось ѡ, а въ другихъ случаяхъ о. На долготу и краткость звука не обращалось вниманiя, равно какъ нельзя подозрѣвать, чтобы ѡ означало мягкiй, а о твердый звукъ. Употребленiе того и другаго, конечно, могло родиться изъ подражанiя, на пр., б-мъ ѥ и є, но подражанiе это не могло быть навязано самому произношенiю звука о, ибо, во первыхъ, онъ всегда произносился одинаково какъ въ томъ, такъ и въ другомъ видѣ, а во вторыхъ, для смягченiя его употреблялась также б-а ѥ, но только въ полномъ начертанiи, какъ увидимъ ниже. Но главное правило, хотя и выдерживаетъ всякое возраженiе по большинству случаевъ, однако не лишено множества исключенiй. Въ древнѣйшихъ памятникахъ до половины XIV-го в. часто является о вмѣсто ѡ въ началѣ слова и послѣ гласной, а съ половины XIV-го в. до конца XV-го ѡ часто заступаетъ мѣсто о въ срединѣ слова послѣ согласной. Въ такомъ порядкѣ являются исключенiя. Разумѣется, сдѣсь не

обошлось безъ влiянiя свойствъ той и другой семьи грамотъ. Обратный порядокъ исключенiй, хотя также находитъ себѣ представителей, ибо въ дѣлѣ столь произвольномъ и неопредѣленномъ, каково древнее правописанiе, возможенъ всякiй случай; однако таковые примѣры весьма рѣдки и несравненно рѣже исключенiй перваго рода. Кажется, главное и общее правило начертанiй, сейчасъ нами упомянутое, установлено было Сербскими писцами, ибо, во первыхъ, большее количество исключенiй, и именно въ пользу о, находимъ въ тѣхъ грамотахъ, кои держатся ближе къ Ц.-Славянскому правописанiю; во вторыхъ, всякое правило, касающееся одного лишь внѣшняго начертанiя буквы и не основанное на внутреннемъ ея свойствѣ, должно было скоро впасть въ несостоятельность и допустить множество исключенiй. Такъ дѣйствительно въ послѣдствiи замѣчаемъ частое употребленiе ѡ не на своемъ мѣстѣ, тогда какъ прежде оно ставилось весьма осторожно и правильно: ясно, что законъ возникъ уже на Сербской почвѣ, въ туземной письменности, и тутъ же отъ времени исказился. Я сказалъ, на Сербской почвѣ, — и дѣйствительно, грамота Кулина не представляетъ ни одного исключенiя; въ ней пишется: ѡ҃ца, ѡ҃ѣ, ѡсьмьдесѧть, ѡкланѧ и до, гои, с҃то, но моѥмь, що, радоѥ и пр. и пр. (А. И.). Напротивъ, въ гр-ѣ Немани, болѣе близкой къ Ц.-Славянскому языку, встрѣчаемъ о вмѣсто ѡ: приобрѣтохь, о мьнѣ, симеонь, осталь, опеть, симеѡнь (у Ш. № V—симеѡноѡь), а на печати: великаго (у Ш.—о), но все таки большинство случаевъ остается за правиломъ (А. № 1). Въ XIII-мъ в. правильное употребленiе о и ѡ находимъ въ гр-хъ С. №№ 2, 3, 4, 7, 9, 13, 15, 17, 26. Въ другихъ есть исключенiя, между которыми на 24 незаконныхъ о приходится всего только 6 незаконныхъ ѡ. Прибавимъ сюда также и то, что на каждое незаконное о, или ѡ, законныхъ можно привести по нѣскольку: не говорю уже о грамотахъ, гдѣ нѣтъ исключенiй. Также противъ неправильнаго употребленiя б-ы ѡ послѣ согласной говоритъ все достальное бесчисленное множество случаевъ правильнаго употребленiя тамъ же б-ы о. Нельзя не замѣтить и того, что въ двухъ грамотахъ, Боснiйской и Приморской (С. №№ 5, 18), пишется почти постоянно одно о; въ первой даже нѣтъ вовсе другаго начертанiя, а въ послѣдней только одинъ разъ употреблено ѡ; но такъ какъ въ этѣхъ грамотхъ недостаетъ также и начертанiя ѥ, то можно думать, что писецъ, по случаю ихъ отдаленности отъ Ц.-Славянской стихiи, пренебрегъ общимъ книжнымъ языкомъ и хотѣлъ ввести свое правописанiе, кратчайшее и по тому удобнѣйшее; точно также, какъ позднѣе другой писецъ хотѣлъ писать ү вмѣсто оу или ȣ. Вообще соотношенiе между недостаткомъ ѥ и ѡ въ начальныхъ грамотахъ XIII-го ст. не можетъ не броситься въ глаза внимательному изслѣдователю. Равномѣрно нельзя не замѣтить въ послѣдствiи, въ XV-мъ в., обилiя въ начертанiи ѡ и вмѣстѣ съ нимъ є, ѫ, ѩ и т. п. Такимъ образомъ исключенiя изъ общаго вышеупомянутаго правила употребленiя начертанiй о и ѡ составятъ не болѣе, какъ 1/ѡ. Въ XIV-мъ и XV-мъ вв. въ собственно-Сербскихъ грамотахъ, кромѣ Аѳонскихъ, незаконное употребленiе начертанiя ѡ усиливается; но вообще исключенiя маловажны. Въ XV-мъ же вѣкѣ, кромѣ четырехъ весьма сомнительныхъ случаевъ, гдѣ едва ли правильно понято начертанiе начальной б-ы О (С. № 91), исключенiй для о нѣтъ; неправильное употребленiе находимъ только для ѡ. Вообще отношенiе въ этихъ двухъ вѣкахъ между обоими начертанiями принимаетъ въ упомянутыхъ грамотахъ обратный смыслъ сравнительно съ XIII-мъ в.: сдѣсь на 8 случаевъ незаконнаго употребленiя начертанiя о приходится 110 случаевъ таковаго же употребленiя начертанiя ѡ. Укажу на нѣкоторыя формы,

которыя можно объяснить двояко, или оправдывать въ смыслѣ правила, или обвинять въ смыслѣ исключенія; таковы: ωоцѣ (С. № 35), которую писецъ въ произношеніи воображалъ, какъ ωтоцѣ; прѣωше (С. № 40), хрисωвуль (С. № 46), грѣωмь (С. № 55), изъ которыхъ двѣ первыя правильны съ внѣшней стороны или наглядно, ибо писецъ, выведя изъ строки согласную, долженъ былъ поставить ω вслѣдъ за гласною; а послѣдняя правильна въ совершенно обратномъ отношеніи, со стороны произношенія, ибо гласныя разъединены согласною. Сверхъ того, формы изъ XIII-го в.: моиомь, братиомь, скоиомь (С. № 14) представляютъ замѣчательное смягченіе б-ы о, такъ что и, сливаясь съ нею въ одинъ мягкій звукъ, подобно ю, не требуетъ ея удвоенія въ видѣ ω. Не будетъ ли слишкомъ смѣлымъ предположеніемъ, если мы поведемъ далѣе нашу мысль, выраженную выше, что главное и неоспоримое правило употребленія начертаній о и ω возникло между Сербами въ Сербской письменности, и скажемъ, что удвоенному начертанію ω Сербскіе писцы хотѣли придать бо́льшую силу и самостоятельность въ сравненіи съ о, и по тому съ него собственно начинали произношеніе слова и его ставили послѣ гласной, когда эта не сливалась съ послѣдующимъ звукомъ о, какъ въ ио, а напротивъ требовала между собою и имъ твердаго и сильнаго отбоя голоса или, иначе, полной членораздѣльности звуковъ? Вѣдь не писали же никогда оу съ ω, когда это сочетаніе служило для выраженія одного цѣльнаго звука. Мы замѣчаемъ также, что около половины примѣровъ, начиная съ грамотъ Душана, какъ бы послѣдовательно употребляютъ ω послѣ согласной въ творительномъ п. ед. ч. всѣхъ родовъ и мѣстномъ п. ед. ч. муж. и ср. р. Болѣе яснымъ подтвержденіемъ тому служитъ Законникъ Душановъ, гдѣ, можно сказать, постоянно находимъ ω не только въ началѣ словъ, но и въ срединѣ въ твор. п. ед. ч., въ дат. и мѣстн. пп. мн. ч. всѣхъ родовъ и въ мѣстн. п. ед. ч. муж. и ср. р. Кромѣ того ω попадается иногда и въ другихъ мѣстахъ послѣ согласной. Послѣдовательность въ употребленіи ω въ вышеупомянутыхъ случаяхъ набрасываетъ даже тѣнь подозрѣнія въ выправкѣ подлиннаго правописанія Законника. Не совсѣмъ то же сказать можно объ Аѳонскихъ грамотахъ. Сдѣсь, сравнительно съ количествомъ и объемомъ этѣхъ грамотъ, исключеній гораздо больше, и при томъ о незаконное значительно усиливается; сдѣсь незаконное о относится къ таковому же ω, какъ 43: 206. Эти числа уже показываютъ, сравнительно съ предыдущими, что въ Аѳонскихъ грамотахъ исключеній изъ общаго правила болѣе, чѣмъ въ другихъ собственно-Сербскихъ же грамотахъ: стоитъ только указать на гр-у А. № 18, въ которой исключеній почти столько же, сколько во всѣхъ прочихъ Аѳонскихъ. Можно положительно утверждать, что гдѣ сильнѣе была Ц.-Славянская стихія, тамъ главное правило соблюдалось слабѣе, а это и доказываетъ вновь, что правило это родилось на Сербской почвѣ. Законникъ служитъ тому новымъ подтвержденіемъ, ибо, нося глубокіе слѣды вліянія Ц.-Славянскаго языка, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не только допускаетъ обильныя исключенія въ пользу ω, но во многихъ случаяхъ дѣлаетъ ихъ даже правиломъ. Одно, въ чемъ сходятся всѣ Сербскія грамоты, это преобладаніе съ XIV-го в. незаконнаго ω надъ незаконнымъ о, хотя и въ этомъ отношеніи Аѳонскія отличаются отъ прочихъ Сербскихъ, учащая употребленіе послѣдняго. Въ остальныхъ грамотахъ, принадлежащихъ къ Восточной семьѣ, т. е., Зетскихъ, Албанскихъ и Черногорскихъ, происходитъ то же самое, но только въ гораздо меньшихъ размѣрахъ. Наиболѣе исключеній встрѣчаемъ въ гр-ѣ Ивана Черноевича 1485 г. (Мл.); но въ то же время видимъ, что эта

грамота, относясь къ православному Цѣтинскому монастырю, сильно отзывается Ц.-Славянскою стихіею. Вліяніе послѣдней было одинаково со вліяніемъ времени, которое обыкновенно всегда стремится къ уничтоженію созданнаго и къ созданію новаго. Время поколебало правило, установленное тремя вѣками, и породило для него множество исключеній. Трудно было сохранить общность и ненарушимость правила, когда между писцами не было ничего общаго, и не существовало другой науки правописанія, какъ только чтеніе и списываніе грамотъ предшественниковъ. Но такова наука была слишкомъ непрочна. Ошибка однаго писца вводила другаго въ десять подобныхъ ошибокъ. Какъ Ц.-Славянская письменность, въ которой не было Сербскаго правила для употребленія о и ѡ, такъ и время произвели смѣшеніе между обоими начертаніями, а позднѣйшіе писцы, замѣтивъ у древнѣйшихъ довольно частое употребленіе ѡ, подумали, что оно болѣе идетъ къ Сербской рѣчи, и стали употреблять его безъ разбора вмѣсто о. Преобладаніе ѡ можно назвать отличительнымъ свойствомъ Сербскихъ рукописей. Ц.-Славянская стихія тщетно старалась доставить преобладаніе начертанію о вмѣсто ѡ: исключенія въ пользу ѡ превосходятъ своимъ количествомъ исключенія въ пользу о. Въ разсмотрѣнныхъ нами грамотахъ XII-го, XIII-го, XIV-го и XV-го вв. незаконное о относится къ таковому же ѡ, какъ 81: 321. Въ Западной семьѣ, начиная со второй половины XIV-го в., это отношеніе еще болѣе склоняется на сторону ѡ. Начертаніе о встрѣчается, сколько мнѣ удалось замѣтить, почти столько же разъ, сколько и въ разсмотрѣнныхъ сейчасъ грамотахъ (около 90), но за то число и объемъ Западныхъ грамотъ значительно увеличиваются, равно какъ усиливаются и исключенія въ пользу ѡ. Нѣкоторыя грамоты отличаются особенною любовію къ о; въ другихъ же оно является какъ бы нечаянно. Это указываетъ на произволъ писцовъ, изъ которыхъ одинъ любилъ начертаніе о, другой же не терпѣлъ его. Въ число исключеній не входятъ тѣ случаи, въ которыхъ и, какъ смягчающее, предшествуетъ о и вмѣстѣ съ нимъ составляетъ одинъ мягкій звукъ, какъ на пр., госпоиомь, моие, коиои, своиои, моиои, своиомь, иои, можетъ быть, и божиомь, подкисаином-омь, братьиомь (см. н.), а также тѣ, которыя написаны, какъ ѿпѣние (С. №№ 95, 103), ѿо опѣние (С. № 85), пѡкои (С. № 156), ѿиѧхи (С. № 74), и которыя писецъ произносилъ за одно слово, соединяя предлогъ непосредственно съ послѣдующимъ словомъ, ср. ѡдоногаи (С. №№ 102, 104). Кромѣ одной грамоты, лишенной вовсе ѡ (С. № 99), во всѣхъ прочихъ грамотахъ, гдѣ встрѣчается незаконное о, есть и законное ѡ, по чему исключенія кажутся столь малочисленными, что даже, по видимому, вовсе исчезаютъ во множествѣ случаевъ, имъ противорѣчащихъ. Не таково явленіе другаго начертанія ѡ. Это начертаніе стало неправильно употребляться, какъ мы видѣли, преимущественно съ времени Душана; но количество случаевъ его неправильнаго служенія дошло до высшей степени въ Западныхъ грамотахъ конца XIV-го и XV-го вв. Въ рѣдкой грамотѣ не попадается неправильное ѡ и при томъ въ довольно значительномъ количествѣ, такъ что съ перваго взгляда можно замѣтить пристрастіе къ нему большей части писцовъ. Отношеніе его къ неправильному о равняется 35 : 1. Напрасно бы было приводить примѣры. Но какъ бы велико ни было число исключеній, оно никогда не превзойдетъ количества законнаго служенія начертаній о и ѡ; послѣднее встрѣчается, повторяю, безконечное число разъ. Довольное число грамотъ безъ исключеній съ однимъ правильнымъ употребленіемъ обоихъ начертаній, равно какъ силь-

ное противодѣйствіе исключеніямъ въ тѣхъ же самыхъ грамотахъ, гдѣ находятся исключенія, достаточно убѣждаютъ насъ, что въ продолженіи четырехъ разсматриваемыхъ нами вѣковъ изложенное выше общее и главное правило имѣло довольно силы и употреблялось въ большей части случаевъ. Если сравнимъ всѣ грамоты всѣхъ вѣковъ, то увидимъ, что въ отношеніи исключеній XIII-й в. отличается любовію къ **о**, XIV-й смѣшиваетъ то и другое начертаніе, но даетъ преимущество **ѡ**, а XV-й окончательно установляетъ незаконное **ѡ**; правило же остается неизмѣннымъ по прежнему и общимъ для всѣхъ грамотъ: исключенія не опровергаютъ его и даже не ослабляютъ. Это правило—ставить въ началѣ словъ и послѣ гласной **ѡ**, а въ срединѣ и концѣ словъ, послѣ согласной **о** — родилось на Сербской почвѣ и первый наибольшій ущербъ въ пользу незаконнаго **о** потерпѣло отъ Ц.-Славянской стихіи, а потомъ Западная семья грамотъ придала ему наибольшее число исключеній въ пользу незаконнаго **ѡ**.

Б-а **о** усиливается изъ **ь** въ косвенныхъ падежахъ ед. ч. и во всѣхъ падежахъ мн. ч. мѣстоименія **ки** и въ формахъ **кожд** (С. № 35), **котори**, **тогда**, **докола**, **ѡткола** и т. д. (см. в.).

Б-а **о** смѣняется съ **а** въ словахъ: **михола дие** (С. № 2), **михоиль**, **-о**, **-м**, **-а**, **-в** (С. NN№ 12, 16, 19, 21, 27, 133, 176), **михоиловиѥ** (С. № 32), **трокшие** (С. № 7), **ѡсѣноѡь**, **лоѯрѣньтия** (С. № 16), **добижиќа**, ср. **дабижива** (С. № 40), **сотонипою** (С. № 51), **алеѯондрв** (С. № 61), **въ Ієросолимѣхъ**, ср. **въ Ієрославимѣ** (Г. А), **ѥрусолима** (С. № 173). Въ формѣ **юровиѣв** (С., стр. 252) **о** стягиваетъ въ себѣ **ан**: **юраи—юро**, какъ въ **михола** вм. **михаила**.

Б-а **о** замѣняетъ **е** въ словахъ: **гноѕнѡкв** (С. № 35), **топлаусиѡиь** (А. № 4) и **топлоуѵе** (А. № 8). Въ формѣ **ѡктобрие** (С. № 162) **о** замѣнило **е** (**ъ**), ср. **ѡктвбра** (С. № 116).

Б-а **о** замѣняетъ **и** въ формахъ: **прокорлываго** (А. № 7): сдѣсь, вѣроятно, усиленіе изъ **и**, какъ въ словѣ *нора* и **нырити**, **нырище**; **ѡѯароване** (А. № 18), ср. **ѡѯариване** (А. № 19) — не есть ли первое сокращеніе изъ **ѡѯаровавьше**, гдѣ **о** возникло изъ **и** чрезъ весьма обыкновенное усиленіе?

Б-а **о** смѣняется съ **в** въ словахъ: **корила** (С. № 16), **подвижѡшесе** (А. № 4), **хрисоволь**, **-ъ**, **-имь** (А. NN№ 4, 8; 3.), **гоутника**, **-ѣа** (С. NN№ 133, 140), ср. **гвутнѣ**, **-ѣи** (С. NN№ 64, 68, 82, 89, 105), **доброшски** и **доброушьски** (А. № 7), **агоста** (С. № 171), ср. **агвста** (С. № 21).

Б-а **о** смѣняется съ **ъ** въ мѣстн. п. мн. ч. существительныхъ муж. и средн. р. и въ мѣстн. п. ед. ч. прилагательныхъ муж. и средн. р.

Б-а **о** является чрезъ стяженіе въ формахъ **пошравати** (т. е., **поошравати**, А. № 1), **подв**, **подемо** (С. NN№ 3, 10), **гѡргие** (С. № 43), **гѡрги** (А. № 6), **горгие** (С. № 62), **гѡгь** (печ., Р. III, стр. 168), **гѡрги** (С. № 70), **горьгь** (мон., Г. III, № 82), **поки** (**поити**, С. № 72), **доиоган** (С. № 89), **поѡвь**, (т. е., **по ѡвѡмь**, С. № 102), **соиими**, **коиимь** (С. № 141), **доки** (**доити**, С. № 145), **соѡвь** (С. № 157).

Въ словѣ **нѡко** (С. № 165) **ѡ** замѣнило **к**, т. е., **нико** (С. NN№ 158, 159, 163) уменьшительное отъ **нѡкаиь**.

Б-а **о** способна удвоиваться, но безъ всякого внутренняго значенія. Удвоеніе началось въ Восточной семьѣ съ гр-ы Стефана Первовѣнчаннаго, гдѣ находимъ однажды: **поѡдь** (Ш. № VII), и въ гр-хъ Милутина: **ѹтоѡ** (А. № 4), **итоѡ** (С. № 52). Частое употребленіе удвоеннаго **ѡѡ** появилось не ранѣе грамотъ Душана. Сильнѣе распространилось оно въ Западной семьѣ XV-го в. При

Душанѣ и позднѣе второе о писали сверху перваго и по общему правилу выражали его начертаніемъ ѡ. Таковое написаніе встрѣчаемъ въ грамотахъ Душана, Уроша и Вукашина, на пр., нераꙁорѹшимо (С. № 40), никто, кꙁто (С. № 43) и т. д.; но потомъ, сдѣлавшись какъ бы смѣлѣе, или слѣдуя старинѣ, стали писать въ строку: ꙁлатоѡпѹтати (С. № 40) и т. д. А въ прочихъ, какъ собственно-Сербскихъ, такъ Зетскихъ, Албанскихъ и Черногорскихъ XIV-го и XV-го вв., этого удвоенія вовсе нѣтъ. Напротивъ въ Западныхъ оно встрѣчается въ изобиліи. Въ XIV-мъ в. только: тѡ (С. № 68) и клеменитѡ (С. № 86); въ XV-мъ часто, но не во всѣхъ (ср. С. NN№ 97, 98, 107, 114, 117, 120, 121, 122, 125, 127, 128, 133, 142—145, 156, 158, 159, 173). По этому формы родительнаго и дательнаго пп. на -оѡга и -оѡмѹ не должно принимать за остатки старины -ааго, -оѹоѹмоѹ, ибо онѣ не встрѣчаются въ тѣхъ грамотахъ, гдѣ нѣтъ удвоенія. Что было причиною удвоенія б-ы о? Долгота и удареніе не могли быть, ибо о удвоивается и въ краткихъ, и въ лишенныхъ ударенія слогахъ. Нельзя ли думать, что чрезъ удвоенное о Сербы хотѣли придать слогу если не природную и не per positionem долготу, то по крайней мѣрѣ условную, вытягивая болѣе обыкновеннаго голосъ на удвоенномъ ѡ? Замѣчательно, что изъ числа случаевъ удвоенія б-ы о бо́льшая часть относится къ конечному слогу и къ окончанію' родительнаго и дательнаго пп. ед. ч. -ога, -омѹ, что и намекаетъ на долготу удвоеннаго оо. Чрезъ протяженіе голоса писцы хотѣли придать слову болѣе силы и значенія. Разумѣется, примѣръ первыхъ писцовъ не обошелся безъ подражанія, которое и доведено было до безсмыслицы. Можно представить и другую догадку. Въ Аѳонскихъ грамотахъ, кромѣ одного случая, нѣтъ удвоенія оо, но есть иное начертаніе для ѡ, о которомъ мы не упоминали, когда говорили о незаконномъ употребленіи начертанія о. Въ нихъ ѡ пишется мѣстами, какъ оо,—и вотъ что могло привести писцовъ къ удвоенію б-ы о: они могли начертаніе оо принять за удвоенное о и по правилу обратили передъ гласною второе о въ ѡ, откуда оѡ. Таковы формы: оѹрооша, прооть (С. А. № 2), силою бжтвоою (А. № 4), прооклеть (А. № 8), оѹставлиноо (А. № 10) и въ Раваницкой: мноогыхъ, аггелоомь (В. № 2). Не перешло ли оо, то же, что ѡ, сначала въ о̑, а потомъ въ оѡ?

Смягченіе б-ы о не нашло себѣ особаго знака въ Кирилицѣ, хотя въ точности еще неизвѣстно, что̀ хотѣлъ выразить св. Кирилъ въ начертаніи ю—мягкій ли звукъ о, или мягкій звукъ оѵ, и онъ ли, или кто другой сократилъ юѵ въ ю? Уже въ Остромировомъ Евангеліи мягкое о пишется вполнѣ чрезъ ио: иота (229), иордана (262). Б-а о, какъ и всякая другая чистая гласная, должна была подвергаться смягченію въ Ц.-Славянскомъ языкѣ; но быть можетъ, частый переходъ мягкаго о въ и избавилъ св. Кирила отъ труда придумывать сокращенное начертаніе для немногихъ случаевъ, гдѣ является мягкое о, и по тому онъ писалъ его или чрезъ ио, или оставлялъ несмягченнымъ, на пр., мосеомь (Остром. Ев., 3), фарисеокъ (Остром. Ев., 222). Въ Сербскихъ народныхъ памятникахъ находимъ двѣ формы, въ которыхъ начертаніе мягкаго о построено на подобіе ꙗ, ѥ; это: божьюмь и моюмь (С. № 141), ср. тутъ же божьнѣмь, божьномь (С. № 134). Онѣ объясняютъ и формы смѣнюмь (см. в.), сиюмь ꙁлилокь, бжиюмь помокню (А. № 1), въ которыхъ, хотя мы предположили ю, т. е., юѵ, однако столь же вѣроятно можно предположить и мягкое о съ уподобленнымъ начертаніемъ ю. Въ другихъ случаяхъ Сербы пишутъ вполнѣ ио или иѡ. Они смягчаютъ о въ началѣ словъ и послѣ и, о;

но неохотливость къ этому смягченію весьма замѣтна. Немногія формъ удержали въ себѣ смягченное о, бо́льшая часть пишетъ твердое о. Мы разсмотримъ сдѣсь только тѣ формы, въ которыхъ мягкое о не переходитъ въ и. Въ началѣ словъ ѡ смягчается въ ю въ формѣ юще (С. № 101), чрезъ которую ѡще переходитъ въ еще. Замѣчательна форма въ свои ѡбитѣли (А. № 14), не переведшая о въ и и не смягчившая его, ср. у свои клѣтѣ (С. № 7). Подобныя ей формы находимъ: моѡи (С. №№ 67, 70, 71, 82, 102, 114, 132) и съ смягченіемъ: моюи (С. №№ 101, 164), по своѡи (С. №№ 76, 80, 143) и съ смягченнымъ ѡ: у своѡи (С. № 77), у свонои (С. № 140), на свонѡи кѣи (С. № 157); у свои (С. № 78), у коѡи (С. № 94) и смягченная: конѡи (С. № 57), о конои (С. № 113); бжиѡй (А. № 15), по бжиѡи (А. № 18), по божиѡи (С. №№ 96, 97) и по божиги (С. №№ 24, 37), божіи (С. № 31), божй (С. № 51), божнни (С. № 52), бжиги (С. № 73). Въ началѣ слова о не смягчено въ формѣ ѡи (ей, С. №№ 87, 93, 109) и съ благозвучнымъ и: у ион (С. №№ 97, 99); но оно смягчено въ формѣ: ион (С. №№ 121, 164). Въ твор. п. ед. ч. жен. р. существительныхъ, прилагательныхъ и мѣстоименій, оканчивающемся на -ѣъ и -мъ, Сербы не любятъ переводить предшествующее о въ и, но или оставляютъ его такъ, безъ перемѣны, или смягчаютъ. Встрѣчаются, правда, въ одной изъ древнѣйшихъ грамотъ формы съ и: конѣь, бжинѣь (С. № 2) и еще въ гр-ѣ С. № 60: своимь (твор. ж.), но ими ограничивается весь переходъ ѡ въ и при предшествующей гласной. Обыкновенныя же формы суть слѣдующія: своѡѣь (С. №№ 3, 26), своѡмь, своѡ̂ь, своѡ̂ (А. № 13; С. №№ 87, 91, 108—111, 124, 125, 128, 137, 163), бжиоѣь, -ѡѣь (С. №№ 6, 7, 21, 27), божиѡмь, -омь, бжиомь, -омь, бжьѡмь, бжиѡ̂, божиѡ̂ь (С. №№ 65, 70, 77, 92, 96, 99, 103, 105, 107, 116, 122, 127, 132, 139, 140, 142, 150, 152, 153, 154, 157, 161, 164), или смягченная свонокь (С. № 14), свонѡмь, свономь, свонѡ̂ (С. №№ 57, 77, 112, 115, 119, 121, 26, 135, 140, 164), божьнѡмь (С. № 134), божьнѡ̂ь (С. № 141); несмягченныя формы: братиоѣь (С. № 14), братиѡмь, братиѡ̂ (С. №№ 86, 96, 98), сѫдиѡмь (С. № 22), гнѡꙁиѡѣѫ (С. № 35); смягченная твонѡмь (С. № 41); кепалиѡ̂ (С. № 43), матиѡ̂ (С. № 49), утиѡ̂ (С. №№ 49, 50), пѣуатиѡмь (С. № 61), госпоѡмь, госпоѡ̂, (С. №№ 66, 97) и смягченная госпономь (С. № 85); моѡмь, моѡ̂ь, моѡ̂ (С. №№ 67, 72, 80, 86, 93, 96, 98, 110, 132, 148, 162, 171) и съ смягченіемъ монѡмь, мономь, монѡ̂ (С. №№ 14, 96, 158, 170), сиомь, сиѡмь (С. №№ 78, 80, 82), тѣпаѵиомь (С. № 85), киѡмь (С. №№ 96, 141), подвисѫкиомь (С. № 101). Впрочемъ, всѣ этѣ несмягченныя формы, кромѣ госпоѡмь, можно считать сомнительными, ибо онѣ, во первыхъ, ѡ, о, передъ и, даже и безъ видимаго смягченія, уже произносятъ мягко; во вторыхъ, два сряду и рѣдко пишутся у Сербовъ и обыкновенно стягиваются въ одно и; въ третьихъ, можно предполагать въ таковыхъ формахъ выпущеніе ь, образовавшагося изъ перваго и: объясненіемъ послѣднему предположенію послужатъ формы: божьнѡмь, божьнѡ̂ь (см. в.), братьнѡмь, -номь (С. №№ 136, 140) и братьѥомь (С. № 141), которыя звучатъ, какъ *божьёмь*, *братьёмь*, и гдѣ, слѣдовательно, и есть вставочное смягчающее для ѡ: яснѣе это видно въ сочетаніи ѥо, которое, по подобію съ ѥа, звучащимъ какъ ꙗ, должно произноситься совершенно слитно, какъ і-о; а такъ какъ ѥ замѣняетъ и, то и ио, ню должно произноситься точно такъ же: отъ того форму братьѥомь (С. № 141; въ этой гр-ѣ ѥ=и) должно читать *братёмь*. Объясненіемъ служатъ также формы:

любовію, платію, милостію (см. в.), гдѣ конечное ь исчезло въ ю, какъ бы любовью и пр., также какъ истиню и истинью (С. № 51); по этому формы, какъ братиомь, можно читать и братіомь и братѣмь, гдѣ, слѣдовательно, и передъ ю не есть первоначальное конечное, но вставочное для смягченія ю; конечное же обратилось въ ь и въ этомъ видѣ исчезло во вставочномъ и, какъ бы братьюмь, игуматьюмь и пр. Явно смягченными находимъ формы, каковы: твоюмь, господомь, конюмь, игуматюмь, подписинюмь, откуда писсѣомь (С. №№ 116, 120, 140), гдѣ и изъ ю перешло въ и и смягчило его въ ѣ. Другой родъ смягченія б-ы о совершается чрезъ ь, но таковыхъ случаевъ немного; замѣчены только слѣдующіе: исьом (С. № 97), вишьом (С. № 103). Въ иностранныхъ словахъ смягченіе выражается точно такъ же, какъ и въ Сербскихъ, чрезъ полное начертаніе ю, при чемъ, конечно, это послѣднее могло звучать и раздѣльно: йоаникиѣ (А. № 4), йоань (А. № 9), ioаной, ioаномь, ioаномь (А. № 6), ioсифа (С. № 176), ioаникіѣ, ioакимь (А. № 11) и пр. Б-а в, вставленная между ю и а въ ювания (А. И.), подтверждаетъ, что ю звучало слитно, какъ нынче въ той же формѣ *Јован*; но открытые значки ˘ надъ юа показываютъ, что всѣ три гласныхъ звука произносились раздѣльно; напротивъ, закрытые ^ свидѣтельствуютъ противное. Наконецъ ю слилось въ одинъ звукъ и и образовало форму иванъ, иваниш и т. д.

Носовые звуки а и ж съ ихъ смягченіями ꙗ и ѭ, не существующіе въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ, были въ немъ когда-то, въ его допамятную пору, и оставили по себѣ нѣкоторые слѣды. О первомъ изъ нихъ мы не станемъ сдѣсь говорить, ибо о нёмъ было довольно говорено при другихъ звукахъ. Перемѣна его въ е столь послѣдовательна и безысключительна, что все служеніе его вылилось въ этой буквѣ. Отдѣлять коренное е отъ замѣнительнаго для а нѣтъ никакой надобности, ибо и самый языкъ не отличаетъ ихъ въ произношеніи. И о второмъ также говорено было въ своемъ мѣстѣ. Сдѣсь же мы хотимъ только напомнить тѣ формы, въ которыхъ носовое ж оставило по себѣ ясные слѣды. Мы уже замѣтили выше, что слѣды ж въ срединѣ слова видны въ именахъ собственныхъ, переданныхъ намъ древними иноземными писателями, каковы: *Carento*, *Μουντιμῆρος*, *Νέστογγος*, *Λογγομῆρος*. Къ нимъ присоединю еще названіе Хорватскаго селенія, встрѣчающееся въ одной Латинской грамотѣ 1071 г., *Sansicovo*, которое можно сравнить съ селеніями въ Сербіи *Санковить* и *Санчица*, хотя послѣднія вѣрнѣе образовались изъ *Сынко*, гдѣ, слѣдовательно, *а* есть озвукотворенное *ъ*[1]. Но такой остатокъ носоваго звука составляетъ рѣдкое явленіе и исключеніе изъ общаго правила. Онъ принадлежитъ глубочайшей древности и оттуда, какъ отвердѣлый памятникъ того времени, дошелъ до насъ, благодаря письму, или памяти народной. Въ наше время, какъ часть живаго слова, съ нимъ вмѣстѣ живущая, ростущая и двигающаяся, присущая ему во всѣ времена, носовой звукъ отразился только въ концѣ словъ въ двухъ формахъ, именно, въ творительномъ п. единственнаго ч. именъ женскаго рода, включая сюда и имена мужескаго рода съ женскимъ окончаніемъ, и въ 1-мъ лицѣ ед. ч. настоящаго и будущаго временъ. Какъ нынѣ, такъ и въ древнѣйшихъ Сербскихъ памятникахъ, эти слѣды существуютъ. Нынѣ въ обоихъ случаяхъ непремѣннымъ окончаніемъ служитъ носовое ж: всѣ виды склоненія именъ существительныхъ, прилагательныхъ, числительныхъ, мѣстоименій и причастій женскаго рода оканчиваются въ твор.

---

[1] Шафар., Slow. Starožitn., II, V, 679. Слав. Древн., II. II, 36.

п. ед. ч. на *-ом.* Исключаются только имена существительныя жен. р., оканчивающіяся на согласную и имѣющія въ твор. п. ед. ч. *-ию* или, чрезъ стяженіе, *-ю* (*jу*). Но это исключеніе вознаграждается мѣстоименіями, употребляющимися для всѣхъ трехъ родовъ, каковы: *я—мном, ти—тобом,* (*си*)*—собом.* Первое лицо ед. ч. настоящаго вр. всѣхъ видовъ глаголовъ оканчивается на *м* съ предыдущею гласною *а, е, и.* Исключаются только глаголы *оћу* и *могу.* Но за то сюда присовокупляется будущее вр. отъ *бити — будем.* Таковы остатки носоваго звука ѫ, ѭ въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ. Въ глаголахъ тотъ же отзвукъ удержали, болѣе, или менѣе, и другія Славянскія нарѣчія. Наши памятники представляютъ тѣ же остатки и въ тѣхъ же двухъ случаяхъ, но съ нѣкоторымъ ограниченіемъ и измѣненіемъ. Ограниченіе состоитъ въ томъ, что какъ въ творительномъ п., такъ и въ 1-мъ лицѣ не всегда окончаніе имѣетъ признакъ носоваго звука. Часто оно оканчивается на ꙋ и ю, что отвѣчаетъ замѣнѣ носоваго ѫ въ другихъ случаяхъ и формахъ Сербскаго языка.

Теперь, когда гласные звуки изслѣдованы, каждый отдѣльно, можно будетъ сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній.

Древній книжный языкъ Сербовъ употреблялъ слѣдующіе знаки для гласныхъ звуковъ: а, ꙑ, и, ꙋ или оу, ѥ, ѣ или є, ѧ, ѫ или ѭ, о. Эти знаки были или общепринятыми, или такими, которые употреблялись въ цѣлой семьѣ грамотъ. Начертаніе ꙑ, но никогда ъі, рѣдко употребляется въ древней Сербской письменности и хотя является во всѣхъ семьяхъ грамотъ, однако главное его мѣстопребываніе находится въ Аѳонскихъ. Начертаніе оу, попадается исключительно въ Восточныхъ грамотахъ и то не во всѣхъ. Два раза встрѣтившаяся б-а э, по нашему мнѣнію, намекаетъ на вліяніе Глаголицы. Б-у є любила Западная семья грамотъ. Мягкій звукъ ѥ обиленъ начертаніями, между которыми встрѣчаются иногда и доведенныя до крайности смягченія, каковы на пр., єѥ, ѥѥ, Іє, иє. Нѣсколько формъ представляютъ смягченіе чрезъ полное и: иѥ. Это послѣднее начертаніе вмѣстѣ съ ѥ, встрѣчающимся въ одной грамотѣ вмѣсто ѣ, связываютъ собою звукъ ѣ съ мягкимъ ѥ, ибо Западная семья грамотъ преимущественно любила выражать ѣ чрезъ иѥ, которое въ нѣкоторыхъ грамотахъ перешло въ ие, ии, ии, отвѣчающее нынѣшнему *ие.* Такъ какъ ѣ по внутреннему свойству своему, условливаемому происхожденіемъ, часто замѣняло собою въ Западныхъ грамотахъ ꙗ, то въ томъ же разрядѣ грамотъ бралось оно иногда для образованія мягкаго а и производило начертаніе ѣа. Въ употребленіи о и ѡ главное и общее правило остается въ своей силѣ, хотя и не лишено многочисленныхъ исключеній. Оно состоитъ въ томъ, что въ началѣ словъ и послѣ гласной поставлялось ѡ, а во всѣхъ прочихъ случаяхъ о. Правило это наиболѣе ослабѣвало въ столкновеніи съ Ц.-Славянскою стихіею, и по тому позволительно думать, что оно было домашнимъ обычаемъ Сербскихъ писцовъ, хотя признаки послѣдовательнаго употребленія ѡ попадаются и въ Д.-Булгарскихъ рукописяхъ. Но позднѣйшее усиленіе этого начертанія, замѣчаемое и въ Д.-Булгарскихъ памятникахъ, равно какъ предпочтеніе, оказываемое одинакому о въ грамотахъ, наиболѣе подчиненныхъ Ц.-Славянской стихіи, показываютъ, что древніе Булгары менѣе, чѣмъ Сербы, любили его, и что первоначально въ Кирилицѣ, перешедшей и къ Сербамъ, употреблялось одно простое о. Мягкое о выражалось чрезъ ио. Поелику носовыхъ звуковъ Сербскій языкъ не терпѣлъ, то одинъ изъ ихъ знаковъ, ѫ, ѭ, былъ вовсе изгнанъ изъ употребленія, а другой, ѧ, ѩ, хотя и встрѣчается

часто въ Аѳонскихъ грамотахъ, какъ ближайшихъ къ Д.-Булгарскому языку, однако служитъ уже для выраженія простаго и.

Въ ученіи о переходѣ и усиленіи звуковъ мы не представляли примѣровъ, касающихся общихъ законовъ звукоизмѣненія, или такихъ, которые существуютъ не въ одномъ Сербскомъ, но и въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Главную тому причину мы видѣли въ двухъ обстоятельствахъ: во первыхъ, изложеніе общихъ законовъ, наблюдаемыхъ Славянскими языками при словообразованіи и словодвиженіи, есть дѣло не звукоученія одного какого либо нарѣчія и при томъ только въ извѣстную его пору, но общеславянскаго звукоученія, гдѣ никакое нарѣчіе не должно преобладать и поглощать въ себя всю силу и занимательность выводовъ; но гдѣ всѣ нарѣчія взаимнымъ дружнымъ и равносильнымъ содѣйствіемъ должны воспроизводить тотъ общій Славянскій языкъ, который въ каждомъ изъ нихъ отразился. Во вторыхъ, избранный нами возрастъ книжнаго языка Сербовъ представляетъ вліяніе двухъ стихій, которыя еще не вполнѣ установились въ своемъ соотношеніи и не произвели опредѣленнаго языка; но каждая съ своими особенностями живетъ и дѣйствуетъ въ сыромъ, такъ сказать, видѣ, постоянно измѣняя свое отношеніе къ другой. Скорѣе можно бы было излагать законы усиленія и перезвука въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ, какъ уже опредѣлившемся окончательно въ своемъ составѣ и имѣющемъ положительно утвердившіеся звуки и формы; но въ древнюю пору своего образованія языкъ этотъ, какъ сказали мы, былъ еще разложенъ на свои составныя части, между которыми посредствующимъ звѣномъ стояли серединныя и переходныя формы. Излагать въ такую пору видоизмѣненія звуковъ, не принадлежащія одной какой либо порѣ, но существующія постоянно и при томъ не въ одномъ этомъ языкѣ, а въ большей части другихъ Славянскихъ языковъ, было бы излишнимъ; ибо въ такомъ случаѣ отъ исторіи одного нарѣчія мы перешли бы къ постояннымъ и вѣчнымъ общеславянскимъ язычнымъ законамъ и бóльшая половина ученія отнеслась бы не къ Сербскому, но Ц.-Славянскому и другимъ нарѣчіямъ. Къ чему, на пр., было бы распространяться объ ѣ въ вѣдѣти, вѣнць и т. д., или объ усиленіи о въ коля, звонь и пр.? Этѣ формы общеславянскія и принадлежатъ къ ученію объ общеславянскомъ звукодвиженіи. Или къ чему было бы говорить объ явленіяхъ, принадлежащихъ исключительно Ц.-Славянской стихіи, стоящихъ особнякомъ отъ народной и не дѣйствующихъ на нее, когда главною нашею задачею есть изслѣдованіе временныхъ судебъ Сербскаго языка? Если мы гдѣ и говорили о подобныхъ звукоизмѣненіяхъ, то имѣли въ виду отличительные признаки Сербскаго языка, составляющіе его собственность въ извѣстномъ только возрастѣ, или во всѣхъ его возрастахъ, либо показывающія его отношеніе къ Ц.-Славянской стихіи. Вообще, вѣрные предположенной цѣли, если мы и касались общеизвѣстныхъ и вовсе не отличительно-Сербскихъ усиленія и перезвука, то считали это нужнымъ по чему либо особенному, или по рѣдкости явленія, или по несходству съ подобными явленіями въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ.

Сербскій языкъ, какъ и прочія Славянскія нарѣчія, уже признавалъ основными чистыми звуками всѣ пять гласныхъ: а, и, у, е, о, не дѣлая между ними различія по составу и долготѣ, какъ то было въ Санскритѣ. Эти гласные звуки въ словодвиженіи производятъ частію важныя явленія, составляющія существенныя всегдашнія, или повременныя свойства языка, частію не важныя, представляющіяся если не исключеніями, то какъ бы прихотью языка безъ

всякихъ временныхъ условій. Мы разсмотрѣли тѣ и другія. О послѣднихъ замѣтимъ, что ихъ можно назвать простымъ перезвукомъ, допускаемымъ всѣми языками, ибо живое слово, проникнутое живою мыслію, не можетъ никогда положить твердой преграды между звуками, такъ чтобы они не переступали ее и не переходили одинъ въ другой: это-то и свидѣтельствуетъ отчасти о богатствѣ языка; ибо съ перезвукомъ, большею частію, бываетъ соединена и перемѣна мысли, пребывающей въ словѣ. Мы уже видѣли, какъ одна гласная переходила въ другую въ древнемъ книжномъ языкѣ Сербовъ. Припомнимъ сдѣсь только перваго рода явленія, кромѣ служенія гласныхъ для полнаго озвукотворенія полугласія, что уже было разсмотрѣно нами выше. Звукъ а не представилъ намъ ничего особенно важнаго для существенныхъ и отличительныхъ свойствъ Сербскаго языка. Онъ легко смѣняется съ звукомъ о; въ образованіи нарѣчій ему сопутствуетъ ѣ, переходящее, въ свою очередь, въ и и е. Частица пра имѣетъ свой двойникъ въ прѣ. Въ звукѣ и мы замѣтили его постоянное существенное свойство—мягкость, условливаемую самымъ прираженіемъ небнаго органа, съ помощію котораго онъ произносится. Сербы хорошо понимали это свойство, какъ въ произношеніи, такъ и въ начертаніи. Хотя у нихъ есть и былъ полумягкій звукъ *и*, близко подходящій къ *ы* или Ц.-Славянскому ы, однако въ самомъ правописаніи они оправдывали ту мысль, что если Кирилица предлагаетъ знаки для однихъ только крайнихъ звуковъ, твердыхъ и мягкихъ, а для серединныхъ не имѣетъ ихъ, то серединный или полумягкій звукъ *и*, вмѣстѣ съ вполнѣ мягкимъ *и*, скорѣе и правильнѣе долженъ былъ выразиться въ начертаніи и, чѣмъ въ начертаніи ы. Послѣднее не пользовалось въ древней письменности Сербовъ правомъ гражданства; находясь подъ защитою Ц.-Славянской стихіи, оно часто смѣшивалось съ и и тѣмъ доказывало, что серединный полумягкій звукъ законнѣе долженъ быть отнесенъ къ мягкому начертанію, чѣмъ твердому. Главнѣйшее служеніе звука и направлено къ замѣнѣ б-ы ѣ, совершающейся преимущественно въ семьѣ Западныхъ грамотъ. хотя грамоты этѣ принадлежатъ къ тѣмъ областямъ Сербіи, гдѣ *ѣ* произносится, какъ *е* или *ие*, однако происхожденіе и на мѣстѣ ѣ легко объясняется тѣмъ, что *ѣ* по происхожденію своему есть *а+и*, стянутыя въ полумягкій долгій звукъ *е*, полумягкій по тому, что одинъ изъ образовательныхъ его звуковъ есть небный, долгій же по тому, что онъ есть слитіе двухъ краткихъ. Природная мягкость въ *ѣ*, возбужденная смягчающимъ свойствомъ самого Герцеговинскаго подрѣчія, выразилась въ растяженіи долгаго *ѣ* въ *ие*, откуда прямой переходъ въ *и*. Мы замѣтили, что не всѣ грамоты Западной семьи замѣняютъ б-у ѣ б-ю и, и по тому представили другое предположеніе о происхожденіи этого звука, приписавъ его вліянію Сремскаго подрѣчія и вообще Римско-католическаго населенія Славоніи и Далмаціи, гдѣ *ѣ* звучитъ, какъ *и*. Звукъ и служитъ также для усиленія мысли, выражаемой словомъ при его сочетаніи съ другими словами. Сдѣсь онъ есть то же, что усиливающая частица *зи*; корень у нихъ общій—*де*. Звукъ у замѣнилъ собою ж, а смягченіе его ю замѣнило смягченіе ѭ. Въ нѣкоторыхъ словахъ у замѣняетъ другой носовой звукъ ѧ. Признакъ народности отразился въ замѣнѣ к звукомъ у въ предлогахъ къ и кѫ- и въ началѣ нѣкоторыхъ немногихъ словъ. Западныя грамоты, всегда предшествующія Восточнымъ въ дѣлѣ народности, способствовали и этому перезвуку, оправдываемому однородствомъ губнаго у съ губнымъ в. Звукъ е, возникшій изъ соединенія *а+и* и, изъ полумягкаго и долгаго, отвердѣвшій въ чистый и прос-

той, съ своимъ смягченіемъ, замѣнилъ носовое ѧ и его смягченіе ѩ. Онъ же, ближайшій, по своему образованію, къ звуку ѣ, замѣнилъ его собою преимущественно въ Восточной семьѣ грамотъ, писанной, по большей части, въ области Ресавскаго подрѣчія, которое и по сю пору произноситъ *ѣ*, какъ *е*. Звукъ о не представляетъ особенно-замѣчательнаго перезвука. Б-а ѣ въ Сербскомъ языкѣ существовала только, какъ внѣшній, видимый знакъ, какъ начертаніе, не имѣвшее за собою ничего, собственно ему принадлежащаго. Отъ того Сербская письменность въ старину и теперь не рѣдко обходилась и обходится безъ нея, или на оборотъ, этимъ знакомъ выражала и выражаетъ иногда коренное *е*, мягкое и твердое, или стянутое долгое, что, впрочемъ, нелѣпо. Причина та, что подъ б-ю *ѣ* Сербъ разумѣлъ звукъ *е* съ его мягкими видоизмѣненіями. Возникшій тоже изъ *а+и*, но не столь отвердѣлый, какъ *е*, звукъ, выражаемый въ Ц.-Славянскомъ языкѣ б-ю ѣ, сохранилъ свою первичную полумягкость и долготу при основѣ, которую Сербы весьма правильно выражали звукомъ *е*. Въ немъ образовательные звуки еще не совсѣмъ переработались при своемъ соединеніи, и по тому мѣстами они представляютъ колебаніе, при чемъ одинъ одолѣваетъ другой. При преобладаніи *а*, подъ знакомъ *ѣ* является *я*; при преобладаніи *и*—*и*. При равновѣсіи знакъ *ѣ* выражаетъ *е*,— и это главный звукъ у Сербовъ; ибо *я*, вмѣсто *ѣ*, какъ мы видѣли, теперь вовсе не существуетъ у Сербовъ, да и въ старину ꙗ на мѣстѣ ѣ встрѣчалось намъ разсѣянно по всѣмъ семьямъ грамотъ, не составивъ для себя никакого постояннаго и отличительнаго служенія; а *и*, хотя существующее понынѣ въ одномъ изъ Сербскихъ подрѣчій и употреблявшееся въ старину только въ немногихъ грамотахъ Западной семьи, составляетъ уже крайность видоизмѣненія звука *е* и принадлежитъ крайнимъ предѣламъ Сербскаго нарѣчія, какъ принадлежало оно въ старину памятникамъ, составлявшимъ, по своимъ признакамъ, крайность Западной семьи, противуположную Аѳонскимъ или крайности Восточной семьи. Но большинство Сербскихъ областей понынѣ, въ живомъ языкѣ народа, также какъ и большинство памятниковъ древней письменности, употребляютъ уравновѣшенный звукъ *е*, который въ Восточной семьѣ грамотъ, на почвѣ Ресавскаго подрѣчія, произносится твердо и чисто; въ Западной же, на почвѣ Герцеговинскаго подрѣчія, звучитъ мягко и протяжно, переходя изъ *е* въ *ие* и *и*, хотя тамъ и тутъ сохраняетъ иногда и свое первичное произношеніе въ знакѣ *ѣ*. Носовой звукъ ѫ оставилъ свои слѣды въ Сербскомъ языкѣ только въ творительномъ п. ед. ч. именъ женскаго р., оканчивающихся на гласную, включая сюда имена существительныя, прилагательныя, числительныя, мѣстоимѣнія и причастія, а также мѣстоименія общаго рода и существительныя мужескаго р. съ женскимъ окончаніемъ, и въ 1-мъ *л.* ед. ч. настоящаго и будущаго временъ.

Въ смягченіи звуковъ Сербскій языкъ отступилъ значительно отъ Ц.-Славянскаго. Гласныя и и є наиболѣе выразили силу смягчающаго начала, которое развивалось подъ вліяніемъ народности по мѣрѣ отдаленія книжнаго языка отъ древнѣйшихъ временъ и отъ Ц.-Славянской стихіи. Звуки а, ѹ, о были признаваемы твердыми; и—полумягкимъ или, что то же, полутвердымъ, ибо оно есть небный звукъ, и образовательный органъ его самъ употребляется *для* смягченія другихъ звуковъ; є — полумягкимъ по образованію. Звукъ *и* постоянно выражался, какъ мягкій, и для твердости или собственно полутвердости его, никогда, по самой природѣ своей, не могшей сравняться съ твердостію, на пр. *а*, звука *у*, или ѹ, начертаніемъ служило и; только индѣ въ видѣ исключенія ы, которое самымъ образованіемъ своимъ, чрезъ посредство ь,

въ Сербской письменности уже указываетъ на свою полумягкость. Отсюда видимъ, что первичный основной звукъ и былъ полумягкій, и что потомъ уже Славянскіе языки, какъ и Сербскій, дали ему ровня въ видѣ твердаго Ц.-Славянскаго ы или полутвердаго Д.-Сербскаго ы, *ы*, Лат. *y*. Въ этомъ случаѣ они дѣйствовали обратно въ сравненіи съ *а* и *у*; между тѣмъ, какъ эти изъ первичныхъ твердыхъ дѣлали они мягкими чрезъ подставленіе къ нимъ смягчающаго небнаго и въ сокращенномъ видѣ і, Лат. *j*: ꙗ, ю, *ja*, *ju*; напротивъ изъ первичнаго полумягкаго *и* сдѣлали они твердый звукъ чрезъ подставленіе въ Кириллицѣ къ его сокращенному виду і, а иногда и полному и, твердаго полугласнаго знака ъ, а въ Д.-Сербскомъ полумягкаго ь. Звукъ *е*, какъ образовавшійся изъ твердаго въ соединеніи съ небнымъ, долженствовалъ быть, по природѣ своей, собственно полумягкимъ и долгимъ; но Сербы, какъ и прочіе Славяне, дали ему, ради давности его происхожденія, какъ ровеснику чистымъ основнымъ *а*, *и*, *у*, значеніе простаго, чистаго и кореннаго короткаго звука, при чемъ отвердили его по возможности, назначивъ для мягкости его даже другое начертаніе; но все таки самую твердость его, сравнительно съ твердостію *а*, *о*, *у*, скорѣе назвать должно полутвердостію. Отъ того смягченіе звука е въ древнемъ Сербскомъ языкѣ дошло въ Западной семьѣ до обширныхъ размѣровъ, сколько можно судить по его начертанію. Но съ другой стороны, вѣрно опредѣлить его размѣры невозможно, ибо нѣтъ сомнѣнія, что писцы были пристрастны къ мягкому знаку є и свободно употребляли его вмѣсто твердаго е. На оборотъ, въ грамотахъ, подверженныхъ наибольшему вліянію Ц.-Славянской стихіи, мы замѣтили несмягченіе б-ъ а, у послѣ гласной. Хотя общіе законы Д.-Булгарскаго, какъ и всякого другаго Славянскаго языка, требуютъ въ этомъ случаѣ смягченія, и хотя въ древнѣйшую пору Ц.-Славянской письменности они, по всему вѣроятію, были соблюдаемы, однако временныя явленія, постигшія эту письменность, отразились и на Д.-Сербской. Въ средневѣковыхъ Булгарскихъ рукописяхъ находятся въ изобиліи несмягченныя формы, объясняемыя различными причинами; ихъ вліянію должно приписать образованіе подобныхъ формъ и у древнихъ Сербовъ: народный же языкъ не любилъ и не употреблялъ ихъ.

Стяженіе звуковъ есть общая Славянская черта, и Сербскій языкъ своею древнею письменностію представляетъ ту переходную пору, когда народность начинала дѣйствовать въ пользу этого стяженія и вопреки Ц.-Славянскому обычаю писать всегда полныя формы.

Удвоеніе гласныхъ мы оставили безъ окончательнаго объясненія, предложивъ только въ видѣ догадки возможную причину его. По нашему мнѣнію, удвоеніе, вѣроятнѣе всего, назначено было для выраженія долготы или протяженія голоса безъ обращенія вниманія на природную долготу звука, съ чѣмъ соединялось иногда, можетъ быть, желаніе усилить произношеніе и съ нимъ вмѣстѣ самый вѣсъ слова. Рѣшить окончательно этотъ вопросъ предоставляемъ другимъ: сдѣсь только замѣтимъ, что звуки а, о, у удвоиваются преимущественно въ Западной семьѣ послѣдняго столѣтія, и изъ нихъ два первые не рѣдко, послѣдній же очень рѣдко и исключительно въ одной только Западной семьѣ. Напротивъ, и удвоивается почти исключительно только въ однѣхъ Восточныхъ грамотахъ. Б-а е не удвоивалась въ тѣхъ видахъ, въ какихъ удвоивались прочія гласныя; удвоенное ее назначено было для выраженія мягкости и вмѣстѣ съ єє, ее мѣшало обыкновенному удвоенію, ибо въ противномъ случаѣ начертанія для смягченнаго и удвоеннаго е получили бы одинъ и тотъ же видъ. Мягкія ꙗ, ю, равно какъ ѣ, не удвоиваются. Толь-

но изрѣдка обнаруживается между писцами какъ бы чутье или смутное воспоминаніе, намекающее на древнѣйшія долгія формы и заставляющее ихъ удвоивать гласную: это нѣсколько замѣтнѣе въ б-хъ а и о.

Соображая всѣ случаи движенія гласныхъ звуковъ, мы приходимъ къ общему и послѣднему заключенію, что здѣсь, въ области гласныхъ, какъ самой чувствительной части состава языка, самой подвижной его оболочкѣ, на которой преимущественно отражаются отличительныя черты внѣшняго вида языковъ, народная стихія съ своими признаками взяла, къ концу XV-го вѣка, совершенный перевѣсъ надъ Ц.-Славянскою. Въ однихъ случаяхъ народныхъ признаковъ оказывается менѣе, въ другихъ болѣе; но вообще въ цѣломъ итогѣ численная величина ихъ превосходитъ таковую же величину признаковъ Ц.-Славянскаго языка. Гласные звуки проявили собою съ большимъ успѣхомъ движеніе книжнаго языка Сербовъ, доставивъ напослѣдокъ полное торжество признакамъ народной стихіи. Хотя оставались еще кое-гдѣ слѣды Ц.-Славянскаго господства; однако, судя по ихъ малочисленности и слабости, можно XV-й вѣкъ назвать вѣкомъ торжества первыхъ и паденія послѣднихъ. Тѣмъ не менѣе никогда не должно забывать, что Ц.-Славянская стихія не была вовсе вытѣснена съ своими признаками изъ древнекнижнаго языка: она все таки оставалась ему присущею, не смотря на преобладаніе народной. Приведемъ себѣ на память всѣ перезвуки гласныхъ и преимущественно судьбу б-ы а въ связи съ е и и: мы видимъ, что всѣ гласныя тѣсно связаны между собою серединными звуками или какъ бы полутонами, переводящими ихъ одну въ другую; видимъ также, что древній Сербскій языкъ, при самобытномъ развитіи, понималъ, разумѣется, еще безъ научнаго сознанія, природу гласныхъ и, видоизмѣняя ихъ, согласовался съ ихъ первичнымъ образованіемъ. Это-то правильное и постепенное звукопретвореніе поддерживало связь между обѣими стихіями, произведшими книжный языкъ Сербовъ, и придавало взаимному ихъ отношенію видъ дружнаго и плодотворнаго воздѣйствія, при чемъ, конечно, живая часть народа должна была взять верхъ надъ другою стихіею, хотя и родственною, но тѣмъ не менѣе пришлою и заимствованною. Гласныя, по своей подвижности и легкости, притянувъ на себя бо́льшую часть движенія древнекнижнаго языка, наполнили своими явленіями и пространство и время, въ которыхъ совершалось это движеніе. Въ разсужденіи мѣстности мы видимъ, что въ первыхъ, разсматриваемыхъ нами столѣтіяхъ, книжный языкъ былъ общнѣе, цѣльнѣе для всѣхъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ онъ употреблялся; но въ послѣдующихъ различіе между западными и восточными областями Сербіи, распадавшимися между собою и въ государственномъ и въ вѣроисповѣдномъ отношеніяхъ, становится ощутительнѣе и обширнѣе. Каждая сторона является съ своими отличительными признаками. Нынѣшнее отличіе подрѣчій, основанное на звукѣ *ѣ*, проявляется и въ древнихъ памятникахъ, въ которыхъ, должно сознаться, б-а а служитъ главнѣйшимъ распознавательнымъ звукомъ: этимъ оправдывается и подтверждается законность основы нынѣшняго дѣленія подрѣчій, предложеннаго первоначально В. С. Караджичемъ и принятаго Шафарикомъ и другими учеными. По времени, мы замѣчаемъ, что въ первыхъ столѣтіяхъ Ц.-Славянская стихія вообще дѣйствовала сильнѣе на составъ книжнаго языка; но потомъ мало по малу слабѣла, уступая мѣсто народной. Скачковъ или рѣзкихъ переходовъ нѣтъ; но есть постепенная и незамѣтная перемѣна въ соотношеніяхъ. Къ концу XV-го вѣка Ц.-Славянская стихія становится въ обратное отношеніе къ народной, Сербской, чѣмъ въ

какомъ стояла она къ ней прежде. Эта постепенность условливается, съ одной стороны, переходными или серединными формами, съ другой, неравномѣрнымъ движеніемъ языка въ семьяхъ грамотъ. Собственно-Сербскія и преимущественно Аѳонскія грамоты отличаются своею постоянною, переходящею даже въ косность, привязанностію къ Ц.-Славянской стихіи; Западныя же напротивъ, возродившись въ исходѣ XIV-го в., отказались отъ общности и какъ бы неприкосновенности книжнаго языка, какъ это было въ XIII-мъ вѣкѣ, внесли въ себя множество признаковъ народнаго языка и тѣмъ доставили книжному значительное и постоянно усиливающееся движеніе впередъ. Примѣръ — на звукахъ ѫ, ѫꙁ- и ѹ, оѵꙁ-, или на е, ю, ꙗ вмѣсто ѧ. Это свое движеніе книжный языкъ совершалъ самостоятельно, и по тому народная стихія оказывала на него самое благотворное вліяніе. Замѣчая установленіе гласныхъ звуковъ въ XV-мъ вѣкѣ, мы убѣждаемся, что древнекнижный языкъ Сербовъ вступилъ на прямую, широкую дорогу, ведшую его къ совершенному сближенію съ народнымъ. Его правильному развитію наиболѣе содѣйствовала тогдашняя государственная самостоятельность Сербіи.

ГЛАВА IV.

СОГЛАСНЫЯ.

Противуположность гласности или самогласности есть нѣмота или согласность. *Нѣмые* или *согласные* звуки, которые не иначе могутъ установиться въ словѣ и получить явственный отбой голоса, какъ въ соединеніи съ другими самостоятельными звуками, т. е., гласными, еще не составляютъ одни, сами по себѣ, достаточнаго вещества *для* выраженія какого либо полнаго понятія; языкъ человѣческій не можетъ гордиться ими, ибо изъ нихъ однихъ онъ не въ состояніи сдѣлать никакого отдѣльнаго употребленія: по этому, если человѣка мы называемъ словеснымъ существомъ, то звуки, неудовлетворяющіе его слову, мы должны назвать нѣмыми. Напротивъ, многія изъ гласныхъ сами по себѣ уже выражаютъ полное понятіе, какъ на пр., въ предлогахъ, союзахъ, междометіяхъ, и на нихъ покоится весь составъ человѣческаго языка и его членораздѣльность: отъ того они по преимуществу являются звуками человѣческими, и имъ однимъ принадлежитъ честь быть самогласными. Тѣмъ не менѣе тѣ и другіе необходимы для языка. Нѣмые, неясные звуки выражаютъ собою еще только зародышъ понятія, возникающаго въ человѣкѣ при созерцаніи видимаго міра и при перенесеніи его явленій въ міръ нравственный,—зародышъ, начало понятія, еще не доведеннаго до сознанія или до той степени совершенства, на которой понятіе становится достойнымъ вмѣстилищемъ мысли. Первое впечатлѣніе, получаемое человѣкомъ извнѣ, отливается въ нѣмыхъ звукахъ: отъ того въ семьѣ Индоевропейскихъ языковъ до сихъ поръ еще не найдено слова, не включая сюда частицъ рѣчи и спорнаго *есмь*, котораго корень состоялъ бы изъ одной гласной; но есть корни если не изъ одной, то изъ двухъ, или трехъ согласныхъ безъ участія гласной. Но лишь только зародышъ разовьется въ полное понятіе, сдѣлается вмѣстилищемъ мысли, тогда и нѣмые звуки, составлявшіе доселѣ только тѣло языка, остовъ слова, получаютъ душу, гласный отбой, и становятся опредѣленными, членораздѣльными звуками, составляя изъ себя живое слово. Слѣдовательно, существо нѣмыхъ звуковъ покоится на гласныхъ, и тогда только приходитъ въ опредѣленный видъ, когда получаетъ гласный отбой чрезъ соединеніе съ тѣмъ, или другимъ гласнымъ звукомъ. Справедливо сказалъ древній Русскій языкословъ: «согласныя письмена яко же плоть есть, немощно ими рещи что безъ прикладу книмъ письмене гласнаго: стоятъ якоже безъ души.» По этому въ нашемъ дѣлѣ отъ согласныхъ нельзя ожидать той гибкости и того движенія, какія мы замѣтили въ гласныхъ. Составляя собою основу или, вѣрнѣе, зародышъ слова, согласныя являются одинаковыми во всѣхъ, или во многихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Славянскій народъ долженъ былъ одинаково воспринимать и выражать свои впечатлѣнія, а каждое племя уже только видоизмѣняло у себя это первичное впечатлѣніе и приводило его чрезъ сознаніе къ оконча-

тельному понятію. Послѣднее дѣйствіе сосредоточивалось преимущественно на гласныхъ, которыя корню слова придавали тотъ, или другой обликъ, смотря по племени. Разумѣется, и согласныя, особенно тѣ, которыя уже въ видѣ придаточныхъ присоединились къ корню слова, не оставались при этомъ въ совершенномъ бездѣйствіи; и онѣ принимали сдѣсь участіе, но въ гораздо меньшей степени, чѣмъ гласныя, и при томъ ежели и измѣнялись, то въ измѣненіи ихъ участвовали, большею частію, общеславянскіе законы звукоизмѣненія безъ особенныхъ рѣзкихъ племенныхъ отличій. По истинѣ, движеніе согласныхъ представляетъ въ себѣ гораздо больше общности, единства, законности, чѣмъ движеніе гласныхъ, по всѣмъ Славянскимъ нарѣчіямъ. Первыя успѣшно и легко могутъ быть разсматриваемы въ общеславянскомъ ученіи о звукахъ безъ лишнихъ примѣненій къ отдѣльнымъ нарѣчіямъ, но вторыя требуютъ частыхъ уклоненій, отступленій и исключеній въ пользу отдѣльныхъ нарѣчій. Первыя представляютъ въ своемъ ученіи больше общности, послѣднія больше частностей. Оно такъ и должно быть: составъ языка заключаетъ въ себѣ два міра, внѣшній и внутренній; первый выражается въ согласныхъ, второй въ гласныхъ. Нѣмые звуки выразили первыя впечатлѣнія внѣшняго міра, безсознательныя, неясныя, безмолвныя, ибо мысль еще не вселилась въ нихъ; они суть вещественность, заимствованная языкомъ изъ міра вещественнаго. Славяне, по своему племенному родству, одинаково чувствовавшіе и мыслившіе, должны были и одинаково воспринимать и выражать первыя впечатлѣнія видимаго міра, и такъ какъ эти впечатлѣнія прежде всего отражались звуками нѣмыми, то одинаковость составила отличительную черту нѣмыхъ звуковъ: но надо было одухотворить ихъ сознать и перевести въ міръ нравственный: языкъ прибѣгнулъ къ гласнымъ. Гласныя суть достояніе человѣческаго духа; это духовная стихія въ составѣ языка. И на сколько мысль выше вещественности, на сколько разнообразіе мысли обширнѣе разнообразія явленій, на столько гласныя выше и разнообразнѣе согласныхъ. Являясь жизненною силою языка, онѣ срослись съ жизнію Славянъ, приняли на себя ея отпечатокъ и, по мѣрѣ развитія и распаденія ея по племенамъ, сами видоизмѣнялись и обособлялись по нарѣчіямъ. Отъ того въ различныхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ онѣ представляютъ въ своемъ движеніи множество видоизмѣненій, полузвуковъ, срединныхъ звуковъ и т. п., между тѣмъ, какъ согласныя являются болѣе постоянными, опредѣленными, однообразными, и не только въ однихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, но и во всѣхъ Индоевропейскихъ языкахъ, какъ родственныхъ и сходившихся между собою нѣкогда въ одномъ праязыкѣ. Отличительною чертою первыхъ есть подвижность, вторыхъ—постоянство.

То, что вывели мы впередъ изъ свойства самыхъ звуковъ, то увидимъ въ послѣдствіи изъ явленій.

Начинаю съ *гортанныхъ*. Первое начинательное дѣйствіе органовъ, предназначенныхъ для человѣческаго слова, въ кругу нѣмыхъ или согласныхъ звуковъ, выразилось въ гортанныхъ — плодѣ самого дальнаго и вмѣстѣ открытаго и самостоятельнаго органа, того самого, который, въ кругу самогласныхъ, произвелъ полное, чистое, открытое, твердое *а*. По этому *г, к, х* представляютъ собою наиболѣе независимые, простые, открытые и твердые звуки. Но такъ какъ это суть согласные звуки, то гортань, произведя одинъ только чисто голосовой звукъ *а*, для нихъ должна была принять болѣе, или менѣе сжатое положеніе для того, чтобы сдѣлать ихъ отличными отъ голосовыхъ звуковъ или гласныхъ и способными соединяться съ послѣдними.

Наименьшее сжатіе гортани и наибольшую глубину органа мы замѣчаемъ въ звукѣ *г*, который и ставимъ на первомъ мѣстѣ въ ряду согласныхъ, хотя вопреки мнѣнію многихъ ученыхъ, желающихъ видѣть его на второмъ мѣстѣ послѣ *к*. Звукъ *г* ближе всѣхъ подходитъ къ самогласности, но за то онъ слабѣе другихъ и по тому многіе Индоевропейскіе языки, особливо позднѣйшаго происхожденія, и нѣкоторыя изъ Славянскихъ нарѣчій не могутъ даже произносить его такъ глубоко и чисто и, стѣсняя гортань, дѣлаютъ его, подобно Латинскому *h*, чѣмъ-то среднимъ между наиболѣе открытымъ *г* и наиболѣе сжатымъ *х*. Средній звукъ *к* пользуется, по своему серединному положенію, полнымъ безразличіемъ во всѣхъ Индоевропейскихъ языкахъ; онъ есть самый употребительный и неизмѣнчивый изъ гортанныхъ. Третій, самый сжатый гортанью и потому сильный звукъ есть *х*. Нѣкоторые изъ Индоевропейскихъ языковъ и Славянскихъ нарѣчій не могутъ до такой степени довести сжатіе гортани или чистоту голоса и ограничиваются междозвукомъ, среднимъ между *г* и *х*, либо вовсе опускаютъ его. Онъ же, при наименьшемъ гортанномъ давленіи, получаетъ столь слабую вещественность, что, подобно наислабѣйшимъ губнымъ *в* и *ф*, обращается въ нѣкоторыхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ въ междозвукъ, сходящійся съ междозвукомъ отъ *г* (Лат. *h*), и употребляется для придыханія. Но Славянскій языкъ, взятый въ совокупности своихъ нарѣчій, имѣетъ всѣ три гортанныхъ звука и, соединяя ихъ съ твердыми гласными, показываетъ всю обширность, силу и разнообразіе своего органнаго устроенія. По свойству своему, истекающему, впрочемъ, изъ самой природы, гортанныя не входятъ въ образованіе прочихъ самостоятельныхъ звуковъ, но напротивъ, сами производятъ два ряда тройныхъ звуковъ, въ основѣ коихъ кроется ихъ гортанная природа.

Въ Древнесербской письменности соблюдаются и строго различаются всѣ три звука **г**, **к**, **х**. Первые два почти никогда не смѣшиваются между собою, и въ ихъ употребленіи существуетъ такое же различіе, какое и въ Ц.-Славянскомъ языкѣ. Немногіе случаи смѣшенія не нарушаютъ правила; таковы: **граматигь** (С. № 5), **гильда** (Ш. № XVI), **дельгь** (Ш. № XVIII; С. № 20 **дльгь**), **гусара**, отъ Итальян. *corsare*, (С. № 43), **гоуса, -е, гоушень** (С. NN№ 73, 91), **еретигь** (З.), **жупьковикь** (С. № 83), ср. **жупгович** (С. NN№ 70, 95), **гбогь** и **кбгь** (С. № 132). Русское, Польское, Чешское *груша* у древнихъ и нынѣшнихъ Сербовъ зовется *крушка*: **крушка, кроушкоу** (А. NN№ 12, 19). Самое слово **гьдѣ, гдѣ** (мн. р.) слѣдовало бы писать, какъ въ Ц.-Славянскомъ, **кьдѣ, кдѣ**, ибо оно состоитъ изъ мѣстоименной основы **кь** и частицы **дѣ**. Слѣдовательно, и сдѣсь имѣетъ мѣсто уподобленіе. Иностранные писатели легко могли смѣшать два Славянскіе звука *г* и *к*: такъ у Константина Багрянороднаго находимъ: *Ὄστρωκ* (Острогъ) и въ одной старинной Латинской грамотѣ 1078-го г. читаемъ: *Corize* (Горица), *Cugme* (Кукме)[1]. Что касается до третьяго звука **х**, то страннымъ кажется съ перваго раза встрѣтить столь постоянно и необыкновенно послѣдовательно выдержанное употребленіе его во всѣхъ безъ исключенія древнихъ памятникахъ Сербскаго языка, между тѣмъ, какъ знаемъ, что теперь Сербы вовсе не имѣютъ этого звука и не могутъ терпѣть его. Тотчасъ рождается вопросъ, какъ столкнулись между собою столь прямо противуположныя явленія? Рѣшеніе не трудно. Надобно замѣтить, во первыхъ, что тогда, какъ несравненно бо́льшая часть нынѣшнихъ Сербовъ или вовсе опускаетъ въ произношеніи звукъ *х*, или замѣняетъ его звуками *в*, *г*, *й*, *ф*, *к*, въ узкой береговой полосѣ отъ Дубровника до Скадра, и преимущественно въ самомъ Дубровникѣ и Черногоріи, на мѣстѣ *х*,

[1] Шафар., Slow. Starožitn., II, IV, 656; II, V, 679. Слав. Древн., II, I, 440; II, II, 35.

слышится, болѣе, или менѣе, междозвукъ *x(h)*; въ Герцеговинѣ онъ остался только въ концѣ словъ и произносится тоже, какъ Лат. *h*; во вторыхъ, ближайшіе къ Сербамъ по языку Областные Хорваты и Хорутане имѣютъ у себя этотъ звукъ; и въ третьихъ, древнѣйшіе иностранные писатели IX-го, XI-го и XIV-го вѣковъ гораздо чаще пишутъ: *χ*, *ch*, чѣмъ опускаютъ его, или замѣняютъ другими буквами. Такъ мы читаемъ у Грековъ: *Ζαχλοῦμοι*, *Ζαχλοῦμα*, *Χλοῦμος*, *Χλοῦμ*, *Ζαχλοῦβοι*, *Χρέλης*, *Χλάπαινος*; но также и *Φαλιμέρης* (Хвалимиръ), *Φάρα*, *Φάρος* (Хваръ). Въ Хорватскихъ источникахъ встрѣчаются также опущеніе и замѣна б-ы *x*; въ грамотахъ 837 и 892-го гг.: *Byaci*, *Biaci* (Бихъчъ). Въ грамотѣ 1059-го г.: *Sephova* (Зехова), и въ другой 1100-го г.: *Seovani* (Зехованы) [1]. Эти замѣчанія приводятъ насъ къ тому, что Сербы когда-то, въ доисторическую пору, выговаривали *x* подобно Булгарамъ, Хорутанамъ и другимъ Славянскимъ племенамъ; но что уже въ IX-мъ в. звукъ этотъ сталъ истреблятъся, если только уже не истребился совершенно, хотя иностранные лѣтописцы могли точно такъ же писать Сербскія слова съ б-ю *x*, какъ писали ихъ сами Сербы позднѣйшихъ вѣковъ, тогда какъ въ произношеніи эта буква уже вовсе не слышалась, или если и слышалась, то въ измѣненномъ видѣ; однако съ другой стороны, Греческіе и Латинскіе писатели и писцы, какъ иностранцы, не могли же ставить *x* единственно по законамъ языка, не держась устнаго произношенія; ибо такъ поступать могли у себя дома только Сербы, передъ глазами и въ памяти которыхъ постоянно находилась Ц.-Славянская письменность: по этому если въ иностранныхъ памятникахъ частію находимъ, частію не находимъ звука *x*, то мы должны заключить, что въ это время этотъ звукъ колебался въ устахъ Сербовъ. Но со словъ кого писали иностранцы: со словъ ли Сербовъ, или Хорутанъ, или Булгаръ, и какого племени были писцы четырехъ вышеупомянутыхъ Латинскихъ грамотъ?—на этотъ вопросъ нѣтъ отвѣта. Только самымъ важнымъ для насъ обстоятельствомъ остается то, что опущеніе б-ы *x* замѣтно уже въ самомъ началѣ XII-го в. По чему же—сдѣлаемъ другой вопросъ—въ самихъ Сербскихъ источникахъ писцы, природные Сербы, такъ упорно соблюдали х? Оставя въ сторонѣ Дубровничанъ и жителей Зеты, которыхъ грамоты не столь рѣзко отличались отъ ихъ народнаго говора, какъ грамоты прочихъ Сербовъ, мы должны, въ отношеніи послѣднихъ, признать всю великость вліянія Ц.-Славянской стихіи, которая б-у х поддерживала столь сильно, что, кромѣ двухъ, трехъ исключеній, во всей разсматриваемой нами Сербской письменности постоянно видимъ эту букву въ грамотахъ всѣхъ семействъ. Познакомившись чрезъ Ц.-Славянскую письменность съ настоящимъ полнымъ написаніемъ словъ; заимствуя оттуда же огромное число рѣченій; слыша отъ сосѣднихъ Хорутанъ и Булгаръ слова съ внятнымъ произношеніемъ звука *x*, Сербскіе писцы должны были непремѣнно знать истинную форму каждаго слова, т. е.. не произнося, быть можетъ, въ разговорѣ *x*, они знали, гдѣ, въ какомъ словѣ и въ какой формѣ оно находится, и потомъ дѣйствительно удерживали его на бумагѣ. Еще большимъ поощреніемъ служилъ имъ другой, не разбираемый нами, разрядъ памятниковъ, Сербобулгарскій, въ которомъ х должно было

---

[1] Шафар., Slow. Starožitn., II, IV, 653, 654, 656; II, V, 678, 679. Слав. Древн., II, I, 434, 440, 435; II, II, 36.—Serb. Lesek., стр. 69. Не привожу примѣровъ употребленія звука *x* изъ Греческихъ источниковъ, касающихся исторіи Хорваціи, ибо они сюда не относятся, каковы на пр: *Χρωβάτοι. Χλεβίανα, Χλεβῖνα*, и др., хотя Хорваты тоже не имѣютъ звука *x*. Латинскія грамоты, за исключеніемъ выше приведенныхъ примѣровъ, сохраняютъ въ Хорватскихъ именахъ звукъ *ch*, на пр.: *Rasochatiza, Sechirani*.

строго соблюдаться, какъ строго соблюдались нѣкоторыя другія особенности Ц.-Славянскаго языка; а конечно, соблюсти его было гораздо легче, чѣмъ удержаться отъ какихъ либо другихъ, болѣе настойчивыхъ сербизмовъ, какъ на пр., отъ замѣны ѫ б-ю ѹ и т. п. Сдѣсь, безъ сомнѣнія, дѣйствовали общіе законы языка и Ц.-Славянская стихія. Мѣсто б-ы х можно было легко узнать: письменность Ц.-Славянская, отъ которой зачалась и самая Сербская, глубоко уважалась,—и вотъ по чему Сербскіе писцы такъ строго удерживали на бумагѣ букву х. Не должно забывать, что и въ наше время не всѣ Сербскіе писатели еще согласны на счетъ этой буквы: одни пишутъ ее, другіе не пишутъ. Самъ В. С. Караджичъ, установитель Сербскаго правописанія и строгій гонитель б-ы *x*, кажется, еще не вполнѣ уяснилъ себѣ этотъ вопросъ и въ позднѣйшихъ своихъ сочиненіяхъ нѣсколько отступилъ отъ способа, принятаго имъ прежде. Дѣло въ томъ, какъ согласить правописаніе съ народнымъ говоромъ въ различныхъ областяхъ? Древніе Сербскіе писцы рѣшили это дѣло гораздо общнѣе и, можно сказать, законнѣе, чѣмъ нынѣшніе писатели: они всюду удержали х тамъ, гдѣ ему слѣдуетъ быть, не смотря ни на какую его замѣну, ни на опущеніе его въ устномъ произношеніи народа по разнымъ областямъ. Промахи, ими сдѣланные въ этомъ случаѣ, не заслуживаютъ никакого вниманія: мнѣ удалось подмѣтить только слѣдующіе: ѿ всѣхь стїы (С. № 6; у Ш. № XII—хь), наши прьки (род. мн., С. № 17), ѡбрь (ѡбрьхь, А. № 5), посла (посл**а**хь, С. № 61), врь (врьхь, С. № 121), кь ві апостола врьховни (С. № 142). Они показываютъ только, что въ народномъ говорѣ х не произносилось. Впрочемъ, не мѣшаетъ замѣтить и то, что сдѣсь отсутствіе х должно приписать не столько умыслу, сколько забывчивости писца; ибо, по тогдашнему правописному обычаю, во всѣхъ этихъ случаяхъ х должно бы было поставиться сверху строки; притомъ же это только отдѣльные, одиновіе случаи, и въ тѣхъ же грамотахъ всюду постоянно употребляется х.

Съ б-ю х смѣняются двѣ другія гортанныя; но примѣры рѣдки: ктитороу (А. № 1), ктиторâ, -омь (А. №№ 3, 20), ктїторїю (В. № 2) и хтиторь, -ѡрь (А. №№ 10, 16, 18), хтитóрв (А. № 17), хтїторь, -їе (С.-Д. М. 1844; Г. V), хтїторїе (С. № 175), ѡктебра (С. № 40), лахка (легкаго, С. № 93). Сербы постоянно пишутъ: херьцегь, херцегь и т. д. (мн. р.), хрькое, храков, -и, -ю (С. №№ 83, 88, 118, 179 и пр.), хребеланковика, -в (С. № 127).

Б-а г выпущена передъ к въ словѣ лько (легко, А. № 1).

Не выходя еще изъ области однихъ гортанныхъ звуковъ, разсмотримъ теперь предѣлы ихъ употребленія. Б-а х не требуетъ разсмотрѣнія, ибо предѣлы ея не распространены болѣе обыкновенныхъ, Ц.-Славянскихъ, и въ употребленіи ея нѣтъ никакихъ особенностей: она стоитъ всегда тамъ, гдѣ ожидаешь ее. Нынѣшніе Черногорцы нѣсколько обособили ея употребленіе въ род. п. мн. ч., прибавляя ея междозвукъ почти ко всѣмъ именамъ существительнымъ; они говорятъ: *пушаках(h)*, *ривчих(h)*, *женах(h)* и т. д. Такъ называемое обще-Иллирское правописаніе, средоточіемъ котораго есть Загребъ, поступаетъ почти точно такъ же, прибавляя всюду въ род. п. мн. ч. именъ существительныхъ, по примѣру прилагательныхъ, имѣющихъ, впрочемъ, къ тому совсѣмъ другое основаніе, б-у *h*, вопреки духу Славянскихъ языковъ. Но и сдѣсь древніе Сербскіе писцы не переступали предѣловъ законнаго употребленія б-ы х. Въ Зетскихъ и Черногорскихъ грамотахъ они пишутъ: моихь, мой (С. №№ 70, 71; Мл.), властель (С. №№ 70, 71), прародитель, приятель, гд҃ь срьбсцихь (С. № 71), сьгрѣшенїи моихь, ѕемль работныехь, ѿ сдидь (Мл.), а не властелахь, сьгрѣшенїихь,

ꙉеннаꙉь и т. д. Напротивъ, 6-ы г и к отличаются большою къ нимъ любовью древнихъ Сербовъ, что не можетъ быть названо иначе, какъ особенностію древней Сербской письменности. Сдѣсь мы должны войти въ ближайшее разсмотрѣніе этой особенности. Обратимся прежде всего къ явленіямъ.

Тамъ, гдѣ древніе Булгары ставятъ жд и ж, а прочіе Славяне и новѣйшіе Сербы *ж*, *дж*, *дз*, *дь* (*ђ*), *й* (*j*) и т. д., древніе Сербы любятъ употреблять г. Сюда прежде всего относится извѣстное Сербское слово, переданное Константиномъ Багрянороднымъ, *Μεγυρέτους* (*Медюречь*, Междурѣчіе). Далѣе, наши памятники доставляютъ примѣры во множествѣ изо всѣхъ вѣковъ и всѣхъ разрядовъ грамотъ; приведу нѣкоторые: тоүнге, вдвойнѣ усиленное чрезъ н и ге или Ц.-Славян. жде, ньсеге (А. № 1), оноүге, онѫге, оноүги (С. NN 2, 18, 176), оү- ѫ- по- тврьгенни, -нию, -ньемь, ѫтврьгени (С. NN 2, 17, 108), госпоги, -а, -е, -и, -ини, госпги, -и, гпгa, -а, -а, -ю, -и, гпога, -ы, -омь, -ѡ (С. NN 3, 26, 44, 45, 66, 76, 77, 87, 90, 91, 109, 111, 121, 126, 130, 146, 147, 165, 166, 167, 175, 178; А. NN 14, 18, 20; Г. V), мегѫ, -ю (С. NN 3, 19, 21, 39, 43, 56, 66, 67, 70—73, 77, 86, 91, 100, 107, 111, 127, 133, 137, 148, 157, 164, 176; Ш. № 14; А. NN 5, 6, 8, 19), мега, -и, -а, -е, -и, -оү, -ами, -ы, -ами, -ами, -ами, -ахъ (С. NN 3, 35, 46, 51, 86, 107, 176; Ш. NN 14, 15; А. NN 5, 6, 7, 8, 10, 11, 12, 14, 17, 18, 19; В. К.; З.), тѫгѫ, -ю, -е, -ии, -ѧ, тоүги, -ихъ, -ймь (С. NN 17, 43, 73, 111; А. № 6; З.), прѣге, -и, -и (С. NN 17, 39, 73, 77, 90, 111, 138), посагено (С. № 21), осѫгень, -ѧ, осоүгень, -ень (С. NN 21, 91, 111, 137), грагнинь, -а, грагянина, грагнѣ, -омь (С. NN 26, 64, 76, 108, 112, 115, 126, 157), соүмегъ (А. № 3), прѣрага, досоүги (А. № 6), медюгь доль (А. № 8), медѣѫги, -гнга, магюйци (С. № 176), да погю, погѣ (С. NN 39, 86), да ꙁигю, -ю, -и (С. NN 35, 91, 111, 137), наги, -ю, -и, -е (С. NN 44, 66, 70, 91; З.), доге, -и. -ѡ, -оше. -ѡ (С. NN 56, 64, 70, 71, 73, 126, 144, 145, 164, 166, 167; З.), порогинии, -гнина, -ии (С. NN 61, 126), оү враги (въ враждьбѣ, З.), потврьгѫю, -ию, -емо, -гимь, -гено, потварьгѫю (С. NN 69, 70, 77, 97, 101, 102, 107), мегаи (С. № 72), сьагюсе (С. № 73), посангние, посаягие, -е, -и, -имь, -ѣмѫ (С. NN 85, 107, 133), дегьба (С. № 89), грагянинь (А. № 17), потварьгевани, нахогюсе (С. № 101), давь сѫгии (С. № 107), тврьгавѫ (С. NN 123, 127), ѫгогиш (ѫгодиш, ѫгоѣаш, случая, С. № 157), иꙁнагемь (С. № 164), ѡблагие (Г. Б), пангете (С.-Д. М., № 2) и пр. и пр. Придаточная усиливающая Ц.-Славянская частица жде по тому же способу перезвука переходитъ въ ге, ги, ги (мн. р.), на пр., такоге или съ присоединеніемъ еще Ц.-Славянскаго союза же, а по-сербски ре: такогере, -гере, -гире, -е (С. NN 3, 27, 67, 73, 77, 86, 91, 101, 107, 136, 137, 157, 176), ѡвакиге, -ги, овакиги (С. NN 87, 106, 108, 109, 121, 130), всегагѣ (С. № 148), такоигеря, гдѣ три усиленія, (*Мл.*). Тамъ, гдѣ прочіе Славяне и нынѣшніе Сербы ставятъ шт, *ть* (*ћ*), ч (*cz*), *щ*, *ц*, *ць* (*ć*), *шь* (*ś*) и т. д., древніе Сербы любятъ употреблять к. Примѣровъ такъ же много, и такъ же разбросаны они по всѣмъ грамотамъ и всѣмъ вѣкамъ, какъ и для 6-ы Оба звука идутъ объ руку одинъ съ другимъ: гдѣ есть одинъ, тамъ надобно ожидать и другаго. Такъ большею частію бываетъ на самомъ дѣлѣ, ибо происхожденіемъ своимъ они обязаны одному и тому же органному закону. Укажемъ на нѣкоторые случаи: тисѫка, -и, -ѫ, -и, -е, -и, -и, -ѫ, -ю (А. И; С. NN 3, 24, 70, 87, 107, 109, 112, 119, 126, 127, 130, 131, 138, 168; Г. А), хокѫ, -еши, -е, -и, -и, -емо, -имо, -ете, хкю, кю, кѫ, ке, ке, ки, кемо, кемо, нѣмо, кете, кѫ, ньсхокеше, ѫсхоке, -и, -и, оүсхоки (хоштѫ, А. И.; С. NN 2, 3, 13,

16—20, 26, 27, 31, 34, 39, 41, 44, 45, 56, 64, 76, 86, 100, 101, 106, 108, 111, 112, 113, 119, 126, 127, 137, 168 и пр.; А NN≗ 4, 15; З.), **вракаюсе** (А. №≗ 1), **кокошь** (С. №≗ 2), **обекати, -ли, -но, -ние, обекавамь, обекакаюсе** (С. NN≗ 2, 7, 17, 21, 64, 112), **обьниина, -ѣ, -овь, опьнина, -е, -и, -е, -ѣ, -и, -ѣ, -овь, обинина, опинина** и т. д. (С. NN≗ 2, 3, 4, 5, 19. 20, 25, 26, 27, 39, 45, 56, 69, 79, 86, 100, 107, 111, 112, 113, 115, 119, 123, 125, 126, 127, 130, 133, 145, 148, 164; А. №≗ 14), **мокь, -и, -ью** (С. NN≗ 3, 16, 127), **кекьинци, вѣнинкь, -омь** (С. NN≗ 8, 31, 56, 107), **тькетл**, гдѣ **тъ** замѣняетъ **тъ**, а **к** мягкое сочетаніе **шт**, (**тъштета**, С. №≗ 10), **кьки, -ери, -ери, -еремь, -рь, кки, -ери, -еремь, кьери, кьѣи, -ери, -еремь, кѣи, кѣере, кѣерѣе**, гдѣ первое **к** замѣняетъ собственно **г**, а это **дь** или Ц.-Слав. **дъ**; сдѣсь дѣйствуетъ звукоподобіе: какъ **д** смѣняется съ **т**, такъ и **г** смѣняется съ **к**; второе **к** есть то же, что мягкое **шт**, которое по этому въ позднѣйшихъ формахъ является въ видѣ **ѣ**, (Ш. №≗ II; С. NN≗ 10, 87, 108, 112, 115, 121, 126, 134, 155, 156), **покке** (болѣе и болѣе), **вѣка** (вѣча), **прокь** (противъ) (С. №≗ 16), **помокь, -и, -ию** (С. NN≗ 16, 21, 67), **ꙁа-исуакено, -ь, -а** (С. NN≗ 16, 115, 126, 130), **мокно** (С. №≗ 17), **да враке, -ию, вракено** (воротятъ, С. NN≗ 20, 164; З.), **да плате** (платятъ, С. NN≗ 20, 107), **кнкн, -е, -и, -и, -и, -ю, -ѣ, -ань, -ињь, коукн, -е, -ю, -ь, коуќ** (С. NN≗ 22, 36, 47, 54, 62, 70, 108, 112, 115, 126, 176; А. NN≗ 9, 10; З; Мл.), **сьвракаюсе** (С. №≗ 23), **обькы** (С. №≗ 26), **кеке, -е, -и, веке, напкеке** (**кашто**, С. NN≗ 27, 100, 101, 108, 112, 115, 127, 146, 147, 168; З.), **плакати, -ити, -ати** (платить), **плакю, -ки, -каю, -кю, -аю, -кли, плаакн** (С. NN≗ 27, 28, 43, 54, 67, 70, 91, 107, 111, 113, 137, 168; А. NN≗ 6, 15; З.), **свѣка** (А. №≗ 7), **на моке** (на мощахъ, С. №≗ 64), **ꙁанукане** (А. №≗ 14), **свекаѣсе** (**съвѣштаѣса**, С. №≗ 86), **вѣкниць, -и** (С. NN≗ 87, 100, 102, 106, 108, 109), **кекю, кекы** (**каштжы, -ии**, С. NN≗ 87, 108, 109, 112, 121, 123, 126. 127; З.), **вожкка** (С. №≗ 101), **ꙋстановкиено, транкнье** (С. №≗ 107), **опкениции** (С. NN≗ 107, 127), **тиснкиа** (С. №≗ 113), **поꙁлакено, -и, -екань, -ене, -ении** (С. NN≗ 115, 119, 130, 176), **уистокю, унсокю** (С. NN≗ 121, 123, 126, 127), **раꙁанке** (С. №≗ 130) и пр. и пр. Въ дѣепричастіяхъ и причастіяхъ, на пр.: **тръгꙋюке** (А. И.), **коудоуки** (С. №≗ 2), **боякесе, гредуке** (С. №≗ 10), **стоеке, придоуке, пондоуке** (С. №≗ 15), **продакаюке, кꙋнꙋюке** (С. №≗ 16), **ходеке** (С. №≗ 21), **исходеки, сходеки** (А. №≗ 8), **исподаюкн** (С. №≗ 176), **говорекe, -рекe** (С. NN≗ 40, 48), **идеки** (С. №≗ 61), **иꙁълаꙁеки** (Ш. №≗ 14), **споменꙋюке** (С. №≗ 67), **хотеки** (С. №≗ 70), **подькиеекомь, -секомь, -кимь** (С. NN≗ 86, 100, 101), **бꙋдꙋке, -е, -и, -ихъ, -ихь** (С. NN≗ 107, 127, 133, 145, 164), **кискꙋ, -ю, -ю, -омь, -омь** (С. NN≗ 114, 121, 126, 127, 130, 146, 147), **плакаюке** (С. №≗ 129), **ꙋꙁимаюке, животворекимь, дилеке** (С. №≗ 145), **сидеке, дакаюке, ꙁаписꙋюке** (С. №≗ 145) и т. д. Въ неокончательномъ наклоненіи: **иꙁреки** (**иꙁърешти**, С. №≗ 35), **моки** (**мошти**, С. №≗ 72), **иꙁрькI** (З.), **мокѣкы, -и** (С. NN≗ 73, 91, 111), **досеки** (С. №≗ 101), **маки** (**мантн**, С. №≗ 113), **доки** (С. №≗ 145) и т. д. Б-а **к** является сверхъ того въ окончаніяхъ отечественныхъ именъ и прозвищъ вмѣсто нынѣшняго Сербскаго *ть* (ћ) или у другихъ Славянъ чь, на пр., **колесаликь** (С. №≗2), **маьгеревикь** (С. №≗ 3) и т. д., **ораховичики, уавикю** (С. №≗ 176), **косорики** (А. №≗ 10), **властелиникь, -емь** (С. NN≗ 42, 46; А. №≗ 12; Г. VI, №≗ 2), **воеводикь** (С. №≗ 66), **попокй** (С. 155) и т. д. (ср. С. NN≗ 15—17, 19, 20, 22, 32, 36, 39, 40, 43, 46—48, 50, 54—56, 60—64, 66, 68, 70, 71, 73, 76, 86, 87, 90, 91, 95, 100, 101, 106—109, 111, 112, 115, 117, 119, 121, 123, 126, 130, 137, 138, 145—148, 164—167, 176; А. NN≗ 5, 6, 10, 14, 15, 17, 19; Ш. №≗ 15; Мл. и пр.). Въ другихъ падежахъ это **к** соединяется то съ твердыми, то съ мягкими гласными, какъ ц

въ приведенныхъ примѣрахъ: косорикю, тавикю, или дрьжикю (С. № 36), гнѣздикии (С. № 47), любодикемь (С. № 176) и т. д. Въ именит. п. мн. ч. это замѣнительное к уже не смягчается въ ц, какъ то бываетъ съ существенными. Трудно понять, по чему въ нѣкоторыхъ изъ разсматриваемыхъ нами случаевъ древніе Сербы уничтожили всякую мягкость какъ въ гласной, такъ и согласной, и сочетали два твердыхъ звука, которые, по видимому, не имѣли и не имѣютъ уже повода къ смягченію, слѣдовательно, остаются навсегда несмягчаемыми? Прежде всего замѣтимъ, что всѣ приведенные примѣры какъ для г, такъ для к, распадаются на двѣ половины: одни приводятъ къ первоначальному звуку *д*; другіе къ звуку *т*, изъ которыхъ первый почти всегда отвѣчаетъ б-ѣ г, другой б-ѣ к, на пр., погеши приводитъ къ первообразному слову идѫ, осѫгень къ сѫдь(ъ), обѣкати къ обѣть(ъ) и т. д. Но если не станемъ доискиваться начала каждаго слова, а только сравнимъ примѣры съ тѣми же формами другихъ Славянскихъ нарѣчій и новѣйшаго Сербскаго, то увидимъ, что сдѣсь г и к почти всегда, кромѣ немногихъ исключеній, приводятъ къ видоизмѣненнымъ *д* и *т*, т. е., къ нимъ же, но только въ смягченномъ видѣ: жд, *dz*, *dž*, *ђ*, *j*, *ж*, *з*, шт, *ч*, *ћ*, *ц*, *ć*, *ś* и т. д. Но между соотношеніями *г* и *д*, *к* и *т*, нельзя никакъ провести непреложной грани, ибо какъ *д* переходитъ въ *т*, такъ и *г* переходитъ въ *к*, по чему и въ смягченіяхъ ихъ должное соотношеніе нарушается: такъ мы привели слово одеги или въ именит. п. одега, которое отвѣчаетъ Русскому *одѣжда*, но у нынѣшнихъ Сербовъ звучитъ *одетя* (*одећа*, *одећа*) отъ глагола *одети*; такъ кьиерь отвѣчаетъ формѣ дъштерь, нынѣшнее Сербское кћи: сдѣсь первое к замѣняетъ даже твердое д, но если Сербъ уже взглянулъ на это д, какъ на мягкое, то и позволилъ себѣ претворить его въ г, а чрезъ уподобленіе въ к, присоединивъ къ нему мягкое ь и пр. Принявши въ расчетъ, что въ нѣкоторыхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ мягкое *д* принимаетъ видъ *жд* или *дж*, *дз* и *ж*, а мягкое *т* обращается въ *ц* и *ч*, мы должны заключить, что между разноорганными *г* и *к*, *д* и *т* должно скрываться ближайшее тайное родство, которое открыть, привести въ порядокъ и подкрѣпить достаточными доказательствами изъ всѣхъ Индоевропейскихъ нарѣчій предоставляемъ сравнительному языковѣдѣнію. Сербскій языкъ въ своемъ повременномъ движеніи представляетъ одинъ изъ яснѣйшихъ признаковъ этого сродства, ибо онъ безъ помощи мягкихъ *ж*, *з*, *ц*, *ч* и т. п. прямо роднитъ *д* и *т* съ *г* и *к*, замѣняя послѣдними мягкія первыя. Другое обстоятельство, по чему твердыя г и к, замѣняющія мягкія д и т, соединяются съ твердыми, а не мягкими гласными, объяснить труднѣе, но и оно объяснится, если на измѣненіе согласныхъ и гласныхъ станемъ смотрѣть, какъ на два разновременныя явленія. Во первыхъ, Сербскій языкъ измѣнилъ мягкія д и т въ г и к; но, по свойству всѣхъ Славянскихъ языковъ, мягкость согласной условливается мягкостію гласной: д и т были мягкими по тому, что соединялись съ мягкою гласною. Претворивъ ихъ въ г и к, Сербскій языкъ боялся оставить при нихъ, какъ уже твердыхъ, мягкую гласную, ибо чрезъ это онъ заставилъ бы ихъ снова смягчиться и обратиться въ прежнія д и т. Но ограждая ихъ такимъ образомъ отъ опасности новаго видоизмѣненія, онъ въ нихъ самихъ долженъ былъ оставить мягкую природу, ибо нѣтъ сомнѣнія, что ухо Серба не терпѣло въ этихъ случаяхъ твердыхъ г и к, какъ терпѣло ихъ, когда они стояли на своемъ мѣстѣ съ значеніемъ коренныхъ буквъ. Мы имѣемъ причину сомнѣваться на счетъ твердаго произношенія сочетаній га, ка, го, ко и т. п., а на счетъ б-ы к увѣрены, что она звучала сдѣсь мягко, ибо твор. п. един. ч. и имен. и дат·

пп. мн. ч. оканчиваются у этѣхъ формъ на -гѣмь и -кѣмь, -гѣ и -кѣ, -ки, а не на -гомь и -комь, -ѕи и -ци—ясный признакъ мягкаго окончанія. По этому сочетанія б-ъ г и к, замѣняющихъ д и т, съ мягкими гласными въ сущности должны быть одинаковы съ сочетаніями этѣхъ же буквъ съ твердыми гласными, каковыя находимъ въ нѣкоторыхъ изъ вышеприведенныхъ примѣровъ; и дѣйствительно, мягкость г и к древніе Сербы выразили весьма наглядно, соединяя ихъ въ гораздо большемъ количествѣ случаевъ непосредственно съ мягкою гласною. Хотя таковое сочетаніе противно Славянскому языку, который обыкновенно при мягкихъ сочетаніяхъ измѣняетъ согласную и отверждаетъ гласную, однако Сербскіе писцы хотѣли, по видимому, чрезъ такой способъ правописанія выразить переходную минуту, то мгновенное и какъ бы остывшее дѣйствіе языка, когда онъ, при самомъ рожденіи мягкаго сочетанія, измѣняетъ твердую согласную въ мягкую, а мягкую гласную въ твердую. Это неуловимое превращеніе они выразили въ первобытномъ видѣ гѣ, кѣ, ги, ки, гю, кю и т. д., каковыя сочетанія возможны только для законовъ языка, но въ жизни ихъ нѣтъ; ибо, повторяю, въ минуту ихъ образованія языкъ уже превращалъ ихъ въ *жа*, *жда*, *шта*, *ча*, *же*, *че*, *жу*, *чу* и т. д. Сдѣсь этого нельзя было сдѣлать, ибо г и к не суть существенныя, а только замѣнительныя для мягкости д и т, и по тому языкъ остановился на означенныхъ сочетаніяхъ ихъ съ мягкими гласными. Мягкость буквъ г и к признаетъ и Шафарикъ, но только введеніе ихъ Сербскими писцами приписываетъ вліянію Новогреческаго языка, гдѣ γ и κ звучатъ мягко. Я же отношу причину этого введенія къ внутреннему сродству *д* и *т* съ *г* и *к*, болѣе тѣсному, нежели какое существуетъ между другими разноорганными звуками. Сравнительное языковѣдѣніе нападаетъ на слѣдъ этого сродства, когда сноситъ *зрю* съ *δέρκω*, ибо *з* есть видоизмѣненіе звука *г*. *Четыре*, гдѣ ч есть смягченіе б-ы *к*, Санскр. *katur*, Лат. *quatuor*, въ Греч. языкѣ звучитъ уже *τέτταρες*; въ Ц.-Славянскомъ языкѣ смѣна окончаній ст и сц, смягчившагося изъ ск, указываетъ на взаимное близкое сродство ц, образовавшагося изъ к, съ т. Припомнимъ перезвукъ *т* въ *к* у Карпаторусовъ въ словѣ *кисто* (тѣсто), у Полабцевъ, на пр.: *t'iza* (кожа), *t'aurisa* (курица); у нихъ же *д* въ *г*: *djozda* (звѣзда), *vundil* (уголь). у Словаковъ, на пр.: *glh* (долгъ), *donda* (дуга) и въ Русскомъ нарѣчіи въ словахъ *гля* (для), *мѣзгра* и *мездра*, и обратный перезвукъ *г* въ *д* въ Д.-Сербскомъ въ словѣ кьга, кьги и кьда; а также не мѣшаетъ снести слово *Думача* съ *Глумач*. Ср. дѣбланина (С. № 18), дльбоуаѣ (какъ бы глѹбоуань, С. № 176), нынѣ *дубок*, *дубина* (глубокій, глубина). Вліяніе Новогреческаго языка не могло быть такъ сильно, чтобы дѣйствовать на все пространство Сербской грамотности въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ и преимущественно въ первые вѣка, какъ увидимъ ниже, когда Сербская грамотность держалась ближе къ Ц.-Славянскому языку. Тутъ не могло дѣйствовать и вліяніе западнаго поморья, имѣвшаго въ себѣ много Итальянскаго и писавшаго Славянское ч чрезъ *ch*, ибо у Сербовъ скорѣе было окончаніе *-ть*, чѣмъ *-чь*, какъ увидимъ послѣ. Еслибы сдѣсь являлись одни имена собственныя съ окончаніемъ -кь, то еще можно бы было допустить это вліяніе, хотя тоже отчасти и въ весьма слабой степени, ибо оно не могло бы проникнуть, на пр., въ Аѳонскую грамоту Милутина, гдѣ исчисляются имена людей, жившихъ, большею частію, въ Македоніи и подаренныхъ Хиландару. Впрочемъ, если бы дѣло касалось, какъ сказали мы, однихъ отечественныхъ именъ, то еще можно бы было допустить другое объясненіе, именно, смѣну окончаній, подобно *ко* и *то*, *кій* и *тый*, служащихъ для ближайшаго опредѣленія качества или состоянія предмета на вопросъ: *какъ* и *какой*? Слова: *ко*

како, *каквость*, *якость*, *качество* уже доказываютъ, что духъ Славянскаго языка избралъ окончаніе *ко* для выраженія свойства предмета, выражая его также и чрезъ окончаніе *то*, *сіе*, *tě*, *ćе*, *ʒо*. Но и это объясненіе, нейдетъ сюда, ибо, во первыхъ, сдѣсь не всегда мягки *к* и *т*, между тѣмъ, какъ наши примѣры относятся къ мягкимъ *д* и *т*, замѣняемымъ мягкими же по произношенію **г** и **к**; во вторыхъ, объясненіе это годно только для окончанія, а къ прочимъ словамъ, гдѣ перезвукъ совершается въ срединѣ и даже началѣ, оно никакъ не можетъ быть примѣнено. Остается послѣ всего принять положеніе, нами выше представленное, о сродствѣ зубныхъ съ гортанными, и допустить, какъ особенность Д.-Сербскаго языка, замѣну мягкихъ зубныхъ **д** и **т** мягкими по произношенію гортанными **г** и **к**. Другое замѣчаніе, которое мы должны сдѣлать объ этомъ перезвукѣ, состоитъ въ томъ, что, по сравненіи примѣровъ изъ Д.-Сербскаго языка съ тѣми же словами Ц.-Славянскаго, открывается, что не всегда **г** и **к** замѣняютъ мягкія **жд** и **шт**, но иногда и твердыя **д** и **т**, а иногда и мягкія **дь**, **ж**, **ть**. **у**, на пр.: **доге**, **догоше**—**дойде**, **доидоша**, **наги**—**наидеть**, **послѣгии**—**послѣдьнии**, **ѡпоуги**—**опоудѣ**, **медвегѣ**—**медьвѣжии**, **пеуакеть**—**пеуатанѣ**, **уистокю**—**уистотѫ**, **плакаю**—**платать**, **мокио**—**моуько**, **кѣка**—**кѣуа**, **наки**—**наити** и т. п. Такъ точно въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ найдется не одинъ примѣръ, гдѣ, въ сравненіи съ Сербскимъ, нѣтъ обычнаго смягченія *д* и *т*; это показываетъ, что Сербы болѣе другихъ Славянъ любятъ смягченіе зубныхъ и, смягчая ихъ, въ древней своей письменности претворяютъ въ **г** и **к**. Отъ того случаи этого претворенія лучше всего сличать съ Сербскимъ же языкомъ въ нынѣшнемъ его состояніи: въ такомъ случаѣ мы увидимъ, что **г** и **к** только тогда замѣняютъ у Сербовъ *д* и *т*, когда эти послѣднія звучатъ мягко и въ нынѣшней письменности выражаются б-ми *ђ* и *ћ*.

Теперь, послѣ предварительныхъ замѣчаній, скажемъ нѣсколько словъ о времени и мѣстѣ этого перезвука. Выше мы не разъ говорили, что эта замѣна имѣетъ мѣсто во всѣхъ вѣкахъ и всѣхъ семьяхъ грамотъ. Объяснимся подробнѣе. Не должно думать, чтобы Д.-Сербская письменность не знала другихъ звуковъ для мягкихъ **д** и **т**, кромѣ **г** и **к**: она знаетъ **жде**, **ште**, **дь**, **ть** и **і** (*й*, *j*); но употребляя ихъ, употребляетъ вмѣстѣ съ ними и упомянутыя гортанныя. Часто односемейныя, одновременныя и одномѣстныя, даже одному и тому же лицу принадлежащія грамоты имѣютъ одна **г**, и **к**, другая **ѣ** (**дь** и **ть**); даже часто случается, какъ увидимъ ниже, что одна и та же грамота имѣетъ оба рода звуковъ—собственно мягкія **д** и **т** и ихъ замѣнительныя **г** и **к**. Число примѣровъ показываетъ, что послѣднія были въ большомъ ходу въ древней Сербской письменности и преимущественно въ первыхъ вѣкахъ, начиная съ XII-го и до конца XIV-го в. Въ продолженіи этого времени мы не разъ замѣчали болѣе общности въ правописаніи, чѣмъ въ XV-мъ в.: такъ и сдѣсь встрѣчаемъ то же самое. Въ грамотахъ всѣхъ семействъ въ равной мѣрѣ господствуютъ **г** и **к**. Но съ конца XIV-го в., по случаю появленія и преобладанія Западныхъ грамотъ, **г** и **к** начинаютъ рѣдѣть: ихъ мѣсто заступаютъ чисто-смягченныя, безъ участія шипящихъ, **дь** и **ть**, въ видѣ обоюднаго начертанія **ѣ**, или же **дь**, смягченное до степени небнаго **і**. Въ этомъ вѣкѣ собственно-Сербскія, Зетскія и Черногорскія грамоты всѣхъ болѣе держатся прежнихъ **г** и **к**; за ними весьма упорно слѣдуютъ Турецкія и Дубровницкія, которыя въ этомъ случаѣ рѣзко отличаются отъ другихъ Западныхъ грамотъ; прочія же, какъ-то: Боснійскія, Хлумскія и Травунскія, предпочитаютъ болѣе и болѣе звукъ **ѣ**. Сдѣсь пока довольно объ этомъ предметѣ: мы коснемся его еще

разъ, когда будемъ говорить о зубныхъ. Напослѣдокъ замѣчу, что Русскій языкъ можетъ всего болѣе служить посредникомъ и пояснителемъ въ этомъ дѣлѣ, ибо онъ мягкія *д* и *т* превращаетъ въ *ж* и *ч*, а эти послѣднія суть не что иное, какъ мягкость гортанныхъ *г* и *к*. По сему, если Сербскія мягкія сочетанія: **гѣ, кѣ, ги, ки, гю, кю** примемъ за тожественныя съ *жа*, *ча*, *же*, *че*, *жу*, *чу*, что такъ и должно быть на самомъ дѣлѣ, и если сравнимъ эти послѣднія съ подобными имъ у прочихъ Славянъ, то увидимъ, что Сербскій языкъ ничѣмъ существенно не отличается въ этомъ отношеніи отъ другихъ Славянскихъ нарѣчій. Разница только въ томъ, что Сербскіе писцы овременили и нагляднымъ образомъ выразили неуловимый и мгновенный переходъ языка отъ одного сочетанія къ другому: отъ сочетанія твердой согласной съ мягкою гласною къ сочетанію мягкой согласной съ твердою гласною.

Гортанныя *г*, *к*, *х*, будучи твердыми по природѣ, сочетаются, по общеславянскому правилу, только съ твердыми же гласными: Ц.-Славянскій языкъ строго держится этого правила; прочія нарѣчія болѣе, или менѣе отступаютъ отъ него. Впрочемъ, при этомъ сочетаніи никогда не должно забывать того, что сказано нами о свойствѣ звуковъ *е* и *и*: звуки эти, по стародавности своей, ставъ на ряду съ другими основными звуками, расширили наровнѣ съ ними кругъ своего употребленія; *е* изъ полумягкаго сдѣлалось и твердымъ и мягкимъ; *и* изъ мягкаго достигло извѣстной твердости и совершенно отвердѣло въ *ы*. Отъ того, если мы встрѣчаемъ непосредственное соединеніе гортанныхъ съ этими звуками, то не должны послѣдніе считать мягкими. Но если, кромѣ того, въ Древнесербской письменности гортанныя являются въ соединеніи съ явно-смягченными гласными, вопреки своей твердой природѣ, то это свидѣтельствуетъ лишь о смягчающей силѣ Сербскаго нарѣчія, которое самымъ грубымъ согласнымъ придаетъ мягкій отзвукъ. Претвориться въ этихъ случаяхъ въ соотвѣтствующія мягкія онѣ не могутъ, ибо это было бы противно духу Славянскаго языка; за то писцы сочетаютъ ихъ съ мягкими гласными, принаравливая къ Сербскому произношенію. Сочетаніе гортанныхъ съ мягкими гласными возрастаетъ по мѣрѣ усиленія народной стихіи. Разумѣется, въ XV-мъ в. и въ Западныхъ грамотахъ оно достигаетъ найбольшей степени развитія. Примѣровъ довольное количество: **гинкара, гинара** (С. NN№ 44, 63), **ксакие, -е** (С. NN№ 44, 84, 101, 144), **кипалие, -е** (С. NN№ 44, 71), **поморьские, поморские** (С. NN№ 51, 52), **кираѣевцы, гиенскы** (В. № 2), **слѫге, рашке** (С. № 81), **срьбске, босаньске** (С. NN№ 81, 84), **рѫке** (С. NN№ 84, 125, 127), **кѫке** (С. № 86), **кике, конавалске** (С. № 96), **дрѫге** (С. NN№ 96, 144), **еванѓелью** (С. № 97), **евангиелисте** (С. NN№ 100, 106), **инкею,-ии** (С. № 100; А. № 17), **евангиелию,-листи** (С. № 101), **велике** (С. NN№ 104, 132, 133), **дѫбровачке** (С. NN№ 107, 127, 133), **деке̑вріа** (С. NN№ 111), **тьрьге, толике, кнеке, херцега** (С. № 132), **кифалію, -а, -ию, -іе** (С. № 137; А. NN№ 18, 19; З.), **босанские** (С. № 145), **гео́ргіе, гео̑ргіе, а̑нгге́лие** (С. № 178), **стрѣлькие, досоугемь** и пр. (С. № 176; здѣсь господствуетъ почти исключительно одно **е**), **гео́ргіа** (Г. А), **калогирь, калѫгирь, калоугире** (З.; А. № 17; Г. Б), **килии, -е** (А. NN№ 4, 17), **гиракси̑е** (А. № 8), **сока** (А. NN№ 10, 14, 17), **гю́рмань** (А. № 11), **прѣкисоки, срьпские** (А. № 14), **кагинарими** (А. № 17), **гера̑сиань** (А. № 18), **дохотке, рѫке** (З. А.), **гюрьгь, -емь, гюргь, -и, -ю, -емь** и т. д., **гюрашь, гюргевикь, гю̑ргица, гюргека** и пр. (С. NN№ 2, 21, 63, 64, 67, 70, 71, 72, 91, 93, 137, 138, 146, 147, 175, 176; А. № 6; мон., Шиш. № 3; Г. III, NN№ 77, 79, 81, 83—87; Г. V, № 6; VI, № 21). Хотя здѣсь **г** законное, ибо

это слово заимствовано изъ Греческаго языка, однако Сербскій языкъ, сочетавъ его съ мягкою гласною, подвергъ дальнѣйшему преобразованію, претворивъ въ мягкое *д* и отвердивъ гласную: нынѣ Сербы говорятъ и пишутъ *ђурађ*. Припомнимъ еще примѣры, приведенные нами гораздо прежде по случаю излишняго смягченія б-ы **ѧ** въ **ю**.

На оборотъ, въ тѣхъ грамотахъ, гдѣ допущено употребленіе б-ы **ы**, не разъ встрѣчается сочетаніе гортанныхъ съ твердымъ **ы** по правилу Ц.-Славянскаго правописанія сочетавать твердыя согласныя съ таковыми же гласными; на пр.: **ѫѧкы** (А. NN№ 1, 5), **погыбноути**, **крайскыхь** (А. № 6), **погыбѣли**, **срьбскыхь**, **поморскыхь** (А. № 7), **сербскыхь срьбскыихь** (А. № 8), **великый**, **срьбкыхь**, **всакымь** (А. № 9), **ѩзыкы**, **срьбскыи**, **-ыь**, **кыйеть**, **драгыша** (А. № 5), **косоритскыимь** (А. № 10), **всакыми**, **црькыими**, **хилайдарскые**, **паки** (А. № 11), **глубокыи** (А. № 12), **риҕинкыи** (С. NN№ 137, 138), **паҕухы** (С. № 178), **всаҳкыскыимь** (С. № 176), **кошаискы**, **дроугыи** (Ш. № 14), **потькскыми** (Ш. № 15), **гнеискы** (В. № 2) и т. д.

Обыкновенный видъ перезвука гортанныхъ есть переходъ ихъ въ соотвѣтствующія имъ шипящія и свистящія. Словообразованіе и словодвиженіе имѣютъ каждое свой перезвукъ гортанныхъ: первое требуетъ перехода ихъ въ шипящія *ж*, *ч*, *ш*; второе—въ свистящія *з*, *ц*, *с* (съ нѣкоторыми исключеніями). Сербскій языкъ въ томъ и другомъ случаѣ сходится съ прочими Славянскими нарѣчіями и не требуетъ большихъ поясненій. Какъ въ древней своей письменности, такъ и въ теперешнемъ своемъ состояніи онъ наблюдаетъ при словодвиженіи перемѣну твердыхъ гортанныхъ въ соотвѣтствующія имъ мягкія, сходясь въ этомъ отношеніи съ Ц.-Славянскимъ. Въ словообразованіи же онъ слѣдуетъ общему духу Славянскихъ языковъ и образуетъ производныя слова отъ коренныхъ точно такъ же, какъ и другія Славянскія нарѣчія. По этому мы и не считаемъ нужнымъ много распространяться объ этомъ предметѣ: довольно привести нѣсколько примѣровъ для поясненія дѣла. Такъ въ словообразованіи **г** переходитъ въ **ж**, на пр., **бжиемь**, **божаство** и пр. отъ **богь**; **патражакь** отъ **натрагь** и пр.; **к** переходитъ въ **ч**, на пр., **доходачаць** (С. № 173) отъ **доходакь**; **ручинци** отъ **рѫка**, и пр.; **х** переходитъ въ **ш**: **доуша** отъ **доухь**; **сьгрѣшити** и **сьгрѣха**; **сьврьшити** и **врьхь** и пр. Какъ особенность, должно замѣтить слѣдующіе случаи обоюднаго употребленія и замѣны буквъ: **дюбровьчане**, **бенетенькога** (С. № 16), гдѣ **к** не смягчилось въ **ч** вопреки обычному образованію: **дубровьчане** (ин. р.), **бьнетьчьска** (С. № 10); **с҃. ѹгй** (А. № 15), ср. **чиа҃** (ин. р.), **мисега** (т. е., **мисеца**, С. № 99), **покантинарь**, **пенентинарь** и пр. (С. NN№ 106, 107, 114, 127, 128), ср. *centum*; **дражоевикь** (С. № 144) вм. **драгоевикь**, **ҕниҕо**, (гнездо, А. № 8), **дражеславь** (С. № 57) вм. **драгославь**; **присежомь** (С. № 57) вм. **присегомь**, **ѡбрьшь** (А. № 5), ср. **ѡбрьхь** (А. № 4). Во всѣхъ этихъ случаяхъ слова, оставаясь въ одномъ и томъ же положеніи, имѣютъ двойственную форму. Словодвиженіе требуетъ, какъ сказали мы, перехода гортанныхъ въ шипящія: объ немъ и его особенностяхъ будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ.

Б-а **г** опускается передъ б-ю **к** въ словѣ **кьмо** (А. № 1). Она же опускается передъ б-ю **д** въ формахъ **тада**, **тьда**, ср. **тогда**, **тога** (см. в.). Впрочемъ, здѣсь собственно нѣтъ ни опущенія, ни вставки б-ы **г**, ибо присутствія частицы **да** нельзя отрицать и въ тѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, гдѣ постоянно она имѣетъ при себѣ *г* въ словахъ *тогда*, *всегда* и пр., какъ, на пр., Русскомъ. Эта частица сродна съ двумя другими **ды** и **де**, и всѣ эти частицы существуютъ

въ томъ, или другомъ видѣ во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, образуя собою различные роды нарѣчій мѣста и времени. Сродство б-къ *г* и *д* заставляетъ подозрѣвать въ окончаніяхъ *-гда*, *-гды* удвоеніе звука *д*, который выразился въ *г* и тутъ же рядомъ съ нимъ въ *д*. Это доказывается, во первыхъ, тѣмъ, что одни изъ Славянскихъ нарѣчій имѣютъ въ нѣкоторыхъ опредѣленіяхъ мѣста и времени звукъ *г*, другія же въ тѣхъ же самыхъ словахъ не имѣютъ его, ср. *когда*, *тогда* и *kiedy*, *tedy*, Санскр. *kadá*, *tadá* и пр.; во вторыхъ, присутствіе сдѣсь звука *г* ничѣмъ другимъ удовлетворительно объяснено быть не можетъ. Б-а г употреблена весьма замѣчательно въ словахъ **степагиь, агрьхидиѧконь** (печ., А. № 9). Такое употребленіе составляетъ единственный случай въ нашихъ письменныхъ памятникахъ: сдѣсь г, вѣроятно, отправляетъ такое же служеніе, какое д въ формѣ **раждрѣшимо**, т. е., ради благозвучія.

По той же причинѣ находимъ постоянно **сиптебра** (С. № 43), **септ** (С. № 54), **септа** (Г. VI, № 2), **сиктемвра** (С. № 158). Въ нынѣшнемъ народномъ Сербскомъ языкѣ этого слова нѣтъ, такъ какъ оно иностранное, а по тому старинные книжники, желая образовать его на народный ладъ, измѣнили или Латинское *p* въ словѣ *september*, или Ц.-Славянское и въ словѣ **семьтабрь** въ болѣе, по ихъ мнѣнію, благозвучное к.

Б-а и передъ слѣдующимъ к опускается подобно тому, какъ мы видѣли исчезновеніе б-ы г передъ и въ словѣ **льно**; по этому слово **кьмрь** имѣетъ другую сокращенную форму: **кири**, **кирь**, **кирень** (С. №№ 108, 109).

Б-а х вставлена подобно б-ѣ г въ словѣ **всахъскимь** (С. № 176).

Наконецъ замѣчу сдѣсь о Греческой б-ѣ ѯ. Она, какъ извѣстно, допускалась въ Кириловской письменности; она же допускается и въ древней Сербской, но замѣтно слабо, преимущественно въ грамотахъ собственно-Сербскихъ. Ту же букву Сербскіе писцы чаще выражаютъ чрезъ кс, а иногда, по смягчающему свойству своего языка, чрезъ кьс, на пр., **алекьси** (С. № 16), **алеьсаж** (С. № 124). Даже чрезъ кьѯ: **алеѯьѯоньдра**, **алекьѯиндрь** (С. № 61). Что касается до Греческаго сочетанія *γγ*, то и оно при посредствѣ Д.-Булгарской письменности перешло въ Сербскую, на пр., **аггелськ** (А. № 6), **аггли** (А. № 10), **агглѡмь** (А. № 11), **аггльскии**, **архагггла** (С. № 35), **архагглы** (С. № 165), **архагглы** (А. № 20) и т. д. Обычное же правописаніе употребляетъ, сообразно съ произношеніемъ, нг или ньг; но иногда находимъ даже: **Аиггьлиѥ**, **Аиггелина** (С. № 178; Г. V), что показываетъ, что начертаніе гг, какъ и ѯ, уже утратило для Сербскихъ писцовъ свое значеніе и только списывалось ими безсознательно.

Мы въ кругу *шипящихъ* и *свистящихъ*. Эти звуки, по своему образованію, позднѣе гортанныхъ, и въ глубочайшей древности долженствовалъ быть языкъ, отразившійся въ языкѣ Вѣдъ, который могъ обходиться безъ нихъ, ограничиваясь одними гортанными. Славянскія нарѣчія богаче другихъ Индоевропейскихъ языковъ развили у себя составъ мягкихъ согласныхъ звуковъ и преимущественно гортанныхъ; въ нихъ самихъ есть такія нарѣчія, которыя, сравнительно съ другими, довели это смягченіе до высшей степени, каковы Польское и Лужицкія. Сербское усвоило себѣ всѣ шесть звуковъ, отвѣчающихъ попарно гортаннымъ *г*, *к*, *х* и общихъ прочимъ Славянскимъ нарѣчіямъ. Эти звуки суть *ж*, *з* (*г*); *ч*, *ц* (*к*); *ш*, *с* (*х*). Мы уже видѣли ихъ соотвѣтствіе въ двухъ главныхъ дѣйствіяхъ языка, словообразованіи и словодвиженіи. Рядъ первообразныхъ и первостепенныхъ гортанныхъ звуковъ производитъ въ своемъ видоизмѣненіи два ряда второсте-

пенныхъ звуковъ, которые, каждый непосредственно, образуются изъ гортанныхъ. Въ образованіи ихъ уже участвуетъ не одна гортань, но и небо. Языкъ, приражающій ихъ при посредствѣ гортаннаго органа къ небу, принимаетъ такое же послѣдовательное направленіе, какое сжатіе гортани при образованіи гортанныхъ. Отсюда по порядку происходитъ первый рядъ приращенныхъ звуковъ, въ которомъ первое мѣсто, отвѣчающее гортанному *г*, занимаетъ *ж*, второе, отвѣчающее *к*, — *ч* и третье, отвѣчающее *х*, — *ш*. Въ этомъ ряду *ж* есть слабѣйшій и какъ бы невнятнѣйшій звукъ, *ч* — средній, а *ш* — самый твердый и внятный, ибо, по порядку образованія, *ж* рождается всѣхъ ближе къ гортани, а *ш* всѣхъ далѣе отъ нея; но извѣстно, что чѣмъ далѣе отъ гортани образованіе звука, тѣмъ сжатіе органа, а по тому накопленіе голоса больше, и тѣмъ звукъ тверже и увѣсистѣе; напротивъ, по мѣрѣ приближенія къ гортани, звукъ слабѣетъ и улетучивается, ибо вещественности въ немъ менѣе. Такъ какъ этотъ рядъ производныхъ звуковъ образованіемъ своимъ одолженъ приращенію языка къ небу или тому органу, который въ области гласныхъ производитъ мягкое начало, то и онъ, въ свою очередь, является полнымъ претвореніемъ твердыхъ гортанныхъ въ мягкія и совершеннѣйшимъ ихъ сляніемъ съ мягкимъ началомъ, по чему звуки его по большей части соединяются уже не съ мягкими гласными, но съ твердыми. Слѣдовательно, *ж*, *ч*, *ш* суть соотвѣтствующія мягкія для твердыхъ *г*, *к*, *х*: это шипящія буквы. Второй рядъ производныхъ образуется помощію тѣхъ же органовъ, но только при дальнѣйшемъ слѣдованіи образующаго ихъ органа отъ неба къ зубамъ, при чемъ послѣдніе уже принимаютъ замѣтное участіе. По этому какъ вообще этотъ рядъ слабѣе, тонше, у́же предыдущаго, такъ и въ немъ самомъ опять являются три степени силы голоса: слабѣйшій звукъ есть *з*, отвѣчающій звуку *г*, средній *ц*, отвѣчающій звуку *к*, и сильнѣйшій *с*, отвѣчающій звуку *х*. Это суть узкіе, тонкіе звуки, и по тому они называются свистящими. Они представляютъ дальнѣйшее смягченія гортанныхъ и приводятъ ихъ къ зубнымъ. Самый обычный переходъ разнорядныхъ звуковъ совершается между ближайшими. По этому въ Славянскихъ нарѣчіяхъ всего чаще и легче смѣняются гортанныя съ шипящими, шипящія съ свистящими и свистящія съ зубными. Въ однорядныхъ слабыя переходятъ въ твердыя: *ж* въ *ш*, *з* въ *с*. Что касается до соединенія съ мягкими гласными, то Славянскія нарѣчія, взятыя въ совокупности народныхъ говоровъ, оба рода звуковъ соединяютъ съ твердыми и мягкими, но не всѣ нарѣчія и не всѣ звуки въ равной степени, какъ и вообще при шипящихъ они предпочитаютъ твердыя гласныя. Когда духъ языка требуетъ смягченія при столкновеніи гортанныхъ съ мягкими гласными, тогда мягкость гласной переходитъ въ твердое существо гортанной и измѣняетъ его въ мягкое шипящее, а мягкая гласная становится уже твердою. Таковъ главный и общій законъ въ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Д.-Булгарское, Русское и Сербское поддерживаютъ его во всей силѣ; если же въ Д.-Булгарскихъ рукописяхъ и встрѣчаемъ исключенія въ пользу соединенія шипящихъ съ мягкими гласными, то это означаетъ уже вторичное смягченіе, или уподобленія гласнаго звука мягкому согласному. Подобныя исключенія встрѣтимъ и въ древней письменности Сербовъ. Разсмотримъ же оба ряда производныхъ звуковъ независимо отъ ихъ производителей, гортанныхъ. При взаимныхъ частыхъ и разнообразныхъ перезвукахъ, ими совершаемыхъ, мы не можемъ ихъ разсматривать иначе, какъ вмѣстѣ, подвергая изслѣдованію какъ однооргáнныя, т. е., однорядныя, такъ и разноорганныя, т. е., междурядныя, смѣны звуковъ.

Но Сербскій языкъ не удовольствовался тѣмъ, что претворилъ гортанныя въ шипящія и свистящія: онъ еще самыя гортанныя, не претворяя ихъ тамъ, гдѣ не слѣдовало по законамъ Славянскаго языка, смягчалъ въ ихъ настоящемъ произношеніи и выражалъ это смягченіе на письмѣ чрезъ непосредственное сочетаніе съ мягкими гласными. Такъ точно поступилъ онъ и съ ихъ видоизмѣненіями — шипящими: не довольствуясь собственною ихъ мягкостію, онъ сочеталъ ихъ еще съ мягкими гласными вопреки общеславянскому разумному правилу ставить твердую гласную при смягчившейся уже согласной. Это происходило отъ большой любви Сербскаго языка къ смягченію. Сербскіе дьяки пишутъ иногда кратіѫ (А. № 2), украчюйть (А. № 6), чюдо, чюдесь (А. NN№ 5, 7, 11; С. NN№ 175, 176; Г. А, Б), врачю, точю (точію, А. № 8), кѣжю, обрачю, сьдрьжеп, рекшюмоу, оучкаше, оучекиномь и пр. (С. № 176; сдѣсь почти всюду е), проча, обичаи, порча (А. № 14), наше, -е, -ега, -его, -емь, -емь (С. NN№ 66, 81, 86, 96, 99, 100, 104, 107, 108, 109, 127, 133, 144, 176; З. А.), же (С. NN№ 66, 68, 81, 100, 103, 176; З. А.), болше (С. NN№ 66), више (С. NN№ 66, 81, 96, 100, 101, 104, 108, 110, 127, 134, 144, 157; З. А.), желанием, послаше (С. № 68), наричють (З.), иже (С. № 81; З. А.), имавьше, бише (С. № 81), кикочю, чюждь (А. № 19), дарокаше (С. NN№ 84, 96, 107), изидоше (С. NN№ 84, 99), речени, -емь, -ега, речени, -ено (С. NN№ 81, 103, 104, 112, 134, 145; З. А.), чѧкчуе, чѧкче, члобчю, -е (С. NN№ 85, 114, 144; З. А.), начи, -е (С. NN№ 86, 89, 96, 103, 104, 107, 132), чюкаю (С. № 91), полаче, мужемь, срдчено (С. № 96), показаше (С. NN№ 96, 107), даше, -е (С. NN№ 96, 107, 122, 125, 127), прошение (№ 99), еже, начетаѧь, кичемь (С. № 100), велможи (С. № 101), дрьжеть, качера (С. № 103), кѧже, видивше, чюи, корчю (С. № 104), може (С. NN№ 107, 127, 144), пише, -е (С. NN№ 107, 114, 134, 144, 157), шесть (С. NN№ 108, 124, 130), душе, (С. № 112), придавже, прьнедваже, кредваже (С. NN№ 112, 115, 126), чедахь, угодивше (С. № 127), потеже (С. № 130), жегвѣе, имаше (С. № 132), влоше (С. № 134), погибьше, блаженомь (З. А.; сдѣсь всюду одно е), почела (С. № 144), ниже (С. № 145) и пр. Бóльшая часть примѣровъ, какъ видно, ограничивается 6-ю е. Кромѣ двухъ словъ: чюи и корчю, всѣ прочіе примѣры съ ю и а (ѧ) приходятся на долю собственно-Сербскихъ грамотъ; напротивъ, всѣ съ е принадлежатъ Западнымъ грамотамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что первыя, т. е., съ ю и а, порождены были сколько ухомъ Сербскихъ писцовъ, столько же и вліяніемъ Ц.-Славянской письменности, гдѣ подобные случаи не рѣдки. Но если въ Сербскомъ языкѣ того требовало самое смягчающее свойство языка, то въ Д.-Булгарскомъ такое сочетаніе, вѣроятно, произошло или отъ вліянія посторонней стихіи, или отъ утраты разумнаго правописанія и неумѣнья различать слухомъ сочетаніе чоу и чю отъ т. п. Кстати замѣчу, что если въ древней письменности писцы позволяли себѣ писать чюдо, врачю, то въ наше время, по моему мнѣнію, не слѣдуетъ писать *жучју* 1 (тв. ед.), а лучше *жучу*, хотя сдѣсь и присутствуетъ стяженіе по случаю двойнаго смягченія: *жучи-ју*, *жучию*. Шипящія не любятъ сочетоваться съ мягкими гласными; но за то тамъ, гдѣ въ концѣ именныхъ, или глагольныхъ формъ онѣ приходятъ въ соприкосновеніе съ 6-ю о, требуютъ измѣненія этой 6-ы въ е, чѣмъ и доказывается главнѣйшимъ образомъ мягкое начало, вошедшее въ ихъ

---

1 Въ Сербской грамматикѣ В. С. Караджича.

природу. Впрочемъ, Сербы не вездѣ различали є отъ е въ сочетаніи съ шипящими и порою ставили послѣднее вмѣсто перваго. Такъ мы находимъ: **сыгращиишомоу** (З.), **обиокльшемоу** (А. № 12), **по нашои** (А. № 14; С. №№ 91, 101, 102), **рожшоисе** (А. № 19), **при стенотишиои** (С. № 90), **кньшиои** (С. №№ 95, 136), **пресишоме** (С. № 178) и пр. и пр. Само собою разумѣется, что сочетанія свистящихъ, при которыхъ Славянскія нарѣчія свободно допускаютъ присутствіе твердой и мягкой гласной, хорошо различаются между собою въ произношеніи по твердости и мягкости, и по тому Славянское правописаніе старается отличить ихъ на письмѣ. Сербскій языкъ оказываетъ сдѣсь любовь къ твердости; онъ не имѣетъ многихъ изъ мягкихъ свистящихъ сочетаній, на пр., *зя*, *зю*, *сю*, *ця*, *цю*, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда въ сложномъ словѣ случатся предлоги, оканчивающіеся на *ь* и имѣющіе за собою гласную, или вообще кромѣ слитія звуковъ, на пр., *зяти*, т. е., *узяти*, *сютрадан*, т. е., *сь ютрадан*, и т. п. Древняя же Сербская письменность гораздо снисходительнѣе къ мягкимъ сочетаніямъ, ибо она заглядывалась весьма много на Ц.-Славянскую. Съ одной стороны она, согласно съ общимъ свойствомъ народнаго языка, позволяла себѣ писать даже **сю** вм. **сѫ** (С. № 89), хотя сдѣсь именно народъ говоритъ *су*; съ другой стороны, въ одномъ и томъ же словѣ употребляла она то твердое, то мягкое сочетаніе, смотря по тому, какой стихіи держалась. Такъ какъ въ словахъ, исходящихъ на **ѕ** и **ц**, окончаніе не было вполнѣ установлено и звучало однажды твердо, другой разъ мягко, то Ц.-Славянская стихія придавала имъ мягкость, а народная твердость. Сербъ произноситъ нынѣ *кнез*(ъ), *отац*(ъ), а древній Булгаринъ произносилъ **кньѕь**, **отьць**. Отъ того въ Д.-Сербской письменности мы видимъ колебаніе: **кнеѕомь**, -**ѕѡ**, -**ѡ**, -**ѡь**, **кнеѕѡ**, **кнеѕомь** (С. №№ 21, 35, 56, 81, 89, 96, 98, 99, 107, 114, 117, 120, 128, 129, 132, 133, 141—145, 156—158, 164; А. № 19), **кнеѕовъ** (З.), **кнеѕовомь** (С. №№ 153, 154) и **кнеѕемь**, **кнеѕемь** (С. №№ 5, 14, 43, 81, 98, 99, 114, 118, 176), **пкнеѕомь**, **пкнеѕомь** (С. №№ 127, 140). Но б-а **ц** какъ въ древнекнижномъ, такъ и въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ требуетъ сдѣсь е, хотя, безъ сомнѣнія, допускала и о, ибо находимъ **вкицомь** (С. № 144), какъ нынѣ *зецом*, *месецом*. Б-а с пользовалась обыкновенно твердостію Въ творительномъ же п. ед. ч. женскаго р. на -**омь** всегда о, а не е.

Разсмотримъ теперь взаимныя смѣны претворенныхъ. Б-а ж чрезъ уподобленіе переходитъ въ твердую **ш**: **тешка времена** (С. № 93), **мушкога**, -**омь**, **ѡ**, -**ѡ** (С. №№ 96, 98, 104, 107, 108, 112, 115, 126), **натрашина**, -**ны**, -**шька** (С. №№ 96, 107, 112, 126), **ръсашин**, -**на** отъ **ръсагь** (С. №№ 101, 120, 127, 133), **тешкоѣа**, -**ѣе** (С. №№ 107, 140), **витешка** (С. № 157), **тешко** (С. № 167), **үръкенобрашие** (С. № 176), **глашки** отъ **глажь** (З. А.) и пр. Въ нынѣшнемъ языкѣ то же; но въ наше время слѣдовало бы дать правописанію положительныя правила, на которыя оно могло бы упираться иногда вопреки устному произношенію. Извѣстно, что законы словообразованія не всегда сходятся съ благозвучіемъ языка.

Б-а ж замѣнена б-ю с въ словѣ **мокүесцк** (С. № 121).

Б-а ж замѣняетъ ү въ словѣ **свадбы** (С. № 111).

Б-а ж смѣняется съ б-ю ѕ въ словахъ, **жиждитела** (Ш. № VII), **стразѣмо** Ш. № XVIII; въ С. № 20 — ж), **жиждемоу** (С. № 176), **иждраиилека** (З. А.), **провижиень**, -**юмь**, -**на**—очевидно приморскій выговоръ, испорченный Итальянскимъ языкомъ, (С. №№ 162, 169, 170, 171), **кьжъаюблениою** (Г. V) и въ выраженіи

иниинѕь (изъ нихъ, С. № 114). Сверхъ того въ словообразованіи и словодвиженіи ѕ часто переходитъ въ ж по общимъ законамъ перехода узкой въ шикорую.

Б–а ж замѣняетъ ї подъ вліяніемъ Итальяскаго языка въ словѣ **мажа** (т. е., **маіа**, С. № 170).

Б–а ж придается, по образцу Итальянскаго языка, къ слову **икань**: **живана** (С. № 133). Также формы: **жань**, -**а** (С. №№ 3, 4, 5, 12, 13, 17), **жвинь**, -**на** С. №№ 16, 17), **живанина**, -**ѣа** (С. №№ 74, 129), **жудиевь** (С. № 132) отзываются Итальянскимъ произношеніемъ. Вообще Итальянское вліяніе отразилось въ нашихъ памятникахъ весьма слабо; оно ограничилось произношеніемъ нѣкоторыхъ иностранныхъ словъи именъ собственныхъ въ приморской береговой полосѣ, преимущественно въ Дубровникѣ.

Б–а ж замѣняетъ Турецкое дж или, по нынѣшнему Сербскому и Румунскому правописанію, б-у џ, на пр., **слинжань**, **хъжеть** (С. № 164).

Взаимная смѣна б–ъ ѕ и с, столь обыкновенная въ Славянскихъ нарѣчіяхъ, имѣетъ мѣсто и въ Сербскомъ языкѣ въ его древней письменности. Причина тому созвучіе и благозвучіе. Есть буквы, которыя почти всегда требуютъ этой смѣны: таковы п, т, к, х, ц, ч. Примѣровъ бесчисленное множество; предлоги **вьѕ**-, **иѕ**- и **вьс**-, **вс**-, **иѕ**- и **ис**- смѣняются весьма часто: выше, говоря о б-хъ ъ и ь, мы разсмотрѣли бóльшую часть примѣровъ. Замѣчательнѣе прочихъ: **вьсращение** и **исможе** (С. № 89). Та же смѣна происходитъ въ предлогѣ **сь**, какъ въ сложныхъ словахъ, такъ и передъ словами, начинающимися съ согласныхъ в, г, д, ж и др., кромѣ вышеназванныхъ п, т, к, х, ц, ч. Но во всякомъ случаѣ смѣна эта происходитъ не иначе, какъ только при непосредственномъ соединеніи этого предлога съ послѣдующимъ словомъ, при чемъ полугласная уже опускается. Отдѣльно стоящій предлогъ **сь** никогда не употребляетъ перезвука, кромѣ одного случая: **ѕь** (Ш. № VII). Далѣе находимъ эту смѣну въ предлогѣ **ис** вм. **иѕ**: **искони** (А. № 1), **испратимо** (С. № 3), **иствѣ** (Мк.), **испасти** (С. № 35), **истего ѕемле** (С. № 43), **испрька** (С. № 46), **и҇трана** (С. № 51), **исправе** (С. № 55), **испрлю** (С. № 70), **испра҇ле** (С. № 85), **исправи** (С. № 100), **искомина** (С. № 127), **испратили** (С. № 144), **исинига**, **исписахь** (С. № 37), **испада**, **и҇сходи** (А. № 12), **исцрнице** (А. № 19) и пр. и пр. Даже въ слѣдующихъ случаяхъ: **ись** (С. № 12), **исьнесть**, **исьдавьна**, **исьнидити**, **исьхакинь** (С. № 16), **исьправи** (С. № 19), **исьдаде** (С. № 21). Въ выраженіи **и҇ѕстоуге** (А. № 6) писецъ колебался между тѣмъ и другимъ звукомъ;—въ предлогѣ **пръѕ**: **прѣсто** (т. е., **прѣѕь то**, С. № 3);—въ предлогѣ **веѕ**: **бестрьга** (С. № 80), **беспорѹчник** (С. № 98), **беспльтнѣ**, **бескони** (А. № 6), даже **весь** (С. №№ 14, 21, 26), **бесьправіи** (С. № 26) и пр.;—въ предлогѣ **ниѕ**: **ниспотокь** (А. № 19);—въ предлогѣ **раѕ**: **распраклаю** (С. № 25), **распии** (Г. Б) и пр.;—въ нарѣчіи **расьвѣ** (С. № 16); и еще въ словахъ: **исьма**, **ськонемь** (С. № 16), **мрьско** (С. № 116), **ѕнисалинь**, -**а** (С. №№ 117, 127), **ѕдѣ**, **ѕде**, **ѕѐ**, **ѕѐ** и т. д. (ин. р.) вмѣсто **сьдѣ** (**сь-дѣ**) Отсюда видна причина этого перехода, причина общеславянская, именно, вліяніе послѣдующей сильной или густой согласной, переводящее и предыдущую слабую или легкую въ сильную.

Б–а ѕ передъ с, ж, ч и ѕ иногда выбрасывается, на пр.: **растакль** (А. № 1), **иѕили**, -**е** (С. №№ 3, 73), **раседи** (С. № 9), **беѕавие**, -**ѣ**, -**е** (С. №№ 24, 43, 101, 102), **бесдьце** (С. № 26), **бесмиие** (Мк.), **иское** (изъ свое, С. № 66), **бетисльно** (В. № 2), **беѕаконно** (З.), **беѕаконие** (С. № 76), **расв** (**раѕсв**, С. № 78), **распетие** (С. № 88), **истона** (изъ стона, С. № 94), **беѕаконье**, -**ния** (С. №№

142, 153), **изъгре** (**изъ игре**, А. № 19) и пр. То же въ Ц.-Славянскомъ и другихъ нарѣчіяхъ и нынѣшнемъ Сербскомъ.

Б-а **ꙉ** встрѣчается только два, три раза въ Аѳонскихъ грамотахъ подъ вліяніемъ Ц.-Славянской стихіи, но безъ особеннаго значенія вмѣсто обыкновеннаго **ꙉ.**: **кнѣзя**, **злáтнцꙉ** (А № 11), на печати *Лазаря*: **кнѣзь** (В. К.) и въ подписи грамоты деспота Стефана Лазаревича съ братомъ: **кнѣ** (А. № 19).

Б-а **ч** смѣняется съ **ц** въ немногихъ словахъ; эта смѣна, столь обильная въ Н.-Лужицкомъ и Русскихъ подрѣчіяхъ, Бѣлорусскомъ и Новгородскомъ, и не чуждая другимъ Славянскимъ нарѣчіямъ, Н.-Булгарскому, Полабскому и пр., не нашла себѣ простора въ Сербскомъ языкѣ и является въ немъ лишь въ видѣ исключенія. Въ нашихъ памятникахъ попадаются только слѣдующія слова: **црквепобрешког** и **чрьвенобрѣшке** (С. № 176), **црьната** (А. № 12), **цркникь** (С. № 62), **церницe**, **-е** (А. № 19), **цркина**, **цркновикю** (А. № 17), **црьлене** (С. № 121), **цркати** (С. № 142), **црни**ꙉ (С. № 157), **пѫтникь** (С. № 164) и **нѫцикь** (С. NN№ 100, 167), **црьносвинь** (Мл.) и съ Итальянскимъ выговоромъ: **канчеларие** (С. №. 106). Нынѣ въ приморьи слышится постоянно *ча* (Поль. *co*), да и вообще въ Сербскомъ нарѣчіи, преимущественно въ упомянутыхъ словахъ, существуетъ этотъ перезвукъ.

Б-а **ц** переходитъ въ **ч** въ словообразованіи и слововиженіи обыкновеннымъ порядкомъ.

Б-а **ч** употреблена вмѣсто **ж** въ словѣ **чие** (С. NN№ 47, 48), ср. **жине**, **-е** (С. NN№ 41, 43, 48—50, 55, 56, 62) и вмѣсто **ж** или **жд** въ союзѣ **такоче** (С. № 32), если только это не недосмотръ справщика.

Б-а **ч** замѣняетъ иногда **т** въ окончаніи именъ отечественныхъ, какъ въ Ц.-Славянскомъ нарѣчіи. Въ этомъ нельзя не признать близкаго сродства зубнаго мягкаго **т** съ смягченнымъ въ видѣ **ч** гортаннымъ **к**, по чему видѣть въ этой замѣнѣ вліяніе Ц.-Славянской стихіи можно столько же, сколько и не видѣть его. Правда, примѣры оканчиванія отечественныхъ именъ на **-чь** не многочисленны и составляютъ весьма малую часть въ сравненіи съ тѣми, въ которыхъ употреблено окончаніе -ть, или -ꙉь и -кь; но это не мѣшаетъ думать, что Сербамъ не противно было окончаніе **-чь**: это послѣднее находимъ и въ нынѣшнемъ ихъ языкѣ въ словахъ: *Радич* и *Раич*. Тѣ же слова постоянно встрѣчаются въ этой формѣ въ нашихъ памятникахъ: **радичь**, **раичь**, **-ча**, **-чу**, **-чемь**, **-чевѣ** (С. NN№ 60, 79, 80, 86, 98, 99, 108, 111, 112, 115, 126, 133, 139, 145; З. А.), **раичe** (С. № 61); также **михочь**, **-ча** (С. NN№ 83, 85, 156), **подимочь** (С. № 84), **грубачь** (С. № 98), **драгославичь** (С. № 158). Замѣчательно, что въ одной старинной Боснійской грамотѣ 1249 года, болѣе Восточныхъ удаленной отъ Ц.-Славянской письменности, читаемъ безъ исключенія: **ѡбьтѣновичь**, **[illegible]**, **сѣрачичь**, **дрѹговичь**, **баничь**, **одрамьчичь**, **бльмасовичь** (Г. VI, № 1). Это и заставляетъ насъ отрицать здѣсь Ц.-Славянское вліяніе, хотя съ другой стороны присутствіе во всѣхъ прочихъ грамотахъ, даже Аѳонскихъ, окончанія -ть, -ꙉь и -кь отвергаетъ народность окончанія **-чь** и заставляетъ видѣть въ немъ лишь странное исключеніе. Сверхъ того б-а **ч** замѣняетъ мягкое **т** въ словахъ: **моуи**, **[illegible]**, **[illegible]** (С. № 16), ср. **[illegible]**, **[illegible]**; **досечи** (С. № 60) и въ иностранномъ **марча** (**марта**, С. NN№ 141, 170).

Въ словѣ **слобочтине** (С. № 120) б-а **ч** замѣнила сочетаніе **дьшт**, а въ словѣ **надче** (С. № 150) б-у **ш**. Въ словѣ **петчьскыми** (Ш. № 15) выразилось колебаніе между формами: **пеxь**, т. е., **пеꙉь** и **пекь**. Въ словѣ **чета**, **-е**, **-у**, **чета**, **чета**, **ѡчетити**, **ѡчети** (С. NN№ 22, 36, 55, 66, 77, 113, 114, 132) **ч** замѣнило

щ, выражающее собою мягкость звука т; ср. щета (чит. *штета*). Точно то же должно сказать и о словѣ чьто, что, чтω, ꙋто (А. NN№ 1, 3, 4, 5, 6, 14, 16, 19; Ш. № VII; С. NN№ 2, 3, 21, 26, 68, 176; Мк.; З.), ничьто (С. № 20), ничьто (С. № 21), ничто, ништо (Мл.) и пр., которое замѣняетъ общеупотребительное що (чит. *што*). Въ этомъ словѣ нельзя не замѣтить вліянія Ц.-Славянской стихіи, которая дѣйствовала преимущественно на ближайшія къ себѣ Аѳонскія грамоты и весьма слабо на всѣ прочія. Въ XV-мъ в. только одна Черногорская грамота, какъ видно, заимствовала у нея форму вмѣсто народной *што*.

Въ словѣ самчакь (С. № 168) б-а ч замѣнила *дж* (џ), какъ и нынѣ *бардакчия*.

Б-а ц замѣняетъ собою, какъ и въ нынѣшнемъ языкѣ, сочетанія дс и тс, на пр.: господство, гн̑ства и т. д., господка, гн̑цкω и т. д. (С. NN№ 37, 75, 96, 98, 102, 104, 107, 116, 117, 120, 121, 127, 132, 133, 140, 142—144, 150,—154, 156, 159; Ш. № 16; Мл.), гн̑оцткокати (А. № 18), проклецтво, проклецтка (С. NN№ 78, 93, 104), свадицки (С. № 88), брацтво, -а, брацка (С. NN№ 107, 114, 120, 127, 141), скаринцкомь (С. NN№ 118, 127, 133, 141) и пр.; и обратное сочетаніе ст: братцка (С. № 126).

Б-а ц замѣняетъ с: б̃. цдать (б̃. сьть, С. № 127), деветьцать (С. № 130).

Переходъ б-ы с въ ш при словообразованіи и словодвиженіи, какъ и вообще переходы другихъ согласныхъ, не требуетъ поясненія примѣрами, ибо слѣдуетъ постояннымъ общеславянскимъ законамъ.

Б-а с смѣняется съ б-ю ш весьма часто въ предлогѣ сь, когда онъ непосредственно соединяется съ личнымъ мѣстоименіемъ 3-го л. обоихъ чиселъ и съ его притяжательнымъ, на пр.: шнимь, -ми, шнй, шнѧь (С. NN№ 43, 45, 50, 55, 62, 76, 84, 89, 101, 102, 104, 114, 129, 142, 143, 173; А. № 15; Г. Б), шнѥговими, -мь (С. NN№ 55, 108), шнѥговими (С. № 77), шнихь, -й (С. NN№ 64, 77, 104, 129), шнѥговѣмь, -вемь, -вѣ, -вомь (С. NN№ 112, 123, 126, 130, 156), шне (съ ея, С. № 134), шнениомь (Ш. № 16). Въ томъ же предлогѣ въ другихъ случаяхъ, но весьма рѣдко: шлюдьми (С. № 102), шлювилою (С. № 143). Написавши сьшнимь (С. № 16), писецъ колебался въ выборѣ того, или другаго звука. Перезвукъ этотъ существуетъ и нынѣ: въ немъ сказывается прихоть народнаго языка. Сдѣсь полугласная предлога не значитъ уже ничего и непосредственное столкновеніе звуковъ с и и производитъ переходъ тонкаго с въ густое ш, конечно, чрезъ дѣйствіе слѣдующей за и мягкой гласной. По той же причинѣ встрѣчаемъ, какъ и нынѣ: комьшнинь, -а, комшиннь, -и (С. NN№ 89, 114, 120, 133, 145). Б-а с перешла въ ш въ словѣ рочшкыи (Русскій, А. № 11), книжникомь (С. № 140), шлике (В. К.), чешнегѣра и чесшегѣрь, -ра (С. № 164). Передъ б-ю т нерѣдко с измѣняется въ ш, на пр.: клашице (С. № 16), и пришиих (С. № 73), наклашь, клашe (С. № 78), милошта, -ши (С. № 132, 140, 142), кашале, кашели (ср. *casteli*, С. NN№ 140, 168), кюшьдомь (ср. *custos*, С. № 140), клашитога, -тиехь (С. NN№ 157, 159), наклашь, мѣшто (мѣсто) (С. № 164); во всѣхъ этихъ словахъ, какъ и всюду, ш должно произносить за шт. Самое слово стефань по тому же самому измѣняется въ шефань, шифань и т. д. (мн. р.).

Б-а с передъ другимъ с иногда опускается: слацѣми (т. е., сь слацѣми, С. № 86). Весьма часто с опускается въ окончаніи прилагательныхъ -скыи, -ски и т. д. при предшествующей шипящей: ш, ч, ж, на пр.: грьчьки (А. № 1), рашкихь, полички (С. № 2), мужкомь (С. № 112) и пр. и пр. въ грамо-

тахъ всѣхъ возрастовъ и семействъ. Рѣдко послѣ другихъ буквъ: **хльмци** (С. № 20), **сръпцѣй** (В. № 1), **властельци** (З.), **хїландарцй** (А. № 18), **ѯєтїинъ** (Мл.). Въ окончаніи **-ство** послѣ **ж** и **ш**: **рожьтва** (С. №№ 121, 136), **рошт-ва** (С. № 161).

Б-а **с** замѣняетъ **и** въ словѣ **прилѣжисѧ** (С. № 17), ср. **прилѣжь** (А. № 20), **прилѣжа** (С. № 178).

Б-а **с** замѣняетъ греческое **ѯ** въ словѣ **есодиа, есодию** (А. 14).

Б-а **с** смѣняется съ **ж** въ словѣ **ижмаддомь** и **исьмаддѣ** (С. № 157).

Б-а **ш** замѣняетъ собою иногда сочетанія **ст** и **шт** (**щ**), на пр.: **наклашно** (С. № 77), **мошька** (С. № 114), **тисашно** (С. № 119), **ирашниих** (С. № 143), **свешпакь** и **свещникь** (С. № 130).

Б-а **ш** замѣняетъ **жд** въ словѣ **рошства, рошьства, роштва** (С. №№ 88, 125, 161), **рошва** (т. е., **роштва**, С. №№ 151, 154), ср. **рожьтва, рождства** и т. д.

Б-а **ш** опущена при образованіи словъ въ формахъ: **вь нинашнѣ вѣцѣ**, гдѣ сверхъ того еще опущено **и** (С. № 51), **садашнихь** (С. № 129), ср. *садашнь*.

Послѣ гортанныхъ и ихъ видоизмѣненій естественнѣе всего перейти къ *зубнымъ д* и *т*. Плавныя останутся у насъ назади хотя по естественному образованію, начиная отъ гортанныхъ, зубныя слѣдуютъ послѣ плавныхъ. Но это не помѣшаетъ намъ сдѣлать небольшое перемѣщеніе въ порядкѣ изслѣдованія; ибо, разсматривая свистящія, мы уже дошли до зубнаго органа, который, мы сказали, уже участвуетъ въ образованіи свистящихъ. Дѣйствительно, все, чѣмъ отличаются другъ отъ друга оба ряда буквъ, зубной и свистящій, состоитъ въ особомъ способѣ приражения языка къ зубному органу для образованія тѣхъ и другихъ звуковъ. Такъ для произведенія трехъ свистящихъ звуковъ языкъ едва только приражается къ зубамъ, оставаясь главнымъ образомъ при небѣ: но и тутъ приражается онъ слабѣе, или сильнѣе, смотря по свойству звука, слабѣе для *з* и сильнѣе для *с*. Для произведенія же двухъ зубныхъ звуковъ языкъ прямо приражается къ зубамъ, и при томъ въ различной степени, меньшей для *д* и большей для *т*: послѣднее произносится сильно при наибольшемъ упорѣ языка въ зубы. Это естественное сродство двухъ рядовъ звуковъ совершенно оправдывается и языкословіемъ. Духъ языка весьма тѣсно соединилъ зубныя съ гортанными при посредствѣ двухъ рядовъ претворенныхъ гортанныхъ. По тому и мы, вслѣдъ за послѣдними, должны разсмотрѣть зубныя. Нѣтъ другихъ двухъ самостоятельныхъ рядовъ, которые бы были соединены между собою столь тѣсно, какъ соединены зубныя съ гортанными и производными отъ нихъ. Главнѣйшая внутренняя связь состоитъ въ ближайшемъ органическомъ переходѣ отъ одного ряда къ другому, а главнѣйшая внѣшняя связь, истекающая изъ первой, состоитъ въ томъ, что большая часть Славянскихъ нарѣчій для смягченія зубныхъ *д* и *т* прибѣгаютъ къ шипящимъ, ведущимъ свое начало отъ гортанныхъ, а Сербское даже замѣняетъ, какъ мы видѣли, мягкія зубныя мягкими (по произношенію) гортанными, и на оборотъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ увидимъ, мягкія гортанныя замѣняетъ мягкими зубными. И такъ мы въ средѣ зубныхъ. Разсмотримъ ихъ прежде всего независимо отъ гортанныхъ и ихъ претворенныхъ.

Во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ существуетъ постоянная замѣна слабаго звука *д* сильнымъ *т*, если не въ письменномъ, то, по крайней мѣрѣ, въ разговорномъ языкѣ. Сербскіе писцы, слѣдуя вообще устному произношенію словъ и не имѣя, конечно, никакой мысли о послѣдовательномъ правописаніи, нерѣдко

смѣшивали оба звука въ своихъ грамотахъ. Такъ мы читаемъ: **плоть** (плодъ), **свободтью**, -**пи**, **сътьник** (тяжбы), **ѕдѣть** (ѕдѣдь), **митаръ** (С. № 16), **ѿьцъ**, **ѿца**, -**и**, -**мь** (С. №№ 21, 84, 92, 118, 178), **рѣ** (**рьть**, С. № 39), **вида** (Вита, С. № 51), **костадинь**, -**ѣ** (С. № 61; А. № 14), **слатко**, -**о**, -**оп**, -**аго**, -**огга**, -**у** (С. №№ 62, 83, 94, 96—102, 104, 107, 114), **слаткыми** (№ 175), **тадьи** (С. №№ 66, 78), **платно**, -**ѡ**, -**ѻ**, -**а**, -**у**, -**омь**, **платновиѣа** (С. №№ 66, 112, 115, 126, 141—144, 157, 158, 163, 169), **дохотька**, **дохотка**, -**е**, -**ци**, -**е**, **дохо́тко** (С. №№ 66, 78, 83, 114, 137; З. А.; Мл.), **святца**, ср. **свядокѣ** (С. № 73), **госпотьство** (С. № 85), **срце** (С. № 96), **прит**, **прѣт**, **пр'т** (предъ, С. №№ 104, 114, 117, 129, 133, 134, 159), **гатке** (гадкой, С. № 114), **ѡботци**, -**е**, **ѡботцехь** (С. №№ 121, 134), **сртьчении**, **сръчаньство** (С. № 136), **потписахсе**, -**хь**, **потписахсе** (С. №№ 162, 163, 171), **ѿни**, **кнезь**, **ѿне**, -**ога**, ср. **ѿни**, **кнѧзь** и пр. (С. № 168), **хиланьтаръ** (А. № 11), ср. **хиландаръ** (ин. р.) и пр.; **ѿ** и **ѿ**, **ѿь** смѣняются постоянно почти во всѣхъ грамотахъ, по волѣ писцовъ, безъ различія мѣста и времени: большею частію въ одной и той же грамотѣ существуютъ обѣ формы. Но вообще **ѿ** рѣже, чѣмъ **ѿ**, **ѿь**, **ѡдь** и преимущественно встрѣчается въ древнѣйшихъ грамотахъ. Смѣна б-ъ **д** и **т** происходитъ и въ нынѣшнемъ языкѣ Сербовъ и мѣстами вошло въ правописаніе.

Б-ы **д** и **т** часто опускаются передъ различными образовательными окончаніями словъ: **хоча** (А. № 1), ср. **хотѣ** (А. № 6), **дѣца**, -**е**, -**и**, -**у**, -**амь**, **дица** (С. №№ 3, 37, 46, 76, 78, 96, 97, 98), **исьца** (С. № 14), **пропаства** (С. № 16), **у виницехь** (С. № 43), **срьчани**, -**о**, -**ога**, -**е**, -**ю**, -**ихь**, -**нехь**, -**ѣ**, -**имь**, -**омь**, **срчани**, **прѣсрьчьни** (С. №№ 37, 59, 68, 84, 89, 94, 98, 104, 128, 132, 141, 151, 152, 154), **милосчни**, **милосноги** (С. №№ 77, 173), **срца**, **срьце**, -**а** (С. №№ 78, 86, 93, 98), **часно**, -**омь**, -**ѣь**, **часни**, -**ога**, -**омь**, -**ѣь**, -**ѡмь**, -**оѡмь**, -**ѣ**, -**имь**, **прѣчьсни** (С. №№ 81, 83, 85, 86, 88, 89, 92, 95, 98, 99, 101, 104, 113, 133, 136, 145, 150, 157), **ѡбласни** (С. №№ 84, 107), **слацами** (С. № 86), **госпоство**, -**у**, **госпоство**, **гпоство**, **госпоскои** (С. №№ 89, 97, 111, 138), **срьчаньство**, **срчанство** (С. №№ 96, 98, 103), **баштиньско** (С. № 140), **власники**, -**ѣ** (С. №№ 150, 153), **ѡбоца** (С. № 157), **дѣчани**, **дечане** и **дѣчани** (С. № 176) и пр. Встрѣчаемъ еще слѣдующія опущенія б-ъ **д** и **т**: **ѕрако** (С. № 5; но у Ш. № VI—**ѕдрако**), **срѣжимо** (С. № 20), ср. **стрежими** (С. № 16), **ѡчинимь**, **очино** (С. №№ 78), **ѡць**, -**а**, -**у**, -**мь**, -**ѣ**, -**емь** (ин. р.), **покрѣпимо**, -**пити** (С. № 77). Впрочемъ, что касается до слова **ѡць** и его видоизмѣненій, то привычка писать въ немъ **ѡ** съ титлою и легкость опущенія титлы, при поспѣшности писцовъ, могли придать ему эту форму. Но съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что Сербское ухо не любило сочетанія **тьц**, равно какъ вообще сопоставленія зубныхъ **т** и **д** съ **ц**, **ч**, **с**, куда относится бóльшая часть приведенныхъ нами примѣровъ. И нынѣ Сербы любятъ опускать *д* и *т* предъ *ц*, *ч*, *џ*, *п* и *б*, когда имъ предшествуютъ *ж*, *з*, *с*. Зубныя передъ зубными весьма часто опускаются: **ити** (С. №№ 3, 17, 43, 91, 111, 137), **прити** (С. №№ 26, 112, 120, 157), **потврьдити** (С. № 77), **потврьюемо** (С. № 78), **ѿисвати**, **ѿога** (С. № 98), **ѡданась**, **ѡдубровника** (С. № 102), **ѿога**, **ѿехь** (С. № 107), **педесть** (С. № 112), **педесеть** (С. №№ 125, 130), **ѿобитья** (**ѿ добитья**, С. № 127), **педесть** (С. №№ 131), **шесьдесеть** (С. № 130), **ѡ техь** (**ѿ техь**, С. № 139), **ѡ тои** (**ѿ тои**, С.-Д. М. № 2), **ѿтеси**, **да ѿтешу** (А. № 19), ср. **ѿтеси** (А. № 14). И на оборотъ, **д** поставлено безъ нужды передъ **т** въ словѣ **ѿьтворено** (С. № 125). Сдѣсь писецъ, по разсѣян-

ности, принялъ ѡ за предлогъ ѿ и написалъ ѿь: это показываетъ, что онъ не сочинялъ, но списывалъ грамоту. Случается иногда, что писцы принимаютъ предлогъ ѿ за другой предлогъ ѡ. Есть и такія повторенія: ѿдася (С. NN№ 136, 154), ѿдася (С. № 150), гдѣ писца сбили, кажется, титлы. Вообще титлы не привлекали на себя надлежащаго вниманія Сербскихъ писцовъ, и точность ихъ употребленія часто страдаетъ въ нашихъ грамотахъ.

Ц.-Славянскій языкъ прибѣгалъ иногда къ благозвучному д передъ б-ю р послѣ ж, з: точно то же и почти въ такой же мѣрѣ замѣчаемъ и въ Сербской письменности. Но должно обратить вниманіе на мѣстность грамотъ, въ которыхъ встрѣчается благозвучное д: кыждея, -ю, -кати (А. NN№ 1, 2, 17), каждѣ (А. № 18), раздрѣшенію, -шии, -шити (С. NN№ 3, 35, 178), жьлдающе, жьлдеѥ (С. NN№ 16, 77), ждреби, -ію, ждрѣвию, ждрѣвы (С. NN№ 62, 176; А. NN№ 11, 16; Г. V), ждрѣбца (А. № 6), раждежена, -женоу, -а, -жений (А. NN№ 7, 10; С. № 62), раждегаемь, раждегши (А. NN№ 11, 14), издрадимь, издраждаемь, издраждаемь (С. NN№ 89, 95, 150; 3. А.), пріиждмь (С. № 175), раздрѣшити (Мл.). Изъ этѣхъ грамотъ бо́льшая часть принадлежитъ собственной Сербіи, одна Черногоріи: всѣ онѣ, кромѣ С. № 62, относятся къ духовнымъ надачамъ и по тому въ большей степени допускаютъ вліяніе Ц.-Славянской стихіи. Что касается до остальныхъ, то одна Дубровницкая, С. № 3, есть древнѣйшая изъ этой семьи и писана, слѣдовательно, въ то время, когда Кириловскій письменный языкъ былъ общнѣе для всѣхъ грамотъ, и когда въ немъ господствовали пріемы восточной Сербіи; при томъ же она обращена къ Владиславу, королю Сербскому, и заключаетъ договоръ съ нимъ Дубровничанъ, а по тому въ нее легко могъ вкрасться образъ слова, принятый православными Сербами отъ древнихъ Булгаръ. Нѣсколько Боснійскихъ грамотъ списываютъ одна у другой одно и то же слово, освященное употребленіемъ въ Д.-Булгарской письменности; ввести благозвучное д въ другія слова онѣ не смѣютъ, ибо того не требуетъ народность языка. Но не совсѣмъ же должно отнимать у Сербскаго языка возможность допущенія благозвучнаго *д*: и въ немъ находимъ нѣсколько словъ съ этимъ *д*, каковы на пр.: *ждерати*, *ждлеб*, *ждрак*, *ждракнути*, *ждрал*, *ждриеб*, *ждриебе*, *ждриело*, *ждркляй*, *раздриешити* и т. д. За то эти слова какъ бы остыли въ своей формѣ и кромѣ ихъ *д* благозвучное не можетъ быть употреблено. Въ нашихъ же грамотахъ замѣчаемъ нѣкоторую свободу относительно благозвучнаго *д*, особенно въ словѣ пріиждмымь, и можемъ догадываться, что писцы въ этомъ отношеніи прислушивались къ Ц.-Славянскому произношенію.

Звуки *д* и *т* пользуются особенною мягкостію произношенія въ языкѣ Сербовъ. Тѣмъ не менѣе Сербскіе писцы, желая болѣе нагляднымъ образомъ означить ихъ мягкость, позволяли себѣ очень часто соединять эти звуки съ мягкою гласною е, ю. Это соединеніе, какъ мы уже видѣли и еще увидимъ, допускается и для другихъ согласныхъ. Оно высказываетъ наглядно то внутреннее свойство, которое заключается въ самихъ звукахъ: писцы не видѣли въ немъ удвоенія мягкости, но только наружное выраженіе внутренняго мягкаго свойства согласныхъ звуковъ; они хотѣли только показать, что если д и т соединяются съ мягкою гласною, то они должны произноситься мягко. По этому они писали, какъ произносили: приятель, -ю, -е, -стко (С. NN№ 16, 100, 104, 107, 132), обрате (С. NN№ 2, 144), приходе, ттета, плиде (С. № 22), тере, -ра, -ре (С. NN№ 22, 96, 108, 112, 126, 157), властель, -е, -е, -омь, -емь, -ами (С. NN№ 22, 66, 81, 84, 86, 96, 99, 100, 103, 104, 106—109, 125, 127, 133, 144,

157), **матере, -ню, -ю** (С. №№ 66, 86, 103), **приходещемь, свободе, кладе** (С. № 66), **поутено, -ога, -омь, -нмь, поуенога, -ому, -е, -нми, -ннми** (С. №№ 66, 81, 99, 100, 107, 125, 127, 132, 134, 144; Г. VI, № 2), **пра- при- родитель, -а, -и, -ье, -не** (С. №№ 66, 81, 84, 96, 99, 103, 104, 127, 132, 133), **уете, уните** (С. №№ 66, 81, 103), **буди, -е, -еть** (С. №№ 66, 68, 86, 96, 99, 104, 106—110, 112, 122, 127, 157, 168), **те, ти** (С. №№ 68, 84, 86, 104), **годи** (С. №№ 74, 112), **сииде, каждеде, вседрьжителю, стефану** (С. № 81), **господе** (С. №№ 81, 84, 128), **видещу, трьстено, тепауие, пртунсте** (С. № 84), **поутение, -ью, поуенью** (С. №№ 84, 96, 104, 107), **виде, дери** (С. № 86), **христеви, десте** (С. № 92), **тен, девето-надѣте** (С. № 96), **воеводе, -и, воеводе, жовводе** (С. №№ 99, 100, 109, 114, 122, 127, 129, 133, 134), **хоте, -и** (С. №№ 86, 96, 107, 112, 126), **стежанию, -ью** (С. №№ 99, 100, 103, 104), **теву, жигьмунде** (С. № 100), **крьсте** (С. №№ 100, 124, 127), **мвунтеане, сиде** (С. № 103), **роти, -е** (С. №№ 104, 132), **приуени** (С. № 104), **двадесети, -сти, приде, -и** (С. №№ 104, 109), **дукате** (С. №№ 106, 126, 127), **даде** (С. №№ 106, 125), **еvангелисте** (С. № 106), **вьде** (когда, С. №№ 106, 109), **жорете** (С. № 107), **десете, -те, -ти, -ть** (С. №№ 107, 108, 112, 130), **девети, -те** (С. №№ 108, 109), **злати, педесеть, стмпковинию** (С. № 112), **вскоти** (С. № 117), **годи, воевое** (С. № 120), **злате** (С. № 126), **допаде, степаномь, еvангѣте, свете** (С. № 127), **прстени, -иомь, прьстеннехь** (С. №№ 130, 134, 157), **петедесеть, докьде** (С. № 130), **тридесть** (С. № 131), **видеѣи, -ѣе, доиде, правде, ѱете, винограде, посланде, посвде** (С. № 128), **еван-гѣте** (С. № 133), **где** (С. № 138), **сѣдеть, видемо, ходе** (С. № 144), **исходи** (С. № 164), **ведети** (С. № 168) и пр. Изъ этихъ примѣровъ видно, что смягченіе зубныхъ имѣетъ мѣсто тамъ, гдѣ и употребленіе мягкихъ начертаній **е** и **и**. Обращая вниманіе на первое изъ нихъ, можемъ предполагать, что не вездѣ внутреннее свойство зубныхъ, но иногда просто одно наружное начертаніе подавало поводъ къ такому написанію. Въ нѣкоторомъ родѣ доказательствомъ можетъ служить то, что съ **и**, кромѣ одного **вскоти** (С. № 117), подобнаго соединенія зубныхъ мы не встрѣчаемъ: слѣдовательно, сдѣсь сущность въ начертаніи **е**. Мы не приводили примѣровъ для **и**, замѣняющаго **ѣ**, хотя и оно стоитъ иногда на мѣстѣ **е**, и **е**, **и**, стягивающаго **ие**, **ии**. Далѣе видимъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ **е** замѣняетъ **ѣ**, а въ нѣкоторыхъ съ мягкимъ **е**, **и** сочетованы такія **д** и **т**, которыя, въ другихъ грамотахъ, но въ тѣхъ же формахъ, переходятъ въ **ѣ**, или **г** и **к**. Собственно эти послѣднія, т. е., по природѣ своей мягкія, а не мягко только произносимыя, **д** и **т**, равняющіяся Ц.-Славянскимъ **жд** и **шт**, требовали бы сочетанія съ мягкими гласными; но старинные писцы, по примѣру Глагольскаго письма, и по обыкновенію своему, хотя рѣдкому, еровать согласныя вмѣсто іотированія гласныхъ, употребили для этихъ **д** и **т** особое начертаніе **ѣ**, которое и сочетали съ твердыми уже гласными. И такъ намъ теперь предстоитъ рѣчь объ этой новой буквѣ, какъ достояніи одной Сербской письменности. Но прежде, чѣмъ приступимъ къ ней, бросимъ взглядъ на другаго рода смягченіе зубныхъ **д** и **т**, сохранившееся въ Д.-Сербской письменности и имѣющее съ этою буквою непосредственную связь.

Если сравнимъ Сербскія мягкія **д** и **т** съ таковыми же прочихъ Славянскихъ нарѣчій, то увидимъ, что одно только Сербское нарѣчіе прямо и непосредственно смягчаетъ эти звуки, произнося ихъ чисто и мягко въ тѣхъ даже случаяхъ, гдѣ прочія Славянскія нарѣчія прибѣгаютъ къ различнымъ звуковымъ

видоизмѣненіямъ, гдѣ, большею частію, одни произносятъ: *жд* и *шт*—Д.-Булг. и Н.-Булг.; другія *ж*, *ч* — Рус. и Малорус.; третьи *дз* (*dz*), *ц* (*c*)— Словац., Польск., Бѣлорус.; четвертыя *з* (*z*), и *ж* (*ž*). *ц* (*c*)—Чеш.; пятыя *з* (*z*), *ц* (*c*)—Н.-Луж.; шестыя *дж* (*dž*), *ч* (*č*) — Карпаторус., Хорв.; седьмыя *дж* (*dž*) и *з* (*z*), *ць* (*ć*)—В. Луж., восьмое скрадываетъ *д*, обращая его въ *й* (*j*), а *т* произноситъ, какъ *ч* (*č*)—Хорут. Разумѣется, въ Ц.-Славянскомъ языкѣ д и т не всегда переходятъ въ сочетанія жд и шт: они остаются мягкими сами по себѣ безъ посторонняго звука, а между тѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ въ тѣхъ же самыхъ словахъ они смягчаются съ помощію посторонняго звука подобно первымъ: такъ дѣдъ, челядь, день въ Польскомъ: *dziad*, *czeladz*, *dzień*, въ Лужицкихъ: *dźed*, *čeledź*, *dźeń*, *źeń*, въ Бѣлорусскомъ *дзень*; но въ другихъ нарѣчіяхъ остается чистое мягкое *д*; ити, тихо въ Польск. *iść*, *cicho*, въ Луж. *hić*, *ćicho*, *hiś*, въ Бѣлор. *ицци*, *цихо*; но въ другихъ нарѣчіяхъ чистое мягкое *т*. На оборотъ, Ц.-Славянское шт часто остается безъ перемѣны по всѣмъ Славянскимъ нарѣчіямъ, т. е., при необходимыхъ видоизмѣненіяхъ, никогда не покидаетъ своего сложнаго произношенія и вовсе отличается отъ перваго шт: тогда какъ первое шт переходитъ въ ч, ц, это второе шт постоянно звучитъ или какъ *шт* (*št*), или какъ *щ* (*szcz*, *šč*), или какъ *сц* (*sc*). По этому, говоря о Кириловскихъ мягкихъ д и т, надобно непремѣнно означать ихъ произношеніе дь, ть и жд, шт. Сербскій языкъ въ древней своей письменности былъ, какъ мы видѣли, весьма остороженъ въ замѣнѣ мягкихъ д и т гортанными г и к, подвергая этой замѣнѣ только тѣ изъ нихъ, которыя въ Ц.-Славянскомъ языкѣ переходили въ жд и шт, и только въ немногихъ формахъ замѣняя этѣми буквами просто мягкія дь и ть и твердое д; также свое шт никогда не выражалъ 6-ю к. Въ нынѣшнемъ своемъ состояніи, равно какъ и въ старину, въ устномъ (а не книжномъ) языкѣ, онъ вообще мягкія *д* и *т* произносилъ и произноситъ чисто, безъ примѣси побочнаго призвука; но неизмѣняемое шт въ немъ всегда остается такимъ же, на пр., *јоште*—еште, еще, ещь, кромѣ единственнаго исключенія аке, ако, нынѣ одно *ако*, которое совершенно отвѣчаетъ Ц.-Славянскому аште, какъ и въ Чеш. древнее *ač*, Словац. *až*. Нынѣ Ц.-Славянское жд едва ли не въ единственномъ словѣ *нужда* нашло себѣ мѣсто, но и это слово не пользуется у Сербовъ народностію, а только сохраняется между книжнымъ людомъ, вѣроятно, какъ остатокъ церковнаго образованія. Съ этимъ смягченнымъ д не должно смѣшивать неизмѣненнаго жд, являющагося при словопроизводствѣ: оно въ старину и нынѣ у Сербовъ не измѣнялось и не измѣняется въ г, ђ, ђ, на пр., *мождити*, *междити* отъ *мозак* (мозгъ) и т. п.

Теперь посмотримъ, въ какой степени древняя Сербская письменность удержала Ц.-Славянское жд и съ какимъ видоизмѣненіемъ? Съ самыхъ первыхъ памятниковъ, т. е., уже съ XII-го в. показываются два вида смягченнаго *д*— жд и ж; послѣднее напоминаетъ Русское и Чешское нарѣчія. Въ XII-мъ в. находимъ: рожьства (А. И.), слово, которое по своему вѣроисповѣдному значенію должно бы было долѣе другихъ сохраниться въ своемъ Ц.-Славянскомъ образѣ. Дѣйствительно, мы встрѣчаемъ его въ этомъ, или близкомъ къ этому, образѣ въ нашихъ грамотахъ всѣхъ семействъ и всѣхъ вѣковъ до самого конца XV-го в. Даже нынѣшніе Сербы, по уваженію къ его духовному значенію, удержали въ своемъ языкѣ слово *рожанство*, то же, что *Божић*, между тѣмъ, какъ всѣ остальныя слова, производныя отъ *род*, произносятъ съ чис-

тымъ мягкимъ *д* (*ђ*). Въ другой грамотѣ того же вѣка, ближайшей къ Ц.-Славянской стихіи, читаемъ: **комоуждє, госпожди, єжє, тѣмьжє, сємоужє, никакожє, якожє, идєжє** и пр. (А. № 1). Въ XIII-мъ в. еще продолжается употребленіе звуковъ **жд** и **ж**: **єжє, южє, яжє, горажда, такождє, такожє, якожє, расоуждєниємь, рождьшєи** (Ш. № VII), **нижє** (С. № 3), **угожши** (С. № 7), **єжє, мєждє, рожєниємь, такождє, прѣждє** (С. № 16), **таможє** (С. № 17), **мєжє** (С. № 22), **томоуждє** (С. № 24). Отъ грамотъ всѣхъ семей XIII-го в. наслѣдство переходитъ къ собственно-Сербскимъ грамотамъ XIV-го в.: **жє, жє, жє** (С. №№ 33, 35, 39, 43, 46, 47, 50, 51, 52, 62, 176; Мк.; В. № 2; З.), **рождьшаго, мєжоу, оугождьшихь** (Мк.), **надєжю** (С. № 51), **гжє, гпожи** (С. №№ 47, 51), **потврьждати, -ждєниа, -жєи** (С. №№ 46, 52, 55, 62), **наслаждєниа, живємоу, рождєнаго, вєльблоужь, троужьшасє** (С. № 176), **мєжоу, мєжє, мєжоу, мєждоу** (С. №№ 39, 176; Ш. № 15; З.), **прѣжє, прѣжє, прѣжьниї** (С. №№ 40, 43, 46, 62; В. № 2; З.), **ниткмижє, утврьждєть, -ждєниє, -ждєни, врѣждєниє** (С. №№ 46, 50), **понєжє** (С. № 55), **госпожомь** (С.-Д. М. № 1; въ С. № 46— **госпогѡ**), **понуждєниї** (С. № 62), **съгриждє, тажє, угождьшїи** (В. № 2), **тоуждоу, такождє, госпожда, -и** (З.) и въ мѣстоимѣніи относительномъ **яжє** во всѣхъ родахъ, падежахъ и числахъ (Мк.; С. №№ 35, 46, 50, 51, 52, 62, 176; В. № 2). И преимущественно къ Аѳонскимъ: **жє, жє, жє** (А. №№ 2—15, 18; Г. А.; В. № 1), **у- оугождьшиї, -ихь, -и, угождєнии угождьшихь** (А. №№ 3, 5, 7, 12, 14), **потроуждєниї, -и, потрѣждєнии** (А. №№ 3, 5, 18), **оу- оу- оу- у- потврьждєниє, -и, -и, -іє, -ію, -їа, -но, -у, -ноу, -у, -о, -ниї, -ніи, -ждати, -ютсє, оутврьждєно, потврьдиу** (А. №№ 3—12, 14, 15, 18), **прѣжє, -ждє** (А. №№ 3, 5, 11), **насаждєниа, ноужи** (А. № 4), **надєжє, -и** (А. №№ 6, 8), **рождьшоу, -иа, -рождєноу** (А. №№ 6, 18), **свобождєныа, тоужє** (А. № 7), **гжє** (А. № 9), **наваждєниємь, -ієнь, -їємь** (А. №№ 9, 10, 15), **обхождєніємь, оурєждєно, ѡноудоужє** (А № 10), **комоуждо, одеждами** (А. № 11), **по- врѣждєна, -у, -ниє** (А. №№ 11, 12, 13), **вєльєждє** (А. № 14), **наваждєніємь** (Г. А) и въ мѣстоименіи относительномъ **яжє** со всѣми его видоизмѣненіями (А. №№ 2—13, 15, 18; Г. А). Въ Зетскихъ того же вѣка: **рождьства, -у** (С. №№ 63, 64, 71), **тѣмьжє** (С. № 71). Въ Западныхъ грамотахъ конца этого же вѣка: **єжє, нгожє, такожєжє, потврьждєнию, -ждаюшє, нижє, никомжє** (С. № 66), **такожє, -ждє** (С. №№ 66, 85), **якожє. рождьствє** (С. № 68), **рождьства, яжє** (С. № 78), **рождаства** (С. №№ 80, 84), **утврьждєньє, -єнием, -ємь, -ждаютсє, -жєнє**(С. №№ 81, 84, 85), **рождьтва, рожєнии** (С. № 81), **жє** (С. №№ 81, 84, 85), **яжє, єжє, нихьжє** (С. № 84). Изъ этихъ примѣровъ XIV-го в. можно легко усмотрѣть, гдѣ именно господствуетъ Ц.-Славянское **жд** съ своимъ видоизмѣненіемъ **ж**? Конечно, тамъ, гдѣ Ц.-Славянская стихія наиболѣе присутствуетъ, т. е., въ Аѳонскихъ грамотахъ; потомъ въ собственно-Сербскихъ. Въ Западныхъ же замѣчаемъ, что эти звуки держатся почти въ однихъ только тѣхъ словахъ, которыя освящены употребленіемъ и остаются какъ бы неподвижными, или помѣщены во вступленіяхъ, гдѣ рѣчь настроивается на книжно-церковный ладъ. Эти слова не могутъ итти въ уровень съ движеніемъ языка, и всегда остаются позади, коснѣя въ своихъ образахъ. Въ XV-мъ в. Восточныя грамоты опять представляютъ нѣсколько разительныхъ примѣровъ подраженія Ц.-Славянскимъ формамъ: **жє, жє** (С. №№ 90, 111, 137, 176, 178; А. №№ 16, 17, 19, 20; Г. Б, V, С.-Д. М. 1844), **оу- у- потврьжда, -ждаєть, -єть, -тн, -ждєниє, -иє, -ниє, оутврьждєния** (С. №№ 90, 91, 111, 137, 175; А. № 17), **прѣжє, -ниє, -ждє, прѣжє** (С. №№ 90, 111, 137,

178; А. №№ 17, 19; Г. Б; С.-Д. М. 1844), **падежю**, **тъжде**, **вожд**, **тюждь** (А. № 19), **повръждѣноу** (С. № 175), **тоужде**, -ихь (А. №№ 16, 17), **рожде-номоу**, **многажди**, **тъжде** (С.-Д. М. 1844), **вижддь**, **поужде**, -ею (С.-Д. М. 1844; А. №№ 16, 17), **иждже** (А. № 17), **рождьства** (С. № 165), **наваждениемь**, **ниттоже** (Г. Б), **даждь** (С. № 178) и въ мѣстоименіи относительномъ **иже** съ его видоизмѣненіями (А. №№ 16, 17, 19, 20; С. №№ 111, 137, 176; Г. Б). Въ Черногорской: **иже**, **иже**, **еже**, **еже**, **егоже**, **тѣмже**, **троуждающеися**, **рождьство**, -**оу**, **рождьшїа**, **гиждѣ**, -**и**, **оутврьжденїю**, **оугождьшїи**, **прѣжде** (Мл.); а въ Албанской: **рождьства** (С. № 148). Въ Турецкой: **тажде**, **иже**, **еже**, **нижє** (С. № 37). Кромѣ этой копіи, сдѣланной съ Сербской грамоты, въ другихъ Турецкихъ грамотахъ эти звуки не встрѣчаются. Въ Западныхъ: **же**, **же** **жде** (С. №№ 89, 95, 97, 99, 103, 114, 144, 150; З. А.), **втврьждаюсе**, -**ютсе**, -**жденьемь**, -**жениемь** (С. №№ 89, 95, 96), **такожеже** (С. № 100), **иже** (З. А.). Далѣе не находимъ примѣровъ. Всѣ эти слова, принадлежатъ вступленіямъ и переходятъ изъ грамоты въ грамоту, какъ отвердѣлые остатки старины. Въ другихъ мѣстахъ давно уже слышатся на ихъ мѣстѣ **ге**, **ѥе**, выражающія воздѣйствіе народности на Ц.-Славянскую стихію. Въ самомъ же Сербскомъ языкѣ нѣтъ союза **же**, и по тому его виды **ге**, **ре**, **ѥе** имѣютъ временное, историческое значеніе и въ Западной семьѣ исчезаютъ съ нимъ мало по малу. Но за то освященное всегдашнимъ употребленіемъ слово «рождество» постоянно сохраняетъ то **жд**, то **ж**: **рождьства** (С. №№ 105, 110, 120), **рожьства** (С. №№ 92, 102, 108, 109, 140), **рожства** (С. №№ 89, 103, 114, 115, 119, 123), **рожства** (С. № 101), **рожтва**, **рожь-тва** (С. №№ 121, 136), **рождаства** (С. №№ 144, 163), **рожаства** (С. №№ 93, 116, 122, 124, 128, 130, 132, 133, 135, 141, 150, 155, 157, 158, 159). Даже въ одной грамотѣ находимъ такую замѣну: **прижие и послижие**, но тутъ же и **посляждение** (С. № 103). Западныя грамоты не любятъ звуковъ **жд** и **ж** и замѣняютъ ихъ различнымъ образомъ, преимущественно, какъ мы видѣли, б-ю **г**. О другихъ замѣнахъ скажемъ послѣ. Замѣчательна любовь, съ которою древніе Сербы замѣняли **жд** звукомъ **ж**, что показываетъ, что смягченіе **д** въ **жд** было непріятно для Сербскаго уха и сглаживалось чистымъ звукомъ **ж**. Впрочемъ, Сербы знали мягкость этого сочетанія и по тому почти всегда сопоставляли его съ твердыми гласными; исключенія весьма рѣдки: **падежю** (С. № 51), **падежю** (А. № 19), **поуждею** (А. № 16), **такожде** (А. № 66), **втврь-жденьеи**, **рожении** (С. № 81), **рождества**, **такожде** (С. № 100). Не мѣшаетъ также замѣтить порядокъ звуковъ въ сочетаніи **жд**, противорѣчащій Хорватскому *дж* (*dž*) и условленный вліяніемъ Ц.-Славянскаго языка. Только однажды попалось намъ сочетаніе **дж** въ словѣ **утврьджено** (С. № 21), что по своей единичности не заслуживаетъ большаго вниманія: грамота принадлежитъ собственной Сербіи. Присоедимъ сюда форму **мждѣ** (С. № 16), которую Шафарикъ написалъ **метде** (**межда**, **межи**, Ш. № XVI).

Равномѣрно смягченіе **т** въ **шт** было въ употребленіи въ древней Сербской письменности и замѣняло нынѣшнее чистое мягкое *т* (ћ). Это сочетаніе никогда, кромѣ немногихъ исключеній, не изображалось такъ, какъ мы теперь изобразили его, т. е., чрезъ **шт**; и древніе Сербскіе писцы постоянно и послѣдовательно писали его черезъ сокращенное начертаніе **щ**. Думать, что это начертаніе звучало, какъ на пр. Рус. *щ* или Пол. *szcz*, Луж. *šć*, невозможно, ибо мѣстоименіе *што*, такъ произносимое Сербами, всегда, если только употребляется въ этомъ видѣ (а не въ видѣ **что**), пишется чрезъ **що**; а это и

значитъ. что що читалось дьяками, какъ што: иначе въ столь обычномъ слов Сербскіе писцы непремѣнно проговорились бы и когда нибудь написали бы што, а не що, если бы произносили по-малоруски, какъ *що*. Дважды встрѣченное слово на пишув (соб. имя, С. №№ 142, 143) ничего не доказываетъ, ибо его могли произносить, такъ, какъ оно написано, и по тому самому не прибѣгли къ начертанію щ, какъ не отвѣчающему этому звуку: въ Русскомъ письмѣ удобнѣе можно бы было написать *на Пищу;* но писецъ, измѣнивъ въ этомъ словѣ обыкновенное произношеніе пишту на пишув, какъ измѣнялъ часто што, що, въ уто, и какъ нынѣ Сербы говорятъ *кошчица*, не отважился однако употребить для того знакъ щ. Напротивъ, однажды встрѣчающіяся што и пишта (С. № 161), шкальницу, пиштеница, градишта (З. А.) и ошаке (т. е., ошьке, още, С. № 88) подтверждаютъ, что щ должно было звучать, какъ шт. Употребленіе щ вмѣсто ш не должно также мѣшать главному положенію, ибо весьма нечувствительная разница между тѣмъ и другимъ начертаніемъ могла иногда увернуться изподъ пера писца, или сгладиться отъ времени и вѣтхости памятника. Такъ, на пр., мы находимъ: слышавьще (С. № 81), нащемь (С. № 88), щиими, щто (С. № 101, копія), карщиноу (Ш. № 16). И такъ мы будемъ всюду начертаніе щ принимать за шт и, говоря о звукѣ щ, разумѣть подъ нимъ сочетаніе звуковъ шт.

Въ звукъ щ (шт) иногда обращается сочетаніе ст чрезъ уподобленіе с въ густое ш; на пр.: пладащь (С. №№ 78, 164), клащитога (С. № 157), клащице (А. № 16), ср. *власт* и у Дубровницкихъ поэтовъ *властити;* мѣщо (т. е., мѣсто, С. № 164) и пр. Мы не приводимъ сдѣсь примѣровъ общезвуковаго усиленія с въ ш въ сочетаніи съ т при словообразованіи.

Мы уже выше замѣтили, что Д.-Булгарское шт не всегда переходитъ въ Сербскомъ языкѣ въ мягкое т, но остается иногда неизмѣняемымъ, звуча одинаково въ обоихъ языкахъ. Для доказательства приведу примѣры изъ нашихъ грамотъ. Такъ Ц.-Славянскія имена на ште, шта исходятъ у Сербовъ на тѣ же самыя окончанія: соудищи, -а (А. № 1; С. № 176; Мл.), непробищда, -ще (А. №№ 1, 6, 8), граховища (Ш. № VII), ранище (С. № 11), градище, -е, -х, -ихь (А. № 6; Мк.; С. № 176; З. А.), скинищехь, тегошищихь (Мк.), поконще (А. № 2), пашище, -й, -ихь (А. №№ 6, 10; Мк.), селище, -е, -х, -емь (А. №№ 6, 12, 13; Ш. № 15; С. № 176), пристанище (А. №№ 6, 8), кащѐ, -и, -омь (А. №№ 3, 4, 5), кащина, -е и т. д. съ производными (мн. р.), годище, -а и т. д. (мн. р.), го́дищіми (А. № 17), кълнтищи, у жельущихь, сьсища (А. № 6), добрища, -щи (А. № 7; С. № 39), скатилищіноміх, засѣдалище, заходищи, ка̀рдищане (С. № 176), огнищи (З.), кращие, -ехь (З.; С. № 132), сировище, -а, -ехь, -ихь (С. №№ 94, 96, 114, 176), водяниущища (А. № 5), жилищáа (А. № 10), гоумнища, цр̃квища (А. № 12), огнегощи (С. № 55), околище (Ш. № 15), приходища, -ӑ (С. № 114; З. А.), милоща, -у (С. №№ 132, 140, 142), ринища (З. А.). Въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ эти слова, если только они существуютъ, имѣютъ тотъ же самый звукъ *шт*. Но замѣтимъ, что оканчивающіяся на -шта, нынѣ имѣютъ уже *-ћа*, хотя милоща, бащина остаются и теперь съ тѣмъ же звукомъ *шт*. Еще слѣдующія слова, попадающіяся въ грамотахъ съ б-ю щ, звучатъ, или должны бы были звучать, если бы находились въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ, съ такимъ же звукомъ *шт*: нещракати (А. № 1), тьща, щитариноль, срапщь (Ш. № VII), ще, щу, -оу, щи, ищоки, щито, нощо, сещу (С. № 14, 22, 25, 43, 55, 61, 66, 130,

168, 175; А. № 7), **прощение** (Мк.), **прощеніе** (А. № 19), **присвращеніемь** (А. № 2), **соущии**, **-ии**, **-имй**, **-їихъ**, **соуще**, **свщоу**, **-ию**, **пресоущиноу** (А. №№ 2, 3, 4, 6, 19; С. № 46, 178; В. №№ 2), **свщко**, **свщко**, **соущствоу** (С. №№ 95, 150; А. № 10; З.А.), **единосущомь** (С. № 118). Хотя всѣхъ этѣхъ формъ нѣтъ въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ, однако Сербъ произнесъ бы ихъ такъ, какъ онѣ сдѣсь написаны, а не съ звукомъ ћ: ср. нын. *сушти* и пр.; **по- потьщахсе**, **-щиимсе**, **-щимсѣ**, **-щитсе** **-тесе**, **-тсе**, **-щасмосе**, **-щахсе**, **-щаиии**, **потщахсе** (А. №№ 3, 4, 5, 8, 10, 12, 14; С. № 176; Мл.), **вѣщай** (А. № 4), **щинь**, **щииль** (А. № 6), **щедроть** (А. №№ 6, 7), **хращань**, **-е** (А. № 8; С. № 118), **хакищанїю** (А. № 11), **комарщицоу**, **щирнице**, **постельщака**, **комьщиць**, **щрьбьць**, **щитарица**, **-и**, **-оу**, **-омь**, **трьновьщицоу** (С. № 176), **припладаю** (С. № 35), **нищетоу**, **кещнии**, **кобильщицомь** (А. № 12), **кощаномь** (Ш. № 14), **прищиие** (С. № 73), **слободьщиие**, **-е**, **-днииє**, **слобощиие** (С. №№ 81, 95, 103, 133, 136, 145, 150), **плащие** (С. № 86), **прищаскога** (А. № 19), **троунещице**, **оухыщренимь** (С. № 175), **дворщиномь** (С. № 97), **плаиенщиние**, **-е**, **племеньщиии** (С. №№ 101, 118, 140), **пищровинь**, **-ѣмь** (С. №№ 114, 117), **св- противщиние**, **-е**, **-ѣ** (С. № 142), **новощиие** (С. № 153), **крщенїа** (Г. Б), **плеващь** (С. №№ 78, 164), **клище** (С. № 78), **клащице** (А. № 16), **клащитьога**, **-нехь** (С. №№ 157, 159), **бродовщиние** (С. № 168), **благовищению** (С. № 169), ср. **кметщина** (Мл.). Присоединимъ сюда **щета**, **-е**, **-у**, **щете** (С. №№ 89, 101, 132, 144), **сщении** во всѣхъ видоизмѣненіяхъ (мн. р.), **ощие**, **-е**, **ощь**, **ощь** и т. д. (мн. р.) и **щефань**, **щифѣнь** и т. д. (мн. р). Въ словѣ **щета** пропущенъ цѣлый слогъ **ть**, либо слился съ послѣдующимъ **щ**; ср. **тьщеты** (А. № 16), вѣроятно, для того, чтобы не было непріятнаго созвучія. Тѣ изъ этихъ словъ, которыя существуютъ въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ, имѣютъ не иное что, какъ тотъ же звукъ *шт*. Большая часть изъ нихъ приводятъ къ первоначальному сочетанію *ст*, изъ котораго возникло, чрезъ перезвукъ, *шт*: слѣдовательно, сдѣсь преимущественно дѣйствуетъ уподобленіе **с** въ **ш**, а не смягченіе б-ы **т**, по чему и нѣтъ замѣны звука **щ** звуками **к** и **ћ**. Помимо этихъ случаевъ въ древней Сербской письменности находимъ употребленіе б-ы **щ** и тамъ, гдѣ она въ нынѣшнемъ языкѣ замѣняется уже однимъ мягкимъ *т* (*ћ*). Это свидѣтельствуетъ о вліяніи Ц.-Славянскаго языка и оправдывается тѣмъ, что не всѣ грамоты въ равной степени содержатъ въ себѣ **щ**=**ћ**, **ть**, **к**, но слѣдуютъ въ этомъ отношеніи обыкновенному порядку, не разъ нами примѣченному въ разныхъ явленіяхъ звукоизмѣненія. Въ XII-мъ в. только въ Аѳонской находимъ **щ**: **аще**, **оньщьнина**, **парещи**, **нещисе**, **слоужещихъ** (А. № 1); въ XIII-мъ в.: **расноущають**, **мощьми**, **обрящеть**, **вьзлещи**, **прѣщении**, **оставлающи**, **аще** и пр. (Ш. № VII), **хоще**. **-емо** (С. №№ 8, 14), **ипольщеиих**, **вьпльщиие**, **-щьми**, **випльщиии** (С. №№ 14, 16, 20), **тисоща** (С. №№ 14, 16, 19, 20), **жьлдающе**, **дрьжавьще**, **обещамосе**, **повеще** (С. № 16), **сташще** (С. № 19), **исходеще** (С. № 20), **оньщиих** (С. №№ 24, 32), **обьщиних** (С. № 31). Сдѣсь, какъ видно, грамоты разныхъ семей въ равной степени сохраняютъ **щ**: то же мы видѣли и относительно **жд**; это объясняется большею условностію и общностію формъ письменнаго языка, не смотря на то, ближе ли, дальше ли, стояли онѣ отъ мѣстнаго нарѣчія. Какъ Восточныя, такъ и Западныя грамоты сохраняли одинъ письменный языкъ съ извѣстными формами, установленными заранѣе подъ вліяніемъ Ц.-Славянскаго: эта одежда была еще столь плотна, что народность не всегда успѣвала выказываться изподъ нея. Со временемъ одежда эта обвѣтшала и дала большій, или меньшій просторъ народности,

смотря по болѣе, или менѣе благопріятнымъ обстоятельствамъ. Распаденіе языка грамотъ начинается съ XIV-го в., когда на западѣ Сербіи государственныя и вѣроисповѣдныя причины уменьшили вліяніе Ц.-Славянскаго начала въ пользу народнаго, между тѣмъ, как на востокѣ это вліяніе продолжало сдерживать языкъ въ болѣе постоянныхъ и однообразныхъ формахъ. Въ XIV-мъ в. шт преобладаетъ замѣтнымъ образомъ въ Аѳонскихъ грамотахъ, въ которыхъ читаемъ: прѣбывающей, немощна (А. № 2), побиноущесе, обьщимь, прѣстоующаго, высхощеть и пр. (А. № 3), помощь, -и, -и́, -ію, -щницѹ, -иа, помо́щь, -и, -ію (А. NN№ 3, 4, 5, 7, 8, 9, 12, 14), любещий (А. NN№ 3, 5), приносещимь, -ніимь, хотещиними, -ніимь, -ми (А. NN№ 3, 4), настоещиӥ, -ще, -ещаа, -ещимь (А. NN№ 3, 4, 5, 13), аще, аще (А. NN№ 3, 4, 18; Г. А), живоущими, -іимь, -іимь, живѹщимь, живоущіимь (А. NN№ 3, 5, 10, 11; Г. А; В. № 1), боудоущиӥ, боущіи, -іимь, бѫдѹщемь, -ви (А. NN№ 3, 5, 8, 12, 15, 18), принающе, подвижоущесе, слоужещимь, могоущиӥ, общиимь, дѣствоующиӥ (А. № 4), ѕапрещамь, -щаа, -ща, ѕапрещамь (А. NN№ 4, 5, 10, 13, 15), ѿ- ѿвещаниѥ, настаклающе, -ающе (А. NN№ 4, 5), нхреще, дивещесе, вынальщенїа, пеѕиающе, тюдещесе, свѣща, вьѕлежещь, имоуща (А. № 6), аіоуще, обрещоуть (А. № 7), свѣдоущомоу, придоущиӥ (А. № 9), подвижоущесе, трѣбоующѹ, реци, господьствоующаго (А. № 5), вьѕвращающоусе, нарещінсе, даю́щоумоу, испльнающѹми, гаюющоумоу, бѫдоуще (А. № 10), прїемающимь, прѣдрьжещаго (А. № 11), ѿѕлащенахь, свѣщаниї (В. № 1), вьѕающѹ, кладоущіи (А. № 12), веселещѹсе, -щоусе (А. NN№ 12, 13), сьдрьжещѹ, прѣбиющѹ (А. № 13), бѫдѹще (А. № 14), ѕреще, радоющисе, нощіщи, гдньствѹющи (А. № 18), прѣдьстоеще, вьѕвращати, приносеще, просеща, помощи, тисоуща (Г. А). Въ другихъ собственно-Сербскихъ грамотахъ и Законникѣ: побещесе, гсподьствоующихь, нищоу (Мк.), кладоущихь, кладѹщаго, -емѹ (Мк.; С. NN№ 44, 56), приѕывающоумоу, принадающихь, прѣбывающоу, обыдещѹмоу (С. № 51), живоущимь, -щоу, боущемь, -щии (С. № 51, 176), аще (С. NN№ 51, 52; З.), вьщении хва (С. № 36), тисѹща, -ѹ (С. NN№ 36, 40), придѹщемь (С. № 39), ѿ- обѣща, -ли, обещавамсе, -ание, -и (С. NN№ 39, 53, 55, 69; В. № 2), приносоущихь, жалоующимь, обещасе, вроующимь, напльнюще, слышеще, всемогоущаа, веселещоумсе, ккающесе, свещанимь, оумрьщвен, бѫдоущоумоу, помощь, свѣщникын, обеще, маломощнымь, приѕывающимте, свещаше, ѕавеща (С. № 176), все- настоещаго, -ещи, -ви (С. NN№ 40, 48, 49, 50), обреще (С. № 43), всемогѹщаго, ѹстрающѹ, госпдствѹюща (С. № 46), ѕапрѣщении (С. № 47), сьдрьжещѹ (С. № 50), веселещѹмсе (С. NN№ 50, 62), ѕапрещамь (С. № 62), высхощеть, трищи, двацин, дающе, имоуще, тисоущоу, властелинщь, -а, ноущи, обрѣщоуть, -еть, живоуще (З.). При обозрѣніи этихъ случаевъ тотчасъ же бросается въ глаза обиліе ихъ въ грамотахъ Аѳонскихъ и замѣтное уменьшеніе въ грамотахъ не-Аѳонскихъ, хотя тоже собственно-Сербскихъ, и Законникѣ. Даже изъ послѣднихъ щ встрѣчается гораздо чаще въ тѣхъ, которыя говорятъ о церковныхъ надачахъ, какъ на пр. С. NN№ 35, 51, 176; Мк., или въ Законникѣ, гдѣ вообще преобладаетъ Ц.-Славянское начало; а въ остальныхъ оно преимущественно сохраняется во вступленіяхъ, на пр. С. NN№ 46, 50. Есть слова освященныя употребленіемъ и имѣющія форму непремѣнно съ щ; таковы: всенастоещее, кладѹщии, вьльщенин и т. д. Если въ такомъ размѣрѣ совершилось ослабленіе б-ы щ единственно по тому только, что она изъ Аѳонскихъ, гдѣ наиболѣе господствуетъ Ц.-Славянскій языкъ, перешла въ другія собственно-Сербскія грамоты, то еще большіе размѣры ея ослабленія должны

ожидать насъ при вступленіи въ область прочихъ грамотъ XIV-го в. Въ Зетскихъ: **тисуща** (С. NN№ 63, 64), **вьзмогуща** (С. № 71). Въ Западныхъ: **хощемо** (С. № 57), **владущимь** (С. NN№ 59, 79), **тисущи**, **-щно** (С. NN№ 66, 82, 86), **видящь**, **приходещимь**, **ꙁапрещавамь**, **потврьждающе** (С. № 66), **обећща**, **-ли**, **-мо**, **-вамо**, **-васе**, **обьћщавамосе**, **обећщавамьсе** (С. NN№ 66, 76, 82), **имущь** (С. NN№ 66, 84)., **повинующих**, **исповѣдающа**, **творећа**, **помощь**, **приꙁивающа** (С. № 68), **наврещемо**, **будущимь**, **повѣдущихь** (С. № 78), **вьꙁвращение**, **прасећесе** (С. № 81), **посандущому** (С. № 82), **видећи**, **помощю** (С. № 84), **прасещесе**, **вьꙁвращении** (С. № 85). Таковы случаи, являющіеся въ Западныхъ грамотахъ XIV-го в. Ихъ немного, и число ихъ кажется еще менѣе, когда сравнимъ его съ количествомъ грамотъ. Видно, какъ нѣкоторые примѣры переходятъ изъ грамоты въ грамоту по весьма обыкновенной причинѣ — чрезъ списываніе; другіе находятъ себѣ мѣсто во вступленіяхъ. Передъ нами XV-й в. Сдѣсь повтореніе тѣхъ же размѣровъ и явленій. Въ Аѳонскихъ: **радующисе**, **живущіи**, **учающе**, **вѣрнимь** (А. № 19), **обрѣщете**, **прѣстоещіимь**, **испльнающіимь**, **вьꙁдающомоу**, **приꙁающе**, **приходещи**, **аще**, **боудоущимь** (С. № 175), **предьстоеще**, **вьꙁвращатисе**, **живоущіимь**, **припадающе**, **приносеще**, **помощи**, **дыщи** (Г. Б), **исповѣдающе**, **подражающе**, **хотещи**, **-щи**, **помощь**, **ꙁапрещателнаа**, **отестѣтищеще**, **невѣдѣщи**, **ꙁапрещение**, **обѣщахо** (С. № 178), **аще**, **обећща**, **боудоущіи** (Г. V), **животворещіа** (А. № 20). Въ собственно-Сербскихъ: **благоволещь**, **сьдрьжещь**, **владоущіи** (С. № 90), **обладающимь** (С. № 91), **владущаго** (С. NN№ 138, 166, 167), **мощно**, **окрьжающомоу**, **насищающомь**, **обладающомь** (С.-Д. М. 1844)—и только. Число примѣровъ, какъ видно, значительно сократилось въ сравненіи съ Аѳонскими того же вѣка. Послѣдняя грамота принадлежитъ къ церковно-дарственнымъ. Въ Албанской: самовладущаго (С. № 149). Въ Черногорской, относящейся къ построенію монастыря и носящей весьма ощутительные слѣды вліянія Ц.-Славянскаго языка: **мощь**, **нарещисе**, **попущеніемь**, **аще**, **обще**, **-аго**, **помощница** (Мл.). Переходимъ къ обзору Западныхъ XV-го в., включая сюда и Турецкія: **кьщи** (С. NN№ 87, 108), **тисущно**, **-о** (С. NN№ 87, 93, 96, 99, 106, 108, 109, 112), **вьс- воꙁвращение**, **прасещесе** (С. NN№ 89, 95), **видещь**, **нищихь** (С. № 97), **по -мощь**, **-мю**, **-ью** (С. NN№ 97, 101, 102, 104), **упокающихь** (С. № 103), **владущаго** (С. NN№ 119, 120, 126, 133, 140), **свещникь** (С. № 130), **уфающихь** (С. № 137)—и только. Сдѣсь видимъ опять тѣ же обычныя слова: **кьщи**, **владущаго**, **тисущно**, тѣ же вступленія и то же списываніе. Названіе креста Господня **животворещи**, **-аго**, **аго**, **-лаго**, **-аго**, **-имь**, **-емь**, **-рещемь**, **-рещимь**, **животворещаго**, **животворещаго**, **животворещаго**, **животворещаго**, **животворещемь** проведено по всѣмъ семьямъ и вѣкамъ. Не смотря на то, XV-й в. замѣтно бѣднѣетъ б-ю **щ**, тогда какъ числомъ грамотъ превосходитъ всѣ прочіе: это отъ того, что **щ** (разумѣется, то, которое въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ замѣняется мягкимъ *т*) не есть Сербскій видъ для мягкаго *т*, а Д.-Булгарскій, вошедшій и въ древнюю Сербскую письменность изъ Ц.-Славянской. Мы не говоримъ сдѣсь о томъ звукѣ **щ** (шт), который, какъ мы замѣтили выше, присутствуетъ въ Сербскомъ языкѣ, какъ допущенный и освященный употребленіемъ замѣнительный звукъ для мягкаго *т*, или передѣланный изъ *ст*. Во всѣхъ этихъ примѣрахъ **щ** взято какъ бы на время украдкою изъ Ц.-Славянскаго языка подъ его преобладающимъ вліяніемъ; духъ же Сербскаго языка не допускалъ сдѣсь, подобно предыдущимъ примѣрамъ, мягкаго сочетанія **шт**, а замѣнялъ его простымъ чистымъ **ћ**. Исторія языка покажетъ, какъ отъ несвойственнаго и заимствованнаго **щ** Сербскій письмен-

ный языкъ переходитъ чрезъ **и** къ своему народному **ћ**, которое въ этихъ случаяхъ изъ всѣхъ Славянскихъ нарѣчій свойственно одному Сербскому. Равномѣрно **щ**, удержанное доселѣ Сербскимъ языкомъ въ тѣхъ же самыхъ случаяхъ, не есть заимствованіе изъ Булгарскаго языка, но звукъ, допущенный духомъ и благозвучными условіями языка, который, какъ родственный, сошелся въ этомъ случаѣ съ Д.-Булгарскимъ и другими нарѣчіями.

Сознавая мягкость звука **щ**, равняющагося мягкому **т** (**ћ**), Сербы никогда не соединяли и не соединяютъ его съ мягкими гласными. Есть, разумѣется, исключенія, но ихъ вообще немного; таковы: **селище**, **градище**, **напльняюще**, **слышеще**, **шкалющесе**, **обще**, **скровище**, **сщении**, **просвѣщены**, **живоущен** (С. № 176), **владущемь** (С. № 56), **потврьжающе** (С. № 66), **вьзвращене**, **годище**, **прасещесе** (С. № 81), **живо- животкорещемь** (С. №№ 96, 104). Сдѣсь дѣло, кажется, одной внѣшности и зависитъ отъ пристрастія писца къ тому, или другому начертанію звука **е**; такъ въ С. № 176 почти всюду исключительно одно **є**. За то въ словодвиженіи, когда за **щ** слѣдуютъ окончанія **-ога**, **-ому**, **-омь**, эти послѣднія измѣняются въ **-ега**, **-ему**, **-емь**. Исключеній тоже весьма немного, какъ увидимъ ниже.

Въ формѣ **рощка** (С. №№ 82, 95, 98, 103, 131, 134, 139, 145, 151, 154), которая однажды написана **роштка** (С. № 161), сочетаніе **шт** или **щ** не замѣняетъ **жд**, но въ немъ **т** принадлежитъ сокращенному окончанію **-ство**, а **ш** чрезъ уподобленіе замѣнило **ж**; отъ того въ другихъ случаяхъ то же слово пишется **рожьтка**, **рожтка** и **рожства**. Точно такъ же должно объяснять форму **войщю** (С. № 104). Видно, что Сербамъ трудно было произносить полное сочетаніе **жьство** или **щьство**, по чему они и сокращали его, прибѣгая сверхъ того къ звукоподобленію. Этимъ объясняется и форма **сьщво** (С. № 9; З. А.). Въ словѣ **мощна** (С. №№ 71, 84, 97) и **можна** (С. № 144) звуки **шт** и **ж** смѣняются, смотря по тому, отъ какого понятія слово это произведено: отъ **мощь**, или отъ **могу**. Форма **мошнаа** (С. № 114) образована чрезъ уподобленіе **ж** въ **ш**. Въ формахъ **трищи** (З.), **двайщи**, **-ь** (С. № 79; З.), **многищи** (С. № 94) б-а **щ** замѣнила **жд**.

Изслѣдовавши употребленіе мягкихъ сочетаній **жд** и **шт**, равно какъ замѣнительныхъ **г** и **к**, мы еще не пришли къ конечному видоизмѣненію мягкихъ **д** и **т**; но прежде, чѣмъ поведемъ рѣчь впередъ, обозримъ вкратцѣ итоги, къ которымъ насъ привело предыдущее изслѣдованіе. Такъ какъ древняя Сербская письменность сложилась изъ двухъ началъ, которыя въ разное время дѣйствовали на нее различно, то и въ отношеніи разсматриваемыхъ нами звуковъ должно признать тотъ же порядокъ въ ихъ дѣйствіи, какой многократно признавали мы прежде и какого требуютъ самыя явленія и сравнительно взятый численный объемъ ихъ: Ц.-Славянское начало съ своими **жд** и **шт** предшествуетъ, по времени, народнымъ мягкимъ **д** и **т**. Въ древнѣйшую пору, а именно, въ XII-мъ в., уже обозначилось различіе между семьями грамотъ: Боснійская Кулина имѣетъ наименѣе Д.-Булгарскихъ звуковъ, Аѳонская Немани имѣетъ ихъ наиболѣе. Но уже въ это время въ Боснійской гр-ѣ обнаружилось движеніе въ замѣнѣ сочетанія **жд** б-ю **ж** вопреки Д.-Булгарскому языку: это первый шагъ къ отчужденію несвойственныхъ Сербскому языку звуковъ. Въ XIII-мъ в. эти звуки присутствуютъ равномѣрно во всѣхъ семьяхъ грамотъ, ибо языкъ письменный былъ въ то время общнѣе для всѣхъ областей и двигался ровнѣе, не получая еще того быстраго развитія въ пользу народности, которое вре-

дали ему въ послѣдствіи Западныя грамоты. Писцы строже держались условій письменности, и такъ какъ Кириловская письменность возникла въ православной Сербіи, то вліянію Ц.-Славянскаго начала былъ оставленъ въ ней большой просторъ. Въ такомъ видѣ, при робкомъ и малозамѣтномъ еще движеніи народности, письменный языкъ введенъ былъ равномѣрно во всѣхъ областяхъ Сербіи безъ видимыхъ отличій, проявившихся уже въ послѣдствіи. Отъ того въ XIII-мъ в. находимъ весьма малое количество тѣхъ народныхъ признаковъ, которые въ слѣдующихъ вѣкахъ одержали рѣшительный перевѣсъ надъ Ц.-Славянскими. Но тѣмъ не менѣе количество примѣровъ показываетъ, что древніе Сербы не много дорожили Д.-Булгарскими звуками жд, ж и шт. За то Аѳонскія гр-ы XIV-го и XV-го вв. доставили имъ полное торжество надъ народными. Участіе духовенства и важность предмета, требовавшая и приличнаго языка, способствовали преобладанію этихъ звуковъ также и въ Законникѣ. Но какъ только грамоты переходятъ отъ церковно-дарственнаго содержанія къ гражданскому, договорному, торговому и т. д., звуки эти тотчасъ же уменьшаются, и весьма значительно, въ своемъ численномъ объемѣ и постепенно исчезаютъ въ XV-мъ в. въ гр-хъ Западной семьи. Б-а ж идетъ рядомъ съ жд и на половину отправляетъ ея служеніе, преимущественно въ Западныхъ грамотахъ; б-а щ стоитъ къ нимъ въ прямомъ отношеніи, и всѣ подчиняются общимъ законамъ языкодвиженія, по которымъ онѣ, будучи чуждыми Сербскому языку, уступаютъ мѣсто другимъ, болѣе народнымъ признакамъ. Первыми, явившимися на ихъ смѣну, были г и к. По количеству употребленія эти послѣднія стоятъ къ нимъ въ обратномъ отношеніи, хотя столь же древни, какъ и они. Трудно опредѣлить, что именно было причиною введенія этихъ замѣнительныхъ звуковъ въ Древнесербскую письменность, тѣмъ болѣе, что въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ они не существуютъ. Нѣтъ сомнѣнія, что *г* и *к* весьма близки и родственны съ *д* и *т*; но тѣмъ не менѣе, по чему для замѣны были избраны именно они, твердые, а не ихъ смягченія, или претворенія? Надобно думать, что поелику Сербы, какъ нынѣ, такъ и въ старину, въ устномъ языкѣ своемъ произносятъ и произносили мягкія *д* и *т*, какъ *дь* (ђ) и *ть* (ћ), то прямою замѣною этимъ послѣднимъ послужили дѣйствительно ближайшія къ нимъ *г* и *к*, произносившіяся въ этомъ случаѣ столь же мягко, какъ и самыя *дь* и *ть*, т. е, какъ бы *гь* и *кь*. Тѣмъ не менѣе замѣнительныя г и к остаются въ этомъ случаѣ все таки чисто письменными, а не устными, звуками, и нѣтъ никакой надобности допускать, чтобы древніе Сербы такъ и произносили слова, какъ писали ихъ. Пусть условными знаками для мягкихъ д и т писцы принимали г и к, или, вѣрнѣе, гь и кь; но оставляли ли они за этими знаками ихъ настоящій звукъ, или измѣняли ихъ во время чтенія въ мягкія д и т? — вотъ вопросъ, который теперь едва ли можетъ быть рѣшенъ положительно. Если Константинъ Багрянородный пишетъ *Μεγυρέτους*, и въ Латинскихъ грамотахъ встрѣчаемъ *Vekenego*, *Vekenega*, *Vekiedrago* (каштенѣгъ, каштедрагъ, *Веђенег*, *Веђедраг*) и у Кантакузина *ὁ Μπωριλοβίκης* (*Бэриловик*), то это доказываетъ, что замѣнительныя г и к дѣйствительно звучали какъ *гь*, *кь*, а не какъ *дь*, *ть*; но съ другой стороны, у того же Багрянороднаго находимъ *Γραδέται*, *Βουσεβιτζη* (*Градиђ*, *Вишевиђ*)[1], что совершенно противорѣчитъ первымъ. Присоединимъ еще то, что

---

[1] Шафар., Serbische Lesekörner, стр. 59.

знакъ ѣ, замѣняющій дь и ть, уже показывается въ грамотѣ Кулина, какъ выраженіе необходимости такого произношенія, и что вообще въ грамотахъ относительно г, к и ѣ замѣчаемъ какую-то исключительность, такъ что одинъ писецъ исключительно употребляетъ г и к, а другой такъ же исключительно употребляетъ ѣ, и наконецъ вспомнимъ, что если бы г и к дѣйствительно когда либо существовали въ народномъ говорѣ, а не въ одномъ книжномъ языкѣ, то они необходимо дошли бы до сего времени въ нѣсколькихъ, хотя немногихъ, словахъ, исключая, можетъ быть, одно *ако*:—сообразивъ все это, можемъ, кажется, съ достовѣрностію заключить, что г и к были лишь средствомъ писцовъ къ замѣнѣ мягкихъ д и т, а въ народномъ, устномъ языкѣ никогда въ этомъ случаѣ не звучали своимъ настоящимъ образомъ, но переходили въ *дь* и *ть*. Хотя знакъ ѣ, присвоенный древними Сербскими писцами мягкимъ д и т, уже показался въ XII-мъ в., однако нѣсколько случаевъ его появленія въ XIII-мъ и XIV-мъ вв. до самого выступленія Западныхъ грамотъ на поприще Сербской письменности, во второй половинѣ XIV-го в., никакъ нельзя назвать употребленіемъ, и можно съ достовѣрностію принять, что онъ до второй половины XIV-го в. еще не былъ въ ходу у Сербскихъ писцовъ и даже не пользовался у нихъ ни малѣйшимъ правомъ гражданства. Отъ того это время, т. е., XII-й, XIII-й и первую половину XIV-го в., можно назвать временемъ господства б-ъ г и к. Этѣ буквы разсѣяны по всему пространству Сербской письменности безъ различія семействъ, столько же въ Восточныхъ, даже Аѳонскихъ, сколько и въ Западныхъ гр-хъ. При нелюбви Сербовъ къ жд и шт, этѣ буквы взяли рѣшительный перевѣсъ надъ послѣдними, преимущественно въ грамотахъ не-Аѳонскихъ. Въ означенное время несомнѣнное право преобладанія принадлежитъ б-мъ г и к. Въ собственныхъ именахъ и Аѳонскія употребляютъ исключительно одно окончаніе -кь. Можно думать, что употребленіе г и к вмѣсто ѣ взялось первоначально въ Восточной семьѣ между православными писцами и оттуда, при благопріятствовавшей общности письменнаго языка, перешло въ грамоты всѣхъ прочихъ семействъ. Подтвержденіемъ тому служитъ XV-й в., ибо какъ прежде, такъ и во второй половинѣ XIV-го и въ продолженіи всего XV-го в. мы видимъ постоянную любовь Восточной семьи къ этѣмъ буквамъ, не взирая на то, что Западная семья давно уже оказывала предпочтеніе знаку ѣ. Упорство, съ какимъ эта семья грамотъ, включая сюда и Аѳонскія, держится старинныхъ б-ъ г и к, равно стародавнее и многочисленное появленіе ихъ въ Восточныхъ грамотахъ еще въ XII-мъ и XIII-мъ вв. и преобладаніе въ этихъ вѣкахъ письменнаго языка православныхъ Сербовъ — все это усиливаетъ доказательство въ пользу восточнаго происхожденія замѣнительныхъ б-ъ г и к. Вліяніе восточнаго правописанія на западное было въ этомъ случаѣ столь велико, что, какъ сказали мы, нѣкоторые изъ западныхъ писцовъ доставляли въ своихъ грамотахъ исключительное господство б-мъ г и к: отъ того во второй половинѣ XIV-го и въ XV-мъ в. употребленіе этѣхъ буквъ въ Западной семьѣ не прекращалось вовсе, но шло постоянно своимъ чередомъ, непримѣтно ослабѣвая къ концу XV-го в., но, разумѣется, въ гораздо меньшей степени, чѣмъ какъ усиливалось употребленіе знака ѣ. Число приведенныхъ нами примѣровъ для б-ъ г и к удвоилось бы или даже учетверилось, если бы знакъ ѣ, введенный въ Западныя грамоты, не подрывалъ этѣхъ буквъ.

И такъ о знакѣ ѣ. Знакъ этотъ первоначально изображался въ видѣ Ꙉ, какъ показываютъ грамоты XII-го в. (А. И.; III. № V; у А. № 1—д) и древ-

нѣйшія грамоты XIII-го (Ш. № XIV; С. №№ 14, 15, 19, 20; Г. VI, № 1, см. fac-simile). Позднѣе стали перечеркивать его на верху, откуда произошло другое начертаніе ђ, встрѣчаемое весьма часто въ XIV-мъ и XV-мъ вв. Происхожденіе его не изслѣдовано учеными; но всѣ согласны въ томъ, что онъ принадлежитъ Кириллицѣ. Если мы припомнимъ, что онъ означалъ мягкія *д* и *т*, просто или чисто звучащія, а не смягченныя шипящими, то догадаемся, для какой именно Кирилицы былъ онъ изобрѣтенъ. Этого знака нѣтъ въ Глаголицѣ: тамъ есть подобный ему, Ⰼ или Ⰼ, назначенный для того же самого употребленія. Д.-Булгарская Кирилица тоже не нуждалась въ немъ, ибо у ней было смягченіе зубныхъ, выражаемое чрезъ жд и шт. Слѣдовательно, его мѣсто въ Кириловской письменности, и именно у тѣхъ племенъ, которыя употребляютъ частыя мягкія *д* и *т*: ясно, что онъ назначенъ былъ для Сербовъ и Хорватовъ, писавшихъ Кирилицею. Откуда же взялся этотъ знакъ? можно думать, что образцомъ ему послужило древнѣйшее начертаніе б-ы д: Д, какъ и дѣйствительно въ древнѣйшихъ памятникахъ XII-го и XIII-го вв. встрѣчаемъ его только на мѣстѣ мягкаго *д*: грађамь (А. И.), ђоурьгово (Ш. № V), мећоу, -ѕ, -ю, (Ш. № XIV; С. №№ 14, 15, 19, 20), свђа (Г. VI, № 1). Но въ послѣдствіи, впрочемъ, уже и въ XIII-мъ в., онъ сталъ употребляться и на мѣстѣ мягкаго *т*: мрьђинь (С. № 15). Вотъ всѣ случаи изъ двухъ первыхъ вѣковъ нашей письменности. Изъ нихъ видимъ, что знакъ ђ существовалъ уже въ концѣ XII-го в. и употреблялся какъ въ Восточной, такъ и въ Западной семьѣ памятниковъ, т. е., у православныхъ и у Римо-католическихъ Сербовъ и Патареновъ. Шафарикъ прямо называетъ этотъ знакъ Кириловскимъ [1]. Копитаръ же сравниваетъ его съ Кириловскимъ Ү и думаетъ, что Сербы сдѣлали его изъ обращеннаго къ низу Д для того, чтобы показать, что въ немъ произошло двойное смягченіе первоначальнаго *к*. Въ примѣръ онъ приводитъ Русское и Хорутанское *ночь*, откуда чрезъ вторичное смягченіе произошло Сербское *ноћ* (ср. Лат. *nox*, *noctis*) [2]. Мы видимъ, что и Копитаръ признавалъ Кириловское происхожденіе знака ђ; но принимать его за перевернутое Ү и видѣть въ этомъ умыселъ писца невозможно, ибо въ старину Сербскіе писцы не могли знать о соотношеніи между Русскимъ и Хорутанскимъ ч и своимъ *ть*. Напротивъ, они скорѣе стали бы сравнивать свое *ноћ* съ Ц.-Славянскимъ нощь, и тогда имъ пришлось бы создавать свой знакъ изъ шт или, по крайней мѣрѣ, щ. Во вторыхъ, примѣръ неудаченъ, какъ и самое основаніе его, ибо первоначально знакъ ђ изобрѣтенъ былъ для мягкаго *д*, а не *т*. Впрочемъ, мы можемъ заключить, что и Копитаръ признавалъ его назначеніе для Кириловскаго письма. В. С. Караджичъ равномѣрно держится той же мысли и того же объясненія [3]. Но если онъ изобрѣтенъ былъ для дополненія Кирилицы, то естественно долженъ былъ войти въ употребленіе только тогда, когда народный языкъ Сербовъ началъ вступать на поприще письменности и свои признаки соединять съ признаками Д.-Булгарскими. Знакъ ђ стоялъ на сторонѣ народности и вмѣстѣ съ нею долженъ былъ войти въ письменность. Мы его находимъ въ XII-мъ в. въ первыхъ, дошедшихъ до насъ народныхъ памятникахъ, и по тому можемъ полагать, что изобрѣтеніе и водвореніе его относятся къ древнѣйшей порѣ. Но онъ не Древнебулгарскій, а Сербскій

[1] Památky Hlaholského písemnictví. V Praze. MDCCCLIII. Стр. 13.

[2] Glagolita Clozianus. Стр. XXII.

[3] Даница, 1826. Стр. 15.

знакъ для Кирилицы. Съ этой точки зрѣнія можно легко объяснить всѣ явленія его дальнѣйшей судьбы. Если онъ изобрѣтенъ былъ для народнаго языка, то не нуженъ былъ для Д.-Булгарскаго. Отсюда ясна причина, по чему въ рукописяхъ церковныхъ и вообще духовнаго содержанія знакъ этотъ почти не существуетъ: сдѣсь языкъ Булгарскій, хотя и Сербскаго извода; сдѣсь жд и шт съ ихъ звукомъ и начертаніемъ сохранены изъ уваженія къ языку вѣры; сдѣсь нѣтъ мѣста постороннему знаку. Православные Сербы, привыкшіе постоянно слышать Ц.-Славянскій языкъ и свыкшіеся съ нимъ, какъ съ роднымъ, легко писали на немъ и мало измѣняли его. Въ отношеніи знака ћ они дѣйствовали весьма осторожно и первоначально употребляли его только въ иностранныхъ и почти исключительно Греческихъ словахъ въ сочетаніи нћ вм. $\gamma\gamma$, которое нынѣ у Сербовъ звучитъ тоже какъ *нђ*. Подобное употребленіе замѣчаемъ и въ Глаголицкомъ знакѣ Ⰼ: и онъ весьма рѣдко и исключительно употребляется вмѣсто Греч. $\gamma\gamma$ въ церковныхъ книгахъ Булгарской Глаголицы. Въ послѣдствіи стали примѣнять его и къ Сербской формѣ нѣкоторыхъ словъ. Въ пергаминномъ Евангеліи, отысканномъ В. С. Караджичемъ въ Святониколаевскомъ монастырѣ на Моравѣ, знакъ ћ поставленъ только въ слѣдующихъ словахъ: моћнимь ћдрѣвьѥ, аћћла, свићлie[1]. Караджичъ признается, что не видалъ этого знака ни въ какой другой церковной книгѣ. Шафарикъ тоже утверждаетъ, что видѣлъ этотъ знакъ только въ весьма немногихъ рукописяхъ православныхъ Сербовъ, и что печатныя церковныя книги вовсе его не знаютъ; но въ Кириловскихъ книгахъ Римо-католическихъ Сербовъ, на пр., у Матіевича, Дивковича, Орбини, Посиловича и др., онъ встрѣчается не рѣдко[2]. Тоже свидѣтельствуютъ и наши памятники. Восточная семья во все продолженіе четырехъ вѣковъ употребила его, сколько намъ извѣстно, только семь разъ: ћоурьгево (Ш. № V), помоћи (А. № 8), крестићи, крьтоглавићь, говећи вродь и, по словамъ Караджича, два раза мећа (Ш. № 15; В. К.). Не включаемъ сюда грамоты С. № 37, переписанной при Турецкомъ владычествѣ въ концѣ XV-го в., и изданія С.-Д. М. № 1, гдѣ ћ поставлено вмѣсто г и к, какъ это видно въ изданіи Споменковъ № 46. Эта семья, какъ мы уже не разъ замѣчали, держится преимущественно Ц.-Славянской стихіи, и въ ней писцы, хотя сами произносили жд и шт за *дь* и *ть*, однако словамъ придавали Д.-Булгарское произношеніе и писали ихъ съ жд и шт. Напротивъ, Римо-католическіе Сербы, въ старину и позднѣе, дававшіе у себя просторъ народнымъ признакамъ, смѣлѣе употребляли этотъ знакъ, прямо выражавшій звуки ихъ языка. На это указываетъ и Шафарикъ. Мы не ошибемся, если его изобрѣтеніе припишемъ западной или Римо-католической Сербіи, гдѣ потребность его была сильнѣе и гдѣ господствовала Глаголица—двойникъ цѣлой Кириловской азбуки. Дальнѣйшее разсмотрѣніе памятниковъ покажетъ, что тутъ были его почва и разсадникъ, ибо тутъ онъ пріобрѣлъ наибольшее развитіе. Чрезвычайная скудость его въ Восточной семьѣ и вообще въ Сербобулгарской письменности подтверждаетъ, что сдѣсь онъ былъ гостемъ и пришлецомъ; сдѣсь онъ показывался незначай и украдкой. Но обиліе его въ Западной семьѣ и въ книгахъ Римо-католиковъ притягиваетъ его сюда и сдѣсь заставляетъ искать его мѣсторожденіе. Однако развитіе его совершается предъ нашими глазами: онъ не вдругъ укоренился на западѣ Сербіи и не вездѣ равномѣрно. Онъ господствовалъ въ

[1] Даница, 1826. Такъ же.
[2] Serbische Lesekörner, стр. 61.

Приморья и Боснѣ; въ Дубровникѣ его не любили: тамъ держались г и к. Въ XII-мъ и первой половинѣ XIII-го в. мы уже видѣли его употребленіе въ Западной семьѣ въ словахъ **сꙉв, меꙉв, мрьꙉинь: здѣсь оно не чаще, чѣмъ и въ Восточной. Это объясняется, какъ самою новизною его, такъ и большею общностію древнѣйшаго книжнаго языка, склонявшеюся на сторону Ц.-Славянской стихіи. Но съ появленіемъ Западныхъ грамотъ въ концѣ XIV-го в. появляется и знакъ ꙉ, и съ этой поры онъ усиливается здѣсь болѣе и болѣе. Прежде писцы ставили его робко, какъ бы случайно, вмѣстѣ съ г и к, теперь же одинъ писецъ ставитъ его исключительно, забывая вовсе о г и к, а другой, напротивъ, ставитъ одни г и к, вовсе не употребляя ꙉ. Таково свойство всѣхъ Западныхъ грамотъ конца XIV-го и цѣлаго XV-го в. Смѣшеніе 6-ъ г, к и ꙉ мы могли замѣтить только въ С. №№ 66, 77, 107, 114, 133, 145 и то въ весьма немногихъ словахъ. Въ С. № 95 имена пословъ Дубровницкихъ исходятъ на -кь, а имена властелей Боснійскихъ на -ꙉь. Гр-ы С. №№ 37, 57, 59, 64, 66, 68, 74, 75, 77—86, 88, 89, 92—99, 102—105, 107, 110, 114—118, 120, 122, 124, 125, 128, 129, 132—136, 139—145, 150, 152, 154—159, 161, 163, 169, 170, 172, 173, 179; Ш. № 16; З. А. употребляютъ 6-у ꙉ; прочія вовсе не имѣютъ ея. Замѣчательно, что бо́льшая часть этѣхъ грамотъ суть Боснійскія, Травунскія и Хлумскія; Дубровницкихъ только три; Приморскихъ двѣ, Турецкихъ двѣ, и одна изъ нихъ есть списокъ съ гр-ы Дечанскаго; Зетскихъ одна. Такое соотношеніе весьма важно и указываетъ на чисто западное происхожденіе знака ꙉ. Прочія Дубровницкія грамоты употребляютъ г и к, или просто д и т: это свидѣтельствуетъ въ пользу того, что Дубровничане, какъ прямые Римо-католики, не нуждались въ утонченности Славянской азбуки и писали либо Латинскими буквами, либо Кирилицею, съ ея г и к, къ которымъ близко подходило Итальянское. *ch*. При государственной отдѣленности отъ Босны и Хорватскаго Приморья, они не могли соблазниться примѣромъ тѣхъ, кои, доведя Глаголицу даже до домашняго употребленія и увлекшись тою же страстью къ изобрѣтенію, которая породила Глаголицу, сочли нужнымъ и въ Кирилицу внести новый знакъ. Такъ ли выражалось свойство языка, или иначе: это было для нихъ все равно. Знакъ ꙉ не стѣснялъ движенія народности: за неимѣніемъ его, народное свойство, прямо смягчавшее зубные звуки, безъ участія призвука, прямо и выражало это смягченіе, употребляя въ письмѣ тѣ же д и т только съ мягкимъ произношеніемъ, а мѣстами даже и съ твердымъ, или прибѣгало къ замѣнительнымъ г и к, столь любимымъ Восточными грамотами. Для бо́льшой ясности отношенія между г, к, дь, ть и ꙉ приведу нѣсколько примѣровъ послѣдняго: **меꙉа, -у, -ю, -е, -є, -и, -амь, моуꙉа, -ь** (С. №№ 57, 93, 96, 114, 132, 142, 143, 157; Ш. № 16), **на моꙉехь** (на мощахъ, С. №№ 57, 145), **ѡпьꙉини, -у, -е, -ѡмь, ѡвьꙉини, ѡпаꙉинь, ѡпꙉина, -у, -и, -е, -є, -х, -омь** (мн. р.), **веꙉе, -ю, -и, -е, -ега, -у, веꙉь** (мн. р.), **мьꙉи, мꙉ, мꙉере, мꙉерꙉе** (С. №№ 77, 115, 134, 155, 156), **плаꙉати, -ꙉа, -ꙉамо, -ꙉали, -ꙉемь, -и, -о, плаꙉае** (С. №№ 79, 83, 86, 94, 139, 144, 151), **тисꙉа, -ю, -е, -ие, -и, -у, -ꙉь, -ꙉьно, -ꙉно** (С. №№ 74, 80, 81, 83, 85, 88, 92, 95, 105, 110, 124, 125, 128, 134, 136, 150, 152, 157, 158, 159), **граꙉанина** (С. №№ 82, 94), **по- моꙉь, -ию, -ью** (С. №№ 88, 98, 104, 141), **траꙉении** (С. № 88), **хоꙉу, -ю, -е, -емо, -ешь, хоꙉемо, ꙉу, ꙉе, ꙉе, ꙉемо, ꙉемо, ꙉете** (С. №№ 79, 93, 96, 98, 102, 104, 114, 116, 118, 132, 140, 142, 143 — 145, 172, 173, 179; З. А.), **по- у- тврьꙉу, -ю, -ие, -ию.**

-ћемо, -ћиник, -ење, -ењи, -ћене, -ном, -ћахв, -е, -а, -ћеханьма, терћв, -ю, -ћимо, -ћемо (С. NN№ 93, 96, 99, 102, 104, 107, 114, 118, 128, 132, 144, 150, 159, 163), такоће, -рь, такођере (С. NN№ 94, 99, 102, 114, 142, 143, 150, 169; Ш. № 16), толикоће (С. № 96) госпоћа, -е, -и, -ом, -ћии (С. NN№ 94, 134, 144, 155; Ш. № 16), вставовићено, -ћење (С. NN№ 96, 107), моћв, -ю (С. NN№ 96, 105, 107, 114, 116, 117, 132, 142—144), моћами (С. NN№ 37, 96, 118), нахоћвсе, находећсе, наћосмо (С. NN№ 102, 114, 158), доћв, -е, -емо, дођће, доћоше, -оше (С. NN№ 104, 131, 141, 143, 173), вићници, вићинки, вићника (С. NN№ 104, 114, 143), послећин, послећин, -е, послиће, -ем, -ним, -ихъ (С. NN№ 105, 107, 114, 128, 163), тешкоћа, -е (С. NN№ 107, 140), прећинхь, словоћенаамь, вхићень (С. № 114), невгоћан (невзгода, С. № 116), воѕ- враћеною, -не (С. NN№ 128, 150), еванћелисти (З. А.), ѕа- певаћень (С. NN№ 140, 157), прође (С. № 142), раѕреће (С. № 143), тећ е (С. № 150), срећин (С. № 156), поѕлаћени (С. № 157), нарећеню (С. № 163) и пр. Въ неокончательномъ н.: пресећи, доћи (С. № 77), сећи, порећи (С. NN№ 78, 118, 140, 179), моћи (С. NN№ 82, 107, 132), поћи (С. NN№ 82, 142, 144, 173), досећи (С. NN№ 82, 102), рећи (С. NN№ 93, 132, 142), ѡсићи (С. № 118), посећи (С. № 145), порећи (З. А.). Въ причастіяхъ и дѣепричастіяхъ настоящаго вр.: надвћесе (С. № 57), мислећи, хотећи, жаьдеће, прѣбиваюће (С. № 77), ѕнаюће (С. NN№ 78, 143), говореће (С. № 84), понављаюће (С. № 92), будући, -е, -пи (С. NN№ 96, 98, 107, 114, 120, 143, 157, 158, 170), дајући, -е (С. NN№ 96, 98, 107, 114), вднавюћи (С. № 96), имаюћи, потрѣбуюћи (С. № 105), иѕимаюће (С. № 114), хотеће -е (С. NN№ 116, 132, 142), вѕимаюће, држеће (С. № 120). ѡблюбаюће, тврће, бојећесе и пр. (С. № 132), видвће, хотиюће, имаюће и пр. (С. № 140), плаћаюће (С. № 145), красећесе, втврћаюће (С. № 150), стакеће (С. № 157), именвюће (С. № 163), висвћв, -ю, -омь, -ѡмь, -е, -нмь, ими, -нами (С. NN№ 96, 98, 116—118, 120, 122, 128, 134, 136, 140, 150, 157, 163; З. А.) и т. д. Въ окончаніи именъ отечественныхъ и прозвищъ: прибинићь (С. NN№ 57, 145), меньчетићь, -в (С. NN№ 59, 66), гвчетићь (С. NN№ 64, 81, 82, 89, 105), гвньдванићь, -в, -а, гвндванићь (С. NN№ 66, 78, 80, 120, 150, 154), властелнчићь, властеличићь (С. NN№ 66, 142), воеводићь, воеводића (С. NN№ 84, 134), симнићe, рнбиће (З. А.) и пр. (ср. С. NN№ 37, 68, 75, 78, 82—84, 86, 88, 89, 92, 94—99, 102—104, 107, 114, 116—118, 120, 124, 125, 128, 129, 132, 133, 135, 136, 139, 140, 142, 144, 145, 150, 154, 158, 169, 179; З. А.; Г. VI, № 2).

Какъ б-ы г, и, замѣтили мы, не всегда замѣняютъ Ц.-Славянскія жд, шт, но и дь, д, ть, т, такъ и б-а ћ не всегда отвѣчаетъ Ц.-Славянскимъ жд, шт, но иногда также дь, д и ть, т. Для этого стоить только сравнить примѣры для б-ъ г и и съ примѣрами для ћ. Присовокуплю еще нѣкоторые: свпроћь, свпроћв (С. № 93), свћомь (съкатъмь, С. № 97), сућни, свћени (сядъныи, С. NN№ 104, 141), чистоћв (С. № 128), слвжећа (двойств. ч., слоужита, С. № 143) и н. др. Само неокончательное наклоненіе на -ии и -ћи отвѣчаетъ Ц.-Славянскому на -ти. Все, повторяю, зависитъ отъ выговора Сербовъ: если писецъ произносилъ извѣстное слово съ мягкими д или т, то и писалъ ихъ съ г или и и ћ; если же онъ то же слово — а такихъ не мало — произносилъ съ твердыми д, или т, то и не измѣнялъ ихъ; укажу на вышеприведенныя формы: сућни и садни или послѣгни, послѣћни и послидне, -е, -дними, -нихъ, последни, послѣднимь и т. д. (С. NN№ 95, 96, 99, 118, 120, 127, 132, 179). Вообще Сербы

смягчали д и т сообразно съ своимъ произношеніемъ и хотя въ несравненно большемъ числѣ случаевъ сошлись съ тѣмъ, или другимъ смягченіемъ этихъ звуковъ въ прочихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, однако, любя мягкость, смягчали д и т въ такихъ случаяхъ, гдѣ другія родственныя нарѣчія оставляютъ ихъ твердыми. Въ отношеніи смягченія д и т Д.-Сербскій языкъ дѣйствовалъ совершенно самостоятельно: всякое мягкое въ народномъ говорѣ *д* и *т* онъ выражалъ знакомъ ѣ. Такъ дѣйствуетъ и нынѣшній съ тою только разницею, что для мягкаго *д* употребляетъ знакъ *ђ*, а для *т*—*ћ*. Даже въ сочетаніи шт, не смотря на то, что оно уже само по себѣ представляетъ мягкое т, какъ нынѣшній, такъ и древній Сербскій языкъ иногда изображаютъ т чрезъ ѣ, ћ, на пр., **ѡшаѣе** (С. № 88), **бафѣиноу**, вѣроятно, **баштѣиноу**, (Ш. № 16), **тѣлальницѫ**, **випѣѥница**, **градишѣа** (З. А.) и пр.

Въ формѣ **аѣе** (**аште**, С. № 78) древнекнижный языкъ поступилъ смѣлѣе нынѣшняго, который въ этомъ единственномъ словѣ удержалъ древнеписьменное к: *ако*.

Буква ѣ, по свойству заключаемаго ею звука, должна соединяться съ твердыми гласными, какъ и дѣйствительно соединяется съ ними въ древнемъ и нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ, но нѣкоторые изъ старинныхъ писцовъ, не обращая вниманія на внутреннее свойство самой этой буквы и желая наглядно выразить ея мягкость, сочетавали ее иногда съ мягкими гласными. Это, по видимому, двойное смягченіе не должно быть принимаемо, какъ дѣйствительно таковое, ибо сдѣсь только наружное выраженіе той мягкости, которая уже заключается въ самой б-ѣ ѣ. Писцы смотрѣли на нее, какъ на всякую другую твердую согласную букву и нисколько не подозрѣвали въ ней собственной мягкости; но не всѣ писцы забывали ея происхожденіе и цѣль, съ какою она была введена въ Кириловское письмо; бóльшая часть ихъ постоянно соединяла ее съ твердыми гласными: это было и въ старину общимъ правиломъ, къ которому другіе случаи относились въ смыслѣ исключеній. Послѣднихъ не слишкомъ много: **пѹрьѣи** (С. № 66): сдѣсь, кромѣ мягкости гласной, должно замѣтить еще употребленіе б-ы ѣ вмѣсто т, ср. **пѹрьта** (С. № 14), **гѹѕѣтнѣи** (С. № 68), **нѹѣи**, **-и**, **-ю** (С. NN№ 96, 98, 132), **тисѹѣи**, **-и** (С.NN№ 98, 105), **нѣе**, **-и -и**, **-ю**, (С. NN№ 98, 104, 105, 114, 117, 144, 157), **потврьѣю**, **-е**, **екаѣелисти** (С. № 104), **имаюѣи**, **ѕнѹѣии**, **потврьѣнии**, **гѹѕѣтнѣи**, **тамарѣи**, (С. № 105), **мѣю** (С. NN№ 105, 107, 114, 117, 132), **гоншнѣи**, **жѹрговѣа**, **гѹндѹлнѣи**, **кѹѣщнина**, **тврьѣю**, **хоѣю**, **слобоѣшкаамь**, **тврьѣѥме** (С. № 114), **госпоѣьи** (С. № 128), **хотѣе** (С. № 132), **потврьѣюю**, **-ѣа**, **-ѣеньи**, **потврѣюю**, (С. № 114), **кѹкотнѣи**, **кисѹѣю**, **димитровиѣи** (С. № 157), **кисѹѣе**, **рисиѣе**, **прасеѣесе**, **ѹтврьѣюѣесе**, **ѣе** (хочетъ), **еванѣелисти** (З. А.) и пр. Но при б-ѣ ѣ въ род. и твор. пп. ед. ч. муж. и ср. р. -омь правильно переходитъ въ -емь, ибо сдѣсь этого перехода требуетъ самая мягкость б-ы ѣ.

Выше, когда рѣчь шла о б-ѣ т, мы замѣтили, что въ Сербскомъ языкѣ нѣкоторыя отечественныя имена оканчиваются на -ѹѣ вмѣсто -ѣь или -кь: но таковыхъ именъ нашли мы немного. Сюда должно еще присовокупить подобное явленіе, происходящее при образованіи такихъ отечественныхъ именъ, которыя сами образуются изъ отечественныхъ, т. е., когда ихъ окончанія -ѣь и -кь присоединяются къ преждебывшему таковому же окончанію. Въ этомъ случаѣ первое ѣ, или и часто переходитъ въ т, на пр.: **сестриѹникь** (А. № 5), **драгиѹѣвиѣь** (С. № 103), **богавьѹиѣа** (С. № 116), **прибѹиѣь** (С. № 144), **вражитиѣь**

(С. № 156) и т. д.; эти имена можно производить отъ сестрићь, драгићь, во-гаћьћь, прибићь, кражићь, соотвѣтственно именамъ градићь, михоћь, растићь и пр., также мыйћь (А. № 5); а что дѣйствительно въ этихъ и имъ подобныхъ именахъ могло стоять ћ, вмѣсто ћ, то это доказывается, во первыхъ, именами, такъ же образованными, какъ михоћь и пр., но имѣющими окончаніе -ћь вмѣсто -ћь, и во вторыхъ, двойникомъ одной изъ вышеприведенныхъ формъ: драгићевићь,-ћемь (С. №№ 97, 99, 136, 145) и ему подобными: добриѣевићь (С. № 97), кнѣжевићь, -ћу (С. №№ 118, 141).

До сихъ поръ мы слѣдили только за знакомъ ћ, какъ выраженіемъ мягкихъ *д* и *т*, и чрезъ то какъ бы придерживались наружнаго правописнаго отличія Сербскихъ грамотъ; но, чтобы не упрекнули насъ въ удаленіи отъ внутреннихъ свойствъ языка, мы считаемъ сдѣсь необходимымъ замѣтить, что ћ есть собственно не что иное, какъ тѣ же Кириловскія мягкія д и т, и употребленіе какъ того, такъ и другихъ нисколько не дѣлаетъ разницы относительно духа и свойствъ языка, а только составляетъ внѣшнее отличіе правописанія. Если мы до сихъ поръ опускали случаи того же истинно Сербскаго смягчающаго свойства языка, по которому зубные звуки смягчаются сами собою чрезъ соединеніе съ мягкими гласными и сохраняются въ правописаніи, не принимая на себя образа 6-ы ћ, то это нисколько не нарушаетъ порядка движенія языка въ постепенномъ умноженіи случаевъ истинно народнаго смягченія зубныхъ, но съ другой стороны придаетъ видъ единства въ изслѣдованіи о 6-ѣ ћ. Можно съ достовѣрностію сказать, что упомянутый народный способъ смягченія зубныхъ идетъ въ той же самой мѣрѣ, въ какой идетъ умноженіе знака ћ. Помимо его, употребленіе 6-ъ д и т съ мягкими гласными столь незначительно, что хотя оно и распространяетъ на весьма маловажную долю объемъ народнаго смягченія зубныхъ, однако не производитъ ни малѣйшаго переворота, ни даже колебанія въ ходѣ этого смягченія. Вотъ тѣ примѣры, которые мы опустили при 6-ѣ ћ. Мы сказали, что Восточныя грамоты не любятъ знака ћ, слѣдовательно, не любятъ и смягченія зубныхъ въ нихъ самихъ непосредственно безъ участія ж и ш, или г и к, и только съ придачею мягкаго выговора; по этому мы мало находимъ примѣровъ и для д и т, как выше для ћ: меда (Ш. № VII), доброкить (С. № 15), обетание (С. № 21), обетасе (С. № 28), истралить (А. № 6), пошедшю (С. № 176), угасить, обьтник (С. № 58)—не болѣе. Равномѣрно Западныя грамоты, любя знакъ ћ, не любили на его мѣстѣ ставить 6-ъ д и т; а по тому послѣднія являются въ нихъ лишь урывкомъ. Таковы формы: въ XIII в.: таноде, меду (С. № 16), малоудьрица (Ш. № II); въ XIV и XV вв.: феду (С. № 79), потврьдюю, -дено, -дикано (С. №№ 92, 98), толикоде, утврьдениемь, медими, медю, калудирица, опаноде (С. № 98), рати, рети (С. №№ 157, 163), ср. реки (С. № 132), утврьдение (С. № 168) и н. др. Вообще можно сказать, что древній письменный языкъ еще не развилъ употребленія знака ћ до такой степени, до какой довелъ свои знаки ђ и ћ нынѣшній языкъ. Подъ постояннымъ вліяніемъ Ц.-Славянской стихіи древніе Сербы употребляли прямое соединеніе зубныхъ съ мягкими гласными, что весьма справедливо и разумно, вмѣсто перевода мягкаго начала гласной въ согласную и измѣненія этой послѣдней. Конечно, все это дѣло внѣшности, бо́льшаго, или меньшаго удобства въ выраженіи мягкихъ звуковъ, тѣмъ не менѣе нынѣшнее Сербское правописаніе довело до крайности свое стремленіе къ ерованію согласныхъ вопреки іотаціи гласныхъ; съ своими ђ, ћ, љ, њ оно отняло у гласныхъ законное ихъ свойство и отнесло его къ со-

гласнымъ, между тѣмъ, какъ вся сила звука согласныхъ покоится на гласныхъ, и отъ перемѣны послѣднихъ зависятъ перемѣны первыхъ. Произношеніе остается однимъ и тѣмъ же, но внѣшность написанія не соотвѣтствуетъ законамъ Славянскихъ языковъ; она наружнымъ образомъ затѣмняетъ ихъ. Зачѣмъ у гласной отнимать мягкость, когда ей-то и принадлежитъ это важное свойство, столь хорошо развитое Славянскими нарѣчіями? Зачѣмъ переводить его въ согласную, которая сама зависитъ отъ гласной и ея твердаго, или мягкаго произношенія? Ерованіе вовсе не нужно при іотаціи.

Какъ ѣ соединяется съ мягкими гласными вопреки общеславянскому правилу, такъ на оборотъ д и т соединяются съ твердыми гласными тамъ, гдѣ за ними должна бы была слѣдовать мягкая гласная. Впрочемъ, таковыхъ примѣровъ весьма мало; укажемъ на вышеприведенные: меда, юбетание, юбетасе, цеде. Что касается до соединенія съ б-ю е, то мы давно уже сказали, что эта буква, по своей природѣ, должна быть полумягкою, и къ тому же Сербы любили смягченіе гласныхъ, а по тому не мудрено, что они придавали ей мягкое произношеніе, даже значеніе б-ы ѣ, вовсе не думая измѣнять для этого ея начертаніе подобно тому, какъ, на оборотъ, часто ѣ, е, и, и ставили вмѣсто е. Въ словахъ толикоде, потврьдемо д должно было звучать такъ же мягко, какъ и въ словѣ калудирицъ, да и въ другихъ примѣрахъ съ другими твердыми гласными произношеніе, вѣроятно, отдѣлялось отъ правописанія и сохраняло мягкое свойство зубныхъ.

Теперь припомнимъ, что сказано было нами выше о близкомъ родствѣ д и т съ г и к. Мы сказали, что въ Сербскомъ языкѣ г и к замѣняютъ мягкія д и т, и на оборотъ мягкое д замѣняетъ иногда г. Первую замѣну мы уже видѣли; видѣли также, какъ мягкія д и т принимаютъ видъ то жд и шт, то ѣ; замѣтили, что послѣдній видъ для мягкихъ д и т есть настоящій Сербскій, свойственный одному только Сербскому нарѣчію; но что въ то же время б-а ѣ въ сущности есть тѣ же самыя дь и ть, только измѣненныя въ внѣшнемъ своемъ видѣ. Намъ остается подтвердить примѣрами обратное отношеніе зубныхъ и гортанныхъ, т. е., указать на замѣну б-ы г тамъ, гдѣ она стоитъ законно, б-ю д: этимъ мы съ противуположной стороны подтвердимъ возможность внутренняго сродства гортанныхъ и зубныхъ. Сербское ухо, безъ сомнѣнія, находило близкое соотношеніе между мягкими гортанными звуками г и к и между зубными или, по большей части, мягкими зубными д и т. Звукъ д, замѣняющій г, часто соединяется съ мягкою гласною, какъ сейчасъ увидимъ, а по тому надобно полагать, что въ словахъ, допускающихъ въ себѣ замѣну кореннаго г мягкимъ д, первое звучитъ тоже мягко согласно съ основнымъ свойствомъ Сербскаго изыка. Примѣры сейчасъ покажутъ намъ всѣ виды этой замѣны: ѣоурьгево (Ш. № V), арханьдела, -ломь (С. № 78), е- и- еванѣелиа,-ие, -ью,-ѣелисте, -и, -е, -ѣелисти, е- еваньѣелие, -и, -ьи, -ью, -делисть, -е, -ѣелисть, -и (С. №№ 78, 81, 84, 85, 93, 96, 98, 102, 103, 104, 118, 120, 132, 141, 144, 150), анѣела (С. № 93), калудирицъ, анделовъ (С. № 98), срьѣа (Сергія, С. № 132), анѣелал (С. № 141), ѣураѣь (С. № 145), ѣурагь (С. № 172), калуѣери (С. № 173). Во всѣхъ этихъ примѣрахъ д, или ѣ замѣняетъ коренное г; ср. гюргь—*γεωργίς*, ангель—*ἄγγελος*, евангелие—*εὐαγγέλια*, калугерь—*καλὸς γέρων*. Дважды въ одной грамотѣ ѣ замѣнило коренное к въ словѣ ѣерь, ѣерь, т. е., кѵрь—*κυρία* (С. № 92). Въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ такой замѣны нѣтъ. Кромѣ Ш. № V всѣ остальныя грамоты принадлежатъ исходу XIV-го и XV-му вѣку и относятся исключительно къ Западной семьѣ (только, разумѣется, не

къ Дубровницкимъ). Это одно изъ выраженій народности, которой, какъ мы видѣли, всегда благопріятствовали грамоты Западныя. Нынѣшній Сербскій языкъ въ этихъ, равно какъ нѣкоторыхъ другихъ словахъ тоже имѣетъ звукъ ђ (дь). Прочія семьи грамотъ употребляютъ еще постоянно г: ср., на пр., **милогеровь** (С. № 13). И въ этихъ примѣрахъ, какъ и въ предыдущихъ, мы замѣтили употребленіе д вмѣсто ђ, что, впрочемъ, составляетъ дѣло одного правописанія. Между прочимъ нельзя не умолчать о томъ, что знакъ ђ не былъ собственно необходимъ для Кириловскаго письма: слово **владиміръ** ясно это доказываетъ. Отсюда можно заключить, что онъ не былъ изобрѣтеніемъ послѣдователей Кирилицы, или слѣдствіемъ крайней необходимости, вынудившей ихъ прибѣгнуть къ составленію новаго знака; но что онъ изобрѣтенъ былъ для Кирилицы Сербами Римо-католиками, которые, съ одной стороны, смѣлѣе могли ввести въ нее новый знакъ, а съ другой видѣли, что этотъ знакъ, хотя и не вовсе былъ необходимъ для нея, однако, будучи исключительнымъ знакомъ для чисто мягкихъ *д* и *т*, удобнѣе примѣнялся къ Сербскому языку, сознававшему въ этомъ отношеніи свое различіе отъ Ц.-Славянскаго; дь, ть и жд, шт звучали различно, и для первыхъ Западные Сербы придумали знакъ ђ, утвердившійся въ ихъ Кирилицѣ. Но повторяю, если бы этого знака не было у Западныхъ Сербовъ, православные писцы лучше рѣшились бы перебиваться все же еще возможными знаками д и т, соединяя ихъ съ мягкими гласными, чѣмъ стали бы выдумывать новый знакъ.

Заключимъ нашъ обзоръ движенія зубныхъ звуковъ еще однимъ видомъ ихъ смягченія. Видъ этотъ не принадлежитъ ни Сербскому, ни Ц.-Славянскому языкамъ; его собственно можно назвать хорутанизмомъ въ древней Сербской письменности, свидѣтельствующимъ о взаимномъ близкомъ родствѣ этихъ двухъ нарѣчій одного говора. Онъ состоитъ въ томъ, что мягкое *д* смягчается до такой степени, что улетучивается до свойства полузвука *и* или вообще половиннаго небнаго *и* (Рус. *й*, Лат. *j*), такъ что уже ничѣмъ не отличается отъ того небнаго начала, которое участвуетъ въ смягченіи гласныхъ: по тому слова съ подобнымъ мягкимъ *д* получаютъ форму съ одною только мягкою гласною, ибо хотя при смягчающемся *д* гласная становится твердою, но, имѣя возлѣ себя полузвукъ й, въ который превратилось *д*, соединяется съ нимъ и снова образуетъ изъ себя слитый мягкій звукъ. Примѣры объяснятъ наши слова: **поросеиѣ** (С. № 57), иначе **поробенѣ**, **порождении**; сдѣсь мягкость д, превратившагося въ і, перешла въ твердое є и съ нимъ вмѣстѣ образовала мягкое є, то же, что ѥ. Таковы и всѣ прочіе примѣры. Разумѣется, есть и невѣрныя формы, въ которыхъ є не обращено въ мягкое начертаніе; тѣмъ не менѣе въ сущностности этѣ формы, будучи жертвою неопредѣленности, господствовавшей въ правописаніи 6-ы є, ничѣмъ не отличаются отъ правильныхъ съ мягкою гласною. Продолжаю примѣры: **потврьюемо** (С. №№ 78, 89), **вилкое** (С. № 78), **госпое** (С. №№ 78, 93, 159), **такое** (С. №№ 78, 88, 95, 116, 150); въ первомъ ђу правильно измѣнилось въ ю, но въ послѣднихъ є вмѣсто ђе должно звучать, какъ ѥ; **госпоиомь** (С. №№ 85, 92): сдѣсь ђ обратилось въ и и осталось въ такомъ видѣ, ибо въ Кирилицѣ не употреблялось начертаніе мягкаго о подобное начертаніямъ ѩ, ѥ, ю; **тврью**, **пропаистка** (С. № 89): въ послѣднемъ примѣрѣ мягкое дь очутилось возлѣ согласной и по тому своимъ чередомъ изобразилось въ видѣ и, которое сдѣсь звучитъ въ половину, какъ Рус.. *й*; **потврьеними**, **екакьели**, -**елию**, -**елисти** (С. № 92), **госпои** (С № 93): сдѣсь два и или і-и слились въ одно; **потврьевамо** (С. № 96), **такои** (С. №№

98, 128): сдѣсь подразумѣвается форма таковѣ вмѣсто таководе, такожде, ср. ѡнакоде; дванаесї (С. № 115), гдѣ смягчено д вопреки Ц.-Славянскому языку; тверьѣке (С. № 116), гдѣ ѣ замѣняетъ ю; ѡнакои, ѿ продае (С. № 132): последнее слово слѣдовало бы написать иначе продаѣе (продажда); госпое (С. № 134), сканьѣанию (С. № 136), тенере, сканьѣли, меьми (С. № 140): въ первомъ изъ трехъ послѣднихъ словъ ю осталось нетронутымъ вмѣсто того, чтобы превратиться въ ю, т. е., тѣѣре — тїождене; во второмъ е есть то же, что ю; въ третьемъ и замѣнено 6-ю ь вмѣсто мѣьми, мними; гн҇ние (С. № 142), гдѣ двойное смягченіе, ибо если писецъ рѣшился написать обѣ буквы, и и е, раздѣльно, то е передъ гласною онъ долженъ былъ еще разъ смягчить; гн҇еи (С. № 158). Мы назвали этотъ видъ смягченія хорутанизмомъ: дѣйствительно, въ Хорутанскомъ нарѣчіи оно составляетъ собою общее правило; но въ Сербскомъ языкѣ оно допущено только въ условныхъ случаяхъ не болѣе, какъ въ видѣ исключенія. Въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ многіе изъ приведенныхъ словъ имѣютъ законное ђ, но числительныя съ *десять* упорно развили у себя хорутанизмъ: Сербы говорятъ: *еданаест* или *еданайст*, *дванаест* и т. д. до *деветнаест*. Въ Сѣни говорятъ *меяш* вмѣсто *међа*. Кромѣ этихъ случаевъ едва ли найдется еще какой либо въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ. Откуда же взялись хорутанизмы въ древней его письменности? — отвѣчать трудно; можно только сказать, что ѣ, смягченное до ı, встрѣчается единственно въ грамотахъ Боснійскихъ и Хлумскихъ. Въ Травунскихъ, вѣроятно, случайно не встрѣчается, а въ Дубровницкихъ хотя и встрѣчается однажды, но за то въ словѣ дванаесї—числительномъ, которое, какъ сейчасъ мы сказали, во всей Сербіи звучитъ такимъ же точно образомъ. Отсутствіе другихъ примѣровъ въ Дубровницкихъ грамотахъ должно имѣть отношеніе вообще къ отсутствію въ нихъ же знака ѣ.

Отъ зубныхъ, которыя выгоднѣе всего было намъ разсмотрѣть вслѣдъ за претворенными гортанными, возвращаемся нѣсколько назадъ къ *плавнымъ*. Прямое приращеніе языка къ небу производитъ родъ небныхъ звуковъ *л*, *н*, *р*, которые отъ неба заимствуютъ особое свойство мягкости, называемое въ согласныхъ плавностію, тягучестію и т. п. Въ средѣ согласныхъ они суть то же, что и въ средѣ гласныхъ; отъ того въ древнемъ Сербскомъ языкѣ они, въ отношеніи мягкости, дѣйствуютъ совершенно отлично отъ прочихъ звуковъ. Тогда какъ послѣдніе, при соединеніи съ мягкими гласными, или измѣняются въ особые второстепенные звуки, или требуютъ для того благозвучныхъ буквъ, или замѣтно различаютъ свою твердость и мягкость, плавные, напротивъ, охотно сопоставляются съ подобными имъ мягкими гласными и даже прибѣгаютъ иногда къ двойному смягченію чрезъ повтореніе самихъ себя. Ихъ тягучесть доставила имъ еще другое свойство—способность легко и безъ нарушенія благозвучія соединяться съ послѣдующею согласною; это обманъ слуха, который думаетъ найти сдѣсь признакъ самогласности плавныхъ. Сербскій языкъ воспользовался этою способностію ихъ и не уполногласилъ сочетанія плавныхъ, оставя ихъ почти всюду съ полугласными. То же свойство оказалось въ Булгарскомъ и Чешскомъ и въ ближайшихъ къ Сербскому Хорватскомъ и Хорутанскомъ нарѣчіяхъ, что подало поводъ нѣкоторымъ ученымъ приписывать плавнымъ *л* и *р* значеніе, въ одномъ случаѣ, согласныхъ, въ другомъ гласныхъ. Мы не доставили имъ никакого участія въ области гласныхъ; мы не разпознали въ нихъ какой-то двойной природы, которая относитъ ихъ то къ гласнымъ, то къ согласнымъ. Хотя, будучи небными, они являются въ

то же время и плавными, какъ бы мягко протягивающими голосъ; однако это свойство, сокращающее нѣсколько силу гласной, имъ сопутствующей, еще нисколько не дастъ имъ права быть самогласными. Нынѣшній способъ правописанія, отметающій полугласныя ъ и ь не только въ Латинскомъ письмѣ, но и въ Кириловскомъ, не можетъ и не долженъ смущать ученыхъ. Ежели и пишутъ, на пр., *врт*, то это значитъ все то же, если бы написали *врьтъ*: переведя это слово въ *вертоградъ*, увидимъ въ послѣднемъ б-у *е*, которая не откуда болѣе не могла взяться, какъ изъ озвукотворившагося *ь*. Латинская азбука не имѣетъ знаковъ для ь и ъ, а по тому пишетъ безъ нихъ; Кириловцамъ же не слѣдовало бы подражать Латинцамъ и тѣмъ добровольно и несправедливо клеймить свою богатую азбуку печатью бѣдности. Чѣмъ болѣе азбучныхъ знаковъ, тѣмъ яснѣе выражается произношеніе словъ, тѣмъ болѣе облегченія и выгодъ для языкоизслѣдованія. Опущеніе полугласныхъ, сравнявши плавныя съ прочими согласными, уничтожило то различіе, которое замѣтно между дѣйствіемъ полугласныхъ въ соединеніи съ плавными и дѣйствіемъ ихъ въ соединеніи съ прочими согласными. Исторія Сербскаго письменнаго языка показала намъ это различіе, которое, безъ сомнѣнія, зависѣло отъ внутренняго, исконнаго свойства языка; ибо всѣ писцы въ продолженіи всѣхъ вѣковъ, пока только существовало въ употребленіи полугласное ь, не могли же согласиться между собою, чтобы не озвукотворять полугласной, ни опускать ея въ сочетаніи съ б-ми л и р, между тѣмъ, какъ въ другихъ случаяхъ они, по требованію народной стихіи, стремились къ озвукотворенію, или опущенію (разумѣется, кромѣ окончанія словъ) б-ы ь. Это обстоятельство ясно показываетъ, что Сербскій языкъ, любя благозвучіе и полногласіе и распространяя эти два требованія на всякое сочетаніе согласной съ гласною и полугласною, не измѣнялъ однако же сочетаній ль и рь, которыя, слѣдовательно, сами въ себѣ удовлетворяли обоимъ требованіямъ. Если произносить слова, имѣющія эти сочетанія, безъ всякой примѣси гласнаго отзвука, то они будутъ или вовсе неблагозвучны, или даже непроизносимы: по этому въ нихъ долженъ быть гласный отзвукъ, который въ древней письменности и выражался въ видѣ полугласной. А такъ какъ плавныя, по своей тягучести, отстраняли отчасти полноту и силу сопутствующей имъ гласной, то они и не нуждались въ томъ, чтобы полугласная, стоящая при нихъ и образующая вмѣстѣ съ ними одинъ слогъ, претворялась въ полную гласную, ибо ихъ собственная природа вознаграждала ея половинность: по этому они удовлетворяли и другому требованію Сербскаго языка — полногласію. Законность начертаній ль и рь безъ уполногласшенія б-ы ь и излишнее стяженіе ихъ чрезъ опущеніе при нихъ полугласной ввели нѣкоторыхъ въ заблужденіе касательно природы плавныхъ и заставили придать послѣдней какую-то самогласность, которой она вовсе не имѣетъ. Настоящее мѣсто плавныхъ есть между согласными. Разсмотримъ же теперь ихъ движеніе и взаимныя смѣны какъ между собою, такъ и съ другими согласными.

Б-а л смѣняетъ б-у м въ словахъ: **одимлоль** (С. № 5): **азь рабь бжи ма-тви: а одимлоль (а иначе) иимосаль; ꙁламеньныхь** (С. № 78), **ꙁламенитимь** (С. № 118), **ꙁламенимь** (С. № 172), т. е., **ꙁламенехь** и пр., какъ въ нынѣшнемъ языкѣ: *зламение, зламеновати, млого*; **елмъ** (**елемъ**, С. № 128).

Б-а л замѣняетъ к въ окончаніи именъ отечественныхъ. Никогда этой смѣны не бываетъ въ именахъ собственныхъ, служащихъ къ образованію отечественныхъ; но лишь только получили они окончаніе -иль или -ѣль и т. п., какъ

тотчасъ же свое конечное и измѣняютъ въ а. Это явленіе совершается въ весьма многихъ отечественныхъ именахъ, заключающихся въ нашихъ грамотахъ различныхъ семей и вѣковъ; но причина ему очевидна: сравнивъ подобныя имена между собою и другими, видимъ, что перемѣну буквъ испытываютъ только тѣ, кои передъ конечнымъ -къ имѣютъ предшествующій слогъ съ б-ю л,—слѣдовательно сдѣсь дѣйствуетъ звукоподобленіе. Таковы: драгославъ, братославлинй (С. № 176), войславликъ (А. № 5), драгославй, владиславй (С. № 66), радославикъ, -ѣь, -ѣмь (С. №№ 81, 84, 89, 145), драгославѣмь (С. №№ 81, 85), драгославліка (А. № 18), гоиславикь, -ю, -в (А. № 19; С. №№ 108, 112, 115), градиславикь, милославикь (С. № 82), вогославикь (С. № 66), вукославикь (С. №94), койславикь, -ѣмь (С. №№ 99, 103, 140), владиславикь (З. А.). Какъ на исключенія, можно указать на гоиславикь (С. №№ 16, 32), волеславикь (С. № 16), прькославикь (С. № 20), привиславикь (С. № 144), гдѣ и не измѣнилось въ а, быть можетъ, отчасти по тому, что первое л опущено,—говорю, отчасти, ибо вышеприведенные примѣры и въ этомъ случаѣ соблюдаютъ замѣну. Еще б-ы л и и смѣняются въ словѣ любоолики, -кь, -кемь и любовичьской (С. № 176).

Другой отличительный признакъ Сербскихъ собственныхъ именъ, какъ въ древнемъ письменномъ, такъ и въ нынѣшнемъ языкѣ, есть опущеніе б-ы л въ окончаніи -славь и его производномъ -славикь, -кь, -славикь, -кь. Количественное соотношеніе примѣровъ того и другаго окончанія показываетъ, что выпущеніе б-ы л началось еще въ XIII-мъ в., но весьма слабо, и только въ XV-мъ усилилось до того, что почти совершенно вытѣснило полное окончаніе -славь. Въ древнѣйшей гр-ѣ XIII-го в. читаемъ: расславь, влаславомь (С. № 2) и въ слѣдующей за нею: владиславв (С. № 3); но около того же времени: милосавь (у Ш. № VI—милославь) и тамъ же милосавля (С. № 5); за тѣмъ опять владиславь, -в (С. №№ 6, 8), владиславьля (С. № 12), доманславь, хранниславь, борнславь (С. № 14, одной семьи съ С. № 5), хранниславь, прькославь, братославь (С. № 15) и т. д. въ гр-хъ С. №№ 16, 19, 20. Въ XIV-мъ в. въ началѣ то же отношеніе: окончанія -славь и -славикь въ большомъ количествѣ являются въ гр-хъ С. №№ 46, 54, 55, 56, 66, 86, 176; Мл.; А. №№ 5, 6. Исключеніе только одно: тврьдисавь (С. № 58). Но въ позднѣйшихъ окончанія -савь и -савикь внезапно вытѣсняютъ первыя. Такъ уже находимъ: радосавь, -в, -ом (С. №№ 80, 81, 82), гоисаве (С. № 80), добросавомь (С. № 81), койсавь, -комь, радосавикь, -ѣмь (С. №№ 81, 84, 85), драгосавикемь (С. №№ 81, 85), милосавь, милосавикь, градисавикь (С. № 82). Замѣтимъ перевѣсъ окончанія -савь надъ -славь, возникающій къ концу XIV-го в. Бо́льшая общность письменнаго языка въ XIII-мъ в. и преобладаніе восточнаго правописанія сдѣлали то, что въ этомъ вѣкѣ нашелся только одинъ примѣръ съ опущеннымъ л: всѣ прочіе и во всѣхъ грамотахъ имѣютъ еще л. Въ XIV-мъ в. Восточныя грамоты представляютъ только одинъ примѣръ безъ б-ы л: тврьдисавь, но всѣ прочія имѣютъ л; Западныя же колеблются между тою и другою формою, но перевѣсъ остается за сокращенною. Въ XV-мъ в. въ Восточныхъ встрѣчается однажды радославь (С. № 111) и въ нихъ же: гоисавикь, койсавь, радосавь, вогосавь (А. № 19); но Западныя отдаютъ окончательное первенство сокращенной: владисавь, -а, -в (С. №№ 74, 89, 92, 119, 126, 128, 132, 134, 140, 142, 143, 157, 158, 161, 162, 171; З. А.), радосавикь, -кь, -ка (С. №№ 89, 127, 145), радосавь, -а, -в, -омь (С. №№ 89, 96, 98, 100, 101, 102, 104, 107, 114—117, 120, 122, 125, 129, 133, 145, 156; З. А.), вукосавикь (С.

NN№ 94, 120), **консалнѣ, -ѣма** (С. NN№ 99, 103, 140), **видисава, -у, -омъ** (С. NN№ 104, 107, 114, 116, 127), **прибисавъ, -я** (С. NN№ 108, 109, 112), **првисавъ, -ва** (С. NN№ 115, 157), **ѕбисалинъ, -я** (С. NN№ 117, 127), **десисалинѣ** (С. № 120), **тврьдисавъ, -ѡ** (С. NN№ 127, 157), **прибисавнѣ** (С. № 144), **вакосавъ** (С. NN№ 156, 158), **десисалинкомъ** (С. № 164), **владисалинѣ, болесавицъ** (3. А.). Сдѣсь, какъ видно, нѣтъ ни одного примѣра съ окончаніемъ **-славъ**, но всюду **-савъ**. Это одинъ изъ народныхъ признаковъ, ибо и нынѣшній Сербскій языкъ употребляетъ послѣднее окончаніе. Восточныя грамоты начинаютъ склоняться къ его принятію, какъ мы усматриваемъ изъ примѣровъ, въ началѣ XV-го в. Недостатокъ примѣровъ затемняетъ нѣсколько это обстоятельство, которое такъ ясно и послѣдовательно совершается въ Западныхъ грамотахъ. Не лишнимъ будетъ замѣтить образованіе прилагательныхъ притяжательныхъ отъ этихъ собственныхъ именъ, встрѣчаемое въ Восточныхъ грамотахъ: **радосалѣ стоудение** (А. № 6), **прибисаль кр҃ть** (А. № 12).

Б-а **л** участвуетъ въ словообразованіи часто какъ благозвучная. Не указываю на причастныя формы, которыя оправдываются вліяніемъ Ц.-Славянскаго языка и являются, хотя не Сербскими, однако исторически-правильными; таковы на пр.: **раставль** (А. № 1), **ѡставльше, принесль** (А. № 4), **текль** (С. № 176), **сп҃обльшоуся, ѡбновльшомоу** (А. № 12), **ѡбрѣль** (А. № 18), **могль** (С. № 20), **понесаль** (С. № 65), **ѡставльшь** (С. № 66), **ѡставльшь** (С. № 84), **сподобльшь** (С. № 97), **изнесаль** (С. № 147), **могаль** (С. NN№ 108, 109), отъ коихъ прямой переходъ къ Сербскимъ *изнесао, могао, текао, понесао*. Приличнѣе указать на участіе благозвучнаго **л** въ образованіи словъ, каково на пр.: **благословлениемь** (А. № 1), **бл҃гословлениемь** (С. № 51), **бл҃гословлень** (А. № 7), **славословлении** (А. № 20), **живлаше** (С. № 10), **непоколебимо, -имо** (А. № 4; С. № 91), **дрьзновлении** (А. № 14), **срьблинь, -у и т. д., срьбли, -е, -ь и т.** д. (мн. р.), ср. **срьбинь, -оу, -у** (С. NN№ 73, 91, 111, 137). Слово **землия** и производныя отъ него хотя постоянно имѣютъ въ себѣ **л**, однако два раза находимъ: **въ землахь** (С. № 16; у Ш. № XVI—**землахь**) и **земля** (С. № 52), равно какъ однажды **кипью** (С. № 16), хотя обыкновенно употребляется форма **кипла, -и, -ю, -ами** (С. NN№ 17, 21, 22, 91 и др.). Въ обоихъ послѣднихъ словахъ **л** есть вставочное благозвучное, по чему и **ь**, введенное ради мягкаго отбоя б-ы **м** передъ **л**, **землья**, мы прежде назвали незаконнымъ: если бы не было **л**, то не было бы и этого **ь**. Однажды встрѣчается форма **уловѣкь** (С. № 82) вмѣсто обыкновенной **уловѣкь**: нынѣ, напротивъ, Сербы употребляютъ или *човек*, или *чоек*, между тѣмъ, какъ обыкновенная въ ихъ древней письменности форма **уловѣкь** уже не существуетъ болѣе въ ихъ языкѣ. Въ словѣ **велекиждь** (А. № 14) опущено **д**, ср. **вельблоуждь** (С. № 176). Слово **болѧри** (С. № 3), **боляры, -ими** (С. NN№ 9, 12, 14), **болѧриноу** (С. № 176), удерживая въ себѣ б-у **л** согласно съ древнѣйшею Булгарскою формою, указываетъ на свое происхожденіе отъ сравнительной степени **болии**. Въ словѣ **евалигелью** (С. № 107) также присутствуетъ благозвучное **л**, которое начинаетъ собою и слово **юлиа, юлия** (юля, С. NN№ 92, 108, 109).

Б-а **м** смѣняется съ б-ю **л** въ образованіе словъ: **имлим, -ю и т. д. и имлимо** (С. NN№ 112, 115, 126) соотвѣтственно формамъ **прошим, первим, -я** (**пьрвим, прд**). Можетъ быть, **тамлии** (С. № 35) есть то же, что Ц.-Слав. **тимании**.

Б-а **м** во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ смѣняется съ б-ю **м** въ извѣстныхъ случаяхъ. Въ древней Сербской письменности находимъ не много примѣровъ замѣны б-ы **в** б-ю **м**, какъ то: **мимлица** (С. № 19), **мирмити** (С. № 104), ср.

вирьни (С. № 98), **вмрнити, -ние** (С. № 101), **вирьнити** (С. № 102), **два шиьдана** и тутъ же **два шлидама** (С. № 130), **дринь и дриньь, мроньхъ** (С. № 176), ср. **мроньхъ** (З.); **почмі** (С. № 168). И нынѣ въ приморскомъ Сербскомъ подрѣчіи часто *м* замѣняется чрезъ *н*.

Участіе, которое принимаетъ б-а **н** въ словообразованіи, произвело нѣкоторыя формы, достойныя того, чтобы быть замѣченными: **всемлтиномъ, -мь** (С. №№ 50, 62, 111), **вьсемлтивномь** (С. № 90), ср. **всемилостивомь** (С. № 99), **вьсемлтивомоу** (С. № 137), **прьвніи** (А. № 8), **плосвны** (А. № 11), **зломтвыхь** (А. № 16), **блгоусрьдно, достоіанно** (С. № 66), **врвнь, вмвнь (врвнии, вмвнии**, С. № 77), **драгнѣ** (С. № 78), **любно** (С. № 85), **становнтии** (С. №№ 95, 103, 136), ср. **становить** (С. № 97), **вьсердно, всесрьдно, всерьдно, вьсесрьдно** (С. №№ 96, 98, 107, 114), **єдиносрдно** (С. № 141), **єдиносрьдно** (С. № 144), ср. **и- єдиносрьдо** (С. №№ 89, 100), **всесрьдо, -о** (С. №№ 104, 107), **милосрьдно** (С. № 89), **милосрдно** (С. № 107), **блголюбно** (Г. А) и пр. и пр. Сюда же отнесу и **тлнколюбно, -бьно, тлнколюбно** (С. №№ 95, 150; З. А.) Но во всѣхъ этѣхъ формахъ должно замѣтить хотя и странное, однако все таки возможное служеніе б-ы **н**. Дѣло въ томъ, что эта буква входитъ же въ образованіе нѣкоторыхъ существительныхъ именъ на **-ность** и отвѣчающихъ имъ прилагательныхъ на **-ный** и нарѣчій на **-но**: слѣдовательно, она допускается духомъ языка въ одномъ случаѣ; по чему же было не допустить ея въ другомъ точно такомъ же? Конечно, духъ языка обходится и безъ нея въ извѣстныхъ случаяхъ, и именно въ формахъ, сейчасъ нами приведенныхъ, но сдѣсь судъ произносится на основаніи Ц.-Славянскаго языка, между тѣмъ, какъ Сербскій можетъ измѣнять это утонченное требованіе благозвучія родственнаго нарѣчія и на основаніи своего собственнаго вкуса создавать тѣ же формы, но только съ б-ю **н**. Странно звучало бы нарѣчіе **тлнколюбно**, а между тѣмъ, по соотвѣтствію съ **дано** и **любо**, оно именно должно бы имѣть эту форму. Форма *драган* существуетъ и въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ; **прнніи** оправдывается словомъ *превенац*, гдѣ *н* взялось тоже изза благозвучія. Стало быть, духъ языка позволялъ себѣ пользоваться этою буквою тамъ, гдѣ можно было обойтись и безъ нея, пользоваться изъ собственныхъ видовъ благозвучія: по этому я и назвалъ вышеприведенныя формы возможными.

Важное мѣсто въ словообразованіи занимаетъ удвоеніе б-ы **н**. Нужно вникнуть въ сущность формъ съ удвоеннымъ **н**, равно какъ постигнуть обще-славянскій законъ удвоенія, чтобы судить о причинахъ, производящихъ подобное явленіе. Законы ли языка требуютъ въ извѣстныхъ случаяхъ удвоенія **н**, или только условіе благозвучія? Коренное ли сдѣсь второе **н**, или только благозвучное? Вотъ вопросъ, который ждетъ рѣшенія. Но прежде всего назовемъ формы, въ которыхъ преимущественно встрѣчается удвоенное **н**: это суть окончанія существительныхъ на **-никъ, -ность** и т. п., прилагательныхъ на **-ний** и нарѣчій на **-но**. Сдѣсь **н** удвоивается въ такомъ случаѣ, когда всѣ эти окончанія предшествуютъ основѣ, исходящей на **н**, которое отъ конечнаго **н**, по правилу, должно быть отдѣлено б-ю **ь**, составляющею для перваго **н** смягченіе и отбой голоса, но которое, при ослабленіи служенія полугласной, большею частію, соединяется непосредственно со вторымъ **н** и представляетъ собою какъ бы удвоеніе одной и той же буквы. Всякій пойметъ, что сдѣсь нѣтъ удвоенія, но только стеченіе двухъ одинакихъ буквъ, принадлежащихъ двумъ совершенно различнымъ частямъ слова, основѣ и окончанію. Замѣтимъ еще слѣдующее: во первыхъ, существительныя не должно смѣшивать съ причастіями

страдательнаго залога прошедшаго времени опредѣленнаго окончанія, которыя иногда употребляются въ смыслѣ существительныхъ, не переставая образованіемъ своимъ напоминать о своемъ происхожденіи; во вторыхъ, не должно забывать, что Славянскія нарѣчія вообще не терпятъ повторенія, не только удвоенія, однѣхъ и тѣхъ же буквъ, которое они стараются избѣгать чрезъ опущеніе одной изъ нихъ, даже иногда тамъ, гдѣ удвоеніе согласно съ законами языка. Мы уже видѣли это отчасти при другихъ буквахъ; теперь посмотримъ при буквѣ н. Для именъ существительныхъ находимъ немного примѣровъ. Такъ **царимьникъ** (Ш. № X), **цариника** (С. № 71), **законьникь**, **бащиникь** (З.), **кинница**, вѣроятно, **кинница** (С. № 118), **иноплеменникь** (С. № 179), **старникие**, **старйинци** (А. № 19) образованы правильно, ибо основа ихъ исходитъ на н: **царин-я**, **племя** (**племе**) и пр. По этому, ежели находимъ образованіе **царинникь** (С. № 3), **царинй** (С. № 43), **цариника** (С. № 150), **иноплеменикь** (З. А.), то значитъ, что оно понесло сокращеніе. Вовсе неправильно написано сущ. **истинимю** (С. № 48). Въ Сербскомъ языкѣ не замѣтно той склонности къ смягченію, которая господствуетъ въ двухъ нарѣчіяхъ Русскаго языка, Малороссійскомъ и Бѣлорусскомъ. Въ обоихъ этихъ нарѣчіяхъ находимъ удлиненную форму существительныхъ на *-лье*, *-нье* вм. *-ле* (*ліе*), *-не* (*ніе*), которыя нельзя объяснить страстью къ удвоенію одной и той же буквы, но скорѣе страстью къ смягченію, такъ что второе *л*, или *н* является уже благозвучнымъ, вставленнымъ по уподобленію для равновѣсія въ окончаніи; таковы на пр.: *сіяньня*, *весильле*, *зильле*, *коханьня*, *свитаньня*; *весильля*, *мъняньня*, *уциравьня*, *коханьня*. Слѣды этого рода смягченія съ повтореннымъ окончаніемъ попадаются и въ древней Сербской письменности въ формахъ: **заимѣниехь** (С. № 78), **заисаньниемь** (С. № 118) и, можетъ быть, также въ формахъ: **вѣваньни** (С. № 16), **вѣрованьие** (по смыслу **вѣрованьнии**, С. № 117), **писаньни** (С. № 168). Но эти формы еще ничего не говорятъ въ пользу Сербскаго языка и не имѣютъ права стоять на ряду съ отличительными его признаками: онѣ исчезаютъ вмѣстѣ съ древнею его письменностію, и подобныхъ имъ въ нынѣшнемъ языкѣ не находимъ. Прилагательныя представляютъ собою въ своемъ образованіи бо́льшую неопредѣленность, но все зависитъ отъ того, какая основа взята для нихъ, и отъ какой формы существительнаго слѣдуетъ ихъ производить. Разумѣется, когда основа исходитъ на н, то они имѣютъ въ своемъ образованіи два н, а въ другихъ случаяхъ одно н. По этому правильною находимъ слѣдующую форму: **кѣствьни** во всѣхъ видоизмѣненіяхъ (Ш. № VII; С. №№ 2, 35, 46, 50, 61, 66, 71, 84, 96, 97, 144, 175, 176, 178; Г. А, Б; А. №№ 3—7, 9, 10, 12—14, 16, 17, 19; В. № 1; Мл.), но неправильною **кожтвьни** (С. № 35), **кожствьньнемь** (С. № 114), ибо основою ей служитъ **кожьство**. Правильны: **истиньним**, **-ньна**, **-нни**, **-ы**, **-омь**, **истиними** и т. д. (С. №№ 51, 66, 68, 81, 85, 111, 120, 133, 137, 142, 143, 176; А. №№ 4, 5, 7, 14, 20; Мк.), по чему находимъ и форму **истинань** (С. № 142), **странним**, **иноплеменними** (С. № 176), **кагопризивана** (С. № 35), **покинни** (З.), **бащинноу**, **-я**, **-о**, **-ная**, **-ьно** (З.; С. №№ 78, 90; А. №№ 12, 14), **многоценними**, **-ценьни** (С. №№ 81, 97), **законьномь**, **законноую**, **-омь** и т. д. (С. №№ 87, 108, 109, 112, 113, 115, 117, 118, 176; В. № 1; Мл.), **непоколивать** (С. № 114), **поустынна** (А. № 2), **не-тайныйхь**, **-наго**, **-ними**, **-ны** (А. №№ 4, 5, 8; С. № 35), **чинно̂га** (А. № 6), **всевиния**, **поустинны**, **непретвенна** (А. № 10), **вѣмзньнаго** (А. № 12), **пошниж** (А. № 17), **не-**

непрѣстанными (А. № 20), **временною**, **неоплаканныхъ** (С.-Д. М. 1844), **времене** (Г. Б) правильны по тому, что основа ихъ исходитъ на **н**: **истин-а**, **ꙁакон-ъ**, **время** и т. д. По той же причинѣ неправильны: **дѣдинамь** (С. № 7), **истини**, **-е**, **-ию**, **-их**, **ꙗтиих** (С. №№ 85, 89, 95, 103, 113, 136, 150, 168; З. А.), **многоцѣнными** (С. №№ 85, 95), **единно** (С. №№ 96, 98, 145), **ꙁаконих**, **-омь**, **-омь**, **-а**, **-е**, **-ихь** (С. №№ 86, 114, 119, 120 — 122, 126, 130, 134, 136, 139), **камени** (С. № 121), **странега** (С. № 127), **обистраноємь**, **-е**, **-ими** (С. №№ 140, 150; З. А.; Г. А). На оборотъ, неправильны: **огнеными** (С. № 35), ибо образованіе этого слова должно быть таково: **огнь -ни**; **меньшии** (меньшій, З.). Точно такъ же надлежитъ провѣрить и образованіе нарѣчій. Правильны слѣдующія формы: **беꙁаконно** (З.), **истинно**, **-ое** (С. №№ 142, 143), **единное** (С. № 143), **не- не- при- прѣстанно**, **-ьно** (С. №№ 104, 150; З. А.; А. № 13), **иꙁкрайно** (А. № 10); но слѣдующія неправильны: **непрѣстано** (С. № 104), **непрѣмено** (С. № 178). Воздержимся пока отъ общаго вывода и перейдемъ къ опредѣленному виду причастій прошедшаго вр. страд. зал., который въ древней Сербской письменности является то съ удвоеннымъ, то съ однимъ **н**. Посмотримъ, какъ образуютъ этотъ видъ прочія Славянскія нарѣчія и нынѣшнее Сербское. Польское, Чешское, Лужицкія, Хорватское, Хорутанское, Сербское, Д.-Булгарское (по древнѣйшимъ памятникамъ) и М.-Русское постоянно оканчиваютъ его на *-ny*, *-ní*, *-ни*, **-ныи** и никогда не удвоиваютъ въ немъ б-ы *n*, *н*. Напротивъ, В.-Русское письменное удвоиваетъ *н*, вѣроятно, по требованію своего рода благозвучія, или по примѣру Среднебулгарскаго правописанія, ***-нный***. Конечно, первая форма будетъ правильная, ибо опредѣленное или склоняемое окончаніе причастій образуется изъ неопредѣленнаго или спрягаемаго чрезъ прибавленіе указательнаго мѣстоименія, но послѣднее есть **и**, а не **ни**, и по тому правильный видъ будетъ: **глан-ыи**, **съкроушен-аи**, **написан-ое** и т. д.; но Русскіе, вопреки теоріи, пишутъ: *сказанный, сокрушенная*, *написанное*. Откуда же взялось другое *н*? Законъ словообразованія молчитъ; но Русскому уху, или, по крайней мѣрѣ, уху Русскаго книжника, какъ-то странно разстаться съ этимъ вторымъ *н*, и оно охотно прислушивается къ нему, сознавая въ немъ особенную выразительность и звучность, чрезъ которыя и самое окончаніе выигрываетъ, пріобрѣтая какъ бы бóльшую силу и ясность въ произношеніи. Вѣроятно, это благозвучное удвоеніе перешло въ Русскій письменный языкъ изъ Среднебулгарскаго, изъ котораго дѣйствовало и на Древнесербскій. Но въ народномъ говорѣ какъ Русскихъ, такъ и Сербовъ этого удвоенія не замѣтно; оба языка основываютъ свое благозвучіе на ударенія, а не на протяженіи голоса, и отъ того въ разговорѣ трудно соблюсти то и другое, или дать мѣсто тому и другому; языкъ бѣгло произноситъ окончаніе *-ный*, *-на*, *-но*, заботясь лишь объ одномъ удареніи; при томъ же скорѣе протянетъ онъ гласную, чѣмъ остановится на двойной согласной. Примѣры покажутъ намъ, что древніе Сербы удвоивали и не удоивали б-у н въ причастіи, и что сдѣсь вообще существовало величайшее колебаніе между тою и другою формою. Что-то сильно противодѣйствовало удвоенію, и если обратить вниманіе на число примѣровъ безъ удвоенія и на семьи грамотъ, къ которымъ они принадлежатъ, то не остается никакого сомнѣнія, что этою противодѣйствующею силою была народность. Но обратимся къ самимъ явленіямъ. Нѣтъ, кажется, надобности замѣчать, что слова наши относятся только къ опредѣленному или склоняемому виду страдательныхъ причастій

прошедшаго вр., и что только отъ нихъ беремъ мы примѣры. Излишне было бы также напоминать, что не всегда причастный видъ имѣетъ таковое же значеніе, но что часто онъ употребляется и вмѣсто существительнаго: будучи по происхожденію своему причастіемъ, онъ измѣнилъ свое значеніе и, по употребленію своему, сдѣлался уже или существительнымъ, или прилагательнымъ. Кто скажетъ, что слово *вселенная* есть причастіе? А между тѣмъ здѣсь средній родъ причастія употребленъ въ смыслѣ существительнаго имени и таковымъ остался въ языкѣ Д.-Булгарскомъ, откуда перешелъ въ Русскій и Сербскій, отъ чего древніе Сербы, большею частію, и пишутъ правильно вьселеноую, вьселенѣю, вселенноую, васеленои, васеленію, -ои, васеленіе, вьселенный (С. №№ 85, 89, 95, 101, 104, 150; А. №№ 2, 4, 10, 13; З. А.) и неправильно: вьселенію (С. № 62), васеленію, васеленои (С. № 81). Причастій съ значеніемъ прилагательныхъ весьма много; мы приведемъ ихъ вмѣстѣ съ настоящими причастіями, означая, которыя изъ нихъ будутъ народными по своему виду и которыя не народными. Такъ вѣрно образованы: и- именоу- речени со всѣми видоизмѣненіями (А. №№ 1, 13; С. №№ 17, 49, 54, 55, 66, 68, 74, 76, 77, 81, 83—89, 92, 93, 95—100, 103—110, 112, 114, 115, 118—121, 123, 125—130, 132—134, 136, 139—142, 145, 150, 152, 155, 157—159, 164, 169, 171, 178, 179; З. А.), почтени со всѣми видоизмѣненіями (С. №№ 47, 55, 66, 77, 84, 85, 92—105, 107, 110, 112, 114, 116—129, 132—136, 139—150, 154, 156—159, 163—167; Ш. № 16). А что это есть форма причастія, то это видно изъ слѣдующаго выраженія его почьтеніе (С. № 157), гдѣ причастіе правильно сочинено съ творительнымъ п. и написано съ однимъ н; оно же и переиначено въ другую причастную форму: много- почтовани, -ога, -ому (С. №№ 150, 154), вого- его- его- вогомь- хс- дарованаго, -немь, -нымь, -омь, -оми (-омьми), -нмь (А. №№ 1, 4; С. №№ 75, 84, 85, 95, 159), ванчани, -ного, вѣнчаными, прѣосвѣщеннаго (А. № 1, 4; Ш. № VII; С. № 51), прѣвьзлюбленимь, вьз- вьз- вазлюблени, -нимь, -нияго, -нияго, -ніи, възлюбленияго (Ш. № VII; А. №№ 3, 4; С. №№ 92, 176; Г. V), пре- даниго, -ый, -мый (Ш. № VII; А. № 3), за- пре- писме- и- вь- писани и т. д. съ видоизмѣненіями (С. №№ 2, 16, 39, 55, 64, 66, 76, 78, 84, 86, 89, 93, 95, 97, 98, 99, 101 — 104, 112, 118, 126, 127, 130, 133, 136, 141, 145, 150; А. №№ 3, 4, 13, 14, 19; З. А.), сврьшени, сьврьшени, -ений, сврьшена (С. №№ 3, 16, 66, 142), роженомь, роженоу, -ыимь (С. № 16; А. № 6), оуминяный, -нини, минлено, -ими (А. № 2; С. №№ 97, 99; Мк.), блажнйи, -оую, блажный, блажениа, прѣблаженим (А. №№ 2, 10; С. №№ 51, 137; Г. А), смѣрены, смѣрѣны, смѣрени (А. №№ 3, 4; С. № 101), прадьпре ложено, -ныа, -ный, -ныхь (А. №№ 3, 4, 14; С. № 52), оу- оузаконеный, -ныхь (А. №№ 3, 4), оу- оутврьжена, -на (А. №№ 3, 4, 6), глаголѧ (А. № 4), освѣщеный, чѣмъ объясняется и сврьшены (А. № 6), скажени, помилованы, просвещены, скованни, сщени (С. № 176), скоположены (А. № 7), избранаа (А. № 9). покрьвена, делани, законни, златописатаниемь (А. № 11), прѣоудрашенаа, одвана, одлашенихь (В. № 1), его- ем- поставлиный, -ныи, -еномь, поставленомь, -еномь (А. №№ 10, 13; С. №№ 84, 99; В. № 1), жиданом, желаном (С. №№ 66, 68), объщаном (С. № 66), содеаний (А. № 14), именовано, -ога, -ому, -ом, -ныхь и т. д. (С. №№ 78, 93, 107, 118, 120, 127, 130, 133, 141, 145, 157, 163, 164), изьбраними, изабрани, избраном и т. д. (С. №№ 84, 87, 89, 97, 100, 106 — 109, 112, 114, 115, 118 — 121, 123, 126, 127, 130, 132,

140—142, 145), потрьвнении, -ение, -тръѣено (С. №№ 92, 97, 99), освятовано, -о, -ом, -ое, освятованое, освятовано (С. №№ 96, 99, 104, 106, 114, 120, 127, 133, 141, 145), обявлени, обьявлени (С. №№ 101, 102), вѣровании, -ом, вѣровани, -ие, вѣровании и т. д. (С. №№ 109, 112, 115, 119, 120, 123, 126—129, 134, 135, 139, 148), учинени, -нем (С. №№ 74, 114), поданние, -ни, -нехь (С. №№ 115, 126), ѿ- отворени, -и, -е, -омь, -и (С. №№ 74, 116, 133, 142, 145—148), принесенихь (С. № 119), срьбрена (С. № 126), упамяновлянога (С. № 148), обрани, -ом, обранога, -ом (С. №№ 156, 157, 163, 164, 166, 167, 173), издани (С. № 166). Теоретически неправильно образованы слѣдующія формы: не- не- из- ис- из- из- из- у- на- речении, -ныи, -ини и т. д. во всѣхъ видахъ (А. №№ 3, 4, 5, 8, 10, 11, 13, 15, 17, 19; С. №№ 35, 46, 50, 62, 66, 81, 89, 90, 91, 96, 107, 108, 111, 114, 117, 120, 124, 127, 133, 142, 143, 144, 168, 173, 175, 176; Г. А, Б, V), поутении, -ога, -е, -й, -ими, потении (С. №№ 81, 111, 146, 166; Г. Б), бго- бго- бого- даровлинаго, -ыимь, -й, -ими, -ою, -ни, -емь и т. д. (А. №№ 3, 5, 10, 12, 17, 19; С. №№ 35, 66, 81, 100, 176), прьно- присно- вѣньчанынаго, вѣнчанкаго, вѣнчаннаго (С. №№ 2, 176; А. № 3), бго- прѣ- вьз- въз- воз- вьзлюблинны, -ого, -ому, -нымь, -ымь, -ыи, -ими, -ымь, -омь, -иннымь, -ннии, любленна (С. №№ 35, 62, 91, 176; А. №№ 12, 14, 18; Мл.; Г. V), про- дание, -аго, -инай, -ый (А. №№ 5, 6; С. №№ 96, 97, 176), исо- исо- за- у- вьоу- писанно, -ньно, -инаго, писанное, -ние, писанномоу, -ыхь, -ымь, -ан, писаний и т. д. (А. №№ 3, 5, 6, 7, 12, 14, 16, 17, 18, 20; С. №№ 51, 62, 68, 89, 90, 92, 96, 97, 99, 106, 107, 108, 111, 112, 114, 115, 119, 120, 126, 133, 137, 142, 143, 144, 175, 176; Мк.; Г. А; З.), скрьвенилго, съкрьвений (С. № 176; Мл.), роженнаго, роженномоу, роженних (А. № 6; С. № 176; С.-Д. М. 1844) блаженнаго, блаженнымь, -ми, блажений, трьблаженнымь, -ннымь (С. № 176; А. №№ 11, 20; Г. А, Б; Мл.), смеренны (Мл.), при- въз- ложения, -на, ложеннои (А. № 16; С. № 175; С.-Д. М. 1844), утврьжено, оутврьжена (А. №№ 14, 17), главнаа, -инаа, неизгланныи, -ию (А. №№ 3, 5; Г. А; С.-Д. М. 1844), окалинный, окаяннию, окаянни (А. № 6; С. № 176; С.-Д. М. 1844), помилвяны, -омоу, -ой (С. № 176; А. № 9), прославнинаго, сьмиренномоу (А. №№ 5, 9), окованным (С. № 176), прѣ- о- ѿ- о- смиренннымь, -ый, -ымь, -ъ, смиреннаго, смиренни-, -ныи, -нымь и т. д. (А. №№ 3, 11, 12, 18; С. №№ 35, 46, 176; З.; Мл.; Г. V), желанно, желанная, -ния, желанная, -нна (С. №№ 142, 176; А. № 9), исправно (С. № 35), злаатонсуатаенниыи (А. № 11), бгомь- по- у- ставлении, -ом, -ому, -ины, -ми, ином, -нном (С. №№ 35, 46, 50, 66; А. № 12; З.), содѣяний (С. № 35), писнованьни, -нно, -ю, -ь, -ини (С. №№ 93, 114, 142, 143), избранними (С. № 66), освятовано, -о, -нь(и)о (С. №№ 107, 120, 144), вѣрованию, -о, -ими, вировиннеми (С. №№ 108, 115, 142, 143), подлежении (С. № 176), оборено (С. № 120), створений (А. № 6), обрадованная (Мк.), ражжена, -ною (А. №№ 7, 10), скрьвеннои, уготованои (С. № 176), уставленом (С. № 46), трисиянномоу, вьздвиженномоу (А. № 5), сьзданна (А. № 10), одушевлена (С. № 35), неизьутаимым, прькожанным (Г. А), вьвереннаго (С.-Д. М. 1844), непритязненим (С. № 142), неизьутенним, прохожданним (Г. Б), ѿрешенний, изьгнанноу, нероукотворений, оттаенна (Мл.), неприкосновенни (А. № 20). И съ глаголомъ бити: не- прѣженни, -ино бити (С. №№ 46, 50; А. № 12), непотворени, -иноу бити, быти, нь паче потрьвенни, -иноу (С. №№ 62, 90,

111; А. №№ 7, 11, 12), **неотъмѣнѥннѹ быти** (А. №№ 3, 4, 5), **утврьждены быти** (А. № 14), **потврьжен бй** (А. № 18), **непрѣткорѣннѹ быти** (*Мл.*). Въ выраженіи **й тѡ да нѣ възбрайно** (А. № 10) причастіе имѣетъ справедливо два н, ибо одно изъ нихъ принадлежитъ къ основѣ **бран-ь, бран-ити**. Нарѣчія, производныя отъ прилагательныхъ причастной формы, имѣютъ или правильное окончаніе: **званно** (С. № 97), **смѣрено** (С. № 143), **почтено** (С. № 167), **сътворено** (С. № 125), **невъзбранно** (С. № 66), или неправильное: **невъздрьжанно** (С. № 108). Совершенно неправильны формы причастій страдат. зал. прошед. вр. неопредѣленнаго или спрягаемаго окончанія въ соединеніи съ личными временами глагола **бити: данни бише** (С. № 35), **да и неразорѣнно** (С. № 40), **и записанно** (С. № 108), **е писано** (С. №№ 115), **й писанно** (С. № 175), **рѣнно ѥ** (Г. Б), **дарованно ми бы, да нѣ възбрайно** (А. № 10), **създанна бысть** (А. № 11), **исписанна суть** (А. № 14). Припомнивъ всѣ выставленные случаи удвоенія б-ы н, мы можемъ видѣть, что время нисколько тутъ не дѣйствуетъ: и въ древнѣйшихъ и въ новѣйшихъ грамотахъ удвоеніе является въ одномъ размѣрѣ, по тому, думаю, что, не будучи слышно въ произношеніи, т. е., въ разговорномъ языкѣ, оно было единственною принадлежностію книжнаго языка и, какъ его собственность, не прикасающаяся къ живой части народа, сохранялась съ нимъ вмѣстѣ, держась наиболѣе благопріятствовавшихъ ей грамотъ. Какія были послѣднія—покажетъ численное сравненіе примѣровъ. Правильныя, безъ удвоенія б-ы н, образованныя формы относятся къ неправильнымъ, допускающимъ удвоеніе, почти какъ 2¼ къ 1, при томъ такъ, что болѣе ½ неправильныхъ формъ приходится на долю только 30 грамотъ церковно-дарственнаго содержанія (19 Аѳонскихъ; Мк.; Мл.; Г, Б, V; С. №№ 35, 51, 175, 176, 178; С.-Д. М. 1844), а изъ остальныхъ около ¼ принадлежитъ грамотамъ собственной Сербіи и Законнику. Вспомнимъ, какую малую часть, въ сравненіи съ прочими, составляютъ эти памятники и своимъ числомъ и своимъ объемомъ, и какую между тѣмъ значительную часть случаевъ притягиваютъ на себя; вспомнимъ также, что Ц.-Славянская стихія нигдѣ такъ ясно не высказывается, какъ въ грамотахъ церковно-дарственнаго содержанія—и послѣ этого согласимся, что удвоеніе б-ы н есть именно признакъ ея вліянія, разлившійся по всѣмъ грамотамъ, какъ и многое другое, и утвердившійся преимущественно подъ ея защитою тамъ, гдѣ она была сильнѣе. Мы сейчасъ называли этѣ формы неправильными въ томъ смыслѣ, что по законамъ словообразованія б-а н является въ нихъ лишнею, и онѣ неупотребительны въ устномъ языкѣ Сербовъ, какъ и многихъ другихъ Славянскихъ племенъ; но онѣ правильны, если удовлетворяютъ законамъ благозвучія и составляютъ законную собственность какого либо Славянскаго нарѣчія. Какъ образованіе слова *земля* нельзя назвать неправильнымъ, по тому только, что сдѣсь есть вставное благозвучное *л*; какъ Малороссійскія слова *коринньня*, *сынне* нельзя назвать неправильными по тому только, что въ нихъ является благозвучное *н*, такъ точно этѣ формы нельзя назвать неправильными въ смыслѣ особенности какого либо нарѣчія. Правда, онѣ менѣе правильны въ сравненіи съ законно-вѣрными, на пр., *zетіа*, *zетѣ*, *zета*, *зема*, *земя*, какъ въ Польскомъ, Чешскомъ, Лужицкомъ, Н.-Болгарскомъ, Бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ, однако и онѣ опираются на благозвучныя требованія извѣстнаго нарѣчія и составляютъ его особенность, хотя, повторю, особенность, несвойственную Сербскому языку по тому уже, что одни и тѣ же грамоты, которыя ревностно служатъ ей, представляютъ и многочисленные примѣры противнаго. Но мы вмѣсто и

есть признакъ той же тягучести или мягкости плавной н, какую видѣли мы въ другихъ плавныхъ при образованіи слоговъ ль и рь. Протяжность эта нравится Славянскому уху, не терпящему однако повторенія одной и той же согласной. Замѣтимъ еще, что удареніе при удвоительномъ образованіи никогда не падаетъ на слогъ со вторымъ *н*, но почти всегда приходится на слогъ съ первымъ *н*, а безъ удвоенія на слогъ предшествующій, или даже на болѣе отдаленный къ началу слова: отъ того, для поддержанія равновѣсія въ словѣ, ухо Серба охотно допускаетъ удлинненіе послѣдняго слога, вызванное требованіями благозвучія, хотя и не въ Сербіи первоначально. При отсутствіи сознанія языка, разладѣ книжниковъ съ народомъ и маловажномъ отличіи простыхъ формъ отъ удлиненныхъ, древніе Сербскіе писцы неопредѣлительно ставили ту, или другую форму, заимствуя одну изъ народной рѣчи и зная хорошо другую изъ коротко знакомой имъ письменности Д.-Булгарской.

Опущеніе б-ы н находимъ въ словахъ: панкрать, пократа (Панкратъ, Ш. № II; С. № 16), костадинъ (С. № 61), костайдина, костадино (А. № 14), костантина (С. № 176), паниета (С. № 37) и н. др.

Благозвучное н употребляется Сербами, какъ и прочими Славянами, въ соединеніи съ мѣстоименіемъ личнымъ 3-го л. и производными отъ него притяжательными: него, нему, ни, ню, нихь, нимь, ними, нѥговь, -а, -о, нѥнь, нихоль, -а, -о и пр. и пр. Само собою разумѣется, что при стеченія двухъ стихій, изъ коихъ одна, именно, Ц.-Славянская, пользовалась этимъ благозвучнымъ н въ гораздо меньшемъ объемѣ, чѣмъ другая, Сербская, дѣло не обошлось безъ такихъ формъ, въ которыхъ не было благозвучнаго н вопреки требованію народности. Понятно также, что эти послѣднія наиболѣе вошли въ тѣ памятники, въ которыхъ Ц.-Славянская стихія преобладала, и что, на оборотъ, въ памятникахъ противуположной семьи господствуютъ формы съ благозвучнымъ н.

Б-а р замѣняетъ б-у л въ словѣ арбанась (А. № 1), арбанашкихь (С. № 176), арбанасы (А. № 12), арбанасѣ (С. № 113), арбанасинь (З.); ср. албаніи (А. № 10). Также не мѣшаетъ замѣтить формы бесромани и бесроманинъ (С. № 164), вина и покарь (pocula, С. NN№ 126, 130).

Одною изъ народныхъ чертъ Древнесербскаго письменнаго языка есть замѣна б-ы ж въ частицѣ же (жде) и настоящемъ вр. глагола мощи б-ю р. Хотя въ древней письменности мы и находимъ жд, замѣняемое б-ю р, однако глаголъ мощи, имѣющій въ настоящемъ вр. не жд, а ж, и нынѣшній народный языкъ, замѣняющій б-ю *р* только б-у *ж*, показываютъ, что сродство б-ы *р* должно искать не съ б-ю *жд* или мягкимъ *д*, а съ б-ю *ж*. На это сродство указываетъ способъ смягченія самой б-ы *р* чрезъ *ж*, употребляемый въ Польскомъ и Чешскомъ нарѣчіяхъ. Въ обоихъ въ устномъ говорѣ, а въ послѣднемъ даже иногда на письмѣ *rz*, переходитъ въ *ż*, *ž*. Не смотря на то, что у Сербовъ въ старину писали такоре и т. п., это слово имѣетъ и такоде, да и нынѣ говорятъ *такођe*. Вообще древніе писцы распространили нѣсколько кругъ употребленія замѣнительнаго р н, видя, что жд переходитъ часто въ ж, стали и его замѣнять б-ю р: впрочемъ, наперед они должны были произносить жд за ж и потомъ обращать его въ р. Сербамъ трудно было положить настоящую грань между частицами жде и же. Но ухо и привычка заставляли ихъ правильно писать такогере, какъ и нынѣ *такођер*, гдѣ Ц.-Славянское жд правильно замѣнялось б-ю г или ђ, а ж б-ю р; ср. такойже,

-жеже (С. NN№ 66, 100). Примѣры покажутъ намъ всѣ тѣ случаи, гдѣ совершалось служеніе замѣнительнаго р. Уже въ гр-ѣ Кулина находимъ никоре, коликоре и иоре, т. е., ки или кои, усиленное частицею ре или же, подобно мѣстоименію иже. Нынѣ Сербы уже не прибавляютъ частицы *ре* къ относительному мѣстоимѣнію *ко*, *кои*. Въ гр-ѣ Немани: ере, никомоуре (А. № 1). Нынѣ ере въ видѣ *ер* употребляется единственно въ значеніи союза, а въ старину оно употреблялось, кромѣ этого, еще въ первоначальномъ своемъ значенія, какъ мѣстоименіе относительное, Ц.-Слав. иже; и нынѣ говорятъ *ништаре*, хотя не слышно *никоре*. Древніе Сербы распространили употребленіе частицы ре для всѣхъ трехъ родовъ неопредѣленнаго мѣстоименія. Въ XIII-мъ в.: икоре, -и (Ш. № VII; С. NN№ 2, 12, 17, 26), никоире, никоре (Ш. № VII), юре, ере, ере (Ш. № VII; С. NN№ 3, 11, 16, 18, 19), понекаре (понеже, С. № 2), ништаре, никогаре, никомуре (С. № 3), ни-какоре (С. NN№ 3, 5, 13), коегаре (С. № 7), търе, никъре, никьторе (С. № 14), ништоре, никоре, никире (С. № 16), никомьре (С. № 17), тере (С. NN№ 9, 11, 18, 22), никомуре, юремь (С. № 19), никоегаре (С. NN№ 21, 26), никомьре (С. № 26). Въ XIV-мъ в. ни-когаре (А. № 6; С. № 71), никоире (С. № 51), ере, ере, юре, еере (С. NN№ 34, 39, 40, 43, 59, 61, 77, 79; А. № 6), такоре, тогагире (тогожде, С. № 176), никоере, -юре (С. NN№ 35, 42), никьдаре (С. № 57), тере (С. № 59; А. № 12), нипаүеньре, кигдъре, -ре (С. NN№ 65, 68), такогере, -гере (С. NN№ 67, 86), юре, -еmo (С. NN№ 68, 78), юре (С. № 79). Число примѣровъ въ этомъ вѣкѣ замѣтно умножилось, когда выступили на видъ Западныя грамоты: изъ 27 11, т. е., не много менѣе половины, приходится на ихъ долю, между тѣмъ, какъ изъ 78 полныхъ, или отрывочныхъ памятниковъ XIV-го вѣка только 17 принадлежатъ Западной семьѣ. Въ Аѳонскихъ только 3 раза встрѣтилось намъ ре. Отъ чего же, спросятъ, XII-й и XIII-й вв. сравнительно такъ богаты примѣрами? Отъ того, что въ нихъ число Восточныхъ грамотъ не превышаетъ числа Западныхъ, да и самая грамота Немани, судя по правописанію и нѣкоторымъ формамъ, нѣсколько ближе къ народной стихіи, чѣмъ прочія Аѳонскія. Въ XV-мъ в.: юре, ере, -ь, ере, -ь, -е, юре, -ь, еерь, -ь (С. NN№ 87 — 89, 94, 96, 98, 101, 102, 104, 106—108, 110, 112—115, 119, 121, 122, 126, 128, 130, 134, 139, 141, 143, 148, 149, 153, 156, 158, 159, 162, 163; Г.Б), юре, -мо (С. NN№ 88, 89, 93, 101, 102, 106, 109, 112, 115, 121, 141, 150), юре (С. № 88), ништорь (С. NN№ 89, 153), тиюре, коюре (С. № 93), никьдаре, -ре, -ь (С. NN№ 96, 107, 118, 132), опакъре (С. № 102), терь, -е, -е, тере (С. NN№ 106—108, 112, 115, 118, 119, 126, 143, 157; Ш. № 16; С-Д. М. № 2), никомъръ (С. NN№ 107, 142), такогере, -гере, -гире (С. NN№ 111, 137, 157), ништоерь (С. № 114), такоіере, -рь (С. NN№ 114, 169; Ш. № 16), тко, кои, кою годирь, -е (кто годѣ же и т. д., С. NN№ 116, 140, 141), тенере (С. № 140), никогарь (С. № 144), мороремо (С. № 60), такоігерѣ (Мл.). Предлогъ дерн (С. NN№ 16, 84, 86, 89), встрѣчающійся въ другихъ памятникахъ въ формѣ дерн, доры, справедливо долженъ быть сравниваемъ съ Ц.-Славянскимъ доже, даже; какъ и это послѣднее, онъ сочиняется съ другимъ предлогомъ до и вмѣстѣ съ нимъ составляетъ какъ бы одно понятіе непосредственнаго приближенія, то же, что Лат. *usque ad*. Еще въ одной Аѳонской гр-ѣ (А. № 19) находимъ дважды употребленное слово мери, въ которомъ р, очевидно, замѣнило собою жд или ѓ, что доказываетъ, что древніе Сербы многія Ц.-Славянскія формы съ жд уже читали съ ж и, смѣшивая это послѣднее съ законнымъ исконнымъ ж, замѣняли его, какъ и это, б-ю р. Въ XV-мъ в.

мы опять находилъ ту же бѣдность Восточной семьи примѣрами для ꙑ: причина въ томъ, что Ц.-Славянская стихія сдѣсь болѣе мѣшала народности войти въ письменный языкъ и доставляла преимущество своимъ жде и жь. Не должно однако думать, чтобы ꙑ всюду отправляло свое служеніе, гдѣ только настояла въ немъ надобность; ограниченное число примѣровъ показываетъ, что долженствовали быть другіе звуки, которые замѣняли его. Въ самомъ дѣлѣ жд, ж, г, ѣ, д встрѣчаются тамъ же, гдѣ и ꙑ, и тѣмъ значительно сокращаютъ объемъ его служенія. Мы можемъ убѣдиться въ этомъ изъ предыдущихъ примѣровъ, представленныхъ для всѣхъ этихъ звуковъ. Сдѣсь можно только дополнить ихъ тѣми, которые не имѣли отношенія къ означеннымъ звукамъ, и по тому не были нами приведены выше: въ совокупности съ приведенными, они покажутъ настоящее взаимное отношеніе всѣхъ упомянутыхъ нами звуковъ, между которыми ꙑ, конечно, займетъ самое незначительное мѣсто. Чтобы дополнить примѣры, намъ нужно сдѣсь прослѣдить за настоящимъ временемъ глагола моћи. Форма настоящаго времени отъ моћи съ б-ю ж встрѣчается въ разныхъ вѣкахъ и семьяхъ: можете (С. № 9), можемо, -ь (С. №№ 16, 40, 76, 129, 144, 145; А. № 2), можеть, можь, -е (С. №№ 35, 71, 72, 77, 107, 108, 114, 126, 127, 128, 132, 142, 144, 145, 150, 157, 163, 167, 178; Г. А, Б и пр.), можами (А. № 18) и пр. Союзъ или частица же отдѣльно, или въ тѣсномъ соединеніи съ другимъ словомъ, преимущественно въ формѣ, заимствованной изъ Ц.-Славянскаго языка, встрѣчается весьма часто, но не всюду равномѣрно. Мы уже видѣли случаи ея употребленія. Она попадается во всѣхъ грамотахъ, изданныхъ Авраамовичемъ и въ большей части грамотъ, напечатанныхъ въ Споменикахъ. Но съ тѣмъ же союзомъ, сдѣлавшимся уже частицею, соединенныя слова, носящія на себѣ печать Ц.-Славянскаго образованія и принадлежащіе Ц.-Славянскому языку, каковы на пр., иже со всѣми видоизмѣненіями, никтоже, дондеже, понеже, якоже и т. д., не сохранялись равномѣрно во всѣхъ грамотахъ, но послѣдовали общему закону движенія языка, укрывшись въ значительномъ числѣ лишь въ Аѳонскихъ. Нынѣ у Сербовъ нѣтъ ни этѣхъ формъ съ частицею же, ни союза же: первая звучитъ нынѣ кое гдѣ, какъ *ре*, и кругъ ея служенія нынѣ гораздо ограниченнѣе, чѣмъ былъ прежде, ибо нынѣшніе Сербы воздерживаются отъ замѣны ею Ц.-Славянской частицы жде, употребляя болѣе *ђе*. Перемѣна ж въ ꙑ въ извѣстныхъ случаяхъ свойственна не только Сербскому нарѣчію, но и ближайшимъ къ нему Хорватскому и Хорутанскому. Желающіе знать подробнѣе объ этомъ общемъ для всѣхъ трехъ нарѣчій свойствѣ, равно какъ видѣть нѣкоторые слѣды родства между б-ми *ж* и *р* въ другихъ Индоевропейскихъ языкахъ могутъ обратиться къ статьѣ Шафарика въ его Serbische Lesekörner подъ б-ю ж.

Благозвучное ꙑ встрѣчается въ словѣ брезь, брез (С. №№ 112, 115, 132, 141). Эта форма любима Хорватами и Хорутанами; а Сербы предпочитаютъ ей обыкновенную *без*.

Смягченіе плавныхъ л, н, ꙑ, понимаемое Сербами нѣсколько отлично отъ Булгаръ, произвело большую неопредѣленность въ Древнесербскомъ правописаніи. Различіе между писцами состояло во взглядѣ на Кириловскіе знаки. Одни смотрѣли на нихъ съ Кириловской точки зрѣнія, другіе съ своей народной. Св. Кирилъ всѣмъ согласнымъ буквамъ усвоилъ твердое произношеніе, которое измѣнялось въ мягкое чрезъ соединеніе съ мягкими гласными: отъ того Кириллица наиболѣе отдалена отъ ерованья; весь порядокъ ея знаковъ осно-

ванъ на іотаціи. По этому въ Кириллицѣ мы видимъ, что каждая твердая гласная, кромѣ и, имѣетъ свой двойникъ, мягкую, состоящую изъ того же начертанія, но только соединеннаго съ смягчающимъ небнымъ знакомъ. Употребленіе той, или другой гласной въ сочетаніи съ согласною производитъ то, или другое дѣйствіе на звукъ, согласной, начертаніе которой при этомъ не измѣняется. Я не говорю сдѣсь про внутреннее претвореніе гортанныхъ въ шипящія и свистящія, равно смягченіе помощію побочныхъ звуковъ. Сербы, напротивъ, старались самымъ согласнымъ буквамъ въ ихъ собственномъ начертаніи придать мягкое произношеніе, не обращая вниманія на гласныя; они изобрѣтаютъ новые знаки для нѣкоторыхъ мягкихъ согласныхъ, не думая вовсе о томъ, что соединеніе Кириловскаго твердаго знака съ мягкою гласною производитъ совершенно одно и то же дѣйствіе въ произношеніи. Отъ того въ ихъ древнемъ правописаніи является величайшій безпорядокъ въ сочетаніяхъ согласныхъ съ гласными: у нихъ часто мягкая согласная сочетается съ мягкою же гласною вмѣсто твердой, и часто твердая согласная сочетается съ твердою же гласною, когда бы слѣдовало сочетаться ей съ мягкою. Все, говорю, зависѣло отъ того, какое значеніе, твердое, или мягкое, придавали Сербы Кириловскимъ знакамъ. Если они понимали какую либо букву по-кириловски, какъ твердую, то и сочетавали ее по-кириловски съ мягкою гласною тамъ, гдѣ нужно было выразить мягкое ея произношеніе; но если они понимали ее по своему, какъ мягкую, то, вопреки Кириловскому правописанію, соединяли ее уже съ твердою гласною вмѣсто мягкой, не думая, что чрезъ это происходитъ сбивчивость для тѣхъ, кои не знаютъ Сербскаго произношенія, или не предупреждены на счетъ ихъ условнаго правописанія. Еще понятны сочетанія, каковы на пр., ћа, ћи, ћу, то же, что тя, ти, тю, когда знаемъ, что ћ не иначе звучитъ, какъ мягко; но если они пишутъ ча, лу, на, ну и т. д., имѣя дѣло не съ отличительнымъ мягкимъ знакомъ ћ, а съ общими Кириловскими знаками л, н, которые, отдѣльно взятые, не могутъ быть названы мягкими, тогда трудно догадаться, дѣйствительно ли они такъ произносили эти сочетанія, или же читали, какъ ля, лю, ня, ню и т. д., разумѣя сдѣсь знаки л, н, какъ мягкіе и подобные по природѣ знаку ћ. Когда по-ц.-славянски писали гя, кя, дя, тя и т. д., тогда Сербы, произнося тутъ г, к, д, т мягко и желая выразить это и въ правописаніи, писали въ тѣхъ же словахъ: гя, кя, дя, тя и т. д. На оборотъ, часто случалось и такъ, что писцы, не довольствуясь мягкою природою согласныхъ, желали мягкое ихъ произношеніе выразить на письмѣ и составляли подобныя сочетанія: жю, чю, щя, ши и т. д. Тутъ дѣло рѣшается единственно примѣненіемъ къ народному устному произношенію, которое должно было оставаться постоянно неизмѣннымъ, и съ которымъ писцы не могли не соображаться. Слѣдовательно, вся сбивчивость происходитъ лишь на бумагѣ отъ неопредѣленности пониманія письменныхъ знаковъ. Такое объясненіе, мнѣ кажется, всего приличнѣе примѣнить и къ плавнымъ, какъ такимъ, которыя наиболѣе представляютъ неопредѣленности и произвола въ своихъ сочетаніяхъ съ твердостію и мягкостію. Хотя сами по себѣ они суть твердыя, но степень твердости ихъ такова, что они не любятъ соединяться съ твердыми гласными, предпочитая имъ мягкія. Это происходитъ отъ своего рода мягкости, тягучести, производимой въ нихъ образовательнымъ органомъ. Въ Д.-Булгарскомъ языкѣ встрѣчаемъ цѣлыя рукописи, гдѣ поставленіе мягкаго ю послѣ л и н обратилось въ законъ. То же увидимъ и въ Сербскомъ книжномъ. Ихъ звукъ, подходящій къ мягкости, былъ причиною, по чему старинные пис-

цы недоумѣвали, какую букву приличнѣе поставить послѣ нихъ. Только отсюда становится понятною у древнихъ Сербовъ двойственность однѣхъ и тѣхъ же формъ, какъ на пр., воля и воли, между тѣмъ какъ, безъ сомнѣнія, народъ, а съ нимъ и писцы, произносили это слово какимъ нибудь однимъ образомъ, такъ, или сякъ, но, конечно, не двояко. Нынѣ Сербы говорятъ и пишутъ: *вољa*, что значитъ то же самое, что воли, *воля*: такъ должны были говорить и въ старину. Откуда же взялась другая форма воля? Она взялась изъ того, что сдѣсь Сербскіе писцы уклонились отъ Кириловскаго воззрѣнія на знакъ л, отдѣльно взятый, и сочли его по своему за такой же мягкій знакъ, какъ и ѣ, а по тому естественно сочетали его уже не съ мягкою, а твердою гласною. Впрочемъ, это только предположеніе: малочисленность примѣровъ, въ которыхъ, вопреки ожиданію и нынѣшнему произношенію Сербовъ, являются съ плавными твердыя гласныя, заставляетъ насъ остановиться на этомъ предположеніи. Но не менѣе смѣлымъ будетъ и то, если мы допустимъ, что древніе писцы писали такъ, какъ говорили, т. е., произносили буквально, отличаясь въ этомъ случаѣ какъ отъ соплеменниковъ своихъ, такъ и отъ нынѣшнихъ Сербовъ. Это было особое временное явленіе, принадлежность извѣстныхъ вѣковъ письменности. Прибавимъ сюда еще вліяніе Ц.-Славянской стихіи въ тѣхъ словахъ, въ которыхъ они рознились, относительно смягченія, съ Булгарами. Очень можетъ быть, что писцы, изъ уваженія къ этой стихіи, придавали слову на письмѣ Булгарское, а не Сербское, произношеніе и такъ читали его: отсюда разногласіе формъ и тѣ же отличительныя свойства семей грамотъ, какія всюду были замѣчаемы нами. Но съ другой стороны, присутствіе двойственныхъ формъ не только въ грамотахъ одной семьи и одного вѣка, но даже въ одной и той же грамотѣ, и при томъ преобладаніе въ нѣкоторой степени формъ безъ смягченія въ грамотахъ Западной семьи, между тѣмъ, какъ ихъ можно бы было скорѣе ожидать въ грамотахъ Восточной, все это заставляетъ думать, что смѣна формъ происходила въ нѣдрахъ самой народной стихіи независимо отъ Ц.-Славянской, или, по крайней мѣрѣ, только подъ слабымъ ея вліяніемъ. А если это такъ, и если народъ не могъ мѣнять своего выговора въ одномъ и томъ же словѣ, однажды произносить звукъ твердо, другой разъ мягко, то опять вѣроятнѣе становится догадка, основывающая все различіе формъ на воззрѣніи писцовъ на свойство буквенныхъ знаковъ Кирилицы. Къ тому же плавные нѣмые звуки, подобно небной гласной, изъ всѣхъ прочихъ нѣмыхъ звуковъ менѣе всего способны къ сохраненію въ себѣ твердаго произношенія, и даже въ соединеніи съ твердыми гласными произносятся почти полумягко. Постараемся представить сдѣсь въ полнѣйшемъ, по возможности, объемѣ весь порядокъ смягченія плавныхъ, но замѣтимъ напередъ, что б-а є занимаетъ сдѣсь самое неопредѣленное мѣсто служенія, ибо небольшое различіе въ звукахъ между є и и, по крайней мѣрѣ, меньшее, чѣмъ между а и м, у и ю, недостатокъ въ мягкомъ изображеніи этой буквы въ древнѣйшихъ грамотахъ, избытокъ его въ позднѣйшихъ и наконецъ неразборчивость начертанія твердаго и мягкаго,—все это производитъ такое смѣшеніе между формами, что уже весьма трудно отыскась въ нихъ истинное произношеніе. Такъ точно б-а ы, вторгнувшись кое-гдѣ въ Сербское правописаніе и не удержавъ при себѣ истиннаго произношенія, но смягчившись въ свою очередь до звука и, смѣшалась мѣстами съ этимъ послѣднимъ. Нынѣшніе Сербы, въ своемъ правописаніи, отличаютъ при б-ѣ *и* твердыя *л* и *н* отъ таковыхъ же мягкихъ чрезъ придачу послѣднимъ б-ы *ь*, на пр., *краљица*;

древніе Сербы не употребляли, кромѣ немногихъ случаевъ, этого ерованнаго начертанія, но мѣстами въ нѣкоторыхъ грамотахъ отличали нѣсколько твердое произношеніе плавныхъ отъ совершенно мягкаго чрезъ соединеніе ихъ съ б-ю ы, а мѣстами, и при томъ въ большей части случаевъ, избѣгая б-ы ы, писали прямо съ и, не различая оттѣнка въ произношеніи. По этому мы и не приводимъ примѣровъ сочетанія плавныхъ съ б-ю и, такъ какъ сдѣсь твердость и мягкость пишутся безразлично. Что же касается до собственно такъ называемаго ерованья, т. е., исхода слова на гласную съ полугласнымъ ь, то въ слѣдствіе вышесказаннаго обычая Сербскихъ писцовъ употреблять одно ь, вмѣсто ъ, мы не можемъ достаточно на основаніи этого окончанія опредѣлять мягкость, или твердость конечной согласной, и по тому излишнимъ считаемъ приводить въ примѣръ слова, исходящія на ь, ибо, какъ мы уже прежде сказали, б-а ь въ древней Сербской письменности замѣнила обѣ полугласныя Ц.-Славянскаго языка и скрыла въ себѣ твердость и мягкость произношенія. Сличая этотъ исходъ словъ съ нынѣшнимъ и смотря на переходъ его при словодвиженіи либо въ твердую, либо въ мягкую гласную, мы убѣждаемся, что и въ древней Сербской письменности, не смотря на однообразіе ерованнаго окончанія, по видимому, всегда мягкаго, слова должны были звучать двояко въ своемъ окончаніи, то мягко, то твердо. И такъ въ примѣрахъ мы будемъ приводить лишь гласныя окончанія словъ.

Мы постараемся сопоставить нѣкоторые замѣчательные случаи и смягченія и противодѣйствующаго ему отвержденія плавныхъ въ однихъ и тѣхъ же словахъ, проводя ихъ по всѣмъ вѣкамъ и памятникамъ. Но напередъ не лишнимъ будетъ замѣтить, что число этихъ случаевъ не увеличивается съ теченіемъ времени, показывая тѣмъ, что у древнихъ Сербовъ были слова, въ которыхъ писцы колебались между мягкостію и твердостію. Только сочетаніе плавныхъ съ мягкимъ ѥ значительно усилилось съ конца XIV-го и въ продолженіи всего XV-го в. Сдѣсь то же самое происходитъ, что и выше мы видѣли касательно той же буквы какъ при ея употребленіи въ началѣ словъ и послѣ гласной, такъ и въ ея начертаніи. По мѣрѣ распространенія начертаній ѥ, є, ѥ, ѥ умножалось и число мягкихъ плавныхъ сочетаній съ этою буквою; но это еще нисколько не означаетъ того, чтобы плавныя сами съ этой поры и въ той же мѣрѣ начинали смягчаться: они всегда оставались мягкими въ извѣстныхъ случаяхъ, и если доселѣ въ большей части изъ нихъ не соединялись съ мягкимъ начертаніемъ б-ы ѥ, такъ это по тому, что древнѣйшее правописаніе не любило этого начертанія; позднѣйшее же, пристрастившись къ нему, обнаружило мягкій выговоръ плавныхъ въ самомъ письмѣ, что прежде предоставлялось лишь устному произношенію. Слѣдовательно, сдѣсь не столько участвуетъ самая природа плавныхъ, сколько обычай правописанія для ѥ, измѣнявшійся по вѣкамъ: такимъ образомъ и исторія сочетанія плавныхъ съ мягкимъ ѥ связывается съ исторіею самого начертанія мягкаго ѥ. Въ иныхъ случаяхъ плавныя и съ твердымъ выговоромъ соединялись съ мягкимъ начертаніемъ ѥ, смотря по тому, какое собственно начертаніе любили придавать этой буквѣ. При такой неопредѣленности правописанія, мы не можемъ внѣшнихъ явленій навязывать внутреннимъ свойствамъ буквъ и должны сочетанія плавныхъ съ ѥ или отстранять, какъ неопредѣленныя и ничего положительнаго не говорящія, или принимать въ расчетъ по мѣрѣ того, какъ они отвѣчаютъ другимъ сочетаніемъ. Замѣчательно, что и въ Ц.-Славянскихъ рукописяхъ не рѣдко можно встрѣтить довольно послѣдовательное сочетаніе л и н съ мяг-

кимъ ѥ: изъ этого видно, что природа плавныхъ, близко подходящая къ мягкости, приличнѣе соединялась съ подобною ей мягкостію. Отъ того и въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ памятниковъ, наиболѣе подверженныхъ вліянію Ц.-Славянской стихіи, замѣтно частое сочетаніе л н н съ ѥ, какъ на пр., въ изданіи Авраамовича, въ Законникѣ и въ гр-хъ В. № 1, С.-Д. М. 1844, Г. А, V, Ш. №№ 14, 15, В. К. и н. др. Сдѣсь же послѣ гласной часто е не смягчается — свойство Восточныхъ грамотъ, замѣченное нами и относительно б-ъ а и ѹ. Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ не столько начертаніе б-ы е, какъ сказалп мы выше вообще о всѣхъ памятникахъ, сколько, на оборотъ, самое свойство плавныхъ, подмѣченное ухомъ старинныхъ Булгарскихъ и Сербскихъ писцовъ. Нельзя спорить, чтобы они не обратили вниманія на то, что л н и звучатъ плавно, подходя тягучестію своею къ ерованнымъ согласнымъ, и по тому чувствовали потребность соединять ихъ съ болѣе подобнымъ звукомъ, именно, мягкимъ ѥ. Различіе между твердыми а, ѹ и мягкими ꙗ, ю гораздо рѣзче, чѣмъ между е и ѥ, а въ сочетаніи съ л н н оно почти вовсе пропадаетъ; отъ того въ сочетаніи съ первыми они наблюдали болѣе осторожности и послѣдовательности, а въ сочетаніи съ послѣдними естественно склонялись на сторону мягкости, требуемой свойствомъ языка. Эта мягкость звука ѥ выражалась иногда не столь удачно въ б-ѣ ѥ, чему не мало примѣровъ видимъ въ Законнякѣ. Но если въ Западныхъ грамотахъ, съ конца XIV-го в., появляются сочетанія плавныхъ съ мягкимъ ѥ, то сдѣсь дѣйствовала вовсе другая причина, и только внѣшнимъ образомъ обѣ семьи грамотъ сошлись между собою. Въ Восточной, какъ сказали мы, требованіе истекало изъ самого свойства плавныхъ; въ Западныхъ же явленіе условливалось болѣе самымъ способомъ начертанія для е въ видѣ ѥ, хотя общій духъ Сербскаго языка, проявлявшійся преимущественно въ Западной семьѣ, любилъ смягченіе б-ы е, и для того отдавалъ первенство его мягкому начертанію. Но помимо всего этого есть случаи, гдѣ е, какое бы то ни было, служитъ прямымъ указателемъ мягкаго исхода словъ, отвѣчая Ц.-Славянскому ь, какъ о отвѣчаетъ такому же ъ. Словодвиженіе строго наблюдаетъ различіе между твердымъ и мягкимъ исходомъ словъ, когда дѣло коснется Ц.-Славянскихъ окончаній: -ъмь, -ъмъ и -ьмь, -ьмъ. Д.-Сербскій языкъ всегда въ такомъ случаѣ выражалъ ь чрезъ е, не смотря на то, что въ другихъ падежахъ то же самое слово часто принимало твердое окончаніе. Б-а е въ твор. п. ед. ч. и дат. п. мн. ч. именъ существительныхъ муж. и средн. р. всегда укавываетъ на мягкій исходъ слова, кромѣ окончанія твор. п. ед. ч. именъ жен. р. -омь, которое постоянно замѣняетъ и -ом и -ем или -ѥм. Мы должны будемъ указывать на это е, чтобы на основаніи его угадывать твердость, или мягкость плавныхъ и сравнивать древній видъ слова съ нынѣшнимъ. Что же касается до другихъ мягкихъ гласныхъ, ꙗ и ю, то въ употребленіи ихъ мы не видимъ такой произвольной смѣны съ твердыми а, ѹ, и по тому въ отношеніи сочетанія ихъ съ плавными л, н, р смѣна твердыхъ и мягкихъ сочетаній представляется гораздо сжатѣе и однообразнѣе, хотя и сдѣсь, повторяю, можно допустить ту же догадку, что лꙗ, ла, на, ра и т. д. суть такія же лꙗ, лю, нꙗ, рꙗ и т. д., и что сдѣсь правописаніе такъ же точно умѣло скрыть мягкость въ б-хъ л, н, р, какъ оно скрыло ее въ б-ѣ е. Впрочемъ, можетъ быть, что Д.-Сербскій языкъ усвоивалъ болѣе твердости за плавными, чѣмъ нынѣшній, какъ это открывается изъ сличенія примѣровъ; но въ такомъ случаѣ надобно замѣтить, что переходъ отъ твердаго къ нынѣшнему мягкому произношенію отнюдь не совершился въ виду

разсматриваемаго нами времени, а, вѣроятно, возникъ въ послѣдствіи при вторичномъ преобладаніи Ц.-Славянской стихіи во время искаженія книжнаго языка Сербовъ въ XVI-мъ и слѣдующихъ вѣкахъ. Книжный языкъ отдѣлился отъ устнаго. Какъ нынѣ, такъ, вѣроятно, и въ старину, Сербы произносили извѣстныя слова съ мягкимъ плавнымъ исходомъ, а между тѣмъ книжный языкъ имъ придавалъ этимъ словамъ твердый отзвукъ. Неужели народъ измѣнилъ свое произношеніе? Едва ли. Скорѣе писцы ввели условное правописаніе, пиша такъ, а читая вмѣстѣ съ народомъ иначе. Отвердѣніе замѣтно въ продолженіи всего разсматриваемаго нами времени. Когда же, съ возникновеніемъ государственной самостоятельности Сербіи, возникла и новая ея письменность, тогда чисто народныя свойства книжнаго языка, строго отвѣчавшія устному, водворили и большее смягченіе плавныхъ, согласное съ народною рѣчью. Но обратимся къ примѣрамъ, которые подтвердятъ и уяснятъ наши слова. Въ двухъ грамотахъ XII-го в. мы не замѣтили мягкаго начертанія для ѥ, кромѣ одного случая: доколѣ (А. И.). Это отсутствіе смягченія въ звукѣ ѥ, дѣйствительное ли, или только правописное, отозвалось и на другихъ сочетаніяхъ гласныхъ съ гласными. Такъ мы находимъ въ той же гр-ѣ крьстителa (А. И.), нынѣ *крститеља*. Окончаніе -ль нынѣ звучитъ мягко и выражается б-ю љ; но въ древней письменности оно имѣло двоякій исходъ, твердый и мягкій. Любопытно прослѣдить двойныя формы этого окончанія, показывающія колебаніе писцовъ въ выборѣ между тѣмъ и другимъ, равно какъ вліяніе той, или другой стихіи. Изъ сравненія ихъ вытекаетъ необходимое заключеніе, что твердый исходъ принадлежалъ Д.-Сербскому языку, а мягкій Ц.-Славянскому. Со временемъ Сербы, какъ это видно по нынѣшнимъ, сошлись съ Булгарами въ мягкости произношенія. Памятники, за отсутствіемъ б-ы ѣ, сохранили намъ твердое произношеніе не во всѣхъ падежахъ; именно, его не находимъ въ имен. п. ед. ч. и род. п. мн. ч., гдѣ исходомъ служитъ постоянно б-а ь; однако одинъ случай сьѕатель (Г. А) можетъ служить доказательствомъ, что и въ этомъ падежѣ -ль звучало иногда твердо. Вѣроятно, подъ другимъ вліяніемъ Шафариковъ переписчикъ той же грамоты выставилъ крьстителѣ, очевидно, въ формѣ Ц.-Славянской (Ш. № IV); но въ другой грамотѣ половины XIII-го в., равно проникнутой Ц.-Славянскою стихіею, находимъ опять крьстителa (Ш. № VII). Окинемъ бѣгло слова на -ль, встрѣчающіяся въ нашихъ памятникахъ: жиждителa, светителемь (Ш. № VII), пре -прѣдателю, -ю, -телю, тѣлемь (Ш. № VII; А. №№ 3, 4, 5, 6, 10, 17; Мк.; С. №№ 35, 37, 176; Г. А) и придатель. прѣдадитель (С. №№ 84, 99), краль, -а, -ѣ, -ю, -еви, -ьѣ, -емь, -ѥ, -ѥмь, -емь, -ѥвь, -ѥвь, -евь, краѥ, краѥю, краљемь, краѥмь и т. д. (Ш. № VII; С. №№ 3, 8, 14, 20, 26, 35, 38, 62, 66, 68, 77, 81, 84, 85, 88, 96—100, 107, 114, 120, 124, 133, 136, 145, 164, 176, 179; А. №№ 3, 5, 6, 9, 10, 12, 13; Мк.; З.), краѥвѣ (С. № 43) и крала, -ѣ, кралѣ (С. №№ 2, 10, 12, 16, 20, 41, 57, 83, 86, 88, 89, 94, 95, 97, 99, 103, 107, 114, 135, 136, 140, 145, 151, 152, 154; З. А.). Слово это сохранило мягкій исходъ и въ своемъ производномъ краѥвьство, въ которомъ послѣ л, въ знакъ его мягкости, ѥ очевиднымъ образомъ смягчается въ тѣхъ грамотахъ, которыя допускаютъ мягкія начертанія ю, ѥ и пр.; форма кралиевьство, краѥвьство, краљевьство, кралевати и т. д. попадается нерѣдко (С. №№ 66, 68, 77, 84, 92, 96, 98, 99, 101, 103, 107; А. №№ 5, 8; Мк.; Г. VI, № 2) и пр., да и самое ѥ послѣ л уже указываетъ на его мягкость: иначе вмѣсто него явилось бы о. стлъ, стлѣ, -ѣ, -ѥмь, кросктителѣ, -телемь, светителѣ, -ю, -емь (Ш. № VII; В. № 1; С. №№ 71, 176; А. №№

3, 4, 10, 11; З.), **пе- приятели, -ю, -тели, -ю, приятелѣ, приятелѣ, приятелемь, -ѣ, приятелимь, прѣтелемь** (С. NN° 2, 6, 56, 59, 63, 67, 72, 77, 80, 84, 94, 104, 107, 114, 135, 150, 151, 154, 166, 167) и **приѣтела, -ѫ, приꙗтела** (С. NN° 13, 16, 18, 173), **все- всѐ- вседрьжителꙗ, -ꙗ, -ꙗ, -ю, -тела, -телю** (А. NN° 3—5, 7; Мк.; С. NN° 21, 26, 27, 35, 37, 51, 53, 76, 81, 107, 114, 120, 142) и **све- всѐ- вседрьжитела, -ѫ, -тела, -жителѫ, вьсѣдерьжитела, вседрьжитела** (С. NN° 12, 21, 27, 52, 82, 85, 89, 95, 127, 145, 150; З. А.), **властелемь, -ѣмь, -емь, -немь, -ьемь, -телемь, влателѣмь, влалемь** и т. д. (С. NN° 10, 15, 19, 56, 59, 66, 75, 78, 79, 81, 82, 84, 89, 95—99, 102—104, 107, 114, 116, 126, 133, 136, 140, 145), **властели** (твор. мн., С. NN° 20, 43, 55; А. N° 13) и **властеломь, -ѡмь, -ом, -ѡ, -ѡ, -ѡь, -ѡ, влателомь, -теломь, властелѡ** и т. д. (С. NN° 4, 6, 7, 14, 17, 18, 21, 24, 26, 31, 37, 39, 40, 45—48, 50, 53—55, 58, 63, 64, 72, 74, 76, 85, 86, 92, 96, 98, 101, 105, 114, 117, 120, 124—128, 132, 133, 135, 136, 139—142, 144, 145, 151, 152, 154, 157, 159, 164, 166—168, 173; А. N° 12; З.; С.-Д. М. N° 2; Г. VI, N° 2), **властелы** (твор. мн., С. NN° 2, 4, 15), **михаилю** (С. N° 16) и **михаилѫ** (С. NN° 17, 19, 35), **прѫ- прѣ- родители, -ѫ, -ꙗ, -ю, -емь, -емь, -ѥмъ, -имъ, -ѥ, -ѥ, рѡтела, -и, -ю, -емь, -имь, -имь, родитела, родѣтели, рѡдители, рѡтела, родителю, -имь, родителю, -имь, -ѥмь** и т. д. (А. NN° 3, 4, 7, 10, 11, 18; С. NN° 40, 43, 47, 50, 53—55, 71, 77, 78, 84, 86, 90, 91, 95, 97, 107, 111, 114, 120, 132, 133, 136, 137, 143, 150, 176, 178; Г. А, V) и **при- родитела, -ѫ, -тила** (С. NN° 82, 95, 97, 103, 145, 161, 163, 164), **при родителы** (мѣстн. ед., С. N° 90), **хрисовоули, хрисоволи, -имь, -воулимь** (С. N° 176; А. NN° 8, 12, 16), **хрисовоула, хрисовоулѫ** (С. N° 176; А. N° 10), **июлиѥ, юлиѥ** (С. NN°. 81, 176) и **аѵла** (С. N° 94), **априла, апрѣла** (С. NN° 35, 77, 78, 85, 101—104, 134, 169) и **априли, апрли, априли** (С. NN° 47, 48, 50, 62, 66, 69, 81, 124, 129, 144), **сандали, -ю, -имь, -емь, сандали** (С. NN° 74, 87, 89, 98, 99, 101, 108, 112, 115, 119, 121, 126, 142, 144) и **сандала, -ѫ, сандала** (С. NN° 97, 99, 102, 108—110, 112, 127, 144, 163). Мы не приводили примѣровъ на **-ѥ** въ имен. п. мн. ч., какъ **родителѥ**, ибо это **ѥ** объясняется сокращеніемъ изъ **иѥ**, какъ и дѣйствительно встрѣчается нерѣдко форма **родителиѥ, властелиѥ**. Вотъ всѣ слова на **-ль** съ двойнымъ произношеніемъ. Всѣ прочія на **-ль** постоянно и всюду звучатъ мягко и въ твор. п. ед. ч. и дат. мн. имѣютъ постоянно **-емь** или **-имь**. Но возвращаемся къ другимъ примѣрамъ. Въ гр-ѣ Немани: **неманоу, -ѫ, -ѥ** (А. N° 1; С. NN° 2, 35) и въ прочихъ грамотахъ: **немании, -иѥ, -ию, -ю, немании, неманю** (А. NN° 3—5, 7, 10, 12; В. N° 1; С. NN° 71, 176). Окончаніе родительнаго п. ед. ч. на **-ѥ**, вѣроятно, измѣнилось бы въ **-иѥ**, еслибъ въ той же грамотѣ не встрѣчалось **ѥ** послѣ гласной и не было написано: **кралевьства, ꙁѣлѥ**, которыя въ другихъ грамотахъ имѣютъ **ѥ**; окончаніе же **-оу** заставляетъ подразумѣвать твердую форму: **немань(ъ)**. Другія имена собственныя съ подобнымъ окончаніемъ имѣютъ мягкое **и**, на пр., **гоуии, добриниѥ** (Ш. N° VII), **дьминиѥ** (Мк.), **радониѥ** (С. N° 154) и пр.; но **любижнию** имѣетъ въ имен. п. **любнжиѥ** (А. N° 6). Далѣе: **сьблоудати** (А. N° 1), **саблꙋдати, -амь** (С. NN° 82, 102), **ꙁблꙋда** (С. N° 84), но **сь- сл- блюдѫ, -ѥ, -ѥмо, -ѥте, -ати, -аѥмо, -ѥниꙗ, -ѥніѥмь, сьблюніѥмь, сьблюдѣте, соблюдаѥмо** (С. NN° 22, 45, 46, 48, 64, 76, 101, 104, 129; А. NN° 3, 4, 14, 17, 19), **лоуди, лꙋди, -ы, -ѥмь, -емь, -ехъ -ами, -иѥ, -иѥ, -ьи, -ьѥ, лꙋдьми, лꙋдми**, (А. N° 1; С. NN° 9, 16, 18—20, 78, 79, 84, 88, 89, 93. 96, 99, 102, 118, 139—141, 144, 145, 154; Ш. N° 16; у Ш. NN° XVI, XVIII **-ю**), но так-

же люди, -їе, -ие, -ие, -ни, -ье, -ие, -е, -їи, -ьмь, -емь, -мь, люди, людье, людемь, -ехь, -ехь, -е, -ехь, людми, людми (С. №№ 14, 16, 21, 26, 28, 35, 39, 43, 45, 55, 71, 72, 77, 87, 98, 101 107, 109, 112, 114, 115, 118, 121, 126, 127, 142—144, 157, 163, 168; А. №№ 5, 6, 14, 19; З.), нынѣ *луди*; монастирь, -а, -оу. -омь, -тыира, -тыре, -тыра, -тыра, манастиромь, монастыра, -оу, монастыроу, монастироу (А. №№ 1, 4, 6, 10, 11, 15—17, 2; С. №№ 98, 175; Г. А, Б, V; С.-Д. М. 1844; Мл.), но есть также и съ мягкимъ окончаніемъ: манастырю, -ени. монастирью, -тырю, -тирю, -тырю, -а, -имь, -емь -тыира, -рю, -тырємь (С. №№ 51, 52, 176; А. №№ 1—4, 6, 9). Нѣкоторыя другія имена, исходящія на -рь, смѣняютъ мягкое окончаніе съ твердымъ. Таковы, на пр., цра, -оу, цра, -у, -оу, цара, -оу, цесаромь (А. №№ 1—4, 6, 11—15, 18; С. №№ 43, 46, 50, 56, 62, 89—91, 98, 101, 102, 104, 111, 114, 120, 137, 143, 173, 176; З.; С.-Д. М. № 2)—словомъ всюду, гдѣ ни встрѣчаются эти падежи, кромѣ одного црю (А. № 10); но твор. ед. и дат. мн. уже имѣютъ -емь, а не -омь, что и указываетъ на двойственность конечнаго р: царемь, -емь, цремь, -имь, -емь. -емь, цремь (А. № 10; С. №№ 46, 56, 86, 89, 120, 124, 125, 133, 176; Г. А, Б; З.), хотя однажды царомь (С. № 20), и въ производныхъ царовѣ, царовомь (С. № 164); пастира, -у, пастыра, пастыромь (С. №№ 81, 85, 95, 97, 150; А. №№ 6, 12; З. А.) и пастирю (С. № 89), господара, -оу. -омь. гспдара, -у, господара (З.; С. №№ 113, 130, 143; С.-Д. М. № 2), но господаремь, гсподарѣ (З.; С. № 145), поклисарѣ, -е, -емь, -емь, -ехь, апоклисаремь (А. № 10; С. №№ 36, 81, 86, 104, 145), но поклисара, -омь, -ѣ (С. №№ 56, 80, 78, 126, 158; А. № 6). Слово клюнчарь имѣетъ всюду твердое окончаніе, кромѣ одного случая въ твор. п. ед. ч.: клюнчаремь (С. № 156). Имена мѣсяцевъ имѣютъ твердое -рь, кромѣ одного случая: ноемрѣ (С. № 121). Нынѣшній Сербскій языкъ оканчиваетъ всѣ эти слова, да и вообще всѣ слова съ подобнымъ исходомъ, на твердое *р*, ср. *намастир*, *цар*, *пастир*, *господар*, *лазар*; въ род. и дат. пп. ед. ч. онъ придаетъ б-ѣ *р* твердую гласную; но въ твор. п. ед. ч. для нѣкоторыхъ имѣетъ и *-ром* и *-рем*. Слѣдовательно, измѣненіе мягкаго окончанія въ твердое есть движеніе въ пользу народности. Такъ, сверхъ вышеприведенныхъ примѣровъ, мы находимъ: лазара, -у, -омь, -ѣ, лазара (С. №№ 87, 90, 91, 109, 111, 131, 137. 138, 146, 147, 175; А. № 18), хлмара (А. № 6), ѱара, псара (А. №№ 10, 14); но гарѣ (А. № 9). Должно замѣтить, что имена, исходящія на -ль и -рь, почти всегда оканчиваютъ дат. и твор. пп. ед. ч. и дат. п. мн. ч. на -еви и -емь, между тѣмъ какъ въ род. и дат. пп. ед. ч. имѣютъ, большею частію, -а и -у, а не -ꙗ и -ю, какъ и нынѣ нѣкоторыя имена на *-р* имѣютъ обѣ формы *-ром* и *-рем*, а въ зват. п. ед. ч. тоже *-ру* и *-ре*. Вообще должно замѣтить, что Ц.-Славянское окончаніе -рь въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ отвердѣло въ *-р* (т. е., *ръ*), и по тому въ род. и дат. пп. ед. ч. получило *-а* и *-у*, *-ови* вмѣсто *-я* и *-ю*, *-еви*; но въ твор. п. ед. ч. и дат. п. мн. ч. (послѣдній въ пѣсняхъ и просторѣчія) удержало оттѣнокъ мягкости въ допущеніи формъ на *-ем*, тогда какъ слѣдовало бы ожидать *-ом* согласно съ род. и дат. пп. ед. ч. Древній же Сербскій языкъ, колеблясь между обѣими стихіями, сохранилъ для одного и того же слова обѣ формы въ род. и дат. пп. ед. ч. -а и -у, -ꙗ и -ю; а въ твор. п. ед. ч. и дат. п. мн. ч. отдалъ пока преимущество мягкой формѣ на -емь. Ниже мы увидимъ, гдѣ какая форма преобладаетъ. Въ той же гр-ѣ Немани находимъ рятилоу съ твердымъ конечнымъ л. Подобно этому слову въ другихъ грамотахъ встрѣчаются слова: земла, -е. -у, -ломь, -лми, -лхь, -ѣ, -ехь, земле, -е земоу,

-ламь, -е, ȥемлѧ, -е. ȥемлахь, ȥемлаꙋ (А. № 1; Ш. № VII; С. NN№ 2, 4, 8, 14—17, 19, 21, 26, 27, 33, 39, 42, 43, 50, 51, 57, 73, 78, 85, 86, 88, 89, 94, 95, 97, 98, 103, 107, 118, 136, 140, 144, 150, 173, 179) и **ȥемлꙗ, -а, -и -ѥ, -ѣ, -е, -ѣ, -ѥ, -ю, -ю̆, -ю̀, -ю̂, -лю, -лю̂, -ꙗхь, -ѧ̆, -ꙗх, ȥ҄емлѥ, ȥемлю, ȥемлѥ, -лю ȥемьѥ, ȥемле, -и, ȥемлю** (А. NN№ 1—6, 8, 12, 15—17, 19; С. NN№ 26, 31, 39, 43—45, 49, 51—55, 63, 66, 68, 76, 81, 84, 85, 91, 96, 107, 111, 113, 114, 132, 137, 142, 168, 176; Г. А; З.; С.-Д. М. 1844; Мл.; печ., А. т. X), откуда **ȥемлꙗнина, -ꙋ** (С. NN№ 29, 44), **тоуго̂ȥемлꙗнинь** (А. № 6), **не- вола, -ꙋ** (С. NN№ 10, 16, 78, 79, 89, 93, 96, 116, 118, 140, 141, 145), откуда **воламь** (С. № 102) и **волꙗ, -ѥ, -е, -ѥ, -ю, -ю̂, -лю** (С. NN№ 27, 36, 38, 51, 66, 72, 74, 76, 77, 81, 91, 98, 104, 106—108, 112, 114, 115, 117, 119, 126, 128, 132, 137, 142—144, 157; А. № 10; З.), откуда **волꙗнь** (С. NN№ 73, 114), **повела, -ꙋ, -ахь** (С. № 83, 85, 89, 95, 103, 136, 145, 163) и **повелꙗ, -ю, -ѥ, -ѥ, -ꙗхь, повелю** (С. NN№ 39, 62, 66, 67, 70 71, 77, 81, 85, 92, 95, 114, 117, 120, 127, 129, 133, 144, 150), **кꙋпла, кꙋплами** (С. NN№ 17, 21) и **кꙋплꙗ, -ѣ, -ю, кꙋпью, коуплю, -и** даже **кꙋплии** (С. NN№ 16, 17, 22, 43, 91, 108, 111, 137; З.), переходящее въ **кꙋпию** (С. NN№ 112, 115, 126). Послѣдней формѣ отвѣчаютъ: **пария** (пря, С. NN№ 107, 127, 145) и **парьꙗ, парꙗ** (С. NN№ 114, 120), **прѣшнꙗ, прошнами** (С. NN№ 83, 97) и **прошню, -е, -и** (С. NN№ 81, 108, 112, 115, 126, 133), ср. **сꙋмнꙗ** (С. № 142), **вошьꙗнинь** (С. № 89) и **вошнꙗнина, -ѧ** (С. NN№ 114, 133), нынѣ *земља, воља, купња, прошња, сумња, башњанин.* Въ XIII-мъ в. мы замѣтили отсутствіе мягкаго **е** въ большей части грамотъ: по этому сочетаніе плавныхъ съ мягкимъ **е** находимъ только въ слѣдующихъ случаяхъ: **кралѥвомь** и тутъ же н. р. **кралѥвь, -омь** (Ш. № VII), **иȥ҄мѥ** вм. **иȥемлѥ** (С. № 17), **ѥре** (С. № 22), **ѡкорѥ** (С. 26). Во всѣхъ прочихъ случаяхъ, даже въ тѣхъ грамотахъ, кои имѣютъ мягкія начертанія для **е**, мы не видимъ, чтобы эти послѣднія соединялись съ плавными. Замѣчательныя явленія смягченія и несмягченія въ этомъ вѣкѣ находимъ въ слѣдующихъ случаяхъ: **прѣвьȥлюблѥнимь, крьста господна, благословлѣть, поставлꙗютсе, -еть, домьнꙗ вьсь, ѡставлꙗть, прѣтварлѥ, раȥарати, конꙗ** (Ш. № VII). Нѣкоторыя изъ этихъ словъ встрѣчаемъ и въ другихъ памятникахъ позднѣйшаго времени въ двоякомъ видѣ. Такъ: **лꙋбовьномꙋ** (С. № 13), **лꙋбо, лꙋ- ко** (С. NN№ 78, 82, 89), **лꙋбиша** (С. № 82), **лꙋбавь** (С. NN№ 83, 102, 116, 140, 145), **лꙋбимо, -ѡѡ, -аго, -ои** (С. NN№ 88, 89, 118, 173), **ꙋлꙋколꙋбно, -бьно** (С. NN№ 95, 150; З. А.), **ꙋловиколꙋбню** (С. № 99) и **любо, -ѡ, -о̆, лю̂бо** (Ш. № VII; С. NN№ 2, 9, 12, 14, 35, 43, 50, 54, 55, 68, 69, 77, 78; А. NN№ 4, 5, 12, 15, 18; З.; С.-Д. М. 1844), **любовь, любити** съ ихъ видоизмѣненіями и производными (С. NN№ 2—4, 17, 27, 34, 35, 46—48, 50, 51, 53, 62, 63, 77, 84—87, 90—93, 96, 100, 101, 104—109, 111—115, 120, 121, 130 132, 133, 137, 138, 141, 143, 144, 157, 167, 175, 176; А. NN№ 3—7, 10—15 17—20; Г. V, VI, № 2), **прелюбодѣинаго** (Ш. № VII). **любезни, все- любьȥнѣ. -ѥ** (А. NN№ 2, 5, 14), **любижна** (А. № 6), **прѣлюбь** (А. № 5), **любимника** (С. № 127), **любеȥание** (С. № 132) и пр. и пр.; ср. нынѣшнее *љубав.* Глаголы на **-ати** съ предшествующимъ **л** иногда не смягчаютъ этого послѣдняго; такъ на пр.: **ȥабавлати** (С. № 23), **исправлати, -амо** (С. NN№ 24, 66), **расправлаю** (С. № 25), **оуди̂лаютьсе** (С. № 51), **поправлꙗю** (С. № 77), **исправле, ѡправлаю** (С. NN№ 85, 95), **поновьлаю̂ѥ** (С. № 92), **ѡкрьмлаѥшь** (С. № 102), **поновлаю** (С. № 104), **смишлаѥ** (С. № 132), **постаꙗенѥ, исправлени** (С. № 163) и пр., также какъ **оу̂кꙋрлѣ** (А. № 5), **ѡтварати** (С. № 62), **вьдварають̂се** (А. № 17),

сътварати (Мл.) и пр. Но съ другой стороны тѣ же глаголы имѣютъ и мягкую форму; такъ: ставлити, ставити съ производными (А. №№ 2, 4, 5, 6, 10, 12, 14; С. №№ 81, 86, 91, 107, 111, 114, 137, 144, 178; З.; В. № 1), исправлию (С. № 68), исправлю, -лю (С. № 70; А. № 14), изправлие, оправлание (С. № 81), направлиия, -ниь (С. №№ 98, 157), окрьмлюешь (С. № 104) и пр. Всѣ эти глаголы оканчиваются нынѣ въ Сербскомъ языкѣ на *-љати*, какъ и въ Ц.-Славянскомъ, и при движеніи сохраняютъ *љ*. Глаголы на *-њати*, имѣющіе эту форму и въ Ц.-Славянскомъ, не отверждаютъ *њ*; по нынѣшній глаголъ *заклињати* (Ц.-Слав. заклинати) и въ старину имѣлъ мягкое н: заклинию (А. № 12). Глаголы на -рати, имѣющіе въ Ц.-Славянскомъ -рити, удерживаютъ при движеніи твердое р, какъ и въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ, гдѣ, сверхъ того, часто Ц.-Слав. -рити принимаетъ видъ *-равати*, на пр., *уверавати*. Слово конь, въ другихъ памятникахъ, имѣетъ мягкое окончаніе: коня, -а, -ю, -и (А. № 6; С. №№ 43, 73, 91, 111, 137; З.). Существительныя и прилагательныя на -нь имѣютъ вообще мягкій исходъ. Встрѣчаются только слѣдующіе двойники: июнь, -и (С. №№ 16, 66, 124) и июня, юня (С. №№ 57, 89, 96, 135), гсподня тѣла (С. № 76), господьни, -дни (З; Г. V), на крьсти гсни, гспоги, гсе, господинъ, гсподин (С. №№ 98, 127, 141, 144, 145), какъ и вышеприведенная форма господня, и на крижи, крьсти гсподню (С. №№ 107, 114, 127, 133); чаще встрѣчающаяся форма гсподни тоже указываетъ на мягкій исходъ этого слова. Далѣе въ XIII-мъ в. находимъ: болары, -ь, -ими (С. №№ 2, 9, 12, 14) и болѣры, -омь (С. № 3), болѣрином (С. № 176). Сравнивъ съ этимъ существительнымъ однородныя ему нарѣчіе и прилагательное, видимъ ту же двойственность: воле (С. № 56), вола цѣня (С. № 79), воле, -и, -и (С. №№ 53, 68, 77, 92, 100, 101, 104, 114, 132, 144); моли (1-е *л.* ед., С. № 10). Въ древнемъ книжномъ языкѣ иногда и въ позднѣйшихъ вѣкахъ встрѣчается твердое окончаніе для 1-го *л.* ед. ч. тамъ, гдѣ слѣдовало бы ожидать мягкой плавной. Такъ на пр. для того же глагола: моли (С. № 59), молашеся (С. № 68) и молю, млю, мюся, млише, моле (С. №№ 48, 51, 68, 86, 92, 111, 137, 143; А. №№ 5, 7, 9, 11, 12, 13, 15, 18; Г. Б; Мл.), утвии (С. №№ 14, 79), потвори (С. №№ 67, 69), говори (С. № 124) и въ 3-мъ *л.* мн. ч.: дошли (С. № 151); кралица владиславља (С. № 12), хьмлание, -ниви (С. №№ 15, 79), Подобнымъ образомъ составлены: конавлане, -нии (С. №№ 78, 104), виталиниане (С. № 78); слово конавле или конавле должно имѣть мягкое конечное е, такъ какъ полный его видъ есть конавлии, и дѣйствительно однажды читаемъ в конавлихъ (С. № 114), но чаще конавламь, -ми, -ахь (С. №№ 66, 82, 89, 98, 107, 120, 145); мора, -а, -и, на моры, какъ и нынѣ, (С. №№ 16, 20, 37, 51, 71, 78, 88, 168; А. №№ 3, 11, 19), откуда и поморании (С. № 72), но есть и морѣны (А. № 2), морѣ (А. № 4). Къ этимъ примѣрамъ присоединимъ еще слѣдующіе для сочетанія плавныхъ съ мягкими гласными, кромѣ е: люкоу (С. № 16), западньи стран (С. № 35), сѣю, тѣлю (С. № 51), нѣ (С. № 66), кральица (С. № 81), кральи (С. № 84), вашнию, колѣнию, поутению, слюге (С. № 104), слюгь (С. № 114), сохранѣю (С. № 115), манари, крьигли (С. № 119), грьнилаце (С. № 121), литрь, -ьа (С. № 123), прьити, сохранию, прьписию (С. № 126). Обратное этому дѣйствіе несмягченія находимъ въ словѣ клить (З. А.), которое нынѣ имѣетъ *љ*. Надобно замѣтить, что всѣ эти примѣры, кромѣ послѣдняго, относятся къ смягченію болѣе самихъ гласныхъ, чѣмъ предшествующихъ согласныхъ, ибо если грамота лю-

битъ, на пр., смягчать ѣ, какъ С. №№ 16 и 104, то она это дѣлаетъ, не смотря на то, съ какою согласною соединяетъ смягчённую гласную; или если любитъ вставлять ь, какъ С. № 126, то вставляетъ его тамъ, гдѣ и не слѣдовало бы: по этому-то мы и приводили эти примѣры въ другомъ мѣстѣ, будучи увѣрены, что они принадлежатъ скорѣе къ области гласныхъ, чѣмъ къ области согласныхъ. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ нихъ наводятъ на мысль о произволѣ писцовъ, позволявшихъ себѣ вводить въ письмо странности произношенія, имъ лично принадлежащія. Уже не разъ обращалъ я вниманіе на эту особенность древней письменности, происходившую отъ неустановки правописанія. Одиночные случаи должны оставаться исключеніями, и правила изъ нихъ выводить нельзя: если въ одной грамотѣ вдругъ является какая нибудь прихоть писца въ употребленіи любимаго звука, или начертанія, а въ другой иная прихоть другаго писца, и если эта прихоть не повторяется у прочихъ писцовъ, а пропадаетъ безслѣдно, не находя себѣ оправданія и въ настоящемъ состояніи языка, то ее ничѣмъ инымъ объяснить нельзя, какъ только личнымъ воззрѣніемъ или особенною склонностію писца къ извѣстному оттѣнку звука, или начертанія; а оттѣнковъ этихъ такъ много въ каждомъ языкѣ, что они не должны затемнять выводовъ, дѣлаемыхъ на основаніи главныхъ звуковъ, къ которымъ они всѣ сходятся. Такъ мы должны согласиться послѣ предыдущихъ изслѣдованій, что, кромѣ звуковъ и и е и близкаго къ послѣднему ѣ, смягченіе гласныхъ въ древнемъ книжномъ языкѣ Сербовъ не имѣло размѣровъ обширнѣе обыкновенныхъ; ни а, ни ѫ, ни о, не представили намъ примѣровъ, сколько нибудь послѣдовательнаго смягченія, которое бы превосходило предѣлы смягченія въ Ц.-Славянскомъ, либо въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ. Но съ другой стороны, отдѣльныя проявленія смягчающей силы, выразившіяся въ этихъ гласныхъ, показываютъ, что было у древнихъ Сербовъ какое-то мѣстное, либо временное стремленіе къ смягченію, отразившееся и въ ихъ правописаніи, которое тѣмъ яснѣе выказывало эти мелкія особенности, чѣмъ менѣе было стѣснено условною, или научною послѣдовательностію. Въ каждомъ живомъ языкѣ, взятомъ во всемъ его объемѣ и во всей совокупности народнаго говора, всегда есть подобныя особенности, которыя скрыты такъ называемымъ органическимъ правописаніемъ. Такъ древніе Сербы, вопреки азбукѣ, приходили иногда къ возможности нагляднаго выраженія полутвердаго ы въ и и мягкаго е въ начертаніяхъ ѥ, ѥ, ѥ, и смягченія плавныхъ чрезъ ь: то же дѣлали они и съ ѫ, обращая его въ ю, и съ о, обращая въ ю. Но иногда довольно неудачно смягчали они гласныя: не думаю, чтобы повсемѣстно говорили когда нибудь слюге, сїю, тлю, и подобные случаи должны оставаться особняками. Что же важнѣйшаго представляютъ намъ древнія времена книжнаго языка относительно сочетанія плавныхъ съ прочими гласными, кромѣ е? Сличивъ между собою количество случаевъ смягченія и несмягченія плавныхъ, мы приходимъ къ такому заключенію: вліяніе Ц.-Славянскаго языка поддерживало смягченіе; народность же любила отвержденіе: это видно на именахъ, оканчивающихся на -ль, -ла, -на, -нь, -рь и глаголахъ на -ити съ предшествующею плавною, равно какъ на основномъ слогѣ нѣкоторыхъ словъ: отвержденіе это сохранилось отчасти и въ нынѣшнемъ языкѣ, но отчасти перешло въ смягченіе, сойдясь съ Ц.-Славянскимъ языкомъ; такъ что древній языкъ представляетъ бóльшіе размѣры отвержденія, чѣмъ нынѣшній.

Обратимся теперь къ 6-ѣ е. Мы уже видѣли нѣкоторые случаи смягченія плавныхъ съ этимъ звукомъ. Весьма замѣтное отсутствіе мягкихъ начертаній

для ѥ въ XII-мъ и XIII-мъ вв. дѣлаетъ это смягченіе незамѣтнымъ; но тѣмъ съ большею силою показывается оно въ XIV-мъ и XV-мъ. Выше мы сказали, что въ XIV-мъ в. начинаетъ чаще показываться ѥ въ Восточныхъ грамотахъ и достигаетъ преобладанія въ Аѳонскихъ; Западныя же грамоты предпочитаютъ ѥ; обоимъ начертаніямъ сопутствуетъ изрѣдка ѥ, еще рѣже ѥ, ѥ. Изъ этихъ словъ можно заключить, что XIV-й в. открылъ свободный доступъ въ письменность мягкимъ начертаніямъ б-ы ѥ, которая доселѣ изрѣдка пользовалась ими, оставаясь наружно неизмѣнною при внутренней смѣнѣ твердости и мягкости. Вмѣстѣ съ водвореніемъ ея мягкихъ начертаній и плавныя стали яснѣе выражать свое мягкое произношеніе, соединяясь теперь гораздо чаще противъ прежняго съ этими начертаніями. Явленія этого соединенія въ Западныхъ грамотахъ XIV-го и XV-го вв., говоря вообще, идутъ въ такомъ точно порядкѣ, въ какомъ происходили явленія мягкаго ѥ въ началѣ словъ и послѣ гласной и въ какомъ совершалось соединеніе другихъ согласныхъ буквъ съ тѣми же мягкими начертаніями; словомъ, сдѣсь очевидность мягкаго произношенія согласной наиболѣе зависѣла отъ употребленія начертанія б-ы ѥ въ ея мягкомъ и твердомъ видахъ. Гдѣ писцы въ началѣ слова и послѣ гласной, не смотря на мягкость звука, писали все таки простое ѥ, тамъ его же ставили они рядомъ съ мягко звучащими плавными; и гдѣ, на оборотъ, любили употреблять мягкія начертанія для ѥ, тамъ ихъ же соединяли они и съ плавными. Въ Восточныхъ грамотахъ, какъ сказали мы, не смотря на поставленіе простаго ѥ послѣ гласной, плавныя любятъ сочетаваться съ ѥ, и это происходитъ именно отъ свойства плавныхъ, тогда какъ особенной любви къ мягкому ѥ сдѣсь не замѣтно. Мы должны предупредить, что въ Западныхъ грамотахъ всѣ три плавныя, л, н, р, пользуются почти равнымъ правомъ смягченія, между тѣмъ, какъ въ Восточной наиболѣе сочетающіяся съ мягкими гласными суть л и н, а р далеко отстало отъ нихъ, хотя иногда смягчается и оно. Въ Ц.-Славянской письменности замѣчаемъ то же самое, и вмѣстѣ съ тѣмъ это подтверждаетъ наше предположеніе, что въ Восточной семьѣ самая природа плавныхъ требовала соединенія съ мягкимъ начертаніемъ б-ы ѥ, а въ Западныхъ это зависѣло болѣе отъ употребленія самого мягкаго начертанія б-ы ѥ, а по тому на природу плавныхъ менѣе обращалось вниманія. XV-й в. есть продолженіе XIV-го; въ немъ обѣ семьи грамотъ продолжаютъ употребленіе мягкихъ начертаній, каждая предпочитая свое, но такъ что Восточная, по видимому, не усиливаетъ этого употребленія, ограничиваясь только должнымъ смягченіемъ, даже иногда и того не дѣлая; а Западная, напротивъ, доводитъ до излишества смягченіе и часто употребляетъ его въ ущербъ законной твердости. Начнемъ съ Восточной семьи грамотъ. Въ ней, и преимущественно въ Аѳонскихъ и нѣкоторыхъ монастырскихъ грамотахъ, сознательнѣе выражена мягкость плавныхъ чрезъ соединеніе ихъ съ мягкими начертаніями б-ы ѥ: бо́льшая часть этѣхъ грамотъ, принадлежащихъ къ XIV-му в., смягчаетъ плавныя согласно съ Ц.-Славянскимъ смягченіемъ; но другія, по видимому, не смягчаютъ ихъ, соединяя съ твердымъ начертаніемъ ѥ: — говорю по видимому, ибо, принявъ въ расчетъ сочетаніе плавныхъ съ другими мягкими гласными въ тѣхъ же грамотахъ и постигнувъ общій законъ смягченія ихъ въ этѣхъ грамотахъ, мы не усомнимся заключить, что хотя писцы въ нѣкоторыхъ случаяхъ и соединяли плавныя съ твердымъ ѥ, однако это былъ лишь одинъ наружный видъ твердости, происходившій изъ близкаго созвучія между твердымъ и мягкимъ ѥ, а въ самомъ дѣлѣ если бы писцамъ пришлось про-

изнести такимъ образомъ написанное слово, то они, конечно, произнесли бы его съ мягкою плавною. Взглянемъ на самыя явленія: оумышлении, -ми, -ниемь (А. № 2; С. № 175), олтари (А. № 2), поустыни, -и (А. NN№ 2, 10), конию, поню и т. д. (А. NN№ 2—6, 9, 11, 12, 19; Г. А; С.-Д. М. 1844), нига, -е, -ова, -ока, ниго, нимъ, нимь, ньмь, ни и т. д., ньи, ниа, ни, ние, нигова, ниамы, ни, ние (А. NN№ 2, 5, 6, 9—12, 18, 19; Г. А, Б; С. № 178; В. NN№ 1, 2), глю, глемое, -ти, глаголемаго, глемь, глемь, (А. NN№ 2, 11, 17, 20; Г. А, V; В. № 1), вьселеноую, -нга, -лениаа и т. д. (А. NN№ 2, 4, 5, 12, 16; В. № 1), из- из- из- изволению, -ю и т. д., -ниемь, -и и т. д. (А. NN№ 2—4, 10, 14, 15; В. № 1), с- с- оу- по- мышлиниа, -и, -мышлениe, -ень, -ниіа (А. NN№ 3—5; Г. А, Б), в- оу- оу- молнь, млинь, молению, -нмь, -іе, млниіа, мльніа, молиты (А. NN№ 3, 4, 10, 18, 20; С. № 175; В. № 2), оу- оуза- конимый, -ихь (А. NN№ 3, 4), пре- въз- възлюбленаго, -ный, -и, -омъ, -ыми, -лени, възлюбленаго (А. NN№ 3, 4, 12, 14, 18; С. № 175; Г. V), заговореннымь, осънений, коупленно, неразоренноу, горе, смерены, направленныхъ и пр. (А. № 4), гни, гни, -ню (А. NN№ 4, 5, 10), по- о- о- оу- оу- в- съ- на- пре- ставленый, -нь, -нна, -нноо, -ни, -ніе, -ний, -нию, -ниомъ, -ний (А. NN№ 4, 5, 10, 12, 14, 17, 20; С. NN№ 175, 178), изгоублено, долни, книгниа (А. № 6), знизо (А. № 8), явлениа, исправлений, застоуплениа (А. № 9), ипостасного, кани и пр. (А. № 5), поли, вдивлении (А. № 10), расцеплении, поуни, исольниноу (А. № 11), земляно, земляна, земляноу, землянь, -о, -и (А. NN№ 11, 12, 19; С. № 175; Г. А, Б), архи- архиепископа (А. NN№ 12, 14), клавликии, изрщоуливе (А. № 12), горни (Ш. № 14; А. № 19), дрьжиканими (А. № 14), пакливь, мори (межи) (А. № 19), приайхнымь, осляпления (С. № 175), дрели, кримля (А. № 17), добродетелнымь, оуставленіи, застоупленнымь (А. № 16), донили, поли, обновлениe, благоволениа, -емь (С. № 178), поклоненіемъ, апрълениe, приемлемъ (Г. V), славословлеными, стми, последнимь (А. № 20). Изъ этихъ примѣровъ мы видимъ, что смягченіе держится преимущественно б-ъ л и н и почти всюду сходно съ Ц.-Славянскимъ. Случаи эти столь понятны и обыкновенны, что съ перваго же раза видишь ихъ происхожденіе изъ Ц.-Славянской письменности, къ которой весьма близокъ разрядъ разсмотрѣнныхъ сейчасъ грамотъ. Сдѣсь нельзя не признать потребности смягченія самихъ плавныхъ. Что же касается до б-ы р, то ея мягкость выражена видимо въ б-ѣ и, хотя въ Ц.-Славянской письменности она обыкновенно сочетается съ простымъ е. Нельзя не признать сдѣсь сильнаго вліянія Д.-Булгарской стихіи: образъ словъ носитъ совершенно ея печать. Нужно ли прибавлять, что при всемъ обиліи смягченныхъ сочетаній встрѣчается немало и такихъ, гдѣ смягченіе б-ы е видимо не выражено? Мало замѣтное различіе между тѣмъ и другимъ сочетаніемъ произвело смѣшеніе формъ и условило возможность той и другой. Тонкость произношенія не всякій писецъ наблюдалъ, и какъ одинъ, смотря на Ц.-Славянскій способъ написанія, видимо смягчалъ плавныя, такъ другой, произнося ихъ нѣсколько тверже, считалъ лучшимъ сочетовать ихъ съ простымъ е. Доказательствомъ такой прихоти правописанія могутъ служить гр-ы А. NN№ 1 и 13, гдѣ хотя обильно употребляется и, однако оно ни разу не соединено съ плавными, но всюду въ этомъ случаѣ его мѣсто заступаетъ е. Да и въ другихъ грамотахъ не рѣдко встрѣчаемъ подобные случаи. Для примѣра укажу на нѣкоторые, у коихъ есть свои двойники между мягкими сочетаніями. Такъ: нои, земле, сьмерень, мленик, изъволенемь, разлаемь (А. № 1) и

пр. и пр. Замѣтимъ, что эта грамота въ то же время не любитъ смягченія плавныхъ при другихъ гласныхъ и не употребляетъ инаго начертанія, какъ только є; но первое обстоятельство доказываетъ, что несмягченіе это не зависѣло отъ начертанія б-ы є, а отъ произношенія самихъ плавныхъ. Припомнимъ, что въ другой современной грамотѣ тоже нѣтъ мягкаго начертанія для є и также встрѣчается несмягченная форма **крьститєла**. И такъ позволительно думать, что въ концѣ XII-го в. Сербская письменность далеко такъ не развила смягченія плавныхъ, какъ развилось оно въ вѣкахъ послѣдующихъ. Впрочемъ, XIII-й в. въ этомъ отношеніи ближе стоитъ къ XII-му, чѣмъ къ XIV-му. Единственная, принадлежащая ему, Жичанская дарственная грамота, болѣе другихъ подверженная вліянію Ц.-Славянскаго языка, носитъ ясные признаки несмягченія плавныхъ. Выше приведены примѣры. Хотя въ ней часто употребляется ѥ, однако столь же часто встрѣчается и є, гдѣ бы слѣдовало ожидать перваго. По этому и сочетанія плавныхъ съ є господствуютъ: мы нашли только два исключенія, къ которымъ можно прибавить и третье: **полѧ**, гдѣ ѧ есть не что иное, какъ ѥ. Однако нельзя не замѣтить въ этой грамотѣ страннаго колебанія писцовъ между твердыми и мягкими сочетаніями: сдѣсь явно оправдывается естественый ходъ смягченія, какъ естественно и то, что XIII-й в. служитъ продолженіемъ XII-го. Писецъ употребляетъ и такія формы: **доврима, гоуна, кралю, оуѕємлють, ѡставлѣюфи, прѣдатєлю**; но ихъ гораздо меньше, чѣмъ несмягченныхъ. Такъ точно поступаетъ онъ и съ є; онъ пишетъ: **воболє, трѣболє, иоупаєнь, кралєвь, -є, -омь, прѣвьзлюблєниnь, поставлєни, исправлєни, прѣстоупаєниє, изволєниє, светителємь, оуѕємлє, -ть**. Послѣднія два слова, имѣющія свои двойники съ мягкими гласными, обличаютъ мягкость л, хотя соединеннаго съ твердымъ, по видимому, є, и подтверждаютъ сказанное нами выше о правописаніи. Если писецъ писалъ и **крала** и **кралю**, **крьститєла** и **прѣдатєлю**, **поставлѣть** и **ѡставлѣюфи**, то, значитъ, онъ не имѣлъ еще постояннаго правила для выраженія твердости и мягкости плавныхъ и, произнося слова однимъ какимъ нибудь образомъ, выражалъ ихъ двояко, отдѣляя правописаніе отъ произношенія. Изъ прочихъ грамотъ XIII-го в. уже приведены примѣры для сочетанія плавныхъ съ другими гласными, и о б-ѣ є сказано, что она употребляется для этого сочетанія только въ твердомъ видѣ, кромѣ немногихъ исключеній. Все это приводитъ насъ къ мысли, что хотя и сдѣсь открываются относительно большія цѣльность и единство древнекнижнаго Сербскаго языка въ двухъ первыхъ вѣкахъ, однако въ явленіи несмягченія плавныхъ нельзя не признать одного изъ тѣхъ признаковъ народности, которые, вопреки большому вліянію Ц.-Славянской стихіи на общность языка въ этихъ двухъ вѣкахъ, усильно пробивались исподъ искусственной одежды, накинутой на книжный языкъ рукою писцовъ. Послѣдствія оправдаютъ наше предположеніе. Переходимъ къ XIV-му и XV-му вв. и опять обращаемся къ грамотамъ Аѳонскимъ. Въ нихъ, сказали мы, встрѣчаются и несмягченныя сочетанія плавныхъ съ є, у которыхъ есть двойники съ смягченнымъ є; таковы, на пр.: **смѣрєным** (А. № 3), **горѥ, молєниѥ, ѕалємь** (А. № 6), **ѕастоупаєниємь, блгословлєнь** (А. № 71), **манастырємь, нєотворєноу, съсмѣрєниѥ** (А. № 9), **вьселєнскыи** (А. № 10), **архїаєвьскои** (А. № 11), **срьблємь, сєрблємь** (А. №№ 12, 15), **промышлєниємь, вьзлюблєными, богопоставлєномоу, изволєнию** (А. № 13), **понєжє** (А. № 14), **книгинѣ, прилѣпь** (А. № 18), **прѣдатєлємь** (Г. Б) и н. др. Но этѣхъ формъ весьма мало. Смягченіе господствуетъ вполнѣ. Этѣ же формы допущены въ грамотахъ по тому самому, по чему допущено также є въ началѣ словъ и послѣ гласной (ср. А. №№ 2, 6, 11—

14, 20; С. №№ 175, 178 и др.). Въ прочихъ памятникахъ той же семьи и тѣхъ же вѣковъ находимъ уже менѣе смягченныхъ формъ и болѣе несмягченныхъ. Мы не включаемъ сюда, какъ и прежде, такого **н**, которое образовалось изъ стеченія **нн**, ибо въ этомъ случаѣ не плавныя, но оно само требуетъ мягкости. Но во главѣ памятниковъ этого времени стоитъ грамота С. № 176, въ которой **є** почти всюду, кромѣ двухъ, трехъ исключеній, замѣняетъ **е**, которое для мягкости своей имѣетъ сдѣсь обычное начертаніе **ю**. Кто знаетъ, какъ неопредѣленно изображалось **є** и какъ часто округлый его видъ смѣшивался съ болѣе угловатымъ, тотъ согласится съ нами, что сдѣсь не чему иному можно приписать явленіе начертанія **є**, какъ единственно правописной и, слѣдовательно, наружной причинѣ. По этому изъ этой грамоты мы приведемъ только примѣры съ **ю**, будучи увѣрены, что если **ю** употреблено въ грамотѣ, то **є** стало на мѣстѣ **е**, котораго почти вовсе нѣтъ: **гнѣ**, **нємоу**, **нєго**, **възлюблѣнь**, **-аго**, **бгѡмилїемь**, **мелиина**, **соупминромь**, **горѣнга**, **нин**, **толнокнь**, **трѣбланиш**, **нє** (ей), **ѡбилин**, **оумрн**, **гѣнть**, **помышленін**. Этихъ примѣровъ не слишкомъ много, судя по объему грамоты: всѣ они, какъ видно, не противорѣчатъ Ц.-Славянскому правописанію, кромѣ **оумрн**; но если примемъ въ расчетъ то, что грамота эта въ обширномъ началѣ и заключеніи вся пропитана Ц.-Славянскою стихіею, то число примѣровъ покажется намъ еще скуднѣе и невольно приведетъ къ вопросу: по чему же Восточныя грамоты, лишь только нѣсколько устраняются исподъ вліянія Ц.-Славянской стихіи, какъ уже начинаютъ отвергать смягченіе плавныхъ съ **е**? Но мы подождемъ отвѣчать на этотъ вопросъ, пока не разсмотримъ прочихъ грамотъ этой семьи. Въ нихъ находимъ сравнительно еще менѣе случаевъ смягченія. Таковы: **кластелн** (Мк.), **задѣрн**, **-н** (С. №№ 36, 71), **срьбли**, **-н**, **-нмь**, **-емь**, **сръблнмь** и т. д. (С. №№ 46, 48, 49, 53, 73, 91, 111, 137; С.-Д. М. 1844), **нига** (С. № 48), **нигова**, **-е**, **-ими**, **нигѡ**, **-ова** (С. №№ 55, 73, 91, 111, 137, 147; З.), **сжин**, **-не** (С. № 55), **бгоколнїемь**, **сьеднннїе** (С.-Д. М. № 1), **хрїсовли**, **бавлмнннь**, **всєлинню**, **изволнню** (С. № 62), **изволинию** (С. № 69), **распалиться**, **недели**, **ѡтдѣлнть**, **дроужнига**, **оучннин**, **ѡгннмь** (З.), **непоколѣбимо** (С. № 91), **наиблнжннмь** (С. №№ 91, 137), **пониже**, **роупелико**, **донлин**, **поли** (С.-Д. М. 1844), **жнлникь** (С. № 131), **бобллѣннкь** (С. № 137), **виле** (С. № 138), **жнлнникю**, **немн** (С. № 147), **поклоннїе** (С. № 166), **кнезь** (печ., А. № 11); но съ другой стороны, въ большей части этихъ памятниковъ находимъ несмягченныя сочетанія, явно говорящія въ пользу произвольнаго чтенія б-ы **е** въ соединеніи съ плавными, равно какъ въ пользу народности, не любившей начертанія **ю**. Для любопытства приведу тѣ только слова, которыя получили у другихъ, или тѣхъ же самыхъ писцовъ видимое смягченіе плавныхъ. Таковы: **изволению**, **-ию** (С. №№ 35, 46, 50), **задере** (С. № 36), **въселению** (С. № 50), **хрисовле** (С. №№ 50, 62), **бгоколенимь**, **немоу**, **поле** (С. № 51), **пониже** (С. № 55), **него** (С. № 56), **негово** (С. № 70), **срьблемь**, **-ѣ**, **србле мь**, **-ѣ** (С. №№ 35, 43, 46, 50, 54, 55, 64) и пр. Мы привели только весьма немногіе примѣры въ противуположность предыдущимъ; но скудость этихъ послѣднихъ уже сама собою показываетъ, какое изъ двухъ свойствъ преобладало въ разсматриваемыхъ грамотахъ. Б-а **е** отдѣляется отъ прочихъ гласныхъ. Тогда какъ вообще въ Восточной семьѣ преобладаетъ сочетаніе плавныхъ съ прочими мягкими гласными, б-а **е** быстро смѣняетъ свое мягкое начертаніе на твердое, какъ скоро грамота выходитъ исподъ непосредственнаго вліянія Ц.-Славянской стихіи и становится не-Аѳонскою. Что же тому причиною? Мы думаемъ, что причиною тому было восточ-

ное произношеніе мягкой буквы **є**, которая, какъ извѣстно, сходясь по этому случаю съ **ѣ** и часто смѣняясь съ нею, звучитъ однако въ Ресавскомъ подрѣчіи, какъ *е* а не *є*, или *ие*. Хотя мягкость плавныхъ и требовала возлѣ себя мягкаго **є**, однако это послѣднее, по свойству подрѣчія, произносилось чисто и твердо, какъ и самое **ѣ**, и такъ изображалось писцами. Въ Аѳонскихъ же грамотахъ писцы не могли этого сдѣлать, ибо боялись отдалиться отъ Булгарскаго письма.

Переходимъ теперь къ грамотамъ Западной семьи тѣхъ же двухъ вѣковъ. Въ нихъ движеніе смягченія принимаетъ обширнѣйшіе размѣры, благодаря господству мягкаго начертанія б-ы **є**. Съ тѣмъ вмѣстѣ встрѣчаются такія слова съ мягкимъ сочетаніемъ, которыя до сихъ поръ еще не встрѣчались намъ, да и не могли встрѣтиться, когда смягченіе еще не переступало надлежащихъ границъ и сверхъ того еще боролось, разумѣется, въ письменности, съ формами несмягченными первыхъ двухъ вѣковъ. Чѣмъ ближе грамоты къ XV-му в., тѣмъ чаще въ нихъ мягкія сочетанія плавныхъ съ б-ю **є**; но во второй половинѣ этого вѣка они нѣсколько сдерживаются и остаются уже, по видимому, въ одинаковомъ размѣрѣ: между ними являются такія формы, въ которыхъ, сочетаясь съ прочими твердыми гласными, въ сочетанія съ **є** требуютъ послѣднее въ смягченномъ видѣ. Посмотримъ примѣры: **ѡкилие, потворенє, днєвє** (С. № 66), **елена, -ѡмь, -ѡ, славиє, нахиє** (С. NN№ 66, 81, 94, 109, 134), **ѕаконє, -є** (С. NN№ 66, 68, 81, 103, 133), **нє** (не, С. NN№ 66, 81, 84, 96, 100, 103, 104, 108, 127, 132, 133), **мѣсєцa, поставлєнь, нє море, старе, гнѣ** (С. № 68), **него, -а, немь, нєга, -овѣ, нєга, нємь, нєгова, -ѡко** и пр. (С. NN№ 77, 81, 96, 100, 101, 104, 108, 112, 132, 157), **лукарєвикь** (С. NN№ 81, 99), **изъпльнєнье, испльнєнью** (С. NN№ 81, 100), **прѣстѹплєнємь, састављена, подобие, разѹмие** и т. д. (С. № 81), **небеса, -е, васєлєнѹю, васєлєнєи** (С. NN№ 81, 103), **творе** (С. NN№ 81, 86), **да сѹ плле, палле** (С. NN№ 81, 100), **клетви, -ѣ, про- клєть, -и, -клєцтва, ѕаклєсмосє, ѕаклєсе** (С. NN№ 81, 84, 96, 100, 104, 127, 132, 133), **чине** (С. NN№ 81, 84, 96, 99, 107), **ѡпѣние, ѡ- опкние** (С. NN№ 81, 84, 86, 96, 107, 125, 133, 144), **речени, -еногa, рѣчи, -е, -є, -ога, -ими, -ѹ, рѣчєнѣмь, рѣчє, -нємь** (С. NN№ 81, 96, 100, 103, 106—108, 114, 122, 127, 132 — 134), **кнеѕь, -а, -ѹ, -омь, -емь** (С. NN№ 81, 84, 96, 99, 100, 103, 104, 106 — 108, 112, 125, 127, 130, 132 — 134, 144, 158), **веле, матере, диле, ошле** (С. № 84), **говоре** (С. NN№ 84, 86), **-ре** (же, С. NN№ 84, 96, 104, 106, 108), **мисле, даре, хребелянь** (С. № 86), **моле** (С. NN№ 86, 92), **да пошлє, -и** (С. NN№ 87, 92, 119, 121), **нє, ни** (ее, ея, С. NN№ 87, 109, 128, 134, 143), **ѹѕимаю** (С. № 87), **мире, мѣре** (С. NN№ 96, 107), **наредити, ѹгрециxъ, башине** и пр. (С. № 96), **мене, -є** (С. NN№ 96, 104, 114), **живо- живѡтворещемь, -емь** (С. NN№ 96, 104, 106, 127), **вире, вѣрє, -е** (С. NN№ 96, 104, 127), **стране, стр.ане** (С. NN№ 100, 104, 107, 144), **имание, -є, -е** (С. NN№ 96, 106—108, 112, 114, 120, 127, 132, 133, 144, 157), **ѕгоре** (С. NN№ 107, 110, 125), **че- четиремь** (С. NN№ 108, 112), **сребра, -нихь** (С. NN№ 108, 134), **литре, -є** (С. NN№ 108, 124, 125, 130), **ѡстале** (С. NN№ 108, 112), **големоми, странєга, непоколебимих** (С. № 112), **ѕлє, -е** (С. NN№ 114, 144), **примлєние, тодоре, иѕнесе, динаре, помлєсмо** (С. № 127), **нее, -е** (С. NN№ 127, 132, 144, 145), **ѡтворень** (С. NN№ 127, 134), **едне, тврьдине, помлле** (С. № 132), **поле, -є** (С. NN№ 132, 143, 144), **пине, даде̑те, иѕкранєни** и пр. (С. № 133), **изьнесе, норлль, добре, ране, товаре, чунена, вокалєнѣь** (С. №

144), направлень, начинень, -и (С. № 157), повеление (С. № 164), поклоненiе, поклоненiе (С. №№ 166, 167), кафелие (С. № 168), ере, тере (см. в.) и пр. и пр. Тамъ, гдѣ смягченiе происходитъ съ такимъ и, е, которое образовалось изъ ии, мягкость скорѣе всего должна быть приписана одной б-ѣ и, которая уже въ свою очередь требуетъ мягкаго плавнаго звука, на пр., недиога вм. неедиога, имлие вм. имлиие и пр. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мягкое е замѣняетъ ѣ, на пр., имеме, колени, последни, лето и пр.: это объясняется тѣмъ, что въ Сербскомъ языкѣ ѣ, какъ говорено было выше, имѣетъ различныя произношенiя и между прочимъ звучитъ, какъ *е* и *ие*. Это свойство Сербскаго языка, проявляющееся въ Западныхъ грамотахъ, какъ принадлежащихъ къ той области, гдѣ оно господствуетъ повынѣ, въ свою очередь дѣйствуетъ и на предшествующiя согласныя и придаетъ имъ мягкiй отзвукъ. Отъ того народность и доставила такiе большiе размѣры мягкому начертанiю б-ы е, которое еще болѣе распространило ихъ при отсутствiи положительныхъ правилъ письма и происходящей отсюда въ писцахъ страсти къ подражанiю. Не мудрено, что другiе писцы, видя нелѣпую крайность смягченiя, предоставляли это дѣло устному языку, а на письмѣ ограничивались однимъ лишь твердымъ начертанiемъ е. Слова съ мягкимъ плавнымъ исходомъ принимаютъ и мягкую гласную въ словодвиженiи, на пр.: властеле, приятели и т. п. Всѣ эти случаи не были приведены нами въ примѣрахъ, ибо одни относятся собственно къ природѣ гласной, а другiе были уже разсмотрены выше. Наконецъ замѣтить должно, что примѣры означены, большею частiю, нѣсколькими №№; а это показываетъ, что не случай руководствовалъ писцами въ употребленiи твердыхъ и смягченныхъ формъ, а было что-то такое, что заставляло ихъ смягчать произношенiе плавныхъ въ извѣстныхъ словахъ и для сего избирать приличнѣйшее начертанiе буквъ. Но съ другой стороны нельзя не замѣтить, что примѣры означены не всѣми №№ и не большею ихъ частiю, а только нѣкоторыми, съ избыткомъ употребляющими мягкое начертанiе для е: слѣдовательно, остальная часть грамотъ считала лишнимъ выражать смягченiе б-ы е. Повторяю, съ одной стороны, нѣсколько мягкое природное произношенiе плавныхъ или текучихъ, а съ другой близкое сходство твердаго и мягкаго звука е, произвели то, что писцы сами не были хорошо увѣрены въ принятомъ ими способѣ правописанiя и колебались между тѣми и другими формами. Сочетанiе прочихъ согласныхъ буквъ, которое мы уже видѣли и еще увидимъ при губныхъ, показываетъ величайшую степень колебанiя относительно б-ы е. Правильнаго и послѣдовательнаго поставленiя твердаго и мягкаго е въ сочетанiи съ согласными нечего и спрашивать. Писцы слѣдовали сдѣсь своему произношенiю, и какъ кто произносилъ, такъ тотъ и писалъ. Отъ того на каждую смягченную форму можно представить по нѣскольку несмягченныхъ, въ чемъ можно убѣдиться уже и по тому одному, что, какъ я сказалъ, не всѣ грамоты, даже и не бóльшая ихъ часть, доставляютъ примѣры для смягченныхъ формъ. Такъ стране и всѣ родительные пп. отъ именъ жен. р., оканчивающихся въ имен. ед. на твердое а, ҁамове и всѣ винительные пп. именъ муж. р., исходящихъ на твердую полугласную, далѣе множество другихъ словъ съ мягкою основою и пр. ни разу не встрѣчаются въ такомъ видѣ ни въ одной изъ грамотъ Восточной семьи; равно находимъ въ самихъ же Западныхъ грамотахъ, и именно въ тѣхъ же самыхъ, которыя любятъ смягченiе плавныхъ, случаи несмягченiя; мало того: въ одной и той же грамотѣ одно и то же слово часто является въ смягченномъ и несмягченномъ видѣ. Укажу

на нѣкоторые: **негове, -ами, негѡвѣмь, -ими** (С. №№ 77, 112), **ʒаконе** (С. №№ 77, 133), **небеса, васеленнои** (С. № 81), **речени, -ога, рѣче, -ога, рѣчьно** (С. №№ 81, 106, 112, 114, 132), **кнеʒь, -а, -ȣ, -омь, -емь** (С. №№ 81, 96, 104, 107, 108, 112, 132, 133, 144, 158), **литре, лире** (С. №№ 124, 130), **тврьдине** (С. № 132). Тѣ же слова въ тѣхъ же грамотахъ имѣютъ мягкую форму. Они всего яснѣе говорятъ о неопредѣленности, существовавшей въ древней письменности. Прибавимъ еще къ тому, что есть грамоты той же семьи, и ихъ весьма много, которыя упорно держатся одного несмягченнаго **е**: стало быть, правописаніе отдѣлено было отъ произношенія. Но какъ тѣ, такъ и другія грамоты приводятъ къ одному итогу: плавныя, по своей природѣ, какъ и звукъ **е**, по своему свойству, въ твердомъ и смягченномъ видѣ, имѣли столь мало различія, что смѣшивали оба вида, и, вѣроятно, одни Сербы произносили ихъ нѣсколько тверже, такъ что приличнѣе выражали чрезъ твердое начертаніе, другіе произносили ихъ нѣсколько мягче и находили болѣе приличнымъ выражать въ мягкомъ сочетаніи. Къ сему прибавить должно, что употребленіе б-ы **е**, взятое во всемъ ея объемѣ, подтверждаетъ наше замѣчаніе, что въ Западныхъ грамотахъ видимое смягченіе, равно какъ несмягченіе плавныхъ при звукѣ **е** не столько зависѣло отъ самого себя, сколько отъ употребленія того, или другаго начертанія б-ы **е**; тогда какъ съ другой стороны обильное употребленіе мягкихъ начертаній для этой буквы указываетъ на смягчающую силу языка, господствовавшую въ древней письменности и необходимо отражавшуюся и въ плавныхъ. Какъ мало значенія приписывали писцы мягкому **е**, видно изъ того, что они при немъ прибѣгали иногда еще къ другому способу бо́льшаго и какъ бы нагляднѣйшаго смягченія; такъ они писали: **властельемь** (С. № 107), **прьедь** (С. № 123), **врьеме** (С. № 126). Даже звукъ *ѣ*, выраженный въ протяженномъ мягкомъ **ие**, иногда не удовлетворялъ писцовъ своею мягкостію, и они писали: **врьиеме** (С. № 121), **прьиед, прьиеписаше** (С. № 126). Но эта крайность смягченія остается временною чертою Д.-Сербскаго книжнаго языка, послѣ которой онъ долженъ былъ притти къ большей правильности и умѣренности. Нынѣ хотя для мягкихъ *л* и *н* существуютъ особые знаки, однако многія изъ древнихъ мягкихъ формъ получили твердый видъ: **ʒаконе, стране** не могутъ быть согласны и съ нынѣшнимъ произношеніемъ и пишутся безъ смягченныхъ плавныхъ, а это и показываетъ отсутствіе въ старину всякого послѣдовательнаго правописанія, но съ другой стороны хотя и заставляетъ думать, что всякій писецъ слѣдовалъ своему оттѣнку произношенія, гоняясь иногда за ненужною мелочностію, однако намекаетъ, что было же въ языкѣ какое-то темное стремленіе къ смягченію, заставлявшее писцовъ колебаться между правильными и неправильными формами, изъ коихъ первыя отвѣчали духу и законамъ языка, условленнымъ его Славянскимъ происхожденіемъ, а другія его живымъ временнымъ потребностямъ. Безъ научнаго познанія своего языка, безъ истекавшихъ отсюда правилъ, писцы блуждали въ туманѣ неопредѣленности, сомнѣнія и двусмыслія; одни попадали на правильный путь, но тотчасъ же сбивались съ него, другіе напротивъ, и можно сказать упорнѣе, держались временныхъ потребностей, но вдавались въ правописныя мелочи, которыя удовлетворяли ихъ лишь одною своею стороною, а другою вносили обоюдность въ письмо. Они смѣшивали оттѣнки произношенія, происходящіе сколько отъ повременнаго движенія языка, столько же отъ личнаго расположенія произносящаго, съ оттѣнками, требуемыми внутреннею постоянною природою языка. Тѣ оттѣнки

голоса, которые имѣютъ въ духѣ языка одно основаніе, не могутъ такъ успѣшно различаться въ правописаніи, какъ тѣ, которые имѣютъ различныя основанія и выражаются различными начертаніями. Такъ ѣ въ извѣстныхъ соединеніяхъ съ согласными, получая силу отъ послѣднихъ, хотя и звучитъ то нѣсколько тверже, то нѣсколько мягче, однако должно выражаться твердымъ знакомъ по требованію извѣстныхъ законовъ языка; оно же въ другихъ случаяхъ должно выражаться въ мягкомъ видѣ по требованію опять извѣстныхъ законовъ языка. Писцы, какъ сказали мы, не всегда наблюдали это правило: съ одной стороны они смѣшивали дѣйствительные разноосновные оттѣнки съ временными одноосновными и писали ѣ на мѣстѣ и и на оборотъ; но съ другой стороны они, чрезъ точнѣйшее выраженіе частныхъ оттѣнковъ произношенія, принесли намъ большую пользу, ибо при возможности въ наше время научнымъ образомъ повѣрить явленія звука безъ буквальнаго вѣрованія способу правописанія, мы можемъ положительное и вѣчное правило отдѣлить отъ повременныхъ требованій и указать на тѣ явленія, которыя постепенно совершались въ жизни языка. Такъ, благодаря ихъ точному, хотя и непослѣдовательному правописанію, мы изъ наблюденія различныхъ явленій при движеніи гласныхъ, какъ и теперь при сочетаніи ѣ съ плавными, имѣемъ право заключить, что въ Д.-Сербскомъ языкѣ въ пору значительнѣйшаго проявленія въ немъ народности, господствовало особенное стремленіе къ смягченію, которое выражалось то въ ь, то въ и, то въ мягкомъ ѣ, то въ ѣ, растянутомъ и смягченномъ въ ie, ие, ѥ. Все это показываетъ, что буквально довѣрять старинному правописанію нельзя, но должно угадывать желаніе писца выразить тотъ, или другой оттѣнокъ звука и, не теряя изъ виду общихъ законовъ языка, опредѣлять въ то же время его временное поступательное движеніе и его различныя, отсюда истекающія, видоизмѣненія.

Какія же общія замѣчанія должны мы сдѣлать о смягченіи плавныхъ? Припоминая всѣ разсмотрѣнные нами случаи смягченія плавныхъ и сравнивая ихъ съ подобнымъ движеніемъ прочихъ согласныхъ, мы видимъ, что плавныя однѣ изо всѣхъ другихъ согласныхъ допускаютъ двойственность формъ не только въ сочетаніи съ ѣ, но и въ сочетаніи съ прочими гласными. Конечно, всѣ согласныя способны сочетаться даже въ однѣхъ и тѣхъ же случаяхъ съ твердымъ и мягкимъ ѣ, смотря по возрасту и мѣсту грамотъ, такъ что непремѣнно можно найти двойственность формъ въ отношеніи этого сочетанія; но не то бываетъ въ сочетаніи съ прочими гласными, имѣющими вмѣстѣ съ твердымъ и мягкое произношеніе, каковы а и у (ѣ смягчается только въ началѣ словъ и послѣ гласной; въ соединеніи съ мягкою согласною оно переходитъ въ ѣ). Сдѣсь видны однообразіе и постоянство формъ. Если изрѣдка, и весьма изрѣдка, встрѣчаются, на пр., ѧ, ю въ соединеніи съ какою либо согласною (кромѣ плавныхъ и мягкой ѣ съ ея замѣнительными г, к) вмѣсто а, у, то таковымъ формамъ нельзя дать значенія правильныхъ и равносильныхъ съ своими двойниками, а должно смотрѣть на нихъ, какъ на странныя явленія, быть можетъ, прихоть писцовъ, хотя и достойную замѣчанія, особенно въ историческомъ отношеніи, но во всякомъ случаѣ не обязательную для того, чтобы на ней строить правила и выводы. При томъ сдѣсь всю силу значенія должно отнести къ самимъ гласнымъ, что мы и сдѣлали, разсматривая этѣ формы въ ученіи о гласныхъ; ибо если въ какой либо грамотѣ, а таковыхъ едва наберется пять, шесть, писецъ постоянно любитъ смягчать, на пр., у въ ю, не смотря ни на какія сочетанія этой

буквы, то значитъ, что онъ смотритъ сдѣсь не на мягкую природу согласной, а единственно на произношеніе гласной. Такія неожиданныя странности писцовъ весьма рѣдки: большинство имъ вовсе не сочувствуетъ; ихъ формы стоятъ особнякомъ внѣ общаго звукодвиженія и звукоразвитія. Такимъ же образомъ одному изъ писцовъ пришло на мысль употреблять а (ѩ) вмѣсто ѣ и онъ написалъ наслядника, истлавшиъ, тамже и пр. Повторяю, подобныя формы нельзя никакъ принимать за нѣчто важное наровнѣ съ другими, равно замѣчательными, но болѣе естественными, возможнѣйшими и обильнѣйшими: съ одной стороны ихъ исключительность, съ другой нерѣдкіе случаи произвола писцовъ въ способѣ правописанія значительно уменьшаютъ ихъ вѣсъ и заставляютъ смотрѣть на нихъ не болѣе, какъ на странности, чуждыя общему движенію языка. Другое дѣло — смягченіе плавныхъ. Эти звуки равно допускаютъ двойственность въ сочетаніи какъ съ є, такъ и съ а и ꙋ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ тѣ и другія формы, какъ смягченныя, такъ и несмягченныя, являются столь обильными и разнообразными по свойству грамотъ, что невольно заставляютъ внести себя въ кругъ языкословныхъ соображеній и принимаютъ на себя часть временнаго образа языка: отказать тѣмъ и другимъ въ участіи при совершеніи судебъ языка невозможно. Это, столь отличное отъ свойства другихъ согласныхъ, явленіе должно приписать природѣ самихъ плавныхъ, происхожденіе которыхъ опредѣляется тѣмъ же самымъ органомъ, который произвелъ мягкое по преимуществу и смягчающее гласное начало. Второе, не менѣе важное, заключеніе касается различія памятниковъ по семействамъ въ смягченіи и не смягченіи гласныхъ и согласныхъ. Припомнимъ все, что доселѣ разсмотрѣно было нами относительно этого свойства Сербскаго языка, и заранѣе отнесемъ губныя, о которыхъ намъ предстоитъ говорить вслѣдъ за плавными, къ разряду другихъ, уже разсмотрѣнныхъ нами согласныхъ, съ которыми они являются однородными въ дѣлѣ смягченія. Въ гласныхъ мы видимъ, что мягкое є съ своими особенными начертаніями и по двумъ различнымъ причинамъ преобладаетъ въ Аѳонской семьѣ и Западной XIV-го и XV-го вв., и что несмягченіе а и ꙋ послѣ гласной является почти исключительно, хотя и не часто, въ одной Аѳонской. Въ согласныхъ, относительно сочетанія ихъ съ є, видимъ то же самое и въ прямомъ отношеніи къ употребленію мягкихъ начертаній 6-ы є въ началѣ словъ и послѣ гласной, т. е., что согласныя сочетаются съ мягкимъ є предпочтительно въ Западныхъ грамотахъ конца XIV-го и XV-го вв. Какъ и въ началѣ словъ и послѣ гласной является преимущественно въ Аѳонской семьѣ, такъ и въ соединеніи съ плавными оно является преимущественно тамъ же, но другія согласныя въ этой семьѣ не требуютъ себѣ мягкаго є: это свидѣтельствуетъ, что сдѣсь главное значеніе имѣютъ самыя плавныя, которыя и сочетаются съ мягкими гласными подъ дѣйствіемъ Ц.-Славянскаго языка. Какъ є, є въ началѣ словъ и послѣ гласной господствуетъ въ Западной семьѣ конца XIV-го и XV-го в., такъ тамъ же соединяется оно предпочтительно и съ согласными всѣхъ органовъ, какъ плавными, такъ и гортанными, язычными, зубными и, какъ увидимъ ниже, губными: ясно, что сдѣсь вся сила заключается въ самой 6-ѣ є, а не въ смягченіи согласной. Напротивъ а и ꙋ въ соединеніи съ прочими согласными, кромѣ плавныхъ, не испытываютъ никакого особеннаго измѣненія, и согласныя остаются съ своимъ обычнымъ произношеніемъ, какое мы привыкли слышать въ томъ, или другомъ словѣ. Но въ соединеніи съ плавными а и ꙋ являются совершенно въ противупо-

ложномъ отношеніи къ самимъ себѣ, взятымъ самостоятельно. Въ послѣднемъ случаѣ, сказали мы, Восточная семья любитъ иногда не смягчать **ꙗ** и **ꙋ** послѣ гласной, на пр., **великаꙗ̑**, **желаниꙗ**, **ма̑тїꙋ** и т. д.; но она же, на оборотъ, любитъ употреблять мягкія плавныя, а не твердыя, въ сочетаніи съ этѣми двумя гласными, равно какъ **о** при словодвиженіи переводить въ **є**. Въ ней господствуютъ формы: **краль**, **-ю**, **-ємь**, **ѕємлꙗ**, **-ю**, **любовь**, **царємь** и пр. Напротивъ того Западная семья предпочитаетъ отвержденіе плавныхъ въ сочетаніи съ **а**, **ꙋ**, **о**, такъ что послѣднее не измѣняется, предполагая собою твердый полугласный исходъ слова: ей принадлежатъ почти исключительно формы: **крала**, **-ꙋ**, **вола**, **-ꙋ**, **ѕємла**, **-ꙋ**, **властєломь**, **краломь**, **царомь** и т. д. Но во всѣхъ этихъ явленіяхъ мы не находимъ ничего сверхъестественнаго, или такого, что бы противорѣчило взаимному отношенію и свойству двухъ началъ, вошедшихъ въ составъ книжнаго Сербскаго языка. Несмягченіе **ꙗ** и **ꙋ** послѣ гласныхъ, равно какъ мягкій полугласный исходъ извѣстныхъ словъ, оканчивающихся на плавныя, въ слѣдствіе чего при словодвиженіи **ь** мѣняется на **є**, **ю**, **ьмь**, или **ємь** и т. д., суть признаки Ц.-Славянскаго языка въ его средневѣковую пору, ту пору, въ продолженіе которой онъ производилъ свое вліяніе на Сербскую письменность. Съ началомъ XIV-го в. рядъ Аѳонскихъ грамотъ яснѣе и въ большей степени обнаружилъ его вліяніе и съ тѣмъ вмѣстѣ его современные признаки. Я не сомнѣваюсь вмѣстѣ съ Шафарикомъ [1] признать древнѣйшимъ признакомъ Д.-Булгарскаго языка твердый полугласный исходъ существительныхъ на **л**, на пр., **мѫчителъ**, **дѣлателъ**, также форму **къѕълоубиша** и т. п., но не сомнѣваюсь также признать за Д.-Булгарскимъ книжнымъ языкомъ, когда, послѣ паденія Булгарскаго царства, онъ достался въ руки смѣшанному Булгарскому народу, или другимъ православнымъ Славянамъ, какъ-то Сербамъ и Русскимъ, признать за таковымъ Булгарскимъ, или, лучше, Ц.-Славянскимъ языкомъ, различныя его временныя и мѣстныя видоизмѣненія или поры, и отличительнымъ признакомъ одной изъ таковыхъ поръ несмягченіе **ꙗ** и **ꙋ** послѣ гласной и на оборотъ смягченіе плавныхъ какъ въ сочетаніи съ ними, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, замѣчаемыхъ въ вышеприведенныхъ примѣрахъ. Въ эту-то пору своего видоизмѣненія Ц.-Славянскій языкъ вошелъ въ Сербскую письменность, въ чемъ убѣждаетъ насъ присутствіе этихъ самыхъ признаковъ именно въ той семьѣ грамотъ, которая наиболѣе подверглась его вліянію. Мы замѣчаемъ, что напротивъ народный Сербскій языкъ отвердилъ мягкій полугласный исходъ плавныхъ въ нѣкоторыхъ словахъ, на пр., *цар*, какъ и вообще отвердилъ нѣкоторыя конечныя согласныя, на пр., въ *кнез* и пр., а равномѣрно и въ другихъ сочетаніяхъ плавныхъ ввелъ кое-гдѣ твердость противъ Ц.-Славянской мягкости; а по тому мы не усомнимся отнести къ дѣйствію народной стихіи то, что въ Западной семьѣ формы относительно плавныхъ сочетаній распались на твердыя и мягкія. Конечно, въ отверденіи плавныхъ была своего рода крайность: отверждались такія сочетанія, которыя въ послѣдствіи, какъ видимъ ихъ нынѣ, опять вошли въ свою прежнюю мягкость, на пр., **лꙋбовь**, нынѣ *љубав*; но это должно приписать переходному времени, въ которомъ всегда формы колеблются, а крайности сталкиваются. Тѣмъ не менѣе это отверденіе, и при томъ большее надлежащаго, есть от-

[1] Serbishe Lesekörner, стр. 61.

личительный признакъ Западной семьи конца XIV-го и XV-го вв. и вмѣстѣ разсматриваемаго нами пространства Д.-Сербскаго книжнаго языка.

Отъ плавныхъ, помимо зубныхъ, уже разсмотрѣнныхъ, переходимъ къ *губнымъ*. Порядокъ губныхъ отъ внутреннихъ частей устъ къ наружнымъ таковъ: *в*, *ф*, *м*, *б*, *п*. Сдѣсь самая слабая есть *в*, по чему она и употребляется въ нѣкоторыхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ для придыханія. Нѣсколько твердѣя, она образуетъ звукъ *ф*, хотя не Славянскій, но уже отуземившійся у Славянъ, благодаря посредству звука *в*. Такъ точно *б* слабѣе, чѣмъ *п*; но обѣ онѣ сильнѣе, чѣмъ *в* и *ф*. Средину между тѣми и другими занимаетъ *м*, какъ *н* между *л* и *р*.

Б-а в смѣняетъ в въ словахъ: **любо** (**любо**, С. № 78), **ӑлбанїи, албанїи** (А. № 10; В. № 1), **бенедиктоу** (А. № 17) и въ названіяхъ мѣсяцевъ: **фербвара, февраря, фрьвара, февара, преврара, фервара** (С. NN№ 2, 59, 65, 83, 87, 100, 112, 124, 128, 163, 164), **дениврїа, декемврїа, декеврїа, деврїа** (С. NN№ 90, 91, 111, 147), **ноемврии, новрїа** (С. NN№ 131, 178), **септемврии, сете҃врїа, сектемвра, се҃врїа** (С. NN№ 133, 137, 138, 158), ср. **февбрара** (С. NN№ 125, 128), **сентебра, сентебра** (С. NN№ 61, 136), **новбра, ноебра, ноеебра, новебра, ноемьбра, новембра** (С. NN№ 64, 67, 83, 110, 125, 150, 151, 152, 153), **декембра, десемьбра, деке҃бра** (С. NN№ 68, 92, 105, 158).

Б-а в замѣнила ф въ формѣ **стебани** (С. № 131).

Б-а в переходитъ въ л: **слободно, -ѡ, слобо̑но, -ѡ** (С. NN№ 54, 72, 77, 82, 100, 101, 108, 112, 114, 115, 126, 129, 132, 144, 154), **слобода, -у** (С. NN№ 70, 100), **слободань, -дни** (С. NN№ 78, 98; Ш. № 16), **слободьщине, слободщине, слобощине, слобоутине** (С. NN№ 92, 95, 103, 120, 133, 136, 145, 150), **слобоѣшкаамь, слободихь** (С. № 114), **ѡслободити, -дили, -дисмо, -дихъ** (С. NN№ 132, 154, 164; Ш. № 16), ср. **свободно, -дьно, -тьно** (С. NN№ 2, 3, 5, 9, 14, 16, 17, 60, 66, 80, 91; А. № 12), **свободни, -тьни** (С. NN№ 2, 16), **свобода, -е, -оу** (С. № 77; А. № 7; С.-Д. М. 1844), **свободьщине** (С. № 81), **ѡ-, ѡ̆-, ѡсвободи, -смо, ѡсво́бодихь** (А. NN№ 5, 10, 14, 17). Порядокъ этой смѣны отвѣчаетъ такъ часто повторяемому нами соотношенію памятниковъ по мѣсту и времени. Нынѣ Сербы говорятъ: *слобода*, *слободан*, *слободити* и т. д.

Б-а в опускается весьма часто послѣ в и передъ л. Въ первомъ случаѣ всѣ Славянскія нарѣчія болѣе, или менѣе наблюдаютъ это опущеніе по закону благозвучія; во второмъ случаѣ Сербскій языкъ сходится съ Хорватскимъ. Таковы формы: **урьвнога, црьвене** (С. NN№ 16, 121), **ѡбарую, -аю, ѡбаровати, -аии, -ааии, -аньѣ, ѡбаро̆вати** (С. NN№ 64, 77, 78, 82, 118, 129, 141), **изисправлю, -аю, -ае, -ше, -ени** (С. NN№ 70, 81, 85, 95, 163; А. № 14), **састалена, -ена, сьстале́на** (С. NN№ 81, 85, 89, 95, 178), **ѡправлаше, -аше, -ати** (С. NN№ 81, 85, 95, 132), **сталихъ, -ати, -ене** (С. NN№ 86, 107, 132), **оусталимо** (С. № 91). **направлена, -ень** (С. NN№ 98, 157), **поставленомъ, -лене, -ены** (С. NN№ 99, 105, 163; Мл.), **ѡбеселисмо** (С. № 104), **ѡсталимь** (С. № 114), **да се ѡстала** (А. № 14). Кромѣ пяти примѣровъ (С. NN№ 91, 178; Мл.; А. № 14), всѣ прочіе принадлежатъ Западной семьѣ XIV-го и XV-го вв. Это показываетъ, что опущеніе б-ы в передъ л возникло не ранѣе XIV-го в. и сдѣлалось господствующимъ въ Западныхъ грамотахъ. Кромѣ приведенныхъ примѣровъ, Восточныя постоянно удерживаютъ в передъ л; но въ Западныхъ, на оборотъ, формы съ в весьма рѣдки, особенно въ XV-мъ в., каковы, на пр., **исправлати, -ни** (С. NN№ 66, 68), **поставлень, -неномъ** (С. NN№ 65, 68),

ѡставимь (С. № 144) и н. др. Нынѣ в въ этихъ случаяхъ, большею частію, возстановлено. Б-а в опущена еще въ слѣдующихъ словахъ: **агѹсти, агости, агѹстинь, -а** (С. №№ 21, 169, 171), **генѹра, генара** (С. №№ 63, 71, 73), **сторихь** (т. е., **сьтворихь**, С. № 71), **кралество, -а, кралества, кральство, -ѹ, кралства** (С. №№ 83, 84, 89, 99), **раѕѹ, -и, -е, рааѕѹ** (С. №№ 83, 98, 114, 143, 146), ср. **раѕвѣ** (С. №№ 22, 28, 39, 46, 68), **скоѕини** (А. № 6).

Б-а в вставляется, как благозвучная, въ словахъ: **ивѡлиа, -ѡмь** (А. И.; С. № 16), **иванъ, -а, -ѹ** (С. №№ 96, 108, 112, 126, 144, 150, 156, 172; А. № 6; Мл.), **ѡбѣ ивани** (Ш. № VII), **ивань доѹкь** (А. № 8), **иваноквѣь** (С. № 94), **иванишь, -а, -ѹ, -емь** (С. №№ 98, 107, 112, 114, 116, 117, 126, 127, 133, 136, 141, 144, 145, 150), **иванишкѹ** (С. № 108), **ивко, -ѹ, ивькомь** (С. №№ 99, 158, 159, 163), **подвоѹїе** (З.), **ваклоньски**, ср. тутъ же **аклонѹ** (С. № 61), **иѕравиасва, иѕдравасва, иѕдравиасва, иждравиасва** (С. №№ 81, 89, 95, 150; З. А.).

Имена, оканчивающіяся на и, которое въ Русскомъ языкѣ обратилось въ й, превращаютъ его иногда въ в; на пр.: **цѣловь** (Ш. № VII), **николавь** (С. № 8), **матевь** (С. № 16), **дроѹговь** (А. № V), **подоѹнавскымь** и **подѹнавскымь** (С. № 90), **доѹнавь, -а** (Ш. № 15), *на дунаву* (В. К.), **подоѹнавскии** (печ., А. т. X), **подѹнавью** (печ., А. т. XI), **пѡдѹнавскымь** (А. № 18), **пѡдоѹнавью** (А. № 16) и т. д. Это явленіе еще замѣтнѣе въ словодвиженіи и словообразованіи. Мы считаемъ сдѣсь умѣстнымъ высказать свое мнѣніе о немъ, или, лучше, распространить прежнее. Обыкновенно *ав* и *ов* считаютъ усиленіемъ *у*, которое усиливается или прямо такъ, или въ видѣ *ы*. Слѣдовательно, первоначальный основной звукъ для нихъ должно видѣть въ *у*, а для *ев* въ *ю*. Но не всегда эти усиленія можно объяснять чрезъ *у*; необходимо допустить и сдѣсь перезвукъ другаго усиленія *ай*, или *ой*, *ей*, которое образуется изъ усилившагося *и*. Какъ тамъ *у*, такъ сдѣсь *й* суть основныя гласныя, усилившіяся въ двоегласныя съ помощію *а*, перезвукованнаго въ *о*, или, при мягкости, въ *е*. Перезвукъ *и* въ *у* возможенъ въ Славянскихъ нарѣчіяхъ: по чему же не допустить и возможности этого перезвука въ тѣхъ же, но только усиленныхъ буквахъ? Иначе нельзя и объяснить окончательно вышеприведенныя формы. Имена **николавь, матевь** принадлежатъ Дубровничанамъ; Славянская форма не мѣшаетъ видѣть въ нихъ близкое родство съ Итальянскою Nicolai, Mathei, которая у Сербовъ звучала, по всему вѣроятію, какъ **николаи(й), матеи(й)**, и гдѣ **аи, еи** прямо перешли въ **ав, ев**, какъ **ои** перешло въ **ов**. Стало быть, сдѣсь, какъ и въ словахъ **доѹнавь, дроѹговь** объ **ѹ** и помину нѣтъ, и это явленіе есть не что болѣе, какъ перезвукъ, или переходъ изъ одного усиленія (гуны) въ другое. Слово **цѣловь** предполагаетъ **ѹ** и по тому не требуетъ подобнаго объясненія.

Вообще всѣ Славянскія нарѣчія не любятъ звуковъ *х* и *ф*: одни изъ нихъ мало терпятъ ихъ, другіе даже вовсе не терпятъ. Къ послѣднимъ принадлежитъ и Сербское. Мы знаемъ уже, что отзвукъ *г—х* (*ћ*) сохранился только въ небольшой прибрежной области Сербіи, отъ Дубровника до Черногоріи включительно, мѣстами, быть можетъ, подъ вліяніемъ Итальянскаго языка, а мѣстами и Булгарскаго. Равно звукъ *ф* вошелъ въ Сербскій языкъ только вмѣстѣ съ иностранными словами, или замѣнилъ собою другую крайность, звукъ *х*, въ соединеніи съ *в*, на пр., *фала*, *фитати*, *фатити*, *фиснути*. Большая часть первыхъ имѣетъ двойственную форму съ *в* вмѣсто *ф*. Есть нѣсколько словъ звукоподражательныхъ: *фрк*, *фрка*, *фркане*, *фрснути*. Чер-

могорцы болѣе другихъ Сербовъ терпятъ *ф*, какъ и *х*. Въ Западныхъ областяхъ употребляется *уфане*, *уфатисе* — форма, очевидно, не Сербская. Такъ и Д.-Сербскій языкъ старался избѣгнуть звука ф, сколько пристрастіе писцовъ къ обычнымъ письменнымъ формамъ позволяло это. Въ немъ мы находимъ б-у п, какъ замѣняющую ф: ей дано, по видимому, наибольшее замѣнительное служеніе вмѣсто б-ы ф. Такъ мы читаемъ: степань, -а, -ѹ, степани црьки, стнепань, -а, стѣпань, -а, -ѹ, -омь, стипань, -ѹ, -омь и пр., стѣпе, -омь, стѣпковикь и т. д. (С. №№ 6, 14, 15, 24, 57, 60, 62, 64, 71, 74, 78, 83—86, 89, 92, 95—98, 104, 107, 108, 112, 114, 115, 119, 120, 123, 124, 126, 128, 132—134, 136—147, 150—154, 156—159, 161, 163, 164, 173, 176, 179; Ш. № 16; З. А.), стѣпа, степагнь, ...тепань (печ., А. №№ 5, 9; Г. II, стр. 203; С. № 120). Изъ приведенныхъ сейчасъ грамотъ только 8, да 3 печати принадлежатъ Восточной семьѣ, а всѣ прочія Западной: отношеніе между ними съ небольшимъ, какъ 6: 1; оно почти обратно измѣняется въ формѣ стефань, -а, -ѹ, -е, -омь, стѣфань, -а, -ѡ и т. д., щефань, щифань, стифань, стефлань, стфнь, стефан, стфнь, сфь и т. д. (Ш. № VII; С. №№ 2, 7, 9, 13, 21—25, 28—31, 33—40, 42, 43, 46 48—55, 62, 66, 68, 70, 73, 77, 81, 83, 85, 90 — 92, 103, 111, 116, 135 — 138, 140, 150 — 154, 175, 176; А. №№ 1— 13, 16 — 19; Мк.; С.-Д. М. 1844; печ. и мон., Г. I, стр. 156, II, стр. 203, III, №№ 6, 7, 10, 11, 27—30, 39, 40, 41, 55—61, 71, 72, V, №№ 1, 4, VI, № 17; Рейх. XVIII, 8; Бод.; А. №№ 8—11, т. X, XI; С.-Д. М. 1844, стр. 127). Между приведенными сдѣсь грамотами, печатями и монетами только безъ малаго ⅙ принадлежитъ Западной семьѣ; остальныя относятся къ Восточной. Къ тому же замѣтимъ, что изъ всѣхъ памятниковъ 16 доставляютъ двойныя формы съ п и ф, при томъ такъ, что бо́льшая часть формъ съ ф принадлежитъ подписямъ, а съ п тексту, ибо подпись, по своей важности, прикладываемая собственноручно Сербскими владѣтельными лицами, уже удалялась отъ народнаго языка и, при обычномъ желаніи Боснійскихъ королей поддѣлаться подъ ладъ грамотъ православныхъ царей, должна была вдаться въ Ц.-Славянскую стихію. И такъ изъ отношенія между грамотами мы видимъ, что форма съ п держалась преимущественно въ Западной семьѣ, какъ ближайшей къ народной стихіи, а форма съ ф въ Восточной, какъ ближайшей къ Ц.-Славянской. Нынѣ *Степан*. Замѣну ф б-ю п находимъ еще въ слѣдующихъ словахъ: пиланть (Ш. № II), кепална, -и, -нѡ, кепалии (С. №№ 35, 43, 49, 71), ср. кефалиѧ, -ѧ, -ю, кифалїю, кифалїе (С. №№ 54, 73, 91, 111, 137; А. № 10), перварa, пребара, прьва (т. е., февраръ, С. №№ 65, 83, 127).

Б-а м по звуку своему сходна съ п, и по тому всѣ Славянскія нарѣчія, хотя не часто, употребляютъ одну вмѣсто другой. Мы уже видѣли эту смѣну въ нашихъ грамотахъ.

Не любя повторенія одной и той же буквы, Сербы, какъ и прочіе Славяне, избѣгали стеченія двухъ м, хотя бы они были раздѣлены полугласною и составляли два особые и необходимые слога. По этому мы иногда находимъ подобныя сокращенія: ѹ ꙁаконѣ ѡуниѣми (т. е., ѡунѣмьми, С. № 2, сь кралевствоми (т. е., сь кралевьствомьми, С. № 31), сь илнкоми (А. № 18), бгодарованиями вѣнцемь (С. № 97) и н. др.

Б-а м замѣнила л въ словѣ шандамх (С. № 130).

Б-а п смѣняется съ б-ю п весьма часто: виною тому ихъ созвучіе. Таковы

формы: **бревиләгии** (привилегіи, С. № 16), **подписи** (т. е., **подписати**, С. № 168), **ѡпкиниа**, **ѡпьким**, **оним**, **ѡпьщиня**, **ѡпьтиня**, **ѡпѣни**, **ѡпьѣина**, **ѡплѣнь**, **ѡпи-иици** и т. д. (С. №№ 3, 5, 16, 19, 20, 24, 25, 32, 37, 39, 45, 56, 58, 59, 66, 69, 78, 79, 81, 82, 84, 85, 86, 88, 89, 92, 93, 95—98, 100, 103, 106, 107, 108, 110—114, 116, 119 — 122, 124 — 128, 130, 133, 135, 136, 140, 141, 144, 145, 148, 150, 154, 155 и пр.; А. № 14; Г. VI, № 2). Форма **ѡбькиња**, **-ѣ**, **ѡбщиня** и т. д. встрѣчается мѣстами въ XIII-мъ в. (С. №№ 2, 4, 6, 10, 21, 26, 31) и только по два раза въ XIV-мъ и XV-мъ вв.: **ѡб-ѣние**, **-ѹ** (С. №№ 66, 81), **ѡ҃бкине** (С. №№ 137, 138), **опать**, **-ица** (Ш. № II; С. № 37), **срьпьска**, **-ѹ**, **-ои**, **-омь**, **-ѿ**, **-имь**, **српски**, **-е**, **срьпскаго**, **-ога**, **-ѧ**, **-е**, **-ие**, **-он**, **-ѹ**, **-й**, **-сцѣхь** и т. д. (С. №№ 22, 23, 24, 27, 51, 52, 71, 76, 77, 89, 95, 103, 114, 124, 130, 132, 176; А. №№ 5, 9, 10, 14, 18; В. № 1 и пр.), **ѡпьтикло** (С. № 78), **ѡптеуе** (С. № 37), **любо** (**любо**, С. № 82), **грѹпка** (С. № 105), ср. **грѹблѧь** (С. № 98), **грѹбко** (С. № 110), **грѹбкоміѣ** (С. № 158).

Б-а **б** смѣшается съ **в** въ словахъ: **ꙗкобь**, **бенетукои** (С. № 16), **ѹ бенецѣхь** (С. № 43), **бенетькь** (С. № 62), ср. **венетицѣхъ** (А. № 10), **протобистарь**, **-ѧ** (С. №№ 107, 136, 140), ср. **висьѣрье** (С. № 16).

Б-а **б** опущена въ словѣ **повеири** (С. № 121).

Б-а **п** замѣнила **х** въ словѣ **пилимьдара** (С. № 173).

Б-а **п** замѣнила **ѵ** въ предлогѣ **прѣзь**, **прѣз**, **призь** (С. №№ 2, 76, 88, 164, 176).

Греческая б-а ψ, замѣняющая простое сочетаніе **пс**, встрѣчается въ одной изъ нашихъ грамотъ, именно Дубровницкой, въ Греческомъ словѣ **теѱїа**, **теѱе**, хотя тутъ же написано и **тепсие** (С. № 130), да еще въ Аѳонской гр-ѣ въ Славянскомъ словѣ **ѱара** (А. № 10), ср. **псарь** (н. р.).

Сохраненіе б-ы **ф** въ словѣ **стефань** и во многихъ другихъ словахъ, подобное строгому повсюдному сохраненію б-ы **х**, есть одинъ изъ тѣхъ признаковъ правописанія Д.-Сербскихъ писцовъ, на которые мы не разъ указывали въ ученіи о звукахъ и которые увидимъ въ послѣдствіи въ словодвиженіи. Изъ уваженія къ Ц.-Славянской стихіи писцы, вопреки своему Сербскому уху, писали, а можетъ быть, даже и читали слова въ Ц.-Славянской формѣ, будучи вполнѣ увѣрены, что въ народѣ эти самыя слова звучали иначе. Это уваженіе къ формамъ, освященнымъ языкомъ Вѣры, не мало вредило чистотѣ народнаго языка и вмѣстѣ съ тѣмъ достоинству Д.-Сербскаго правописанія, по скольку достоинство каждаго правописанія состоитъ въ вѣрнѣйшемъ воспроизведеніи звуковъ устнаго языка. Не разъ удавалось намъ замѣчать, что не должно увлекаться древнею правописью, которая не имѣла въ себѣ ни единства науки, ни даже вѣрности въ изображеніи звуковъ народнаго языка: писали такъ, читали и говорили иначе; а если и читали, какъ писали, то съ полнымъ убѣжденіемъ, что такое чтеніе не согласовалось съ народнымъ выговоромъ. По этому въ различныхъ заключеніяхъ о свойствѣ народной рѣчи Сербовъ нельзя буквально слѣдовать всѣмъ пріемамъ и уловкамъ древняго правописанія, но иногда должно подъ наружностію буквы подмѣчать скрытую цѣль писца, а когда и того нельзя сдѣлать, то слѣдуютъ цѣлыя формы считать не народными и смотрѣть на нихъ, какъ на выраженіе твердой привязанности писцовъ къ Ц.-Славянскому языку. Такъ и б-а **ф** своимъ тщательнымъ сохраненіемъ въ нашихъ памятникахъ одолжена той же привязанности.

Но, удержавъ ее, писцы уже забывали о близкой къ ней ѳ и замѣняли ею эту послѣднюю, на пр., логофеть, -а, логофѣ (С. №№ 61, 62, 64, 66, 71, 81, 86, 87, 92, 99, 100, 106, 108, 109, 111, 112, 115, 119, 121, 123, 126, 130, 138, 179; Ш. № 16). Однако., въ тѣхъ грамотахъ, которыя наиболѣе держатся Ц.-Славянской стихіи, встрѣчаемъ это слово и съ б-ю ѳ: логоѳеть, логоѳ, логоѳѣ (С. №№ 47, 54, 55, 90, 137). Большая, или меньшая сознательность начертанія буквенныхъ знаковъ Кириллицы служитъ лучшимъ доказательствомъ большаго, или меньшаго родства грамотъ съ Ц.-Славянскою стихіею. По этому въ ближайшихъ къ ней Аѳонскихъ грамотахъ чаще, чѣмъ въ другихъ, встрѣчаемъ б-у ѳ: мѹстаѳиа, мѹстаѳиа (А. №№ 3, 4), но андоніа (А. № 5), аѳонѣ, ѳеодоуаа (А. № 10), маѳеи, ѳеодоуль, аѳонскоую, елеѳеріе, филоѳоу, ѳеодосіе (А. № 11), саваоѳа (А. № 14). Въ Восточной, но не Аѳонской: анаѳема (С. № 51) и въ Западныхъ XIII-го в.: маѳеи (С. № 14), ѳома (С. № 15), ѳомаша (С. № 81). Но уже оба начертанія, ф и ѳ, начинали у древнихъ Сербовъ терять настоящій свой звукъ: это видно изъ замѣны ихъ другими буквами. Къ послѣднимъ присоединимъ т и и вм. ѳ: матеи, матковичь и т. д. въ Дубровницкой гр-ѣ въ слѣдствіе заимствованія этой формы у Итальянцевъ (С. № 16), матея (А. № 12), анатема (С. № 78), тодора, -е (С. № 127), тома, томаш, -ь (Ш. № II; С. №№ 18, 136, 140, 141, 145, 151), томашевиѣ (С. № 150), тадиа, -и (С. №№ 141, 172), логопеть (С. № 96) и пр. Съ другой стороны, сами они замѣняли своихъ замѣнителей; такъ находимъ: ринфидами (ῥιπίδιον, Ш. № VII), скифтрѹ (В. № 1), кѵфтръ, скѵфетра (С. №№ 81, 95), ср. скиптрѣ, скиптръ, скипетри, скипетри (σκῆπτρον, С. №№ 85, 89, 150; З. А.), тефатионь (С. № 81), ср. тепити (С. № 36), тепатия, -омь, тепатия (С. №№ 83, 84, 85), тепичѣемь (С. № 85) и пр.; ѕафисании (ѕаписаниа, С. № 95). Писцу гр-ы С. № 81 пришла мысль написать нѣсколько разъ ѳимьже, -е, ѳакожде, что и доказываетъ, что онъ б-у ѳ читалъ уже какъ т. Форма: ѵфалюшихь (С. № 135), ѵфаные (С. № 157) взята у другихъ Славянъ и доселѣ употребляется только у однихъ Западныхъ Сербовъ; въ другихъ грамотахъ ѵпокати, ѵпокание и пр.

Губныя наименѣе нуждались въ сочетаніи съ мягкими гласными въ Д.-Сербской письменности: отъ того до второй половины XIV-го в., или до вторичнаго появленія грамотъ Западной семьи, мы не видимъ особеннаго смягченія ихъ, и слова звучатъ такъ, какъ мы привыкли ихъ слышать. Если попадается форма гѹстимиромоу (С. № 35), то сдѣсь вся сила въ гласной, ибо писецъ этой грамоты любитъ и въ другихъ случаяхъ безъ разбора смягчать и. Скорѣе признакомъ мягкаго произношенія должно признать сочетанія губныхъ съ ѣ, на пр., вѣлики, вѣлиіки, -имь, вѣлицѣхь, какъ то же видѣли мы въ другихъ согласныхъ, на пр., зубныхъ: стѣфань, водѣнитий, плавныхъ: рѣкоу (1-е л. ед. ч.), волѣ, гортанныхъ: кѣгѣ и пр. (см. в.), ибо сдѣсь ѣ есть то же, что е. Но со второй половины XIV-го в. въ Западной семьѣ (Восточная ни въ какомъ вѣкѣ не представляетъ особеннаго смягченія) частію отъ усиливающагося дѣйствительно смягченнаго произношенія, частію отъ пристрастія къ начертанію е, частію отъ замѣны послѣднимъ б-ы ѣ, появляется сочетаніе губныхъ съ мягкимъ е, и рѣже, какъ бы по прихоти писца, съ другими гласными вопреки обычному правописанію. Такъ читаемъ: поемаь, пекелм, -ехь, -ахь, -ехь, повеласмо, повелиемь (С. №№ 66, 81, 100, 103, 127, 129, 133, 144), ѡ дмитрове днеь, приме, вмидение, тадьве, ѵѕгаве (С. № 66), ѕдове, -е (С. №№ 66, 104), велмь, -и, -емх, -е, -ои, -имь, -ехь,

-циехь, -цимь (С. №№ 66, 81, 100, 104, 107, 127, 132, 134), прьве (С. № 68), име (С. №№ 68, 84, 86, 100, 106, 107, 108, 109, 112, 127), небеса, -е, нбесие (С. №№ 81, 86, 103), славеть, ђакеђашесе (С. № 81), перверь (С. №№ 81, 96, 127), веке, -е (С. №№ 84, 144), племените, -я, племе, -на, -е, племена (С. №№ 84, 86, 96, 99, 103, 104, 112), славе (С. №№ 86, 133), ме (С. №№ 86, 103, 104), праве, -е (С. №№ 86, 96, 104, 120, 144), свете, -аго, -ѣмь (С. №№ 96, 99, 127, 132), градове (С. №№ 96, 157), вeђь (С. № 96), нађовемо (С. №№ 96, 127), пенеђи, -еђи (С. №№ 96, 127), печатвсмо, печетию, печать, -ью (С. №№ 96, 100, 127, 134, 144), ђакеђании (С. № 96, 104), распетие, -ье (С. №№ 96, 100, 104), мене, -ѣ (С. №№ 96, 104, 127), живе, -е (С. №№ 96, 99, 104, 107), време, врѣме, -е, вр́ме (С. №№ 96, 100, 107, 108, 114), любесе (С. № 99), петра (С. №№ 99, 100, помензтье, споменэтье, -ѣ, -м, паметь, -и (С. №№ 100, 103, 104, 124, 127, 132, 134), вёли, веселье́мь (С. №№ 100, 104), ђавале, -е (С. №№ 101, 145), веме, -е, -е (каштин, С. №№ 108, 112, 127), листове, веђда (С. № 109), потовемь (С. №№ 112, 127), свемь, педесть (С. № 112), пира (имя соб., С. № 113), постане (С. № 127), мега (С. №№ 127, 132), све (С. №№ 127, 132, 134), любвеннӗь, любежанине, гавела (С. № 132), дрьжаве (С. № 133), веће, любве, тронве (С. № 144), спиове, похве (С. № 157) и пр. Не нужно, кажется, говорить, что на каждую смягченную форму можно привести по нѣскольку несмягченныхъ для тѣхъ же самыхъ словъ, что ясно показываетъ, что губныя въ этихъ случаяхъ не нуждались въ смягченной гласной. Мы не приводили случаевъ сочетанія губныхъ съ такимъ мягкимъ е, которое въ томъ, или другомъ начертаніи замѣняетъ собою ѣ. Изъ примѣровъ видно, что наибольшее количество мягкихъ сочетаній принадлежитъ б-мъ в и м, потомъ б, п, а ф вовсе не имѣетъ ихъ. Примѣры сочетанія губныхъ съ прочими гласными приведены въ своемъ мѣстѣ въ ученіи о послѣднихъ, каковы: нраменстворої (С. № 62), своемю, мю, последнемю, истиномю, комю, всакомю (С. № 89), славю, бойвю, гпоцтвю, апюстоль (С. № 104) и пр. Они, какъ сказали мы, имѣютъ отношеніе къ одной гласной и выражаютъ особенное расположеніе писца къ ея смягченію, вопреки общему правописанію и произношенію.

Оканчивая обзоръ движенія согласныхъ рѣчью объ ихъ смягченіи, мы считаемъ сдѣсь не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ ерованьи по поводу признаковъ этого послѣдняго, встрѣчающихся въ древнихъ памятникахъ Сербскаго языка. Всякій знаетъ, что нынѣшнее господствующее правописаніе православныхъ Сербовъ принимаетъ четыре мягкихъ знака для согласныхъ *л*, *н*, *д* и *т*, долженствующихъ, по соединеніи своемъ съ мягкими гласными, звучать мягко. По правиламъ нынѣшняго Сербскаго правописанія, какъ только одна изъ упомянутыхъ согласныхъ соединяется съ мягкою гласною, такъ тотчасъ же наружный видъ ея измѣняется: *л* обращается въ *љ*, *н* въ *њ*, *д* въ *ђ*, *т* въ *ћ*; а мягкая гласная, произведшая смягченіе въ согласной, въ то же время становится твердою. Спрашиваемъ, къ чему такое превращеніе? къ чему такая передвижка мягкаго начала изъ гласной въ согласную? Мягкость живетъ не въ согласной, а въ гласной, и отсюда дѣйствуетъ на согласную, подвергая ее различнымъ видоизмѣненіямъ. Это не противорѣчитъ тому, что въ Сербскомъ языкѣ нѣкоторая мягкость замѣтна въ небныхъ *л* и *н* и зубныхъ *д* и *т*, которая, вѣроятно, и послужила поводомъ къ усвоенію за ними смягченнаго изображенія. Мягкость эта происходитъ или отъ

образовательнаго органа, какъ въ плавнихъ, или отъ привычки народной, какъ въ зубныхъ; но она вовсе не та, которую мы разумѣемъ въ гласныхъ и имъ однимъ приписываемъ. Мягкость плавныхъ есть то же, что мягкость твердыхъ *и* и *е*, т. е., собственно полумягкость, не мѣшающая существованію истинной мягкости. Только въ томъ случаѣ, когда природа согласной измѣняется въ слѣдствіе смягченія, на пр., когда *г* переходитъ въ *ж*, а *х* въ *ш*, мягкая гласная переходитъ въ твердую, ибо сдѣсь, по свойству языка, мягкость выливается изъ гласной въ согласную и вмѣстѣ съ нею образуетъ новый, по природѣ своей мягкій звукъ, послѣ чего гласная, лишенная своей мягкости, необходимо должна сдѣлаться твердою. Въ другихъ случаяхъ, когда согласная не измѣняетъ своей природы, св. Кирилъ поступилъ не менѣе основательно и благоразумно, сочетавъ мягкую гласную съ твердою согласною: чрезъ это его правописаніе сохранило болѣе общности и послѣдовательности, чѣмъ нынѣшнее Сербское: *я*, *е*, *ю* оставались одними и тѣми же какъ въ соединеніи съ согласными, такъ и въ началѣ словъ и послѣ гласной: слѣдовательно, четыре новые буквенные знака были избѣгнуты, а правописаніе отъ того ни мало не потерпѣло; оно было столько же ясно, сколько и однообразно. Вѣдь принуждены же Сербы писать въ началѣ слова и послѣ гласной и прочихъ согласныхъ *ја*, *је*, *јy*: по чему же не писать ихъ и съ *л*, *н*, *д*, *т*, особенно, если бы они, вмѣсто упомянутыхъ полулатинскихъ, полуславянскихъ сочетаній, приняли обыкновенныя *я*, *е*, *ю*? Мы не видимъ къ тому никакого препятствія. Зачѣмъ прибѣгать къ дурно сплоченнымъ начертаніямъ, въ которыхъ сверхъ того участвуетъ чуждое, не-Славянское *ј*? Развѣ *ја*, *је*, *јy* не точно ли такъ же звучатъ, какъ и *я*, *є*, *ю*? При томъ самое образованіе тѣхъ и другихъ одинаково: тамъ *ј* сдѣсь *і*: только Кириловское начертаніе гораздо плотнѣе и единичнѣе, а полулатинское разъединеннѣе. Этотъ способъ правописанія былъ бы естественнѣе, послѣдовательнѣе и проще; да онъ и не новъ: его уже употребляютъ нѣкоторые Сербы — и весьма успѣшно. Равномѣрно и начертанія *љ*, *њ*, *ђ*, *ћ* тоже вовсе ненужны: иначе и для другихъ буквъ, при мягкомъ ихъ произношеніи, пришлось бы или изобрѣтать новые знаки, или придумывать новыя ерованныя начертанія. Зачѣмъ еровать тамъ, гдѣ дѣйствуетъ гласная мягкость, т. е., іотація? Да и самое *ь* не есть ли прадавняя мягкая полная гласная, приводящая къ небному смягчающему *и*, *і*, слѣдовательно, къ той же іотаціи? Начертанія *ля*, *лє*, *ня*, *не*, *дя*, *тя*, *тю* и т. д. сами по себѣ правильнѣе и болѣе говорятъ въ пользу древности, чѣмъ *ља*, *ња*, *ђа*, *ћа* и т. д., которыя можно назвать уже второстепенными, видоизмѣненными начертаніями и, должно сознаться, безполезными, а по тому и лишними. Но отсюда не должно заключать, чтобы мы совершенно отвергали ерованье: и оно имѣетъ свой кругъ употребленія послѣ того, какъ сократилась въ *ь* прадавная мягкая гласность. Въ правилахъ языка, когда разсматриваются отдѣльно согласные звуки и ихъ смягченіе въ разъединеніи съ гласными, можно, положимъ, употреблять слово «ерованіе» вмѣсто «іотація»; но на дѣлѣ, т. е., въ правописаніи прибѣгать всюду къ ерованію, когда возможна іотація, безполезно и вредно, ибо чрезъ то правописаніе теряетъ свою послѣдовательность, а съ нею и полезное однообразіе, между тѣмъ, какъ нисколько не пріобрѣтаетъ въ точности, столь нужной для облегченія изученія всякого языка. На дѣлѣ не должно распространять ерованія сверхъ надлежащаго. Славянскіе языки, утративъ прадавнее полногласіе, замѣнили его полугласіемъ, которое въ свою очередь обра-

тилось въ безгласіе. Тамъ, гдѣ окончаніе слова исходитъ на мягкую согласную, гдѣ основа слова сочетается съ образовательнымъ окончаніемъ помощію мягкаго *ь*, наконецъ гдѣ въ самой основѣ и въ самомъ окончаніи согласная требуетъ мягкаго произношенія или отбоя, тамъ происходитъ ерованіе; словомъ, ерованіе бываетъ только тамъ, гдѣ согласная звучитъ мягко при исчезаніи гласной. Во всѣхъ же прочихъ случаяхъ, по причинѣ сочетанія согласной съ мягкою гласною, происходитъ іотація, разумѣется, въ природѣ самой гласной, которая, какъ душа слова, сообщаетъ свое мягкое свойство и самому тѣлу, согласной. Д.-Сербскій языкъ никогда не старался сколько нибудь обобщить ерованіе согласныхъ въ соединеніи съ гласными и только изрѣдка, какъ бы невзначай, при упадшемъ отъ времени и употребленія значеніи мягкихъ начертаній, какъ бы для замѣны и поддержанія ихъ, прибѣгалъ къ нему, и то большею частію неудачно. Правильныхъ примѣровъ находимъ весьма немного. Таковы: **прѣславньога**, **памета** (С. № 16), **весьдѣ** (С. № 25), **мрьнамь** (С. № 32), **ꙁападньи стрꙋна** (С. № 35), **ꙁемлю** (С. № 52), **мѣсьнѣа**, **вьсй**, **вьсемь** (В. № 2), **кральица** (С. № 81), **посьлешениемь** (С. № 82), **кральв** (С. № 84), **записатьихь** (С. № 102), **кнежьои** (С. № 103), **наинрьи**, **крьвгли** (С. № 119), **грьнканце** (С. № 121), **литрьа**, **-ьв** (С. № 123), **видьмию**, **ꙁемльи** (С. № 164), **подоꙋчаньию** (печ., А. т. XI). Сдѣсь мягкость б-ы *е* означена чрезъ ерованныя согласныя **нь**, **шь**; мягкость б-ы *ѣ* чрезъ ерованныя **сь**, **ль**, **рь**; мягкость б-ы *є* чрезъ ерованныя **мь**, **ль**, **нь**. Б-а *и* предполагается сдѣсь тоже мягкою. Почти равносильны съ предыдущими, хотя и неправильно образованы слѣдующія формы: **кнмью** (С. № 16), **монастирью** (С. № 52), **настольемь** (С. № 107), **крьщеню** (С. № 121), **прьедь**, **прьнед** (С. NN№ 123, 126), **прьдописаше**, **крьеме** (С. № 126), **дню** (А. № 13). Въ нихъ *ь* излишне, по тому что гласная и безъ того уже мягкая: **ю**, **є**, **ѥ**. Впрочемъ, буквальная неправильность не мѣшаетъ видѣть въ нихъ одно значеніе съ предыдущими: писецъ только ошибся въ гласныхъ, написавши мягкія вмѣсто твердыхъ. Очевидно, чрезъ *ь* онъ хотѣлъ выказать мягкость звука согласной, истекающую изъ соединенія съ мягкою гласною: по этому, боясь и не желая, по новости предмета, уничтожать мягкость самой гласной, онъ счелъ нужнымъ для наглядности правописанія подтвердить ея дѣйствіе на согласную еще б-ю *ь*. Первые примѣры, какъ видимъ, написаны разумнѣе; эти — проще и нагляднѣе. Наконецъ есть еще примѣры, относящіеся, по видимому, къ ерованію, но имѣющіе совсѣмъ другое объясненіе: **вьѧхь**, **вьѧше**, **ньѣ**, **вь прѣтѣ ѡбраꙁь** (С. № 66): сдѣсь **ьѧ** замѣняетъ *ѫ*. Можно бы было подумать, что *ь* служитъ смягченіемъ согласной въ смыслѣ предыдущихъ примѣровъ, а *ѧ*, подобно какъ въ нѣкоторыхъ другихъ грамотахъ, замѣняетъ *ѫ*; но всѣ остальные случаи, встрѣчающіеся въ этой грамотѣ, не обнаруживаютъ такой замѣны и чрезъ *ѧ*, и по тому лучше *ь* отнести къ одной гласной *ѧ*, и въ соединеніи съ нею искать объясненія такого страннаго явленія. Равномѣрно странны формы: **ꙋрьви** (С. № 136) и **сьгьѧ** (сего, С. № 141). Вотъ всѣ случаи дѣйствительнаго и видимаго ерованія. Ихъ неудачность и разрозненность свидѣтельствуютъ о томъ, что ерованіе не занимало еще ума писцовъ, которые постоянно слѣдовали простому и естественному соединенію мягкой гласной съ твердою согласною. Изъ нихъ видно также, что древніе писцы допускали ерованіе для всѣхъ согласныхъ, между тѣмъ, какъ нынѣшніе Сербы допускаютъ только для двухъ *л* и *н*: по чему же не допустить того и для

другихъ? Что же касается до нынѣшнихъ *љ, њ*, то они, какъ и, ђ, ћ, не новость: знакъ ћ, ђ, мы уже видѣли въ XII-мъ ст.; о знакѣ ђ не могу сказать ничего положительнаго, ибо вмѣсто него употреблялся въ старину тотъ же ћ; но я долженъ указать на листокъ глагольскаго Евангелія, принадлежащій Григоровичу[1], гдѣ этотъ знакъ, если только вѣрно изображенъ, встрѣчается однажды въ словѣ нарасмињђи: слѣдовательно, онъ одного происхожденія съ ћ и не есть новѣйшая выдумка. Также точно и начертанія *љ, њ* ведутъ начало отъ старины: они произошли вслѣдствіе вязнаго письма и встрѣчаются преимущественно на печатяхъ и монетахъ, гдѣ мѣсто не позволяло написать отдѣльно каждую букву. Таковыя compendia находимъ на печатяхъ и монетахъ, на пр.: стефањ (А. № 8), краль, стефанъ (А. № 9), стефањ (А. т. X), гдњ (А. т. XI) и пр. съ тою только разницею, что сокращенію въ древней письменности подвергаются не одни л и н съ ь, но и другія буквы одна съ другой, смотря по удобству письма или вязи.

Укажу на примѣры перестановки буквъ. Они, при всей своей малочисленности, распадаются на два рода: одни являются какъ бы случайными и временными; другіе, напротивъ, служатъ проявленіемъ народной стихіи въ письменномъ языкѣ: употребленіе первыхъ произвольное; употребленіе вторыхъ носитъ ясные слѣды обдуманности и непреодолимаго влеченія въ пользу народности. Первые: ксєфєтра (С. № 68), ферькара (С. №№ 2, 59, 100, 124, 163), перкара (С. № 65), феркара (С. № 87), фрекара (С. №№ 112, 115, 164), гєнакра (С. № 88). Вторые: намастири (Ш. № VII), *гомилу* (В. К.) и въ той же грамотѣ могїлиє (Ш. № 15), нынѣ *гомила*; жанцє, -а (С. №№ 157, 159): грамота писана въ Дубровникѣ о вкладахъ воеводы св. Савы; и нынѣ въ Герцеговинѣ это слово произносятъ точно такъ же, а въ другихъ мѣстахъ Сербіи говорятъ *лажица*, *ожица*. Важнѣе слѣдующіе два примѣра: сєвь и тко. Сербы не любятъ стеченія согласныхъ *вс* и *кт* и по тому измѣняютъ ихъ порядокъ въ обратный: *сав* (вьсь), *сва*, *све*, *тко*. Но въ древнѣйшихъ памятникахъ этой перестановки буквъ вовсе не находимъ; и если примемъ въ соображеніе, что она несравненно рѣже совершается въ Восточныхъ грамотахъ, чѣмъ въ Западныхъ, то отсюда будетъ ясно, что въ древнѣйшую пору письменности, въ XII-мъ и XIII-мъ вв., книжный языкъ грамотъ всѣхъ семействъ заключалъ въ себѣ менѣе различія и находился болѣе подъ вліяніемъ Восточнаго правописанія, служившаго проводникомъ для Ц.-Славянской стихіи. XII-й в. обошелся безъ перестановки, въ XIII-мъ встрѣчается однажды въ собственно-Сербской грамотѣ свєми (С. № 17). Въ XIV-мъ Восточная семья не представляетъ примѣровъ; но Западная начинаетъ уже допускать: све, свакога (С. № 77), свими (С. № 80), свациѣмь (С. № 85)—и только. Прочія грамоты, и даже тѣ же самыя, удерживаютъ въ гораздо большемъ числѣ прежнее сочетаніе вс. Въ XV-мъ в. Восточная семья, при обиліи примѣровъ обыкновеннаго сочетанія, представляетъ не болѣе, какъ только слѣдующіе случаи перестановки: сва (С. № 111), свуда (С. № 137), свємь (С. № 149), свако (С. № 166), свакоу (Г. Б), свака, -е, све, свеколико, свакы, свими и тутъ же вьсе, все, вьсакы, вьсеми и пр. (Мл.). Напротивъ Западныя, не отстраняя отъ себя совершенно сочетанія вс и не отдавая преимущества народному св, употребляютъ то и другое. Въ началѣ этого вѣка все еще господствуетъ вс; болѣе десятка грамотъ имѣ-

[1] Миклошичъ, Slavische Bibliothek. 1851.

ютъ одно кс, и только со второй четверти появляется перестановка: **сва, сви** (С. NN№ 37, 101, 110, 114, 121, 125—128, 133, 134, 140, 145, 150, 157, 159, 161, 163, 164, 168, 173), **сваки** (С. 101), **свои** (С. № 102, 128, 145), **сва** (С. NN№ 112, 139, 141, 144, 164), **свй, свемь** (С. № 112), **сваком** (С. NN№ 112, 115, 124, 128, 139, 141, 157, 159, 161, 164), **свѣ, свелюбими, свои, сваком** (С. № 113), **свему** (С. NN№ 114, 121, 133, 145, 157), **сви** (С. NN№ 115, 133, 141), **свиемь** (С. NN№ 115, 119), **свеехь** (С. NN№ 37, 115), **свекодиме, свѣ** (С. № 126), **свуда** (С. NN№ 127, 141), **свѣхь** (С. № 128), **свега** (С. NN№ 128, 132, 141, 162, 163, 164), **сву** (С. № 140), **свимь, свемь, свомь, сведржителя** (С. № 141), **сваки** (С. NN№ 143, 163), **сваке** (С. NN№ 75, 157), **сваке** (С. NN№ 145, 159, 164), **свакога, свакою** (С. № 157), **свѣи, свакой** (С. № 163). Въ тѣхъ же грамотахъ находимъ и древнѣйшее сочетаніе **кс**, на пр.: **ксако** (С. NN№ 112, 115), **ксега** (С. NN№ 112, 140), **кси** (С. NN№ 112, 127, 132, 145, 164), **ксаки** (С. NN№ 113, 114, 126, 143), **ксакому, ксесрьдие** (С. № 114), **ксои** (С. NN№ 114, 124, 127, 133, 140, 144, 150), **кса** (С. № 115), **ксакому** (С. № 125, 134, 140), **ксу** (С. NN№ 37, 125, 126, 132), **ксой, кск, ксему, ксѣми** (С. № 127), **ксака, у ксемь** (С. № 132), **ксаке** (С. NN№ 133, 140), **ксакоиже** (С. № 133), **са ксимь** (С. № 145), **ксему, у ксихь** (С. № 150) и пр. и пр. Довольно и этихъ примѣровъ, чтобы показать отношеніе между обѣими формами: отсюда видно, что обѣ онѣ еще находились въ полной силѣ, и даже, можно сказать, послѣдняя все еще преобладала, ибо остается еще не мало грамотъ, не приведенныхъ нами единственно по тому, что въ нихъ еще одно только сочетаніе **кс**. Въ формѣ **ѡ вьсѣ** (С. № 149) выразилось колебаніе въ соединеніи обоихъ сочетаній, а нѣсколько разъ повторенная форма **кя** (вся, С. NN№ 107, 108) указываетъ на уловку писца, не рѣшавшагося, вѣроятно, по привязанности къ Ц.-Славянской формѣ, переставить **кс** на **ск** и въ то же время желавшаго избѣгнуть звука с послѣ **к**. И такъ при концѣ XV-го в. обѣ формы еще живы и не уступаютъ одна другой права исключительнаго служенія. Не таково отношеніе между **кто** и **тко**. Послѣдняя съ теченіемъ времени въ Западной семьѣ конца XIV-го и XV-го вв. беретъ исключительный перевѣсъ надъ первою. Въ XII-мъ в. въ гр-ѣ Кулина еще **кто** и въ гр-ѣ Немани **кьто**. Но въ XIII-мъ в. уже въ одной Приморской однажды и въ собственно-Сербскихъ грамотахъ по нѣскольку разъ встрѣчается **тко, тько** (С. NN№ 18, 25, 33), хотя еще преобладаетъ **кьто, кто** (Ш. № VII; С. NN№ 2, 3, 6, 14, 16, 17, 21, 22, 26, 27, 29, 30, 32), **некьто, некто** (С. NN№ 14, 16, 27), **никто, никьто** (Ш. № VII; С. NN№ 14, 23, 29). XIV-й в. въ первой своей половинѣ представляетъ такое же отношеніе, какъ и предыдущій, т. е., **кто** господствуетъ; но это по тому, что первая половина отличается обиліемъ Восточныхъ грамотъ и совершеннымъ отсутствіемъ Западныхъ. Во второй же половинѣ вмѣстѣ съ Западными грамотами учащается появленіе формы **тко**. Въ Аѳонскихъ, кромѣ **тко, ѳко, нитко** (А. NN№ 7, 13, 14), всюду постоянно **кьто, ќто** и т. д. Въ прочихъ собственно-Сербскихъ: **кто, ктѡ, ктоѳ, кто** (С. NN№ 34, 35, 40, 42 — 52, 54, 55, 70, 72, 176; З.) **никто, никтѡ** (С. NN№ 35, 36, 38, 43, 45, 48, 49, 50, 54, 55, 70, З.), **тко** (С. NN№ 35, 64, 71), **нитко** (С. № 71). Въ Западныхъ же: **кто** (С. NN№ 66, 68, 86), **никто** (С. № 66), **тко**(С. NN№ 65, 76, 77, 78, 81, 84, 85). XV-й в. доставляетъ полную побѣду народной формѣ, которой содѣйствуетъ малочисленность Восточныхъ грамотъ. Но не въ малочисленности дѣло; а главное то, что сами Восточ-

ныя грамоты, начавши уже въ XIV-мъ в. смѣлѣе употреблять тко, какъ видно изъ А. и С. № 71, продолжали это употребленіе и въ XV-мъ в. Въ С. № 91 нѣсколько разъ встрѣчаемъ тко; за тѣмъ С. № 111 и С.-Д. М. 1844 снова употребляютъ кто, повторяемое и гр-ми С. №№ 137 и 147. Но С. № 146 и Мл. имѣютъ одно тко, тко. Такимъ образомъ въ не-Аѳонскихъ грамотахъ обѣ формы приходятъ въ равновѣсіе. Въ Западныхъ тко далеко оставляетъ за собою кто. Первую, тко, тко, тко находимъ въ С. №№ 37, 88, 89, 92, 94, 96—98, 100—102, 104, 113, 114, 116, 118, 127, 130, 132, 140—144, 146, 150, 163, 164; З. А., нитко, -рь, нитковѣрь въ С. №№ 89, 114, 144, 153, 163. Вторая же встрѣчается едва ли не однажды въ видѣ никторь (С. № 154). И такъ народная стихія въ XV-мъ в., сравнявшись съ Ц.-Славянскою въ формѣ сакь, сцаки, опередила ее въ формѣ тко. Отношеніе между семьями и возрастами грамотъ сдѣсь такое же, какое не разъ видѣли мы въ другихъ явленіяхъ звукодвиженія.

Въ заключеніе обращу вниманіе на опущеніе и прибавку цѣлыхъ слоговъ, встрѣчаемыя въ древнихъ Сербскихъ памятникахъ. Вѣроятно, стеченіе двухъ сочетаній, казавшихся писцу трудными для произношенія, побудило его написать властвъ (С. № 16), истна (С. № 35), сщико (см. в.), рофка (см. в.) и пр. Писецъ договорной грамоты Дубровничанъ съ Булгарами пишетъ нѣсколько разъ стѣтихь, стѣтию, стѣтимь (С. № 16; у Ш. № XVI — светихь, светостю, светимь). Равномѣрно, глаголъ ѹстановити не разъ и въ различныхъ грамотахъ встрѣчается съ удвоеннымъ окончаніемъ, въ коемъ одно подвергается обычнымъ видоизмѣненіямъ при словодвиженіи, а другое постоянно остается при основѣ: ѹстановитити, -ть (С. №№ 101, 102), ѹстановитили (С. №№ 81, 85, 99, 103, 120, 133, 136, 145, 150), ѹстановитисмо, -сьмо, -тимо (С. №№ 89, 92, 99, 103, 120, 145, 150), ѹстановитимо (С. № 92), ѹстановитихь (С. №№ 101, 102, 114, 120, 132, 140).

Обозримъ снова бѣглымъ взглядомъ весь кругъ движенія согласныхъ.

Мы уже не предпосылкою, а самымъ опытомъ убѣждаемся, что согласныя менѣе гласныхъ подвергаются различнымъ видоизмѣненіямъ. Это происходитъ отъ того, что согласныя, какъ сказали мы, имѣютъ въ образованіи слова значеніе совершенно противоположное, чѣмъ гласныя. Онѣ представляютъ остовъ слова, зародышъ понятія, одно тѣло, которому душою служатъ гласныя. По скольку духъ подвижнѣе вещества, по стольку гласныя подвижнѣе согласныхъ. Отъ того какъ цѣлыя нарѣчія Славянскаго языка, такъ и самыя подрѣчія одного и того же Сербскаго нарѣчія рознятся между собою не столько согласными, сколько гласными. Согласныя являются постояннѣе, однообразнѣе гласныхъ. Дѣйствительно, между ними не видимъ тѣхъ полузвуковъ, какіе замѣтили въ гласныхъ, а если и являются въ нихъ различныя степени смягченія, то это зависитъ отъ вліянія сочетаваемыхъ съ ними гласныхъ и полугласныхъ, или образующаго органа, который, придавая имъ полумягкость, тѣмъ самымъ уже отымаетъ у нихъ настоящую твердость. Азбука легче выражаетъ своими знаками согласные звуки, чѣмъ гласные; а исторія языка представляетъ въ нихъ менѣе посредствующихъ формъ. Другое отличіе, замѣчаемое нами при ученіи о согласныхъ и истекающее изъ предыдущаго, состоитъ въ томъ, что движеніе согласныхъ совершается болѣе въ пространствѣ, чѣмъ во времени, т. е., повременнаго хода въ нихъ мы мало видимъ, и большей части ихъ движенія прилично названіе постояннаго, всевременнаго, хотя и не всегда повсемѣстнаго; ибо въ пространствѣ, какъ мы сказали,

движеніе согласныхъ имѣетъ свои ступени и свой ходъ соотвѣтственно съ мѣстонаписаніемъ или, что то же, семьями грамотъ.

Повсевременное и къ тому же повсемѣстное свойство согласныхъ, принадлежащее въ различной степени всѣмъ Славянскимъ нарѣчіямъ, есть переходъ однихъ въ другія при словодвиженіи и словообразованіи. Сдѣсь Сербскій языкъ не уклоняется ни мало отъ общеславянскихъ законовъ и слѣдуетъ тѣмъ правиламъ и пріемамъ, которые извѣстны каждому Славянину. Гортанныя переходятъ въ извѣстныхъ мѣстахъ въ соотвѣтствующія имъ шипящія и свистящія — и это свойство сохраняется и доселѣ вполнѣ въ Сербскомъ языкѣ, какъ и въ большей части другихъ нарѣчій, хотя въ словодвиженіи Русское и утратило его. Зубныя чрезъ смягченіе переходятъ въ претворенныя гортанныя и т. д. Все это совершается согласно съ духомъ Славянскаго языка, и по тому не было нами разсмотрѣно въ подробности, какъ не разсматривали мы и подобнаго движенія гласныхъ.

Старинное, съ XII-го в. идущее служеніе замѣнительныхъ г и к вмѣсто мягкихъ д и т въ продолженіи столѣтій сохраняется въ Восточной семьѣ грамотъ до самого конца XV-го ст. Удивительно такое упорство въ употребленіи буквъ, которыя, по видимому, весьма плохо отвѣчаютъ своимъ замѣняемымъ. Удивительнѣе еще то, что Сербы не писали мягкихъ сочетаній по примѣру Кирилловскаго правописанія, прямо соединяя д и т съ мягкими гласными или полугласными, какъ то дѣлали съ прочими буквами. Что заставило ихъ прибѣгнуть къ замѣнительнымъ г и к? Вліяніе Греческаго и Итальянскаго языковъ съ ихъ правописаніемъ не могло имѣть такого повсемѣстнаго и долговременнаго вліянія: вліяніе послѣдняго можетъ быть допущено развѣ только для Дубровницкихъ грамотъ. Остается предположить ближайшее внутреннее сродство обоихъ порядковъ буквъ и необходимо-мягкое, близко подходящее къ д и т, даже, можетъ быть, совершенно сходное съ ними, произношеніе б-ъ г и к въ ихъ замѣнительномъ служеніи.

Знакъ ѣ, придуманный, по всему вѣроятію, западными Сербами въ Кирилловскомъ письмѣ для мягкихъ д и т, рано, еще въ XII-мъ в., вошелъ въ памятники, но держался тамъ весьма слабо, пока въ XIII-мъ в. еще сильно было вліяніе правописанія Восточныхъ грамотъ, обобщавшее для всѣхъ Сербскихъ областей книжный языкъ и наиболѣе близкое къ Ц.-Славянскому, а по тому не любившее этого знака. За то въ XIV-мъ в. вмѣстѣ съ вторичнымъ появленіемъ Западныхъ грамотъ уже съ независимымъ положеніемъ отъ Восточныхъ, хотя все еще подъ бо́льшимъ, или меньшимъ вліяніемъ Ц.-Славянской стихіи, онъ снова появляется на видъ, съ явнымъ преобладаніемъ надъ прочими способами выраженія мягкихъ д и т, хотя еще не можетъ до самого конца XV-го в. вытѣснить изъ Западной семьи, преимущественно изъ Турецкихъ и Дубровницкихъ грамотъ, замѣнительныхъ г и к. Онъ держится преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Глаголица наиболѣе усилилась, а въ послѣдствіи, какъ и нынѣ, была даже домашнимъ письмомъ тамошнихъ Сербовъ. Въ то время тутъ боролись всѣ три вѣроисповѣданія: Православное, Римо-Католическое и Патаренское: по этому можно думать, что та же причина, которая дала силу употребленія Глаголицѣ, внушила и введеніе этого знака въ Кирилловское письмо.

Древніе виды смягченія зубныхъ имѣютъ каждый свою отличительную черту: жд и шт принадлежатъ Ц.-Славянской стихіи и постоянно встрѣчаются въ грамотахъ, наиболѣе подверженныхъ ея вліянію, хотя не чужды отчасти

и Западныхъ. Сверхъ того жд не рѣдко переходитъ въ простое ж. Этотъ переходъ есть временное движенie Сербскаго языка, перешедшее въ немъ къ прямому смягченiю д и остановившееся въ большей части Славянскихъ нарѣчiй на звукахъ з и ж. Восточная семья употребляетъ преимущественно жд и шт, г и к; Западная—г, к, ћ. Два вида Восточной семьи также совмѣстны между собою, какъ и два вида Западной. Не должно забывать, что шт или, въ Сербскомъ правописанiи, щ не всегда есть смягченное т, и въ такомъ случаѣ совершенно свойственно Сербскому, какъ и прочимъ Славянскимъ нарѣчiямъ, нисколько не означая собою влiянiя Ц.-Славянской стихiи. Выраженiе мягкихъ д и т чрезъ нихъ же самихъ весьма рѣдко употребляется у древнихъ Сербскихъ писцовъ, развлекаемыхъ то сложными звуками жд, шт, то замѣнительными г, к, ћ. Наконецъ переходъ мягкаго д въ краткое и (j) есть рѣдкое явленie, указывающее на близость родства между Сербскимъ и Хорутанскимъ языкомъ.

Прочiе различные перезвуки, смѣны, опущенiя и вставки согласныхъ, разсмотрѣнные нами на своемъ мѣстѣ, не представляютъ въ себѣ ничего особеннаго, повсевременнаго, или повсемѣстнаго: одни изъ нихъ являются общеславянскими, другiе болѣе, или исключительно Сербскими. Бо́льшая часть изъ нихъ встрѣчается очень рѣдко, не разбирая при томъ ни мѣста, ни времени. Самая частая смѣна звуковъ происходитъ между однорядными, т. е., одноорганными, когда слабые звуки переходятъ въ сильные. Сверхъ того подобная смѣна происходитъ и между разноорганными, но въ томъ же смыслѣ: ей подвергаются гортанныя, два ряда гортанныхъ-претворенныхъ и зубныя; тонкiе или слабые, среднiе и густые или твердые переходятъ въ таковые же, имъ соотвѣтствующiе. Совершаются и другiя смѣны, болѣе свободныя; но какъ тѣ, такъ и другiя не составляютъ признака исключительно Сербскаго языка; напротивъ всѣ онѣ имѣютъ болѣе, или менѣе общеславянское значенie и находятся, хотя не въ равной мѣрѣ, въ прочихъ Славянскихъ нарѣчiяхъ. Но если станемъ сравнивать только два языка, Ц.-Славянскiй и Сербскiй, то въ первомъ, разумѣется, не найдется многаго такого, что есть во второмъ, или, по крайней мѣрѣ, изъ этого многаго хотя и найдется что, то все таки какъ позднѣйшiй приносъ, между тѣмъ какъ во второмъ оно составляетъ существенную черту, оправдываемую народностiю и дальнѣйшимъ успѣшнымъ развитiемъ. Такъ точно и на оборотъ. Съ этой стороны самостоятельность дѣйствiя народности въ книжномъ языкѣ древнихъ Сербовъ получаетъ свое значенie. Укажу на болѣе другихъ замѣчательныя явленiя. Таковы: перезвукъ г въ к и к въ х; перезвукъ ʒ въ ж, ʒ въ с, ч въ щ; опущенie ʒ въ предлогахъ передъ ʒ, с, ж, ч; смѣна ч и ћ въ окончанiяхъ именъ отечественныхъ, при чемъ весьма странною кажется прихоть языка, удерживающая ч въ извѣстныхъ случаяхъ, когда вообще и исключительно служенie сдѣсь предоставлено мягкому т (к, ћ); смѣна с съ ш, особенно въ соединенiи съ мѣстоименiемъ личнымъ и притяжательнымъ 3-го лица; приставка тамъ же благозвучнаго и; перезвукъ д въ т и опущенie ихъ предъ различными образовательными окончанiями; переходъ и въ л: смѣна л и в въ окончанiи отечественныхъ именъ; опущенie л въ окончанiи собственныхъ именъ -славь; смѣна н и м; переходъ ж въ р; смѣна к и б, к и л, б и в, ф и в; опущенie к при б и л, и наконецъ перезвукъ гласной усиленныхъ слоговъ въ к. Всѣ эти явленiя сохранились большею частiю и доселѣ въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ; многихъ изъ нихъ нѣтъ въ Ц.-Славянскомъ, и эти-то составляютъ признакъ народной стихiи, дѣйствовавшей независимо отъ Ц.-Сла-

вянской. Они получили повременное развитіе и усилились къ концу XV-го в., ибо имъ содѣйствовала Западная семья грамотъ, наиболѣе народная. Происхожденіе слоговъ ак, ек, ок, вмѣсто аи, еи, ои мы приписали перезвуку, ибо какъ тѣ, такъ и другіе сами по себѣ суть уже усиленные, и между ними возможенъ только перезвукъ, но не вторичное усиленіе.

Удвоеніе б–ы н въ причастіяхъ и прилагательныхъ встрѣчается преимущественно въ собственно-Сербскихъ, а изъ нихъ особенно въ Аѳонскихъ грамотахъ разныхъ вѣковъ и есть слѣдствіе благозвучныхъ требованій, несвойственныхъ впрочемъ Сербскому языку, хотя писцы, изъ уваженія къ Ц.-Славянской стихіи, и употребляли его постоянно въ своемъ правописаніи.

По той же причинѣ звукъ х, несвойственный большей части Сербскаго народа, постоянно и упорно сохранялся въ древней его письменности. Примѣры опущенія х столь рѣдки, что они даже не могутъ итти въ историческій расчетъ, хотя съ другой стороны своею разновременностію и разномѣстностію намекаютъ, что въ устномъ произношеніи Сербовъ этотъ звукъ не слышался.

Частые примѣры замѣны звуковъ ф и ѳ звуками п, т и отчасти нѣкоторыми другими показываютъ, что у Сербовъ эти звуки не имѣли положительнаго значенія и, какъ несвойственные ихъ уху, подвергались различнымъ замѣнамъ для того, чтобы быть избѣгнутыми.

Смягченіе согласныхъ является въ двухъ видахъ: одно заключается въ претвореніи гортанныхъ въ соотвѣтствующія имъ шипящія и свистящія, другое въ простомъ смягченіи или соединеніи съ мягкою гласною безъ перемѣны основнаго звука. Первое не заключаетъ въ себѣ ничего особеннаго и представляетъ черты общеславянскаго перезвука. Второе имѣетъ нѣкоторыя особенности. Но такъ какъ оно вступаетъ сдѣсь въ область гласныхъ, то его не иначе можно разсматривать, какъ въ связи съ этими послѣдними. Особенно важное явленіе представляетъ сочетаніе гортанныхъ г и к и плавныхъ л, н и р съ мягкими гласными. Въ этомъ случаѣ гортанныя суть замѣнительныя для д и т. Они сочетаются съ я, ю, и чаще, чѣмъ съ ихъ твердыми. По видимому, это противорѣчитъ общеславянскому закону сочетанія звуковъ и не имѣетъ оправданія ни въ Древнеболгарскомъ языкѣ, гдѣ не видимъ ничего подобнаго, ни въ нынѣшнемъ Сербскомъ; но лишь только обратимъ вниманіе на особенность ихъ служенія, являющуюся въ этихъ сочетаніяхъ, какъ найдемъ и оправданіе имъ. Сдѣсь г и к звучатъ мягко, одно вмѣсто мягкаго д, другое вмѣсто мягкаго т; но такъ какъ самыя начертанія ихъ не носятъ въ себѣ непремѣннаго условія мягкости, подобно знаку ћ, то писцы, для обозначенія этой особенности ихъ произношенія, отличающей ихъ отъ коренныхъ г и к, и придали имъ мягкую гласную, указывающую внѣшнимъ образомъ на измѣненное ихъ произношеніе. Доказательствомъ этого различія, установленнаго писцами между коренными и замѣнительными гортанными, служитъ, во первыхъ, то, что и Восточныя, а въ томъ числѣ и Аѳонскія грамоты, очень строго держащіяся Ц.-Славянскаго правописанія, любятъ соединять замѣнительныя г и к съ мягкими гласными, при чемъ ѥ, употребляемое ими столь же осторожно, какъ и прочія мягкія гласныя, отчасти оправдываетъ въ этомъ случаѣ и е Западныхъ грамотъ, употребляемое тамъ безъ особеннаго разбора; во вторыхъ, то, что коренныя г и к, кромѣ рѣдкихъ исключеній, не соединяются съ мягкими гласными, и въ третьихъ, то, что третій гортанный звукъ х тоже, какъ и два предыдущіе коренные, избѣгаетъ подобнаго соединенія. Слѣдовательно, сдѣсь смягче-

ніе зависитъ отъ самихъ гортанныхъ, также какъ и смягченіе плавныхъ. Эти послѣднія имѣютъ свою отличительную временную черту смягченія. Природа ихъ такова, что они по своей плавности легко соединяются съ мягкими гласными: отъ того въ Ц.-Славянской письменности того времени мы постоянно находимъ мягкія окончанія съ плавными -ь, -я въ существительныхъ и прилагательныхъ, -ити и -ю въ глаголахъ, и мягкія гласныя въ срединѣ словъ и именно тѣхъ самыхъ словъ, которыя въ древнѣйшую пору имѣли твердый исходъ и твердую плавную въ срединѣ. Это указываетъ на легкость, съ какою плавныя перешли отъ твердости къ мягкости. По этому и въ Сербскихъ памятникахъ, принадлежащихъ къ Восточной семьѣ, мы обыкновенно видимъ въ этихъ словахъ сочетаніе плавныхъ съ мягкими гласными ѩ, ю, равно какъ находимъ множество примѣровъ сочетанія ихъ съ ѥ. Сербскій языкъ въ этомъ отношеніи шелъ инымъ путемъ: онъ обратился къ отвержденію, и первый признакъ народности показался въ самихъ Аѳонскихъ же грамотахъ, въ древнѣйшей изъ нихъ, гр-ѣ Немани, въ которой не находимъ смягченія по тому ли, что оно еще не развито было въ самой Древнебулгарской письменности, или по тому, что писецъ уже приноравливался къ народному говору. Несмягченіе преобладаетъ и въ слѣдующей за нею Жичавской грамотѣ начала XIII вѣка; но потомъ смягченіе замѣтно усиливается въ XIV вѣкѣ въ монастырскихъ грамотахъ и Законникѣ и далеко отстаетъ въ прочихъ собственно-Сербскихъ грамотахъ XIII-го и слѣдующихъ вѣковъ. Западныя еще болѣе выказали народности, поддержавъ отвержденіе плавныхъ въ упомянутыхъ случаяхъ въ XIV и XV вѣкахъ. Отъ того приведенныя на своемъ мѣстѣ слова явились въ Древнесербской письменности съ двойнымъ образомъ. Что же касается до ѥ въ Западныхъ грамотахъ, то, рѣдко употребляя его мягкое начертаніе, по примѣру Восточной семьи въ XIII вѣкѣ, онѣ по этому самому рѣдко обозначали его мягкость и при плавныхъ; но, давъ полный ходъ его мягкимъ начертаніямъ во второй половинѣ XIV-го и XV-мъ в., онѣ и самое сочетаніе плавныхъ довели до обширнѣйшихъ размѣровъ. Сдѣсь уже дѣйствовала не столько природа плавныхъ, сколько судьба самого ѥ, которое по этому въ мягкомъ видѣ сочеталось безъ разбора и съ другими согласными кстати и не кстати.

Помимо упомянутыхъ видовъ смягченія, имѣющихъ или общеславянское, или свое временное и мѣстное значеніе, мы нападаемъ въ нашихъ памятникахъ, почти всегда нечаянно, на отдѣльныя и необычайныя сочетанія согласныхъ съ мягкими гласными вмѣсто твердыхъ. И эти случаи относятся собственно къ дѣйствію одного самогласія. Они кажутся одинокими, хотя неоднократное повтореніе ихъ отвергаетъ всякую мысль о нечаянной опискѣ или оговоркѣ писца, но показываетъ умышленность, истекающую, впрочемъ, изъ довольно темнаго источника; ибо если бы даже это было слѣдствіемъ мягкаго произношенія, то писецъ не могъ бы своей привычки измѣнить чрезъ годъ, или чрезъ нѣсколько лѣтъ въ другихъ своихъ грамотахъ. Грамота С. № 104, въ которой видимъ странное употребленіе мягкаго ю, писана тѣмъ же дьякомъ Остоею, который четырьмя годами позднѣе писалъ другую свою грамоту С. № 107 и чрезъ десять лѣтъ еще грамоту С. № 114, въ которыхъ такого употребленія нѣтъ и тѣни. Или писцы увлекались подражаніемъ чему нибудь, не хорошо ими понимаемому, или это было невольное проявленіе смягчающей силы народнаго языка. Какъ бы то ни было, но при-

давать этѣмъ странностямъ много вѣсу нельзя по тому, что, какъ видно, даже писцы измѣняли самимъ себѣ, хотя тоже нельзя и прейти ихъ молчаніемъ: и по тому остается только догадываться объ истинномъ назначеніи сочетанія и подъ необыкновенною оболочкою открывать зерно мысли и настоящую цѣль писца. Если это намекъ на одинъ изъ тѣхъ оттѣнковъ голоса, которые мы назвали серединными или посредствующими, то, признаемся, намекъ неудачный: правописанію не угоняться за ними; его дѣло вѣрно и законно выражать твердость и мягкость, а все остальное, относящееся до полутвердости и до полумягкости, должно въ правописаніи склониться на сторону или совершенной твердости, или совершенной мягкости. Кромѣ ѣ, равняющагося долгому е съ мягкимъ оттѣнкомъ и мѣстами впадающаго въ оттѣнокъ одного изъ своихъ составныхъ звуковъ, кромѣ ъ и ь, отвѣчающихъ скраденной въ половину полной гласной, твердой, или мягкой, другихъ буквенныхъ знаковъ для серединныхъ звуковъ нѣтъ; а по тому древніе Сербскіе писцы, желая удовлетворить, по возможности, оттѣнку твердости, или мягкости, иногда приводили этотъ оттѣнокъ, вмѣсто основной твердости, къ основной мягкости, или на оборотъ, и, выражая это письменно, употребляли мягкое начертаніе вмѣсто твердаго, или обратно твердое вмѣсто мягкаго: иными словами, искажали настоящее свойство звука излишне-усиленнымъ начертаніемъ. Такъ, на пр., полумягкое у писали уже чрезъ ю, полумягкое и чрезъ ы, полумягкое е чрезъ є: отъ того, избѣгая одной крайности, они впадали въ другую и вводили въ правописаніе двусмысленныя формы. Принятыя буквально, ю, ы, є могутъ ввести изслѣдователя въ заблужденіе: только твердое знаніе народнаго устнаго произношенія, съ одной стороны, и сличеніе формъ по всѣмъ разсматриваемымъ памятникамъ, съ другой, доставляютъ средство къ истинному разумѣнію цѣли и пріемовъ писцовъ во времена неустановленнаго и поминутно колебавшагося правописанія. По этой причинѣ мы, какъ можно было замѣтить, и не разсматривали явленій отверженія въ б-ѣ ы, ибо, какъ показали примѣры, эта буква нигдѣ не пользуется сознательнымъ употребленіемъ, но всюду является тожественною съ и и при томъ большею частію не на своемъ мѣстѣ. Точно такъ же поступили мы и съ б-ю ъ. Равномѣрно тѣ грамоты, въ которыхъ замѣтно исключительное пристрастіе писца къ начертанію є (С. № 176; З. А.) мѣстами не приняты къ соображенію, ибо въ первой есть свое и, а во второй есть болѣе округлое є. Наконецъ замѣтимъ, что нынѣшніе знаки ђ, ћ, њ, љ, принятые большинствомъ пишущихъ Сербовъ, не суть новѣйшее изобрѣтеніе: они являются лишними въ сочетаніи съ мягкими гласными и нарушаютъ послѣдовательность состава азбуки, отражающуюся въ другихъ буквенныхъ начертаніяхъ. Употребленіе ихъ можетъ быть допущено только въ тѣхъ случаяхъ, когда правописаніе, изгнавъ ъ и ь, нуждается въ видимомъ означеніи мягкости согласныхъ при отсутствіи гласной; но и въ такомъ случаѣ зачѣмъ увеличивать азбуку новыми начертаніями, когда сохраненіе старыхъ ъ и ь можетъ сдѣлать ихъ ненужными и сверхъ того еще въ другихъ случаяхъ принести много пользы послѣдовательности и наглядности правописанія?

Все ведетъ къ тому заключенію, что согласныя, по самой природѣ своей и по предназначенію своему служитъ основою всякого зарождающагося понятія, являются въ своемъ движеніи гораздо общнѣе, постояннѣе, тверже гласныхъ; а по тому большая часть явленій относится къ грамотамъ всѣхъ возрастовъ и семействъ.

Развитіе книжнаго языка, идучи самобытнымъ путемъ, должно было условливать собою такое же развитіе и составныхъ частей языка. Звуки, гласные и согласные, двигались и видоизмѣнялись самобытно, постепенно, безъ видимыхъ скачковъ, какъ это свойственно самостоятельному языку, не подвергшемуся внезапному нашествію какой-либо чуждой стихіи. Дружное воздѣйствіе двухъ родственныхъ стихій, изъ коихъ сложился письменный языкъ древнихъ Сербовъ, произвело въ гласныхъ, по самой подвижности ихъ, болѣе посредствующихъ формъ, а въ согласныхъ менѣе, по тому что онѣ неподвижнѣе и стойче первыхъ. Ц.-Славянскія формы словъ идутъ въ уровень съ народными, то слабѣя, то усиливаясь, смотря по возрасту и семьямъ грамотъ, но не ратоборствуя между собою, какъ враждебныя стихіи, которыхъ столкновеніе всегда имѣетъ плодомъ своимъ безобразіе. Въ области гласныхъ самымъ сильнымъ народнымъ возникновеніемъ является измѣненіе носовыхъ звуковъ, которое съ первымъ появленіемъ народной письменности уже господствуетъ исключительно, такъ что даже самое начертаніе ж ни разу не встрѣчается, а ѫ имѣетъ совсѣмъ иное назначеніе. Но такой послѣдовательности и исключительности въ прочихъ явленіяхъ гласныхъ не находимъ; равномѣрно согласныя еще менѣе допускаютъ этихъ свойствъ въ своихъ явленіяхъ: всюду существуетъ двойственность. Такъ ѣ, жд, шт, ль, не смотря на все упорство народнаго языка, незамѣтно прокрадываются къ самому концу XV-го в., тогда какъ уже давно господствуютъ ѳ, ю, не, г, и, ѣ, ѳ, з. Такъ смягченіе плавныхъ съ полугласными и гласными а и з плотно сливается съ ихъ отверденіемъ при тѣхъ же буквахъ; и то и другое вмѣстѣ составляютъ неразрывный, необъяснимый узелъ, котораго полное рѣшеніе затрудняется, съ одной стороны, временными судьбами самого Д.-Булгарскаго языка, а съ другой различіемъ въ самомъ Сербскомъ языкѣ древней и нынѣшней формы словъ. Гдѣ въ старину писцы не смягчали плавныхъ вопреки Ц.-Славянскому языку, тамъ нынѣшніе Сербы смягчаютъ ихъ. Рѣшеніе этого вопроса ведетъ за собою новую задачу, которая можетъ быть исполнена только послѣ написанія исторіи древняго Сербскаго языка: пусть на основаніи формъ, съ которыми Ц.-Славянская стихія выступаетъ въ письменномъ языкѣ Сербовъ, кто другой потрудится изслѣдовать, въ какую пору своей исторической жизни Ц.-Славянскій языкъ потребовался для образованія, вмѣстѣ съ народнымъ, книжнаго языка Сербовъ, и въ какомъ состояніи, первичномъ, или уже видоизмѣненномъ чрезъ вліяніе различныхъ народностей, принявшихъ отъ древнихъ Булгаръ Вѣру и св. Писаніе, находились его звуки и формы? Такъ вліяніе Ц.-Славянскаго языка упрочило за звукомъ ж его законное, хотя и несообразное съ духомъ Сербскаго языка, служеніе въ продолженіи всѣхъ разсматриваемыхъ нами четырехъ вѣковъ. То же можно сказать и о всѣхъ прочихъ звуковыхъ видоизмѣненіяхъ. Такимъ образомъ согласныя, по своей общности, болѣе, чѣмъ гласныя, мирятъ обѣ стихіи и менѣе, чѣмъ гласныя, содержатъ въ своемъ движеніи тѣхъ рѣзкихъ особенностей, которыя не могутъ обойтись безъ временныхъ посредствующихъ звуковъ, которыхъ нѣтъ ни въ Ц.-Славянскомъ, ни въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкахъ, и которыя составляютъ собственность древняго книжнаго языка въ извѣстную пору его исторической жизни. Важнѣйшими изъ нихъ суть замѣнательныя г и и, имѣющія, между всѣми подобными имъ звуками, самое обширное служеніе, и плавныя, управляющія самостоятельно и отлично отъ Ц.-Славянскаго и нынѣшняго народнаго языковъ твердостію и мягкостію сочетаемыхъ съ ними глас-

ныхъ. Но хотя обѣ стихіи продолжаютъ жить рядомъ одна съ другою, взаимно воздѣйствуя другъ на друга до самого конца XV-го в., и хотя, кромѣ носовыхъ, нѣтъ такого признака, въ которомъ народная восторжествовала бы окончательно надъ Ц.-Славянскою, исключивъ ее совершенно изъ всѣхъ грамотъ, однако нельзя не замѣтить, что въ согласныхъ, какъ и въ гласныхъ, Ц.-Славянская стихія замѣтно ослабѣваетъ къ концу XV-го в., осиленная народною. Численное сравненіе примѣровъ по всѣмъ грамотамъ указываетъ на это торжество народной стихіи. Но сдѣсь, какъ и всюду, мы должны отдать справедливость Западной семьѣ грамотъ, которая въ исходѣ XIV-го в. явившись снова на поприщѣ письменности съ независимымъ отъ Восточной направленіемъ, обратила выгоду своего новаго положенія въ пользу народности, доставивъ у себя народному языку широкое развитіе въ XV-мъ вѣкѣ.

ГЛАВА V.

СКЛОНЕНІЯ.

Послѣ звукодвиженія, въ которомъ мы разсмотрѣли, какъ гласныя и согласныя въ неподвижномъ словѣ измѣняютъ свою природу, чтобы дать образу слова народное значеніе, мы переходимъ къ другой части нашего языкословнаго изслѣдованія—*словодвиженію*. Сдѣсь слово, выразивъ прежде въ сочетаніи звуковъ своихъ извѣстное представленіе внѣшняго міра и перенеся его въ міръ внутренній, является уже облеченнымъ мыслію, изгибаясь вмѣстѣ съ нею и подчиняясь ея власти: отсюда начало образовательныхъ окончаній и вмѣстѣ склоненій и спряженій. Въ словодвиженіи господствуетъ мысль, отражающаяся въ каждой формѣ слова и придающая слову полный, разумный образъ, съ которымъ оно является уже готовымъ для словосочиненія. Если звукодвиженіе придаетъ языку его отличительный внѣшній образъ, то словодвиженіе выражаетъ его способъ мышленія. Но по скольку внѣшность бываетъ произвольною, по стольку напротивъ мысль является положительною и вѣрною своимъ законамъ, и все, что подчинено ей, носитъ признакъ этой положительности. Образовательныя окончанія словъ находятся въ полной зависимости отъ мысли и въ Славянскихъ языкахъ почти одинаковы, ибо родственныя нарѣчія слѣдуютъ однимъ законамъ мышленія. Правда и они также отражаютъ въ себѣ законы звукодвиженія, усвоенные каждымъ нарѣчіемъ, и съ этой стороны вмѣстѣ съ остальною частію слова подчиняются общимъ звуковымъ требованіямъ; но тѣмъ не менѣе, подчинившись однажды этимъ законамъ, они остаются болѣе постоянными, болѣе вѣрными самимъ себѣ, болѣе чуждыми повременнаго движенія. Прихоть нарѣчія боится играть ими, ибо они запечатлены мыслію, стрегущею ихъ всеславянскую однообразность. Можно сказать, что Славянскія нарѣчія гораздо болѣе расходятся между собою въ звукахъ, чѣмъ въ формахъ, т. е, образовательныхъ окончаніяхъ. Ученіе о звукодвиженіи сложнѣе, чѣмъ ученіе о словодвиженіи. Послѣднее болѣе носитъ въ себѣ свойствъ общности и однообразія для всѣхъ Славянскихъ нарѣчій. Сдѣсь образовательное окончаніе является уже не случайнымъ или произвольнымъ сочетаніемъ звуковъ, измѣненіе коихъ не измѣняетъ смысла слова, какъ это бываетъ въ звукодвиженіи; но сдѣсь оно придаетъ слову извѣстный оттѣнокъ мысли и неразрывно связано со всѣмъ существомъ слова. Мысль, въ немъ отражающаяся, доставляетъ ему вѣсъ и въ то же время даетъ значеніе цѣлому слову. Слово живой рѣчи невообразимо безъ окончанія, которое непремѣнно приурочиваетъ его къ тому, или другому оттѣнку мысли: безъ падежа, лица, числа и времени живая рѣчь не существуетъ, также какъ не существуетъ и слово. Чрезъ нихъ мертвая основа или, вѣрнѣе, зародышъ мысли получаетъ жизнь и движеніе въ словѣ. Отъ того въ ученіи о словодвиженіи мы замѣчаемъ неохотливость, съ какою языкъ подчиняетъ образо-

вательныя окончанія своей особи; перемѣняя по своему звуки, онъ иногда для образовательныхъ окончаній заглядывается на своего дружку, въ которомъ замѣчаетъ болѣе богатыя и болѣе установившіяся формы. Тяжеловѣсность окончаній придаетъ имъ и постоянство. Мы видимъ между Славянскими языками не одинъ, котораго книжность упорно держится формъ, въ устномъ языкѣ не существующихъ; котораго граматика имѣетъ покрой не самобытный, но взятый отъ чужаго, хотя и родственнаго языка. Правда, и граматика движется вмѣстѣ съ языкомъ, но всегда отстаетъ отъ него и устойчивѣе, чѣмъ онъ. Это временное явленіе условливается всегдашнимъ началомъ— началомъ мысли. Оно пояснитъ намъ, по чему и въ ученіи о словодвиженіи Д.-Сербскаго книжнаго языка мы встрѣтимъ менѣе разнообразія и движенія, чѣмъ въ ученіи о звукодвиженіи.

Древнесербскій книжный языкъ, занявъ первоначально бóльшую часть звуковъ у Ц.-Славянскаго языка, тѣмъ болѣе долженъ былъ занять у него и образовательныя окончанія. Немногіе звуки явились въ немъ безысключительно въ народномъ образѣ; бóльшая часть ихъ живетъ смѣшано въ Ц.-Славянскомъ и народномъ образѣ, хотя подъ конецъ XV-го в. между ними уже ясно выказывается торжество народнаго начала въ книжномъ языкѣ, оживленномъ жизнію самобытнаго народа. Еще менѣе образовательныя окончанія успѣли присвоить себѣ безысключительно народную одежду; всѣ они имѣютъ свои двойники изъ Ц.-Славянскаго языка. Если же замѣтимъ, что самый складъ рѣчи есть Ц.-Славянскій, и вспомнимъ, что писцы любили обращаться къ Ц.-Славянской письменности, почерпая изъ нея слова и выраженія, то неудивительнымъ покажется намъ, если увидимъ, что все словодвиженіе Древнесербскаго книжнаго языка сильно проникнуто Ц.-Славянскимъ началомъ, которое сдѣсь господствуетъ по преимуществу, и тѣмъ сильнѣе и продолжительнѣе, чѣмъ менѣе формы народнаго языка были сознаны и усвоены старинными писцами; чѣмъ болѣе эти послѣдніе чувствовали недостаточность ихъ. Звуки яснѣе слышались писцамъ и съ тѣмъ вмѣстѣ казались маловажнѣе и способнѣе для перемѣны, чѣмъ образовательныя окончанія: перемѣняя ихъ, писцы видѣли, что значеніе формы не измѣнялось; въ самыхъ окончаніяхъ измѣняли они звуки, но свойствъ окончаній не трогали, твердо держась Ц.-Славянскаго языка. Они видѣли, что звуковой образъ слова не нарушалъ его мысли, и тѣмъ смѣлѣе поступали съ звуками; граматическія же формы, какъ болѣе существенную часть рѣчи, они тѣмъ съ большею готовностію брали изъ Ц.-Славянскаго языка, ибо боялись нарушить ихъ или замѣнить народными, боясь чрезъ то нарушить или измѣнить и самую мысль. Звуки поражали ихъ скорѣе, они скорѣе и усвоивали ихъ себѣ въ народномъ образѣ; труднѣе, съ большимъ напряженіемъ вниманія сознавалось словодвиженіе народнаго языка, и по тому медленнѣе, упорнѣе подавалось оно въ область книжности. Ц.-Славянская письменность непрерывно являлась предъ глазами писцовъ съ готовыми многочисленными формами, установленными частымъ употребленіемъ и разнообразіемъ видовъ; писцы соблазнялись ея богатствомъ, и готовое достояніе ея переносили въ свой языкъ. По этому граматика ихъ опаздываетъ относительно народности. Еще многія формы являются постоянно въ Ц.-Славянскомъ видѣ, и нѣтъ народныхъ, которыя бы пришли на ихъ смѣну; въ звукахъ мы уже не находимъ такой запоздалости: тамъ всякій Ц.-Славянскій звукъ имѣетъ уже свое народное подобіе, которое подъ конецъ осиливаетъ его. Дальнѣйшее изслѣдованіе покажетъ намъ, на сколько словодвиженіе вмѣстило въ себѣ народнаго

начала и съ тѣмъ вмѣстѣ на сколько оно отстало въ этомъ отношеніи отъ звукодвиженія.

Начнемъ со склоненій. Мы принимаемъ въ словодвиженіи два основныя склоненія: существительное и мѣстоименное, которымъ подлежатъ всѣ склоняемыя части рѣчи.

Склоненіе существительное.

Именительный п. ед. ч. именъ существительныхъ муж. р. имѣетъ въ Д.-Сербскомъ языкѣ различныя окончанія, изъ коихъ нѣкоторыя принадлежатъ народному языку, другія заимствованы имъ у языковъ иностранныхъ. Полугласный исходъ, заключающій въ себѣ собственно оба звука, твердый и мягкій, и только по древнему правописанію выражающійся въ одномъ начертаніи ь, не представляетъ никакихъ особенностей: онъ сходенъ съ Ц.-Славянскимъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, подобно послѣднему, твердость его обнаруживается, вопреки обычаю, въ 6-ѣ ъ, какъ уже мы видѣли въ ученіи о полугласныхъ. Укажу только на нѣкоторыя замѣчательныя слова. Таково слово, перешедшее изъ средняго рода въ мужескій и съ тѣмъ вмѣстѣ перемѣнившее и окончаніе: **братоучедъ**, **братучедъ** (С. №№ 2, 141); оно показывается уже въ древнѣйшихъ памятникахъ и сохраняется доселѣ. Другое слово—**синовь**, **синоѣ** (А. №№ 4, 6), первоначально прилагательное, нынѣ обращенное въ существительное въ формѣ *сыновац*. Еще упомяну о замѣчательномъ образованіи народнаго имени, попадающемся, впрочемъ, только два раза: **витькь** (С. № 44) и **кнетькь** (С. № 62); оно одинаково съ **кийкть** (А. № 5) и съ **дворовьть**, **сась**, **хранясь**, **хумдинь**, употребленными въ другихъ падежахъ, какъ увидимъ ниже.

Въ именахъ собственныхъ на -ль народная стихія взяла верхъ надъ Ц.-Славянскою и поступила двоякимъ образомъ: или озвукотворила ь въ о, произведши окончаніе -ло, или цѣлый слогъ ль превратила въ о. Уже въ самомъ началѣ XIII-го в. находимъ первое озвукотвореніе въ именахъ **кирило**, **братило** (Ш. № VII), которое распространяется по мѣрѣ вліянія народности. Обыкновенно въ срединѣ грамотъ, при поименномъ исчисленіи населенія жалованныхъ земель, или въ Западныхъ грамотахъ, не питавшихъ большаго притязанія на Ц.-Славянскую стихію, когда писецъ невольно долженъ былъ повторять собственныя имена такъ, какъ звучали они въ народѣ, это озвукотвореніе господствуетъ. Мы читаемъ: **боунило**, **кьило**, **моужило**, **хранило**, **станило**, **манойло**, **братило** (А. № 6), **михоило**, **драгонло** (С. № 176), **доврило** (С. № 94), **бранло** (С. №№ 106, 117, 156), **михаило** (С. № 145) и н. др. Нынѣ обыкновенно Сербы говорятъ и пишутъ *Мијајло*; но нѣкоторые, особенно духовнаго званія, держась Ц.-Славянскаго произношенія, пишутъ *Михаил* и т. п. Съ этимъ окончаніемъ не должно смѣшивать подобное окончаніе, произведенное Итальянскимъ вліяніемъ, на пр., **михоило** (С. № 16), по образцу другихъ именъ. Но не всегда писцы соблюдали Итальянское произношеніе: они сокращали его иногда въ полугласную. Отъ того, на оборотъ, находимъ: **даньдоль** (С. № 3), **михоиль** (С. №№ 12, 19), **мартоль** (С. № 40) вмѣсто ожидаемаго **даньдоло** и т. д. Исходъ собственныхъ именъ на -ло принадлежитъ многимъ другимъ Славянскимъ нарѣчіямъ и есть чисто Славянскій признакъ. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя имена собственныя оставляютъ при себѣ окончаніе -ль, что, впрочемъ, случается весьма рѣдко, на пр.: **довриль**, **братиль** (А. № 6), **прѣмиль** (А. № 5): обѣ грамоты, какъ видно, Аѳонскія. Второе дѣйствіе народности состоитъ въ озвукотвореніи конечнаго -ль въ -о: мы уже

разсмотрѣли это явленіе въ общихъ его чертахъ и видѣли временные его предѣлы; сдѣсь прибавимъ только то, что весьма рано встрѣчающаяся форма марьтое ни мало не говоритъ въ пользу этого озвукотворенія, ибо она есть не что иное, какъ сокращеніе формы марьтоле, каковая и дѣйствительно встрѣчается. Труднѣе объяснить формы: кое, рае, віе, находимыя въ началѣ XIV-го в. (А. № 6); должно принять ихъ за признакъ народности, выразившійся первоначально въ этихъ простонародныхъ именахъ. Только уже вѣкомъ позднѣе находимъ влаïе (С. № 95) и т. д., когда озвукотвореніе уже укоренилось въ Сербской письменности.

Окончаніе -е собственныхъ именъ любимо всѣми Славянскими нарѣчіями. Ласкательный видъ, по большей части, исходитъ на -е: михо, -ое (А. № 6; С. №№ 54, 103, 145), ано (А. № 6) и т. п. Уменьшительный образуется чрезъ приставку окончанія -ко: хранко (С. № 15), вирко, вирьке (С. №№ 15, 20), прьсалко (С. № 16), добрько (А. № 6), вранко (Мк.; С. № 66), ранко (С. №№ 35, 176), вонко, дранко, хатко (С. № 176), мийко, крайко, стайко (А. № 5), витко (С. №№ 64, 65) димко (С. № 65), влатко (ин. р.), ср. владе (С. № 66), твртко (ин. р.), станко (С. №№ 86, 120), вожитко (С. № 86), руско (С. №№ 87, 106, 108, 109), санко, -е (С. №№ 104, 133), живко (С. №№ 111, 117), жарко, жарько (С. №№ 133, 141, 170, 172), андрушко (С. №№ 137, 138, 144, 169), нико, коко (С. №№ 158, 159, 163, 165), ратко (Мл.) и т. п. Не только уменьшительныя, но и неуменьшительныя имена часто получаютъ въ Сербскомъ языкѣ исходъ -е, замѣняя имъ полугласную, на пр.: десо, гюрго, стано, стразо (А. № 6), драго (Мк.), марко (С. №№ 141, 150, 169, 176) и пр. Подобныя имъ на -ко мы уже видѣли. Съ этими именами, являющимися въ народномъ видѣ, не должно смѣшивать именъ, прямо взятыхъ изъ чужаго языка въ непереработанной еще народностію формѣ. Въ нашихъ памятникахъ, изъ коихъ бóльшая часть относится къ сношеніямъ внутреннихъ земель Сербіи съ Дубровникомъ, а нѣкоторые принадлежатъ самому Дубровнику, не рѣдко попадаются имена, взятыя у Итальянцевъ и въ Итальянской формѣ. Рука народности какъ бы страшилась коснуться ихъ, по тому что это имена собственныя, имена отдѣльныхъ личностей, принадлежность единицъ, которыя, по понятіямъ писцовъ, должны были оставаться нетронутыми въ своемъ отличительномъ видѣ. Отъ того, съ другой стороны, писцы не преобразовывали и не поддѣлывали подъ Д.-Булгарскій ладъ и своихъ народныхъ Сербскихъ именъ, внося ихъ въ письмо въ первобытномъ видѣ. Обыкновенно имена Итальянскія или въ Итальянской формѣ находятся въ договорахъ Дубровничанъ и принадлежатъ ихъ гражданамъ, отправлявшимся нерѣдко послами къ владѣтелямъ Сербіи. Въ окончаніи этихъ именъ господствуетъ большое разнообразіе, какъ и въ именахъ народныхъ; но иностранное имя почти всегда можно узнать по его не-Славянскому образованію. Таковы на б-у о: томасьо (С. № 8), матко, гамо (Ш. № 11), фосько, филиппо, клименто, пакьло (С. № 16). марьтоло (С. № 19), пэро, пиро (С. №№ 33, 40, 99), масео (С. № 66), ȥанано (С. № 82), клахо (С. № 104), франческо (С. № 167) и т. п. Но нѣкоторыя имена распознать трудно, ибо корень ихъ, по видимому, Славянскій, а внѣшній видъ Итальянскій, или на оборотъ, на пр., ватале (С. № 84) есть не что иное, какъ объитальяненое Славянское имя, или маринко, живко, есть чисто Славянская уменьшительная форма отъ Итальянской живе или тине, марино. Съ послѣднимъ не должно смѣшивать чисто Славянское *Живе*, *Живко*, происшедшее изъ прилагательнаго средняго рода. Тäкъ точно и михокло (С.

16), по свойству грамоты, есть Итальянская форма; но она въ то же время есть и Сербская, хотя и тотъ и другой языкъ образовали ее совершенно независимо другъ отъ друга.

Вторая гласная, служащая часто исходомъ для собственыхъ именъ, есть **е**. Уже съ XII-го в. она начала замѣнять собою Ц.-Славянское **и**, предшествуемое гласными **и** и **е**. Это употребленіе ея весьма обширно: народность полюбила его до того, что, не взирая на присутствіе Ц.-Славянскаго языка, не взирая на имена, прямо оттуда взятыя и относящіяся къ лицамъ духовнаго званія, она даетъ этимъ именамъ окончаніе **е**. Въ нынѣшнемъ языкѣ замѣчаемъ то же самое; народность взяла сдѣсь рѣшительный перевѣсъ. Такъ мы читаемъ: **радое**, **-е** (А. И.; С. NN№ 14, 84, 118, 133, 145, 150, 179), **георгие** (Ш. № VII), **десое** (С. № 5), **владое**, **-е** (С. NN№ 35, 176), **гирасие** (А. № 8), **бтрое**, **градой**, **гюрой**, **когое** и пр. (С. № 176), **прикое**, **-е**, **прапое**, **прпое** (С. NN№ 66, 84, 176, 179; А. № 5), **акакіе**, **корнилїе**, **харламьпїе**, **євтїфорїе**, **паисїе**, **пахомїе** и пр. (А. № 11), **арсенїе** (Г. А), **сладое**, **-е** (С. NN№ 57, 120, 144), **гркоое**, **егое** (С. № 61), **драгое** (С. № 68), **вратое** (С. № 78), **грїгорїе**, **макарїе**, **өеодосїе** (А. № 19). **ваское**, **-е** (С. NN№ 97, 100, 137, 138), **ростое** (З. А.; С. NN№ 136, 140) и мн. др. Образованіе окончанія **-е** вмѣсто **-и** при предшествующей гласной должно приписать тому же неизбѣжному свойству всѣхъ языковъ, которое обнаруживается въ переходѣ одного звука въ другой и преимущественно въ двоегласныхъ, когда второй звукъ нѣсколько слабѣетъ и какъ бы улетучивается, доставляя тѣмъ языку возможность переводить его въ другой почти незамѣтнымъ образомъ. Это и показываетъ, что въ Ц.-Славянскомъ языкѣ хотя и писалось въ этомъ случаѣ полное окончаніе **-ии**, **-еи**, и должно было собственно произноситься, какъ двѣ полныя гласныя, однако отъ времени и для большей легкости выговора и потеряло сдѣсь часть своего удѣльнаго вѣса и произносилось нѣсколько слабѣе, подходя, быть можетъ, близко къ Русскому **й**. Не менѣе замѣчательно другое окончаніе на **-е** съ предшествующею согласною; оно есть собственно средній родъ, и по тому подобныя имена образуются почти всѣ изъ прилагательныхъ. Таковы: **урьие** (С. № 16), **прьие**, **моудре**, **тоуде**, **диве**, **вѣле** (А. № 6), **добре**, **-е** (А. № 6; С. NN№ 66, 99), **миле** (С. № 78). Съ ними не должно смѣшивать озвукотворенное окончаніе въ формахъ: **ранте** (С. № 61), **владе** (С. № 66), и сокращенныя формы: **мише** (С. № 62), **симе** (С. № 71), ср. **симеонь**. Нельзя не признаться, что эти послѣднія имена сильно отзываются Итальянскимъ языкомъ; однако нѣтъ необходимости непремѣнно приписывать ихъ этому языку: они могутъ быть и уменьшительными, образованными независимо отъ послѣдняго. Но есть имена, привнесенныя прямо изъ чужаго языка, гдѣ они тоже получили уменьшительную форму; таковы: **вальде** (Ш. № II), **жане** или **жаке** (С. NN№ 41, 47—50, 55, 56, 62), **зане** (С. NN№ 54, 63, 71), **пане**, **васие** (С. NN№ 40, 59), **мате** (С. № 70), **паоле**, **ламбре** (С. № 76). Нѣкоторыя изъ этихъ именъ, какъ мы можемъ замѣтить изъ сравненія съ предыдущими, являлись иногда въ народномъ видѣ, принимая болѣе Славянское окончаніе: такъ **жане**, сокращенное изъ Giovanni, уменьшилось въ **жанне**; **васие** перешло въ **ваское**. Смѣшеніе **и** или **е** съ **а** доставило новую букву именительному п., выставивъ формы: **андрѣ** (С. № 19), **жанѣ** (С. № 43), **радивоѣ** (С. № 141).

Третья гласная, употребляемая въ окончаніяхъ нарицательныхъ и собственныхъ именъ мужескаго рода, есть **а**, смягчающаяся иногда въ **ѧ**. Всѣ Славянскія нарѣчія знаютъ ее и употребляютъ сходно съ Сербскимъ. Такъ

какъ это явленіе Славянскихъ нарѣчій весьма важно, ибо показываетъ, что нѣкоторыя слова не сократили въ полугласную первичнаго *a*, которое въ Санскритѣ и Литовскомъ языкѣ соединяется съ признакомъ мужескаго рода *s*, то я считаю не лишнимъ привести изъ Древнесербской письменности нѣкоторыя болѣе другихъ замѣчательныя слова, каковы на пр.: **протопопа** (Ш. № VII), **шоура** (А. № 6), **дворьдрьжица** (С. № 61), **дука** (С. № 70), **гоуса**, **хуса** (С. №№ 91, 111, 137), **псалмиста** (С. № 94), **ѿговаратьа** (т. е., -тьм. отвѣтчикъ), **платца** (платильщикъ) (С. № 127), **клюшника** (С. № 155). Теперь они видимо кажутся намъ именами женскаго рода, или какъ будто озвукотворившими или протянувшими конечную полугласную въ полную гласную. Но, вспомнивъ явленія, совершающіяся въ языкахъ, ближайшихъ къ праязыку Индоевропейской семьи, мы увидимъ, что самое -*a* есть уже оголенное окончаніе слова, лишенное своего признака, а переходъ его въ полугласную есть уже дальнѣйшее сокращеніе образовательнаго окончанія. Въ праязыкѣ, сколько можно судить по Санскриту и Литовскому языку, звукъ *a* былъ господствующимъ, какъ и во всякомъ первичномъ языкѣ, и всѣ роды именъ принимали его основною конечною гласною; помня это, и Славянскія нарѣчія допускали образованіе именъ мужескаго рода на *a*. Что же касается до именъ собственныхъ, то они также обильны въ Сербскомъ языкѣ, какъ и во многихъ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Довольно привести нѣсколько изъ нихъ, чтобы увидѣть ихъ общее образованіе. Таковы на пр.: **немања** (А. № 1), **радота**, **ѕанна**, **сина**, **вожаи**, **кала** (Ш. № VII), **никола**, **никола** (Ш. № VII; С. №№ 22, 37, 43, 55, 56, 61, 62, 66, 71, 76, 89, 95, 97, 100, 104, 121, 133, 136, 145; А. №№ 6, 7, 19), **конхьна**, **конхна** (Ш. № VII; А. №№ 5, 6; С. № 111), **вырьта**, **грубиша** (С. № 14), **коленьда** (С. № 16), **михаилица**, **могата** (С. № 19), **десимира**, **хрела**. **вокла**, **мьна**, **бланца** (А. № 6), **доумиша**, **доумица** (Мк.; С. № 176), **вигна**, **горица**, **смокка** (С. № 61), **вукша**, **лукина** (С. № 82), **влаша** (С. №№ 63, 64, 67, 70, 171), **вланца** (С. № 89), **ѡстоа**, **-ша**, **ѡстоіа** (С. №№ 92, 104, 107, 117, 133; Мл.), **никша** (С. №№ 112, 115, 117, 119, 126, 145, 166), **алиса** (С. № 117), **сушеница**, **бука** (С. № 37) и пр. Нѣкоторыя имена имѣютъ совершенно женское образованіе и, кажется, иначе и не могутъ быть объяснены; другія взяты прямо изъ нарицательныхъ и перенесены на человѣка. Замѣчательно, что бо́льшая часть именъ собственныхъ, исходящихъ на *a*, принадлежитъ къ Славянскимъ народнымъ именамъ, которыя вообще у древнихъ Славянъ всегда стояли на первомъ мѣстѣ впереди крестныхъ. Послѣднія, большею частію, сходны съ Греческими, перешедшими чрезъ Д.-Булгарскую духовную письменность, каковы: **сава**, **лука**, **ѕахарија** и т. п. Всѣ наши памятники наполнены народными именами и съ упорствомъ избѣгаютъ крестныхъ, болѣе, или менѣе чуждыхъ Славянамъ; только лица духовнаго званія отмѣчаются именами крестными. Но и между крестными были нѣкоторыя, усвоенныя народомъ и весьма имъ любимыя; каковы: **иоаннъ**, **гюргь**, **юрай**, **никола** и др., подчинившіяся народной формѣ. Въ сокращенномъ видѣ является **миха** (Ш. № II). Сюда принадлежатъ также имена иностранныя собственныя и нарицательныя, заимствованныя изъ Итальянскаго, Греческаго и Турецкаго языковъ. Изъ двухъ послѣднихъ взяты почти исключительно имена, означающія званіе, тогда какъ первому принадлежатъ нѣкоторые виды именъ собственныхъ; между этими есть тѣ же самыя имена, которыя мы встрѣчали въ другой формѣ: доказательство, что они дурно принимались на Славянской почвѣ, и писцы измѣняли ихъ, смотря по тому, какъ имъ казалось лучше. Такъ мы находимъ: **пасиа**, **жила** (С.

№ 16), шишасие (см. в.), живь (С. №№ 16, 66); [illegible] (С. №№ 16, 25), анъдріа, ильиа (С. № 16), андреа, андрѣи (С. №№ 76, 176), тадеа (С. № 179) и т. п., никита, никта (С. №№ 150, 154); но есть и такія, которыя образованы уже по-славянски, на пр.: апртолица (С. № 41), априца (С. № 166) и т. п.; Греческое: кефалия, -а, -я, кепалия, кифалія (С. №№ 49, 54, 61, 91, 111; А. №№ 10, 18; З. и пр.); Турецкія: субаша, кадия (С. № 168) и т. д. Замѣтимъ, что гласная и, смотря по свойству грамотъ, переходитъ иногда въ ѣ, и по тому исходъ именительнаго п. получаетъ еще новую гласную, которая есть собственно звуковое видоизмѣненіе первой; на пр.: аньдреи (С. № 16), тепчия, тепатия (С. №№ 57, 84, 179), истоя (С. №№ 83, 85, 88, 89, 92, 94, 95, 136), судья (С. № 89), богокаратья (С. № 127), аньдрия, тадия (С. № 141).

Четвертая гласная, служащая исходомъ тому женпадежу, есть ѧ, означающее, большею частію, имена, взятыя изъ Д.-Булгарскаго языка съ его образованіемъ. Семья грамотъ, въ которой они являются, указываетъ на заимствованіе. Въ нашихъ памятникахъ встрѣчаются: ками, камы, -н, -ми (А. №№ 6, 8, 11; С. №№ 49, 176), ср. камень, камень (А. №№ 1, 11; Ш. № 14); нынѣ *камен*, а по югозападному подрѣчію *ками* и даже *кам*, Ц.-Слав. камы; тѣти (С. № 35), которое во всѣхъ другихъ грамотахъ уже перешло въ теткия; жрѣви (С. № 62) и т. п. Наконецъ въ одной гр-ѣ (С. № 92) находимъ пети, изъ котораго произошло нынѣшнее *пећак*. Кромѣ перваго слова, остальныя три стянули двойное и Д.-Булгарскаго языка и одинаковы съ его [illegible], ками, въ которыхъ второе и имѣло нѣкогда полное произношеніе и возникло, вѣроятно, при посредствѣ и изъ и съ наконечною согласною рода; оно отвѣчаетъ Санскр. *-jas*, Греч. *-ιος*, Лат. *-ius*, Гот. *-jis* или *-eis*, Лит. *-is*. Сюда же отнесу и имена собственныя, употребленныя въ Д.-Булгарской формѣ вмѣсто народной, претворяющей и въ и. Эта форма употребляется рѣдко, но тѣмъ не менѣе ее находимъ кое-гдѣ, какъ на пр., аньдреи (С. №№ 4, 15), гѥрги (А. № 6), ср. георгия (С. № 43), георгие (С. № 62), иѡси (А. № 11). Подобно имъ образованы: никон (С. № 88), радикон (С. №№ 135, 158)—формы, любимыя другими Славянскими нарѣчіями, но нынѣ вовсе не употребляемыя Сербскимъ, а въ старину допускаемыя имъ очень рѣдко. Онѣ были противъ его понятій о благозвучіи и всегда обращались въ немъ въ -он, чему доказательствомъ служитъ множество именъ, приведенныхъ нами выше, и между ними самое имя радикон. Присчакъ народности, выразившійся въ окончаніяхъ -ии, -он, вполнѣ оправданъ нынѣшнимъ языкомъ. По тому и возможно было сдѣсь претвореніе полузвука и (ǐ) въ полную гласную, что въ основѣ лежало праязычное полногласіе. Но, подобно старинному вліянію Д.-Булгарской стихіи, и нынѣшніе Сербы, желая уважить ту письменность, которая научила ихъ первоначально православной Вѣрѣ, иногда сохраняютъ, по произволу, крестныя имена въ ихъ Д.-Булгарской формѣ; но при этомъ всегда должно помнить, что это не есть ихъ народная форма. Какъ сильно въ старину дѣйствовала сдѣсь народность, видно изъ того, что даже въ Аѳонскихъ грамотахъ имена духовныхъ лицъ переданы въ народной формѣ (ср. А. №№ 8, 11, 15, 19). Сюда не относится, по своему образованію, осербизованное юрьи (С. №№ 95, 97, 118, 120, 133, 136, 144, 145, 156, 179), перешедшее нѣсколько видоизмѣненій, начиная съ ближайшей къ Греческой формы геωрьги чрезъ георгие, гѥрги, гюрьгь и ђурьги, ђурьгь, ђурагь, ђурађь (см. в.); въ ней послѣдняя гласная и, Греч. *ος*, сократившаяся въ ь, снова возникла, поглотивши въ себя и б-у *е*, державшуюся при полугласной; нынѣ *Юре*, *Ђура*, *Ђурађ*. Вообще окончаніе -ии допускается какъ нынѣ, такъ и

въ старину, въ нарицательныхъ и собственныхъ именахъ; ср. фентаи (С. № 97), драгилй, ратаи (А. № 5), клаи (С. № 57), тран (юрли? С. № 156): въ нихъ не находимъ вышесказаннаго озвукотворенія. Къ нему прибавить должно и окончаніе -ви, которое однажды только попадается въ имени собственномъ: прьтеляй (С. № 176). Ц.-Славянскія слова входятъ съ своими окончаніями безъ перемѣны; такъ въ Законникѣ употреблено слово архіерѣи, которое и нынѣ если должно быть произнесено, то сохраняетъ свою Д.-Булгарскую форму. За то въ окончаніяхъ -аи, -еи, -ои находимъ иной родъ превращенія: -аи переходитъ въ -аль, -еи въ -ель, -ои въ -оль: николаль (С. № 8), матѣль (С. № 16), цалоль (Ш. № VII). Сюда присоединю винительный п. доуналь и родительный доунала (Ш. № 15) которые приводятъ къ такому же именительному, отъ котораго и встрѣчаемъ производныя: подоуплесьмь, -сими, подѫналью и т. д. Выше въ ученіи о согласныхъ, разсматривая эти формы, мы уже предложили наше объясненіе, основанное на перезвукѣ усиленныхъ слоговъ. Въ другомъ мѣстѣ мы сказали, что Сербы стягиваютъ ии въ и; у Дубровничанъ находимъ слѣдующія имена на -и: марьсили, георьги, димитри, горьяси, власи, алеьси (С. № 16). Эти имена преимущественно употреблены въ Славянской формѣ, хотя по-сербски слѣдовало бы дать имъ окончаніе -ие. Но Итальянскія имена въ нашихъ памятникахъ предпочитаютъ б-у и и употребляютъ ее весьма часто на концѣ послѣ согласной и гласной, гдѣ она должна произноситься полно. Таковы имена Дубровницкихъ гражданъ: жаки, миони (С. № 3), висьти (Ш. № II), пасьнали, варьли, вали (С. № 16), аньдреи (С. № 17), жорьги (С. № 32), жерали (С. № 33), ими (С. № 62), матеи (С. № 76). Вѣроятно, и Боснійскіе баны одинаково произносили свое имя, когда писались: митли (С. № 5), маоли (С. № 14). Укажу еще на одно Турецкое имя, получившее ту же исходную букву: мехмеди (С. № 164).

И такъ въ именахъ собственныхъ мы видимъ большое разнообразіе, благодаря сосѣдству Италіи. Въ общеупотребительномъ имени писцамъ предстояла на выборъ или иноземная форма, или народная, и они употребляли ту, или другую, но большею частію прибѣгали къ посредствующимъ формамъ, полуитальянскимъ, полуславянскимъ. *Для* примѣра можно указать на имя *Giovanni*, которое является то въ видѣ жань (С. №№ 4, 5, 12, 13; Ш. № II), то въ видѣ жани, жана, жань, жике, тике, жинко, не говоря уже о Славянскихъ формахъ инань, ивлань, ано, ико, инко и пр. Немного именъ находимъ въ чистой Итальянской формѣ. Бо́льшая часть изъ нихъ подверглась перемѣнамъ въ срединѣ и концѣ. Наибольшее, по нашему мнѣнію, дѣйствіе народности оказалось въ обращеніи конечной гласной въ полугласную, что совершенно противно Итальянскому уху; такъ, на пр., находимъ жоурьгь (Ш. № II) и мн. др. (ср. С. № 16 и др.). Это показываетъ, что и въ Дубровникѣ не все господствовала Итальянская стихія, но были властели, которые имена свои произносили и по-славянски. Дѣйствіе народности проникло и въ другую сторону, въ имена крестныя, заимствованныя изъ Д.-Булгарскаго языка и принадлежащія даже лицамъ духовнаго званія: и здѣсь оно преобразовало ихъ конечную гласную. Разнообразіе именъ собственныхъ увеличиваетъ количество исходныхъ звуковъ.

Припомнивъ все сказанное, мы находимъ слѣдующіе исходы для именительнаго п. ед. ч. муж. р.: ъ, ь, о, е, и (ї), а, ꙗ (а, ѧ), и (полнозвучное и половинное). Окончаніе а переводитъ имена въ женское склоненіе, также какъ е и о относятъ ихъ къ склоненію средняго рода, которое, впрочемъ, ничѣмъ

не отличается отъ мужескаго, допуская въ этомъ случаѣ родительный п. вмѣсто винительнаго для одушевленныхъ предметовъ. Удивительно, что и В. С. Караджичъ и Даничичъ пропускаютъ полугласный исходъ *й* или, по ихъ правописанію, *j* и не представляютъ образца его склоненію, тогда какъ въ Сербскомъ языкѣ есть слова, исходящія на это *й*, на пр., *край*, *обичай*, *навичай*, *Бечей*, *Билай* и др.

Въ среднемъ родѣ именительный п. ед. ч. исходитъ на **о**, или **е**, твердое и мягкое. Эти окончанія столь обыкновенны, что о нихъ нечего говорить. Б–а **е**, какъ извѣстно, соединяетъ въ себѣ коренное **е** и носовое **а**. Впрочемъ, послѣднее не встрѣчается. Обратимъ вниманіе только на собирательный видъ, сходный съ именительнымъ п. мн. ч. мужескаго р. Хотя эта послѣдняя форма, какъ увидимъ, произошла сама собою по законамъ звукодвиженія и первоначально не должна была заключать въ себѣ понятія собирательнаго, однако духъ языка придалъ ей это значеніе въ большей, или меньшей степени, увлекшись сходствомъ съ именительнымъ п. ед. ч. средняго р., который необходимо долженъ былъ имѣть собирательное значеніе. Дѣйствителвно мы находимъ въ среднемъ р. подобныя формы во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, а также и въ древнекнижномъ Сербскомъ, каковы на пр.: **трьние** (А. № 1), **доубово гаи**, **иворие** (Ш. № VII) и для женскаго рода: **кѣтние** (С. № 52), **лозіе** (Мл.), даже, можетъ быть, и **даные**: **инкоре даные** (С. № 16). Эта-то форма для женскаго рода служитъ лучшимъ опроверженіемъ противъ тѣхъ, которые въ подобной формѣ именительнаго п. мн. ч. мужескаго р. видятъ внутреннее собирательное значеніе. Имена женскаго р., конечно, не могутъ оканчиваться въ именительномъ п. мн. ч. на **-ие**, а между тѣмъ для собирательнаго значенія они принимаютъ это окончаніе: явно, что они переходятъ въ средній родъ. Такъ точно и имена мужескаго р. переходили бы въ средній родъ, если бы имѣли отличное отъ него окончаніе, но такъ какъ оно у нихъ одинаково, то они и остаются при своей формѣ на **-ие**, получая собирательное значеніе по прихоти языка, основанной на наружномъ сходствѣ съ собирательною формою средняго р. Вообще должно сознаться, что между именительнымъ п. мн. ч. муж. р. на **-ие** и именительнымъ п. ед. ч. средн. р. существуетъ тѣсная связь относительно понятія совокупности предметовъ; что она основана на видимомъ сходствѣ, и что языкъ, увлекшись этимъ сходствомъ, не уяснилъ себѣ и не разграничилъ ни понятій, ни употребленія, ни родовъ, ни согласованія словъ опредѣляющихъ. Подтвержденіемъ можетъ служить употребленіе слова **жоупие**, которое, при отсутствіи ближайшаго опредѣленія, само является въ неопредѣленной формѣ, такъ что трудно рѣшить, что это за падежъ, именительный ли мн. ч. мужескаго р., или именительный ед. ч. средняго р.? Мы приводимъ его подъ первымъ, основываясь на выраженіи гр–ы С. № 14: **наши жоупие**, но гр–а С. № 2, гдѣ сказано: **дѣте мое или оуноуче или праоуноуче**, болѣе говоритъ въ пользу послѣдняго. Да и самую форму на **-е** лучше назвать признакомъ средняго рода, чѣмъ стяженіемъ изъ **-ие**, ибо въ этой древнѣйшей грамотѣ трудно ожидать подобнаго стяженія. Надобно допустить двойственность формъ, очень возможную и легкую при сходствѣ окончаній и при переходѣ именъ съ собирательнымъ значеніемъ изъ одного рода въ другой, но двойственность внутреннюю, а не наружную, ибо различіе между **жоупие** и **оуноуче** есть только случайное и какъ бы очевиднѣйшее; въ дѣйствительности же и средній родъ можетъ имѣть окончаніемъ -ие, и тогда внѣшнимъ образомъ совершенно совпадетъ съ мужескимъ. Двойственность заключается въ самомъ способѣ пред-

ставленія или въ извѣстной минутѣ мышленія: — разумѣетъ ли духъ языка подъ этою формою еще совокупность, т. е., множество предметовъ мужескаго рода, или онъ доводитъ это разумѣніе уже до степени единства понятія, забывая уже о множествѣ, но представляя себѣ, какъ нѣчто цѣлое, и переводя отъ дѣйствительности къ отвлеченію. Въ первомъ случаѣ это будетъ именительный п. мн. ч. муж. р., во второмъ именительный п. ед. ч. средняго рода. Эта отвлеченность представленія позволила и имена женскаго рода употребить въ формѣ именительнаго п. ед. ч. средняго рода. Къ собирательной формѣ должно отнести **трбнце** (С. № 66). Тутъ же встрѣчающееся слово **конакли** есть или несклоняемое, ибо въ родительномъ и винительномъ пп. ед. ч., какъ увидимъ, оно не измѣняется, или это есть именительный п. множ. ч., составленный по образцу женскаго р., ибо въ дательномъ и мѣстномъ пп. оно имѣетъ **конаклам**, **конаклах**.

Имена женскаго рода исходятъ на **а** и **ѧ** (**ꙗ**), или на согласную. Перезвукъ **ѧ** въ **ѣ** прибавляетъ сюда новое окончаніе **ѣ**, на пр., **земле** (С. № 43), **братье** (С. № 78), **госпоѣ**, **г҃поѣ** (С. №№. 81, 127, 159) и т. п. Надо замѣтить, что нѣкоторыя имена мѣняютъ свой гласный исходъ на согласный и переходятъ въ другое склоненіе. Такъ на пр.: **кастьла** (С. № 16) и **кастьль** (С. № 9), **опѣнина** (мн. р.) и **опѣнинь** (С. № 88). Замѣтимъ собирательное слово **дѣтьца**, **дѣтца**, **дѣца**, **дица** (С. №№. 16, 66, 96, 97, 98; А. № 6), какъ и у нынѣшнихъ югозападныхъ Сербовъ и Хорватовъ, то же, что Ц.-Слав. **чадь**. Иностранное **перьпера** переходитъ иногда въ женскій родъ, на пр., **отъ кона перьпера** (З., ст. 95). Хотя въ словѣ **ѧдоваа** (А. № 19) простое удвоеніе, однако оно замѣчательно тѣмъ, что обнаруживаетъ долготу **а**, вронзшедшую изъ **аа** и указывающую на первоначальную прилагательную форму подобно **дѣваа**, откуда существительное **дѣва**.

Кромѣ **а**, исходомъ для именъ женскаго р. служитъ **и**. Это остатокъ старины, сохранившійся въ нѣкоторыхъ словахъ по всѣмъ Славянскимъ нарѣчіямъ. Это была вторая основная гласная послѣ *а*, въ праязыкѣ Индоевропейской семьи; но Славянскій языкъ болѣе другихъ не полюбилъ ея и почти всюду, кромѣ немногихъ словъ, замѣнилъ полугласною *ь*, или обратилъ въ *а*. Въ Д.-Булгарскомъ нарѣчіи еще сохранились окончанія **-и**, въ словахъ **мати**, **дъшти**, **-шти** и **-щи**, **-ши**. Съ этимъ и не должно смѣшивать **-ы**, на пр., въ словѣ **свекры**, перезвукованное въ **-овь** и приводящее къ основной гласной *у*, ср. Санскр. *çvaçrû*. Въ прочихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ еще менѣе сохранилось слѣдовъ этого исхода. Упомянутыя два слова удержали при себѣ *и* только въ нарѣчіяхъ: Сербскомъ: *мати*, *кћи*, Хорватскомъ: *mati*, *kći*, Хорутанскомъ: *mati*, *hčí*, къ которымъ должно присоединить *krí*, Словацкомъ и Малорусскомъ одно *mati*, *мати*. Въ прочихъ они или сократились на полугласную, или приняли другое окончаніе *-ерь*, *-er*, *-еж*, одинаковое съ первоначальнымъ *-ar*, ср. Санскр. *mâtar*, *duhitar*. Но они были и въ Д.-Русскомъ, и Д.-Чешскомъ, и Д.-Польскомъ. Еще болѣе исчезло *и* въ другихъ окончаніяхъ, такъ что теперь только въ Польскомъ, въ нѣсколькихъ словахъ, да въ Лужицкомъ, въ двухъ словахъ, находимъ *-yni* и *-ni*; въ прочихъ ихъ нѣтъ, хотя они тамъ и были. Вообще, какъ сказали мы, Славянскія нарѣчія, не любя *и*, старались такъ, или сякъ избѣгнуть его. Отъ того образовался еще полугласный исходъ для именъ женскаго рода, приводящій или къ первоначальному *а*, или чаще къ *и*; сюда относятся также имена на первоначальное *-ы* и *-овь*, перезвукованное изъ *у*. Д.-Сербскій книжный языкъ, держась Ц.-Сла-

вянской письменности, употреблялъ и ея окончанія, изменяя ихъ иногда по народному. Такъ между прочимъ мы находимъ: мати, мти, мтi, мти (Ш. № VII; С. №№ 16, 26, 44, 45, 57, 175, 176; А. №№ 6, 8, 10—15, 17—19; Мк.; Ю.; С.-Д. М. 1844; Мл.; Г. V), дъщи, кыи, къщи, къси, кии, кеи (Ш. № II; С. №№ 87, 108, 112, 115, 121, 126, 134; Г. Б), любы (А. № 1), црькы, -ы, црькы, -и, црки (А. №№ 5, 6, 12, 18, 19; С. № 35; З.), ѧвгоустинi (А. № 10), монахы (А. № 19); но, кромѣ двухъ первыхъ, прочія и имъ подобныя слова на -и являются болѣе склонными къ нынѣшнему окончанію -вь, или -ва: по этому чаще мы находимъ: любьвь, -овь, -любвь, любавь (С. №№ 46, 61, 70, 77, 83, 144), црьвь постоянно является въ этомъ видѣ, даже въ Аѳонскихъ грамотахъ (ср. А. №№ 3—6, 8—10), црков (А. № 14) уже означаетъ колебаніе, которое окончательно приводитъ къ формамъ: црква, црьква (С. №№ 173, 176; З.; Г. Б; Мл.) и црьковь, црковь (З.; Мл.). Замѣтимъ, что всѣ три формы встрѣчаются въ одномъ и томъ же памятникѣ—Законникѣ. Встрѣчающаяся въ той же и другихъ грамотахъ (А. №№ 10, 11; С. № 35) форма авгоустiню показываетъ, что другая на -ини уже не имѣла довольно силы, чтобы пройти чрезъ все склоненіе. Форма монахы примѣчательна по своему сокращенію. Какъ црьква перешло къ именамъ съ гласнымъ исходомъ, такъ, на оборотъ, нитьвь (С. № 9) переходитъ оттуда сюда. Но подобныя явленія могутъ случаться только съ окончаніемъ -вь, звукотворящимся въ -ва.

Звательный п. ед. ч. имѣетъ для мужескаго р. окончанія -е и -у (ю). Въ нашихъ памятникахъ, по самому мѣсту употребленія, онъ является преимущественно въ Ц.-Славянской формѣ, съ которою, впрочемъ, сходится и народная. Только Сербскій языкъ, не различая словъ съ основою *и* (*ь*) отъ прочихъ и подчиняя ихъ общимъ законамъ твердости и мягкости, не имѣетъ въ звательномъ п. *-и*. Хотя два остальныя окончанія, *-е* и *-у*, онъ подчиняетъ своимъ правиламъ, однако въ древней его письменности они слѣдуютъ Ц.-Славянскому употребленію, которое допускаетъ и звательный на -и. Такъ мы находимъ нѣкоторыя тожественныя формы, одинаково образованныя, какъ по-сербски, такъ и по-ц.-славянски: кнеже (А. И.; С. № 9), бже, -е, бг, бже, боже (А. И.; С. №№ 5, 35, 51, 84, 86, 87, 97, 100, 101, 102, 104, 106, 108, 109, 114, 130, 144, 164; А. №№ 2, 12, 20; Г. А, Б; Ю.), спсе, -е, спасе (Ш. № VII; А. №№ 3, 4, 5; С. № 176), теодоте, николае (А. № 7), творче (А. № 8), посовитвю (А. № 9), отче вседрьжителю (С. № 35), гсе (С. № 48), архи- архистратиже, ар- архагле, михаиле, учителю и предьстателю, -стателю (Г. А, Б), црьковнче, стефане, многострадате (С. № 68), краль (С. № 89), творче, дше, сдателю, отче, сне (С. № 175), геѡргiе победоносче (С. № 178), отче, тамномаче (А. № 20). Нынѣшній Сербскій языкъ ставитъ *-у* послѣ мягкихъ и шипящихъ согласныхъ; а при прочихъ употребляетъ *-е*, измѣняя гортанныя и свистящія (кромѣ *с*) въ соотвѣтствующія шипящія. Вообще звательный п. образуется чрезъ усиленіе или перезвукъ основной гласной, отъ чего и происходятъ различные гласные исходы въ звательномъ п. тѣхъ Славянскихъ нарѣчій, которыя еще не забыли этого падежа и не смѣшали его съ именительнымъ. Но, помимо звука, избранные для этого общимъ духомъ Славянскихъ нарѣчій, Сербскій языкъ распорядился ими по своему, подчинивъ ихъ своимъ законамъ благозвучія. Хотя въ приведенныхъ примѣрахъ формы на -ю и сошлись въ обоихъ языкахъ, но можно быть увѣрену, что это лишь случай, ибо если Сербскій языкъ допускаетъ только одно *ю*, мягкость котораго переходитъ большею частію, въ предыдущую согласную, оставляя видимо *у*, то Ц.-Сла-

вянскій допускаетъ и ю и оу. Изъ вышеприведенныхъ примѣровъ можно народною формою предполагать только нѣкоторые случаи кнѧже, гн҃е и краль. Въ послѣдней хотя Ц.-Славянскій языкъ и сошелся съ народнымъ, однако временное представленіе твердости и мягкости, въ слѣдствіе котораго краль звучало въ старину твердо, измѣнило конечную мягкую гласную въ твердую, но тѣмъ не менѣе не коснулось формы, оставивъ ее какъ бы при мягкомъ -ль, ибо иначе, если допустить дѣйствительную твердость въ л, слѣдовало бы написать крало. Прочія суть Ц.-Славянскія; ибо гдѣ въ формахъ должна быть разница, тамъ уже находимъ Ц.-Славянскую, на пр.: црю, цр҃ь, царю (А. №№ 2, 11; С. №№ 46, 48, 101, 102, 104, 176), сн҃ю (С. № 51). Въ этѣхъ формахъ народность коснулась лишь звуковъ, какъ и въ кралю, отвердивъ, или смягчивъ ихъ, но самыя формы оставила нетронутыми; нынѣ царе, сине. Слово господ, удержанное изъ Ц.-Славянскаго языка и употребляющееся нынѣ только при словѣ Бог въ отвержденной формѣ, въ древней письменности имѣло Ц.-Славянскую форму: гн҃и, гн҃и, господи (А. №№ 2, 8, 18, 19, 20; С. № 178). Впрочемъ, находимъ однажды и гн҃е (А. № 12). Такъ точно и нѣкоторыя другія слова удерживаютъ свою, освященную временемъ, форму: х҃е, х҃е, х҃е (А. №№ 3, 4, 5, 20; С. №№ 46, 176; Г. А, Б). Укажу еще на замѣчательное употребленіе звательнаго п. въ формѣ родительнаго: да тако ти моега живота и моя любве (С. № 34). Это употребленіе встрѣчается и въ Д.-Булгарской письменности; однако свойство грамоты и весь ходъ рѣчи, даже остальной способъ выраженія не показываютъ, чтобы это было заимствованіе оттуда. Однажды поставленъ именительный п.: ѧ дрꙋже тебе любезный г҃ь х҃ь (А. № 4).

Въ среднемъ р. звательный п. постоянно равенъ именительному, на пр.: нѣмое сьвытие, грѣшникомъ прибѣжище (Мк.), оупованіе (Мл.).

Въ женскомъ р. звательный п. оканчивается нынѣ постоянно на -о, исключая имена на -ца, которыя, кромѣ -о, принимаютъ и -е. Въ древней письменности держался онъ Ц.-Славянскихъ формъ на -а, -е, -и. Имена съ твердымъ исходомъ на -а принимали -о: владыко, б҃це, -о, бж҃е, бж҃е (А. №№ 3, 4, 7, 8, 12, 20; С. №№ 46, 175, 176; Г. А, Б; Ю.), дв҃о, слико, пожало, дражайшо (Мк.), игꙋменьо (А. № 9), косодо, слоуго (Г. А), сило, -о (С. №№ 71, 84, 97, 114, 144), господо, -одо (С. №№ 149, 172). Имена съ мягкимъ исходомъ на -а и -я принимали -е, на пр. братие, -е, братіе (А. № 1; С. №№ 59, 79; Мл.), тройце, троице, троице, -е (А. № 4; В. № 2; С. №№ 71, 84, 86, 97, 100, 114, 144), ше, дш҃е, богородице (А. №№ 6, 18; Мк.; Мл.), сердце (Ю.), княгине (Мл.). Однажды находимъ именительный п.: братя (А. № 7). Имена съ согласнымъ исходомъ принимали -и, которое усиливалось в: сладости, -и, сладости (А. №№ 3—5), бг҃оматн (А. № 14), крѣпости, премудрости (Ю.). Мы привели выше выраженіе да тако ти моега живота и моя любве съ родительнымъ п. любве: нынѣ существуетъ у Сербовъ подобное выраженіе: дела любави ти! (сдѣлай пожалуйста!)

Винительный п. ед. ч. для именъ одушевленныхъ муж. р. сходенъ нынѣ съ родительнымъ, а для неодушевленныхъ съ именительнымъ. Но какъ и въ Д.-Булгарскомъ иногда, и чѣмъ древнѣе тѣмъ чаще, одушевленныя имена употреблялись въ именительномъ п., такъ и въ Д.-Сербской письменности кое-гдѣ находимъ одушевленныя имена, и преимущественно животныхъ, въ именительномъ п. Такъ: да оуз҃имъ наискоривѣ вдѣ конь (Ш. № VII), за конь (С. № 22), ни конь ни пьсь хранѣ (С. № 35), да предаа конь (З.). Для ради, подъ вліяніемъ Д.-Булгарскаго языка, находимъ въ именительномъ падежѣ:

несла единородныи сынь твой (А. № 4), послати пріятеля дьнь (С. № 176). Впрочемъ, это не есть собственно именительный падежъ, какъ и вообще всѣхъ именъ неодушевленныхъ. Сдѣсь сходство наружное, и духъ языка нисколько не хотѣлъ для одного падежа употреблять другой. Сдѣсь форма, подобная формѣ именительнаго п., образовалась чрезъ стяженіе основной прадавней гласной въ полугласную и откинутіе конечнаго образовательнаго *м*. Доказательствомъ тому могутъ служить другіе соплеменные языки, различающіе оба падежа. Отъ того употребленіе родительнаго п. вмѣсто винительнаго для одушевленныхъ предметовъ должно быть моложе формы, подобной именительному, или, какъ обыкновенно говорятъ, формы именительнаго. Зная, что Сербы и доселѣ употребляютъ *ками*, мы не удивимся, если и въ древней ихъ письменности не разъ найдемъ ту же форму въ винительномъ п. Но такъ какъ ее употребляютъ грамоты Восточной Сербіи, а *ками* существуетъ на югозападѣ, то вліяніе Ц.-Славянскаго языка остается сдѣсь во всей силѣ, хотя и не безъ участія сошедшейся съ нимъ народности. Такъ: на урьвь камы, оу дрогинь камы, оу бели камы (С. № 176), на долни ками, на расцѣлании ками, на цркевни ками, на просѣчени ками (А. № 11). Это употребленіе замѣчательно тѣмъ, что и въ Ц.-Славянской письменности оно довольно рѣдко. Впрочемъ, Сербскіе писцы брали сдѣсь просто форму именительнаго п. и распространяли ее на другой падежъ. Но есть и другая форма: оу камень (А. № 8), на камень плоскы (А. № 11), на камень (Ш. № 15). И такъ въ одной и той же грамотѣ встрѣчаются двѣ формы. Слово кьнанинъ (С. № 142) представляетъ образованіе, рѣдкое для единственнаго ч. и отвѣчающее Ц.-Славянскому крьстиянъ. Возможность таковаго образованія въ Сербскомъ языкѣ — ибо ни одинъ изъ примѣровъ, нами видѣнныхъ въ именительномъ п., не показываетъ заимствованія — очень важна, какъ доказательство того, что -инъ не служитъ необходимымъ окончаніемъ для подобнаго рода именъ, и если допускается другое образованіе, то между тѣмъ и другимъ должна быть какая нибудь разница. Если вспомнимъ, что множественное ч. отъ именъ на -инъ отвѣчаетъ именно единственному на -нъ, или -ъ, -ь, то увидимъ, что -инъ есть окончаніе одного только единственнаго ч., и по тому догадка объ его значеніи, какъ единичности, подтверждается. Опять и въ этомъ падежѣ находимъ собственныя имена: влаха (С. №№ 14, 19, 20), димитрья (С. №№ 19, 20), съ которыми писцамъ казалось труднымъ справляться; а также выраженіе: молити гна краля жигмунда (С. № 88).

Въ среднемъ р. винительный п. ед. ч., какъ во всей Индоевропейской семьѣ, подобенъ именительному. Это сходство образовалось по той же самой причинѣ, по какой и въ мужескомъ р., т. е., признакъ падежа *м* былъ откинутъ, а конечная основная гласная удержала видъ *о* или *е*, какъ на оборотъ въ мужескомъ р. духъ языка для отличія сократилъ ее въ *ъ* или *ь*. Мы встрѣчаемъ опять собирательныя формы, перешедшія сюда изъ другихъ родовъ: враже, свиние, (С. № 22), ложие, подданствие (А. № 6), риндцие, ханатрие, раклице (С. № 176), трьстие (А. № 11), о которыхъ говорили выше. Сюда же отнести должно трние (С. № 104), копание (С. №№ 136, 150). Встрѣчающееся въ этомъ падежѣ слово дома: у том дома (С. №№ 105, 164), есть несклоняемое, какъ и нынѣ. Приведенное выше копание имѣетъ еще и другую форму на -и, и въ ней дѣлается, кажется, несклоняемымъ, на пр.: копании, живи копании (С. №№ 96, 97, 120, 132, 133, 145). То же мы видѣли и выше. Собственное имя мужескаго р., принявши форму средняго р. съ нарощеніемъ, такъ и осталось съ нею въ винительномъ п.: несалѣ прѣвтствовани вресте (С. № 34). Излишнее стяженіе про-

извело окончаніе -**и**: **[illegible]** (т. е., -**[illegible]**, С. № 159), **[illegible]** (С. № 164). Чрезъ перезвукъ **[illegible]** въ **и** произошло **годищи** (С. № 136).

Винительный п. ед. ч. именъ женскаго рода на *-а* удержалъ при себѣ первоначальнаго указателя падежа *м*, который, слившись съ основною гласною, произвелъ носовой звукъ, сохранившійся въ Д.-Булгарскомъ, Польскомъ и Полабскомъ языкахъ. Въ прочихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, при истребленіи носовыхъ звуковъ, остались болѣе, или менѣе ясные слѣды ихъ въ тѣхъ гласныхъ, которыя ихъ замѣнили. Ц.-Славянскій языкъ употребляетъ звукъ -**ѫ**, -**ѭ**, но Польскій ослабляетъ его до *-ę*, исключая нѣкоторые случаи смягченія, когда онъ *ę* замѣняетъ чрезъ *ię*, и немногія имена съ преднослѣднею мягкою согласною, образующія свой винительный на *-ą*. Прочія нарѣчія остаются вѣрными звуку, отвѣчающему **ѫ**, **ѭ**, и оканчиваютъ свой винительный или на *-у* (*и*), какъ Сербское, Хорватское, Лужицкія, Чешское и Русское, или на *-о*, какъ Хорутанское. Сдѣсь дѣло въ перезвукѣ, форма же остается неизмѣняемою. Д.-Сербская письменность всюду употребляетъ- **ꙋ** или -**ю**, смотря по собственному представленію твердости и мягкости, а по тому излишне было бы приводить примѣры. Одинаково образуется этотъ падежъ и для именъ мужескаго р. на -**а**, на пр.: **[illegible]**, **[illegible]** (С. № 16), **[illegible]**, **[illegible]**, -**оу**, -**ꙋ** (А. №№ 1, 12; С. №№ 35, 176), **соудію** (З.) и т. д. Опять, и въ томъ же памятникѣ, находимъ переселенца: **да даси [illegible] [illegible]** (З., ст. 58). Имена съ согласнымъ исходомъ не усиливаютъ своей конечной полугласной, ибо вообще въ этомъ падежѣ нѣтъ первоначальнаго гласнаго перезвука или усиленія, а есть только носовой отзвукъ, который тѣмъ не менѣе въ послѣдствіи принялъ различныя видоизмѣненія въ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Отъ того при удержаніи конечной полугласной и самый носовой отзвукъ *м* оказался ненужнымъ, и винительный п. сравнялся съ именительнымъ. Но имена, пользующіяся краткою формою въ именительномъ п., кажется, не могли уже опять удержать ее въ винительномъ, когда первоначальная ихъ форма винительнаго еще удлиннилась б-ю д, и по тому въ этомъ падежѣ мы находимъ въ Д.-Сербскомъ, какъ и въ Ц.-Славянскомъ только полныя формы: **матерь**, **мтерь**, **мтрь** (С. №№ 12, 21, 26—28, 51, 53, 58, 76, 93, 142; А. №№ 11, 20; З.), ср. Санскр. *mâtaram;* **[illegible]**, -**[illegible]** -**[illegible]**, **[illegible]**, **[illegible]**, **[illegible]**, **[illegible]**, **[illegible]** (А. №№ 3—9, 11, 13, 14, 18; Мк.; С. №№ 46, 51, 76, 176; В. № 2; З.; Мл.), **[illegible]**, -**[illegible]**, **[illegible]**, -**[illegible]**, -**[illegible]**, **[illegible]** (С. №№ 16, 37, 66, 77, 84, 86, 92, 96, 97, 100 — 102, 104, 107, 113, 114, 116, 117, 130, 140, 141, 145, 157). Отсюда видимъ, что имена, которыхъ нарощеніе образовалось черезъ усиленный перезвукъ **ы** въ **ов**, слѣдуютъ общему правилу относительно этого падежа. Исключеніе находимъ только одно: **мати** (С. № 16). Сербскій языкъ придаетъ иногда *а* къ окончанію *-ов*, а по тому и въ старину кое-гдѣ прорывалось это свойство его; такъ читаемъ: **и [illegible]** (А. № 8), **[illegible]** (С. № 78) и на оборотъ: **[illegible]** (С. № 55).

Родительный п. ед. ч. муж. р. имѣетъ, какъ и въ прочихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ и нынѣшнемъ Сербскомъ, главною наконечною буквою **а**, которое, какъ мы уже видѣли, переходитъ иногда въ **ѣ**, а это въ нѣкоторыхъ памятникахъ перегласовывается въ **е**. Мы видѣли также, что не вездѣ въ этихъ случаяхъ имѣетъ мѣсто смягченіе, и если прибавимъ, что общее образованіе этого падежа въ Сербской письменности не представляетъ ничего отличительнаго, то намъ останется только обратить вниманіе на частныя особенности древняго склоненія. Имена, исходящія на -**и**, будетъ ли оно стянутое изъ -**ии**, или полнозвучащее, или полугласное, или же звукотворенное въ -**[illegible]**, какъ и нынѣ, сии-

няютъ это конечное и на и, или е, на пр.: Алексіа (А. № 1), Андреа (С. № 15) и пр. и пр. Форма хрьвоа (С. № 118) показываетъ, что именительный хрьвое, -е, хравое (С. №№ 84, 88, 179) имѣетъ и, озвукотворенное въ е, что доказывается и дательнымъ п., какъ увидимъ ниже; нынѣ обыкновенно употребляютъ это слово въ формѣ женскаго р.: *Грвоя*. Форма срьѣа (Сергія, С. № 132) показываетъ, что ея именительный п. подвергся такому же преобразованію, какъ и ѣвраѣ или ѣврѣ, т. е., стянутое и сократилось въ ь, а г передъ мягкостію перешло въ ѣ. Ср. срьги (С. № 35). Слово вратоутедъ имѣетъ, какъ и нынѣ, вратоутеда (З.), вратитеда (С. № 141); доушака (Ш. № 15) предполагаетъ именительный п. доушакъ и только имъ можетъ быть объяснено. Замѣчателенъ еще родительный п. ѿ виетка (С. № 93), какъ бы происходящій отъ именительнаго вьиеть, хотя это послѣднее у Славянъ употребляется въ числѣ множественномъ. Слова тать, вать и зять, исходящія въ Д.-Булгарскомъ на ь и имѣющія особое склоненіе, въ нынѣшнемъ и древнемъ Сербскомъ языкѣ уже не различаютъ мягкости и звучатъ на твердую согласную. Отъ того ихъ родительный п. имѣетъ а: зята (С. № 16), но есть и зяти (А. № 1) и зяте (С. № 16), поута, поута (А. №№ 8, 11; С. № 176), но и поути (А. № 5), тата (З.), но и тати (С. № 43). Рѣдкая форма зяте попадается весьма рѣдко, какъ зяте въ Ц.-Славянскихъ памятникахъ, вмѣстѣ съ столь же рѣдкими зяте и зята, вата. Камы или камы, имѣвшее и въ именительномъ п. камень, Санскр. *açman*, удерживаетъ въ родительномъ это окончаніе, ближайшее къ первобытному: камене, гдѣ е перезвуковано въ и, (А. № 11). Но здѣсь -а показываетъ, что именительный п. уже отвердилъ конечную полугласную, по свойству Сербскаго языка, ибо и нынѣ онъ звучитъ такимъ образомъ и въ родительномъ имѣетъ по этому *камена*. Подобное образованіе родителенаго п. находимъ въ формѣ моремъ, -ѣ, -ѣ, море, -е (А. №№ 5, 10; С. №№ 35, 37, 52, 100, 103, 176; В. № 1), ср. мора; но въ позднѣйшихъ грамотахъ уже показывается нынѣшнее мореня, моремня (С. №№ 114, 144): такъ твердо еще писцы удерживали въ памяти болѣе другихъ отличительныя формы. Дьнь въ родительномъ п. имѣетъ преимущественно -е: дне, днѐ, дне, дне (С. №№ 2, 3, 7, 17, 21, 26, 47, 90, 92, 101, 102, 104, 107, 114, 127, 128, 140, 144, 163), какъ и въ Ц.-Славянскомъ; однако часто попадается, какъ и въ послѣднемъ, дни, дни (С. №№ 47, 49, 89, 92, 96, 99, 101, 102) даже, какъ видно, въ однѣхъ и тѣхъ же грамотахъ и въ одномъ и томъ же выраженіи: ѿ нинѣшна дни до конца дне (С. № 43). Въ позднѣйшей грамотѣ уже показывается обычное нынѣшнее дана (С. № 169), хотя и нынѣ еще существуетъ *дне*. Митрополите, -иде (С. №№ 97, 100) есть родительный п. отъ видѣнной нами выше формы митрополить; вѣроятно, онъ образованъ по примѣру женскаго склоненія. Наконецъ укажу на слово домъ, имѣющее родительный п. сходный съ дательнымъ, тогда какъ относящееся къ нему прилагательное остается въ родительномъ. Такъ мы читаемъ: на потребе домоу, сьвиодаюмѣ вратнаиѣ домоу (А. № 3), всего ѣзора домоу стаѥ мо (А. № 4), на създаниѥ домоу кйпа; ѿ вьноутрьнихь домоу (С. № 176), домоу твоего (В. № 1), домоу твоего (Ю.), ѿ домоу (А. № 12), ѡтьце домь изравилева (С. №№ 81, 85, 89, 95, 150; З. А.). Замѣтимъ, что одна половина этихъ примѣровъ относится къ грамотамъ Аѳонскимъ, а другая къ богословію грамотъ Боснійскихъ королей, переходившему изъ одной грамоты въ другую и съ умысломъ допускавшему въ сильной степени Ц.-Славянскую стихію: это обстоятельство и заставляетъ насъ въ употребленіи этой формы родительнаго п. видѣть вліяніе Ц.-Славянской.

письменности, въ которой не разъ находимъ домоу. Въ Аѳонской же грамотѣ находимъ еще другія такія же формы: при дали ѡрана по ѿ архидѣя къ тмъ годоу; да не оуѕимаю къ тмъ годоу ништо; и придѣ ѡранѣ архістратигоу и тутъ же придѣ ѡранѣ архістратига михаила; приложихъ малый свои миргоу (А. № 6). Мы далеки отъ того, чтобы два послѣдніе примѣра сравнивать съ первыми: въ нихъ явно оба падежа суть дательные, поставленные оба въ зависимости отъ придати по извѣстному пріему словосочиненія, употребляемому въ Д.-Булгарской письменности. Но не таковы первые: въ нихъ окончаніе -оу есть такой же родительный п., какъ и -а. Правда, Сербскій языкъ менѣе всѣхъ прочихъ Славянскихъ языковъ допускаетъ окончаніе -у въ родительномъ п., такъ что нынѣ его вовсе нѣтъ, а въ древнемъ оно является только въ упомянутыхъ случахъ, тѣмъ не менѣе писцы могли заимствовать эту форму изъ Д.-Булгарскаго, который хотя тоже не терпитъ этого окончанія, однако допускаетъ нѣкоторыя исключенія въ его пользу. Выборъ палъ преимущественно на домъ, слово, которое и въ Латинскомъ языкѣ имѣетъ два склоненія и у нѣкоторыхъ Славянъ образуетъ двояко свой родительный п. Въ этомъ отношеніи Сербскій языкъ принадлежитъ къ разряду тѣхъ Славянскихъ нарѣчій, которыя не любятъ б-и у въ родительномъ п., таковы Русское, Хорватское и Д.-Булгарское; напротивъ Польское, Чешское, Лужицкія и Хорутанское любятъ эту букву. Оба звука, а и у, судя по мѣрѣ употребленія, очень [illegible] въ Славянскихъ нарѣчіяхъ, однако а беретъ верхъ, ибо оно вошло во всѣ нарѣчія, безъ исключенія, тогда какъ у для Сербовъ и Хорватовъ вовсе не существуетъ. Оба эти звука ведутъ свое начало изъ самого способа первоначальнаго падежнаго образованія, и по тому они ровесники между собою. Различное звуковое соображеніе одного и того же гласнаго начала произвело двойственность падежнаго окончанія. Припомнимъ, что первоначальное падежное окончаніе было -as, которому отвѣчаютъ Греч. -ος, лат. -is. Эта падежная гласная въ соединеніи съ основною играетъ здѣсь важную роль, производитъ различныя измѣненія. Такъ Санскритъ при гласномъ исходѣ основы обращаетъ -as въ -sja, а при основѣ на i сливаетъ ее съ основою въ долгій усиленный звукъ -ês. Такое же усиленіе происходитъ въ Литовскомъ и Готскомъ въ окончаніи -aus для основы на u и -es для основы на i. Латинское -us образовалось изъ древнѣйшаго -uis, -uos. При опущеніи указателя s гласная a одна остается исполнять обязанность падежнаго образователя; при этомъ обыкновенно замѣчается слитіе ея съ основною конечною гласною въ усиленный долгій звукъ. Первое дѣйствіе опущенія произошло въ Литовскомъ языкѣ, отъ чего въ немъ находимъ форму -o, очевидно отъ -aa. Славянскія нарѣчія, сокращая гласную основы въ полугласную, сливали эту послѣднюю съ падежною a, откуда ихъ форма на -a; но какъ скоро прихоть языка озвукотворяла и основную гласную, чему видимъ множество примѣровъ въ другихъ падежахъ, то въ концѣ являлись уже двѣ гласныя, которыя, по духу Славянскаго языка, переходили въ o; слитіе же двухъ o производило одно долгое o или обыкновеннѣе его перезвукъ y. Хорутане иногда не сливаютъ этихъ гласныхъ, а раздѣляютъ ихъ благозвучнымъ v, откуда ихъ форма на -ova. Они одни въ этомъ падежѣ прибѣгаютъ къ благозвучной буквѣ, какъ одни Лужичане въ дательномъ не прибѣгаютъ къ ней и не сливаютъ двухъ гласныхъ въ своей формѣ: -oj, -ej. И такъ оба окончанія были готовы. Славянскія нарѣчія распорядились ими такъ, что юговосточный говоръ, болѣе любя открытые звуки и полногласіе, предпочелъ a, а западный y. Слѣдовательно, безполезно думать, что окончаніе -у родитель-

наго и, есть голый остатокъ основной конечной гласной извѣстнаго разряда словъ: во первыхъ, Славянскій языкъ, хотя и откидываетъ согласный указатель падежа, каково с, но гласную большею частію удерживаетъ въ словодвиженіи; во вторыхъ, навязывать основной исходъ малочисленнѣйшаго разряда огромному большинству словъ, въ нарѣчіяхъ, предпочитающихъ родительный на -у, невозможно, ибо въ Славянскомъ языкѣ основные исходы словъ уже смѣшались и не подходятъ къ тремъ первычнымъ, и скорѣе являются въ видѣ о и е, и хотя различаютъ твердость и мягкость, однако порядокъ ихъ плохо отвѣчаетъ порядку первоначальныхъ основъ а, и, у. Еще менѣе имѣетъ значенія въ этомъ отношеніи болѣе поверхностное объясненіе, именно различіе именъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ, односложныхъ и многосложныхъ, къ которому прибѣгаютъ грамматики, чтобы сколько нибудь привести къ сознанію употребленіе того и другаго окончанія: остается происхожденіе а и у отнести къ кореннымъ звуковымъ началамъ, а выборъ ихъ предоставить духу и благозвучнымъ требованіямъ каждаго Славянскаго нарѣчія. Возвращаясь опять къ слову домъ, мы замѣчаемъ, что и въ Чешскомъ и Лужицкомъ языкахъ оно имѣетъ въ родительномъ п. -и, въ отличіе отъ -а, употребляемаго вмѣсто нарѣчія: такъ, можетъ быть, понимали и древніе Булгарскіе и Сербскіе писцы и отъ того въ этомъ словѣ уклонялись отъ общихъ свойствъ своего языка.

Въ среднемъ р. этотъ падежъ принимаетъ, какъ и въ мужескомъ, -а или -и (а, ѧ). Твердость и мягкость согласныхъ исходовъ Сербскій языкъ рѣшаетъ по своему, а по тому мы находимъ и мора, -ѣ, мора (С. NN№ 16, 37, 51, 71, 78; А. NN№ 3, 11) и морѣ (А. № 4) и т. п., какъ мы уже видѣли выше. Е-а и, переходя въ ѧ, образуетъ перезвукованное окончаніе -ѧ. Обратимъ вниманіе на слова съ такъ называемымъ нарощеніемъ, хотя здѣсь нѣтъ никакого нарощенія, а напротивъ здѣсь возникаетъ древнѣйшій полный образъ слова. Таковы родительные падежи: племене, племена, -е, имене, племени (А. NN№ 3, 4, 16; С. NN№ 37, 84, 97, 103, 136, 176; Мл.), времене, врѣмене, -е (А. № 10; С. NN№ 100, 107), словесе (Ш. № VII), небесе, -е, тѣлесе, чюдесе (С. NN№ 37, 81, 89, 95, 103; З. А.; А. № 20), ср. племя, время, Санскр. *nabhas*. Здѣсь окончаніе -е есть усиленіе изъ первоначальнаго *а* (*as*). Дальнѣйшее усиленіе переходитъ въ и: словеси, словесѣ (А. № 5; С. NN№ 48, 54, 55). Мы видѣли форму камена, корена: такъ точно Сербскій языкъ, оставляя и забывая Ц.-Славянскія формы, придавалъ этимъ словамъ общее окончаніе -а, воображая ихъ именительный на -е, и совпадалъ, хотя и совсѣмъ по другой причинѣ, съ первобытною формою на -*а*; ср. Санскр. *nabhasas*. По этому съ теченіемъ времени мы находимъ: племена, племена племена, имена (С. NN№ 64, 96, 98, 104, 107, 108, 112, 115, 126), времена, врѣмена (С. NN№ 76, 93, 98, 126, 145). Опять встрѣчаемъ собирательную форму лѣтадия (А. № 19), каменія (С. № 164). Послѣднее есть то же, что каменія отъ именительнаго ед. ч. средняго р. каменіе, которое сходится съ именительнымъ мн. ч. мужескаго р. Такъ, повторю, слова, не измѣняя формы, переходили изъ одного рода въ другой, хотя въ сущности и форма ихъ была различна. Слово копаніе, являющееся въ этой формѣ въ винительномъ п., принимаетъ въ винительномъ и родительномъ и и дѣлается, по видимому, несклоняемымъ; ср. поль жане, -е, по мене копании (С. NN№ 96, 98, 99, 104), поль дьна копании (С. № 97), ратнеога дьна копание (С. № 107), дьна копании свѣвода и ратнега (С. № 114). Наконецъ имена мужескаго р. на -у, происходящія преимущественно отъ прилагательныхъ средняго р., склоняются по

образцу нынѣшнихъ *яг ьне*, *прасе*, *теле* и т. п., или Ц.-Славянскихъ отроча, дѣте и т. п. Происхожденіе при этихъ словахъ формы на -те указываетъ на ихъ первоначальную причастную форму, сходную съ Санскр. *-ant*, Лат. *-ans*, *-ens* (древн. *-ant*, *-ent*), Греч. *-ων*, Гот. *-ands*. Но слова, которыя мы хотимъ привести изъ памятниковъ, не должны законно имѣть этой формы и принимаютъ ее только по подобію съ вышеназванными. Таковъ родительный п. именъ собственныхъ: урьмете отъ урьме (С. № 16), [illegible] отъ [illegible] (С. №№ 63, 95), и переиначенный симета, вм. -те, отъ симе (С. № 96).

Родительный п. ед. ч. женскаго рода съ гласнымъ исходомъ постоянно имѣетъ *-е*—перезвукъ носоваго ѧ, ѩ, которое въ Ц.-Славянскомъ языкѣ имѣетъ свой кругъ употребленія, смѣняясь съ 6-ю ы. Послѣдняя есть тоже видъ носоваго перезвука, и по тому мы должны считать носовой звукъ признакомъ родительнаго п. для Славянскихъ нарѣчій. Дѣйствительно во всѣхъ этихъ нарѣчіяхъ находимъ эти два исхода: въ Хорватскомъ, какъ и въ Сербскомъ, всюду *-е*, въ Хорутанскомъ для гласнаго исхода *-е*, въ Русскомъ и Польскомъ *-ы* (*y*), *-и* (*i*), въ Чешскомъ для твердаго гласнаго исхода *-y*, для мягкаго *-ě*, *-е*, въ Лужицкихъ для твердаго исхода *-y*, *-i*, для мягкаго *-е*. Этотъ носовой отзвукъ, хотя и перезвукованный, усвоенъ безыисключительно всѣми Славянскими нарѣчіями для всѣхъ существительныхъ именъ женскаго р., имѣющихъ гласный исходъ *а* въ именительномъ п.: сдѣсь видно самостоятельное дѣйствіе Славянскаго языка, усвоившаго себѣ вспомогательное *н*, которое въ другихъ Индоевропейскихъ языкахъ показывается очень рѣдко въ склоненіи. Послѣ него наиболѣе употребляетъ *n* Готскій. Санскритъ тоже имѣетъ вставочное *n* для именъ средняго рода съ конечною гласною основы и двоякое склоненіе для именъ прилагательныхъ, безъ *n* и съ *n*. Сербскій языкъ, какъ и Хорватскій и Хорутанскій, всюду провелъ *е* для гласнаго исхода, какъ Русскій и Польскій провели ы (*y*) и и (*i*). Сдѣсь *е* можетъ быть твердымъ и мягкимъ. Послѣ этого, приступая къ древней его письменности, мы съ перваго же разу можемъ отличить степень вліянія двухъ стихій, произведшихъ книжный языкъ. Тѣ имена, которыя имѣютъ въ Ц.-Славянскомъ языкѣ -ѧ, -ѩ, а въ Сербскомъ -е, -е, не могутъ служить для насъ вѣрнымъ мѣриломъ при движеніи формъ, ибо сдѣсь главное служеніе отправляетъ законъ звукоизмѣненія, требующій упомянутаго перезвука и возникшій съ рѣшительнымъ дѣйствіемъ уже въ XII-мъ вѣкѣ; но полезнѣе будетъ прослѣдить имена съ твердымъ гласнымъ исходомъ, имѣющія въ Ц.-Славянскомъ -ы. Такъ какъ въ Сербскомъ они равномѣрно принимаютъ -е, то это различіе и послужитъ намъ настоящимъ основаніемъ для выводовъ. Надо сознаться, что въ этомъ падежѣ народная форма съ самой первой поры уже взяла рѣшительный перевѣсъ надъ Ц.-Славянскою и тѣснила ее даже въ Аѳонскихъ грамотахъ. Въ XII-мъ в. въ гр-ѣ Кулина уже господствуетъ народность съ своими формами: сile, [illegible] (А. И.); въ XIII-мъ только въ одной Жичанской находимъ [illegible], саки, но тутъ же и [illegible], [illegible] (Щ. № VII); во всѣхъ прочихъ одно е, которое иногда, какъ и въ послѣдствіи, замѣняется начертаніемъ ѣ, на пр., [illegible] (С. № 17). Въ XIV-мъ в. появляются Аѳонскія грамоты, а съ ними и Ц.-Славянская форма. Такъ мы находимъ въ нихъ: [illegible], -ы (А. №№ 3, 4, 6), [illegible], [illegible], [illegible] (А. № 4), [illegible], красоты, трапезы, доброты, чистоты, [illegible]—въ богословіи, но далѣе: [illegible], [illegible], [illegible], [illegible] и [illegible] (А. № 6), [illegible], [illegible], [illegible], [illegible], [illegible], [illegible], но [illegible] (А. № 7), [illegible], красоты, горы, [illegible], [illegible], до [illegible], [illegible]-

ю. веде (А. № 8), **никол[illegible]** (А. № 9), **дши**, но **[illegible]**, **[illegible]**, **житіе**, **воиски**; находимъ **мали**, **слвы**, но тутъ же **млмо** (А. № 5), **слави**, **горы**, **славы**, **[illegible]**, но **[illegible] войско**, **главе**, за то: **дши** и **дше** (А. № 10), **никоби**, **лавры**, **-и**, **горы** (А. № 11), **гори**, **клаки**, но **царице** (А. № 13), **исплнни**, **владики**, но **работе**, **траве**, **житіе**, **николе**, **крыше** (А. № 14), **клаки**, но **воиводе** (А. № 15). Въ прочихъ Аѳонскихъ одно **-е**. Если изъ сейчасъ приведенныхъ въ каждой находимъ ту и другую форму и при томъ такъ, что въ позднѣйшихъ народная многочисленнѣе, то въ другихъ Восточныхъ грамотахъ перевѣсъ народной долженъ быть еще значительнѣе, и тѣмъ значительнѣе, чѣмъ ближе къ концу вѣка: дѣйствительно, въ немногихъ памятникахъ встрѣчаемъ еще Ц.-Славянскую форму: **клетвы**, но **прѣсяие**, **ластьке** (Мк.), **клаквы**, **николы** (С. № 51), **славы**, **истины**—въ богословіи, но далѣе, кромѣ **роусалии**, всюду **-е** (С. № 176), **красоти**—въ богословіи, далѣе **-е** (С. № 35), **славіи**, **славы** (В. № 1), **слави**, **рѣчи**, **[illegible]** —въ богословіи, но далѣе **-е** (С. № 46), **клки** (С. №№ 46, 62, 69), **клаки**, **тяти**, но **царице**, **хадже** (С. № 63), **сави** (С. № 71), но **николе** (С. № 50), **помогы** и неправильное **престои**, но въ прочемъ всюду **-е** (З.). Такъ очевидно слабѣетъ Ц.-Славянская форма, стараясь укрыться въ богословіяхъ, обыкновенно писанныхъ близко къ Ц.-Славянскому языку. Въ Западныхъ грамотахъ этого вѣка ея не находимъ. Въ XV-мъ в. она попадается изрѣдка въ Восточныхъ: **дши** (Ю.), **гиневлани** (А. № 19), **еѳросины** (С. № 90), **клки**, **-ме**, **клмы** (С. №№ 90, 91, 111, 137; Мл.), **слвы**, **тырты** (А. № 16), **роуцы** (С.-Д. М. 1844), **силы** (Мл.), **дши**, **ихдьхы** (С. № 178), **владики**, **гори** (Г. V) **слави**, **ливре**, **мѣри** (А. № 20)—и только, тогда какъ народная гораздо многочисленнѣе. Въ Западныхъ же, не смотря на ихъ обиліе, встрѣчаемъ только слѣдующіе случаи: **кршини** (С. № 93), **владики** (С. № 99), **хвалави** (С. № 114), **рѣки** (С. № 134). Явно, что падежъ этотъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ областей письменности, въ которыхъ народность рано и успѣшно начала свои дѣйствія. Только слово **земля** нѣсколько отклоняется, принимая часто **-и** вмѣсто **-е**, **-ѣ**. Правда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ трудно рѣшить, въ какомъ падежѣ оно поставлено, ибо слова, каковы: **краль**, **самодрьжьць** и т. п., равно сочиняются съ родительнымъ, какъ и дательнымъ п.; но когда есть прямыя указанія на родительный п., тогда остается признать, что **-и** возникло сдѣсь по тому, что это слово встрѣчается нерѣдко въ твердой формѣ **земла**: слѣдовательно, **земли** есть форма Ц.-Славянская, хотя образованная отъ временной народной съ твердымъ исходомъ. Таковы случаи: **изземли** (т. е., изъ земли, С. № 3), **посреде земли** (С. № 66), **земли** (З.), **исписаль земли** (Мл.). Присоединимъ сюда сомнительные: **краль вьсеи рашькии земли и поморьские** (С. № 21), **краль и самодрьжьць срьпские земли и поморьские** (С. № 24), ср. **краль всѣхь срьбских земель и приморских** (С. № 25), **господара краљевки земли** (С. № 164). Всѣ Славянскія нарѣчія сходятся между собою относительно полугласнаго исхода словъ женскаго р. Родительный п. этихъ словъ они оканчиваютъ на *-и*. По тому и нынѣшній Сербскій языкъ, сойдясь съ Булгарскимъ, имѣлъ и въ древней своей письменности то же окончаніе **-и**. Но въ именахъ съ нарощеніемъ первоначальное *-as*, перейдя у Славянъ въ *-е*, подверглось видѣ дальнѣйшему перезвуку въ *-и*. Такъ Хорутанскій употребляетъ *hćéri* вмѣстѣ съ *hćére*, Русскій *матери*, *дочери*. Но Д.-Сербскій, какъ нынѣшній и какъ бо̂льшая часть Славянскихъ нарѣчій, имѣетъ **-е**: **матере**, **-ере**, **мтре**, **-е**, **мтре** (С. №№ 2, 37, 51, 84, 88, 93, 97, 140, 156, 176; А. №№ 3—5, 10, 12, 20; Мл.), **мѣре**, **мире**, **мирѣ**, **мѣре** (С. №№ 7, 87, 109, 115, 155),

но не трудно было подвести это окончаніе подъ обычное полугласное и составить **кмри** (С. № 108). Имена, исходящія на Ц.-Слав. **ы**, которое Сербскій языкъ перевелъ, какъ и другія Славянскія нарѣчія, въ *е* съ предшествующею полугласною, озвукотворенною въ *а*, въ другихъ *о*, *е*, подчиняются въ этомъ видѣ общему падежному исходу *-и*; но въ Ц.-Славянскомъ имѣютъ **-е**, которое и Д.-Сербскій отчасти удержалъ, а отчасти измѣнилъ въ **и**, переведя эти слова въ общее склоненіе именъ съ согласнымъ исходомъ. По этому въ памятникахъ, найболѣе подчиненныхъ Ц.-Славянскому вліянію, находимъ преимущественно форму на **-е**, а въ противуположныхъ имъ на **-и**. Примѣры покажутъ ихъ отношеніе: **црькве, цр҃кве, -е** (Ш. № VII; С. №№ 16, 35, 118, 142, 145, 176; А. №№ 3, 4, 6, 9, 10, 14; З.; Мл.), **црькви, цр҃кви, -й** (Ш. № VII; С. №№ 16, 35; А. № 10; З., В. № 2). Отсюда видимъ, какое сильное колебаніе должна была производить народность, когда въ однѣхъ и тѣхъ же грамотахъ употребляются рядомъ обѣ формы. Далѣе: **любьве, любве, -е** (С. №№ 16, 34, 107, 111, 114, 137, 138, 144), какъ и теперь въ Шумадіи говорятъ *любве*; **крьве** (А. № 19), **крьви** (С. №№ 89, 114, 120, 133, 144, 145) и т. д.

Дательный п. ед. ч. для мужескаго р. имѣетъ своимъ исходомъ 6-у **-у**, смягчающуюся въ **-ю**. Слово **дъньдоль** имѣетъ двоякое окончаніе: мужеское, которое и отвѣчаетъ этому именительному п.: **дяньдолоу** (Ш. № VIII), **даньдялоу** (С. № 5), и женское: **даньдоля** (С. № 4), предполагающее именительный **даньдолі**. Неопредѣленность окончанія собственныхъ именъ иностраннаго происхожденія затрудняла ихъ движеніе и заставляла писцовъ оставлять ихъ иногда неизмѣняемыми; такъ въ этомъ падежѣ находимъ: **георьги мерьсили** (С. № 18), **ꙁлате андрѣи** (С. № 21); **михоило** имѣетъ **михоилу** (С. № 27), **жінь— жѣнію** (С. № 36), **михо—миху** (С. № 46); **хракою** (С. № 88) подтверждаетъ вышеприведенные именительный и родительный; за то **подвилю** (А. № 15), находящееся въ Аѳонской гр-ѣ показываетъ, что сдѣсь писецъ не хотѣлъ сохранить нелюбимую Д.-Булгарскимъ языкомъ форму на **-лѣ** и употребилъ обычную на **-ли**. Мы уже видѣли этотъ перезвукъ въ словообразованіи. Первоначальною образовательною гласною дательнаго п. было **и**, которое требовало озвукотворенія конечной полугласной соотвѣтственно духу Славянскаго языка. Это озвукотвореніе вмѣстѣ съ падежнымъ признакомъ произвело слоги *-ои*, *-еи*, въ которыхъ отъ времени *и* ослабло до *й*, и въ этомъ видѣ *-ой*, *-ей*, какъ находимъ ихъ въ Лужицкой формѣ дательнаго п. *-oj*, *-ej*, перезвуковались въ *-ов*, *-ев*, каковыя формы, какъ посредствующія, встрѣчаемъ въ Д.-Чешскомъ: *dołów*, *dnow*, и Д.-Русскомъ: *доловь*, *домовь*, ср. *долой домой;* а эти послѣднія, равняясь усиленнымъ *у*, *ю*, привели наконецъ и къ нимъ. Такимъ образомъ первоначальныя сочетанія *ои*, *еи* обратились въ *у*, *ю*. Самое ясное образованіе этого падежа мы видимъ въ Литовскомъ языкѣ, который прямо присоединяетъ падежной признакъ къ основной гласной; Санскритъ прибавляетъ его уже къ усиленному перезвуку; Латинскій и Греческій сливаютъ признакъ и основную гласную въ одинъ долгій звукъ *о* (=*οι*), *-ῳ*; а *-ui* Латинскаго прямо уподобляется такому же Литовскому. Но кромѣ простаго соединенія *-ои*, *-еи*, Славянскій языкъ иногда, не желая стягивать ихъ въ *-ой*, *-ей* для произведенія *-у*, прибѣгаетъ для полнаго сохраненія ихъ къ благозвучному *в*, которымъ разъединяетъ трудное стеченіе двухъ полныхъ гласныхъ, и такимъ образомъ составляетъ другое падежное окончаніе *-ови*, *-еви*. И такъ, при посредствѣ Лужицкаго языка и древнихъ формъ Чешскаго и Русскаго, Славянскія нарѣчія сохранили въ себѣ полное временное образованіе дательнаго п. Общее дви-

женіе идетъ отъ *-ои, -еи* чрезъ *ой, ей* и *ов, ев* къ *-у, -о* и къ *-ови, -еви*. По этому какъ мало Сербскій, такъ еще менѣе Хорватскій и Русскій языки любятъ *ов, ев* въ склоненіи именъ; но остальныя Славянскія нарѣчія, и во главѣ ихъ Хорутанскій языкъ, допускаютъ это падежное видоизмѣненіе въ большей, или меньшей мѣрѣ. Сюда принадлежитъ и Д.-Булгарскій, вліяніе котораго не могло въ этомъ случаѣ не отразиться и на Д.-Сербскомъ. Мы знаемъ, какъ иногда вліяніе это было сильно: но при всемъ томъ сдѣсь оно явилось столь слабымъ, что, не смотря на присутствіе Аѳонскихъ грамотъ, только немного примѣровъ находимъ мы въ нашихъ памятникахъ, и, кромѣ одного, всѣ они принадлежатъ именно этой семьѣ грамотъ. Таковы: манастирови (А. № 1), гви (А. № 3), гви (С. № 176), свы (С. № 175), дховй (С. № 178). Если къ тому замѣтимъ, что послѣднія слова въ Ц.-Славянскомъ наиболѣе усвоили себѣ этотъ видъ и могли войти въ Сербскую письменность, какъ отвердѣлыя формы; если обратимъ вниманіе на ничтожное число примѣровъ и на то, что даже подъ самымъ сильнымъ вліяніемъ Ц.-Славянской стихіи, не говоря уже о другихъ грамотахъ, монастырю, гю, сгю, дню продолжаютъ исходить на *-ю* и *-у*, то поймемъ, до какой степени Сербскій языкъ питалъ отвращеніе отъ упомянутаго видоизмѣненія въ своемъ склоненіи единственнаго числа.

Для средняго рода дательный п. ед. ч. образуется одинаково, какъ и для мужескаго, на *-у*, *-ю* и *-ени*. Первое не требуетъ поясненія; о второмъ замѣтимъ, что его принимаютъ и имена, пользующіяся такъ называемымъ нарощеніемъ, на пр., дѣтетеи (А. № 1). Подобно этому слову, оправдывающему свое нарощеніе первичнымъ происхожденіемъ, находимъ и другія, принимающія нарощеніе не болѣе, какъ по подражанію, каковы: оуноутетеи (А. № 1), хрьстетеи (С. № 34). Первое замѣчательно тѣмъ, что совершенно приняло образованіе средняго рода и окончательно перешло сюда изъ мужескаго; второе же, какъ иностранное собственное, пріютилось сюда и получило нарощеніе, какъ другія ему подобныя получили его въ родительномъ п.... Нынѣшній Сербскій языкъ имѣетъ для этихъ именъ *-у*, на пр., *телету*. Имена съ первоначальнымъ носовымъ исходомъ принимаютъ, какъ и въ мужескомъ р., *-и*: врѣмени, времени (А. № 1; С. № 176), имени, ймени, -ї, имени (А. NN№ 3, 4, 5; С. № 176). Но въ послѣдствіи народность подвела и эти имена подъ одну форму съ прочими, давши имъ исходъ *-у*, какъ и нынѣ *-у*; въ Западныхъ грамотахъ XIV-го и XV-го вв. читаемъ: племену, племену, имену (С. NN№ 86, 96, 98, 107, 126). Собирательныя имена, перешедшія сюда изъ другихъ родовъ, подчиняются общему склоненію; такъ: оуноутию (С. № 176), владию (А. № 19), житию (С. № 37).

Для женскаго р. въ дательномъ п. ед. ч. служитъ тотъ же признакъ *-и*, который, сливаясь съ конечною основною гласною, производитъ *-ѣ*, или, при мягкомъ исходѣ, вѣроятно, по особеннымъ законамъ благозвучія, *-и*. Очень легко можетъ быть, что стеченіе двухъ небныхъ, одной падежной, другой мягкаго основнаго исхода, пересиливаетъ всякій другой звукъ и требуютъ непремѣнно уподобленнаго имъ перезвука *и*. Между тѣмъ какъ Польскій, Чешскій, Лужицкіе отличаютъ въ своемъ склоненіи оба звука *-ě*, *-е* и *-у*, *-i*, Сербскій, Хорватскій и Хорутанскій уже всюду переигласовали *-ѣ* въ *-и* (*i*), тогда какъ Русскій поступилъ совершенно на оборотъ, принявъ всюду *-ѣ*. Это-то движеніе и доказываетъ, что между *-ѣ* и *-и* Д.-Булгарскаго никакого другаго различія не могло быть, какъ только звуковое, а признакъ падежа остается одинъ и тотъ же. Д.-Сербскій книжный языкъ держался Д.-Булгарскаго образованія,

принимая при гласномъ исходѣ, т. е., твердомъ а, форму на -ѣ, перезвукованную иногда въ -е. Такъ было въ XII-мъ, XIII-мъ вв. и въ Восточной семьѣ XIV-го и XV-го вв.; но въ Западныхъ грамотахъ двухъ послѣднихъ вѣковъ начинаетъ показываться народная на -и, не вытѣсняющая однако ни на минуту Ц.-Славянской. Сдѣсь постоянно видимъ обѣ формы. При этомъ гортанныя претворяются обыкновеннымъ образомъ. Замѣчательныя г и к остаются неизмѣняемыми, сочетаясь съ и, на пр., господи, гнѣ, гнѣ (С. NN 3, 45, 76, 87, 109). Для х не находимъ примѣровъ, но ѣ, какъ мягкое, сочетается также съ и: кнѣи, кѣи (С. NN 104, 114, 157). Перезвуки не должны насъ смущать: опьскине (С. № 14), вѣре (С. № 57), саве (А. № 11), людѣ (С. NN 76, 133), їоуде (А. № 17), госпоге (С. NN 121, 126), воеводе (С. № 127). гнѣни, -е, госпое (С. NN 142, 159), цркве (С. № 158), гнѣдѣ (С. № 166), враге (С. NN 166, 167), вьдовице (А. № 20) суть дательные падежи. Форма госпоге показываетъ, что сдѣсь г звучало твердо и по тому, не измѣнялсь, приняло е=ѣ; гнѣни, вьдовице и т. п. показываютъ ослабленіе Ц.-Славянскаго склоненія, допустившее ѣ=е вмѣсто и при мягкомъ исходѣ, подобно Русскому языку. Съ первымъ появленіемъ своимъ въ XIV-мъ в. Западныя грамоты не замедлили ввести новую форму для твердаго исхода а: эта форма была народною и по тому быстро пошла въ ходъ. Тѣмъ не менѣе старина, способствуемая Ц.-Славянскою стихіею, не переставала сохранять свои права, ставя свою форму на -ѣ въ ровень съ народною на -и. Мы постоянно видимъ обѣ формы рядомъ одну съ другою. Такъ: опѣкини, опкини, опьѣкини (С. NN 74, 78, 82, 85, 86, 92, 95—98, 103—105, 107, 120, 124, 135, 136, 140, 141, 145, 150—152, 154), витании (С. № 78), восни (С. NN 81, 83—85, 89, 92, 95, 99, 103, 116, 136, 140, 150—154; З. А.), люди, юди, [illegible] (С. NN 84, 89, 96, 98, 100, 101, 102, 104, 107, 118, 120, 132, 140, 141, 164), правьди, правди (С. NN 89, 132), витарини (С. № 93), господи, господи (С. NN 94, 95, 136, 150), воеводи, воеводи, -води, воеводи, воеводи (С. NN 96, 98, 100, 101, 102, 107, 108, 112, 115, 116, 118, 126, 141, 163), дражни (С. № 100), никоди (С. № 118), владици (С. № 150; З. А.), слуги (С. № 140). И рядомъ съ ними даже въ однѣхъ и тѣхъ же грамотахъ: влацѣ, влцѣ (С. NN 68, 68), опѣкинѣ, опьѣкинѣ, опкинѣ (С. NN 75, 77, 79, 86, 107, 114, 120, 125, 127, 128, 144; Г. VI, № 2), люде, -ѣ (С. NN 76, 78, 114, 127, 133), жинѣ (С. № 78), гсподѣ, красотѣ (С. № 86), страшѣ (С. № 114), воеводѣ, воеводѣ (С. NN 126, 128), слеѣ, сѣѣ (С. NN 128, 142). Даже находимъ: госпоге (С. NN 121, 126). Замѣтимъ, что слово господа имѣетъ твердое а и есть собирательное женскаго р.; напротивъ госпоѣа или иначе госпоя, госпожда имѣетъ мягкое а, смягчающее д въ жд, г, ѣ и и долженствующее въ дательномъ п. ед. ч. имѣть и. И такъ обѣ формы ужилась и не перевѣсили одна другую. Это показываетъ, что Сербскій языкъ признавалъ сдѣсь законность звука ѣ, но по особеннымъ причинамъ перезвуковалъ его въ и. Во всѣхъ прочихъ случаяхъ находимъ, какъ сказали, -ѣ, какъ во всѣхъ семьяхъ первыхъ двухъ вѣковъ, такъ и въ послѣдствіи въ Восточной и отчасти Западной. Въ первой только однажды подъ конецъ попадается їоуди (Мл.). Что касается до мягкаго исхода, то Д.-Булгарскій языкъ, какъ и Сербскій, имѣетъ -и, которое постоянно образуетъ этотъ падежъ и въ Д.-Сербскомъ, и по тому повременнаго движенія сдѣсь нѣтъ. Обратимъ только вниманіе на стяженіе ии чрезъ ьи въ и: врати, -ї, -й (А. NN 9, 17; С. NN 60, 63, 64, 67, 79, 80, 94, 96, 98),

ями (А. № 10), ютоѧй (А. № 15), дѣланьци (С. № 136) и т. д. Въ образованіи падежа для согласнаго исхода всѣ Славянскія нарѣчія сходятся между собою, принимая признакъ и, который является здѣсь весьма естественно въ соединеніи съ мягкою полугласною, представляющею собою тотъ же небный звукъ первоначальной основы. Д.-Сербскій языкъ имѣетъ тоже -и, а по тому примѣры намъ не нужны.

Творительный п. ед. ч. мужескаго р. ничѣмъ не отличается отъ нынѣшняго. Окончаніемъ ему служатъ -омь, для твердой основы, и -емь, для мягкой, или гласной. Здѣсь Сербскій языкъ поступаетъ согласно съ общимъ духомъ Славянскихъ нарѣчій. Только однажды въ грамотѣ, исполненной Ц.-Славянской стихіи, находимъ архиѥреѥмь (А. № 16). Ни разу не встрѣчаемъ уже Ц.-Славянскихъ -ъмь и -ьмь: здѣсь народность взяла рѣшительный перевѣсъ, принявъ для озвукотворенія б-и о и е, тогда какъ въ другихъ случаяхъ употребляетъ для того а. Собственныя имена на -о имѣютъ -омь: марком (С. № 62), жаром (С. № 62), станком (С. № 107), андрушком (С. № 158) и пр. пѫть, имѣющее у Сербовъ твердый исходъ, является здѣсь съ е: пѫтемь, -емь, пѫтемь, -ѣ (А. №№ 5, 8, 11, 19; С. №№ 141, 176; Ш. № 15). Нынѣ оно имѣетъ и то и другое окончаніе въ этомъ падежѣ. хрьлое имѣетъ правильно хрьлоемь, -емь, хрвоемь (С. №№ 81, 85, 88, 89): камы или камень—каменомь (С. № 118).

Средній родъ имѣетъ одинаковое образованіе, какъ и мужескій, на -омь и -емь, -имь. Изъ -ииемь, чрезъ стяженіе, происходятъ -ьмь и -имь, -емь. Собирательныя имена, какъ и въ предыдущихъ падежахъ, удерживаютъ форму единственнаго числа, на пр.: лоѕиемь, кониемь (С. № 2), нивиемь, динадиемь (А. № 6), каменииемь, каменье (С. №№ 157, 176), виниемь (Ш. № 14), трьсииемь, прьсииемь (С. № 78), грьмииемь, -емь, грмьемь (С. №№ 98, 99, 107), морииемь (С. № 140). Имена съ первичнымъ носовымъ исходомъ возстановляютъ, одни причастное т, другія обыкновенно н, на пр., жгнитемь (С. № 176), и- и- имениемь, -ѣ (А. №№ 3, 4, 6; С. №№ 5, 10, 61, 89, 90, 101, 102). Въ Западныхъ грамотахъ послѣднихъ двухъ вѣковъ находимъ и нынѣшнюю форму именомь (С. №№ 73, 89, 164).

Образованіе творительнаго п. ед. ч. женскаго р. представляетъ любопытное явленіе въ Славянскихъ нарѣчіяхъ, особливо въ Сербскомъ. Общій признакъ этого падежа для всѣхъ трехъ родовъ есть м, который хотя не существуетъ въ Санскритѣ, однако является въ Литовскомъ для словъ съ основною і и и въ видѣ -*mi*, или въ видѣ долгой гласной для другихъ основъ; въ Санскритѣ тоже является одна лишь долгота падежной гласной; но какъ здѣсь, такъ и въ Литовскомъ эта самая долгота уже указываетъ на первоначальное стяженіе: и дѣйствительно, подобно Славянскому долгому ѫ, отвѣчающему индѣ гласной съ носовымъ отзвукомъ, Литовская, Санскритская и Латинская долгая гласная, по сличеніи съ Славянскимъ языкомъ и даже самимъ Литовскимъ, есть не что иное, какъ звукъ, поглотившій въ себя носовой отзвукъ и по тому сдѣлавшійся долгимъ. Слѣдовательно, здѣсь несправедливо видѣть прихоть языка, имѣвшаго здѣсь въ виду *bh* и измѣнившаго его въ м: если бы это было такъ, то *bh* явилось бы въ Санскритѣ, но долгота гласной этого послѣдняго именно указываетъ на ея стяженіе или переходъ изъ носоваго въ простой долгій звукъ. Литовское -*mi* объясняетъ Ц.-Славянское -мь, тогда какъ -*ms* дательнаго п. мн. ч. приводитъ къ Ц.-Слав. -мъ. Другія Славян-

скія нарѣчія забыли это различіе и отвердили конечную полугласную. Этотъ признакъ они придавали прямо къ основной полугласной, которая оставалась въ своемъ видѣ въ Ц.-Славянскомъ и озвукотворялась въ *о*, или *е* въ другихъ нарѣчіяхъ. Но для женскаго р. они поступили нѣсколько иначе. Сдѣсь *м* не образовало уже собою цѣлаго слога, какъ въ Ц.-Славянскомъ -мь, или Литовскомъ *-mi*, но произвело только носовой отзвукъ, который въ сущности есть одно и то же, ибо первоначально носовые отзвуки произошли изъ придаточныхъ благозвучныхъ *м* и *н*. Взаимный перезвукъ этѣхъ буквъ отразился и въ Славянскихъ нарѣчіяхъ, какъ сейчасъ увидимъ: въ однихъ творительный п. получилъ носовой отзвукъ *м*, въ другихъ *н*. Но хотя падежъ этотъ и принялъ носовой отзвукъ для женскаго р., однако онъ не сошелся съ винительнымъ п., какъ слѣдовало бы этого ожидать. И въ Литовскомъ тоже оба падежа розиятся между собою: сдѣсь въ творительномъ, *-mi*, въ винительномъ одинъ чистый носовой отзвукъ конечной основной гласной. Въ Славянскомъ языкѣ, ежели взять въ основаніе Д.-Булгарское нарѣчіе, одинъ падежъ имѣетъ -ѡѭ, -ѥѭ, -ıѭ, другой просто -ѫ, -ѭ. Сюда присоединилось и Русское нарѣчіе; но прочія болѣе, или менѣе стянули оба звука въ одинъ, то съ отзвукомъ, то безъ отзвука. Мы принимаемъ Д.-Булгарскую форму творительнаго п. -ѡѭ, -ѥѭ, -ıѭ за древнѣйшую для Славянскихъ нарѣчій, такъ что прочія будутъ моложе ея по образованію. Напрасно нѣкоторые почитаютъ о и е вставочными буквами, для которыхъ и ѫ приняло смягченіе въ ѭ: этому противорѣчитъ -ıѭ, гдѣ и есть явное воспроизведеніе основной гласной, а что это такъ, то доказательствомъ тому служитъ ихъ природа: о отвѣчаетъ твердой, е мягкой конечной полугласной или, что то же, прадавней, большею частію, таковой же гласной. Напрасно также, одни за другими, упрекаютъ они Боппа, въ сличеніи Санскритской формы *vidhavajâ* съ Ц.-Славянскою вдовою. Правда, сдѣсь носовой отзвукъ производитъ рѣзкое отличіе, но за то эта форма, какъ и другія: *dêvêna*, *mtjâ*, *gâspatinâ*, *madhunâ* могутъ служить объясненіемъ двоезвучію -ѡѭ, -ѥѭ, -ıѭ, исчезающему въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Онѣ показываютъ, что духъ Индоевропейскихъ языковъ первоначально къ основной конечной гласной присоединялъ *â*; это-то столкновеніе конечной гласной съ другою долгою требовало въ Санскритѣ разъединительнаго *n*. Движеніе конечной основной гласной отразилось и въ Д.-Булгарскомъ языкѣ, который первоначальное основное *а* (ъ) обратилъ въ о и е, а *и* (ь) въ и, въ падежномъ же *â* возстановивъ признакъ *м* или *н*, образовалъ носовой звукъ ѫ или, для большаго разъединенія, ѭ. Отсюда происхожденіе формъ -ѡѭ, -ѥѭ, -ıѭ, въ которыхъ ѭ или первоначально ѫ могло когда-то звучать какъ *ан*, потомъ уже *он* и *ун*. Такимъ образомъ Д.-Булгарскій языкъ сошелся въ измѣненіи основной гласной съ Санскритомъ, а въ признакѣ -мь или носовомъ отзвукѣ съ Литовскимъ. Русскій языкъ ближе всего подошелъ къ нему съ своими формами *-ою*, *-ею*, *-ію*; но прочія нарѣчія уже стали забывать это удлинненіе, хотя и изъ нихъ въ нѣкоторыхъ оно оставило свои слѣды. Такъ Польскій языкъ нѣсколько отличаетъ свой творительный отъ винительнаго, употребляя въ первомъ *ą*, когда во второмъ ставитъ *ę*. Это *ą* отвѣчаетъ Сербскому *-ом* для твердой и мягкой основы, даже при предшествующей гласной, хотя во всякомъ другомъ случаѣ мягкая основа переходитъ въ *е*, а не *о*, и Хорватскому *-ûm* и *-jum* для всѣхъ окончаній. Въ Сербскомъ согласный исходъ принимаетъ *-ю*, какъ прямой перезвукъ Ц.-Славянскаго -ıѭ. Полабскій языкъ имѣетъ носовое *-an*, какъ и Польскій; но другія нарѣчія уже забываютъ его и стягиваютъ съ предыдущею гласною въ долгій

или двоегласный звукъ подобна *й*. Такъ Чешское имѣетъ *-au* (*ou*) или, по древнему *-й*, Угрословенское *-ou*, Лужицкія *-u*, Хорутанское *-o*, *-u* или *-oj* и *-jo*. Изъ нихъ Чешское, по роду отзвука, ближе всего подходитъ къ Д.-Сербскому. Всѣ эти звуки ясно указываютъ на свою составную природу, ибо чрезъ обыкновенный перезвукъ они произойти никакъ не могли. Тѣ, которые не имѣютъ носоваго отзвука, поглотили его въ себя. По этому-то мы Д.-Булгарскую форму и назвали относительно древнѣйшею, и при томъ она видимо полнѣе другихъ. При этой полнотѣ возможно было отличить твердость и мягкость основной гласной, сообразно съ коими ж или оставалось твердымъ, или смягчалось въ ѫ; но все таки, замѣтимъ, оно оставалось однимъ и тѣмъ же въ сущности и не переходило въ ѧ. Въ этомъ звукѣ было много своей собственной силы, такъ что въ нарѣчіяхъ, гдѣ онъ сливался съ основною гласною, онъ одерживалъ верхъ: отсюда Польское *ą* и Сербское постоянное *-ом*, а въ старину *-ов*, не смотря на то, что эти окончанія присоединялись къ мягкой согласной, а иногда и къ гласной.

Но Д.-Сербскій языкъ, въ древнѣйшую пору своего книжнаго существованія, проявилъ другую форму творительнаго п., нѣсколько отличную отъ разсмотрѣнной, хотя и однородную съ нею: мы говоримъ о формѣ на *-ов*. Мы не думаемъ, чтобы в было сдѣсь что либо другое, какъ не то же м, но только перезвукованное, какъ видимъ въ словахъ *гувно*, *тавница* и н. др. Эта форма есть исключительно временное явленіе древнѣйшей поры Сербскаго языка, возникшее, быть можетъ, въ самую первую минуту его образованія или выдѣленія изъ общеславянской семьи. Сербы чувствовали присутствіе носоваго звука *м* и выразили его въ близкомъ къ нему *в*. Но что у Сербовъ было стариною и что въ послѣдствіи перешло въ общій носовой звукъ *м*, то и доселѣ сохранилось у Карпаторусовъ, у коихъ творительный п. жен. р. оканчивается на *-ов*. Вообще всѣ эти падежныя окончанія очень понятны и близки между собою. Ц.-Славянскій языкъ первоначальный носовой отзвукъ *-м*, Лит. *-mi*, довелъ до произношенія *ан* (ср. Санскр. *-nâ*), потомъ *ун* или *юн*, по его правописи, ж, которое въ другихъ нарѣчіяхъ, забывшихъ носовой отзвукъ, обратилось въ простое *у*, *ю*, такъ что падежъ сталъ исходить на *-ою*, *-єю*; одни нарѣчія стянули ихъ совершенно въ *-у*, *-ю*, *-о*, другія оставили при *о* слабый отзвукъ *-у*, *-в* и хотя пишутъ *-аu*, *-оu*, однако произносятъ, какъ *ов* съ бѣглымъ *в*,—и вотъ объясненіе Д.-Сербскому *-ов*, третьи же перезвуковали въ *-ой*, *-ей*, т. е., изъ одного усиленія (*а*+*у*) перешли въ другое (*а*+*и*),—и вотъ объясненіе Русскому *-ой*, *-ей* и Хорутанскому *-oj*, а также вышеприведеннымъ доунавь, цѣловъ, матерь. Присоединимъ сюда еще форму на *-о*, находимую, по словамъ Шафарика [1], въ нѣкоторыхъ памятникахъ Д.-Сербской письменности, впрочемъ, не ранѣе XIV-го в., но въ нашихъ не встрѣчающуюся. Это о есть то же ов или ом, но только поглотившее въ себя свой отзвукъ и ставшее наровнѣ съ Хорутанскимъ *о*, или произносившееся, можетъ быть, съ слабымъ отзвукомъ подобно Чешскому *й* или Угрословенскому *оu*. Это была переходная форма, исторически и теоретически позднѣйшая, чѣмъ *-ов*. Но обратимся къ самымъ явленіямъ и посмотримъ, въ какомъ отношеніи находились всѣ три формы: Ц.-Славянская и двѣ народныя? Мы сказали, что и теперь слова съ согласнымъ исходомъ, къ которымъ присоединить должно два на *-и*, имѣютъ *-ию*: такъ какъ сдѣсь *ю* есть обыкновенный перезвукъ ж, то собственно въ отношеніи самой фор-

[1] Serbische Lesekörner, стр. 98.

мы падежа мы не находимъ никакого движенія: таковыя имена постоянно оканчиваются и въ Д.-Сербскомъ книжномъ языкѣ на -ию, или, при посредствѣ -ью, въ стянутомъ видѣ -ю. Но объ нихъ послѣ. Имена на -а и -я въ XII-мъ и XIII-мъ вв. принимаютъ, большею частію, окончаніе -омъ, а въ последующихъ исключительно одно -омъ. Сдѣсь -омъ уже не встрѣчается. Ц.-Славянская же форма на -ою и -ию идетъ рядомъ съ ними, умножаясь, или слабѣя по мѣрѣ вліянія своей стихіи. Но въ двухъ первыхъ вѣкахъ вліяніе это было столь слабо, что, не смотря на Жичанскую грамоту, находимъ только разъ роукою и тутъ же роукомъ (С. № 2). Обыкновенная сдѣсь форма есть -омъ: вѣрокъ, верокъ (А. И.; С. NN№ 3, 14, 16, 19, 26), ни- колокъ (А. И.; С. NN№ 3, 4, 14, 15), повелокъ (А. И.), землемъ (А. № 1), ратиномъ, нет-номъ, сароукъ (Ш. № VII), оцьминомъ, [illegible] (С. NN№ 2, 3), хоукомъ (С. № 2), гласомъ (С. № 3), братиомъ (С. № 14), крѣпиномъ (С. NN№ 14, 15), глиномъ, [illegible] (С. № 26). Что до формы -омъ, то въ XII-мъ в. ея вовсе не находимъ, если не принимать въ расчетъ сомнительнаго [illegible] (А. № 1), но въ XIII-мъ она начинаетъ показываться. Уже въ Жичанской находимъ ее вмѣстѣ съ -омъ: рукомъ, ватиномъ, окроуглемъ (Ш. № VII), одѣломъ (т. е. -омъ, С. № 5), вѣромъ (С. № 14), [illegible], [illegible] (С. № 16), [illegible] (С. № 19), [illegible] (С. № 20), с-диномъ (С. № 22), свободомъ (С. № 24). Она малочисленнѣе предыдущей, но съ половины вѣка учащается. XIV-й и XV-й вв. являются уже только съ этою, да Ц.-Славянскою формами; но -омъ въ нихъ уже не показывается. Народная господствуетъ въ Западной семьѣ, Ц.-Славянская въ Аѳонскихъ и отчасти другихъ Восточныхъ грамотахъ; но народная прокрадывается и въ Аѳонскія при малѣйшихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ; въ рѣдкой грамотѣ не находимъ обѣихъ формъ. Пропускаемъ гр-ы А. NN№ 2, 9, 15, 16; Г. А, Б, V; В. NN№ 1, 2; С.-Д. М. 1844; С. NN№ 35, 48, 60, 178, въ которыхъ существуетъ одна только Ц.-Славянская форма; всѣ онѣ принадлежатъ Восточной семьѣ и преимущественно Аѳону. Прочія представляютъ смѣшеніе. Гр-а А. № 6: моурою, но [illegible], [illegible], братомъ, николомъ; гр-ы А. NN№ 3, 4, кромѣ [illegible], имѣютъ еще постоянно -ою, -ию. Далѣе: колию, но [illegible] (А. № 7), [illegible], но братомъ (А. № 5), [illegible], [illegible], [illegible], [illegible], [illegible], но [illegible] [illegible] (А. № 10), [illegible], землию, [illegible], [illegible], [illegible], [illegible], но [illegible], [illegible], [illegible], [illegible] (А. № 12), [illegible], вѣрою, но [illegible], рукомъ, [illegible], [illegible], [illegible], [illegible] (А. № 14), [illegible], но [illegible], [illegible], [illegible] (А. № 18), [illegible], [illegible], [illegible], [illegible], но [illegible] (А. № 19). Сдѣсь обѣ формы являются почти по ровному числу разъ, народная умножаясь къ концу вѣка; но въ другихъ памятникахъ Восточной семьи, въ которыхъ существуетъ такое же смѣшеніе, народная беретъ перевѣсъ. Такъ: [illegible], [illegible] [illegible] (С. № 51), [illegible], роукою, [illegible], славою, истиною — въ богословіи и заключеніи, а въ другихъ мѣстахъ безъ исключенія множество на -омъ: [illegible], [illegible], [illegible] и пр. и пр. (С. № 176), чистотою, [illegible], [illegible], рукою, [illegible], [illegible], но госпогѣ, [illegible] (С. № 46), истиною, но [illegible] (С. № 54), истиною, но [illegible], [illegible] (С. № 55), колию, [illegible], госпождею, [illegible], но [illegible], книгомъ, [illegible], [illegible] (вдругъ), силомъ (З.), землию, но много разъ -омъ (С. № 91), [illegible], [illegible], но коломъ, [illegible], силомъ (Мл.). Сдѣсь Ц.-Славянская относится къ народной, какъ 1 : 1½. Другія же грамоты, каковы: А. NN№ 8, 11; Мк.; Ш. NN№ 11, 14; С. NN№ 43, 50, 61, 62, 70, 72, 111, 137, 146—148, 175, заключаютъ въ себѣ одну только народную форму. Вообще говоря, народная форма перевѣшиваетъ Ц.-Славянскую въ Вос-

точной семьѣ памятниковъ. Тѣмъ болѣе перевѣсъ долженъ склониться на ея сторону въ грамотахъ Западной семьи. Уже въ Восточной, даже въ самыхъ Аѳонскихъ грамотахъ, можно было замѣтить по ходу рѣчи, что народная форма жила сдѣсь внѣ богословія и заключенія; въ Западныхъ же только въ богословіи и заключеніи, и то чрезвычайно рѣдко, находимъ Ц.-Славянскую форму. Только С. NN№ 66, 68 имѣютъ въ богословіи **вѣрою**, какъ С. NN№ 81, 150 и З. А. **волею**, **-ею**, во всѣхъ же прочихъ мѣстахъ **-омь**. Послѣ этого ясно, что только одно сильное вліяніе Ц.-Славянской стихіи поддерживало, и то не вездѣ удачно, свою форму: самое выгодное отношеніе для нея было въ Аѳонскихъ; но и сдѣсь оно не превышало 1 : 1. Стало быть, въ творительномъ п. ед. ч. женскаго р. народность дѣйствовала успѣшно и уже въ первыхъ вѣкахъ письменности выступала побѣдоносно съ своею формою. Замѣтимъ, что кромѣ двухъ сомнительныхъ словъ **аниланимь** и **анкотѣ** отъ **анилана**, **анкота**, для всѣхъ окончаній служитъ одна форма **-омь**, которая и нынѣ также есть единственная. Подъ это склоненіе переходятъ нѣкоторыя имена съ согласнымъ исходомъ; таковы: **цр҃ковь**, **-ѣ**, **црьковь**, **цркв҃ь**, **ц҃рковь**, **ц҃рковь** (А. NN№ 7, 9, 14, 18; С. № 35; З. А.; Мл.): это народная форма, которую, какъ видно, полюбили и Аѳонскія грамоты; ср. **црькъвію**, **-ковію** (З.), **любковь**, **-вь**, **-ьвь** (С. NN№ 104, 105, 132, 142). Обѣ этѣ формы предполагаютъ именительные **црькка**, какъ нынѣ, и **любка**. Но есть имена, которыя при согласномъ исходѣ принимаютъ **-омь**, какъ на пр.: **т҃тию** (С. NN№ 49, 50), **м҃тию** (С. № 49), **искатомь**, **-ѡ**, **-тиомь** (С. NN№ 57, 61, 77, 118, 122, 130) и даже **искатимь** (С. № 170), **радостиомь** (С. № 61). Впрочемъ, относительно формы **искатомь** можно думать, что писецъ воображалъ ея именительный п. съ твердымъ исходомъ и образовалъ по мужескому р., ибо однажды опредѣляющее слово поставлено въ этомъ родѣ: **искатомь хламинтимь** (С. № 118). На оборотъ, сюда переходятъ имена съ гласнымъ исходомъ, каковы: **кастию** (С. № 5), **истиню**, **истиию** (С. № 51). **дѣтию**, **-ю** (Ш. № VII; А. NN№ 5, 6) предполагаетъ именительный **дѣтия** или **дѣть**, то же, что **дѣца**. Чрезъ стяженіе **-ию** происходитъ **-ю**: **любовю**, **адьтю**, **ревностю**, **теплостю** (С. № 35), **помощю** (С. № 84), **любовю** (С. № 85), **искатю** (С. NN№ 102, 115, 119, 121, 123, 126, 130), **матерю** (С. № 103), **кротю** (С. № 145).

Мѣстный п. ед. ч. муж. р. имѣетъ три исхода: **-ѣ**, **-у**, **-и**. Замѣчаютъ большое сходство между нимъ и дательнымъ. Въ нѣкоторыхъ Индоевропейскихъ языкахъ одни и тѣ же окончанія отправляютъ служеніе для обоихъ падежей. Слѣдовательно, мысль обоихъ падежей была въ основаніи своемъ одна и та же, и только разнообразіе представленія придало ей различные оттѣнки. По этому для мѣстнаго п. должно принять тотъ же признакъ *и*, какъ и для дательнаго. Подтвержденіемъ этому послужитъ Литовскій языкъ, въ которомъ одна и та же образовательная буква *i* служитъ для того и другаго падежа; въ Санскритѣ то же самое усиленіе *ê*, какъ и въ дательномъ, а для основъ *u* и *i* одно усиленіе основной гласной *âu* безъ падежнаго признака, какъ въ дательномъ Готскаго. Отсюда понятно происхожденіе *ѣ* и *и* въ Славянскихъ языкахъ; но *у* требуетъ нѣкотораго объясненія. Мы полагаемъ, что происхожденіемъ своимъ оно обязано какъ внутреннему сродству обоихъ падежей по мысли, такъ и одинаковому звуковому явленію въ перезвукѣ двоегласныхъ *оu*, *еu* въ *у*, *ю*. Только сдѣсь строже поступили Славянскія нарѣчія и не удержали переходныхъ *ов*, *ев*, кромѣ Чешскаго и Хорутанскаго, которыя и въ этомъ падежѣ имѣютъ *-owi*, а послѣднее, забывая разумность образованія формъ, даже

-ови. И такъ всѣ три окончанія имѣютъ равное право на пребываніе въ языкѣ; но ни одно Славянское нарѣчіе, кромѣ Чешскаго, не пользуется всѣми тремя вмѣстѣ. Д.-Булгарскій языкъ допускаетъ только два: **ѣ** и **и**, Сербскій и Хорватскій только одно *-у*, *-и̂*; Хорутанскій *-и* и *-і* въ окончаніи *-ові*, что весьма важно для тожества мѣстнаго п. съ дательнымъ; Русскій *-ѣ* и рѣдко *-у*, Польскій и Лужицкіе *-и* и *-е* (*-іе*), Чешскій же имѣетъ *-и*, *-е*, *-ѣ* и *-ovi*. Что же представляетъ намъ древнекнижный Сербскій? Мы сказали, что онъ въ мѣстномъ п. допускаетъ три образовательныя гласныя, объясняемыя однимъ и тѣмъ же происхожденіемъ. Такъ какъ нынѣ онъ имѣетъ только одну гласную, то двѣ остальныя, конечно, заимствованы имъ у Ц.-Славянскаго языка вмѣстѣ съ формами словъ. Сдѣсь опять выступаетъ впередъ временное движеніе языка подъ вліяніемъ двухъ стихій. Аѳонская грамота XII-го в. имѣетъ -**ѣ** и -**и** согласно съ Ц.-Славянскимъ языкомъ: **на престолѣ, на камени** (А. № 1). Грамоты XIII-го в. всѣхъ семействъ имѣютъ совершенно Ц.-Славянское употребленіе, свидѣтельствующее, какъ уже не разъ мы замѣчали, о большей общности въ этомъ вѣкѣ книжнаго языка для всѣхъ странъ Сербіи и близости его къ своему образователю. Не только собственно-Сербскія, но и Дубровницкія и Приморскія имѣютъ -**ѣ** и -**и**, хотя управляющій падежомъ предлогъ **вь** давно уже принялъ звукъ **ѹ**: **оу ѕатонѣ, вь храмѣ** (Ш. № VII), **на свѣтѣ, -е** (С. №№ 3, 16), **ѹ ѕатонѣ, на станьцѣ** (С. № 11), **на мостѣ, ѹ бродѣ, на пѫти, на сьборѣ** (С. № 16), **вь, ѹ градѣ, -е** (С. №№ 16, 26, 27), **на сѫдѣ** (С. № 17), **ѹ свѣтѣ, свѣтѣ** (С. №№ 17, 21. 26), **ѹ мирѣ** (С. № 20), **на, ѹ ѕаконѣ** (С. №№ 21, 25, 26). Исключеніе только одно: **ѹ дльгѹ** (С. № 25). Отсюда видимъ, что въ этомъ вѣкѣ Ц.-Славянская форма господствуетъ, и въ ней народность менѣе успѣла, чѣмъ въ предлогѣ **ѹ**. Переходимъ въ XIV-й в. Сдѣсь встрѣчаютъ насъ Аѳонскія грамоты; но уже во второй изъ нихъ читаемъ: **ѹ манастирѹ, вь цркьвеи градѹ**, хотя тутъ же: **ѹ виноградѣ, вь хрісовоулѣ** (А. № 6) и въ слѣдующихъ: **вь домоу, вь пиргоу, пиргоу** (А. №№ 3, 4), хотя въ тѣхъ же грамотахъ опять и Ц.-Славянское образованіе: **при проотѣ йаннкиі, при игоумені ігріндѣ** (А. № 2), **вь хрїсовоулѣ, вь животѣ** (А. № 3), **вь мирѣ, вь пиргѣ** (А. №№ 3, 4), **оу хрисовоулѣ**, гдѣ принято мягкое окончаніе, **вь пиргѣ, вь монастыри** (А. № 4) и пр. И такъ уже въ самомъ началѣ вѣка, и при томъ даже въ Аѳонскихъ грамотахъ мы встрѣчаемъ совмѣстное, присутствіе Ц.-Славянской и народной формъ. То же отношеніе продолжается до конца вѣка въ собственно-Сербскихъ и Зетскихъ грамотахъ. Приведу изъ нихъ нѣсколько замѣчательнѣйшихъ примѣровъ, чтобы показать, какъ еще свѣжа была Ц.-Славянская стихія, когда рядомъ съ нею, въ тѣхъ же грамотахъ, уже дѣйствовала народность: **ѹ дѹбровьникѹ, дѹбровникѹ, -е** (С. №№ 33, 35, 43) и **ѹ дѹбровникѹ** (С. №№ 55, 62, 64), **ѹ ѹловкѹ** (С. № 34), **на поути, оу власѣхъ, вь хрисовоулѣ** (С. № 176), **оу отцѹ** (С. № 51), **вь градѣ** (С. № 52), **о гѣ, о гѣ** (А. №№ 5, 7), **вь хрісовоулѣ и хрисовоулѣ, хрисовоулѣ** (А. №№ 5, 11), **вь вѣцѣ** (А. №№ 5, 15, 18), **на, о хѣ, бѣ, о богѣ** (А. №№ 12, 13; С. №№ 50, 53, 62), **при логофетѣ** (Г. А), **на крьтѣ** (С. № 64), **вь оцѣ, синѣ, дусѣ, вѣцѣ, на камени** (В. № 2), **вь оци и сине и вь дсѣ** (С. № 71); и въ Законникѣ: **вь монастыри, на огни, оу хрисовоули, вь ѕаконницѣ**. Рядомъ съ этими мѣстными пп. мы находимъ достаточно примѣровъ на **-ѹ**. Такъ, на пр., въ церковно-даренныхъ грамотахъ: **на пероу, на поутоу** (А. № 8), **на приморю, на брѣгою, вь домоу** (С. № 176), **о пиргоу** (А. № 9), **вь градоу прилѣпѣ, вь**

домоу списоки (А. № 10), и ваваждн (А. № 14), и мирѣ (С. № 18) и въ Законникѣ: въ, на домоу, оу милостивноу, градоу, катоунеу, прѣдѣлоу. Другія грамоты наблюдають такое же отношеніе, на пр., въ Зетскихъ: и лѣпи (С. № 63), такъ что, можно сказать, въ XIV-мъ в. въ Восточныхъ грамотахъ народная форма относится къ Ц.-Славянской менѣе, чѣмъ 1 : 2; первой формы почти вдвое менѣе, чѣмъ второй. Что же представляютъ намъ Западныя грамоты того же вѣка, показывающіяся, какъ извѣстно, во второй его половинѣ? Въ нихъ находимъ. и градѣ бобовьци. въ, ѡ родѣ, ѡ дмитрове днеѵе, и трьговци, на крстени (С. № 66), ѡ гн моемь бѕѣ, и градѣ (С. № 68), ѡ поклади, въ вѣци (С. № 76), и градѣ дубровьцѣ (С. № 77), на цавтатѣ, и граде (С. № 78), и листѣ (С. №№ 79, 83), на мири, на крти (С. № 81), въ двори (С. № 179), на ѡци сии и днсн (С. № 84), на мирѣ, на хрьсти, и гитки, на двори (С. № 85), на крте, и дубровници (С. № 86). Въ нихъ тоже преобладаютъ Ц.-Славянскія формы. Вступаемъ въ XV-й в. и видимъ уже совсѣмъ иное отношеніе. Въ собственно-Сербскихъ: и животѣ, при цри стефаны и родителы кнеѕи лаѕари, въ градѣ борчи; сдѣсь уже искаженіе Ц.-Славянскаго образованія въ словѣ стефаны, которому придано мягкое окончаніе (С. № 90), но въ другихъ такихъ же грамотахъ: при гноу цроу стефаноу, оу трьноу (С. № 91), оу доубровнишноу, дубровници (С. №№ 91, 111, 137, 146, 148), на доубровьчанноу, дубровчанинѣ, станоу, -и, соудѣ, судѣ (С. №№ 91, 111, 137); въ свѣтѣ, въ монастири (А. № 17), на сноу, при стрцоу кѵр феѡдорлоу. но въ постѣ (С. № 175), въ вѣцѣ (С. № 175; А. №№ 16, 19; С.-Д. М. 1844), при црѣ стефанѣ, гнѣ, родителю (С. №№ 111, 137), при кнезѣ, лаѕарѣ, деспотѣ, и мензѣнимѣ (С. № 111), оу градѣ, при кьниѣ (С. № 137), и ѕаписѣ (С. № 131), при животѣ (С. №№ 146, 147), и градѣ, на дни (С. №№ 148), въ Іерлимѣ (Г. Б), оу ѳеѡдоу, монастироу, неимоу, на соудоу (Мл.), ѡ родѣ, въ градѣ (С. № 178), о христѣ, въ хрисокоули, у градоу коуппиъинноу (Г. V), въ свѣтѣ, на прѣстолѣ, в боудимоу. Мы нарочно выписали всѣ примѣры, чтобы показать, что сдѣсь отношеніе между обѣими стихіями измѣнилось совершенно; сдѣсь народная форма относится къ Ц.-Славянской безъ малаго, какъ 2 : 1. При томъ замѣтимъ, что тѣ же выраженія, переходя изъ древнѣйшей въ позднѣйшую грамоту, принимаютъ съ тѣмъ вмѣстѣ и народный видъ:— явленіе очевидное въ своемъ повременномъ ходѣ. Если таково было дѣйствіе народности въ собственно-Сербскихъ грамотахъ XV-го в., то оно тѣмъ сильнѣе должно было проявиться въ грамотахъ Западныхъ. По этому считаю излишнимъ приводить множество примѣровъ; ограничусь только тѣмъ, что укажу на ихъ отношеніе: сдѣсь оно, какъ 4 : 1. Сдѣсь противъ Восточной перевѣсъ народности увеличился вдвое. И такъ дѣло говоритъ само за себя; данныя краснорѣчивѣе всякихъ словъ. XV-й в. доставилъ торжество народности. Укажу лишь на замѣчательнѣйшія формы: на крьсти, крсти, крсти (С. №№ 88 89, 92, 95, 96, 97, 99) и на крьстѣ, крстѣ, кртѣ, крьтѣ (С. №№ 98, 120, 133 141, 144, 145, 157), на крижи (С. №№ 100—103, 106) и на крижѣ (С. №№ 107, 114, 127, 136), въ русаѕи (С. №№ 96, 98, 107), на свити, свѣти, свити, свити (С. №№ 96, 98, 106 — 109, 112, 119, 126) и на свѣтѣ. свитѣ (С. №№ 107, 115, 121, 132), въ, на ѡци, ѡци (С. №№ 97, 100, 114, 144) въ днсѣ, -и (С. №№ 97, 100), на днѣ (С. № 114), на г҃, еі., ѕ., к., иі., ѕі, і, і дни, днѝ (С. №№ 125, 126, 128, 139, 158, 163, 171), на дни гі, є., ѕі (С. №№ 148, 157, 161), ѡ стлинѣ днѝи (С. № 139), на дни міца нюлѣ к. ѳ.

дѣ (С. № 163). Предложу общее заключеніе. Въ отношеніи господства двухъ стихій, XIII-й и XV-й вв. представляютъ двѣ противуположности: въ первомъ, присоединивъ къ нему и XII-й, господствуетъ вполнѣ Ц.-Славянская стихія, во второмъ народная. Въ XIV-мъ в. первая еще вдвое сильнѣе второй; но въ началѣ XV-го она быстро ослабѣваетъ и къ концу совершенно уступаетъ народной. Передъ глазами изслѣдователя, какъ нельзя яснѣе, совершается поступательное движеніе народности. Обратимъ вниманіе на повременное преемство формъ въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ въ Восточныхъ грамотахъ, или, на пр., въ выраженіи на крьсти и на крьсти въ Западныхъ. Только переписка вступленій да пристрастіе къ Ц.-Славянскому языку въ нѣкоторыхъ грамотахъ, не уменьшившееся отъ времени, еще нѣсколько поддерживаютъ Ц.-Славянскія формы. Но слабость ихъ видна въ томъ уже, что въ одной и той же грамотѣ, даже въ одномъ и томъ же выраженіи, существуетъ рядомъ съ ними и народная. Въ Ц.-Славянскихъ видимъ правильное и своемѣстное употребленіе -ѣ и -и съ перемѣною при первой гортанныхъ въ соотвѣтственныя мягкія. Нѣкоторымъ словамъ дано мягкое Сербское произношеніе, и по тому они перешли отъ -ѣ къ -и, на пр., слово хрисовуль; другія же, напротивъ, сохранили Д.-Булгарское мягкое прозношеніе и приличное ему окончаніе, на пр., пѧть, камень. Основное тожество въ звукахъ ѧ и е и произношеніе въ извѣстномъ подрѣчіи ѧ, какъ е, произвело смѣшеніе обѣихъ буквъ и замѣну первой второю. Слова, исходящія на мягкую согласную, или гласную, имѣютъ, какъ и въ дательномъ, -ю вмѣсто -ѣ. Окончаніе -и въ тѣхъ словахъ, въ которыхъ слѣдовало бы по-ц.-славянски ожидать -ѣ, показываетъ, что они встрѣчаются въ тѣхъ же грамотахъ, гдѣ ѣ переходитъ въ и. Такимъ образомъ опять видимъ, что народность, мѣняя звуки, еще робѣетъ передъ формою. Слово дьнь имѣетъ, какъ и въ нынѣшнемъ Сербскомъ, двѣ формы: дни и дневи или неправильно дневе.

Легко можно было замѣтить, что въ примѣрахъ мы не приводили предлога по. Въ Ц.-Славянскомъ языкѣ главное управленіе этого предлога принадлежитъ дательному п.; но въ извѣстныхъ случаяхъ онъ управляетъ винительнымъ и мѣстнымъ. Напротивъ, нынѣшній Сербскій языкъ сочиняетъ его съ винительнымъ въ тѣхъ же случаяхъ, въ какихъ и Ц.-Славянскій, а въ остальныхъ подчиняетъ ему мѣстный п., какъ и всѣ прочія Славянскія нарѣчія, кромѣ Русскаго, которое употребляетъ съ этимъ предлогомъ винительный, дательный и мѣстный согласно съ Ц.-Славянскимъ. Въ Д.-Сербской письменности трудно опредѣлить, какимъ собственно падежемъ управляетъ онъ? Единственнымъ исходомъ управляемаго имъ падежа служитъ 6-а ѣ; но она есть или признакъ Ц.-Славянскаго дательнаго, или Сербскаго мѣстнаго. Вникая въ различныя значенія этого предлога, равно въ его управленіе мѣстнымъ множественнаго ч., мы приходимъ къ тому заключенію, что въ Д.-Сербской письменности онъ управлялъ и дательнымъ и мѣстнымъ пп. Къ этому заключенію приводятъ насъ слѣдующія соображенія. Если бы по управляло однимъ мѣстнымъ п., то, при господствѣ въ первыхъ вѣкахъ Ц.-Славянской формы мѣстнаго, мы непремѣнно нашли бы его тутъ въ сочиненіи съ этою формою; но этого не находимъ ни разу, между тѣмъ, какъ уже въ XII-мъ в. оно встрѣчается съ формою на -ѣ: то и другое обстоятельство заставляютъ насъ думать, что этотъ предлогъ управлялъ и дательнымъ и мѣстнымъ согласно съ двумя дѣйствующими стихіями. Что касается до винительнаго п., то онъ стоитъ отдѣльно отъ двухъ предыдущихъ по особенности своего за-

ченія, и если мы не говоримъ о немъ, то по тому только, что нѣтъ примѣровъ для него. Но дательный и мѣстный пп., при общемъ сходствѣ своемъ, когда сверхъ того въ другихъ нарѣчіяхъ, кромѣ Русскаго, при предлогѣ *по*, первый смѣняется вполнѣ вторымъ, представляютъ такое тонкое различіе, что оно неминуемо должно было исчезнуть хотя въ нѣкоторой степени тамъ, гдѣ ни та, ни другая стихія не господствовала исключительно. Значеніе, съ которымъ **по** является въ нашихъ памятникахъ, мы можемъ раздѣлить на шесть родовъ и сообразно съ ними опредѣлить управленіе этого предлога. Предлогъ этотъ выражаетъ, во первыхъ, «сообразно» или «согласно съ чѣмъ нибудь», «въ силу чего нибудь», Лат. secundum или vi. Въ этомъ значеніи онъ управляетъ дательнымъ и мѣстнымъ пп. безразлично, смотря по свойству памятника. Гдѣ вѣроятнѣе предполагать Ц.-Славянскую форму, тамъ, значитъ, стоитъ дательный п., а гдѣ сильнѣе народность, тамъ мѣстный. Положительнаго сдѣсь ничего нельзя сказать. Даже если обращать вниманіе на прилагательныя, съ нимъ иногда соединенныя, то и это нисколько не подвинетъ впередъ рѣшенія, ибо и прилагательныя, имѣя въ Ц.-Славянскомъ языкѣ разныя формы для упомянутыхъ падежей, въ Сербскомъ имѣютъ одинаковую для обоихъ, сходную съ дательнымъ Ц.-Славянскаго. Всѣ примѣры могутъ быть распредѣлены лишь по предполагаемой большей вѣроятности. Такъ я отнесу къ формѣ дательнаго: **по правоу и по законоу** (А. № 1), **по црьковномоу оуставоу** (Ш. № VII), **по законꙋ, по старомꙋ**—(С. NN№ 2, 16, 17, 19, 20, 24), **по томоужє ѡбразоу** (С. № 24), **по пр҃коу двоу, по чиноу своємоу** (С. № 176), **по пр҃комꙋ ѡбразꙋ, по законꙋ оуставлєномꙋ** (С. № 46), **по ѡбразꙋ, ѡбразꙋ** (А. NN№ 12, 13), **по пр҃коу** (В. № 1), **по Исаїи** (А. № 16) — отъ того, во первыхъ, что въ раннихъ грамотахъ еще трудно предположить народную форму, которая, какъ мы видѣли, только разъ появляется въ концѣ XIII-го в.; а въ другихъ слишкомъ сильно вліяніе Ц.-Славянской стихіи; во вторыхъ же, по тому, что мѣстный п. прилагательныхъ, какъ покажетъ дальнѣйшее изслѣдованіе, оканчивается почти всегда на **-мь**, а дательный на **-мꙋ**, хотя опять утверждать это положительно нельзя, ибо оба нынѣшніе падежа сходятся между собою и въ формѣ на *-му* и въ формѣ на *-м*. До какой степени доведено было смѣшеніе формъ, видно изъ Законника, который пишетъ и **по црьковномоу законоу и по законоу црьковнѡмь и царскѡмь**. Можно обѣ формы назвать и мѣстнымъ и дательнымъ п., но, предполагая въ Законникѣ вліяніе Ц.-Славянскаго языка, мы скорѣе отнесемъ первую къ дательному, вторую къ мѣстному, ибо и другіе мѣстные падежи представляютъ въ себѣ смѣшеніе обѣихъ стихій. Такъ одна и та же грамота говоритъ: **по семь ѡтворєнꙋ и по семь ѡтворєномь листꙋ** (С. № 116), разумѣя, конечно, подъ тою и другою формою мѣстный падежъ. По этому для опредѣленія падежа должно непремѣнно смотрѣть на семьи и вообще на свойства памятниковъ. О тѣхъ же выраженіяхъ, но только въ другихъ грамотахъ встрѣчающихся, и о подобныхъ имъ мы можемъ предположительно сказать, основываясь на большей вѣроятности, что это суть мѣстные падежи, каковы на пр.: **по законꙋ** (С. NN№ 43, 46, 55, 81, 85, 95, 103, 113, 134, 136, 142, 150, 153, 157, 167), **по ѡбразоу, -ꙋ** (С. NN№ 46, 50, 62), **по [illegible], [illegible]** (С. NN№ 81, 85, 95, 103, 136, 150), **по ѡбычаю** (С. NN№ 81, 85, 99, 100 — 103, 120, 129, 133, 136, 145, 150, 157; З. А.), **по листꙋ** (С. NN№ 87, 92, 96, 99, 101, 102, 114, 116, 121, 140, 151—154, 164), **по [illegible]** (С. № 94), **по записи, записꙋ** (С. NN№ 108, 112, 114, 115, 135, 141), **по договорꙋ** (С. № 114), **по [illegible]** (С. № 142),

по тестаменте, тестаменте (С. №№ 155, 157, 159, 161), по [illegible] харатѣ (С. № 168) и пр. Строить по нимъ форму падежа нельзя, ибо ихъ обоюдность, не смотря на всю вѣроятность, все таки позволяетъ думать и такъ и иначе. Одно, что можно сказать навѣрно, это то, что большинство подобныхъ случаевъ относится къ народной формѣ мѣстнаго п. и зависитъ отъ господства Западныхъ грамотъ въ XV-мъ в.; это подтверждается и множественнымъ числомъ, какъ увидимъ ниже. Второе значеніе предлога по, мало отличающееся отъ перваго, есть значеніе вины или причины, Лат. propter, pro, которое можетъ быть иначе передано чрезъ *за*. Съ этимъ значеніемъ онъ встрѣчается только разъ и, судя по свойству грамоты, вѣроятно, съ Ц.-Славянскимъ дательнымъ п.: по грѣхоу (С. № 176). Третье значеніе, тоже не болѣе разу встрѣчающееся, можетъ быть выражено предлогомъ *за* въ смыслѣ «быть за кого», или «итти за кѣмъ». Въ Законникѣ: по томоу улоткоу—правильно, если это народный мѣстный п., и неправильно, если это Ц.-Славянскій дательный, ибо по-ц.-славянски слѣдовало бы сказать: по томь улоцѣ, ибо съ подобнымъ значеніемъ по управляетъ въ обоихъ языкахъ мѣстнымъ п. Четвертое значеніе, въ которомъ по сочиняется съ мѣстнымъ п. въ обоихъ языкахъ, есть слѣдованіе во времени, что можетъ быть выражено нарѣчіемъ *послѣ*; на пр.: по игоумене, игоумене (А. №№ 3, 4), по движике (С. № 40) и пр. Пятое значеніе относится къ выраженію посредства или содѣйствія, Лат. per, и съ нимъ по весьма часто встрѣчается въ нашихъ памятникахъ, преимущественно Западныхъ XV-го в. Въ обоихъ языкахъ онъ управляетъ мѣстнымъ лица. Такъ на пр.: по логофетѣ по деаке и по грьгѹре (чрезъ—, С. № 53), по раске (С. № 92), по гргике (С. № 105), по поутеноу и по поутеному витезѹ (С. № 119), по кнезѹ иваниша хребеляновике, по браню тезаловике и по радишине кртьянине и т. д. (С. № 127), ни по едномь дрѹгомь улаке (С. № 132), по рѹномь покнисарѹ, по кнезѹ марою (С. № 129), ни по едномь улаке (С. № 142), по рѹкомь своимь коморнике по витезѹ кнезѹ привисаве ѡѹгорь пинокамоме (С. № 157) и т. д. Наконецъ послѣднее значеніе предлога по есть выраженіе мѣста дѣйствія, или состоянія. Въ этомъ значеніи онъ соединяется съ дательнымъ п. Ц.-Славянскаго языка и мѣстнымъ народнаго, на пр.: по тргѹ (С. № 22), по дѣлоу, -ѹ (А. №№ 5, 6, 19), по вѣйроу (Мк.), по крайоу (А. № 11), по поути (З.), по свитѹ, по весѣдѣ дѣлѹ (С. № 89), по колике, -ю, колике, колине (С. №№ 96, 98, 104, 107, 108, 112, 115, 126), по редѹ (С. №№ 107, 145), по мишкомь споле (С. № 108), по урлене вратине (С. № 121), по которѹ (С. № 140).

Одинъ разъ мѣстный п. употребленъ безъ предлога: двори вм. ѹ двори (С. № 156); но одинъ случай еще не составляетъ употребленія.

Для средняго р. окончанія остаются одни и тѣ же: -ѣ, -и -ѹ. Два первыя суть Ц.-Славянскія. Нынѣшній же языкъ всѣ исходы именъ подвелъ подъ одинъ уровень, назначивъ для всѣхъ образовательное *-у*, *-ю*. Народность пробивалась и въ старину въ тѣхъ же звукахъ -ѹ и -ю. Намъ остается только подтвердить среднимъ родомъ то отношеніе памятниковъ, которое мы видѣли въ родѣ мужескомъ. До самой половины XIV-го в. ни въ одной грамотѣ не встрѣчается народная форма: всюду -ѣ и -и. Гортанныя измѣняются, какъ обыкновенно. Но съ половины XIV-го в. начинаетъ показываться во всѣхъ сербскихъ грамотъ народная форма на -ѹ и -ю: о сѣченію (А. № 11), на прѣтеченію (С. № 62), ѹ [illegible] (С. №№ 64, 66), ѹ [illegible] (С. №№ 68, 86), на мору (С. № 71), на [illegible] (С. № 73), о [illegible] (С. № 76), на селоу, на годишоу

и тутъ же оу села (3.), на г҃одьствіи (А. № 19). Но Ц.-Славянская форма все еще преобладаетъ. Въ XV-мъ в. встрѣчаемъ уже совсѣмъ иное. Самыя Восточныя грамоты отдаютъ преимущество народной. Въ нихъ читаемъ: оу мѣстоу, селѣ, приморию (С. № 91), в мѣстѣ, приморіѣ, -ю, владаніѣ, -ю, брьдѣ, брьдѣ (С. № 111, 137), в прибыткѣ (С. № 111); но въ оустроеніи и оустановлении (А. № 16), о недостоинствѣ, въ мори, въ нахожении, въ шидашно (С.-Д. М. 1844). Далѣе: оу селоу, пріателствоу (С. № 137), в смрьсу (С. №№ 137, 147), оу сиддоркв (С. № 138), в станю и потѣню (С. № 166), оу сиеви, но въ православіи (Г. Б), на четирю и четирѣ, о рожьствоу, но на мѣстѣ (Мл.), на мѣстѣ (С. № 60), въ исповѣданіи (А. № 20). Отношеніе перемѣнилось. Тѣмъ болѣе должно оно склониться на сторону народности въ грамотахъ Западныхъ. Излишне бы было приводить ту и другую формы: довольно если укажемъ на одну Ц.-Славянскую и замѣтимъ малочисленность случаевъ ея употребленія. Такъ мы находимъ: в приморьи (С. № 89), на сканьдии и -санію (С. № 92), на срьци (С. № 94), на господствии (С. № 96), въ цр҃ьствѣ, на мѣсти (С. № 97), въ гитке (С. № 100), на господствѣ и в господствѣ, въ господстви и в господствѣ (С. №№ 101, 102), въ господствѣ (С. №№ 104, 107), на мори (С. № 107)—и только. Въ позднѣйшихъ вовсе ея нѣтъ. Только въ Турецкомъ спискѣ съ грамоты Деспотскаго еще попадается на небеси, на мѣстѣ (С. № 37). И такъ въ первой половинѣ XV-го в. Ц.-Славянская форма, постепенно слабѣвшая со второй половины XIV-го в., пришла въ совершенный упадокъ и подъ конецъ уступила полное право господства народной.

Объ управленіи предлога по должно сказать то же, что сказано было выше: дательный и мѣстный пп. смѣняются одинъ съ другимъ, смотря по вліянію той, или другой стихіи. Самое обширное и неопредѣленное употребленіе въ первомъ значеніи можетъ быть объяснено до извѣстной степени вѣроятности свойствомъ памятника и семьею, къ которой онъ принадлежитъ. Въ позднѣйшихъ Западныхъ грамотахъ, когда мѣстный п. сошелся съ дательнымъ, различія не замѣтно; но въ Восточныхъ и во всѣхъ грамотахъ XII-го и XIII-го вв., когда еще сильна была Ц.-Славянская стихія, съ перваго же взгляда обнаруживается различіе между формами словъ, сочиненныхъ съ по и употребленныхъ въ другомъ сочиненіи. Тогда какъ первыя исходятъ на -ѣ, -ю, вторыя имѣютъ исходомъ -ѣ и -и: явно, что Ц.-Славянская стихія требовала дательнаго п. По этому мы назовемъ дательными пп.: по милосрьдію, по хлоебиолюбию (А. № 1), по житию (С. № 16), по изволению (А. № 2), по литургии (А. № 4), по словоу (С. № 51), по слобоеи (А. № 5), по изволению (С. № 35), по изволению (В. № 1), по изволению, по повелению и благоустроению (А. № 10); но въ этой же грамотѣ, ровесницѣ гр-ѣ А. № 11, въ которой, мы видѣли, появилась впервые народная форма о свѣтію, появляется народное употребленіе предлога по съ мѣстнымъ п., который однако остается въ Ц.-Славянской формѣ: по закону. Въ дальнѣйшихъ памятникахъ Восточной семьи употребляется та же форма, но такъ какъ здѣсь начинаетъ уже показываться народный мѣстный падежъ, то рѣшеніе становится затруднительнымъ, и объ этой формѣ нельзя сказать ничего положительнаго: дательный ли она Ц.-Славянскій, или мѣстный народный? Въ Западныхъ грамотахъ, съ учащеніемъ народной формы, должно и форму на -ѣ и -ю съ предлогомъ по считать скорѣе народнымъ мѣстнымъ, чѣмъ Ц.-Славянскимъ дательнымъ. Есть нѣкоторые случаи, гдѣ нѣсколько яснѣе обна-

руживается, что это мѣстный п. Таковъ въ одной изъ самыхъ первыхъ Западныхъ грамотъ XIV-го в.: **по семь слове и потврьжению** (С. № 66), **по семь нашемь писанию** (С. № 112) и пр. Во второмъ значеніи **по** встрѣчается только однажды въ Законникѣ: **по мытоу**. Въ четвертомъ **по** сочиняется въ обоихъ языкахъ съ мѣстнымъ, на пр.: **по прѣдании, по наказании** (Ш. № VII), **по кръщении** (вм. -и, С. № 16), **по крѣстѣхъ** (А. № 4), **по крѣстиями** (С. № 62), **по вьсѣканию, по въздвижении** (А. № 14), **по праздьньствѣ, по рождьствѣ** (С. № 66), **по рождьствѣ божии** (С. № 68), **по рождьствѣ хвѣ** (С. № 71), **по срьдоностию** (С. № 93), **по прѣставлении** (А. № 17) и т. д. Пятое значеніе опять допускаетъ двоякое сочиненіе, и по тому въ древнѣйшихъ памятникахъ мы скорѣе сочтемъ за дательные пп.: **по моемъ владанию** (А. И.), **по морю** (С. №№ 2, 16, 20), **по поморью, по сухоу** (С. № 16); но какъ трудно дѣлать положительныя заключенія видно изъ того, что въ ближайшей грамотѣ употребленъ мѣстный Ц.-Славянскій: **по мори, по сусѣ** (С. № 12). Далѣе, вѣроятно, встрѣчаемъ мѣстные пп.: **по всемь моемь владанию** (С. № 80), **по мори и по сухоу** (С. №№ 88, 113) и т. д.

Вліяніе народности отразилось и въ другомъ отношеніи. Уже въ древнѣйшихъ Восточныхъ грамотахъ -**ии** чрезъ стяженіе при посредствѣ -**ьи** перешло въ -**и**, на пр.: **на крьщени** (А. № 1), **о исправлени, поставлени, по прѣдани, наказани** (Ш. № VII), **о сѣчени** (А. № 7), **о раздоучении, въ ирѣи** (С. № 176), **въ отъстѣны** (А. № 5), **о жити, по хотѣнии** (А. № 10), **о даровании** (С. № 46), **въ утврьжени, о записани** (№ 50), **в владании** (С. №№ 65, 79) и т. д. Точно такъ же -**ию** чрезъ -**ью** стягивается въ -**ю**, на пр.: **по хотѣнию** (С. № 16), **по изволению** (С. № 35), **по записанию** (С. № 87) и т. д. Имена съ первичнымъ носовымъ исходомъ склоняются или по-ц.-славянски: **по врѣмене** (С. № 16), или по-сербски: **по имени** (А. № 14; С. № 156), **по врѣмени, в времени** (С. №№ 107, 117). Имена съ краткимъ именительнымъ п. склоняются тоже двояко: **по словоу**, -**и** (С. №№ 51, 66) и **по словеси, словеси** (А. № 5; Г. А, Б), **на небеси** (А. № 37).

Въ женскомъ р. древнекнижный и нынѣшній Сербскій языкъ имѣютъ одно общее окончаніе -**и**, -**и**, и такъ какъ въ немъ они сходятся съ Ц.-Славянскимъ для мягкаго исхода, то здѣсь временнаго движенія между тѣмъ и другимъ подмѣтить нельзя; остаются только имена съ твердою гласною **а**, которыя въ Ц.-Славянскомъ принимаютъ -**ѣ**. Гортанныя измѣняются въ обоихъ одинаково. Относительно именъ на -**а** мы замѣчаемъ, что въ первыхъ двухъ вѣкахъ Сербской письменности Ц.-Славянская стихія преобладаетъ весьма сильно; здѣсь мы постоянно находимъ формы, подобныя этѣмъ: **оу призьрѣнѣ, горѣ, дабьшорѣ, зетѣ** (А. № 1), **оу хвостнѣ, зетѣ, моунѣ, расѣ** (Ш. № VII), **в клѣтцѣ, клѣтьцѣ** (С. №№ 3, 7, 20), **в правдѣ, правьдѣ** (С. №№ 6, 7), **в горе** (С. № 17) и пр., даже **на, в, въ земле, земле** (С. №№ 16, 17), гдѣ вмѣсто законнаго **и** поставлено **ѣ**, перезвукованное въ **е**. Въ XIV-мъ в. начинаетъ уже показываться форма на -**и** вмѣсто -**ѣ** въ грамотахъ Восточныхъ: **въ слави** (Мк.), **оу** [illegible] -**и** (А. № 5), **в призрѣни** (С. № 35); но общее окончаніе, какъ и въ XV-мъ, есть пока -**ѣ**, перезвукованное иногда въ -**е**; даже находимъ: **на** [illegible] (А. № 7). Западныя грамоты, съ появленіемъ своимъ въ XIV-мъ в., еще отдаютъ преимущество Ц.-Славянской формѣ: **въ восиѣ** (С. № 66), **въ жени** (С. № 68), **на вѣре, о марѣ, главѣ**, даже **о дѣце**, но и **о дѣци** (С. № 76), **в жени** (С. № 78). Но съ конца XIV-го в. уже обнаруживается колебаніе: **на вѣри** (С. № 179), **въ слави** (С. №№ 85), которое однако продолжается во весь XV-й в., такъ что народная постоянно видитъ около себя Ц.-Славянскую

Такъ: на слави (С. №№ 95, 96, 98, 145), къ, ка, в държави, дрьжави (С. №№ 96, 98, 100, 107, 120), кь жупи (С. №№ 96, 98), в гори, киталини (С. № 98), в воєводи (С. № 107), в боски (С. № 113), в сътисци (С. №№ 116, 135), в цени—безъ перемѣны гортанной (С. № 119), в кривини, ѯети, на комии (С. № 132), на планини (С. № 133), на, в постави (С. №№ 135, 161), в плъменьщини (С. № 140), на глави (С. № 157), в руци, на порти, половини (С. № 164) и в сътисцѣ (С. № 97), на славѣ, -е (С. №№ 107, 120, 133), на дрьжавѣ, -е, -є (С. №№ 107, 133, 145), на главѣ (С. № 107), на портѣ (С. № 114), ѡ потрибе (С. № 135), ѡ сьгрѣсѣ, сапротивщинѣ, в пивѣ, на планинѣ (С. № 142), в трьгѣлѣ (С. № 144), в руце, на поставе (С. № 164). Въ однѣхъ и тѣхъ же грамотахъ видимъ ту и другую форму. Но сдѣсь еще важенъ перезвукъ и въ є и ѣ, замѣчаемый не рѣдко въ именахъ съ мягкимъ исходомъ. Трудно предположить въ Западныхъ грамотахъ, чтобы въ этомъ случаѣ стояло дѣйствительно ѣ, обратившееся въ є, если и въ Восточныхъ, кромѣ одного случая, этого не замѣчали: скорѣе должно принять это явленіе за перезвукъ. Такъ мы читаемъ: в, на вѣкинцѣ, вѣкинце, векинце, вѣекинце (С. №№ 86, 100, 108, 109, 119, 123, 126, 130), въ троицѣ, на полице (С. № 97), на т҃роицѣ (С. № 114), на поллуе, -ѥ (С. №№ 123, 126, 130), в дратевницѣ (С. № 128), на свѡтице (С. № 142), в половицѣ (С. № 143), на ѯемлѣ (С. № 144). Или, быть можетъ, древніе писцы, забывая со временемъ Д.-Булгарское словодвиженіе и не дорожа также своею народною формою, небрежно ставили ту, или другую форму, смотря по тому, которая скорѣе приходила имъ въ голову; но такое предположеніе противорѣчило бы сознанію и послѣдовательности, которыя мы замѣчаемъ въ другихъ случаяхъ. По этому лучше считать это явленіе перезвукомъ, очень легкимъ и не замѣтнымъ при мягкости б-ы є. Въ этомъ убѣждаемся еще болѣе, когда обращаемся къ именамъ съ согласнымъ исходомъ, которыя, не смотря на то, что постоянно имѣютъ сдѣсь -и, какъ въ Ц.-Славянскомъ и нынѣшнемъ Сербскомъ, допускаютъ тѣмъ не менѣе -ѣ; на пр.: по ѯаповѣдѣ, -вѣдѣ (С. №№ 128, 142, 143), в вѣрностѣ, по рѣчѣ (С. № 142), ѡ приѯнѣ, в пямѣтѣ (С. № 144). Перезвукъ этотъ имѣетъ связь съ употребленіемъ ѣ вм. и, и мѣсто его въ одномъ XV-мъ вѣкѣ.

Что касается до предлога по, то при совершенномъ тожествѣ формъ дательнаго и мѣстнаго пп. какъ въ Ц.-Славянскомъ, такъ Сербскомъ, изслѣдованіе дѣлается совершенно безплоднымъ по причинѣ невозможности различить падежъ, съ которымъ предлогъ этотъ сочиненъ. Формы равномѣрно измѣняются, какъ и при другихъ вышеприведенныхъ предлогахъ, и идутъ совершенно въ уровень съ прочими формами этого падежа. Гдѣ находимъ въ окончаніи -ѣ, тамъ и при по находимъ ту же букву: по правдѣ (Ш. № VII), по ѯетѣ (С. № 2), по клетьвѣ (С. № 9) и т. д.; когда показывается -и, тогда и при по показывается оно же: по сили (С. № 78), по дрьжави (С. № 102) и т. д. То же движеніе мы видѣли въ дательномъ п., а по тому рѣшительно нельзя распознать эти падежи въ сочиненіи съ по. Достаточно сказать, что съ какимъ бы падежемъ ни былъ сочиненъ предлогъ по, дательнымъ, или мѣстнымъ, форма этого падежа не отклоняется ни мало отъ общаго движенія и представляетъ по своему образованію полное согласіе съ другими случаями употребленія того же падежа.

Именительный п. мн. ч. муж. р. въ Славянскихъ нарѣчіяхъ весьма измѣнилъ и умножилъ свои окончанія сравнительно съ древнѣйшими одноплеменными язы-

ками. Сербскій языкъ, какъ членъ Славянской семьи, имѣя въ своей древней письменности различныя окончанія, въ которыхъ онъ гораздо ближе подходитъ къ Д.-Булгарскому, чѣмъ къ нынѣшнему, требуетъ себѣ поясненія, а отчасти и самъ поясняетъ ихъ. Въ Славянскихъ нарѣчіяхъ принято двоякое образованіе, одно съ помощію падежнаго указателя *и*, который находимъ отчасти въ Литовскомъ, Греческомъ и Латинскомъ, въ формахъ *-ai*, *-oι*, *-i*; другое съ помощію первоначальнаго *-as*, употребляемаго Санскритомъ и Готскимъ языкомъ, въ которыхъ *i* предоставлено лишь мѣстоименному склоненію. Стяженіе этаго *as* съ основною конечною твердою гласною *a* производитъ въ Санскритѣ *-âs*. Напротивъ при мягкой основѣ *i*, какъ и при *u*, вмѣсто стяженія, происходитъ усиленіе основнаго *i* въ *aj*, откуда *-ajas*, и *u* въ *av*, откуда *-avas*. Славяне употребляютъ *и*, *і*, для твердой основы, и первоначальное *as* въ перезвукованномъ видѣ для мягкой. Сдѣсь должно сказать, что въ Славянскихъ нарѣчіяхъ слова, большею частію, забыли первоначальныя основныя гласныя и смѣшали свои ряды, такъ что въ отношеніи движенія почти для каждаго нарѣчія нужно свое распредѣленіе словъ по окончаніямъ; тѣмъ не менѣе первоначальное дѣйствіе основныхъ гласныхъ обнаруживается при ихъ движеніи, и падежныя окончанія находятъ себѣ объясненіе въ тѣхъ языкахъ, которые чище сохранили праязычныя свойства. Образовательное окончаніе, допускаемое Славянскими нарѣчіями, есть, какъ сказали мы, *и*: сдѣсь нѣтъ ничего особеннаго. Оно приставляется прямо къ твердому согласному исходу слова, при чемъ конечная полугласная пропадаетъ, а гортанная подвергается претворенію тамъ, гдѣ претвореніе допускается. Кругъ его употребленія далеко не одинаковъ въ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Самое правильное и разумное служеніе находимъ въ Д.-Булгарскомъ языкѣ: сдѣсь оно требуется именами съ твердою основною согласною, преимущественно гортанною, и согласною втораго образованія, какъ-то **ж**, **ѕ**, **ц**, **ч**, **ш**, **щ**, которая предполагаетъ первоначальный твердый звукъ; равно какъ именами съ гласнымъ исходомъ и нѣкоторыми на **ь** съ предыдущею плавною **л**, **р**. И такъ: **клъци**, **роѕи**, **доуси**, **мѫжи**, **отьци**, **краи**, **кнѧѕи**, **крли**, **ѕлодѣи**, **гнои**, **алтари**. Слѣдовательно, сдѣсь служеніе **-и** условливается твердостію конечной основной согласной. Труднѣе объяснить его при гласной; но должно полагать, что оно возможно сдѣсь по тому, что основная гласная, какая бы она ни была, твердая или мягкая, не имѣетъ прямаго дѣйствія на падежной признакъ **-и**, раздѣляясь съ нимъ смягчающимъ небнымъ началомъ, производящимъ отбой голоса, ибо въ формахъ, какъ **крли**, **гнои** послѣднее **и**, по причинѣ предшествія гласной, звучитъ мягко. Плавныя, какъ мы уже выше видѣли, не имѣютъ въ себѣ опредѣленной положительной твердости, или мягкости, а по тому въ Славянскихъ нарѣчіяхъ въ нихъ происходитъ колебаніе и двойственность. Они, по самому органному свойству своему, занимаютъ середину между твердостію и мягкостію. Мы уже имѣли случай замѣтить ихъ колебаніе въ Д.-Сербской письменности. Укажемъ сдѣсь на подобные случаи въ Д.-Булгарскомъ; такъ: **боура** и **боури**, **алтара** и **алтари**, **цара** и **цари**, **авела** и **авели**. Отъ того и сдѣсь плавный исходъ представляетъ наибольшее число исключеній: **корабли**, **рыбари** и **мытарие**, **свѣдѣтелие**, **мытаре**, **свѣдѣтеле** со стянутымъ **-е** изъ **-ие**. Изъ прочихъ нарѣчій яснѣе видно это въ Польскомъ, Чешскомъ и Лужицкомъ, въ которыхъ обыкновенно, хотя и не безъ исключеній, твердыя согласныя принимаютъ *-i*, *-y*. Остальныя нарѣчія уже смѣшиваютъ твердость и мягкость и расширяютъ кругъ служеніе *-и*, такъ что Сербскій и Хорватскій, кромѣ двухъ, трехъ словъ, уже не знаютъ другаго исхода, какъ только **-и**, *-i*. Рус-

скій и Хорутанскій, при разнообразіи падежныхъ окончаній, почти, или вовсе не наблюдаютъ различія между твердостію и мягкостію основнаго исхода. Другой падежный исходъ, находимый въ Ц.-Славянскомъ языкѣ, есть **-ии**, принимаемый именами, исходящими на ь съ первообразною мягкою согласною, включая сюда и с: **татии, гольбии, мытарии, тръкии** и т. д. Очевидно, **-ии** условливается мягкостію согласнаго исхода. Оно происходитъ изъ *-as* чрезъ перезвукъ *-as* въ *-e* и возстановленіе мягкости исходной полугласной въ видѣ *и*: изъ *-ие* образуется **-ии**. Слѣдовательно, эти имена сходятся съ Санскритскимъ образованіемъ отъ основы *i*, какъ на пр. *krmi* — *krimajas*. Стяженіе производитъ **-и** или **-е**, на пр., **мытарe, съвѣдѣтели**. Но съ этимъ **-е**, **-и** не должно смѣшивать другое *-е*, происходящее чрезъ перезвукъ изъ *-as* и только тѣмъ отличающееся отъ **-ии**, что при немъ основная мягкость не возстановляется въ видѣ *-и*. Въ Д.-Булгарскомъ языкѣ оно, по видимому, возникло въ послѣдствіи, ибо его находимъ въ позднѣйшихъ формахъ на **-ие** ви. **-ии** отъ словъ на **-нинъ** первоначально **-нъ**, равно въ позднѣйшемъ образованіи на **-ове, -еве**. Прочія Славянскія нарѣчія смѣшиваютъ то и другое окончаніе и вообще представляютъ его въ видѣ мягкаго *е*: *-je*, *-ie*, *-é*, *-e*. Дѣйствительно, **-ии** и **-е** въ сущности есть одно и то же образованіе; **-ии** въ другихъ нарѣчіяхъ чрезъ стяженіе переходитъ въ мягкое *-е*, которое пишется то съ *-j*, *-i*, то безъ нихъ, какъ *-é*, или просто какъ *-e*. Кругъ служенія этого исхода различенъ въ Славянскихъ нарѣчіяхъ: одни сокращаютъ его, другія расширяютъ. Хорватскій вовсе не имѣетъ его; Сербскій также, кромѣ Ресавской формы: *ме*, *гре*, *сме*. Русскій тоже, кромѣ словъ на *-инъ* и древнихъ *людье*, *гостье*, ибо нынѣшняя форма *-ья* объясняется иначе; Хорутанскій имѣетъ *-je* вообще для мягкаго исхода, равно какъ для нѣкоторыхъ именъ на *d*, *b*, *l*, которыя впрочемъ могутъ исходить и на *-i*. Польскій для мягкаго исхода и для словъ на *-anin* тоже употребляетъ *-ie* или *-e*; Чешскій равномѣрно при мягкой исходной согласной ставитъ *-é*, *-e*, относя сюда исходъ *-an* и нѣкоторыя слова на *d* и *l*. Лужицкій всѣ слова съ мягкимъ исходомъ оканчиваетъ на *-e*. И такъ мы видимъ, что вообще твердый исходъ именъ существительныхъ мужескаго р. принимаетъ *-и*, а мягкій *-ие* или *-е*. Точности здѣсь искать нельзя; но должно судить по большинству явленій. Равно не всѣ нарѣчія одинаково смотрятъ на мягкость согласной, и въ этомъ случаѣ мы можемъ сдѣлать три замѣчанія: во первыхъ, плавныя постоянно представляютъ колебаніе, переходя изъ одного образованія въ другое; во вторыхъ, такъ называемыя среднія *б*, *в*, *д*, *т*, *с* склоняются, большею частію, на сторону *-e*, *-e* или мягкаго образованія; въ третьихъ, согласныя втораго образованія, свистящія и шипящія, различнымъ способомъ употребляются: въ Ц.-Славянскомъ языкѣ съ **-и**, позднѣе **ж** переходитъ по большей части въ образованіе **-ии**; а въ другихъ то съ **-и**, то съ *-е*. Но не смотря на это смѣшеніе и разнообразіе воззрѣнія Славянскихъ нарѣчій на твердость и мягкость, важно то, что эти два свойства звуковъ условили собою двоякое окончаніе падежа, и что Ц.-Славянскій языкъ, который чище и древнѣе другихъ, именно на этихъ-то свойствахъ утвердилъ различіе образовательныхъ окончаній. И такъ начало формъ именительнаго п. мн. ч. муж. р. объясняется языкословно чрезъ коренной, прадавній способъ, употребляемый Индоевропейскими языками для этого падежа. Что въ формѣ **-ии** и есть основное, а не падежное, то это доказывается В.-Лужицкомъ *-ojo*, которое хотя и называютъ вытянутымъ *-jo*, однако это несправедливо: *-jo* В.-Лужицкое отвѣчаетъ Хорутанскому *-je*,

т. е., стянутому *-ие*, перешедшему въ мягкое *-є*, которое, какъ извѣстно, у Лужичанъ смягчается еще болѣе въ *-jo*, Рус. *-ё*, а отъ него окончательно переходитъ въ *-o*, такъ что сдѣсь крайности сталкиваются: крайнее смягченіе производитъ уже твердый звукъ, который, впрочемъ, всегда можно отличить отъ настоящаго *o*. Вытяженіе голоса не могло стать впереди самого звука, и *-jo* никакъ не могло произвести *-ojo*; но, на оборотъ, послѣднее произвело первое; въ немъ конечная основная полугласная возстановлена въ видѣ *o*, которое, по свойству Лужицкаго языка, можетъ отвѣчать и твердой и мягкой полугласной, будучи въ сущности совершенно различныхъ свойствъ и отвѣчая въ первомъ случаѣ настоящему *o* = *ъ*, а во второмъ *e* = *ь*; по этому *-jo* есть то же, что *-e*, смягчившееся передъ гласной въ *-є*. И такъ сдѣсь первое *o* отвѣчаетъ Ц.-Славянскому *-и* и есть, стало быть, воспроизведеніе основной конечной полугласной. Разница только въ томъ, что В.-Лужичане озвукотворяютъ въ *o* и твердую и мягкую полугласную, и по тому форма *-ojo* равно употребляется для всѣхъ именъ и съ твердымъ и съ мягкимъ исходомъ. Эта-то В.-Лужицкая форма соединяетъ *-ии*, *-ьи*, *-и* съ другою позднѣйшею формою *-ове*, *-еве*. Какъ въ ней полугласная озвукотворена въ *o*, равное съ одной стороны *o*, съ другой *e*, такъ и тутъ полугласная озвукотворяется въ *o* и *e*, и формы *-ове*, *-еве*, какъ и *-ojo*, являются одна при твердомъ, другая при мягкомъ исходахъ. Сдѣсь конечное *е* есть *-as*; а *в* есть благозвучная буква, предупреждающая зіяніе *-ое*, *-ее*, подобно В.-Лужицкому *j*. Но форма *-ове*, *-еве*, по всему вѣроятію, не была первоначально въ Д.-Булгарскомъ языкѣ, а появилась въ немъ только съ теченіемъ времени, такъ что главнѣйшее усиленіе ея перешло уже въ другія нарѣчія и сдѣсь подверглось дальнѣйшему видоизмѣненію. Форму *-owie*, *-owé*, *-owe* находимъ въ Польскомъ, Чешскомъ и В.-Лужицкомъ. Забвеніе въ ней значенія б-ы *w* и принятіе ея за неподвижную часть слова, съ утратою падежнаго образовательнаго значенія, допустило въ ней, по причинѣ первоначальной твердости б-ы *в*, съ какою она является въ Ц.-Славянской *-ове*, возможность замѣнить настоящій исходъ *е* (*-as*) чрезъ совершенно другой и независимый отъ него *-и*, откуда позднѣйшая форма у Сербовъ и Хорутанъ *-ови*, *-еви*, *-owi*, *-ewi*. Хорватскій вовсе не имѣетъ этой формы; Сербскій же можетъ вполнѣ обойтись безъ нея, ибо сдѣсь она вызвана благозвучною потребностію, которая однако въ тѣхъ же словахъ допускаетъ и простой исходъ *-и*. Обратимся теперь къ Русскому языку и посмотримъ его образованіе. Мы сказали, что онъ имѣетъ *-и* или *-ы* и *-е*, но кромѣ того въ немъ находимъ окончанія *-а* и *-ья*: *господа*, *учителя*, *князья*, *сучья* и т. д. Нѣтъ сомнѣнія, что сдѣсь *-а*, *-я* есть окончаніе, заимствованное отъ средняго р., и что *-ья* составилось изъ прежняго *-ье*, *-ии*, чрезъ перемѣну *е* мужескаго р. на *я* средняго р. Забывъ значеніе формы *ов*, *ев*, Русскій языкъ подчинилъ ее общему образованію на *-а* и *-ья*, составивъ *-ева*, *-овья*, *-евья*: *хозяева*, *кумовья*, *зятевья*. Вотъ сколько различныхъ окончаній имѣетъ Русскій языкъ. Подражаніе среднему р. замѣтно также у В.-Лужичанъ въ формахъ на *-a*: *bura*, *kmótsja*, *popa*, *bratsja*, у Хорватовъ въ словахъ съ собирательнымъ значеніемъ *derva*, *tla*, и у Поляковъ въ словахъ: *okreta*, *grunta*. Мѣстами эта форма перешла, по сходству окончаній, въ женскій р. и получила единственное число съ движеніемъ женскаго р. Таковы у Сербовъ: *дјеца*, *господа*, *браћа*, у Хорватовъ: *déтca*, *gospoda*, *marša*, *bratja*, у Хорутанъ: *gospoda*, у Поляковъ: *bracia*, *księża*, у древнихъ Чеховъ: *hrabija*, *sudija*, *bratrija*.

knežija [1] и т. д. Впрочемъ, нельзя навѣрно утверждать, что эта форма образовалась непремѣнно отъ средняго р. мн. ч., какъ того же нельзя сказать и о словахъ средняго р. ед. ч. на -ии, -ье, -е: соображенія, которымъ слѣдуетъ духъ языка не всегда бываютъ понятны: разумный и самостоятельный произволъ живаго языка не всегда подчиняется строгой послѣдовательности, но иногда выбираетъ окольные пути, другія основанія, иныя соображенія, которыя угадать дается не всякому, да иногда и нельзя сказать объ нихъ положительно, ибо пріемы бываютъ различны, хотя и ведутъ къ одному концу. Можно дѣйствовать и такъ и сякъ съ одною цѣлью. Упомянутыя формы могли образоваться и самобытно, независимо отъ формы именительнаго п. мн. ч. муж. р. Относительно образованія на *ов*, *ев*, замѣтимъ, Русскій и Польскій языки строже всѣхъ провели отличіе этого образованія отъ *-ья*, *-іе*, *-е*, ограничивъ его лишь именами человѣка и предоставивъ другое прочимъ одушевленнымъ и неодушевленнымъ предметамъ. В.-Лужицкій силится также разграничить *-ojo*, *-owe*, отъ *-y*, *-i*, *-e* на основаніи разумности и неразумности предмета; но частые переходы разумныхъ именъ въ образованіе неразумныхъ показываютъ, что не тутъ должно искать главнаго основанія. Чешскій равномѣрно предоставляетъ *-owé*, одушевленнымъ предметамъ со множествомъ исключеній въ пользу неодушевленныхъ. Хорутанскій и Сербскій вовсе не дѣлаютъ различія между *-owi*, *-ewi* и *-іе*, или *-ови*, *-еви* и *-и*. И такъ ни то, ни другое, ни третье окончаніе не прошло цѣло по всѣмъ Славянскимъ нарѣчіямъ и ни въ одномъ изъ нихъ не утвердилось такъ, чтобы можно было положительно опредѣлить его мѣсто, значеніе и границы. Благозвучіе, не вполнѣ одинаково понимаемое Славянскими нарѣчіями, не одинаково и распорядилось мѣстомъ и кругомъ ихъ служенія; но для насъ важны сдѣсь не подробности, а общій итогъ, основанный на большинствѣ употребленія. Мы видимъ, что всѣ окончанія именительнаго п. мн. ч. муж. р. возникли изъ общаго праязычнаго начала законнымъ и естественнымъ образомъ согласно съ духомъ Славянскаго языка. Въ основу имъ легли два признака: *и* и *as*; твердость и мягкость исходовъ раздѣлили ихъ между собою, а позднѣйшее *-ове*, *-еве* перевело отразившееся въ немъ *as* и на твердый исходъ. Это главный итогъ, который можно вывести изъ большинства явленій. Не для видоизмѣненія значенія слова, но по необходимости выразить падежъ возникли путемъ звукодвиженія *-и*, *-ие*, *-е*, *-ове*, *-еве*, и всѣ ихъ дальнѣйшія видоизмѣненія. Разумѣется, въ общемъ хозяйствѣ Славянскаго языка первоначальная основа была болѣе или менѣе забыта, ряды словъ смѣшались, слова приняли позднѣйшее окончаніе, по своему установили твердость и мягкость; однако окончанія ихъ въ этомъ падежѣ, какъ и въ другихъ, подчинились исконнымъ звуковымъ законамъ, примѣненнымъ къ самобытной жизни языка. Общія праязычныя начала просвѣчиваютъ среди множества дальнѣйшихъ и измѣнившихся явленій. Время дѣйствовало сдѣсь за одно съ движеніемъ Славянскаго языка и придало окончаніямъ падежа новое значеніе, которое хотя не родилось вмѣстѣ съ окончаніемъ, но усвоено было за нимъ духомъ языка. Я говорю о собирательной формѣ. Вѣроятно, въ древнѣйшую свою пору Д.-Булгарскій языкъ не имѣлъ ни за однимъ изъ своихъ окончаній значенія собирательнаго; но отъ времени -ия получило его. Неточность, съ перваго раза обнаруживающаяся въ употребленіи этого окончанія въ собирательномъ зна-

---

[1]) Шафарикъ, Počátkowé Staročeské mluwnice, стр. 39, 41. Въ его Wýbor z literatury České. W Praze, 1845.

ченіи, мало говоритъ въ пользу необходимости для него этого значенія и показываетъ, что оно придано было ему въ послѣдствіи силою употребленія. Когда?—рѣшить трудно; но надо полагать, что весьма рано, быть можетъ, съ первымъ появленіемъ письменности. Въ Остромировомъ Евангеліи, древнѣйшемъ изъ помѣченныхъ годомъ памятниковъ, а слѣдовательно и въ подлинникѣ его, -ни употребляется съ именами предметовъ одушевленныхъ, преимущественно человѣка; то же явленіе замѣчаемъ съ собирательною формою и въ другихъ нарѣчіяхъ. Форма -ове, являющаяся еще только въ одномъ словѣ сыновѣ и имѣющая въ большей части Славянскихъ нарѣчій собирательное значеніе, создана сдѣсь была какъ будто именно для того, чтобы твердому исходу придать собирательный смыслъ, а мы видѣли, что она однородна съ -ие. Отъ того -ове, служа твердому исходу, оказалось нужнѣе, чѣмъ -ие, и по тому ранѣе послѣдняго показалось въ письменности. Время, повторяю, много измѣнило въ формахъ. Исходъ -ие сталъ переходитъ часто въ -ии; -ть въ -ие; -ль и -рь продолжали принимать обоюдное окончаніе -и и -ие или стянутое -и -е; -инъ перешло въ -ине и приняло -е. Плавныя л, р и шипящія, по самой природѣ своей, стоя между совершенно твердыми гортанными и совершенно мягкими, т. е., въ сочетаніи съ ь употребленными губными и зубными, естественно представляли область столкновенія двухъ окончаній и изъ одного переходили въ другое. Я сказалъ, что собирательное значеніе, индѣ придаваемое окончанію -ие и чаще -ове, показалось въ Д.-Булгарскомъ языкѣ съ первымъ появленіемъ письменности: я сказалъ это по тому, что оно могло быть внесено въ письменность изъ устнаго языка. Подобное явленіе, образовавшееся и въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, не могло быть дѣломъ книжниковъ; оно было слѣдствіемъ особаго представленія, возникшаго въ самомъ духѣ языка, и перешло въ книжность въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ. Тонкость различія, заключающагося между неопредѣленнымъ множествомъ и множествомъ въ совокупности, не могла быть строго проведена ни народомъ, ни писателями и постоянно подвергалась неточностямъ, очень понятнымъ и возможнымъ. Многое зависѣло отъ собственнаго воззрѣнія пишущаго, или говорящаго: понималъ ли онъ множество только вообще, какъ собраніе однородныхъ предметовъ, или воображалъ его себѣ какъ нѣчто цѣлое совокупное, когда отъ него въ добавокъ зависѣло представить его себѣ такъ, или иначе. Да и самое множество, разобщенное въ природѣ, подчиняясь законамъ мысли и языка, не становится ли уже въ нѣкоторомъ родѣ единствомъ? Во всякомъ случаѣ различіе было незначительное, что доказывается отсутствіемъ собирательной формы этого падежа въ другихъ Индоевропейскихъ языкахъ и въ нѣкоторыхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, не считавшихъ ее нужною, или понимавшихъ это различіе гораздо грубѣе, такъ сказать, самоотдѣльнѣе, и выражавшихъ его въ формѣ средняго и отчасти женскаго р. По тому-то нѣкоторые ученые не замѣчали его въ разсматриваемомъ нами падежѣ, а другіе, на оборотъ, примѣтивъ его, уже слишкомъ произвольно распредѣляли его по формамъ, доводя ихъ толкованіе и употребленіе до крайной послѣдовательности. Жизнь не подлежитъ теоріи; состоя изъ безчисленныхъ явленій, она красуется ихъ разнообразіемъ, и много въ ней такого, что должно назваться особенностію и исключеніемъ. Духъ живаго самостоятельнаго языка разуменъ и свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ; онъ не любитъ теоретическихъ узъ; пути его часто неуловимы; богатство представленія зависитъ отъ богатства народной жизни. Подобіе, созвучіе, или что нибудь тому подобное внушаютъ ему,

какъ бы живому существу, новую мысль, новое представленіе, и, задавшись ими, онъ развиваетъ цѣлую область звуковъ и формъ. Такъ и сдѣсь мы замѣчаемъ, что множество, понятое и представленное двояко, доставило и двоякое значеніе формамъ того именно падежа, который выражаетъ множество предметовъ въ спокойномъ состояніи безъ отношенія и зависимости другихъ падежей. Совокупность однородныхъ предметовъ, представленная, какъ нѣчто цѣлое и единое, есть то же, что множество въ единствѣ, и по тому легко уже можетъ въ представленіяхъ духа языка перейти въ единицу, а для этого духъ языка создаетъ имя средняго р., иногда и женскаго, вкладывая въ него значеніе, само по себѣ отвлеченное, но указывающее на совокупность существующихъ предметовъ. Всего приличнѣе былъ для того средній р. съ своею формою на *-ие*, и вотъ неодушевленные предметы, и отчасти одушевленные, преимущественно имена животныхъ, но не человѣка, принятыя въ цѣльной совокупности, перешли въ этотъ родъ и стали въ единственномъ числѣ. Окончаніе *-ие* сократилось въ *-ье*, *-є*, *-je*, *j*. Такихъ именъ довольно во всѣхъ нарѣчіяхъ: многія изъ нихъ попали сюда изъ женскаго р.: — явно, что сдѣсь имѣетъ уже мѣсто не именительный п. мн. ч. муж. р., а самостоятельная форма единственнаго ч.; иначе женскій р. не принялъ бы *-ие*. На пр.: Ц.-Слав. листвие, вѣтвие, рождие; Рус. *тряпьё*, *вороньё*, *уголье*, *каменье*. Русскій перевелъ сюда и имя человѣка: *дурачьё*, *бабьё*; Серб. *расте*, *пруте*, *древе*, *пере*; Хорв. *perje*, *ternje*, *jogodje*, *grozdje*, *cwetje*, *kamenje*, *korenje*, *listje*; Хорут. *brézje*, *hrástje*, *térnje;* Поль. *ziele;* Чеш. *kwjtj*, *dřiwj*, *uhlj*; Луж. *liscje*, *koscje*, *pucie*. Многія понятія совокупности приняли форму женскаго р. ед. ч., другія средняго р. мн. ч.; но для насъ главное обстоятельство заключается въ томъ, что средній р. съ своею формою *-ие*, *-е* преимущественно оказался способнымъ къ выраженію множества въ единствѣ, да и вообще какой другой родъ, какъ не средній, можетъ всего лучше выразить совокупность предметовъ, представляемую, какъ нѣчто цѣлое, единое? При томъ такъ какъ эта совокупность становится уже понятіемъ отвлеченнымъ, ибо въ природѣ сама по себѣ не существуетъ, то окончаніе *-ие*, тоже выражающее обыкновенно понятія отвлеченныя, шло къ нему наиболѣе. Что же сдѣлалъ духъ языка? Постоянно употребляя съ исконнаго времени два тожественныя окончанія *-ие* именительнаго п. мн. ч. муж. р. и *-ие* именительнаго п. ед. ч. средн. р., онъ, по своимъ творческимъ соображеніямъ, возможнымъ лишь для живаго языка, дошелъ до мысли о возможности единства во множествѣ и создалъ понятіе совокупности, приспособивъ его къ самому приличному для того падежу; увлекшись же невольно тожествомъ одного изъ его окончаній съ другимъ, выражающимъ именно эту единичность и отвлеченность представленія, онъ этому окончанію и придалъ значеніе собирательное. Такъ отъ времени *-ие* множ. ч. муж. р. пошло въ ходъ со значеніемъ многихъ однородныхъ предметовъ, взятыхъ вмѣстѣ, въ цѣлости и единствѣ. Форма *-ове*, одного происхожденія съ *-ие*, явилась въ помогу этой послѣдней для словъ, не принимавшихъ *-ие* но тѣмъ же исконнымъ, кореннымъ началамъ, по которымъ образовались и приняли служеніе самые исходы *-и*, *-ие*, *-е*. За нею послѣдовала и *-еве*. И такъ этѣ двѣ формы явились въ Славянскомъ языкѣ съ собирательнымъ значеніемъ, не скажу всегда и всюду, а все таки индѣ съ замѣтнымъ присутствіемъ его. Дѣйствительно, не всѣ нарѣчія допускаютъ его, а допускающія не всѣ допускаютъ въ равной степени. Д.-Русской языкъ имѣетъ его въ формѣ *-ье*, можетъ быть, заимствованной у Ц.-Славянскаго языка. Но нынѣшній Русскій представляетъ любопытныя явленія. Онъ избралъ для того

окончаніе множественнаго ч. средняго р. и тѣмъ подтвердилъ, что духъ языка, создавая собирательное значеніе для *-ие*, бралъ въ основаніе вмѣстѣ съ наружнымъ сходствомъ и самую мысль средняго рода. Русскій языкъ не увлекся сходствомъ, но основался на одной мысли средняго р., и какъ будто для того, чтобы доказать, что самое множественное число можетъ заключать въ себѣ мысль единства, и что именительный п. множ. ч. муж. р. не требуетъ переведенія въ средній родъ единственнаго ч., какъ думаютъ нѣкоторые, взялъ для себя окончаніе множественнаго ч. средняго р. *-а*, которое въ соединеніи съ *-ь* произвело *-ья*. Но явленіе б-ы *-ь* для твердаго исхода указываетъ уже на излишнее распространеніе этого окончанія и исключительность его служенія для многихъ словъ. Русскій языкъ смотрѣлъ на него уже какъ на неподвижное, отвердѣвшее окончаніе, и придавалъ его всѣмъ исходамъ для образованія множественнаго ч., даже къ формѣ *ов*, *ев*. Нѣтъ надобности замѣчать, что въ Русскомъ языкѣ множество словъ, принимающихъ окончаніе средняго р. *-а*, *-ья*, не имѣютъ собирательнаго значенія; оно сдѣлалось для нихъ неизбѣжнымъ, за неимѣніемъ другаго, и къ нимъ также удобно, какъ и другимъ на *-и*, *-ы*, прилагается понятіе «одни», «нѣкоторые». Таковы на пр.: *острова*, *брусья*, *стулья* и пр. Но въ другихъ понятіе множества такъ слилось съ понятіемъ совокупности, что почти невозможно ихъ отдѣлить, на пр.: *голоса*, *господа*, *сучья*, *берега* и пр. Сюда подведены и слова средняго р., на пр., *полњнья*, *перья*, *крылья*. Быть можетъ, рядомъ съ *-ья*, *-а* существовала и другая форма собственно мужескаго р., но отъ времени была забыта; однако двойственность существуетъ: есть много такихъ словъ, которыя имѣютъ двѣ формы, и въ нихъ *-а*, *-ья* есть собирательная, на пр., *бары* и *бара*, *холопи* и *холопья*, *учители* и *учителя*, *волосы* и *волоса*, *волосья*, *угли* и *уголья*, *камни* и *каменья*, *краи* и *края*, *дерева* и *деревья*, какъ и у Малорусовъ, на пр.: *браты* и *брацця*. Словомъ, языкъ, воспользовавшись этимъ исходомъ, направливалъ его ко множеству словъ, наблюдая мѣстами и благозвучныя условія; различія между собирательною и множественною формами онъ не соблюдалъ строго, какъ и другія родственныя нарѣчія. Замѣтимъ, что окончаніе *-а* и *-ья* принимаютъ имена равно одушевленныхъ и неодушевленныхъ предметовъ; но *-овья*, *-евья*, *-ева* принимаютъ имена одного лишь человѣка на пр.: *сыновья*, *кумовья*. Первое имѣетъ и *сыны*. Это явленіе стоитъ въ соотвѣтствіи съ подобнымъ, замѣчаемымъ въ Польскомъ, Чешскомъ и В.-Лужицкомъ, въ которыхъ образованіе *ow* преимущественно принадлежитъ одушевленнымъ предметамъ, какъ и въ Ц.-Славянскомъ языкѣ. Объяснить причину этого явленія почти невозможно. Но въ древнѣйшемъ языкѣ, Д.-Булгарскомъ, оно, по нашему мнѣнію, объясняется тѣмъ, что -ове придавалось лишь къ твердому исходу для собирательнаго значенія, а такъ какъ одушевленные предметы представляли для духа языка скорѣйшую способность къ совокупности представленія, то -ове естественно и всего скорѣе пало на имена одушевленныя. Въ Д.-Булгарскихъ памятникахъ -ове и потомъ -ие, появляясь уже не въ первую пору языка, относятся почти исключительно къ именамъ человѣческимъ. Такъ, на пр., древнѣйшее слово, нѣсколько разъ встрѣчающееся уже въ Остромировомъ Евангеліи, сынове по тому приняло собирательную форму, что всѣ лица, стоящія въ одинаковомъ извѣстномъ отношеніи къ другому предмету, не требуютъ раздѣленія, ибо тутъ нужны не они сами, и не отдѣльныя ихъ особи, а общее ихъ отношеніе, именно сыновнее, которое и соединяетъ ихъ въ одно цѣлое. Сдѣсь разумѣются всѣ вообще лица, вмѣстѣ взятыя, стоящія въ сыновьнихъ отношеніяхъ къ другому предмету.

Такъ: сынове святоу, сынове царствия, сынове иакова, т. е., все потомство Якова. Русскій языкъ наиболѣе сошелся съ Д.-Булгарскимъ, но другія нарѣчія, распространивъ образованіе *-ов*, *-ев* ради благозвучныхъ причинъ, забыли, или нарушили его отношеніе къ предметамъ одушевленнымъ. Сербскій и Хорватскій языки не знаютъ собирательной формы именительнаго п. мн. ч. Хорваты употребляютъ не болѣе двухъ, трехъ словъ въ собирательномъ значеніи и *для нихъ* дѣлаютъ исключеніе, придавая съ этою цѣлью окончаніе *-owje: črepowje* и *brestowje*. Разница между послѣднимъ и *bresti* будетъ такая же, какая между Ulmenwald и Ulmbäume. Хорутане, напротивъ, такъ распространили окончанія *-ovi* и *-jé*, что, какъ и Русскіе въ окончаніи *-а* и *-ья*, могутъ видѣть и не видѣть собирательнаго значенія. У нихъ *-ovi* принимаютъ слова односложныя и много таковыхъ же принимаютъ *-jé*. Одушевленныя, исходящія въ родительномъ п. ед. ч. на *-ba*, *-da*, *-ta*, рядомъ съ *i*, имѣютъ *-je*; мягкій исходъ одушевленныхъ *-r* имѣетъ *-rjé*. Здѣсь вообще преобладаетъ благозвучное начало; такъ на пр. односложныя на *b* имѣютъ *-jé* безъ всякого собирательнаго значенія, хотя съ другой стороны въ одушевленныхъ на *-je* нельзя не видѣть собирательной формы, отвѣчающей Ц.-Слав. -ие, Рус. *-ья: sosédje*, *góstjé*. Въ Д.-Чешскомъ форма *-owé* показывается позднѣе, чѣмъ *-i*, и слова съ твердымъ исходомъ, принимающія эту форму, суть преимущественно одушевленныя; но изъ этой формы они уже переходятъ въ мягкое образованіе *-je*, на пр., *Čechowé* и *Česjé*, *Uhřjé*, *Taterjé*. [1] Это и служитъ подтвержденіемъ нашихъ словъ, что форма *-ове* одного происхожденіе съ *-ие*. Польскій и Чешскій языки, которые въ употребленія *-i*, *-y* и *-ie*, *-e* наблюдаютъ главное и существенное основаніе, различіе твердости и мягкости, не придаютъ по этому случаю послѣднему окончанію собирательнаго значенія. Надо къ тому же замѣтить, что въ нихъ *-ie*, *-e* отвѣчаетъ Ц.-Слав. -ие и -е, такъ что стяженіе происходитъ въ нихъ полное, и мягкое *-ie*, *-é*, соединяясь съ мягкою гласною, переходитъ въ простое *-e*, на пр., Чеш. *meče*. Съ другой стороны, въ Чешскомъ языкѣ окончаніе *-owé* распространилось значительно для обоихъ исходовъ, твердаго и мягкаго: его принимаютъ и одушевленныя и неодушевленныя имена, но первые предпочтительнѣе, особенно односложныя. Тѣмъ не менѣе Чехи говорятъ *dešťowé*. Поляки окончанію *-owie* подчиняютъ имена человѣческія, не ограничивая ихъ свойствомъ исхода. По этому въ обоихъ языкахъ нельзя усмотрѣть дѣйствія собирательнаго значенія въ употребленіи формъ, когда главнымъ основаніемъ принято свойство исходовъ и благозвучія. Впрочемъ, нѣкоторыя Польскія слова, имѣющія двойственную форму, могутъ различать ее на основанія совокупности. Таковы: *panowie* и *pany*, *królowie* и *króle*, *świadkowie* и *świadki*, *bogowie* и *bogi*. Граматики вторую форму называютъ уничижительною, но это-то и показываетъ въ ней не совокупность, а раздѣльность представленія, ибо удареніе, падающее въ такомъ случаѣ на слово, вмособляетъ его изъ цѣлаго, указываетъ на него съ особенной точки зрѣнія и, слѣдовательно, отмѣчаетъ особымъ опредѣленіемъ въ смыслѣ «извѣстные». Все, что можемъ сказать въ пользу собирательнаго значенія окончанія *-owie*, *-owé* въ этихъ двухъ языкахъ, это то, что древнѣйшее его употребленіе въ Ц.-Славянскомъ языкѣ съ этимъ значеніемъ почти исключительно для именъ одушевленныхъ, равно какъ и въ Русскомъ языкѣ, показываетъ, что и въ нихъ оно могло первоначально имѣть это зна-

[1] См. Шафарика, Počátkowé Staročeské mluwnice. Стр. 31. Тамъ же.

ченіе, но потомъ утратило его, сливъ съ общимъ понятіемъ множества. Относительно позднѣйшее возникновеніе собирательнаго значенія и, такъ сказать, побочность его при окончаніи именительнаго п. множ. ч. муж. р. не позволили ему, какъ мы видѣли, укорениться и опредѣлиться ни въ одномъ нарѣчіи. Непостоянство и неточность суть главные недостатки его употребленія. Нѣкоторыя, какъ Д.-Булгарское въ среднюю свою пору и Русское, соединяютъ мѣстами *-ие*, *-ья* съ собирательнымъ значеніемъ, а *-ове*, *-еве*, *-овья*, *-евья*, *-ева* почти всегда употребляютъ въ этомъ значеніи; напротивъ, Польское и Чешское наименѣе допускаютъ его, оставаясь при главномъ основаніи, свойствѣ исходовъ. Средину между тѣми и другими занимаетъ Хорутанскій языкъ. Прочія представляютъ другой рядъ явленій: Хорватскій и Сербскій вовсе не имѣютъ образованія *-ие* или *-е* и не допускаютъ собирательнаго значенія, первый по тому, что вовсе не имѣетъ ни *-ие*, ни *-ове*, второй по тому, что на *-ови*, *-еви* смотритъ лишь съ благозвучной стороны и рядомъ съ нею допускаетъ *-и*. Одушевленныхъ и неодушевленныхъ предметовъ, равно какъ собирательнаго значенія въ образованіи *-ови*, *-еви* Сербскій языкъ не различаетъ. Особнякомъ отъ прочихъ и какъ двѣ крайности стоятъ два Лужицкихъ нарѣчія: одно, В.-Лужицкое, имѣетъ въ изобиліи *-ojo*, *-jo*, *-ó*, *-owe* рядомъ съ *-y*, *-i*, *-e*; другое, Н.-Лужицкое, имѣетъ только *-i* и *-e*. Первое замѣтно допускаетъ собирательное значеніе, второе вовсе его не допускаетъ. Но оба окончаніе *-e* употребляютъ при мягкомъ гласномъ и согласномъ исходѣ. Собственно такъ называемыя неразумныя имена (ирраціональныя) принимаютъ въ В.-Лужицкомъ такія же два окончанія, какъ и въ Н.-Лужицкомъ *-y*, *-i* и *-e*: это суть главныя его окончанія, отвѣчающія *-и*, *-ие* Ц.-Славянскаго. Только, разумѣется, оба языка не равно смотрятъ на твердость и мягкость. В.-Лужицкій мягкому окончанію подчиняетъ шипящій и гласный исходы. Эти окончанія принимаютъ и имена разумныя, когда предметъ, ими означаемый, берется въ отвлеченіи отъ разумности. Но какъ скоро предметъ этотъ принимается, какъ разумное (раціональное) существо, включая сюда и олицетворенія, тогда, какого бы ни былъ онъ исхода, онъ оканчивается на *-ojo* или *-jo*, *-ó* и *-owe*. И такъ В.-Лужицкій, какъ и Польскій, для именъ предметовъ одушевленныхъ принялъ два окончанія *-y*, *-i*, *-e*, или *-ojo*, *-jo*, *-ó*, *-owe*. Нѣтъ сомнѣнія, что *-ojo*, *-owe* было обязано своимъ совмѣстничествомъ съ *-y*, *-i* собирательному значенію, которое для одушевленныхъ предметовъ, преимущественно для человѣка, служило и въ Ц.-Славянскомъ, и Русскомъ, и Польскомъ языкахъ. Но В.-Лужицкій языкъ только разсѣкъ на двое одно и то же окончаніе *-ие*: для неразумныхъ именъ онъ выразилъ его въ видѣ *-e*, а для разумныхъ въ видѣ *-ojo*; но *-ojo*, какъ мы сказали, есть также *-owe* только съ другою благозвучною буквою: и по тому между *-ojo* и *-owe* не можетъ быть никакой разницы. Сдѣсь *-ojo* есть туземная форма, а *-owe* заимствованная у родственнаго языка, ибо В.-Лужичане предпочитаютъ въ словодвиженіи благозвучное *j* таковому же *w*, какъ это видно въ формѣ дательнаго п. ед. ч. *-oj* вм. *-owi*. У Френцеля и въ народныхъ пѣсняхъ *-owe* не принято, но замѣнено чрезъ *-ojo*. Видѣть различіе въ этѣхъ двухъ формахъ нѣтъ никакой нужды: это есть одна и та же собирательная форма, двойственность которой подтверждаетъ только то, что *-ие* и *-ове* одного между собою происхожденія и имѣютъ посредникомъ *-ojo*, образовавшееся какъ и *-ие*, но только съ другимъ пріемомъ, ибо основная конечная полугласная была озвукотворена въ *o*, а *e* передъ гласной перешло въ *e*, по-русски *ё*, по-лужицки *jo*; если *j* разъединительное замѣнимъ чрезъ такое же *w*, то получимъ *-owe* или *owe*. Отъ того *-ojo* распространено и

на твердый исходъ, замѣняя собою вполнѣ *-owe*; оно прилично и мягкому исходу, ибо хотя собственно и замѣняетъ тутъ *-owe*, но у Лужичанъ мягкое *e* чрезъ *ё* переходитъ въ *o* и отъ того не требуетъ перемѣны ни въ той, ни въ другой формѣ: *-ojo*, *-owe* служатъ для всѣхъ исходовъ. И такъ на поверку выходитъ, что употребленіе окончаній такое же, какъ и у Поляковъ: твердый исходъ принимаетъ *-y* или *-i*, Ц.-Слав. *-и*, мягкій *-e*, Ц.-Слав. *-ие*, и сверхъ того имя человѣка принимаетъ *-ojo*, то же, что *-owe*, Поль. *-owie*, Ц.-Слав. *-ове*, Рус. *-овья*. Что касается до собирательнаго значенія, то оно, какъ и въ Польскомъ, Чешскомъ и В.-Лужицкомъ, пропало за *-e*, но слѣды его остались за *-ojo*, *-jo*, *-ó*, *-a* или *-owe*. Таковы собирательныя: *jandželjo*, *pšećeljo*, *pohanjo*, *knęža*, *židža* и пр. Другая ихъ форма на *-y*, *-i*, *-e* оттѣниваетъ при этой собирательное значеніе, но какъ въ Польскомъ *-owie*, такъ и здѣсь *-ojo*, *-jo*, *-o* такъ сроднилось съ своими именами, что стало употребляться съ ними и безъ собирательнаго значенія. Доказательствомъ тому служитъ употребленіе его съ числительными, или даже съ самымъ словомъ *šitcy*. Такимъ образомъ передъ нами открывается весь кругъ употребленія формъ съ собирательнымъ значеніемъ. Одни нарѣчія расширяютъ его болѣе, другія менѣе. Соберемъ же наши замѣчанія во едино и выведемъ общее заключеніе. Общимъ заключеніемъ будетъ то, что окончанія *-и*, *-ие*, *-е*, *-ове*, *-ие* и ихъ перезвуки по нарѣчіямъ возникли независимо отъ какого либо стремленія языка означить ими неопредѣленное, либо собирательное множество, но потребовались языкомъ для образованія падежа на тѣхъ же искони ихъ прадавнихъ и общихъ законахъ, на которыхъ основывается все Индоевропейское словодвиженіе. Но коренное свойство Славянскаго языка, граничащее съ благозвучіемъ, занимающимъ въ строеніи звуковъ каждаго языка одно изъ первыхъ мѣстъ, требовало различія между твердымъ и мягкимъ основнымъ исходомъ и съ этой точки зрѣнія приняло въ служеніе для признаковъ падежа два праязычныхъ образователя: мѣстоименное *-i* и существительное *-as*. Первый обратился по нарѣчіямъ въ *-и*, *-и*, *-ы*, (*-i*, *-y*), другой въ *-ие*, *-ье*, *-е*, (*-je*, *-ie*, *-é*) и *-e* Таковы окончанія именительнаго п. мн. ч. муж. р. Но независимо отъ ихъ происхожденія духъ языка, по своей творческой способности, замѣтивъ сходство между отвлеченнымъ окончаніемъ средняго р. *-ие*, выражавшимъ часто собраніе однородныхъ предметовъ, и окончаніемъ падежа *-ие*, перенесъ и на послѣднее собирательное значеніе, которое первоначально приняли имена съ мягкимъ исходомъ, долженствовавшія по самому свойству своего исхода принимать *-ие*. Потомъ и имена съ твердымъ исходомъ получили собирательное значеніе въ формѣ *-ове*, которая есть не что иное, какъ видоизмѣненіе *-ие*, отличающееся отъ послѣдняго лишь инымъ воспроизведеніемъ основной полугласной, которая, по причинѣ своей твердости, естественно должна была обратиться въ *о*. Подобный же пріемъ для гласнаго и мягкаго исхода произвелъ *-еве*. Но обѣ эти формы относительно позднѣе, чѣмъ *-и* и *-ие*. За то онѣ образовались, по видимому, для того, чтобы собирательное свойство, приданное формѣ *-ие*, перенести и на тѣ исходы, которые по благозвучнымъ причинамъ не могли принять *-ие*, хотя собственно и имъ никакъ нельзя приписывать необходимости собирательнаго значенія, ибо главная причина ихъ происхожденія заключается въ общихъ звуковыхъ соображеніяхъ, по которымъ и дательный п. ед. ч. образовалъ свое *-ови*, *-еви*. Имена одушевленныя оказали большую способность передъ неодушевленными къ принятію собирательнаго значенія. Прочія Славянскія нарѣчія повели далѣе движеніе, возникшее въ Д.-

Булгарскомъ языкѣ. Въ нихъ *-ие*, явившись въ различныхъ перезвукахъ, мало по малу утратило свое собирательное значеніе, оставшись болѣе исполнять служеніе надежнаго образователя для мягкаго основнаго исхода въ противуположность *-i*, *-y*, оставшемуся при твердомъ исходѣ. Только у Хорутанъ еще мѣстами носитъ оно собирательное значеніе въ видѣ *-je*. За то совмѣстникъ его *-ове*, смягчившись нѣсколько въ *-owie*, *-owé*, *-ове* у Поляковъ, Чеховъ и В.-Лужичанъ, гораздо яснѣе, хотя не всегда и не вездѣ, сохранилъ свое собирательное значеніе, служа преимущественно исходомъ для одушевленныхъ предметовъ и тѣмъ намекая на иную, а не на благозвучную причину, дѣйствовавшую къ его сохраненію: и этою причиною, если снесемъ упомянутыя нарѣчія съ Д.-Булгарскимъ и Русскимъ, было собирательное значеніе. У В.-Лужичанъ *-ове* переходитъ въ болѣе народное *-ојо*, *-јо*, *-ó*, и обѣ формы существуютъ рядомъ одна съ другою, хотя народъ и отдаетъ предпочтеніе послѣдней. Другія нарѣчія, какъ Сербское и Хорутанское, это *-ове* обратили въ *-ови*, *-owi*, уничтоживъ въ немъ его отличительное *е* и сдѣлавъ *-ов*, *-ow* какъ бы неподвижною образовательною частицею, къ которой, при твердости *в*, *w*, можно было придать другой признакъ падежа *и*, *i*. Естественно, форма эта забыла у нихъ свое собирательное значеніе и осталась удовлетворять лишь благозвучнымъ требованіямъ языка, которыя впрочемъ были столь тонки, что нѣкоторыя нарѣчія могли вовсе обходиться безъ образованія на *-ов*. Таковы Д.-Булгарское въ первую свою пору, Хорватское, кромѣ двухъ, трехъ словъ, употребленныхъ съ *-owje* въ собирательномъ смыслѣ, Н.-Лужицкое и самое Сербское, которое легко можетъ обходиться и безъ *-ови*, *-еви*, имѣя для тѣхъ же словъ другую обычную форму на *-и*. Весьма важенъ въ этомъ отношеніи Русскій языкъ. Онъ для собирательной формы принялъ окончаніе средняго р. множ. ч. *-а* и *-ья*, показавъ, что не только наружное сходство окончаній, но и внутренняя способность средняго рода выражать въ отвлеченномъ понятіи существующее множество, побудила духъ языка прибѣгнуть къ уподобленію ему окончанія именительнаго п. множ. ч., когда мысль желала выразить существующее неопредѣленное множество въ видѣ единаго, цѣлаго, совокупнаго понятія. Въ послѣдствіи окончанія *-а*, *-ья*, по мѣрѣ усилившагося ихъ служенія и отметанія другихъ, теряли свое собирательное значеніе, но все таки оставались при такихъ именахъ, которыя наиболѣе подчиняются собирательному понятію. Образованіе на *ов*, *ев* осталось при однихъ одушевленныхъ именахъ, или, лучше, человѣкѣ для выраженія различныхъ отношеній, въ которыхъ онъ стоитъ къ подобному себѣ; оно яснѣе сберегло свое собирательное значеніе; но *ов* и *ев* приняты за неподвижную частицу и къ нимъ приданы окончанія *-а* и *-ья*. Въ окончаніи средняго р. множ. ч. Русскому языку вторитъ также и В.-Лужицкій. Такимъ образомъ мы видимъ, что временное движеніе Славянскаго языка выразилось въ усиленіи образованія на *ов*, *ев* на счетъ другихъ падежныхъ окончаній и въ сохраненіи за нимъ въ большей, или меньшей степени признака собирательнаго значенія, которое, вѣроятно, и было главною причиною его возникновенія. Его первообразъ, *-ие* оставалось по прежнему отправлять служеніе при мягкомъ основномъ исходѣ и теряло свое собирательное значеніе, котораго оно первоначально, по происхожденію своему, и не имѣло. Словомъ, будучи побочнымъ и относительно позднѣйшимъ, чѣмъ самыя падежныя окончанія, собирательное значеніе, принаровленное сначала къ *-ие*, потомъ къ его видоизмѣненію *-ове*, *-еве*, не могло удержать исключительно за собою какую либо изъ этихъ

формъ. Свободная дѣятельность языка поминутно отвлекаетъ его отъ этихъ формъ и не даетъ установиться: ясно видно, что служеніемъ формъ руководитъ другое, важнѣйшее и коренное начало, которое вызвало ихъ изъ таинственной мастерской языка на служеніе разсматриваемому нами падежу. Повторяю, относительно позднѣйшая форма на *-ов*, *-ев*, сдѣлавшаяся уже въ послѣдствіи для нѣкоторыхъ нарѣчій необходимою по благозвучнымъ условіямъ и вообще часто удовлетворяющая лишь однимъ этимъ условіямъ, но тѣмъ не менѣе допускающая при себѣ не рѣдко и другую форму, наиболѣе сохраняетъ признаковъ настоящаго, или минувшаго присутствія собирательнаго значенія и тѣмъ подтверждаетъ, что языкъ преимущественно ее имѣлъ въ виду для придачи понятію множества собирательнаго оттѣнка. Сербскій языкъ, какъ могли мы замѣтить, во многомъ отличается отъ Д.-Булгарскаго. Въ немъ нѣтъ уже *-ие* и *-е*; въ немъ одно только *-и*, между которымъ и основою вставляется иногда образовательное *ов*, *ев*, уже утратившее сдѣсь настоящее назначеніе, какъ формы живой, имѣющей свое начало, свой видъ и извѣстную цѣль служенія, и сдѣлавшееся не болѣе, какъ остывшею, неподвижною частицею, удовлетворяющею однимъ благозвучнымъ потребностямъ и по тому легко и произвольно опускаемою. Форма падежа обобщилась, и значеніе собирательное сдѣлалось, при единствѣ формы, невозможнымъ. Посмотримъ теперь, что представитъ намъ Д.-Сербскій книжный языкъ, стоящій въ срединѣ между Ц.-Славянскимъ и народнымъ и вмѣщающій въ себѣ обѣ этѣ стихіи съ ихъ животворнымъ взаимодѣйствіемъ при его переработкѣ и возсозданіи.

Д.-Сербскій именительный п. мн. ч. муж. р. въ образованіи своемъ представляетъ полное сходство съ Ц.-Славянскимъ и далеко отступаетъ отъ нынѣшняго. Богатство формъ этого падежа, въ которомъ Д.-Булгарское нарѣчіе не уступитъ никакому другому, должно было сильно дѣйствовать на письменность, находившую въ народномъ языкѣ не столь опредѣленныя, или менѣе различныя формы. Окончанія *-е* и *-ие* поддержаны сдѣсь Ц.-Славянскимъ языкомъ; ихъ нѣтъ теперь въ народѣ. Мы постараемся представить въ повременномъ порядкѣ всѣ видоизмѣненія падежныхъ окончаній и оправдать, по возможности, предыдущія слова, сколько позволитъ языкъ, имѣющій собственное воззрѣніе на твердость и мягкость и налагающій на формы печать своего движенія. Имена, исходящія на твердую согласную, имѣютъ почти всегда -и, при чемъ гортанныя измѣняются въ соотвѣтствующія свистящія; на пр.: власи (Ш. № VII; С. NN№ 5, 41, 176; А. № 6), посли (С. NN№ 3, 86, 100), крьвници (С. NN№ 8, 16), кмети (С. № 14), изкрници, искрници и т. д. (С. NN№ 16, 96, 98, 104, 107, 114, 127), трьжници (С. № 21), винограды (С. № 26; А. № 4), крти (А. NN№ 3, 4), доли, отроци (А. № 6), раби, рабы (Мк.; С. № 175), врачи, ѿници, конюси, сокалници, мрписи (С. № 176), соунъринци (А. № 11), дары, скѵфтрѵ, ѧноци (А. № 10), прѣдѣди и пр. (Г. А), айли (В. № 2), милостиници, мытници и т. д. (С. NN№ 73, 91, 111, 137, 138), угри, тврци (С. № 76), доуховници, єпискоци, игоумени, клирници, ѥѯарси, пиронса, доушвници, челници и пр. (З.), хрисоковли (З.; Г. Б), свѣдоци, -I, свидоци (З.; С. NN№ 82, 83, 103, 116, 117, 118, 127, 136, 139, 140, 150, 163, 165, 179; З. А.), рьтьници (С. № 179), метоси (Ю.), юнци (А. № 18), старѣйшини (А. № 19), ѿ-ѿладници (С. NN№ 96, 98, 104), кнѣници (С. № 104), дукати (С. № 106), сини (С. № 107), ѿлаци (А. № 16), наслѣдници (С.-Д. М. 1844; С. № 103), ѿсокорьници (С. № 118), стежници (С. № 127), попси (С. № 130), сипетри (З. А.), ротьници, ратници (С. NN№ 136, 150), стройници (С. № 145), динари (С. № 154), айли, калоугери, ѧѱци и пр. (Г. Б), виногради (Мл.), првнищи

(С. № 178), аггли, праотомъ (А. № 20), калуѣри (С. № 173) и пр. Въ нѣкоторыхъ грамотахъ, гдѣ ъ замѣняетъ и, находимъ эту замѣну, на пр., игѳтръ, синиетръ (С. №№ 81, 89), или колеблющаяся форма ꙋмоти (С. № 83). Мы еще не разъ встрѣтимъ ее, также какъ и замѣну б-ы е или е чрезъ ѣ. Имена съ твердымъ исходомъ принимаютъ иногда окончаніе -ове, -овѣ, -ове; но это случается не часто, по крайней мѣрѣ не чаще, чѣмъ въ Ц.-Славянскомъ языкѣ, но за то это окончаніе равно принимаютъ какъ одушевленныя, такъ и неодушевленныя имена, больше односложныя, какъ и въ нынѣшнемъ Сербскомъ. Такъ на пр.: врагове (С. № 16), попове (С. № 176), синове, -е, сінове, сінов (С. №№ 76, 128, 137, 141, 144, 145, 156, 157, 163, 176), трьгове (С. №№ 73, 91, 111), соудове, трьгове, градове (З.), сждове и сжди (С. № 115), стоупове (Мл.). Число примѣровъ показываетъ, что это окончаніе не было въ ходу. Но, вопреки нынѣшнимъ, нѣкоторыя изъ этѣхъ формъ сохранили собирательное значеніе, на пр., въ гр-хъ С. №№ 16, 176, гдѣ вообще говорится о всѣхъ врагахъ, о всемъ сословіи поповъ и пр.; въ гр-ѣ Мл. стоупове не имѣетъ уже этого значенія, также какъ сынове и н. др.: это показываетъ, что форма -ове хотя имѣла мѣстами собирательное значеніе, однако Сербы смотрѣли на нее не съ этой одной точки, а болѣе подъ условіемъ благозвучія, приближаясь къ нынѣшнему ея употребленію. Дѣйствительно, какъ сказали мы, необходимости собирательнаго значенія для -ове не можетъ быть, какъ это доказываютъ Сербскій и Чешскій языки, распространившіе это образованіе и на имена неодушевленныхъ предметовъ въ видахъ удобнѣйшаго изведенія окончанія. Исходъ -и перенесенъ былъ и сюда, какъ въ нынѣшнемъ Сербскомъ и Хорутанскомъ языкахъ, и по тому находимъ поповы (А. № 5) и поутови (А. № 8) — слово, которое въ Д.-Сербской письменности получало иногда народное произношеніе съ твердою полугласною. Мы должны всегда имѣть въ виду это различіе въ произношеніи и имъ объяснять нѣкоторыя двойныя формы. Нынѣшнее и имѣетъ у Сербовъ и твердый и мягкій звукъ; въ первомъ случаѣ его пишутъ иногда чрезъ ы, а мы знаемъ, что нѣкоторыя слова, исходящія на плавныя, нынѣ звучатъ у Сербовъ твердо, тогда какъ въ Д.-Булгарскомъ языкѣ они звучали мягко: по этому невозможно въ Д.-Сербской письменности, гдѣ было смѣшеніе обѣихъ стихій, рѣшить положительно, какой звукъ принимали они въ именительномъ п. мн. ч. муж. р., народный ли, или Ц.-Славянскій, когда въ обоихъ языкахъ онъ изображался чрезъ и? Но если при вышеозначенныхъ согласныхъ встрѣчается, кромѣ -и, еще форма на -ии, -ьи, или -и, -ѣ, то мы можемъ быть увѣрены, что тутъ согласныя этѣ звучали мягко. Примѣры свидѣтельствуютъ, что мягкій исходъ, приближавшійся всего болѣе къ прадавней основноисходной гласной i, допускался и Сербскимъ ухомъ, положимъ, хоть подъ вліяніемъ Д.-Булгарскаго произношенія, въ видѣ -ии или -ие; первое стягивалось въ -ьи, а второе всегда звучало мягко, хотя часто изображалось чрезъ твердый знакъ -ѣ. Весьма замѣчательно то, что имена, исходящія преимущественно на плавныя и имѣющія въ падежахъ единственнаго ч., какъ мы видѣли въ ученіи о звукахъ, двойное окончаніе, твердое и мягкое, здѣсь, въ именительномъ п. мн. ч., предпочитаютъ мягкій исходъ, который доказывается вышеупомянутыми окончаніями; а если вспомнимъ, что большая часть этихъ словъ нынѣ опять возвратилась къ своему мягкому исходу, то увидимъ, что въ разсматриваемомъ нами падежѣ Сербскій и Д.-Булгарскій языки тѣснѣе сходились между собою, чѣмъ въ единственномъ числѣ, чему, конечно, не мало содѣйствовалъ праязычный способъ образованія этого падежа.

На ряду съ формами на **-и** встрѣчаемъ и формы на **-ие**, **-ьи**, **-ю**, **-е**: **намастири**, **монастири** (Ш. № VII; Г. Б), **кралие**, **краи** (Ш. VII; А. № 9), **святителие**, **-ю**, **стлие** (Ш. № VII; Є. № 176; З.) и **стли** (А. №№ 3, 4), **прѣятели**, **приятели**, **приятели** (С. №№ 3, 62, 159), **прѣятелие**, **приятелье** **прѣятелие**, **приятелье**, **-телье**, **-ю**, **-іе**, **-ие**, **пріятеліе**; **пріятеліе** (С. №№ 3, 60, 89, 104, 111, 114, 132, 135, 137, 138, 147, 166) и **приятелe** (С. № 16), **властеле**, **-е**, **-ие**, **-ѣ**, **-теле**, **-е**, **властеле**, **властеле**, **власеле** (С. №№ 17, 20, 26, 39, 43, 47, 48, 50, 53—55, 57, 62, 64, 66, 72, 76—78, 81—83, 85—92, 95—99, 103, 104, 106—109, 111—117, 119, 120, 122—127, 129, 130, 132, 133, 136—138, 140—142, 144—146, 150, 154, 157, 159, 161, 162, 164—167, 172, 179; Мк.; З.; З. А.), **властели** (С. №№ 19, 40, 61) и **властелие** (С. № 77), **кони** (С. № 22; А. № 6; З.), **хлапріе** (А. № 6), **пра- пр- родителие**, **родителие**, **-е**, **-ие**, **-ье**, **-теле**, **-іе**, **-іе**, **-ие**, **-ье**, **-ье** (А. №№ 8, 9; С. №№ 66, 84, 89, 97, 132, 146, 147, 176; Мл.), **родителе** (С. № 146) и **родители** (Г. Б), **црие**, **-ѣ**, **прие**, **-іе**, **царие**, **-е**, **црьеи** (А. №№ 8, 9, 10; С. №№ 37, 103, 136, 176; В. № 1; С.-Д. М. 1844), **седларие**, **златарие** (С. № 176), **маисторие**, **-ѣ** (С. № 176; А. № 12), **и- пoклисарие**, **-е**, **-е**, **-рие**, **-е**, **-рье**, **поклисарие**, **поклисарье** (С. №№ 40, 49, 50, 56, 71, 81, 83—85, 89, 95, 97, 103, 104, 117, 120, 123, 126, 127, 136, 144, 145, 150, 154), **поклисаръ** (С. № 164) и **поклисари** (С. №№ 55, 65, 120, 144, 164), **хтиторие**, **-іе**, **-ьіе**, **хтиторіе**, **хтиторие** (А. №№ 10, 17; Г. V; С. № 178), **строителіе**, **господаріе** (З.) и **гсподари** (С. № 145), **прѣминкіріе**, **приминкюрие** (З.; А. № 14), **решителие** (А. № 19), **дѣлателие** (А. № 17), **мучителие**, **-ье**, **-телие** (С. №№ 37, 103, 136), **спасителие**, **свѣдѣтелие** (А. № 16), **пpстени** (С. № 130). Форма **прродителии** (С. № 66) едва ли можетъ существовать, и не есть ли здѣсь второе **и** перезвукъ изъ **е**, ибо тутъ же находимъ и **прродителие**. Изъ сравненія количества примѣровъ видно, что дѣйствительно мягкая основа и окончанія **-ие**, **-е** предпочитаются, но, какъ и въ Ц.-Славянскомъ, происходитъ колебаніе по неопредѣленному свойству самихъ плавныхъ. Для этого исхода только однажды встрѣчается форма на **-ове**: **сужнове** (С. № 55). Но положительно сказать, какъ произносились слова съ этимъ исходомъ, нельзя. Въ звукоученіи мы уже видѣли, что они произносились и твердо и мягко: по этому если **намастирь**, **поклисарь**, **господарь** и т. п. исходили на твердое **р**, т. е., **-ръ**, то очень естественно было принять имъ окончаніе **-и**; въ мягкомъ же видѣ принимали они **-ие**. Мягкій исходъ **-ль** предпочитаетъ, какъ и въ Ц.-Славянскомъ языкѣ, **-е**, **-е**, стоящее на одной линіи съ **-ие** и очень удобное въ благозвучномъ отношеніи для этого исхода. Слова, оканчивающіяся на **-ць**, которое нынѣ часто имѣетъ твердый исходъ, на пр., *отац*, *трговац*, принимаютъ б-у и всѣ безъ исключенія; для нихъ нѣтъ ни **-ове**, ни **-ие**, ни **-е**: **трьговци**, **тръговци** (С. №№ 22, 36, 43, 50, 54, 55, 67, 70, 71, 82, 113, 129, 144, 145, 150, 154, 168). Только однажды **привиновце** и тутъ же н. р. **-ци** (З. А.). Слова, исходящія на прочія претворенныя гортанныя и на мягкія зубныя **д**, **т** и **ѣ**, или замѣняющія **г** и **к**, принимаютъ тѣ же окончанія, какія и предыдущія, т. е., **-и** (Ц.-Слав. **-и**), **-ие**, **-ье**, **-е**, которое при соединеніи съ согласною обыкновенно переходитъ въ **-е**, на пр.: **рибичи**, **требовитины** (Ш. № VII), **могориши** (С. № 2), **конюшие** (А. № 7), **любоглиши**, **ковачие** (С. № 176), **косорицие** (А. № 10), **таті** (З.), **мужие**, **-е**, **-ье**, **мoужіе** (С. №№ 81, 84, 85, 95, 116, 120, 136, 150, 154, 178), **гостие**, **-іе**, **-іе** (С. №№ 91, 111, 137) и **готи** (С. № 163), **тепьчиќи** (С. № 92), **господичиќи** (С. № 126), **рибиќе**, **синичиќи**, **лазариќе**, **гимќи** (З. А.), **михоевиќи** (С.

№ 156), **жестойки** (Мл.), **хрьмиоскнаки** (С. № 60). И такъ хотя мягкій исходъ равно допускаетъ -и, -ии, -ьи, -ю, -е, однако послѣднія преобладаютъ. Предпочтительное употребленіе -и послѣ ѵ, и, ћ очень понятно: надо замѣтить, что здѣсь всѣ три буквы служатъ къ замѣнѣ первоначальнаго и; но и обыкновенно принимаетъ -и и съ нимъ переходитъ въ -ци: и здѣсь происходитъ такое же явленіе, но только съ гортанною, претворенною въ другомъ смыслѣ, именно, въ видѣ ѵ, шт, ћ (ть). Отъ того, за этими исходами и усвоено окончаніе -и. Нельзя также упускать изъ виду образованія **кокатии, моржии**, которое уже болѣе сходствуетъ съ образованіемъ другихъ Славянскихъ нарѣчій, тогда какъ Ц.-Славянскій употребляетъ въ этомъ случаѣ болѣе -и, -ие. **гостии**, преобладающее надъ **гости**, согласуется съ Ц.-Славянскимъ и другими нарѣчіями. Не мѣшаетъ припомнить и то, что и здѣсь могло происходить смѣшеніе народнаго произношенія съ Д.-Булгарскимъ, ибо нынѣ, на пр., **гость** звучитъ уже какъ *юст*, *-а;* однако примѣры показываютъ, что произношеніе оставалось большею частію Д.-Булгарское. Только слово **кнезь**, которое и въ другихъ падежахъ предпочитало уже народный выговоръ, и здѣсь сохранило **кнезове** (З.). Слова, исходящія на -и послѣ гласной, какъ -ии, -аи и т. д., имѣютъ -и, при чемъ преднослѣднее и сокращается иногда въ ь: **письари** (С. № 16), **ходатаи** (С.-Д. М. 1844). Теперь докончимъ о твердомъ исходѣ. Слова, оканчивающіяся на твердую согласную, или полугласную, почти исключительно принимаютъ -и: это мы уже замѣтили выше. Только немногія изъ нихъ допускаютъ -ии и -е, каковы: **архиепископии, епископии, игоумении** (Ш. № VII), **довитие** (С. № 16), **винограде** (С. № 21), **стрьгоуниї** (С. № 176), **ѕакони** (С. № 77), **митрополитіе, калогеріе, хоусаріе** (З.), **плиене** (С. № 144), **кметіе** (Мл.). Если нужно окончаніе -ии образовать на -ии, то и переходитъ въ ѵ: **пра- внвтие**, -е, -ьи, -ье, -ье, -ьи (С. №№ 14, 84, 96—99, 107). И такъ сравнительно взятое количество примѣровъ показываетъ, что́ должно принять за правило и что́ за исключеніе. Твердый исходъ предпочтительно образуется на -и, мягкій, плавный и зубной, на -ии, -ьи, гортанно-претворенный, включая сюда и замѣнительныя и, ћ, на -и, -и, -е. Окончанія -ове и -еве рѣдко допускаются. Собирательное значеніе мѣстами выдерживается мѣстами не выдерживается. Противъ него говорятъ всѣ тѣ случаи, когда къ имени, употребленному въ такъ называемой собирательной формѣ, придается дальнѣйшее единичное представленіе, отнимающее у него общность понятія и дѣлающее его только частію цѣлаго; таково, на пр., употребленіе слова **поклисарие**, къ которому почти всюду приданы имена собственныя, такъ что здѣсь оно никакъ уже не можетъ означать всѣхъ пословъ вообще, а тѣмъ менѣе сословіе посольское, но именно извѣстныхъ, поименованныхъ пословъ, по чему непремѣнно должно бы было стоять въ формѣ **поклисари** или -е. Много и другихъ словъ употреблено точно такъ же. Но много и такихъ, особенно одушевленныхъ, означающихъ, на пр., сословіе, какъ-то, **кокатии, мaисторие, кметіе, стрьгоуние**, или всѣ вообще лица, стоящія въ одномъ отношеніи, на пр., **родителие, хтиторие, црие** и т. п., которыя очевидно имѣютъ собирательное значеніе. Но вообще въ этомъ отношеніи замѣтно большое колебаніе, хотя явно, что Д.-Сербскій языкъ еще не дошелъ до полнаго отрицанія собирательнаго значенія, какъ нынѣшній. Окончаніе -и, -е, какъ мы выше сказали, должно было образоваться независимо отъ -ии и есть видоизмѣненіе первоначальнаго *-as*; ибо употребленіе его при плавныхъ, на пр., въ формѣ **ѕакони**, **плиене** и особенно при прочихъ мягкихъ согласныхъ показываетъ, что оно существовало совершенно отдѣльно отъ -ии и не могло быть стяженіемъ его чрезъ -ьи.

Напротивъ, какъ видно, языкъ любилъ прибѣгать къ нему тамъ, гдѣ **-ни** или **-ьи** считалъ нѣсколько неловкимъ. Подтвержденіе мы видимъ въ образованіи множественнаго ч. отъ формы **-инъ**, которая иначе и не образуется, какъ въ **-и** и **-е**, **-и**. Это замѣчательное образованіе показываетъ, что понятіе множества никакъ не согласовалось съ формою **-инъ**, и по тому языкъ прибѣгалъ въ другой формѣ единственнаго ч., составленной прямо изъ основы съ наконечною полугласною. Выше мы представили признаки существованія этой послѣдней въ единственномъ ч. При этомъ надобно замѣтить, что у Славянъ изъ именъ собственныхъ или выражающихъ человѣческія отношенія одни ходятъ въ своемъ простомъ видѣ, другія принимаютъ *-анъ*, праязычное *-ana*, съ указательнымъ значеніемъ, третьи *-инъ*, тоже по происхожденію относящееся къ *-ana*, но уже долѣе прожившее и получившее два значенія: «другой», Санскр. *anja*, и «одинъ» (ср. **инорогъ**, **инокъ**). Сдѣсь оно употребляется въ послѣднемъ значеніи и занимаетъ мѣсто члена; ср. *господь* и *господинъ*, *нѣмецъ* и *нѣмчинъ*. Четвертыя же присоединяютъ оба окончанія вмѣстѣ *-анинъ*. Окончаніе *-анъ* въ единственномъ ч. рѣдко въ Ц.-Славянскомъ языкѣ, ср. **крьстиянъ**, и относится къ древнѣйшей порѣ; тѣмъ не менѣе нѣкоторыя Славянскія нарѣчія, какъ Чешское и Лужицкое, употребляютъ его такъ же свободно, какъ другія *-анинъ*. Впрочемъ, сдѣсь дѣло одного лишь обычая Славянскихъ нарѣчій: въ нѣкоторыхъ именахъ они упорно держатся окончанія *-инъ*, такъ что сокращенная форма единственнаго ч. того же имени кажется уже рѣдкостію, между тѣмъ, какъ другія подобныя имена, нисколько не бросаясь въ глаза, ходятъ въ языкѣ то въ обыкновенномъ простомъ видѣ, то въ двухъ видахъ, простомъ и удлиненномъ. Но ни одинъ Славянскій языкъ не удержалъ окончанія *-инъ* во множественномъ ч., считая его признакомъ единственнаго. Ц.-Славянскій для **-инъ** имѣетъ **-е**, но для **-анъ** **-и**, Польскій *-ie*, Русскій *-е*, но Чешскій *-e* и *-y*, Лужицкій *-jo*. Слѣдовательно, тѣ, которые допускаютъ *-анъ*, *-an*, допускаютъ при немъ въ именительномъ п. мн. ч. и признакъ твердаго исхода **-и**, *-y*, *-jo* (*owe*), а имѣющіе *-анинъ*, *-anin*, допускаютъ *-е*, которое составляетъ мягкій перезвукъ *-as* и возникаетъ сдѣсь, вѣроятно, подъ впечатлѣніемъ мягкости, производимымъ 6-ю *и* въ окончаніи *-инъ*, *-in*, хотя и пропадающемъ во множественномъ ч. Обыкновенно въ Д.-Сербской письменности имена, исходящія на **-инъ**, принимаютъ **-е**: **дубровьчане**, **-чане**, **дюбровкане**, **доубровчане** (А. И.; С. №№ 15, 16, 20, 43, 55, 68, 73, 78, 91, 111, 137; Г. А. Б), **трьстеничане** (С. № 11), **хлъмлане** (С. № 15), **коупаране**, **ѕаплъжане** (А. № 6), **добродолане** (А. № 8) и **долани** (А. № 12), **соушичане**, **кардиране** и пр. и **папракиани** (С. № 176), **полешане** (А. № 12), **подляшане**, **ѕлокучане** (А. № 14), **виталничане**, **конавлане** (С. № 78), **вело- вельможане** (С. №№ 92, 103), **ѕагоричани** (А. № 17), **вошиане** (С. №№ 95, 103), **пантиане**, но **билани**, **ѕагълани**, **хрьвоуани** (З. А.), **крѣлане**, **оугриане** (Мл.); **сасинъ** (С. №№ 25, 73, 91, 111, 137) имѣетъ **саси** (С. №№ 22, 73, 91, 111, 137); подобно ему образуется **арбанасы** (А. № 12); **сербинъ**, **срьблинъ**, **срьбинъ**, **срьбинъ**, **срьбй**, **срблинъ** (С. №№ 14, 25, 43, 73, 91, 94, 111, 137) имѣетъ **срьблє**, **-ие** (С. №№ 73, 91, 111) и **срьбли** (С. № 137). Нѣкоторыя изъ этихъ именъ собственныхъ забыли или, можетъ быть, никогда не имѣли единственнаго ч., какъ это видимъ у всякого Славянскаго народа, и по тому строго разсматривать подобныя имена нельзя. Если они получили **-и** вм. **-е**, то легко могло статься, что народъ воображалъ ихъ себѣ въ единственномъ ч. исходящими на **-инъ** (**ъ**) съ твер-

дою согласною, какъ это доказываетъ найденная нами форма хвищанѧ. Но саси, арбанасы, срьбли явно указываютъ на форму сась(ъ), арбанясь(ъ), срьбаль или срьбь, безъ благозвучнаго л, какъ нынѣ *Срб*, *Србаљ* и *Србин*, *Серблин*, которыхъ, впрочемъ, не находимъ въ нашихъ памятникахъ. Нынѣшніе Сербы, не имѣя *-ие*, *-є*, всѣ имена на *-ин* оканчиваютъ на *-ц*. Вообще время вліянія Ц.-Славянской стихіи опредѣляется развитіемъ въ ея формахъ собирательнаго значенія и только что зачинавшагося образованія ов, ев. Помимо угловци, находимъ чаще людие, -ие, -є, -ьие, -ье, л҃ье, людние, -ие, -иѥ, -іе, -ье, людіе, людие, люие, люй, люіе, людье, -є (С. №№ 9, 14, 16, 18, 19, 20, 28, 43, 71, 77, 79, 93, 103, 118, 142, 145, 163; А. №№ 5, 9, 19) и люди, -ы, люди (С. №№ 19, 20, 35). Въ Законникѣ находимъ даже три формы: людіе, люди и люде, какъ и въ С. № 144 люде, изъ коихъ послѣдняя есть стяженіе первой. Въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ это слово имѣетъ слѣдующія формы. Ц.-Слав. людие, Рус. *люди*, Серб. *люди*, Хорв. *ljudi*, Хорут. *ljudjé* и *ljúdi*, Пол. *ludzie*, Чеш. *lidé*, Луж. *ludźo*, Н.-Луж. *lúźe*. дьнь имѣетъ дни (С. № 20), камень—камении (С. № 121).

Въ среднемъ р. падежъ этотъ образуется весьма просто, какъ и въ другихъ Индоевропейскихъ языкахъ и Славянскихъ нарѣчіяхъ, на -а или -ѧ. Санскритъ имѣетъ, правда, и *-ani*, но въ Вѣдахъ еще *-â*. Примѣры изъ памятниковъ были бы лишни; приведу только слово говеда (А. № 4), какъ и нынѣ, и Ц.-Славянскую форму словеса (А. № 7; 3.). Переходъ ѧ въ є видимо прибавляетъ новый исходъ для этого падежа.

Именительный п. мн. ч. для женскаго р. на -а представляетъ въ Ц.-Славянскомъ и Сербскомъ языкахъ совершенное сходство съ родительнымъ п. ед. ч. Отъ того и въ Д.-Сербскомъ находимъ то же сходство. Тѣ же звуки -ы и -ѧ, -ѩ Сербскій языкъ замѣняетъ тѣми же -є, -ѥ, съ тою только разницею, что сдѣсь исключеній въ пользу Ц.-Славянской формы еще менѣе, чѣмъ въ родительномъ п. ед. ч., и тѣ, которыя допущены, всѣ находятся въ грамотахъ Восточныхъ. Ихъ немного: иконы (А. № 3), похвалы (А. № 35), нивы (А № 14), ѧѵрѧ, асиры (С. №№ 146, 147), силы (А. № 20). Всѣ прочіе случаи имѣютъ -є, или -ѥ. Если же находимъ форму клетки, клетки (С. №№ 76, 81, 85, 89, 96, 98, 101, 102, 104, 132), то она указываетъ на именительный клетька, а клетка имѣетъ клетке или, вѣрнѣе, клетке, клетке (С. №№ 97, 100). Въ образованіи этого падежа видна та же особенность, которая обнаружилась и въ родительномъ п. ед. ч. Конечно, сдѣсь нѣтъ заимствованія; но если уже допущенъ языкомъ тотъ же пріемъ, то и слѣдствіе должно вытти то же. Но имена съ согласнымъ исходомъ принимаютъ тотъ же признакъ, какой и имена мужескаго р.,—и. Ц.-Славянскій, Сербскій и Д.-Сербскій не представляютъ никакого различія, и по тому другихъ формъ, кромѣ исходящихъ на -и, нѣтъ.

Звательный п. мн. ч. имѣетъ для всѣхъ родовъ форму одинаковую съ именительнымъ. Мы находимъ его въ нѣсколькихъ памятникахъ въ тѣхъ же самыхъ видахъ, какіе изслѣдовали въ предыдущемъ падежѣ; они послужатъ дополненіемъ послѣднему. Такъ: властеле (С. №№ 10, 18, 75, 166, 167, 173), оци (А. № 7), приятелье (С. № 135). Замѣчательнѣе другихъ слово господие (А. № 5), указывающее на единственное господь. Нынѣ въ единственномъ ч. употребляютъ *господин*, а для множественнаго *господа*; слово же *господ* осталось при одномъ только вѣроисповѣдномъ значеніи. Въ среднемъ р. находимъ форму родительнаго п.: ѡ, ѡ неисповѣдимыхъ, -ыихъ чюдесь (Г. А, Б).

Винительный п. множ. ч. замѣчателенъ своимъ уклоненіемъ къ народности и вмѣстѣ болѣе яснымъ воспроизведеніемъ древнѣйшаго образовательнаго признака. Въ праязыкѣ Индоевропейской семьи общимъ признакомъ для всѣхъ окончаній этого падежа былъ, безъ сомнѣнія, носовой отзвукъ съ накопечнымъ *с* при основной гласной, какъ это видно изъ Готской формы *-ans*, *-ins*. Но уже въ Санскритѣ, рядомъ съ формою *-ân* (*-ans*), сталъ пропадать носовой отзвукъ въ долгой гласной *-âs*, *-îs*; въ Литовскомъ, Греческомъ и Латинскомъ его уже нѣтъ; но въ Славянскомъ языкѣ онъ сохранился въ извѣстныхъ перезвукахъ; за то сдѣсь нѣтъ наконечнаго *с*, которое удержалось въ предыдущихъ языкахъ. Мы не говоримъ сдѣсь о среднемъ родѣ. Въ Д.-Булгарскомъ нарѣчіи носовой отзвукъ остался при гласномъ и при мягкомъ исходахъ, кромѣ ѣ послѣ губныхъ, зубныхъ, свистящаго с и отчасти плавныхъ, которое переходитъ въ -и. Твердые исходы -ъ и -а принимаютъ -ы. Но сдѣсь какъ -и, такъ и -ы суть долгія гласныя, поглотившія въ себя носовой отзвукъ, быть можетъ, въ слѣдствіе благозвучныхъ условій языка. Русскій и Н.-Булгарскій приравняли этотъ падежъ именительному того же числа; Польскій и Лужицкій тоже; но Чешскій, въ особенности Д.-Чешскій, Хорутанскій, Хорватскій и Сербскій не забыли древняго носоваго звука и обратили его въ *-е*. Чешскій, какъ и Д.-Булгарскій, имѣетъ *-у* на мѣстѣ -ы, *-е* на мѣстѣ -ѧ и -ѩ, *-і* на мѣстѣ -и; Хорутанскій не соблюдаетъ различія между твердостію и мягкостію и одни слова оканчиваетъ на *-е*, другія на *-i*; но за то и окончанію *-ovi*, *-evi*, заимствованному у именительнаго п., придаетъ *е*: *-ove*, *-eve*. Хорватскій и Сербскій ставятъ всюду безъ различія *-е*; даже послѣдній, какъ и Хорутанскій, обращаетъ *-ови*, *-еви* въ *-ове*, *-еве*. Такимъ образомъ оба послѣдніе языка неуклонно до сихъ поръ держатся первоначальнаго падежнаго образованія, только съ извѣстнымъ перезвукомъ. Хотя въ Сербскомъ и происходитъ иногда смѣшеніе винительнаго п. съ именительнымъ въ образованіи на *-ов*, *-ев*, однако это окончаніе именительнаго онъ подчиняетъ признаку винительнаго.

Въ Д.-Сербской письменности, не смотря на то, что первоначально рѣчь ея выкраивалась вся по образцу Ц.-Славянской, уже въ древнѣйшихъ памятникахъ ея мы находимъ -є тамъ, гдѣ Д.-Булгарскій поставилъ бы -ы. Винительный п. множ. ч. принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ поприщъ, на которыхъ народность выступала весьма рано съ своими признаками и съ рѣшительнымъ перевѣсомъ надъ Ц.-Славянскою стихіею. Сначала о мужескомъ родѣ. Въ XII-мъ в., въ гр-ѣ Немани, на ряду съ **улкы**, **царє**, **кнеѕє**, **правы**, **оуставы** читаемъ: **грькє**, **оугрє**, **пѧрикє**, **оулишникє** (А. № 1). Положимъ, что **царє** очень легко составилось изъ **царѧ**, но **грькє** изъ **грькы** не могло образоваться прямо съ помощію одного перезвука, ибо примѣровъ подобнаго перезвука не находимъ ни одного. Сдѣсь обѣ формѣ произошли изстари въ то время, когда оба языка, каждый по своему, воспроизводили у себя первоначальный носовой отзвукъ *an*. И по тому появленіе въ подобныхъ формахъ б-ы є обличаетъ самостоятельное исконное дѣйствіе народности. Въ XIII-мъ в. во всѣхъ семьяхъ почти всюду -є, -и. Исключеній очень немного. Такъ: **болѣри** (С. № 3), **болѣры** и тутъ же **болѣрє** (С. № 9), **властели** (С. № 19), **дубровьчани** (С. № 20), **поуньци** (Ш. № XVIII, но въ С. № 20 — **кунцє**). Дубровничане, въ договорѣ съ Булгаріею, употребили вмѣстѣ съ -є и формы именительнаго п.: **пѣнкиньє**, **попови** (С. № 16). Еще сбивало писцовъ освященное употребленіемъ Ц.-Славянское выраженіе **в вѣки**, **в вєки** (С. NN№ 4, 14, 15, 16), такъ что другой формы мы и не находимъ. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ и твердыя,

и мягкія окончанія принимаютъ **-е**. Въ XIV-мъ в. въ церковно-дарственныхъ грамотахъ есть еще мѣстами Ц.-Славянскія формы: **разоумы, дворы**, но **игоумени**, (А. № 4), **гл҃ы**, но **хрисовоуле, влахе, винограде** (А. № 6), **ч҃лкы, дворы, пл҃ткы, моужи, кн҃зы, игоумени, кр҃ты, съсоуди, свѣщникы, соупротивникы, дѣи** (дыханія)—въ началѣ и концѣ, а въ срединѣ: **ѡрахе, кр҃те, сѣнокосе, строуге, мрѣже, сокальнике** (С. № 176), **ждрѣбы, домови, оугодникы, храмы, мольбникы, рогови**, но тутъ же **хрисовоуле, прѣделе, синоре** (А. № 11), **оученици, ан҃ли, дари** и тутъ же **бугаре, хрисовуле** (А. № 13), **дари** и **дарове, враги** и **сѫпостате, винограде** (А. № 14). Гр-ы же А. №№ 3, 7, 12, 18; С. №№ 35, 51 имѣютъ одно **-и, -ы**. Но если, на оборотъ, въ прочихъ однородныхъ съ этѣми грамотахъ вовсе не находимъ Ц.-Славянской формы, и если даже этѣ самыя грамоты, на ряду съ Ц.-Славянскою, имѣютъ, какъ мы сейчасъ видѣли, большею частію, и народную, то о прочихъ можно смѣлѣе заключать въ пользу послѣдней. Дѣйствительно, уже рѣдко въ собственно-Сербскихъ проглядываетъ Ц.-Славянская форма: **ч҃лвѣки, ѡбѣти** (С. № 39), **ан҃гли, дари** (С. № 50), **оученици, ан҃ли, законы, синфтри** (С. № 62). Даже въ Законникѣ отношеніе явно склоняется на сторону народности: **христіаны, тати**, а рядомъ съ ними: **доуховнике, влахе, свѣдоке, хоусаре, динаре**. Еще рѣже въ Западныхъ: **неприятели** (С. № 78), **прѣтели** (С. № 84), **приятели, властели** (С. № 86) — и только, тогда какъ форма на **-е** изобилуетъ. Только опять **до, въ, в вѣки** (№ 55, 69, 84, 85, 86, 176) еще торжествуетъ надъ **в, въ вѣке** (С. №№ 57, 86). Тѣмъ болѣе отъ XV-го в. должны мы ожидать движенія впередъ, когда онъ наполненъ грамотами Западной семьи. Но и Восточныя уже не отстаютъ въ немъ отъ общаго стремленія, предлагая не болѣе, какъ только слѣдующія исключенія: **дары** (Г. Б), **ѡбѣти, помѣсты, кмети, вѣки** (Мл.) и рядомъ съ ними многія формы на **-е**. Изъ Западныхъ только Турецкій списокъ съ грамоты Дечанскаго удержалъ нѣсколько формъ Ц.-Славянскихъ: **сини, кнези, дари** (С. № 37). Другія же грамоты этой семьи только въ слѣдующихъ немногихъ случаяхъ обнаруживаютъ память о Ц.-Славянскомъ падежѣ: **прѣтели** (С. № 89), **в, ва, въ вики, вѣеки, вѣки** (С. №№ 89, 95 — 104, 107, 114, 127, 133, 136, 145), **еваньелисти** (С. № 92), **евангелисти, еванѣелисти** (С. №№ 101, 102), **дари** (С. №№ 103, 120, 133, 136, 145), **трьговци, еванѣелисти** (С. № 104), **записи, листови, ѡбиети** (С. № 105), **дукати** и **дукате, -е** (С. №№ 106, 107), **властели, -тели** (С. №№ 114, 117, 127, 128, 143, 145), **захоѣани** (С. № 118), **сини** (С. № 136), **гости** (С. № 139), **еваньѣелисти** (С. № 141). Замѣтимъ, что бóльшая часть ихъ относится къ богословію, или къ заключенію, либо условлена обычнымъ употребленіемъ. Но, сверхъ того, на всякую, часто повторяющуюся, форму можно привести столько же, или еще болѣе, случаевъ противуположнаго образованія; такъ: **в вике, виеке, виеке, вѣкѣ, -ие, -е** (С. №№ 89, 94, 98, 107, 114, 118, 132, 133, 140, 145, 163), **ев- еванѣелисте, еванѣелисте, евангелисте** и т. д. (С. №№ 89, 93, 96, 100, 106, 107, 120, 133, 142, 143, 144), **властеле, -теле** (С. №№ 89, 107, 113, 116, 132, 141), **дукате, -е** (С. №№ 127, 139, 147, 158, 163, 164; З. А.), **трьговце, -е** (С. №№ 144, 145), **записе. -е** (С. №№ 107, 114, 126, 127, 128, 132, 136, 140, 145), **листе, листове** (С. №№ 109, 118, 121, 164), **даре** (З. А.; С. № 150) и пр. Образованіе **ов, ев** не принято Ц.-Славянскимъ языкомъ въ этомъ падежѣ. Но Сербскій допускаетъ его, обращая форму именительнаго *-ови, еви* въ *-ове, -еве*. Такъ и въ старину онъ переводилъ форму именительнаго п. въ винительный

съ перемѣною б-ы и въ носовой перезвукъ -е: князове, -е (С. NN° 16, 47), дльгове, -е (С. NN° 43, 55; З.), сидове (С. NN° 43, 126), дарове (А. № 14), вродове (С. № 70), листове, лѣстове (С. NN° 83, 87, 105, 109, 121), градове, -е (С. NN° 91, 96, 98, 107, 143, 157; З. А.), трьгове (С. NN° 91, 111, 137), длъгове (С. № 107). Но, рѣшившись заимствовать форму у именительнаго, хотя и съ приличною перемѣною, онъ уже не далекъ былъ отъ того, чтобы перенести и всю форму безъ перемѣны. Таковы видѣнныя уже нами формы на -и, -ови; таковы еще пѣнязи (С. № 16), покалисарьи, людьи (С. № 100). Формы на -инь и -нь или -ѣнь Д.-Сербскій языкъ образуетъ одинаково на -е (и): водаре (С. № 9), калшники (С. № 54), хращане, приниковиѣе, хърьдомилиѣе, конхиниѣе (С. № 118). Изъ всѣхъ Славянскихъ нарѣчій ни одно, кромѣ Русскаго, не допускаетъ собирательной формы въ винительномъ п. Даже В.-Лужицкое не имѣетъ сдѣсь своего *-ojo*. Тѣ, которыя принимаютъ *-ов*, *-ев*, не допускаютъ его въ винительномъ, кромѣ Русскаго, которое совершенно смѣшиваетъ оба падежа, Сербскаго и Хорутанскаго. Но послѣднія два различаютъ падежи, оканчивая именительный на *-ови*, *-еви*, *-ovi*, *-evi*, винительный на *-ове*, *-еве*, *-ove*, *-eve*. Хорутанскій еще тоньше различаетъ ихъ въ формѣ *-je*: оставляя этотъ же исходъ за именительнымъ, онъ винительный изводитъ на *-i*, явно указывая на Ц.-Слав. -ы, -и. Слѣдовательно, смѣшеніе въ нашихъ памятникахъ именительнаго п. съ винительнымъ свидѣтельствуетъ о рано начавшемся вообще въ Славянскомъ языкѣ обобщеніи формъ и забвеніи ихъ существенныхъ признаковъ то чрезъ перезвукъ, то просто чрезъ смѣшеніе, слѣдствіемъ чего было наружное отожествленіе нѣкоторыхъ падежныхъ формъ. Еще въ то время форма родительнаго падежа не была въ ходу для замѣны винительнаго, подобно единственному числу. Тѣмъ не менѣе, не обошлось и безъ ея проблесковъ: коегдѣ проглядывала и она, но разсѣянно и безъ успѣховъ, которымъ препятствовалъ, съ одной стороны, Ц.-Славянскій языкъ, съ другой народный. По этому проблески эти приписать должно общеславянскому представленію, допускавшему возможность родительнаго п. на мѣстѣ винительнаго. Во всякомъ случаѣ это есть позднѣйшее явленіе, ибо въ древности мы видимъ, что и въ единственномъ ч. винительный п. не замѣняется родительнымъ Такихъ примѣровъ въ нашихъ памятникахъ весьма мало. Вотъ они: на свтыхъ православныхъ црь (С. № 50), да не проклинають христїань (З.), на моихь прародитель господь кралевь (С. № 99), на црь и гдь (С. № 111), на црь и госпѡдь (С. № 137). И такъ, послѣ всего сказаннаго, главное положеніе, что Сербскій языкъ уже съ древнѣйшихъ временъ сталъ образовывать свой винительный п. на б-у -е, остается во всей силѣ. Только одно слово люди удержало до конца свою форму и не приняло народной: мы постоянно находимъ его въ Ц.-Славянской формѣ то винительнаго п., то даже именительнаго: люди, -ие, лоуди, люди, -ье, -ьи (А. NN° 1, 6; С. NN° 18 — 21, 43, 45, 72, 77, 100 — 102, 108, 112, 114, 115, 132, 139, 143—145, 168; З.); нынѣ *люде*. дьнь имѣетъ дни, днїи (С. NN° 20, 21, 51, 78, 137; А. NN° 2, 12) — память Ц.-Слав. дьни; нынѣ *дане*, а *дни* употребляется только съ *два* и *три*, какъ остатокъ двойственнаго ч. Однажды встрѣчается пути (С. № 35).

Винительный п. мн. ч. ср. р. одинаковъ съ именительнымъ, ибо въ обоихъ произошло стяженіе носоваго отзвука, ср. долгое Вѣдич. *-â*. Славянскій языкъ не принялъ Санскр. *i*; но основное конечное *a* чрезъ стяженіе и долготу такъ окрѣпло, что уже не могло измѣниться подобно единственному ч. Если находимъ свиѣтание (С. № 3), повеланиье, -ие (С. NN° 95, 103), то это значитъ, что -е образовалось

изъ -ѣ, а это изъ -ы; кладанѣ (С. № 144) есть то же, что кладанин. Упомяну о нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словахъ: чудо имѣетъ чюдеса, чудеса (С. №№ 51, 71), слово—словеса, -а (А. №№ 7, 10), небо—нбеса, нбеса, небеса, небеса (С. №№ 81, 85, 89, 95, 114, 150, 176; А. № 5; З. А.), тело—телеса (С. № 176). Нынѣ *чудо, небо* имѣютъ ту же форму; *тиело* имѣетъ двоякую: *телеса* и *тиела*.

Для женскаго р. форма винительнаго п. уже нами достаточно объяснена. Сдѣсь въ краткихъ словахъ повторимъ, что Ц.-Славянская -ы есть перезвукъ носоваго окончанія; -и есть долгій звукъ, поглотившій въ себя, подобно -ы, носовое произношеніе; онъ не есть -и именительнаго п., возникшее совсѣмъ по другому образованію, сдѣсь оно есть то же, что Санскритское *-îs*, также утратившее носовое *n*. Д.-Сербскій языкъ, какъ и нынѣшній, имѣетъ -е, -и на мѣстѣ Ц.-Славянскихъ -ы и -ѧ, -ѩ, а -и остается во всѣхъ трехъ неизмѣнно. Это послѣднее окончаніе употребляется и всѣми прочими Славянскими нарѣчіями при согласномъ, т. е., полугласномъ исходѣ именъ женскаго р. Намъ остается только показать отношеніе между народною формою на -е и Ц.-Славянскою на -ы или, по Сербскому правописанію, -ы, -и. Прочія же окончанія, какъ -ѧ, -ѩ, замѣненное чрезъ -е, -ю, и -и, чужды повременнаго движенія, ибо первыя постоянно замѣняются б-ю -е, -и, а второе остается всюду неизмѣннымъ. Но и Ц.-Слав. -ы только въ немногихъ собственно-Сербскихъ грамотахъ удержалось; обыкновенно на мѣстѣ его находимъ -е: Оно начинается въ XIV-мъ в. вмѣстѣ съ Аѳонскими грамотами: вѣды (А. № 2), мѣжы (А. № 3), жрьтвы, жртвы, жрьтвы, жртвы (А. №№ 3, 4, 5; С. № 176), сили, -ы, -ии (С. №№ 35, 51, 176), похвали (С. № 35), горы (А. № 10), мшы (В. № 2), вѣжы (А. № 20); въ Черногорской: страны (Мл.). Вотъ всѣ случаи Ц.-Славянскаго употребленія въ Восточныхъ грамотахъ. Въ Западныхъ находимъ ихъ еще менѣе. Въ Турецкомъ спискѣ съ гр-ы Дечанскаго: потреби (С. № 37); въ прочихъ: роти (С. № 104), царини (С. № 120) — и только. Такое незначительное количество употребленія явно говоритъ въ пользу народности, которая сдѣсь брала полный перевѣсъ надъ Ц.-Славянскою стихіею. Вообще въ Д.-Сербскомъ словодвиженіи носовые звуки являются самою слабою стороною Ц.-Славянской стихіи, гдѣ признаки ея наименѣе устояли противъ дѣйствія народности. Не только прямая замѣна ѧ чрезъ е и ѫ чрезъ у, но и болѣе глубокое и къ самой формѣ относящееся звукообразованіе -е вмѣсто -ы свидѣтельствуетъ о значительности народнаго вліянія на книжный языкъ въ древнѣйшую его пору; ибо уже въ XII-мъ и началѣ XIII-го в. въ Аѳонской и Жичанской гр-хъ находимъ одну форму на -е: кобиле (А. № 1), жюпе, роуке (Ш. № VII) и т. д. Почти излишнимъ было бы замѣчать, что въ этомъ падежѣ, какъ и въ другихъ, ѣ иногда замѣняетъ собою -е или -и, на пр., поставѣ (С. № 16), кривинѣ, нокелѣ (С. № 43), вдакѣ (С. № 111) и т. п. Отъ клетька—клетки (С. №№ 19, 66, 83, 89, 142), ср. клетькѣ (т. е., -е, С. № 16) отъ клетька.

Родительный п. множ. ч. въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ представляется, какъ слѣдствіе дальнѣйшаго движенія Славянскихъ нарѣчій послѣ сокращенія праязычной гласности: я разумѣю озвукотвореніе полугласныхъ. Ни одно изъ Славянскихъ нарѣчій не довело, можетъ быть, этого явленія до такихъ обширныхъ размѣровъ, какъ Сербское: всѣ прочія остановились передъ словодвиженіемъ; Сербское пошло далѣе и озвукотворило самыя окончанія косвенныхъ падежей множественнаго ч., въ томъ счету и родительнаго. Но если откинемъ озвукованную гласную *а*, то увидимъ, что всѣ имена мужескаго р. имѣютъ родительный п. на полугласную, которая, большею частію, или прямо

приставляется къ основѣ слова, или иногда требуетъ благозвучнаго *в*. Вообще всѣ Славянскія нарѣчія хотя существенно и сходны между собою въ образовательныхъ окончаніяхъ этого падежа, однако всякое по своему воззрѣнію употребляетъ и отчасти видоизмѣняетъ ихъ. Тѣмъ не менѣе, это есть самый неопредѣленный падежъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ самъ народъ не знаетъ, какъ составить его форму и прибѣгаетъ то къ двойственности, какъ въ Русскомъ, то къ перенесенію изъ одного образованія въ другое, какъ въ Польскомъ и Лужицкомъ. Краткій исходъ мужескаго р. на *-ъ* и *-ь* нигдѣ такъ обильно не сохранился, какъ въ Д.-Булгарскомъ и Сербскомъ. Послѣдній, если принять, что въ немъ *а* есть позднѣйшее озвукотвореніе полугласной, всѣ слова муж. р., кромѣ немногихъ исключеній, изводитъ на полугласную, приставляя ее или непосредственно къ основѣ, или съ помощію *ов*, *ев*: отсюда его общій исходъ *-а*, *-ова*, *-ева*. Только нѣсколько словъ принимаютъ *-и* вм. *-а*, но они хотя и считаются теперь исключеніями, однако носятъ на себѣ слѣды древнѣйшаго правильнаго образованія, имѣя ближайшее отношеніе къ Ц.-Славянскому языку. Таковы: *црв*, *мрав*, *месец*, *динар*, *пут*, *гост*, *ват* и *сат*. Нынѣ, правда, они имѣютъ твердый исходъ; но ихъ форма на *-и* намекаетъ на старинную **урьвии, мрьвии, динарии, пѫтии, гостии**; остальныя уподоблены имъ. Прочія Славянскія нарѣчія болѣе, или менѣе стѣснили краткій исходъ формою *ов*, *ев*, такъ что его вовсе не находимъ въ нарѣчіяхъ Польскомъ, кромѣ исходящихъ на *-anin*, Чешскомъ, кромѣ *tisjc*, *loket*, *penjz*, *přjtel*, и то не всегда, Хорватскомъ и Лужицкомъ, кромѣ именъ собственныхъ, употребляющихся только во множественномъ ч., которыя могутъ и не принимать *-ow*. Въ Русскомъ, большею частію, тоже *-овъ*, *-евъ*, хотя есть и *-ъ* для исхода *-инъ*, въ словѣ *глазъ*, и для немногихъ словъ въ сочетаніи съ другимъ, означающимъ количество¹, какъ на пр., *разъ*, *человѣкъ*, *день*, *аршинъ*, *алтынъ*. Эта форма стѣснила и другое окончаніе *-и*, *-i* (*й*), такъ что Сербское, кромѣ вышеприведенныхъ словъ, Чешское и Хорутанское уже не знаютъ его, хотя и знали въ старину. Въ Польскомъ, какъ и Русскомъ, гласный исходъ *-j*, *-й* уже имѣетъ *-ów*, *-евъ*. Но за то въ обоихъ мягкій согласный исходъ принимаетъ *-y*, *-i*, *-ей*, расширяя его сравнительно съ Д.-Булгарскимъ, гдѣ въ этомъ случаѣ стоитъ краткій исходъ *-ь*; Лужицкій смѣняетъ уже *-i* съ *-ow*: на пр., Ц.-Слав. **мечь**, Рус. *мечей*, Пол. *mieczy*, Луж. *meči* и *mečow*. Сверхъ того Русскій языкъ собирательную форму изводитъ на *-ей*, вмѣсто *-овъ* или *-евъ* или Ц.-Слав. *-ъ*, на пр., *сосѣдей* и *сосѣдовъ*, Ц.-Слав. **сосѣдъ**. Женскій и средній р. нѣсколько крѣпче устояли съ своими формами. Однако и въ нихъ нѣкоторыя Славянскія нарѣчія удлинили, или окоротили окончаніе. Такъ Лужицкій языкъ всѣ имена женскаго р. извелъ на *-ow*, оставивъ *-i* рядомъ съ *-ow* только при согласномъ исходѣ; кратко исходитъ въ немъ только одно слово *ńedźel*, *ńeźel*. Впрочемъ, Н.-Лужицкій довольно часто опускаетъ *-ow*, но никогда не отвергаетъ его вовсе. Сербскій удержалъ въ женскомъ р. *-а*, равняющееся Ц.-Слав. *-ъ*, или *-ь*, и *-и*= Ц.-Слав. *-ии*, или *-ъ*. Хорватскій озвукотворяетъ въ *-i* (*ih*) для всѣхъ исходовъ; впрочемъ, многія на *-а* имѣютъ краткій исходъ, то же, что Ц.-Слав. *-ъ*, а нѣкоторыя тотъ и другой. Хорутанскій, употребляя, подобно Сербскому, *-á* и *-i*, опускаетъ ихъ иногда для обоихъ исходовъ, гласнаго и полугласнаго, и оставляетъ падежъ исходящимъ на согласную или собственно полугласную: *gorá* и *gor*, *molítev*, *misel*, *škárenj*, *kosti* и *kost*. Русскій и Польскій вѣрнѣе отвѣчаютъ Ц.-Славянскимъ *-ъ*, *-ь* и *-ии* своими окончаніями *-ъ*, въ Польскомъ одна согласная, и *-ей*, *-й*, Пол. *-i*, *-y*. Впрочемъ, въ послѣднемъ нѣкоторыя односложныя слова въ

просторѣчіи исходятъ на *-ów*. Чешскій, изводя твердый гласный исходъ на согласную или собственно полугласную, мягкій гласный исходъ, на пр.: *země*, какъ и согласный, изводитъ на *-j*. Въ среднемъ р. Сербскій языкъ, какъ и Хорватскій и Хорутанскій, вообще допускаетъ лишь полугласный исходъ, который въ первомъ озвукотворяется въ *-а*, въ послѣднихъ нѣтъ. Отъ того и въ Ц.-Славянскомъ исходѣ -ии они видятъ лишь какъ бы -ь, и первый обращаетъ его въ *-ия*, гдѣ *я* есть то же, что *ь*, а вторые просто въ *-ь*, или, иными словами, изводятъ падежъ на мягкую основную согласную, на пр. *žiwlenj*, гдѣ *-nj*= *-нь*. Русскій и Чешскій придали для гласнаго исхода *-е* форму *-ей*, *-j*, на пр., *полей*, *polj*, Ц.-Слав. поль, Пол. *pól*. Польскій языкъ, подобно Хорватскому и Хорутанскому, во всѣхъ случаяхъ допускаетъ лишь полугласный исходъ; но въ немъ есть и *-ów* для именъ ласкательныхъ или уменьшительныхъ, равно какъ для исходящихъ на *-wie*. Лужицкій же для всѣхъ родовъ имѣетъ *-ow*. Замѣтимъ, что Польскій ближе всего подходитъ въ окончаніи *-ów* къ Лужицкому, съ тою только разницею, что Лужичане рѣшительно приняли это окончаніе для всѣхъ родовъ и исходовъ, а Поляки еще колеблются и спорятъ. И такъ мы видимъ собственно три главныя окончанія для родительнаго п. мн. ч., которыя всѣ существуютъ въ Д.-Булгарскомъ въ формахъ -ъ, -ь, -ии и позднѣйшей -овъ, -евъ, которая успѣла сильнѣе утвердиться въ другихъ нарѣчіяхъ и всего болѣе въ Лужицкомъ. Но всѣ эти окончанія, по видимому, различныя, находятъ себѣ объясненія въ одной и той же прадавней формѣ *-ām*, отразившейся въ Греческой *-ων* и Латинской *-um*. Литовскій и Готскій опустили носовой отзвукъ, первый въ своемъ *ū*, второй въ *-ē*, *-ō*. Въ происхожденіи краткаго полугласнаго исхода участвовало общее свойство Славянскихъ языковъ, по которому праязычная полная гласная переходила въ полугласную: *-ām* чрезъ опущеніе *m* и ослабленіе *ā* произвело -ъ; мягкость обратила его въ -ь. Другое окончаніе -ии, обыкновенно сопутствующее мягкому гласному исходу -ии, или -ь, отвѣчающему прадавнему *i*, образовалось изъ *-jām*, Литов. *-iū*, и своимъ полногласіемъ въ видѣ и обязано разъединительному мягкому небному началу, которое предохранило его отъ ослабленія, давши ему самостоятельность чрезъ отбой голоса. Первое и будетъ выраженіемъ мягкой основы, второе падежнымъ образовательнымъ окончаніемъ. Вѣроятно, когда нибудь обѣ гласныя звучали полно, но со временемъ языкъ стянулъ послѣднее въ полузвукъ (*й*) для легкости произношенія; другія же Славянскія нарѣчія стянули ихъ вовсе въ одно *-и*, *-i*, *-y*. Но что сдѣсь было двоегласіе, то это видно изъ Сербской формы *-ия* для средняго р., равняющейся Сербской же *-и* для женскаго р. Русскій языкъ тоже не стянулъ, но только ослабилъ второе *и* до *й*. Его *-ей* представляетъ иное озвукотвореніе основноисходной мягкой гласной на томъ общемъ основаніи, по которому ъ переходитъ въ *о*, *ь* въ *е*. Начало этого перехода уже замѣтно въ Д.-Булгарскомъ языкѣ, хотя и въ весьма древнихъ памятникахъ, но все таки, судя по восходящей рѣдкости случаевъ, не въ древнѣйшую его пору. Но озвукотворенный основный исходъ о или е не могъ въ немъ прямо соединиться съ образовательнымъ *-ām*, -ъ, и по тому сдѣсь явилась обычная при словодвиженіи благозвучная буква в, откуда и произошли окончанія -овъ, -евъ. Повторяю, это суть позднѣйшія въ Д.-Булгарскомъ языкѣ окончанія, возникшія позднѣе другихъ двухъ и продолжавшія свое усиленіе въ прочихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Русскій языкъ провелъ это *ов*, *ев* въ собирательной формѣ и въ родительный п., говоря *сыновей*, *кумовей* вмѣстѣ съ *сыновъ*. Вообще собиратель-

ныя на -ья имѣютъ или -ьевъ, или -ьй, на чел имѣютъ -евъ, на -а — -ъ: хозяевъ, баръ. Еще замѣчательно въ Русскомъ удвоеніе: сыновьевъ, кумовьевъ отъ сыновья, кумовья. Сдѣсь не лишнимъ будетъ напомнить по этому случаю о перезвукѣ -ой, -ей въ -ов, -ев, которымъ и объясняется эта двойственность формъ. Русскій языкъ, принявъ въ именительномъ п. нѣкоторыхъ словъ собирательную форму и исключивъ другія, повелъ ее далѣе въ словодвиженіи.

Посмотримъ теперь, что происходитъ въ Д.-Сербскомъ книжномъ языкѣ? Мы сейчасъ видѣли, что современное движеніе Славянскаго языка клонится къ ограниченію краткаго окончанія и гласнаго на -и, і, у (Ц.-Слав. ни). Послѣднее въ мужескомъ и среднемъ р., кромѣ немногихъ исключеній, вовсе не принято нынѣшнимъ Сербскимъ языкомъ, который за то распространилъ краткій исходъ на озвукотворенную въ видѣ а полугласную, подчинивъ ему и Ц.-Славянскій исходъ -ии. Въ другихъ случаяхъ Сербскій языкъ распространилъ противъ Ц.-Славянскаго форму на ов, ев, какъ въ именительномъ, такъ и въ родительномъ и другихъ падежахъ мн. ч. муж. р. Имена, исходящія на -о, а также односложныя и двусложныя предпочитаютъ форму на ов, ев, вѣроятно, по благозвучной причинѣ, хотя могутъ и не имѣть ея. Въ первомъ случаѣ ихъ родительный исходитъ на -ова, -ева. Послѣ этого мы можемъ предположить, что и древнекнижный языкъ не остался безъ вліянія народности, отдававшей предпочтеніе въ извѣстныхъ случаяхъ формѣ -ов, -ев вопреки Д.-Булгарскому, который только уже съ теченіемъ времени начиналъ допускать у себя образованіе на -овъ, -евъ. Дѣйствительно, въ его памятникахъ встрѣчаемъ довольно случаевъ этого образованія. Уже въ обѣихъ грамотахъ XII-го в. попадается это окончаніе: частиниковъ (А, И.), в҃. сыноудовъ (А. № 1); потомъ оно продолжается безъ видимаго успѣха по всѣмъ вѣкамъ нашей письменности: поповъ (Ш. № VII; З.) блоуговъ (С. № 176), сирѣвъ (А. № 10), ѕановъ (С. № 57), даровъ (А. № 14), крадевъ, -евъ, -евъ, -евъ (С. NN№ 68, 96—99, 107, 140, 153, 154), гробовъ (З.), самовъ, сїовъ, сїовъ, синова (З.; А. № 15; С. NN№ 90, 111, 115, 119, 126, 137, 138, 142, 159; Мл.), попивсаревъ (С. NN№ 83, 105), двбрѣвъ, троудовъ (А. № 17), андѣловъ, апостоловъ (С. № 98), жиловъ, вмиловъ (С. NN№ 115, 126), л҃. сребрьниковъ (С. № 118), динатовъ и тутъ же динатъ (С. № 119), апостоловъ (С. NN№ 141, 145), сельниковъ (С. № 157), граховъ (А. № 20). Мы нарочно привели всѣ случаи, чтобы показать, что -овъ, -евъ существуютъ въ равной степени какъ въ Восточныхъ, такъ и въ Западныхъ грамотахъ, и что, стало быть, Ц.-Славянская стихія не имѣла сдѣсь важнаго повода отстаивать краткое окончаніе, тогда какъ сама во всѣхъ случаяхъ, поставила бы -ъ, или -ь. Это значитъ, что вліяніе Ц.-Славянскаго языка на Сербскій происходило уже въ ту пору его, когда въ немъ начинали показываться уже нѣкоторые признаки позднѣйшаго образованія. Судьбы Д.-Булгарскаго языка извѣстны. Раннее вторженіе чуждыхъ началъ въ жизнь древней Булгаріи имѣло вліяніе и на ея языкъ, такъ что чистый Д.-Булгарскій языкъ, какимъ онъ долженствовалъ быть въ пору государственной самостоятельности, укрывался уже только въ древнѣйшей письменности, да въ памяти книжниковъ, хорошо его изучившихъ; но послѣднее хранилище было ненадежно безъ поддержки со стороны народной самостоятельности и чистаго народнаго начала. Книжники могли быть и не Булгары — и вотъ причина различныхъ изводовъ и нѣкоторыхъ измѣненій, какія мы замѣчаемъ въ средневѣковой Ц.-Славянской письменности. Въ прочихъ случаяхъ Д.-Сербскій языкъ сходится съ Ц.-Славянскимъ и изводитъ вмѣстѣ съ нимъ подобныя сло-

ва на -ь (Ц.-Слав. ъ и ь), на. пр.: **дъдь**, **біръ**, **болярь**, **лакьть** (С. № 2) и т. д. Съ теченіемъ времени онъ началъ озвукотворять это -ь въ -ъ. Первое озвукотвореніе показывается въ гр-ѣ С. № 81: **динара**, и потомъ возрастаетъ въ дальнѣйшихъ Западныхъ гр-хъ. Примѣры какъ той, такъ и другой формы считаемъ излишними. Первая во всемъ сходна съ Ц.-Славянскою, и если озвукотворимъ ее въ -а, то сходна будетъ и съ нынѣшнею. Сдѣсь повременное движеніе заключается въ озвукотвореніи; но мы уже разсмотрѣли его въ своемъ мѣстѣ. Что касается до окончанія -ии, то Сербскій языкъ, не имѣя его теперь для именъ мужескаго р., допускалъ его однако въ древней своей письменности, вѣроятно, слѣдуя Ц.-Славянскому языку; но допускалъ самостоятельно, обнаруживая болѣе склонности къ другимъ Славянскимъ нарѣчіямъ, стягивавшимъ двойное -ии въ одно -*и*: отсюда предпочтеніе, оказываемое формѣ на -и вмѣсто -ии. Такъ: **люди**, **люди**, **лъди** (А. № 1; Ш. № VII; С. №№ 14, 26, 39, 78, 79, 96, 98, 100, 101, 102, 107, 114, 144, 164, 168), **лакти**, **кмети** (С. №№ 14, 107), **црри** (С. № 16), **динари** (С. №№ 85, 95, 96, 98, 103, 119, 125, 136, 158), **пенези**, **пенезя** (С. №№ 96, 127), **властели** (С. № 113), **камени** (С. № 121), **братучеди** (С. № 141), **динари** (С. № 158). Не должно удивляться, что въ эти примѣры вошли слова съ твердымъ, по видимому, окончаніемъ. Общее смягчающее свойство Сербскаго языка дало имъ мягкій исходъ и подчинило образованію по примѣру Ц.-Славянскаго, имѣющаго -ии для словъ на -ь съ предшествующими д, т, л, р. Но лишь только слова эти принимали нѣсколько твердый отзвукъ, какъ тотчасъ же измѣняли свое образованіе. Другая форма ихъ на -ь или -а, подтверждаетъ это: **црь**, **цар** (С. №№ 35, 37, 68, 96, 98, 103, 107, 136), **динара** (С. №№ 81, 107, 112, 123, 124, 125, 127, 150, 170, 171), **динать**, **динать** (С. №№ 41, 74, 79, 83, 87, 106—110, 112, 119, 124—128, 134, 139, 155, 157, 163, 168; А. № 20), **дината**, -**аа** (С. №№ 74, 123, 159, 164). **пенезь** и **властель** перешли сюда изъ правильнаго падежнаго образованія на -ь, и хотя первое не имѣетъ своего двойника, но за то второе очень часто употребляется въ формахъ: **властель**, **властела**, **властеле**. Остатокъ смягченнаго склоненія сохранялся и донынѣ въ нѣкоторыхъ словахъ, какъ мы видѣли выше; но у тѣхъ, которыя имѣютъ твердый исходъ, рядомъ съ формою -*и*, принятой, вѣроятно, по подражанію, слышится и форма на -*а*; такъ: *месеца*, *прста*, *ноката*, *динара*, *сата* или *сахата*, *пута*. Остается одно только *ват*, имѣющее *вати*. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ даже по двѣ и по три формы: третья есть на -*ию*: *гостию*, *прстию*, *ноктию*. Она образовалась, вѣроятно, изъ соединенія -*и* съ -*ев*, при чемъ -*е* слилось съ -*и*, а *в* перешло въ *у* или *ю*. Въ -*и* Сербскій языкъ сходится съ другими Славянскими нарѣчіями, кромѣ Русскаго и Д.-Булгарскаго. Но древнекнижный языкъ придерживался иногда и Ц.-Славянскихъ формъ въ словахъ съ мягкимъ исходомъ и въ памятникахъ, наиболѣе подверженныхъ вліянію этой стихіи. Однако и сдѣсь онъ слѣдовалъ иногда другому пріему и, подобно Русскому языку, конечное основное ь озвукотворялъ не въ и, но въ е, оставляя тотъ же мягкій отголосокъ и. Отъ того мы находимъ двоякія формы: **лъдьи**, гдѣ первое и ослабло до ь, (С. № 16), **людій** и тутъ же **люди** (С. № 6), **прародителии** (С. № 176), **слюзіи** (С. № 130); и **коней** (А. № 6), **монастырей** (А. № 10), **пенезеи** (А. № 16). И такъ съ одной стороны стянутое -и, съ другой - еи тѣснили Ц.-Славянское -ии. Имена, исходящія на гласную, въ Ц.-Славянскомъ языкѣ не измѣняются въ родительномъ п. мн. ч., — знакъ, что падежная полугласная не озвукотворяется, но сли-

вается съ основною. Въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ подобныя имена принимаютъ окончаніе *-я*, на пр., *края*, гдѣ *-я* стянуто изъ *-иа* (собственно *ıь*), какъ въ среднемъ р.; но въ старину они удерживали Ц.-Славянскую форму; на пр.: оулий (А. № 6), архіереи (3.), краи (С. №№ 89, 118, 179), обитаи (С. № 178). Въ среднемъ и женскомъ р. слова, исходящія на одну гласную, нынѣшніе Сербы изводятъ на *-а*, озвукотворившее полугласную: такъ и старинные писцы изводили ихъ на полугласную согласно съ Ц.-Славянскимъ языкомъ, или въ послѣдствіи, какъ мы видѣли въ звукоученіи, оглашали -ь въ -а. Тутъ нѣтъ ничего особеннаго. Но имена на -ие и -ия, которыя у Чеховъ подвергаются двойному стяженію на *-í*, а у Лужичанъ и отчасти Поляковъ переходятъ въ образованіе *-ow*, у Сербовъ имѣютъ *-ия*, у древнихъ Булгаръ -ие. Здѣсь первичный признакъ падежа *-ât*, передъ мягкою гласною и, принявъ самъ мягкость и долготу чрезъ стяженіе съ носовымъ отзвукомъ, превратился въ уподобленное и. Но у нынѣшнихъ Сербовъ, которые въ стяженіи гласныхъ идутъ врозь съ Булгарами и Русскими, въ именительномъ и. -ие, -ия ед. ч. стянулись въ *-е*, *-я* гдѣ -и ослабло въ полугласную; здѣсь же это -и возстановлено, но за то второе ослабло до ь, которое въ свою очередь озвукотворилось въ *я*, откуда -ия. Но этого озвукотворенія, кромѣ одного поздняго тефия (С. № 130), мы еще не находимъ въ древнихъ памятникахъ письменности, а видимъ или просто стянутую форму -и чрезъ переходъ перваго -и въ -ь, откуда -ьи, -и; на пр.: даровани (В. № 2), соуди, -й (С. №№ 73, 111), или Ц.-Славянскую полную -ии: питии, оу- оу- оутвръждении, -їи (А. №№ 3, 4, 5), писании (А. № 5), повелѣніи (А. № 18), повеленіи, съгрѣшеніи (А. № 19), благодѣтелствіи (С.-Д. М. 1844), соудии, сѫдіи (С. №№ 73, 91, 137), литоургіи (А. № 17). Самыя грамоты показываютъ, чему она обязана своимъ существованіемъ. Но записоуюштии (Ш № VII) представляетъ уже слишкомъ протянутую форму. Если вспомнимъ, что въ этой грамотѣ постоянно существуетъ смѣшеніе народной стихіи съ Ц.-Славянскою, то увидимъ, что уже въ первой четверти XIII-го в. Сербскіе писцы начинали нарушать Ц.-Славянскія формы и, забывая ихъ истинное значеніе, преобразовывали ихъ по своему усмотрѣнію, гдѣ ошибочно, а гдѣ и согласнѣе съ общими правилами, какъ увидимъ въ послѣдствіи. Стяженіе происходило при посредствѣ -ьи, какъ видимъ въ формѣ сѫдьа (вм. сѫдьи, С. № 89). Форма аспри, -й (С. №№ 130, 146, 147) скорѣе должна объясняться благозвучною причиною, по которой и нынѣ *ватра* имѣетъ *ватри*. Форма дѣти (А. № 1), вѣроятно, вмѣсто дѣтии, предполагаетъ единственное ч. дѣтие; но равномѣрно встрѣчающаяся дѣть (С. № 14) представляетъ образованіе безъ нарощенія отъ единственнаго дѣте, какъ поле. Тутъ же встрѣчающаяся форма живтие не есть ли то же, что живти отъ единственнаго живтие, и не есть ли въ ней признакъ вытяженія голоса, образующагося въ долгомъ стянутомъ -и? Женскій согласный или собственно полугласный исходъ имѣетъ, подобно мужескому р., -и, какъ и нынѣ; на пр.: обласги (Ш. № VII; А. № 7), напасти (А. № 12), ризи (С. № 172), или -ии: правии (С. № 179), даніи (С.-Д. М. 1844), или же -ии: властий (А. № 6), заповѣдеи, -ии (С. № 51; А. № 17) Ц.-Славянскій имѣетъ дъштерь: такъ и Д.-Сербскій дъштерь (С. № 112); но нынѣшній приравниваетъ это слово общей формѣ кѣри, тогда какъ *матерь* оставляетъ въ полномъ соотвѣтствіи съ Ц.-Слав. матерь.

Наконецъ Д.-Сербскій языкъ наглядно выразилъ то мгновенное дѣйствіе, посредствомъ котораго имена принимаютъ въ родительномъ п. мн. ч. краткое окон-

чаніе, приравнивающее ихъ именительному п. ед. ч. -ъ, -ь. Если основная исходная полугласная не озвукотворяется, то, соединяясь съ падежною полугласною, образовавшеюся изъ *ân*, она вмѣстѣ съ нею производитъ какъ бы удлиненное полугласіе, какое и слѣдуетъ видѣть въ подобныхъ формахъ. Слѣдовательно, здѣсь нѣтъ формы именительнаго п. ед. ч., хотя она одинакова съ нею. Это-то различіе нынѣшніе Сербы выразили въ озвукотворенномъ и долгомъ окончаніи -*а*; древніе же въ болѣе наглядномъ и близкомъ къ Ц.-Славянскому образованіи. Свойство ихъ народнаго языка, огласовать полузвукъ, облегчило имъ возможность понять это различіе, и, не осмѣливаясь еще претворять полугласную въ полный звукъ, они старались, по крайней мѣрѣ, видимо обозначить ея долготу и составную природу. Средствомъ къ тому было выразить наглядно самое образованіе формы на -ъ, -ь; вотъ они и стали писать: силь, сель (А. № 2), земль, пра- роᲂтель, игоумень, лань (А. № 3), отць (А. №№ 3, 9), пра- родитель (А. №№ 4, 9), земль, соуродникь, игоумень, поль, отць (А. № 4), лань (А. №№ 4, 9), антипль, земль (А. № 8), отць (А. №№ 8, 11), соуродникь, мѣсть, земль (А. № 9), лань, градь (А. № 5), родитель, праро(ди)тель, мужь, отць, свѣдь, работь, сель (А. № 10), мѣсть (А. № 11). родитель (В. № 1), монастирь (Г. А), доубровчань (С. №№ 73, 91), господь, срьбль (С. № 91), господь (С. № 175), лѣть (А. № 20) и т. д. Хотя здѣсь не озвукотворялась ни та, ни другая полугласная, однако въ самомъ произношеніи должна была присутствовать долгота, и по тому она легко переходила въ гласную. Впрочемъ, здѣсь слитіе было полное, какъ это доказывается значкомъ ˘ надъ ь, и формами на одно -ь, которое, не смотря на то, вмѣщало въ себѣ законную долготу и по тому, большею частію, если стояло одно, то выносило значекъ ˚, выражающій стяженіе и нерѣдко въ Ц.-Славянскихъ формахъ замѣняющій конечное и съ ни. Такъ: пра- родитель, владь (А. № 5), работь (А. №№ 5, 17), моужь, отць, житель, лань, мѣсть (А. № 10), свѣдокь (С. № 73), доубровчань (С. №№ 73, 91), сьродникь (А. № 15), старьць, краль, вѣрь (А. № 18), сель (А. №№ 17, 18), моужь (А. № 17), людь (А. № 19), срьбль (С. № 91), властель, сась (С. № 111), дубровчань (С. №№ 111, 137), литрь (С. № 175), инакь (С. № 146). Присутствіе этой формы въ собственно-Сербскихъ и особенно Аѳонскихъ граматахъ показываетъ, что на этой почвѣ писцы менѣе всего надѣялись когда либо озвукотворить полугласную, боясь отступить отъ Ц.-Славянскаго обычая, какъ это и показала намъ исторія озвукотворенія 6-ы ь, и по тому прибѣгли къ уловкѣ удвоенія полугласной для показанія ея долготы, подобно удвоенію озвукотворяющаго и въ дукатах вооладая (С. № 125), постилая (С. № 127), (С. № 164) и пр. Такимъ образомъ они сошлись здѣсь съ выводами новѣйшаго сравнительнаго языковѣдѣнія. Въ заключеніи замѣчу, что форма ѡь, до шавьхь (С. № 16) есть мѣстный п. Эта грамота отличается неточностію формъ въ слѣдствіе или дурнаго списка, или вліянія чуждой стихіи на самый подлинникъ, такъ какъ она заключаетъ въ себѣ договоръ Дубровничанъ съ Михаиломъ Асѣномъ Болгарскимъ.

Дательный п, мн. ч. въ Славянскомъ языкѣ исходитъ на -*мъ*, которое есть остатокъ прадавняго -*bhjas*, Лат, -*bus*, гдѣ -*jas* сократилось въ ъ. Литовскій удержалъ одно конечное *s*, претворивъ, подобно Славянскому, *b* въ одноорганное *m*, -*ms*, Но, согласныя въ общемъ падежномъ признакѣ *м*, Славянскія нарѣчія различнымъ образомъ приставляютъ его къ основѣ слова Ц.-Славянскій

языкъ возстановляетъ полугласный исходъ мужескаго и женскаго р. въ в, или в согласно съ твердостію, или мягкостію его, а гласный исходъ средняго и женскаго р. оставляетъ нетронутымъ, придавая къ нему прямо -мъ. Польскій имѣетъ для всѣхъ трехъ родовъ -*om* или *iom* и только въ среднемъ р. при шипящихъ -*em*. Обратное этому дѣйствіе видимъ въ Русскомъ и Лужицкомъ, которые всѣмъ родамъ даютъ одинъ общій исходъ -*амъ*, -*am*. Хорватскій и Хорутанскій сохраняютъ въ мужскомъ р. прежнее образованіе -*om* или -*em*, но средній р. уже подчиняютъ женскому образованію на -*am*. Чешскій имѣетъ для твердаго исхода мужескаго и средняго р. -*ům*, для мягкаго женскаго и средняго р. -*em* или -*jm*. Вообще всѣ они въ основу падежнаго образованія принимаютъ именительный п. ед. ч. и не озвукотворяютъ конечной полугласной въ -*мъ*, которая есть остатокъ утраченнаго -*jas*. Но, одинъ изо всѣхъ, Сербскій языкъ озвукотворяетъ -*мъ* въ -*ма*, а конечную полугласную въ мужскомъ и женскомъ р. и гласную въ среднемъ, кромѣ исхода -*ие*, обращаетъ въ узкій звукъ и съ перемѣною гортанныхъ: *розима*, *мислима*, *полима*, *питањима*. Конечное й муж. р. твердѣетъ въ и: *краима*; но -*ие*, удержанное изъ Ц.-Славянскаго языка, образуетъ самый дательный отъ именительнаго п. мн. ч.: *сретениима*. Женскій на -*а* имѣетъ -*ама*. Впрочемъ, простой народъ въ Бачкѣ, равно какъ пѣсни Сербскія часто изводятъ этотъ падежъ въ муж. р. на -*ом*, -*ем*: доказательство, что Сербскій языкъ подвергся позднѣйшей порчѣ и что въ старину онъ сходился съ Ц.-Славянскимъ. Еще болѣе подверглись порчѣ творительный и мѣстный пп. мн. ч., и въ этомъ отношеніи Сербскій языкъ стоитъ ниже другихъ на лѣствицѣ современнаго движенія и преобразованія. Древняя его письменность свидѣтельствуетъ, что онъ стоялъ гораздо выше нынѣшняго, имѣя болѣе разумное падежное образованіе. Такъ въ разсматриваемомъ падежѣ онъ не озвукотворялъ окончанія -мъ, и въ мужескомъ р., какъ и женскомъ съ полугласнымъ исходомъ, производилъ форму отъ именительнаго п. ед. ч., возстановляя полугласную, по своему воззрѣнію, то въ о, то въ е, на пр.: добыткомь, волмромь, купцемь (С. № 3), гостемь (С. № 7), трьговцемь (С. №№ 36, 44, 63, 64, 70, 71), срьбљемь, србимь и т. д. (мн. р.); стртемь (А. №№ 4, 5), доброд тедимь (А. № 16), мирямь, никремь, кьѣремь, нѣремь (С. №№ 108, 112, 115, 124) и пр. Имена на -къ имѣютъ обыкновенно -кимь или для большей наглядности -кимь, ибо, приведя и въ ѣ, получимъ ѣмь; на пр.: стаиковимь (С. № 108), господетимь (С. № 126). Слова мужескаго р., исходящія на -й съ предшествующею гласною, Ц.-Славянскій языкъ изводитъ на -омъ или -имъ, озвукотворяя здѣсь праязычное образовательное -*jas* въ о или е, какъ озвукотворилъ его въ -и для именительнаго п. Нынѣшній Сербскій языкъ образуетъ обыкновенно на -*има*, но древній держится Ц.-Славянскаго образованія: краемь (С. №№ 83, 136, 140, 150, 179), обычаи (С. № 178), жидиемь (С. № 132); стянутая будетъ члемь (С. № 6). Иногда и становится на мѣстѣ мягкаго е, образуя формы трьговцимь (С. № 72), срьбљимь (С. № 81). Мы знаемъ, какъ не любилъ Д.-Булгарскій языкъ образованія на -ом, -ем. Не смотря на то, въ Д.-Сербской письменности формы на ом, ем начинаютъ уже показываться, поддерживаемыя именительнымъ и родительнымъ пп. Впрочемъ, здѣсь онѣ показываются не раньше второй половины XIV-го в.; на пр.: градовемь, -омь (С. №№ 62, 81, 84, 85, 95, 97, 99, 140; 3.), тимовомь (С.-Д. М. 1844), синовомь, -ѣ, -ѡ (С. №№ 111, 115, 119, 126, 128, 142, 143, 157, 163; 3. А.),

праяхомь (С. № 150), **кнеzовомь** (С. №№ 153, 154), **храмовѡ** (С. № 178). Гласный исходъ средняго р. остается, какъ и въ Д.-Булгарскомъ, нетронутымъ: **оустомь** (А. № 7), **силомь, -ѡ** (А. № 8; С.-Д. М. 1844), **уедомь, делом** (С. № 176), **мѣстемь, мистемь** (А. № 10; С. №№ 84, 97, 99), **владаниемь** (С. № 95). Впрочемъ, форма женскаго р. начинаетъ уже показываться и, что удивительно, даже первоначально въ Аѳонской: **силамь** (А. № 7). Зная, что гр-ы С. №№ 81, 85 употребляютъ **а** вмѣсто **и** послѣ гласной, мы не усумнимся принять за форму на -**имь**: **владаньамь**, -**ниамь** вмѣсто Ц.-Слав. -**нимь**. И такъ искаженіе первоначальныхъ формъ дательнаго п. началось еще въ XIV-мъ в., и это, какъ видно, было одно изъ самыхъ сильныхъ условій повременнаго движенія Славянскаго языка. Слова съ нарощеніемъ имѣютъ -**ем**: **словесемь** (С. № 57). Слово **копанаи**, движеніе котораго весьма неопредѣленно, имѣетъ сдѣсь **копанамь** (С. №№ 120, 133, 145). Гласный исходъ женскаго р. остается, какъ нынѣ, такъ и въ старину, безъ перемѣны основной гласной, къ которой присоединяется образовательное -**мь**, нынѣ -*ма*: по этому имена женскаго р., какъ и мужескаго, на -**а**, -**и** оканчиваются на -**амь**, -**имь**: **сѫдьямь** (С. № 10), **сѫдиамь**, -**имь**, **сѫдьамь** (С. №№ 20, 56, 63, 79, 89; Г. VI, № 2) и пр. Озвукотвореніе конечной полугласной падежа нашло себѣ мѣсто только въ одномъ словѣ, не ранѣе, при томъ, концѣ XIV-го в.: **никома, никомь, -ма** (С. №№ 78, 89, 96—98, 103, 107, 120, 133, 136, 140, 142, 144, 145, 163, 179), но и сдѣсь озвукотворено это слово не въ Сербской, а въ Ц.-Славянской формѣ. Въ формахъ **граѣмь** (А. И.), **дубровьчамь**, -**чамь** (А. И.; С. №№ 30, 34) присутствуетъ, безъ сомнѣнія, форма -**амь**; ибо, во первыхъ, формы **граѣь** не можетъ быть, но должна быть **граѣамь**, какъ **крьстиямь**, или у насъ **хамамь**; во вторыхъ, -**амь** есть женское, а не мужское образованіе, и въ нашихъ памятникахъ въ мужескомъ р. оно ни разу не попадается; тѣмъ менѣе могло быть сдѣсь озвукотвореніе **ь** въ **а** въ древнѣйшую пору письменности. По этому если и возможна форма **дубровьчь**, подобно **бьмтьчь**, откуда **дубровьчьки**, то она произвела бы **дубровьчемь**. Но сдѣсь именно должна быть отъ **дубровьчань**, каковую и дѣйствительно находимъ: **дубровьчаномь**, -**ѡ**, **доу-дубровьчаномь**, -**ѡ** (С. №№ 29, 40, 43, 72, 91, 111, 168). Ср. Д.-Рус. ***Полемъ*** отъ ***Поляни***. Сокращеніемъ объясняю я и форму **госномь** (С. № 27). Слово женскаго р. *госпа*, сокращенное изъ *госпоя* или *госпойя* вмѣсто **госпожда**, не могло быть сдѣсь употреблено; а видѣть сдѣсь должно **господь** или **господинь**, которое въ множественномъ ч. будетъ **господомь** или въ сокращенной формѣ **госномь**. Если предполагать сдѣсь другую форму, именно собирательную **господа**, то она произвела бы въ сокращенномъ видѣ **госпамь**, а не **госномь**. Отъ **люди, люди** или **людие** находимъ: **людемь**, -**емь**, **людемь**, -**емь**, **людемь** и т. д. (С. №№ 9, 16, 18—20, 26, 60, 89, 96, 98, 100—102, 107, 114, 118, 140, 142—144, 154; А. №№ 6, 14; 3.) или сокращенное **людьмь**, **людьмь** (С. № 16), у Ш. № XVIII— **людимь**, какъ нынче *лудима*.

Творительный п. мн. ч. нынѣ у Сербовъ приравненъ дательному и мѣстному, такъ что всѣ три падежа одинаковы: это единственное явленіе въ Славянскихъ нарѣчіяхъ, которыя обыкновенно различаютъ эти падежи. Однообразіе происходитъ отъ того, что Сербы составили свое представленіе этихъ падежей и, воспользовавшись признакомъ *м*, образовали изъ него общее окончаніе для всѣхъ трехъ падежей *-ма*. Сдѣсь они дѣйствовали независимо, но уже самое дѣйствіе это обличаетъ позднѣйшую пору и сравнительную бѣдность въ

другими нарѣчіями. Время движетъ языки къ упрощенію формъ, чрезъ что общность и скудость замѣняютъ прежнее разнообразіе и особность. Другія Славянскія нарѣчія сохраняютъ отличіе творительнаго п. мн. ч., оканчивая его или на -ми, -ми, *-mi*; или на -ы, -и, *-y*, *-i*. Первое окончаніе есть главное, ибо его находимъ и въ Санскритѣ въ видѣ *-bhis*, и въ Литовскомъ въ видѣ *-mis*. Въ Славянскихъ нарѣчіяхъ оно употребляется для всѣхъ трехъ родовъ. Въ Ц.-Славянскомъ языкѣ нѣтъ озвукотворенія конечной основной полугласной передъ -ми, какъ и въ Хорватскомъ и Хорутанскомъ. Онъ любитъ и краткое окончаніе -ы, или -и, образовавшееся изъ стяженія конечной основной полугласной съ образовательною падежа *и*, которая и въ Санскритѣ и въ Литовскомъ существуетъ въ первоначальномъ видѣ *-is*, быть можетъ, какъ сокращеніе изъ *-bhis*, *-mis*. Эта стянутая форма принята для мужескаго и средняго р. Ее особенно любятъ Чешскій и Хорватскій языки, тогда какъ, на оборотъ, Хорутанскій почти исключительно употребляетъ *-mi*, а къ *i* прибѣгаетъ только иногда въ среднемъ р., да въ окончаніи *-ovi*, которое столь же часто образуетъ, какъ и *-ovmi*. Русскій, Польскій и Лужицкій имѣютъ исключительно одно склоненіе на -*ми*, *-mi*, обобщая его для всѣхъ родовъ въ формѣ женскаго р. -*ами*. *-ami*. Хорутанскій только для средняго р. имѣетъ *-ami*, производя его отъ именительнаго п. мн. ч., но онъ употребляетъ и краткій исходъ, на пр., *lici* и *licami*. Въ В.-Лужицкомъ послѣ мягкихъ согласныхъ *-emi*, на пр., *kazańemi*. Впрочемъ, и Д.-Сербская письменность до самого конца XV-го в., благодаря дѣйствію Ц.-Славянскаго языка, постоянно отличала творительный п. мн. ч. отъ другихъ падежей, сохраняя его преимущественно въ Ц.-Славянскомъ видѣ. Сдѣсь мы для мужескаго и средняго р. такъ же часто находимъ полную форму: **царьми, кральми** (А. № 1), **обрѣтьми** (Ш. № VII), **сыньми** (С. № 15), **виногради** (С. № 21), **родителми, -ами, родителми** (А. №№ 6, 11; С. № 150), даже **родителемы** (С. № 95), **коими, коними, коньми** (А. №№ 6, 14; З.), **селми, сельми, селми** (А. № 9; З.; С. № 84), **властелми, -льми, телми** (А. № 12; С. №№ 66, 77, 86), **приятельми, приятелми** С. №№ 57, 97, 142), **дрьвьми, дрьвми, дрвми** (С. №№ 84, 86, 96, 98, 99), **дарьми, дарми, дарми** (С. №№ 86, 100, 103, 120, 133, 136, 150), **листьми** (С. № 106), **нотарьми** (С. № 136), въ одной Аѳонской **славословиями** (А. № 20) и пр. и пр., какъ и краткую: **сьсоуди, -ы, сьсоуди** (Ш. № VII; А. №№ 2, 3, 11), **еуангели, еванђели** (Ш. № VII; С. № 140), **дрѣви** (Ш. № VII), **трьги** (С. № 2), **боляры** (С. № 3), **гради** (С. №№ 16, 21), **властели, -ы, -ѣ, -тели, властели** (С. №№ 2, 4, 15, 20, 43, 46, 55, 61, 77, 81, 83—86, 89, 95, 97, 104, 107, 114, 116, 117, 120, 127, 129, 132, 133, 141, 142, 144, 150, 156, 158, 176; Г. Б; З.; А. № 18), **винограды, -ѣ, -и** (А. №№ 3, 4, 6, 10, 14; С. № 35), **селы, -и, -ми, сели** (А. №№ 4, 8, 13, 14; С. №№ 35, 46, 84, 86, 89, 96—98 140; З.), **пра- прѣ- родители, -ѣ, родители** (А. № 6; С. №№ 35, 66, 81, 85, 103, 120, 133, 136, 144, 145, 150; Г. Б), **цри, цари** (С. №№ 142, 176), **чеды** (С. № 176), **крали, ђимоњири, камири** (С. № 35), **истьстии** (С. № 66), **дарѣ** (А. № 10; В. № 1; С. №№ 81, 85, 95), **сини** (С. № 78), **правилїи** (В. № 2), **нотари** (С. №№ 84, 86, 89, 96—99, 118, 150), **ђисари** (Ю.), **дѣли, -ы** (С. №№ 86, 178), **приятели, -ятели** (С. №№ 114, 140), **поли** (С. № 140), **братучеди и -чедьми** (С. № 141), **крали** (С. № 142) и пр. и пр.— во всѣхъ грамотахъ и во всѣхъ вѣкахъ. Это послѣднее окончаніе даже замѣтно преобладаетъ надъ первымъ. По этому мы думаемъ, что прежде, чѣмъ

Сербы отожествили всѣ три падежа, творительный муж. и сред. р. исходилъ на -и (Ц.-Слав. -ы) и -ми, какъ у Хорватовъ и Хорутанъ: отъ того и теперь за Дунаемъ и въ пѣсняхъ слышатся въ этомъ падежѣ окончанія -и, -ови, -еви. Такъ какъ краткая форма на -и часто по внѣшности сходилась съ именительнымъ п. мн. ч., муж. р., то трудно рѣшить, усиливали ли они здѣсь ъ, ь въ и, или прямо брали форму именительнаго п. мн. ч. для своего -има. Но что у Д.-Сербовъ дѣйствительно происходило подобное смѣшеніе, то доказательствомъ тому служатъ формы именительнаго п. мн. ч., употребляемыя въ творительномъ п. еще въ древней ихъ письменности. Таковы: ꙁасѣлци, -сѣлци, -селци -сельци, -селци, ꙁасеоци, -оци (А. NN№ 10, 12, 14; Ш. № 11; С. NN№ 84, 86, 89, 96—99, 107, 140), можетъ быть, и отъ именительнаго ꙁасельць, хотя такой формы мы нигдѣ не встрѣчаемъ, но напротивъ для того же падежа есть другая: ꙁаселки, -ьки, ꙁаселки (С. NN№ 37, 176; З. А.) отъ именительнаго ꙁасельць; власи (Ш. № 11; С. № 41), ѳрѹги (А. № 15), заіданци (А. № 18), угодници (С. № 93), [illegible], [illegible], [illegible] (С. NN№ 107, 114, 127, 133), раꙁлоꙁи (С. № 132), трьꙁи (С. NN№ 132, 137), строинци (С. NN№ 142, 145), свитинци (С. № 145). Этому смѣшенію еще болѣе помогло смягченіе ы въ и, хотя Сербы и знали настоящую форму творительнаго п. на -ы или, по ихъ правописанію, -ы (твердое и) и мѣстами въ Восточныхъ гр-хъ ясно писали ее, какъ на пр.: волмры (С. № 3), удиы, долѣны (А. № 3), ѩꙁыкы, влахы (А. № 4), оброкы (С. № 178), [illegible] (Мл.) и т. д. Но все таки здѣсь не былъ одинъ перезвукъ гортанныхъ въ свистящія по случаю и, заступившаго мѣсто ы: здѣсь дѣйствительно есть форма именительнаго, какъ видно изъ дальнѣйшаго образованія творительнаго: воларими (С. NN№ 12, 14), ꙁаселцими, -ѣми (Ш. № VII; А. № 6): здѣсь эта форма взята отъ именительнаго п. мн. ч., но только еще съ Ц.-Славянскимъ окончаніемъ -ми вм. -ма. Обратимъ вниманіе на древность ея: стало быть, уже въ началѣ XIII-го в Сербскій книжный языкъ сталъ вводить народное образованіе въ творительномъ п. мн. ч.[3] Подобную форму находимъ еще разъ: трꙁими (С. № 82), гдѣ способъ образованія совершенно ясенъ. Ц.-Славянскій языкъ прибѣгаетъ весьма рѣдко къ подобному образованію: но тѣмъ не менѣе его -овы не иначе можно объяснить, какъ этимъ же путемъ, ибо хотя собственно -ы есть уже соединеніе конечной основной полугласной съ образовательною и, однако вставка -ов, прямо взятая изъ именительнаго п. мн. ч., показываетъ, что на -ы смотрѣли уже, какъ на отвлеченное окончаніе, забывая въ немъ слитіе основы съ падежнымъ признакомъ. Если бы это окончаніе было образовано правильно, по подобію съ другими падежами, то оно было бы -ъмы. Но Д.-Сербскій языкъ, воспользовавшись этимъ примѣромъ въ своихъ формахъ: градовы, -и (А. № 1; С. NN№ 55, 127), дарови (С. № 54), сйнови, синови (С. NN№ 62, 118; А. № 19), крьстови (Ш. № 14), листови (С. № 128), луговн (С. № 140), повелъ образованіе далѣе и придалъ къ -ов полное окончаніе -ми, чего уже нѣтъ въ Ц.-Славянскомъ языкѣ: листовьми, -ими, листовми (С. NN№ 108, 112, 115), синовми (С. № 128). Самые NN№ грамотъ указываютъ на народное происхожденіе этой формы, отъ которой не далеко было и до нынѣшней -овима, -евима. Въ именахъ на -анъ находимъ опущеніе, какъ въ дѹбровьчанъ; таковы: дѹбровчаними (С. № 116), кошнани, ванитани (З. А.), вм. дѹбровчанами, кашнанми, ванчанми или -ьми: иначе если бы не было тутъ формы ми, а была бы кратчайшая -ь, то въ первомъ и третьемъ словахъ, по свойству грамотъ, стояло бы ѣ вм. ѧ, да и форма жен. р. -ами противорѣчила бы древ-

нему и нынѣшнему языку. Отъ люди, людi — людьми, людми, люми, людми, людьми, люми, людми, людми (С. №№ 20, 21, 35, 37, 55, 77, 84, 88, 89, 96—99, 101, 102, 104, 107, 114, 141, 142, 144) и люди (Ш. № XVIII, въ С. № 20 —ми; С. № 21), даже людьи (С. № 16), камень имѣетъ камени (С. № 121), какъ бы съ твердымъ исходомъ; уста—усти, ўсты, оусти (А. №№ 1, 20; С. № 175). Слова съ нарощеніемъ: тудеси (С. № 35), имени (А. № 14; С. № 78). Такимъ образомъ мы видимъ, что языкъ Сербскій, удерживая Ц.-Славянскую форму, въ то же время, и весьма рано, началъ вводить свой способъ образованія, прибѣгая для этого къ именительному п. мн. ч.; но все таки онъ не отступалъ отъ формы Ц.-Славянскаго языка и удерживалъ при своемъ способѣ образованія тѣ же признаки, которыми этотъ падежъ отличается отъ другихъ не только въ Д.-Булгарскомъ, но и въ прочихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Въ этомъ случаѣ нынѣшній Сербскій языкъ уклонился отъ нихъ и въ дальнѣйшемъ своемъ движеніи впалъ въ скудость и однообразіе.

Въ женскомъ р. падежъ этотъ образуется въ Д.-Сербскомъ языкѣ чрезъ приставку -ми, къ основной гласной а, ѣ, или къ полугласной, какъ и въ Д.-Булгарскомъ. Нынѣ для гласнаго исхода *-ама*, для полугласнаго *-има*, гдѣ *и* есть усиленіе *ь*. Находимъ замѣчательное сокращеніе мѣми (С. №№ 97, 179), ср. мѣсами (С. №№ 37, 96, 98, 118). Укажу на слова муж. р.: шоурами (А. № 5), или съ сокращеніемъ а въ ь: шоурьми (А. № 6), ближиками (С. №№ 101, 102, 120, 133). Краткое окончаніе вообще не употребляется для женскаго р.; но сдѣсь однажды встрѣчаемъ печати (С. № 78), какъ иногда поступаетъ и Хорутанскій языкъ; либо же сдѣсь печать принято въ мужескомъ р.

Мѣстный п. мн. ч. представляетъ нынѣ ту же скудость и однообразіе: онъ испыталъ такую же участь, какъ и предшественникъ его. Нынѣ онъ ничѣмъ не отличается отъ дательнаго и творительнаго и совершенно утратилъ свой признакъ, принявъ общее образованіе на *-ма*. Но прочія Славянскія нарѣчія отличаютъ его самобытнымъ признакомъ *x*, произшедшимъ чрезъ перезвукъ изъ древнѣйшаго *с*, какъ это видно изъ формъ Д.-Чешскаго на *-as*, на пр.: *Lužás*, *Polás*, *twýs* и т. п. [1] Въ Санскритѣ, Литовскомъ и Греческомъ языкахъ существуетъ первоначальное образованіе *-su* и *-šu*, *-sa*, *-se*, *-σι*. Надо предполагать, что духъ Индоевропейскихъ языковъ не всегда допускалъ прямое соединеніе этого признака съ основою слова и прибѣгалъ иногда къ измѣненію конечной основной гласной. Такъ въ Санскритѣ происходитъ усиленіе *a* въ *ê*, въ Литовскомъ *a* и *u* измѣняются въ *ů*, *à* въ *o*; въ Греческомъ *-οισι*, *-οις*, но въ послѣднемъ гораздо чаще *-σι* приставляется въ чистой основной гласной: то же видимъ и у Славянъ. Обыкновенно Славянскія нарѣчія послѣ твердаго исхода въ мужескомъ и среднемъ р. усиливаютъ основную гласную или полугласную въ *ѣ*, которое въ нѣкоторыхъ переходитъ въ *и*, Д.-Булг. -ѣхъ, Хорв. *-ih*, Хорут. *-ih* и *-ėh*, Чеш. *-ých* и *-ech*. Было ли это въ древнѣйшемъ Славянскомъ языкѣ необходимо, рѣшить трудно; но у Д.-Булгаръ находимъ и форму на -ъхъ и потомъ -охъ; дальнѣйшее движеніе этого падежа у Славянъ пошло, какъ видимъ, къ усиленію. При мягкомъ исходѣ, большею частію, бываетъ подобное явленіе. Но въ старину усиленія или вовсе не было, или было оно слабѣе. Такъ Ц.-Славянскій въ гласномъ исходѣ оставляетъ конечную гласною -и и -є: -ихъ, -єхъ; при мягкомъ ь съ губными,

[1] Палацкій, Die ältesten Denkmäler der böhmischen Sprache. Prag, 1840. Стр. 200.—Шафарикъ, Počátkowé Staročeské mluwnice, тамъ же, стр. 32.—Časopis Českého Museum, 1847, sw. II, стр. 134.

зубными и свистящимъ с, а иногда и плавными, оставляетъ ь: -ьхъ. Но вмѣстѣ съ этою послѣднею формою онъ имѣетъ и усиленную съ є ви. ь, -ѥхъ, а при другихъ мягкихъ полугласныхъ исходахъ постоянно -ихъ, даже вышеприведенное -ѥхъ отъ средняго р. на -є переводитъ иногда въ -ихъ. Но не столько усиленіемъ должно назвать это явленіе, сколько сгущеніемъ или суживаніемъ голоса, подобнымъ Чешскому, гдѣ во всѣхъ этихъ случаяхъ стоитъ *-ích*, у Хорв. постоянно *-ih*; но у Хорутанъ вмѣстѣ съ *-ih* и *-éh* для словъ односложныхъ, имѣющихъ въ именит. п. мн. ч. *-je*. Во всякомъ случаѣ полугласное *ь* переходитъ въ *е*, а это достигаетъ до *и*, или до сгущеннаго *é*. Въ женскомъ р. усиленія не бываетъ: -ахъ, -ьхъ, но полугласный исходъ можетъ въ Д.-Булгарскомъ возстановлять ь въ є: -ѥхъ; это озвукотвореніе въ Хорватскомъ, Хорутанскомъ и Чешскомъ перешло въ стянутое *-ih*, *-ích*. Мы не упоминали о Русскомъ, Польскомъ и Лужицкомъ, которые для всѣхъ родовъ и исходовъ принимаютъ общее окончаніе *-ахъ*, *-яхъ*. Впрочемъ изъ старинныхъ памятниковъ видно, что и они имѣли *-охъ*, *-ехъ*. Сильное стремленіе къ обобщенію отразилось и въ Чешскомъ, гдѣ для твердаго исхода муж р. находимъ и *-ach*, и въ Хорватскомъ и Хорутанскомъ, которые для средняго р. вмѣстѣ съ *-ih* имѣютъ и *-ah*. Д.-Сербскій языкъ держался Ц.-Славянскаго образованія, измѣняя передъ ѣ гортанныя въ соотвѣтствующія свистящія. Но здѣсь должно припомнить то, что онъ по своему понималъ твердость и мягкость исхода въ извѣстныхъ словахъ и что нерѣдко замѣнялъ ѣ черезъ є, и на оборотъ мягко звучащее є обращалъ въ ѣ. Отсюда проистекаетъ наружное отличіе нѣкоторыхъ его формъ отъ Ц.-Славянскихъ. Разсмотримъ ихъ ближе. Твердый исходъ въ мужескомъ и среднемъ р. принимаетъ окончаніе -ѣхъ или, по другому правописанію и другимъ подрѣчіямъ, -ехъ, -ѥхъ, -иехъ, -ихъ съ извѣстнымъ перезвукомъ гортанныхъ: парицѣхъ (А. № 1), конницѣхъ, распоустѣхъ (Ш. № VII), уедѣхъ, -ѣ, -иехъ, уе́дѣхъ, уедѣхъ (Ш. № VII; А. NN№ 3—6, 8 — 10. 17; С. NN№ 35, 107, 114, 127, 175, 176), уедихъ (С. № 118), уе́дехъ (Мл.), послѣдѣ, -иехъ, -ехъ (С. NN№ 10, 104. 107), законехъ, -ѣ, -ѣхъ, иѣ (С. NN№ 16, 50, 53, 54, 66, 85, 95, 107, 127, 133, 142) и въ грамотахъ, измѣняющихъ ѣ въ и: законихъ (С. NN№ 81, 136, 150); кратѣхъ, -ѣхъ (С. NN№ 16, 164), селѣхъ -ѣ (С. № 16; А. № 6; З.), брьнацѣхъ, понецѣхъ (С. NN№ 27, 43), дворѣхъ (А. № 2), хрїсокоуѣлѣхъ (А. № 6), оустѣхъ (С. № 51), власѣхъ, прилѣпѣхъ (С. № 176, Іеросолїмѣхъ (Г. А), лѣтѣхъ, лиетихъ, литихъ (С. NN№ 66, 103, 171), звѣтѣхъ (С. № 66), катоунѣхъ (З.), памѣтарѣхъ, вълѫзѣхъ (С. № 78), дворѣ (С. № 80), лиестихъ, -ѣ -ѣхъ, -иехъ, листихъ (С. NN№ 81, 85, 86, 88, 94 — 96, 98, 99, 103, 120, 133, 136, 150, 164); звѣтихъ, звѣтихъ, звитихъ (С. NN№ 81, 85, 95, 103, 136), дилихъ, дѣлихъ и -иехъ, дѣлѣхъ (С. NN№ 83, 104; А. № 20), кот-рихъ (С. № 89), грѣсѣх (Ю.), записиехъ, ехъ, -ѣхъ, -иѣ -иехъ, -иехъ, -иѣ, -ѣ, -ихъ, -ѣ (С. NN№ 101, 102, 105, 117, 120, 124,—126, 132, 133, 136, 142—144, 150), арьбанасѣ (С. № 113), судѣ (С. № 115), дѫнатиехъ, динариехъ, покладехъ и -дѣехъ (С. № 128), поносиехъ (С. № 134). дѫкатихъ (С. NN№ 135, 158), обѣтиехъ, -ѣе (С. NN№ 142, 143, 144), отоцѣ (С. № 168), белѹзѣхъ (Мл.). иѣцѣхъ (С. № 178). Замѣтимъ, что всѣ тѣ грамоты, которыя имѣютъ -ихъ, измѣняютъ и въ другихъ случаяхъ ѣ въ и и обратно и въ ѣ; слѣдовательно, здѣсь не виноватъ падежъ: здѣсь явленіе звуковое. Какъ мало обращалось здѣсь вниманія на самый падежъ, видно изъ того, что одна и та же грамота допускаетъ двоякое окончаніе; такъ: записѣе (С. NN№ 126, 144) и записихъ, -ѣ

(С. №№ 126, 144). Другое дѣло перемѣна твердости въ мягкость: получая мягкій исходъ, имена принимаютъ и сообразное падежное окончаніе. Такъ мы видѣли двоякій исходъ въ словѣ **крисовуль**; такъ и теперь вмѣстѣ съ предыдущею формою на **-ѣхъ** находимъ и **хрисовоулих** (Г. А) — въ грамотѣ, въ которой писецъ не мѣняетъ **ѣ** въ **и**. Иногда Д.-Сербскій языкъ удерживаетъ твердое Ц.-Славянское образованіе на **-охъ** исключительно въ грамотахъ, подверженныхъ вліянію этой стихіи: **трьго** (С. № 22), **домохъ**, **-охъ** (А. № 2; 3.), но **сел(о)хъ** (3.), **бол(ѣ)хъ**, **(п)оло(хъ)** (А. № 16), **инокохъ** (Г. V). Замѣтимъ въ мужескомъ р. еще форму отъ именительнаго п. мн. ч.: **-овѣхъ**, **-овохъ**: **трьговѣхъ**, **-ѣ**, **-ѣ** (С. №№ 22, 28, 36, 43, 54, 73, 91, 111; 3.), **градовѣхъ**, **-ехъ**, **-ихъ** (С. №№ 29, 54, 55, 91, 118; 3.), **сѫдовихъ**, **-ихъ**, **-ехъ**, **-ѣхъ** (С. №№ 115, 128, 130, 134). Обиліе ея показываетъ, что такое образованіе не было противно народности, и она охотно допускала его, ибо и нынѣшній мѣстный п. мн. ч. иногда образуется изъ именительнаго мн. ч. и исходитъ на *-евима*, *-овима*. Имена съ мягкимъ исходомъ принимаютъ окончаніе **-ихъ** и **-ѣхъ**; но если иногда вмѣсто **-ѣхъ** пишутъ **-ѣхъ**, **-ихъ** и т. д., то это дѣло одного правописанія, относящееся къ звуковымъ явленіямъ, а не падежнымъ; за то **-ихъ** не есть уже смѣна съ **-ѣхъ**, но самостоятельное падежное окончаніе, ибо его находимъ и тамъ, гдѣ этой смѣны вовсе нѣтъ. Приведемъ примѣры: **спорихъ** (Ш. № VII), **днихъ** (Ш. № XVIII), **конехъ** (А. № 6), **кони** (А. № 14), **срьбли**, **-ѣ**, **-ѣхъ**, **-и** (Ш. № 11; С. №№ 111, 118, 137) и **срьбли**, **-ихъ** (С. №№ 40, 91), **монастырехъ**, **-ѣ**, **-ѣхъ** и тутъ же **-ихъ** (А. № 10; 3.; Мл.), **црихъ**, **црѣхъ**, **-ѣхъ**, **цри** (Г. А, Б; А. № 13; С. № 90), **поклисарехъ**, **-ѣхъ** и тутъ же **-ихъ** (С. №№ 127, 163) и **поклисарихъ**, **-ѣхъ** (С. №№ 127, 139, 144, 145, 150, 158), **клатели**, **властелихъ** (С. №№ 132, 139) и **властели**, **-ѣхъ**, **-ихъ** (С. №№ 150, 158, 163, 166, 167), **прьстенехъ** (С. № 134), **сказнехъ** (Мл.); **ѥсенехъ** (А. № 6). И такъ мы видимъ при плавныхъ двоякую форму, какъ и въ Ц.-Славянскомъ; но та и другая стоятъ на сторонѣ мягкости. Имена, исходящія на **ц** и **ʒ**, принимаютъ чаще **-ихъ**, рѣже **-ѣхъ**. Сербскій языкъ не такъ строго различаетъ эти окончанія, какъ Ц.-Славянскій. Такъ: **мьсцихъ** (Ш. № VII), **трьговцихъ** (С. № 53) и **трьговци** (С. № 113), **лившцихъ** (С. № 81), **оконцехъ** (С. № 134), однажды **тѣʒѣхъ** (С. № 70); **лицехъ** (С. № 175). Сюда относятся имена средняго р. на **-ще**: **жельʒницихъ** (А. № 6), **пашницихъ**, **тегобницихъ** (Мк.), **праницахъ** (3.), **селищихъ** (С. № 89), **сиротищехъ**, **-ѣхъ**, **-ихъ** (С. №№ 94, 96, 107), чрезъ перезвукъ изъ **и** или **е**: **сиротищахъ** (С. № 98). Для исхода **с** мы имѣемъ только одно слово **ʒаписъ**, о которомъ нельзя сказать навѣрно, какъ звучало оно, твердо, или мягко. Другіе падежи свидѣтельствуютъ, что оно звучало твердо, какъ на пр.: **ʒаписа** (С. № 116), **ʒаписомь** (С. №№ 107, 118). Отъ того мы помѣстили его подъ твердый исходъ. Имена, исходящія на гласную, имѣютъ **-ихъ**, какъ въ Ц.-Славянскомъ: **праихъ** (С. № 81), **воихъ** (С. № 179), **направлѣнихъ** (А. № 4). Но нѣкоторыя средняго р. впадаютъ въ женское склоненіе, какъ у Хорватовъ и Хорутанъ: **сьʒданихъ** (А. № 4), **ʒаписанихъ** (С. № 55), **по писаньѣхъ**, **-ихъ** (С. №№ 96, 98) и чрезъ перезвукъ **по писаньахъ** (С. № 107), **клаʒаньахъ** (С. № 118). Впрочемъ, здѣсь навѣрно рѣшать нельзя, женская ли это форма, или образованіе отъ именительнаго п. мн. ч., какъ замѣтили мы въ творительномъ. Окончаніе **-ь** (**ѣь**) имѣетъ **-ихъ**: **людолюбнихъ**, **истиннихъ** (С. № 176). Однажды только для мягкаго исхода встрѣчаемъ **пѫтѣхъ** (С. № 36). Вспомнимъ одинокое **сѫжнике** и убѣдимся, что Д.-Сербскій еще менѣе, чѣмъ **-овь**, любилъ **-евь**. Въ этомъ онъ сошелся съ

Ц.-Славянскимъ, который только уже въ позднѣйшихъ памятникахъ сталъ допускать **-ѣхъ**. Имена на **-ане** принимаютъ образованіе отъ чистой основы: **дѣтахъ, прапрадяхъ, комарахъ**, ср. **дѣтчани, прапрадчани, комарани** (С. № 176) и Д.-Рус. *Поляхъ*, *Деревляхъ*, Д.-Чеш. на *-as*. **ять** произносилось мягко и въ этомъ видѣ произвело: **ятехъ, поутѣ** вм. **-ѣ** (С. № 16; А. № 17) и **ятехѣхъ** (С. № 36). Отъ **люди, људи—людехъ, -ехъ, -ѣхъ -ѣ, -ѣ, људехъ** (З; С. №№ 78, 87, 109, 121, 132, 157). Имена средняго р. съ приращеніемъ имѣютъ **-ехъ: по времнехъ** (С. № 16), но чрезъ перезвукъ **-ѣхъ** и **-ихъ: временѣхъ** (Ш. № IX; С. № 2), **ꙗсѣхъ, -ѣ, нѣбо небесихъ, небесихъ** (А. №№ 3, 5; С. №№ 103, 136, 176). Отъ **тѣло—тѣлехъ** (Ш. № XVIII) и **тѣлахъ** (С. № 16). Неправильно образовано **по имено** (А. № 14). Женскій р. имѣетъ **-ахъ** и **-яхъ** для гласнаго исхода и **-ехъ** для согласнаго. Замѣчательно, что здѣсь Ц.-Славянское **ꙗ** переходитъ въ **а**, какъ и въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, кромѣ Чешскаго, а не въ **е**, какъ бы слѣдовало ожидать. Восточныя грамоты пишутъ, правда, **мнясѣхъ** (А. № 1), **метохіꙗхъ, слꙗхъ** (А. № 4), но здѣсь **ꙗ** есть то же, что **а**: по тому оно и находится въ состояніи косности, какъ отвердѣлый, безъ собственнаго значенія, знакъ для **а**. Другіе памятники, не смягчая гласной передъ **и**, пишутъ **поріахъ, кіновіахъ**, но тутъ же и **ꙁемлꙗхъ** (З.). Вообще же на мѣстѣ **ꙗ** находимъ **а**; такъ на пр.: **повелахъ, повелꙗхъ** (С. №№ 66, 114, 117, 120, 133; З.), **ꙁемлахъ, -ѣ, -ꙗх** (С. №№ 68, 81, 113), **судьꙗхъ** (С. № 89), **еклидиториꙗхъ** (С. № 158), или, не смягчая плавной: **повелахъ** (С. №№ 83, 85, 89, 95, 103, 136, 150), **ꙁемлахъ, -ѣ, ꙁемлахъ** (С. №№ 16, 85, 95, 150, 179; З. А.). Впрочемъ, находимъ и перезвукъ **е: ꙁемлехъ** (С. №№ 16, 89), **ꙁемлѣ** (С. № 168). Труднѣе рѣшить форму **отаннехъ, -ѣхъ**, то же, что **скровищехъ**, (С. №№ 101, 102). Не образована ли она отъ средняго р., какъ бы отъ **отание**? Или просто для женскаго р. взято образованіе на **-ѣхъ**. Вторая на **-ихъ** есть лишь перезвукъ для **-ѣхъ** (**ѣхъ**) по свойству грамоты. Согласный исходъ принимаетъ всюду **-ехъ**. Слово **црькꙑ** опять попадается лишь въ этой формѣ: **црькꙑхъ, црькахъ** (С. №№ 39, 176; З.). О предлогѣ **по** замѣтимъ, что множественное ч. нѣсколько освѣщаетъ его употребленіе: здѣсь, по причинѣ различія формъ, мы видимъ, что сочиненіе его болѣе склоняется къ мѣстному п., чѣмъ къ дательному; съ первымъ находимъ его тамъ, гдѣ Ц.-Славянскій языкъ поставилъ бы со вторымъ. Такъ въ первомъ значеніи онъ постоянно сочиняется съ мѣстнымъ п., на пр.: **по властехъ** (С. № 78), **по местихъ, -ѣхъ, -ехъ, -ѣ** (С. №№ 86, 94—96, 98, 103, 120, 133, 136, 150, 164), **по ꙁаписихъ** (С. № 132), **по скаꙁехъ, по велеꙁѣхъ** (Мл.), **по повелахъ, -ѣхъ** (С. №№ 83, 85, 120, 133, 150), **по книгахъ** (С. № 130), **по имено** (А. № 14), **по писмѣхъ** (С. №№ 78, 132), **по вноальѣахъ, -ѣахъ** (С. №№ 96, 98). Въ пятомъ тоже: **по посласѣхъ, -ехъ, -ехъ** (С. №№ 104, 107), **по непокѣхъ** (З.), **по людѣхъ, -ехъ, -ехъ, -ѣ** (С. №№ 87, 109, 121, 132, 157), **по властелехъ, -ехъ, -ихъ, -ѣхъ, -ѣ** (С. №№ 132, 139, 150, 158, 163, 166, 167) и пр. Также и въ шестомъ: **по трьговѣхъ, -ѣ, -вѣ, трьгѣ, тръговѣ** (С. №№ 22, 28, 36, 43, 54, 73, 91, 111, 137; З.), **по ятехѣхъ** (С. № 36), **по моріахъ, по ꙁемлахъ, по црькахъ, по жоупахъ** (З.), **по ꙁемлѣ** (С. № 118), **по селѣ, -ехъ, -ѣхъ** (А. № 14; З.), **по мѣстѣхъ, мистихъ** (С. №№ 71, 88, 129) и пр. Только не болѣе двухъ разъ предлогъ **по** въ этомъ значеніи сочиненъ съ дательнымъ въ древнѣйшихъ грамотахъ: **по трьгомъ** (С. № 2), **по ꙁемлямъ** (С. № 17). Слѣдовательно, и въ единственномъ ч. большая часть употребленія должна отнестись къ мѣстному п., не смотря на возрастъ и разрядъ грамотъ. Въ такомъ случаѣ

мѣстный п., а съ нимъ и народность, еще болѣе выиграютъ передъ дательнымъ п. и Ц.-Славянскою стихіею.

Въ заключеніе укажу не разницу между нынѣшнимъ образованіемъ мѣстнаго п. и тѣмъ, которое было въ старину. Теперь всѣ три падежа, дательный, творительный и мѣстный, одинаковы во всѣхъ трехъ родахъ. Основаніемъ для образованія, или, по крайней мѣрѣ, ближайшимъ къ образованію былъ дательный п.; остальные два, въ особенности послѣдній, образованы насильственно и не по своимъ законамъ, а приравнены къ дательному. Образованіе мѣстами отъ именительнаго п. мн. ч., измѣненіе основной конечной гласной, озвукотвореніе конечной полугласной въ *а*, перезвукъ конечнаго *и* творительнаго п. въ *а* и наконецъ признакъ *м* и для мѣстнаго п. суть дѣйствія языка въ его новѣйшемъ движеніи, клонящемся обыкновенно къ упрощенію и обобщенію грамматическихъ формъ. Въ этомъ дѣйствіи Сербскій языкъ ушелъ далѣе другихъ Славянскихъ нарѣчій, изъ коихъ нѣкоторыя тоже выказали движеніе, но только другимъ путемъ, обобщая формы для всѣхъ трехъ родовъ. Но образованіе на *-има*, *-ама*, *-яма* не исключило совершенно древнѣйшаго, которое проглядываетъ въ пѣсняхъ и въ народномъ говорѣ за Дунаемъ, въ Сремѣ, Бачкѣ и Банатѣ. Можно еще слышать дательный на *-ом* и *-ем*, творительный на *-и*, и мѣстный на *-и*, *-ем* для мужескаго и средняго р. и *-а* для женскаго. Въ послѣднемъ падежѣ недостаетъ только *х*, не произносимаго Сербами, чтобы падежъ этотъ приравнялся къ Хорватскому и въ то же время приблизился къ древнѣйшему образованію. Такъ точно и творительный п., оканчивающійся на *-и*, или *-ови*, есть древнѣйшая форма. Что до его формы на *-ма*, то, вѣроятно, она образовалась не прямо изъ *-ми*, но прежде *и* перешло въ полузвукъ *ь*, который часто опускается въ народѣ, произносящемъ *-им*, а потомъ, по праву общаго озвукотворенія полугласныхъ, перешло въ *а*.

Общее движеніе Славянскихъ нарѣчій обозначается, между прочимъ, постепенною утратою двойственнаго числа, такъ что теперь изъ живыхъ нарѣчій вполнѣ сохранили его только два: Хорутанское и Лужицкое. Въ прочихъ остались лишь весьма скудные слѣды. Но по мѣрѣ восхожденія въ глубь старины слѣды эти становятся все яснѣе и яснѣе, чаще и чаще, и наконецъ убѣждаютъ, что въ каждомъ нарѣчіи въ доисторическую его пору должно было существовать двойственное число въ такой же полнотѣ, въ какой оно донесено къ намъ письменностію Д.-Булгарскою. Древняя письменность другихъ нарѣчій, утратившихъ теперь двойственное число, не можетъ сравняться съ Д.-Булгарскою обиліемъ и правильностію формъ, но тѣмъ не менѣе и Польская, и Чешская, и Русская, и Сербская знаютъ и болѣе, менѣе употребляютъ его.[1] Нынѣ оно осталось повсюду лишь съ двойственнымъ числительнымъ и отчасти съ *три* и *четыре*. Но дожившія доселѣ съ двойственнымъ числомъ Славянскія нарѣчія значительно измѣнили его. Такъ Хорутанское имѣетъ для именительнаго и винительнаго пп. двойственную форму на *-i* и *-é* и на *-i* и *-a* вмѣсто однихъ *-é* и *-a*; въ мѣстномъ рядомъ съ *-ima* и *-ama* имѣетъ *-ih* и *-ah*. Такъ В.-Лужицкое прибавляетъ *j* къ окончаніямъ *-a* и *-oma*: *-aj*, *-omaj*, и вмѣстѣ съ Хорутанскимъ образуютъ родительный п. одинаково, какъ и во множественномъ ч. Наконецъ какъ Хорутанское, такъ и Лужицкія отвлекли мѣстный падежъ отъ родительнаго и приравняли его къ дательному и творительному. То же замѣтно и въ Д.-Польской письменности. Таковы были перемѣны, постиг-

[1] Краткое изложеніе судебъ двойственнаго числа см. въ сочиненіи Новикова: О важнѣйшихъ особенностяхъ Лужицкихъ нарѣчій. Москва. 1849.

шія двойственное ч. въ повременной его жизни у Славянъ. Одна только Д.-Булгарская письменность сберегла его во всей его чистотѣ; прочія же древнія письменности представляютъ лишь отрывки его, иногда въ искаженномъ видѣ. Полнѣе всѣхъ находимъ его въ Д.-Чешской; но въ Д.-Русской и Д.-Сербской, вѣроятно, по причинѣ болѣе ранняго забвенія, оно явно держится лишь подражаніемъ Ц.-Славянскому. Въ Д.-Сербской большею частію не находимъ его тамъ, гдѣ ему слѣдовало бы стоять; преимущественно оно употребляется при двойственномъ числительномъ, какъ было и въ Д.-Польской письменности; въ прочихъ же случаяхъ, когда нѣтъ слова съ исключительно двойственнымъ значеніемъ, тогда писцы забываютъ, что они говорятъ о парѣ лицъ, или предметовъ, и ставятъ все, къ нимъ относящееся, въ числѣ множественномъ. Мы могли бы привести сотни примѣровъ, но воздерживаемся отъ лишней траты времени и представимъ только одинъ примѣръ смѣшенія формъ изъ договора Дубровничанъ съ Булгаріею, который по древности своей и замѣтному желанію писца придержаться Ц.-Славянской стихіи, обѣщаетъ болѣе правильности въ отношеніи послѣдней, чѣмъ другія гр-ы Западной семьи. Вотъ клятва изъ него: нь. ка и вь стое. еваньгли. вѣры. и вь светую. девою(ию). марию. мати. его. и вь уобе. животворещи. крть. и вь стию. апли. петра. и павьла. и блаженою. четири. еваньгелисть. марьяа. матея. лука иоанна. и вь стотою. мученике гие власиа. докраньтья. петра. и андрию. нашехь светитель. (С. № 16). Сдѣсь видно желаніе соблюсти двойственное ч., но съ одной стороны народность, съ другой порча, начинавшая водворяться въ Д.-Булгарскомъ языкѣ при Асѣнахъ, сбили Дубровницкаго писца, и онъ, къ стати поставивъ его сначала, потомъ ставилъ уже не къ стати. Переходимъ прямо къ формамъ двойственнаго числа тамъ, гдѣ ихъ находимъ.

Именительный и винительный пп. имѣютъ одинаковыя окончанія, какъ и въ Д.-Булгарскомъ языкѣ, т. е., -а, -и, -ѣ, -и. Такъ какъ и нынѣ Сербскій языкъ слова *оба*, *два* и ихъ видоизмѣненія сочиняетъ съ двойственнымъ ч., которое, впрочемъ, граматики зовутъ родительнымъ п., то измѣрять взаимное отношеніе двухъ стихій можно лишь по другимъ случаямъ; но этихъ случаевъ, какъ сказали мы, весьма мало, и они, по большей части, ограничиваются Восточною семьею и грамотами древнѣйшаго времени. Таковы: ѡдоумысль и стражимирь адамовика (С. № 15), ходатаи ѡбрѣсти ка и воѥ҆ и хранителѣ и прѣстатели, и тутъ же ѡни бо прѣдстоещи устраяють (С. № 35); ланитѣ (А. № 6), роуцѣ (С. N. 176), оущи (З.), ѡчи, ѻчи, ѡчи, ѻчи, ѻчи (А. №№ 4, 8, 10; С. №№ 51, 55, 176), ср. Д.-Булг. очи, оуши; црѣкве (М.і.). Сюда отнесу еще форму: рѹци, на пр., поставивьше рѹци, встрѣчающуюся въ Западныхъ грамотахъ (С. №№ 85, 95, 103, 136, 150). Это не есть винительный п. мн. ч., ибо таковой очень часто находимъ въ формѣ рѹке, -е (Ш. № VII; С. №№ 78, 98, 125, 164; З. А.); но, безъ всякого сомнѣнія, это двойственное ч., измѣнившее по свойству грамотъ -ѣ въ -и. Вотъ и всѣ примѣры этихъ падежей двойственнаго ч. безъ упомянутыхъ числительныхъ. Но съ числительными они многочисленнѣе. Приведу нѣкоторые для всѣхъ трехъ родовъ: дьва винограда, по дьва члоѵѣка (А. № 1), ѡба пера, по .в. кона, но тутъ же по. в. кони; ѡбѣ нивии, девеницѣ ѡбѣ и тутъ же правильнѣе девеници ѡбѣ (Ш. № VII), за дьвѣ недѣле (С. № 16), сѫдьцѣ ѡбои (С. № 21), двѣ тисуши, объясняющее, почему тутъ же есть и двѣ тисуки, ибо въ послѣднемъ к есть замѣнительное, (С. № 31), ѡбои враники, два вамѣра, по вї мрѣжеца, ѡбѣ хотѣли (А. № 6), ѡба повети (С. № 176,

два камена (А. № 11), обѣ острьвиць, два кѫи (С. № 57), два потока, обѣ гадими (Ш. № 14), обои владичьствии (С. № 66), обѣ црькве, обѣ роуцѣ, два дни (З.), двѣ тисѧщи (С. №№ 83, 85, 136, 150, 158), двѣ тисвщи, -е, -и (С. №№ 87, 123, 127, 130, 168), двие годищи (С. № 114), два гвглїа (С.-Д. М. 1844), оби полаче (С. № 96), двие ждилае, двие копатице (С. № 115), оби страни (С. № 116), двие грьиканице, в. тне, двои гривеннце (С. № 121), в. ѧ. ѧ. антри, -ѣ (С. № 124), двѣ ромите, дви видрице, две иозн, две тепсие, две жнанце, два кнкумари (С. № 130), дванадесете апостола (С. № 132), оба, два сина, двие кѣрѣ (С. № 156), двѣ ножнице, плитарее двѣ (С. № 157), ѧ кругли, ѧ кппи, ѧ ждѣлие, ѧ чаши (С. № 159), обѣдвие стране, двие тисѧще, -не, ѣѧѧ дукати (С. № 158), обадва синове, в дипрать, два диела (С. № 163), обѣ црькве (Мл.) и пр. и пр. Я нарочно привелъ бо́льшую часть примѣровъ, чтобы показать, какъ непрочно было двойственное ч. даже въ соединеніи съ двойственнымъ числительнымъ. Сдѣлаемъ слѣдующія замѣчанія: -е, -ѣ, -и мѣняются, послѣднія двѣ буквы не только через перезвукъ, но и чрезъ смѣшеніе окончаній, показывающее, что писцы начинали забывать Ц.-Славянское употребленіе: и это уже въ XIII-мъ в. Замѣнительныя г и к и мягкое ѣ принимаютъ то -е, то -и, то -ие (ѣ). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ множественное ч. смѣнило двойственное. Сложныя числительныя съ два, или когда въ ряду чиселъ это стоитъ послѣднимъ, управляютъ тоже двойственнымъ ч. хотя и не всегда.

Родительный и мѣстный пп. имѣютъ для всѣхъ трехъ родовъ -у и -ю: къ стню апли. петра. и павьла (С. № 16), о комоу, къ роукоу, обѣю моню (С. № 176), архистратигоу (С. № 35), прѣнииха, -оу стоую, -ю (А. № 10; В. № 1), властелину кнезу (С. № 48), прилоу твою, прилоу твоию (Г. А, Б), отъ двию црькоу (З.), двѣю брати (А. № 17), изъ руку (С. № 107), обѣю странуу, свѣтовъ насъ оби странуу (С. № 114), обею стране (С. № 123), съ обѣдвѣ стране (С. № 164), у своии руку (С. № 168). Отсюда видимъ, что имена одушевленныя вмѣсто винительнаго п. ставятся въ родительномъ. Даже слово страна, относясь къ одушевленнымъ предметамъ, стоитъ въ этомъ падежѣ. Иногда писецъ не умѣлъ сладить съ формою этого падежа и ставилъ вмѣсто нея форму именительнаго, или винительнаго: у двѣ ножници (С. № 157), о тии два монастира (Г. Б), о моя два дѣла, о оби цркве (Мл.).

Дательный и творительный пп. имѣютъ -ма: двима мадѣницама (А. № 2), роукама (А. № 6; С. № 176; Г. А, Б), ногами (Мк.), комома (С. № 176), архистратигома (С. № 35), властелинома (С. № 46), братама. вї аплома (С. № 179), очима (А. № 11; Ю.), обима странама (С. № 116), ві апостолома, -ьма (С. №№ 118, 140), ді строинкома (С. № 142), двима братанцима (С. № 163), синовцима, очима (Мл.). Опять находимъ несогласованныя формы: са два камених (С. № 119). Касательно количества и мѣста употребленія послѣднихъ четырехъ падежей должно сказать то же, что сказано о двухъ первыхъ.

Вообще всѣ примѣры безъ числительныхъ, съ небольшимъ исключеніемъ, относятся къ Восточной семьѣ и именно къ грамотамъ, ближайшимъ къ Ц.-Славянской стихіи и къ древнѣйшимъ вѣкамъ. Формы всѣхъ падежей — Ц.-Славянскія съ небольшими измѣненіями, порожденными временемъ и полузабвеніемъ. Тѣмъ не менѣе, самое удержаніе его есть признакъ еще сильнаго присутствія Ц.-Славянской стихіи, хотя, прибавлю, присутствія болѣе неподвижнаго, мертвеннаго и по тому отрывочнаго, чѣмъ живаго, движущагося и развивающагося.

Всего лучше доказываетъ это множественное ч., послѣдовательно и съ постепеннымъ успѣхомъ употребляемое на мѣстѣ двойственнаго. Стоитъ прочесть любую грамоту, чтобы убѣдиться въ справедливости нашихъ словъ. Что нѣкогда двойственное число существовало у Сербовъ, въ этомъ нѣтъ спору; но въ то время, какъ письменность застаетъ ихъ языкъ оно уже пропало, и формы, какъ сказалъ я, кажутся мертвыми, ибо составляютъ заимствованіе; живые слѣды остались только при числительныхъ, какъ и во всѣхъ прочихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Но за то нынѣ числительныя *три, четири* послѣдовали примѣру своего предшественника и сочетаются тоже съ двойственнымъ ч: этого нѣтъ въ древней письменности, гдѣ при нихъ постоянно находимъ число множественное.

Мы просмотрѣли движеніе именъ существительныхъ со всѣми его оттѣнками и частными особенностями. Постараемся же собрать во едино главнѣйшія черты Д.-Сербскаго книжнаго языка, отразившіяся въ его временныхъ судьбахъ.

Мы видимъ, что въ этой области движенія, какъ и въ области звуковъ, Д.-Сербскій книжный языкъ, соединяя въ себѣ и народность и слѣды воздѣйствія Ц.-Славянской стихіи, стоитъ на границѣ между древнѣйшими формами, болѣе общими для всего Славянскаго языка, и новѣйшими, начинавшимися выособляться и становиться отличительно Сербскими. Въ немъ находимъ остатки первичнаго образованія безъ опредѣленнаго окончанія: **вьнетьнь, дѫбровьчь**, откуда **дѫбровьчьни, вьнекь, сась**. Потомъ первое опредѣляющее окончаніе является въ -**ань**: **хумлянь**, и съ этимъ окончаніемъ имена вступаютъ въ движеніе опять въ первоначальной кратчайшей формѣ на -**амь**. -**ами**, -**ахь**: **градамь, дѫбровчамь, -ми, кошнями, конкчами, дѫхахь, комарахь, прапранихь**. Потомъ является уже полная: **дѫбровчаномь** и т. д. Въ единственномъ ч. еще находимъ форму -**ань**: **хумлянина**, которая впрочемъ уступаетъ другой, еще болѣе опредѣленной или, какъ нѣкоторые называютъ, членной на -**янинь**, рядомъ съ которою стоитъ третья на -**инь**. Первичное сродство въ представленіи и формѣ прилагательныхъ съ существительнымъ открывается изъ древнѣйшихъ формъ **сыновь, трьне, добре** и т. п., равно какъ **двиан, вьдовам**, которыя употреблены, какъ прилагательныя опредѣленнаго в., тогда какъ ихъ неопредѣленный в. принятъ за имя существительное. Этотъ взаимный переходъ прилагательнаго въ существительное и обратно показываетъ, что первоначально духъ языка создавалъ то и другое подъ однимъ воззрѣніемъ, но сила употребленія разграничила ихъ оттѣнкомъ значенія, основаннымъ на общности и частности предметныхъ свойствъ. Равно древнѣйшая форма безъ опредѣляющаго исхода является съ первоначальною образовательною б-ю и въ словѣ **монахы**; съ тѣмъ же исходомъ, но въ болѣе опредѣленной формѣ находимъ **авгоустыни** — остатки первоначальнаго языка, допущенные подъ вліяніемъ Ц.-Славянской стихіей. Къ немногимъ Д.-Булгарскимъ словамъ муж. р. на -**ии**, какъ на пр. **мъракии**, прибавимъ встрѣчающееся у насъ **нети**. Д.-Сербскій языкъ сохранилъ краткое перезвукованное окончаніе въ удержавшейся и до селѣ формѣ **мами**, равно какъ въ женскомъ р. **любы, црькви**, разлагающія свое ы, и на усиленіе изъ первоначальнаго *у*— -**ов**: **любовь, црковь**, гдѣ о слабѣетъ до ь, которое иногда озвукотворяется въ а: **любьвь, любавь**; духъ Сербскаго языка стремился къ озвукотворенію окончанія переведеніемъ этого исхода въ гласный на -**ьва**: **любьва, црькva**; мы находимъ и **мастьхл** и **мастьвь** съ соотвѣтственнымъ этимъ двумъ формамъ дальнѣйшимъ движеніемъ. Другія кратчайшія формы, какъ **мати, кьи**, сохранились и доселѣ у Сербовъ и принадлежатъ, какъ **ками** и многія имена средняго р., къ числу

такъ называемыхъ именъ съ нарощеніемъ, но собственно именъ, принявшихъ кратчайшую форму вмѣсто древнѣйшей полной, или поглотившихъ въ своемъ исходѣ носовой отзвукъ, либо цѣлую причастную форму. При движеніи эти имена возстановляютъ признакъ полнѣйшей формы: одни въ с, какъ небо, чудо, слово и пр., которыя, впрочемъ, по свойству народнаго языка, въ единственномъ ч. остаются въ краткой формѣ, а во множественномъ иногда возстановляютъ с, иногда нѣтъ; другія въ н, какъ камы, племе; третья въ р, какъ мати, дъщи; четвертыя въ т, какъ дѣте. Послѣднимъ слѣдуютъ по подражанію нѣкоторыя имена собственныя муж. р. на -е, происходящія отъ прилагательныхъ средн. р., или иностранныя, на пр., урьвете, мните, смета, урьсетки, а также одушевленныя средняго р., на -е, на пр., хибутетки. Имена средн. р., поглотившія въ своемъ исходѣ носовой отзвукъ, въ дальнѣйшемъ движеніи языка возстановляютъ его и придаютъ къ нему уже обычное образовательное окончаніе о, съ которымъ и вступаютъ въ обычное движеніе, какъ бы племено, имено.

Звательный п. ед. ч. имѣетъ для мужескаго р. -е, -у, -ю, для женскаго -о: сдѣсь обѣ стихіи сходятся, но звательный на -и для полугласнаго исхода жен. р. нынѣ уже не существуетъ. Встрѣчается подражаніе Ц.-Славянскому употребленію родительнаго п. въ обоихъ числахъ.

Винительный п. въ муж. р. для одушевленныхъ предметовъ сохраняетъ еще кое-гдѣ въ древнѣйшихъ памятникахъ свою собственную форму, но большею частію уже замѣняется родительнымъ. Во множественномъ ч. онъ удерживаетъ и для одушевленныхъ предметовъ свою особую форму -и (ы) и -е. По этому чрезвычайно рѣдко находимъ вмѣсто него родительный п. Но смѣшеніе формъ проглядываетъ въ употребленіи сдѣсь именительнаго п. мн. ч.: писцины, попови.

Сербскій языкъ, не употребляя, по свойству югозападнаго говора, въ родительномъ п. ед. ч. -у вм. -а, и въ древней своей письменности сохранилъ это отличіе.

Явленіе звука -е тамъ, гдѣ первоначально духъ языка ставилъ носовой звукъ, свидѣтельствуетъ о древнѣйшемъ самобытномъ развитіи этой формы, прямо возникшей изъ носоваго звука въ доисторическую пору и одновременно съ Д.-Булгарскою -ы и -ѧ. Таковы: родительный п. ед. ч. жен. р., именительный п. мн. ч. жен. р. и винительный п. мн. ч. муж. и жен. р. Ц.-Славянская форма -ы, -ы, -я показывается сдѣсь весьма слабо и почти исключительно въ однѣхъ церковно-дарственныхъ грамотахъ, всего менѣе во второмъ и нѣсколько болѣе въ третьемъ изъ упомянутыхъ падежей.

Введеніе образованія ов, ев въ дательномъ п. ед. ч. и во всѣхъ падежахъ мн. ч. муж. р. есть слѣдствіе дальнѣйшаго движенія Славянскихъ нарѣчій, въ томъ числѣ и Сербскаго, ибо древнѣйшая Славянская письменность, Д.-Булгарская, не любитъ его и показываетъ, что это образованіе есть временное явленіе, усилившееся только уже въ новѣйшемъ состояніи Славянскаго языка. Но ограниченное употребленіе его въ Д.-Сербской письменности отвѣчаетъ таковому же и нынѣшнему, ибо Сербы болѣе, чѣмъ кто либо другой, могутъ обходиться безъ этого образованія. Въ этомъ отношеніи они ближе всего стоятъ къ Булгарамъ. Какъ у послѣднихъ ов появляется ранѣе и чаще, чѣмъ ев, такъ и у Д.-Сербовъ ов чаще встрѣчается, чѣмъ ев: послѣднее находимъ только въ немногихъ случаяхъ, именно: монастирски, дѣтетки, хибутетки, урьсетки, дикки, сошники, кралевь и путехахь. Но Сербскій языкъ не употребляетъ нынѣ этого образованія въ единственномъ ч.; такъ и въ старину на-

родность уступила Ц.-Славянской стихіи лишь въ Аѳонскихъ грамотахъ, допустивъ сдѣсь въ немногихъ случаяхъ дательный на -ови, -еви и только однажды въ не-Аѳонской, но все таки собственно-Сербской XIV-го в. Во множественномъ ч. употребленіе его свободнѣе, и въ немъ обѣ стихіи сходятся. Но не во всѣхъ падежахъ употребленіе это сохраняетъ разумность образованія. Безъ сомнѣнія, в есть буква благозвучная, а о, е есть озвукотвореніе конечной полугласной: отъ того образованіе принадлежитъ исключительно мужескому р.; два вышеприведенные примѣра средняго р., какъ и третій, имъ подобный, мужескаго р., обозначаютъ лишь подражаніе. Назначаемое для раздѣла основы и падежнаго указателя, ов, ев соединяется по этому съ простымъ падежнымъ признакомъ: такъ бываетъ въ дательномъ п. ед. ч., именительномъ, родительномъ и винительномъ пп. мн. ч., исходящихъ на -ови, -еви, -ове, -еве, -овъ, -оковъ; но въ другихъ падежахъ мн. ч. уже замѣтно простое заимствованіе этого образователя у одного изъ предыдущихъ, вѣроятнѣе всего, у именительнаго мн. ч., ибо сдѣсь ов, ев являются лишь простою вставкою между основою и падежнымъ окончаніемъ, уже составленнымъ изъ конечной полугласной, озвукотворенной, или еще къ тому и усиленной, и падежнаго признака. Такъ въ дательномъ -овомъ, творительномъ -ови, т. е., овы, мѣстномъ -овѣхъ, -евѣхъ. Но и въ именительномъ п. мн. ч. начинало уже показываться забвеніе значенія ов, ев, ибо сдѣсь находимъ ихъ два раза въ сочетаніи съ признакомъ и: поповы, поутови. Но повторяю, употребленіе этого образованія мало развито въ Д.-Сербской письменности, и по всему замѣтно, что хотя народность и допускала его во множественномъ ч., однако не любила его. Въ дательномъ ед. ч. Д-Сербскіе памятники представляютъ общую форму -у, -ю.

Движеніе народности выразилось въ переходѣ -ѣ въ -и въ дательномъ и мѣстномъ пп. жен. р. Въ XII-мъ и XIII-мъ вв. и вообще въ Восточной семьѣ памятниковъ всѣхъ вѣковъ господствуетъ -ѣ; но въ Западной конца XIV-го и XV-го вв. усиливается -и, не вытѣсняя однако совершенно -ѣ, но видя его постоянно возлѣ себя. Полугласный исходъ и мягкій гласный имѣютъ постоянно -и, -ии, какъ соединеніе основноконечной мягкости съ падежнымъ признакомъ -и. Это -и находимъ и для полугласнаго исхода жен. р. въ именительномъ и винительномъ пп. мн. ч. жен. р.; но сдѣсь оно, по всему вѣроятію, есть стяженіе смягченнаго носоваго образователя, который въ Санскритѣ, тоже стянувъ въ себя носовой отзвукъ, выражается въ *-jas* и отвѣчаетъ Лит. *-is*.

Открытое удержаніе признака -м во всѣхъ трехъ родахъ въ творительномъ п. ед. ч. составляетъ отличіе Сербскаго языка. Мужескій и средній р. образуются на -омь, -емь, а женскій гласный исходъ на -омь, не различая твердости и мягкости конечной гласной. Это -омь отвѣчаетъ Польскому *ą*, Чешскому *au*, Хорутанскому *o*, Хорватскому *um*. Если представимъ себѣ перезвукъ его по-сербски въ у и если это у усилимъ въ ов, то и выйдетъ древнѣйшая Сербская форма -овь. Усиленіе у и носовой отзвукъ падежа, при сродствѣ губныхъ м и в, сближаютъ этѣ формы такъ коротко, что одна незамѣтно переходитъ въ другую. XII-й и XIII-й вв. суть мѣсто господствованія формы -овь; а XIV-й и XV-й формы -омь. Но полугласный исходъ женскаго р. остается постоянно въ старину, какъ и нынѣ, при одномъ образованіи -ию, стягивающемся въ -ю. Тѣмъ не менѣе Ц.-Славянская стихія принимаетъ и сдѣсь участіе своею формою -ою, -ею. Наибольшее ея господство открывается въ Аѳонскихъ гр-хъ XIV-го и XV-го вв.; но изъ нихъ въ большей части является равномѣрное присутствіе обѣихъ формъ, явно склоняю-

щееся въ пользу народной въ другихъ памятникахъ Восточной семьи, преимущественно XV-го в.

Другое дѣйствіе народности выразилось въ мѣстномъ п. ед. ч. муж. и средн. р. Сначала, подобно Д.-Булгарскому, Д.-Сербскій языкъ является съ -ѣ и -и, распредѣляя ихъ для твердости и мягкости, и это продолжается во весь XIII-й в. Въ XIV-мъ начинается сильное колебаніе между -ѣ и -и, съ одной стороны, и -у, -ю съ другой; однако преимущество остается еще за первыми. Но отношеніе обратно измѣняется въ XV-мъ в. уже въ самой Восточной семьѣ, а въ Западной -у, -ю быстро берутъ значительный перевесъ, и движеніе клонится къ ихъ исключительному господству.

Въ именительномъ п. мн. ч. муж. р. сохранилось нѣсколько исходовъ, изъ коихъ нынѣ удержанъ только -и, онъ же въ *-ови*. Употребленіе ихъ подтверждаетъ общее свойство Славянскаго языка, замѣчаемое и въ другихъ нарѣчіяхъ, но всего яснѣе въ Д.-Булгарскомъ, по которому -и сопутствовало твердости, а -ие, -е мягкости. Плавныя занимаютъ средину и колеблются между тѣмъ и другимъ; согласныя втораго образованія въ Д.-Булгарскомъ языкѣ стоятъ на сторонѣ -и, что очень естественно; въ другихъ же нарѣчіяхъ переходятъ на сторону мягкаго падежнаго образованія, либо колеблются подобно плавнымъ. Такъ и въ Д.-Сербскомъ твердыя согласныя принимаютъ -и съ претвореніемъ гортанныхъ; шипящія и свистящія имѣютъ -и и -е, которое сдѣсь, вѣроятно, служитъ перезвукомъ для -и; но уже нѣкоторыя изъ нихъ, какъ ж, ч, столь же часто принимаютъ и -ие. Мягкія зубныя, часто смягченныя, любятъ -ие: татие; но ихъ замѣнительныя г, к, равно ћ, принимаютъ -и, или -е, но сдѣсь -е, вѣроятно, есть перезвукъ и. Образованіе для плавныхъ, которыя, по своей природѣ, способнѣе другихъ для двойственности, представляетъ сдѣсь колебаніе между -и, -ие и -е (ье). Для твердаго исхода -ове, для мягкаго -ие представляютъ нѣсколько примѣровъ собирательнаго значенія. Въ послѣднее образованіе переходитъ съ этимъ значеніемъ и твердый исходъ, хотя весьма рѣдко, на пр., епископие, митрополитіе, кметіе, калогеріе. Происхожденіе е въ ове, ие и употребленіе его иногда при плавныхъ, какъ на пр., ɀакони, и преимущественно въ окончаніи -ие изъ -иии составляетъ самостоятельное явленіе, какъ перезвукъ прадавняго *-âs*.

Средній р. въ именительномъ и винительномъ пп. имѣетъ обычное образованіе на -а.

Родительный п. мн. ч. имѣетъ краткую форму: -ъ, -ь, -и. Послѣдняя употребляется для мужескаго р. на -ь, кромѣ сочетанія съ согласными втораго образованія, и то не всегда, женскаго на -ь и -ия и средняго на -ие: во всѣхъ этихъ случаяхъ первоначальный мягкій образователь *-jâm* своею мягкостію прираждаетъ конечную полугласную, или гласную и обращаетъ ее въ -и; но если уже слово исходитъ на и съ предшествующею гласною, то признакъ неминуемо пропадаетъ въ немъ. При -ъ и -ь съ шипящими и свистящими признакъ *-âm*, обращаясь въ полугласную, сливается съ нею. Двойственная природа полугласной выражается очевиднымъ образомъ чрезъ ьь, благодаря остроумію Д.-Сербскихъ писцовъ. Въ концѣ XIV-го в. начинается озвукотвореніе конечной полугласной падежа въ Западной семьѣ. Другая, болѣе долгая форма на -овь имѣетъ свое мѣсто въ нѣкоторыхъ грамотахъ, не различая возраста и семей. Смѣшеніе твердости и мягкости въ исходахъ, отличительная черта Д.-Сербской письменности, доставляетъ нѣкоторымъ словамъ двойное окончаніе -ь и -и, стянутое изъ -ии, на пр., динари и динара; первая

форма напоминаетъ Ц.-Славянскую, другая представляетъ народную, уже забывшую древнее образованіе и ставшую подъ общій уровень формъ на -ъ (ь). Другія слова попадаются въ формѣ на -и, больше по одному разу, въ видѣ рѣзкой особенности, отпечатокъ которой замѣтенъ и нынѣ на нѣсколькихъ словахъ. Слова, исходящія на и съ предшествующею гласною, остаются еще при прежнемъ образованіи: обычаи, отаии, архіереи, тогда какъ нынѣ последнее и, й уже переходитъ въ я. Въ полугласномъ исходѣ муж. и жен. р. замѣчательно озвукотвореніе конечнаго ь не въ и, а по-русски въ е: кони, гости, монастыреи, власти.

Нынѣ дательный, творительный и мѣстный пп. мн. ч. отожествлены народностію, но Д.-Сербскій языкъ различаетъ всѣ три падежа ихъ существеннымъ образованіемъ. Первый онъ изводитъ на -омь, -емь, -амь, -имь, но допускаетъ и -окомь. Озвукотвореніе -мь въ -ма показывается съ конца XIV-го в. въ одномъ словѣ, кмеома. Второй равно любитъ краткую форму на -и, -ови и долгую на -ми, -овми; разумѣется, образованіе на -ом гораздо слабѣе перваго. Смѣшеніе формы на -и, по наружному сходству, съ именительнымъ п. мн. ч. на -и замѣтно въ смягченіи гортанныхъ и образованіи кое-гдѣ формы на -ми отъ этого падежа: боляримии, трьжии. Въ третьемъ обыкновенное образованіе на -ѣхъ, -охъ для твердаго исхода и -ихъ, -ехъ, однажды -евѣхъ, для мягкаго. Плавныя и претворенныя гортанныя колеблются между -ихъ и -ѣхъ. Подъ вліяніемъ Ц.-Славянскаго языка показывается форма -ѣхъ. Въ женскомъ р. -ахъ, -ахъ для гласнаго и -ехъ для полугласнаго исхода. Замѣтимъ еще въ этихъ трехъ падежахъ слѣдъ женскаго образованія для именъ средняго р.: селамь, виданьямь, ꙁаселамии, тѣлахь, что, впрочемъ, можно объяснить принятіемъ именительнаго п. мн. ч. въ основаніе образованію, какъ нынче *сретенилма*.

Припомнимъ нѣкоторыя отдѣльныя слова, въ которыхъ замѣтенъ переходъ изъ одного образованія въ другое. Такъ путь постоянно переходитъ отъ твердости къ мягкости и обратно: родит. ед. пути и пута. Рядомъ съ нимъ идутъ тати и тата, ꙁути и ꙁута. Твор. ед. путемь, вин. мн. пути, мѣстн. мн. путехъ. Дьнь склоняется: род. ед. дне, дни и дана, мѣстн. ед. дне и дневи, имен. и вин. мн. дни, мѣстн. мн. днехъ. Имен. людие, люди, -ье, люде, род. люди, дат. людемь, людьмь, твор. людьми, людами, люди, мѣстн. людехъ. Имена, возстановляющія въ движеніи признакъ первоначальнаго образованія, склоняются согласно съ Ц.-Славянскимъ языкомъ: род. ед. корене, камене, небесе, словесе, матере, кѣере; дат. ед. крѣмени, имени, твор. ед. именемь, жгнетемь, матерю, мѣстн. ед. на небеси, по словеси, на камени, вин. мн. чудеса, словеса, небеса, телеса, род. мн. кьирь, дат. мн. словесемь, кьѣремь, твор. мн. чудеси, имени, камени, мѣстн. мн. кременехъ, телехъ. Но движеніе языка выразилось въ обобщеніи формы этихъ словъ съ другими и подведеніи ихъ подъ общее склоненіе то чрезъ опущеніе полнаго образователя, то чрезъ переводъ отъ мягкости въ твердость. Такъ рядомъ съ приведенными формами находимъ род. ед. корѣна, камина, племена, врѣмена, дат. ед. имени, твор. ед. каменомь, именомь, мѣстн. ед. по врѣмени, по имени, по словоу, имен. мн. камени, род. мн. дѣть и дѣти, мѣстн. мн. именѣ. Сдѣсь же принимаетъ участіе и перезвукъ е въ и и ѣ: род. ед. словеси, кири, мѣстн. ед. по врѣмене, мѣстн. мн. небесѣхъ, кокесихъ, временехъ. Образованіе ех находимъ въ дат. ед. дететеви и въ мѣстн. ед. дневи. Винительный п. ед. ч. муж. р. имѣетъ полную и краткую формы: камы и камень, но въ женскомъ полную матерь съ однимъ исключеніемъ: мати, чего не допускаетъ однако Д.-Булгарскій языкъ. Въ

среднемъ р. онъ одинаковъ съ именительнымъ: **име, крьве, небо, тѣло, дѣте**; одно исключеніе: **на небесе**.

Подобное явленіе замѣчаемъ въ именахъ женскаго р. съ усиленіемъ **-овь**. Они или склоняются сходно съ Ц.-Славянскимъ, или переходятъ въ склоненіе именъ на **-а**, либо именъ на полугласную. На пр.: род. ед. **црькве и црькви, крьве и крьви**, вин. ед. **црькъвѫ, любкѫ и црьковь, любовь**, твор. ед. **црьквомь и црькв҄ію, любкомь и любовію**; но въ род. ед. на **-е** и мѣстн. мн. на **-ахь**: **црьквахь** нельзя рѣшить, отъ какого образованія произведены эти окончанія.

Въ движеніи именъ важное мѣсто занимаетъ перезвукъ гласныхъ. Его должно всегда имѣть въ виду для того, чтобы не назвать формы неправильною. Перезвукъ совершается на общихъ началахъ, изложенныхъ въ звукоученіи. Онъ же производитъ различіе въ большей части формъ между Сербскимъ и Д.-Булгарскомъ языкомъ, ибо въ первичныхъ пріемахъ образованія формъ, какъ мы видѣли изъ сравненія ихъ, всѣ Славянскія нарѣчія сходны между собою. Таковъ на пр. перезвукъ носовыхъ **ѫ, ѧ** въ **ѹ, е** и ихъ взаимный переходъ другъ въ друга; таковъ перезвукъ **ѹ** въ **ок** и **ои**, **ѫ** въ **ом**, усиленіе **ъ** въ **о**, **ь** въ **е**, **ѧ** и пр. Разсмотримъ ближе перезвуки, совершающіеся въ Д.-Сербскихъ формахъ независимо отъ ихъ движенія. Таковы: **-ло** вм. **-лъ** и **л** въ **о** въ имен. п. ед. ч. муж. р.: **пакао**; **-ан, -он, -ен** въ **-авь, -овь, -евь**: **доушавь, цѣловь, матевь**; **и** въ **-ие** въ именахъ собственныхъ на **-ин**, **-он**: **акакие, драгое**; **ѣ** въ **ѣ** въ имен. ед. муж. и жен. р.: **сѫдьѣ, остоѣ, купаѣ, госпоѣ**, въ род. ед. муж. и средн. р.: **алеѯиѣ, добитиѣ**, въ имен. и вин. мн. средн. р.: **обѣтованьѣ, ѯаписаньѣ**, въ дат. мн. средн. и жен. р.: **владаниѣмь, сѫдиѣмь**, въ мѣстн. мн. жен. р.: **есииди торияхь**; **ѣ** чрезъ **ѣ** въ **е** въ мѣстн. мн. жен. р.: **ѯемлехь**, и въ имен. и вин. мн. средн. р.: **повеланье**; **е** въ **ѣ** въ вин. ед. средн. р.: **врѣмѣ**, въ род. ед. жен. р.: **правьдѣ**, въ вин. мн. муж. и жен. р.: **хоусарѣ, вѣкѣ, книзѣ, постакѣ, властьѣ**, въ дат. и мѣстн. мн. муж. и средн. р.: **трьговцѣмь, срьбалѣмь, монастирѣхь, сировицѣхь, пѫтѣхь, пѫтевѣхь времєнѣхь**; **ѣ** въ **е** въ дат. ед. жен. р.: **вѣре**, въ мѣстн. ед.: **граде, главе, милашеве, писме**, въ мѣстн. мн. муж. и средн. р.: **светехь, чедехь, братехь**; **и** въ **е** въ дат. ед. жен. р.: **вьдовице, братие**, въ мѣстн. ед. **по времене, вѣнице**, въ имен. мн. муж. р.: **могориѥе, лаѯариѥе**. **посориѥе**, въ род. мн.: **ноктеи, ѯаповедеи**; **-и** чрезъ **е** въ **-ѣ** въ мѣстн. ед. жен р.: **вѣнницѣ, ѯаповиедѣ, рѣчѣ**; **е** въ **и** въ мѣстн. мн. ч.: **небесихь**; **-ѣ** въ **-и** въ дат. и мѣстн. ед. жен. р. и мѣстн. мн. муж. и средн. р.: **воеводи, мѣстихь**; **и** въ **ѣ** въ имен. мн. муж. р.: **людѣи, родителѣ**. Смѣна **и** съ **е** происходитъ въ имен. п. мн. ч. муж. р.: **долане и долани**, въ мѣстн. мн. муж. и средн. р.: **конехь и конихь, трьговцехь и трьговцихь, сировицехь и сировицихь**.

Не менѣе важное мѣсто въ движеніи Д.-Сербскаго языка принадлежитъ стяженію. Въ Д.-Булгарскомъ обыкновенно господствуютъ полныя формы, но прочія Славянскія нарѣчія уже допустили стяженіе. Оно свидѣтельствуетъ о движеніи Славянскаго языка отъ точнѣйшихъ формъ къ простѣйшимъ. Въ этомъ отношеніи и Д.-Сербскій языкъ быстро шелъ къ стяженію, оставляя въ сторонѣ древнѣйшія полныя формы; въ особенности конецъ XIV-го и XV-й в. замѣчательны этимъ стяженіемъ. Нынѣ, какъ извѣстно, стяженіе господствуетъ въ окончаніи *ие*, *ия* и его видоизмѣненіяхъ; *и* переходитъ въ *ь*, а это скрывается въ *љ*, *њ*, *ђ*, *ћ*. Въ нашихъ памятникахъ мы находимъ слѣдующіе случаи стяженія или сокращенія: **о** ослабѣваетъ въ **ь** въ окончаніи жен. р. **-овь**, откуда чрезъ перезвукъ **ь** въ **а** является **-авь**: **любовь, любьвь, любавь**; отсюда

также открывается возможность перехода въ -ьиа: любьиа; въ имен. и твор. ед. жен. р.: клатьиь, клатвью, по чему слово это и переходитъ въ образованіе на -ь. и ослабѣваетъ въ ь въ твор. мн. жен. р. мѣвьми. и ослабѣваетъ въ ь при последующей гласной въ продолженіи всего движенія въ имен. ед. и средн. жен. р.: даньє, братья, въ род. ед. средн. и жен. р.: помениутья, владаньа, братьи, въ дат. ед.: юрью, писанью, зиаутью, братьи, въ вин. ед. жен. р.: братью, въ твор. ед.: юрьемь, каменьемь, братьомь, пвотью, въ мѣстн. ед. средн. р.: поморью, въ имен. и вин. мн. муж. и средн. р.: приатели, зиаутьи, покааньа, въ дат. мн. средн. и жен. р.: владаньамь, сѫдьамь, въ мѣстн. средн. и жен. р.: писаньахь, сѫдьахь. Чрезъ стяженіе б-ы ь съ гласною происходятъ дальнѣйшія кратчайшія формы: въ имен. ед. средн. р.: имание, въ твор. ед. жен. р.: пвотю, печатю, въ мѣстн. ед. средн. р.: устаню, жьтению, въ имен. и вин. мн. средн. р.: владания, въ дат. мн. муж. р.: зазамь, въ мѣстн. мн. средн. р.: писаниахь. Стяженіе -ии въ -и производитъ формы: въ дат. ед. жен. р.: брати, въ мѣстн. ед. средн. и жен. р.: даровани, продании, скони, иники, нотари, въ род. мн.: люди, кьмети, соуди, дѣти, даровании, области, напасти.

Замѣтимъ наконецъ отвердѣніе плавныхъ, составляющее временное явленіе Д.-Сербской письменности, на пр., родитела, мора и т. д., нынѣ или оставшееся, преимущественно въ р, или снова возвратившееся къ мягкости. Обо всемъ этомъ, перезвукахъ, стяженіи, отвердѣніи плавныхъ, было говорено въ звукоученіи и тамъ же представлены и выводы.

Претвореніе гортанныхъ въ свистящія постоянно существуетъ во всѣхъ вѣкахъ и семьяхъ: въ дат. ед. жен. р.: владици, -ѣ, слузи, въ мѣстн. ед. предъ -ѣ и -и: станьцѣ, вѣцѣ, грѣсѣ, рѫсази, дѫси, сѫсѣ, сѫтисцѣ, -и, сьгрѣсѣ, рѫцѣ(ѣ), въ имен. мн. муж. р. предъ и: власи, языци, въ мѣстн. мн. муж. р.: грѣшницѣхь, царицѣхь, блаѕѣхь. Въ зват. ед. муж. р. передъ е гортанныя и свистящія претворяются въ шипящія: боже, кнеже, творче. Въ имен. мн. муж. р. передъ -ии гортанныя переходятъ тоже въ шипящія: зиаучии. Претвореніе, замѣчаемое въ творительномъ п. мн. ч. муж. р., можетъ быть приписано либо дѣйствію -и, либо смѣшенію этихъ падежей съ именительнымъ мн. ч. на основаніи наружнаго сходства.

Предлогъ по по преимуществу управляетъ мѣстнымъ п. Сходство формъ этого послѣдняго съ дательнымъ должно обратить болѣе въ пользу перваго.

И такъ Д.-Сербскій книжный языкъ открываетъ предъ нами путь, по которому существительныя имена двигались отъ древнѣйшаго образованія чрезъ посредствующія формы до новѣйшаго. Мы видимъ постепенное превращеніе кратчайшихъ и своеобразныхъ формъ на -ь въ новѣйшія на -ань и -ание и согласное съ тѣмъ движеніе ихъ; на -и въ -инь, -ерь, -окь съ собственнымъ движеніемъ, а потомъ съ обобщеннымъ, какъ бы отъ простаго твердаго -инъ и мягкаго -ерь полугласнаго исхода, или отъ гласнаго -ьиа; такъ и въ именахъ на -е (ѧ) возникаетъ движеніе какъ бы отъ исхода -ено. Мы видимъ еще ясные слѣды родства существительнаго съ прилагательнымъ. Обычныя формы -а, -у, -омь, -емь, въ родительномъ, дательномъ и творительномъ пп. ед. ч. муж. и средн. р., и -и, въ родительномъ, дательномъ и мѣстномъ пп. ед. ч. женскаго р. полугласнаго, а въ послѣднихъ двухъ и мягкаго гласнаго исходовъ, постоянно проходятъ передъ нами во все продолженіе разсматриваемыхъ нами вѣковъ. Винительный п. ед. ч. муж. р., выставивъ нѣсколько случаевъ употребленія своей собственной формы для одушевленныхъ предметовъ, уступаетъ для нихъ

свое служеніе родительному. Звательный п. ед. ч. является съ особою формою для всѣхъ исходовъ муж. и жен. р. Средній р. въ обоихъ этихъ падежахъ представляетъ общую и всегдашнюю у всѣхъ Славянъ форму, сходную съ именительнымъ п. ед. ч. Мѣстный п. ед. ч. муж. и средн. р. показываетъ, какъ переходилъ языкъ отъ формы -ѣ, -и къ -у, -ю; женскій р. для гласнаго исхода явилъ въ родительномъ п. исконную и постоянную форму на -е, рядомъ съ которою въ дательномъ и мѣстномъ п. ед. ч. для твердаго гласнаго исхода совершается переворотъ въ пользу -и вмѣсто -ѣ. Въ творительномъ п. ед. ч. онъ смѣло вводитъ свою народную форму съ отвердѣлымъ признакомъ носоваго произношенія, переходящимъ отъ -омь къ -омъ. Именительный п. мн. ч. муж. р. представляетъ различное образованіе для различныхъ исходовъ, которое нынѣ уже обобщено въ одномъ -и. Онъ сохранилъ еще память о собирательномъ значеніи, которое нынѣ уже утрачено. Въ винительномъ п. муж. и жен. р. является опять своя исконная форма -е, которая для полугласнаго исхода жен. р., въ именительномъ и винительномъ пп. мн. ч., замѣняется формою -и. Средній р. опять является, какъ и всюду, съ общею для обоихъ падежей формою -а. Звательный п., какъ и всюду, сходенъ съ именительнымъ. Родительный п. мн. ч. представляетъ, какъ и нынѣ, большею частію, краткую форму, которую подъ конецъ начинаетъ озвукотворять въ -а, что нынѣ сдѣлалось уже непремѣннымъ условіемъ. Онъ выставилъ индѣ временную форму для муж. р. -ии, слѣды которой сохранились и нынѣ въ немногихъ словахъ. Но выраженіе его краткой формы чрезъ ь составляетъ одинъ изъ удачныхъ доводовъ для сравнительнаго языковѣдѣнія въ объясненіи этой формы. Дательный, творительный и мѣстный пп. еще сохранили каждый свою отличительную черту; первый доставилъ даже примѣръ начинавшагося озвукотворенія конечной полугласной; второй двѣ равносильныя формы на -и и -ьми; но последнии уже приближается къ нынѣшней на -има; третій сохраняетъ свои формы -ѣхь съ перезвукомъ -ихь для твердаго исхода муж. и средн. р. и -ехь, -ихь для мягкаго. Женскій р. во всѣхъ трехъ падежахъ удерживаетъ свою форму на -амь, -ами, -ахь. Средній р. покушается на образованіе женскаго р., но покушеніе это остается безъ послѣдствій, чѣмъ-то отрывочнымъ и безсвязнымъ, не такимъ, какъ у Хорватовъ и Хорутанъ, или у Русскихъ и Лужичанъ. Вмѣстѣ съ этими прямыми формами въ муж. р. двигаются въ извѣстныхъ падежахъ формы на ов, ев; но языкъ, какъ и нынѣ, не даетъ имъ простора и мѣстами выказываетъ забвеніе ихъ разумности и принимаетъ ихъ за неподвижный образовательный слогъ. Разумѣется, Ц.-Славянская стихія сопутствуетъ движенію народной и болѣе или менѣе выступаетъ наружу съ своими отличительно звуковыми формами: ея мѣсто въ Восточной семьѣ и преимущественно въ церковно-дарственныхъ грамотахъ. Перезвукъ, стяженіе и отвердѣніе плавныхъ суть тоже отличительныя черты переходнаго времени, выраженіемъ коему служатъ разсматриваемые нами Д.-Сербскіе памятники. Опять, какъ и прежде, XII-й и XIII-й вв. являются съ болѣе общими и древнѣйшими формами; XIV-й в., съ одной стороны, обилуя церковно-дарственными грамотами и вообще памятниками Восточной семьи, представляетъ сильное господство Ц.-Славянской стихіи, но тутъ же и возрождавшееся противодѣйствіе ей въ собственно-Сербскихъ памятникахъ, которое усиливается въ концѣ этого вѣка съ появленіемъ Западныхъ грамотъ. XV-й в. доставляетъ полное господство народности, по скольку она проявлялась не только въ нынѣ сохранившихся формахъ, но и въ утраченыхъ нынѣ, каковы, на пр., мѣстна-

го п. ед. ч. муж. и средн. р. на -ѣ и -и, дательнаго и мѣстнаго пп. ед. ч. жен. р. на -ѣ, родительнаго п. мн. ч. на неоглашенное еще -ь, различныхъ формахъ трехъ падежей мн. ч. и т. д. Словомъ, въ существительныхъ именахъ Д.-Сербскаго книжнаго языка мы находимъ драгоцѣнные остатки старины вмѣстѣ съ неменѣе важными переходными формами, объясняющими происхожденіе тутъ же зачинавшихся и новѣйшихъ.

Склоненіе *мѣстоименное.*

Мѣстоименія имѣютъ свое особенное склоненіе, которое въ Индоевропейскихъ языкахъ распадается на два отдѣла, безродное, или общее для всѣхъ трехъ родовъ, и родовое, различающее роды. Впрочемъ, это дѣленіе лишь наружное; въ сущности, или относительно образовательныхъ падежныхъ окончаній мѣстоименія слѣдуетъ одному и тому же склоненію, которое въ свою очередь есть то же, что и для именъ существительныхъ, ибо, вѣроятно, въ праязыкѣ одни образовательныя окончанія служили для тѣхъ и другихъ, и только особое движеніе въ мѣстоименныхъ основахъ произвело нѣкоторую разницу, послужившую къ обособленію того и другаго склоненія. Безродное склоненіе, какъ увидимъ, ближе подходитъ къ существительному, чѣмъ родовое. Вся разница состоитъ въ способѣ соединенія основы съ падежныхъ исходомъ: на различіи пріемовъ, при этомъ употребляющихся, основывается и различіе склоненій. Изъ всѣхъ частей рѣчи мѣстоименія наиболѣе обнаруживаютъ свой чистый корень, который обыкновенно весьма коротокъ и при движеніи нерѣдко повторяется, или соединяется иногда съ другимъ корнемъ, имѣющимъ значеніе служебной мѣстоименной частицы. Образованіе падежей происходитъ большею частію съ помощію озвукотворенія или усиленія конечной основной полугласной и принятія благозвучной буквы, и въ этомъ заключается главнѣйшее отличіе отъ склоненія существительнаго. Самые же падежные указатели суть тѣ же, что и въ существительныхъ. Мѣстоименія образуютъ и свои производныя, которыя мало отличаются отъ прилагательныхъ и по тому нерѣдко смѣшиваются съ ними. Въ этомъ случаѣ, при различеніи ихъ, должно брать во вниманіе способъ ихъ движенія, что составляетъ лучшую основу для дѣленія. Эти производныя нѣсколько отличаются и въ движеніи: легко образуя изъ себя два вида, опредѣленный и неопредѣленный, они имѣютъ и двоякое склоненіе, одно съ помощію опредѣляющаго указательнаго мѣстоименія, слѣдовательно, во всемъ сходное съ прилагательнымъ, другое существительное, котораго впрочемъ не держатся постоянно, но мѣняютъ ина мѣстоименное, переходя въ разныхъ падежахъ изъ одного въ другое. Хотя все это относится болѣе къ общесравнительному языковѣдѣнію, мы думаемъ однако, что Д.-Сербскій книжный языкъ разнообразіемъ своихъ формъ, занятыхъ имъ у Ц.-Славянскаго и народнаго, послужитъ къ подкрѣпленію выводовъ, и такимъ образомъ взаимная услуга доставитъ и взаимную пользу. Выгода его состоитъ именно въ томъ, что писцы въ заимствованіи мѣстоименныхъ формъ у Ц.-Славянскаго языка, не ограничивались ими одними, но дополняли ихъ и изъ источника народнаго. Отъ того Д.-Сербскій книжный языкъ предлагаетъ богатый запасъ мѣстоименныхъ формъ для общеславянскаго языковѣдѣнія, и главное достоинство его состоитъ въ обиліи пояснительныхъ переходныхъ формъ, созданныхъ какъ бы болѣе смѣлою рукою, не стѣснявшеюся одними Ц.-Славянскими пріемами, но дополнявшею ихъ и народными, или преобразовывавшею ихъ на свой ладъ и на основаніи своего собственнаго, а не Д.-Булгарскаго, взгляда на законы образованія. Надо сознаться, что Д.-Булгарскій языкъ отличается иногда протянутостію своихъ формъ, закрывающею

образованіе и первичную простоту, и хотя онъ есть старшій въ семьѣ Славянскихъ нарѣчій, и въ дѣлѣ Славянскаго языкословія съ нимъ преимущественно должно совѣтоваться, какъ болѣе другихъ богатымъ формами и древнѣйшими письменными памятниками, однако и другія нарѣчія могутъ способствовать къ объясненію словодвиженія и вообще къ узнанію началъ и путей развитія Славянскаго языка, ибо они предлагаютъ много формъ или серединныхъ, или упрощенныхъ, или такихъ, какихъ въ немъ вовсе нѣтъ. Такъ и теперь въ Д.-Сербскомъ книжномъ языкѣ мы находимъ счастливое соединеніе Сербо-Булгарскихъ формъ, взаимно пополняющихъ и поясняющихъ себя: и это явленіе есть исключительно временное, въ исторіи языка дважды не повторяющееся; ибо нынѣшній Сербскій языкъ уже обѣднялъ формами, сгладивъ и обобщивъ ихъ. И такъ представимъ весь объемъ мѣстоименнаго склоненія, какъ застаемъ его въ древнѣйшую пору Сербской письменности до XVI-го в., въ пору ея самостоятельнаго существованія.

Начинаю со склоненія *безродныхъ* мѣстоименій.

Упрощеніе, обобщеніе и сокращеніе, ознаменовавшія всѣ Индоевропейскіе языки въ ихъ повременномъ ходѣ, отразились и сдѣсь въ мѣстоименіи личномъ 1-го л. ед. ч. ꙗ, образовавшемся изъ полной формы азъ, Санскр. *aham*, Лит. *asz*, Зенд. *azem*. Славянскія нарѣчія, кромѣ Булгарскаго, Хорутанскаго и Полабскаго, перешли уже къ позднѣйшей и кратчайшей формѣ: въ числѣ ихъ и Сербское. Уже въ XII-мъ в., въ его письменности, эта краткая форма является перезвукованною въ видѣ ѣ въ гр-ѣ Кулина (А. И.); но въ другой грамотѣ того же вѣка, принадлежащей Немани, она сохраняетъ полный видъ, хотя тоже съ перезвукованною гласною: ѣзъ (А. № 1). Причина тому понятна, и эта причина опредѣляетъ все дальнѣйшее употребленіе той и другой формы, разумѣется, не такъ исключительно строго, какъ въ XII-мъ в. Дѣйствительно, форму ꙗ, ꙗа, иа, иꙗ, ꙗа, а, ѣ, ѣа, ѣꙗ и т. д. мы находимъ въ гр-хъ: С. №№ 4, 5, 7, 9, 13—15, 18, 20, 21, 26, 27, 32, 56, 59, 61, 63, 64, 66, 67, 69, 70—75, 80, 86, 89, 91, 93, 94, 97, 101, 102, 104, 107, 110, 113, 114, 117, 120, 124, 125, 127, 128, 131—136, 141—143, 145—148, 150, 151, 155, 158, 161—164, 168—170, 171, 173; А. №№ 4, 14, 15; Мл. Вторую аꙁь, азъ, аꙁь, ꙗазъ, а҃зь и т. д. въ гр-хъ: Ш. № VII; С. №№ 3, 5, 8, 12, 14, 16, 35, 37, 51, 71, 81, 83—86, 89, 90, 92, 95, 97, 99—104, 107, 111, 136, 137, 145, 150, 176; А. №№ 2—11, 16—20; Мк.; В. №№ 1, 2; Г. А, Б, V; Ю.; С.-Д. М. 1844; З. А.; Мл. Сличимъ №№ и семьи грамотъ и увидимъ на сторонѣ первой ⅔ Западныхъ грамотъ, а на сторонѣ второй ⅔ Восточныхъ. Особенность еще болѣе обнаружится, если замѣтимъ, что всѣ Западныя грамоты, стоящія на сторонѣ аꙁь, начиная съ № 81, имѣютъ эту форму лишь во вступленіяхъ — этой закоснѣлой и заимствованной части своей, чуждой по языку и содержанію живой и народной середины. Такъ точно, но только на оборотъ, Восточныя грамоты употребляютъ ꙗ, а большею частію тамъ, гдѣ рѣчь касается народнаго дѣла, вызвавшаго и самую грамоту. Послѣ этого не остается никакого сомнѣнія, что уже издавна народъ Сербскій произносилъ это мѣстоименіе такъ, какъ и нынѣ произноситъ, и только подъ самымъ сильнымъ вліяніемъ Ц.-Славянской стихіи книжникамъ удалось провести по всѣмъ вѣкамъ Булгарскую форму. 2-е лицо -ти, ты (и. р.).

Винительный п. ед. ч. ме, мє, мѥ (А. №№ 1, 3, 6, 7, 11, 16, 17; С. №№ 2, 4, 7, 21, 50, 51, 61, 62, 66, 84, 86, 90, 93, 97, 99, 102, 104, 111, 114,

140, 176; В. № 2; Ю; Г. V), **те, те** (С. №№ 3, 16, 26, 51, 68, 84, 176; А. №№ 3—7; Мк.; Ю.), отвѣчающія Ц.-Славянскимъ **ма, та** съ праязычнымъ носовымъ отзвукомъ, какъ и въ существительныхъ. Но не рѣже употребляется и форма родительнаго п. **мене, -нѣ, мене** (С. №№ 2, 51, 94, 104, 107, 114, 117, 164, 173; А. №№ 2, 6; Мк.; Мл.), **тебе, -ѣ** (С. №№ 19, 51, 68, 71, 178; А. №№ 4, 10, 20). Такъ и нынѣ находимъ ту и другую формы въ этомъ падежѣ.

Родительный п. ед. ч., какъ въ Ц.-Славянскомъ, какъ и въ нынѣшнемъ Сербскомъ: **мене, мене, -е** (А. И.; С. №№ 2, 20, 27, 51, 52, 67, 69, 79, 85, 96, 98, 103, 107, 111, 120, 133, 136, 142—145, 150; А. №№ 3 — 5, 7; Мк.; В. № 2; З.), **тебе** (Мк.; С. №№ 175, 176; А. № 19; Ю.). Встрѣчается дважды **у мне** (у меня, А. И.; С. № 64) въ сокращенномъ видѣ. Форму мѣстнаго п. предполагать сдѣсь нельзя, ибо обѣ грамоты соблюдаютъ **ѣ**, да и самое значеніе противорѣчитъ этому, какъ видно изъ второй изъ нихъ: **да нимь нѣсв ни у мне ни у мога брата**. Впрочемъ, эту форму находимъ въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, какъ-то, Польскомъ, Чешскомъ и Лужицкомъ. Въ послѣднемъ мягкое *е* или, какъ у Поляковъ, *ie*, смягчается въ *jo*, по чему тамъ и пишутъ *mňo*. Напротивъ, Хорватское и Хорутанское имѣютъ *mene*, какъ и Сербское. Югозападный говоръ уполногласилъ эту форму, озвукотворивъ ь въ корнѣ *мь*. Слѣдовательно, если сличимъ съ Санскритскимъ и Зендскимъ *ma*, то увидимъ, что Славянскій корень перешелъ изъ одной основы въ другую, изъ твердой въ мягкую. Повтореніе *mama* произвело чрезъ перезвукъ *мнь*, которое въ родительномъ п. измѣняетъ падежное окончаніе *-as* въ *-е*, откуда *mnie*, *mne*, *mňo*, или *мене*, *меня*, *мене*, *mene* подобно **камене, небесе**. Форма 2-го л. **тебе** представляетъ перезвукъ первоначальнаго *в* въ *б* и образовалась, вѣроятно, чрезъ стяженіе изъ удвоенной *tvatva*, откуда *tava*: слѣдовательно, корень будетъ *tv*, *тв*, который Славяне уполногласили чрезъ *е*. Краткую форму *ме*, *мя*, *mě*, *mé*, **те**, *тя*, *tě*, *té*, находимую въ большей части нарѣчій, особенно въ простонародномъ говорѣ, вмѣсто полной, должно объяснять смѣшеніемъ съ винительнымъ, какъ бываетъ и на оборотъ, ибо духъ языка въ представленіи одушевленныхъ предметовъ, къ которымъ относятся мѣстоименія общаго рода, сводитъ оба падежа, какъ видно изъ употребленія родительнаго вмѣсто винительнаго въ именахъ существительныхъ. Первоначально этого не было, и по тому въ древнѣйшемъ изъ Славянскихъ нарѣчій, Д.-Булгарскомъ, этѣхъ формъ нѣтъ. Претвореніе же носовыхъ звуковъ въ *е* способствуетъ этому единенію, которое подтверждается Русскимъ языкомъ, имѣющимъ въ родит. *меня*, *мя*, *тебя*, *тя*, форму тожественную съ винительнымъ. Хотя областная форма *тея* прямо указываетъ на сокращеніе *тя* изъ *тебя*, однако при всемъ смѣшеніи обоихъ падежей нельзя отвергать отдѣльнаго образованія того и другаго падежа. Замѣтимъ, что Рус. *меня* указываетъ на образованіе этого падежа по примѣру женскаго р., какъ очевиднѣе становится въ слѣдующихъ падежахъ. Женскій же родъ въ праязыкѣ Индоевропейскомъ ничѣмъ не отличался отъ другихъ родовъ въ словодвиженіи и во временныхъ судьбахъ, расходясь отъ нихъ, вообще сохранилъ болѣе праязычныхъ признаковъ. Такъ и сдѣсь мѣстоименія личныя двигаются по женскому, или только видимо женскому, роду, а собственно по древнѣйшему образованію. Въ женскомъ же р. находимъ въ этомъ падежѣ носовой звукъ: отъ того **-е**, *-е*, или *-я* приличнѣе объяснять носовымъ звукомъ, хотя и странно, что Д.-Булгарскій не удержалъ его сдѣсь, какъ удержалъ

въ существительныхъ съ мягкимъ исходомъ. Отъ того и винительный п. во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, кромѣ Д.-Булгарскаго, сходенъ съ родительнымъ при самостоятельномъ образованіи того и другаго.

Дательный п. ед. ч. представляетъ у Славянъ двѣ формы: видимо краткую, образующуюся изъ простаго корня *ma*, *ιva* съ падежнымъ признакомъ *i*: *mai*, *ιvai=мѣ*, *ми*, *тѣ*, *ти*, ср. Греч. *μοι*, *σοι* или *τοι*, и видимо полную съ повтореннымъ корнемъ: *mamai* или *manai*, *ιvaιvai=мьнѣ, тебѣ*. Первоначально въ Д.-Сербскомъ языкѣ полная форма для 1-го л. была та же, что и въ Ц.-Славянскомъ, и таковою сохранилась до конца XV-го в. преимущественно въ Восточной семьѣ грамотъ: мьнѣ, мнѣ, мнѣ, мнѣ и т. д. (А. №№ 1 — 9, 11, 12, 16, 18; С. №№ 2, 9, 10, 17, 18, 46, 51, 61, 64, 70, 71, 75, 79, 86, 98, 101, 107, 114, 143, 176; В. № 2; Мл.), или съ перезвукомъ: мни, мни (С. №№ 94, 102). Потомъ ь перезвуковалось въ е, откуда вышла форма одинаковая съ нынѣшнею: менѣ, менѣ, менѣ, или съ перезвукомъ мене, мене (С. №№ 66, 84, 97, 98, 107, 114, 127, 128, 139. 147, 155, 159, 161, 163; Мл.). Безъ всякого сомнѣнія, сдѣсь е есть озвукотвореніе б-ы ь, которое должно было произойти уже послѣ сокращенія прадавней гласной *a* въ *ь*, по тому что рядомъ съ нимъ находимъ нѣсколько позднѣйшую и иначе озвукотворенную форму: млнѣ (С. №№ 142, 143), гдѣ позднѣйшее л, возникшее тоже изъ ь, сошлось съ праязычнымъ *a* въ корнѣ *ma*. Чрезъ перезвукъ ѣ въ и является форма мени, мени (С. №№ 74, 96, 140) млни (С. №№ 93, 132). И такъ позднѣйшая форма есть млнѣ, -и; но она не принялась у Сербовъ и явилась хотя и народною, однако переходною и единовременною. Для 2-го л. одна форма тебѣ, иногда съ извѣстнымъ перезвукомъ тебе (А. И.; Ш. № VII; С. №№ 3, 8, 12, 14, 16, 18, 19, 26, 41, 51, 68, 71, 84, 100, 114. 147, 176; А. №№ 4, 6—9, 12, 20; Г. А, Б; Ю.). Однажды только находимъ теби (С. № 97) въ грамотѣ, гдѣ ѣ переходитъ въ и. Нынѣ обыкновенно говорятъ *мене тебе*, хотя пишутъ преимущественно *мени*, *теби*: послѣдній перезвукъ принадлежитъ исключительно той семьѣ и тѣмъ самымъ памятникамъ, гдѣ ѣ обыкновенно переходитъ въ и; но бо́льшая часть грамотъ изъ той же семьи употребляетъ -ѣ или -е. Отсюда объясняется и нынѣшнее народное произношеніе съ *е*; но Хорваты и Хорутане имѣютъ *meni*. Всѣ Славянскія нарѣчія болѣе, или менѣе любятъ краткія формы *ми*, *ти*; только одно В.-Русское не любитъ и не употребляетъ ихъ, хотя *те* вмѣсто *тее* или *тебѣ* и слышится въ простонародіи, какъ и у древнихъ Сербовъ находимъ кь ме, т. е., кь мнѣ (С. № 73). Но всюду въ краткой формѣ произошло звуковое измѣненіе *ѣ* въ *и*. Хотя по значенію обѣ формы тожественны, однако между ними есть другаго рода отличіе, опредѣляемое длиннотою и краткостію ихъ произношенія и бо́льшимъ или меньшимъ притяженіемъ силы голоса въ зависимости отъ мысли; но такъ какъ въ текучей рѣчи обыкновенно мѣстоименіе слѣдуетъ за управляющимъ словомъ и чаще сливается съ нимъ, чѣмъ, на оборотъ, осиливаетъ его, то краткая форма является сдѣсь умѣстнѣе и способнѣе для хода рѣчи. Это всего чаще случается непосредственно послѣ глагола, или въ значеніи притяжанія въ ближайшемъ соединеніи со словомъ, къ которому оно относится. По этому какъ въ нынѣшнемъ, такъ и въ древнемъ Сербскомъ языкѣ мы чаще встрѣчаемъ ми, чѣмъ мьнѣ. Сдѣсь дѣйствуютъ благозвучные законы языка. Указывать на памятники было бы лишнимъ: довольно сказать, что ми употреблено вдвое болѣе, чѣмъ мьнѣ; ти нѣсколько менѣе, чѣмъ тебѣ. Причина понятна: сила обращенія ко 2-му лицу отнимала у этой формы ея краткость, какъ бы летучесть, и удареніе пристой-

нѣе падало на полную форму. Такъ и въ другихъ нарѣчіяхъ. За то древніе Сербы, какъ и Булгары, основываясь на однородствѣ основной мысли падежа съ мыслію притяжанія, любили выражать это послѣднее чрезъ краткую форму, такъ что **ми**, **ти**, приставленныя къ слову сзади, сливались съ нимъ и въ письмѣ и въ понятіи и оттѣнивали его значеніемъ принадлежности; на пр.: **сйноуми** (А. № 1), **кралѥвьствоми** (С. №№ 2, 17, 21—25, 28—34 и пр.), **дѣдьти**, **оцти** (С. № 3), **цр҇ствоти** (С. № 16) и т. д. Примѣры безчисленны. Если при существительномъ стоитъ прилагательное, то мѣстоименіе удобнѣе соединяется съ послѣднимъ: **прѣславьноти цр҇тво**, **стомьти цр҇тва** (С. № 16), **стомь и бжьствьномьти храмь** (А. № 14) и пр.

Творительный п. ед. ч. образованіемъ своимъ одинаковъ съ таковымъ же именъ существительныхъ, гдѣ и предложено было объясненіе ему. Здѣсь мы ограничимся лишь изложеніемъ повременнаго развитія самыхъ формъ, которое во всемъ сойдется съ движеніемъ именъ существительныхъ. Такъ: **мною**, **-ю**, **-ю**, **мною** (Ш. № VII; А. №№ 3—6, 10; Мк.; С. №№ 51, 52, 176; В. № 1; З.; С.-Д. М. 1844) — не много и исключительно въ церковно-дарственныхъ грамотахъ. Такъ точно и **тобою**, **-ю**, **-ю**, **тою** (А. №№ 3, 4, 5, 19; Мк.; С. №№ 71, 84, 97, 114, 144) — въ таковыхъ же грамотахъ, или во вступленіяхъ грамотъ, что въ отношеніи языка почти одно и то же. Древнѣйшая же народная форма есть **мновь** (С. №№ 6, 14), **тобовь** (С. № 3), за которою уже слѣдуетъ **мномь**, **мномь**, **мнѡь** (С. №№ 20, 56, 67, 72, 94, 114, 143). Замѣтимъ опять, что эти безродныя мѣстоименія имѣютъ, по видимому, форму женскаго р. въ Славянскихъ нарѣчіяхъ; если бы дѣйствительно такъ было, то причину тому невозможно бы было объяснить. Но сопоставимъ съ ними форму творительнаго п. женскаго р. въ Сербскомъ языкѣ на *-м*, и дѣло объяснится само собою. Мы видимъ, что Сербскій языкъ напоминаетъ собою о родовомъ безразличіи словодвиженія въ Индоевропейскомъ праязыкѣ, на основаніи котораго для всѣхъ родовъ должна была существовать одна форма, отразившаяся въ признакѣ падежа *м*. Слѣдовательно, и *мною* и *мном*, *тпq*, *тепим* суть одного и того же образованія и, соединяя въ себѣ обѣ формы, тѣмъ самымъ доказываютъ тожество родовыхъ формъ въ именахъ существительныхъ.

Мѣстный п. ед. ч. образуетъ свою форму согласно съ Ц.-Славянскимъ: **мнѣ** (А. № 6; С. №№ 51, 107, 176; В. № 2) и съ предлогомъ **по** въ значеніи «послѣ»: **по мнѣ**, **мнѣ**, **мнѣ** (А. №№ 3, 10, 12, 15, 17; С. №№ 37, 46, 51, 90, 176; Г. А; С.-Д. М. 1844). Нынѣ *мени:* обѣ формы, какъ видно, сходны, каждая съ своимъ дательнымъ. Для 2-го л. нѣтъ примѣровъ. Нынче приходъ народнаго языка предпочитаетъ *-е* для дательнаго п. и *-и* для мѣстнаго, хотя происхожденіемъ своимъ то и другое обязано одному и тому же *ѣ*. Но Д.-Сербскій языкъ еще не достигъ этого позднѣйшаго и наружнаго различія и правильнѣе соблюдалъ въ обоихъ случаяхъ **ѣ**. И этотъ падежъ убѣждаетъ насъ въ одинаковости падежнаго образованія для существительныхъ и мѣстоименій. Какъ форма дательнаго и мѣстнаго существительныхъ муж. и средн. р. собственно есть одна и та же, хотя чрезъ перезвукъ распадается на *-у* и *-ѣ*, отожествляясь однако въ женскомъ р., такъ и вообще существительныя и мѣстоименія имѣютъ одно падежное образованіе: отъ того женское, по видимому, окончаніе для дательнаго **мнѣ**, **тебѣ** есть собственно общеродовое окончаніе дательнаго, сходнаго по представленію въ Славянскихъ нарѣчіяхъ съ мѣстнымъ, по чему и образованіе обоихъ падежей сходно одно съ другимъ.

Именительный п. мн. ч. имѣетъ постоянно **ми**, **мы** (мн. р.), **ви**, **вы** (мн. р.)

Форма этого падежа еще ближе, чѣмъ въ именахъ существительныхъ, подходитъ къ первоначальному склоненію, ибо сдѣсь -ы, -и, собственно -ъ, есть усиленіе изъ ъ, прямаго замѣнителя первоначальнаго падежнаго образователя *-as*. Корень м, в есть тотъ же, который видимъ въ единственномъ ч. во всѣхъ падежахъ, кромѣ именительнаго для 1-го л. Славянскія нарѣчія постоянно имѣютъ ту же форму. Удвоенную форму мыи, мии, миї и т. д. (А. NN 3, 4; С. NN 81, 84, 176; В. № 1) и намекающую на нее со значкомъ мы̆, мй (С. NN 91, 111; А. № 5) удобнѣе всего можно объяснять вытяженіемъ голоса, которое очень часто замѣчается въ просторѣчіи Сербскаго и Русскаго языковъ. При этомъ вытяженіи голоса, которое, впрочемъ, необходимо бываетъ и при усиливающей частицѣ и, нерѣдко первое и обращается въ є, откуда мєи (С. № 85). То же увидимъ и въ другихъ мѣстоименіяхъ.

Винительный п. мн. ч. представляетъ двѣ формы: свою и родительнаго п. Собственная форма этого п. есть въ Ц.-Славянскомъ ны, вы, которая нынѣ уже не существуетъ въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, хотя въ старину и была, какъ видно изъ памятниковъ, на пр., Д.-Чешскаго, Д.-Русскаго и Д.-Польскаго. Явленіе н вмѣсто м есть обыкновенный перезвукъ, не имѣющій вліянія на образованіе формы: Литовскій во всѣхъ падежахъ имѣетъ *m*, какъ на оборотъ Латинскій *n*. Хотя ны, вы отвѣчаетъ винительному Санскрита *nas, vas*, однако Литовскій имѣетъ въ именительномъ *mes*, а въ винительномъ *mus*. Если сличимъ это *mus* съ тѣмъ же падежемъ существительныхъ, на пр., *vilkus*, Ц.-Слав. -ы съ тѣмъ же исходомъ винительнаго п. существительныхъ, а также примемъ въ соображеніе различие между обоими падежами въ Греческомъ языкѣ, то должны будемъ признать въ этомъ -ы пропавшій носовой исходъ, тотъ же, какой и въ существительныхъ. Слѣдовательно, именительный и винительный пп. хотя и сходятся видимо между собою, если не принимать въ расчетъ перезвука м = н, однако они существенно отличаются одинъ отъ другаго. Уже въ древнѣйшихъ памятникахъ Ц.-Славянскаго языка нерѣдко находимъ форму родительнаго п. вм. винительнаго. И Д.-Сербскій языкъ уже съ раннихъ поръ сталъ предпочитать первую. Форму ни, ны, нй находимъ въ Ш. № VII; С. NN 3, 8, 10, 12, 14, 15, 16, 19, 20, 26, 76, 127; А. № 18; форму ви, вы въ С. NN 2, 7, 10, 14, 21, 45, 166, 173; А. № 7; Мл. Самые NN грамотъ показываютъ, что она держалась только въ древнѣйшей письменности, но принадлежала и народному языку. Вмѣсто нея рано и въ большемъ числѣ, а подъ конецъ исключительно утвердилась нынѣшняя нась, на҃ (С. NN 3, 14, 16, 35, 51, 73, 81, 82, 85, 91, 95, 96, 98, 101 — 104, 107, 114, 117, 120, 127, 132, 136, 149, 150, 154, 156, 163, 175, 178, 179; Г. А, Б; А. № 16; З. А.), вась, вꙗсь (С. NN 4, 10, 14, 15, 19, 20, 48, 59; А. NN 4, 5, 10, 11; Г. VI, № 2).

Родительный п. мн. ч. имѣетъ постоянно нась, вась (мн. р.), какъ и нынѣ и во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, которыя воспользовались сдѣсь вспомогательною мѣстоименною частицею *s* подобно прочимъ Индоевропейскимъ языкамъ, на что указываетъ чистое образованіе этого падежа у Грековъ. Конечное ъ есть тотъ же падежной отзвукъ, который образуютъ и существительныя изъ первоначальнаго *âm*. Родительный п. пользуется обширнымъ употребленіемъ, поставляясь не только вмѣсто винительнаго п., но и въ собственномъ значеніи, не только въ соединеніи съ предлогомъ, но и одинъ безъ предлога въ томъ же смыслѣ изъятія; или же замѣняя собою мѣстоименіе притяжательное. Такъ, на пр., читаемъ: ꙁа послѣдьнѥ всѣхь нась; тко либо нась (С. № 78), тко ли ви нась (С. № 96),

конинь, понинь нась, нась (С. №№ 118, 112, 115), в нога годи нась (С. № 141), донолѣ в нась сами (наше сѣмя; С. № 57) и т. д.

Дательный п. мн. ч. предлагаетъ двѣ формы. Въ Ц.-Славянскомъ языкѣ находимъ тоже двѣ формы намъ, вамъ, ны, вы. Послѣдняя менѣе употребительна, хотя образованіемъ и равносильна первой, ибо одна удержала признакъ падежа м (*bh*), отянувъ въ полугласную его гласный исходъ *jas*, какъ въ существительныхъ, другая же, опуствивъ м (*bhj*), обратила *as* въ ъ и потомъ ы, отъ чего и сравнялась съ именительнымъ п. Нынѣ Славяне употребляютъ постоянно первую форму; и только одни Сербы около Нѣготина и Черной Рѣки еще доселѣ говорятъ *ни*, *ви*. Древнекнижный ихъ языкъ тоже предпочитаетъ намь, вамь, но кое-гдѣ употребляетъ и ни, ны (С. №№ 3, 11, 16, 17, 41, 63, 76, 91, 128, 134; А. № 14; Г. V), ви, вы (С. №№ 2, 4, 7, 9, 11, 13, 14, 15, 18, 20, 21, 45, 53, 166, 173). Вмѣстѣ съ этимъ въ XII-мъ и дальнѣйшихъ вѣкахъ находимъ множество разъ намь и вамь. На его употребленіе не имѣла вліянія Ц.-Славянская стихія: ту и другую форму находимъ равно въ обѣихъ семьяхъ грамотъ, такъ что церковно-царственныя даже предпочитаютъ вамь (ср. А. №№ 2—5, 11, 12, 16, 18, 19; С. №№ 175, 176, 178; С.-Д. М. 1844; Г. V). Изъ этого слѣдуетъ заключить, что обѣ формы не противорѣчили Сербской народности и попеременно употреблялись по волѣ писцовъ: впрочемъ, въ XV-мъ в. ни и ви начинаютъ замѣтно рѣдѣть. Какъ ми, ти, такъ ни, ви служатъ вмѣсто притяжательныхъ, на пр., госпогиши (С. № 26), родители (С. № 128), гіами (А. № 7), господствоми (Г. V), ѡ оцьцьи (С. № 2). Нынѣшній Сербскій языкъ, употребляя формы *нам*, *вам*, озвукотворяетъ и въ нихъ конечную полугласную и по тому, кромѣ этѣхъ, имѣетъ и *нама*, *вама*.

Творительный п. мн. ч. имѣетъ нынѣ, какъ и въ существительныхъ, одинаковую съ дательнымъ форму: *нама*, *вама*, произшедшую чрезъ ослабленіе и творительнаго въ *ь* и озвукотвореніе *ь* въ *а*. Но Д.-Булгарскій языкъ и прочія Славянскія нарѣчія различаютъ оба падежа и оканчиваютъ творительный на -ми (*bhis*). Находясь подъ вліяніемъ Ц.-Славянскаго, древнекнижный Сербскій языкъ постоянно различалъ оба падежа, какъ различалъ ихъ въ существительныхъ. Сдѣсь мы находимъ только одну форму: нами, вами, начиная съ XII-го и до конца XV-го в. Но что нынѣшняя, вѣроятно, существовала уже въ народномъ говорѣ, по крайней мѣрѣ въ XV-мъ в., то это видно изъ того, что она промелькнула въ одной грамотѣ: нама (С. № 132), если это только не была ошибка переписчика.

Мѣстный п. мн. ч. равнымъ образомъ отличенъ отъ творительнаго и дательнаго, не смотря на то, что нынѣ онъ приравненъ къ нимъ. Сдѣсь опять не могло никакъ участвовать внутреннее движеніе звуковъ, и сходства падежей нельзя объяснять законными пріемами словодвиженія; но это сходство ничему другому приписать нельзя, какъ только относительной бѣдности современнаго языка, перешедшаго отъ разнообразія къ однообразію формъ; ибо падежъ этотъ образовывался самостоятельно на *-съ*, отвѣчающее первоначальному *-sa*, *-su* и переходящее въ существительныхъ въ *-хъ*. Въ старину постоянно находимъ нась, нѧ, нась, нась, равно и съ предлогомъ по въ значеніи «послѣ» (Ш. № VII; С. №№ 3, 35, 37, 83, 84, 105, 111, 175, 176, 178; А. №№ 3, 4, 5, 8, 9, 11, 14, 17, 18, 20; Мк.; Г. Б; Мл.). Для 2-го л. примѣровъ нѣтъ.

Двойственное ч., какъ сказано выше, заимствовано было прямо изъ Ц.-Славянскаго языка и въ разсматриваемое нами время, не получая уже жизненныхъ силъ отъ народнаго, гдѣ оно пришло въ забвеніе, оставалось неподвижнымъ,

разъединеннымъ, слабымъ, большею частію уступая свое служеніе множественному ч. Кое-гдѣ однако находимъ его остатки и для личныхъ мѣстоименій. Такъ, родительный п. **наю, -ю, -наю** (Ш. № VII; А. №№ 10, 12; С. №№ 35, 91), **обрѣсти ва**, вѣроятно, **ваю**, родительный въ значеніи винительнаго (С. № 35); дательный: **нама** (С. № 98). До какой степени оно начинало уже забываться, показываютъ два слѣдующихъ примѣра: **обои мы** (С. № 66), **обои мею нами** (С. № 114) и множество подобныхъ.

Къ склоненію общаго рода относится еще возвратное мѣстоименіе, не употребляемое, по самому значенію своему, въ именительномъ п. Чиселъ оно тоже не имѣетъ. Винительный п. его, какъ и въ другихъ нарѣчіяхъ, имѣетъ одну краткую форму **се**, Ц.-Слав. **са**, хотя и употребляетъ другую, полную, принадлежащую собственно родительному. Первая тѣсно соединяется съ глаголомъ, сливаясь съ нимъ въ одно понятіе,—и это почти единственное ея употребленіе; вторая, напротивъ, всегда имѣетъ самостоятельное значеніе и представляетъ отдѣльное понятіе, на пр.: **узехь на себе** (А. № 15), **сьблюдемо колико сами себе** (С. № 76), **за себѣ(е)** (Мл.). Ее же находимъ и въ родительномъ п., ср. А. №№ 6, 15; С. №№ 61, 78, 143, 158. Дательный п. имѣетъ **себѣ, -не** (А. И.; Ш. № VII; С. №№ 5, 26, 107, 115, 143, 178; А. №№ 2, 11, 18; Мл.), или съ перезвукомъ **себи, себи** (С. №№ 132, 140). Въ болѣе обширномъ значеніи, и какъ дательный п., и какъ притяжательное мѣстоименіе, употребляется краткая форма **си**, принадлежащая всѣмъ родамъ, лицамъ и числамъ. Она относится или къ глаголу, означая собственно дательный п. «себѣ», или къ имени, означая принадлежность, или возвратное отношеніе. Такъ, на пр.: **ѣ обекавлюсе своимьси хтѣниемь** (С. № 7), **сие мое повелѣние пише кралевьствоми любовьномуси кнезу** (С. № 17), **кое си имамь** (С. № 20), **а обѣтуюсе прияьномуси кнезу** (С. № 21), **азь сь прѣвьзлюблѥнниіи братоси** (А. № 18); **да си прѣбудеши** (С. № 3), **да са узмешь** (С. № 26), **мл̃тиюси помлоуи и мене...., ни погнушаисе мене....; єго же изь прѣчистыѥси оутробы породи** (А. № 6); **да си има цр̃кви** (С. № 16), **вьдльтиевисе вь прѣст̃уюси мт̃рь и своимьси бл̃говолениємь вѣньуа нась** (С. № 51), **хрела си сьзаль** (А. № 6), **б̃гь.... призрѣви на ме мл̃осрьдиимьси окомь** (А. № 7), **село сь правинами си** (Ш. № 11), **кто ти излазе....по работахь по своихьси** (С. № 34), **да си обладаа икономь** (А. № 9), **да си дрьжи мт̃и б̃жїа, да си дрьжи цр̃кви та** (А. № 12); **да симамо** (С. № 16); **да бы како си се сте научили** (С. № 9), **да си живѣте** (С. № 21), **да си поидете** (С. № 53); **сїи села сь заселниамиси** (Ш. № VII), **да си ходе сь своими си трьги** (С. № 2), **да си идоу доуброву ане** (С. № 15), **а дружинуси не биху имели** (С. № 16), **да си приду, да си стое и поиду** (С. № 20) и т. д. (ср. С. №№ 24, 28—35, 43, 46, 49, 54, 55, 63, 66, 73, 76, 97, 98, 99, 113, 137, 176; А. №№ 10, 11, 12, 14; З.). Въ творительномъ п. это мѣстоименіе представляетъ, какъ и другія, двѣ формы, Ц.-Славянскую: **собою** (С. №№ 81, 85, 89, 95, 150; З. А.) — въ одномъ и томъ же вступленіи, исполненномъ Ц.-Славянской стихіи, **собою** (С. № 178)—въ гр-ѣ Аѳонской, и народную: **собомь, -омь, -омь, -о** (С. №№ 39, 88, 91, 106, 107, 111, 116, 117, 132, 137, 142—144, 157, 164, 179). Мѣстный п. образуетъ собственно **себѣ: о себѣ** (Ш. № VII), **по** (послѣ) **себѣ, -не, -ни, себие, вь себѣ** (С. №№ 106, 124, 125, 128, 134, 155; А. № 20), **по** (чрезъ) **себѣ** (С. № 157); но съ помощію перезвука является и **себи: сами по себи** (С. № 132), **по** (послѣ) **себи** (С. № 139), **на себи** (С. № 140), **по себи** (С. № 157). Этотъ перезвукъ приводитъ къ нынѣшней формѣ *себи* и показываетъ, что

она, какъ и форма дательнаго п., образовалась чрезъ перезвукъ, и что между ними и другою формою на -ѣ нѣтъ никакой существенной разницы. Причина этой двойственности заключается въ общемъ перезвукѣ ѣ въ и.

Родовое мѣстоименное склоненіе заключаетъ въ себѣ три разряда мѣстоименій: одни изъ нихъ являются первообразными или самостоятельно склоняющимися и имѣютъ строеніе одинаковое съ существительными; другія суть производныя отъ первыхъ, и образованіе, равно какъ движеніе свое совершаютъ съ помощію одного изъ предыдущихъ; третьи суть тоже производныя отъ первыхъ, но окончаніе ихъ, хотя и есть производный образователь, однако движеніе свое совершаетъ по подобію съ существительными, а иногда переходитъ и въ склоненіе мѣстоименное. Движеніе третьихъ есть смѣшанное. Распознать всѣ три рода не трудно. Хотя движеніе ихъ, по видимому, рознится; но вникнувъ глубже въ склоненіе простыхъ мѣстоименій, равно какъ мѣстоименнаго образователя производныхъ, мы замѣчаемъ, что это одно и то же склоненіе, которое въ свою очередь, относительно падежныхъ образователей, сходится вообще съ движеніемъ существительныхъ. Вся разница состоитъ, какъ мы и прежде сказали, въ способѣ соединенія съ падежнымъ узаказателемъ, болѣе разнообразномъ, чѣмъ въ существительныхъ, какъ на пр., въ принятіи служебной мѣстоименной частицы между основою и падежнымъ указателемъ, въ видоизмѣненіи основной конечной полугласной и т. д. Это послѣднее свойство придаетъ особый оттѣнокъ строенію первообразныхъ мѣстоименій, который отличаетъ ихъ иногда отъ существительныхъ. Я постараюсь представить сдѣсь очеркъ родоваго склоненія мѣстоименій, по скольку открывается къ тому средствъ въ нашихъ памятникахъ. Сдѣсь, какъ увидимъ, Д.-Сербскій языкъ, при всемъ сходствѣ съ Ц.-Славянскимъ, умѣлъ дѣйствовать самостоятельно и образовывалъ формы по своему собственному воззрѣнію, хотя и на тѣхъ же началахъ. И сдѣсь есть временное шествіе отъ древнѣйшихъ формъ къ новѣйшимъ. Многія формы уже не существуютъ нынѣ, но тѣмъ важнѣе онѣ для насъ, ибо являются поясняющими, посредствующими и какъ бы дополняющими самый Ц.-Славянскій языкъ. Во многихъ мы замѣтимъ смѣлость народнаго дѣйствія и даже мѣстами бóльшую послѣдовательность въ образованіи, оттѣняющую собою отличительныя свойства и Ц.-Славянскаго языка. Мы не станемъ обращать вниманія на разныя частицы, наружно придаваемыя къ мѣстоименіямъ и не входящія въ составъ самого слова, каковы на пр., **и, ѕи, же, жь, ге, ре, гере, то**, ибо онѣ нисколько не затемняютъ формы и не измѣняютъ ея внутренняго значенія. Тѣ же, которыя измѣняютъ собою самый смыслъ слова и, слѣдовательно, какъ бы срослись съ нимъ и съ его понятіемъ, необходимо должны оставаться при немъ въ изслѣдованіи.

Именительный п. ед. ч. представляетъ намъ различные виды мѣстоименій, употребленныхъ въ Д.-Сербскомъ книжномъ языкѣ. Мы замѣчаемъ, что съ помощію Ц.-Славянскаго языка Д.-Сербская книжность была богаче формами, чѣмъ нынѣшняя. Писцы удачно воспользовались многими Д.-Булгарскими формами, въ отношеніи коихъ, по многочисленности ихъ, Д.-Булгарскій языкъ не имѣетъ себѣ равнаго въ Славянской семьѣ. Нынѣ многихъ изъ этѣхъ формъ нѣтъ въ Сербскомъ языкѣ, какъ и вообще у другихъ Славянъ; но допущеніе ихъ въ древней письменности свидѣтельствуетъ, что онѣ когда-то были общимъ достояніемъ и, поддержанныя примѣромъ Д.-Булгарскаго, свободно присутствовали и у другихъ. Тѣмъ не менѣе, замѣтное распаденіе формъ по семьямъ памятниковъ и пребываніе многихъ лишь въ тѣхъ памятникахъ, въ которыхъ

въ сильной степени была допущена Ц.-Славянская стихія, указываемъ не столько на живое присутствіе ихъ въ народномъ языкѣ, сколько уже на заимствованіе. Книжность позднѣе устнаго языка могла удерживать старинные формы, руководясь древнѣйшими примѣрами. По этому количество употребленія тѣхъ и другихъ покажетъ степень отношенія двухъ стихій въ Д.-Сербской письменности. Сдѣсь однажды навсегда замѣчу, что въ родовыхъ мѣстоименіяхъ муж. и средн. р. винительный п. ед. ч. одинаковъ съ именительнымъ, не по тому, однако, чтобы онъ былъ тожественъ съ нимъ по происхожденію и употребленію, но по тому, что въ слѣдствіе звуковыхъ соображеній, тѣхъ же, какія мы видѣли въ именахъ существительныхъ, онъ уподобился ему. Носовой признакъ *м*, или *н*, присутствующій въ Санскритѣ, Зендѣ, Литовскомъ, Греческомъ, Латинскомъ и отчасти Готскомъ языкахъ, былъ откинутъ Славянами, и слово необходимо приняло образъ именительнаго п. Въ именительномъ и винительномъ пп. ед. ч. мы находимъ слѣдующія простыя и первоначальныя формы указательныхъ мѣстоименій: **ть, тѣ, тьь, тѣ** (С. №№ 11, 43, 47, 111, 137, 138, 176; А. №№ 3, 4, 7, 17; З.; Г. Б; Мл.). Начальные №№ грамотъ, особенно С. № 11, показываютъ, что оно еще держалось въ народѣ въ XIII-мъ и, можетъ быть, еще XIV-мъ в.; но потомъ перешло исключительно въ Восточныя грамоты, слѣдовательно, подъ защиту Ц.-Славянской стихіи. Народъ уже не любилъ его полугласія и съ XIII-го в. началъ озвукотвореніе, древнѣйшее въ **те** (С. № 21) и позднѣйшее въ **та** (С. № 59), или съ усиленіемъ **тає** (С. № 143). Въ среднемъ р. **то** (мн. р.). Въ женскомъ **та, тā** (С. №№ 14, 18, 38, 40, 43, 83, 78, 98, 107; А. №№ 12, 14; Г. А, Б), **сь, сьѣ, сѣ** (Ш. № VII; А. № 2; С. № 178) сохранилось еще менѣе, чѣмъ предыдущая форма **ть**, и исключительно въ Восточной семьѣ. Въ среднемъ р. **се, сє, сѧ, сӗ, сѐ** (Ш. № VII; С. №№ 5, 12, 14, 53, 55, 57, 113, 133, 162, 171, 176; А. №№ 5, 6, 9, 10, 16; Мк.; З. А.). Видно, что народъ еще любилъ эту форму, которую употреблялъ и съ именемъ и безъ имени въ родѣ указательной частицы. Соотвѣтственная этѣмъ форма женскаго р. не попадается. Сюда же отнесу взятую изъ Ц.-Славянскаго языка форму винительнаго п. муж. р. **и, ѝ** (А. № 3; С. № 56) и средняго **е, ѥ, ѥ̑** (С. № 176; Г. А, Б). Самое мѣстоименіе существуетъ почти во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ; но въ винительномъ п. оно употребляется только съ предлогами и переходитъ въ полугласную, получая гласную опору въ самомъ предлогѣ, съ которымъ соединяется чрезъ благозвучное *н*. Такое употребленіе началось въ Д.-Булгарскомъ языкѣ. У насъ находимъ: **ꙁань, -ь** (А. № 3; С. № 43), **нань** (А. № 5; С. №№ 37, 97, 103, 136). Нынѣ у Сербовъ тоже *њ* съ предлогомъ, какъ и у Поляковъ, Чеховъ и Хорутанъ *ń, ň, nj*, гдѣ оно переходитъ въ видѣ полугласной въ мягкость благозвучнаго *н, n*. У послѣднихъ оно живо сохранилось въ винительномъ п. не только въ краткой, но и въ полной формѣ *i* съ предлогомъ, на пр., *pódi*, то же, что *pódnj*. Еще свободнѣе употребляютъ его Лужичане: Верхніе въ формѣ *jón*, на пр., *ja sym jón* (его) *kupil*; съ предлогомъ *ńón*, на пр., *za ńón*; Нижніе въ формѣ *jen* и даже не только въ винительномъ, но въ именительномъ п., на пр., *ja jen som* (я тотъ самый); средняго р. *jo*, происшедшее изъ мягкаго *je*; женскаго *ja*. Эта форма стоитъ въ прямомъ соотвѣтствіи съ Чешскимъ относительнымъ *genž*, старинное *jenže*. Подобный переходъ **й** въ **и** виденъ и въ мѣстоименіи **итеръ** изъ **и** и первоначальнаго *tara*. Эта форма весьма важна; она подтверждаетъ однородство мѣстоименія **и** съ **онъ** и **инъ**, Санскр. *ana* въ сложныхъ словахъ, Лит. *anas*.

Прямо сносятъ его съ Санскр. *jas*, *já*, *jat*, Лит. *jis*, *ji*, Греч. ὅς, ἥ, ὅ, Лат. *is*, *ea*, *id*. На возможность опущенія *н* указываетъ Греческое εἷς, ἕν, род. ἑνός; а что сдѣсь дѣйствительно есть *н*, то это подтверждается выше упомянутыми формами, Лужицкою и Чешскою. Первоначальное его значеніе долженствовало быть единичности, и по тому необходимо свести его съ Лат. *unus*, которое въ старину звучало, какъ *onos*, *oinos* и совершило перезвукъ, какъ *oní*, отъ *ón*, у Хорутанъ въ *úni*, и какъ *uter* сравнительно съ **ѥтеръ**, Санскр. *jataras*; Гот. *ains*, Санскр. *énas*, Лит. *wienas*, Слав. **инъ**, Санскр. *anja*. Отъ того въ позднѣйшихъ Индоевропейскихъ языкахъ оно получило служеніе члена въ значеніи «одинъ», «нѣкоторый», какъ **инъ** тоже означало и «одинъ» и «другой». Мѣстоименное значеніе сошлось съ числительнымъ, ибо понятіе единичности и указаніе на третье лицо близки между собою. Это сродство дало у Славянъ мѣстоименію и значеніе опредѣленнаго члена. Различные перезвуки произвели и различныя формы. Такъ многообразна творческая сила языка. Сходныя въ корнѣ между собою, формы вступили независимо одна отъ другой въ служеніе языка. **онъ, ѡнъ, ѡ̂нъ** (А. № 6; С. NN№ 47, 58, 66, 73, 77, 91, 98, 108, 111, 112, 130, 137, 142, 162, 176; З.), **оно, -ѡ** (С. NN№ 34, 36, 71, 77, 111, 117, 137, 143, 146, 147, 150—152; Г. Б), **она, ѡна** (Мк.; С. NN№ 40, 87, 94, 98, 109, 121, 155, 173; А. № 19). По случаю указанія на третье лицо, оно причисляется и къ мѣстоименіямъ личнымъ 3-го л., т. е., раздѣляется въ граматикахъ на два мѣстоименія, личное или чисто замѣнительное, когда при немъ нѣтъ предмета указанія, и указательное, когда при немъ непосредственно стоитъ, или подразумѣвается предметъ указанія. У насъ оно употребляется въ обоихъ значеніяхъ. Въ первомъ значеніи всѣ Славяне удержали его только въ этой формѣ; а во второмъ, какъ указательное, нѣкоторые уже ограничили его однимъ опредѣленнымъ в., другіе однимъ неопредѣленнымъ, третьи удержали за нимъ тотъ и другой. **инъ, -ѣ, йнъ, і̂нъ** (С. NN№ 2, 8, 35, 44, 48, 50, 54, 111; А. NN№ 2 — 6, 12; З.), **ино, іное, йно** (А. № 4; С. NN№ 16, 43, 114, 163, 176; З.), **ина** (С. NN№ 62, 85, 95, 136, 150, 163; З.). Нынѣ оно осталось у Сербовъ только въ сложныхъ словахъ и въ неподвижномъ *ино*. **ѡвъ, ѡв, ѡ̂** (С. NN№ 87, 93, 96, 98, 104, 105, 108, 112, 114, 115, 117—119, 121—129, 139, 142, 143, 146—148, 157, 159, 163, 169—171), **ѡво, ѡво̀, о̀во̀, -о̀** (С. NN№ 16, 19, 27, 41, 54, 55, 61, 77, 93, 107, 114, 119, 120, 123, 127, 133, 136, 139—141, 144, 145, 156 — 158, 162, 164, 169, 171; А. № 11; Мл.). Мѣстоименія ближайшаго опредѣленія: **самь, -ѣ, са́мь, са̂** (С. NN№ 5, 20, 106, 108, 112, 115, 124, 125, 132, 142, 176; А. NN№ 3, 4, 6, 12; З.; Ю.; Г. Б; Мл.), **само** (С. NN№ 28, 45, 47, 48, 150), **сама** (Ш. № VII; С. NN№ 87, 121). **вьсь, весь, вась, всь** (С. NN№ 16, 27, 50, 51, 55, 107, 108, 112, 115, 119, 124—126, 146, 159, 161; З.), **вьсе, васе, све** и т. д. (Ш. № VII; С. NN№ 3, 14, 16, 18, 20, 26, 27, 30, 36, 39, 42, 43, 45, 49, 50 и пр.; А. NN№ 2—5, 14; З. А.; Мл.), **вся, вса, васа, свя** (А. NN№ 1, 14, 16, 20; Ш. № VII; С. NN№ 16, 26, 82, 85—89, 92, 95, 96, 98, 100 и пр.). Притяжательныя: **нашь, -ъ** (С. NN№ 14, 16, 57, 78, 91, 92, 104, 105 и пр.; Г. V; Мл.), **наше, -е, -о, на́ше, нааше** (С. NN№ 66, 88, 89, 91, 96, 98, 100 и пр.; А. № 11; Г. А), **наша** (С. NN№ 15, 16, 72, 77, 78, 91, 101, 102, 166; Г. А, V), **вашь** (С. NN№ 4, 15, 20, 63, 79; А. NN№ 3—5), **ваше** (С. NN№ 16, 71, 79, 89), **ваша** (С. NN№ 10, 11, 53) сходны по образованію съ **вьсь**, а съ другой стороны съ другими притяжательными: **мои, -ѣ, мой** и т. д. (А. NN№ 1—5, 9, 17, 18; С. NN№ 2, 13, 17, 18, 27,

51, 59 и пр.; З.), **моѥ, -ѥ, -є, -ѣ** и т. д. (А. №№ 1, 3 — 5, 15; С. №№ 2, 17, 22, 27, 51, 61, 73, 84, 86, 104, 105, 142, 164, 176; Ю.; Мл.; Г. V), **моѣ, -ꙗ, -ѧ̂, -ѧ́** (А. №№ 1, 3, 4, 10; С. №№ 4, 10, 59, 91, 105, 132, 164), **твои, -ӥ** (С. №№ 3, 4, 5, 8, 175; Г. А; Мк.; Мл.), **твоѥ, -ѥ, -ѣ, -є̆, -є̂** (С. №№ 12, 16, 51, 114, 144, 164; А. №№ 6, 7, 12, 20; Мк.), **твоѣ, -ꙗ, -ѧ** (С. № 3; Г. V; А. № 20), **свои** (А. №№ 1, 11; Ш. № VII; С. №№ 16, 43, 47, 97, 130, 144, 146, 157; З.), **своѥ, -ѥ, -ѥѥ** и т. д. (А. №№ 1, 2, 5, 12; С. №№ 4, 15, 73, 91, 111, 137, 140, 143, 176; Мк.), **уии, уїи, уӥ** (З.; С. №№ 91, 111, 137), **уие, уїє** (С. № 22; З.). Такимъ образомъ мы отъ простыхъ полугласныхъ **ть, сь** дошли до формъ, въ которыхъ уже явно образованіе съ помощію **и**. Но посмотримъ пристальнѣе на **тѣ** и другія. Нѣтъ сомнѣнія, что въ исторіи Индоевропейскихъ языковъ полугласіе слѣдовало за полногласіемъ: по этому въ **ть, сь,** должно видѣть стяженіе прадавней гласности. Первому, т. е., **ть(тъ), то, та** отвѣчаютъ Санскр. *sa*, рѣдко *sas*, *tat*, *sá*, Зенд. *hố*(*has*), *tat́*, *há*, Греч. ὁ, τό(τ), ἁ(ἡ), Гот. *sa*, *thata*, *sô*, Лит. *tas*, *ta*. Лат. *ta-lis*. Второму **сь, сє,** женск. Ц.-Слав. **си,** отвѣчаетъ Санскр. *sjas* и *sja*, *tjat*, *sjâ*, Лит. *szis*, *szi*. И такъ мы видимъ, что эти мѣстоименія имѣютъ общее образованіе съ существительными на первичное *-as*, *-am* или *-at*, *-â*. Но духъ языка, желая усилить въ нихъ указаніе, придалъ имъ, хотя не всюду, еще мѣстоименный исходъ **и**, первичное *jas*. Мы находимъ въ Ц.-Славянскомъ **тъи, тъи** или съ озвукотвореніемъ полугласной **тои**. Женскій и средній родъ остались безъ перемѣны. Но въ Н.-Булгарскомъ находимъ въ среднемъ р. *тое*, въ женскомъ *тоя* или *тая*. Опредѣленный в. понравился Славянамъ, и они удержали его одинъ, забывъ про **тъ**. Русскіе нѣсколько напоминаютъ это послѣднее въ своемъ удвоенномъ съ тою же цѣлію *тотъ*: но прочіе говорятъ или *ti*, какъ Хорутане, а Крайнцы *ta*, или *ten*, *ton*, какъ Поляки, Чехи и Лужичане. Въ этомъ *en*, *on* не трудно узнать перезвукъ того же мѣстоименія **и**, которое сохранило свой звукъ въ Хорутанскомъ *ti*, въ Чешскомъ *tyž*. У Чеховъ основа *t* приняла оба образованія, какъ ниже увидимъ подобное явленіе у В.-Лужичанъ. Сербы ближе всего подошли къ Д.-Булгарамъ. Они въ старину наглядно выражали образованіе неопредѣленнаго в. въ **тьи, тъ̑и** (А. № 7; Г. Б; Мл.) или **ты, ти** (Ш. № VII; С. № 133), которое прямо отвѣчаетъ Д.-Булгарскому **тъи**. Потомъ, какъ мы замѣтили, стали озвукотворять полугласную въ **тє** и **та**. Опредѣленный в. по этому вышелъ у нихъ въ **таи** (С. №№ 83, 104, 116, 118, 135, 142—144, 153, 157, 161, 164), и эта форма сохранилась и доселѣ: *тай*. Въ остальныхъ двухъ родахъ остался неопредѣленный в., ибо, обладая гласностію, онъ удовлетворялъ благозвучнымъ условіямъ Славянскаго языка, а слабое различіе между видами не потребовало ему двойника. Сербы какъ бы вознаграждали его отсутствіе чрезъ усиливающую частицу **и**, весьма часто пиша **тои, тѧи**. Но Н.-Булгарскія *тое*, *тоя* становятся въ противень мужескому *тои*, **тои**. Опредѣленный в. другаго мѣстоименія **сь** образовался чрезъ придачу **и** къ **сь** и возстановленіе въ среднемъ р. первоначальнаго звука **и**: **си, сиѥ, сиꙗ**. Теперь пора сдѣлать замѣчаніе, весьма важное для уразумѣнія движенія этихъ двухъ мѣстоименій, къ которымъ присоединимъ и Ц.-Славянское **къ**. Образуя ихъ опредѣленный в., Славянскій языкъ въ возстановляемой полугласной нисколько не хотѣлъ видѣть остатка первичнаго образованія; но считалъ **о** и **и** за простые, основѣ принадлежащіе звуки, и по тому дѣйствіе свое понималъ лишь какъ первичное построеніе опредѣленнаго в., и **тои, кои, сии** уподоблялъ, по образованію, первичнымъ **мои, уии**. Отъ

того-то средній и женскій р. **то**, **та** и сочтены были за формы, вполнѣ соотвѣтствующія мужескому **тои**, въ которомъ **о=ъ**=*as* сдѣлалось простымъ основнымъ звукомъ. Отъ того-то въ среднемъ р. удержалось **и** въ **сии**; по тому же явилось и **кои**, **кои**, **кои** изъ **къ**. Какъ въ первомъ остались **то**, **та**, такъ сдѣсь водворились **кои**, **кои**. Отъ того же наконецъ оба вида имѣютъ одно и то же движеніе. Конечно не что иное, какъ время, условило эти измѣненія: прежде были **тъ**, **сь**, **къ**, потомъ **тои**, **си**, **кои**, прямо отвѣчающія своею формою еще первичному способу образованія опредѣленнаго в. на **ъ+и**: **тъи**, **къи**, гдѣ только озвукотворена полугласная, а въ **си** даже и того не было. Но позднѣйшій способъ, конечно, для одного мужескаго р. явился уже на **ы+и**. Время заставило также забыть и значеніе преобразованія первыхъ во вторыя. Создавая **тои** и др. т. п., языкъ, по видимому, вовсе не желалъ произвести сдѣсь то, что происходило въ прилагательныхъ на **-ъи** (**ыи**), **-ои**, **-аи**; по тому-то сдѣсь и различныя гласныя, а тамъ одинаковыя во всѣхъ родахъ. Послѣ этого уже мы видимъ новыя дальнѣйшія попытки опредѣлить нѣкоторыя формы, въ слѣдствіе чего являются и подобныя прилагательнымъ, т. е., въ позднѣйшемъ опредѣленномъ в.: **кая** съ двойнымъ движеніемъ изъ **ка** и **и**, по чему родительный уже бываетъ **кыя**, гдѣ **кы** есть существительное падежное образованіе, отвѣчающее простому мѣстоименному **кои**; далѣе **кая**, гдѣ **ка** есть то же, что **та** отъ **та** и пр. Слѣдовательно, **кои** будетъ въ представленіи языка то же, что **ка**, или то же, что **та**; а **кая** явится дальнѣйшимъ опредѣленнымъ в., который часто придается этому мѣстоименію, какъ и нѣкоторымъ формамъ другихъ, на пр. **тии** вм. **ти**; но ужь это есть слѣдствіе дальнѣйшаго видоизмѣненія языка. Отъ того, находя достаточнымъ движеніе **кои**, **кои**, **кои**, языкъ для **кыи**, **кои**, **кая** и не произвелъ многихъ падежей, но ограничилъ движеніемъ предыдущей формы. Ц.-Славянская форма **сии** есть, вѣроятно, продолженная изъ **си=сьи**. У Русскихъ *сей* представляетъ озвукотвоуеніе б-ы ь. Сербы выразили образованіе этого вида въ формѣ **сьи** (С. № 176), которую стянули вмѣстѣ съ Д.-Булгарами въ **си** (Ш. № VII; С. №№ 2, 14, 16, 21, 31, 34, 39, 43, 49, 50, 66, 162, 176, 178; А. №№ 7, 14). Но въ половинѣ XIV-го в. быстро исчезаетъ эта форма, ибо Сербы, помня въ ней присутствіе ь, озвукотворили его, когда настало время общаго озвукотворенія этой буквы. Такъ появляются **саи**, **саи** (С. №№ 121—128, 130, 140, 141, 145). Ц.-Славянская форма **сии**, **сіи** и т. д. **сі**, **сі** ограничилась почти одними церковно-дарственными грамотами (А. №№ 3—6 8—10, 12, 13, 17; Г. А, V; С. №№ 35, 46, 134, 176). Средній и женскій р. остались при своей формѣ: **сие**, **сие** и т. д. (А. И.; Ш. № VII; С. №№ 2, 3, 6, 7, 14—17, 19, 21, 22, 26, 27, 35, 37, 39—44, 46—50, 51, 54, 55, 62, 63, 66—68, 70, 77, 81, 83, 84, 86, 90, 99, 168, 175, 176, 178; А. №№ 3—19; Мк.; Г. А, Б; З.; С.-Д. М. 1844; Мл.), **сии**, **сіа**, **сїа**, **сие** (С. №№ 3, 16, 27, 47, 66, 67, 70, 71, 73, 91, 178; А. №№ 6, 20; Мл.) Встрѣчаемое разъ **сье** (С. № 20) и **сьие** (С. №№ 107, 114) показываютъ неудавшуюся попытку образоватъ средній р. прямо отъ **сь**. Замѣтимъ, что формы того и другаго рода употребляются только до конца XIV-го в., не считая церковно-дарственныхъ гр-ъ, всего менѣе говорящихъ въ дѣлѣ народности. Это значитъ, что прежде Сербы употребляли это мѣстоименіе, а потомъ стали забывать его по примѣру другихъ Славянъ. Тверже держалось въ XV-мъ в. **саи**, благодаря народному способу озвукотворенія. Сличивъ употребленіе формы **се**, мы видимъ ту же бѣдность ея въ XV-мъ в. Еще появилась она съ усиливающею частицею: **сеи**, но сохранялась болѣе чрезъ списываніе въ общемъ выраженіи **а сеи се вѣса** (С. №№

115, 116, 121—123, 126, 127, 130, 136). Такимъ образомъ признакъ забвенія обнаруживается въ этомъ мѣстоименіи. Нынѣ Сербы, какъ и бóльшая часть другихъ Славянъ, не имѣютъ этого мѣстоименія, вѣроятно, по тому, что, будучи однородно съ **тъ**, оно оказалось ненужнымъ. Въ старину, безъ сомнѣнія, оно было у всѣхъ, какъ это доказываетъ и Д.-Чешская письменность своимъ *sjen*. Русскіе удерживаетъ его только въ письменномъ языкѣ и только одни В.-Лужичане еще имѣютъ *sen* и *sij*, опять указывающія на происхожденіе и видоизмѣненіе мѣстоименія **и**. Если въ послѣднемъ *i* есть коренное, то Ц.-Славянское **сии** найдетъ себѣ объясненіе въ вышесказанномъ о значеніи **и** въ среднемъ р. **сие** и подтвердитъ то, что сдѣсь Славянскій языкъ возстановилъ прадавнюю коренную б-у *i*, являющуюся въ Литовскомъ языкѣ. Въ такомъ случаѣ сдѣсь не будетъ уже протяженія формы, и оба **и** будутъ сохранять свое настоящее значеніе, а форма **сьи** и ей подобныя, имѣющія признаки присутствія **ь**, будутъ если не второстепенными, то позднѣйшими, ибо послѣдовательность требовала бы въ противень имъ **сие**; но **сие** именно и выкупаетъ и утверждаетъ возможность формы **сии**. Общая гласная **и** найдетъ себѣ подобную въ **о** въ **мои, мое, моя**, **кои**, **кое, коя**. Переходимъ къ этому послѣднему. Образованіе его и значеніе въ немъ возстановленной полугласной точно такія же, какъ и въ предыдущихъ двухъ. Оно въ своей простой первоначальной формѣ не попадается одно въ нашихъ памятникахъ, но въ сложеніи существуетъ, на пр., **кяя**; для него есть еще другая форма, отвѣчающая Ц.-Слав. **кън** или удлиненной **кыи**: это **ки** (С. №№ 4, 11, 15, 28, 97, 173). Какъ Ц.-Слав. **тъи** перешло въ **тои**, но у Д.-Сербовъ и въ **ты**, такъ и **кън** могло перейти у Д.-Сербовъ въ **ки** (кы) и въ **кои, кой, кой** (Ш. № VII; С. №№ 16, 17, 19, 20, 22, 26, 29, 31, 36, 39, 40 и пр.; А. №№ 4—6, 12, 19; Мк.; З.; Г. VI, № 2; Мл.), сложныя: **никои** (С. №№ 51, 122; З.), **нѣкои** (С. № 173). Та и другая форма находятся у Хорватовъ: *koi* и *ki*, изъ которыхъ вторая есть то же, что стяженіе первой, ибо, обративъ *о* въ полугласную, получимъ *ki*. Русскіе, Сербы и Н.-Булгары имѣютъ *кой*, *кои* (*коjи*), но у Русскихъ, какъ и у Сербовъ, есть *нѣкій*, *неки*; Хорутане *ki*, В.-Лужичане неподвижное *kiž*, а Н.-Лужичане *kenž*, въ которомъ опять *i* перешло въ *en*, *jen*, *jon*. И такъ Славяне двояко образовали опредѣленный в., озвукотворивъ и не озвукотворивъ полугласную. Въ этомъ мѣстоименіи самъ Д.-Булгарскій языкъ не любилъ первоначальной формы, удержавъ ее однако въ **къто**, **къждо** и въ опредѣленномъ **кън**, **кои, кяя**. Первое опредѣленіе явилось въ формѣ **кън**, **кои**, гдѣ **о** принято было за простую основную гласную, и языкъ какъ будто только приступалъ къ созданію именной формы, по чему ту же букву оставилъ и въ женскомъ р. **коя**. Онъ смотрѣлъ на эту форму вовсе не такъ, какъ на прилагательное опредѣленнаго в. на **-ая**; ибо, желая усилить опредѣленіе, онъ повелъ образованіе далѣе и сдѣлалъ **кыи**, **кая** и далъ имъ движеніе прилагательныхъ хотя и не полное, и не имѣющее многихъ падежей; на пр. **кыихъ**, **кыимъ**, **кыя** и пр. Въ среднемъ р. оставалось въ обоихъ случаяхъ **кое**. Въ мѣстоименіи **тъ** Д.-Булгарскій языкъ старался остаться при первоначальной формѣ, а въ этомъ стремился къ преобразованію и ближайшему опредѣленію формы. Отъ того **тъ**, не смотря на **тъи** или **тои**, сохранило простое движеніе неопредѣленнаго в., а **къ** уже утратило его, оставивъ слѣды его только въ мужескомъ или безродномъ движеніи въ сложеніи съ **ждо** и **то**. Но другіе Славяне остались довольны обычною формою **кои**, отъ которой находимъ у насъ средній р. **кое**, **-е**, **-е**, **-є**, **кони**, **коие** (С. №№ 3, 26, 27, 41, 42, 47, 57, 64, 66, 76, 78 и пр.; З.),

[illegible] (С. №№ 20, 46, 76; 3.), [illegible] (А. № 1; С. №№ 16, 20, 66, 78, 168) и женскій кои, коиꙗ, коѧ (С. №№ 3, 16, 19, 85, 86, 101, 102, 107, 108, 112, 115, 121, 126, 127, 133, 136, 142, 145, 150, 163), [illegible] (С. № 39), [illegible] (С. №№ 15, 20, 66, 72, 76). Нынѣ у Сербовъ *кое, коя;* у Хорватовъ *koje* и *koja*, стягивающіяся въ *ké, ká*. Это стяженіе объясняетъ у насъ форму средняго р. [illegible] (С. № 8) и женскаго [illegible] (С. №№ 95, 98, 169). Ожидать сдѣсь первоначальной [illegible] нельзя по позднему возрасту грамоты; напротивъ, [illegible] въ сложной формѣ въ выраженіи [illegible] (С. № 16) можетъ еще служить намекомъ на употребленіе первоначальной; но одиночность его, хотя и въ весьма древней грамотѣ, равно не точность во многомъ этой послѣдней заподозриваютъ его достовѣрность и заставляютъ скорѣе предполагать пропускъ б-ы [illegible]. Посмотримъ теперь, въ какомъ отношеніи къ простымъ формамъ стоятъ другія упомянутыя мѣстоименія: [illegible], онъ, [illegible], [illegible], самъ, вьсь и притяжательныя. Первое, въ своемъ настоящемъ видѣ, отвѣчаетъ Санскр. *jas*, и только мягкости своей обязано тѣмъ, что не перешло у Славянъ въ полугласную. Тѣмъ не менѣе, въ соединеніи съ другими переводитъ мягкость и въ ь и измѣняетъ свойство предшествующей согласной, на пр., въ [illegible], [illegible], вьсь, которое должно бы было звучать [illegible], какъ и дѣйствительно находимъ у Поляковъ *wszystek*, у Чеховъ *wšecek*, у Лужичанъ *wšitki;* а что сдѣсь дѣйствуетъ это самое и, то это видно еще изъ другой Лужицкой формѣ *wšón, wšo, wša*, прямо отвѣчающей вьсь и снова подтверждающей переходъ и въ *jen, jón* и сродство его съ [illegible]. Слѣдовательно, и стоитъ въ прямомъ отношеніи и въ уровнѣ съ тъ, сь. То же первичное образованіе представляютъ [illegible], Санскр. *ana*, Лит. *anas;* [illegible], Санскр. *anja*; [illegible], Зенд. *ava;* самъ, Санскр. *sama;* вьсь, образовавшееся изъ соединенія основы вьс съ *jas*. Литовскій языкъ образовалъ съ *as: wissas*, съ удвоеніемъ вм. Санскр. *viçva*: по этому можно бы было ожидать вьсъ, какъ и дѣйствительно находимъ въ Остромировомъ Евангеліи, по чему и у Сербовъ, особенно въ ихъ пѣсняхъ, есть *вас*(ь), *васколик*, или обыкновенная съ перестановкой *сав;* но Славяне предпочли свое образованіе съ *jas*. Такъ точно мѣстоименные корни [illegible], гдѣ [illegible] перезвуковано изъ и, и [illegible] въ соединеніи съ служебною мѣстоименною частицею с, которую увидимъ нѣсколько разъ въ движеніи, и исходомъ *jas*, образовали [illegible]. Сдѣсь принятъ въ образованіе родительный п., какъ въ другихъ Индоевропейскихъ языкахъ для другихъ притяжательныхъ; но что сдѣсь -[illegible] есть *s+jas*, это видно изъ Санскрита, въ которомъ имъ отвѣчаютъ *asmadîjas, jušmadîjas* отъ *asma, jušma* съ отложительнымъ указателемъ *d* или *t* и усиленнымъ или вытянутымъ *îjas* изъ *jas*. Такъ же точно первоначальныя основы *ma, tva, sva*, Санскр. *tva*, въ соединеніи съ *jas* и съ перезвукомъ *a* въ *o*, приняли видъ мои, твои, свои. Ближе всего подходитъ Санскритъ съ своими *madîjas, tvadîjas*, гдѣ *d* есть отложительный указатель, а *îjas* есть усиленіе или протяженіе изъ *jas*. Слѣдовательно, мои и пр. отвѣчаетъ существительному образованію [illegible] и есть по тому неопредѣленный в. Это еще болѣе доказывается образованіемъ въ другихъ Индоевропейскихъ языкахъ, Лит. *manas, tavas, savas*, Лат. *meus, tuus, suus*, Греч. *ἐμός, σός, ὅς*, Гот. *meins, theins, seins*, гдѣ даже пропущена образовательная гласная. Хотя они происходятъ отъ родительнаго п., однако самый образователь отвѣчаетъ существительному исходу Славянскаго языка ъ, а слѣдовательно и неопредѣленному в. прилагательныхъ. Не смотря на двугласный исходъ и опредѣленный, какъ кажется, видъ, эти мѣстоименія, по степени

образованія, стоятъ въ одной линіи съ **тъ, сь, къ**, изъ коихъ последнее есть то же, что Санскр. *kas*, жен. *kā*, где *as* естественно переходитъ въ **ъ. чии** произошло изъ образователя *jas* и первоначальнаго *kis*, которое кое-где существуетъ, на пр., въ **чьто** и Санскритскомъ среднемъ р. *kim* при мужескомъ и женскомъ *kas*, *kā*, или въ сложномъ муж. р. *mākis*, ср. Лат. *quis*. Следовательно, сдесь первое **и** есть первоначальное, какъ въ женск. р. **си**, и не есть усиленіе изъ **ь**: отъ того оно всюду сохраняется въ движеніи. И такъ сделаемъ общее замечаніе о природе упомянутыхъ местоименій Исключая **тои**, **си**, **кои**, все прочія, какъ **тъ**, **сь**, **къ**, представляютъ въ себе первоначальное простое образованіе на *-as* или *-jas*, прямо отвечающее неопределенному в. прилагательныхъ или, что то же, образованію существительныхъ. Отъ того мы и даемъ ихъ форме названіе неопределеннаго в. Но и самый определенный в., какой мы видели въ **тои**, или **сии**, **кои**, не похожъ на таковой же видъ прилагательныхъ и есть какъ бы посредствующій или, вернее, настоящій определенный в., сросшійся съ основою и одинъ направляющій ея движеніемъ; тогда какъ обыкновенный такъ называемый определенный в. прилагательныхъ, причастій, другихъ местоименій и числительныхъ есть только соединеніе движенія неопределеннаго в. съ движеніемъ указательнаго местоименія, ибо въ старину, более въ доисторическую пору, во всехъ падежахъ склонялось имя и рядомъ съ нимъ склонялось и местоименіе указательное независимо другъ отъ друга. Первоначально духъ языка и не думалъ соединять два движенія, но отъ времени, ради краткости, соединилъ ихъ, какъ застаемъ въ древнейшихъ Д.-Булгарскихъ памятникахъ, уподобивъ начальную гласную местоименія исходной гласной падежа и опустивъ въ движеніи неопределеннаго в. согласные падежные исходы, какъ-то, **мь, мъ, хъ**: **-ыимь** вм. **-ъмь+имь** и т. д., а въ творительнымъ жен. р. и самый носовой отзвукъ, такъ что въ обоихъ видахъ вышла одна форма **-ојѫ**; а потомъ и совершенно слилъ оба движенія, какъ это видимъ у другихъ Славянъ. Следовательно, то, что мы разумеемъ подъ определеннымъ в., есть позднейшее слитіе двухъ различныхъ движеній, и если разсечемъ его, то выйдетъ, что упомянутыя части речи останутся при одномъ первоначальномъ или неопределенномъ в.: напротивъ, собственно-определенный в. будетъ принадлежать однимъ местоименіямъ **тои**, **сии** и съ полнымъ движеніемъ **кои**. Этотъ недостатокъ движенія и есть знакъ того, что собственно определенный в. считался языкомъ за излишній и по тому употреблялся редко, наиболее въ прямыхъ падежахъ, и безъ особой силы значенія. Движеніе же неопределеннаго в. местоименій будетъ отличаться отъ таковаго же прилагательныхъ или существительныхъ только, какъ сказали мы выше, иными пріемами падежнаго образованія, на пр. **-го** или **-га** вм. **-а**, **-моу** вм. **-оу** и т. д., что увидимъ ниже. Полное движеніе первоначальнаго определеннаго в. мы находимъ въ **кои**, **коя**, **коѣ**, **коего**, **коня** и т. д., а неопределенный представленъ сложнымъ **къ-то**, **къ-ждо**, **кого**, **комоу** и т. д., **чь-то**, **чего** или **чесо** и т. д. Впрочемъ, у Н.-Булгаръ *кои* склоняется какъ **кьто**: *кого*, *кому*, следовательно, одинаково съ **тои**, **того**, **томоу**, т. е., оно оставлено за однимъ падежомъ, а движеніе совершается отъ *къ*. Но какъ мало языкъ дорожилъ определеннымъ в., явствуетъ изъ того, что **тои** подчинено движенію **тъ**; **си**, **сии**, **сии** подчинено движенію **сь**, **си**, **се**; ср. **сего** и **чего**, **тоя** и **сия**; **кыи** подчинено движенію **кои**, исключая некоторые падежи особенно въ женскомъ р., при чемъ однако **къ**, **ка**, **ко** принимаютъ уже существительное движеніе: **кыя**, **кыимь** и т. д. Можетъ быть, укажутъ на различіе между движеніемъ существительныхъ, или другихъ

частей рѣчи неопредѣленнаго в., и движеніемъ того же вида мѣстоименій, на пр. въ родительномъ первыхъ **-а**, вторыхъ **-го** и **т. д.**, то отвѣчаемъ, что въ этомъ и состоитъ отличительная черта мѣстоименнаго движенія, которое не сливаетъ падежнаго образователя съ конечною полугласною, но раздѣляетъ ихъ воставочною буквою, или частицею: въ удлиненномъ образованіи мѣстоименій не должно видѣть опредѣленнаго в., ибо лучшимъ доказательствомъ служитъ женскій р., на пр. въ **тоѩ**, **тои**, гдѣ **о** явно не что иное есть, какъ только возстановленная конечная полугласная; **ѩ**, **и** суть падежные признаки, тѣ же, какъ и для существительныхъ. На возможность сохраненія основной гласной и для существительныхъ, какъ **о** въ **-ого** для **тъ**, указываетъ Санскритъ своими *wrkasja*, *bhagasja*, *navasja*, одинаково образованными съ *tasja* отъ *sa*. Отъ того **-ого**, **-оѩ** и пр. совершенно отличны отъ **-оиго** или **-ааго**, **-оиѩ** или **-ыѩ**, гдѣ явно присутствуютъ мѣстоименіе **и**, вторично приданное. Но спросятъ, по чему **мои** и **т. д.** и **уни**, первоначальныя по своему образованію, склоняются точно такъ же, какъ **кои**, стоящее на второй ступени сравнительно съ ними, ибо они не имѣютъ своего первоначальнаго, какъ это имѣетъ своего **въ къ**? Это по тому, отвѣчаемъ, что въ нихъ **и**, столкнувшись съ гласною, не могло утратить своей первичной природы и перейти въ полугласную, какъ на пр. въ **мѫжь = маг+**-*jas*, но осталось на виду, слишкомъ яснымъ, и, принадлежа мѣстоименію, сохранило и свое мѣстоименное движеніе; но **-оиго**, **-оиму** явно указываютъ, что сдѣсь **и** вовсе не въ такомъ служеніи, какъ на пр. въ **тоуждии**, **-ааго**, гдѣ не **ѩго** отвѣчаетъ ему, а **а**; прямое отношеніе имѣетъ оно къ **и** въ **крали= кра+**-*jas*. Если же **крали** не склоняется, какъ **мои**, это по тому, что, какъ сказано выше, между существительнымъ и мѣстоименнымъ склоненіемъ лежитъ коренное различіе въ способѣ соединенія основы съ падежными указателями, различіе, скрытое въ духѣ языка. Замѣтимъ однако, что женскій р. вообще тверже удержалъ первичное движеніе и между прочимъ носовой отзвукъ въ родительномъ п., объясняющій въ немъ долгое *-jás*, *-ês*, *-ôs* Санскрита, *-ôs*, *-aus* Литовскаго, или *ογο=ου* Греческаго. Если же сравнимъ **ѩи** съ **краѩ**, то увидимъ между ними сходство, доказывающее наши слова, что только различные пріемы падежнаго образованія различали два склоненія, но указатели падежные оставались одними и тѣми же, и что нѣкогда въ доисконныя времена склоненіе было одно и то же для всѣхъ частей рѣчи. Но какъ **и**, **ѩ** обнаруживаютъ свою чистую основу въ **и**: **иго**, **иѩ**, такъ и **тъ**, **та** обнаруживаютъ свое **о** въ **того**, **тоѩ** и **т. д.** Имѣя движеніе опредѣленнаго в., **мои**, **твои**, **свои**, **уни** все таки по образованію своему принадлежатъ къ первостепеннымъ именамъ и допускаютъ полное и какъ бы отдѣльное склоненіе мѣстоименія **и** только по тому, что оно при гласной не могло потерять или затемнить свой первоначальный образъ и свое движеніе, какъ въ существительныхъ. Не только сходство, но и тожество можно видѣть между **моиго** и **коиго**, ибо сдѣсь **и** осиливаетъ самое образованіе и первичному даетъ видъ и движеніе вторичнаго; а между тѣмъ **мои** стоитъ на одной степени съ **къ** и **вашь**. Но объ этомъ довольно. Кажется, понятно выражена мысль, что духъ языка употребилъ трoякій способъ переведенія корня или безразличной основы слова въ жизнь и движеніе; но этотъ трoякій способъ условленъ лишь временемъ и, какъ три степени, относится къ повременному развитію языка. Онъ собственно есть одинъ и тотъ же, но три раза былъ повторенъ языкомъ по мѣрѣ его развитія и забвенія значенія и мысли первоначальныхъ формъ. Сначала къ основѣ слова приданы были *as* и его совмѣстникъ *jas*, въ кото-

рыхъ языковѣдѣніе признаетъ смыслъ указательнаго мѣстоименія: чрезъ это произошли существительныя, прилагательныя и мѣстоименія въ своемъ первоначальномъ видѣ, т. е., неопредѣленномъ, какъ мы называемъ его въ сравненіи съ дальнѣйшимъ преобразованіемъ ихъ: чрезъ это образовались и первоначальныя формы движенія, родительный мѣстоименій на -ого, -ѥго, -ои, -ѥи и другихъ частей рѣчи на -а, -ѣ и т. д. Потомъ, какъ бы забывъ скрытое указаніе или опредѣленіе, языкъ усилилъ нѣкоторыя мѣстоименія вторичнымъ *jas*, принявъ первое *as* за простой исходъ или за простую полугласную, которую при движеніи озвукотворилъ въ соотвѣтственную гласную о, или и, откуда -оиго, -иига, -оии и т. д.: этому движенію онъ подчинилъ и первично образованныя притяжательныя отъ единственнаго ч., не могшія скрыть, какъ другія, своего и (*jas*): мои и т. д. Это и есть собственно-опредѣленный в., сросшійся съ основою и двигающійся одинъ. Наконецъ и другія части рѣчи, какъ и нѣкоторыя мѣстоименія, онъ опредѣлилъ чрезъ мѣстоименіе и, давъ ему совмѣстное съ ними движеніе, сначала отдѣльное и независимое, потомъ стянутое и наконецъ совершенно слитое. Только по случаю стяженія и слитія мы называемъ форму опредѣленнымъ в.; но собственно на нее должно смотрѣть, какъ на движеніе двухъ самоотдѣльныхъ словъ, поставленныхъ въ тѣсное между собою отношеніе, опредѣляемаго и опредѣляющаго или указываемаго и указующаго. Въ одномъ изъ мѣстоименій выразились всѣ три способа опредѣленія, первичный въ къ, ка, вторичный въ кои, коа, третичный въ кыи, каа. Послѣднее не получило полнаго движенія, но уже кы-ции, кыи и пр. показываютъ, что ъ въ кы или къи или кыи и а въ каа не были тѣмъ неподвижнымъ о, которое находимъ въ движеніи и образованіи кои, коа. Переходимъ теперь къ сложнымъ формамъ.

Сложныя формы бываютъ двоякія: въ однѣхъ простыя мѣстоименія сложены съ частицами, измѣняющими ихъ значеніе; въ другихъ они сложены съ опредѣляющимъ мѣстоименіемъ и. Сначала о первыхъ.

Эти мѣстоименія опять бываютъ двухъ родовъ: одни соединены съ частицею и при движеніи или отбрасываютъ ее, или оставляютъ при себѣ, а сами измѣняются, какъ простыя; другія такъ плотно соединены съ производнымъ образователемъ, что вмѣстѣ съ нимъ составляютъ какъ бы одну основу съ извѣстнымъ понятіемъ и движеніемъ. Къ первымъ причисляемъ: относительное иже, -е, йже, ѣже и т. д. (А. NN№ 1, 3—6, 9, 11, 12, 14, 17, 19, 20; Ш. № VII; Мк.; С. NN№ 35, 37, 46, 51, 52, 81, 85, 89, 95, 99, 100, 103, 150, 176, 178; В. № 2; Ю.; С.-Д. М. 1844; З. А.; Мл.; Г. V), иже, -е, еже, ѥже, ѥ и т. д. (Ш. № VII; С. NN№ 16, 37, 50, 66, 84, 90, 100, 111, 137, 138, 176; А. NN№ 3—5, 11, 13, 18, 19; Г. А; В. № 2; Мл.), аже, йже и т. д. (А. NN№ 4, 18; Г. А, Б; Мл.). Это мѣстоименіе, какъ сказали мы и какъ видно изъ самыхъ памятниковъ, держится подъ вліяніемъ Ц.-Славянскаго языка; если и находимъ нѣсколько грамотъ изъ Западной семьи, то сдѣсь оно допущено лишь въ богословіи. Кажется, родовое различіе уже начинало ослабѣвать въ немъ подъ рукою писцовъ: мы не разъ встрѣчаемся съ подобными сочетаніями: ѡ бжственѣмь дарѣ иже ми дā ѣко мои хс (С. № 176), иже испрьва сиѩнаа любьвь бжнаа и сладость неизреченнии славы твоѥ. и кто довольнь ѥ изрѣти таковѹю блгть иже даровалъ ѥси ѣко хс (С. № 46), блгчстиво прѣгоѹтишна ѿца ѳеѡдоѹла да ѥ прѣстатель ніан тоѝ иже оу карѣахъ (А. № 10), црквь нашѹ баштинѹ брцѹ иже въ мѣстѣ реноумьнѣ архилевица (А. № 14), црквию блгчнию иже ѿ прѣчтінхь ребрь истечшю (А. № 18), ѡбители прчтыѥ блгцѥ нашѥ кѹѥ хіландарскыѥ, иже въ стѣи горѣ (А. № 17). Нѣсколько иначе объясняются:

цр҃кві великославнаго а҆рхїстратига михаила иже въ цинпоу градоу (А. № 6), **келїи тѡи ст҃го сл҃вы иже въ картахь** (А. № 10), **цркви архистратига михаила иже у ириѣ** (С. № 35). Сдѣсь **иже** можетъ относиться къ именамъ мужескаго р.; но въ предыдущихъ случаяхъ оно указываетъ уже на смѣшеніе родовъ, слѣдовательно, ослабленіе Ц.-Славянской формы на Сербской почвѣ. Далѣе читаемъ еще: **по всехвалимеи же его мати иже на кра҃ткивми** (С. № 62), **кьпл-щенїх иже вь прѣст҃ѣи твоиѝ оутробѣ незиліюре** (А. № 6), **вьведенїе иже вь ст҃ал стыи** (А. № 12), **дарованиј(е) иже** (С. № 46), **сега писание не потворите иже дарохахь** (С. № 84), **по его призрѣнию иже на кра҃ткоми** (С. № 62). Перезвукъ **ж** въ **р** произвелъ другую форму для средняго р.: **нре, ере, ере** (Ш. № VII; С. №№ 3, 11, 13, 16, 19), которая употребляется и вмѣсто союза «что». Нынѣ это мѣстоименіе не существуетъ, но осталась отъ него только частица *ер*, *ере*, *ера* съ вопросительнымъ и виносовнымъ значеніемъ; въ послѣднемъ иногда въ сложномъ видѣ *ербо*. Сюда же относится мѣстоименіе ближайшаго опредѣленія **кожо** (С. № 35), въ которомъ первоначальное **къ**, озвукотворенное въ **ко**, соединено съ частицею, придающею ему особое значеніе, какъ и предыдущему мѣстоименію. Эта частица **жо** есть то же, что **жд**, и не отбрасывается при движеніи. Ея особое служеніе при мѣстоименіяхъ, измѣняющее самое значеніе мѣстоименія, принадлежитъ Д.-Бургарскому, Чешскому и Лужицкому языкамъ. Въ прочихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ его уже нѣтъ. По этому какъ **иже**, такъ и **кожо** въ Д.-Сербскихъ памятникахъ указываютъ на вліяніе Ц.-Славянской стихіи. Другая частица, входящая въ образованіе мѣстоименныхъ формъ и отбрасываемая при движеніи есть **то**: ее находимъ въ соединеніи съ тѣмъ же простымъ мѣстоименіемъ **къ**, для одушевленныхъ предметовъ, и **чь**, однороднымъ съ предыдущимъ, для неодушевленныхъ. Въ Санскритѣ корень *ki* образуетъ средній родъ *kim* вмѣстѣ съ мужескимъ *kas* и женскимъ *ká*: отсюда объясняется **ъ** въ **къ** и **ь** въ **чь** и претвореніе твердой гортанной въ мягкую. И такъ мы получаемъ **кто** и **чьто** въ значеніи относительномъ и вопросительномъ. Хотя различіе ихъ основано теперь видимымъ образомъ болѣе на одушевленности и неодушевленности предметы, однако легко понять, что сдѣсь собственно кроется различіе родовъ, какъ въ Санскритѣ, и что эти мѣстоименія справедливо могутъ быть отнесены къ родовымъ. Сербы нѣсколько переиначили ихъ въ звуковомъ отношеніи и изъ перваго сдѣлали **тко**, а изъ втораго **што** или въ древней правописи **щo**. Мы уже видѣли въ ученіи о звукахъ значеніе этого явленія въ общемъ движеніи книжнаго языка: повторять его сдѣсь считаемъ лишнимъ. Нынѣ *што* и *шта*. Послѣдняя форма съ положительнымъ значеніемъ еще не появляется въ нашихъ памятникахъ. Очевидно, *што*, какъ находимъ его также у Лужичанъ, Великорусовъ и Бѣлорусовъ, и *що* у Малорусовъ, есть перезвукъ изъ *что* книжнаго Русскаго или **чьто** Д.-Булгарскаго. Но другія Славянскія нарѣчія, какъ-то: Польское, Чешское, Хорватское и Хорутанское, имѣютъ вмѣсто него, первыя два *co*, а вторыя *kaj*. Эта форма образована безъ частицы *то* изъ простаго корня **ч**, возникшаго въ свою очередь изъ прадавняго *k*, принявшаго мягкую основу. Опять приходимъ къ Санскр. *kas*, *kim*. Уже въ Санскритѣ и теперь происходитъ смягченіе *k* въ *k'*, которое естественно въ Славянскомъ языкѣ обратилось въ **ч**. По законамъ Сербскаго озвукотворенія **ь** въ *а*, **чь** на Далматскихъ островахъ перешло въ *ча*. Общій у Славянъ законъ претворенія мягкой полугласной въ *е* первоначально произвелъ *че*, ср. Д.-Чеш. *će*, потомъ *чо*, какъ у Словаковъ *čo*, которое, смягчившись еще болѣе, перешло въ

цо, *со*. Форма *kaj* есть обратное дѣйствіе отвердѣнія, ибо *ь*, перешедшее въ *а*, уже утратило свою мягкость, такъ что твердое *а* легко потребовало возлѣ себя твердую согласную, каковою и явилось *к*, законный совмѣстникъ для *ч*: *ka*, ср. на пр. *kar*. Но этого было мало: значеніе или сила частицы *то* перешла въ частицу *и*, образовавъ обыкновенную форму *kaj*. Впрочемъ, при движеніи въ косвенныхъ падежахъ *k* исчезаетъ, и на его мѣстѣ является *č*: Хорв. *česa*, *čemu*, *čem*, Хорут. *čiga*, *čimu*, *čim*. Участь другаго мѣстоименія **кто** подвержена меньшимъ перемѣнамъ: оно постоянно имѣетъ свой видъ, измѣняясь только черезъ перезвукъ въ *gdo* Хорв., *kdó* Хорут., *kdo* Чеш., *kto*, *кто* Поль., Рус., *chto* съ женскимъ *chta* Н.-Луж. Въ послѣднемъ, въ устной рѣчи, слышится въ муж. р. *chta* и въ среднемъ *ca*. Но В.-Лужицкое обращаетъ его въ *što*, средн. *štó*; однако при движеніи возстановляетъ *k*: *koho* и т. д. Изъ этихъ двухъ мѣстоименій съ помощію отрицанія образуются мѣстоименія съ отрицательнымъ и неопредѣленнымъ значеніемъ: **никьто**, **никто**, **никто**, **-о**, **нитко** и т. д., или съ усиленіемъ **никтоже**, **никьторе**, **нитkорь** и т. д. (Ш. № VII; А. №№ 4—7, 12, 17; С. №№ 14, 23, 29, 35, 36, 38, 43, 45, 48, 49, 50, 54, 55, 66, 70, 71; 89, 113, 114, 127, 144, 153; Г. А, Б; З.; Мл.), **нєкьто**, **нѣкто** (С. №№ 14, 16, 27), **ничьто**, **ничто**, или съ усиленіемъ **ничьтоже**, **ничтоже**, **ничтоже** (А. №№ 1, 6, 19; С. № 21; З.; Мл.), **ништо**, **нишо**, **нишоре**, **нишорь**, или съ перезвукомъ, по свойству грамоты, **ништо** (С. №№ 16, 43—45, 50, 54, 69, 93, 114, 127, 128, 134, 143, 146, 147, 164, 168; З.), **ништа** (С. № 161). Послѣдняя форма есть нынѣшняя, образовавшаяся изъ **ничьто** при посредствѣ предыдущей, которая нынѣ уже не употребляется, хотя простая *што* преобладаетъ надъ *шта*. Усиленное **ништаре**, или съ перезвукомъ **ништаре** (С. №№ 3, 9, 18, 83). И такъ **шта** вм. **што** начало показываться еще въ XIII-мъ в., что весьма замѣчательно въ отношеніи дѣйствія народности. **нєчьто**, **нѣчто**, **нѣчто** (Ш. № VII.; С. № 20; Мл.). Ко вторымъ, имѣющимъ образовательное окончаніе, подверженное движенію, относятся мѣстоименія ближайшаго опредѣленія: **такь** (такой, С. №№ 4, 15), **такаре** съ усиливающею частицею (С. № 62); для средняго р. нѣтъ примѣровъ. Оно образовано изъ указательнаго **ть** (**тъ**) и частицы **кь** (**къ**), служащей въ прилагательныхъ и нарѣчіяхъ къ обозначенію преимущественно качества и сродной съ подобнымъ ему мѣстоименіемъ. **всакь**, **вслкь**, **вслкь** (С. №№ 86, 91, 101, 102, 111, 137, 176; З.), **всако**, **вслко** и т. д., **свако** (С. №№ 16, 24, 35, 37, 41, 47, 49, 51, 69, 76, 81, 83, 85 и пр.; А. №№ 4, 7, 10, 14, 20; Г. А, V; З.; С.-Д. М. 1844), **свака** (Мл.), составленное изъ **вьсь** и той же частицы. Отъ первоначальнаго **ка** съ тою же частицею составлено жен. р. **кака** (С. № 11), откуда существительныя *качество*, *каквость* и т. п. Замѣтимъ, что какъ скоро окончаніе образовательное придается не къ прилагательному, а къ мѣстоименію, то оно тотчасъ же получаетъ и мѣстоименное движеніе: **вслкого**, **какоia** и т. д. Здѣсь **-кь** не есть мѣстоименіе **кь**, хотя оно и однородно съ нимъ, но здѣсь оно собственно есть уже простой образователь, который въ прилагательныхъ совершаетъ и приличное имъ движеніе, по образцу существительнаго, на пр., род. п. **далека**, **высока**. Этою двойственностію движенія объясняется и движеніе мѣстоименія и въ соединеніи съ мѣстоименіемъ и другою частію рѣчи, о чемъ мы говорили выше, на пр., въ **моего**, **вьсего** и **мжжа**, **кънаѕа**. И здѣсь дѣйствуетъ коренное различіе существительнаго и мѣстоименнаго движенія, заключающееся въ творческой дѣятельности языка, хотя образователь есть собственно одинъ и тотъ же: *as*, *jas*=-и=-ь, -ъ.

Но есть мѣстоименія, производныя отъ первыхъ, слѣдующія въ неопредѣленномъ в. смѣшанному склоненію, въ однихъ падежахъ существительному, въ другихъ мѣстоименному, хотя первоначально, вѣроятно, слѣдовали одному первому. Эти мѣстоименія въ нашихъ памятникахъ суть: притяжательныя: **тоговъ** (З.), **еговъ**, **неговъ**, **нѣговъ**, **неговъ**, **него̑** (С. NN№ 16, 26, 99, 104, 133, 141, 147, 158, 164), **игово**, **ӥгово**, **нигово**, **нигѡво** (А. NN№ 6, 9; С. NN№ 70, 77, 133), **егова**, **нигова**, **нигова**, **негова** (С. NN№ 73, 91, 111, 130, 137). У Д.-Булгаръ есть только **иговъ**, **-о**, **-а**; но югозападные Славяне образуютъ, кромѣ *нєгов*, *njehov*, еще и отъ женскаго р.: *нєин*, *njen*, и отъ 3-го л. мн. ч.: *ниов*, *njihov*. Хорутане сверхъ сего имѣютъ *čigáv* отъ *káj*. Ближайшаго опредѣленія: **никаковъ** (С. №. 88), **таково** (С. NN№ 93, 96, 98), **такова** (А. NN№ 4, 5; З.; С. № 93), **сицево** (С. № 51), **толико** (С. NN№ 96, 98, 126, 132, 176; Ю.), **толика** (С. NN№ 96, 98, 107, 132, 144), **елико**, **илико** и т. д. (А. NN№ 4, 9, 11; В. № 2; С. NN№ 113, 176), **є̑лика** (А. № 11), **колико** (А. № 4; С. NN№ 98, 115, 126, 132, 150), **ѡнолико** (С. NN№ 98, 150), **всеєликь** (С. № 164), **ьсакоѣко** (А. № 1). Присоединимъ сюда встрѣчающіяся въ другихъ падежахъ: **синовъ**, **ѡнакъ** и **нѣкакъ**.

О вторыхъ. Принимая опредѣленный в., подобно прилагательнымъ, мѣстоименія, первообразныя и производныя, слѣдуютъ обыкновенному въ такомъ случаѣ мѣстоименному движенію, т. е., собственно существительному съ придачею движенія опредѣляющаго мѣстоименія **и**: въ нихъ отъ времени совершается такое же стяженіе, а потомъ слитіе и перезвукъ слитой гласной. При придачѣ мѣстоименія **и** въ Д.-Булгарскомъ языкѣ въ именительномъ п. ед. ч. муж. р. происходитъ явленіе, повторяющееся только въ Н.-Булгарскомъ, именно протяженіе конечной долгой гласной: послѣдовательность требовала бы **-ъ+и**, **-ь+и**, какъ и дѣйствительно находимъ въ древнѣйшихъ памятникахъ, **-ъи**, **-ъі**, **-ьи**, **-ьі**, откуда прямо произошло **-ы**, **-и**, какъ у другихъ Славянъ: *-ы*, *-и*, *-у*, *-i*, или чрезъ озвукотвореніе *ъ* въ *о*, *ь* въ *е* у Русскихъ: *-ой*, *-ей*. Но съ теченіемъ времени даже въ самыхъ древнихъ памятникахъ водворилось вытянутое **-ыи**, **-ии**, въ которомъ или **ъ** и **ь** усилились въ **ы**, **и**, али просто произошло протяженіе голоса, либо же наконецъ двойное опредѣленіе при забвеніи разъ уже совершившагося. Какъ бы то ни было, подобныя формы въ нашихъ памятникахъ указываютъ на сильное присутствіе Ц.-Славянской стихіи тамъ, гдѣ онѣ находятся. Разумное и первичное образованіе опредѣленнаго в. находимъ въ формѣ **ѡ̇кьи**, **-ьй** (А. № 11; Г. Б), откуда стянутое: **ѡки**, **оки** (С. NN№ 74, 87, 108, 109, 112, 115, 119, 121, 126, 132, 134, 144, 148, 161, 163, 164), **ѡки** (С. NN№ 107, 161), или чрезъ озвукотвореніе **ь**: **ѡкаи** (С. NN№ 127, 168), **ѡнаи** (С. NN№ 135, 142, 150, 173), какъ и нынѣ *овай*, *онай*. Но въ Восточныхъ гр-хъ находимъ и Ц.-Славянскую форму: **нииі**, **ӥіи** (С. NN№ 91, 137), **ьсакіи** (А. № 20) — но въ другихъ опять народная: **всаки**, **сааки** (Ш. № VII; С. NN№ 16, 19, 43, 44, 63, 67, 72, 78, 80, 113, 114, 126, 142, 143, 163; А. № 14; З.; З. А.), хотя опять значки въ **ѥсаиӥ**, **въсаиӥ**, **скаиӥ** (А. № 17; Мл.) составляютъ намекъ на вытяженіе и въ Восточныхъ гр-хъ. Однажды находимъ озвукотворенную конечную гласную, какъ въ Русскомъ: **скакои** (С. № 157); но сдѣсь видно желаніе писца образовать **-ъь** на подобіе мѣстоименія **кои**. **всакое**, **-и** (А. № 12; С. NN№ 89, 100, 107, 150) — опять трудно рѣшить, обыкновенный ли это опредѣленный в., отвѣчающій женскому **всакая** (З.; С. № 146), или только мѣстоименное образованіе, ибо **кои** и **къи**, **кои** и **каи** будутъ имѣть для средняго р. одинаковую форму

кон. таньци, вѣроятно, **таньки** изъ **такъ** и **кь**, или просто сдѣсь удвоено **к** вм. **таки** (С. № 17), **такови**, **та́ко́ви** (Ш. № VII; С. №№ 35, 40, 47, 66, 70, 142; А. № 17), или въ Ц.-Славянской формѣ **таковыи**, **-ыи**, **-ии**, **такѡвии**, **та́ковыи** (А. № 6; Мк.; С. №№ 37, 51, 52, 175, 176; Мл.), **таковаꙗ** (А. № 4), **ѡвꙗкии** (С. №№ 87, 109, 118, 121, 130), **си́цеви** (А. № 17). Относительное, имѣющее всегда опредѣленный в. и въ прочихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, **котори** (Ш. № VII), или съ отрицаніемъ **никотори** (А. № 1), **которое** (А. № 1), Рус. *который* (соб. *-ой*), Хорв. *koteri*, Хорут. *katéri*, Пол. *który*, Чеш. *kterýž*, Луж. *kotry*. Это одно изъ древнѣйшихъ образованій съ помощію частицы *тор*, Санскр. *tara*, Греч. *τερο*, употребляемой для сравнительной степени. У Славянъ она сохранилась только въ **вьторъ** и подобныхъ числительныхъ формахъ, на пр., *пятеро*, *шестеро*, *въ седмеромъ*, *десятерица*, и еще въ Д.-Булг. **етеръ**. Безъ сомнѣнія, **къторъ**, Санскр. *katara* ограничивалось первоначально вопросительнымъ значеніемъ, а **етеръ**, Санскр. *jatara*, положительнымъ; но потомъ первое перешло въ относительно-вопросительное, а второе въ неопредѣленное «нѣкто», «нѣкакой». Признакъ сѣверозападнаго образованія на перезвукованное *en* или *jen*, тщательно избѣгаемаго югозападнымъ и восточнымъ говоромъ, мы находимъ однако въ формѣ **ѡноньꙁи** (С. № 16), подобно Чешскому *onen*, *onno*, *onna*, и въ родительномъ ед. жен. р. **онные** (С. № 132), ср. Чеш. *oneno*. Но вступленіе въ движеніе этого **н** показываетъ, что такое образованіе было чуждо Сербовъ. Теперь существуетъ у Сербовъ частица *но* съ такимъ же значеніемъ, какое вообще получилъ опредѣленный в. въ соединеніи съ **и**, *и* у восточныхъ, или *п* у западныхъ Славянъ, что заставляетъ видѣть сдѣсь остатокъ этого мѣстоименія. Она придается къ среднему р., употребленному въ значеніи нарѣчія, на пр., *каконо*.

Окинувъ общимъ взглядомъ весь кругъ Д.-Сербскихъ мѣстоименій, мы замѣчаемъ обиліе ихъ сравнительно съ другими современными намъ нарѣчіями и самимъ Сербскимъ. Это происходитъ, безъ сомнѣнія, отъ близкой дружбы съ Д.-Булгарскимъ языкомъ и вообще отъ ранняго времени, когда языкъ живѣе сознавалъ первоначальную потребность внѣшняго опредѣленія чрезъ указаніе, въ наружномъ разнообразіи формъ, и отъ которой послѣ перешелъ къ мысленному представленію чрезъ внутреннее измѣненіе значенія формы. Отъ того мѣстоименія указательныя и ближайшаго опредѣленія наиболѣе богаты разнообразными формами. Но уже въ нашихъ глазахъ совершается забвеніе и отчужденіе нѣкоторыхъ формъ. Такъ **иже**, **кожо**, **котори**, **елико**, **сицевь**, **кьсакожде** никакъ не могутъ освободиться изподъ Ц.-Славянскаго вліянія и перейти въ народность; сейчасъ видно, что они уже чужды были Сербамъ. Такъ **си**, **сам** долго держалось между Сербами, но въ XV-из в. подверглось участи предшествующихъ. Другаго рода богатство Д.-Сербскаго книжнаго языка, тоже развившееся въ немъ подъ вліяніемъ времени и Д.-Булгарскаго языка, состоитъ въ двойственности вида для большей части мѣстоименій. Языкъ шелъ къ забвенію разумности первичнаго образованія и къ вторичному повторенію того же образованія. Собственно-опредѣленный в. произошелъ тогда, когда первичный видъ, который мы называемъ неопредѣленнымъ только сравнительно съ вторично образованнымъ, забылъ свое опредѣляющее свойство въ *as*, *jas*, и языкъ потребовалъ новаго опредѣленія чрезъ повтореніе того же *jas*=**и**. При этомъ языкъ дѣйствовалъ все такъ же, какъ дѣйствовалъ первоначально при словообразованіи. Но одновременные два вида представляли уже въ себѣ мысленное различіе, и пока языкъ снова не забылъ свойства собственно-опредѣленнаго

в. и не замѣнилъ имъ въ большей части случаевъ неопредѣленнаго, оба отправляли въ нѣкоторой степени разумное служеніе. Это было когда-то въ Д.-Булгарскомъ языкѣ. Стремленіе мысли къ большей опредѣлительности и обособленію предмета въ его единичности требовало точнѣйшаго или сильнѣйшаго указанія. Славянскія нарѣчія усилили у себя опредѣленный в. въ слитой формѣ изъ двойнаго движенія двухъ частей рѣчи, изъ коихъ одна была мѣстоименіе и; но, усиливая его, вмѣстѣ съ тѣмъ забывали его отличіе отъ неопредѣленнаго и ослабляли послѣдній. Смѣшеніе обоихъ видовъ уже началось въ Д.-Булгарскомъ и повело въ другихъ къ господству опредѣленнаго, хотя, большею частію, съ забвеніемъ его настоящаго значенія. Въ этомъ усиленіи одного на счетъ другаго и переходѣ отъ прадавняго исключительнаго господства неопредѣленнаго в. къ почти исключительному господству опредѣленнаго выразилось повременное движеніе Славянскаго языка. Сдѣсь не мѣсто проводить сравненіе всѣхъ мѣстоименій по всѣмъ Славянскимъ нарѣчіямъ: скажу вообще, что въ нихъ теперь наиболѣе развитъ опредѣленный в. Неопредѣленный сохранился въ Лужицкомъ только въ *wón*, *sam*, въ Польскомъ въ *ón*, *ów*, *sam*, въ Чешскомъ въ *sam* и *wšecek;* но въ Лужицкомъ и Чешскомъ есть и *samy*, *-ý*. Въ прочихъ нѣсколько болѣе. Русскій языкъ къ *самъ* и *тотъ* прибавляетъ исходящія на *-къ* и *-овъ*. Это послѣднее образованіе сохранилось и на югозападѣ: у Хорутанъ *kákov*, у Хорватовъ *kakov*, *takov*, у Сербовъ *какав*, *такав*, *онакав*, *овакав*. Но какъ Русскіе имѣютъ и *самый*, и *-кій*, *-вый*, такъ и Сербы изводятъ свой на *-и*. Кромѣ того у Хорутанъ есть *ón*, у Хорватовъ *on*, *ov*, у Н.-Булгаръ *самъ*. Д.-Булгарскій языкъ, какъ представитель древнѣйшаго состоянія Славянскаго языка, замѣтно отдѣляется отъ нихъ богатствомъ своихъ формъ и двойственностію видовъ. Еще свободное употребленіе неопредѣленнаго в., которому слѣдовалъ и Д.-Сербскій, дозволяло ставить этотъ видъ тамъ, гдѣ сила мысли падала преимущественно на мѣстоименіе, какъ на ближайшее опредѣленіе предмета, или на замѣну его. Такъ на пр. Д.-Сербское выраженіе **инь кто любо** Русскій уже переводитъ чрезъ *иной кто нибудь*, какъ и Полякъ чрезъ *inszy ktobądz;* или въ выраженіи **аке ли приде такь уловкь** (С. № 4, ср. С. № 15) другіе Славяне замѣняютъ **такь** уже чрезъ *такой*, *taki*. Но, сходясь въ обширности двойственности вида съ Д.-Булгарскимъ, Д.-Сербскій языкъ образовывалъ его въ именительномъ п. муж. р. по своему и согласно съ прочими Славянскими нарѣчіями изводилъ на **-и**, (**ы**, **и**). Припомнимъ количество исходящихъ на **-и** и исходящихъ на **-ии**, **-ыи**: мы сейчасъ видимъ, что первыхъ гораздо болѣе, чѣмъ послѣднихъ. Первыя относятся ко вторымъ, какъ 8 : 1. При томъ мѣстонахожденіе вторыхъ есть почва по преимуществу Ц.-Славянская, наименѣе народная. И такъ народность высказалась сдѣсь открыто и успѣшно. Весь XV-й в. и конецъ XIV-го исполнены народной формы, которая видимо успѣваетъ, тогда какъ Ц.-Славянская остается безъ приращенія, какъ неподвижный залогъ преданности книжниковъ къ начально-образовательной стихіи. Что до средняго и женскаго р., то Д.-Булгарскій имѣетъ разумно образованныя **-ое**, **-ее**, **-ая**, **-яя**, которыя Д.-Сербскій языкъ удерживаетъ тамъ же, гдѣ и форму муж. р. на **-ии**, и которыя доселѣ сохранились въ Русскомъ и Н.-Булгарскомъ; но прочія Славянскія нарѣчія обратили ихъ въ *-о*, *-е*, *-а*. Сдѣсь не другое что видно, какъ дѣйствіе дальнѣйшаго движенія Славянскаго языка, стремившагося къ упрощенію формъ чрезъ стяженіе. Какъ за мужскимъ р. благозвучіе условило преимущественно опредѣленный и вмѣстѣ гласный исходъ, такъ для этихъ двухъ родовъ оно же допустило стя-

женіе, довольствуясь одною гласною. Самое время и сила употребленія въ быстрой рѣчи привели этотъ видъ къ стяженію. Но, безъ сомнѣнія, первоначально стянутыя формы отличались отъ простыхъ длиннотою звука, а потомъ и это различіе пропало. Повтореніе а въ Д.-Сербскомъ языкѣ намекаетъ на эту длинноту. Ее подозрѣваютъ и нынѣ Сербскіе и Чешскіе ученые, ставя надъ *о*, *е* и *а* значекъ, первые ^, вторые ', выражающій сгущеніе голоса. Но едва ли это не есть одна лишь теорія, ибо въ живой рѣчи народъ не соблюдаетъ ни долготы, ни краткости. Но что въ старину была полная форма, то это доказываетъ Д.-Чешская письменность многими своими формами, на пр., *moja* и рядомъ съ нею *má*, *ke kteřej wěřě*, *w kaćejsi tesknosti* и пр. Сербскій языкъ изстари стягивалъ формы. По этому всѣ тѣ формы, которыя въ нашихъ памятникахъ имѣютъ полный опредѣленный видъ, свидѣтельствуютъ о вліяніи Ц.-Славянскаго языка, и ихъ относительное количество опредѣляетъ мѣру этого вліянія. Она будетъ такая же, какъ и въ мужескомъ р. Но объ именительномъ п. ед. ч. пока довольно. Сказаннаго достаточно будетъ для уразумѣнія формъ другихъ падежей относительно вида, въ которомъ онѣ встрѣчаются. Переходимъ къ дальнѣйшему движенію и прежде всего замѣтимъ, что ему подчиняется и числительное идинь, имѣющее въ понятіи своемъ близкое родство съ нимь. Оно въ нашихъ памятникахъ встрѣчается или въ формѣ єдинь, єди҃ и т. д. (А. №№ 6, 20; С. №№ 37, 39, 176, 178; Ш. № 14; З.), по свойству грамотъ, очевидно, въ Ц.-Славянской формѣ, или какъ єдьнь, идьнь, єдьнь и т. д. (А. № 1; Ш. № VII; С. №№ 18, 58, 73, 91, 111, 137; Мл.)— формѣ, ближайшей къ народной, какъ видно уже по грамотамъ, и наконецъ какъ є- ѥ- є- идань (С. №№ 61, 79, 96, 98, 107, 115, 118, 121, 126, 128, 132, 133, 142, 157, 158). Къ нему часто присоединяется отрицаніе ни, сливающееся въ ни- нидань, нидинь (С. №№ 106, 108, 109, 112, 157). Предлоги ꙁа и по, встрѣчающіеся въ другихъ падежахъ, поставляются между ни и числительнымъ, на пр., ни ꙁа идань нии ꙁꙁрокь (С. № 98), либо впереди, на пр.: ꙁа ниедань, ꙁа нидань ꙁꙁрокь (С. № 96, ср. С. №№ 106, 107, 108, 109, 121): разница въ оттѣнкѣ отрицанія. Или съ двойнымъ отрицаніемъ: ни ꙁа ниедань ꙁꙁрокь (С. № 115, ср. С. № 132). Замѣчательно употребленіе сдѣсь предлога по съ винительнымъ п., тогда какъ въ этомъ значеніи онъ постоянно соглашается съ дательнымъ по-ц.-славянски, или наиболѣе съ мѣстнымъ по-сербски: по ниидинь, по нидань плтинь (С. №№ 137, 157). єдино (З.), єдно, -ѡ, идьно и т. д. (С. №№ 58, 89, 104, 107, 112, 114, 115, 142, 150; А. № 6; З.), нидно, ниднѡ (С. №№ 108, 112), ни ꙁа єдно (С. № 150), ꙁа ниєдно, -ѡ (С. №№ 104, 107), ни ꙁа нидно (С. № 108, ср. С. №№ 112, 115). и- є- є- идна (С. №№ 43, 65, 94, 130, 144, 173), єдна (С. № 88), нидна (С. № 164). И такъ мы видимъ, что форма этого слова отъ идинь дошла чрезъ идьнь до народной идань; что сдѣсь было ослабленіе и въ ь: нынѣ *едан*, *едно*, *една*. Въ Русскомъ, Н.-Булгарскомъ и В.-Лужицкомъ еще сохранилось *и*, но въ прочихъ нарѣчіяхъ оно перешло въ *е*: *одинъ*, *единъ*, *jedyn*; *ja- je- geden*.

Винительный п. ед. ч. жен. р. образуется на носовой звукъ, какъ и въ существительныхъ, переходящій у Сербовъ въ -ѹ, -ю: тоѹ, тѹ, тоу҃ (С. №№ 32, 33, 37, 43, 49, 55, 89, 94, 97, 99, 107, 135, 142, 144, 176; А. №№ 6, 7, 9; Мк.; Г. А; З.), сию, -ѭ, сїю (А. И.; Ш. № VII; С. №№ 22, 25, 29, 36, 40, 47, 48, 55, 62, 66, 72, 84; А. №№ 12, 14, 15), откуда стянутое сью (С. № 89). Замѣтимъ, какъ съ началомъ XV-го в. Сербы вдругъ перестаютъ употреблять это мѣстоименіе: тоже мы видѣли прежде, увидимъ и послѣ. Сдѣсь

форма эта произведена отъ **сиѩ**, гдѣ **и** неподвижно, какъ **о** **ꙗ** **коѩ**: отъ того въ этомъ особомъ мѣстоименномъ опредѣленномъ в. невозможно, какъ нѣкоторые дѣлаютъ, предполагать **сжж. тѫ**, въ противуположность, представляетъ простое образованіе. Ему отвѣчаетъ **вьсоѵ**, **-ѫ**, **всѫ**, **васѫ̑**, **сѫ** и т. д. (А. NN№ 1, 2, 13, 15; С. NN№ 3, 37, 39, 50, 56, 62, 78, 88, 96—98, 101—104, 107, 126, 132, 136, 140, 142, 176; З.), **ѿноѵ** (А. № 10). Могли бы отвѣчать также **онѫ**, **ѡнѫ** (С. NN№ 11, 53, 63, 93, 101, 102), **ѡкѫ** (С. NN№ 55, 61, 77, 89, 107, 114, 132, 144, 164), **кѫ** (С. NN№ 58, 93), **никѫ** вм. **нѣкѫ** (С. № 89), **какѫ** (С. № 32), **нѫ** (С. NN№ 16, 43), **вьсакѫ**, **-оѵ**, **всакѫ** и т. д.,

[illegible] тельнаго въ [illegible] озвукотвореніе [illegible] въ [illegible] по [illegible] болгарскій языкъ
[illegible] различаютъ оба падежа и оканчиваютъ творител
[illegible] Находимъ [illegible] Славянскаго, древнекнижный [illegible]
постоянно различалъ оба падежа, какъ различалъ ихъ въ существите
Здѣсь мы находимъ только одну форму [illegible] начиная съ XII-го и до
XV-го в. Но что нынѣшняя, вѣроятно, существовала уже въ народномъ
говорѣ по крайней мѣрѣ въ XV-мъ в., то это видно изъ того, что она про-
мелькнула въ одной грамотѣ: [illegible] (С. № [illegible]), если это только не была
ошибка переписчика.
Мѣстный [illegible] равнымъ образомъ отличенъ отъ творительнаго и дательнаго, не смотря на то, что [illegible] Здѣсь опять не
могло никакъ участвовать внутреннее движеніе звуковъ, и сходства падежей
нельзя объяснять законными пріемами словодвиженія; но это сходство начему
[illegible] приписать нельзя, какъ только относительной области современнаго [illegible]
[illegible] перешедшаго отъ разнообразія къ однообразію формъ: мѣстн. падежъ этотъ [illegible] языка
[illegible] самостоятельно на -ѣ, отвѣчающее первоначальному [illegible] образо
[illegible] въ существительныхъ въ [illegible] постоянно находимъ [illegible] переходя
[illegible] разно и съ предлогомъ по въ значеніи «послѣ» (Ш. № [illegible] [illegible]
[illegible] NN№ [illegible] XII. С. NN№ [illegible]
[illegible] [illegible]
[illegible] какъ сказано выше, заимствовано было прямо изъ Ц.-Сла- [illegible] дѣйствительное [illegible]
[illegible] сматриваемое нами время, не получая уже жизненныхъ [illegible] вянскаго языка [illegible] раз
[illegible] оставалось неподвижнымъ. [illegible] силъ отъ народнаго [illegible]

ходилъ, высобляясь изъ общеславянскаго говора. Укажу, для примѣра, на озвукотвореніе ь въ е и а, обращеніе л въ о, на твор. ед. жен. -омь и -омъ, или на 1-е л. ед. настоящ. вр. -м, -ю и -мь и т. д. Народный языкъ, какъ начало живое, не могъ не двигаться вслѣдъ за общеславянскимъ движеніемъ, и вотъ по чему въ XII-мъ и XIII-мъ вв. памятники показались намъ однообразнѣе и сходнѣе между собою, чѣмъ въ послѣдующихъ вѣкахъ. Съ одной стороны, писцы бережнѣе обращались съ Ц.-Славянскою стихіею и менѣе противорѣчили ей, съ другой, языкъ не такъ еще далеко отошелъ отъ общеславянскихъ свойствъ и признаковъ. XIV-й в. представилъ самое большое разногласіе между стихіями: способствуемая различными обстоятельствами, Ц.-Славянская стихія сильно вошла въ книжный языкъ восточной Сербіи и не только наполнила собою церковно-дарственныя грамоты, но проникла и въ прочія грамоты православныхъ королей и царей Сербскихъ. Однако противодѣйствіе ей уже возникало по мѣрѣ ослабленія восточной Сербіи въ слѣдствіе государственныхъ переворотовъ и усиленія Босны съ ея областями, Хлумомъ и Травуніею. Еще Зетскія грамоты старались поддержать языкъ восточной Сербіи, но и онѣ вскорѣ прекратились, когда настала минута рѣшительной борьбы за независимость. Первенство въ XV-мъ в. берутъ грамоты Западной Сербіи, и имъ-то принадлежитъ честь быстраго подвинутія впередъ народнаго начала въ книжномъ языкѣ. Еще нѣсколько поотстаютъ королевскія Боснійскія грамоты, за то Хлумскія и Травунскія съ Дубровницкими смѣло вводятъ народные звуки и формы. Въ самыхъ грамотахъ восточной Сербіи, даже монастырскихъ, обнаружилось въ этомъ вѣкѣ усиливающееся вліяніе народности. Если возмемъ всѣ памятники въ ихъ совокупности, равно припомнимъ всѣ явленія звукодвиженія и словодвиженія въ ихъ преемственности, то увидимъ, что къ концу XV-го в. древнекнижный языкъ Сербовъ почти установился въ своихъ звукахъ и формахъ: это не значитъ еще, чтобы онъ явился вполнѣ народнымъ, но значитъ то, что, вступя въ XII-мъ в. на правильный путь самобытнаго развитія, онъ постоянно слѣдовалъ за народнымъ началомъ, вмѣщая его въ себѣ съ возрастающимъ успѣхомъ. Не исключительное господство, но преобладаніе народности, но надежнѣйшіе залоги лучшаго будущаго представляетъ намъ Д.-Сербскій книжный языкъ съ конца XII-го до конца XV-го в. Совершенной безысключительности въ пользу народнаго начала не могло быть, ибо языкъ только слагался, вырабатывался, укрѣплялся. Въ немъ Ц.-Славянская стихія пребывала еще постоянно въ извѣстной степени; но степень эта значительно измѣнялась, смотря по содержанію и мѣсту написанія памятника. Вообще она ослабла къ концу XV-го в. и составляла столь незначительное меньшинство, что не могла уже заградить собою всѣхъ блестящихъ проявленій народности. Въ творчествѣ языка уже совершился переломъ: несвойственные привносы чуждой стихіи сдѣлались рѣзче, замѣтнѣе, стали болѣе выдѣляться изъ общаго состава языка; согласные съ духомъ и родственные признаки окончательно вошли въ языкъ и слились съ тѣмъ, что своего собственнаго доставила народность: языкъ сталъ ровнѣе, глаже, вѣрнѣе туземному говору; онъ, такъ сказать, онароднился. Честь его поступательнаго движенія окончательно утвердилась за грамотами западной Сербіи. Еще оставалось ему сдѣлать послѣдній рѣшительный шагъ, чтобы совершенно принять на себя приличный народный образъ: но сдѣсь засталъ его конецъ XV-го в., а съ нимъ и рѣшительный переворотъ въ жизни и судьбахъ Сербскаго народа. Независимость государственная пала; съ нею прекратилось и самостоятель-

ное развитіе книжнаго языка. Когда ярмо порабощенія давитъ народность и приводитъ ее къ самозабвенію, тогда и языкъ упадаетъ и не только останавливается на пути саморазвитія, но идетъ назадъ и преходитъ къ безобразію.

Восточная Сербія пала еще въ концѣ XIV-го в., но остававшаяся за нею тѣнь самостоятельности продолжалась до конца XV-го в. Въ это время вліяніе Турціи было почти исключительно внѣшнимъ, правительственнымъ, и языкъ, какъ самая упругая и живучая сторона народа, всего менѣе могъ подчиниться дѣйствію другаго, совершенно посторонняго ему языка. Сверхъ того сама Порта, щадя народность и Вѣру покореннаго народа, не пренебрегала его языкомъ и писала на немъ свои грамоты, когда было нужно. Чрезъ это входили въ книжный языкъ только отдѣльныя Турецкія слова, но сущность языка, его внутренній составъ, его звуковыя особенности оставались неприкосновенными: даже Турецкія слова дьяки старались облечь въ Сербскую одежду. Замѣтно, какъ Порта приноравливается языкомъ къ тѣмъ, къ кому пишетъ: въ грамотахъ Дубровнику болѣе Сербскаго, въ грамотахъ православнымъ монастырямъ болѣе Ц.-Славянскаго. Кромѣ того Босна, сохранявшая до конца XV-го в. свою независимость, служила убѣжащемъ Сербской письменности. Слѣдствіемъ всего этого было то, что послѣ Косовской битвы хотя собственно-Сербскія грамоты значительно уменьшились числомъ, но за то Боснійскія, умножившіяся въ слѣдствіе самостоятельности Босны, далѣе повели письменность и развивали народное слово. Но какъ тѣ, такъ и другія вдругъ, какъ бы мановеніемъ волшебнаго жезла, исчезаютъ съ поля письменности въ самомъ началѣ XVI-го в. Причиною тому смерть двухъ владѣтельныхъ лицъ, Юрія Бранковича и Стефана Томашевича, разсѣяніе ихъ родичей, ослабленіе боярскихъ домовъ, упадокъ рода Косачичей Хлумскихъ и послѣдовавшее за тѣмъ полное покореніе всей Сербіи. Дубровнику не съ кѣмъ уже было сноситься, и его слово, обращенное въ эту сторону, замолкло навсегда. Конецъ XV-го в., ознаменованный государственнымъ паденіемъ Сербіи, ознаменовался и упадкомъ письменности, а вмѣстѣ и книжнаго языка. Грамоты, которыя своимъ духомъ, содержаніемъ и языкомъ такъ вѣрно отвѣчали странѣ и народу и по тому распадались естественнымъ образомъ на двѣ главныя семьи, Восточную и Западную, прекратились тамъ и тутъ. Языкъ, не совершивъ вполнѣ начатаго дѣла самопреобразованія, остановился на полупути, на той самой точкѣ, когда народность, взявши верхъ, повела языкъ прямою дорогою къ тому состоянію, въ которомъ онъ явился только уже гораздо позднѣе.

Движеніе это было прервано Турціею на три вѣка: произошелъ неблагопріятный переворотъ; правильность хода была нарушена, совершенствованіе забыто, и языкъ впалъ въ ту косность, которая могла породить лишь безобразную и нелѣпую смѣсь формъ и звуковъ, какую находимъ во все продолженіе XVI, XVII и XVIII вѣковъ. Дѣло народное кончилось. Началось отуреченіе. Языкъ сталъ воспринимать въ себя многія Турецкія слова и удалился къ обыденной жизни, ибо государственная жизнь покореннаго народа доставляла мало пищи для письменности. Духовная іерархія наполнилось Греками, которые скорѣе могли знать Ц.-Славянскій языкъ, чѣмъ Сербскій; на мѣстѣ мірскихъ грамотъ явились духовныя посланія. Исключительное пребываніе книжнаго языка въ рукахъ духовенства и преимущественно вѣроисповѣдное настроеніе духа, бывшее содержаніемъ Среднесербской письменности, доставили преобладаніе Ц.-Славянской стихіи. Народъ, главною опорою своею почитавшій Вѣру, поддерживалъ и привязанность свою къ языку этой Вѣры. Еще лучше всѣхъ писали въ

это время патріархи Сербскіе, и грамоты ихъ, хотя наполненныя Ц.-Славянскою стихіею, читаются легко и не представляютъ въ языкѣ своемъ безобразнаго смѣшенія. Но примѣръ заразителенъ: стоило однажды потрясти зданіе, созданное вѣками, чтобы части его распались. Грамотѣи, не понимавшіе постепенности самобытнаго развитія и примиренія формъ, не заставшіе уже общенароднаго правильнаго движенія, захотѣли возстановить книжный языкъ, отдавъ преимущество Ц.-Славянской стихіи, и произвели какую-то непонятную смѣсь звуковъ и формъ, запечатленную несвоеобразностію и остававшуюся безъ движенія въ продолженіи трехъ вѣковъ. Въ первые четыре вѣка, начиная съ XII-го, языкъ сдѣлалъ огромные успѣхи; въ три послѣдніе вѣка онъ не только оставался безъ развитія, но и отодвинулся назадъ. Между грамотными людьми встрѣчаемъ Бранковича, Раича и безыменныхъ лѣтописцевъ, языкъ которыхъ далеко не народный; пріемы ихъ не показываютъ даже возможности когда либо улучшить этотъ языкъ. Причина та, что вѣковое зданіе, построенное самообразно и постепенно при участіи всего народа, пало; на его развалинахъ, изъ обломковъ старины и съ примѣсью новизны, созидаютъ языкъ отдѣльныя личности, начетчики, люди, по тогдашнему, образованные. А извѣстно, что все образованіе того времени, за недостаткомъ другихъ средствъ, ощутительныхъ даже и нынѣ, состояло въ тѣсномъ знакомствѣ съ Ц.-Славянскою письменностію, которая въ ту пору уже утратила первоначальную чистоту своего языка. Такое состояніе Сербскаго книжнаго языка, зависѣвшее вполнѣ отъ личнаго произвола, не могло привести къ чему либо полезному, когда произволъ этотъ имѣлъ ложное направленіе. Оно продолжалось до послѣдней четверти XVIII вѣка.

Между тѣмъ, послѣ паденія Сербіи, все, что еще оставалось независимаго, скрывалось въ Дубровникѣ; сдѣсь XVI-й и половина XVII-го в. ознаменовались творчествомъ чисто народнаго слова. На мѣстѣ дьяковъ явились стихотворцы. Сербскій языкъ процвѣталъ, становясь все чище и лучше. Одни Дубровницкіе стихотворцы не могли бы до такой степени усовершенствовать языкъ: совершенствованіе готовилось вѣками. Успѣхи его мы сейчасъ видѣли въ памятникахъ, писанныхъ Кирилицею; если присоединимъ сюда письменность Глагольскую и ту, которой служили Латинскія буквы, то получимъ весь предварительный запасъ народныхъ памятниковъ, усовершенствовавшихъ и приготовившихъ Сербскій языкъ до высокаго служенія поэтическому творчеству. Но страшное землетрясеніе 1661 года и неблагопріятныя государственныя событія прекратили и эту отрасль Сербскаго слова. Къ концу XVII-го и въ продолженіе большей части XVIII-го в. обнаруживается застой на всемъ пространствѣ Сербскаго говора. Нѣкоторыя немногія и блѣдныя личности не нарушаютъ тишины застоя. Правда, Бранковичъ и за нимъ Раичъ пишутъ свою Исторію, но трудъ ихъ является безполезнымъ для совершенствованія языка. Нуженъ рѣшительный переворотъ, нужны новыя, свѣжія силы, нужно живое народное начало.

И вотъ въ концѣ XVIII-го в., въ восточной Сербіи, народность пробуждается всѣми своими многосторонними силами. Современныя Европейскія событія и угнетенія Турецкой власти порождаютъ въ Сербахъ мысль независимости. Въ живой части Сербскаго народа, тамъ, гдѣ еще таилась жизненная сила, въ простомъ народѣ, востаютъ личности, которыя своею тѣсною связью съ народнымъ началомъ, своими кровавыми усиліями успѣваютъ возстановить государственную независимость и поддержать существенную основу народности, Вѣру.

Въ то же время поднимается и языкъ. Труды историковъ принесли свою пользу въ дѣлѣ сознанія народности, напомнивъ народу его лучшее былое. Открылась необходимость не искуственнаго языка, годнаго для отвлеченныхъ занятій отдѣльныхъ личностей, но такаго, который могъ бы удовлетворить всѣмъ разнообразнымъ потребностямъ всего возраждающагося народа. И первый, сознавшій эту необходимость, былъ Досиѳей Обрадовичъ. Одаренный свѣтлымъ умомъ, проникнутый сочувствіемъ къ народному слову, какъ выраженію народной мысли, сознавшій всю важность народнаго пробужденія, Обрадовичъ посвятилъ цѣлую свою жизнь служенію духовнымъ силамъ своего народа. Онъ не щадилъ трудовъ, учился, странствовалъ, и былъ учителемъ, наставникомъ и первымъ новымъ поэтомъ Сербовъ. Избирая для нихъ, какъ для дитяти, такіе предметы чтенія, которые могли бы удобнѣе всего развить первый зародышъ умственнаго движенія, знакомя ихъ съ успѣхами просвѣщенія и употребляя свою житейскую опытность для укрѣпленія въ нихъ доброй нравственности, онъ содержаніемъ и цѣлью своей письменной дѣятельности невольно наведенъ былъ на мысль созданія лучшаго книжнаго языка. Смѣлою рукою разрушилъ онъ безсмысленное твореніе своихъ предшественниковъ и, отрѣшась отъ личнаго произвола, ввелъ въ письменность чистый, свѣжій и живой народный языкъ, присущій всему народу. Это великое дѣло, начатое на межѣ двухъ вѣковъ, сдѣлалось въ текущемъ вѣкѣ однимъ изъ главнѣйшихъ общественныхъ вопросовъ, вопросомъ жизни и народности; оно пустило уже глубокіе корни, благодаря дѣятельности многихъ поборниковъ народнаго слова и достойныхъ преемниковъ Обрадовича. Два современника, Георгій Черный и Обрадовичъ, на двухъ различныхъ поприщахъ, независимо другъ отъ друга, одинъ мечемъ, другой словомъ, трудились надъ возсозданіемъ полноты, цѣльности и самостоятельности народной жизни: одинъ вносилъ въ народное дѣло прочность государственнаго начала и внѣшнюю независимость, другой пробуждалъ нравственныя силы и ихъ выраженіе—слово. Какъ въ старину, при полнотѣ самобытнаго развитія народной жизни, и слово развивалось самобытно, такъ и теперь, вмѣстѣ съ народомъ, возсталъ и его языкъ. Оба подвижника сходились своею дѣятельностію въ единствѣ народнаго духа. И это высшее единство, которымъ условливается стройное, всецѣлое и самобытное развитіе жизненныхъ силъ народа, сознательно дѣйствовало въ нихъ. Одинъ оправдывалъ его дѣломъ, другой словомъ. Глубоко сочувствуя цѣли воинскихъ подвиговъ Георгія и постигая значеніе древней Сербіи, Обрадовичъ, какъ подвижникъ слова, среди своихъ мирныхъ занятій, такъ привѣтствовалъ поэтическими звуками возрожденіе своей отчизны:

Востани Сербіе, мати наша мила,
И постани опеть, шта си пріе била!

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ.

Страница 1, строка 9 снизу. Вмѣсто «III-й и V-й ч.» читай: III-й, V-й, VI-й, VII-й и VIII-й чч.

— *стр. 5 сн.* Вм. 128 чит. 213.'

Стран. 2, стр. 1 сверху. Вм. 12 чит. 14.

Стран. 4, стр. 10 св. Прибавь: а также грамоты: Боснійскаго бана, Матѳея Стефана, съ неполнымъ fac-simile, напечатанная въ Споменикахъ подъ № 14, неизвѣстнаго короля Боснійскаго съ fac-simile.

— *примѣчаніе 5.* Приб.: VI, 1854. VII, 1855. VIII, 1856.

Стран. 5, стр. 22 св. Юрышичъ, въ Описаніи Дечанскаго монастыря, издалъ въ первый разъ грамоту, данную этому монастырю супругою Лазаря, Милицею или, въ монашествѣ, Евгеніею. У него же напечатана жалованная грамота Стефана Дечанскаго, помѣщенная въ Споменикахъ подъ № 176 [1].

Стран. 7, стр. 14 св. Оба очень хорошія изданія, Споменики и Гласникъ, относительно грамоты бана Матѳея Стефана, розпятся между собою довольно значительно. Въ С. оставлены титлы, какъ въ подлинникѣ; въ Г. онѣ переведены въ строку и написано, на пр., ѡтца вм. ѡ҃ца; но по чему же не ѡтьца? С. босьньски, Г. босеньски—вѣрно; С. моном҄ь, Г. моновь—вѣрно; С. еваньг҃лиꙗ, Г. еваньгелиꙗ; С. угодивьше ѿ, Г. угодивше ѿ; С. тверьдь, Г. твердь; С. владанию, Г. -нию; С. вьсакѣ, Г. вьсакѣ; С. инкѣре, Г. инкерѣ; С. людие, Г. -ние; С. то тѹ, Г. то то—вѣрнѣе; С. серблинь, Г. -нъ; С. самега, Г. -ога; С. нашихь, Г. -хъ; С. ꙗко, Г. ако. Впрочемъ, видно, что списки для обоихъ изданій были сдѣланы старательно и добросовѣстно; по крайней мѣрѣ, желаніемъ переписчика было оставаться какъ можно болѣе вѣрнымъ подлиннику. Но онъ не избѣжалъ нѣкоторыхъ погрѣшностей: въ С. и Г. кривь, въ подлинникѣ крив. Въ Г. неправильно прочтены пьрьцꙗ вм. пьрьчꙗ, кальцта, въ С. калкота, вм. калкьча. И еще, кромѣ предыдущихъ ошибокъ, въ С. обычиновичь вм. обьчиновичь. Сличивъ въ Гласникѣ гр-у Боснійскаго короля съ ея fac-simile, мы должны сказать, что, въ видахъ языка, нельзя такъ издавать памятники: тутъ нужна точность неуклонная. Такъ въ подлинникѣ є отличено отъ е въ словѣ вс҃епочтениимь, а въ печатномъ изданіи этого нѣтъ; въ подлин. ѥ҃ почтено принеⷭ҇ь, въ изданіи: ѥ почтено принесаль, въ подлин. гр҃а, ратиь, б҃огь, въ издан. града, ратко, богъ; въ подлин. септеⷷ, и ѕ҃і, въ издан. сектемвра, и ѕети. Значки опущены. И такъ Гласникъ и самые Споменики не безъ грѣха. Но, сличивъ ихъ съ другими изданіями, все таки замѣчаемъ, что ихъ списокъ былъ правильнѣе другихъ. Такъ гр-а С. № 176, при сравненіи съ Юришичемъ, представляетъ правильнѣйшее чтеніе. Въ С. ꙗ, у Ю. а. Но за то мы отдаемъ преимущество Юришичу въ

[1] Дечански Првенацъ. Одъ Гедеона Іосифа Юришића. У Новомъ Саду. 1852.

написаніи є, которое въ С. изображено всюду чрезъ є; а последнее у Ю. тамъ, гдѣ въ С. и, на пр., Ю. есть, С. иѣ. У Ю. правильнѣе прочтено: на ѡҳрислалѣ коуке вм. С. на ѡҳрисламе коуки.

Стран. 16, стр. 2 св. Что наконецъ сказать объ изданіяхъ, которыя мы принимаемъ за достовѣрнѣйшія, Споменикахъ и Гласникѣ? Изъ предыдущаго сличенія мы усмотрѣли, что и они мѣстами погрѣшаютъ. О Гласникѣ добавимъ, что онъ мало различаетъ ь отъ ъ и пишетъ ү вм. ȣ или оу. О титлахъ, переводимыхъ имъ въ строку, повторимъ то же, что сказали другимъ: можно ли переписчику угадать мысль первописца въ сокращенныхъ начертаніяхъ, когда знаемъ, что у каждаго писца былъ свой способъ письма, даже у одного и того же было нѣсколько способовъ? Это-то и служитъ признакомъ сколько прихоти первописца, столько же живаго начала, присущаго самобытно развивающемуся народному языку. Лучше, не принимая на себя отвѣтственности, оставлять правописаніе памятника въ его неприкосновенной подлинности.

Стран. 17, стр. 25 св. Вм. № 22 чит. № 24.

Стран. 25, стр. 11 св. Помѣщенная въ VI-й ч. Гласника расписка какого-то Боснійскаго короля можетъ относиться къ Ѳомѣ Остоичу, какъ думаетъ Я. Шафарикъ. Въ нѣкоторомъ родѣ доказательствомъ служитъ печать съ уцѣлѣвшими словами S. T.... BOSNE, т. е., S. (sigillum) TOME REGIS BOSNE, имѣющая сходство съ монетами Ѳомы Остоича [1]. Такъ какъ въ 1444 г. Ѳома далъ Дубровнику подтвердительную грамоту, въ которой напоминаетъ объ ежегодной дани или «доходѣ» съ этой общины, и такъ какъ въ 1459 г. онъ былъ убитъ, то время этой расписки въ полученіи дохода чрезъ попа Ратька принадлежитъ 1445—1459 годамъ. Впрочемъ, расписка можетъ относиться и къ Твртку I, или даже Твртку II. Она дана въ Спужѣ, въ Зетѣ. По моему мнѣнію, скорѣе можно приписать этотъ памятникъ Твртку I, ибо, во первыхъ онъ владѣлъ частію Зеты; во вторыхъ, подходилъ къ самому Дубровнику; въ третьихъ, краткая подпись кр҃а скорѣе принадлежитъ ему, какъ первому королю. Изображеніе вѣнца съ частію щита, находящееся на печати, находится, сколько по сю пору извѣстно, также на монетахъ Ѳомы Остоича, Стефана Ѳомича и Твртка I [2]. Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ монеты не могутъ быть рѣшителями спора.

Стран. 30, стр. 1 св. Грамота С.№ 56 могла быть писана и не въ Которѣ, ибо Воиславъ не владѣлъ этою общиною, а занималъ земли, сосѣднія съ нею и Дубровникомъ, именно, Требине, Ковавле и Драчевицу, и составлявшія часть Травуніи, вмѣстѣ съ коею въ послѣдствіи отошли къ Боснѣ [3]. Аппендини называетъ Воислава владѣтелемъ Ужицы [4]. Вообще Воиславу досталась часть земель послѣ его отца, цезаря Войхны, а потомъ и послѣ братьевъ. Тѣмъ не менѣе грамоту его, хотя писанную въ землѣ, которая въ послѣдствіи является подъ властію Босны и производитъ цѣлую семью Травунскихъ грамотъ, отнесенныхъ нами къ отдѣлу Западно-Сербскихъ грамотъ, мы относимъ къ отдѣлу Восточно-Сербскихъ, ибо давшій ее принадлежитъ къ вельможамъ православ-

---

[1] Ср. Гласникъ, ч. III, N 105 и стр. 255; ч. V, N 10.

[2] Гласникъ, ч. VI, NN 23, 24; ч. V, N 11.

[3] Миляковичъ, Исторія Црне Горе. У Задру 1856. Стр. 24.

[4] Т. I, стр. 294.

ной Сербіи, и самый языкъ ея нисколько не отличается отъ языка другихъ Восточныхъ грамотъ.

Стран. 53, примѣч. стр. 17 св. Приб. Надпись на церковной стѣнѣ въ монастырѣ Зерзе (Црьце) близъ Прилѣпа, 1389—1394 г. (Гласникъ, ч. VI); на надгробной доскѣ протосеваста Хрели въ Рыльскомъ монастырѣ, 1343 г.; на башнѣ, построенной Хрелею въ томъ же монастырѣ, 1334 г. (Гласникъ, ч. VII); въ монастырѣ св. Андрея Первозваннаго надъ папертью церкви, построенной Андреяшемъ, сыномъ Вукашина, 1372 г. (Гласникъ, ч. VIII); множество надписей на стѣнахъ, гробницахъ и утваряхъ въ Дечанскомъ монастырѣ (Дечански Првенацъ).

Стран. 54, стр. 21 св. Говоря объ отдѣлахъ Древнесербскихъ памятниковъ и исчисляя важнѣйшіе памятники, я долженъ присовокупить, что при возрастающей любви къ изысканіямъ старины, постоянно дѣлаются новыя открытія, и нельзя никакъ поручиться, чтобы со временемъ большинство извѣстныхъ намъ теперь памятниковъ не сдѣлалось меньшинствомъ. Такъ въ №№ 17 и 18 повременнаго Загребскаго изданія «Neven» за 1855-й годъ помѣщено извѣстіе о путешествіи въ Далмацію Кукулевича, главнаго члена Загребскаго Общества Исторіи и Древностей Южнославянскихъ, гдѣ ученый путешественникъ-литераторъ сообщаетъ о своихъ открытіяхъ, число и важность которыхъ показываютъ, какъ много еще драгоцѣнностей таится въ городскихъ, монастырскихъ и другихъ хранилищахъ Сербіи и сосѣднихъ земель, ожидая себѣ достойныхъ цѣнителей и любознательныхъ изыскателей. Въ Сплитѣ, въ епископальномъ архивѣ, Кукулевичъ видѣлъ много писемъ и описовъ на Хорвато-Боснійской Кирилицѣ касательно жупъ Полицкой общины. Въ архивѣ Рабскихъ подестъ есть древніе Рабскіе статуты и много грамотъ, изъ коихъ старѣйшая относится къ королю Звонимиру, 1081 г. Имъ пріобрѣтены между прочимъ: 109 Латинскихъ грамотъ отъ 837 по 1200 г. и 370 отъ 1200 по 1600 г.; около 200 Хорватскихъ грамотъ, писанныхъ Глаголицею, Кирилицею и Латинскою азбукою, начиная съ 1321 г., между коими есть нѣкоторыя, принадлежащія Младену, Павлу, Тврьтку и Остои; до 40 рукописей, писанныхъ Глаголицею, Кирилицею и Латинскою азбукою, изъ коихъ нѣкоторыя пренадлежатъ XIV-му и XV-му ст. Между ними замѣчательны: нѣсколько Глагольскихъ лѣтописей XVI-го в.,- Сербская лѣтопись XIV-го в., Кирилицею, содержащая родословіе царей и ктиторовъ Сербской земли и повѣствованіе отъ Адама до смерти Янкула (Гуняда),—рукопись XVII-го в. Хорвато-Боснійскою Кирилицею, содержащая между прочимъ Хорватскій переводъ всей Хроники Ветезовича,—Сербская лѣтопись XVI-го в. Пріобрѣтенъ также Полицкій законникъ Боснійскою Кирилицею и пр. и пр. Еще въ 1852 г. Кукулевичъ напечаталъ въ Загребскомъ Архивѣ [1] перечень 260 грамотъ, относящихся къ исторіи Босны и выбранныхъ имъ изъ разныхъ изданій.

Стран. 82, стр. 4 св. Вм. «съ правителемъ Котора» чит.: съ Которомъ и его сосѣдомъ,

— *стр. 19 св.* Вникнувъ глубже въ смыслъ гр-ы С. № 55, мы замѣчаемъ, что дѣйствительно правъ Аппендини, отдѣляя владѣніе Вонслава отъ Котора.

Стран. 93, стр. 28 св. Вм. «Стратимировичъ» чит.: Страшимировичъ.

Стран. 96, стр. 23 св. Вм. «въ Которѣ у Вонслава» чит.: у Вонслава въ его владѣніяхъ, прилегавшихъ къ Котору.»

---

[1] Arkiv za pověstnicu Jugoslavensku, II, I. 1852.

Стран. 97, *стр. 8 св.* Вм. «имѣлъ войну съ Которомъ» чит.: имѣлъ войну съ Воиславомъ, бывшимъ въ союзѣ съ Которомъ.

— *стр. 16 св.* Въ Сени судебное разбирательство производилось ректоромъ и судьями близъ солянаго магазина. [1]

Стран. 101, стр. 2 св. Вм. «Которскій» чит. Войхновичъ.

— *примѣч. 1.* Перперомъ называлась въ Дубровникѣ серебряная монета, стоившая около 18 крейцеровъ. (Милаковичъ, Исторія Црне Горе. Стр. 75).

Стран. 110, стр. 11 сн. Въ Сени, въ день св. Михаила, капитула избирала ежегодно блюстителя церковнаго имущества, который назывался santiz (komu se vse crikveno blago skazi i uzdaj po pismu pred svim Kapitulom) [2]. Въ Сени, какъ и на Млѣтѣ, общинный судья избирался ежегодно въ сентябрскій праздникъ св. Михаила. (Впрочемъ, въ статутѣ постоянно говорится judices). А корабельщики, числомъ двое, содержавшіе городскую стражу вмѣстѣ съ прочими часовыми (вѣроятно, на судахъ), избирались два раза въ году въ день св. Михаила и въ день св. Юрія. Всякій гражданинъ (civis et popularis) платилъ пошлины за торговлю виномъ по 1 солиду за каждый сестарій вина, а съ Михайлова дня до Новаго Года по два солида; благородный же платилъ въ это время по одному солиду. Никакое иностранное вино не позволялось продавать въ разницу отъ Михайлова дня до Новаго Года. Положеніе это не касалось вина туземнаго. [3]

— *стр. 8 сн.* Вм. дѹброкѹлининоѹ чит. дѹброкѹлининоѹ.

Стран. 117, стр. 11 сн. Въ Сеньскомъ статутѣ въ двухъ мѣстахъ упоминаются добрые люди (boni homines) однажды какъ оцѣнщики покражи, другой разъ какъ присутствующіе при заявленіи отысканной покражи [4].

Стран. 119, стр. 7 св. Къ «провати» приб. probare.

— *примѣч. 2.* Приб.: Сеньскій ст., § 46.

Стран. 122, стр 12 сн. Вм. «Стратимировичъ» чит. Страшимировичъ.

— *примѣч. 2.* Вм. 85, 95, . . . чит. 85, 89, 95, . .

Стран. 143, примѣч. 2. Приб.: Сеньскій ст., §§ 43, 44, 48.

Стран. 144, стр. 17 сн. Въ Сеньскомъ статутѣ есть постановленіе, гдѣ сказано, что благородный, извлекшій мечъ, но не ударившій имъ, не платитъ ничего, а ударившій платитъ 24 ливры. И потомъ прибавлено: то же самое относится и къ гражданину (et idem in cive) [5]. Вообще въ этомъ статутѣ при преступленіи не выставлено различія между сословіями, тогда какъ въ торговыхъ правахъ, или въ правленіи благородные (nobiles) ярко выступаютъ изъ среды прочихъ гражданъ.

— *стр. 6 сн.* Приб.: и Сеньскомъ.

— *стр. 5 сн.* Но оскорбленіе чести, когда страдало не одно лицо, но въ немъ и все сословіе, различалось по сословіямъ. Сейчасъ мы видѣли это различіе въ Которѣ: то же видимъ и въ Сени. Кто оскорбилъ равную себѣ (in equalitate constitutam) добрую (bonam) женщину, или дѣвицу, тотъ платитъ 6 ливровъ; но если неблагородный (inhonestus homo) оскорбитъ благородную (honestam) женщину, или дѣвицу, то платитъ 24 ливра [6]. Впрочемъ, за правиль-

[1] Сеньскій статутъ. Arkiv za povjestn. Jugoslav., III. 1854. § 27.
[2] Arkiv za povéstn. Jugoslav., II, 1. 1852. Стр. 83.
[3] Сеньскій ст., §§ 19, 20, 100, 110, 146.
[4] §§ 45, 87.
[5] § 127.
[6] Сеньскій ст., § 56.

ность понимания въ этомъ случаѣ словъ honestus, inhonestus не ручаюсь. Въ другихъ мѣстахъ сословія различаются выраженіями nobilis, civis, popularis, forensis.

Стран. 145, стр. 5 св. Нельзя положительно сказать, подвергались ли благородные въ Далматскихъ общинахъ увѣчью, или позорной казни? Эти наказанія, какъ на пр. висѣлица, были положены за тѣ только преступленія, которыя, по самому свойству своему, могли совершаться всего скорѣе людьми простаго сословія, каковы, разбой и воровство. За разбой положено было въ Корчулѣ вознагражденіе въ четверо, потеря глаза, руки, обоихъ глазъ, висѣлица, отобраніе имущества, смотря по обстоятельствамъ. Въ Травѣ разбойникъ лишался глаза и вознаграждалъ убытки. За воровство въ Травѣ наказаніе полагалось различное: денежная пеня, потеря глаза, носа, висѣлица. Въ Шибеникѣ, на Лезинѣ и Брачѣ тоже: пеня, розги, клеймо, увѣчье, висѣлица. Въ Шибеникѣ женщинѣ, вмѣсто висѣлицы, отрубалась голова [1]. Въ Сени, за покражу въ 24 ливра, налагалась пеня во столько же, или потеря уха; за покражу въ 50 ливровъ пеня во столько же, или потеря члена, а за покражу въ 100 ливровъ висѣлица [2]. Въ послѣднемъ случаѣ, кромѣ казни, не было другаго исхода. Спрашивается: подвергались ли ей и благородные? За недостаткомъ поясненій, отвѣтъ долженъ быть утвердительный. Но увѣчье всегда могло быть избѣгнуто взносомъ пени. Такимъ образомъ, касательно увѣчья, Далматскія общины стояли не выше взгляда Душанова Законника.

Стран. 167, стр. 18 св. Обычай созывать собраніе звономъ колокола находимъ и въ уставѣ Сеньской капитулы; но, вѣроятно, сдѣсь разумѣется не вѣчевой, а церковный колоколъ [3].

— *стр. 15 сн.* Vice-comes и подъ нимъ еще vicarius были и въ Сени [4].

Стран. 172, стр. 25 св. Можетъ быть, что за Кулиномъ слѣдовалъ сынъ его; ибо Мирко, король Угорскій, въ письмѣ къ папѣ, 1204-го г., упоминаетъ о сынѣ Кулина, какъ владѣтелѣ Босны [5]. Кажется, ту же грамоту Кукулевичъ, по Фейеру, отмечаетъ 1203-мъ г. слѣдовательно, Кулинъ умеръ не ранѣе этого года, ибо въ этомъ же году онъ еще былъ живъ, какъ видно изъ другой грамоты 1203-го г., приводимой Кукулевичемъ [6]. Обязательство платить 1000 марокъ ежегодно, какъ поручительство за обращеніе Патареновъ, данное сыномъ Кулина, могло быть дано только самимъ баномъ. Но въ такомъ случаѣ гр-а С. № 5, гдѣ Нинославъ повторяетъ клятву бана Кулина, будетъ этому противорѣчить. По чему Дубровничане не взяли клятвы съ бана, бывшаго между Кулиномъ и Нинославомъ? Развѣ по тому, что́ Кулину наслѣдовалъ сынъ его; но это невѣроятно. Какъ звали Кулиновича? Опять молчатъ историки. Въ 1225 г. папа пишетъ къ Боснійскому бану Стефану [7], но не къ Нинославу, ибо послѣдняго онъ такъ и называетъ. Не есть ли это тотъ самый Кулиновичъ? О Нинославѣ есть грамота отъ 1233 г. Сибиславъ ока-

---

[1] Рейцъ, Сборн. Вал., стр. 187—189.
[2] Сеньскій ст., § 43.
[3] Arkiv za povĕstn. Jugoslav., II, I. стр. 79.
[4] Сеньскій ст., § 131.
[5] Пеячевичъ, Historia Serviae seu Colloquia XIII de statu regni et religionis Serviae ab exodio ad finem sive a saeculo VII ad XV, auctore Fauc. Xav. El. B. de Pejacsevich a Verocza, abbate S Trinitatis de Petri Varadini. Colocae. MDCCXCIX. Стр. 380.
[6] Arkiv za povĕstn. Jugoslav., II, I. Стр. 6.
[7] Кукулевичъ, тамъ же.

зывается въ одной папской грамотѣ отъ 1236 г. сыномъ покойнаго бана Боснійскаго и княземъ Восурскимъ (Осерскимъ?) [1], слѣдовательно, онъ будетъ сыномъ бана Стефана. Также имя Николая весьма подозрительно звучитъ въ ряду туземныхъ Славянскихъ именъ: крестнымъ именамъ предпочитались тогда народныя. Скорѣе всего должно считать его Никославомъ, а этотъ былъ не кто иной, какъ Нинославъ.

— *стр. 10 сн.* Событія 1245-го г. оказываются несправедливыми, или не такъ переданными, ибо Нинославъ позднѣе еще, въ 1248 г., упоминается Боснійскимъ баномъ въ двухъ папскихъ грамотахъ [2].

Стран. 173, стр. 28 св. Кукулевичъ приписываетъ первую грамоту, напечатанную въ VI-й ч. Гласника, т. е., ту же, что напечатана въ С. подъ № 14, Матеея-Стефана, бану Нинославу [3]. Съ нимъ соглашается и Я. Шафарикъ, объясняя почистку въ имени стефанъ тѣмъ, что Дубровничане, желая этою грамотою сослаться на Стефана Котромановича, бывшаго столѣтіемъ позже, стерли имя Нинослава и написали имя Степана [4]. Дѣйствительно, таковы поддѣлки не рѣдкость. За Нинослава говоритъ, по видимому, и печать со словами печать велики.... бана нинослава. Но странно, чтобы въ 1249 г. еще управлялъ Босною Нинославъ. Одному и тому же лицу не за чѣмъ было давать двухъ сходныхъ грамотъ. Самые пріемы въ составленіи грамоты показываютъ, что она принадлежитъ кому другому, а не Нинославу. Печать не можетъ еще служить неопровержимымъ доказательствомъ, ибо случалось въ старину, что при смѣнѣ владѣльца печать оставалось нѣкоторое время прежняя. Тѣмъ скорѣе могло это случиться съ только что прибывшимъ Угриномъ.

— *стр. 14 сн.* Отъ Елисаветы, какъ воеводы Мачвы и Босны, есть одна грамота 1280-го г. [5].

— *примѣч. 3.* Въ 1286 г. Мачва вмѣстѣ съ Босною досталась Милутину; но, по мнѣнію Пейчевича, часть ея еще прежде принадлежала Сербіи, ибо еще въ 1258 г. встрѣчается въ Угорскихъ лѣтописяхъ выраженіе Rassiae et Mascoviae rex. (Historia Serviae, стр. 210).

Стран. 174, стр. 5 св. Есть двѣ монеты, весьма сходныя по изображеніямъ съ монетами Уроша I; на одной изъ нихъ по краямъ написано: DUX PAUL— MLADEN, а въ срединѣ, столбцомъ между двумя человѣческими особями, BAN; на другой по краямъ: DUX PAUL— SECUNDUS, а въ срединѣ, какъ и на первой: BAN MLAD— [6]. Безъ сомнѣнія, этѣ монеты принадлежатъ Павлу Бребирскому. Но сдѣсь возникаетъ вопросъ, не одно ли онъ и то же лицо съ своимъ сыномъ Младеномъ? Не есть ли «Павелъ» имя крестное, при которомъ стоитъ и степень dux, а «Младенъ» народное, за которымъ слѣдуетъ званіе ban? Но въ такомъ случаѣ надо опровергнуть всѣ свидѣтельства историковъ, признающихъ Младена сыномъ Павла. Если Павелъ былъ первый изъ своего рода владѣтелемъ Босны, то какъ объяснить слово secundus? Монеты скорѣе подтверждаютъ, что Младенъ, при жизни отца, заправлялъ банствомъ, называясь по порядку secundus banus, тогда какъ воево-

[1] Кукулевичъ, тамъ же.

[2] Кукулевичъ, тамъ же, стр. 9, 10.

[3] Тамъ же, стр. 9. Странно, что Кукулевичъ не исправилъ у себя ошибки издателей Споменковъ въ означеніи года.

[4] Гласникъ, ч. VI, стр. 183.

[5] Кукулевичъ, тамъ же, стр. 10.

[6] Гласникъ, ч. VIII, т. II, №№ 3, 4; стр. 278.

да Павелъ оставался въ Бребирѣ, тоже нося, какъ глава рода, званіе бана и будучи primus banus. Совладѣніе было тогда въ обычаѣ. Это подтверждаютъ и папскія грамоты, которыя подъ 1302 и 1319 гг. упоминаютъ о банѣ Младенѣ, а подъ 1307 и 1308 гг. о банѣ Хорватскомъ и господарѣ Босны, Павлѣ [1]. Какимъ образомъ могъ Павелъ попасть въ промежутокъ между 1302 и 1319 гг.? Ясно, что, какъ старшій въ родѣ, онъ стоялъ выше сына и правилъ дѣлами не одной Босны, тогда какъ сынъ его завѣдывалъ одною Боснoю.

— *стр. 15 св.* Между 1325 и 1340 гг. встрѣчается въ грамотахъ имя Стефана, бана Боснійскаго, безъ сомнѣнія, Котромановича. Жена его называется Елисаветою [2].

— *Стр. 18 св.* Отъ этого Андрея дошли три грамоты, двѣ отъ 1198 г. и одна отъ 1200 г., въ которыхъ онъ называется то воеводою Хлума и Рамы, то воеводою Хорваціи и Хлума, то воеводою Далмаціи, Хорваціи и Хлума [3].

Стран. 175, стр. 21 сн. Также и Пеячевичъ относитъ смерть Стефана къ 1357 г. [4]

Стран. 176, стр. 3 св. При Душанѣ и Урошѣ V южная часть Хлума и Травунія оставались за Сербіею: ими управлялъ цезарь Войхна, оставившій послѣ себя сыновей Ѳому, Воислава и Алтомана. После Николая Алтомановича всѣ земли Войхны, частію коихъ завладѣли было Балшичи, достались королю Тврьтку I, около 1378 г.

— *примѣч. 4.* Слова: «Дюфрену неправильно приписавъ и т. д.» опустить.

Стран. 178, примѣч. 1. Пеячевичъ называетъ Дабышу незаконнымъ сыномъ Нинослава (Мирослава?), брата Стефана Котромановича. (Historia Serviae, стр. 392, 394).

Стран. 182, стр. 6 сн. То же разсказываетъ и Пеячевичъ [5].

Стран. 183, стр. 10 св. Выводы, сдѣланные мною на основаніи новѣйшихъ достовѣрныхъ источниковъ, нашли себѣ отголосокъ въ позднѣйшемъ сочиненіи Милаковича, 1856 года, «Исторія Черногоріи». Конечно, тотъ и другой обязаны источникамъ, приведшимъ обоихъ, независимо другъ отъ друга, къ однимъ и тѣмъ же заключеніямъ.

— *стран. 23 св.* Пеячевичъ тоже относитъ къ 1435 г. смерть Стефана Остоича, но вмѣстѣ съ другими принимаетъ его за самого Остою [6].

— *Примѣч. 3.* Пеячевичъ назначаетъ годомъ смерти Тврьтка II 1443-й годъ. (Historia Serviae, стр. 399).

Стран. 202, стр. 7 св. Вотъ какими словами Кукулевичъ оканчиваетъ свое предисловіе къ списку Боснійскихъ грамотъ: Предлагаемый сдѣсь перечень 260 Боснійскихъ грамотъ представляетъ вкратцѣ почти все теченіе Боснійской исторіи. Первый письменный памятникъ начинается въ 914 г. Римскимъ папою Іоанномъ X, а послѣдняя запись Боснійской королевы Екатерины, 1478 года, оканчивается вновь папою Сикстомъ IV. Уже первый памятникъ ознаменованъ борьбою Римскаго и Западнаго начала съ началомъ Восточнымъ, Славянскимъ. И этотъ духъ борьбы проявляется почти во всѣхъ грамотахъ до самого паденія Босны. Эта-та духовная борьба породила страшныя брани съ

---

[1] Кукулевичъ, тамъ же, стр. 10, 11.
[2] Кукулевичъ, тамъ же, стр. 11, 12.
[3] Кукулевичъ, тамъ же, стр. 5.
[4] Historia Serviae, стр. 391.
[5] Тамъ же, стр. 398, 399.
[6] Тамъ же стр. 399.

сосѣдними державами, долговременныя кровавыя усобицы, гоненія на людей сильныхъ духомъ и могущественныхъ, яростныя возстанія друга на друга, брата на брата, сына на отца. Эта-то борьба открыла дорогу чужеземному вліянію и господству, вторгавшемуся въ Босну то изъ Греціи, то изъ Угріи, то изъ Италіи, то наконецъ изъ глубины Азіи. Мало было Риму и Западу того, что преимущественно подъ ихъ навтіемъ миролюбивые Югославяне которались между собою: нѣтъ, Римъ и Западъ высылали противъ нихъ, особливо противъ небольшой Босны, огромныя крестоносныя рати, которымъ едва могъ противустоять великій Азіятскій міръ. Славянская письменность, начавшая развиваться еще съ IX-го столѣтія, благодаря послѣдователямъ Грековосточной Вѣры, а въ послѣдствіи усиленная Богумилами, заглушена была въ Булгаріи, Сербіи, Боснѣ, Далмаціи, Хорваціи и Славоніи дѣйствіемъ Римскаго начала и насильственнымъ запрещеніемъ Славянскаго языка.

Еще и понынѣ, къ несчастію, продолжается эта борьба; и понынѣ еще видны ея слѣды во всѣхъ Южнославянскихъ земляхъ, преимущественно въ Боснѣ. Правда, страна эта скрыта отъ взоровъ просвѣщеннаго міра густою мглою тайнолюбивой замкнутости и упрямой силы, присущей Азіятскому началу; но когда пытливое око сосѣда смотритъ на нее изза Велебита и Шумадіи, оно видитъ въ ней, среди неурядицы, искони царствующей, и вѣчныя тайныя орудія, внесенныя сюда Западомъ въ средніе вѣка и размножившіяся сдѣсь чрезъ хитрыя козни и крамолы, чрезъ постоянныя смуты, постоянныя коварства, вѣчныя преслѣдованія и всегдашнюю бурю различныхъ человѣческихъ страстей. Не будь этихъ орудій—и Босна снова воскресла бы вмѣстѣ съ Сербіею, а вслѣдъ за ними и весь окрестный Южнославянскій край по Дунаю, Савѣ и Ядрянскому морю, по Дринѣ, Марицѣ и Струмѣ оживотворился бы общимъ духомъ народности и независимости.» [1].

Стран. 211, примѣч. 2. Въ отвѣтѣ Вука, короля Дуклянскаго и Далматскаго (Diocliae atquae Dalmatiae rex), папѣ Иннокентію III, отъ 1199 г., упоминается о томъ, что Булинъ съ женою и сестрою, вдовою Мирослава, князя Хлумскаго, перешелъ въ расколъ, т. е., Патаренскую ересь. (Кукулевичъ, Arkiv sa povêstn. Jugoslav. II, I. Стр. 5). Отсюда видно, какимъ образомъ доводился онъ сродни Стефану Немани.

Стран. 217, примѣч. 1. Вм. II, IV, 31, § 646, чит. II, IV, § 31, 646.

Стран. 222 стр. 12 сн. О низверженіи Радослава упоминаетъ и Пеячевичъ. [2].

Стран. 226, стр. 7 св. Вм. 1417 чит. 1317.

— *стр. 24 св.* Изъ Пеячевича, желающаго, во что бы то ни стало, доказать, что не только Босна, но и Сербія была Римско-католическою землею и что владѣтели ихъ, большею частію, признавали власть Рима, видно, что дѣйствительно при Урошѣ I и Милутинѣ происходили сношенія съ папою, вѣроятно, при посредствѣ Елены, которую сочинитель называетъ piissima Helena. По его словамъ, она пыталась присоединить Сербію къ Римскимъ духовнымъ владѣніямъ, какъ видно изъ письма папы Николая отъ 1291 г. Вѣроятно, отсюда и проистекали распри у Елены съ сыновьями, или даже съ мужемъ; отсюда и объясненіе тому, что она избрала себѣ мѣсто жительствомъ приморскій городъ насупротивъ Италіи, и изъ него писала такія грамоты Дубровнику. [3]

---

[1] Arkiv za pvestn. jugoslav. II, I, стр. 13.

[2] Historia Serviae, стр. 191.

[3] Historia Serviae, стр. 198—214.

Стран. 230, стр. 10 сн. Пеячевичъ не признаетъ Константина сыномъ Милутина, а называетъ его ошибочно вторымъ законнымъ сыномъ Драгутина, слѣдовательно, братомъ Владислава. [1].

Стран. 231, стр. 24 св. Пеячевичъ равномѣрно называетъ Стефана naturalis filius Urosii, или Stephanus nothus. [2]

Стран. 235, стр. 12 сн. Въ подобномъ смыслѣ говоритъ о боярахъ и Пеячевичъ. Они, по его словамъ, возбуждали Душана противъ отца изъ боязни, чтобы престолъ Сербскій не достался Симеону, рожденному отъ Маріи, дочери пангиперсебаста Іоанна. [3]

Стран. 238, примѣч. 2. Пропущены слова: «къ Душану,»

Стран. 239, стр. 4 сн. Вм. ҂ѕѿнд чит. ҂ѕѿнд.

Стран. 260, стр. 2 св. Что Симеонъ былъ братъ Душану, то это подтверждаетъ безыменный Греческій лѣтописецъ. [4]

Стран. 261, стр. 2 св. Пеячевичъ называетъ Драгашу и Константина сыновьями Деяна. [5]

Стран. 262, стр. 26 св. Вм. ὑφ' ἑαυῷ чит. ὑφ' ἑαυτῷ.

— *стр. 27 св.* Вм. πειϑαρχοῦντες чит. πειϑαρχοῦντες.

— *стр. 15 сн.* Вм. οὐκ чит. οὐκ.

— *стр. 14 сн.* Вм. εὐ чит. εὐ.

— *стр. 13 сн.* Лѣтописцы Византійскіе упоминаютъ наиболѣе о Симеонѣ, дядѣ Уроша V, такъ что нельзя не замѣтить того важнаго значенія, которое онъ имѣлъ на югѣ Ѳракійскаго полуострова. Это подтверждается и отрывкомъ одной Греческой лѣтописи, въ которой Симеонъ, тотчасъ по смерти Душана, является сильнѣе всѣхъ другихъ владѣльцевъ на югѣ, и по смерти Прилупа, распоряжается такъ называемою Греческою Валахіею, Этоліею и городами Трикалою и Касторіею, слѣдовательно, всею южною частію полуострова. Ему, рожденному отъ Гречанки, сходнѣе было оставаться на югѣ. Правда, когда Никифоръ Дука завоевалъ всю эту часть преждебывшихъ владѣній Душана, тогда Симеонъ обратился на сѣверъ къ предѣламъ Сербіи, но смерть Никифора снова привела его въ прежнія области. Онъ жилъ постоянно въ Трикалѣ, а Этолійскому городу Янинѣ далъ въ правители своего зятя Ѳому, сына Прилупова. Впрочемъ, какъ между большими, такъ и между мелкими правителями происходили безпрестанныя брани, и вообще не было никакого порядка. Сюда мало достигала власть Византіи, и еще менѣе доходило владычество Сербіи: на дѣлѣ весь югъ полуострова уже не принадлежалъ Сербіи [6]. Въ это время разложенія двухъ державъ всякій промышлялъ о себѣ. Если къ Симеону присоединимъ Твртка, собравшаго и укрѣпившаго разнесенную на части Босну, Лазаря, усилившагося на Дунаѣ, и Вукашина, засѣвшаго съ братьями въ Македоніи, не говоря уже о другихъ, менѣе значительныхъ, но не менѣе независимыхъ правителяхъ, то увидимъ, что распаденіе Душановой державы было полное, и власть царская обратилась въ пустой призракъ. Вотъ по чему такъ безслѣдно въ Сербской Исторіи, такъ да-

---

[1] Historia Serviae, стр. 244, 252.

[2] Тамъ же, стр. 245, 252.

[3] Тамъ же, стр. 267.

[4] Corp. Script. Hist. Byz. Bonae. MDCCCXLIX. См. Epirotica. fragmentum II. Стр. 210.

[5] Historia Serviae, стр. 302, 321.

[6] Corp. Script. Hist. Byz. Epirotica. Fragm. II.

же непримѣтно для самихъ современниковъ совершаются перевороты во владѣніяхъ Симеона, и вся эта страна падаетъ подъ мечомъ Турокъ.

Стран. 263, стр. 15 сн. Вм. властелити чит. властелинѣ.

— стр. 13 сн. Вм. «владѣвшій Которомъ» чит. сосѣдившій съ Которомъ. Противупоставленіе въ гр-ѣ С. № 55 именъ Воислава и Котора, властелей и городовъ показываетъ только общую ихъ зависимость отъ Уроша V, но видно, что Которъ не принадлежалъ Воиславу, а только вмѣстѣ съ нимъ враждовалъ противъ Дубровника и въ одно съ нимъ время замирился, какъ показываетъ и другая гр-а С. № 56.

Стран. 264, стр. 15 св. Званіе короля было высшимъ послѣ царя. Такъ Душанъ при Дечанскомъ, Урошъ при Душанѣ назывались королями. При Урошѣ V королемъ былъ Вукашинъ, дядя Царю, ибо сестра его была за Душаномъ, и Урошъ былъ ея сынъ [1]. Вукашинъ такъ и оставался до самой своей смерти съ этимъ званіемъ. Но послѣ Уроша V королей было нѣсколько. Вѣроятно, къ этому времени относятся монеты короля Марка, сына Вукашинова (см. в.), и короля Владиміра, незаконнаго сына Душанова. Лѣтописецъ свидѣтельствуетъ о сильной враждѣ Марка противъ Лазаря по смерти отца. Владѣя Прилѣпомъ съ прилежащею страною и нося званіе короля, Марко не хотѣлъ подчиниться Лазарю, избранному въ цари [2]. По словамъ того же лѣтописца, Владимиръ жилъ въ Епирскомъ городѣ Янинѣ и потомъ былъ убитъ любимцемъ своей жены. Во время его малолѣтства, за него правилъ Углеша. Есть монета съ надписью кр вм. Я. Шафарикъ приписываетъ ее этому самому Владимиру, а по тому и званіе короля принадлежитъ ему [3]. Есть также монеты короля Лазаря, который могъ быть королемъ и до вѣнчанія своего, слѣдовательно, еще при жизни Вукашина. Но такъ какъ на монетахъ изображенъ царь, то, безъ сомнѣнія, онѣ биты уже во время его царствованія [4]. Извѣстно, что онъ постоянно ограничивался званіемъ князя; на монетѣ же могъ выставить званіе своего предшественника. Въ междуцарствіе, бывшее по смерти Вукашина, каждый намѣстникъ, каждый сильный областной старшина старался высобиться изподъ общей державы и захватить какъ можно больше самовластія. Тотъ же лѣтописецъ говоритъ, что еще при Урошѣ Сербскіе князи промышляли всякъ о себѣ, какъ на пр., Лазарь Гребеляновичъ, Югъ Богдановъ, Балша Зетскій, Владимиръ Албанскій, Вукъ Бранковъ, Милошъ Обиличъ, Стефанъ Лобосвичъ и др.; Вукашинъ же съ братьями державствовалъ въ Болгаріи и Македоніи. Прибавимъ сюда Симеона или Синишу. Со временемъ стремленіе къ независимости и чувство самосохраненія усилились еще болѣе. Но въ именахъ, выдающихся въ общемъ составѣ бояръ, происходитъ большая путаница, начиная со времени намѣстниковъ, поставленныхъ Душаномъ. Надобно съ точностію опредѣлить время и смѣны намѣстниковъ и прочихъ державниковъ, границы ихъ областей, и сверхъ того должно различать званія и степени, которыя они носили. До сихъ поръ этотъ отдѣлъ Сербской Исторіи мало разработанъ, и въ разсказахъ лѣтописцевъ и историковъ нерѣдко происходятъ столкновенія между совершенно отдѣльными лицами.

Стран. 266, стр. 11 сн. По смерти Вукашина, хотя Лазарь былъ выше и

---

[1] Гласникъ, ч. V, стр. 69.
[2] Гласникъ, ч. VI, стр. 186, 189.
[3] Гласникъ, ч. VIII, стр. 270.
[4] Гласникъ, ч. III, N 70, стр. 253.

сильнѣе всѣхъ другихъ бояръ и, одолѣвая своихъ соперниковъ, достигъ наконецъ царскаго вѣнца въ 1377 г., однако Марко Вукашиновичъ, писавшійся королемъ еще при жизни отца [1], не хотѣлъ добровольно подчиниться ему: это видно по его враждебнымъ отношеніямъ къ Лазарю и связямъ съ Турками. По крайней мѣрѣ, открытая недавно монета его съ надписью: **въ ха ба благовѣрни краль марко** свидѣтельствуетъ, что въ своихъ владѣніяхъ, въ Прилѣпѣ, Марко признавался королемъ по смерти отца и управлялъ ими независимо [2].

Стран. 268, стр. 24 св. Балша былъ въ Зетѣ намѣстникомъ и носилъ званіе жупана, которое перешло и къ его дѣтямъ, ибо есть двѣ грамоты, въ которыхъ Страшимиръ, Юрій и Балша именуются жупанами [3]. Родъ Балши былъ однимъ изъ первыхъ туземныхъ родовъ: это доказывается быстрымъ его возвышеніемъ и народнымъ преданіемъ, называющимъ Балшу Зетяниномъ [4] и связывающимъ его съ Неманею по женскому колѣну отъ Вукана Неманича.

— стр. 12 сн. Драчевица могла принадлежать нѣкоторое время Зетѣ, ибо, по словамъ Пеячевича, Балша занялъ ее вмѣстѣ съ Требинемъ и Конавлемъ во время спора Лазаря съ Николаемъ Алтомановичемъ, а потомъ долженъ былъ уступить Твртку въ 1374 г. [5] Сдѣсь должно разумѣть не Балшу, а Балшича, и перемѣнить годъ на 1378-й.

Стран. 269, стр. 6 св. Выраженіе **паде на мати** должно понимать такъ, что Страшимиръ Балшичъ, вѣроятно, съ сыномъ своимъ Юріемъ, отправившись противъ Карла Товія, владѣвшаго тогда около Драча, палъ на рѣкѣ Мати, протекавшей въ Албаніи [6]. Сдѣсь странно подразумѣвать нападеніе на область Мати, лежавшую при рѣкѣ того же имени, хотя, съ другой стороны, эта самая грамота дана отъ имени всѣхъ трехъ братьевъ, т. е., какъ бы предполагается, что Страшимиръ еще живъ. Между 1368 и 1373 гг. умерли Страшимиръ и Юрій Балшичи.

— стр. 12 св. Опустить слова: «Отъ того-то въ грамотѣ и упомянуты только два брата.» Если же Орбини ошибся въ имени плѣненнаго Балшича и назвалъ его, вмѣсто Балши, Юріемъ, то будетъ понятно, по чему Страшимиръ съ Юріемъ Балшичемъ, а уже не съ сыномъ, въ двоемъ ходили на Карла.

— стр. 15 св. Вм. «за годъ» чит. за мѣсяцъ, ибо, по лѣтописцамъ, Юрій Балшичъ умеръ 4-го генваря 1374 г. Какъ согласить это показаніе съ Орбини и Милаковичемъ, относящими смерть его къ 1379 году?

— стр. 20 св. На несогласія съ Босною намекается въ гр-ѣ С. № 72, которая, по всему вѣроятію, принадлежитъ Юрію Балшичу: сдѣсь выражена возможность войны съ Боснійскимъ баномъ.

— стр. 6 сн. О построеніи Новаго Тврькомъ упоминается въ гр-ѣ Маріи Угорской къ Дубровничанамъ 1383-го г. [7]

Стран. 271, стр. 24 св. Милаковичъ остается вѣрнымъ свидѣтельству Орбини и Лукари, что Юрій Балшичъ былъ женатъ на Деспинѣ, дочери Лазаря и вдовѣ Шишмана Булгарскаго [8]. То же говоритъ и Пеячевичъ, замѣчая раз-

---

[1] Гласникъ, ч. VI, стр. 186.
[2] Гласникъ, ч. VII, N 22.
[3] Кукулевичъ, Arkiv za povêstn. Jugoslav., II, I. Стр. 12.
[4] Милаковичъ, Исторія Црне Горе, стр. 25.
[5] Historia Serviae, стр. 326.
[6] Милаковичъ, Исторія Црне Горе, стр. 26. Примѣч.
[7] Кукулевичъ, Arkiv za povêstn. Jugoslav. II, I. Стр. 13.
[8] Исторія Црне Горе, стр. 35.

согласіе съ Сербскими лѣтописями, по которымъ Балша Зетскій былъ женатъ на Вукославѣ, сестрѣ Деспины [1].

Стр. 272, стр. 8 св. Милаковичъ, въ позднѣйшемъ своемъ сочиненіи, «Исторія Черногоріи» посылаетъ на Косово поле не Балшу Балшича, а Юрія Страшимировича, который, не дошедъ еще до Косова, узналъ о несчастномъ исходѣ битвы и вернулся домой. За годъ передъ тѣмъ онъ же, по Милаковичу, разбилъ, вмѣстѣ съ Лазаремъ, Турецкое войско при р. Ситницѣ [2].

Стран. 273, стр. 5 св. Эта запись, въ которой говорится еще о банѣ Боснійскомъ, принадлежитъ скорѣе Юрію Балшичу, ибо писана не позже 1376 г., когда племянникъ, Юрій Страшимировичъ, еще не могъ одинъ, отъ своего имени, сноситься съ другими землями. Если же эта грамота принадлежитъ Юрію Балшичу, умершему, по Сербскимъ лѣтописцамъ, въ 1373, г. 4 генв., и писана въ Конавлѣ, то несправедливо то, что Конавле досталось Балшичамъ только уже тогда, когда Николай Алтомановичъ былъ побѣжденъ Лазаремъ въ союзѣ съ Тврьткомъ въ 1374 г. Конавле должно было достаться имъ ранѣе и, вѣроятно, еще при жизни Вукашина; а такъ какъ Юрій Балшичъ былъ зятемъ Вукашина, то этимъ и объясняется безпрепятственное его владѣніе Конавлемъ. Николай Алтомановичъ могъ оставаться послѣ этого въ другихъ своихъ владѣніяхъ, какъ на пр. Ужицѣ. Въ 1378 г. Требиње, Конавле и Драчевица принадлежали уже Тврьтку I.

— стр. 26 св. Ожиданіе войны съ Боснійскимъ баномъ показываетъ, что у Юрія Балшича и Тврьтка были какія-то несогласія, и всего вѣроятнѣе, за земли Николая Алтомановича, какъ догадывается и Милаковичъ [3].

— стр. 20 сн. Милаковичъ относитъ смерть Юрія Страшимировича къ 1405 году [4].

— стр. 15 сн. Въ позднѣйшемъ своемъ сочиненіи Милаковичъ взглянулъ уже совсѣмъ иначе на историческую достовѣрность, быть можетъ, въ слѣдствіе открытія новыхъ источниковъ. Онъ уже со строгимъ разборомъ излагаетъ событія, вдумывается въ нихъ и въ лѣтосчисленіе для избѣжанія противорѣчія, и вообще разсказъ его зрѣло обсужденъ, истина отдѣлена отъ вымысла. То, что сказано было прежде о немъ, относится къ Грлицѣ, но теперь оно само собою отстраняется изданіемъ «Исторіи Черногоріи» 1856 г.

Стран. 274, стр. 12 св. Въ Венеціи и Цетыньѣ хранится по списку съ договора Венеціянъ съ Балшею Юрьевичемъ, на основаніи коего и другихъ свидѣтельствъ, Андричъ и Милаковичъ несколько разъясняютъ дальнѣйшую послѣ Юрія Страшимировича Исторію Черногоріи. Нѣтъ сомнѣнія, что за Юріемъ слѣдовалъ сынъ его, Балша. Такъ точно, и согласно съ Орбини, пишетъ и Пеячевичъ [5]. Въ лѣтосчисленіи они тоже согласны между собою. Удаленіе въ Сербію и передача управленія Зетою сродинку, Стефану Черноевичу, относится къ 1421 г., а смерть Балши къ 1422 г.

Стран. 276, примѣч. 2. Вм. П. II Нѣгушъ чит. П. П. Нѣгушъ.

Стран. 312, стр. 8 сн. послѣ босанскога приб. (С. № 159).

Стран. 348, стр. 4 св. Вм. «формы и» чит. и формы.

---

[1] Historia Serviae, стр. 327, 328.

[2] Исторія Црне Горе, стр. 37, 39.

[3] Тамъ же, стр. 30.

[4] Тамъ же, стр. 41.

[5] Historia Serviae, стр. 333.

Стран. 354, стр. 6 св. Сюда же принадлежитъ и гр-а Ю.

— *стр. 20 св.* Приб. непотрѣбнимь шиїемь (Ю.).

— *стр. 14 сн.* Вм. 69 чит. 69; Г. VI, № 9; VII, № 20.

— *стр. 13 сн.* Послѣ «стр. 1» приб. Г. VII, № 23.

Стран. 355, стр. 5 св. Приб. На монетахъ короля Марка: нь (Г. VII, № 22) и Вука Бранковича вльнь (Г. VIII, т. I, № 8).

— *стр. 8 св.* Послѣ 87 чит. Г. VII, № 28.

— *стр. 21 св.* Такъ въ гр-ѣ бана Матеея-Стеоана (Г. VI, № 1) находимъ какъ ь, такъ и другія буквы съ отвѣсною чертою, склоняющеюся въ верху нѣсколько въ лѣво; а въ подписяхъ, не принадлежащихъ уже писцу и не столь красиваго почерка, есть всѣ начертанія для ь: кънезъ, наѕиьцк, семиюнъ, каѕиьць, обьтенонну, дрьгониъ.

— *стр. 21 сн.* Смѣшеніе обоихъ знаковъ подтверждается сличеніемъ гр-ы Дечанскаго въ изданіи Споменниковъ и у Юришича.

Стран. 360, стр. 10 св. Приб. вльньта (Г. VI, № 1).

Стран. 361, стр. 19 сн. Вм. «въ словѣ» чит. въ словахъ крьтоломца (III. № II) и

Стран. 367, стр. 19 св. Приб. высоии, исмаилтѣскихъ, вътори, мегьмии, вьѕ- (Ю.), гюрьгь (мон., Г. VIII, т. II, № 1).

Стран. 370, стр. 12 св. ь замѣняетъ 6-у о: ратнь (Г. VI, № 2).

— *стр. 2 сн.* Вм. ер, чит. ер, ар,

Стран. 371, стр. 1 св. Приб. крьтоломца (III. № II).

Стран. 374. стр. 12 св. Вм. мѣсть должно быть мѣстъ̆.

Стран. 377, стр. 11 сн. Приб. самодржца, опрошено (Ю.).

Стран. 379, стр. 4 сн. Приб воевьски (Г. VI, № 1),

Стран. 380, стр. 4 св. Приб. анне (А. № 4).

— *стр. 11 св.* вѣчстенным, злотестнихъ (Ю.).

— *стр. 19 св.* Вм. анѳела чит. аньела.

— *стр 20 св.* Вм. ѡкиҳеи чит. ѡнцхеи.

— *стр. 23 св.* Вм. 154 чит. 157 и приб. NN№ 74, 88, 107, 108, 115. 124, 138, 146, 163.

— *стр. 10 сн.* Опустить слова тоудре, добре.

Стран. 381, стр. 6 сн. Приб. оусердые, мертвымь (Ю.).

— *примѣч. 2.* Къ словамъ Slow. Starožitn., приб. II, IV, 656.

Стран. 382, примѣч. 2. Къ словамъ Slow. Starožitn. приб. II, IV, 654.

Стран. 384, стр. 3 сн. Вм. кнаць чит. кнаць.

Стран. 385, стр. 5 св. Вм. тонатия чит. тонатия.

— *стр. 8 св.* Приб. акаль (С. № 83),

Стран. 387, примѣч. 2. Къ словамъ Slow. Starožitn., приб. II, IV, 654.

Стран. 388, стр. 2 св. Къ С. NN№ 108—175 приб. NN№ 19, 20, 82, 96, 100, 104, 106, 107; А. И. Впрочемъ, здѣсь не перезвукъ, но двойственное и множественное чч. въ зависимости отъ сложенія съ два, три, четири.

— *стр. 4 св.* Вм. 124, 130 чит. 130, 131, 165; А. № 17.

Стран. 389, стр. 17 св. Приб. воѕ- (Ю.).

— *стр. 19 св.* Вм. недо, чит. не, до,

Стран. 391, стр. 9 св. Приб. принесль (Г. VI, № 2).

Стран. 392, стр. 3. Въ нъ, съ вм. нъ, съ есть усиленіе ъ въ ь.

Стран. 403, стр. 13 св. Еще встрѣчается третье слово, гдѣ а стоитъ на своемъ мѣстѣ: ѡстрѣй (А. № 11).

— *стр. 25 св.* По сличеніи гр-ы Дечанскому монастырю у Ю. и въ С., оказывается, что сами позднѣйшіе переписчики ставили **ѧ** на мѣстѣ подлиннаго **ѫ**.

— *стр. 12 сн.* Приб. **испытали** вм. **-ни** (С. № 176).

Стран. 408, стр. 4 св. Вм. «б-ы ѫ и» чит. б-ы ѫ и ѭ.

— *стр. 12 св.* Вм. **ъ-и** д. б. **ъи**.

Стран. 410, стр. 23 св. Приб.: Дечанская гр-а монахини Евгеніи (Ю.).

— *стр. 20 сн.* Опустить № 14.

Стран. 412, стр. 4. Приб. **рѣчи** (Г. VI, № 2).

Стран. 413, стр. 10 сн. Приб. **осамьнадесети**, **єдинадесети** (С. № 130) вм. **-десете**, какъ въ С. NN№ 74, 88, 92, 93, 99, 107, 108, 115, 124, 128, 130, 132, 146, 147, 157, 163.

Стран. 414, стр. 4 св. Приб. **нино** (С. № 135).

— *стр. 17 св.* Приб. **въ пустыни моимь** (А. № 5).

Стран. 422, стр. 21 св. Вм. **угрецихъ** д. б. **ѵгрецихъ**. Что до гр-ъ Г. V и Ю., то въ нихъ можно скорѣе предполагать привычку позднѣйшаго переписчика изображать **оѵ** чрезъ **ѵ**. Это видно изъ сличенія Юришича съ Споменикамн. Собственно у Д.-Сербовъ **ѵ** отвѣчало Греческому *υ*, ср. **ѵгъ** (Мк.), **сѵгенна** (Ю.).

Стран. 431, стр. 5 сн. Приб. и Г. VI, № 2.

Стран. 432, стр. 13 сн. Приб. **кислоникь** (С. № 78), гдѣ видно колебаніе между звуками **х** и **к**.

— *стр 7 сн.* Приб. **подоѵчаю** (Ю.).

Стран. 434, стр. 11 сн. Доказательствомъ тому, что употребленіе въ изданіи б-ы **є**, или **є** зависитъ иногда отъ того, какъ понимаетъ переписчикъ начертаніе ея въ подлинникѣ, служитъ сличеніе гр-ы С. № 176 съ изданіемъ Юришича: послѣдній вездѣ читаетъ **є** тамъ, гдѣ въ Спомeникахъ стоитъ **є**: причиною неясность начертанія.

Стран. 435, стр. 22 сн. Приб. гр-у Ю.

— *стр. 5 сн.* Вм. «она» чит. оно.

Стран. 436, стр. 25 св. Не смотря на то, что **є** весьма рѣдко встрѣчается въ Восточныхъ гр-хъ, мы находимъ его съ послѣдовательнымъ употребленіемъ, именно, послѣ гласной, въ одной Восточной гр-ѣ, принадлежащей монахини Евгеніи (Ю.).

Стран. 439, стр. 7 сн. Приб. **сеньтебра** (С. № 136), **ноебра** (С. № 64), **новебра** (С. № 125).

— *стр. 4 сн.* Вм. 150, 153, 154 чит. 150—154.

Стран. 441, стр. 16 сн. Вм. *еи* чит. *ие*.

— *стр. 3 сн.* Приб. **благоверия**, **всеми** (Ю.).

Стран. 457, стр. 11 сн. Вм. **келикыимь**, **келицѣхь** д. б. **келыкыимь**, **-кыи**, **келицѣхь**.

— *стр. 3 сн.* Приб. **обитѣли** и тутъ же **обитель**, **нимлитемъ** (Ю.).

Стран. 464, стр. 9 сн. Приб. **дого**, **доге**, **догош**, **доѡше**, **доѡши** (С. NN№ 56, 64, 70, 71, 73, 104, 144, 145, 164, 166, 173), ср. **доидохь** (С. NN№ 124, 125), **доидь**, **-е** (С. NN№ 68, 89, 94, 132, 143, 164), **доидоше** (С. NN№ 55, 83, 117), **поидоше** (С. NN№ 78, 97).

Стран. 477, стр. 14 св. Вм. «чистоту» чит. густоту.

Стран. 479, стр. 21 св. Приб. **книгамьноваш** (С. № 163).

— *стр. 19 сн.* Приб. **хиса**, **-в**, **хиші**, **-ень** (С. NN№ 111, 137; З.), ср. **гоуса**, **-шень** (С. NN№ 73, 91).

Стран. 480, стр. 19 сн. Приб. **кига**, **кига**, **мегьлин**, **мегали** (Ю.),

Стран. 492, стр. 5 св. Приб. въ гр-ѣ Евгеніи (Ю.) **златостиихъ**.

Стран. 495, стр. 11 св. Приб. **ратко**, **-а** (Мл.; Г. VI, № 2), ср. **радинъ** и т. п.

Стран. 497, стр. 23 св. Произнотеніе б-ы **д** могло иногда твердѣть и дѣлаться среднимъ между сочетаніемъ съ твердою и сочетаніемъ съ мягкою гласною; это обнаруживается въ словѣ **оусрьдые** (Ю.), хотя вообще употребленіе **ы** и **и** въ Д.-Сербской письменности ограничено своею собственною областію и не соображается съ согласными, съ коими сочетаются этѣ буквы.

Стран. 512, стр. 10 сн. Вм. «род. и твор. пп. ед. ч. муж. и и ср. р.» чит. движеніе именъ, кромѣ творательнаго п. ед. ч. жен. р.

Стран. 516, стр. 11 св. Приб. **моите** (С. № 59), **кажите** (С. № 79): то и другое есть повелительное н., образовавшееся чрезъ смягченіе **г** и **д** въ **дь**.

Стран. 519, стр. 21 св. Приб. **исиьсаль**, **оутекаль**, **отбѣгаль** (З).

— *стр. 6 сн.* Вм. «-ю и т. д.» чит. -**ѣ**, -**ю** и т. д. (С. №№ 22, 43, 91, 108).

— *стр. 4 сн.* **темеліе**, откуда **темелити**, **темелити**, **темелии**, есть то же, что **темель**, основа, а это то же, что *комель*, у Рускихъ—основаніе дерева.

Стран. 550, стр. 18 св. Приб. **подоучаваю** (Ю.),

Стран. 552, стр. 20 св. б-а **в** опущена въ **гивати**, **гиве** (ср. С. №№ 112, 115, 126, 130, 173 и пр.; А. № 6), ср. **гневоути** (З.).

Стран. 568, въ заглавіи. Вм. согласныя чит. склоненія.

Стран. 580, стр. 2 св. Въ именахъ средн. р. съ нарощеніемъ именительный п. одинаковъ съ винительнымъ, исключая: **из небесе** (С. № 144).

Стран. 581, стр. 2 св. Приб. **нрьла** (печ., С. № 62).

Стран. 583, стр. 19 сн. Обыкновенною формою родительнаго п. ед. ч. остается **землие** (Ср. Ш. № VII; С. №№ 2, 13, 16, 21, 26, 27, 37, 39, 43, 50, 51, 55, 57, 73, 78, 91, 94, 95, 111, 118, 137, 142, 144, 164, 176, 179 и пр.; А. №№ 1, 3—6 12, 20; З., Мл.; печ. А. т. X, XI, № 10), **земье** (С. № 52).

Стран. 588, стр. 2 св. Нынѣ исходъ *-е* въ дательн. п. ед. ч. жен. р. остается въ Ресавскомъ, т. е., восточномъ подрѣчіи, которому въ Д.-Сербскомъ отвѣчаетъ наиболѣе Восточная семья памятниковъ.

Стран. 590, стр. 19 сн. Самое *á* Санскрита образовалось изъ стяженія *am*.

Стран 594, стр. 4 сн. Приб. на печати Милутина **о христе бозе** (А. № 5).

Стран. 596, стр. 23 сн. Слова «или неправильно **дивве**» опустить.

Стран. 599, стр. 10 св. Приб. Въ Албанской гр-ѣ **у писме** (С. № 148).

Стран. 600, стр. 7 сн. Вм. «XV-мъ» чит. XIII-мъ.

Стран. 601, стр. 18 сн. Въ движеніе женскаго р. перешло изъ образованія средняго р. имя собственное мужескаго р. **по звстие** (С. № 158).

Стран. 604, стр. 7 сн. По среднему р. образуютъ также и Н.-Булгары, говоря: ***братя***, ***Булгаря***, ***Турчя***.

Стран. 608, стр. 24 сн. Приб. Въ Д.-Русскомъ ***Древляня***.

Стран. 609 стр. 23 св. У Н.-Булгаръ есть тоже различныя окончанія *-и*, *-е*, (**-ие**) *-ове*, къ которымъ присоединяется и *-я*: послѣдніе три имѣютъ оттѣнокъ собирательнаго значенія.

Сртан. 618 стр. 16 сн. Примѣръ для именительнаго п. мн. ч. жен. р. именъ на **-ии** находимъ въ **агріе** (А. № 20).

Стран. 620, стр. 25 св. Приб. **рави** (печ., Г. III, №. 88).

Стран. 623, стр. 24 св. Вм. «словѣ» чит. для слова.

Стран 624, стр. 18 сн. Такъ же точно образованіе **-ии** производитъ въ родительномъ п. мн. ч. **-ии**, гдѣ второе **и** *—jâm*. Въ окончаніяхъ именительнаго ед. **-аи**, **-ии**, **-ои** и т. д. **и** есть перезвукъ образовательнаго *-jas*, въ которомъ

пропало **ь—аз**, но, [illegible], усилило небное *j* до полнаго звука **и**: тѣ же пріемы родительнаго мн. произвели ту же форму.

Стран. 625, Вм. 652 д. б. 625.

Стран. 648, Вм. 486 д. б. 648.

Стран. 652, стр. 10 св. Встрѣчаемъ однажды такое расположеніе словъ: **[illegible] обитока и прими и ꙁакеꙁае кралевьство; [illegible] кралевство дахъ; обитокими и обитіе кралевьство** (С. № 140), гдѣ **ми** относится къ **кралевьство**.

Стран. 661, стр. 20 св. Простая форма **нь** не попадается одна въ нашихъ памятникахъ въ мужескомъ р.; но въ другихъ родахъ она изрѣдка встрѣчается, на пр.: **но** (С. №№ 96, 98), **на** (С. №№ 98, 169), **никоре** (С. № 16)

Стран. 667, стр. 12. Въ Д.-Сербскомъ языкѣ встрѣчаемъ двѣ формы для средняго р. **чьто**, **что** и **що**, рѣдко **ща**. Въ XII-мъ в. въ Аѳонской гр-ѣ **чьто**; въ XIII-мъ в. **чьто** и **що**, то и другое въ простой и сложной формѣ, въ грамотахъ различныхъ мѣстностей; такъ: **чьто**, **что** въ гр-хъ Ш. № VII; С. №№ 2, 3, 6, 10, 18, 20, 21, 26; **що**, **[illegible]** въ гр-хъ Ш. № VII; С. №№ 3, 9, 14, 16—18, 21, 22. Отсюда видно, что въ этомъ вѣкѣ письменный языкъ былъ общнѣе и формы доступнѣе для всѣхъ семей грамотъ, какъ не разъ уже мы замѣчали. **чьто** древнѣе по законамъ звукодвиженія, чѣмъ **што**, а по тому Д.-Сербскій языкъ въ XIII-мъ в. еще помнилъ его и употреблялъ. Но въ XIV-мъ в. **чьто** удаляется въ однѣ почти церковныя гр-ы, показывая, что народность вытѣсняла его чрезъ свое **що** и оставляла на письмѣ ради Ц.-Славянскаго языка, стало быть, преимущественно тамъ, гдѣ онъ былъ сильнѣе, т. е., въ церковныхъ гр-хъ. Такъ **чьто**, **что** и т. д. находимъ въ гр-хъ: А. №№ 3—6, 14; С. №№ 51, 176; въ Законникѣ, гдѣ много Ц.-Славянскаго, и въ богословіи Западной гр-ы С. № 68. Кромѣ этого оно ни въ какой другой грамотѣ не существуетъ, тогда какъ **що** употребляется во множествѣ, даже въ тѣхъ же самыхъ гр-хъ, гдѣ **чьто**, или однородныхъ съ ними, на пр., А. №№ 4—6, 8—14, 18; Мк.; С. №№ 35, 176; Г. А. Слѣдовательно, и сдѣсь, судя по числу памятниковъ, **що** преобладало надъ **чьто**, не говоря уже о не-церковныхъ грамотахъ, гдѣ оно только одно и есть. Въ XV-мъ в. **чьто** попадается только въ слѣдующихъ грамотахъ: А. №№ 16, 19 и Мл.; въ прочихъ же всѣхъ семей **що**. И такъ, начавши съ безразличнаго употребленія **чьто** и **що** въ XIII-мъ в., Д.-Сербскій письменный языкъ дошелъ почти до полнаго отрицанія формы **чьто**; по крайней мѣрѣ, онъ уже явно выразилъ въ XV-мъ в. свой взглядъ на нее, какъ на Ц.-Славянскую.

Стран. 669, стр. 25 св. Въ Д.-Сербскихъ памятникахъ существуетъ, какъ и нынѣ, частица **но**, съ значеніемъ усиленія или ближайшаго указанія, что по-русски можно довольно удобно выразить чрезъ «именно», на пр., **имено** (С. №№ 78, 166), **конно** (З.).

Стран. 677, стр. 14 св. Приб. **вся** (печ., А. № 10, т. X.), **вьсия** (печ., А. т. XI).

Стран. 714, стр. 7 сн. Причастіе Д.-Сербское **вадя** напоминаетъ Чешское *buda* рядомъ съ *budauci*, какъ и въ другихъ глаголахъ. Сдѣсь прямое претвореніе носоваго звука.

Стран. 737, стр. 9 св. Старинное притяжательное причастіе на **-ль**: **ѡꙁрисаль** отъ **ѡꙁрисаль** писецъ гр-ы Ю. извелъ въ мѣстномъ п. ед. ч. жен. р. на **-и**: **ы ѡꙁрисали**, вмѣсто **-и**: значитъ, форма эта уже забывалась у Д.-Сербовъ, и писцы не умѣли совладѣть съ ея движеніемъ, или они произносили ее уже съ твердымъ исходомъ, какъ **-ла**. Какъ бы то ни было, если и въ твердыхъ формахъ народность вводила **-и**, то при мягкомъ исходѣ тѣмъ скорѣе могло бы стоять это окончаніе.

СПИСОКЪ ПАМЯТНИКАМЪ.

Издан.	№		
		XII-й вѣкъ.	
А. И.	—	бана Кулина. Б.	1189.
С.	1		
Ш.	IV		
А.	1	великаго жупана Немани. С. ц.	1199.
Ш.	V		
		XIII-й в.	
Ш.	VII	Стефана Первовѣнчаннаго. С. ц.	1222—1228.
Ш.	5		
С.	2	короля Радослава. С.	1234.
Ш.	IX		
С.	5	бана Нинослава. Б.	1233—1238.
Ш.	VI		
С.	4	великаго князя Андрея. Х.	
Ш.	VIII		
С.	3	Дубровника.	
Ш.	X		
С.	7	кор. Владислава. С.	
Ш.	XI		
С.	6	того же	
Ш.	XII		
С.	9	того же	
Ш.	XIII		
С.	8	Дубровника.	1238—1240.
Ш.	XIV		
С.	10	кн. Юрія. Пр.	1240—1241.
С.	12	Дубровника.	1243—1244.
Ш.	XV		
С.	13	Уроша I. С.	1248.
С.	15	вел. кн. Андрея. Х.	1248—1251.
С.	14	бана Стефана. Б.	1249.
Г. VI.	1		
С.	17	Уроша I. С.	1249—1253.
С.	16	Дубровника.	1253.
Ш.	XVI		
С.	11	Поповской общины	1253—1254.
Ш.	1		
Ш.	II	Дубровника.	
С.	18	кн. Черномира. Пр.	
С.	19	Дубровника.	1254.
Ш.	XVII		
С.	20	жуп. Радослава. Х.	
Ш.	XVIII		
С.	21	Уроша I. С.	
С.	26	Дубровника.	

С.	22	того же	1254—1272.
С.	27	королевы Елены. С.	1266—1268.
С.	24	Милутина. С.	1276.
С.	25	того же	1272—1281.
С.	31	того же	1281.
С.	32	кор. Елены. С	1289.
		XIII—XIV-й в.	
С.	23	Милутина. С.	
С.	28	того же	
С.	30	того же	
С.	33	того же	1272—1321.
С.	34	того же	
С.	51	Стефана Первовѣнчаннаго, С. ц.	
С.	52	Милутина. С. ц.	
		XIV-й в.	
А.	2	Милутина. С. ц.	1302.
А.	6	того же, ц.	1302—1305.
Мк.	—	того же, ц.	1305—1307.
А.	3	того же, ц.	1308—1317.
А.	4	того же, ц.	
С.	36	Стефана Дечанскаго. С.	1326.
А.	8	того же, ц.	1327.
С.	176	того же, ц.	1330.
Ю.	—		
С.	39	того же	1334.
С.	38	того же	1322—1336.
А.	7	того же, ц.	
А.	9	Душана. С. ц.	1342.
С.	40	того же	1345.
С.	29	того же	
С.	41	того же	
С.	42	того же	1336—1346.
А.	5	того же, ц.	
А.	11	того же, ц.	1347.
А.	10	того же, ц.	
В.	1	того же, ц.	
Ш.	11	того же, ц.	1348.
С.	35	того же, ц.	
С.	43	того же	1349.
А.	12	того же, ц.	
С.	44	Уроша V. С.	1356.
С.	46	того же	
С.-Д.М.	1		
С.	47	того же	
С.	48	того же	1357.
С.	49	того же	
С.	50	того же	
Г.	А.	того же, ц.	1358.
С.	54	того же	1360.
С.	55	того же	1362.
С.	56	кн. Воислава. С.	
А.	13	Уроша V, ц.	1365.
С.	45	того же	1356—1367.
С.	53	того же	
С.	57	бана Тврьтка. Б.	1367.
С.	59	того же	1353—1376.

С.	61	Александра. К.-А.	1367.
С.	63	Балшичей. З.	1368.
С.	62	Вукашина. С.	1370.
Ш.	14	Вука Бранковича. С. ц.	1371.
С.	64	Юрія Балшича. З.	1372.
С.	72	того же	1372—1373.
С.	58	Твердислава Углешича. С.	1371—1376.
С.	65	бана Тврьтка. Б.	1375.
С.	66	кор. Тврьтка I. Б.	1378.
А.	14	цесарицы Евдокіи. С. ц.	1379.
С.	67	Балши Балшича. З.	
В.	2	царя Лазаря. С.	1381.
Ш.	15		
В. К.	—		
С.	68	Тврьтка I. Б.	1381.
С.	70	Балши Балшича. З.	1385.
С.	71	Юрія Страшимировича. З.	1386.
С.	73	Вука Бранковича. С.	1387.
С.	77	Дубровника	
С.	69	Вука Бранковича. С.	1387—1398.
З.	—		1389.
С.	79	жуп. Санка. Т.	ок. 1391.
С.	78	Санковичей. Т.	1391.
С.	80	воев. Радича Санковича. Т.	
С.	81	кор. Дабыши. Б.	1392.
А.	15	Вука Бранковича. С. ц.	
С.	76	Дубровника	1387—1396.
А.	18	десп. Стефана. С. ц.	1389—1395.
С.	179	кор. Дабыши. Б.	1395.
С.	82	кн. Павла Радиновича. Т.	1397.
С.	83	кор. Остои. Б.	1398.
С.	84	того же	1399.
С.	85	того же	
С.	86	воев. Радича Санковича. Т.	

XIV—XV-й в.

А.	19	монахини Евгеніи. С. ц.	1395—1406.
Ю.	—		

XV-й в.

С.	87	Дубровника	1403.
С.	88	воев. Гервои. Б.	1404.
С.	89	Тврьтка II. Б.	1405.
С.	90	десп. Стефана. С.	
С.	91	Вуковичей. С.	
С.	92	кор. Остои. Б.	1409.
С.	93	воев. Сандала Х.	1410.
А.	17	десп. Стефана. С. ц.	1411.
С.	175	Вуковичей. С. ц.	1413.
С.	94	кн. Григорія. Х.	1418.
С.	95	кор. Стефана Остоича. Б.	1419.
С.	96	воев. Сандала. Х.	
С.	97	кор. Стефана Остоича. Б.	
С.	98	воев. Сандала. Х.	1420.
С.	99	кор. Тврьтка II. Б.	
С.	100	Дубровника.	1421.
С.	101	воев. Радослава Павловича. Т.	
С.	102		

С.	103	кор. Тврьтка II. Б.	1421.
С.	104	воев. Радослава Павловича. Т.	1423.
С.	105	воев. Сандала. Х.	
А.	16	десп. Стефана. С. ц.	1423—1427.
С.-Д.М. 1844	—	того же, ц.	
С.	106	Дубровника.	1427.
С.	107	воев. Радослава Павловича. Т.	
С.	111	десп. Юрія.	1428.
С.	108	Дубровника.	1429.
С.	109	того же.	
С.	113	султ. Мурада.	1430.
С.	112	Дубровника.	1431.
С.	114	воев. Радослава Павловича. Т.	1432.
С.	115	Дубровника.	1433.
С.	116	кор. Тврьтка II. Б.	
С.	117	воев. Радослава Павловича. Т.	
С.	118	воев. Юрія. Б.	1434.
С.	119	Дубровника.	1435.
С.	120	воев. Стефана Вукчича. Х.	
С.	110	Елены. Х.	1436.
С.	121	Дубровника.	
С.	122	воев. Радослава Павловича. Т.	1437.
С.	124	кн. Стефана Драгишича. Х.	
С.	123	Дубровника.	1438.
С.	125	кн. Радослава Драгишича. Х.	
С.	126	Дубровника.	
С.	127	воев. Радослава Павловича. Т.	1439.
С.	128	воев. Стефана Вукчича. Х.	1440.
С.	129	воев. Радослава Павловича. Т.	1441.
С.	130	Дубровника.	
С.	132	кн. Владислава Стефановича. Х.	
С.	74	того же.	1441—1463.
С.	133	воев. Иванша Радославича. Т.	1442.
С.	134	воев. Стефана Вукчича. Х.	1443.
С.	135	кор. Тврьтка II. Б.	
З. А.	—	кор. Өомы Остоича. Б.	
С.	136	того же.	1444.
Г. VI	2	того же.	1444—1459.
С.	137	десп. Юрія. С	1445.
С.	138	того же.	
С.	139	воев. Стефана Вукчича. Х.	1450.
С.	140	кор. Өомы Остоича. Б.	1451.
С.	141	Влатковичей. Х.	1452.
С.	142	воев. Стефана Вукчича. Х.	1453.
С.	143	того же.	
С.	144	того же.	1454.
С.	145	Радославичей. Т.	
С.	131	Даміяна. С.	1457.
С.	146	десп. Лазаря. С.	
С.	147	Стефана Юрьевича. С.	
Ш.	16	кор. Стефана Өомича. Б.	1458.
С.	148	Юрія Кастріота. А.	1459.
С.	149	того же.	
С.	150	кор. Стефана Өомича. Б.	1461.
С.	151	того же.	

С.	152	того же	
С.	153	того же	1461.
С.	154	того же	
С.	157	Дубровника	1465.
С.	155	кн. Влатка Поповича. Т.	1466.
С.	170	Жарка. Х.	
С.	156	Травунскихъ бояръ	ок. 1466.
С.	159	Цицилія. Х.	1467.
С.	172	Хлумскихъ бояръ	1468.
С.	161	воев. Владислава Стефановича. Х.	1469.
С.	158	воев. Влатка и кн. Стефана Стефановичей. Х.	1467—1470.
С.	163	тѣхъ же	1470.
С.	165	царицы Мары. С.	
С.	166	той же	
С.	167	той же	ок. 1470.
С.	37	кор. Стефана Дечанскаго. Тур. (сп.)	
С.	164	султ. Магомеда	1470—1472.
Г.	Б	царицы Мары. С. ц.	1479.
С.	168	султ. Магомеда	1480.
Мл.	—	Ивана Черноевича. З.	1485.
С.	162	воев. Владислава Стефановича. Х.	1487.
С.	169	воев. Августина Влатковича. Х.	1488.
С.	60	Черноевичей. З.	1480—1490.
С.-Д.М.	2	султ. Баязида	1492.
С.	178	Ангелины. С.	1495.
С.	171	воев. Балши Владиславича. Х.	1497.
Г. V	—	десп. Іоанна. С. ц.	1499.
С.	75	воев. Алибега Павловича. Тур.	1450—1500.
		XV—XVI-й в.	
С.	173	султ. Баязида	1481—1512.
		XVI-й в.	
А.	20	деспотицы Елены. С. ц.	1502.

Примѣчаніе. С.=Сербская грамота; Б.=Босиійская; Х.=Хлумская; Т.=Травунская; З.=Зетская; К.-А.=Кашино-Авлонская; А.=Албанская; Пр.=Приморская; Тур.=Турецкая; ц.=церковная.

СОКРАЩЕНІЯ.

А. И. — Извѣстія Императорской Академіи Наукъ по отдѣленію Русскаго языка и словесности. Т. I: грамота бана Кулина.

С. — Србскіи Споменицы: грамоты и печати.

А. — Авраамовичъ, Описаніе древностій Србски у Светой Гори: грамоты и печати.

Ш. — Шафарикъ, { Památky dřewního písemstwí Jihoslowanůw: грамоты подъ №№ I—XVIII. Serbische Lesekörner: грамоты подъ №№ 11, 14, 15, 16.

Мк. — Миклошичъ, S. J. Chrysostomi Homilia: грамота короля Милутина.

Г. — Гласникъ, ч. {
I: печати.
II: печати и грамоты { А: гр-а царя Уроша V. Б: гр-а царицы Мары.
III: монеты.
V: гр-а деспота Іоанна и монеты.
VI монеты и грамоты { № 1: гр-а бана Стефана. № 2: гр-а короля Ѳомы (?).
VII, VIII } монеты.

Ю. — Юришичъ, Дечански Првенацъ: грамота монахини Евгеніи.

В. — Востоковъ, Описаніе Румянцевскаго Музея { № 1: гр-а царя Душана. № 2: гр-а царя Лазаря.

С.-Д.М. — Сербо-Далматинскій магазинъ {
1844 г.: гр-а и печать деспота Стефана Лазаревича.
1851 г. { № 1: гр-а царя Уроша V. № 2: гр-а султ. Баязида.

В. К. — В. С. Караджичъ, Српски Рјечник. Изданіе 1-е. Предисловіе, стр. IV: грамота царя Лазаря.

З. — Законникъ царя Душана 1389 г., ст. 1—130.

Мл. — Милутиновичъ, Исторія Церне-Горе, стр. 4: грамота и печать Черноевича.

Бод. — Бодянскій: монеты.

Рейх. — Рейхель: монеты.

Шим. — Шимекъ, Politische Geschichte des Königreichs Bosnien und Rama: печати.

Р. — Раичъ, Исторія Славянскихъ народовъ: печати.

ИСТОРІЯ

СЕРБСКАГО ЯЗЫКА

ПО ПАМЯТНИКАМЪ, ПИСАННЫМЪ КИРИЛЛИЦЕЮ,

ВЪ СВЯЗИ СЪ ИСТОРІЕЮ НАРОДА.

СОЧИНЕНІЕ

А. Майкова.